

Петръ I Великій.

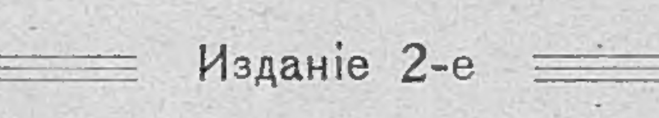
Съ гравюры по портрету, писанному Г. Кнеллеромъ въ 1697 г.

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ЗЕМЛИ—Ч. II.

С. КНЯЗЬКОВЪ

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ЕГО ВРЕМЕНИ

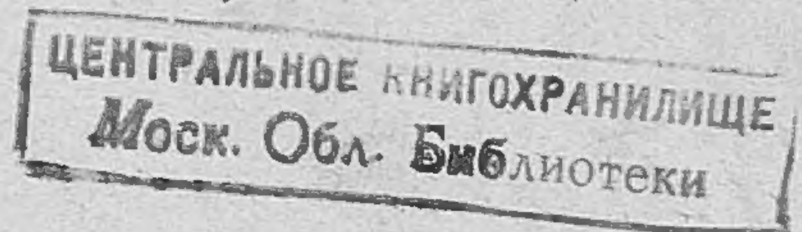

Изданіе 2-е

ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ

Съ 8 портретами Петра Великаго, напечатанными по способу Mattdruck, и 202 рис. въ текстѣ

Цѣна 2 р. 50 к.
въ переплетѣ 3 р. 25 к.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. В. ЛУКОВНИКОВА
С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2
1914

Тип. Г. Шумахера и В. Брукера (Спб., Екат. кан. 94).

ОГЛАВЛЕНІЕ

Дѣтство и юность Петра Великаго.

30 мая 1672 года, „въ отдачу часовъ ночныхъ", т.-е. на разсвѣтѣ, родился у многосемейнаго царя Алексѣя Михайловича сынъ. Это былъ его четырнадцатый ребенокъ, но первый отъ второй жены его, царицы Натальи Кирилловны.

Царь указалъ немедленно послать „съ вѣстью" объ этомъ радостномъ событіи къ боярамъ, окольничьимъ, ближнимъ людямъ, къ гостямъ, ко всѣмъ придворнымъ чинамъ. Въ пять часовъ утра уже заблаговѣстили въ большой соборный колоколъ къ молебну. Тогда же состоялся и торжественный царскій выходъ.

Въ сопровожденіи грузинскаго, касимовскаго и сибирскаго царевичей, бояръ, окольничьихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, полковниковъ солдатскихъ выборныхъ полковъ и головъ стрѣлецкихъ приказовъ, шествовалъ царь Алексѣй въ Успенскій соборъ къ молебну. Послѣ молебна митрополитъ—это было время междупатріаршія—и высшее духовенство поздравляли государя съ новорожденнымъ, затѣмъ поздравляли высшіе чины—синклитъ, отъ лица которыхъ знатнѣй-

шій членъ, грузинскій царевичъ Николай, произнесъ обычную поздравительную рѣчь.

Возвратившись во дворецъ, государь пожаловалъ чинами окольничьихъ отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, и своего друга Артамона Сергѣевича Матвѣева, воспитателя царицы. Послѣ обѣдни царь угощалъ въ Передней палатѣ, по обычаю, водкой, винами и разными сластями всѣхъ участвовавшихъ въ торжественномъ выходѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.
Изъ „Титулярника".

Наступившій черезъ два дня Петровъ постъ заставилъ отложить крестины и торжественный пиръ по этому случаю до розговѣнья. 29 іюня, въ Петровъ день, царевичъ былъ крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ и нареченъ Петромъ.

На другой день, 30 іюня, послѣ обѣдни собрались во дворцѣ духовенство „съ образы и дары", бояре, думные люди, дворцовые чины, гости, выборные отъ гостиной, суконной и черныхъ сотенъ, отъ слободъ, отъ городовъ—тоже все съ дарами и подношеніями. Всѣхъ собравшихся пригласили въ Грановитую палату къ родинному столу. Родинный столъ особенно изобиловалъ, кромѣ другихъ угощеній, разными сластями—„сахарами" по-тогдашнему. Столъ новорожденнаго царевича ломился подъ издѣліями старинныхъ русскихъ кондитеровъ. Чего тутъ только ни было: и пряники, и коврижки, и литье изъ леденца и сахара. Большая коврижка на царскомъ столѣ изображала гербъ Московскаго государства; два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, такой же лебедь - два пуда, утя—полпуда, попугай—полпуда. Былъ сдѣланъ и „городъ сахарный, кремль съ людьми, съ конными и пѣшими", и „другой городъ четыреугольный съ пушками". У царицы было поставлено такое же угощеніе для боярынь.

Каждому изъ гостей поднесли по большому блюду съ разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами, сушеными ягодами и

фруктами, корицей, арбузными и дынными полосами въ сахарѣ—„сукатами“ и т. п. Количество подносимыхъ каждому сластей зависѣло отъ чина гостя: люди высшихъ чиновъ получали всего больше и разнообразнѣе, люди меньшіе и получали меньше.

Раздавались эти гостинцы послѣ стола, и каждый уносилъ свое съ царскаго пира домой. Тѣмъ изъ знати, которые почему-либо, по службѣ или по болѣзни, не могли быть на пиру, посылали гостинцы на домъ. Черезъ четыре дня былъ справленъ еще пиръ—крестный, и тогда только закончились придворныя торжества по случаю рожденія царевича.

Еще на третій день жизни царевича царь Алексѣй велѣлъ, по обычаю, снять съ дитяти мѣру—долготу и широту—и въ эту мѣру знаменитому придворному иконописцу Симону Ушакову велѣно было написать на кипарисной доскѣ образъ Живоначальныя Троицы и ап. Петра. Эта мѣра рожденія водружена теперь надъ гробницей императора. Младенецъ оказался очень крупный: „мѣра“ его — одиннадцать вершковъ въ длину и три въ ширину.

Царица Наталья Кирилловна.
Съ портрета въ Романовской галлереѣ.

„Когда родится царевичъ,—разсказываетъ Котошихинъ,—на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую, млекомъ сладостную и здоровую, и живетъ она въ верху у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ вознагражденіемъ. Для присмотра же приставляютъ мамку, боярыню честную, вдову старую, да няньку съ прислужницами“. И къ царевичу Петру тоже былъ назначенъ этотъ штатъ, на попеченіи котораго ему предстояло жить до пятилѣтняго возраста.

Царевичъ со всѣмъ приставленнымъ къ нему дворомъ жилъ въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ, обитыхъ сукномъ, а одна комната была обита даже посеребренными кожами. Между оконъ простѣнки были обложены хлопчатой бумагой и по полотну тафтой, чтобы не дуло отъ стѣнъ. Слюдяныя оконницы были богато расписаны.

Мастеру Ивану Солтанову приказали написать въ хоромы царевича оконницу: „въ кругу орла, по угламъ травы по слюдѣ: а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ вскврзь видно было, а съ подворья въ хоромы чтобъ не видно было“.

Младенцу не исполнилось еще и пяти мѣсяцевъ, какъ ему нашили множество всякаго носильнаго платья по тому образцу и фасону, какъ носили взрослые; тутъ были и „золотые кафтанцы“, и зипунъ—короткій кафтанецъ изъ бѣлаго атласа на собольихъ пупкахъ, съ пятью золотыми пуговками, и кафтанъ изъ объяри*) по червчатой землѣ, по ней струи и травы золотыя съ серебромъ, въ длину аршинъ, въ плечахъ полъ-аршина, рукава длиной $8^1/_2$ вершковъ; въ подолѣ ширина $2^1/_2$ аршина—вездѣ пущено съ большимъ запасомъ; скроили ему тогда же и холодный кафтанецъ, обшитый кружевомъ нѣмецкимъ плетенымъ, и ферязь алую съ серебромъ, съ запонами, низаными жемчугомъ, и съ двумя завязками съ серебряными кистями, тоже низаными жемчугомъ. Было у пятимѣсячнаго царевича и нѣсколько богатыхъ шапокъ, усыпанныхъ жемчугомъ съ каменьями, и такихъ же башмаковъ.

На шестомъ мѣсяцѣ Петръ началъ уже ходить, и тогда ему сдѣлали „походячія кресла“ на колесахъ, обитыя краснымъ атласомъ по хлопчатой бумагѣ. Ребенокъ „бѣ возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ“, — замѣчаетъ одинъ изъ первыхъ біографовъ Петра Великаго.

Само собою разумѣется, что въ игрушкахъ недостатка не было. Годовалому ребенку къ именинамъ сдѣлали „потѣшную лошадку“ во всемъ уборѣ. Потомъ ему подарили „потѣшный стулецъ“ — на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ разъѣзжалъ по комнатамъ. Были у него „клевикорды“ съ мѣдными струнами, „цимбальцы“ и „страменцы“, т.-е. органчики и дудки. Цимбальцы и страменцы часто носили въ Оружейную палату на починку,— живой, подвижной ребенокъ то выломаетъ зубья въ цимбальцахъ, то струны въ клевикордахъ попортитъ, то сомнетъ и сломаетъ дудку; одинъ разъ понадобилось купить 204 иглы, чтобы починить царевичевы цимбальцы. На Святой ребенку устраивали качели, зимой онъ катался съ горъ.

Двухъ лѣтъ онъ уже участвуетъ въ торжественномъ выѣздѣ своего отца, сидя въ собственной своей каретѣ, подаренной ему Артамономъ Матвѣевымъ. По разсказу очевидца-иностранца, вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ съ 200 скороходовъ, за нимъ вели двѣнадцать рослыхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей царицыной кареты, покрытыхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки „пигмейной“ породы; по бокамъ шли четыре карлика; такой же уродецъ ѣхалъ сзади верхомъ на крохотномъ конькѣ.

По мѣрѣ того, какъ мальчикъ росъ, мѣнялся и характеръ его игрушекъ. Если въ 1675 г. ему еще дѣлали „потѣшную бабу“ въ полномъ нарядѣ, т.-е. попросту большую куклу, то скоро въ дѣтской маленькаго царевича уже нѣтъ другихъ игрушекъ, кромѣ

---

*) Объярь—плотная шелковая ткань съ продольнымъ рисункомъ.

военныхъ. Въ мастерскую Оружейной палаты съ этихъ поръ приносятъ на починку прорванные барабаны, сломанные потѣшные луки и пистоли; тамъ же изготовляютъ новыя игрушки, расписываютъ ихъ золотомъ и краской, и все это неудержимой волной идетъ „на верхъ", въ маленькія, но уже бойкія и дѣятельныя руки молодого царевича и его товарищей по играмъ, разныхъ „робятокъ"—дѣтей знатныхъ и незнатныхъ придворныхъ.

Есть извѣстіе, что царь Алексѣй приказалъ сформировать особый солдатскій полкъ имени своего младшаго сына и считать царевича полковникомъ этого полка. Конечно, это должно было сильно отразиться на играхъ и вкусахъ мальчика. Дѣйствительнымъ полковникомъ этого Петрова полка назначили, конечно, взрослаго человѣка—нѣкоего Павла Менезіуса, родомъ изъ Шотландіи. Это былъ очень образованный человѣкъ, знатокъ многихъ языковъ, объѣздившій чуть не всю Европу. Менезіусъ, надо думать, по своему званію Петрова полка полковника, бывалъ „на верху", и въ лицѣ его, такимъ образомъ, можно видѣть перваго иностранца, который былъ извѣстенъ Петру.

Петръ Великій въ возрастѣ около 10 лѣтъ.
Съ рисунка въ книгѣ „Корень россійскихъ государей".

Когда царевичу пошелъ пятый годъ, къ нему „для береженія и наученія опредѣлили боярина честью великаго, тихаго, разумнаго Родіона Матвѣевича Стрѣшнева и думнаго дворянина Тихона Никитича Стрѣшнева".

Царь Алексѣй скончался, когда его младшему сыну шелъ четвертый годъ, и опекуномъ царевича Петра сдѣлался братъ его и крестный отецъ, царь Θеодоръ Алексѣевичъ. Царь Θедоръ, какъ разсказываютъ, „вельми любляше царевича и, зрѣнія его ради, по часту прихожаше къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ", которую, впрочемъ, не очень долюбливалъ, какъ и ея родню Нарышкиныхъ.

Когда Петру пошелъ шестой годъ, царь Θедоръ сталъ говорить царицѣ Натальѣ, что пора бы крестника грамотѣ учить. Царица соглашалась и просила царя найти учителя кроткаго, смиреннаго, божественное писаніе вѣдущаго. Бояринъ Соковнинъ, присутствовавшій при одномъ изъ такихъ разговоровъ, сказалъ, что есть у него на примѣтѣ мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ—Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ. Государь тутъ же отдалъ приказъ представить ему Зотова. Разсказываютъ, что еще царь

Алексѣй позаботился объ ученіи грамотѣ своего младшаго сына и заказалъ лучшему писцу того времени написать для маленькаго Петра азбуку-букварь и часословъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора Соковнинъ, не объявляя Зотову—зачѣмъ и почему, привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Немного спустя вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ спальникъ и спросилъ:

— Кто здѣсь Никита Зотовъ?

Зотовъ съ поклономъ выступилъ впередъ.

— Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ!—сказалъ комнатный.

При этихъ нежданныхъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Тогда комнатный взялъ за руку обомлѣвшаго Зотова и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но Зотовъ все никакъ не могъ оправиться и сталъ просить, чтобы дали ему хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного и отдышавшись, сотворилъ онъ крестное знаменіе и истово, тихими стопами пошелъ за спальникомъ во внутренніе покои къ царскому величеству.

Государь милостиво принялъ Зотова, пожаловалъ его къ рукѣ и велѣлъ читать передъ собой и писать. При этомъ испытаніи присутствовалъ ученый архіерей Симеонъ Полоцкій, который, разсмотря писаніе и выслушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, „яко право то писаніе и глаголъ чтенія“. Послѣ этого выдержаннаго экзамена Соковнинъ отвелъ Зотова къ царицѣ. Государыня встрѣтила пришедшихъ, держа за руку маленькаго Петра.

— Извѣстна я о тебѣ,—сказала она, обращаясь къ Зотову:—что ты житія благого и божественное писаніе знаешь; вручаю тебѣ единороднаго сына моего. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію и писанію.

Услышавъ повелѣніе царицы, Зотовъ упалъ, „весь обліяся слезами“, къ ея ногамъ и, трясясь отъ страха и слезъ, еле проговорилъ:

— Нѣсмь достоинъ пріяти въ хранилище мое толикое сокровище...

Но государыня велѣла встать робкому учителю и повторила:

— Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять; о добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна.

„Зотовъ же, — говоритъ повѣствователь, — не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество". Тогда государыня настойчиво приказала ему встать, пожаловала къ рукѣ и велѣла явиться завтра утромъ и начать обученіе царевича.

Утромъ слѣдующаго дня, въ присутствіи царя Ѳедора, патріархъ отпѣлъ молебенъ, окропилъ новаго ученика святой водою, благословилъ его и вручилъ Зотову. Зотовъ посадилъ царевича на мѣсто, разогнулъ букварь, далъ ученику указку и, сотворивъ ему земное поклоненіе, началъ ученье. Послѣ перваго урока учитель былъ щедро награжденъ.

Застѣнчивый и скромный человѣкъ, какимъ рисуется въ этомъ разсказѣ учитель Петра Великаго, оказался очень дѣльнымъ и знающимъ свое дѣло. Онъ не только проходилъ съ царевичемъ обычный курсъ стариннаго русскаго школьнаго знанія— отъ букваря и часослова до „Дѣяній и Евангелія, но и пополнялъ его, какъ умѣлъ, разными повѣствами. По праздникамъ онъ разсказывалъ царевичу „исторіи"—дѣла храбрыхъ и мудрыхъ царей. Воспользовался Зотовъ общей всѣмъ дѣтямъ страстью своего ученика къ книжкамъ съ картинками. Онъ сказалъ царицѣ, что хорошо бы составить такія картины, на которыхъ вмѣсто потѣшныхъ рисунковъ были бы „учительные". Царица Наталья приказала тогда выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія „книги съ куншатами, и всея Россіи книги съ рисунками градовъ, и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ". Среди этихъ книгъ были, вѣроятно, и тѣ, которыя царь Алексѣй выписалъ изъ Рима отъ аббата Скарлати: то были „персоны" всѣмъ римскимъ церквамъ, дворцамъ и инымъ достопримѣчательностямъ, съ обозначеніемъ ихъ мѣры въ ширину и длину, съ указаніемъ, „въ которомъ году и при которомъ цесарѣ и папѣ костелы и въ костелахъ святыхъ мощи положены", и описаніе домовъ прежнихъ цесарей и папъ и иныхъ замѣчательныхъ древностей. За все присланное собраніе было заплачено три фунта мускуса сибирскаго, да за почтовые расходы выдано было аббату 15 червонцевъ. По этимъ и другимъ рисункамъ и книгамъ мастера-художники Оружейной палаты расписали „драгимъ мастерствомъ", красками: „грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописьми", т.-е. съ текстомъ.

„Куншты" эти Зотовъ развѣсилъ по хоромамъ царевича. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ его рукъ книгу и, въ увеселеніе, сказывалъ: „о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла, и дальніе нужные походы, бои, взятіе городовъ и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народу, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили.

Такъ повѣдалъ дѣла великаго князя Димитрія Донского и дѣла князя Владимира и Александра Невскаго и о прочихъ". Чтобы представить все это наглядно, учитель водилъ царевича изъ одной комнаты въ другую, снималъ съ полокъ нужныя книги, указывалъ соотвѣтствующіе разсказу „куншты" и попутно знакомилъ его не только съ „исторіями", но и съ начатками другихъ наукъ. Все это, конечно, проходилось и разсказывалось лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которыхъ достигали умъ и знаніе образованнаго русскаго начетчика XVII вѣка, какимъ былъ Никита Зотовъ. Это было немного, но все же давало нѣчто здоровое и цѣнное въ смыслѣ свѣдѣній и, во всякомъ случаѣ, пробуждало любознательность и создавало благодарную почву для посѣва дальнѣйшихъ знаній въ душѣ и умѣ даровитаго ребенка. Маленькій Петръ скоро и легко прошелъ всю зотовскую науку: читалъ „остро и памятью", т.-е. наизусть, Евангеліе и Апостолъ, зналъ кругъ церковной службы, сносно писалъ и умѣлъ пѣть на клиросѣ „по крюкамъ", т.-е. по нотамъ.

Къ одиннадцатому году своей жизни царевичъ Петръ былъ здоровымъ, сильнымъ мальчикомъ, „съ открытымъ прелестнымъ лицомъ, въ коемъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества", какъ разсказываетъ секретарь шведскаго посольства, видѣвшій Петра въ этомъ возрастѣ.

Годы дѣтскаго ученія проходили для Петра въ трудной и тяжелой домашней обстановкѣ. Смерть царя Алексѣя и воцареніе старшаго его сына Ѳедора отодвинули царицу Наталью и ея родню, Нарышкиныхъ, на задній планъ. Во дворцѣ первое мѣсто заняли сестры царя Ѳедора и ихъ общіе родственники по матери—Милославскіе. Среди придворныхъ козней и интригъ погибло тогда же вліяніе Артамона Матвѣева, воспитателя царицы Натальи: онъ былъ лишенъ имущества и званія и сосланъ въ Пустозерскъ. Сама царица Наталья принуждена была затвориться въ селѣ Преображенскомъ подъ Москвой и рѣдко показывалась при дворѣ.

Въ уединенномъ преображенскомъ дворцѣ создалось довольно-таки душное и скорбное настроеніе постоянныхъ жалобъ и упрековъ на судьбу и людей. Царица, ея родня и приверженцы тужили, жаловались на обиды и притѣсненія, толковали о своихъ дѣлахъ, думали-гадали, что ожидаетъ ихъ впредь, бранили враговъ и противниковъ, разбирали ихъ дѣйствія и поступки, ждали отъ нихъ всего худого и злого, свое Преображенское, навѣрное, сравнивали съ Угличемъ и со страхомъ и ожесточеніемъ думали о судьбѣ царевича, о новыхъ Годуновыхъ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ малолѣтняго Петра заставляли жаловаться царю Ѳедору на „новаго Годунова"—боярина Языкова, по настоянію котораго отобрали у царицы Натальи какія-то комнаты въ хоромахъ, хотя тогда же пристроили къ ея помѣщенію, взамѣнъ отобранныхъ, новыя.

Мальчикъ все это слушалъ, и въ душу ему западали сѣмена глубокаго недовѣрія къ теткамъ и ихъ роднѣ. Его тянуло вонъ

изъ скучныхъ комнатъ дворца, гдѣ онъ слышалъ только оханья да скорбные вздохи о томъ: что-то будетъ, что-то станется, причемъ самыя черныя предположенія высказывались съ большой убѣжденностью въ ихъ неминуемомъ осуществленіи. Ребенокъ старается уходить изъ этихъ скучныхъ комнатъ, отъ этихъ нудныхъ вздоховъ и нытья. Онъ постоянно, всякую свободную минуту на дворѣ. У хоромъ его устроена площадка, на которой поставленъ потѣшный деревянный шатеръ и потѣшная изба — это нѣчто въ родѣ лагеря: площадка окружена рогатками, и среди нихъ стоятъ потѣшныя пушки, изъ которыхъ можно стрѣлять деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Царевичъ играетъ не одинъ, его окружаетъ толпа сверстниковъ, и Оружейная палата усердно поставляетъ нужное для игръ оружіе, шьетъ „робяткамъ“ кафтаны, кушаки, шапки. Царевичевы карлики въ этой же компаніи — наряжены въ малиновые суконные кафтанцы съ золочеными пуговицами.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ (1666—1696).
Съ гравюры Ф. Маттернови.

28-го апрѣля 1682 г. скончался слабый и болѣзненный царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Въ правительствѣ всталъ вопросъ, кому быть на царствѣ: старшему, болѣзненному и слабоумному царевичу Ивану Алексѣевичу, или малолѣтнему, но здоровому и многообѣщающему царевичу Петру. Этотъ вопросъ поставилъ передъ собравшимся „синклитомъ“ патріархъ. Высшіе чины не протестовали противъ постановки такого вопроса и порѣшили только, что избранію царя слѣдуетъ быть съ общаго согласія людей всѣхъ чиновъ Московскаго государства, т.-е. земскаго собора.

Соборъ созванъ не былъ, вмѣсто того патріархъ вышелъ на крыльцо передъ церковью Спаса за золотой рѣшеткой и спросилъ собравшихся тамъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, всѣхъ чиновъ служилыхъ людей, гостей, гостиной, суконной, черныхъ сотенъ и иныхъ чиновъ людей—кому быть на престолѣ великаго россійскаго царствія? Почти единогласный отвѣтъ всѣхъ собравшихся назвалъ имя Петра.

Возвратясь во дворецъ, патріархъ сообщилъ, что услышалъ, боярамъ и спросилъ ихъ мнѣнія. Бояре всѣ тоже согласились, что

быть на царствѣ слѣдуетъ царевичу Петру. Тогда патріархъ со всѣми боярами отправился въ покои почившаго царя, гдѣ находился Петръ со своею матерью, и благословилъ его на царство. Потомъ привелъ къ присягѣ всѣхъ присутствовавшихъ, послѣ чего всѣ были допущены къ цѣлованію руки новаго царя.

Такая поспѣшность и обстановка избранія не могли обѣщать мира и спокойствія. Нѣкоторые отказывались присягать, какъ, напримѣръ, стрѣлецкій полкъ Карандѣева; другіе твердили, что не ладно то сдѣлано: отдали престолъ малому мимо стараго; третьи указывали на незаконность самаго способа избранія. Что царевичъ Петръ сталъ царемъ не совсѣмъ по праву, чувствовали и приверженцы Петра, тѣ, кто хотѣли видѣть его на престолѣ: нѣкоторые изъ нихъ явились во дворецъ въ день провозглашенія Петра царемъ, одѣвъ панцыри подъ кафтаны и, вѣроятно, вооруженные.

Родственники царевича Ивана какъ будто бездѣйствовали, но съ событіемъ не помирились. Царя Ѳедора хоронили на другой день по кончинѣ. Въ Успенскій соборъ вдругъ неожиданно явилась царевна Софія. Это появленіе царевны, дѣвицы, въ храмѣ являлось въ глазахъ „синклита“ и народа нарушеніемъ всѣхъ придворныхъ обычаевъ; вдовствующія царицы оскорбились; Наталья Кирилловна даже ушла изъ храма, поклонясь гробу до обѣдни и отпѣванія; царевна Софія осталась до конца погребальнаго чина. Разсказываютъ, что она, провожая тѣло брата въ Архангельскій соборъ, жалостливо вопила на весь народъ и причитала:

— Извели нашего любезнаго брата злые люди, остались мы круглыми сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки ни матушки, никакого заступника, братца нашего Ивана Алексѣевича на царство не выбрали. Сжальтесь, православные, надъ нами сиротами. Если въ чемъ мы провинились передъ вами, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли къ королямъ христіанскимъ...

Такъ опредѣлилось то лицо, которое стало знаменемъ для всѣхъ недовольныхъ избраніемъ Петра и дѣятельнымъ руководителемъ направленныхъ противъ него мѣръ и козней. Царевна Софія по силѣ характера и уму—родная сестра Петра. Некрасивая собой, нестройная, тучная, старообразная лицомъ, она отличалась бойкостью слова, хитростью, вкрадчивостью: „великаго ума и проницательства, больше мужеска ума исполнена дѣва“,—говоритъ о ней современникъ. Воспитанница Симеона Полоцкаго, она была хорошо образована по-тогдашнему, много читала и даже сама дерзала составлять вирши и ораціи. Царь Ѳедоръ очень любилъ свою сестру, и она была главнымъ его довѣреннымъ лицомъ.

Когда царь былъ боленъ и не могъ покинуть постели, царевна Софія сидѣла возлѣ и ухаживала за болящимъ, утѣшая его и помогая ему. Возлѣ царя она сблизилась съ первыми сановниками государства—особенно съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и съ княземъ И. А. Хованскимъ.

Конечно, она не могла примириться съ воцареніемъ младшаго брата и естественнымъ возвышеніемъ при немъ его родни Нарышкиныхъ. Царевнѣ Софіи рисовался образъ византійской царевны Пульхеріи, которая, взявши власть изъ слабыхъ рукъ своего болѣзненнаго брата Ѳеодосія, долго и славно правила Византіей. Софія хотѣла, чтобы царемъ сдѣлался ея братъ Иванъ, человѣкъ болѣзненный и слабоумный, а она при немъ мечтала стать русской Пульхеріей. На этой почвѣ между ней и приближенными царя Ѳедора, которыхъ грозили оттѣснить теперь отъ власти и значенія въ государствѣ Нарышкины, образовался союзъ съ цѣлью возвести на престолъ царевича Ивана, опираясь на его право старшинства передъ Петромъ. Царевна Софія, ея благопріятели и родственники по матери, съ И. М. Милославскимъ во главѣ, рѣшили для начала поднять стрѣльцовъ, давно уже волновавшихся вслѣдствіе недовольства своими полковниками и правительствомъ, задерживавшимъ платежъ стрѣлецкаго жалованья и обращавшимъ мало вниманія на ихъ жалобы противъ полковниковъ.

Правительница царевна Софія.
Со старинной гравюры.

И вотъ черезъ двѣ недѣли послѣ воцаренія Петра, 15 мая 1682 г., стрѣльцы ворвались въ Кремль, проникли въ самый дворецъ и перебили тѣхъ лицъ, которыхъ царевна Софія и ея сторонники считали для себя опасными. Петръ слышалъ весь шумъ и гвалтъ бунта, видѣлъ поднятое оружіе, угрозы топорами его близкимъ. Онъ стоялъ рядомъ съ братомъ, котораго стрѣльцы спрашивали:—подлинно ли это онъ, царевичъ Иванъ Алексѣевичъ? Русскіе послы разсказывали потомъ въ Голландіи, что ребенокъ Петръ во все это время не измѣнился въ лицѣ и не выказывалъ страха.

Три дня буйствовали стрѣльцы и заставляли правительство

исполнять все, что хотѣли. 18-го мая они потребовали пострижeнія въ монахи дѣда царя Петра по матери, К. И. Нарышкина; 19-го били челомъ о выдачѣ стрѣлецкому войску 240.000 руб. въ награду за искорененіе измѣнниковъ; 15-го мая стрѣльцы подали челобитную, чтобы царевичу Ивану быть тоже царемъ; 26-го мая выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ явились во дворецъ и потребовали, чтобы старшій братъ Иванъ признавался первымъ царемъ, а младшій Петръ—вторымъ. Патріархъ представилъ боярамъ требованіе стрѣльцовъ, сопровождавшееся угрозой все разнести, „учинить мятежъ велій", если ихъ требованіе не будетъ исполнено. Опасаясь повторенія дня 15 мая, „синклитъ" согласился, и патріархъ тотчасъ же совершилъ въ Успенскомъ соборѣ торжественное молебствіе о здравіи двухъ нареченныхъ царей. Наконецъ, 29-го мая стрѣльцы изъявили настоятельное желаніе, чтобы царевна Софія Алексѣевна приняла на себя управленіе государствомъ по причинѣ малолѣтства ея братьевъ. Такимъ образомъ царевна Софія сдѣлалась правительницей государства. При дворѣ и въ правительствѣ опять появились новые люди. Царица Наталья Кирилловна должна была вмѣстѣ съ сыномъ — *вторымъ* царемъ — удалиться отъ двора и зажила уединенной жизнью въ селѣ Преображенскомъ.

Для ребенка не могли пройти безслѣдно всѣ эти событія его жизни. Вѣдь вчера еще только онъ былъ предметомъ общаго поклоненія въ кремлевскихъ палатахъ, видѣлъ кругомъ довольныя лица матери, родныхъ и близкихъ, сановитые бояре, съ окладистыми бородами, въ бархатныхъ и парчевыхъ одѣяніяхъ, подходили къ его рукѣ съ низкими поклонами, имя его возглашалось самимъ патріархомъ, какъ имя великаго государя, царя и самодержца. Затѣмъ настали страшные дни стрѣлецкаго мятежа, и вотъ не прошло и мѣсяца, а онъ уже „второй" царь; правитъ государствомъ не мать, а сестра, и, вмѣсто пышныхъ кремлевскихъ покоевъ, ему приходится жить въ небольшомъ преображенскомъ дворцѣ, который опять наполняютъ опасенія, скорбь, гаданія о будущемъ, печаль по убитымъ стрѣльцами родственникамъ, ненависть къ захватчикамъ власти.

Подросшій ребенокъ теперь еще больше уходитъ въ игры, къ играмъ же онъ бѣжитъ и отъ участія въ скучныхъ и утомительныхъ дворцовыхъ торжественныхъ пріемахъ. При первой возможности Петръ стремится уѣхать подальше отъ дворца: съ великой неохотой ѣздитъ въ Кремль, гдѣ нужно бывать ради различныхъ церемоніальныхъ случаевъ, и все свое время проводитъ за городомъ: въ Воробьевѣ, въ Преображенскомъ, да и тамъ старается поскорѣе уйти на воздухъ, въ поле, въ лѣсъ со своими „робятками". Игра съ ними пріобрѣтаетъ уже настоящій воинскій характеръ. Изъ Оружейной палаты, изъ разныхъ приказовъ безпрестанно везутъ и несутъ по требованію „царскаго величества" теперь уже не игрушечныя пищали, карабины, мушкеты, копья, стрѣлы; въ торговыхъ рядахъ покупаютъ то, чего не находятъ въ казенныхъ запасахъ. Для игры

скоро требуется уже порохъ и свинецъ, хорошо пристрѣленные карабинцы, по-настоящему расшитыя знамена.

Военныя забавы собрали около Петра еще при жизни царя Ѳедора порядочную толпу молодыхъ людей изъ придворныхъ чиновъ и придворныхъ служителей. 11-ти лѣтъ отъ роду, въ 1683 году, Петръ уже во главѣ цѣлаго отряда занимается настоящей стрѣльбой изъ мушкетовъ. Въ 1685 г. его „потѣшные", какъ назывались эти товарищи его игръ, одѣты въ иноземные солдатскіе кафтаны и подъ барабанный бой маршируютъ полковымъ строемъ черезъ Москву изъ Преображенскаго въ Воробьево. Самъ Петръ служитъ барабанщикомъ.

Въ „барабанную науку", какъ тогда говорили, послѣ царя стали записываться въ его потѣшный полкъ и люди знатные. Въ 1686 г. четырнадцатилѣтній царь заводитъ при своихъ потѣшныхъ артиллерію. Огнестрѣльный мастеръ, капитанъ Ѳедоръ Зоммеръ, показываетъ царю гранатное и огнестрѣльное дѣло. Изъ Пушкарскаго приказа доставили шестнадцать пушекъ, скоро потребовалось и еще, появился оркестръ военной музыки. Для управленія такими тяжелыми предметами, какъ пушки, молодой царь беретъ изъ Конюшеннаго приказа охочихъ къ военному дѣлу взрослыхъ служителей—стряпчихъ конюховъ: Сергѣя Бухвостова, Якима Воронина, Данилу Кортина, Ивана Нагибина, Ивана Іевлева, Сергѣя Черткова и Василія Бухвостова. Всѣ эти стряпчіе конюхи опредѣляются потѣшными пушкарями. Къ этимъ взрослымъ людямъ скоро присоединились охотой и присоединены были по наряду другіе, да и сверстники Петра, его робятки, къ 1686 г. подросли настолько, что строя не портили. Военныя увеселенія принимаютъ тогда совсѣмъ серьезный характеръ. Потѣшные уже въ строю, у нихъ пищали, пушки, знамена. Одѣты они въ мундиры иноземнаго образца. Первымъ одѣлъ иноземный мундиръ Сергѣй Бухвостовъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ солдатъ среди потѣшныхъ. Впослѣдствіи Петръ заказалъ бронзовый бюстъ этого перваго русскаго солдата, какъ онъ называлъ Бухвостова.

Солдатъ выборнаго солдатскаго полка Гордона, или Бутырскаго полка.

Потѣшный полкъ сталъ называться Преображенскимъ, по мѣсту своего расквартированія—селу Преображенскому подъ Москвой. Съ 1691 г. Петръ—сержантъ Преображенскаго полка, и мать жалуетъ ему сержантскій кафтанъ краснаго сукна, какъ кажется, сдѣланный не по формѣ: должно-быть, царица плохо разбиралась въ тонкостяхъ военной одежды, ибо преображенскіе мундиры опредѣлены къ этому времени темно-зеленаго цвѣта, однобортные, съ золотыми шнурами и серебряными пуговицами.

Въ Преображенскомъ, противъ дворца, на берегу Яузы былъ построенъ „потѣшный городокъ", т.-е крѣпостца, со стѣнами, башнями, окопами, бастіонами, наполовину деревянная, наполовину земляная, укрѣпленная по всѣмъ правиламъ науки капитаномъ Зоммеромъ. При постройкѣ крѣпости Петръ самъ дѣятельно работалъ, возилъ въ тачкѣ землю, помогалъ рубить бревна, устанавливать пушки. Крѣпостцу свою онъ назвалъ Пресбургомъ, или, по русскому произношенію, Прешпурхомъ, вѣроятно, по имени знаменитой въ то время австрійской крѣпости Пресбургъ, о которой онъ слышалъ отъ капитана Зоммера, или которую видѣлъ на картинкѣ.

Первый россійскій солдатъ С. Л. Бухвостовъ. Съ гравюры М. Махаева.

Устроивъ крѣпость, стали осаждать ее, раздѣливши потѣшныхъ, подкрѣпленныхъ придворными служителями, на двѣ части. Крѣпость, конечно, была взята приступомъ. Эти потѣшныя осады и взятія повторялись еще не разъ и потомъ. Тогда же, въ 1686 г., появились подъ Прешпурхомъ на Яузѣ и первыя потѣшныя суда—большой шнякъ и стругъ съ лодками. Для большаго подъема воды въ томъ же году запрудили Яузу плотиной при впаденіи ея въ Москву-рѣку.

Постройка потѣшнаго городка, стрѣльба изъ пушекъ и ружей, разныя военныя упражненія, устройство потѣшнаго полка—все это вызывало множество вопросовъ у любознательнаго ребенка. Живой, нетерпѣливый, онъ требовалъ отвѣтовъ сейчасъ же. Окружавшіе его русскіе люди не всегда могли и умѣли отвѣчать на вопросы царя относительно артиллеріи, фортификаціи, кораблестроенія. Преданіе, подтвержденное разсказомъ самого Петра, сохранило одну любопытную сценку въ этомъ родѣ. Отъѣзжавшій посломъ въ Западную Европу князь Яковъ Долгорукій, впослѣдствіи знаменитый сподвижникъ Петра, явился къ нему въ Преображенское откланяться. Вѣроятно, Петръ сталъ разсказывать князю Якову о

какихъ-нибудь затрудненіяхъ, которыя приходилось испытывать при распланировкѣ и съемкахъ лагерей, быть-можетъ, самого даже Прешцурха, о трудности опредѣлять разстояніе при стрѣльбѣ и т. п. Но только князь Яковъ сказалъ, что былъ у него инструментъ нѣмецкій, которымъ можно было узнавать разстоянія, не сходя съ мѣста, не измѣряя шагами, да только этотъ инструментъ у него украли.

Петръ очень заинтересовался такой диковиной и приказалъ князю Якову купить этотъ инструментъ за границей. Только черезъ два года, въ 1688 г., вернулся князь Яковъ; порученіе привезти диковинный инструментъ было имъ исполнено. „Я, получа оный,—писалъ впослѣдствіи Петръ,—не умѣлъ его употреблять. А инструменты были астролябія да кокоръ, или готовальня съ

Інако многия онами (т.-е. нулями) не умножают а толко ставят он противъ она ┼ потому хотя і въсю строку і тавишъ аднака въ одицию (сложеніе) взят их нелзя

┼ какъ въ өигуре (в) видет возможъно

Изъ учебной тетради Петра Великаго.

циркулями и прочимъ. Но потомъ объявилъ я его дохтуру Захару фонъ-деръ-Гульсту, что не знаетъ де ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оной дохтуръ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеписанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ ихъ, сказалъ тѣ же слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо съ охотою присталъ учиться геометріи и фортификаціи"...

Науку пришлось начать съ изученія первыхъ четырехъ правилъ ариөметики и началъ геометріи.

Тиммерманъ оказался неважнымъ учителемъ: онъ самъ дѣлалъ ошибки въ мало-мальски большомъ дѣленіи, но Петръ не давалъ ему покоя, сидѣлъ днями за писаньемъ, счетомъ, выкладками. До

насъ дошли въ сохранности учебныя тетради Петра. Писано тамъ все наспѣхъ, съ помарками и кляксами, не очень привычной къ письменной работѣ рукой; торопясь и не считаясь съ правилами чистописанія, онъ то раздѣлялъ слоги одного слова, то два слова писалъ какъ одно; въ смыслѣ грамматическомъ, онъ и впослѣдствіи не очень считался съ правописаніемъ, писалъ, какъ говорилъ, часто вставлялъ въ середину слова „ъ", не очень дружилъ съ буквой „ѣ"; его широкій, размашистый почеркъ, торопливый, нервный, разбирать довольно трудно.

По учебнымъ тетрадямъ Петра видно, съ какою жадностью поглощалъ онъ трудную науку, какъ приступомъ бралъ неумѣло объясняемыя Тиммерманомъ правила адиціи (сложенія), субстракціи (вычитанія), мултипликаціи (умноженія), дивизіи (дѣленія); какъ упорно онъ шелъ отъ простыхъ чиселъ къ именованнымъ и дробямъ, постигалъ основы геометріи и фортификаціи.

„Сей Францъ,— пишетъ Петръ,—чрезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами". Однажды, лѣтомъ, гуляя съ Тиммерманомъ по селу Измайлову, Петръ зашелъ на Льняной дворъ и полюбопытствовалъ узнать, что за вещи хранятся въ старомъ амбарѣ. Оказалось, что тамъ сваленъ всякій хламъ, оставшійся послѣ двоюроднаго брата царя Михаила, Никиты Ивановича Романова, большого любителя всякихъ заморскихъ западныхъ диковинъ.

— Что это такое?—спросилъ царь, указывая на большую опрокинутую лодку, по постройкѣ не совсѣмъ похожую на обычныя лодки.

— Это англійскій ботъ,—отвѣтилъ Тиммерманъ.—Онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ.

„Которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко бы неимовѣрно",—замѣчаетъ Петръ. Конечно, онъ сейчасъ же захотѣлъ видѣть такое диковинное дѣло, благо Измайловскій прудъ подъ бокомъ. Но ботъ оказался сломаннымъ, не вооруженнымъ. Тиммерманъ обѣщалъ найти человѣка, который бы взялся исправить ботъ, и представилъ Петру голландца Карштена Брандта, пріѣхавшаго въ Москву въ 1660 годахъ, когда царь Алексѣй думалъ завести свои морскія суда на Каспіи и вызвалъ изъ Голландіи для этого дѣла „кумпанію" знающихъ людей.

Старикъ скоро исправилъ ботъ, вооружилъ и оснастилъ его и спустилъ на Яузу. Здѣсь онъ началъ плавать внизъ и вверхъ по рѣкѣ, маневрируя парусами, поворачивая судно вправо и влѣво. Петръ смотрѣлъ съ берега. „И зѣло любо мнѣ стало",—говорилъ онъ, разсказывая объ этомъ событіи. Онъ закричалъ Брандту, чтобы тотъ причаливалъ къ берегу, вскочилъ въ ботъ и сталъ сейчасъ же учиться управлять парусами. Петръ скоро постигъ эту науку, и она стала его любимымъ дѣломъ и развлеченіемъ.

Яуза оказалась тѣсна. Перетащили ботъ въ Просяной прудъ, но и тамъ дѣло не шло гладко. Кто-то назвалъ, какъ самую близкую къ Москвѣ большую водяную гладь, озеро Плещеево подъ Пе-

реяславлемъ, верстъ 10 въ длину и 5 въ ширину. Петръ рѣшилъ поѣхать туда.

Воспользовавшись, какъ предлогомъ, богомольнымъ походомъ къ Троицѣ,—иначе мать, пожалуй, не пустила бы,—поскакалъ онъ оттуда со своими голландцами на Плещеево озеро. Озеро понравилось, и Петръ отдалъ распоряженіе построить здѣсь корабли, а прежде всего очистить мѣсто для верфи и пристани. Возвратившись въ Москву, онъ началъ упрашивать мать, чтобы она отпустила его пожить въ Переяславлѣ. Мать сначала не отпускала: совсѣмъ это было не въ обычаѣ, чтобы царь жилъ гдѣ-то въ Переяславлѣ на озерѣ,—но потомъ должна была согласиться на неотступныя просьбы сына, хотя и съ условіемъ, чтобы именины свои онъ провелъ съ ней. Петръ согласился, но на другой день именинъ, 30 іюня, уже

минуты вынимаются такъ (въ радусе 60 минут) і буде минуты которыя Солце покажет болше декълинациевых минут і іх вынимат просто (супстракъцыею) а будет декълинациевы минуты болше і тогъда заняг одинъ градус і прибавит ктѣмъ минутом которыя солнце покажет и вынимать такж (супъстракъциею)

Изъ учебной тетради Петра Великаго.

скакалъ въ Переяславль. Капитенъ Брандтъ и другой мастеръ, Кортъ, были при немъ. Началась заготовка лѣсу, гвоздей, скобокъ, парусины, веревокъ, смолы, пеньки. Собравъ матеріалъ, принялись за самую постройку. Но дѣло шло къ осени. Корабли могли поспѣть развѣ только къ будущей веснѣ. Тогда, оставивъ своихъ стариковъ-голландцевъ строить суда, Петръ вернулся въ Москву и принялся за сухопутныя потѣхи.

„Потѣшныхъ“ было уже два полка, къ Преображенскому прибавился Семеновскій, поселенный въ селѣ Семеновскомъ, когда не хватило мѣста въ селѣ Преображенскомъ. „Прешпурхъ“ продолжалъ стоять попрежнему, все увеличиваясь и обстраиваясь, и уже совершенно походилъ на настоящую крѣпость. Для командованія полками и изученія военной науки нужны были люди знающіе и

опытные. Среди придворныхъ и вообще русскихъ людей такихъ не было, и царю Петру пришлось обратиться туда, откуда и правительство брало своихъ иноземныхъ слугъ—въ Нѣмецкую слободу.

Поселеніе иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ надо отнести къ сравнительно отдаленному времени. Еще Василій III, кажется, первый изъ русскихъ государей заведшій себѣ почетную стражу изъ наемныхъ иноземцевъ, отвелъ имъ для поселенія слободу Наливки въ Москвѣ, между Полянкой и Якиманкой. Эта слобода была сожжена Девлетъ-Гиреемъ во время его набѣга на Москву въ 1571 г. Обитатели ея, если и построились на прежнихъ

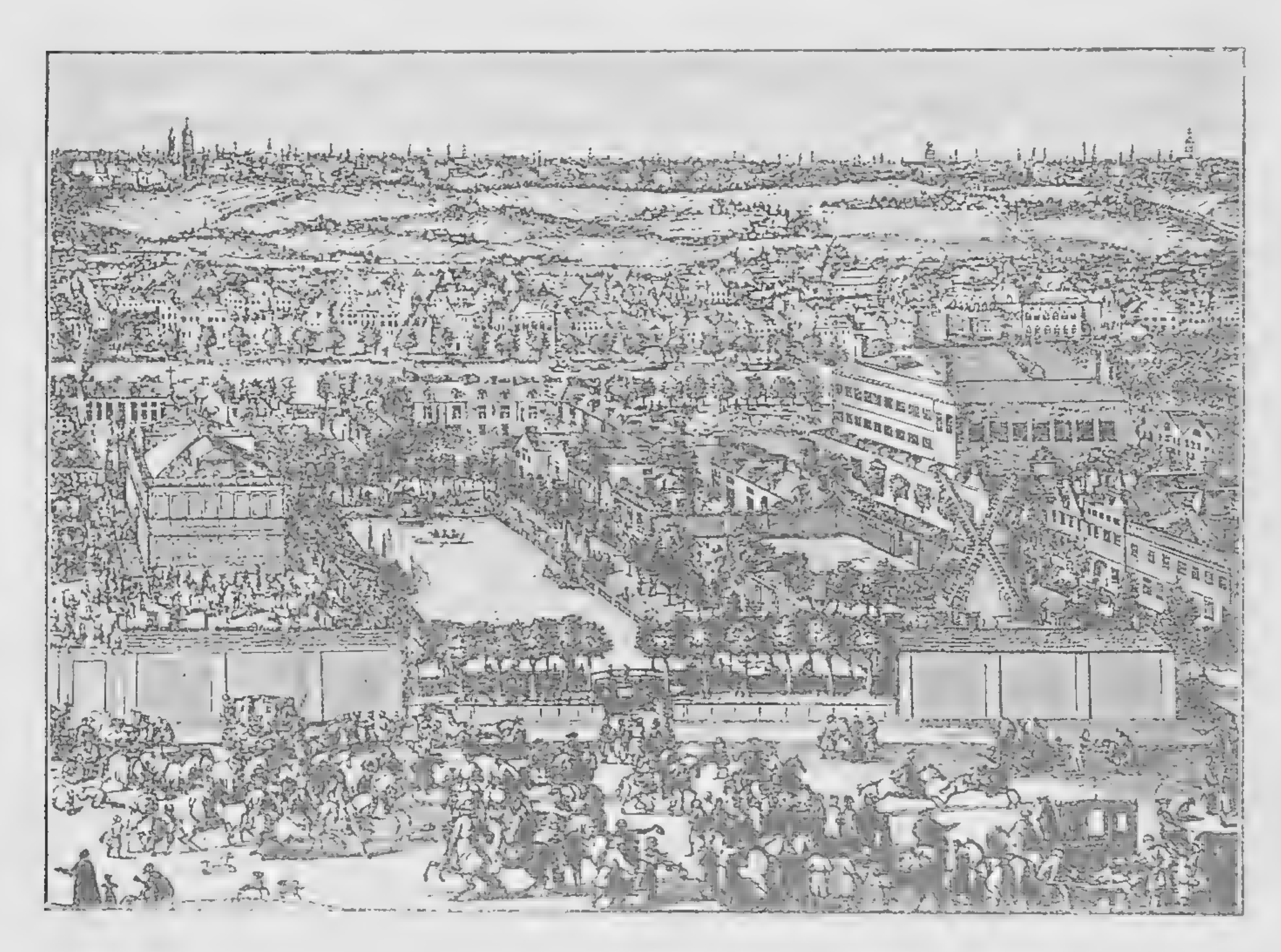

Нѣмецкая слобода въ концѣ XVII в. Съ гравюры Генриха де-Витта. Первая половина листа.

мѣстахъ, то по малочисленности своей, окруженные кореннымъ русскимъ населеніемъ, слились съ нимъ путемъ браковъ и знакомствъ и обрусѣли.

Походы царя Ивана въ Ливонію доставили въ Москву очень большое количество плѣнныхъ нѣмцевъ. Часть ихъ была разослана по городамъ, гдѣ большинство, вѣроятно, обжилось и обрусѣло. Другую часть поселили въ Москвѣ и для постройки отвели имъ новое мѣсто, близъ устья Яузы, на правомъ ея берегу. Въ 1578 г. эта Нѣмецкая слобода навлекла на себя вспышку гнѣва царя Ивана, была подвергнута погрому, разнесена и разграблена. Покровителемъ иностранцевъ былъ Борисъ Годуновъ, и подъ его могущественной

рукой нѣмцы оправились. Смутное время принесло съ собой новое разореніе: Нѣмецкая слобода была выжжена до тла. Ея населеніе разбѣжалось по городамъ, а тѣ, кто остались въ Москвѣ, стали селиться въ самомъ городѣ, главнымъ образомъ въ мѣстности у Чистыхъ прудовъ, но дома ихъ были и на Арбатѣ, и на Тверской, и на Сивцевомъ Вражкѣ. Разбросавшись среди русскаго населенія, иноземцы невольно начали втягиваться въ русскую жизнь. Они вели знакомство съ русскими, вступали съ ними въ родство, принимая православіе, держали русскую прислугу, усваивали русскій языкъ, стали даже носить русское платье.

Нѣмецкая слобода въ концѣ XVII в. Съ гравюры Генриха де-Витта.
Вторая половина листа.

Русскіе люди, со своей стороны, тоже начали многое заимствовать у „нѣмцевъ". Въ домѣ зажиточнаго русскаго человѣка XVII в. было уже не рѣдкостью встрѣтить, рядомъ съ простыми липовыми или дубовыми столами или скамьями, столы и кресла изъ „эбеноваго", т.-е. чернаго, или „индѣйскаго" дерева, съ кривыми или точеными фигурными ножками „нѣмецкой работы", или на „польскій образецъ". Въ овощномъ ряду можно было покупать дюжинами по тогдашнему рублю за штуку кресла съ замысловатой обивкой и стулья „золоченые нѣмецкіе". На стѣнахъ стали появляться зеркала и часы, даже карманные часы были въ большомъ ходу, судя по количеству часовыхъ мастеровъ-„нѣмцевъ" въ Москвѣ середины XVII в.

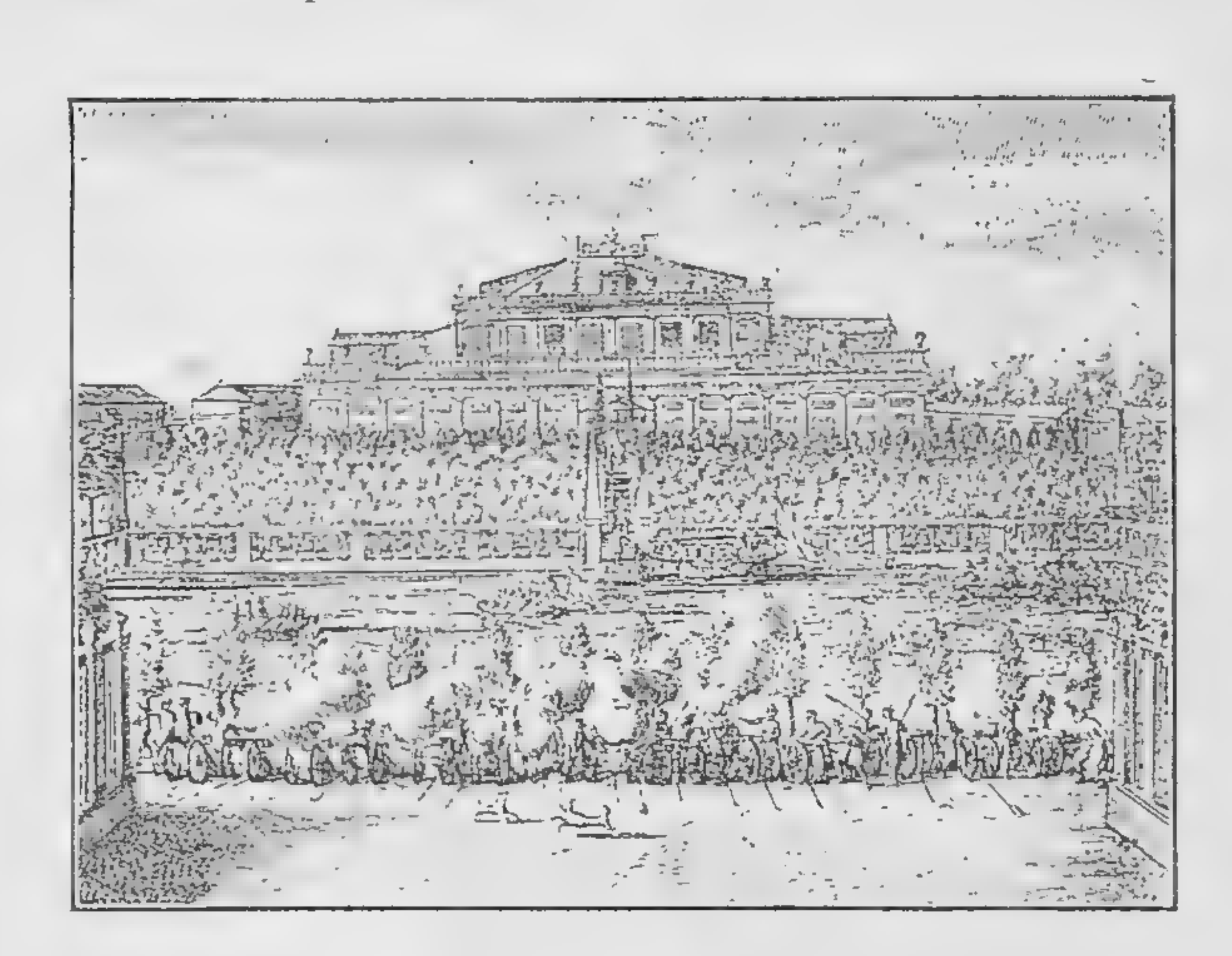
Иноземное вліяніе сказывалось и въ костюмѣ. Уже въ серединѣ XVI в. строгимъ блюстителямъ святоотеческихъ преданій приходилось жаловаться на людей, „позавидовавшихъ ризамъ невѣрныхъ, съ головы до ногъ“, и грозить горемъ всему роду христіанскому, „прельстившемуся на порты и шлыки невѣрныхъ, имуще ихъ на себѣ“. Но эти жалобы мало помогали. Дѣти царя Михаила носили нѣмецкое платье, пошитое имъ ихъ воспитателемъ, бояриномъ Морозовымъ. Иноземную одежду во второй половинѣ XVII в. носили уже многіе, такъ что въ 1675 г. понадобилось издать особый указъ, запрещавшій употребленіе этого платья при дворѣ служилымъ чинамъ, „чтобы они иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ носить не велѣли“. Дворня дяди царя Алексѣя, боярина Никиты Ивановича Романова, была одѣта въ нѣмецкія ливреи, и самъ бояринъ очень любилъ щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ; патріархъ Никонъ считалъ это большимъ соблазномъ; онъ попросилъ боярина прислать ему „посмотрѣть“ нѣмецкіе кафтаны, и, когда бояринъ исполнилъ просьбу патріарха, Никонъ велѣлъ изрѣзать въ куски еретическую одежду и сжечь. Тѣмъ не менѣе, въ рядахъ московскаго гостинаго двора какъ въ это время, такъ и позднѣе можно было свободно покупать иноземное платье, а большое количество портныхъ нѣмцевъ и поляковъ свидѣтельствуетъ, что были покупатели на ихъ товаръ. При дворѣ появились иностранные актеры и фокусники. Художникъ-иностранецъ писалъ декораціи „перспективнымъ“ письмомъ; нѣмецъ-органистъ составилъ оркестръ изъ слугъ Артамона Матвѣева и подчиненныхъ ему подьячихъ Посольскаго приказа; нѣмецкій пасторъ Грегори былъ режиссеромъ, обучалъ актеровъ и выбиралъ пьесы, которыя переводили на русскій языкъ подьячіе Посольскаго приказа.

Но нѣмцы, поселившись въ городѣ, оказались въ слишкомъ выгодномъ положеніи по сравненію съ русскими обывателями: они не платили торговыхъ пошлинъ и могли курить вина и варить пива сколько хотятъ, не платя никакихъ сборовъ. Это возбудило немалую зависть среди русскихъ людей; вліяніе нѣмцевъ на одежду и обстановку вызывало опасенія въ духовенствѣ; домовладѣльцы жаловались, что нѣмцы подымаютъ цѣны на землю. Правительству пришлось удовлетворить эти жалобы. Около 1652 г. было приказано нѣмцамъ продать свои дома русскимъ; церкви ихъ, стоявшія въ городѣ, тоже были снесены, и всѣмъ иноземцамъ было предложено переселиться туда, „гдѣ были напередъ сего нѣмецкіе дворы“, т.-е. на Яузу, только нѣсколько выше по ея теченію. Тогда-то въ мѣстности нынѣшней Нѣмецкой улицы и образовалась новая Нѣмецкая слобода.

Къ концу XVII г. это былъ уже настоящій нѣмецкій городокъ съ чистенькими прямыми улицами, уютными, опрятными домами и домиками, блестѣвшими на солнцѣ свѣтлыми оконницами съ ярко

промытыми стеклами, за которыми виднѣлись чистыя занавѣски и комнатные цвѣты. Красныя черепичныя кровли домовъ, палисадники передъ домами, съ грядами, засѣянными цвѣтами, фигурныя рѣшетки садовъ, островерхая колокольня кирки—все это дѣлало нѣмецкое поселеніе подъ Москвой совсѣмъ не похожимъ на тогдашніе русскіе города.

Этотъ нѣмецкій городокъ въ Москвѣ жилъ своей шумной общественной жизнью; населеніе его собиралось по вечерамъ въ тавернахъ и австеріяхъ, гдѣ за кружками вина и пива веселая и порой шумная, порой дѣловая бесѣда затягивалась иногда далеко за полночь. Въ семейныхъ домахъ здѣсь устраивались вечеринки съ танцами и музыкой, гдѣ молодежь танцовала, а старики и люди въ годахъ сидѣли съ трубками въ зубахъ за стаканами пунша или кружками пива, чинно бесѣдуя или играя въ шахматы. Матери семействъ пристраивались тутъ же съ вязаньемъ въ рукахъ, коротая время за бойкимъ разговоромъ съ сосѣдками и не спуская глазъ съ танцующихъ дочекъ и ихъ кавалеровъ, все больше людей военныхъ — фенриховъ, поручиковъ и капитановъ нѣмецкихъ полковъ московской службы. Эта военная компанія была не прочь отъ дебоша и скандала подъ вліяніемъ бахусовыхъ паровъ.

Домъ Ф. Я. Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ конца XVII в. Съ гравюры Де-Витта.

На своеобразную жизнь Нѣмецкой слободы московскіе люди смотрѣли не одинаково. Одни любили забраться въ гости къ пріятелю-нѣмцу и подышать „благой вольностью“ общественной жизни, другіе косо смотрѣли на еретиковъ-нѣмцевъ и старались далеко объѣзжать и обходить это гнѣздо нечестія и разврата, какимъ слобода рисовалась въ ихъ правовѣрныхъ умахъ.

Нѣмецкая слобода была ближайшей сосѣдкой села Преображенскаго, и Петръ давно уже присматривался издали къ ея любопытной жизни. Все большее и большее количество нѣмцевъ при дворѣ царя Петра, нуждавшагося въ ихъ помощи и при устройствѣ своихъ „потѣшныхъ“ полковъ, и при постройкѣ Прешпурха, и при военныхъ экзерциціяхъ, дружба съ такими людьми, какъ Францъ Тиммерманъ и Карштенъ Брандтъ,—все это незамѣтно

привело къ тому, что царь сталъ частымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ скоро оказался большимъ поклонникомъ иноземной непринужденной общественности. Царь Петръ закурилъ нѣмецкую трубку и сталъ „пить хранительное былie, мерзкое зелie, еже есть табакъ", за что при его отцѣ рвали ноздри и били кнутомъ. Перенялъ царь Петръ нѣмецкiй обычай праздновать хорошей закуской и пированiемъ начало и конецъ всякаго дѣла; Петръ пристрастился къ нѣмецкимъ вечеринкамъ съ ихъ танцами и къ разухабистому веселью въ военной компанiи, и изъ него тогда уже выработался замѣчательно ловкiй танцоръ.

Гульба въ Нѣмецкой слободѣ и водяная потѣха на Плещеевѣ озерѣ наполняли все время Петра. Ему шелъ семнадцатый годъ. Царица Наталья Кирилловна немало сокрушалась, видя непосѣдливую, слишкомъ живую и шумную жизнь сына. Она рѣшила сдѣлать переломъ въ его жизни: женить его, не безъ тайной мысли, конечно, что, дескать, женится—перемѣнится. Царица Наталья не замедлила выбрать сыну и невѣсту—дочь окольничьяго Лопухина Евдокiю. Петръ не противорѣчилъ матери, и 27 января 1689 г. была сыграна свадьба „второго" царя.

Царица Евдокiя.

Меньше мѣсяца прожилъ Петръ съ молодой женой и уѣхалъ на нѣсколько дней на озеро. Къ 20-му апрѣля онъ уже закатился надолго на озеро. Въ день его прiѣзда оно вскрылось. Два большихъ судна были уже въ отдѣлкѣ, и Петръ, радостный до безпамятства, принялся вмѣстѣ съ Брандтомъ и Кортомъ за окончательную работу. Въ день прiѣзда на озеро написалъ онъ матери письмо:

„Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталiи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающiй, Петрушка, благословенiя прошу и о твоемъ здравiи слышать желаю, а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты, по семисотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится. По семъ паки благословенiя прошу. Изъ Переяславля, апрѣля 20, 1689 года".

Но матери-царицѣ мало было дѣла до канатовъ и судовъ, ей бы только вернулся скорѣе сынъ, и она посылаетъ нарочнаго звать его

непремѣнно къ панихидѣ въ день кончины царя Ѳедора. Въ отвѣтъ, съ тѣмъ же нарочнымъ, Петръ отправилъ матери такое посланіе:

„Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ, недостойный сынишка твой Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы быть мнѣ къ Москвѣ, и я готовъ, только гей-гей дѣло есть.

Письмо Петра Великаго къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ.

И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе, а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе писалъ я ко Льву Кирилловичу, и онъ тебѣ, государынѣ, донесетъ. По семъ наипокорственно предаюся въ волю вашу. Аминь".

Пришло письмо и отъ жены:

„Государю моему радости, царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Просимъ милости: пожа-

луй, государь, буди къ намъ не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ“.

Отговариваться недосугомъ, очевидно, больше было нельзя. Петръ бросилъ топоръ, распрощался съ Брандтомъ и Кортомъ и поскакалъ въ Москву, куда еле поспѣлъ къ панихидѣ. Здѣсь, обрадовавшись случаю, жена и мать задержали его на цѣлый мѣсяцъ. Едва удалось ему вырваться въ Переяславль, куда онъ прилетѣлъ двадцать два часа спустя послѣ того, какъ скончался старикъ Кортъ.

Но суда были готовы, и Петръ поспѣшилъ увѣдомить мать:

„Вседражайшей моей матушкѣ, недостойный Петрушка, благословенія прося, челомъ бью, и за присылку съ дохтуромъ и съ Гавриилой, яко Ной иногда о масличномъ сукѣ, радуюсь и паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались зѣло хороши. По семъ дай Господь здоровья душѣ и тѣлу, яко же азъ желаю. Изъ Переяславля, іюня въ 8 день.

„А мастеръ корабельной Кортъ іюня во 2 день умре до нашего пріѣзду за двадцать два часа“.

Царица Наталья въ недоумѣніи посылаетъ посмотрѣть, что дѣлаетъ сынъ, особо довѣреннаго и близкаго ей человѣка Тихона Стрѣшнева. Петръ въ восторгѣ показываетъ ему свои корабли и пишетъ съ нимъ матери:

„Ей, о здравіи слышать желаю и благословенія прошу; а у насъ все здорово, а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ, и въ томъ Тихонъ Никитичъ самъ извѣститъ. Недостойный Petrus“.

Царевна Софія давно уже тревожилась, наблюдая дѣятельность брата. Грохотъ прешпурхскихъ пушекъ и преображенскихъ барабановъ звучалъ все болѣе властно и серьезно. Забава что-то ужъ слишкомъ стала походить на дѣло. Царевна прекрасно сознавала, что съ возмужалостью брата ея роль, какъ правительницы, должна будетъ кончиться, но она, вѣроятно, не ясно еще чувствовала дѣло въ забавахъ брата и предоставляла ему баловаться и колобродить съ нѣмцами, не безъ задней мысли, быть-можетъ, что онъ уходитъ себя. Но совѣтники ея думали иначе. Среди нихъ выражалось сожалѣніе, что вотъ-де жаль — не ухлопали царицу Наталью и ея сына съ ея братьями въ стрѣлецкій мятежъ: спохватись тогда—„ничего бы теперь и не было“. Одно время царевна думала короноваться, чтобы такимъ образомъ закрѣпить власть за собой; но не рѣшалась осуществить это намѣреніе, какъ будто все чего-то выжидая. У ней было немало сторонниковъ, недовольныхъ „вторымъ“ царемъ; кромѣ стрѣльцовъ, давно ей преданныхъ, она могла разсчитывать на всѣхъ тѣхъ, кто былъ за старые обычаи и у кого болѣло сердце при видѣ царя, курящаго трубку, пляшущаго съ нѣмками, пьющаго за панибрата съ нехристями, орудующаго топоромъ и пилой, какъ самый что ни на есть простой плотникъ. Сторонники царевны подготовляли все какія-то „тайныя соображенія“, распуская подъ рукой слухи о „зазорномъ“ поведеніи второго царя, его непригодности для дѣла правленія и т. п.

Съ другой стороны, и приверженцы Петра, группировавшіеся около его матери, Льва Нарышкина и князя Бориса Голицына, учитывая здоровье, силу, умъ Петра, видѣли, что онъ можетъ быть на престолѣ дѣятельнымъ царемъ, что при его энергіи онъ не уступитъ царевнѣ, и подняли головы, разговаривая о монастырскомъ заточеніи для правительницы, ссылкѣ и казняхъ близкихъ ей людей. Петру неустанно твердили, отвлекая его изъ Нѣмецкой слободы, отъ бомбардирства въ Преображенскомъ полку и отъ кораблей на Плещеевѣ озерѣ, что наступаетъ пора положить предѣлъ властолюбію правительницы.

До царевны Софіи все это, конечно, доходило и заставляло ее очень тревожиться и безпокоиться. Съ виду она старалась быть ласковой со вторымъ царемъ и часто дарила ему драгоцѣнные подарки, но была очень милостива къ тѣмъ, кто бранилъ „волчицу“ и „прешпурхскаго“ царя.

Крымскіе походы, затѣянные царевной и ея другомъ и довѣреннымъ, княземъ Василіемъ Голицынымъ, должны были сообщить внѣшній блескъ и славу правленію царевны Софіи, но вмѣсто того кончились крайне неудачно, возбудивъ недовольство въ народѣ. Если еще и раньше раздавались голоса по адресу царевны: „пораде вамъ, государыня, въ монастырь“, то теперь этихъ голосовъ стало больше.

Сторонники Петра рѣшили использовать эту неудачу царевны для своей выгоды, и 8 іюля 1689 г., по ихъ наущенію, Петръ сдѣлалъ первый выпадъ противъ сестры-правительницы. Въ этотъ день совершался крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ, основанный княземъ Д. М. Пожарскимъ въ память освобожденія Москвы отъ поляковъ. Цари участвовали въ торжественномъ ходѣ. Явилась и царевна Софія, какъ это бывало до сихъ поръ. Вдругъ по окончаніи обѣдни, когда торжественное шествіе готово было тронуться, Петръ подошелъ къ сестрѣ и объявилъ, чтобы она не смѣла итти въ процессіи. Для царевны это былъ ударъ грома среди яснаго неба. Но она не смутилась. Она чувствовала за собой силу и приняла вызовъ. Взяла въ руки образъ Пресв. Богородицы и пошла за крестами и хоругвями. Не подготовленный къ такому исходу дѣла, Петръ разсердился, оставилъ ходъ, ушелъ въ Архангельскій соборъ и оттуда уѣхалъ въ село Коломенское.

Въ Москвѣ конца не было толкамъ и разсужденіямъ о томъ, что теперь будетъ, что сдѣлаетъ царевна, что предпримутъ въ Преображенскомъ. Одни утверждали, что царевна собирается со стрѣльцами напасть на Преображенское; другіе говорили, что царь Петръ со своими потѣшными займетъ Кремль, возьметъ „за приставы“, т.-е. арестуетъ царевну и заточитъ ее въ монастырь. Но пока все затихло. Петръ отказался принять возвратившагося изъ крымскаго похода князя Василія Голицына и его офицеровъ и цѣлый мѣсяцъ не давалъ своего согласія на награды имъ. Отказъ въ пріемѣ произошелъ 26 іюля 1689 года, а 29-го царевна Софія послѣ обѣдни вышла изъ церкви, велѣла дать себѣ стулъ и позвать

стрѣльцовъ; сидя въ кругу ихъ, она жаловалась на царицу Наталью: „И такъ бѣда была,—говорила она,—да Богъ сохранилъ, а нынѣ опять бѣду начинаютъ... Годны ли мы вамъ? Буде годны, то вы за насъ стойте, а буде не годны, мы оставимъ государство".

— Воля ваша,—отвѣчали стрѣльцы:—мы повелѣнія твои исполнить готовы; что велите, то и станемъ дѣлать.

— Ждите повѣстки!—сказала царевна.

„Дѣла идутъ худо",—записалъ въ своемъ дневникѣ полковникъ Гордонъ.

Въ первыхъ числахъ августа царевна снова бесѣдуетъ со стрѣлецкими выборными.

Генералъ-лейтенантъ П. И. Гордонъ, командиръ 2-го выборнаго солдатскаго или Бутырскаго полка (1687—1699).

— Долго ль намъ терпѣть?—говорила она:—ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили, брата Ивана ставятъ ни во что, комнату его дровами закидали; меня называютъ дѣвкой, точно я и не дочь царя Алексѣя Михайловича; князю Василію Васильевичу хотятъ голову отрубить, а онъ много добра сдѣлалъ... Радѣла я о всемъ, а они все изъ рукъ тащатъ. Можно ль на васъ надѣяться? Надобны ль мы вамъ? А буде не надобны, мы пойдемъ съ братомъ Иваномъ гдѣ-нибудь кельи себѣ искать.

— Воля ваша, государыня!—отвѣчали стрѣльцы.

Царевна велѣла выдать имъ сто рублей.

Седьмого августа неожиданно для всѣхъ произошло рѣшительное событіе, исходомъ котораго могла быть только гибель одной изъ сторонъ. Въ этотъ день царевна Софія велѣла начальнику стрѣльцовъ Ѳедору Шакловитому, своему приверженцу, нарядить побольше стрѣльцовъ въ Кремль, будто бы для сопровожденія ея въ Донской монастырь на богомолье. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился слухъ, что во дворцѣ найдено подметное письмо съ извѣстіемъ, что царь Петръ ночью рѣшилъ занять своими потѣшными Кремль, убить царевну и брата царя Ивана и взять власть въ свои руки. Тогда Шакловитый собралъ тѣхъ офицеровъ стрѣлецкихъ полковъ, которымъ довѣрялъ, сообщилъ имъ найденное письмо и велѣлъ имъ именемъ царевны Софіи собрать вѣрныхъ людей человѣкъ по сту отъ полка, а коли можно, то и полкъ цѣликомъ, чтобы итти „великимъ собраніемъ" на Преображенское

и побить всѣхъ сторонниковъ Петра за ихъ намѣреніе извести царевну Софію. Тогда же послали троихъ верховыхъ—одного къ рощѣ по дорогѣ въ Преображенское, другого къ Красному пруду, третьяго къ плотинѣ—наблюдать, что дѣлается въ Преображенскомъ, и скакать съ вѣстью, буде выяснится, что царь Петръ куда-либо выѣхалъ одинъ или съ полками. Ворота въ Кремлѣ были заперты. Ночью прибыли еще стрѣльцы. Что-то готовилось. Стрѣльцамъ было приказано ждать набата, который должны были ударить въ Спасскій колоколъ у башни.

Но среди стрѣльцовъ были сторонники и второго царя. Они снарядили двухъ единомышленниковъ и послали ихъ съ вѣстью въ Преображенское. Петръ спалъ, когда его разбудили сообщеніемъ, что стрѣльцы, поднятые правительницей, сейчасъ явятся въ Преображенское. Петръ вскочилъ съ постели, босой бросился въ конюшню. Едва успѣли осѣдлать ему лошадь, какъ онъ вскочилъ и поскакалъ: въ рощѣ догнали его слуги и помогли одѣться. Съ небольшой свитой прискакалъ Петръ къ Троицѣ, а въ Кремлѣ, межъ тѣмъ, все было тихо. Въ набатъ не били, и стрѣльцы въ Преображенское не шли. На утро царевна была у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ и по выходѣ оттуда говорила стрѣльцамъ:

— Если бы я не опаслась, всѣхъ бы насъ передавили потѣшные конюхи.

Шакловитому только утромъ 8 августа донесли, что царь Петръ бѣжалъ ночью въ одной рубашкѣ, а куда—неизвѣстно.

— Взбѣсился, видно, онъ,—сказалъ Шакловитый:—вольно ему бѣгать!

Въ тотъ же день, 8 августа, прибыли къ Троицѣ обѣ царицы, Наталья и Евдокія, вслѣдъ за ними пришли потѣшные полки, пушки, мортиры, весь военный запасъ села Преображенскаго; 9-го двинулся изъ Москвы къ царю Петру стрѣлецкій Сухаревъ полкъ. Въ этотъ же день Петръ прислалъ къ царю Ивану и Софіи спросить: зачѣмъ были собраны стрѣльцы въ такое необычное время? Петру отвѣтили, что стрѣльцы были собраны для провожанія правительницы въ богомольный походъ. 16 августа пришла отъ царя Петра грамота, чтобы отъ всѣхъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ были присланы къ Троицѣ начальные люди и по 10 человѣкъ рядовыхъ. Царевна Софія настрого запретила исполнять это повелѣніе и ослушникамъ погрозила смертною казнью, а царю Петру отправили грамоту съ извѣщеніемъ, что никакъ нельзя исполнить его просьбу о присылкѣ воинскихъ людей. 18-го послали къ царю Петру оправдываться патріарха. Патріархъ поѣхалъ и... остался у Троицы. 27 августа пришла новая грамота царя Петра—итти всѣмъ полкамъ къ Троицѣ. Огромное большинство повиновалось, и царевнѣ Софіи пришлось признать, что ея дѣло проиграно. Она сама поѣхала-было къ Троицѣ, но въ селѣ Воздвиженскомъ ее встрѣтили посланные отъ царя Петра съ приказомъ вернуться назадъ въ Москву. 6 октября царь Петръ прибылъ въ Москву. Еще до его пріѣзда царевна Софія была заключена въ

Новодѣвичій монастырь подъ строгій присмотръ. 7 октября былъ схваченъ и потомъ казненъ вѣрный слуга царевны, Шакловитый. Старшій братъ, царь Иванъ, встрѣтилъ второго царя въ Успенскомъ соборѣ и предоставилъ ему всю власть; съ этихъ поръ онъ, хотя и именовался царемъ всегда на первомъ мѣстѣ во всѣхъ грамотахъ и участвовалъ въ торжественныхъ выходахъ, занимая первое же мѣсто, но въ дѣйствительной власти не принималъ никакого участія.

Но и „второй царь" пока мало принималъ участія въ дѣлахъ правленія, предоставивъ все матери и дядямъ съ ихъ сторонниками, а самъ продолжалъ свои любимыя потѣхи. Въ это именно время первымъ другомъ и благопріятелемъ царя Петра становится нѣкто Лефортъ, родомъ женевецъ, человѣкъ бывалый, необыкновенно живой, ловкій, веселый, душа общества, мастеръ устраивать пиры и потѣхи на славу. „Помянутой Лефортъ,—сообщаетъ умный и наблюдательный современникъ, князь Куракинъ, бывшій долго посломъ за границей и писавшій очень вычурнымъ языкомъ,— былъ человѣкъ забавной и роскошной, или назвать дебошанъ французской. И непрестанно давалъ у себя въ домѣ обѣды, супе и балы"... Лефортъ тоже не вмѣшивался въ дѣла внутренняго правленія и вмѣстѣ съ Петромъ занимался „марсовыми потѣхами" да пированьями. За потѣхи Петру иногда дорого приходилось платиться—то опалитъ ему лицо пороховой вспышкой при потѣшномъ штурмѣ, то онъ расшибетъ руку или ногу, то здорово хватится о сваю.

Потѣхи начинаютъ походить на маневры. Въ октябрѣ 1691 г. былъ, читаемъ въ одномъ описаніи, „великій и страшный бой у генералиссимуса Ѳ. Ромодановскаго, у котораго былъ стольный городъ Пресбургъ. Рейтары ротмистра Петра Алексѣева отличились"; отличился и самъ ротмистръ, взявшій въ плѣнъ непріятельскаго генералиссимуса. „И тотъ бой равнялся судному дню": ближній стольникъ князь И. Д. Долгорукій „отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти",— писалъ Петръ. Осенью 1694 г. были устроены большіе маневры подъ деревней Кожухово, недалеко отъ Симонова монастыря. Войско было раздѣлено на двѣ части: русскіе, которыми командовалъ князь Ѳ. Ю. Ромодановскій; у него были потѣшные полки—Преображенскій и Семеновскій, солдатскіе—Лефортовъ и Бутырскій, три роты гранатчиковъ, восемь выборныхъ рейтарскихъ ротъ, двѣ роты даточныхъ людей, подъ именемъ „нахаловъ" и „налётовъ", и 20 ротъ стольничьихъ. Противъ этихъ „русскихъ" выступили „поляки" со своимъ „королемъ" И. И. Бутурлинымъ; этотъ отрядъ составляли стрѣлецкіе полки и роты изъ дьяковъ и подьячихъ. „Поляки" защищали крѣпость, „русскіе" штурмовали ее. Ну, конечно, „русскіе" одолѣли, при чемъ отличился бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, взявшій въ плѣнъ стрѣлецкаго полковника. Маневры не обошлись безъ раненыхъ, были даже и убитые.

Продолжалось и увлеченіе водянымъ спортомъ. Весной 1691 г. царь Петръ спустилъ въ Москву-рѣку собственноручно построенную и оснащенную яхту; работы на Плещеевомъ озерѣ, на тамошней верфи, такъ увлекали Петра, что въ февралѣ 1692 г. бояре-правители государства Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ должны были сами ѣхать въ Переяславль умолять царя пріѣхать въ Москву для пріема персидскаго посла,—никакія письменныя напоминанія и посылки нарочныхъ не помогали: царь не хотѣлъ ѣхать отъ любимаго дѣла. Кончилось тѣмъ, что царица Наталья, отчаявшись удерживать сына въ Москвѣ, стала сама ѣздить въ Переяславль. Но, когда сынъ сталъ проситься у нея посмотрѣть настоящее море—къ Архангельску, который являлся тогда единственнымъ морскимъ портомъ Московскаго государства, царица Наталья долго не пускала его; тѣмъ не менѣе „великое желаніе и неотмѣнная охота“ юноши сломили въ концѣ концовъ опасливое материнское упорство, царица отпустила сына посмотрѣть море, но только посмотрѣть, и взяла съ него слово, что самъ онъ по морю ходить не будетъ и на корабли посмотритъ съ берега.

Ф. Я. Лефортъ (1656—1699).

Конечно, какъ только необъятная морская ширь развернулась передъ глазами Петра и онъ услышалъ сердитый ропотъ волнъ сѣвернаго моря, обѣщаніе, данное матери, было забыто—Петръ отправился въ море провожать иностранные корабли. Царица Наталья очень встревожилась, когда ей донесли объ этомъ, и стала неотступно звать сына въ Москву. На это она получила такое письмо:

„И нынѣ подлинно отписать не могу (когда буду), для того, что дожидаюсь кораблей, а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; такого пастыря имѣючи почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка“.

„Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость,—писала ему въ

отвѣтъ мать,—пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли. Чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка, мой свѣтъ, сего прошенія. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, а ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить".

А Петръ уже мечталъ, чтобы на будущій годъ на *своихъ* корабляхъ пойти подальше въ море. Въ Архангельскѣ онъ устраиваетъ верфь, гдѣ немедленно начинаютъ строить суда; въ Голландію посылаетъ заказъ—выстроить къ будущему году военный корабль и доставить его въ Архангельскъ. Къ зимѣ Петръ вернулся въ Москву.

25 января 1694 г. скончалась царица Наталья. Кончину матери Петръ оплакивалъ горькими слезами. Но и въ горѣ не забывалъ любимаго дѣла. Двинскому воеводѣ Апраксину онъ писалъ о своей „послѣдней печали", что „ни рука подробно писать не можетъ, купно же и сердце"... но „яко Ной, отъ бѣды отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу". Это „живое" были, конечно, приказанія и заботы о томъ, чтобы приготовлено было въ Архангельскѣ все нужное для кораблестроенія.

1-го мая Петръ отправился во второй морской походъ. По пріѣздѣ въ Архангельскъ, онъ устроилъ торжественный спускъ въ воду корабля „Св. Павелъ", потомъ отправился на яхтѣ въ Соловки; дорогой поднялась буря, гибель легкаго судна казалась неизбѣжной; Петръ уже пріобщился св. таинъ изъ рукъ сопровождавшаго его архіерея Аѳанасія, но, благодаря присутствію духа и искусству кормчаго Антона Тимоѳеева, путешественники благополучно вошли въ Унскую губу, гдѣ и стали на якорь. Въ память этого событія Петръ собственноручно вытесалъ крестъ въ полторы сажени вышиной и водрузилъ его на берегу. На крестѣ была надпись по-голландски: „Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694". Изъ Голландіи пришелъ заказанный въ прошломъ году корабль—сорокачетырехпушечный фрегатъ „Св. Пророчество". „Что давно желали,—писалъ Петръ въ Москву,—нынѣ совершилось"...

Но всѣ эти „Марсовы и Нептуновы потѣхи" были пока еще только потѣхами, всегда сопровождавшимися веселыми пирами. Какъ въ сухопутныхъ и морскихъ потѣхахъ генералиссимусомъ и адмираломъ былъ князь Ромодановскій, а Петръ—ротмистромъ, бомбардиромъ или шкиперомъ, такъ и на пирахъ предсѣдателемъ компаніи былъ первый учитель и наставникъ Петра—Никита Зотовъ; въ шутку Петръ величалъ его „всешутѣйшимъ Аникитой, патріархомъ Прешпурхскимъ, Кокуйскимъ и всея Яузы"; въ этой веселой компаніи самъ Петръ именовалъ себя дьякономъ. На святкахъ всѣ ѣздили славить Христа; царь ѣздилъ по боярамъ и другимъ высшихъ чиновъ людямъ, а Зотовъ къ купцамъ. „Сіе сла-

вленіе,—говоритъ современникъ,—многимъ было безчестное и къ наказанію отъ шутовъ не малому: многіе отъ дураковъ были биваны, облиты, обруганы"... Въ январѣ 1694 г. было большое торжество—женился царскій шутъ Яковъ Тургеневъ на дьячихѣ. Въ поѣзжанахъ приказано было быть всему царскому синклиту: бояре, окольничьи, думные люди, высшіе придворные чины ѣхали на верблюдахъ, быкахъ, козлахъ, свиньяхъ, собакахъ за молодыми; всѣ были одѣты въ „смѣхотворныя" платья: въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапками, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ на бѣльихъ хвостахъ, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. Женихъ-шутъ ѣхалъ въ парадной царской каретѣ, а за нимъ шли въ бархатныхъ кафтанахъ люди знатнѣйшихъ родовъ—Шереметевы, Трубецкіе, Репнины, Голицыны... Свадебный пиръ продолжался три дня...

Образъ жизни молодого царя, посвященный, какъ казалось современникамъ, только потѣхамъ, возбуждалъ большое недовольство въ народѣ: не всѣ тогда сознавали, что изъ этихъ потѣхъ выросталъ флотъ, создавалась армія и намѣчались великія дѣла, которыя превратили Московское государство въ имперію Всероссійскую. Современники твердили одно: „вотъ связался царь съ нѣмцами, бражничаетъ съ ними да занимается одними потѣхами, а какое отъ этого добро?—только понапрасну гибнутъ и страдаютъ люди".

Стали разсказывать, что будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщалъ всему народу: „братъ-де мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ нѣмцами". На кружечномъ дворѣ одинъ потѣшный расхвастался разъ царской милостью, что вотъ-де государь у насъ въ слободѣ непрестанно бываетъ.— „А ты думаешь, то честь государю? безчестье онъ себѣ дѣлаетъ!"— возразилъ бывшій тутъ же иконописецъ. Самому царю подавали „тетради", гдѣ было прописано, что его поведеніе считаютъ въ народѣ зазорнымъ. „Въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ,—писалъ нѣкто Авраамій въ одной такой тетради, поданной въ 1696 г.,—что на кого было надѣялися и ждали, какъ великій государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее, но, возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное". Подателей такихъ тетрадей хватали, пытали и казнили, но недовольство отъ этого не уменьшалось.

Въ 1697 году скончался „первый царь" Иванъ Алексѣевичъ. Началось единодержавіе царя Петра. Время было тревожное. Даже такіе безпечные люди, какъ „французскій дебошанъ" Лефортъ, были обезпокоены толками въ народѣ и искали дѣла, на которое можно было бы направить кипучую дѣятельность царя и созданныя въ потѣхахъ средства. Надо было всѣмъ показать, что корабли и потѣшные не только простыя потѣхи. „Надо было сдѣлать что-нибудь важное и серьезное, иначе,—говоритъ одинъ ученый,—рожда-

лись очень непріятныя сравненія съ свергнутымъ правительствомъ: если при Софіи походы въ Крымъ были неудачны, то все же русскія рати искали враговъ въ ихъ жилищахъ, а теперь татары приходятъ на Украйну. Гетманъ Мазепа пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе, этого же желаютъ въ народѣ, надо дать дѣло и вольному „товариству“ на Запорожьѣ. Съ другой стороны, Лефортъ очень хотѣлъ, чтобы царь съѣздилъ за границу посмотрѣть иныхъ людей и иные нравы; но какъ показаться въ Европѣ царю всея Руси, не сдѣлавъ ничего громкаго и достойнаго?“

Еще правительствомъ царевны Софіи былъ заключенъ договоръ съ Польшей и ея союзниками, обязывавшій Россію принять участіе въ священной войнѣ противъ турокъ. Съ русской стороны еще ничего не было предпринято въ этомъ направленіи послѣ походовъ Голицына. Теперь порѣшили устроить экспедицію къ Азову, сильной турецкой крѣпости, сторожившей входъ въ Азовское море и выходъ въ Черное.

Кожуховскому маневру суждено было стать послѣдней потѣхой. „Какъ осенью,—писалъ Петръ,—трудились мы подъ Кожуховымъ въ марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ великаго дѣла“.

Первый походъ подъ Азовъ въ 1695 году кончился довольно неудачно. Петру пришлось отступить, не взявъ Азова, несмотря на большое напряженіе силъ своихъ и войска въ „марсовомъ ярмѣ“, какъ выражался Петръ. По Москвѣ пошли злорадные толки среди многочисленныхъ непріятелей Петра. „Это, видно, не потѣха подъ Азовомъ-то стоять, это тебѣ не Кожухово, не постройка кораблико въ да пированье съ нѣмцами“. Было отъ чего упасть духомъ, но тутъ-то и сказалась мощь натуры, сила воли и характера молодого царя. Отъ бѣды онъ точно выросъ и развилъ необычайную дѣятельность для подготовки немедленнаго второго похода подъ упрямый Азовъ, подъ это „осиное гнѣздо, крѣпко кусающихся шершней“, по словамъ Петра.

Тотчасъ по возвращеніи изъ-подъ Азова, царь хлопочетъ, чтобы было прислано ему на службу побольше иностранцевъ, посылаетъ въ Австрію и Пруссію за военными инженерами и минерами, рѣшаетъ строить суда на Дону, чтобы флотомъ отрѣзать Азовъ отъ сообщенія съ моремъ. Въ Воронежѣ выростаетъ верфь, и 26.000 рабочихъ неустанно стучатъ топорами, создавая военную флотилію для осады Азова, среди зимы, изъ мерзлаго лѣса, подъ ярый свистъ „остъ-випда“ и „норда“, при великой стужѣ, въ снѣгъ, бурю и гололедицу. Недовольные усиленнымъ трудомъ поджигаютъ лѣса около верфи; въ кузницахъ нехватка угля, бездорожье задерживаетъ канаты и скобы, недѣлями нѣтъ вѣстей изъ Москвы, но бомбардиръ Питеръ не унываетъ. Его всюду видно—онъ то съ топоромъ въ рукѣ даетъ примѣръ работы, то ведетъ расчетъ присланнаго матеріала, то миритъ подравшихся, то собственноручно расправляется кулакомъ и дубиной съ досадившимъ ему лѣнтяемъ

или уканьемъ. Дѣло горѣло въ его рукахъ и, несмотря на тысячи препятствій, спорилось. „Мы,—писалъ онъ въ Москву,—по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой“...

Въ апрѣлѣ 1696 г. снова двинулись къ Азову. Флотъ загородилъ осажденнымъ помощь съ моря. Бомбардиръ Питеръ усердно обстрѣливалъ крѣпостные верки. Сестрѣ Натальѣ, просившей его беречь себя, онъ писалъ: „По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо“...

Азовъ былъ взятъ; это было первое торжество надъ страшными турками, которые еще такъ недавно разорили Чигиринъ на глазахъ русскаго войска. О Петрѣ и его энергіи заговорили сосѣди. „Какой отважный человѣкъ! - разсуждали о немъ польскіе сенаторы:—и что отъ него впередъ будетъ?“ А самъ Петръ, оглядываясь впослѣдствіи на свою дѣятельность, записалъ о началѣ своей службы такъ:

„Началъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ“.

Пособіемъ при составленіи статьи служили книги: *И. Забѣлинъ*, Дѣтскіе годы Петра Великаго; *М. Погодинъ*, Первыя 17 лѣтъ жизни Петра Великаго; *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. I; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIV; *И. Бобровскій*, Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, т. I; *И. Забѣлинъ*, Преображенское; *И. В. Чариковъ*, Посольство въ Римѣ и служба въ Москвѣ Павла Менезія, и др.

Дѣтскій возокъ Петра I
въ Московской Оружейной палатѣ.

Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ.

Петръ Великій и его современники за границей.

Неудача перваго Азовскаго похода и удача второго наглядно показали Петру и его сотрудникамъ, въ чемъ заключалась главная причина счастливаго исхода предпріятія. Азовъ былъ взятъ только при помощи флота, знающихъ инженеровъ и обученнаго по-европейски войска.

Представлялось необходимымъ имѣть все это свое, со своими знающими дѣло начальными людьми во главѣ. Гдѣ взять ихъ? Послать за границу выучиться! А пока строить флотъ, снаряжать армію, иначе не удержать Азова, надо пользоваться минутой, „понеже время есть,—говорилъ Петръ,—и фортуна сквозь насъ бѣжитъ, которая никогда такъ близко на югъ намъ не бывала: блаженъ, иже имется за власы ея“. А взяться можно только флотомъ, отрѣзавъ своими кораблями туркамъ всякую возможность подходить къ Азову.

На какія средства завести флотъ, объ этомъ не задумывались и дѣйствовали по-старому: въ Московскомъ государствѣ само собой разумѣлось, что на всякое новое великаго государя дѣло надо устроить новый сборъ съ подданныхъ, и вотъ боярская дума приговорила: „Корабли сдѣлать со всею готовностью и съ пушками и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть на войнѣ, а

дѣлать ихъ такъ: святѣйшему патріарху и властямъ и монастырямъ съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ—корабль; съ бояръ и со всѣхъ чиновъ служилыхъ людей съ 10.000 крестьянскихъ дворовъ—корабль; гостямъ и гостиной сотнѣ, черныхъ сотенъ и слободъ людямъ вмѣсто десятой деньги, которая съ нихъ собиралась въ прошлыхъ годахъ, сдѣлать 12 кораблей со всѣми припасами". Вслѣдствіе этого постановленія о постройкѣ кораблей землевладѣльцы духовные составили 17 кумпанствъ, т.-е. компаній, а свѣтскіе—18. Для составленія компаній всѣ съѣхались въ Москву въ Помѣстный приказъ, гдѣ всѣ кумпанства и были устроены къ Рождеству 1696 года. Во главѣ всего дѣла постройки былъ поставленъ окольничій Протасьевъ, управлявшій Владимирскимъ Суднымъ приказомъ. Приказъ разослалъ во всѣ кумпанства списки предметовъ, нужныхъ при кораблестроеніи, чертежи будущихъ судовъ, въ цѣломъ видѣ и по частямъ. Каждое кумпанство должно было нанять, сколько надо, русскихъ плотниковъ и, кромѣ того, содержать опредѣленное приказомъ количество мастеровъ-иностранцевъ—плотниковъ, рѣзчиковъ, столяровъ, живописцевъ, даже лѣкарей и аптеки. Одновременно съ этимъ пятьдесятъ человѣкъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были за границу—въ Италію, преимущественно въ Венецію, а также въ Англію и въ Голландію учиться кораблестроительному и вообще морскому и военному дѣлу.

Собрался за границу и самъ царь. Посрамивъ взятіемъ Азова враговъ Христовыхъ, правительство царя Петра рѣшило отправить въ Европу великое посольство. Послы должны были посѣтить цесаря, королей англійскаго и датскаго, папу римскаго, голландскіе штаты, курфюрста бранденбургскаго и республику венеціанскую. Цѣлью посольства было подтвержденіе древней дружбы и согласія христіанскихъ народовъ въ дѣлѣ ослабленія враговъ Креста Господня: салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ басурманскихъ ордъ. Великими полномочными послами были назначены: генералъ-адмиралъ, намѣстникъ Новгородскій, Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и военскій комиссарій, намѣстникъ Сибирскій, Ѳ. А. Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ Бѣлевскій, П. Б. Возницынъ; при нихъ было болѣе 20 дворянъ и до 35 охотниковъ, среди которыхъ находился урядникъ Преображенскаго полка Петръ Михайловъ—это былъ самъ царь Петръ. Онъ ѣхалъ за границу, чтобы посмотрѣть иноземную жизнь и обычаи и поучиться, главнымъ образомъ, морскому дѣлу. Находясь при посольствѣ, Петръ получилъ возможность видѣть нарядное лицо иноземной жизни, а считаясь простымъ урядникомъ, онъ всегда могъ безъ особой помѣхи уйти туда, гдѣ кипѣла невидная черная работа, созидавшая блескъ европейской культуры, и принять участіе въ этомъ трудѣ лично, своими руками, своимъ умомъ.

Въ началѣ марта 1697 г. посольство тронулось изъ Москвы довольно-таки кружнымъ путемъ—на Лифляндію. Здѣсь въ Ригѣ Петра ждала непріятность. Онъ захотѣлъ осмотрѣть укрѣпленія

Риги, но шведскій губернаторъ, генералъ Дальбергъ, не нашелъ возможнымъ допустить этотъ осмотръ. Петръ очень разсердился, назвалъ Ригу проклятымъ мѣстомъ, но кое-что важное для себя въ будущемъ подмѣтилъ; уѣзжая въ Митаву, онъ писалъ въ Москву о Ригѣ такъ: „Ѣхали мы черезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли въ пяти мѣстахъ, было ихъ меньше 1.000 человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“. Если припомнить, что отецъ Петра осаждалъ Ригу, а самъ онъ сталъ уже извѣстенъ своей предпріимчивостью и энергіей, то опасенія шведовъ станутъ понятны.

Въ Либавѣ Петръ покинулъ посольство и моремъ отправился въ Кенигсбергъ, гдѣ былъ радушно принятъ курфюрстомъ Фридрихомъ III. Здѣсь Петръ думалъ подождать посольство, медленно двигавшееся изъ Курляндіи. Чтобы не терять времени даромъ и не скучать, онъ сталъ учиться артиллеріи у прусскаго подполковника фонъ-Штернфельда. Весь курсъ, практическій и теоріи, прошелъ онъ быстро и усвоилъ хорошо. Учитель выдалъ ему аттестатъ, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что „господинъ Петръ Михайловъ вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ“.

Кромѣ изученія артиллеріи, Петръ много веселился и развлекался. Въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге Петру пришлось свидѣться съ двумя очень образованными дамами того времени — съ курфюрстиной ганноверской Софіей и ея дочерью Софіей-Шарлоттой, курфюрстиной бранденбургской. Курфюрстины оставили живое воспоминаніе о необыкновенномъ человѣкѣ изъ Московіи. Онѣ разсказываютъ, какъ царь не хотѣлъ сначала итти къ нимъ, какъ потомъ, послѣ долгихъ уговоровъ, согласился, но съ условіемъ, чтобы не было постороннихъ. Вошелъ онъ, какъ застѣнчивый ребенокъ, закрывъ лицо рукою, и на всѣ любезности дамъ отвѣчалъ только одно:

— Не могу говорить!

Но за ужиномъ царь оправился, застѣнчивость его исчезла, онъ разговорился и самъ потребовалъ, чтобы въ залу вошли придворные курфюрстинъ; мужчинъ онъ любезно поилъ виномъ изъ большихъ стакановъ, а съ дамами усердно танцовалъ, веселясь отъ души. Царь съ удовольствіемъ слушалъ итальянскихъ пѣвицъ, хотя и сказалъ, что музыку не очень уважаетъ. На вопросъ курфюрстины, любитъ ли онъ охоту, Петръ отвѣчалъ:

— Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности; очень я люблю мореплаваніе и фейерверки.

При этомъ онъ показалъ свои руки, ставшія твердыми и мозолистыми отъ постоянной работы, и сообщилъ, что знаетъ около 14 ремеселъ, чѣмъ немало удивилъ своихъ собесѣдницъ.

Еще ребенкомъ Петръ поражалъ видѣвшихъ его красотой и живостью лица и фигуры. Онъ былъ очень высокаго роста и во всякой толпѣ выдавался на цѣлую голову. Взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, пристальный и огневой, рѣдко кто могъ выдержать безъ смущенія. Портили лицо Петра только очень сильныя судорожныя подергиванія, которыхъ онъ не могъ сдержать, особенно въ минуты гнѣва и душевнаго волненія. Эти проявленія общей нервности Петра, вѣроятно, были слѣдствіемъ тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя ему пришлось пережить въ дѣтствѣ, во дни стрѣлецкихъ мятежей, а неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ послѣдующей жизни, особенно невоздержность въ пирахъ, конечно, не способствовали излѣченію конвульсивныхъ движеній. Курфюрстина Софія-Шарлотта, описывая внѣшность Петра, говоритъ, что она представляла себѣ по разсказамъ эти гримасы хуже, чѣмъ онѣ оказались на самомъ дѣлѣ. Но курфюрстина недовольна внѣшними манерами Петра: — онъ грубъ, „видно, что его не выучили ѣсть опрятно", хотя въ ея глазахъ это все смягчается естественностью и непринужденностью царя. Курфюрстина-мать пишетъ о Петрѣ такъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большой живостью ума, отвѣты у него быстры и вѣрны. Но, при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной... Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ".

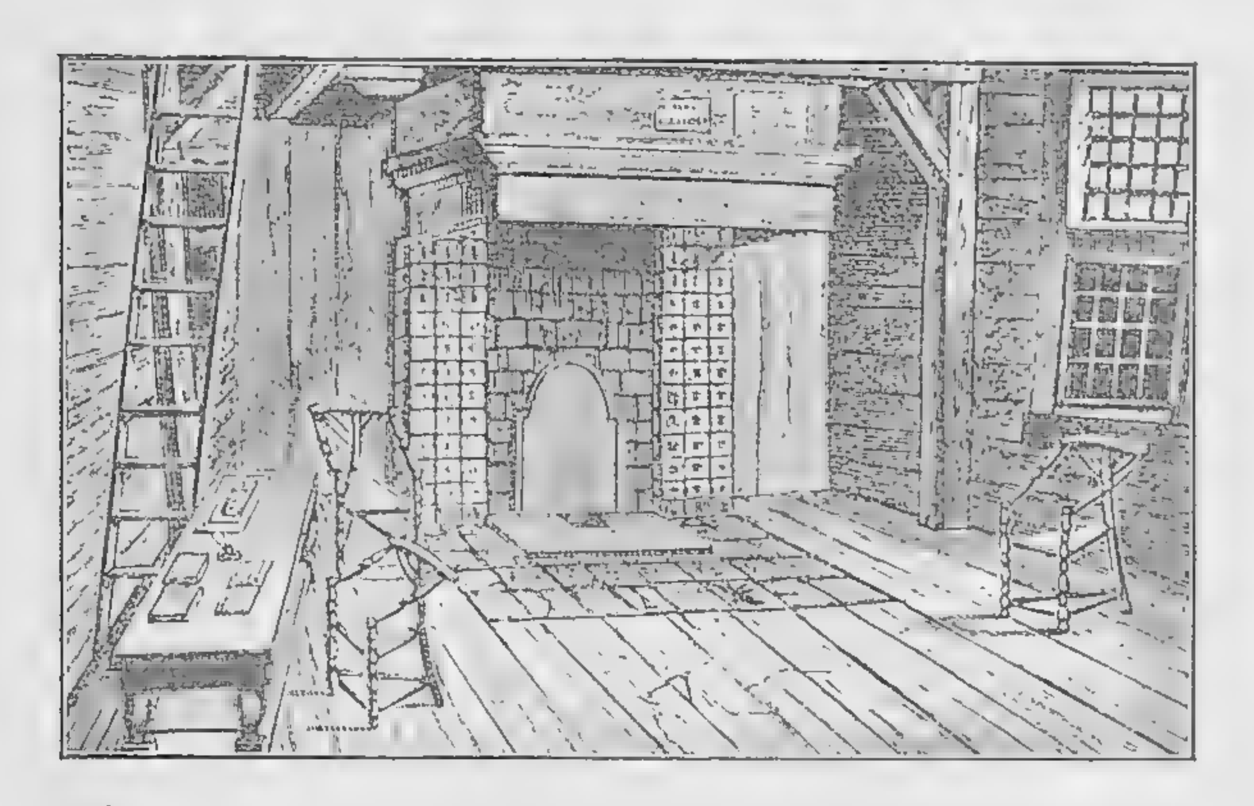

Петръ Великій въ Голландіи.
Гравюра съ рисунка неизвѣстнаго голландскаго художника.

Позднѣе, уже въ 1717 г., во время пребыванія Петра въ Парижѣ, герцогъ Сенъ-Симонъ, очень присматривавшійся къ Петру, такъ записалъ себѣ впечатлѣніе, которое производилъ Петръ: „Онъ былъ очень высокъ ростомъ,—пишетъ о немъ Сенъ-Симонъ,—хорошо сложенъ, довольно худощавъ, съ кругловатымъ лицомъ, высокимъ лбомъ, прекрасными бровями; носъ у него довольно коротокъ, но не слишкомъ, и къ концу нѣсколько толстъ; губы

довольно крупныя, цвѣтъ лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большіе, живые, проницательные, красивой формы; взглядъ величественный и привѣтливый, когда онъ наблюдаетъ за собой и сдерживается, въ противномъ случаѣ суровый и дикій, съ судорогами на лицѣ, которыя повторяются не часто, но искажаютъ и глаза и все лицо, пугая всѣхъ присутствующихъ. Судорога длилась обыкновенно одно мгновеніе, и тогда взглядъ его дѣлался страннымъ, какъ бы растеряннымъ, потомъ все сейчасъ же принимало обычный видъ. Вся наружность его выказывала умъ, размышленіе и величіе и не лишена была прелести".

Добравшись въ началѣ августа 1697 года до Рейна, Петръ по рѣкѣ и каналамъ спустился до Амстердама. Голландія давно уже привлекала царя, и ни въ какой другой странѣ Европы тѣхъ временъ не знали такъ много и хорошо Россію, какъ въ Голландіи. Голландскіе купцы были постоянными гостями единственнаго тогдашняго русскаго морского порта, Архангельска; голландскіе ремесленники еще при царѣ Алексѣѣ были своими людьми въ Москвѣ; первые учителя Петра въ морскомъ дѣлѣ, съ Тиммерманомъ и Кортомъ во главѣ, были голландцы, много голландскихъ корабельныхъ плотниковъ работали плечо о плечо съ царемъ на воронежскихъ верфяхъ. Амстердамскій бургомистръ Витзенъ былъ въ Россіи еще при царѣ Алексѣѣ и ѣздилъ даже на Каспій. Во время своего путешествія Витзенъ завязалъ прочныя отношенія съ московскимъ дворомъ; онъ исполнялъ порученія царскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, нанималъ корабельщиковъ и всякихъ мастеровъ для Россіи.

Внутренность домика Петра Великаго въ Заандамѣ. Со старинной гравюры.

Не останавливаясь въ Амстердамѣ, Петръ проѣхалъ въ Заандамъ, небольшой городокъ, славившійся множествомъ верфей и кораблестроительныхъ мастерскихъ. Здѣсь онъ разыскалъ стараго своего знакомаго, корабельнаго кузнеца Геррита Киста, работавшаго когда-то въ Москвѣ. Петръ нашелъ пріятеля за ловлей угрей и окликнулъ его:

— По-здорову ли живешь, мастеръ Кистъ?

Кистъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, увидѣвъ хорошо извѣстную ему фигуру русскаго царя, одѣтаго въ красную фризовую куртку, бѣлые холщевые штаны и съ круглой лакированной шляпой на

головѣ. Петръ запретилъ Кисту разсказывать о себѣ и просилъ его, не можетъ ли онъ уступить ему для жилья часть своего дома. Послѣ нѣкотораго колебанія и извиненій за нечистоту и неудобства помѣщенія, Кистъ согласился сдать заднюю половину своего дома русскому плотнику Питеру.

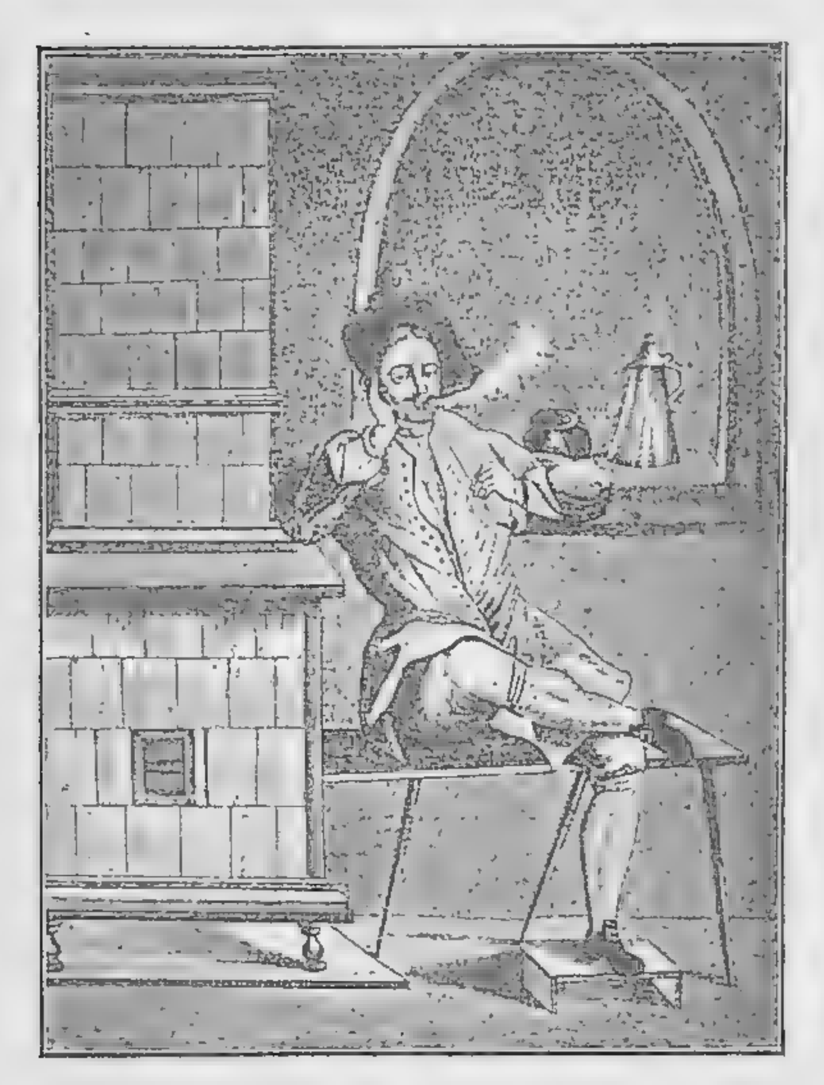
День былъ воскресный, весь Заандамъ былъ на улицѣ, и, конечно, своеобразная фигура Петра, плотника изъ Московіи, привлекала всеобщее вниманіе. Къ тому же спутники царя были еще въ русскихъ одеждахъ.

— Мы простые плотники, ищемъ работы! — велѣлъ Петръ отвѣчать на разспросы любопытныхъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, рано утромъ Петръ купилъ въ лавкѣ вдовы Якова Оома плотничьи инструменты и записался на работу подъ именемъ Петра Михайлова на верфи Линста Рогге. Въ Заандамѣ Петръ пробылъ, впрочемъ, очень недолго, всего восемь дней; въ маленькомъ городкѣ скоро всѣ узнали, кто скрывается подъ видомъ простого плотника, и Петру прохода не было отъ любопытныхъ. Горячій нравъ царя не мирился съ назойливостью зѣвакъ, и разсказываютъ, что онъ не разъ расчищалъ себѣ путь въ толпѣ локтями, награждая особенно назойливыхъ здоровыми пощечинами. Надо, впрочемъ, признать, что Петръ и самъ плохо охранялъ свое инкогнито. Поселился въ лачугѣ и купилъ за 450 гульденовъ прекрасный буэръ—легкую парусную яхточку; работалъ топоромъ на верфи, но иногда, вмѣсто работы, катался на буэрѣ; на любопытныхъ жаловался самому бургомистру, и тотъ опубликовалъ приказъ не мѣшать любопытствомъ *знатнымъ иностранцамъ*, которые не хотятъ оказывать своей знатности. Заандамскіе плотники, жившіе въ Москвѣ и Воронежѣ, давно уже написали на родину, что ѣдетъ-де въ Голландію самъ московитскій царь, скрываясь среди мелкихъ чиновъ посольства, а узнать его легко: трясетъ головой, машетъ на ходьбѣ руками, на щекѣ у него бородавка, а ростомъ онъ великанъ.

Наскучивъ заандамскимъ любопытствомъ, Петръ послѣ восьмидневнаго пребыванія въ этомъ городкѣ перебрался въ Амстердамъ. Черезъ Витзена выхлопоталъ онъ себѣ разрѣшеніе работать на верфи Остъ-Индской компаніи; компанія была такъ польщена выборомъ царя, что отдала приказаніе заложить въ его присутствіи новый фрегатъ, чтобы царь могъ прослѣдить постройку съ самаго начала. Здѣсь собственно и началась настоящая работа царя на верфи. Петръ очень внимательно относился къ взятому на себя дѣлу. Ежедневно съ восходомъ солнца отправлялся онъ на верфь и работалъ неустанно до вечера. Вечеромъ, отдохнувъ, отправлялся онъ въ какой-нибудь герберъ и тамъ, закуривъ глиняную голландскую трубку и заказавъ себѣ кружку пива или стаканъ джина, бесѣдовалъ съ посѣтителями герберга, разными корабельными плотниками, кузнецами, матросами, мастерами. Заходилъ онъ иногда и къ кому-либо изъ товарищей по работѣ и просиживалъ въ гостяхъ часа по два, по три за кружкой пива. Отъ мастеровъ онъ требовалъ къ себѣ

обычнаго отношенія. Когда къ нему обращались со словами: „государь“, или „ваше величество“, онъ не отвѣчалъ ничего и молча поворачивался спиной къ спрашивавшимъ; чтобы получить отвѣтъ отъ царя-плотника, его надо было окликнуть словами: „мастеръ Питеръ“. О своемъ пребываніи въ Амстердамѣ и товарищахъ по работѣ на верфи Петръ сохранилъ добрую память. Въ 1717 г. онъ снова посѣтилъ Амстердамъ и написалъ своему сотруднику Н. М. Головину, съ которымъ „вмѣстѣ топоромъ стучали“: „Мѣсто трудовъ вашихъ, откуда источникъ россійскаго флота произошелъ сподобились паки видѣть и пили про ваше здоровье на томъ мѣстѣ; еще доношу, что товарищей вашихъ, кромѣ басовыхъ дѣтей и командора никого нѣтъ... всѣ спрашивали про васъ вначалѣ, а потомъ и о протчихъ, и зѣло удивлялись такъ скорому вашему понятію и произведенію дѣла; при семъ посылаю вашему превосходительству табакъ, который я самъ купилъ...“

Петръ Великій въ голландскомъ гербергѣ послѣ работы.

Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ штатгальтеромъ нидерландскимъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ всюду водить Петра и все ему показывать — китобойныя суда, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; Петръ все смотритъ, изучаетъ, старается схватить суть и мелочи всякаго дѣла. Онъ останавливаетъ за крылья вѣтреную мельницу, чтобы разсмотрѣть ея механизмъ; на писчебумажной фабрикѣ, присмотрѣвшись къ пріемамъ мастера, взялъ онъ форму съ писчебумажной массой и откинулъ листъ безукоризненной правильности; въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Гюйса Петръ присутствовалъ на лекціяхъ по анатоміи и особенно заинтересовался способами бальзамированія труповъ, чѣмъ очень славился Гюйсъ; въ анатомическомъ театрѣ другой знаменитости—Боэргава—Петръ самъ принималъ участіе во вскрытіи труповъ и, замѣтивъ, что его русскіе спутники относятся съ брезгливостью къ этому занятію, заставлялъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа и тянуть сухожилія; отправляясь на яхтѣ въ Лейденъ, Петръ пригласилъ съ собой натуралиста Леувенгока и дорогой разсматривалъ подъ его руководствомъ въ микроскопъ различные препараты; увидавъ работу гравера, царь рѣшилъ, что онъ долженъ знать и это дѣло, засѣлъ со стилемъ въ рукахъ за мѣдную доску и выгравировалъ цѣлую аллегори-

ческую картину, изображающую торжество христіанства надъ мусульманствомъ.

Жизнь Петра за границей была трудовой, дѣятельной. „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами,—писалъ Петръ въ Москву патріарху,—при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ тамо сущихъ освободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану“.

Такимъ образомъ въ трудахъ и въ наукѣ Петръ не забываетъ и той цѣли, ради которой отправилъ въ Европу посольство: домой онъ постоянно пишетъ о томъ, чтобы укрѣпляли Азовъ, разыскивали удобныя гавани по Азовскому морю, чтобы кумпанства неустанно строили корабли. На печати, которою Петръ печаталъ свои письма изъ Голландіи, онъ велѣлъ вырѣзать многозначительную надпись: „Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“.

Снимки съ русской и голландской печатей Петра Великаго времени его путешествія въ 1697 г. Надпись русской печати гласитъ: „Яз бо есмь вчину учимыхъ і учащих мя требую“.

Четыре съ половиной мѣсяца прожилъ Петръ въ Голландіи. Постройка фрегата, заложеннаго на Остъ-Индской верфи, подходила межъ тѣмъ къ концу.

Корабельный мастеръ Клаасъ Пооль выдалъ плотнику Петру Михайлову аттестатъ, въ которомъ писалъ, что означенный Петръ Михайловъ во все время своего пребыванія въ Амстердамѣ былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, а также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиливаніи, мощеніи и смоленіи поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ въ строеніи фрегата „Петръ и Павелъ“ отъ закладки его и почти до окончанія, и т. д.

Но царь былъ недоволенъ своими наставниками-голландцами. Въ написанномъ имъ собственноручно предисловіи къ Морскому регламенту, Петръ такъ разсказываетъ причину своего недовольства: „На Остъ-Индской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ тоя верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его пропорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкото-

рыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышереченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда дѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ ради вышеописанной причины, но когда между разговоровъ спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ, тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ, въ Англіи, сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по

Верфь Остъ-Индской Компаніи въ Амстердамѣ, гдѣ работалъ Петръ Великій. Съ гравюры П. Шенка 1704 г.

которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ черезъ четыре мѣсяца оную науку окончилъ".

Въ Англіи Петръ пробылъ около трехъ мѣсяцевъ, сначала въ Лондонѣ, а потомъ, главнымъ образомъ, въ Дептфордѣ, гдѣ на королевской верфи пополнилъ свое кораблестроительное образованіе и съ технической и практической стороны.

Въ Англіи онъ велъ тотъ же образъ жизни, что и въ Голландіи. Въ Лондонѣ, Портсмутѣ, Вуличѣ осматривалъ арсеналы, доки, мастерскія, музеи, кабинеты рѣдкостей, часто ѣздилъ на военные корабли англійскаго флота, детально разсматривалъ ихъ устройство, присматривался ко всему, вплоть до количества ядеръ и калибра пушекъ на кораблѣ. Для Петра англійское правительство устраивало морскіе маневры, и московскій царь, обладатель тогда

еще совершенно континентальной державы, не безъ досадливой зависти смотрѣлъ на могучій флотъ царицы морей, на ея испытанныхъ адмираловъ и капитановъ. Раза два заходилъ Петръ въ англиканскія церкви, былъ на засѣданіи парламента, но эта сторона жизни, видимо, его мало интересовала; съ завода, фабрики, изъ мастерской его нельзя было увести, а для собесѣдованія съ англійскими епископами, сдѣлавшими ему визитъ, у него не хватило матеріала даже для получасового разговора. „Повидимому, у Петра не было ни охоты ни досуга всматриваться въ политическій и общественный порядокъ Западной Европы, въ отношенія и понятія людей западнаго міра,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій.— Попавъ въ Западную Европу, онъ прежде всего забѣжалъ въ мастерскую ея цивилизаціи и не хотѣлъ итти никуда дальше, по крайней мѣрѣ оставался разсѣяннымъ, безучастнымъ зрителемъ, когда ему показывали другія стороны западно-европейской жизни. Когда онъ въ августѣ 1698 г. возвращался въ отечество съ собранными за полтора года путешествія впечатлѣніями, Западная Европа должна была представляться ему въ видѣ шумной и дымной мастерской съ ея машинами, молотками, фабриками, пушками, кораблями и т. д.“. При визитѣ своемъ англійскому королю, Петръ оставилъ совершенно безъ вниманія прекрасную картинную галлерею королевскаго Кенсингтонскаго дворца, но очень заинтересовался приборомъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра, находившимся въ комнатѣ короля. Искусствами, преимущественно живописью, Петръ заинтересовался потомъ, во время своего второго большого путешествія въ 1716—17 гг., когда покупалъ много картинъ и статуй и навыкъ очень тщательно разбираться въ произведеніяхъ искусства.

Тѣмъ не менѣе, не надо думать, что Петръ совершенно не замѣчалъ, кромѣ технической, никакихъ другихъ сторонъ западно-европейской жизни. Онъ просто не подходилъ къ нимъ, но прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ, что́ въ Европѣ казалось ему хорошо, и что́ нѣтъ. Слѣпымъ западникомъ-подражателемъ онъ также никогда не былъ. Уже послѣ второго путешествія, когда кто-то сталъ при немъ расхваливать французскую жизнь и порядки, Петръ возразилъ:

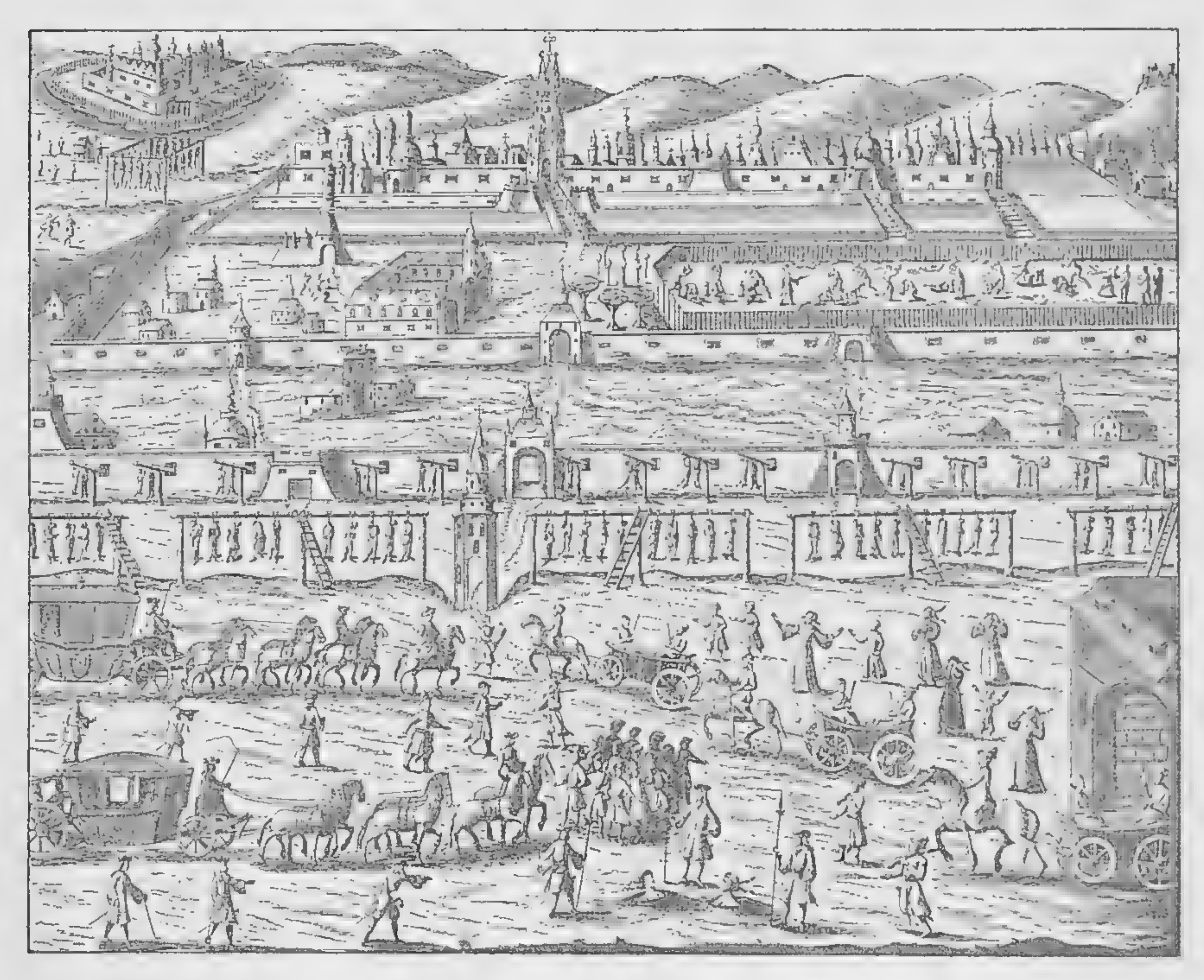
— Хорошо перенимать у французовъ науки и художества, и я бы хотѣлъ это видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ воняетъ.

Составляя программу одной рѣчи, которую опытный риторъ долженъ былъ сказывать на торжествѣ мира со Швеціей, Петръ предписывалъ какъ можно сильнѣе выразить мысль, что иностранцы всячески старались не допустить насъ до свѣта разума, но проглядѣли, и мы сами перенесли къ себѣ этотъ свѣтъ чудомъ Божіимъ. „Сіе пространно развести надлежитъ, — гласитъ его собственноручная отмѣтка на программѣ,— и чтобъ сенсу (чувства) было довольно“.

Изъ Англіи Петръ вернулся въ Голландію, откуда черезъ три недѣли выѣхалъ въ Вѣну и думалъ уже отправиться въ Венецію,

тогда еще не утратившую своего морского могущества, какъ почта изъ Москвы привезла грозныя вѣсти: князь-кесарь Ромодановскій писалъ царю, что стрѣльцы взбунтовались и грозятъ разметать Москву. Петръ оставилъ мысль посѣтить Венецію и поскакалъ домой.

Наступили, быть-можетъ, самые страшные дни въ жизни Петра. Передъ нимъ угрожающе встали ненавистные образы сестры Софьи, Шакловитаго, вспомнились ужасы, пережитые въ дѣтствѣ, поднялись опасенія, какъ бы не погибло все то, что онъ, Петръ, сдѣлалъ и думалъ сдѣлать для Россіи. Царь былъ внѣ себя во время расправы со стрѣльцами. Въ Москву онъ прибылъ послѣ того, какъ

Казни стрѣльцовъ въ октябрѣ 1698 г. Съ гравюры въ дневникѣ І. Г. Корба.

его генералы разбили стрѣльцовъ и уже нарядили судъ надъ ними. Суровыя казни главарей показались Петру недостаточны, и онъ предалъ казнямъ всѣхъ сколько-нибудь замѣшанныхъ въ возстаніи стрѣльцовъ. Во время розыска онъ, какъ разсказываютъ, не утерпѣвъ, самъ рубилъ въ пыточномъ застѣнкѣ стрѣлецкія головы. Стрѣлецкое войско было уничтожено. „Но стрѣльцы являлись только застрѣльщиками, вооруженной силой, за которой стояла масса людей, недовольныхъ преобразованіями, противныхъ всему тому, чѣмъ уже заявилъ Петръ свою дѣятельность, съ чѣмъ связалъ себя невозвратно, безъ чего не могъ уже существовать,—

говоритъ С. М. Соловьевъ.—Эти люди считали царя антихристомъ, переживаемое время – послѣднимъ передъ Страшнымъ судомъ временемъ. Въ ихъ глазахъ царь явно сложился съ нѣмцами и уѣхалъ къ нимъ за границу. Что тамъ съ нимъ дѣлается, неизвѣстно; правятъ бояре, а тутъ повсюду идутъ толки о старой и новой вѣрѣ: сойдутся гдѣ двое-трое, заговорятъ о томъ, что происходитъ, и всегда всякая рѣчь сбивается на одно: „Государь нашъ въ чужой сторонѣ! А что безъ него дѣлается? Бояре хотятъ царевича удушить, бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ самъ царемъ хочетъ сдѣлаться, а царевна-то Софья живетъ въ заточеніи, плачетъ горькими слезами за народъ". Отъ имени царевны и съ ея согласія распространялись прокламаціи, призывавшія народъ итти просить царевну снова на державство, избить солдатъ и нѣмцевъ".

Петръ хорошо зналъ всѣ эти толки и призывы. Слѣдствіе надъ стрѣльцами отчетливо установило, кто и зачѣмъ хотѣлъ воспользоваться ихъ нелюбовью къ царю Петру и его порядкамъ. „Петръ хорошо зналъ, какъ смотрѣли на его дѣятельность эти люди,—говоритъ С. М. Соловьевъ:—но онъ не откажется имъ въ угоду отъ своей дѣятельности, напротивъ, онъ ее усилитъ и слѣдовательно возбудитъ противъ себя еще большую ненависть, большее ожесточеніе; сознаніе этого ожесточенія въ другихъ страшно ожесточаетъ его самого; онъ готовъ къ борьбѣ на жизнь и смерть, онъ возбужденъ, онъ кипитъ, первый пойдетъ напроломъ, онъ бросится на знамя противниковъ, вырветъ и потопчетъ его: это знамя—борода, это знамя—старинное длинное платье".

На Руси уже давно были охотники до бритья бородъ и до короткаго платья на иноземный манеръ. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ царскимъ указомъ (1681 г.) велѣно было всѣмъ придворнымъ и думнымъ чинамъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ; одно время было даже запрещено являться не только во дворецъ, но даже въ Кремль въ старинныхъ длинныхъ платьяхъ. Въ правленіе царицы Натальи старое платье опять восторжествовало. Когда при дворѣ и возлѣ царя появились всюду короткополые, щуплые, бритые табачники „нѣмцы" и взяли явно верхъ, то противники „новинъ" съ духовенствомъ во главѣ особенно стали ратовать за бороду и старое платье. Патріархъ Адріанъ издалъ цѣлое посланіе противъ брадобрійцъ, именуя ихъ „котами", и стращалъ православныхъ вопросомъ: если они обреютъ бороды, то гдѣ станутъ на Страшномъ судѣ:—съ праведными ли, украшенными брадою, или съ бритыми еретиками? Можно себѣ представить, какимъ огнемъ ненависти загорались черные глаза Петра, когда онъ почувствовалъ въ бородахъ и длинномъ платьѣ молчаливое осужденіе своей дѣятельности.

Петръ пріѣхалъ въ Москву 25-го августа 1699 года. Утромъ 26-го толпа всякаго народа—знати и простыхъ—была въ Преображенскомъ. Петръ весело и радушно принималъ всѣхъ. Разговаривая съ боярами и высшими чинами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, пощадивъ только двухъ древнихъ стариковъ,

чуть ли еще не помнившихъ время царя Михаила; царскій намекъ поняли многіе и обрились, надѣвъ кстати голландскіе кафтаны, а недогадливымъ въ день тогдашняго Новаго года, праздновавшагося еще по-старинному 1-го сентября, рѣзали бороды ножницами царскіе шуты. Послѣ этого, кто не хотѣлъ бриться, тотъ долженъ былъ платить извѣстную пошлину.

Пребываніе за границей принесло съ собой и еще нѣкоторыя новшества: по примѣру иностранныхъ государей, Петръ учредилъ въ Россіи орденъ св. Андрея Первозваннаго, какъ знакъ отличія, и съ 1700 г. велѣлъ считать Новый годъ не съ 1-го сентября, а съ 1-го января.

Среди всѣхъ страшныхъ событій, связанныхъ съ розыскомъ

Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время.
Съ современной голландской гравюры.

о стрѣльцахъ, Петръ не забывалъ болѣе важнаго. Черезъ два дня послѣ стрѣлецкихъ казней онъ спѣшно отправился въ Воронежъ и здѣсь все нашелъ въ порядкѣ. „Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеи обрѣли,—писалъ онъ изъ Воронежа.—Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающіи не получаютъ видѣти. Обаче надѣемся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити".

Петру выпало на долю счастье вкусить отъ плода дѣлъ своихъ, и всѣ обуревавшія его сомнѣнія не оправдались. Назрѣвали событія, которыя „тяжкимъ млатомъ", по выраженію поэта, ударили на Петра и его дѣло. Петру пришлось оставить большія при-

готовленія къ борьбѣ съ турками и перенестись со всей его волей и энергіей на берега холоднаго Балтійскаго моря, гдѣ готовилась борьба съ новымъ врагомъ, который былъ, пожалуй, пострашнѣе турокъ.

Во время путешествія по европейскимъ дворамъ великаго посольства выяснилось, что цесарь и Польша не очень охотятся продолжать войну съ Турціей и готовы заключить миръ съ турками. Петру предстояло или взять всю тяжесть войны съ Турціей на свои плечи, или тоже пойти на миръ. Петръ рѣшилъ мириться. Но это значило терять всякую надежду утвердиться на Черномъ морѣ, оставлять безъ добраго плода весь тотъ посѣвъ, который былъ сдѣланъ постройкой флота въ Воронежѣ и организаціей новой арміи для осады Азова.

Но опытъ азовскихъ походовъ и приготовленій къ нимъ не пропалъ даромъ. Вмѣсто Азовскаго—Балтійскому морю суждено было стать новой цѣлью энергичной дѣятельности Петра. Для него давно стало ясно, что безъ моря Россія не можетъ существовать, какъ сильное, могучее европейское государство. Море, которымъ въ этихъ цѣляхъ стоило овладѣть, было одно—Балтійское. Къ овладѣнію имъ обращалась еще мысль царя Ивана. При царѣ Алексѣѣ русскіе дипломаты очень добивались у курляндскаго герцога получить хоть одну гавань для Россіи, но герцогъ дипломатично отвѣтилъ, что царскому величеству пристойнѣе имѣть корабли у своего города Архангельска.

Эту мысль о морѣ унаслѣдовалъ и Петръ. Но балтійскими волнами владѣла тогда могущественная Швеція, обладавшая лучшей въ Европѣ того времени арміей, и она-то ужъ, конечно, не могла уступить это море Россіи даромъ. Петру Великому предстояла упорная и трудная борьба. Въ этой борьбѣ союзниками могли быть всѣ тѣ, кого Швеція обидѣла въ XVII в., т.-е. Данія и Польша по преимуществу. На обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Москву, при вѣсти о бунтѣ стрѣльцовъ, Петръ бесѣдовалъ съ польскимъ королемъ Августомъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, хотя признавалъ возможнымъ осуществить это не ранѣе, какъ по заключеніи мира съ Турціей. Въ 1699 г. въ селѣ Преображенскомъ уже велись переговоры русскихъ и польскихъ дипломатовъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи. Тайный договоръ въ этомъ смыслѣ и былъ заключенъ 1-го ноября 1699 г. Король польскій и курфюрстъ саксонскій Августъ, въ качествѣ послѣдняго, долженъ былъ начать войну вторженіемъ въ Лифлянію съ саксонскими войсками и склонить Польшу присоединиться. Царь Петръ обязывался, по заключеніи мира съ Турціей, двинуть войска въ Ингрію и Карелію. Августъ исполнилъ свое обязательство. Въ началѣ 1700 г. его саксонское войско вступило въ Лифлянію и осадило Ригу. Августъ требовалъ, чтобы и царь объявилъ войну Швеціи, но Петръ, помня условіе, отвѣтилъ: „Если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра двину свои войска въ Швецію“. 8-го августа Петръ получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей, а 9-го его полки уже вступали на шведскую территорію.

Такъ началась Великая Сѣверная война, длившаяся 21 годъ. Среди тяжелыхъ и радостныхъ событій этой войны проходитъ вся дальнѣйшая жизнь и дѣятельность Петра. Проходятъ всѣ тѣ реформы, которыя, послѣ того, какъ было прорублено счастливымъ окончаніемъ войны окно въ Европу, сдѣлали Россію европейскимъ государствомъ.

Самъ Петръ впослѣдствіи не разъ бывалъ за границей. События Сѣверной войны заставляли его довольно часто и подолгу проживать то въ шведскихъ, то въ польскихъ областяхъ; бывалъ онъ въ Пруссіи, Даніи, Чехіи, Галиціи, Саксоніи. Годы 1716—1717 Петръ почти сплошь провелъ за границей. Но это были путешествія не человѣка, изучающаго мастерства и науки, какъ во время перваго путешествія, а разъѣзды царя-воина и дипломата. Путемъ, намѣченнымъ Петромъ при его первомъ путешествіи, вмѣсто него пошли десятки и сотни другихъ русскихъ людей, которые направились по его примѣру и приказу въ Европу учиться тамошней наукѣ и техникѣ,—больше, впрочемъ, техникѣ, чѣмъ наукѣ.

Первымъ невольнымъ путешественникамъ за границу дана была такая программа: 1) узнать чертежи или карты и компасы; 2) владѣть кораблемъ какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ принадлежности: паруса, веревки, весла и пр.; 3) если кто захочетъ получить милость большую, то долженъ знать, какъ дѣлать суда; 4) сколь возможно искать морского боя; видѣвшимъ и не видѣвшимъ битвы взять у начальниковъ морскихъ свидѣтельства за подписью и печатями о годности къ службѣ; 5) обучить съ собою вмѣстѣ двухъ солдатъ морскому дѣлу, а если можно, то и больше, и привезти такихъ въ Москву. Впослѣдствіи программа наукъ была усложнена, и на экзаменѣ возвратившимся изъ-за границы предъявлялись довольно строгія требованія, имѣвшія въ виду провѣрить и теоретическія познанія прошедшихъ западную выучку молодыхъ людей.

Посланнымъ за границу приходилось жить въ совершенно чуждой имъ обстановкѣ по нѣскольку лѣтъ сряду; сколько времени уходило только на то, чтобы выучиться языку! Когда преодолѣвалась эта основная трудность, московскій юноша получалъ возможность больше и ближе входить въ чуждую ему до того обстановку западно-европейскаго быта, и тогда, кромѣ науки, изучать которую его послали, онъ впитывалъ въ себя тѣ начатки „людскости", общественности, которыя создала западно-европейская культура въ самыхъ пріемахъ и способахъ общенія людей другъ съ другомъ. Черезъ возвратившихся въ Россію петровскихъ птенцовъ, „людскость" и „политесъ", какъ тогда говорили, стали входить и въ русскіе нравы.

Нѣкоторые, сравнительно очень немногіе, изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ за границу оставили записки о пережитомъ и видѣнномъ ими. Эти записки даютъ намъ великолѣпное представленіе какъ о людяхъ, которые поѣхали за границу, такъ

и о томъ, что и какими путями входило въ ихъ сознаніе, и душевный запасъ изъ всего видѣннаго и слышаннаго ими въ чужихъ краяхъ. „Эти первыя путешествія,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—очень любопытны въ смыслѣ общественной психологіи. Путешественники были на самомъ перепутьѣ отъ старой Россіи къ новой. Дома реформа Петра еще только начиналась и не успѣла подѣйствовать настолько, чтобы путешественники могли быть приготовлены къ тому зрѣлищу, которое ожидало ихъ въ Европѣ. Они являлись туда во многихъ отношеніяхъ людьми стараго вѣка: все ихъ поражало; но, долго живши въ новой средѣ, они должны были присмотрѣться и привыкнуть къ чужимъ обычаямъ; при этомъ сами собой ослабѣвали старыя предубѣжденія, и имъ постоянно приходилось дивиться высокому знанію и искусству, произведенія которыхъ они впервые видѣли здѣсь и въ такомъ изобиліи. Наконецъ имъ, хотя бы поневолѣ, надо было учиться, и они должны были убѣждаться, что наука есть дѣло человѣческаго знанія и соображенія, а не чернокнижіе, не дѣло нечистой силы, какъ полагали ихъ дѣды и даже отцы, привѣтствовавшіе ссылку Артамона Матвѣева за то, что у него были найдены цыфирныя книги, т.-е. просто книги польской печати съ арабскими цифрами, какіе-нибудь учебники ариѳметики или книги по астрономіи, вѣроятно. Конечно, не надо думать, что первое знакомство съ Западомъ сразу и кореннымъ образомъ передѣлывало русскихъ людей въ европейцевъ. Какъ всегда бываетъ при столкновеніи людей меньшей культурности съ носителями вѣковой культуры, первые начинаютъ съ того, что подчиняются внѣшнимъ проявленіямъ культуры и перенимаютъ новую одежду, новыя манеры, новую домашнюю обстановку. Если теперь принять въ расчетъ, что наука, которую должны были изучать петровскіе птенцы, была техническая, а дома ихъ окружалъ по возвращеніи стародавній укладъ московской жизни, то станетъ понятно, что настоящее вліяніе новаго образованія и сближенія съ Западомъ легко отступало въ умахъ и сердцахъ возвратившихся на второй планъ передъ пріобрѣтенными съ дѣтства московскими привычками. Брауншвейгскій резидентъ въ Петербургѣ, Веберъ, одинъ изъ умнѣйшихъ наблюдателей русской жизни петровскихъ временъ, такъ и отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что нѣкоторые русскіе во время своихъ заграничныхъ путешествій вѣжливостью и хорошимъ обращеніемъ пріобрѣтаютъ любовь и уваженіе иностранцевъ... Но если бы эти иностранцы побывали сами въ Россіи и стали отыскивать своихъ знакомцевъ, то увидѣли бы, что большая часть ихъ отбросили пріобрѣтенные въ чужихъ краяхъ обычаи и, показывая только несносное чванство, потому что усвоили внѣшній лоскъ, душевныя же ихъ способности остались невоздѣланными, живутъ такъ, какъ жили въ старину“.

Въ началѣ иначе не могло и быть: особенно мягкихъ и культурно-нравственныхъ впечатлѣній русскимъ путешественникамъ не могъ дать и тогдашній Западъ, въ смыслѣ той толпы, тѣхъ за-

падныхъ среднихъ людей, въ гущу которыхъ погрузила русскихъ учениковъ властная рука Петра: на заводахъ, верфяхъ, фабрикахъ, на корабляхъ, галерахъ, въ иноземныхъ полкахъ русскіе пришельцы встрѣчали общество людей, далеко не принадлежавшихъ къ цвѣту европеизма, и самое большее, чему могли у нихъ научиться, и было прежде всего именно все внѣшнее. За это внѣшнее успѣли перешагнуть очень немногіе. Самъ Петръ прежде всѣхъ, конечно. Его часто упрекаютъ въ слишкомъ узкомъ прикладномъ пониманіи науки, отъ которой онъ якобы хотѣлъ только технической пользы для государства, но, думается, такіе факты, какъ общеніе съ Лейбницемъ и Вольфомъ, основаніе библіотеки и академіи наукъ въ Петербургѣ, обоснованіе самой теоріи своей власти на выводахъ тогдашней науки о государствѣ, позволяютъ думать о Петрѣ иначе: если не сразу, то къ концу жизни онъ понялъ европейскую культуру шире, чѣмъ въ началѣ, и увидѣлъ въ западной наукѣ двигателя не только одной промышленной техники. За то же говорятъ печатавшіяся по его распоряженію книги. Среди его питомцевъ, учившихся за границей, мы знаемъ такихъ, которые читали Лейбница и Бейля, интересовались изящной и научной литературой, пробовали сами сочинять и писать, умѣли любоваться художественными сокровищами Италіи. Это были единицы, правда, но они были, и это позволяетъ думать, что сѣмена европейской культурности падали все-таки на добрую почву и приносили добрые плоды, создавая среду людей, способныхъ къ дальнѣйшему развитію запавшихъ на русскую почву обще-европейскихъ началъ.

А такъ, въ смыслѣ толпы, кучки русскихъ за границей въ петровское время являли собой довольно-таки безотрадное зрѣлище. Первое посольство оставляло занимаемыя имъ помѣщенія обыкновенно въ столь загрязненномъ видѣ, что иностранцы только руками разводили, какъ это люди могли такъ загрязнить комнаты и мебель въ такой короткій срокъ. Самъ Петръ оставлялъ тогда отведенныя ему комнаты съ испачканными диванами, изрѣзанной и истыканной безсмысленными ударами шпаги или кортика мебелью, изорванными обоями и коврами, съ вытоптанными цвѣтниками, поломанными рѣшетками садовъ, разбитыми статуями. Его навигаторы въ этомъ отношеніи вели себя, какъ необузданные дикари. Князь Иванъ Львовъ, надзиравшій за русской молодежью, учившеюся за границей, убѣдительно просилъ въ 1711 г. Петра не посылать русскихъ въ Англію, ибо они тамъ только пьютъ и на кулачки бьются съ англичанами. Англійскій боксъ нашелъ, очевидно, себѣ поклонниковъ среди пріѣзжихъ. На то же обстоятельство жаловался позднѣе и русскій посолъ въ Англіи, которому пришлось разъ „ублажать“ англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ. Надзирателю, князю Львову, приходилось туго отъ навигаторовъ, которымъ чрезвычайно неаккуратно высылали жалованье. Они требовали денегъ съ Львова и грозили даже его побить. „Изсушили навигаторы не только кровь, но уже

самое сердце мое: я бы радъ, чтобы они меня тамъ убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злострадание имѣть и несносныя тягости". Львовъ кончилъ тѣмъ, что сталъ скрываться отъ своихъ подначальныхъ.

Въ письмахъ Конона Зотова, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ сообщеніяхъ часто встрѣчаются описанія, какъ навигаторы подрались, напились, схватились за шпаги и покололи другъ друга „нечестнымъ обычаемъ". И все таки какой-то лоскъ, видимо, ложился на эти дикія натуры, потому что, когда они возвращались, то свои, не бывавшіе за границей, встрѣчали ихъ „насмѣшкой и ругательствомъ за европейскіе обычаи, въ насъ примѣченные", — пишетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ навигаторовъ.

По нѣкоторымъ запискамъ русскихъ людей временъ Петра, бывавшихъ за границей, можно себѣ представить, какую толщу не только невѣжественной московской косности, но и просто незнанія приходилось преодолѣвать впечатлѣніямъ Запада, несмотря на то, что вторая половина XVII вѣка, введшая „нѣмца" въ русскую жизнь на мѣстѣ, порядочно смягчила прежнюю русскую нетерпимость. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ въ этомъ отношеніи является дневникъ Петра Андреевича Толстого, веденный имъ во время заграничной поѣздки съ 26 февраля 1697 г. по 27 января 1699 г. Въ дневникѣ Толстого любопытно переплетаются старая московская нетерпимость къ еретическому Западу и новое ученическое отношеніе къ нему, захватывавшее непосредственную натуру своими поражающими впечатлѣніями даже противъ ея воли. Истый москвитянинъ, полный воспоминаній объ исконномъ соперничествѣ съ Польшей, Толстой въѣзжаетъ въ предѣлы королевства, готовый все хулить и не одобрять; но по мѣрѣ того, какъ онъ дальше продвигается по польскому краю, тонъ его замѣтокъ довольно-таки смягчается. Въ Борисовѣ, за Могилевомъ, онъ не безъ чувства собственнаго превосходства говоритъ о плѣненной поляками русской иконѣ, почернѣвшей оттого, что находится въ плѣну у еретиковъ, несмотря на всѣ ихъ старанія отмыть чудесную черноту, а въ Ченстоховѣ онъ ужъ не безъ благоговѣнія сравниваетъ образъ Ченстоховской Божіей Матери

Графъ П. А. Толстой

съ образомъ Владимирской и признаетъ первую тоже письма евангелиста Луки.

А впечатлѣнія торжествующаго Запада неслись ему навстрѣчу, нагромождаясь одно на другое. Онъ проѣхалъ Силезію, или Шленскую землю, видѣлъ Ольмюцъ, „великія венгерскія горы, зѣло высокія, которыя высотою равнялись облакамъ“, его поразила своимъ блескомъ и роскошью Вѣна, полная монастырей, церквей, высокихъ домовъ, „только греческой вѣры монастырей и церквей ни единой“. Въ императорскихъ загородныхъ садахъ московскій путешественникъ увидѣлъ „многіе травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками по препорціи и множество плодовитыхъ деревъ съ обрѣзанными вѣтвями, ставленныхъ архитектурально, и не малое число подобій человѣческихъ мужеска и женска полу изъ мѣди... И одна великая палата, что называютъ театрумъ, въ которой бываютъ для увеселенія цесарскаго комеди“. Видѣлъ онъ въ Вѣнѣ большой госпиталь, при которомъ была аптека, садъ и церковь, а постели въ „шпиталѣ“ съ „зелеными стамедовыми завѣсами“, и „принимаютъ въ тотъ шпиталь болящихъ и покоятъ ихъ и лѣчатъ съ прилежаніемъ и держатъ въ томъ шпиталѣ болящихъ безъ заплаты, дѣлая то для вѣры христіанской и для спасенія души“.

Черезъ пятнадцать недѣль послѣ выѣзда изъ Москвы, испытавъ рядъ сильныхъ впечатлѣній, Толстой добрался до Венеціи. Странный, удивительный городъ, точно сказочное чудо, вздымался своими мраморными дворцами прямо изъ моря; улицы водяныя, нѣтъ ни каретъ, ни телѣгъ, „а саней и вовсе не знаютъ“. Толстой смотрѣлъ великое созданіе зодчества—храмъ св. Марка, дворецъ дожей, и очень поразился той свободой, съ которой люди всякаго чина входили въ палаты дожа: въ сѣняхъ торговые люди продаютъ калачи и коврижки, и люди покупаютъ и тутъ же ѣдятъ „безъ стыда“. Сами „венеціане люди умные, политичные и ученыхъ людей здѣсь много; однакожъ, нравы имѣютъ видомъ неласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны... Вина пьютъ мало, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонаты, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ быть человѣку пьяну невозможно. И народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ“... Венеціане вообще живутъ весело, „ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякой дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страха и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей“... Въ этихъ словахъ звучитъ не только побѣжденное предубѣжденіе православнаго москвитянина передъ еретическимъ Западомъ, но и нотки нѣкотораго чувства зависти къ Западу на мотивѣ сознанія, что этого-то несомнѣнно хорошаго и ладнаго, этого житья безъ страха обиды у насъ нѣтъ: у насъ, наоборотъ,

страхъ обиды, не можешь заниматься, чѣмъ хочешь, подати тягостныя, и надъ всѣмъ и всѣми царятъ страхъ, казни, жестокія муки и ссылка.

Въ Веронѣ Толстой дивился укрѣпленіямъ города, „математическимъ разумомъ уфортификованнаго“; въ Миланѣ палъ ницъ передъ дивной мраморной легендой собора съ его обиліемъ святынь и сокровищъ, коихъ тамъ „неудобь сказуемое множество“; и опять находитъ онъ госпиталь на тысячу человѣкъ со многими лѣкарями, при чемъ за больными ухаживаютъ „честные люди“, т.-е. богатые и знатные, ради исполненія христіанскаго долга. Обиліе святынь, находящихся въ рукахъ западной церкви, еще въ самомъ началѣ путешествія поразило Толстого, и изъ его языка само собой исключилось привычное москвитянину наименованіе всего западнаго, католическаго, поганымъ.

Въ Неаполѣ онъ любуется видомъ на море и весь городъ; онъ посѣщаетъ академію, въ ней онъ насчитываетъ „120 палатъ великихъ, и сдѣланы тѣ палаты вверхъ въ пять житей. Въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи, и до богословія, и иныхъ высокихъ наукъ, и анатоміи. Въ той академіи бываетъ студентовъ 4.000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ“... Отмѣчена и жара неаполитанская, происходящая отъ того, что „Неаполь надъ зодіей темперамента и близокъ къ экватору, всего высокости на сорокъ трехъ градусовъ, а въ лѣтѣ жары отъ солнца бываютъ въ Неаполѣ непомѣрныя“.

Изъ Неаполя Толстой проѣхалъ на Мальту, видѣлъ „Цецилійскій островъ“, снова прибылъ въ Неаполь и проѣхалъ отсюда въ Римъ. Описаніе вѣчнаго города полно у Толстого удивленія и восхищенія передъ произведеніями искусства, наполняющими Римъ, и благоговѣнія передъ его святынями. Посѣтилъ Толстой и Флоренцію, чтобы „видѣть всякія вещи, которыя потребно форестирамъ смотрѣть“. Архитектура, живопись, музыка, все, чѣмъ богата Италія и созерцать что съ давнихъ поръ съѣзжаются каждый годъ тысячи „форестировъ“, т.-е. чужестранцевъ, произвели на Толстого сильное впечатлѣніе. Дневникъ его въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ пестритъ замѣчаніями: „дивная работа“, „преудивительное мастерство“, такое, что „языкъ человѣческій и сказать подробно не можетъ“.

Долго не могъ онъ только разобраться въ музыкѣ. Любопытно его музыкальное впечатлѣніе отъ органа въ Падуѣ. Эти „органы“,— по его описанію, — „удивительно пребезмѣрно громогласны и кажется такъ отъ голосовъ тѣхъ органовъ якобы всей церкви потрясатися; на тѣхъ органахъ сдѣлана звѣзда золоченая, которая во время игранія на тѣхъ органахъ блескаетъ, переходя по трубамъ тѣхъ органовъ; потомъ въ тѣхъ органахъ свищетъ подобно птицѣ кинарейкѣ или соловью; потомъ въ тѣхъ органахъ, когда отопрутъ всѣ голосы и трубы, тогда не останется ни одинъ инструментъ ото всей музыки, который бы въ тѣхъ органахъ не отзывался играніемъ: въ началѣ органъ, цимбалъ, скрипицы, басы, шторъ,

архы, флейтъ, вольногамбы, цитры, трубы, литавры и иные всякіе мусикійскіе инструменты; когда закроють многіе голосы, тогда на тѣхъ органахъ будуть отзываться трубы властно, какъ трубять трубачи на двойныхъ перекличкахъ, якобы одни издалека, а другіе изблизка, и иныя многія штуки въ тѣхъ органахъ". „Письма", т.-е. картины итальянскихъ мастеровъ, вызывали „безмѣрное удивленіе" нашего путешественника, казались ему точно живыя, и онъ не находитъ словъ для восхваленія картинъ, скульптуръ, „разнаго преузорочнаго мастерства", которое „уму человѣческому непостижимо", и которое такъ дивно хорошо, что „подлинно описать невозможно". Только передъ древними статуями греческихъ и римскихъ боговъ и героевъ Толстой останавливался неохотно -это были, по его мнѣнію, поганскіе идолы, и мѣсто для нихъ только въ аду.

Если скудныя и довольно отрывочныя замѣтки дневника и не позволяютъ полно и глубоко освѣтить результаты, вынесенные ихъ авторомъ изъ поѣздки, то одно вытекаетъ изъ нихъ несомнѣнно:—Толстой возвратился на родину, значительно пополнивъ свой умственный багажъ, ставъ, какъ говорится, лицомъ къ Западу, прочувствовавъ и усвоивъ, хотя, можетъ-быть, и внѣшне, но прочно, западную культуру. Толстой былъ уже пожилымъ человѣкомъ, когда вызвался охотой ѣхать за границу, и этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить нѣкоторую неподатливость его на воспріятіе смысла видѣннаго и слышаннаго имъ. На передачу многаго у него, съ другой стороны, можетъ-быть, просто не хватало русскихъ словъ, а итальянскій языкъ онъ зналъ плохо, учась ему во время самаго путешествія. Однако потомъ онъ настолько освоился съ итальянскимъ языкомъ, что свободно читалъ и говорилъ по-итальянски и даже перевелъ съ итальянскаго „Метаморфозы" Овидія. Изъ дневника Толстого не видно, чтобы онъ вошелъ въ иноземную жизнь и пожилъ, какъ членъ иноземнаго общества. Для этого онъ былъ и старъ, да и самое пребываніе его въ Италіи длилось не очень продолжительно: годъ и четыре мѣсяца.

Совсѣмъ другое въ этомъ смыслѣ явленіе—записки князя Бориса Ивановича Куракина. Это человѣкъ молодого поколѣнія, онъ на четыре года моложе Петра; по двадцать первому году его отправили въ первой партіи стольниковъ учиться навигаціи; возвратившись, онъ продѣлалъ нарвскій походъ, участвовалъ во взятіи Шлиссельбурга, ходилъ на судахъ азовскаго флота въ Царьградъ. Въ 1705 году долженъ былъ итти въ польскій походъ, но по болѣзни получилъ отпускъ и поѣхалъ лѣчиться за границу; объѣхалъ Германію, Голландію, Италію. Съ 1711 г. онъ—полномочный министръ русскаго царя при англійскомъ дворѣ и въ Нидерландахъ, участвуетъ во всѣхъ важныхъ дипломатическихъ „акціяхъ" петровскаго царствованія и съ 1724 г. проживаетъ „яко чрезвычайный и полномочный посолъ" въ Парижѣ, гдѣ онъ черезъ два года и скончался.

По отзыву всѣхъ, знавшихъ его, князь Куракинъ былъ

однимъ изъ виднѣйшихъ государственныхъ людей петровскаго времени и замѣтнымъ дипломатомъ среди тогдашнихъ представителей дипломатіи въ Европѣ. Обладая счастливою способностью быстро и легко усваивать языки тѣхъ странъ, куда его кидала судьба, князь Борисъ быстро и легко входилъ въ общеніе съ людьми тѣхъ мѣстностей, гдѣ жилъ, и всюду становился живымъ, интереснымъ и дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго лучшаго общества. Проживая долго за границей, князь Куракинъ привыкъ говорить довольно страннымъ языкомъ, прихотливо пересыпая свою русскую рѣчь словами латинскаго, итальянскаго и французскаго происхожденія. На этомъ языкѣ написаны имъ записки и „исторія" его времени, являющіяся однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Петра Великаго.

Человѣкъ общественный, онъ не забываетъ отмѣтить въ своихъ запискахъ не только чудеса искусства, науки и техники, но и то, гдѣ живется лучше и веселѣй. Сравнивая Гаагу и Амстердамъ, онъ находитъ, что „луччей плезиръ форестирамъ въ Голландіи— въ Гагѣ, нежели въ Амстердамѣ". „Плезиръ гагской" состоитъ для него вотъ въ чемъ: „Первое: смотрѣть, какъ перемѣняются пополудне три часа, квардія конная и пѣхота карауловъ. Другое: въ каретахъ ѣздятъ... на вечеръ на осамлеи кумпаніями, такъ, кто съ кѣмъ согласенъ, тѣ съ тѣми и осамлеи дѣлаютъ во всю недѣлю". Большимъ удовольствіемъ рисуются Куракину поѣздки на морской берегъ и за городъ. Очень одобряетъ онъ „ехатбище поутру и ввечеру въ кофейные домы, въ которыхъ и въ карты играютъ". По его взглядамъ, надо днемъ „друзьямъ визиту отдавать. На вечеръ остаются комедія, опера и прочее". Какъ видимъ, князь Куракинъ интересуется мѣстными обычаями въ обществѣ, стремится принять участіе въ его жизни. Рядомъ съ этимъ, какъ и Толстого, его поражаетъ западное искусство, и такъ же грубовато онъ формулируетъ свое внѣшнее впечатлѣніе отъ видѣннаго. Въ Роттердамѣ онъ записалъ: „Та аустерія, гдѣ я стоялъ, при площади той, гдѣ стоитъ сдѣланъ мужикъ вылитой, мѣдной, съ книгой на знакъ тому, которой былъ человѣкъ гораздо ученой и часто людей училъ и тому на знакъ то сдѣлано". Этотъ „мужикъ вылитой, мѣдной"— памятникъ Эразму Роттердамскому.

Всюду, куда бы его ни заносила судьба, князь Борисъ старался войти въ общество, какъ равный первымъ въ странѣ людямъ, высоко держа „честь и славу государства Россійскаго и патріи и имени своего дому Корибутовъ-Куракиныхъ", князей наслѣдственныхъ литовскихъ, хотя бы это высокое держаніе стоило ему „разоренія въ иждивеніи". При описаніи своего итальянскаго „віажа" онъ больше всего разсказываетъ о дипломатическихъ и свѣтскихъ обычаяхъ, о пріемахъ, „визитахъ принцамъ и кавалерамъ", о жизни „жентиломовъ", какъ надо къ нимъ относиться и какъ они себя держатъ, въ какихъ каретахъ и какимъ порядкомъ надо къ нимъ ѣздить и ихъ у себя принимать, какъ ставить кресла и стулья, кого куда просить сѣсть—все это живо интересуетъ князя, и онъ,

видимо, ретиво и со вкусомъ соблюдаетъ всѣ обычаи тогдашней людскости и свѣтскости.

Въ Римѣ онъ участвуетъ въ празднествахъ „карновала", ѣздитъ въ машкерѣ по „курсу", т.-е. по Корсо. Каждый день онъ гдѣ-нибудь на „конверсеціони" или отбываетъ „фестину", по-французски — балъ, танцуетъ, дѣлается своимъ человѣкомъ въ домахъ разныхъ принцевъ, конти и другихъ персонъ. Ѣздитъ смотрѣть „антиквита", церкви, палацы, сады, особенно „нанславной садъ Бургезинъ, у самыхъ Попольскихъ воротъ", присутствуетъ на поэтическихъ состязаніяхъ, на ораторіяхъ — „ораторія, то-есть сложеніе, что съ виршами, на Страсти Христовы, и то поютъ съ музикою, подобіемъ какъ бы оперу, только она духовная и дѣлается въ церквахъ". Въ музыкѣ князь, впрочемъ, плохой цѣнитель; она поражаетъ его, какъ и Толстого, чисто-внѣшне; о музыкѣ ораторіи онъ нашелся только сказать, что „такой огромной музикѣ и композиціи и такихъ инструментовъ на свѣтѣ лучше не можетъ быть, а наипаче какія дикія были выходки на трубахъ, что внезапу многую затменность даютъ человѣку"... Князь, однако, присутствуетъ и на серенадахъ, вѣроятно, и самъ давалъ ихъ, нанимая бродячихъ музыкантовъ. Какъ подобаетъ „жентилюму и пришпше", онъ ухаживаетъ за дамами, и въ Венеціи оказывается сильно „инаморатъ" въ одну читадинку (горожанку); не избѣгъ онъ непріятностей съ соперниками по своей „куртуази" и имѣлъ „двѣ не малыя причины съ маркеземъ Палавичинымъ и Скіовеномъ, жентиломомъ венецкимъ—близко было дуэлліо".

Князь Б. И. Куракинъ.

Къ концу жизни князь Куракинъ такъ понаторѣлъ въ галантномъ обращеніи и людскости, что даже среди французскаго двора дѣлается замѣтнымъ лицомъ, и всѣ иностранцы одинаково хвалятъ его обращеніе и пріятность имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія. Надо признать, что князь съ честью продѣлалъ эволюцію изъ спальниковъ царя Ѳедора Алексѣевича, черезъ навигацкую науку и солдатство, въ придворнаго „жентилома". Немногимъ изъ сотрудниковъ Петра удалось это сдѣлать такъ тонко и достойно. Этотъ „русскій принцъ" заслужилъ дѣйствительное уваженіе европейцевъ, выступая среди нихъ, какъ равный имъ, не теряя никогда своего достоинства и всегда держась, какъ князь россійскій, потомокъ

владѣтельныхъ князей литовскихъ. Царь Петръ высоко цѣнилъ эту службу князя Бориса и быстро провелъ его въ высшіе чины.

Еще больше европеизма находимъ въ замѣткахъ и въ фактахъ жизни третьяго высокопоставленнаго лица петровскихъ временъ— графа Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ то время, какъ Толстой попалъ за границу прямо съ московскихъ службъ, а Куракинъ— изъ спальниковъ, причемъ оба учились всему, что ихъ сдѣлало европейцами, въ смыслѣ европейской людскости, во время самаго пребыванія въ Европѣ, Андрей Матвѣевъ попадаетъ въ Европу, обладая хорошей образовательной подготовкой, зная языки, зная и то, что центръ европейской людскости—во Франціи, въ Парижѣ. Матвѣевъ интересуется тамъ библіотекой и музеями, какъ понимающій ихъ значеніе человѣкъ. Въ Антверпенской библіотекѣ онъ спрашиваетъ знаменитыя Acta sanctorum. Памятникъ Карлу V въ Гентѣ для него не „мужикъ мѣдной“, а подобіе Карла V, цесаря римскаго, и Матвѣевъ знаетъ что разсказать объ этомъ императорѣ. Пѣніе монахинь въ одномъ монастырѣ и игру органа онъ просто называетъ отличными и сладкими.

Графъ А. А. Матвѣевъ.

Присматриваясь къ французской жизни, онъ не увлекается одной показной стороной, а умѣетъ оцѣнить съ государственной точки зрѣнія и тяжелое положеніе тогдашняго французскаго крестьянства, и первенствующее положеніе дворянства, отдаетъ себѣ отчетъ въ причинахъ такого положенія вещей, разбирается въ значеніи королевской власти во Франціи того времени и, проводя въ умѣ параллель съ домашними россійскими обстоятельствами, приходитъ къ такому выводу: „Въ томъ государствѣ (т.-е. во Франціи) лучше всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какое озлобленіе или нанесть обиду... (Матвѣевъ разумѣетъ юридическую отвѣтственность „сильныхъ“ передъ закономъ). Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ (дѣлать), особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи, или описи, пожитки виновнаго надлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины

до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ“.

Матвѣевъ—поклонникъ французскихъ формъ общежитія, но понимаетъ ихъ глубже, чѣмъ Куракинъ, который больше бралъ все съ внѣшней, показной стороны. Матвѣева интересуетъ обученіе дѣтей у высшихъ классовъ французскаго общества, онъ старается понять, какъ путемъ воспитанія получается свѣтскій человѣкъ, который вездѣ на своемъ мѣстѣ, не знаетъ низкопоклонства передъ высшими и не высокомѣренъ по отношенію къ низшимъ, а держится со всѣми одинаково достойно. Такой человѣкъ воспитывается не на побояхъ, не въ наказаніяхъ тѣлесныхъ, а отъ добраго показанія словеснаго, „въ прямой волѣ и смѣлости воспитывается и безъ всякой трудности обучается наукамъ“.

Такъ вдумчиво и истинно-европейски судитъ Матвѣевъ. Пусть такихъ, какъ онъ или Куракинъ, было немного въ петровское время,—единичными явленіями они все же не были, потому что въ Россіи находили подходящее, хотя, навѣрное, не очень обширное общество людей, такъ же разсуждавшихъ и мыслившихъ. Они сами и ихъ единомышленники клали воистину крѣпкое основаніе европеизаціи русскихъ нравовъ и русской общественности, сразу переходя къ тѣмъ высокимъ степенямъ, до которыхъ массѣ русскаго общества пришлось добираться еще долго и съ большимъ трудомъ.

Въ библіотекахъ русскихъ людей, вкусившихъ западной культуры, начинаютъ появляться книги и рукописи, заключающія въ себѣ сочиненія тогдашнихъ крупныхъ свѣтилъ политической мысли: Гуго Гроція, Томазія, Пуфендорфа и другихъ, менѣе значительныхъ ученыхъ, творцовъ книгъ съ такими мудреными названіями, какъ „Камень опыта политическаго“, „Ѳеоремата или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ“ и т. п. Реформы въ области гражданскихъ отношеній поддерживали интересъ къ политическому мышленію. Князь Д. М. Голицынъ, президентъ камеръ-коллегіи, часами бесѣдуетъ съ Фикомъ по вопросамъ государственнаго права. Въ духовномъ завѣщаніи В. Н. Татищева, одного изъ птенцовъ Петра, выросшаго и воспитавшагося въ его школѣ, находимъ очень достойныя и опредѣленныя, поистинѣ просвѣщенныя мысли о должности и поведеніи человѣка, какъ гражданина, въ его службѣ государству. Особой глубиной и отвлеченностью эти мысли не блещутъ, но онѣ полны той настоящей внутренней честностью и порядочностью, развивающейся на почвѣ хорошо воспринятыхъ и продуманныхъ завѣтовъ лучшихъ людей.

Чуткая политическая мысль, всколыхнутая Петромъ, пробужденная живымъ нагляднымъ примѣромъ Запада, сквозитъ во множествѣ тѣхъ проектовъ относительно устройства различныхъ сторонъ русской гражданственности, которые во время царствованія Петра поступали отовсюду въ собственныя его руки. Нѣтъ, современники Петра не даромъ и не впустую бывали на Западѣ и многое хорошо и добро тамъ усвоили на пользу своего, россійскаго.

Потомки Куракиныхъ и Матвѣевыхъ вырастаютъ уже въ большемъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію, которое ихъ отцы научились цѣнить во время своихъ вольныхъ и невольныхъ поѣздокъ по Европѣ, двинутые туда волей Петра.

Самъ Петръ во время своихъ дальнѣйшихъ путешествій болѣе приближается къ типу людей въ родѣ Матвѣева и Куракина. Во время перваго своего путешествія онъ больше навигаторъ, больше старинный русскій человѣкъ, вырвавшійся на европейскій просторъ, не чуждый того, чтобы дать порой волю очень дикимъ инстинктамъ. Въ послѣднемъ своемъ путешествіи Петръ -государственный человѣкъ, полный заботъ объ устройствѣ гражданственности въ своей странѣ, и эти заботы сводятъ его съ Лейбницемъ, Вольфомъ, съ многочисленными прожектерами, въ родѣ Генриха Фика или Христіана Любераса. Онъ внимательнѣе присматривается и къ жизни западно-европейскаго общества, отмѣчаетъ въ своихъ письмахъ „бѣдность великую" простого народа во Франціи и роскошную жизнь знати. Отзывы о Петрѣ иностранцевъ послѣ 1716 г. куда уже мягче прежнихъ отзывовъ. И самъ онъ много рѣже сообщаетъ о сраженіяхъ съ Ивашкой Хмельницкимъ, т.-е. съ хмельнымъ питьемъ, и иностранные источники не приводятъ счетовъ, которые представлялись иностраннымъ потентатамъ, принимавшимъ Петра, отъ хозяевъ домовъ, гдѣ онъ останавливался, за изломанныя и безъ всякой надобности испорченныя вещи и обстановку, за разбитыя зеркала и поломанную мебель. Петръ держитъ себя больше монархомъ и европейцемъ вообще. Въ немъ тоже видятъ европейца, и съ Россіей считаются, какъ съ европейской страной, отводя ей подобающее мѣсто въ концертѣ европейскихъ державъ.

Первую основу этой европеизаціи Россіи положили поѣздки навигаторовъ съ царемъ во главѣ въ чужіе края, и этого огромнаго значенія для Россіи путешествій Петра и его близкихъ за границу никогда не надо забывать при оцѣнкѣ тѣхъ путей, какими царство Московское превращалось въ имперію Всероссійскую, а древне-русское общество византійскаго образца—въ общество европейскаго склада.

Пособіемъ при составленіи статьи служили книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIV; *Его же*, Чтенія о Петрѣ Великомъ; *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. III; *М. Веневитиновъ*, Русскіе въ Голландіи въ 1697—98 гг.; *В. О Ключевскій*, Лекціи по русской исторіи (литогр. изд.); *А. Н. Пыпинъ*, Исторія русской литературы, т. III; *Архивъ князя Куракина*, т. I; Дневникъ путешествія *П. А. Толстою* („Русскій Архивъ" 1888 г.); *П. Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I; *Его же*, Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ („Современникъ" 1855 г., № 6), и др.

Полтавская баталія. Съ гравюры М. Мартина.

Солдаты Петра Великаго.

Отъ своихъ предшественниковъ Петръ Великій унаслѣдовалъ большую военную силу. Московское государство XVII в. было въ состояніи выставить въ поле болѣе 200.000 человѣкъ. Но эта громадная по тѣмъ временамъ армія была очень неоднородна по своему составу и обученію. Главную массу ея образовало ополченіе служилыхъ людей, которые жили на данной имъ отъ государства „для службы“ землѣ и по призыву правительства должны были итти въ походъ на коняхъ и въ вооруженіи, какое соотвѣтствовало по особой росписи количеству земли, дававшейся служилому человѣку „для службы“.

Ядро московскаго войска являлось собственно ополченіемъ и совершенно не походило на регулярную армію. Это было наслѣдственное войско. Сынъ служилаго человѣка долженъ былъ стать съ возрастомъ тоже служилымъ человѣкомъ. Каждый воинъ шелъ въ походъ и содержалъ себя въ войскѣ на свои собственныя средства; никакой учебной выправки и однообразнаго вооруженія у этого войска не было; начальники этого войска занимали свои мѣста не по заслугамъ, а по породѣ.

Поселены были служилые люди съ XVII вѣка особенно густо ближе къ тѣмъ окраинамъ государства, которымъ въ то время особенно угрожали враги—крымскіе татары и Польско-Литовское государство, т.-е. служилые люди жили больше по южной и западной границѣ государства. Въ XVII в. начинаются войны со Швеціей, и особенное значеніе пріобрѣтаетъ какъ разъ менѣе густо населенная служилыми людьми сѣверо-западная граница; благодаря этому, русское войско не могло быть достаточно быстро сосредоточиваемо здѣсь и потому часто терпѣло пораженія.

Всѣ эти недостатки въ устройствѣ своей вооруженной силы московское правительство очень и очень сознавало. Еще въ первыя времена Московскаго государства въ подмогу конному служилому ополченію правительство стало заводить отряды болѣе постоянно служившей и обучавшейся своему дѣлу пѣхоты и артиллеріи, — то были полки стрѣльцовъ и отряды пушкарей и затинщиковъ. Устройство стрѣлецкаго войска было, однако, таково, что и стрѣльцы, проживая въ мирное время по своимъ слободамъ и занимаясь ремеслами и мелкой торговлей, больше походили на поселенное ополченіе, чѣмъ на регулярное войско; къ тому же и обученіе этого войска было поставлено очень слабо съ военной точки зрѣнія. При встрѣчахъ съ лучше обученными регулярными войсками шведовъ, русскіе, если не подавляли численностью, всегда должны были отступать.

Московское правительство подмѣтило это обстоятельство и уже давно, со временъ Василія III, не чуждалось нанимать на свою службу цѣлые отряды иноземной пѣхоты. Сначала эти отряды играли только роль почетнаго конвоя при особѣ государя, но со временъ смуты, когда особенно рельефно въ борьбѣ съ поляками и шведами стали сказываться недостатки московскаго войска, отряды наемныхъ служилыхъ иноземцевъ начинають входить въ русское войско, какъ составная и дѣятельная его часть. Правительство царя Михаила сдѣлало первый опытъ найма на русскую службу большихъ отрядовъ иноземцевъ. Въ 1631 году, ожидая войны съ Польшей, московское правительство отправило въ Швецію полковника Лесли для найма 5.000 охочихъ солдатъ-пѣхотинцевъ; въ то же время полковникъ фонъ-Денъ долженъ былъ „нанять регименты добрыхъ и ученыхъ солдатъ“ въ Даніи, Голландіи и Англіи. Стольнику же Племянникову и подьячему Аристову поручено было купить въ Швеціи 10.000 мушкетовъ да 5.000 шпагъ. Относясь подозрительно къ католикамъ, московское правительство не хотѣло принимать ихъ на службу, и полковнику Лесли, между прочимъ, предписывалось нанимать солдатъ шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, а „французовъ и иныхъ, которые римской вѣры, никакъ не нанимать“.

Но такъ какъ наемъ иностранцевъ на службу стоилъ очень дорого, а на безусловную вѣрность наемниковъ положиться было не всегда возможно, и сюрпризы, въ родѣ перехода иноземцевъ къ непріятелю, какъ случилось въ 1634 г. у Шеина подъ Смоленскомъ, были съ ихъ стороны всегда возможны, московское правительство тогда же пришло къ мысли набрать нѣсколько пѣшихъ и конныхъ полковъ изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ служилыхъ людей и всякихъ охочихъ людей и обучить ихъ иноземному строю подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ. Это и было сдѣлано, и такимъ образомъ въ русскомъ войскѣ появились свои полки иноземнаго строя.

Къ концу царствованія Ѳедора Алексѣевича насчитывалось уже 63 полка такого войска, силою въ 90.000 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ полковъ иноземнаго строя былъ

измѣненъ во второй половинѣ XVII в. и наборъ войска и устройство командованія. При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ составлена была въ 1681 г. комиссія изъ выборныхъ отъ всѣхъ служилыхъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына. Эта комиссія должна была измѣнить устройство арміи Московскаго государства согласно „новымъ въ дѣлѣ ратномъ вымысламъ“, какіе объявились отъ непріятелей въ прежде бывшихъ войнахъ. Комиссіи предлагалось то, что въ прежнемъ устройствѣ оказывалось устарѣвшимъ и гибельнымъ для военнаго дѣла, замѣнить лучшимъ, новымъ, а что являлось по опыту войны хорошимъ, то оставить безъ измѣненія. Комиссія прежде всего предложила расписать всѣхъ ратныхъ людей на роты и назначить въ нихъ офицеровъ изъ служилыхъ людей „безъ мѣстъ и безъ подбора“, т.-е. не обращая вниманія на мѣстническіе счеты знатныхъ фамилій. Вслѣдствіе этого постановленія комиссіи боярская дума приговоромъ отъ 12 января 1682 г. запретила счетъ мѣстами на службѣ. Съ этихъ поръ, какъ бы знатенъ ни былъ человѣкъ, онъ долженъ былъ подчиняться хотя и не знатному, но болѣе опытному и знающему старшему офицеру.

Введеніе войскъ иноземнаго строя измѣнило и самый составъ арміи: она перестала быть сословной въ своей основѣ. Въ солдатскіе полки нельзя было набирать однихъ только служилыхъ людей помѣщиковъ; отъ солдатъ требовалась постоянная служба и постоянное упражненіе въ военномъ дѣлѣ, ихъ нельзя было отпускать домой въ мирное время и созывать только въ военное. Поэтому солдатъ въ иноземные полки стали набирать тѣмъ же способомъ, какъ впослѣдствіи рекрутовъ, брали, напримѣръ, съ крестьянина, у котораго было два взрослыхъ сына –одного, а у котораго были три или четыре—двухъ.

Такимъ образомъ Петръ отъ своихъ предшественниковъ получилъ армію, если и не удовлетворявшую всѣмъ требованіямъ тогдашней военной науки, то, во всякомъ случаѣ, уже приспособленную для дальнѣйшаго переустройства въ видахъ новыхъ требованій.

Въ своихъ „потѣшныхъ“ селахъ Петръ устроилъ два полка - Преображенскій и Семеновскій — уже совершенно по иноземному образцу. Къ 1692 г. эти полки были вполнѣ сформированы и обучены. Во главѣ перваго стоялъ полковникъ Юрій фонъ-Менгденъ, а полковникомъ второго былъ назначенъ нѣкто Иванъ Чамберсъ, „родомъ москвичъ шкотской породы“.

По образцу этихъ полковъ стали формироваться и другіе, и уже въ первый азовскій походъ Петръ ведетъ четыре регулярныхъ полка—Преображенскій, Семеновскій, Лефортовскій и переустроенный по-новому старый Бутырскій.

Готовясь къ войнѣ со Швеціей, Петръ велѣлъ въ 1699 г. произвести общій рекрутскій наборъ и начать обученіе вновонабранныхъ солдатъ по образцу, заведенному у преображенцевъ и семеновцевъ. Этотъ первый рекрутскій наборъ далъ Петру новыхъ двадцать пять пѣхотныхъ полковъ и два кавалерійскихъ—драгуна

скихъ. Вся эта армія, состоявшая изъ 33 полковъ, численностью въ 35—40 тысячъ человѣкъ, была раздѣлена на три корпуса, или „генеральства“: Автонома Головина, командовавшаго гвардіей, т.-е. Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, Адама Вейде и князя Аникиты Репнина. Каждому изъ этихъ командировъ дано было: одному—Бутырскій, другому—Лефортовскій полки и по девяти новыхъ полковъ, такъ что каждое генеральство заключало въ себѣ по десяти полковъ, или общей численностью отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ.

Генералы Вейде и Головинъ приняли свои полки готовыми уже въ іюнѣ 1700 г., наборъ же полковъ Репнина кончился только къ осени, такъ что генеральство Репнина не поспѣло къ первымъ военнымъ столкновеніямъ и уцѣлѣло отъ нарвскаго погрома. Кромѣ новыхъ полковъ, въ походъ пошло и набранное по-старому служилое ополченіе въ количествѣ около 12.000 человѣкъ и около 10.000 казаковъ, такъ что всего въ походъ двинулось безъ генеральства Репнина около пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Новонабранные полки ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ по особому артикулу, составленному Головинымъ и исправленному царемъ. Въ предметы обученія входили: неразрывный строй, ровный шагъ, дружная стрѣльба ротами и отдѣленіями, атака съ примкнутыми багинетами, т.-е. штыками, строгое и безусловное повиновеніе командѣ, причемъ за ослушаніе грозило виновному жестокое наказаніе. Полки были обмундированы по образцу тогдашней нѣмецкой пѣхоты въ суконные кафтаны по большей части темно-зеленаго цвѣта, на головѣ солдаты имѣли низкія треугольныя шляпы. Снабженіемъ арміи всѣмъ для нея нужнымъ завѣдывало особое провіантское вѣдомство подъ начальствомъ окольничьяго Семена Языкова, во главѣ военнаго суда былъ поставленъ въ званіи генералъ-коммисара князь Яковъ Долгорукой, многочисленной артиллеріей завѣдывалъ царевичъ Александръ Имеретинскій, учившійся артиллерійскому искусству въ Гаагѣ.

Саксонскій генералъ Лангенъ, видѣвшій эту армію до Нарвы, находилъ ее превосходной по составу; по его описанію, люди все были рослые, молодые, хорошо обмундированные и обученные стрѣльбѣ такъ хорошо, что не уступятъ нѣмецкимъ полкамъ: Лангенъ видѣлъ, вѣроятно, гвардейскіе и старые полки, врядъ ли московскіе начальники успѣли хорошо обучить новые полки, для этого не хватало прежде всего офицеровъ; набранные отовсюду и спѣшно, иноземцы-офицеры оказались по большей части мало пригодными къ своему дѣлу. По аттестаціи генерала Головина, многіе изъ нихъ были „гуляки великіе“, другіе просто не знали своего дѣла и, по словамъ Головина, „за мушкетъ взяться не умѣли“. Петръ исключилъ многихъ изъ нихъ со службы, но мѣсто исключенныхъ заполнить было некѣмъ—поставили своихъ, столь же мало знающихъ.

Когда 22 августа 1700 г. Петръ началъ наступательное дви-

женіе къ Ингерманландіи, онъ не былъ очень увѣренъ въ достаточно хорошемъ состояніи своего войска. Страшные дожди испортили дороги, подводъ не хватало, а межъ тѣмъ надо было торопиться. Карлъ, покончивъ съ датчанами и Августомъ, высадился въ Перновѣ, какъ доносили Петру, съ большой арміей и шелъ усиленными переходами на русскихъ. Въ Новгородъ къ Петру пріѣхалъ съ отличными рекомендаціями генералъ цесарской службы „дюкъ де Круи"; Петръ вручилъ ему начальство надъ наступавшей арміей, а самъ остался съ Головинымъ въ Новгородѣ, для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, которая была намѣчена ближайшей цѣлью похода. Въ Нарвѣ засѣлъ небольшой шведскій отрядъ, который и былъ осажденъ русскими.

Съ 20 октября осаждающіе начали бомбардировку, но... скоро прекратили ее, потому что израсходовали весь артиллерійскій запасъ; тутъ же выяснилось, что и орудія, казавшіяся такими хорошими въ Москвѣ, плохи. Подвозъ артиллерійскихъ припасовъ затрудняло бездорожье. Русскіе стали окапываться. Межъ тѣмъ Карлъ, оттѣснивъ Шереметева, двинутаго къ Везенбергу, шелъ прямо на Нарву, и 19 ноября явился передъ русскимъ лагеремъ во главѣ всего 8.500 человѣкъ. Русское войско, превосходившее, по крайней мѣрѣ, впятеро численностью отрядъ Карла, растянулось подъ Нарвой на окружности около семи верстъ, такъ что на всѣхъ пунктахъ было слабѣе непріятеля, получавшаго возможность напасть, откуда хочетъ. Сильная мятель била прямо въ лицо усталымъ отъ осады, голоднымъ и иззябшимъ русскимъ солдатамъ. Ночью, когда во время вьюги не было ничего видно въ двадцати шагахъ, Карлъ бросился на русскихъ и сразу посѣялъ панику въ ихъ рядахъ. „Нѣмцы измѣнили!"—раздались крики въ русскихъ полкахъ, не знавшихъ своихъ новыхъ начальниковъ и не довѣрявшихъ имъ. Служилая конница Шереметева бросилась бѣжать вплавь черезъ Нарову и потеряла въ ея волнахъ болѣе тысячи человѣкъ. Пѣхота побѣжала къ мосту, который не выдержалъ тяжести бѣгущихъ сотенъ людей и обрушился; множество бѣглецовъ утонуло. Въ страшномъ озлобленіи русскіе солдаты принялись бить своихъ начальниковъ-нѣмцевъ; тогда герцогъ Круи съ досадой крикнулъ: „Пусть самъ чортъ дерется во главѣ такихъ солдатъ!" и сдался въ плѣнъ шведамъ со всѣми генералами.

Но побѣда шведовъ еще далеко не была полной: полки Преображенскій и Семеновскій, огородясь рогатками и артиллерійскими повозками, храбро отбили всѣ нападенія шведовъ; отрядъ генерала Вейде тоже стоялъ еще твердо; два шведскіе отряда въ темнотѣ вступили въ бой другъ съ другомъ и погубили не мало своихъ. Шведскіе солдаты другого отряда, забравшись въ русскій лагерь, нашли тамъ много вина и перепились. Еще не все было потеряно, и исходъ сраженія могъ бы быть совсѣмъ иной, но русскіе генералы Автономъ Головинъ, царевичъ Александръ, князь Яковъ Долгорукой и Иванъ Бутурлинъ, не зная ничего о Вейде

Съ гравюры по портрету, писанному Луи Каравакомъ съ натуры въ 1716 г.

и считая, что онъ тоже разбитъ, начали переговоры съ Карломъ и согласились отступить, отдавъ шведамъ всю артиллерію; когда Вейде узналъ объ этомъ, то ему не оставалось ничего иного, какъ послѣдовать примѣру товарищей. Шведы межъ тѣмъ очень безпокоились, какъ бы наступавшій день не открылъ глаза русскимъ на истинное положеніе дѣлъ. Чтобы не терять времени, Карлъ согласился оставить русскимъ солдатамъ оружіе, изъ уваженія къ ихъ храбрости. Шведы до разсвѣта успѣли навести мостъ и спровадили русскихъ солдатъ за рѣку, генераловъ же и высшихъ офицеровъ, въ противность договору, удержали въ плѣну, придравшись къ тому, что русскіе не выдали имъ войсковой казны, о чемъ въ договорѣ, однако, рѣчи не было. 21 ноября Карлъ торжественно вступилъ въ Нарву, какъ побѣдитель.

Петръ, еще до прихода Карла оставившій армію въ заботахъ о ея положеніи и снабженіи хлѣбомъ и оружіемъ, не растерялся. Карлъ остановилъ свое движеніе на русскіе предѣлы въ ожиданіи подкрѣпленій. Петръ воспользовался этимъ, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ. „Я знаю,—сказалъ онъ,—шведы могутъ еще разъ-другой побить насъ, но у нихъ же научимся мы побѣждать ихъ“. Князь Репнинъ получилъ приказъ привести въ исправность полки, шедшіе „въ конфузіи“ отъ Нарвы; лихорадочно стали укрѣплять Псковъ и Новгородъ. „Рвы копали, церкви ломали,—пишетъ современникъ,—палисады ставили съ бойницами и около палисадъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ; также и раскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ; а на работѣ были драгуны и солдаты и всякихъ чиновъ люди и священники и всякаго церковнаго чина, мужеска и женска пола; а башни насыпали землею, а сверху дернъ клали, работа была насыпная, а верхи съ башенъ деревянные и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то же время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, службъ не было“... Петръ самъ былъ неустанно при работѣ и жестоко каралъ за недосмотры и упущенія. У Святыхъ воротъ постройка укрѣпленія была ввѣрена полуполковнику Шеншину. Пришедши разъ на работу, Петръ не засталъ тамъ Шеншина и, вообще недовольный ходомъ работы у него, велѣлъ бить опоздавшаго полуполковника плетьми на мѣстѣ самыхъ работъ нещадно, разжаловалъ его въ солдаты и послалъ въ смоленскій гарнизонъ. Въ Москвѣ повѣсили за взятки при пріемѣ подводъ нѣкоего Леонтія Кокошкина, въ Новгородѣ за то же Елисея Поскачина.

Одновременно съ укрѣпленіемъ границъ шло пополненіе, переустройство и обученіе арміи. Отъ нарвскаго погрома сохранилось генеральство Репнина; съ потерями, но въ порядкѣ ушла изъ-подъ Нарвы гвардія; въ меньшемъ порядкѣ и почти безъ оружія, отнятаго вопреки договора у отступавшихъ шведами, пришло генеральство Вейде. Петръ считалъ потери подъ Нарвой около 6.000 человѣкъ, другіе цифру погибшихъ опредѣляли даже въ 12 тысячъ. Новый рекрутскій наборъ долженъ былъ покрыть этотъ изъянъ. Подъ Нарвой гибель всего дѣла началась съ паники среди

дворянской конницы Шереметева, занимавшей настолько выгодное положеніе частью съ фланга, а частью и въ тылу шведовъ, что Карлъ серьезно боялся ея движенія и въ рѣшительное наступленіе перешелъ только послѣ того, какъ удостовѣрился въ бѣгствѣ русскаго отряда. Регулярной кавалеріи у Петра было очень мало, и потому значительную часть новаго набора онъ рѣшилъ использовать на устройство десяти новыхъ драгунскихъ полковъ. Такъ и сдѣлали.

Артиллерію свою русское войско почти всю оставило въ рукахъ нарвскаго побѣдителя, купивъ цѣной этой уступки почетное отступленіе съ оружіемъ и знаменами наиболѣе дѣеспособной своей части. Надо было изготовить новую артиллерію. Нуженъ металлъ. Его мало, и вотъ, въ добавленіе къ имѣющимся запасамъ, Петръ приказываетъ собрать со всего государства, „съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей“, часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старый піонеръ желѣзодѣлательной и вообще металлургической промышленности въ Россіи, Андрей Виніусъ облекается званіемъ надзирателя артиллеріи съ порученіемъ возобновить „нарядъ“. Къ ноябрю 1701 г. Виніусъ изготовилъ уже 240 орудій хорошей работы, несмотря на пьянство мастеровъ, которое очень задерживало дѣло. 250 ребятъ Виніусъ засадилъ въ школу при заводѣ учиться грамотѣ и началамъ математики, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ артиллеристовъ и пушечнаго дѣла мастеровъ.

Офицеръ пѣхотнаго полка съ 1700 по 1732 г.

Немедленно послѣ Нарвы Петръ предпринимаетъ наступленіе тѣми силами, которыми располагаетъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ погрома Шереметевъ получаетъ такое письмо царя: „Her! Понеже не леть есть (нельзя) при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, т.-е. надъ конницею новгородскою и черкасскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали, да

въ ту пору мало было людей, ближнихъ мѣстъ беречь и иттить вдаль для лучшаго вреда непріятелю. Отговариваться нечѣмъ: понеже людей довольно, рѣки и болота замерзли... Паки пишу, не чини отговорки ни чѣмъ даже и болѣзнью, не то почту, что она получена межъ бѣглецами, товарищъ которыхъ майоръ Л. на смерть осужденъ. Питеръ".

Шереметевъ продвинулся къ Маріенбургу и напалъ на замокъ, но шведскій генералъ Шлиппенбахъ отбилъ русскихъ; когда же Шлиппенбахъ попытался войти въ русскіе предѣлы, то, въ свою очередь, былъ отбитъ. У шведовъ было мало войска, русскіе еще не подготовились, и война стала вырождаться въ рядъ болѣе или менѣе малыхъ стычекъ, гдѣ обѣ стороны по очереди одерживали побѣды и терпѣли пораженія. Карлъ бросился на Августа, еще раньше нарвской побѣды оттѣсненнаго имъ отъ Риги, оставивъ противъ русскихъ небольшой сравнительно отрядъ.

Офицеръ л.-гв. Семеновскаго полка съ 1700 по 1720 г.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ, подкрѣпленный регулярными войсками, началъ наступать на Шлиппенбаха и, обладая превосходными силами, окружилъ шведовъ подъ Эрестферомъ 29-го декабря 1701 года. Послѣ жаркаго боя шведы бѣжали. Это была первая побѣда русскихъ въ открытомъ полѣ надъ страшнымъ врагомъ. Петръ былъ въ восторгѣ. Шереметевъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго и званіе генералъ-фельдмаршала. „Слава Богу, — сказалъ Петръ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ: —дошли мы до того, что шведовъ побѣждать можемъ; пока сражаясь двое противъ одного, но скоро начнемъ побѣждать ихъ и равнымъ числомъ". Въ Москвѣ звонили во всѣ колокола, служили молебны, водили по улицамъ плѣнныхъ и носили взятыя съ бою шведскія знамена. Послѣ этой побѣды Шереметевъ прочно основался въ Ливоніи. Лѣтомъ 1702 года разбиты были шведскія флотиліи на Чудскомъ и Ладожскомъ озерахъ, и тогда же Шереметевъ снова разбилъ Шлиппенбаха подъ Гуммельсгофомъ, взялъ штурмомъ укрѣпленные города Вольмаръ и Маріенбургъ, а его конница, по преимуществу малороссійскіе

казаки, страшно опустошили всю страну. „Чино тебѣ извѣстно,— доносилъ Шереметевъ Петру,—что Всесильный Богъ и Пресвятая Богоматерь желаніе твое исполнили: больше того непріятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку... только и осталось цѣлаго мѣста Perновъ да Ревель и межъ ими сколько осталось около моря отъ Ревеля къ Ригѣ, да Рига, а то все запустошено и разорено въ конецъ... Прибыло мнѣ печали: гдѣ мнѣ дѣть взятый полонъ?“

Съ 1702 г. начались военныя дѣйствія и въ Ингерманландіи. Ѳ. М. Апраксинъ разбилъ шведовъ на рѣкѣ Ижорѣ. 11-го октября былъ взятъ Нотебургъ, получившій новое названіе Шлиссельбургъ, т.-е. „ключъ-городъ“. Въ апрѣлѣ 1703 г. пали Канцы или Ніеншанцъ, неподалеку отъ которыхъ въ маѣ того же года основывается русскій городокъ Питербурхъ. Въ концѣ мая сдался городъ - крѣпость Копорье, послѣ бомбардировки, затѣмъ сдался Ямбургъ, и такимъ образомъ вся Ингерманландія оказалась въ рукахъ Петра. Отсюда Шереметевъ двинулся въ Эстляндію, взялъ Везенбергъ, Вейсенбергъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ. Въ 1704 г. пали двѣ сильныя крѣпости, служившія оплотомъ Швеціи въ Эстляндіи — Дерптъ и Нарва. Въ іюлѣ послѣ упорной бомбардировки и штурма палъ Дерптъ, взятый Шереметевымъ. Другое русское войско подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, нанятаго на русскую службу въ Вѣнѣ на три года, осаждало Нарву. 9-го августа, несмотря на упорное сопротивленіе шведовъ, Нарва пала, и Петръ въѣхалъ въ нее побѣдителемъ, велѣлъ прекратить грабежъ и, какъ разсказываютъ, въ гнѣвѣ на ослушаніе мародеровъ закололъ одного изъ нихъ шпагою. „Гдѣ передъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ,—писалъ Петръ въ Москву,—тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили“.

Оберъ-офицеръ и штабъ-офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка съ 1700 по 1732 г.

Карлъ межъ тѣмъ, по образному выраженію Петра, „завязъ въ Польшѣ“, впутался во внутреннія дѣла польскаго государства,

заставилъ отречься отъ престола короля Августа въ угоду его противникамъ, торжественно въѣхалъ въ Варшаву, взялъ Краковъ и разбилъ саксонскія войска короля Августа, бывшаго одновременно и курфюрстомъ саксонскимъ. Петръ за это же время овладѣлъ Лифляндіей, и его отряды хозяйничали почти во всей Курляндіи. Значительное русское войско подъ начальствомъ Огильви и Меншикова было двинуто на помощь Августу къ Гродно. Навстрѣчу русскимъ спѣшилъ сюда и Карлъ. 13 января 1706 г. онъ явился подъ Гродно и отрѣзалъ русскую армію отъ соединенія со своими. Думали, что русскихъ выручатъ саксонцы, спѣшно двинутые Августомъ на выручку, но въ февралѣ саксонское войско было разбито шведскимъ генераломъ Реншильдомъ, и положеніе русскихъ, запертыхъ въ Гродно, лишенныхъ подвоза провіанта и военныхъ запасовъ, грозило сдѣлаться критическимъ, тѣмъ болѣе, что къ Карлу спѣшили его генералы: побѣдитель саксонцевъ Реншильдъ и вытѣсненный русскими изъ Лифляндіи Левенгауптъ. Петръ, вѣрный своему основному плану — бить шведовъ по частямъ, категорически запретилъ Огильви и Меншикову ввязываться въ генеральную баталію со шведами и предлагалъ имъ отступить, бросивъ въ Нѣманъ тяжелыя орудія, которыхъ насчитывалось около 15-ти: „лучше о цѣлости всего войска заботиться, нежели о семъ маломъ убыткѣ“, писалъ онъ Меншикову, еще когда положеніе было и не такимъ угрожающимъ, какимъ стало послѣ пораженія саксонцевъ. 24-го марта русскимъ удалось выйти изъ Гродно, передъ самымъ вскрытіемъ Нѣмана. Шведы прозѣвали уходъ, а когда спохватились, то Нѣманъ разлился уже такъ, что о преслѣдованіи нечего было и думать. Карлъ предоставилъ тогда русскихъ самимъ себѣ и бросился въ Саксонію, чтобы окончательно добить Августа. Меншиковъ межъ тѣмъ отступилъ на Кіевъ, гдѣ сталъ строить крѣпость. Петръ тѣмъ временемъ осадилъ Выборгъ, при-

Фузелеръ л.-гв. Преображенскаго полка съ 1700 по 1720 г.

казавъ Меншикову спѣшить на помощь Августу, что Меншиковъ и исполнилъ. Подъ Калишемъ онъ нагналъ значительный шведскій отрядъ подъ начальствомъ Мардефельда, напалъ на него и разбилъ: „радостно было смотрѣть,—доносилъ онъ Петру,—какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились“. Это была первая побѣда надъ шведами, которые были почти въ равномъ числѣ съ русскимъ отрядомъ, находившимся подъ командой русскаго генерала.

Карлъ не встрѣтилъ въ Саксоніи никакого сопротивленія. Августъ долженъ былъ смириться, окончательно отказался отъ польской короны, призналъ королемъ Станислава Лещинскаго, выбраннаго поляками подъ давленіемъ Карла, отказался отъ союза съ Россіей. Петръ оставался, такимъ образомъ, противъ шведскаго паладина безъ союзниковъ. Карлъ опять потерялъ много времени въ Саксоніи и далъ Петру приготовиться къ новымъ битвамъ. Только въ августѣ 1707 г. шведское войско двинулось изъ Саксоніи, отлично обмундированное, снабженное всѣми запасами, отдохнувшее и сытое. При королѣ находилось около 45.000 человѣкъ; кромѣ того, Левенгауптъ стоялъ съ 16.000 въ Лифляндіи и Любекеръ съ 14.000 въ Финляндіи. Эти большія по-тогдашнему силы первой въ Европѣ арміи были готовы со всѣхъ указанныхъ пунктовъ двинуться на русскихъ. По совѣту со своими генералами Петръ рѣшилъ, не ожидая Карла въ Польшѣ, отступать къ своимъ границамъ, нанося ему вредъ при всякомъ случаѣ, какой можетъ представиться. Карлъ объявилъ, что онъ заключитъ миръ „по-саксонски“, говорилъ о занятіи Москвы, о преданности ему какихъ-то русскихъ князей. Всѣ ждали, что Карлъ быстро пройдетъ владѣнія своего ставленника—новаго польскаго короля—и вторгнется въ Россію, но осенняя распутица заставила его остановиться на Вислѣ и простоять здѣсь до декабря. Въ концѣ декабря, несмотря на страшные холода, очень вредившіе войску, Карлъ двинулся

Фузелеръ л.-гв. Преображенскаго полка съ 1700 по 1720 г.

въ Литву, показывая намѣреніе итти черезъ Ригу на Псковъ и Дерптъ, но потомъ вдругъ повернулъ къ юго-востоку, и тогда всѣ стали думать, что Карлъ двинется прямо на Смоленскъ и Москву. Русскіе стали спѣшно укрѣплять эти и всѣ попутные города.

Русская армія все время находилась въ соприкосновеніи со шведской. Командиры ея, Шереметевъ и Меншиковъ, рѣшили задержать непріятеля при переправѣ черезъ рѣчку Бабичъ, притокъ Березины подъ Головчинымъ. Но Карлъ обошелъ русскихъ генераловъ, оттѣснилъ князя Репнина и послѣ довольно упорнаго боя заставилъ русскихъ отступить. Послѣ этого боя Карлъ, однако, еще круче повернулъ къ югу, занялъ Могилевъ и остановился здѣсь, ожидая подкрѣпленія изъ Лифляндіи, откуда спѣшилъ къ нему со своимъ отрядомъ Левенгауптъ. Головчинская битва не даромъ далась Карлу, онъ потерялъ много солдатъ и офицеровъ, и подкрѣпленіе было ему дѣйствительно нужно. Но Левенгауптъ не дошелъ до своего короля, — онъ былъ перехваченъ русскими подъ деревней Лѣсной и 28 сентября 1708 г. разбитъ на голову. Эта битва сильно подняла настроеніе русскихъ: они бились здѣсь въ равномъ числѣ со шведами и побѣдили. „Тутъ первая проба солдатская была, — читаемъ въ „Юрналѣ“ Петра Великаго,—и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей такъ и временемъ“. Петръ, находившійся при войскѣ, торжествовалъ: путь Карлу назадъ былъ отрѣзанъ, Москва спасена, онъ могъ теперь итти только на Украйну, куда уже двигался съ сильнымъ отрядомъ, загораживая все время шведамъ путь на сѣверо-востокъ, Меншиковъ.

Фузелеръ пѣхотнаго армейскаго полка съ 1720 по 1732 г.

Меншиковъ на Украйнѣ разсчитывалъ пополнить свои силы малороссійскими казаками съ ихъ гетманомъ, старымъ, испытаннымъ воиномъ Мазепой, во главѣ. Но тутъ его ждало разочарованіе. Мазепа принялъ протекцію шведскаго короля и призывалъ его освободить Малороссію отъ московскаго ига; но малороссійскіе казаки, въ значительной мѣрѣ устрашенные рѣшительными дѣй-

ствіями Меншикова, не пошли за своимъ гетманомъ, и онъ привелъ къ Карлу всего около 2.000 единомышленниковъ, остальные же были разбиты и перехватаны Меншиковымъ, разорившимъ столицу гетмана Батуринъ. Межъ тѣмъ съ тыла на Карла наѣдалъ Шереметевъ, на пути къ Кіеву стоялъ Меншиковъ; ни тотъ ни другой не ввязывались въ генеральную баталію, однако были настолько сильны, что не давали Карлу возможности броситься на нихъ и разбить каждаго порознь. По линіи наступленія шведовъ возникъ рядъ укрѣпленій, которыя загораживали пути на Москву и имѣли задачей, въ случаѣ осады ихъ шведами, задерживать непріятеля возможно дольше, вынуждая его тратить силы, военные припасы, людей, и облегчая тѣмъ самымъ задачу нашихъ главныхъ силъ къ моменту рѣшительнаго столкновенія.

Гренадеръ пѣхотнаго полка съ 1700 по 1732 г.

Карлъ все время старался обойти наши отряды и крѣпости, чтобы выйти впереди ихъ на дорогу къ Москвѣ— сначала черезъ Смоленскъ, а когда это не удалось, то черезъ Курскъ, и наконецъ черезъ Харьковъ. Онъ шелъ стремительно, часто оттѣсняя съ большимъ урономъ нашихъ драгунъ, неотступно слѣдовавшихъ за шведской арміей. „Не одинъ урокъ кровавый и нежданный задалъ намъ шведскій господинъ“ на этомъ своемъ движеніи. Въ февралѣ 1709 г. ему едва было не удалось прорваться на Бѣлгородъ и Харьковъ. „Съ русской стороны,—разсказываетъ датскій посланникъ,—большинство думало, что врагъ атакуетъ Ахтырку, потому что затѣмъ онъ можетъ итти на Бѣлгородъ и Воронежъ, гдѣ будетъ среди собственныхъ владѣній царя и такъ сможетъ безпрепятственно дойти до Оки, если только этому не сможетъ помѣшать баталія“,—но помѣшала не баталія, а неожиданно-раннее вскрытіе рѣкъ, остановившее шведовъ и заставившее Карла отойти дальше въ Украйну къ рѣкѣ Ворсклѣ.

Къ веснѣ 1709 года положеніе обѣихъ сторонъ опредѣлилось такъ: Карлъ сосредоточился между Ворсклой и Пселомъ, имѣя главную квартиру въ селѣ Будищахъ, близъ Диканьки; Менши-

ковъ находился на лѣвомъ берегу Ворсклы подъ Ахтыркой, а Шереметевъ на правомъ берегу Хорола подъ Миргородомъ. Выходило такъ, что обѣ русскія арміи соединились и рѣшительно загораживали Карлу путь на сѣверъ. Предстояла рѣшительная битва. Разбивъ русскихъ, Карлъ могъ еще вернуть все, но до битвы ему надо было дать отдохнуть своему войску, пополнить запасы и снаряженіе. Но какъ и чѣмъ? Подкрѣпленій ждать не откуда. Надо все взять у непріятеля. Мазепа указалъ тогда Карлу на Полтаву, небольшую крѣпость, защищенную небольшимъ русскимъ гарнизономъ, гдѣ находились провіантскіе магазины и склады нужныхъ для войска вещей, собранные Петромъ. Карлъ и направился къ Полтавѣ.

Рядовой гренадеръ л.-гв. Преображенскаго полка съ 1700 по 1732 г.

Это былъ маленькій городокъ-крѣпостца, обнесенный землянымъ валомъ съ деревяннымъ палисадомъ для защиты отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. За зиму 1708—1709 гг. эти укрѣпленія были исправлены и усилены согласно предписаній тогдашней инженерной науки. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 4.000 регулярныхъ солдатъ и 2.500 жителей. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Иванъ Степановичъ Келлинъ. 1-го апрѣля 1709 г. шведскіе отряды показались подъ Полтавой и немедленно бросились на приступъ, но были отбиты. Дальнѣйшія, болѣе организованныя нападенія тоже были отбиты, и тогда Карлъ распорядился предпринять правильную осаду. Шведы стали рыть подступы къ крѣпости, вести подкопы подъ ея стѣны и укрѣпленія, но Келлинъ постоянно дѣлалъ вылазки и разорялъ шведскія работы. Осада затягивалась. Меншиковъ безпокоилъ осаждавшихъ со своего, лѣваго берега Ворсклы и 15-го мая удачнымъ движеніемъ провелъ въ городъ довольно значительное подкрѣпленіе. Настойчивые приступы шведовъ въ концѣ апрѣля, въ маѣ и іюнѣ Келлинъ отбивалъ одинъ за другимъ. Съ 20-го іюня Карлу пришлось только держать въ осадѣ Полтаву и все вниманіе направить въ сторону надвигавшейся русской арміи.

Во второй половинѣ іюня Карлъ получилъ извѣстіе, что русское войско намѣревается перейти черезъ рѣку, чтобы поставить его между собой и Полтавой. Карлъ поѣхалъ посмотрѣть, такъ ли это, и, по своему обыкновенію, несмотря на просьбы окружавшихъ его генераловъ, спокойно разгуливалъ подъ пулями, которыми его осыпали русскіе: это удовольствіе Карлъ называлъ amusement à la moutarde и на всѣ просьбы беречься возражалъ однимъ словомъ: „Пустяки!“. Ужъ кое-кто изъ его свиты былъ раненъ, у генерала Левенгаупта была убита лошадь. Карлъ готовъ былъ повернуть, какъ его настигла пуля, поразившая короля въ пятку; пуля прошла по подошвѣ и застряла у большого пальца ноги.

Карлъ не обратилъ вниманія на эту рану и долго еще ѣздилъ безъ перевязки по своимъ окопамъ, пока боль не заставила его подумать о хирургѣ. Пришлось слечь: распухшая нога мѣшала сѣсть на лошадь. Принужденный къ бездѣйствію, Карлъ пропустилъ моментъ переправы русскихъ черезъ Ворсклу, послѣдній и самый жестокій приступъ шведовъ къ Полтавѣ тоже былъ отбитъ. Приближалась развязка. 25-го іюня русское войско, переправившееся черезъ Ворсклу, стояло уже въ четверти мили отъ непріятеля и окапывалось, почти не тревожимое шведами, берегшими свою артиллерію и снаряды, подходившіе къ концу.

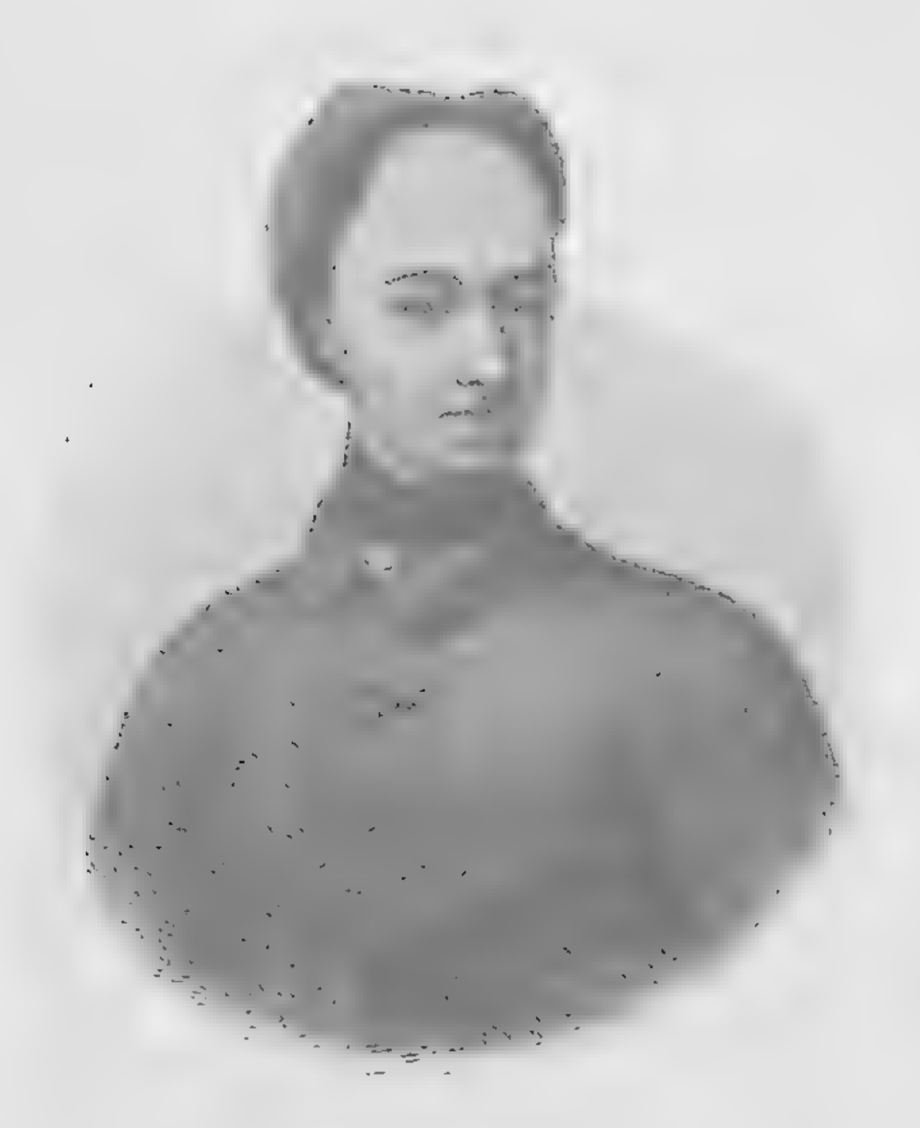
Центръ расположенія русской арміи находился подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, правымъ крыломъ начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Ренне, лѣвымъ—генералъ-отъ-кавалеріи

князь Меншиковъ, артиллеріей — генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ. Предстоящій генеральный бой царь Петръ считалъ „зѣло опаснымъ дѣломъ“ и готовился къ нему необыкновенно тщательно. „Чтобы принять бой при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, царь Петръ приказалъ построить въ проходѣ между лѣсами шесть отдѣльныхъ сомкнутыхъ укрѣпленій, находившихся на разстояніи ружейнаго выстрѣла одно отъ другого. Эта укрѣпленная линія была передовой позиціей, на которую должна была наткнуться шведская армія. Шведамъ приходилось либо штурмовать эти редуты, на что нужно было бы потратить много силъ и времени, либо прорваться между ними, подставляя фланги при прорывѣ

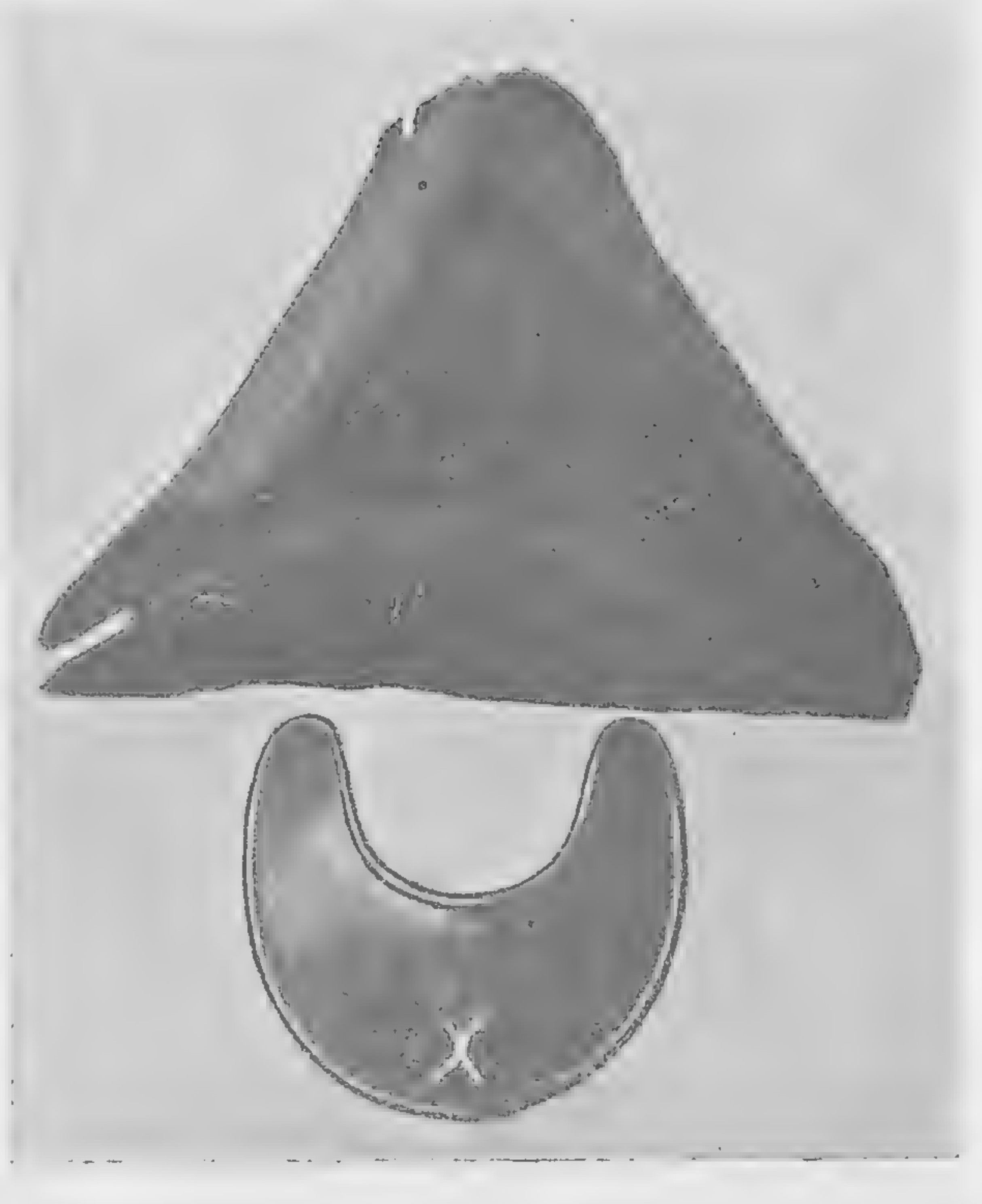
Изображенiе конечного разрушенiя Шведской армѣи отъ Росiйского войска после Главной Полтавской баталiи, случившагося не далеко о Переволочны где оная безъвсякого супротивленiя ружьи свое положила состоящая в 13000 пре нашими 9600 болше. Iюня в 30 д. 1709 году

подъ огонь изъ укрѣпленій. Блестящая мысль создать такую прерывчатую линію отдѣльныхъ сомкнутыхъ укрѣпленій на полѣ сраженія принадлежала царю Петру; до него ни одинъ полководецъ не примѣнялъ этого превосходнаго пріема“. Всѣ пути возможнаго отступленія шведовъ въ сторону Польши и въ обходъ нашихъ силъ въ Россію были заняты сильными отрядами и укрѣплены. Всего для генеральнаго боя русскими военачальниками было сосредоточено около 50.000 чел. противъ 32.000 шведовъ. Въ боевую линію вошло русскихъ около 35.000 чел. противъ 25.000 шведовъ. Противъ усталой, истощенной шведской арміи, терпѣвшей нужду въ провіантѣ и военныхъ запасахъ, стояли теперь не „разсѣянныя тучи несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ“, а полки, прошедшіе хорошую боевую школу, привыкшіе къ регулярному

Карлъ XII, король шведскій.

бою, прекрасно вооруженные и не терпѣвшіе ни въ чемъ недостатка. У шведовъ все начальство надъ войскомъ послѣ раны короля принялъ фельдмаршалъ Реншильдъ, пѣхотой командовалъ Левенгауптъ, а конницей—Крейцъ. 26-го іюня Петръ объѣзжалъ свои полки и вездѣ говорилъ рѣчи, призывавшія солдатъ и офицерство биться, не щадя живота, порадѣть за вѣру и отечество; въ войскахъ, по преданію, былъ прочитанъ знаменитый приказъ Петра: „Воины! се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

Прострѣленная въ Полтавскомъ боѣ шляпа Петра Великаго и его нагрудный знакъ.

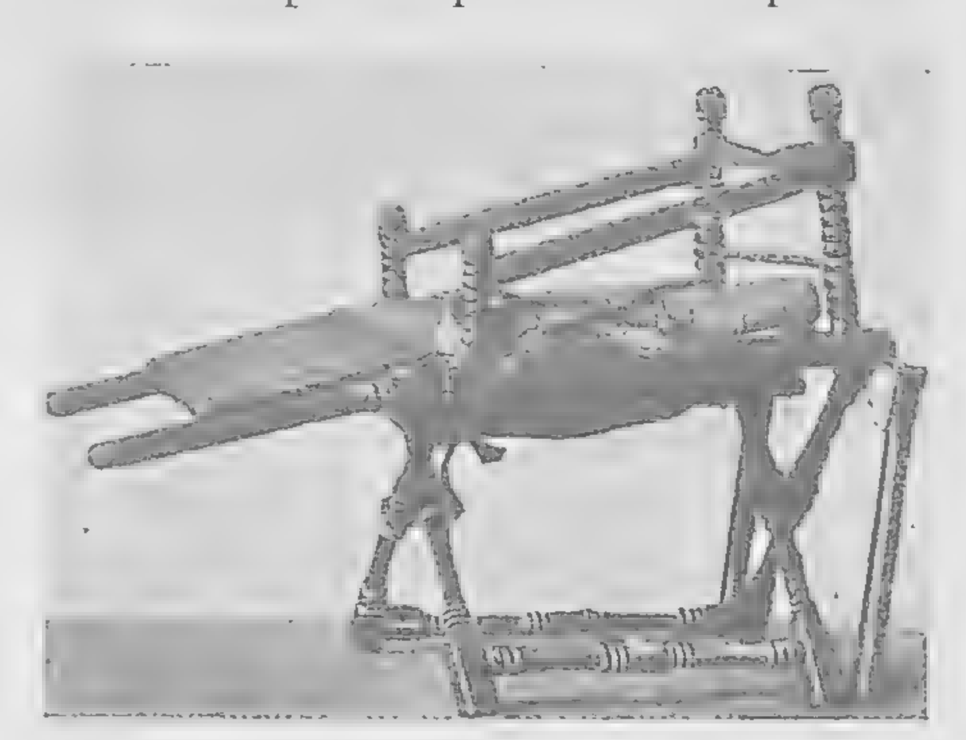
Карлъ тоже ободрялъ свои полки; его несли въ носилкахъ

по рядамъ, и онъ, напоминая солдатамъ прежнія побѣды, призывалъ ихъ биться съ непріятелемъ, не разъ показывавшимъ тылъ шведскому войску. Въ два часа ночи шведскіе полки построились въ боевой порядокъ, и Карлъ, давъ знакъ рукой, сказалъ Реншильду: „Начинайте съ Богомъ!“—и шведская пѣхота въ четырехъ колоннахъ, подкрѣпляемая шестью колоннами конницы, стройно и стремительно двинулась противъ линіи русскихъ окоповъ и редутовъ, находившихся въ двухъ верстахъ.

И. С. Мазепа, 1644—1709 г.

„Непріятель, — читаемъ въ „Юрналѣ“ Петра Великаго,— въ 27 день, поутру весьма рано, почитай при бывшей еще темнотѣ, на нашу кавалерію, какъ конницею, такъ и пѣхотою своею съ такой фуріей напалъ, чтобъ не токмо конницу нашу разорить, но и редутами овладѣть; однакожъ въ томъ много оной повинности нашелъ, и только двумя редутами (которыя тоя ночи зачаты были и не отдѣланы) овладѣлъ; а прочимъ никакой вреды учинить не могъ, такъ что 6 батальоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ шквадроновъ кавалеріи его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторваны и въ лѣсъ уйти принуждены были“. Послѣ этого генералъ Боуръ отступилъ вправо отъ окоповъ, чтобы дать возможность пѣхотѣ выйти изъ укрѣпленій; шведы стали его преслѣдовать и очутились между нимъ и русскими окопами, приблизившись къ нимъ менѣе, чѣмъ на 30 саженъ. Русскіе открыли тогда такой огонь изъ окоповъ, что шведы отступили. Въ это время Меншиковъ и Ренцель съ пятью полками конницы и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ скучились оторванные отъ своихъ въ началѣ боя шведы; непріятель не выдержалъ и побѣжалъ; тутъ былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Шлиппенбахъ, велѣдъ за нимъ

Качалка Карла XII.

сдался и генералъ Розенъ. Во время этихъ схватокъ русскіе отняли у шведовъ 14 знаменъ и штандартовъ; первое шведское знамя—штандартъ кирасирскаго полка — взялъ каптенармусъ Нижегородскаго драгунскаго полка Абрамъ Антоновъ.

Послѣ этихъ частичныхъ успѣховъ русскіе генералы рѣшили перейти въ общее наступленіе. Шведы, не дожидаясь русскаго нападенія, двинулись навстрѣчу, и въ 9 часовъ утра закипѣла „генеральная баталія“. Два часа длился ожесточенный бой по всей линіи. Петръ распоряжался въ самомъ огнѣ, шляпа его и сѣдло лошади были прострѣлены; Карлъ тоже былъ среди своихъ въ самой кипени боя, куда его, повинуясь его приказаніямъ, возили въ коляскѣ; пушечное ядро, ударивъ въ коляску, опрокинуло ее, и Карлъ упалъ; солдаты думали, что король убитъ. Этотъ страшный для шведской арміи слухъ распространился по всей линіи шведскихъ войскъ. Но Карлъ даже не былъ раненъ. Онъ велѣлъ посадить себя на скрещенныя пики и нести, но его всюду встрѣчали толпы разбитыхъ, отступавшихъ и просто бѣжавшихъ солдатъ. „Шведы! шведы!“—закричалъ Карлъ, но его никто уже не слушалъ. Къ нему подскакалъ фельдмаршалъ Реншильдъ и, задыхаясь, сказалъ: „Ваше величество, наша пѣхота потеряна! Товарищи, спасайте короля!“—самъ же бросился снова въ битву и скоро былъ взятъ въ плѣнъ.

Офицеръ, бомбардиръ и фузелеръ артиллерійскаго полка съ 1712 по 1720 г.

Побѣда русскихъ была полная. „Хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, — читаемъ въ „Юрналѣ“ Петра Великаго, — однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наивящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаны; при томъ въ

началъ генералъ-майоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ-майоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ, и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми, отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9.234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты и отъ ранъ померли, которыхъ счесть было невозможно; а во время той баталіи король шведскій велѣлъ себя раненаго возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, также сколько съ нашей стороны людей побито и ранено,—тому послѣдуетъ роспись. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано) съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена, и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла. По окончаніи сего счастливаго боя государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и при томъ всѣ наши генералы, штапы и оберъ-офицеры, такожде и шведскіе плѣнные генералы были; во время той баталіи первый шведскій министръ, графъ Пиперъ, увидя, что ему спастись невозможно, самъ пріѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями королевскими, Цедергольмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ государю, и съ протчими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ шведскій

Фузелеры пѣхотныхъ полковъ съ 1700 по 1720 г.

фельдмаршалъ Рейнъ-Шильдъ и протчіе генералы: между тѣмъ же, государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейнъ - Шильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою и позволилъ ее носить".

Послѣ битвы приведенные въ порядокъ русскіе полки построились на полѣ сраженія. Съ непокрытой головой царь объѣхалъ ряды своихъ воиновъ и потомъ, преклоня шпагу, привѣтствовалъ своихъ сподвижниковъ: „Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши не будутъ забвенны у потомства". Войско отвѣчало криками: „ура!" и „виватъ!".

Разсказываютъ, что во время побѣднаго пира Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто же эти учителя?" — спросилъ шведскій фельдмаршалъ. „Вы, господа шведы!" — отвѣтилъ царь.

Вслѣдъ за отступавшей и бѣжавшей частью шведскаго войска были отправлены съ кавалерійскими полками генералы Боуръ и князь Голицынъ, а на утро съ большими силами Меншиковъ. Голицынъ и Боуръ настигли шведовъ у Переволочны на берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Ворсклы. Король и Мазепа успѣли переправиться на тотъ берегъ и бѣжали въ турецкія владѣнія: остатки шведской арміи, составлявшіе въ общей сложности около половины общаго ея числа, стояли подъ начальствомъ Левенгаупта. О сопротивленіи нечего было и думать: не было снарядовъ, не было провіанту, переправиться за рѣку тоже не было возможности. Еще въ апрѣлѣ генералъ-майоръ Ренне разбилъ шведскій отрядъ, помогавшій запорожцамъ, присоединившимся къ Мазепѣ, а въ маѣ генералъ-майоръ Яковлевъ взялъ приступомъ Запорожскую Сѣчь и разорилъ ее; тогда же были уничтожены всѣ запорожскіе челны и лодки. Левенгауптъ принужденъ былъ сдаться Меншикову со всѣмъ войскомъ въ плѣнъ, несмотря на то, что въ его распоряженіи были силы, много превышавшія по количеству отрядъ Меншикова. Всего было взято въ плѣнъ русскими около 16.000 шведовъ. „И тако Божіей помощью,—читаемъ въ „Юрналѣ", — вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія, которая бытіемъ въ Саксоніи не малой страхъ въ Европѣ причинила, къ государю россійскому въ руки досталась". Сподвижники Петра въ Полтавскомъ бою были щедро награждены имъ. Самъ же онъ, по прошенію офицеровъ и генераловъ всей арміи, принялъ чинъ генералъ-лейтенанта сухопутныхъ войскъ и шаутбенахта,—такъ называли тогда чинъ, соотвѣтствующій теперешнему контръ-адмиральскому,—во флотѣ.

Послѣдствіемъ Полтавской побѣды было рѣшительное утвержденіе всѣхъ начинаній Петра на Балтійскомъ морѣ. Шведская армія была уничтожена, король ушелъ въ Турцію, гдѣ успѣлъ много

повредить Петру, доведя его недоразумѣнія съ султаномъ до войны, едва не кончившейся катастрофой на Прутѣ. Швеціи, чтобы подняться на Россію съ новыми силами, надо было послѣ Полтавы копить ихъ снова и устраивать, а на это было нужно время, котораго не любилъ и не умѣлъ давать противнику Петръ. Миръ ли, или продолженіе войны несла съ собой „небывалая викторія", достигнутые успѣхи оказывались упроченными, и Петръ ясно сознаетъ, что теперь положенъ прочный камень основанію С.-Петербурга, который со дня Полтавы онъ начинаетъ считать столицей государства и вмѣсто прежнихъ легкихъ построекъ предпринимаетъ въ своемъ „парадизѣ" рядъ капитальныхъ сооруженій. Шведы не просятъ мира; съ другой стороны, новой столицѣ въ устьяхъ Невы нельзя же оставаться пограничнымъ городомъ, нельзя же такому государству, какъ растущая Россія, имѣть выходъ въ море только по Финскому заливу,—и Петръ кладетъ еще почти 12 лѣтъ неустаннаго военнаго труда ради укрѣпленія за собой балтійскихъ береговъ. Кромѣ большого значенія для ближайшихъ къ ней по времени событій, Полтавская викторія „была,—какъ говоритъ С. М. Соловьевъ,—однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій: могущество Швеціи, созданное искусственно, посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и предъ народами Запада явилось новое, обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшихся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ Полтавской побѣды родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ; но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилось цѣлое новое племя—славянское, нашедшее себѣ достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни".

Послѣ Полтавы театръ войны рѣшительно перебрасывался на Балтійское побережье, куда уже 13-го іюля двинулся изъ-подъ Полтавы съ пѣхотой и конницей фельдмаршалъ Шереметевъ, имѣя задачей осаду Риги и вообще очистку прибалтійскихъ провинцій отъ шведовъ; другая часть русскаго войска подъ командой фельдмаршала князя Меншикова двинулась въ Польшу, чтобы быть участницей въ дѣйствіяхъ возродившагося послѣ Полтавы Сѣвернаго союза. Когда Шереметевъ, Боуръ и Брюсъ покончили съ крѣпостями Эстляндіи и Лифляндіи, часть русскихъ войскъ продвинулась въ Финляндію, взяла Выборгъ, Кексгольмъ и дошла до самаго Або, отовсюду вытѣсняя шведскіе полки.

Война, какъ извѣстно, закончилась только въ 1721 г. мирнымъ договоромъ, подписаннымъ русскими и шведскими уполномоченными въ городкѣ Ништадѣ, 30-го августа, въ четвертомъ часу по полуночи. Россія оставляла за собой почти всѣ свои завоеванія и возвратила Швеціи только Финляндію безъ Выборгскаго лена, оставшагося за Россіей.

Торжество Петра было полное. Извѣстіе о мирѣ онъ получилъ на Лисьемъ носу, по пути въ Выборгъ. Немедленно онъ повер-

нулъ назадъ. „4-го сентября въ Петербургѣ страшное волненіе,— говоритъ С. М. Соловьевъ:—царь неожиданно вернулся изъ своей поѣздки, плыветъ по Невѣ, и каждую минуту стрѣляютъ изъ трехъ пушекъ его бригантины, трубачъ трубитъ: что это значитъ? Миръ! Толпы собираются у Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его: генералъ-адмиралъ, флагманы, министры просятъ принять чинъ адмирала. На Троицкой площади приготовлены межъ тѣмъ кадки съ виномъ и пивомъ; царь взошелъ на помостъ и, обращаясь къ окружавшему народу, сказалъ: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый вѣчный миръ". Сказавши это, Петръ взялъ ковшъ съ виномъ и выпилъ за здоровье народа; отовсюду неслись крики: „Да здравствуетъ государь!", съ крѣпости раздался пушечный салютъ, полки, поставленные на площади, салютовали ружейнымъ огнемъ.

По городу съ извѣстіемъ о мирѣ ѣздили 12 драгунъ съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и со знаменами, перевитыми лавровыми вѣтвями; два трубача трубили радостную вѣсть. 10-го сентября начался большой маскарадъ, который продолжался цѣлую недѣлю. Петръ веселился отъ души, плясалъ по столамъ, пѣлъ пѣсни. На 22-е октября было назначено второе торжество. Еще 20-го Петръ, лично присутствуя въ сенатѣ, объявилъ, что въ знакъ благодарности за Божію милость даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ всѣхъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны до 1718 года.

22-го октября сенатъ, синодъ, генералитетъ собрались въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣдни прочитали вслухъ подлинный мирный трактатъ, затѣмъ архіепископъ псковскій Ѳеофанъ говорилъ рѣчь, въ которой, описывая и прославляя дѣла Петра, возгласилъ, что за все сдѣланное имъ для родины онъ достоинъ называться отцомъ отечества, императоромъ и Великимъ. Тутъ подошли къ Петру сенаторы, генералы, и канцлеръ графъ Головкинъ сталъ говорить отъ имени всѣхъ: „Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо едиными, вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе приведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены, и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарить? Однакожъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту: дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, въ знакъ малаго нашего призна-

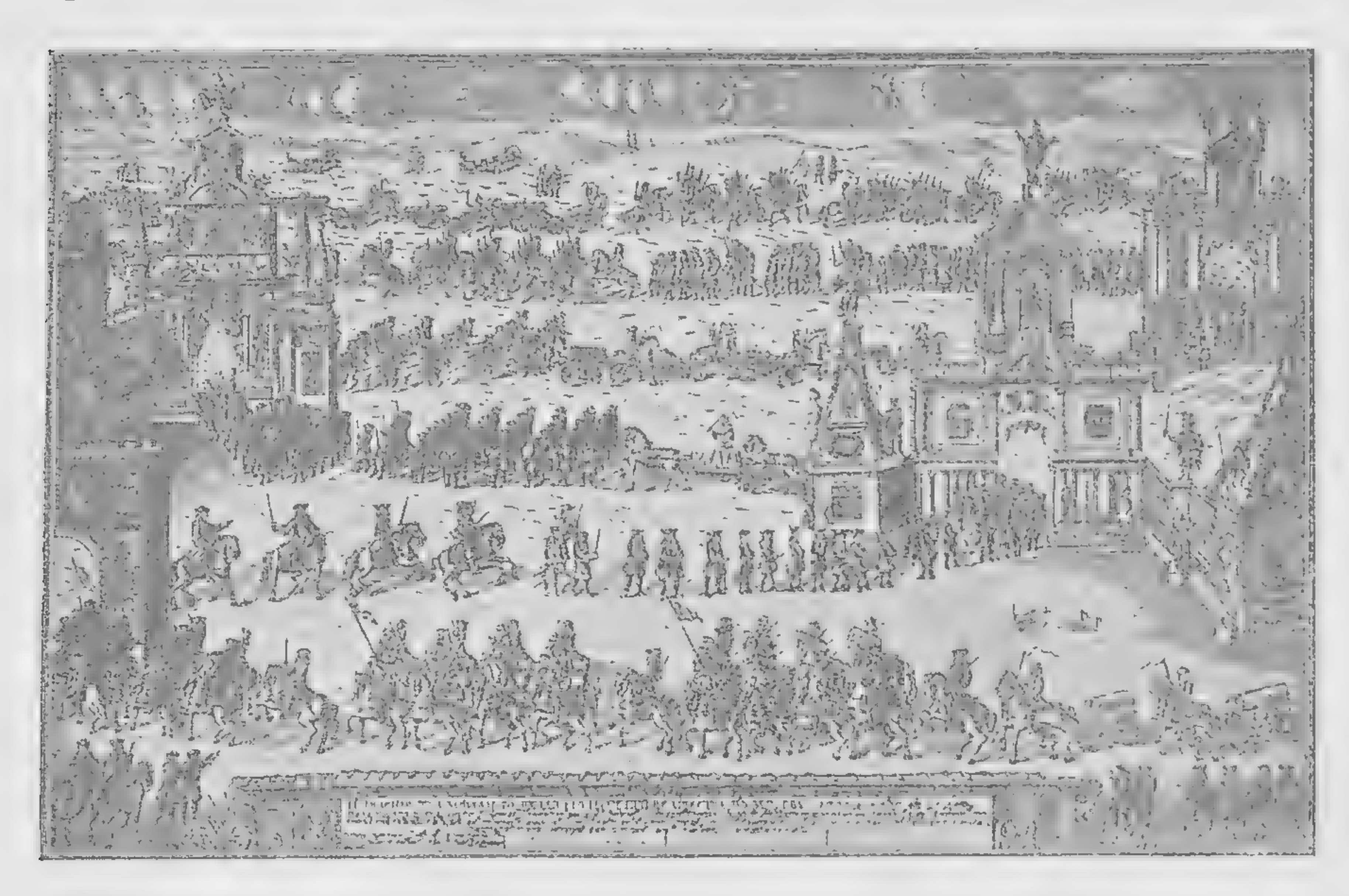
нія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ отца отечества, Петра Великаго, императора всероссійскаго принятн. Виватъ, виватъ, виватъ, Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій!" Сенаторы три раза прокричали виватъ, крикъ этотъ подхватили войска и народъ на площади, раздался звонъ колоколовъ, заиграли трубы и забили барабаны, крѣпость салютовала пушечными выстрѣлами. Послѣ этого торжества въ зданіи сената былъ устроенъ обѣдъ на тысячу приглашенныхъ. За пиромъ „бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы", всѣ потрудившіеся — поднятые ими труды. Петръ говорилъ: „Зѣло желаю, чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь прошедшей войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами, какъ внутрь, такъ и вовнѣ, отчего облегченъ будетъ народъ".

По окончаніи стола былъ балъ, продолжавшійся до ночи, а ночью фейерверкъ, изображавшій храмъ Януса, изъ котораго появился богъ Янусъ съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвью; изъ крѣпости дана была тысяча выстрѣловъ, и всѣ суда на Невѣ иллюминованы были потѣшными огнями. Пиръ окончился въ три часа ночи „обнощеніемъ всѣхъ гостей прeизряднымъ токайскимъ". Для простого народа устроены были два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Въ декабрѣ празднества продолжались въ Москвѣ, а тамъ снова грозили начаться военные труды, — теперь уже на Каспійскомъ морѣ, на границѣ съ Персіей, тяжелые не столько трудностью борьбы съ непріятелемъ, сколько отдаленностью театра войны отъ средоточія силъ имперіи. Результатомъ этого похода было пріобрѣтеніе Дербента, Баку и побережья Каспія до Астрабада.

За время этой съ лишкомъ двадцатилѣтней военной страды устраивалась и вырабатывалась въ грозную военную силу новая русская армія. Эта армія является съ той поры постоянной и регулярной, и въ ней безъ различія сословій обязаны служить всѣ люди россійскаго государства. Одновременно съ созданіемъ самой арміи вырабатывалось и управленіе этой военной силой страны, создавались учрежденія, вѣдавшія хозяйство войска, заботившіяся о боевой подготовкѣ солдатъ и офицерства, объ обмундированіи и снаряженіи. Къ концу царствованія Петра всѣ эти заботы были возложены на военную коллегію съ подчиненными ей вѣдомствами, во главѣ которыхъ стояли: генералъ-провіантмейстеръ, генералъ-комиссаръ (главный военный судья), генералъ-фельдцейхмейстеръ (начальникъ артиллеріи, инженеровъ и саперной части) и генералъ-литетъ (генеральный штабъ).

Пѣхотный полкъ петровскихъ временъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ, по четыре роты въ каждомъ, только гвардейскіе

полки—Преображенскій и Семеновскій—имѣли по четыре батальона, роты дѣлились на четыре плутонга; во главѣ роты стоялъ ротный командиръ; онъ долженъ былъ воспитывать свою роту въ военномъ отношеніи и для этого всѣ „воинскіе порядки благоразумѣти". Кромѣ командира, въ ротѣ полагалось еще три офицера—капитанъ-поручикъ, подпоручикъ и прапорщикъ. Капитанъ-поручикъ былъ помощникомъ капитана — ротнаго командира и долженъ былъ обо всемъ „во вся дни подробно рапортовать" послѣднему; подпоручикъ не имѣлъ никакихъ особыхъ обязанностей въ ротѣ, прапорщикъ же обязанъ былъ нести въ строю знамя; кромѣ того, онъ долженъ былъ „по вся дни посѣщать немощныхъ"

Тріумфальный входъ Его Царскаго Величества въ Москву 21 декабря 1709 г. Съ русской гравюры того времени.

и ходатайствовать за нижнихъ чиновъ, „егда они въ наказаніе впадутъ".

Среди начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ первое мѣсто занимали въ ротѣ два сержанта, которымъ было „зѣло много дѣла въ ротѣ"; подпрапорщикъ имѣлъ своей задачей замѣнять при знамени прапорщика, каптенармусъ завѣдывалъ оружіемъ и аммуниціей, капралы командовали плутонгами.

Во главѣ полка стоялъ полковникъ; по уставу, онъ „какъ капитанъ въ своей ротѣ, такоже и еще болѣ у своего полку первое почтеніе имѣлъ"; подполковникъ—помогалъ во всемъ командиру полка, первый майоръ командовалъ однимъ батальономъ, секундъ-майоръ—другимъ; причемъ первый майоръ считался старше секундъ-майора и имѣлъ, кромѣ командованія, обязанность заботиться,

„въ добромъ ли состояніи обрѣтается полкъ какъ въ числѣ солдатъ, такъ въ ихъ оружіи, амуниціи и мундирѣ“.

Кавалерію при Петрѣ составляли драгунскіе полки; артиллерія петровскихъ временъ состояла изъ 12-, 8-, 6- и 3-фунтовыхъ орудій *), однопудовыхъ и полупудовыхъ гаубицъ, пудовыхъ и 6-пудовыхъ мортиръ. Это была очень тяжелая и неуклюжая артиллерія: 12-фунтовая пушка, напримѣръ, вѣсила съ лафетомъ и передкомъ 150 пудовъ, везли ее 15 лошадей! Трехфунтовыя орудія составляли „полковую“ артиллерію; сначала такихъ пушекъ полагалось двѣ на батальонъ, а съ 1723 г. ограничивались двумя на полкъ. Эти полковыя пушки вѣсили около 28 пудовъ. Дальнобойность орудій тѣхъ временъ была очень незначительная — около 150 саженъ въ среднемъ—и зависѣла, конечно, отъ калибра орудія.

Фузелеръ драгунскаго полка съ 1700 по 1720 г.

Изъ пушкарей и гранатчиковъ прежнихъ временъ Петръ велѣлъ сформировать въ 1700 году особый „артиллерійскій полкъ“, для подготовки же свѣдущихъ артиллеристовъ были учреждены школы: инженерная и навигаціонная въ Москвѣ и инженерная въ Петербургѣ. Оружейные заводы на Охтѣ и въ Тулѣ, устроенные Петромъ, доставляли войску орудія и оружіе.

Вооруженіе каждаго солдата состояло изъ шпаги съ портупеей и фузеи; фузея—ружье, вѣсившее около 14 фунтовъ; пуля его вѣсила 8 золотн.; замокъ фузеи былъ кремневый; на фузею насаживался въ нужныхъ случаяхъ багинетъ—пяти- или восьмивершковый трехгранный штыкъ. Патроны помѣщались въ кожаныхъ сумкахъ, прикрѣпленныхъ къ перевязи, къ которой привязывалась еще роговая „натруска“ съ порохомъ. Каптенармусы и сержанты, вмѣсто фузеи, были вооружены алебардами — топорами на трехъаршинномъ древкѣ.

*) Фунтъ = чугунному ядру съ діаметромъ въ 2 англ. дюйма; вѣсовой фунтъ превышается при этомъ почти на 20 золотниковъ.

Полевая пушка петровскихъ временъ.

Одна изъ ротъ въ каждомъ полку называлась гренадерской, и особенностью ея вооруженія были фитильныя бомбочки, хранившіяся у гренадеръ въ особой сумкѣ; фузеи гренадеръ были, кажется, нѣсколько легче, и солдаты при бросаніи бомбъ могли свои фузеи на ремнѣ закладывать за спину. Нижніе чины артиллеріи были вооружены шпагами, пистолетами и нѣкоторые — еще особой „мортирцей“. Эти „мортирцы“ были что-то среднее между фузеей и маленькой пушкой, прилаженной къ фузейному ложу съ фузейнымъ замкомъ; при стрѣльбѣ изъ мортирецъ ихъ приходилось поддерживать особой алебардой; длина мортирцы равнялась 13 вершкамъ, стрѣляла же она бомбочкой, равнявшейся фунтовому ядру. Каждому солдату полагался ранецъ для носки вещей. Драгуны для пѣшаго боя были вооружены фузеей, а для коннаго—палашомъ и пистолью.

Съ 1700 года обмундированіе солдата состояло изъ небольшой приплюснутой поярковой треуголки, кафтана, епанчи, камзола и штановъ. Шляпа была чернаго цвѣта, края полей были обшиты бѣлой тесьмой, и съ лѣвой стороны прикрѣплялась мѣдная пуговица. При выслушиваніи приказаній отъ старшихъ младшіе снимали шляпу и держали ее подъ лѣвой мышкой. Волосы носили солдаты и офицеры длинные до плечъ и въ парадныхъ случаяхъ пудрили ихъ мукой.

Кафтаны у пѣхотинцевъ были изъ зеленаго сукна, а у драгунъ—изъ синяго, однобортные, безъ воротника, съ красными обшлагами; мѣрою кафтанъ былъ до колѣнъ и снабжался мѣдными пуговицами; епанча для кавалеріи и пѣхоты строилась изъ краснаго сукна и имѣла два воротника: это была узкая накидка, доходившая до колѣнъ и плохо защищавшая отъ дождя и снѣга; сапоги—длинные, съ легкими раструбами—носили только въ караулахъ и при походѣ, а обыкновенной обувью являлись чулки и тупоносые смазные башмаки съ мѣдной пряжкой; чулки

Мортира петровскихъ временъ.

у армейскихъ солдатъ были зеленаго цвѣта, а у преображенцевъ и семеновцевъ послѣ нарвскаго погрома—красные, по преданію, въ память того дня, когда бывшіе „потѣшные“ полки не дрогнули, при всеобщей „конфузіи“, подъ натискомъ Карла XII и сражались надъ трупами убитыхъ товарищей, стоя по колѣна въ крови.

Гренадеры гвардіи отличались отъ фузелеровъ только головнымъ уборомъ: вмѣсто трехугольной шляпы они носили кожаныя каски со страусовымъ перомъ. Покрой офицерскаго мундира былъ тотъ же, что и у солдатъ, только обшитый по краямъ и по борту золотымъ галуномъ, пуговицы были тоже золоченыя, галстухъ, вмѣсто чернаго суконнаго, какъ у солдатъ, былъ бѣлый полотняный; къ шляпѣ прикрѣплялся плюмажъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ; при парадной формѣ офицеры должны были имѣть на головахъ пудреные парики. Отъ рядового отличалъ офицера еще бѣло-сине-красный шарфъ съ серебряными, а у штабъ-офицеровъ—съ золотыми кистями, который носили черезъ правое плечо и завязывали у эфеса шпаги; знакъ носили высоко на груди, у воротника; вооружены офицеры были шпагой и въ строю имѣли еще протазанъ, или, по-тогдашнему, „партазанъ“—родъ копья на трехаршинномъ древкѣ. Гренадерскіе офицеры имѣли вмѣсто „партазана“ легкую фузею на золотомъ ремнѣ.

Знамя л.-гв. Преображенскаго полка 1707 г.

Къ концу царствованія Петра регулярная армія насчитывала въ своихъ рядахъ болѣе 200.000 солдатъ всѣхъ родовъ оружія и свыше 100.000 нерегулярной казачьей конницы. Для 13.000.000-наго населенія петровской Россіи это было тяжелое бремя—содержать и кормить такое многочисленное войско. По смѣтѣ, составленной въ 1710 г., на содержаніе полевой арміи, гарнизоновъ и флота, на артиллерію и другіе военные расходы шло немного болѣе трехъ милліоновъ рублей, тогда какъ на остальныя нужды казна тратила только 800.000 съ небольшимъ: войско поглощало, слѣдовательно, 78% всего бюджета расходовъ, и это еще въ военное время, когда

значительная часть арміи кормилась на счетъ непріятеля, квартируя въ завоеванныхъ провинціяхъ или за границей; но когда война стала близиться къ концу и войска понемногу начали возвращаться внутрь страны, пришлось подумать о болѣе постоянномъ и опредѣленномъ способѣ ихъ прокормленія, нежели случайные и большею частью насильственные сборы съ жителей; возможное въ военное время и въ непріятельской странѣ, разумѣется, нельзя было примѣнять у себя дома въ мирное время.

Для разрѣшенія этого вопроса Петръ велѣлъ указомъ отъ 26-го ноября 1718 г. сосчитать количество податного населенія Россіи всѣмъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, было приказано дать точныя „сказки“, т.-е. свѣдѣнія, сколько у нихъ по деревнямъ живетъ душъ мужескаго пола, включая стариковъ и младенцевъ. Сказки эти и свѣдѣнія потомъ провѣрили особые ревизоры. Затѣмъ точно опредѣлили количество солдатъ въ арміи и вычислили, по скольку душъ, насчитанныхъ по переписи, приходится на каждаго солдата. Затѣмъ вычислили, сколько стоитъ въ годъ полное содержаніе солдата; тогда стало ясно, какимъ налогомъ слѣдуетъ обложить каждую платящую подати душу, чтобы покрыть всѣ расходы по содержанію арміи. По этому расчету на каждую податную душу пришлось 74 коп. тогдашнихъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ (1652—1719).

Указами 10 января и 5 февраля 1722 г. Петръ изложилъ сенату и самый способъ прокормленія и содержанія арміи, предлагая произвести „раскладку войска на землю“. Полки конные и пѣшіе предполагалось поселить именно въ тѣхъ областяхъ, которыя должны были содержать ихъ. Въ новозавоеванныхъ областяхъ—Ингріи, Кареліи, Лифляндіи и Эстляндіи - не было произведено переписи, и сюда должны были назначаться на постой полки, прокормъ которыхъ былъ возложенъ на отдаленныя провинціи, не нуждавшіяся въ постоянной военной охранѣ.

Въ военной коллегіи составили роспись полковъ по мѣстностямъ, а для самаго расквартированія командировали 5 генераловъ, 1 бригадира и 4 полковниковъ—по одному въ каждую губернію. Получивъ отъ сената инструкцію для раскладки, а изъ

военной коллегіи — списокъ полковъ, которые въ данной мѣстности предстояло расположить, посланный штабъ-офицеръ, прибывъ въ свой округъ, долженъ былъ созвать мѣстное дворянство, объявить ему правила раскладки и пригласить къ содѣйствію раскладчикамъ. Полки размѣщались такъ: на каждую роту отводился сельскій округъ съ такимъ количествомъ населенія, чтобы на каждаго пѣхотинца приходилось 35 душъ, а на коннаго — 50 душъ мужескаго пола. Инструкція предписывала раскладчику настаивать на разселеніи полковъ особыми слободами, чтобы не разставлять ихъ по крестьянскимъ дворамъ и тѣмъ не вызывать ссоръ крестьянъ съ постояльцами. Съ этой цѣлью раскладчики должны были уговаривать дворянъ построить избы, по одной для каждаго унтеръ-офицера и по одной для каждыхъ двухъ солдатъ. Каждая слобода должна была вмѣстить въ себѣ не менѣе капральства и находиться въ такомъ разстояніи отъ другой, чтобы рота конная была размѣщена на протяженіи не далѣе 10 верстъ, а пѣшая—не далѣе пяти, конный полкъ — на протяженіи 100, а пѣшій—50 верстъ. Въ серединѣ ротнаго округа предписывалось дворянству построить ротный дворъ съ двумя избами для оберъ-офицеровъ роты и съ одной для низшихъ служителей; въ центрѣ расположенія полка дворяне обязывались выстроить дворъ для полкового штаба съ 8 избами, госпиталемъ и сараемъ.

Знамя л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ 1711 г.

Расположивъ роту, раскладчикъ передавалъ ротному командиру списокъ деревень, по которымъ рота размѣщена, съ обозначеніемъ числа дворовъ и занесеннаго въ перечень количества душъ въ каждой; другой такой же списокъ раскладчикъ вручалъ помѣщикамъ тѣхъ деревень. Точно такъ же онъ составлялъ списокъ селеній, по которымъ размѣщался цѣлый полкъ, и передавалъ его полковому командиру. Дворяне каждой провинціи должны были сообща заботиться о содержаніи размѣщенныхъ въ ихъ мѣстности полковъ и для этого избрать изъ своей среды особаго комиссара, на котораго и возлагалось заботиться о своевременномъ сборѣ денегъ на содержаніе полковъ, поселенныхъ въ данной мѣстности, и вообще быть отвѣтственнымъ передъ дворянствомъ приказчикомъ и посредникомъ сословія въ сношеніяхъ съ военной

властью. Съ 1723 г. этимъ выборнымъ земскимъ комиссарамъ предоставляется исключительное право сбора подушной подати и недоимокъ.

Полкъ, поселенный въ данной мѣстности, не только жилъ на счетъ населенія, содержавшаго его, но и долженъ былъ, по мысли Петра, сдѣлаться орудіемъ мѣстнаго управленія: кромѣ строевыхъ ученій, на полкъ возлагалось множество чисто-полицейскихъ обязанностей. Полковникъ съ офицерами обязанъ былъ преслѣдовать воровъ и разбойниковъ въ своемъ „дистриктѣ", т.-е. мѣстѣ расположенія полка, удерживать крестьянъ своего округа отъ побѣговъ, ловить бѣжавшихъ, наблюдать за бѣглыми, приходящими въ дистриктъ со стороны, искоренять корчемство и контрабанду, помогать лѣснымъ надсмотрщикамъ въ преслѣдованіи незаконныхъ лѣсныхъ порубокъ, посылать съ чиновниками, которые командируются въ провинціи отъ воеводъ, своихъ людей, чтобы эти люди не позволяли чиновникамъ разорять уѣздныхъ обывателей, а чиновникамъ помогали справляться „со своевольствомъ" обывателей.

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. Д. Меншиковъ (1673—1729) Гравюра Ж. Симона.

По мысли инструкціи, полковое начальство должно было сельское населеніе уѣзда „отъ всякихъ налоговъ и обидъ охранять". „На дѣлѣ, — говоритъ В. О. Ключевскій,—это начальство, даже помимо своей воли, само ложилось тяжелымъ налогомъ и обидой на мѣстное населеніе и не только на крестьянъ, но и на землевладѣльцевъ. Офицерамъ и солдатамъ воспрещено было вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія помѣщиковъ и въ крестьянскія работы, но пастьба полковыхъ лошадей и домашняго офицерскаго и солдатскаго скота на общихъ выгонахъ, гдѣ пасли свой скотъ и землевладѣльцы и крестьяне, право военнаго начальства требовать въ извѣстныхъ случаяхъ людей для полковыхъ работъ и подводъ для полковыхъ посылокъ и, наконецъ, право общаго надзора за порядкомъ и безопасностью въ полковомъ округѣ— все это должно было создавать постоянныя недоразумѣнія у военнаго начальства съ обывателями".

Обязанное слѣдить за плательщиками подушной подати, кормящей полкъ, полковое начальство производило этотъ надзоръ са-

мымъ неудобнымъ для обывателя способомъ: крестьянинъ, если хотѣлъ уйти на работу въ другой дистриктъ, долженъ былъ выправлять отпускное письмо отъ землевладѣльца или приходскаго священника; съ этимъ письмомъ онъ шелъ на полковой дворъ, гдѣ это отпускное письмо свидѣтельствовалъ и записывалъ въ книгу земскій комиссаръ. Вмѣсто письма крестьянину выдавался особый билетъ за подписью и печатью полковника. Можно себѣ представить, какой потери времени, какихъ разныхъ побочныхъ расходовъ на писарей, кромѣ узаконенной пошлины, стоила вся эта процедура предпріимчивому человѣку, желавшему найти заработокъ на сторонѣ.

Предположенныя отдѣльныя солдатскія слободы нигдѣ не были выстроены, а начатыя не были кончены, и солдаты размѣщались по обывательскимъ дворамъ. Въ одномъ указѣ 1727 года, вводившемъ нѣкоторыя измѣненія въ сборъ подушной подати, правительство само признало весь вредъ отъ такого размѣщенія солдатъ, оно признало, что „бѣдные россійскіе крестьяне разоряются и бѣгаютъ не только отъ хлѣбнаго недорода и подушной подати, но и отъ несогласія у офицеровъ съ земскими правителями, а у солдатъ съ мужиками“. Драки у солдатъ съ мужиками были постоянныя, и до нашего времени дошло немалое число судебныхъ дѣлъ, ярко рисующихъ это тяжелое взаимное положеніе военной силы и обывателей, вырождавшееся часто въ обоюдную ненависть другъ къ другу.

Знамя армейскихъ полковъ 1712—1727 гг.

Всего тяжелѣе приходилось чувствовать крестьянству тягость военнаго постоя при самыхъ сборахъ подушной подати, которую собирали земскіе комиссары съ прикомандированными къ нимъ „для анпталту“, т.-е. для порядка, военными командами съ офицеромъ во главѣ. Подать вносилась обыкновенно по третямъ, и три раза въ годъ земскіе комиссары съ воинскими людьми объѣзжали села и деревни, производя сборы, взимая штрафы съ неплательщиковъ, распродавая добро неимущихъ, кормясь на счетъ обывателей. „Каждый объѣздъ продолжался два мѣсяца: шесть мѣсяцевъ въ году села и деревни жили въ паническомъ страхѣ подъ гнетомъ, или въ ожиданіи вооруженныхъ сборщи-

ковъ". „Мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и прочихъ командировъ; крестьянскихъ пожитковъ въ платежѣ податей недостаетъ, и крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей закладываютъ, а иные и врозь бѣгутъ; командиры, часто премѣняемые, такого разоренія не чувствуютъ; никто изъ нихъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобы взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслуживаться",—гласитъ мнѣніе Меншикова и другихъ высокихъ чиновъ, представленное въ Верховный Тайный Совѣтъ въ 1726 г. Сенатъ еще въ 1725 г. указывалъ, что „платежомъ подушныхъ денегъ земскіе комиссары и офицеры такъ притѣсняютъ, что крестьяне не только пожитки и скотъ распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посѣянный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ и оттого необходимо принуждены бѣгать за чужія границы".

Генералъ-фельдмаршалъ князь А. И. Репнинъ (1668—1726).

Это бѣгство достигало огромныхъ размѣровъ: въ Казанской губерніи въ мѣстности разселенія одного пѣхотнаго полка менѣе чѣмъ черезъ два года такого военно-финансоваго хозяйствованія полкъ не досчитался въ своемъ дистриктѣ 13.000 душъ, что составляло больше половины ревизскихъ обывательскихъ душъ, обязанныхъ ихъ содержать! Военное начальство вклинилось, такъ сказать, въ мѣстную жизнь, какъ посторонній и во всѣхъ отношеніяхъ неудобный придатокъ; офицеры обыкновенно знать не хотятъ мѣстное начальство, грубятъ и дерзятъ даже воеводѣ, а когда воевода пожалуется полковнику, то это хорошо, если полковникъ грубо отвѣтитъ, что не дѣло воеводы судить поведеніе господъ офицеровъ, а то пошлетъ команду, отберетъ у воеводы шпагу и посадитъ его подъ арестъ, „яко сущаго злодѣя", какъ жаловался въ сенатъ одинъ воевода, которому пришлось испытать на себѣ полковничье безпристрастіе.

Ближайшимъ наслѣдникамъ Петра пришлось очень призадуматься надъ переустройствомъ способовъ сбора подушной подати и надъ сокращеніемъ исключительнаго значенія военнаго начальства въ мѣстномъ управленіи и въ обывательской жизни. Кое-что смягчили, но самыя основы заведеннаго Петромъ порядка долго

еще больно нажимали на отягченную всякими невзгодами спину русскаго обывателя.

Производство въ чины въ петровской арміи происходило въ порядкѣ строгой постепенности. Работая во время персидскаго похода надъ распланированіемъ крѣпости Св. Креста, царь очень усталъ и спросилъ своего помощника, бригадира Левашева: „Нѣтъ ли у тебя, братецъ, водки?“—„Водки нѣтъ, государь,—отвѣтилъ тотъ,—а есть сивуха!“—„И то ладно,—сказалъ царь,—не найдется ли только рѣдьки закусить?“ Бригадиръ послалъ за рѣдькой солдата. Тотъ быстро исполнилъ порученіе. „Спасибо, братецъ!“—поблагодарилъ его государь. Бригадиръ, чтобы не терять случая, когда государь, выкушавъ сивухи и закусивъ рѣдькой, похвалилъ солдата за проворство, сталъ ходатайствовать о производствѣ его въ капралы. „А давно онъ на службѣ?“—спросилъ государь.—„Да году еще нѣтъ“,—сказалъ бригадиръ.—„Можно бы его пожаловать капраломъ,—замѣтилъ государь,—но обидишь тѣмъ многихъ, которые старѣе его въ службѣ. Однако, когда пройдетъ годъ службы его, напомни мнѣ объ немъ“. Даже императрица Екатерина не всегда могла исходатайствовать у государя чинъ не въ очередь кому-либо изъ знатныхъ. На каждое опустѣвшее мѣсто выбирался офицерами полка путемъ баллотировки достойнѣйшій по ихъ мнѣнію; въ чинахъ до капитана утверждалъ командиръ „генеральства“, т.-е. корпуса—генералъ-аншефъ, а до полковника—фельдмаршалъ. Патенты на всѣ чины до 1724 г. выдавались за подписью самого государя. Производство въ полковничьи и генеральскіе чины зависѣло отъ государя. Чтобы родовыя связи, покровительство, пріязнь и дружба не проводили въ среду офицерства людей, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, Петръ указомъ 1714 года постановилъ: „Такъ какъ многіе производятъ сродниковъ своихъ и друзей въ офицеры изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ, ибо не служили въ низкихъ чинахъ, а нѣкоторые служили только для вида по нѣскольку недѣль или мѣсяцевъ, поэтому такимъ требуется вѣдомость, сколько такихъ чиновъ есть съ 1709 г., а впредь сказать указъ, чтобъ и дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи“. Списки производимыхъ въ чины лицъ Петръ часто просматривалъ самъ, и бѣда была и неправильно произведенному и допустившимъ такое производство, если зоркій глазъ царя вскрывалъ неправильности.

Въ 1717 году Петръ указалъ подполковника Мякишева „написать въ Преображенскій полкъ въ бомбардирскую роту въ солдаты для того, что онъ тотъ чинъ досталъ проискомъ, а не службой“. Генералъ-аншефъ Александръ Меншиковъ могъ бы немало разсказать, какъ часто и какъ больно прохаживалась по его спинѣ царская дубина за вскрывавшіяся „плутни“ этого генералъ-аншефа при производствахъ.

Царь строго слѣдилъ, чтобы дворяне, поступившіе солдатами въ гвардейскіе полки, проходили въ нихъ извѣстное военное образованіе, „приличное офицерству“.

Въ особыхъ полковыхъ школахъ дворянскіе недоросли проходили ариѳметику, геометрію, артиллерію, фортификацію и языки. Но и производство въ первый чинъ не избавляло офицера петровскихъ временъ отъ науки. Чтобы итти впередъ по службѣ, онъ долженъ былъ еще учиться и учиться, изучая различныя отрасли военныхъ знаній.

Въ своемъ любимомъ Преображенскомъ полку Петръ требовалъ, чтобы офицеры знали „инженерство". Для изученія инженерства въ 1721 году при полку была учреждена особая школа, гдѣ преподавались соотвѣтствующія знанія. „Зѣло нужно,—писалъ въ своемъ указѣ императоръ,—чтобы офицеры знали инженерство, буде не все, то хоть часть онаго; ибо случается кто куда откомандированъ бываетъ въ даль, или въ какой-либо постъ, гдѣ надлежитъ оборону себѣ сдѣлать, а инженеровъ всюду въ такія малыя дѣла посылать невозможно; также когда нужда позоветъ вдругъ около всего войска сдѣлать траншаментъ (окопы), то гдѣ инженерамъ возможно около всего войска сію работу въ нѣсколько часовъ исправить? А когда офицеры знаютъ, то по данной диспозиціи (расписанію) тотчасъ оное исполнить могутъ: того для объявить всѣмъ оберъ и унтеръ-офицерамъ нашего полка, чтобы инженерству учились, а особливо которые въ 25 лѣтъ и моложе, съ такимъ объявленіемъ, что сихъ лѣтъ ежели кто не будетъ знать инженерства, тотъ не будетъ произведенъ выше того чина, въ которомъ обрѣтается; а для сего ученья всегда, гдѣ полкъ станетъ на квартиры, занимать особый дворъ, и чтобы изъ нашихъ офицеровъ, которые инженерство знаютъ, по одному или по два, непрестанно перемѣняясь, офицеровъ обучали, въ чемъ майорамъ смотрѣть накрѣпко".

Сдѣлавъ гвардейскіе полки какъ бы школами для изученія всего, что „доброму офицеру вѣдать надлежитъ", Петръ продолжалъ посылать за границу для службы въ иностранныхъ войскахъ у „знатныхъ полководцевъ" обыкновенно тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, кто побогаче, чтобы содержаніе ихъ тамъ стоило дешевле казнѣ. Эти заграничные ученики приносили, впрочемъ, мало пользы. Далеко отъ глазъ суроваго и требовательнаго къ службѣ Петра, знавшаго всѣ ея мелочи и не спускавшаго виновнымъ ни малѣйшаго упущенія, эти знатные юноши предпочитали за границей больше „прохлаждаться" въ обозахъ, живя „со всякимъ непостоянствомъ", чѣмъ служить дѣйствительно и по хорошимъ образцамъ изучать военное дѣло.

Въ 1716 г. былъ изданъ „Воинскій Уставъ", строго опредѣлявшій права и обязанности военныхъ и ихъ службу.

Тяжело давалась служба военному человѣку петровскихъ временъ. Требованіе настоящихъ знаній и заслугъ оставляло офицерамъ мало свободнаго времени. Кто хотѣлъ успѣвать на службѣ, тотъ долженъ былъ дѣйствительно много и усердно работать. Насколько Петръ цѣнилъ и поощрялъ работниковъ, настолько ненавидѣлъ тунеядцевъ. А работникомъ онъ считалъ че-

ловѣка, только прикинувъ его на свой образецъ, увидѣвъ настоящія мозолистыя руки. Всю жизнь офицеръ долженъ былъ пробыть на службѣ, и отставка—абшидъ—давалась только дѣйствительно больнымъ и увѣчнымъ.

Еще тяжелѣе приходилось солдату. И если бѣгали отъ службы дворяне, то съ простыхъ и спрашивать нечего. Рекрутовъ вели на службу скованныхъ; въ городахъ, до распредѣленія по полкамъ, держали ихъ „въ великой тѣснотѣ, по тюрьмамъ и острогамъ не малое время и, такимъ образомъ, еще на мѣстѣ изнуривъ, отправятъ, не разсуждая по числу людей и далекости пути съ однимъ и то негоднымъ офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же поведутъ, упустивъ удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, другіе же бѣгутъ и пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ... ни крестьяне ни солдаты, но разорители государства становятся“... Такъ писали въ сенатъ изъ военной коллегіи въ 1719 г., прося сенатъ устранить эти „непорядки“, при которыхъ дѣйствительно, по справедливому замѣчанію коллегіи, иные съ охотой хотѣли бы итти на службу, „но видя съ начала такой надъ своей братіей непорядокъ, въ великій страхъ приходятъ“.

При наборѣ явно происходили дѣйствія беззаконныя: на службу вмѣсто крѣпкихъ и здоровыхъ людей принимали больныхъ и увѣчныхъ: „въ одни нынѣшніе (1719 г.) приводы,—жалуется военная коллегія,—больше 700 человѣкъ за негодностью въ службу не приняты“. Военная коллегія предлагала, во избѣжаніе „непорядковъ“, присылать къ ней „вѣдомость“, сколько въ которой губерніи опредѣлено взять рекрутовъ; военная коллегія расписывала ихъ по командамъ и командировала для пріема и привода ихъ „добрыхъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ“. Принявъ отъ воеводъ и губернаторовъ рекрутъ, офицеры должны были тотчасъ привести ихъ къ присягѣ и, чтобъ не бѣгали, „препоручить ихъ круговой порукой“; потомъ, соединивъ ихъ съ гарнизонными солдатами, развесть по капральствамъ и ротамъ и „учить ихъ непремѣнно солдатской экзерциціи и читать имъ воинскій артикулъ, дабы въ полки не сущими мужиками, но отчасти заобычайными солдатами пришли; а опредѣленное имъ хлѣбное и денежное жалованье съ самаго ихъ пріема давать сполна. Чтобъ ихъ не изнурить въ дорогѣ скорымъ походомъ, вести ихъ по обыкновенію марша солдатскаго: три дня итти, а четвертый отдыхать“.

Бѣглыхъ солдатъ было множество. Мѣстами бѣглые организовались въ цѣлые отряды хорошо вооруженныхъ разбойниковъ, имѣли пушки и держали въ постоянномъ страхѣ цѣлые города. Въ Орловской провинціи у одной такой шайки имѣлось даже укрѣпленіе военнаго образца. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ разбойникъ Сиротка обмундировалъ свою шайку по военному образцу и держалъ при себѣ постоянный почетный караулъ парныхъ часовыхъ „съ фузеи и шпаги“.

Дисциплину Петръ требовалъ въ арміи самую строгую, и его воинскій уставъ не скупится на жестокія наказанія нарушителямъ воинскихъ правилъ и дисциплины. Наказанія, опредѣляемыя военнымъ судомъ, были очень мучительны: за чародѣйство полагалось сожженіе, за поруганіе иконъ прожигали языкъ раскаленнымъ желѣзомъ, а потомъ рубили голову; за преступленія мелкія и за малые дисциплинарные проступки полагались шпицрутены. Битье шпицрутенами отправлялось цѣлымъ полкомъ; преступника, совершившаго преступленіе впервые, водили сквозь весь полкъ, построенный въ двѣ шеренги лицомъ другъ къ другу, которыя образовали какъ бы коридоръ, шесть разъ, во второй—12, а въ третій разъ за то же преступленіе рубили уши, носъ и ссылали въ каторгу. За злоумышленіе противъ государя полагалось четвертованіе; за дерзости противъ генерала назначалась смерть или жестокіе шпицрутены. Кто обнажалъ орудіе противъ караула, тотъ „весьма имѣлъ аркебузированъ быть“, т.-е. присуждался къ разстрѣлу. За лѣность и нерадѣніе офицеры разжаловывались въ солдаты, то же наказаніе грозило за искаженіе начальническаго приказанія. Приказанія начальника нельзя было измѣнить хотя бы съ явно-доброю цѣлью; всякому дозволялось заявить свое мнѣніе командиру, но все-таки слѣдовало исполнить данное приказаніе.

Генералъ-фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ (1657—1730).

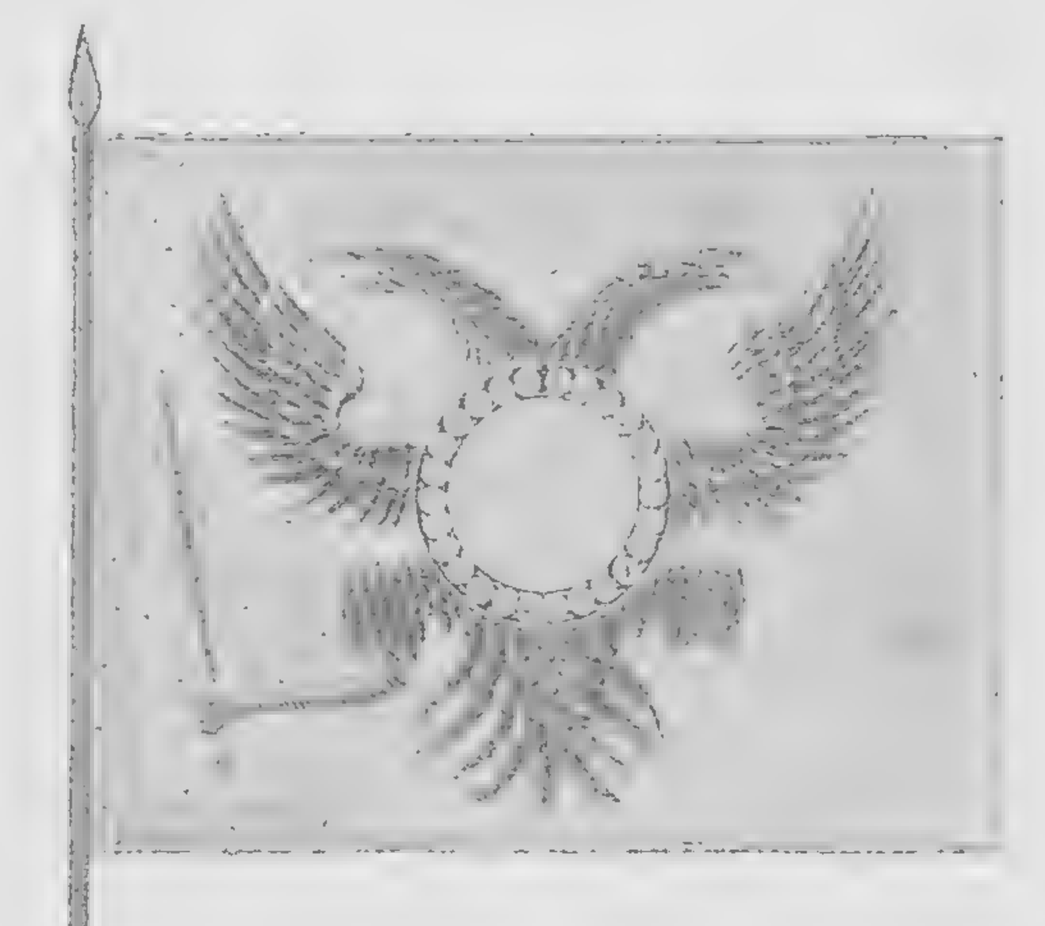
Таково было въ общихъ чертахъ устройство той силы, пустивъ которую въ дѣло, Петръ добылъ Россіи Балтійское море и положилъ основаніе тому значенію нашей родины въ Европѣ, какое она получила въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Самъ Петръ былъ первымъ солдатомъ и дѣятельнѣйшимъ офицеромъ своего войска. Началомъ своей службы онъ считалъ первый азовскій походъ, когда онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, бомбардируя верки крѣпости.

Онъ послѣдовательно проходилъ службу съ низшихъ чиновъ и только къ концу жизни дослужился до полнаго генеральскаго чина въ арміи и до адмиральскаго во флотѣ. Правомъ производства Петра въ чины обладалъ „потѣшный“ князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій.

Петръ не былъ полководцемъ, какъ были, напр., Карлъ XII или Наполеонъ. Война, войско, побѣды, пораженія существовали для него не сами по себѣ, а цѣнились имъ только какъ средства для достиженія иныхъ цѣлей, среди которыхъ не было цѣли личнаго честолюбія; благо отечества—вотъ что руководило Петромъ и въ военномъ дѣлѣ. Себя онъ въ военномъ дѣлѣ всегда охотно ставилъ на второе, даже на третье мѣсто.

Но въ нужныя минуты Петръ умѣлъ становиться во главѣ своихъ полковъ и одушевлять ихъ личнымъ примѣромъ, личной доблестью; зналъ онъ хорошо и теорію военнаго дѣла: сраженіе при Лѣсномъ, Полтавская битва во многомъ прошли удачно благодаря его распоряженіямъ, но быть лично при войскѣ, даже въ ожиданіи Полтавы, Петръ не считалъ важнымъ. Торопясь изъ Азова черезъ степь къ Полтавѣ, онъ писалъ Меншикову, что будетъ спѣшить, какъ можетъ, „однако понеже въ нужномъ дѣлѣ и часъ потерять нужной бываетъ худо, то для того, ежели что надлежитъ нужно, то, не дожидаясь меня, съ помощью Божіею, дѣлайте“.

Знамя л.-гв. Преображенскаго полка 1700 г.

Онъ вообще не стремился стоять во главѣ полевого командованія; водить войска въ битву онъ предоставлялъ своимъ генераламъ, а себѣ избралъ менѣе видную, но очень существенную роль—устройство тыла своей арміи. Въ этомъ смыслѣ Петръ былъ душой войска и дѣятельно, не покладая рукъ, трудился надъ совершенствованіемъ и устройствомъ своихъ полковъ. Онъ набиралъ рекрутовъ, готовилъ запасы, устраивалъ полки, составлялъ планы военныхъ движеній, строилъ корабли, фабрики, военные заводы, заготовлялъ амуницію, провіантъ, военные снаряды, подгонялъ начальниковъ, стремившихся послѣ побѣды посидѣть дома и отдохнуть, ободрялъ легко падавшихъ духомъ послѣ пораженій, каралъ безъ пощады виновныхъ, взяточниковъ и тунеядцевъ, приводилъ въ движеніе весь сложный механизмъ военнаго дѣла и умѣлой рукой смѣло направлялъ его къ той общей цѣли, которую намѣтилъ и во всѣхъ подробностяхъ охватывалъ его громадный умъ.

Въ этой кипучей безустанной дѣятельности Петръ воспиталъ своихъ генераловъ; подчиняясь имъ во фронтѣ, внѣ его онъ властно требовалъ онъ нихъ дѣятельной службы не за страхъ, а за совѣсть. Требовалъ отъ нихъ умѣнія самимъ оцѣнивать поло-

женіе и дѣйствовать, когда нужно, самостоятельно, не дожидаясь указки; требовалъ, чтобы они не походили, по его же сравненію, на того слугу, который, видя, что хозяинъ его тонетъ, не рѣшается его спасти, пока не справится, прописано ли у него въ наемномъ контрактѣ вытаскивать изъ воды утопающаго хозяина.

Изъ школы Петра вышли очень недурные генералы, какъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ, кн. М. М. Голицынъ, кн. А. И. Репнинъ, И. И. Бутурлинъ, Р. Х. Боуръ, К. Э. Ренне, Л. Н. Алларть, а все знающій, все умѣющій Данилычъ, князь А. Д. Меншиковъ, выказалъ тоже очень недюжинныя военныя способности. И всѣ они Петромъ жили и дышали; около себя Петръ сумѣлъ создать настоящую дружную военную семью, обожавшую его и любимую имъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ, положа руку на сердце, могъ утверждать, что побѣждалъ онъ шведовъ, во многихъ случаяхъ, благодаря только той гоньбѣ, которую онъ получалъ отъ преображенскаго полковника. „Иди днемъ и ночью,—писалъ не разъ ему Петръ,—а если такъ не учинишь, не изволь впредь на меня пенять!“ Князь Репнинъ за маловажное упущеніе, которое могло, однако, поддержать Ригу, осажденную русскими, получилъ угрозу, что шеей заплатитъ, безъ головы будетъ, если еще допуститъ что-либо подобное. Но безъ промаховъ нельзя ни въ какомъ дѣлѣ обойтись, и Петръ зналъ это лучше другихъ; когда Шереметеву не удалась одна операція противъ Левенгаупта и онъ былъ въ отчаяніи, Петръ пишетъ ему: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей обадривать надлежитъ“. Тѣмъ строже взыскивалъ царь за „оплошки“ и неудачи, происходившія отъ явнаго недосмотра и невниманія. Генералъ князь А. И. Репнинъ былъ разжалованъ въ солдаты за неудачный по его винѣ исходъ боя при Головчинѣ и за попытку оправдать себя въ реляціи объ этомъ боѣ, составленной съ нѣкоторыми умолчаніями. Только храброе поведеніе Репнина въ послѣдующихъ бояхъ вернуло ему прежній чинъ и довѣріе царя. И самъ заслуженный старикъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ долженъ былъ помнить, что прежнія заслуги не защита противъ новаго „несмотрѣнія“ и „оплошекъ“. Провинившись очень во время заграничнаго похода 1717 года, принявъ подарки отъ поляковъ и плохо слѣдя за дисциплиной своихъ солдатъ, Шеремевъ, когда узналъ, что царю это стало извѣстно, послалъ покаянное письмо, просилъ прощенья и молилъ освободить его отъ гласнаго разслѣдованія этого дѣла. Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ царя такое посланіе: „Письмо твое получилъ, въ которомъ приносишь преступленіе свое и просишь прощенія. На что отвѣтствую: что за ваши службы наказанія надлежащаго вины вашей могу отпустить, а чтобъ явнаго розыску и обличенія миновать, того не могу, ибо тѣмъ бы я самъ нарушитель правамъ былъ; прошу васъ, коли имѣли смѣлость преступить—имѣйте силу терпѣть“.

Но это все были случайныя дѣловыя размолвки, а въ общемъ

царь Петръ былъ доволенъ своими генералами. Бесѣдуя разъ съ ними, онъ сказалъ:

— Славу Богу, дожилъ я до своихъ Тюренновъ, вотъ только Сюллія у себя еще не вижу!

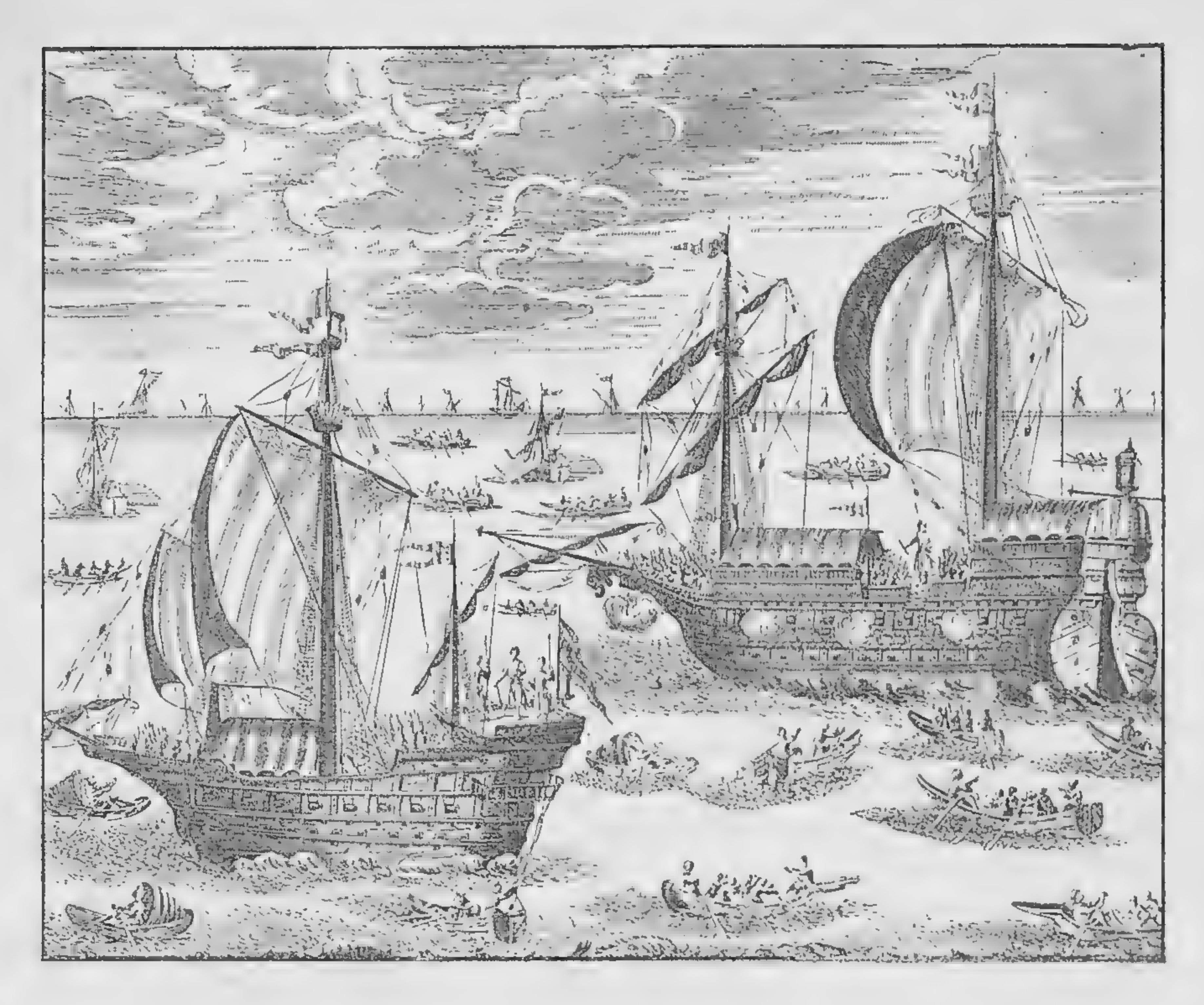
Генералы поклонились и поцѣловали руку царя, а онъ обнялъ каждаго и поцѣловалъ, по своему обыкновенію, въ голову. Общество ихъ всегда было ему близко и дорого. Въ 1717 г., осматривая съ французскими офицерами, отличившимися въ войнѣ за испанское наслѣдство, укрѣпленія Намюра, Петръ, оживленный бесѣдой, довольный пріемомъ, сказалъ коменданту:

— Словно я нахожусь въ отечествѣ своемъ среди своихъ друзей и офицеровъ!

Бросая потомъ взглядъ на событія Сѣверной войны отъ Нарвы до Полтавы, Петръ находилъ безспорной нарвскую викторію шведовъ надъ нашимъ войскомъ. „Но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили?—пишетъ онъ.—Только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ; два полка гвардіи были только въ двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, наипаче же съ регулярными войсками, никогда не видывали. Въ прочихъ же полкахъ, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, были рекруты. Къ тому же великій голодъ былъ, и, единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію? Правда, сія побѣда въ то время зѣло была печально чувствительна и за великій гнѣвъ Божій почитаема. Но нынѣ, когда о томъ подумаешь, воистину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдывать долженствуемъ: ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, когда мы были такъ неискусны во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ оное счастіе ввергнуть насъ могло. Но когда сіе несчастіе (или, лучше сказать, великое счастіе) мы получили, тогда неволя отогнала лѣность и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила“.

Плодомъ этого неустаннаго трудолюбія были всѣ послѣдующіе успѣхи. Тяжелой цѣной достались они Россіи. Несмотря на пріобрѣтеніе людныхъ прибалтійскихъ провинцій, число народонаселенія убавилось при Петрѣ противъ того числа, какое было при царѣ Алексѣѣ. Но эта страшно тяжелая жертва была принесена не даромъ, а во имя дѣйствительныхъ нуждъ великаго государства.

Пособіемъ служили слѣд. книги: „Русская военная сила“, изд. подъ редакціей *А. П. Петрова; С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIV—XVII; *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго; *В. О. Ключевскій*, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ; *его же*, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи; *М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *Н. П. Соловьевъ*, Историческіе очерки устройства русскихъ регулярныхъ войскъ въ XVIII в.; „Исторія арміи и флота“, изд. Т-ва „*Образованіе*“; „Военная энциклопедія“, изд. Т-ва *И. Д. Сытина; А. Стилле*, Карлъ XII, какъ стратегъ и тактикъ; „Полтавская битва“, сборникъ, изд. Об-ва ревнителей военныхъ знаній; *И. И. Волынскій*, Постепенное развитіе русской регулярной конницы въ эпоху Петра Великаго, и нѣкот. друг. сочиненія.

Азовскій флотъ Петра Великаго. Съ гравюры въ „Дневникѣ“ І. Г. Корба.

Флотъ Петра Великаго.

Неудача перваго азовскаго похода наглядно показала царю Петру, что безъ сколько-нибудь сильнаго флота приморскую крѣпость взять нельзя. Петра не испугала задача построить флотъ на сухопутьѣ, въ Воронежѣ, за 1.200 верстъ отъ моря; въ одну зиму достаточно сильная флотилія была готова, снаряжена и по Дону, среди безчисленныхъ трудностей въ борьбѣ съ мелководьемъ, мелями и перекатами, проведена къ морю. Это гигантское предпріятіе одно могло бы составить славу человѣку, и только позднѣйшія, еще болѣе славныя дѣла какъ-то заслонили въ нашихъ воспоминаніяхъ это знаменитое возникновеніе морского флота на сушѣ.

Когда Петру указывали на почти невыполнимыя трудности держать флотъ на чуждомъ совершенно морѣ, гдѣ не было ни одной своей гавани, онъ отвѣчалъ, что „сильный флотъ самъ найдетъ себѣ гавань“. Можно думать, что Петръ, овладѣвъ Азовомъ и рѣшивъ строить большіе корабли въ Таганрогѣ, разсчитывалъ разговаривать съ турками о мирѣ не на Прутѣ, стѣсненный ихъ

полчищами, а на Босфорѣ, гдѣ его корабли грозили бы своими пушками султанскому дворцу.

Правда, иностранные посланники доносили своимъ правительствамъ, что большая часть кораблей азовскаго флота годна лишь на дрова; корабли первой постройки, срубленные среди зимы, изъ мерзлаго лѣса, въ большинствѣ случаевъ неопытными и плохими кораблестроителями, дѣйствительно, были не важны, но царь дѣлалъ все, чтобы азовскій флотъ явился настоящей морской силой, и, надо признать, этого онъ достигъ. Царь самъ работалъ не покладая рукъ. „Его величество,—писалъ Крюйсъ,—присутствовалъ въ сей работѣ неусыпно, такъ съ топоромъ, тесломъ, конопаткою, молотомъ и мазаньемъ кораблей гораздо прилежнѣе и больше работая, нежели старый и весьма обученный плотникъ". На смѣну малознающихъ голландскихъ корабельныхъ мастеровъ были выписаны свѣдущіе англичане, къ нимъ пристали подучившіеся свои, изъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ царемъ изучали кораблестроеніе въ Голландіи и Англіи, какъ Гаврила Меншиковъ и Өедосѣй Скляевъ, котораго Петръ очень цѣнилъ, какъ корабельнаго инженера.

Корабль „Апостолъ Петръ" и галеры подъ Азовомъ въ 1696 году. Съ гравюры Шхонебека.

Возникали арсеналы и портовыя мастерскія въ Воронежѣ, Азовѣ и Таганрогѣ. Такіе настоящіе моряки, поступившіе на русскую службу, какъ голландскій адмиралъ Корнилій Ивановичъ Крюйсъ и англичане Бекгамъ и Пембургъ, взяли въ свои опытныя руки всю организацію морского дѣла. Было устроено и общее управленіе флотомъ; послѣ смерти въ 1699 г. перваго адмирала русскаго флота Ф. Я. Лефорта, носившаго свое морское званіе больше для почета, чѣмъ для дѣла, его мѣсто занялъ съ тѣмъ же званіемъ адмирала гр. Ѳ. А. Головинъ, много и дѣльно потрудившійся для созданія морской силы Россіи. Ѳ. А. Головинъ скончался въ 1706 г., и тогда главнымъ начальникомъ флота былъ назначенъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, остававшійся въ этой должности все время царствованія Петра. Вице-адмиралъ Крюйсъ составилъ правила морской службы; словомъ, азовскій флотъ становился большой, серьезной силой. Черное море уже пересѣкали русскіе корабли. Въ 1699 г. русскій корабль „Крѣпость" прибылъ въ Константинополь и бросилъ якорь противъ самаго султанскаго дворца.

На турокъ это произвело огромное впечатлѣніе. Множество народу, иностранные послы, великій визирь, самъ султанъ, наконецъ, перебывали на кораблѣ, точно желая убѣдиться—подлинно ли это русскій корабль. По донесенію нашего посла Украинцева, по городу пошли слухи, что „отъ Керчи выходилъ отъ великаго государя воинскій караванъ въ Черное море, что было въ томъ караванѣ 10 большихъ кораблей да 40 мелкихъ, что были москевы на анатолійской сторонѣ подъ городами Синопомъ и Трапезунтомъ“... „Когда же капитанъ Пембургъ на кораблѣ подпилъ гораздо“ и сталъ ночью стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ, провозглашая тосты, то „по всему Царь-Граду учинилась великая молва и ропотъ, что будто онъ, капитанъ, тою ночною пушечною пальбой давалъ знать другимъ московскимъ кораблямъ, чтобы шли они на султанскую столицу“. Турки очень обезпокоились и приложили всѣ усилія, чтобъ не дать ходу „морской затѣѣ“ царя. Но ничего не могли сдѣлать, пока случайная прутская катастрофа не погубила нашего азовскаго флота.

Ф. Я. Лефортъ, первый адмиралъ русскаго флота (1656—1696). Со стариннаго портрета.

1-го августа 1711 г. генералъ-адмиралъ Апраксинъ, находившійся при флотѣ, стоявшемъ въ Таганрогской бухтѣ, подъ командой адмирала Крюйса, получилъ царскій указъ, которымъ повелѣвалось: „Въ силу трактата, черезъ сіятельнѣйшаго Магметъ-пашу съ его султанскимъ величествомъ заключеннаго, городъ Азовъ съ землями его области, взятыми въ прошлой войнѣ, отдать обратно туркамъ, а новопостроенныя укрѣпленія разорить“. Въ началѣ 1712 г. это и было исполнено. Мелкія суда отвели вверхъ по Дону до Черкасска, корабль „Шпага“, по ветхости его, сожгли, а четыре новыхъ хотѣли-было провести вокругъ Европы на Балтійское море, но турки отказали въ пропускѣ; тогда Петръ продалъ эти суда со всѣмъ ихъ вооруженіемъ и такелажемъ за хорошую цѣну туркамъ. Такъ кончилъ свое существованіе азовскій флотъ Петра Великаго, стоившій Россіи громадныхъ жертвъ людьми и деньгами. Но если пропалъ онъ, то не пропали тотъ опытъ, тѣ знанія, которыя пріобрѣтались при

постройкѣ его, а экипажъ азовскихъ судовъ далъ хорошіе, уже готовые къ своему дѣлу кадры моряковъ, которымъ пришлось дѣйствовать и создавать морскую силу Россіи на волнахъ менѣе привѣтливаго, но обладавшаго болѣе широкими воротами въ океанъ Балтійскаго моря.

Еще до объявленія войны Швеціи Петръ приказалъ заготовить до 600 струговъ по рѣкамъ Волхову и Лугѣ „для свейской службы". Тогда же стали собирать у бывалыхъ людей свѣдѣнія о водяномъ и береговыхъ путяхъ отъ устья Волхова до Орѣшка и далѣе по Невѣ до моря.

Въ Архангельскѣ, на Ладожскомъ и на Чудскомъ озерахъ произошли уже столкновенія со шведами, счастливо закончившіяся для русскихъ, которые на простыхъ лодкахъ нападали

Адмиралъ графъ
Ѳ. А. Головинъ (1650—1705).
Со старинпаго портрета.

Генералъ-адмиралъ
графъ Ѳ. А. Апраксинъ (1671—1728).
Со старпннаго портрета.

на военныя суда шведовъ и отбирали ихъ у непріятеля. Сознавая, что безъ флота не овладѣть Невой и ея устьями, Петръ порѣшилъ постройку флота. Въ устьяхъ рѣки Сяси, впадающей въ Ладожское озеро, возникаетъ верфь и назначается постройка шести фрегатовъ, „для свейскихъ войскъ на Ладожскомъ озерѣ". Въ сентябрѣ 1702 г. два фрегата были уже спущены на воду. Въ 1703 г. Меншиковъ, по порученію царя, смотрѣлъ рѣку Свирь и на берегахъ ея выбралъ для кораблестроенія мѣстность, называвшуюся Лодейное поле; по донесенію Меншикова, здѣсь были „лѣса зѣло изрядные". Петръ самъ поѣхалъ на Лодейное поле и около шести недѣль работалъ здѣсь безъ устали, заложивъ и начавъ постройку 7 фрега-

товъ, 5 шнявъ, 7 галеръ, 13 полугалеръ, 1 галіота и 13 бригантинъ. Кромѣ Лодейнаго поля, суда строились еще на Лугѣ, въ Селицкомъ рядкѣ.

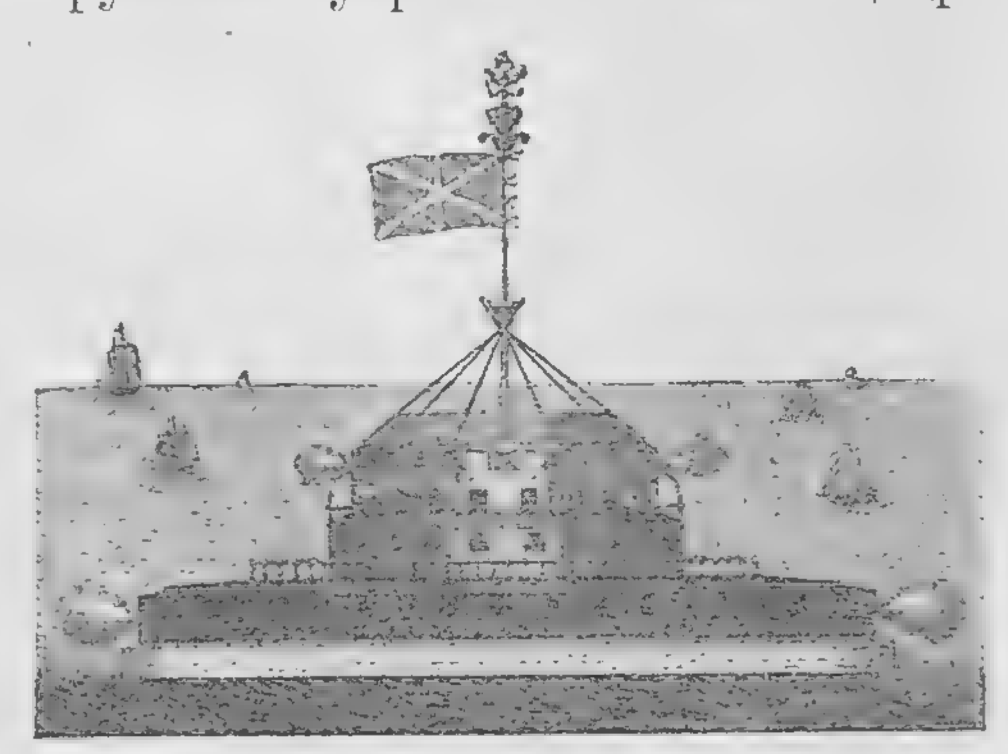
Русскія суда петровскаго флота строились по лучшимъ англійскимъ и голландскимъ чертежамъ. Самъ прекрасный знатокъ кораблестроительнаго дѣла, Петръ умѣло приспособлялъ избранныя модели при постройкѣ своихъ судовъ къ особенностямъ тѣхъ водъ, гдѣ имъ предстояло плавать; въ общемъ петровскія суда были построены красиво и смѣло, но они не отличались крѣпостью; происходило это отъ дурного качества матеріала, неопытности рабочихъ, отъ дурной системы крѣпленія, а главное—отъ той быстроты постройки, которая вызывалась не столько лихорадочной нетерпѣливостью Петра, жаждавшаго видѣть свой флотъ на водѣ, сколько отъ необходимости имѣть его для отпора шведамъ. Петровскія суда этого времени не могли глубоко сидѣть въ водѣ, потому что на пути изъ верфей въ море имъ предстояло проходить столько мелкихъ мѣстъ, что при глубокой осадкѣ они могли и не попасть въ море. Большіе фрегаты съ вооруженіемъ сидѣли въ водѣ болѣе 9 футовъ, а глубина въ устьѣ Свири, напримѣръ, всего 8 фут., у Шлиссельбурга же—7 фут. На такихъ мѣстахъ приходилось не только разоружать фрегаты, но и разгружать такъ, что иное большое судно проходило черезъ мелкія мѣста даже со снятыми мачтами. Суда этого времени не велики—длина пятидесяти-пушечныхъ кораблей достигала 110 фут., а ширина—23 фут. Галеры имѣли до 89 фут. длины и до 15 ширины. Галеры были суда больше весельныя, чѣмъ парусныя, и задачей ихъ было нести охранную и развѣдочную службу при эскадрѣ и буксировать парусный флотъ въ безвѣтреное время. На большихъ галерахъ было до 38 веселъ съ каждаго борта и обыкновенно двѣ съемныя мачты съ косымъ латинскимъ парусомъ. На носу, подъ помостомъ, на которомъ во время боя собирались солдаты, стояли три мѣдныя пятифунтовыя пушки и на куршеѣ одна 24-хъ-фунтовая, составлявшая главную артиллерійскую силу галеры. Прислуга при орудіяхъ прикрывалась оградой изъ тюфяковъ и старыхъ снастей. Посерединѣ галеры шелъ досчатый помостъ, шириной около 2 футовъ, называвшійся „куршея“. На этомъ помостѣ стояли

Адмиралъ К. И. Крюйсъ.
Со стариннаго портрета.

матросы, управлявшіе парусами; онъ же служилъ сообщеніемъ между кормой и носомъ судна. По обоимъ бортамъ тянулась сплошная скамья—банка, на которой гребцы спали и сидѣли въ свободное время. Отъ куршеи, нѣсколько вкось къ борту, шли банки для гребцовъ. Подъ банками были ступени, къ которымъ приковывали лѣвую ногу гребца, если онъ былъ преступникъ, осужденный на галеры. Въ кормѣ устраивалось помѣщеніе для командира и офицеровъ. Гребцы были рабочей силой судна; они гребли во время хода на веслахъ, а при плаваніи подъ парусами, не сходя со своихъ мѣстъ, тянули канаты и снасти, подаваемые имъ матросами. Галеры строились очень легкими и ходкими: въ тихую погоду и при хорошо обученныхъ гребцахъ они могли дать ходу до 6 узловъ *) въ часъ.

Характерной особенностью тогдашней корабельной архитектуры было изобиліе разныхъ наружныхъ украшеній. Рѣзьба щедро украшала не только корму и носъ, но и борта судна петровскихъ временъ. Обыкновенно корма украшалась государственнымъ гербомъ и аллегорическими фигурами, имѣвшими отношеніе къ имени корабля; названію соотвѣтствовала и носовая фигура. Такъ, на кормѣ корабля „Полтава“ были вырѣзаны аллегорическія фигуры, прославлявшія славную Полтавскую викторію.

Видъ Кроншлота въ 1705 году.

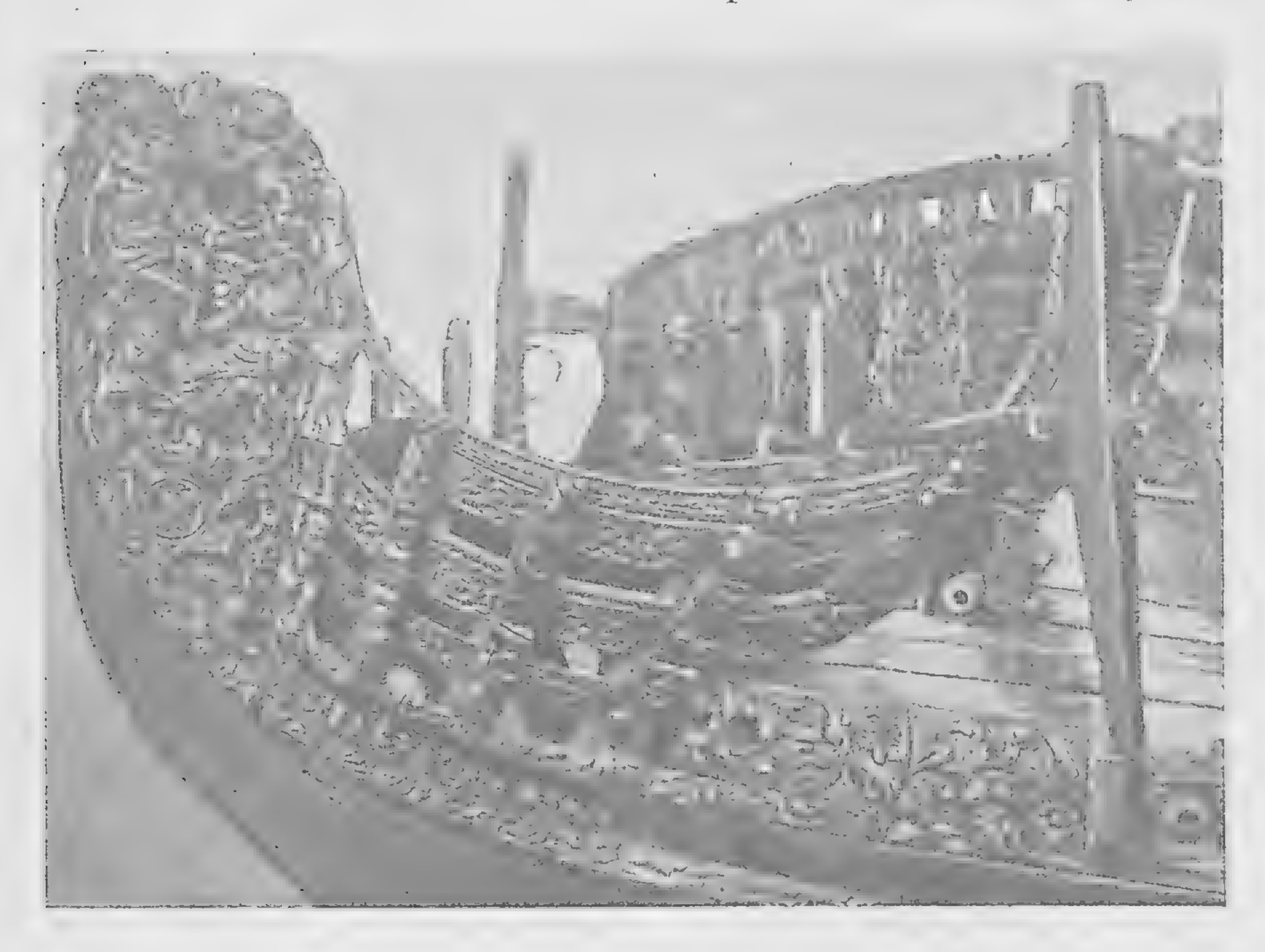
Овладѣвъ теченіемъ Невы, Петръ рѣшилъ укрѣпить его за собой. Истоки Невы оберегалъ Шлиссельбургъ; на островѣ при впаденіи Невы въ заливъ Петръ заложилъ Петропавловскую крѣпость. На островѣ Котлинѣ, расположенномъ при выходѣ изъ Невской дельты въ заливъ, Петръ рѣшилъ построить крѣпость, которая загораживала бы входъ въ Неву съ моря. Къ исходу 1704 г. на отмели подлѣ Котлина уже возвышалась трехъярусная башня съ земляными насыпями; фундаментомъ для нея служили опущенные въ воду деревянные срубы, наполненные камнями. Въ амбразуры башни и насыпей грозно смотрѣли 14 крупныхъ орудій, а на самомъ островѣ стояла батарея изъ 64 пушекъ. Новое укрѣпленіе названо было Кроншлотъ. „Содержать сію цитадель, съ Божіей помощью, аще случится, хотя до послѣдняго человѣка“, гласитъ начало инструкціи, данной Петромъ коменданту.

Отдаленность отъ моря верфей по Свири и Сяси, трудность провода оттуда судовъ по бурному Ладожскому озеру и черезъ

*) Узелъ = $1^3/_4$ версты.

мели и пороги Невы заставили Петра позаботиться объ устройствѣ кораблестроенія въ Петербургѣ. Уже 5-го ноября 1704 г. приступили къ постройкѣ обширнаго адмиралтейства, заложеннаго на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается красивая башня и шпиль съ корабликомъ Главнаго Адмиралтейства. Къ зимѣ 1705 г. адмиралтейство было уже обнесено валомъ со рвомъ и палисадомъ, съ бастіонами, обращенными къ Невѣ и вооруженными корабельными пушками. Внутри адмиралтейства были воздвигнуты 53 амбара для храненія разныхъ корабельныхъ припасовъ.

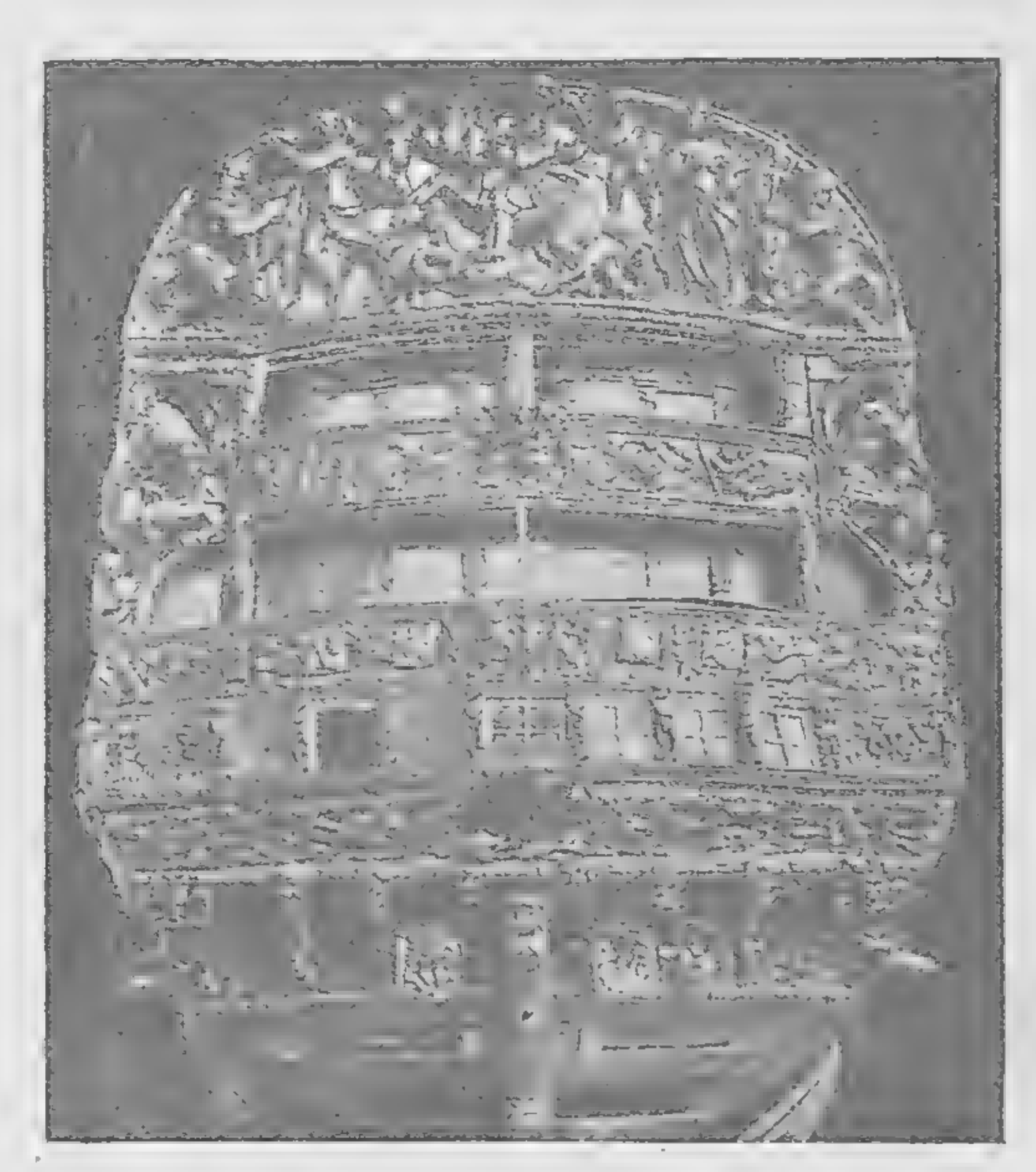
Въ 1720 году въ Петербургѣ были польскіе послы. Одинъ изъ членовъ посольства оставилъ подробное описаніе адмиралтей-

Носовая часть модели корабля времени Петра I.

ства; вотъ что занесъ онъ въ свой дневникъ: „Мы пошли въ адмиралтейство, гдѣ насъ ожидалъ царь. Пройдя мостъ на каналѣ и ворота, мы вошли черезъ сѣни въ громадное помѣщеніе, гдѣ строятся корабли. Мы осмотрѣли кузницу, выстроенную въ углу. Тамъ было 15 горновъ и при каждомъ работало 15 кузнецовъ съ мастеромъ. Пять человѣкъ дѣлали брусы для кораблей; кромѣ обыкновенныхъ кузнечныхъ мѣховъ, были тамъ и такіе, въ которые дуютъ мѣдными и желѣзными трубами. Оттуда мы прошли черезъ другой каналъ къ большому трехъэтажному дому, выстроенному въ видѣ треугольника на прусскій манеръ. Царь ходилъ съ нами по разнымъ магазинамъ, находящимся въ этомъ зданіи; мы

осматривали всѣ корабельныя принадлежности: были тамъ канаты навощенные, насмоленные, намазанные разнымъ жиромъ, нѣкоторые были толщиною въ половину человѣка, и всего этого въ 15-ти избахъ было такъ много, что не собрать на 500 возовъ; гвозди для прибивки досокъ лежали по угламъ большими кучами, а также якоря и багры; далѣе, топоры, лопаты, молоты, буравы, долота большія и малыя, нѣсколько тысячъ фонарей, изъ коихъ нѣкоторые были такъ громадны, что въ нихъ покойно можно сидѣть; кожи для тушенія брошенныхъ бомбъ, юфть, бѣленыя и небѣленыя полотна, холстъ, приготовленный для парусовъ. Жиръ былъ собранъ въ большихъ чанахъ, бочкахъ и фудерахъ. Такъ же полно было всего и въ другихъ кладовыхъ, въ которыхъ сложены ружья, карабины, петарды, пистолеты, штыки, кортики, шпаги, портупеи, лѣтнія и зимнія рукавицы, большая масса башмаковъ, сапогъ, туфель, безчисленное множество полотняныхъ и шерстяныхъ шароваръ для матросовъ. Нѣсколько палатъ завалены были большимъ количествомъ тяжелаго, какъ олово, дерева, привезеннаго изъ Остъ-Индіи. Кромѣ того, тамъ лежало нѣсколько сотъ оловянныхъ корабельныхъ подсвѣчниковъ, ведеръ, еще болѣе рогожъ, множество рѣшетъ, ситъ для муки, мисокъ, изъ которыхъ одной достаточно для семи солдатъ; щипцовъ, сальныхъ и восковыхъ свѣчъ. Въ нѣсколькихъ сундукахъ сложены были и развѣшаны по стѣнамъ корзины; всюду желѣзо, желѣзныя кольца, разныя ядра въ громадныхъ чанахъ; чаны эти въ видѣ длинныхъ скамеекъ изъ листовой латуни, раздвоенные по бокамъ, съ придѣланными трубами, въ которыя опускается ядро и уже само идетъ на корабль. Всѣ ядра взвѣшены, и на нихъ весьма аккуратно отмѣченъ вѣсъ, въ чемъ насъ убѣдили произведенные опыты.

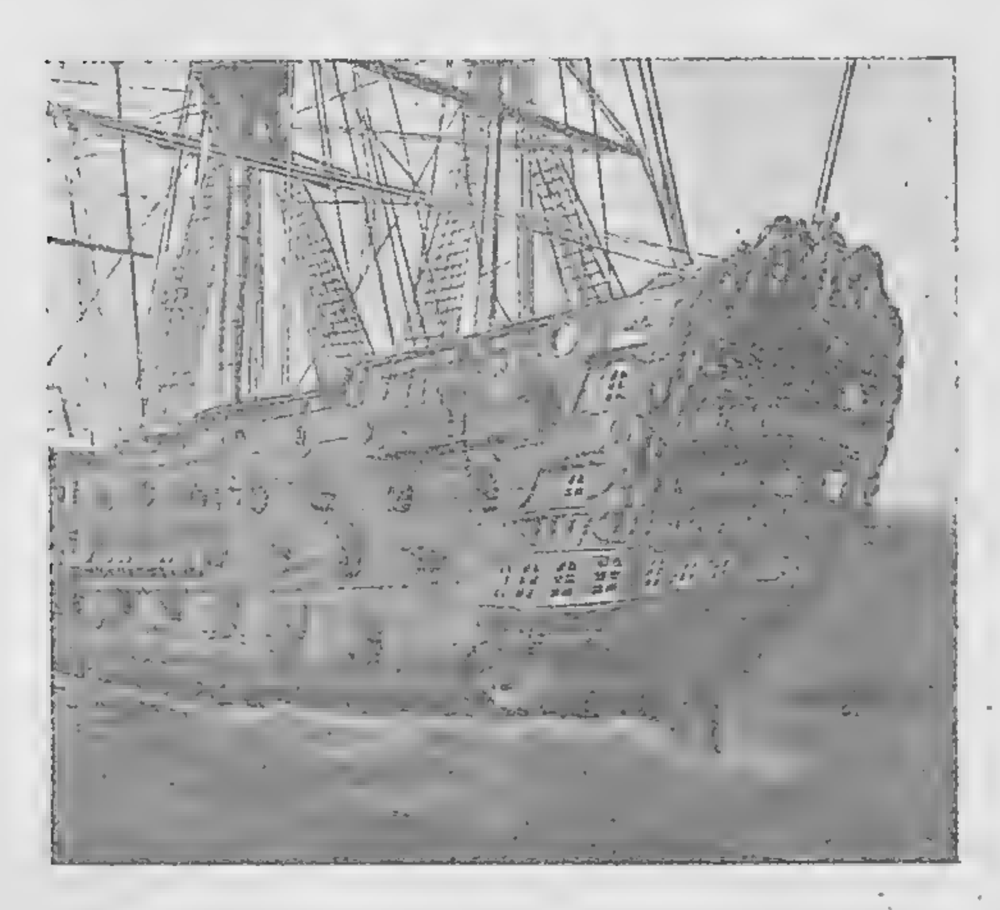

Кормовая стѣна модели корабля времени Петра I.

„Двѣ другія комнаты были наполнены мѣдью, взятою у шведовъ. Передъ этими зданіями стоятъ большіе ящики, въ которыхъ много зарядовъ, гранатъ, желѣзныхъ ядеръ; въ другихъ мѣстахъ масса разноцвѣтной матеріи для хоругвей, значковъ, корабель-

ныхъ флаговъ и т. п. Краска была собрана въ большомъ количествѣ бочекъ, а именно: лазоревая, красная и разныя другія, которыя добываютъ здѣсь, въ Ингріи. Въ третьемъ этажѣ было приготовлено парусины на восемьдесятъ тысячъ парусовъ. Не всякій этому повѣритъ, но мы видѣли это своими глазами.

„Посидѣвъ немного, мы отправились въ классы, гдѣ было много молодежи. Столы покрыты зеленымъ сукномъ; на стѣнахъ развѣшаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель объяснялъ военное искусство: какъ стрѣлять на корабляхъ, какъ управлять парусомъ, когда вода въ волненіи, и другія этого же рода искусства. Въ одной комнатѣ находится библіотека, въ которой содержатся книги, относящіяся исключительно къ искусству мореплаванія. Здѣсь были большіе запасы разнаго рода бумаги—бѣлой, сѣрой, черной, также бумага для чертежей. Нѣсколько комнатъ были заняты корабельными постелями; готоваго платья разнаго цвѣта было на 24.000 человѣкъ, а также платье для 4.000 матросовъ.

Детали модели 100-пушечнаго корабля времени Петра I. Видъ съ кормы.

„Затѣмъ мы пошли черезъ каналъ въ другое зданіе, которое было такъ же длинно, какъ и первое, но только въ одинъ этажъ; здѣсь живутъ одни ремесленники, которые выдѣлываютъ корабельныя снасти; котельщики, напримѣръ, дѣлаютъ котлы, котелки, противни, мѣдные котлы; я видѣлъ тамъ столь большіе мѣдные котлы, раздѣленные внутри жестью, чтобы въ нихъ можно было варить вмѣстѣ клецки и кашу для 200 человѣкъ, такъ какъ на корабляхъ кухни не очень просторны, и запасъ дровъ на морѣ также не великъ. Были тамъ также скульпторы, столяры, токари, жестянщики, стекольщики, которые дѣлаютъ фонари, слесаря, чертежники, бочары, которые дѣлаютъ бочки, ушаты, ведра и другіе сосуды, по мѣрѣ надобности; цырюльники приготовляютъ мази и пластыри для ранъ; было здѣсь и около восьмисотъ портныхъ, работающихъ надъ парусами.

„Во второмъ углу столько же кузницъ и кузнецовъ; эти зданія совершенно равны, какъ по числу людей, такъ и по мѣсту, ими занимаемому. Было тамъ зданіе большое и широкое, на сваяхъ, въ два этажа, покрытое досками со стропильными переводами; здѣсь приготовляютъ модели кораблей и дѣлаютъ ихъ измѣренія, и ни одного корабля не станутъ строить, пока модель въ этой залѣ не выйдетъ хорошо. Внизу между сваями дѣлаютъ шлюпки для ко-

раблей, мажутъ и красятъ; здѣсь достаточное количество работниковъ. Такъ какъ это зданіе стоитъ у самой рѣки, то спускаютъ шлюпки на воду, какъ только окончатъ".

Вся эта громада зданій, кораблей, пушекъ, якорей, оружія, запасовъ выросла въ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ въ безлюдномъ и болотистомъ краю, во время непрерывной войны. Для нуждъ арміи и особенно флота были устроены желѣзные и оружейные заводы въ Олонецкомъ краю и еще раньше въ Тамбовскомъ и Воронежскомъ; лѣса въ государствѣ описывались, и подъ страхомъ смертной казни было запрещено сводить корабельный лѣсъ. Въ лѣсныхъ Казанской и Нижегородской губерніяхъ была организована планомѣрная ежегодная рубка лѣса, который по Волгѣ и ея притокамъ, а также каналами сплавлялся къ Петербургу. Въ окрестностяхъ Петербурга были посажены дубовые лѣса, и было строго запрещено рубить корабельный лѣсъ. Въ острастку ослушникамъ - порубщикамъ по берегу Невы были разставлены висѣлицы съ письменнымъ поясненіемъ, для чего онѣ поставлены. Возникли большіе заводы канатные и паруснаго полотна. Десятки тысячъ народу собирались по наряду со всего государства для работъ по постройкѣ и укрѣпленію гаваней и на стройку судовъ въ адмиралтействѣ. Эта работная повинность была одна изъ самыхъ тягостныхъ для русскаго народа при Петрѣ. За работу платили, но съ задержками, а самая организація работы отличалась большими недочетами. Хлѣбъ доставлялся неисправно, условія жизни среди болотъ и у моря въ холодное и ненастное осеннее время порождали эпидемическія заболѣванія, люди гибли тысячами въ этой тяжелой страдѣ. Народъ принесъ дѣйствительно тяжкія жертвы на созданіе морской силы родины. Эти жертвы не всегда можно оправдать насущной нуждой. Но основной причиной „тяготы народной" и „мора людского на работахъ" были не столько злоупотребленія и необдуманная торопливость, сколько тяжкія условія военнаго времени, когда часто некогда было подумать о болѣе легкомъ для народа устройствѣ его труда. Петръ хотѣлъ, чтобы „народу легче было", но не успѣвалъ въ этомъ, гонимый военной

Детали модели 100-пушечнаго корабля времени Петра I. Видъ съ носа.

нуждой. И ему самому эта нужда была не легка и очень сократила годы его собственной жизни.

Заботы Петра о созданіи и обученіи личнаго состава флота начались еще въ 1697 г., когда были отправлены три партіи стольниковъ въ Венецію и четвертая въ Англію и Голландію. Въ 1699 г. эти стольники вернулись, и царь сдѣлалъ имъ экзаменъ въ Воронежѣ. На кораблѣ, стоявшемъ на якорѣ, дѣлали стольники „экзерцицію“ „къ великому удовольствію его величества и всѣхъ бояръ“; но экзаменъ изъ морскихъ наукъ, сдѣланный самимъ Петромъ, выдержали сколько-нибудь удовлетворительно всего четверо; вообще изъ этой первой посылки вышло мало хорошихъ моряковъ; болѣе удачна была „посылка“ въ 30 человѣкъ, отправившихся вмѣстѣ съ царемъ въ Голландію и Англію.

Первые русскіе матросы были тѣ же „потѣшные“, которые маршировали съ Петромъ изъ Преображенскаго на Воробьевы горы, строили Прешпурхъ, брали и защищали его, ломали Кожуховскій походъ, а потомъ незамѣтно оказались заправскими солдатами подъ Азовомъ и Нарвой. На Плещеевомъ озерѣ, на Бѣломъ морѣ, при походѣ на судахъ къ Азову эти „потѣшные“ несли и матросскую службу. Нѣкоторые изъ преображенцевъ, сохранивъ свое званіе по гвардіи, совсѣмъ зачислились во флотъ; это были извѣстные капитаны Ипатъ Мухановъ, Иванъ и Наумъ Сенявины, практически изучавшіе морское дѣло на голландскихъ и англійскихъ военныхъ судахъ.

Настоящіе матросы, т.-е. приставленные исключительно къ морскому дѣлу, появляются впервые въ большомъ количествѣ на судахъ азовскаго флота, лишь съ 1700 г., когда записаны были въ матросы 1.104 человѣка изъ солдатъ.

Первый наборъ „въ матросы“ былъ произведенъ только въ 1702 г.; интересно, что, кромѣ призванныхъ 1.300 человѣкъ, записалось въ матросы 394 человѣка разныхъ званій охотниками въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ. Когда азовскій флотъ прекратилъ свое существованіе, экипажи его судовъ были переведены на Бѣлое море и въ возникавшій балтійскій флотъ. Въ концѣ 1703 г. Петръ велѣлъ перевести изъ Азова въ Олонецъ всѣхъ иноземцевъ, русскихъ и плѣнныхъ татаръ и турокъ, „которые въ морскомъ хожденіи на галерахъ были свычны“. Въ матросы старались набирать людей молодыхъ, сколько-нибудь привычныхъ къ водѣ, преимущественно жителей Поволжья, Поморья и Озерной области. Осенью 1705 г. возвратились на родину молодые люди, учившіеся два года въ Голландіи. Съ основанія флота и во все время шведской войны на русскую морскую службу нанималось много иностранцевъ разныхъ чиновъ, начиная отъ адмираловъ и кончая матросами.

Такъ, въ 1704 г. въ Голландіи нанято было 69 офицеровъ, 13 лѣкарей, 103 унтеръ-офицера и 3 матроса; въ 1707 г. въ Амстердамѣ нанято было 1.500 матросовъ; въ 1708 г. Петръ приказывалъ нанять въ Венеціи, „ежели найдутся, изъ славянъ из-

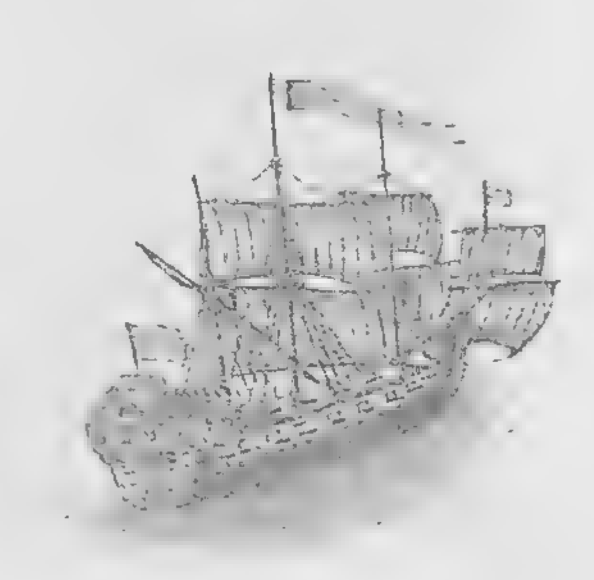
Галера постройки 1696 года.

вѣстныхъ маринеровъ". При настоятельной нуждѣ въ знающихъ морское дѣло людяхъ, Петръ приказывалъ брать, противъ ихъ воли, матросовъ съ торговыхъ иностранныхъ кораблей, какъ это, напр., случилось разъ въ Архангельскѣ въ 1705 г.; брали этихъ матросовъ, разумѣется, за хорошую плату, но такія мѣры, конечно, вызывали недовольство иностранныхъ правительствъ и могли невыгодно отразиться на торговлѣ, и потому были оставлены Петромъ.

Постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ офицеры выходили свои, обучавшiеся на иностранныхъ судахъ, и образовались обученныя команды русскихъ матросовъ, прiемъ на службу иностранцевъ сокращался все болѣе и болѣе; послѣ войны всѣ матросы-иностранцы были уволены, и въ 1720 г. въ числѣ 7.205 матросовъ русскаго флота не значится уже ни одного иностранца. Среди офицеровъ было, однако, много иностранцевъ, служившихъ по найму. Въ 1705 году на эскадрѣ, зимовавшей у Котлина, русскiе офицеры составляли только четверть всего количества офицеровъ, но уже въ 1723 г. вице-адмиралъ Крюйсъ, самъ голландецъ, писалъ генералъ-адмиралу Апраксину такъ: „По моему мнѣнiю, ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ бы добрымъ штурманомъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно есть". Петръ, вообще очень цѣня и уважая такихъ честныхъ и знающихъ служакъ, какъ Крюйсъ, любилъ, чтобы во главѣ дѣла хоть номинально стояли русскiе. Такъ, даже Крюйсъ всегда зависѣлъ по службѣ отъ генералъ-адмирала Апраксина. Петръ былъ очень доволенъ, когда русскія суда пошли первый разъ въ Испанiю и Францiю съ русскими командирами.

На 32-пушечномъ фрегатѣ полагалось тогда до 80 человѣкъ экипажа, на 50-пушечномъ—до 300, а на 84-пушечномъ—650 человѣкъ.

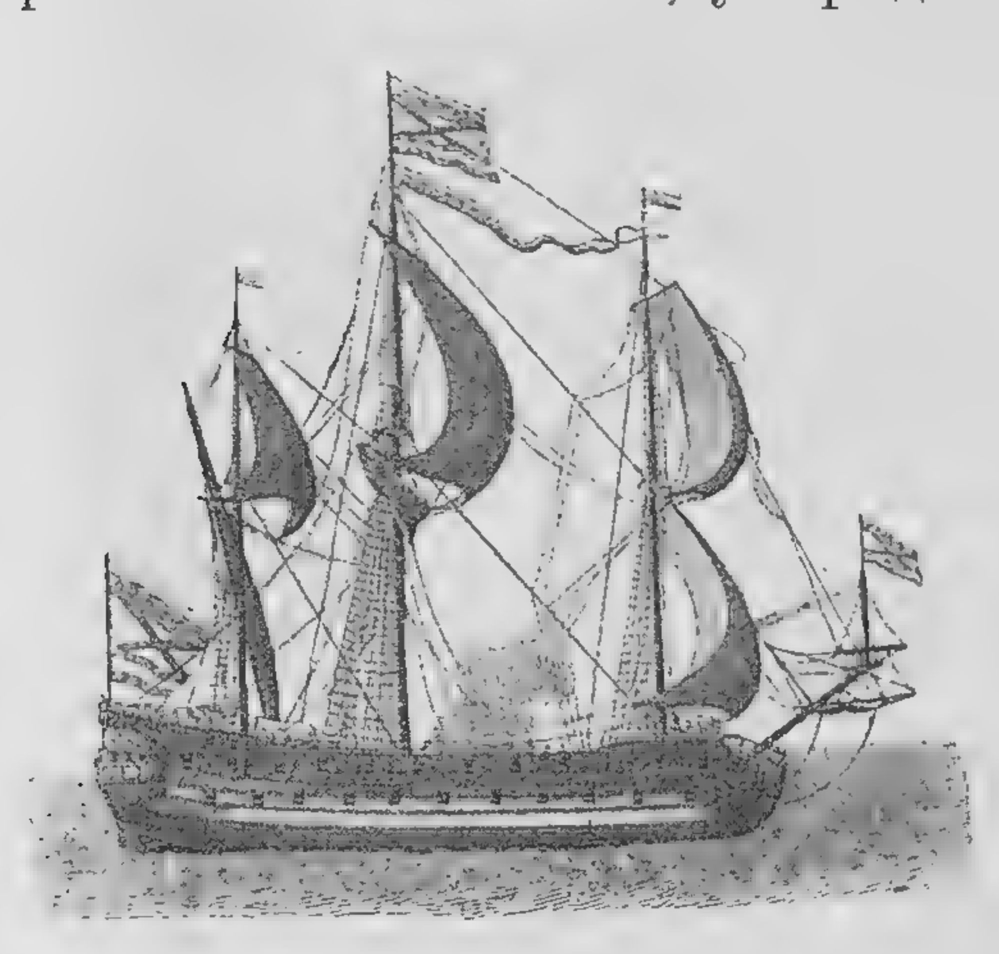
Матросамъ на корабляхъ петровскихъ временъ жилось очень неважно. Помѣщались они обыкновенно въ трюмѣ, среди бочекъ съ водой. Эти бочки отъ качки часто давали течь; вода, вытекая изъ нихъ, образовала, смѣшиваясь съ песчанымъ балластомъ, грязь, превращая трюмъ въ какое-то болото. Рогожные кули, въ которыхъ хранился провiантъ, загнивали и распространяли ужасный запахъ; огромныя корабельныя крысы, случалось, кидались на людей и часто кусали сонныхъ; провизiю составляли дурно пропеченные сухари и солонина, часто уже испорченной доставленная на судно; въ случаяхъ долгаго плаванiя эта

Корабль „Крѣпость" постройки 1699 года.

участь постигала и свѣжую солонину, сухари покрывались противной зеленой плѣсенью, становились горькими и затхлыми, портилась и вода въ бочкахъ, принимая видъ и цвѣтъ жидкаго кваса, а вкусъ и запахъ — тухлыхъ яицъ; каменный или песчаный балластъ, занимая много мѣста, не позволялъ погрузить достаточно воды и провіанта, и при долговременныхъ плаваніяхъ, когда запасы взятой провизіи иссякали, матросамъ приходилось довольствоваться уменьшенными порціями.

Больныхъ и умершихъ было поэтому во флотѣ всегда очень много. Случалось, что всю эскадру охватывала какая-нибудь острая желудочная эпидемія, и экипажи приходилось, для освѣженія кораблей, свозить на берегъ. Англичанинъ Паддонъ, одинъ изъ лучшихъ адмираловъ Петра, относившійся къ матросамъ очень хорошо и человѣколюбиво, утверждалъ, что русскій флотъ, вслѣдствіе дурного продовольствія, терялъ людей вдвое болѣе любого иностраннаго флота. Въ 1716 г. Девіеръ писалъ изъ Копенгагена: „Здѣсь мы нажили такую славу, что въ тысячу лѣтъ не угаснетъ. Сенявинской команды умерло здѣсь близко 150 человѣкъ, и изъ нихъ много бросали въ воду въ каналъ, а нынѣ уже человѣкъ 12, которыхъ принесло къ дворамъ... и я, увидѣвъ то, хотя и не изъ моей команды, однакожъ велѣлъ вытаскивать изъ воды и хоронить, а народъ здѣшній о томъ жалуется, и министры нѣкоторые мнѣ говорили и хотѣли послать къ королю“. Въ 1717 г. у Паддона рекрутамъ было доставлено такое продовольствіе, что многіе заболѣвали, шли въ госпиталь, но и тамъ отъ худого смотрѣнія и содержанія умирали; другой разъ, тоже благодаря гнилому продовольствію, у него изъ 500 рекрутъ осталось въ теченіе одного мѣсяца всего 278, да и тѣ „почитай, померли съ голоду, — писалъ Паддонъ, — и обрѣтаются въ такомъ бѣдномъ состояніи отъ лишенія одежды, что, опасаюся, вскорѣ помрутъ. Морскіе служители и по се число, 11 октября, содержатся на корабляхъ и ночуютъ, которымъ зѣло студено нынѣ“. „Ваше сіятельство, — писалъ Паддонъ Апраксину въ 1718 г., — невѣдомы есть о половинѣ бѣдностей людскихъ здѣсь. Боже, помоги имъ!“ Паддонъ ходатайствовалъ объ улучшеніи жизни матросовъ передъ самимъ царемъ, писалъ ему, что „отъ добраго провіанту будутъ и люди лучше, а въ его величества

58-пушечный корабль „Готе Предестинація“ постройки 1700 года.

Императоръ Петръ Великій въ 1716 г.
Съ портрета Каравака, находящагося въ Морскомъ музеѣ имени Петра Великаго.

службѣ надобно лучшихъ людей"; что отъ дурного содержанія теряются старые, опытные матросы, а на выучку такихъ же опытныхъ изъ молодыхъ нужно долгое время. Царь вполнѣ сочувствовалъ тому, что говорилъ Паддонъ, содѣйствовалъ исполненію различныхъ улучшеній матросскаго быта, но вникнуть во все, все устроить и все сдѣлать безукоризненно было не во власти даже самого Петра, а его сотрудники не всегда стояли на высотѣ задачи и не всегда были безкорыстны.

Офицерамъ тоже приходилось трудно. Ихъ, прежде всего, было очень мало; хорошихъ штурмановъ, т.-е. знающихъ море и берегъ и морскіе пути людей, было совершенно недостаточно; вѣрныхъ морскихъ картъ и измѣреній не существовало, о теченіяхъ имѣлись самыя смутныя представленія, не все ладно обстояло въ умѣньи обращаться съ компасомъ, вычисленіе пути могли дѣлать только очень приблизительное; кромѣ всего этого, большинство офицеровъ были люди разныхъ національностей и съ трудомъ объяснялись какъ другъ съ другомъ, такъ и съ командой.

Но всѣ эти недостатки, злоупотребленія, вольныя и невольныя прорѣхи, покрывала могучая воля одного человѣка, которому море было родной стихіей, а морская служба—любимое дѣло. Корабли петровскихъ временъ не стояли праздно въ портахъ и выходили въ море вмѣстѣ со льдомъ, часто прорубаясь въ немъ, и только окончательное замерзаніе моря глухой осенью загоняло петровскій флотъ въ гавани. Царь строго требовалъ, чтобы корабли не застаивались въ гаваняхъ, и когда разъ, въ 1716 г., флотъ, по допущенному вице-адмираломъ К. И. Крюйсомъ недосмотру, не могъ выйти для осенняго рейса въ море, заслуженный старикъ вице-адмиралъ получилъ такое внушеніе: „Я съ великимъ неудовольствіемъ слышу, что ревельская эскваддра такъ у васъ неисправна, и осеннее время пропущено; ежели впредь такъ поступать станете, можете животь свой потерять". Встревоженному и опечаленному этой неудачей адмиралу Ѳ. М. Апраксину царь писалъ тогда же: „Зѣло васъ прошу для Бога не печалью исправлять дѣло, ибо изъ письма вашего вижу, что зѣло печалишься о семъ; пожалуй, побереги себя—воистину надобенъ". Благодаря такой школѣ, вырабатывались хорошіе моряки, и число крушеній, напримѣръ, было сравнительно очень невелико, несмотря на долгія и позднія плаванія; побѣды надъ шведскими судами при столкновеніяхъ свидѣтельствуютъ также, что, несмотря на внутренніе недостатки и тяготу существованія на корабляхъ, офицеры и матросы были

Галера постройки 1704 года.

одушевлены тѣмъ дѣломъ, которое дѣлали, и дѣлали его такъ, что адмиралъ Петръ Михайловъ былъ ими доволенъ. Взыскивать приходилось только за „шумство“, т.-е. пьяную драку, что случалось очень нерѣдко. Къ концу царствованія Петра русскій флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей, а галеръ и другихъ мелкихъ судовъ считалось въ немъ 787; всего экипажа было безъ малаго 28.000 человѣкъ. Достигнуть такой результатъ менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ, если считать за начало постройку азовскаго флота.

Добыть море для Россіи было завѣтной мечтой Петра, въ исполненіи ея онъ видѣлъ задачу своей жизни, залогъ благоденствія отечества.

„Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправильно похищеннаго,—говорилъ Петръ.—Умноженіе флота имѣетъ единственно цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіей, потому что онѣ сначала ей принадлежали; во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, ибо чрезъ сихъ артеріи можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть“. Въ декабрѣ 1716 г. буря разрушила молъ строившейся ревельской гавани и сильно потрепала зимовавшую за его прикрытіемъ эскадру. На донесеніе Меншикова объ этомъ несчастьѣ царь писалъ между прочимъ: „Крайнее бъ бѣдство было, ежели бъ флотъ пропалъ, и дай Боже, чтобъ болѣе не было... Храни Боже! всѣ наши дѣла испровергнутся, ежели флотъ истратится“. Утѣшая царя, Меншиковъ въ своемъ донесеніи напоминалъ царю извѣстный разсказъ о томъ величіи духа, съ какимъ король испанскій Филиппъ принялъ извѣстіе о гибели своего флота. „А что пишете славной примѣръ короля гишпанскаго,—отвѣчалъ царь,—то правда, только вы забыли написать конецъ его рѣчи, что имѣю еще другой флотъ въ сундукахъ“... А петровскіе сундуки были сильно поистощены именно на постройку и содержаніе флота. Въ 1712 г. на содержаніе флота было отпущено 400.000 руб.; въ 1715 г.—уже 700.000, въ 1721 г.—1.109.000 руб.; съ 1722 г. по 1725 г.—свыше полутора милліона ежегодно. Это значитъ, что расходы на флотъ составляли болѣе $^1/_3$ всѣхъ расходовъ на военныя нужды, составлявшихъ, въ свою очередь, отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ всего государственнаго бюджета. Море, морское дѣло, флотъ, корабли—все это сдѣла-

32-пушечный корабль „Олифантъ“ 1705 г.

лось родной стихіей душѣ Петра, и онъ былъ прекраснымъ знатокомъ морского и корабельнаго дѣла; современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи, онъ могъ быть не только опытнымъ руководителемъ и надзирателемъ при постройкѣ корабля, но и самъ умѣлъ построить корабль отъ киля до тонкой кормовой рѣзьбы. Корабль азовскаго флота „Готе Предестинація“, т.-е. „Божіе Предвѣдѣніе“, построенный по чертежамъ и при участіи царя, былъ снабженъ килемъ особаго устройства, придуман-

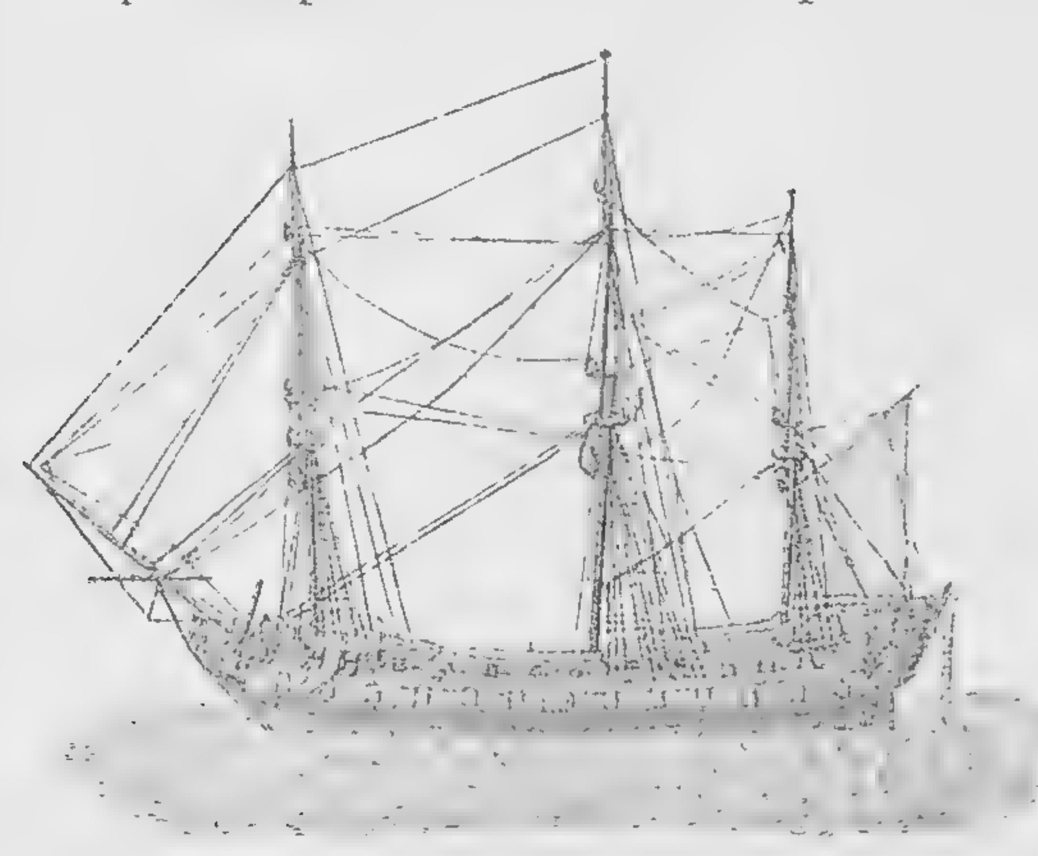

54-пушечный корабль „Полтава“ постройки 1712 г.

нымъ Петромъ; въ случаѣ повреждениія этого киля кораблю не угрожала течь; такіе кили были потомъ примѣняемы на англійскихъ корабляхъ. Корабль балтійскаго флота „Полтава“, тоже построенный Петромъ по его чертежамъ и подъ его личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ, отличался очень хорошими морскими качествами и былъ хорошій ходокъ. Корабль „Ингерманландъ“, построенный въ Россіи, превосходилъ своими морскими качествами корабли, купленные за границей. „Корабль „Ингерманландъ“,—

писалъ царь,—на парусахъ зѣло изрядный, такъ что лучше его нѣтъ, и только не отстаютъ отъ него братья его, а пріемыши всѣ позади".

Проживая въ Петербургѣ, Петръ дня не пропускалъ безъ того, чтобы не заглянуть въ адмиралтейство и не постучать тамъ топоромъ, прикинуть чертежъ, сдѣлать строителямъ нѣсколько практическихъ указаній, поспорить о той или иной детали строящагося корабля со своими любимыми мастерами Петромъ Казанцемъ, Ѳедосомъ Скляевымъ и Гаврилой Менщиковымъ, съ которыми плечо о плечо онъ изучалъ корабельное дѣло и строилъ азовскій флотъ. Эти невидные пріятели Петра пользовались большимъ его расположеніемъ, и для нихъ царь Петръ былъ чтимымъ, любимымъ не за страхъ, а за совѣсть капитаномъ и отцомъ. „Mein Her captein un Fader,—писали Скляевъ и Гаврила Менщиковъ, поздравляя Петра андреевскимъ кавалеромъ,—здравствуй о Господѣ, дослужившись кавалеріи св. апостола Андрея. Благодаримъ милости вашей о извѣстіи взятія дву фрегатовъ..." Her captein не забывалъ своихъ мастеровъ, увѣдомлялъ ихъ о побѣдахъ, о весельѣ, о самомъ себѣ, а мастера, въ свою очередь, поздравляли царя съ побѣдами, сообщали о ходѣ кораблестроенія, писали о своихъ пированіяхъ: „Были въ дому Ѳедора Матвѣевича зѣло шумны: съ Иваномъ („Хмельницкимъ") былъ бой, и онъ насъ пошибъ". Еще въ азовское время, поджидая въ Воронежѣ Скляева, Петръ разнесъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, страшнаго „монстру" князя-кесаря Ромодановскаго, который осмѣлился задержать Скляева въ Преображенскомъ за драку съ солдатами. На свадебномъ пиру царя въ 1712 г. Ѳедосъ Скляевъ сидѣлъ „на братнемъ мѣстѣ", занимая третье мѣсто послѣ государева, тогда какъ первое и второе занимали вице-адмиралъ Крюйсъ и шаутбенахтъ Боцисъ, шаферами же государя, кромѣ Меншикова, были все морскіе офицеры—Гослеръ, Папагай, Мухановъ, Вильбоа, Наумъ Сенявинъ, Мишуковъ—тотъ самый, которому Петръ первому изъ русскихъ довѣрилъ команду надъ фрегатомъ.

90-пушечный корабль „Лѣсное", постройки 1718 г.

Со своими товарищами по морскому дѣлу Петръ былъ всегда друженъ и привѣтливъ, любилъ пошутить, а въ часы, свободные отъ службы, и погулять за стаканомъ добраго венгерскаго; но въ служебное время за гульбу спуска не давалось, и виновные въ

томъ, что „Бахусовыхъ регулъ зѣло держались", неизмѣнно изгонялись со службы, получали „абшитъ" со „штрафомъ". Моряки, съ своей стороны, платили Петру горячей привязанностью и любовью. Разъ на пиру въ Кронштадтѣ упомянутый уже Мишуковъ, сидѣвшій за столомъ возлѣ государя, задумался и, какъ кажется, не безъ вліянія паровъ Бахусовыхъ, вдругъ заплакалъ. Петръ участливо обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ его горькихъ слезъ. Мишуковъ откровенно вслухъ объявилъ, отчего ему взгрустнулось до слезъ: вотъ сидятъ они всѣ сейчасъ здѣсь и весело имъ, кругомъ корабли русскаго флота, воздвигается сильная морская крѣпость, построена новая столица, самъ онъ, флота капитанъ-лейтенантъ Мишуковъ, уже, по милости государя, командуетъ фрегатомъ, все, на что кругомъ ни посмотришь, все это созданіе государевыхъ рукъ, и вотъ, какъ вспомнилъ онъ, флота капитанъ-лейтенантъ Мишуковъ, все это, да подумалъ, что здоровье государя все слабѣетъ, такъ и не могъ удержаться отъ слезъ.

— На кого ты насъ покинешь?—добавилъ онъ.

— Какъ на кого?—спросилъ Петръ:—у меня есть наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй!

— Охъ, да вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ!—ляпнулъ Мишуковъ.

Петръ понялъ грубую откровенность моряка, не могъ въ душѣ не почувствовать горькую правду его словъ, но за непочтительность выраженій надо было взыскать.

— Дуракъ,—сказалъ онъ съ усмѣшкой Мишукову, хлопнувъ его по затылку:—этого при всѣхъ не говорятъ.

Простота и непринужденность Петра въ обращеніи со своими сотрудниками, однако, никогда не переходили въ панибратство. Петръ все-таки былъ слишкомъ царь въ своихъ проявленіяхъ и поступкахъ, такъ что забываться съ нимъ не приходилось; всѣ знали, что у Петра потѣха—потѣхой, а дѣло—дѣломъ, и смѣшивать двѣ эти вещи онъ не умѣетъ. Это доброе и вмѣстѣ строгое, дѣловое отношеніе царя и подданныхъ создавало удивительную любовь и довѣріе между царемъ и его сотрудниками.

Царь самъ заботливо слѣдилъ за подготовкой офицерскаго состава своего флота; десятки и сотни молодыхъ людей отправлялись имъ за границу для практическаго и теоретическаго изученія морского дѣла въ Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи и Венеціи. Въ Петербургѣ была основана морская академія. И свои и иностранные выученики подвергались строгому и тщательному экзамену, обыкновенно въ присутствіи царя, и на этомъ экзаменѣ требовалось не показное, а дѣловое, честное знаніе. Утайки, какъ и вообще лжи, Петръ не терпѣлъ и строго каралъ за попытки обмануть его; только правдивое, откровенное сознаніе въ томъ или иномъ прегрѣшеніи могло избавить вольнаго или невольнаго виновника отъ строгой вспышки гнѣва царя-работника.

„30-го іюня,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ заграничныхъ выучениковъ Петра, И. И. Неплюевъ,—при-

сланъ намъ былъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ утра государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ:

„— Здорово, ребята!

„Потомъ, черезъ нѣкоторое время, впустили насъ въ присутствіе, и генералъ-адмиралъ приказалъ капитанъ-командору Змаевичу разспрашивать насъ по очереди, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Змаевичу задать мнѣ задачу, спросилъ:

„— Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?

„На что я отвѣтствовалъ:

„— Всемилостивѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя передъ вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ передъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты.

„При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку правою ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить:

„— Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть себѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству.

„Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ:

„— Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй: буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи.

„И, оборотясь къ Змаевичу, приказалъ разспросить меня, а когда я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Змаевичу:

„— Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ.

„И по окончаніи всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики морскіе галернаго флота.

„Черезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно, и всякій разъ благоволилъ онъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ.

„Отъ Григорія Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Змаевича слыхалъ я такія рѣчи:

„— Государь тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ, т.-е. въ тебѣ, путь будетъ.

„Они же подавали мнѣ совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ.

„— Тогда его величество,—говорили они,—тебя не оставитъ; только будь проворенъ, говори правду, и ничего не солги, хоть

бы что и худо было; онъ больше разсердится, буде что солжешь.

„Ихъ слова скоро оправдались... Однажды пришелъ я на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ... Я испугался и хотѣлъ было бѣжать домой и больнымъ сказаться, но, вспомяпувъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился. Онъ, увидѣвъ меня, сказалъ:

„— А я, мой другъ, уже здѣсь!

„— Виноватъ, государь,—отвѣтилъ я ему:—вчера былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и запоздалъ.

„Онъ взялъ меня за плечо, пожалъ, да такъ, что я вздрогнулся, думая, что онъ прогнѣвался.

„— Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабкѣ не внукъ! А теперь пойдемъ со мной на родины.

„Я поклонился и сталъ за его одноколкою. Пріѣхали мы къ плотнику моей команды и вошли въ избу. Государь пожаловалъ родильницѣ пять гривенъ и поцѣловался съ ней. Я стоялъ у дверей. Государь и мнѣ приказалъ то же сдѣлать, и я далъ родильницѣ гривну. Государь спросилъ ее:

Модель корабля, собственной работы императора Петра I.

„— Что далъ тебѣ поручикъ?

„Она показала гривну. Тогда государь засмѣялся и сказалъ:

„— Эй, братъ, я вижу, ты даришь не по-заморски.

„— Нечѣмъ мнѣ, государь, дарить много; дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего.

„Государь спросилъ, что за мною душъ и гдѣ моя деревня. Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки.

„Между тѣмъ хозяинъ поднесъ государю на деревянной тарелкѣ рюмку водки. Государь выпилъ и закусилъ пирогомъ съ морковью. Потомъ и мнѣ поднесъ хозяинъ, но я отроду не пивалъ водки и не хотѣлъ пить. Тогда государь изволилъ сказать:

„— Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина!

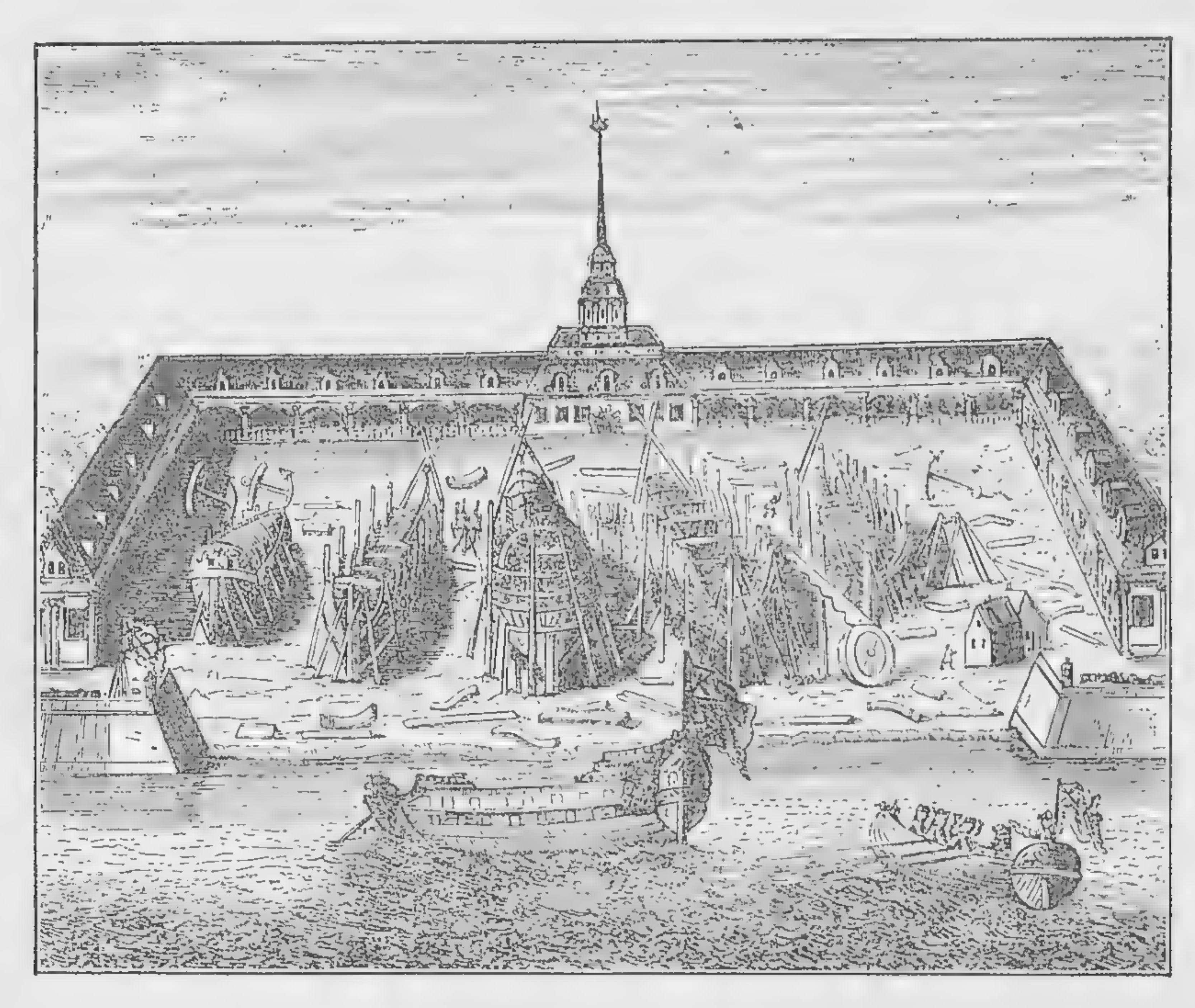
„Я выпилъ. Тогда государь изъ своихъ рукъ пожаловалъ мнѣ, отломя, кусокъ пирога и сказалъ:

„— Заѣшь! Это родимая, а не италійская пища.

„Потомъ изволилъ уѣхать, а я пошелъ домой обѣдать".

Во время другого экзамена обучавшихся за границей молодыхъ людей царь ходилъ, по своему обыкновенію, взадъ и впередъ

по комнатѣ, слушая отвѣты экзаменующихся. Отъ вниманія его не укрылось, что въ тѣ мгновенія, когда онъ становился спиной къ экзаменующимся, одинъ изъ нихъ подсказываетъ другому. Царь остановилъ сердобольнаго подсказчика, и тутъ выяснилось, что подсказчикъ—не ученикъ, а слуга-калмыкъ, бывшій со своимъ бариномъ за границей, служившій ему тамъ и попутно учившійся всему тому, что долженъ былъ изучать его господинъ. Слугѣ наука пошла болѣе впрокъ, и вотъ на царскомъ экзаменѣ онъ и пытался выручать своего господина изъ трудныхъ положеній. Царь самъ сталъ экзаменовать калмыка, а потомъ его барина, и нашелъ,

Адмиралтейство въ С.-Петербургѣ. Съ гравюры 1716 г.

что слуга знаетъ науку много лучше барина. Калмыку тутъ же была пожалована вольность и чинъ мичмана, а барина велѣно было записать въ матросы и отдать въ команду бывшему слугѣ, „дабы онъ постарался научить его тому, что самъ разумѣетъ“. Потомъ этотъ калмыкъ дослужился до контръ-адмиральскаго чина.

Величайшимъ морскимъ торжествомъ для Петра былъ всегда спускъ на воду новаго корабля. Эта церемонія должна была происходить въ его присутствіи и подъ его руководствомъ. Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога Берхгольцъ оставилъ намъ живое описаніе этихъ торжествъ.

„Послѣ обѣда,—пишетъ Берхгольцъ,—когда пушечнымъ вы-

стрѣломъ возвѣстили о спускѣ корабля, о которомъ говорилъ царь во время послѣдней прогулки по рѣкѣ, его высочество сѣлъ на свою барку и поѣхалъ въ адмиралтейство. Царь былъ уже тамъ и прилежно трудился надъ приготовленіемъ къ спуску. Онъ всегда самъ смотритъ за всѣмъ, даже самъ строитъ корабли, потому что, какъ говорятъ, знаетъ это дѣло едва ли не лучше всѣхъ русскихъ.

„Увидѣвъ герцога, онъ обнялъ его, отвелъ немного въ сторону и сталъ ему говорить что-то на ухо, послѣ чего снова поспѣшилъ къ кораблю, чтобы осмотрѣть, не забыто ли что-нибудь.

„Немного спустя онъ возвратился и повелъ насъ на корабль, гдѣ съ герцогомъ и со всею свитою проползъ подъ мостки у киля, чтобы показать, какъ корабль сдѣланъ внизу и чѣмъ облегчается спускъ его на воду. Потомъ царь одинъ еще разъ обошелъ вокругъ корабля и осмотрѣлъ, все ли приготовлено, какъ нужно: его величество въ такихъ случаяхъ вѣритъ только собственнымъ глазамъ. Найдя, что все готово, онъ взошелъ на корабль и приказалъ начать его освященіе.

„Новый корабль получилъ имя „Пантелеймонъ“, т.-е. „Всемилостивый“.

„По окончаніи церемоніи царь тотчасъ сошелъ съ него и повелъ его высочество къ тому мѣсту у воды, гдѣ можно было стоять и хорошо видѣть спускъ; но самъ не остался тамъ, потому что долженъ былъ собственноручно сдѣлать первый ударъ при отнятіи подмостковъ.

„Корабль, назначенный къ спуску, былъ прикрѣпленъ большими желѣзными балками къ полозьямъ, намазаннымъ жиромъ, съ которыхъ онъ съѣзжаетъ на воду, когда поперечныя балки, держащія ихъ съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ, снизу вдругъ отнимаются и въ то же время отдергиваются веревками. При отнятіи задней балки корабль сперва медленно спустился со штапеля, но потомъ, какъ стрѣла, слетѣлъ на воду, причемъ полозья сломались въ дребезги и оставили на немъ нѣсколько балокъ, которыя уже потомъ были сбиты. Когда онъ пошелъ по водѣ, съ него раздались звуки литавръ и трубъ, смѣшавшіеся съ шумными восклицаніями народа, стоявшаго на старомъ кораблѣ и по берегу. Въ то же время началась пушечная пальба въ крѣпости и въ адмиралтействѣ.

„Выплывъ на средину рѣки, корабль повернулся и шелъ нѣсколько времени по теченію воды; потомъ остановился на якорѣ. Этотъ счастливый спускъ несказанно радовалъ царя, который, лишь только корабль сошелъ на воду, тотчасъ поѣхалъ на него въ своей шлюпкѣ и сталъ принимать всѣхъ гостей, спѣшившихъ туда одинъ за другимъ.

„Затѣмъ всѣ сѣли за столъ: дамы съ царицей наверху, а царь съ мужчинами въ другой каютѣ, внизу.

„При подобныхъ празднествахъ мало обращалось вниманія на этикетъ, и всѣ обыкновенно садятся, какъ придется.

1) Видъ С.-Петербургскаго адмиралтейства въ 1725 году. 2) Прешпектъ россійскаго флота при Котлинѣ островѣ въ 1715 году.—Снимки съ гравюръ того времени.

„Когда царь начиналъ тосты, съ фрегата, стоявшаго впереди корабля, стрѣляли изъ пушекъ. Вечеромъ этотъ фрегатъ былъ иллюминованъ маленькими фонарями, развѣшанными по главнымъ снастямъ, по верхушкамъ большой и малой мачтъ и вокругъ по борту, что при темнотѣ было очень красиво.

„Его королевское высочество приказалъ привезти для себя на корабль свои напитки, именно красную и бѣлую хлѣбную воду, и пилъ за столомъ послѣднюю съ небольшою примѣсью вина; но царь, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что взялъ у его высочества стаканъ и, попробовавъ, возвратилъ со словами:

„— Твое вино никуда не годится!

„Герцогъ отвѣчалъ, что употребляетъ его тогда только, когда чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Но царь возразилъ:

„— Твое вино вреднѣе моего!—и налилъ ему въ стаканъ изъ своей бутылки венгерскаго, которое обыкновенно кушаетъ.

„Его высочество нашелъ его отличнымъ, но прибавилъ, что оно довольно крѣпко, на что государь сказалъ:

„— Это правда, но зато оно и здорово.

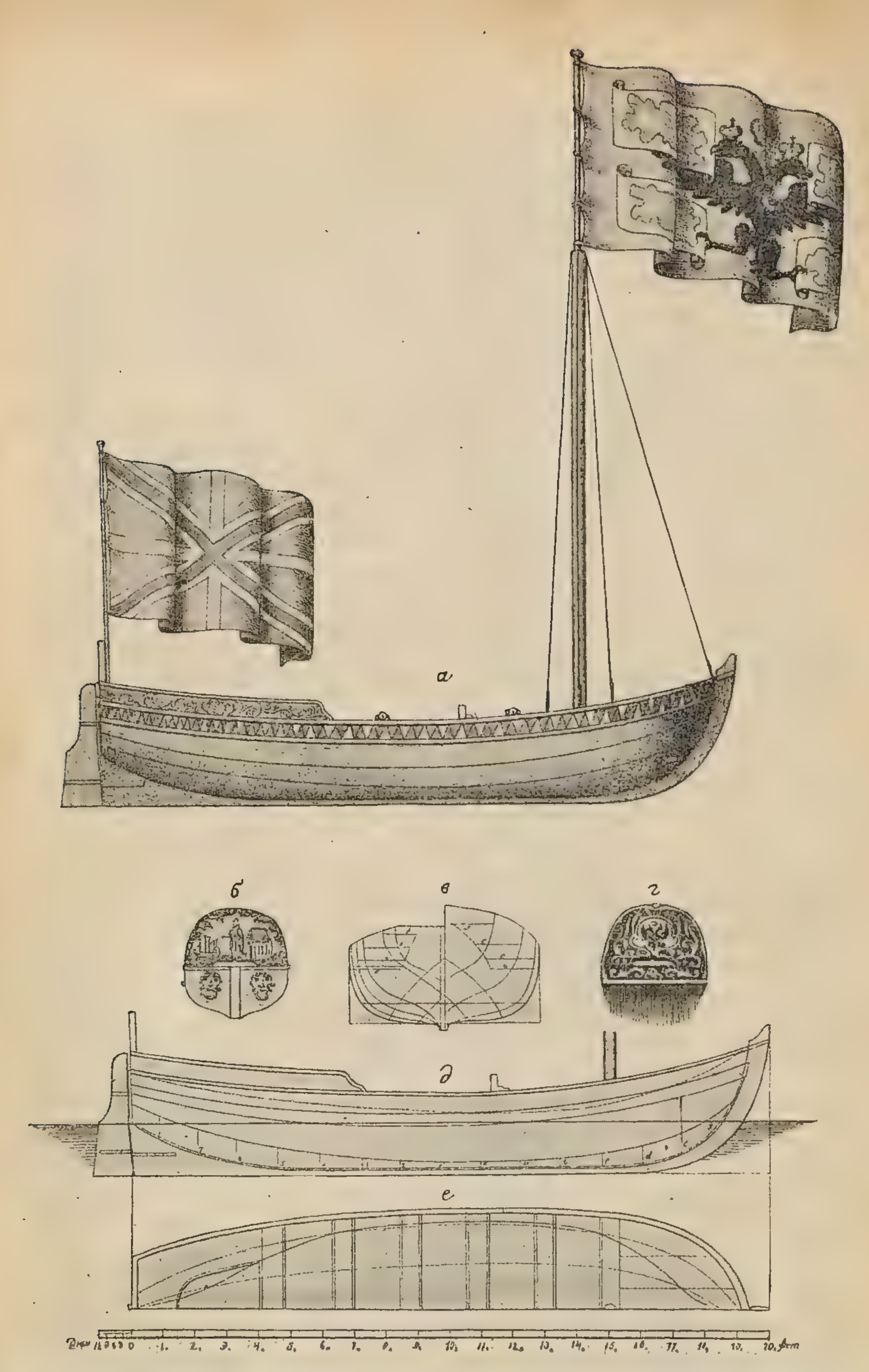
„Царь далъ послѣ того попробовать этого вина конф.-сов. Альфреду и т. сов. Бассевичу. Послѣднiй, будучи дома чѣмъ-то занятъ, только-что прiѣхалъ на корабль; увидѣвъ его, царь воскликнулъ:

„— А, Бассевичъ! штрафъ! штрафъ!

„Тотъ старался извиниться, но напрасно: его величество приказалъ подать четыре стакана венгерскаго. Бассевичъ хотѣлъ взять одинъ изъ нихъ, но царь сказалъ, что они всѣ налиты для него, потому что въ его отсутствiе было провозглашено три тоста, за пропускъ которыхъ прибавленъ еще четвертый стаканъ, какъ штрафной. Г. Бассевичъ поспѣшилъ выпить ихъ одинъ за другимъ, и тогда только его величество позволилъ ему сѣсть за столъ.

„Царь узналъ, что за столомъ, съ лѣвой стороны, гдѣ сидѣли министры, не всѣ тосты пили чистымъ виномъ, или, по крайней мѣрѣ, не тѣми винами, какими онъ требовалъ. Его величество сильно разсердился и приказалъ всѣмъ и каждому за столомъ выпить въ наказанiе, въ своемъ присутствiи, по огромному стакану венгерскаго. Съ досадой царь ушелъ наверхъ къ царицѣ и болѣе не возвращался. Уходя въ неудовольствiи къ царицѣ, онъ поставилъ часовыхъ, чтобъ никто и ни подъ какимъ видомъ не могъ уѣхать съ корабля до его приказанiя. Итти наверхъ къ нему и къ дамамъ не осмѣлился никто, да и часовые, поставленные у лѣстницы, не пропускали рѣшительно никого.

„Между тѣмъ внизу веселились на славу: почти всѣ были навеселѣ. Великiй адмиралъ, напировавшись, плакалъ, какъ ребенокъ, что обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгинею и ея сестрою, которыя съ помощью разныхъ спиртовъ привели его въ чувство и испросили у царя позволенiе ѣхать съ нимъ домой. Князь валашскiй (Кантемiръ) схватился

Ботикъ Петра Великаго „Дѣдушка русскаго флота". а) Наружный видъ ботика б) Наружный видъ кормовой части. в) Поперечный разрѣзъ ботика. г) Видъ кормовой части внутри. д) Продольный разрѣзъ ботика. е Разрѣзъ ботика по ватеръ-линіи.

съ оберъ-полицеймейстеромъ; то начиналась какая-нибудь ссора, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и вѣчную дружбу".

Особенно торжественно справлялось появленіе среди судовъ русской эскадры „Дѣдушки русскаго флота", того самаго ботика, который Петръ разыскалъ въ амбарахъ села Измайлова и на которомъ учился основамъ морского дѣла. Въ 1723 году ботикъ былъ торжественно приведенъ въ С.-Петербургъ. Отъ пристани Александро-Невскаго монастыря до Троицкаго собора царь, самъ управляя рулемъ, велъ ботикъ мимо выстроившихся по рѣкѣ военныхъ и частныхъ судовъ, которыя отдавали честь своему дѣдушкѣ. По берегу стояли толпы народа и выстроилась гвардія, привѣтствовавшая ботикъ ружейными залпами и преклоненіемъ знаменъ. 30-го мая, въ день рожденія государя, ботикъ снова показался на Невѣ; при его появленіи раздались привѣтственные залпы съ кораблей, съ крѣпости, съ берега отъ гвардейскихъ полковъ. Послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ „кушали всѣ знатныя персоны въ сенатскихъ палатахъ и веселились довольно". За обѣдомъ были предложены только четыре тоста: первый „во славу Божію", второй въ честь новорожденнаго, третій за „Дѣдушку русскаго флота", четвертый „за здравіе семейства Ивана Михайловича Головина", т.-е. за весь флотъ, такъ какъ Головинъ—„оберъ-серваеръ флота"— былъ главнымъ начальникомъ всего кораблестроительнаго дѣла.

Ботикъ велѣно было хранить въ адмиралтействѣ заботливо и бережно. Царь далъ распоряженіе, „чтобы во время грому и молніи всѣ люди, ночующіе въ адмиралтействѣ на обѣихъ вахтахъ— морской и сухопутной — были въ осторожности и съ пожарными инструментами въ готовности, а когда какое несчастье отъ грому или отъ огня, отъ чего Богъ да сохранитъ, случится, тогда ботъ... оставляя другія нужды, спускать на воду, чтобы оному никакого поврежденія не было". Въ августѣ того же года „Дѣдушка" посѣтилъ своихъ внуковъ въ гавани Котлина острова. Здѣсь „Дѣдушку" флота спустили на воду адмиралы, почетное мѣсто занялъ на ботикѣ генералъ-адмиралъ гр. Ѳ. М. Апраксинъ, царь, по своему адмиральскому чину, правилъ рулемъ, вице-адмиралъ кн. А. Д. Меншиковъ несъ обязанности лоцмана, а оберъ-цейхмейстеръ генералъ Отто стрѣлялъ, какъ канониръ, изъ маленькихъ пушечекъ ботика, отвѣчая на громъ салютовъ съ кораблей эскадры и съ крѣпости. Послѣ этого торжества ботикъ былъ отправленъ снова въ Петербургъ и мимо плѣнныхъ шведскихъ судовъ отведенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ съ большими почестями и былъ водворенъ на пребываніе.

Высоко цѣня и уважая своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ морскомъ дѣлѣ, Петръ воспиталъ въ нихъ ту большую доблесть, которая такъ ярко выступаетъ въ дѣлахъ со шведами, и чувство собственнаго достоинства, любви и уваженія къ флагу, какъ представителю царя и Россіи на чужбинѣ. Разъ вышелъ такой случай: на пути въ Англію одинъ изъ лучшихъ петровскихъ капитановъ, Наумъ Сенявинъ, зашелъ со своимъ фрегатомъ

въ голландскую гавань. Голландцы почему-то захотѣли подвергнуть осмотру русскій военный корабль, чего по морскимъ правиламъ дѣлать не полагается. Сенявинъ наотрѣзъ отказался, и когда нашъ торговый агентъ Соловьевъ сталъ ему указывать на неудобство отказа голландцамъ въ ихъ желаніи осмотрѣть корабль и сказалъ, что судно могли бы за это арестовать. Сенявинъ вспыхнулъ и горячо отвѣтилъ:

— Корабля своего осматривать не далъ, то есть правда, того ради, что я хочу еще честь и животъ мой продолжать, а буде я далъ бы мой корабль осматривать, то весьма честь и животъ вскорѣ бы минулся; и хотѣлъ бы я того шельмеца видѣть, который грозилъ арестованіемъ моего корабля! Развѣ и весь голландскій флотъ на мя подвигнется, и тотъ добровольно осматривать не можетъ, развѣ силою. Правда, мы здѣсь сильны только однимъ флагомъ и вымпеломъ, но потому-то и не боимся всего ихъ флота, а за оныя его такія непотребныя слова (объ арестѣ фрегата) вашей милости бы надлежало донести кому надлежитъ: понеже хотя бы на баркѣ былъ поставленъ флагъ и вымпелъ его величества, то уже судно стало военнымъ, а не торговымъ, и всякій голландскій корабль мусить (долженъ) салютовать и вымпелъ свой спустить, что мы столько разъ видѣли, и впредь такъ будетъ!

Оберъ-сарваеръ флота
И. М. Головинъ.

Морскія операціи петровскаго флота до сихъ поръ еще мало изучены, но спеціалисты всегда указываютъ на такія дѣйствія, какъ подъ Выборгомъ въ 1710 г., на Гангудскій бой въ 1714 г., крейсерство капитана Бредаля въ Балтійскомъ морѣ въ 1715 г. и набѣгъ Апраксина на берега Швеціи въ 1719 г., какъ на образцовыя по тщательной маневрировкѣ и обдуманнымъ, сознательнымъ и смѣлымъ дѣйствіямъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что во главѣ кораблей и эскадръ Петра стояли опытные люди и распоряжались они умѣлымъ экипажемъ.

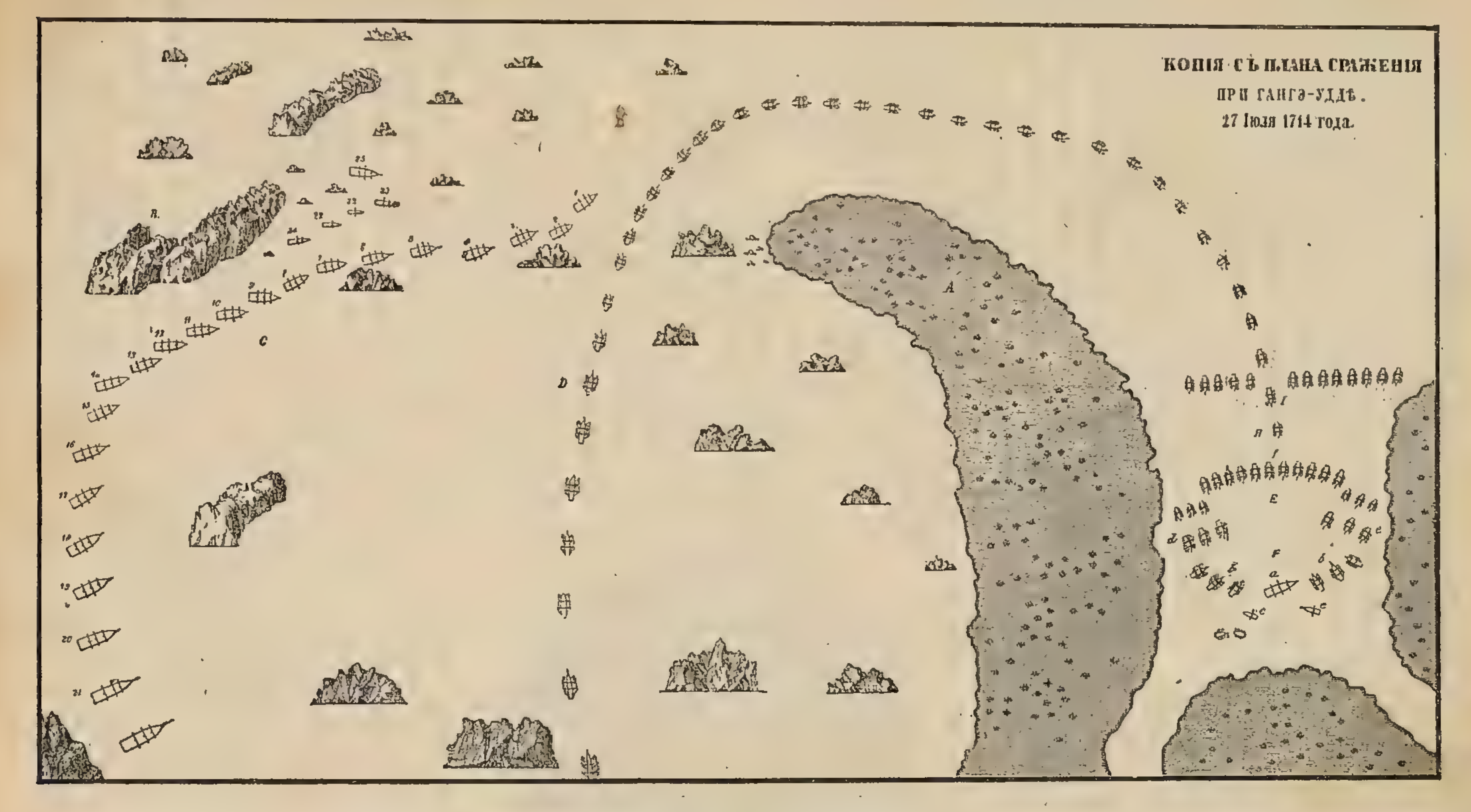
Въ 1714 г., когда князь М. М. Голицынъ заканчивалъ покореніе Финляндіи, оттѣсняя шведскіе отряды все дальше и дальше на сѣверъ, выяснилось, что если не прекратить подвозъ шведами подкрѣпленій и запасовъ для ихъ финляндскихъ отрядовъ, то мелкая война въ этой скалистой и болотистой мѣстности, покрытой густыми лѣсами, будетъ длиться еще очень долго. Но шведы были хозяевами финскихъ шхеръ, и тамъ плавала ихъ сильная эскадра. Только уничтоживъ ее, можно было утвердиться на западномъ берегу Финляндіи, перебраться на Аландскіе острова, находящіеся всего въ 15 миляхъ отъ Стокгольма, и отсюда серьезно

угрожать шведской столицѣ. Рѣшили морской походъ въ финскія шхеры. Готовить флотъ къ походу начали съ зимы 1713 г. Къ веснѣ 1714 г. все было готово. Налицо старшимъ по чину въ это время въ Кронштадтѣ былъ шаутбенахтъ, или контръ-адмиралъ, Петръ Михайловъ, т.-е. самъ царь,—ему и пришлось принять начальство надъ готовившимся къ походу корабельнымъ флотомъ. Для дѣйствій въ шхерахъ готовились по преимуществу мелкосидящія суда—полугалеры и скампавеи; полугалеры имѣли по 72 весла, сидѣли въ водѣ до 4 футовъ и вмѣщали въ себя до 300 человѣкъ каждая; скампавеи имѣли по 36 веселъ, сидѣли въ водѣ менѣе 3 футовъ и вмѣщали въ себя по 150 человѣкъ; всѣхъ судовъ было готово къ походу 99. Въ Ревелѣ собиралась эскадра большихъ кораблей, какъ новыхъ, построенныхъ въ Россіи и купленныхъ за границей, въ Голландіи и Англіи, такъ и послуживщихъ.

Иванъ Сенявинъ привелъ изъ Англіи, обманувъ бдительность шведскихъ крейсеровъ, два превосходныхъ корабля, вполнѣ снаряженныхъ къ бою. За время пути онъ пріобрѣлъ такую симпатію и уваженіе англійскаго экипажа своихъ судовъ, что, когда корабли зазимовали у Рогервика и можно было опасаться нападенія шведовъ, англичане подняли русскіе флаги на судахъ и объявили Сенявину, что подъ его командой они будутъ биться со шведами, какъ русскіе.

Командиръ линейнаго флота держалъ свой флагъ на кораблѣ „Св. Екатерина"; галернымъ флотомъ командовалъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, съ начальникомъ штаба капитаномъ Змаевичемъ-отдѣльными эскадрами - капитанъ-командоры Сиверсъ и Шельтингъ. Большіе корабли были собраны въ Ревелѣ, а мелкіе и гребные—галеры и скампавеи —у Кронштадта. 20 мая 1714 г. обѣ эскадры соединились и пошли къ Біеркэ, гдѣ и производили ученье и маневры. 1-го іюня галерный флотъ подошелъ къ Гельсингфорсу; по плану корабельный флотъ отправился въ Ревель, чтобы притянуть на себя сильную часть шведской эскадры, галеры же должны были проскользнуть въ Або, оттуда итти на Аландъ и стараться проникнуть на шведское побережье, не ходя, однако, „гораздо въ даль непріятельской земли", какъ гласилъ приказъ. Наши большіе корабли уступали и качественно и по количеству кораблямъ шведскаго флота. Матросы и офицеры не такъ хорошо знали свое дѣло, и къ тому же среди нихъ было много иностранцевъ, такъ что случались недоразумѣнія въ исполненіи командъ, когда русскіе матросы не понимали своихъ командировъ-иноземцевъ. Но это все было улажено; путемъ долгихъ маневровъ и упражненій удалось подготовить отрядъ большихъ кораблей къ дѣйствію, однако случилось такъ, что на стоявшихъ въ Ревелѣ и готовыхъ къ отплытію судахъ вспыхнула болѣзнь. Въ одну недѣлю заболѣло 1300 человѣкъ. Болѣзнь разыгралась отъ дурныхъ условій жизни на тогдашнихъ корабляхъ и отъ плохого провіанта.

По случаю Петровскаго поста завѣдывавшій снабженіемъ

А. Урочище Гангудъ. С. Шведскій флотъ. D Русскія галеры, проходящія мимо шведской эскадры. Е. Нападеніе русскихъ галеръ на отрядъ Эреншильда. F. Отрядъ Эреншильда.

кораблей провизіей проівантмейстеръ Кикинъ прислалъ однихъ сухарей безъ ... тковъ, да и тѣ оказались ржавые. „Отъ чего,—писалъ царь,— ... ь невелико 1000 человѣкъ заболѣло и службы лишилось...“ „Когда бъ шведовъ такъ кормить — зѣло бъ изрядно было, а нашимъ я не вотчимъ“, и приказалъ, несмотря на постъ, давать матросамъ мясо. Но было поздно. Болѣзнь сдѣлала свое дѣло, и наши большіе корабли были осуждены на бездѣйствіе. На выручку Голицына пришлось тогда итти съ одними мелкими судами — полугалерами и скампавеями. Галерный флотъ, захвативъ подкрѣпленіе и провіантъ, въ которомъ нуждался корпусъ Голицына, пришелъ 11-го іюня въ Гельсингфорсъ и выгрузилъ здѣсь часть войскъ и запасовъ.

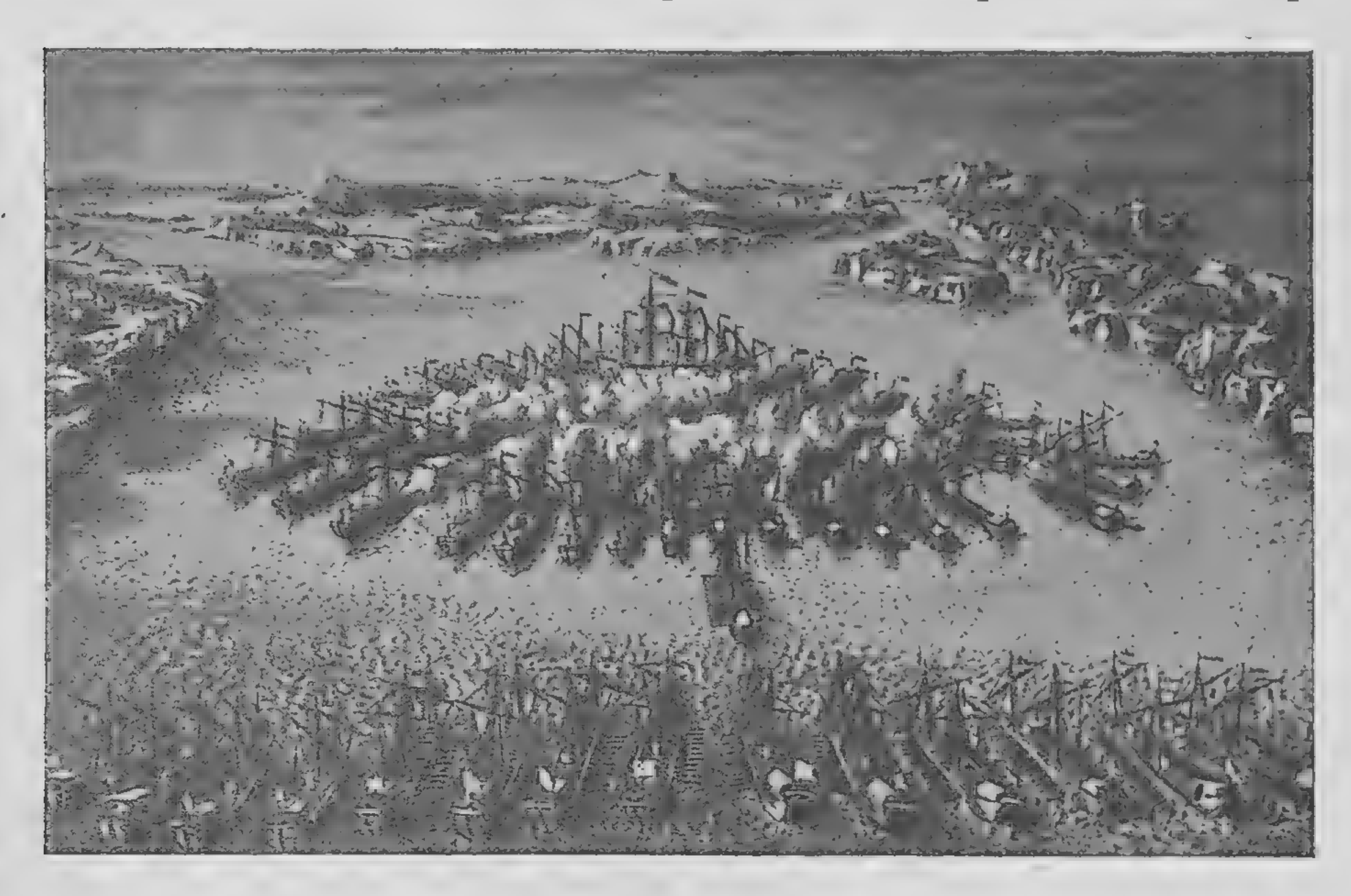
21-го іюня генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ со своими галерами тронулся дальше, къ Або. Но тутъ свободнаго пути уже не было. У мыса Ганге-Удде, или Гангуда, мимо котораго слѣдовало итти галерамъ, стояла шведская эскадра изъ 16 большихъ кораблей. Положеніе русскаго галернаго флота становилось критическимъ: полуостровъ материка, выдвинувшись далеко въ море, давалъ возможность большимъ шведскимъ судамъ подходить близко къ берегу, такъ что проскользнуть подъ прикрытіемъ берега и острововъ не было никакой возможности. Обойти шведскіе корабли съ моря, принявъ битву съ ними, нечего было и думать: при хорошемъ вѣтрѣ, обладая лучшимъ ходомъ и артиллеріей, большіе шведскіе корабли передавили бы легкія и хрупкія галеры русскихъ одной своей тяжестью, настигая и тараня ихъ. Галера была слишкомъ слабо вооружена для открытаго боя съ кораблемъ на морѣ; другое дѣло—въ шхерахъ, гдѣ каждый островокъ, каждый камень давалъ галерѣ надежное прикрытіе отъ огня противника, не скрывая его самого отъ пушекъ галеры; узкіе и мелкіе проливы, полные подводныхъ камней и мелей, при штилѣ или противномъ вѣтрѣ осуждали большой корабль прямо на бездѣйствіе, въ то время, какъ мелкосидящая галера безъ особаго риска могла скользить на парусахъ и веслахъ по водной глади, почти-что гдѣ хотѣла.

Задержка галеръ шведами ставила въ рискованное положеніе корпусъ Голицына, страдавшій отъ недостатка запасовъ и провіанта. Апраксинъ началъ строить батареи на Гангудскомъ мысу и послалъ Петру въ Ревель докладъ о ходѣ дѣлъ. Взявъ нѣсколько мелкихъ судовъ, царь пришелъ къ Гельсингфорсу, перебрался тамъ на галеру и вечеромъ 20-го іюня прибылъ къ галерному флоту.

Задачей галернаго флота, собравшагося у Твереминне, было обойти мысъ Гангудъ и шведскую эскадру, чтобы продвинуться въ Або. Пока-что на самомъ узкомъ мѣстѣ полуострова стали продѣлывать просѣку и приготовили полозья для перетаскиванія галеръ по суху. 24 іюля часть шведской эскадры пошла въ море, къ юго-востоку, намѣреваясь запереть нашимъ галерамъ выходъ къ морю изъ Твереминне. Галерамъ сейчасъ же дали приказъ выходить изъ бухты; въ это же время капитанъ Змаевичъ, пользуясь штилемъ, пошелъ прямо въ море, чтобы обойти тамъ шведскія суда,

стоявшія на якорѣ; шведы открыли сильный огонь по галерамъ, но напрасно, потому что Змаевичъ обходилъ ихъ на разстояніи дальше пушечнаго выстрѣла.

Отрядъ шведскихъ судовъ показался межъ тѣмъ у конца спуска, сдѣланнаго на западной сторонѣ полуострова для перетаскиванія галеръ — очевидно, чтобы помѣшать этой операціи. Этотъ шведскій отрядъ не могъ знать объ удачномъ маневрѣ Змаевича и не подозрѣвалъ, что на него теперь могутъ напасть обогнувшія мысъ съ моря русскія галеры. Змаевичу и было послано такое приказаніе, но наступившая ночь помѣшала ему выполнить это нападеніе. Шведская эскадра собралась межъ тѣмъ у мыса и, чтобы не позволить русскимъ повторить ихъ маневръ,

Гангудскій бой. Съ гравюры петровскаго времени.

продвинулась дальше въ море, но тѣмъ самымъ открыла широкую дорогу между берегомъ и собой. Апраксинъ, не теряя времени, воспользовался этой оплошностью шведовъ и въ 4-мъ часу утра, когда вѣтеръ стихъ совсѣмъ и шведскіе корабли стояли неподвижно, двинулъ въ стройномъ порядкѣ свои галеры мимо шведовъ, между ними и берегомъ. Шведы открыли огонь, но только три корабля ихъ могли еще сколько-нибудь вредить русскимъ, остальные же стояли дальше пушечнаго выстрѣла, а штиль не позволялъ имъ подойти ближе. Змаевичъ въ это время явился съ моря передъ шведскимъ отрядомъ на западномъ концѣ и заперъ его въ бухтѣ Рилаксфіельда. Скоро къ Змаевичу присоединились и остальныя галеры съ Апраксинымъ. Шведскій отрядъ состоялъ изъ одного 18-пушечнаго фрегата, трехъ большихъ галеръ и трехъ шхерботовъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Эреншильда.

Прогулка Петра Великаго съ супругой на яхтѣ по Невѣ.
Съ гравюры того времени.

Шведы наотрѣзъ отказались сдаться, несмотря на очень большое неравенство силъ. Тогда наши галеры построились въ боевой порядокъ, въ три колонны. Впереди—авангардія подъ начальствомъ шаутбенахта Петра Михайлова въ центрѣ, съ Вейде и Змаевичемъ во флангахъ. Авангардія полукругомъ надвигалась на шведскія суда, охватывая ихъ съ боковъ. Въ два часа пополудни русскія суда открыли дружный огонь по непріятельскимъ. Шведы отвѣчали и два раза отбивали огнемъ передовыя наши галеры, намѣревавшіяся схватиться со шведскими судами на абордажъ. По третьему разу это удалось, и тогда участь шведскаго отряда была рѣшена. Нападеніе, разсказываетъ „Юрналъ" Петра Великаго, было „такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорвало". Послѣ жестокой обороны одно шведское судно за другимъ спустило свои флаги, т.-е. сдалось въ плѣнъ; былъ взятъ въ плѣнъ и командовавшій эскадрой контръ-адмиралъ Эреншильдъ. Главная шведская эскадра, узнавъ о гибели своего отряда и видя, что весь русскій галерный флотъ безпрепятственно вошелъ въ абосскія шхеры, гдѣ большимъ судамъ было трудно и рискованно его преслѣдовать, а съ другой стороны, опасаясь движеній ревельской русской эскадры, отступила къ своимъ портамъ.

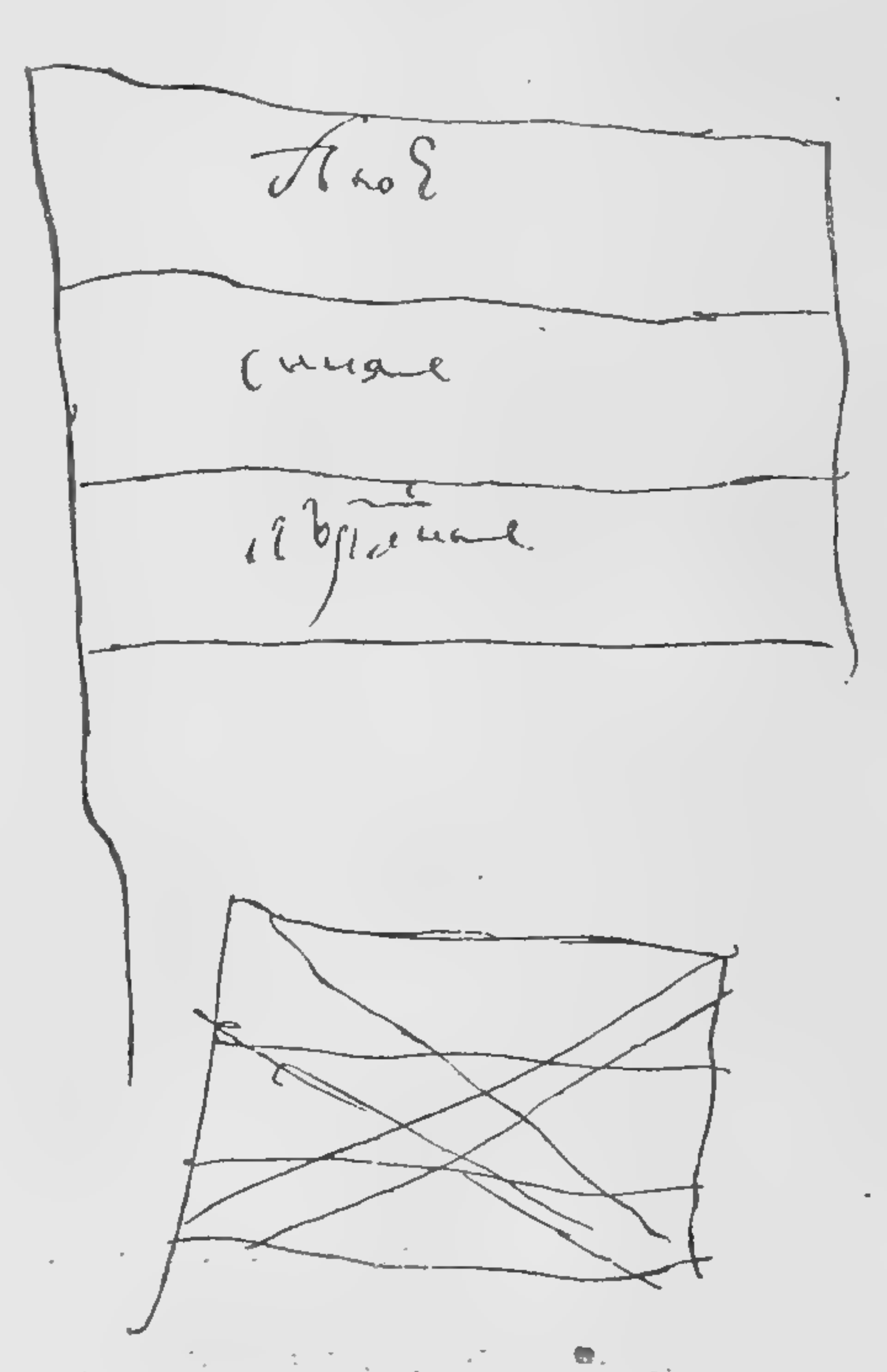
Гангудская побѣда отдавала въ руки Петра всю Финляндію. Это была первая серьезная русская побѣда на морѣ, доказавшая военную опытность, знаніе своего дѣла и смѣтливость русскихъ моряковъ. Гангудской побѣдѣ Петръ радовался, какъ полтавской, и любилъ сопоставлять обѣ. Отпразднована пирами, фейерверками и иллюминаціями эта первая настоящая морская побѣда была такъ же пышно, какъ и полтавская. За гангудскую побѣду царь получилъ чинъ вице-адмирала. Современники разсказываютъ, что это производство царя въ вице-адмиральскій чинъ было обставлено очень торжественно. Среди полнаго собранія сената возсѣдалъ на тронѣ князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій. Позвали контръ-адмирала, и онъ поднесъ князю-кесарю письменный рапортъ о побѣдѣ и рекомендательное письмо генералъ-адмирала. Рапортъ и письмо были прочитаны вслухъ, послѣ чего сенаторы задали контръ-адмиралу нѣсколько вопросовъ. Затѣмъ, по совѣщаніи, „въ разсужденіи вѣрно оказанныя и храбрыя службы отечеству" контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ былъ провозглашенъ вице-адмираломъ. Послѣ Гангуда Петръ сталъ отваживаться на довольно дальніе военные рейсы со своими кораблями. Черезъ два года эскадры Петра—свои гости на копенгагенскомъ рейдѣ и совмѣстно съ датской, голландской и англійской эскадрами предпринимаютъ рядъ маневровъ съ цѣлью очистить Балтійское море отъ шведскихъ каперовъ, мѣшавшихъ торговлѣ Англіи и Голландіи съ русскимъ побережьемъ.

Не только своему высокому положенію обязанъ былъ Петръ и одной изъ счастливѣйшихъ минутъ своей жизни. Это было знаменитое его командованіе флотами четырехъ державъ въ 1716 г., когда въ датскихъ водахъ находились союзныя эскадры датская

и русская и пришли англійская и голландская для охраны отъ шведскихъ каперовъ своихъ купцовъ.

Петръ думалъ тогда изъ Даніи сдѣлать высадку на шведскій берегъ и сосредоточилъ въ Копенгагенѣ цѣлый корпусъ своихъ войскъ, а на копенгагенскомъ рейдѣ держалъ почти весь свой флотъ. Англичане и голландцы хотѣли пройти въ Балтійское море, чтобы проводить свои торговыя суда. Петръ убѣдилъ датчанъ присоединиться и хотѣлъ итти самъ со своими судами.

Адмиралы соединенныхъ флотовъ просили царя, какъ опытнаго командира, взять на себя общую команду. Можно себѣ представить радость и удовольствіе Петра при этомъ лестномъ предложеніи со стороны такихъ моряковъ, какъ англичане и голландцы, свидѣтельствовавшемъ объ ихъ уваженіи и довѣріи къ царю и его юному флоту. 5-го августа Петръ поднялъ свой штандартъ при грохотѣ салюта со всѣхъ судовъ четырехъ эскадръ. Начался маневръ. По сигналу царя-адмирала авангардію составили 16 англійскихъ кораблей, кордебаталію (среднюю часть)—датчане въ числѣ 17 кораблей, арріергардію составили 13 русскихъ фрегатовъ. Внѣ линіи, противъ середины кордебаталіи шелъ подъ царскимъ штандартомъ корабль „Ингерманландія“, а за нимъ отдѣльная линія изъ 4 русскихъ фрегатовъ и 3 шнявъ — легкихъ посыльныхъ судовъ. 25 голландскихъ кораблей, 3 англійскихъ, 2 датскихъ и нѣсколько русскихъ составили отдѣльный отрядъ. Въ полдень по сигналу царя корабли снялись съ якорей и пошли въ Балтійское море—сначала англичане, потомъ голландцы, потомъ датчане и, наконецъ, новые вѣжливые хозяева Балтійскаго моря, русскіе. Къ ночи 8-го августа англійскія, голландскія и русскія суда подошли къ сѣверному берегу острова Борнгольма; на слѣдующій день подошли и датчане, отставшіе, какъ писалъ царь, „за тупостью кораблей“. Отсюда Петръ долженъ былъ возвратиться въ Копенгагенъ, потому что датчане не хотѣли запереть вмѣстѣ съ другими союзниками шведскую военную гавань Карлскрону, что стремились сдѣлать царь и англійскій адмиралъ Норрисъ.

Снимокъ съ собственноручнаго, набросаннаго Петромъ Великимъ въ 1699 году, проекта русскаго національнаго и морского андреевскаго флага.

Это командованіе четырьмя флотами осталось навсегда радостнымъ событіемъ для Петра, и онъ всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминалъ о немъ. Въ честь событія была, по его повелѣнію, выбита особая медаль, на одной сторонѣ которой красовался бюстъ Петра, а на другой—Нептунъ на колесницѣ съ русскимъ штандартомъ и тремя союзными флагами; здѣсь была и надпись: „Владычествуетъ четырьмя. При Борнгольмѣ".

Никакая волна, никакая буря не могли остановить Петра отъ поѣздки по морю на яхтѣ, легкой парусной шлюпкѣ или на весельномъ ботѣ. Не разъ въ бурную погоду у матросовъ и гребцовъ, возившихъ Петра, опускались руки и замирало сердце, а онъ, смѣло и крѣпко держа въ рукахъ штурвалъ, ободрялъ оробѣвшихъ:

— Чего боитесь? Царя везете! Не было еще того, чтобы утонулъ русскій царь!—и всегда счастливо избѣгалъ опасности.

Зимой, когда ледъ сковывалъ водную стихію своей крѣпкой броней и Петру приходилось отказаться отъ пребыванія возлѣ моря и на корабляхъ, онъ приказывалъ обыкновенно прорубить во льду Невы передъ дворцомъ каналъ въ нѣсколько десятковъ саженъ длины и почти каждый день катался здѣсь на весельномъ катерѣ, самъ работая веслами. Очень онъ любилъ также зимой катанье на буэрахъ, поставленныхъ на полозья и управлявшихся парусами. Каждый праздникъ цѣлая вереница такихъ суденышекъ-саней скользила по невскому льду и мчалась въ Петергофъ.

Лѣтомъ Петръ всегда старался прожить хоть нѣсколько дней въ Петергофѣ, этомъ очаровательномъ приморскомъ дворцѣ. Подолгу просиживалъ онъ на террасѣ своего маленькаго дворца, любуясь моремъ и виднѣвшимся вдали Кронштадтомъ съ его укрѣпленіями и эскадрой кораблей.

Море, доставлявшее такъ много радости и труда Петру, было и ближайшей причиной его смерти. Въ одинъ темный и бурный ноябрьскій вечеръ 1724 г. съ версту отъ Лахты сталъ на мель шедшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами и матросами. Царь находился въ это время какъ разъ въ Лахтѣ, проѣздомъ на оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ. Онъ увидѣлъ бѣдствіе и послалъ шлюпку стащить ботъ съ мели, но шлюпка не могла это сдѣлать. Межъ тѣмъ волны уже совсѣмъ захлестывали ботъ, и судну съ окоченѣвшими людьми грозила неминуемая гибель. Петръ, уже давно прихварывавшій, бросился въ шлюпку и, доѣхавъ до мѣста гибели, выскочилъ на отмель, гдѣ, стоя по поясъ въ ледяной водѣ, сталъ распоряжаться спасеніемъ людей. Всѣ были спасены, но это стоило Петру сильной простуды, отъ которой его болѣзнь усилилась и въ два мѣсяца свела его въ могилу. 28 января 1725 г., въ первой четверти шестого часа утра, „уснулъ отъ трудовъ Самсонъ Россійскій".

Составлено по сочиненіямъ: *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. II и III; *Ѳ. Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи, ч. I; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XV—XVII; Записки *И. И. Неплюева;* Записки *Юста Юля;* Записки капитана *Перри; Нартовъ*, Разсказы о Петрѣ Великомъ; *И. И. Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, т. XV; *Я. Штелинъ*, Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, и др.

Съ гравюры А. Зубова въ „Марсовой книгѣ“ 1713 г.

Верховная власть при Петрѣ Великомъ.

Въ московское время великій государь, царь и самодержецъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, по создавшейся еще въ XV вѣкѣ политической теоріи наслѣдникъ власти византійскаго императора, на дѣлѣ жилъ и господствовалъ, какъ удѣльный князь, удѣлъ-вотчину котораго составляла вся Великороссія. Какъ государь-хозяинъ, московскій царь безотчетно властвовалъ надъ землей и надъ людьми, жившими на его землѣ; византійское наслѣдство придавало этому властвованію божественный характеръ; въ сознаніи этого новаго свойства своей власти первый русскій царь Иванъ Грозный пробовалъ создать теорію своей власти и характеризовалъ ее словомъ „самодержство“, пытаясь придать этому старому слову, обозначавшему внѣшнюю независимость страны и государя, новый смыслъ полной независимости, неограниченности, свободы государя во всѣхъ его дѣйствованіяхъ и поступкахъ.

Свою теорію царь Иванъ создавалъ, опираясь на ученіе о византійскомъ наслѣдіи, въ пору ожесточенной борьбы съ тѣми обязательствами, которыя силою вещей взялъ на себя московскій государь въ эпоху собиранія земли по отношенію къ ея прежнимъ владѣльцамъ и существовавшимъ тогда правамъ. Эти обязательства дѣлали полную и неограниченную власть московскаго госу-

царя, хозяина земли и людей, въ извѣстной мѣрѣ ограниченной и связанной въ ея проявленіяхъ существовавшими обычаями управленія и законодательства. Видимымъ образомъ власть московскаго государя ограничивалась боярской думой въ томъ смыслѣ, что безъ ея вѣдома было не въ обычаѣ рѣшать или предпринимать какія-либо важныя государственныя дѣла, и всякій полноправный государственный актъ въ московское время всегда и неизмѣнно исходилъ отъ царя и бояръ: „Царь указалъ и бояре приговорили",— вотъ неизмѣнная формула, которою начинается всякое правительственное распоряженіе тѣхъ временъ. Въ XVII в. къ этому „ограниченію" думой прибавилось еще участіе въ правительствѣ земскаго собора—совѣта всея земли. Но, начиная съ царя Ивана, царская власть, сознавшая себя властью по милости Божіей, стремится овладѣть всей полнотой властвованія, стремится распоряжаться и обычаями, какъ землею и людьми, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было ограниченій. По мѣрѣ того, какъ въ силу разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ таялъ стоявшій у трона плотный кружокъ бояръ-аристократовъ, прямыхъ потомковъ старыхъ владѣтельныхъ князей, и замѣщался людьми новыми, по назначенію государей, которые съ XVII в. сами „новые" люди на престолѣ, полнота власти московскихъ государей все усиливалась, и они все больше начинаютъ себя чувствовать самодержцами въ томъ новомъ смыслѣ слова, какой хотѣлъ придавать ему царь Иванъ.

Отъ своихъ предшественниковъ Петръ Великій унаслѣдовалъ, такимъ образомъ, власть, свободную отъ тѣхъ ограниченій, какія для нея существовали съ XV вѣка въ образѣ обязательнаго для власти сотрудничества въ дѣлѣ управленія и законодательства съ родовитымъ княжимъ боярствомъ. Такого боярства уже нѣтъ. Подкошенное въ корень Грознымъ, оно пало въ смуту и не поднялось. Въ XVI в. московскій государь получалъ обязательныхъ совѣтниковъ, такъ сказать, по наслѣдству—они давались ему Богомъ, какъ самая его власть надъ землей и людьми, которую не мыслили внѣ сотрудничества ея съ княжимъ боярствомъ. Когда княжого боярства не стало, московскій государь XVII вѣка, не мысля по традиціи власти безъ боярства, сталъ создавать это боярство самъ. Но, созданное имъ, оно, въ силу этого, съ роли обязательныхъ совѣтниковъ переходило на положеніе первыхъ слугъ, а это совсѣмъ иная позиція. Въ сознаніи своего прирожденнаго права на власть, знатный бояринъ-княжичъ XVI в. говорилъ, что государь можетъ пожаловать землей и деньгами, кого хочетъ, но „чести" дать онъ никому не можетъ: человѣкомъ „честнаго рода" можно только родиться; а пожалованный „честью" бояринъ XVII в. говоритъ, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ". Земское народосовѣтіе не привилось въ политическомъ строѣ московскаго государства, какъ дѣятельная независимая сила, и совсѣмъ перестало дѣйствовать во второй половинѣ XVII вѣка, когда моральная поддержка народосовѣтія стала ненужной для окрѣпшей власти самодержца, управлявшаго

государствомъ чрезъ посредство имъ самимъ создававшейся служилой дворянской бюрократіи.

Вотъ эта абсолютная, самодержавная власть, располагающая кадромъ людей, созданныхъ ею какъ ея слуги, и оказалась къ концу XVII в. въ рукахъ Петра Великаго.

Въ 1721 г. Петръ принялъ титулъ императора. Этотъ новый титулъ вовнѣ совершенно сходенъ съ прежнимъ царскимъ титуломъ, но новое слово, если не вносило съ собой новый смыслъ въ суть явленія, то во всякомъ случаѣ иначе освѣщало то новое значеніе въ жизни, какое верховная власть пріобрѣла послѣ того, какъ кормило ея четверть вѣка находилось въ рукахъ такого человѣка, какъ Петръ Великій. Новость заключалась вотъ въ чемъ: царскій титулъ московскихъ временъ знаменовалъ собой преемство боговдохновенной власти византійскихъ цезарей, какъ единыхъ во всемъ свѣтѣ православныхъ государей: титулъ императорскій привносилъ съ собой въ толкованіе основъ верховной власти и начала свѣтскія, выработанныя западно-европейской политической традиціей въ тѣ вѣка, которые ушли на ожесточенную борьбу сначала изъ-за первенства властвованія въ Европѣ между папствомъ и имперіей, а потомъ на борьбу между королями и феодальной аристократіей.

Петръ жилъ и царствовалъ въ то время, когда на Западѣ всюду торжествовали принципы абсолютной монархіи, неограниченнаго господства государей, такъ отчетливо формулированные и воплощенные въ жизни французскимъ королемъ Людовикомъ XIV.

Людовикъ XIV былъ идеаломъ для всѣхъ тогдашнихъ государей Европы, подражавшихъ ему и въ крупномъ и въ мелкомъ. Петръ тоже былъ поклонникомъ французскаго короля и, по словамъ датскаго посланника Юста Юля, всегда съ особымъ восхищеніемъ отзывался о королѣ-солнцѣ. Въ импозантной фигурѣ Людовика XIV особенно ярко выразилось постепенно складывавшееся въ XV и XVI вв. представленіе о государѣ самовластномъ, абсолютномъ властителѣ своего народа; этотъ принципъ торжествуетъ въ Европѣ XVII в., какъ единое, опредѣляющее все въ государственной жизни начало. Феодальныя силы аристократіи, соперничествовавшей въ средніе вѣка съ королевской властью и значительно ограничивавшей ее, были сломлены, и феодалы поступили на королевскую службу. Генеральные штаты, земскіе чины — представлявшіе въ тогдашнемъ государствѣ Европы тѣ силы въ населеніи, которыя помогли королямъ осилить въ борьбѣ общаго врага — феодальную аристократію — захирѣли политически, успокоившись послѣ оконченной борьбы съ феодальнымъ засильемъ.

Отъ неограниченной дѣятельности государей города и крестьянство надѣялись получить твердый оплотъ противъ притязаній и самоуправства разныхъ мелкихъ владѣтелей и удовлетвореніе новыхъ культурныхъ потребностей. И государственная власть, чувствуя такое настроеніе общества, беретъ, опираясь на него, все, что можно, въ свои руки. Въ одномъ документѣ, относящемся еще

ко времени Ришелье, приписываемомъ самому знаменитому кардиналу, уже провозглашено, что для правительства прежде всего необходимо безусловное повиновеніе всѣхъ. Для этого оно само должно имѣть твердую волю въ исполненіи того, что оно считаетъ справедливымъ; государь никогда не долженъ колебаться въ исполненіи своихъ намѣреній и всегда долженъ строго наказывать тѣхъ, кто будетъ ослушниками. Необходимо, чтобы государственная ц ѣ л ь всегда, во всѣхъ случаяхъ стояла впереди всякихъ другихъ соображеній... Итакъ — государство, какъ таковое, выдвигается впередъ, въ качествѣ самодовлѣющей цѣли. Но что такое государство? „Государство—это я!"—сказалъ будто бы Людовикъ XIV. „Король представляетъ собой всю націю,—писалъ Людовикъ XIV:—передъ лицомъ короля каждый—только частный человѣкъ; поэтому вся власть, вся сила сосредоточены въ рукахъ короля, и въ королевствѣ не можетъ существовать никакой иной власти, кромѣ той, которая установлена королемъ". Исходя изъ этой мысли, Людовикъ XIV отвергаетъ не только какое-либо участіе народа въ управленіи государствомъ и въ законодательствѣ, но и вообще обязательность для короля какихъ-либо совѣтовъ. Основаніемъ королевской власти Людовикъ признаетъ Божію волю и основанное на ней свое прирожденное право, это и является для него руководящимъ началомъ въ проявленіи королевской власти: „Будьте господиномъ,—завѣщаетъ онъ своему сыну:—выслушивайте своихъ совѣтниковъ, но рѣшайте все по своему усмотрѣнію. Богъ, поставившій васъ королемъ, просвѣтитъ вашъ умъ въ необходимыхъ случаяхъ". Составляя своей особой все въ странѣ, признавая себя выраженіемъ и воплощеніемъ націи, Людовикъ считаетъ себя собственникомъ и господиномъ всего въ своемъ государствѣ. „Короли,—говоритъ онъ,—суть абсолютные господа и естественно имѣютъ полное право свободно распоряжаться всѣми имуществами, находящимися во владѣніи какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы употреблять ихъ во всякое время, подобно тому, какъ это дѣлаютъ умные хозяева, т.-е. сообразно съ общими нуждами ихъ государства. Все, что находится въ предѣлахъ ихъ государства, къ какому бы разряду вещей ни относилось—принадлежитъ королямъ; на этомъ основаніи принадлежатъ имъ какъ всѣ деньги, находящіяся въ казнѣ, на рукахъ у казначеевъ, такъ и тѣ, которыя оставляются въ оборотѣ у подданныхъ".

Объ руку съ такъ выражающейся государственной практикой идетъ и теоретическая разработка вопросовъ государственнаго права и абсолютнаго властвованія.

Старое ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти нашло тогда же краснорѣчиваго сторонника и пропагандиста въ лицѣ епископа Боссюэта, провозгласившаго, что „величество есть образъ Божій въ государѣ... Государи—боги, по свидѣтельству Св. Писанія, и причастны дѣйствительно божественной независимости. Королевскій тронъ — не человѣческій, но тронъ

самого Бога. Государя, какъ государя, нельзя разсматривать, какъ частное лицо, ибо все государство въ немъ, воля цѣлаго народа заключена въ его волѣ".

Но это старое ученіе оказывается теперь, къ XVIII вѣку, на службѣ у новыхъ требованій жизни: короли обосновываютъ свою власть не столько на этомъ ученіи о боговдохновенности своей власти, сколько на естественной необходимости единой власти, какъ единственной силы, способной создать и укрѣпить государство, какъ единственной силы, способной обезпечить мирное развитіе человѣческаго общежитія. Рядомъ съ ученіемъ о боговдохновенномъ происхожденіи верховной власти развивается ученіе, которое, оставляя въ сторонѣ, на почетномъ, безспорномъ мѣстѣ божественность происхожденія королевской власти, доказываетъ, что и по самой сути вещей власть короля должна быть неограниченной. Во главѣ мыслителей этого направленія становится съ половины XVII в. Гоббзъ. По его ученію, человѣческая природа въ естественномъ своемъ состояніи до такой степени себялюбива, эгоистична, что люди, предоставленные каждый самому себѣ, будутъ грызть другъ друга, какъ волки. Люди въ дикомъ, естественномъ состояніи, по его мнѣнію, находятся въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Такое положеніе невыносимо; людямъ свойственно заботиться о самосохраненіи, и вотъ, взыскуя мира, люди отказываются каждый отъ своего права на все, договариваясь другъ съ другомъ, чтобы одинъ изъ нихъ властвовалъ надъ всѣми. Верховная власть, по ученію Гоббза, и должна быть едина; „государство, — говоритъ онъ,—есть единое лицо, воля котораго, въ силу обязательствъ многихъ лицъ, должна считаться волею всѣхъ, вслѣдствіе чего она можетъ пользоваться силами и способностями отдѣльныхъ людей для общаго мира и защиты". Прекративъ естественное состояніе и вступивъ въ договоръ объ образованіи государства, люди, по ученію Гоббза, передали всѣ свои права носителю верховной власти и съ тѣхъ поръ все, что имѣютъ, получаютъ отъ носителя верховной власти, и у нихъ самихъ не можетъ быть никакихъ правъ по отношенію къ государю. Такимъ образомъ, по этому ученію, лишь государство создаетъ право собственности, такъ какъ въ естественномъ состояніи собственности нѣтъ: ея не можетъ быть при томъ условіи, когда каждый у каждаго можетъ все отнять; но если государство установило право собственности, то государство можетъ и въ дальнѣйшемъ распоряжаться частной собственностью на всей своей волѣ. Въ естественномъ состояніи людей каждый имѣетъ свое собственное сужденіе о добрѣ и злѣ; когда же возникаетъ государство, то правила добра и зла опредѣляются закономъ, исходящимъ отъ государственной власти, и потому подданные не должны воображать, будто они имѣютъ право по-своему разсуждать объ этихъ вещахъ. Подданные должны исполнять велѣнія власти, каковы бы ни были эти велѣнія, и кто сочтетъ исполненіе такихъ велѣній грѣхомъ, тотъ, значитъ, присвояетъ себѣ, узурпируетъ не принадлежащее ему право судить о добрѣ и злѣ. Государство только

можетъ истолковывать волю Божію и самыя религіозныя вѣрованія, потому что, если предоставить каждому толковать вѣру, какъ умѣетъ, то это приведетъ къ одному безпорядку, къ анархіи; толкованіе вѣры должно принадлежать только церкви, признанной государствомъ и зависимой отъ него. Существованіе церкви, независимой отъ государства, создастъ наличность двухъ властей, а это недопустимо, потому что ведетъ къ безпорядку. Такая исключительная мощь и значеніе государства направляются государемъ для достиженія общаго блага.

Въ германскомъ ученомъ мірѣ ученіе Гоббза раздѣляли Гуго Гроцій, Пуфендорфъ и Вольфъ. Сочиненія Пуфендорфа были знакомы Петру, и главная работа этого мыслителя — „Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ" - была по приказанію Петра переведена на русскій языкъ, причемъ онъ самъ слѣдилъ за тщательностью перевода. Взгляды Вольфа были извѣстны Петру, и онъ очень хотѣлъ видѣть знаменитаго философа во главѣ задуманной имъ русской академіи наукъ. Вольфъ, въ единомысліи съ Гоббзомъ, провозглашалъ основной задачей государства нравственное и матеріальное совершенствованіе подданныхъ. По мнѣнію Вольфа, государь имѣетъ право и власть благодѣтельствовать подданныхъ, даже и не справляясь съ ихъ желаніями, и силою можетъ создавать благо жизни и совершенство своимъ подданнымъ. По его мнѣнію, подданные должны подлежать всестороннему попеченію государя, и правительство должно брать на себя заботы рѣшительно обо всѣхъ сторонахъ, обо всѣхъ подробностяхъ жизни подданнаго, не оставлять его ни на минуту внѣ своихъ попеченій. Правительство не только должно заботиться о безопасности жизни, имущества и здоровья подданныхъ, обезпечивать имъ правосудіе, оно еще должно обогащать и просвѣщать ихъ, совершенствовать ихъ нравственно и развивать ихъ эстетическіе вкусы, слѣдить за чистотой ихъ вѣрованій и правильностью убѣжденій; правительство не только руководитъ и направляетъ подданныхъ въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ и проявленіяхъ, оно господствуетъ въ кругу ихъ домашней жизни, проникаетъ, должно проникать въ самые тайники личной душевной жизни каждаго. По мнѣнію Вольфа, правительству должно быть предоставлено безпредѣльное право самаго широкаго вмѣшательства въ личную свободу каждаго ради общаго благополучія всѣхъ; по его мнѣнію, „правительство должно имѣть право и обязанность принуждать каждаго къ работѣ, установлять заработную плату и цѣну товаровъ, заботиться объ устройствѣ хорошихъ улицъ, прочныхъ и красивыхъ зданій, услаждать зрѣніе обывателей радующими глазъ картинами и скульптурными изображеніями, а уши — музыкою, пѣніемъ птицъ и журчаніемъ воды; содѣйствовать общественному развлеченію театральными представленіями и другими зрѣлищами, поощрять поэзію, стараться о школьномъ образованіи дѣтей, наблюдать за тѣмъ, чтобы взрослые подданные прилежали добродѣтели и благочестію, посѣщали церковь, принимали участіе въ общественномъ богослуженіи; госу-

дарство должно наказывать атеистовъ и даже деистовъ"... „Подданные, — пишетъ Вольфъ, - должны съ готовностью и охотою дѣлать то, что власть находитъ хорошимъ для общаго благополучія". Важнѣйшими гражданскими добродѣтелями признаются съ этой точки зрѣнія повиновеніе властямъ, преданность и вѣрность королю и готовность къ исполненію дѣла до самопожертвованія. Повиновеніе это должно быть добровольно, исходить изъ чистаго сознанія выгодъ такого порядка вещей и изъ убѣжденія, что никакого порядка лучше даннаго быть не можетъ. Въ такомъ сознаніи и убѣжденности заключается, по ученію государствовѣдовъ-абсолютистовъ, основа истинной гражданской свободы, ибо тогда только можетъ быть установлено, по словамъ Гуго Гроція, „совершенное соединеніе и сообщеніе свободныхъ людей ради пользованія правомъ и общими выгодами".

Врядъ ли въ исторіи Европы можно указать эпоху, когда бы мысль государствовѣда-философа и практика государственной жизни находились въ большемъ единеніи и больше подкрѣпляли одна другую, чѣмъ это имѣло мѣсто въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. Тогда же, въ противовѣсъ изложеннымъ построеніямъ, нарождалось и ученіе о народномъ суверенитетѣ, но оно находило на практикѣ очень мало примѣненія. Государство было тогда, дѣйствительно, все въ жизни подданныхъ, и короли, дѣйствительно, управляли народами на всей своей волѣ, черезъ посредство ими назначаемыхъ и руководимыхъ чиновниковъ. Западная государственная практика выработала довольно стройный и удобный механизмъ такого управленія, въ которомъ отдѣльныя части, строго подѣленныя на немногія вѣдомства, планомѣрно соподчинялись центральной власти, объединявшей въ своихъ рукахъ и отдѣльныя вѣдомства, и мѣстныхъ начальниковъ, управлявшихъ отдѣльными провинціями по назначенію отъ короля. Устройство правительства государственно-правовая теорія XVIII в. мыслила на основѣ раздѣленія властей административной, финансовой, судебной и законодательной и выработала положеніе о коллегіальномъ устройствѣ органовъ власти, особенно законодательной и судебной, гдѣ мнѣніе и совѣтъ избранныхъ къ тому верховною властью чиновъ по преимуществу гарантируютъ справедливость ихъ дѣйствій для подданныхъ; что касается до власти исполнительной, то здѣсь предпочтеніе отдавалось единоличной формѣ власти, но не исключалась и коллегіальная ихъ организація. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. коллегіальная форма органовъ исполнительной власти считалась даже необходимой принадлежностью идеально устроеннаго государства и необходимымъ условіемъ его процвѣтанія и успѣховъ.

За границей Петръ, хотя и отдавалъ много времени дипломатическимъ бесѣдамъ и свиданіямъ, верфямъ, мастерскимъ, заводамъ, не могъ при его живомъ, любознательномъ, проницательномъ умѣ не схватывать и не удерживать въ сознаніи ходячихъ политическихъ идей, тѣмъ болѣе, что эти идеи такъ гармонировали

съ его властнымъ, энергичнымъ характеромъ и унаслѣдованными представленіями о всенаправляющемъ значеніи верховной власти въ государствѣ.

Послѣ 1715 года, по возвращеніи изъ второго своего большого путешествія за границу, когда опредѣлился и благополучный исходъ Сѣверной войны, Петръ принялся за „гражданство", за регулярное устройство центральнаго и мѣстнаго управленія и за сословныя реформы. Къ этому времени относятся его сношенія съ Вольфомъ и Лейбницемъ. Послѣ 1715 года создаются всѣ эти многочисленные петровскіе регламенты, уставы, артикулы — и въ нихъ ярко и рельефно выражаются вывезенныя съ Запада представленія о государѣ, государственной власти, ея задачахъ, цѣляхъ, объ обязанностяхъ подданныхъ и т. д.

Въ Воинскихъ артикулахъ (1716 г.) впервые въ русскомъ законѣ точно опредѣляется существо верховной власти государя. Опредѣленіе это, взятое цѣликомъ изъ шведскаго права и составленное шведскимъ рикcдагомъ въ 1693 г., гласитъ, что „Его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять". Нѣсколько позднѣе, въ Духовномъ регламентѣ это опредѣленіе было формулировано такъ: „Монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ". Слову „самодержавіе" придается такимъ образомъ окончательно тотъ смыслъ, который хотѣлъ читать въ немъ еще Грозный царь. Московскіе государи, за исключеніемъ Грознаго, не задавались вопросами о цѣли и назначеніи своей власти; да и самъ Грозный эту цѣль видѣлъ лишь въ возвышенномъ стремленіи „люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются"... Это исключительно религіозное представленіе о задачахъ царской власти мало вязалось съ той обстановкой, въ которой пришлось дѣйствовать русскимъ государямъ конца XVII и начала XVIII вв. Жизнь указывала имъ другія цѣли, къ которымъ нельзя было итти старыми путями.

Еще въ 1702 г. Петръ, въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, говоритъ о своемъ намѣреніи „государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе". Въ 1704 году, когда его войска взяли Нарву, Петръ, торжествуя успѣхъ, говорилъ своему сыну, царевичу Алексѣю, участвовавшему въ походѣ: „Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, не щадить трудовъ для общаго блага; а если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, я не признаю тебя своимъ сыномъ". Въ своей рѣчи, по случаю заключенія Ништадтскаго мира въ 1721 году, Петръ еще разъ повторилъ, что

задача государя заключается въ томъ, чтобы „трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ". Въ концѣ жизни, больной, отправился Петръ на Ладожскій каналъ осматривать работы; болѣзнь усилилась отъ этой поѣздки. „Болѣзнь упряма, — говорилъ онъ тогда своему доктору, — природа знаетъ свое дѣло, но и намъ надлежитъ пещись о пользѣ государства, пока силы есть". Всеобщее благо, всенародная польза, матеріальное благополучіе народа и отечества— вотъ что теперь становится цѣлью государства, а не спасеніе душъ подданныхъ, самъ государь становится верховнымъ и единымъ руководителемъ народа въ этомъ трудѣ всѣхъ и каждаго на благо общее и пользу отечества.

Государь вправѣ распорядиться и наслѣдіемъ престола, завѣщавъ его „кому захочетъ", соблюдая пользу отечества и благо народное. Этотъ новый порядокъ престолонаслѣдія, въ связи съ событіями, развертывавшимися около дѣла царевича Алексѣя, посѣялъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и народѣ большое недоумѣніе и вызывалъ даже явный протестъ. „Обрѣтающіяся въ народѣ неспокойныя головы и страстію прекословія свербящія сердца", которыя,—какъ выразился псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—„никакого установленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ, но упрямымъ и злобнымъ сердцемъ охуждаютъ", встрѣтили указъ Петра о престолонаслѣдіи мѣстами прямымъ сопротивленіемъ и отказывались присягать „впустую" наслѣднику, котораго государь самъ назначитъ. Петръ рѣшилъ тогда объяснить обстоятельно народу и обществу мотивы и свое право поступать такъ, какъ онъ распорядился съ сыномъ и престолонаслѣдіемъ. Признанный витія церковный, многоученое борзое перо, архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, давно уже имѣвшій задачей славословить съ церковной каѳедры „дѣянія мудраго монарха" и оправдывать всѣ его мѣры, получилъ приказъ составить подробное и доказательное оправданіе указа о престолонаслѣдіи для широкаго распространенія этого сочиненія въ народѣ. Ѳеофанъ и написалъ такое сочиненіе, назвавъ его „Правда воли монаршей". Въ этой работѣ онъ не только оправдывалъ поступокъ царя съ единороднымъ сыномъ и право царя распорядиться престоломъ на всей его монаршей волѣ, но и далъ теоретическія обоснованія самодержавному властвованію императора всероссійскаго. Это сочиненіе Ѳеофана вошло потомъ въ Полное собраніе законовъ и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ первое у насъ теоретическое и закрѣпленное въ законѣ обоснованіе самодержавной абсолютной власти императоровъ всероссійскихъ.

Свой трактатъ „Правда воли монаршей" Ѳеофанъ составилъ на основаніи ученія Гуго Гроція, Гоббза, Пуфендорфа и другихъ западныхъ государствовѣдовъ, теоретиковъ неограниченной власти монарховъ. Согласно со своими источниками, и русскій авторъ, православный архіерей, отодвигаетъ въ своихъ разсужденіяхъ на второе мѣсто начала боговдохновеннаго происхожденія верховной власти и въ основу своихъ доказательствъ кладетъ

теорію договора. „И сама наслѣдная монархія, — читаемъ въ „Правдѣ воли монаршей“, — имѣетъ начало отъ перваго въ семъ или ономъ народѣ согласія, всегда и вездѣ по воли своей, премудро дѣйствующу смотрѣнію Божію; сіе же глаголемъ о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не вспоминая здѣ монархій оныхъ, которыя начало прияли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствіемъ народъ себѣ покорившаго... хотя и въ таковыхъ монархіяхъ, когда уже народъ непрекословно, безмятежно, еще же и доброхотно повиноватися самодержцу своему пріобыклъ, разумѣти подобаетъ, что домъ монаршій не къ тому насильствіемъ своимъ похищенное, но всенародною волею отданное себѣ скипетро держитъ, самъ бо народъ доброхотнымъ своимъ повиновеніемъ являетъ на тое непреклонную волю свою“. Такъ и „россіе народы“ заключили между собою договоръ, въ которомъ и выразилась „воля народная аще не словомъ, но дѣломъ изъявленная“... Такимъ образомъ Ѳеофанъ, согласно со своими европейскими образцами, производитъ государственную верховную власть изъ договора народа съ монархомъ; въ этомъ договорѣ народъ, по ученію Ѳеофана, добровольно и разъ навсегда за себя и своихъ потомковъ отрицается отъ своей первоначальной воли въ пользу монарха. По представленію Ѳеофана, народъ, избравъ себѣ единодержавца, властителя, какъ бы обращается къ нему съ такими словами: „Согласно вси хощемъ, глаголетъ народъ къ монарху первому, да ты къ общей нашей пользѣ владѣеши надъ нами вѣчно, т.-е. понеже смертенъ еси, то да по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же, единожды воли нашея совлекшеся, никогда же оной впредь, иже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде должествомъ обязуемъ“. Эта воля народная, передавшая свою власть за себя и потомство одному, монарху, и его наслѣдникамъ, есть въ то же время, по Ѳеофану, и проявленіе воли Божіей, ибо „народное согласіе всегда и вездѣ есть слѣдствіе премудро дѣйствующаго смотрѣнія Божія“... „Вѣдати подобаетъ, что народная воля, какъ въ избирательной, такъ и въ наслѣдной монархіи и въ прочихъ правительства образахъ, бываетъ не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ, понеже ясно учитъ Св. Писаніе, что нѣсть власти аще не отъ Бога. И того ради вся должества, какъ подданныхъ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ, не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божіей происходятъ“. „Всякій государь, наслѣдіемъ или избраніемъ скипетръ получившій, отъ Бога оный пріемлетъ—Богомъ бо цари царствуютъ и сильніи держатъ правду; отъ Господа дается имъ держава и сила отъ Вышняго, владѣетъ Вышній царствомъ человѣчымъ и ему же восхощетъ дастъ его“. А отсюда ясны взаимныя отношенія народа и государя. Народъ „долженъ

безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити". Это прямо слѣдуетъ изъ того, что народъ передалъ свою волю монарху: „Аще бо народъ воли общей своей совлекся и отдалъ оную монарху своему, то како не долженъ хранити его повелѣнія, законы и уставы безъ всякой отговорки".

Такимъ образомъ „уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго: истязуютъ же не токмо страхомъ гнѣва властительскаго, но и страхомъ гнѣва Божія", ибо Св. Писаніе велитъ „властямъ повиноватися не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ, и всякъ, противляяйся власти, Божію повелѣнію противится".

Обязанность безпрекословнаго повиновенія власти исключаетъ всякое сужденіе со стороны подвластныхъ о ея поступкахъ. „Не можетъ народъ судить государя своего,—говоритъ Ѳеофанъ,—инако бы имѣлъ бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ и отдалъ государю своему", „понеже бо и нарицается и есть верховная высочайшая и крайняя власть, то какъ можетъ законамъ человѣческимъ подлежати? Аще бы подлежала, не была бы верховной; судящій бо другого, не повинующійся уже есть, но властительствующій, яко же, вопреки (сказать), повинующійся кому не можетъ судити того, которому повинуется". Если таково воли Божіей проявленіе, то, слѣдовательно, „Духъ Святый, научая подданныхъ совершеннаго царямъ повиновенія, показуетъ, что власть царская весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ"... Другими словами, самодержавная власть „есть неподвижная, никоторому же суду человѣческому неподлежащая и весьма неприкосновенная; и сія-то оной сила въ славной своей титлѣ „маестетъ" или „величество" содержится". Если народъ не можетъ и судить о дѣлахъ государя своего, то тѣмъ паче не можетъ „повелѣвати что-либо монарху своему"; положеніе это Ѳеофанъ доказываетъ словами римскаго императора Валентиніана, сказанными имъ своимъ солдатамъ, когда тѣ, возмутившись, предъявили ему нѣкоторыя требованія: „Меня избрати императоромъ было въ вашей волѣ, но, когда уже избрали меня, сіе, чего желаете, не въ вашей, но въ моей волѣ есть; вамъ, яко подданнымъ, подобаетъ тихо, мирно пребывать; мнѣ же, яко императору, смотрѣть надлежитъ, что есть на потребу".

Направляемая Божіей волей, воспринявшая въ себя волю народа, не подлежащая ни суду ни осужденію подвластныхъ, верховная власть, по Ѳеофану, „едину своего установленія вину конечную имѣетъ—всенародную пользу. Можетъ монархъ законно повелѣвати народу не токмо все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, лишь бы народу не вредно и волѣ Божіей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть то, что народъ правительской воли своей совлекся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему.

и сюда подлежатъ всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ строеніе, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая и прочая"...

Такимъ образомъ „Правда воли монаршей" къ старому религіозному началу богоустановленности власти, усвоенному изъ Византіи, придавала новое раціоналистическое обоснованіе — начало договора и свободности государя въ проявленіи имъ своей власти какъ по отношенію къ народу, такъ и къ прежде существовавшему обычаю и преданію, традиціи. Это была большая новость, въ данный моментъ, впрочемъ, только закрѣплявшая въ теоріи уже установившуюся всей дѣятельностью Петра практику самодержавнаго властвованія: порывая всякую зависимость верховной власти отъ обычая и преданія, „Правда воли монаршей" провозглашала самодержавнаго государя такимъ же свободнымъ по отношенію къ традиціи политической, церковной и общественной, къ прежде бывшимъ уставамъ и законамъ, какимъ старое ученіе и старая практика властвованія дѣлали его по отношенію къ людямъ.

Самодержавіе Петра Великаго, объявившаго безпощадную войну всякимъ древнимъ обычаямъ и старинѣ, разъ они стояли препятствіемъ „благу общему" и „пользѣ народной", конечно, больше подходитъ по своему типу и проявленію къ образцамъ западно-европейскаго абсолютизма, какъ онъ создался къ XVIII вѣку, чѣмъ къ облику боговдохновенной власти московскихъ наслѣдниковъ византійскаго царствія.

Петръ идейную высоту византійскихъ идеаловъ царскаго величія и практическую силу „самодержства", выросшаго на удѣльной почвѣ государствованія, подкрѣпивъ то и другое западно-европейскими теоріями, направилъ въ новое русло, намѣченное жизнью. И вотъ при Петрѣ явнымъ образомъ измѣняются и содержаніе, и пріемы, и цѣли верховнаго властвованія въ государствѣ.

Въ Московское время государство практически почти все свое назначеніе сводило къ заботамъ о внѣшней и внутренней безопасности страны; частная жизнь подданныхъ, направляемая стариной и обычаемъ, въ общемъ предоставлялась на волю самихъ подданныхъ, и подданные, въ общемъ, руководясь обычаемъ, сами устраивали свои взаимоотношенія такъ же, какъ каждый самъ для себя, какъ могъ и умѣлъ, устраивалъ свое матеріальное благополучіе. Во всемъ этомъ люди московскаго времени руководствовались, такъ же, какъ государство въ своихъ проявленіяхъ, обычаемъ. Господство обычая дѣлало излишнимъ и всестороннее вмѣшательство государства въ частную жизнь подданныхъ и подробную разработку законодательства.

„Обычай, — говоритъ М. М. Богословскій, — былъ регуляторомъ и дѣйствій правительственной машины и поведенія частныхъ лицъ. Руководимые имъ, московскіе дипломаты разрѣшали вопросы внѣшней политики, боярская дума законодательствовала судьи управляли и судили въ приказахъ, а воеводы въ обла

стяхъ, всегда находя въ обычаѣ готовый отвѣтъ на возникавшіе передъ ними вопросы. „Такъ повелось отъ предковъ“ — и этой ссылки было достаточно, чтобы устранять всѣ сомнѣнія и колебанія; а покажется, что такъ не повелось — и тогда никакими пытками и казнями нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Такое руководящее начало было выгодно въ практическомъ отношеніи однимъ своимъ послѣдствіемъ: оно сообщало поведенію твердость и ясность. Справившись съ тѣмъ, что и какъ повелось, московскій человѣкъ зналъ, куда и какъ ему итти, и шелъ безъ колебаній“.

Все это было хорошо, пока жизнь шла въ тѣсныхъ рамкахъ московскаго уклада. Но когда, со второй половины XVII в., московское государство вступило въ сложныя общеевропейскія отношенія, стало устраиваться и въ самомъ себѣ по европейскимъ образцамъ и на европейскій манеръ, то старый московскій обычай и преданіе перестали выручать и правительство и общество. Тогда правительству, вводившему новый укладъ жизни, создававшему всѣ эти неслыханныя новшества, отъ регулярнаго сухопутнаго и морского войска и фабрики до публичныхъ театральныхъ зрѣлищъ и богословско-философскихъ школъ, пришлось законодательно опредѣлять каждый свой шагъ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ народу свои намѣренія, чтобы народъ зналъ и вѣдалъ—зачѣмъ вводятся новшества, чего хочетъ достичь новыми мѣрами и установленіями правительство. Въ этихъ своихъ объясненіяхъ верховная власть не можетъ ограничиваться, какъ прежде, только указаніемъ, чего подданные не должны дѣлать въ кругу вѣками сложившихся соотношеній, но и указываетъ, какъ они должны поступать въ тѣхъ новыхъ условіяхъ быта, въ какія она ихъ ставитъ въ цѣляхъ пользы народной и государственной.

Реформы и нововведенія Петра измѣнили въ Россіи чуть ли не все, во всякомъ случаѣ придали другой обликъ всему, что раньше такъ прочно и устойчиво покоилось на обычаѣ. Создаются новыя высшія государственныя учрежденія и новая администрація центральная и мѣстная, перестраивается судоустройство и судопроизводство, предпринимается, а частью и осуществляется созданіе новыхъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, создается новое войско и флотъ, учреждаются новыя подати, вызываются къ жизни новыя отрасли промышленности, принимаются мѣры къ развитію торговли, измѣняется общественное устройство и т. д. Все это ново, полно новшествъ, тѣмъ самымъ чуждо и непонятно. Законодателю приходится поэтому тщательно опредѣлять все въ своихъ нововведеніяхъ, просто для того, чтобы тѣмъ самымъ дать подданнымъ возможность понять его, безъ чего трудно имъ точно исполнять новыя требованія. Въ бурномъ хаосѣ петровскаго переустройства всего измѣняются невольно и самыя условія частной жизни и быта. Чтобы человѣкъ того времени, наслѣдственный крѣпостной слуга государства, не растерялся и не отбывалъ отъ службы, петровскій законъ вторгается въ самую частную жизнь,

стремится предуказать подданнымъ, какъ они должны вести себя дома, наединѣ съ самими собой и семейными, все въ тѣхъ целяхъ, чтобы получился извѣстный аккордъ частной и общественной жизни въ государствѣ.

Законъ начинаетъ регулировать не только тѣ отношенія частной жизни, въ которыхъ соприкасаются и сталкиваются различные частные интересы, когда законъ является неизбѣжнымъ и естественнымъ раздѣлителемъ и умиротворителемъ, но и вторгается въ область чисто-личныхъ ощущеній, требуя, чтобы человѣкъ даже Богу молился не иначе, какъ по-указному, какъ предписано во всемилостивѣйшемъ указѣ. Вотъ въ этомъ-то стремленіи государства дирижировать всей жизнью—частной и общественной — въ странѣ, направляя и устраивая ее по указу отъ единой монаршей воли исходящему, живѣйшимъ образомъ сказывается усвоенная Петромъ практика и теорія западно-европейскаго абсолютистскаго государства, подкрѣпленная и своей русской традиціей, происхожденіе которой кроется въ сѣдой дали удѣльныхъ временъ.

Въ Западной Европѣ начала XVIII вѣка господствовала незыблемая вѣра въ силу учрежденій. Тогда и государи и ученые теоретики государственнаго права думали, что стоитъ только создать какую-нибудь коллегію или канцелярію, снабдить ее подробно разработаннымъ регламентомъ, пустить въ дѣйствіе—и то, что было въ жизни тяжело и неудобно, магически измѣнится и станетъ приносить благіе результаты и государству и подданнымъ.

И Петръ глубоко проникся убѣжденіемъ, что хорошій „регулярный“ государственный строй и „порядочное“ общественное устройство могутъ быть созданы волею законодателя такъ же, какъ конструируется механикомъ хорошая машина. Полный этой вѣры во всеобновляющую и всеспасающую силу законовъ, указовъ и учрежденій, онъ стремится осуществлять до мелочей руководительство подданными на пути къ ихъ и всего государства благосостоянію и благоденствію. Въ результатѣ петровское законодательство и административное усмотрѣніе до мелочей, какъ въ частномъ, такъ и въ общемъ, опутываетъ своими предуказаніями и предписаніями тогдашняго человѣка, подданнаго.

По господствовавшимъ тогда экономическимъ взглядамъ, государство, чтобы быть богатымъ, должно было стремиться возможно больше всего нужнаго вырабатывать у себя дома, какъ можно больше продавать товара въ чужія страны и какъ можно меньше покупать товара чужой работы. Усвоивъ эту мысль, Петръ рьяно строитъ казенные заводы и фабрики, учреждаетъ промышленныя и торговыя компаніи, старается распространить въ народѣ промышленныя знанія и создать коммерчески образованное купечество, поощряетъ деньгами и разными льготами находку и разработку естественныхъ богатствъ со стороны частныхъ лицъ, а чиновникамъ вмѣняетъ это даже въ обязанность. Во всемъ этомъ онъ старается войти во всѣ мелочи каждаго дѣла и производства,

указывая и предписывая въ немъ все, всѣ подробности и частности; предписываетъ ткать холсты только опредѣленной ширины, подъ страхомъ каторги запрещаетъ выдѣлывать кожу для обуви съ дегтемъ и велитъ употреблять для этого ворвань, жать хлѣбъ приказываетъ не серпами, а „малыми косами съ граблями“ и для науки въ этомъ дѣлѣ переселяетъ въ отдѣльныя области Россіи курляндцевъ, причемъ начальству предписывается строго смотрѣть, чтобы мужики жали новымъ орудіемъ; на рѣкахъ предписывается уничтожить „староманерныя суда“ и разсылаются образцы новыхъ, причемъ царскими указами предписывается уничтожить окошки для выливанія воды въ бортахъ судовъ и предписывается качать воду помпами; жителямъ Петербурга запрещается для ихъ передвиженія по Невѣ и рѣкамъ пользоваться гребными судами и предписывается обзавестись парусными, причемъ до мельчайшихъ подробностей указывается, какъ содержать эти суда въ чистотѣ и порядкѣ, какъ красить, смолить, какъ беречь снасть, а для науки управленія парусами устраиваются въ опредѣленные дни „экзерциціи“. Именными указами предписывалось обывателямъ печи въ домахъ ставить на фундаментѣ, а не на полу, трубы въ печахъ дѣлать такой широты, чтобы человѣку пролѣзть, потолки съ глиной, а не бревенчатые, крыши крыть черепицею, гонтомъ или дерномъ, а не досками; у городскихъ заставъ выставляются образцы гонтовыхъ крышъ, и особые мастера обучаютъ жителей городовъ дѣлать гонтины, причемъ указъ предписываетъ, чтобы изъ одного бревна выходило отъ двадцати до тридцати гонтинъ, не больше, по уѣздамъ были разосланы высочайше утвержденные чертежи крестьянскихъ избъ, по которымъ обязывалась перестроить свои жилья вся деревенская Россія. Внѣшность обитателя высочайше апробованнаго дома тоже была строго опредѣлена указомъ — бороды предписывалось брить или платить за небритье особую пеню, у заставъ были выставлены образцы разрѣшенныхъ одеждъ и строго запрещалось старообычное платье. Увеселенія, развлеченія, игры подданныхъ также регламентировались указами. Такъ, въ 1718 г. былъ изданъ указъ, „какимъ образомъ ассамблеи отправлять“. Лѣчиться обывателю надо было тоже по указу, причемъ особенно рекомендовались олонецкіе желѣзистые источники, которыми Петръ самъ пользовался, нашелъ ихъ лучше заграничныхъ и, „милосердуя, яко отецъ“, къ своимъ подданнымъ, издалъ подробныя медицинскія правила относительно пользованія водами; не всѣ, однако, получали исцѣленіе отъ пользованія олонецкими водами; неполучившіе исцѣленія роптали, и вотъ слѣдуетъ высочайшій указъ, объясняющій отдѣльные неуспѣхи лѣченія несоблюденіемъ высочайше утвержденныхъ правилъ при пользованіи водами и осуждающій людей, которые „яко сущіе невѣжды, не разсуждая о нерегулярныхъ своихъ и глупыхъ поступкахъ“ при пользованіи водами, осмѣливались порочить Божіе дарованіе. Могилы для умершихъ велѣно было устраивать по опредѣленному образцу, живымъ предписывалось ходить въ церковь по праздникамъ и еже-

годно ходить на исповѣдь, чему священники обязывались вести особыя записи. Молящимся въ церкви именной указъ предписывалъ стоять въ храмѣ „съ безмолвіемъ и слушать со всякимъ благоговѣніемъ“ подъ угрозой штрафа „не выпуская изъ церкви по рублю съ человѣка“; самимъ пастырямъ, іереямъ и епископамъ указъ предписывалъ „во время литургіи упражняться въ богомысліи“.

Петръ былъ убѣжденъ, что иначе, какъ строгостью и наказаніемъ, нельзя побѣдить „глупость и недознаніе невѣждъ“, и каждый указъ его, каждое предписаніе неизмѣнно сопровождается угрозами кнутомъ, каторгой, штрафомъ, смертной казнью за неисполненіе или „молчаніе“. „Нашъ народъ, — говоритъ Петръ,—яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ—не все ли неволею сдѣлано, а уже за многое благодареніе слышится“. Царь-отецъ своихъ подданныхъ—разумный отецъ, и слѣдовательно знаетъ, что одно наказаніе цѣли не достигаетъ никогда, оно хорошо для строптивыхъ и невѣждъ, а добрыхъ, чтобы получить ихъ добровольное сочувствіе дѣлу, надо сначала научить и наставить, объяснить имъ сначала всю пользу предпринимаемаго дѣла и потомъ уже взыскивать за неисполненіе,—и рѣдкій указъ Петра обходится безъ болѣе или менѣе подробнаго объясненія подданнымъ пользы предпринимаемой мѣры, и это всегда, какой бы мелочи иной указъ ни касался; иногда такія разъясненія вырастаютъ у Петра въ цѣлыя поученія житейскаго, политическаго, юридическаго, даже естественнонаучнаго характера. Запрещеніе жителямъ невской столицы выпускать безъ пастуховъ со дворовъ коровъ, козъ, свиней и другихъ животныхъ поясняется — зачѣмъ это нужно: — „понеже оная скотина, ходя по улицамъ и другимъ мѣстамъ, портитъ дороги и деревья“, и затѣмъ уже слѣдуетъ въ указѣ угроза ослушникамъ жестокимъ штрафованіемъ и конфискаціей скотины; запрещеніе ѣздить на невзнузданныхъ лошадяхъ объясняется тѣмъ, что „отъ такихъ чинится не малая вреда людямъ, для того что вскорѣ невзнузданную лошадь не можно удержать“. Указъ о собираніи по всему государству „монстровъ“, т.-е. уродовъ, и всякихъ „куріозныхъ вещей“ для учрежденной въ С.-Петербургѣ кунсткамеры объясняетъ, что эти „монстры“ являются на свѣтъ Божіимъ попущеніемъ, путемъ естественнымъ, а не по дьявольскому навожденію. Въ объявленіи о предстоящемъ солнечномъ затменіи подчеркивается, что это явленіе натуры вполнѣ естественное и бояться его нечего, и т. д.

Такъ власть со временъ Петра начинаетъ говорить съ подданнымъ, разумно разсуждая, привлекая его разумъ и добрую волю къ исполненію закона, а не дѣйствуя на него только непререкаемой высотой своего авторитета, насиліемъ и страхомъ наказанія. Наряду съ этимъ сѣются въ народѣ и первые начатки разумнаго отношенія къ закону, къ его силѣ и значенію, какъ

руководящему въ общественной, государственной и частной жизни началу. „Ничто такъ ко управленію государствомъ нужно есть,— писалъ Петръ, — какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще и есть".

Самъ государь, носитель верховной власти и источникъ закона, долженъ быть его первымъ и неукоснительнымъ исполнителемъ. И Петръ старается быть строгимъ хранителемъ и исполнителемъ законовъ. Провозгласивъ цѣлью государства всеобщее благо, онъ объявляетъ себя первымъ слугой на государственной службѣ, имѣющей задачей преслѣдовать цѣли общенароднаго блага. Руководя всѣмъ и всѣми на службѣ государству, Петръ въ то же время и самъ служитъ, проходя военно-морскую службу на дѣлѣ и за дѣло получая чины и отличія, чѣмъ очень гордится и дорожитъ. Такое положеніе ставитъ его въ самую кипень дѣла и освобождаетъ отъ всякаго подчиненія церемоніямъ и обычаямъ царскаго обихода, въ которыхъ буквально задыхались прежніе цари, не могшіе передвигаться подъ тяжестью парадныхъ царскихъ одеждъ самостоятельно и безъ поддержки. Парадной одеждой Петра становится мундиръ полковника Преображенскаго полка, и этотъ темно-зеленый съ красными отворотами и лацканами кафтанъ, треуголка, шарфъ національныхъ цвѣтовъ, ботфорты и штабъ-офицерская трость, можетъ-быть, всего ярче выдѣляютъ внѣшнимъ образомъ суть того переворота въ значеніи верховной власти въ государствѣ, какой произошелъ при Петрѣ. Московскіе государи, предки Петра, сидѣли далеко и высоко въ своихъ пышныхъ теремахъ, снисходя въ міръ подвластныхъ лишь въ блескѣ и величіи придворнаго орната „подобно богамъ"; изъ своихъ теремовъ, руководясь обычаемъ, правили они страной, сами подчиняясь обычаю. Петръ вошелъ въ народную жизнь, въ самую толчею ея, нарушивъ всѣ обрядности и обычаи царскаго обихода, просто, въ простомъ рабочемъ платьѣ, съ трубкой въ зубахъ, то съ плотничьимъ топоромъ, то со шпагой, то съ перомъ въ рукахъ, какъ рядовой работникъ, и любилъ быть работникомъ прежде и больше, чѣмъ хозяиномъ, въ положеніе котораго поставила его судьба. Въ лицѣ Петра государственная власть вошла въ народную жизнь, какъ творческое начало, провозгласившее основой своей дѣятельности стремленіе къ общему благу. Государственной власти въ этомъ ея положеніи пришлось въ своихъ проявленіяхъ на смѣну послѣдованія обычаю выдвинуть „разсужденіе", на смѣну чисто-религіознаго, мистическаго взгляда на роль государя, какъ на роль пастыря, блюдущаго о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, поставить образъ государя, отца-руководителя своихъ подданныхъ не въ подвигѣ спасенія душъ, а въ дѣлѣ достиженія ихъ собственной пользы и благосостоянія здѣсь, на землѣ, и работающаго во имя и ради этой общей пользы и блага отечества, какъ всѣ, впереди всѣхъ.

Такъ впервые была теоретически обоснована и дѣйствительно

воплотилась въ жизни неограниченная власть русскаго самодержца. Унаслѣдованныя историческія основы ея были не только подкрѣплены, но въ извѣстной мѣрѣ замѣнены основаніями, почерпнутыми изъ ученія объ абсолютной власти Запада въ тѣхъ ея формахъ, въ какихъ она въ то время тамъ проявлялась и объяснялась. Слово „самодержавіе“ получило окончательно тотъ второй свой смыслъ, какой ему пытался придать еще Грозный царь, и Петръ I безспорно можетъ считаться первымъ русскимъ царемъ-самодержцемъ въ томъ смыслѣ, какъ „самодержавіе“ понимали и принимали въ Россіи до самыхъ послѣднихъ дней. Разрушивъ всей своей дѣятельностью ограниченіе царской власти обычаемъ, Петръ поставилъ новое самодержавіе въ основу всей государственной и политической жизни Россіи; съ его времени теорія и практика самодержавной власти не расходятся, и русскій самодержецъ дѣйствительно независимъ ни отъ кого, какъ вовнѣ, такъ и внутри страны.

Петръ былъ убѣжденный самодержецъ и только въ своемъ самодержавіи видѣлъ силу и средство присовокупить Россію къ „политичнымъ“ и „регулярнымъ“ народамъ европейскаго Запада. Ему рисовались высокія цѣли. Брауншвейгскій резидентъ Веберъ сохранилъ намъ одну рѣчь Петра, показывающую, какъ далеко и мощно хватала его творческая мысль при оцѣнкѣ того, что онъ сдѣлалъ. „Кому изъ васъ, братцы мои,—говорилъ Петръ сотрудникамъ, сидѣвшимъ съ нимъ на палубѣ новаго корабля,—хоть бы во снѣ снилось, что мы съ вами здѣсь, у Остзейскаго моря будемъ плотничать и въ одеждѣ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ, построимъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышлеными; что увидимъ у себя такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи! Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда, по превратности временъ, они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились-было и по всѣмъ инымъ землямъ Европы, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а поляки, равно какъ и всѣ нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Это передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что со временемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ

Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: Ora et labora (молись и трудись), и твердо надѣяться, что, можетъ-быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени".

Но эти высокія цѣли казались ему достижимыми только при условіи незыблемости его самодержавія, и о привлеченіи къ свободному сотрудничеству въ его великомъ дѣлѣ живыхъ общественныхъ силъ Петру не помышлялось. Онъ былъ увѣренъ, что сможетъ своими единоличными усиліями Россію „изъ небытія въ бытіе" привести, пользуясь при этомъ подданными только какъ орудіями, обязанными безпрекословно повиноваться его волѣ. Въ этомъ направленіи Петръ былъ послѣдователенъ до жестокости. Онъ зналъ, что его считаютъ тираномъ и деспотомъ не только за границей ,но и у себя дома въ Россіи, гдѣ про него разсказывали, что онъ не царь, а антихристъ, мучитель мірской.

Защищаясь отъ этихъ нареканій, онъ говорилъ: „Разсказываютъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англинская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни... Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣи мои и отечеству не могутъ быть довольны: узда имъ — законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство чрезъ то, когда желаю добра, озорство упрямыхъ исправляю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими, когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людскости; не жестокосердствую и не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть. Пусть злость клевещетъ: совѣсть моя чиста, Богъ мнѣ судья! Неправые толки въ свѣтѣ разноситъ вѣтеръ".

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Петръ въ продолженіе всего своего царствованія не обращался къ сотрудничеству общества и народа и ни разу не созывалъ его представителей, если не считать отдѣльныхъ комиссій по отдѣльнымъ вопросамъ чисто-совѣщательнаго характера, въ которыя чаще назначались царемъ, чѣмъ избирались народомъ, представители отдѣльныхъ общественныхъ группъ и слоевъ.

„А межъ тѣмъ, — замѣчаетъ проф. В. Н. Латкинъ, — поводовъ къ такому созванію было въ его царствованіе немало, и на первомъ мѣстѣ между ними находится вопросъ о составленіи новаго Уложенія, вопросъ, для болѣе успѣшнаго разрѣшенія кото-

раго царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ знаменитый соборъ 1648—49 гг. Петръ, однако, не пошелъ въ этомъ случаѣ по стопамъ своего отца и не рѣшился обратиться къ народному содѣйствію. Энергичный преобразователь Россіи, не терпѣвшій никакой оппозиціи своимъ планамъ и стремившійся силою своей единоличной власти пересоздать государственный и общественный строй Московской Руси по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ полицейскаго государства, очевидно, сознавалъ, какую онъ создалъ бы себѣ помѣху въ лицѣ земскаго собора, если бы рѣшился обратиться къ народу, громадное большинство котораго крайне враждебно относилось къ ломкѣ своихъ вѣковыхъ порядковъ, столь радикально предпринятой царемъ. Вотъ причина, почему въ комиссіяхъ по составленію новаго Уложенія мы не замѣчаемъ народныхъ представителей, и это дѣло поручается или членамъ одного служилаго сословія, какъ въ 1700 г., или правительственнымъ чиновникамъ, какъ въ 1714 и 1720 гг.".

Новое Уложеніе при Петрѣ создано не было, хотя создать его было однимъ изъ самыхъ задушевныхъ желаній царя. Кое-кто изъ современниковъ Петра отчетливо сознавалъ причину этой неудачи. По мнѣнію крестьянина-публициста того времени И. Т. Посошкова, къ сочиненію судебной книги надобно „избрать человѣка два или три духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей и въ Божественномъ Писаніи искусныхъ; и отъ гражданства, кіи въ судебныхъ и въ воинскихъ и въ правительныхъ дѣлахъ искусны: и высокаго чина, кіи не горды и ко всякимъ дѣламъ снисходительны; и отъ иныхъ чиновъ, кіи не высокоумны; и отъ приказныхъ людей, кіи въ дѣлахъ разумны; и отъ дворянства, кіи разумны и правдолюбивы; и отъ купечества, кіи во всякихъ дѣлахъ перебыли бы; кіи и отъ солдатъ смышлены и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые; и изъ людей боярскихъ, кіи за дѣлы ходятъ; и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кіи въ старостахъ и сотскихъ бывали и во всякихъ нуждахъ перебывали бы и въ разумѣ смысленные; я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то каково въ крестьянехъ не быть людямъ разумнымъ?"

Такимъ образомъ, по мнѣнію Посошкова, дѣло составленія новаго Уложенія слѣдуетъ вручить собору изъ представителей всѣхъ общественныхъ классовъ и группъ, какъ дѣло общее, всенародное. „Новосочиненные пункты", — по его мнѣнію, — должно „всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ", дабы никому обиды не было. „Написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ предложить его императорскому величеству да разсмотритъ его умная острота. И кіи статьи его величеству угодны, то тѣ тако и будутъ, а кіи непотребны, тыи да извергнутся, или исправить (ихъ) по пристоинству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе возпещуютъ, яко бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя

истинныя правды (говорю), дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ по своей бытности—нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна". Пусть каждый такую замѣченную имъ противность противъ правости свободно и объявитъ; свободность въ этомъ надо дать; чтобы потомъ не жаловались на сочинителей Уложенія: „Того-то ради надлежитъ ю (т.-е. уложенную книгу) вольнымъ голосомъ свидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно"... „И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно (быть), понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому же менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, но и ихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащє Богъ вѣщаетъ и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради во установленіе правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ".

Но вотъ это народное многосовѣтіе никакъ не укладывалось въ практику государствованія Петра Великаго и даже отрицалось имъ въ теоріи: онъ допускалъ только единоличное предложеніе ему, оставляя себѣ право воспользоваться совѣтомъ и наградить удачливаго совѣтника или отвергнуть совѣтъ, показавшійся неудачнымъ; судьей въ этомъ онъ хотѣлъ быть только самъ.

Цѣня и уважая человѣческое достоинство въ людяхъ вообще, Петръ рѣзко дѣлилъ людей на раздѣляющихъ образъ его мыслей и на „упрямцевъ", и насколько умѣлъ быть снисходительнымъ къ первымъ, настолько былъ упоренъ и жестокъ въ преслѣдованіи вторыхъ. Здѣсь-то и сказалось особенно, что Петръ былъ сынъ своего жестокаго вѣка, а тяжелое дѣтство, отсутствіе воспитанной привычки сдерживать свои порывы, ранняя самостоятельность, какъ царя,—все это, при страстной, увлекающейся натурѣ, и дѣлало Петра иногда безудержнымъ въ жестокости.

Это двоякое отношеніе Петра къ людямъ вызывало и къ нему двоякое отношеніе у людей. „Упрямцы" его ненавидѣли, какъ антихриста и людомора, и въ своей ненависти были готовы перейти отъ словъ и помышленій къ дѣлу. Заговоры противъ Петра и покушенія на его жизнь—не плодъ фантазіи: сынъ его желалъ ему смерти, духовникъ его, которому царевичъ повѣдалъ свою мысль, не остановилъ его, а лишенный сана за прикосновенность къ этому дѣлу архіерей ростовскій Досиѳей глухо, но увѣренно ссылаясь на то, что говорятъ о Петрѣ въ народѣ, намекалъ при самомъ обрядѣ лишенія сана, что въ народѣ ждали смерти царя.

Но зато тѣ, кому приходилось работать съ Петромъ, тѣ, кто умѣлъ понять величіе совершаемаго имъ дѣла и сознательно вносилъ крупицу своего труда въ творческую дѣятельность Петра, тѣ боготворили его и были готовы итти за нимъ въ огонь и воду, защищали его и оправдывали во всѣхъ обвиненіяхъ въ жестокости. „Ахъ, если бы многіе знали то, что извѣстно намъ, — говоритъ царскій токарь Нартовъ, — дивились бы снисхожденію его. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха". „Эта архива уже разбирается, — говоритъ В. О. Ключевскій,—и все яснѣе обнаруживается, по какой раскаленной почвѣ шелъ Петръ, ведя реформу съ своими сотрудниками. Все вокругъ него роптало на него, и этотъ ропотъ, начинаясь во дворцѣ, въ семьѣ царя, широко расходился оттуда по всей Руси, по всѣмъ классамъ общества, проникая въ глубь народной массы".

Тѣ изъ сочувствовавшихъ, кто пережили Петра, вспоминали о немъ со слезами горести, полные обаянія передъ величіемъ личности Петра. При вѣсти о его смерти падали въ обморокъ люди далеко не слабонервные, суровые, въ родѣ его константинопольскаго резидента Неплюева. „Ей-ей не лгу,—пишетъ Неплюевъ,— былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе мнѣ и грѣшно было бы: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди".

Къ Петру люди вообще подходили легко и, видя его, „всегда въ работѣ пребывающаго", не могли не склоняться передъ нимъ съ любовью и восхищеніемъ.

— Вотъ это царь, такъ царь, даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ!—наивно закончилъ свое повѣствованіе о царѣ-работникѣ одинъ олонецкій крестьянинъ, передававшій разсказы своего дѣда, который видалъ царя за работой на желѣзномъ заводѣ, съ молотомъ въ рукахъ.

И современный историкъ, В. О. Ключевскій, оцѣнивая личность и дѣло Петра, его стремленія и поступки, говоритъ: „Вѣра въ чудодѣйственную силу образованія, которой проникнутъ былъ Петръ, его благоговѣйный культъ науки насильственно зажегъ въ рабьихъ умахъ искру просвѣщенія, постепенно разгоравшуюся въ осмысленное стремленіе къ правдѣ, т.-е. къ свободѣ. Самовластье само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ напроломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва".

Этотъ многотрудный петровскій посѣвъ въ своемъ тугомъ ростѣ таилъ новую Россію.

Со временъ Петра идеаломъ государственнаго строя и общественнаго уклада становится трудъ народа съ царемъ во главѣ ради пользы общей, опредѣляемой путемъ разума и разсужденія,— и это кладетъ рѣзкую грань между царствомъ московскимъ и имперіей всероссійской въ ихъ проявленіяхъ. Разумъ и разсужденіе, введенныя въ основу отношеній власти и подданныхъ, осуждали на гибель крѣпостной строй жизни государства московскихъ временъ. Этотъ крѣпостной строй, ставившій каждаго подданнаго въ безотвѣтственное распоряженіе государства, исключалъ всякую разумность въ основѣ отношеній подданныхъ и государственной власти, потому что разумность взаимоотношеній требуетъ прежде всего свободы и независимости сторонъ. Самъ по себѣ крѣпостной строй государства при Петрѣ нарушенъ не былъ, даже былъ взвинченъ до крайней напряженности, но на этомъ далъ трещину и, доведенный во многомъ до крайностей своего выраженія въ жизни, долженъ былъ смѣниться порядкомъ, строящимся на иныхъ взаимоотношеніяхъ власти и общества. Еще при Петрѣ въ практику государственнаго управленія входятъ начала, мало гармонирующія съ крѣпостнымъ порядкомъ: вводится, напримѣръ, начало коллегіальности, покончившее до извѣстной степени съ московскимъ единоличнымъ самоуправствомъ и безотвѣтственностью властей; провозгласивъ, что „вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“, Петръ допускаетъ въ мѣстномъ управленіи рядомъ съ началами коллегіальнаго устройства администраціи и начала нѣкотораго общественнаго контроля, вручивъ его дворянству въ уѣздахъ, торгово-промышленному сословію въ городахъ. Въ указахъ настоятельно подчеркивается, что подданные повинуются закону, что законъ стоитъ надъ начальствомъ, и что передъ закономъ всѣ равны. Тѣмъ самымъ подданный, прежній „нижайшій рабъ“ и „холопъ“, незамѣтно превращался въ подданнаго-гражданина. Правда, все это прививалось на дѣлѣ туго, замирало, подчасъ самимъ правительствомъ подавлялось, но какъ идея оставалось жить и, соединившись со стариннымъ, еще отъ московскихъ временъ унаслѣдованнымъ обычаемъ и навыкомъ горожанъ и уѣздныхъ людей вершить свои мѣстныя дѣла „сопча“, не умирало и существованіемъ своимъ явно противорѣчило самой сути крѣпостного уклада государства и общества. А тотъ внѣшній успѣхъ, котораго достигъ Петръ, побѣдоносно закончивъ Сѣверную войну, пробившись къ морю, ставъ сильнѣе Польши и занявъ угрожающее положеніе по отношенію къ Турціи, создался исключительно на почвѣ безудержной, безпорядочной въ проявленіи, но глубокоцѣлесообразной и планомѣрной по существу реформаторской дѣятельности Петра; неустанная энергія самого Петра цѣною тяжкаго напряженія народнаго труда частью покончила, частью положила начало рѣшительному концу той внѣшней необезпеченности Московскаго государства, которая служила оправданіемъ крѣпостного уклада жизни въ странѣ. Такимъ образомъ—и пріемы и

результатъ петровской дѣятельности какъ бы предуказывали въ будущемъ Россіи обновленіе основъ ея государственной и общественной жизни.

Открывъ доступъ въ свои предѣлы западному уму, опыту, образованности, отбившись при помощи созданнаго Москвой военно-крѣпостного распорядка жизни, закрѣпощавшаго на подневольную службу государству все населеніе страны, отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ и заставивъ многихъ изъ нихъ войти въ свои предѣлы, имперія всероссійская освободилась отъ всякихъ опасеній потерять свою внѣшнюю независимость. Тѣмъ самымъ идейной задачей имперіи становилась постепенно не война, какъ въ московское время, а мирное устройство своей жизни. Положивъ въ основу разрѣшенія этой задачи разумъ и разсужденіе, имперія должна была пойти на раскрѣпощеніе общества отъ подневольной службы государству. По многимъ причинамъ это былъ тернистый и медленный путь, съ большими остановками и даже возвращеніями назадъ, но движеніе впередъ, которымъ только бываютъ сильны и могучи націи, шло этимъ путемъ; этотъ путь опредѣлился къ концѣ XVII и началѣ XVIII в. и именно дѣятельностью Петра и въ его время. Исторія послѣдующаго времени носитъ уже иной характеръ: наряду съ государственной властью замѣтнымъ дѣятелемъ въ ней становится раскрѣпощающееся общество, провозглашающее тотъ же принципъ всенародной пользы, какъ основу государственной жизни, но требующее права имѣть свой голосъ въ сужденіи о томъ, что именно всенародную пользу составляетъ.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XV—XVIII; *Н. И. Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. II; *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, т. IV; *Его же*, Очерки и рѣчи; *И. И. Дитятинъ*, Статьи по исторіи русскаго права; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права; *В. Н. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи; *Его же*, Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.; *И. Т. Посошковъ*, Книги о скудости и богатствѣ; *Θеофанъ Прокоповичъ*, „Правда воли монаршей“; *Нартовъ*, Разсказы о Петрѣ Великомъ; *И. И. Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, т. XV; *М. М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *Н. И. Карѣевъ*, Западно-европейская абсолютная монархія XVI—XVIII вѣковъ; *Gottfried Koch*, Beiträge zur Geschichte der politischen Ideen. Absolutismus u. Parlamentarismus; и нѣкоторыя другія книги и статьи.

Транспарантъ фейерверка 1704 г. Съ гравюры того времени.

Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ.

Въ первое время царствованія Петра во главѣ управленія государствомъ стояло учрежденіе со старымъ названіемъ—боярская дума. Но эта петровская боярская дума была мало похожа на тотъ пышный синклитъ родовитыхъ совѣтниковъ-думцевъ, которые окружали тронъ московскихъ царей. Къ концу XVII вѣка „многіе знатные роды безъ остатку миновалися“, а среди замѣнившихъ ихъ, на смѣну гордому правилу прежнихъ временъ, что царь жалуетъ за службу землею и деньгами, а не честью, выступаетъ новое, гласящее, что воленъ государь въ чинахъ и службахъ своихъ холопей, что „въ милости великаго государя дарованы бываютъ чины не по родамъ“. Отмѣна мѣстничества подрѣзала подъ корень послѣдніе остатки аристократизма въ московскомъ правительствѣ, а наступившія со смертью царя Ѳедора Алексѣевича смуты, конечно, не могли способствовать возврату къ прежнимъ временамъ.

Такъ ходъ исторической жизни преобразовалъ и прежнее боярство и верховное правительственное, судебное и законодательное учрежденіе Московскаго государства—боярскую думу, со-

вѣтъ „всѣхъ бояръ". „Древняя дума,—говоритъ проф. С. Ф. Платоновъ,—была житейски неизбѣжнымъ, обязательнымъ для князя-государя совѣтомъ, въ которомъ каждый членъ, „вольный слуга" князя, считалъ за собой „право совѣта" и „право отъѣзда". Дума второй половины XVII вѣка состоитъ изъ чиновниковъ, которые не помнятъ правъ, а знаютъ только служебныя обязанности, работаютъ въ приказахъ и въ думныхъ комиссіяхъ, а въ общія думныя совѣщанія ходятъ лишь по особому зову, „развѣ царь укажетъ". Изъ политически-цѣльнаго, иногда оппозиціоннаго класса боярство превратилось въ бюрократическую среду случайнаго состава. Изъ совѣта, опредѣлявшаго когда-то политику князя, дума превратилась въ простое орудіе управленія"... Изъ учреждепія законодательнаго, вырабатывавшаго законы подъ руководствомъ или по порученію государя какъ при немъ, такъ и безъ него, дума превращается въ учрежденіе административное, отвѣтственно обязанное исполнять волю государя-законодателя, выражающуюся въ его указахъ и повелѣніяхъ.

Во второй половинѣ XVII-го вѣка боярская дума въ полномъ составѣ бояръ собирается изрѣдка, только въ случаяхъ исключительно важныхъ и торжественныхъ. Думцы-бояре утратили незамѣтно значеніе постоянныхъ и обязательныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ государя. Назначаемые въ думу государемъ за заслуги, эти думцы во многомъ только титулярно носятъ свое высокое званіе. Теперь эти бояре отбываютъ должности высшихъ чиновниковъ-администраторовъ, сидятъ „за служилыми и приказными дѣлами", вершатъ „челобитчиковы дѣла", обсужденіе же „государственныхъ дѣлъ" сосредоточилось въ особомъ тайномъ совѣтѣ, который современники называютъ „палатой", или „комнатой". „Какъ царю случится о чемъ мыслити тайно, - разсказываетъ Котошихинъ,—и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре и окольничіе и думные люди въ тое палату, въ думу и ни для какихъ ни буди дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ". И въ прежнее время при государяхъ обыкновенно возникалъ совѣтъ избранныхъ совѣтниковъ изъ думцевъ и не думныхъ близкихъ государю лицъ, но это былъ именно только частный совѣтъ при государѣ, не имѣвшій характера постояннаго учрежденія. Со временъ царя Алексѣя такая „палата" ближнихъ людей становится учрежденіемъ постояннымъ, состоящимъ изъ опредѣленнаго количества лицъ—въ 1659 г. ихъ было пять—дѣйствующимъ особо отъ „всѣхъ бояръ", причемъ приговоры этого избраннаго высшаго тайнаго совѣта, ближней думы, именуемой теперь „комнатой", формально становятся приговорами „всей думы", издаются какъ „государевъ указъ и боярскій приговоръ" и имѣютъ силу закона „крѣпкаго и постояннаго". А за спиной этой „ближней думы", „комнаты", или „палаты", у царя Алексѣя,—какъ указываетъ проф. С. Ф. Платоновъ,—по старому московскому обычаю, оказывалась еще и интимная „тайная" дума двухъ-трехъ довѣренныхъ его

любимцевъ, даже и не думныхъ по чину людей, съ которыми царь обсуждалъ все, что его интересовало. „Своеобразнымъ органомъ этой тайной думы былъ знаменитый „Тайный приказъ“ царя Алексѣя, передававшій изъ общаго порядка управленія въ личное распоряженіе государя всякое дѣло, какое государю угодно было взять на свое личное попеченіе. Итакъ, совокупность „всѣхъ бояръ“, повидимому, переставала быть и считаться ежедневно-постояннымъ совѣтомъ государя. Роль такого совѣта переходила къ однимъ „комнатнымъ“ боярамъ, дума которыхъ при царѣ Алексѣѣ замѣнила „ближнюю думу“ прежняго времени“...

Ежедневная работа „всѣхъ бояръ“ идетъ теперь враздробь, разбитой на отдѣльныя комиссіи, „палаты“ или „приказы“, дѣйствующія непостоянно, кромѣ „Расправной“, или „Золотой палаты“, вершившей всѣ „спорныя дѣла“, какъ высшій апелляціонный и кассаціонный судъ. На время отсутствія государя Расправная палата „вѣдала Москву“, превращаясь во временное правительство по дѣламъ текущаго управленія. Вмѣстѣ съ „Комнатною“ думой „Расправная палата“, повидимому, и упразднили всякую надобность въ постоянной совмѣстной работѣ „всѣхъ бояръ“ и превратили общее собраніе думы въ сравнительно рѣдкую форму правительственныхъ совѣщаній, созывавшихся лишь въ случаяхъ особо важныхъ и торжественныхъ и, пожалуй, чаще только болѣе торжественныхъ, чѣмъ важныхъ.

Отъ своихъ предшественниковъ Петръ Великій унаслѣдовалъ, такимъ образомъ, кругъ высшихъ сотрудниковъ, довольно разночинныхъ по происхожденію, дисциплинированныхъ, привыкшихъ къ тому, чтобы строить свое благополучіе на милости великаго государя, которому они только слуги; а сама боярская дума, какъ учрежденіе, переставала существовать. Дальнѣйшія обстоятельства исторической жизни Россіи только доводили до конца начавшійся задолго до Петра процессъ гибели боярства и думы. „Марсовы потѣхи“ Петра скоро смѣнились „настоящимъ дѣломъ“, тѣмъ петровскимъ „дѣломъ“, которое сверкало и горѣло неустанной энергіей, не дававшей возможности исполнять все въ томъ чинномъ, неторопливомъ порядкѣ, къ которому привыкла боярская дума прежнихъ временъ. Да и люди стали нужны царю Петру не тѣ, что служили его брату, отцу и дѣду. И вотъ, въ вихрѣ петровскихъ дѣлъ мѣняются и дѣятельность думы и составъ ея. Дѣлается это, конечно, не сразу. Дума иногда собирается по-старому въ присутствіи царя и слушаетъ приказные доклады, давая на нихъ свои заключенія. Такъ бывало въ 1699 и 1700 гг. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе становится, что у царя Петра не можетъ установиться къ боярской думѣ тѣхъ отношеній, какія имѣли къ ней его предки.

Предшественники Петра обыкновенно всю жизнь безвыходно проводили въ Москвѣ, и случаи, когда царь для военнаго или богомольнаго похода покидалъ столицу, были исключеніемъ изъ общаго распорядка жизни, у Петра же это исключеніе стало почти-

что правиломъ: его постоянно нѣтъ въ Москвѣ, онъ всегда въ отъѣздѣ и въ дорогѣ, служитъ въ войскѣ и во флотѣ, и тамъ окруженъ людьми новыми, иностранцами или худородными любимцами-сотрудниками, которые подъ его рукой занимаютъ большія и отвѣтственныя должности и такимъ образомъ становятся между царемъ и думой, ближе къ царю, чѣмъ къ думѣ. Думцы первыхъ фамилій остаются поэтому, по замѣчанію современника, князя Б. Куракина, „безъ всякаго повопра (pouvoir) въ консиліи или палатѣ, токмо спектакулями (т.-е. зрителями)“.

Да и пустѣетъ дума, особенно послѣ того, какъ началась Сѣверная война; тогда отъ думцевъ требовалась по-старому напряженная дѣятельность на мѣстахъ; все больше думцевъ уѣзжало изъ столицы, чтобы командовать полками, собирать рекрутъ, управлять областями, смотрѣть за постройкой кораблей. Появленіе второй столицы съ ея новыми учрежденіями, замѣняющими прежнія средоточія управленія — приказы, создаетъ свое нарушеніе состава и формы дѣятельности думы. Эта старая боярская дума не приспособлена ни къ новому языку правительственныхъ актовъ, ни къ ихъ новымъ формамъ, ни къ новымъ учрежденіямъ съ ихъ странными для стариннаго русскаго уха названіями—ратуша, бурмистерская палата, генералъ-пленипотенціалъ и кригсъ-комиссаръ, фельдцейхмейстеръ и т. п. Боярская дума, какъ ее привыкла представлять себѣ и понимать до-петровская Русь, стушевывается среди этихъ новостей. Съ 1696 г. становятся рѣдки приговоры боярской думы, прежде всѣмъ руководившей въ дѣлѣ государственнаго управленія и разрѣшавшей всѣ недоумѣнія приказовъ. Мѣсто боярскихъ приговоровъ замѣняютъ теперь именные указы и высочайшія повелѣнія.

Уѣзжая въ 1697 г. за границу, Петръ поручилъ управленіе государствомъ Л. К. Нарышкину, кн. Борису Голицыну и кн. П. И. Прозоровскому, давъ имъ „полное управленіе дѣлами“. Москва была приказана ближнему стольнику кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому, а всѣмъ боярамъ и судьямъ, т.-е. начальникамъ приказовъ, велѣно было, по словамъ современника, „прилежать до него Ромодановскаго, и къ нему съѣзжаться всѣмъ и совѣтовать, когда онъ похочетъ“. Во главѣ боярской думы сталъ, слѣдовательно, стольникъ! Только въ очень важныхъ случаяхъ сановники, которымъ было поручено управленіе, должны были совѣтоваться со старыми боярами. И когда въ отсутствіе царя вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, то бояре, „сколько ихъ прилучилось“, собрались во дворецъ и въ своей думѣ опредѣлили послать противъ мятежныхъ стрѣльцовъ генераловъ Шеина и Гордона.

Въ это трудное время „всѣ бояре“ по нѣскольку разъ въ день собирались на совѣщанія. Въ 1699 г. „на совѣщаніе относительно войны и мира со свейскимъ величествомъ“ Петръ самъ созвалъ въ Преображенское тоже „всѣхъ бояръ“. Такъ же бывало и потомъ. Капитанъ Перри, умный и наблюдательный человѣкъ, присматриваясь къ верховному управленію Московскимъ государствомъ вре-

менъ Петра, вынесъ то впечатлѣніе, что царь, занимаясь болѣе всего дѣлами военными и постройкой кораблей, предоставлялъ вести всѣ дѣла по управленію страной своимъ боярамъ.

Но этотъ боярскій совѣтъ такъ же мало походилъ на старую боярскую думу, какъ составлявшіе его бояре походили на старинныхъ бояръ. Эта боярская дума такъ не похожа на прежнюю, даже на думу послѣднихъ годовъ царя Алексѣя, что кажется иностранцамъ новымъ учрежденіемъ. Въ 1710 г. этотъ совѣтъ состоялъ всего изъ 8 членовъ. Всѣ они управляли отдѣльными приказами, а бояръ-думцевъ, ничѣмъ не управлявшихъ, не было—одни дѣйствовали въ провинціи, другіе просто не были созываемы въ думу. И дума такимъ образомъ сама собою превратилась въ довольно тѣсный совѣтъ министровъ: министрами и называются члены этого тѣснаго совѣта въ письмахъ Петра, въ бумагахъ и актахъ того времени.

„Ускоренная гонка, какъ можно назвать дѣятельность правительства въ тѣ годы, — говоритъ В. О. Ключевскій, — то и дѣло уносила Петра и его совѣтниковъ изъ столицы“. Въ дорогѣ, занятому дѣлами по флоту и войнѣ, Петру некогда было смотрѣть за всѣми дѣлами, и потому, когда управители приказовъ обращались за чѣмъ-либо къ нему, онъ настоятельно писалъ Ромодановскому, чтобы о „такихъ дѣлахъ“ онъ съ товарищами судилъ самъ, „а здѣсь истинно и безъ того дѣла много“. „Мнѣ изъ Польши, — писалъ Петръ, — ничего дѣлать невозможно, токмо къ вамъ же посылать, и изъ того, кромѣ медленія, ничего не будетъ“. Не имѣя возможности издали слѣдить, какъ бояре разрабатывали и приводили въ исполненіе его порученія и какъ они вершили текущія дѣла изъ приказовъ, Петръ предписалъ думѣ завести особую книгу для записи указовъ и приговоровъ, чтобы контролировать и провѣрять по этимъ записямъ дѣйствія думцевъ. Въ письмѣ къ Ромодановскому Петръ велѣлъ ему объявить „всѣмъ министрамъ, которые на консилію съѣзжаются, чтобы они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ“.

Такимъ образомъ при Петрѣ дума изъ прежней соучастницы верховной власти, изъ учрежденія, составлявшаго неразрывную часть единаго цѣлаго съ государемъ, самыми тѣснѣйшими узами связаннаго съ нимъ, рѣшительно превратилась хотя и въ высшее, но все же подчиненное и только исполнительное учрежденіе.

22 февраля 1711 г. Петръ, покидая по случаю войны съ Турціей предѣлы Россіи, издалъ указъ, который гласилъ: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ правительствующій сенатъ для управленія“. Указомъ 2-го марта объявлялось во всеобщее свѣдѣніе: „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ

нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ определили управительный сенатъ, которому всякъ и его указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по винѣ смотря". Учрежденный только „для отлучекъ"

Собственноручный указъ Петра Великаго отъ 22 февраля 1711 г. объ учрежденіи правительствующаго сената.

государя сенатъ остался постоянно дѣйствующимъ и въ присутствіи государя, какъ высшее правительственное учрежденіе государства.

Тогда же, 2-го марта 1711 г., царь опредѣлилъ кругъ вѣдомства и ближайшіе предметы вѣдѣнія сената. Распоряженія эти гласили: „указъ, что по отбытіи нашемъ дѣлать—1) судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всякаго имѣнія, тожъ и ябедникамъ послѣдуетъ; 2) смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и не нужные, а особливо напрасные, отставить; 3) денегъ какъ можно собирать, понеже деньги суть артеріею войны; 4) дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать, такожъ 1000 людей боярскихъ грамотныхъ для того жъ; 5) векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ; 6) товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ осмотрѣть и освидѣтельствовать; 7) о соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной; 8) торгъ китайскій, сдѣлавъ компанію добрую, отдать (ей на откупъ); 9) персидскій торгъ умножить, и армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзду; 10) учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ, пришлется извѣстіе“.

Затѣмъ предписывалось: „1) разсмотрѣть, и ежели не будетъ какого препятія, то позволить всякому чину торговать, точію съ такою же пошлиною; а вмѣсто десятой деньги, по пропорціи, съ торговъ класть; 2) съ 1701 года до нынѣ выписать, сколько какихъ вымороченныхъ деревень розданы и кому; 3) кто скрывается отъ службы, объявить въ народѣ; кто такого сыщетъ или возвѣститъ—тому отдать всѣ деревни того, кто ухоронивался“.

Уже эти первоначальные пункты обрисовываютъ вполнѣ высокое значеніе новаго учрежденія въ системѣ управленія государствомъ. Сенатъ въ этихъ пунктахъ является — „центральнымъ судебно-военно-финансовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ верховный надзоръ за ходомъ государственнаго управленія въ указанныхъ областяхъ“. Послѣдующіе указы царя только расширяли и детальнѣе разъясняли и самому сенату и всему русскому обществу руководящее значеніе новаго государственнаго учрежденія.

Согласно со своимъ происхожденіемъ и назначеніемъ, сенатъ получилъ обширныя полномочія. Въ отсутствіе государя онъ замѣнялъ его, и всѣ должны были безпрекословно повиноваться повелѣніямъ сената, какъ повелѣніямъ самого государя; до возвращенія царя никто не имѣлъ права жаловаться даже на явно незаконныя дѣйствія сената. Сенатъ такимъ образомъ сдѣлался центромъ всего управленія государствомъ, высшимъ руководителемъ управленія и суда, высшимъ контролемъ казны; сенатъ смотрѣлъ за государственными доходами и расходами, заботился объ умноженіи первыхъ и сокращеніи вторыхъ, наблюдалъ за исправностью отбыванія дворянами воинской повинности, имѣлъ общій надзоръ за ходомъ и развитіемъ народнаго хозяйства, промышленности, торговли, просвѣщенія. „Едино сказать,—читаемъ въ одномъ указѣ Петра

сенату 1718 года, — всегда сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать".

До учрежденія коллегій въ 1718 г. сенатъ былъ властью, и направляющей общій ходъ государственной жизни подъ наблюденіемъ самого государя, и управляющей всѣми отраслями текущаго дѣла управленія и суда. Учрежденіе коллегій и опредѣленіе по указу 12 декабря 1718 г. круга дѣятельности каждой коллегіи освободило сенатъ отъ множества дѣлъ по текущему управленію, но, конечно, не лишило сенатъ ни первенствующаго значенія въ управленіи государствомъ, ни его компетенціи. Коллегіи находились въ извѣстномъ подчиненіи сенату, а на сенатъ по изданнымъ въ томъ же 1718 году пунктамъ о „Должности сената" возлагалось: во-первыхъ, вершеніе всѣхъ дѣлъ, о которыхъ рѣшенія невозможно учинить одной коллегіи; во-вторыхъ, разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, „которыя не принадлежатъ къ коллегіямъ", т.-е. дѣлъ чрезвычайныхъ; въ-третьихъ, — разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ по челобитнымъ, удостоившимся высочайшей подписи, „дабы розыскать между челобитчикомъ и юстицъ-коллегіумомъ"; въ-четвертыхъ, баллотированіе „въ чины высшіе"; въ - пятыхъ, „сказыванье" этихъ чиновъ и посылка объ этомъ „во все государство", а также немедленное исполненіе по именнымъ указамъ о назначеніи на должности: „глава же всему", т.-е. самое главное, — читаемъ въ пунктахъ о должности сената, — „дабы (сенаторы) должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали, ибо какъ можетъ государство управляемо быть, егда указы дѣйствительны не будутъ"; сенатъ, такимъ образомъ, является хранителемъ законовъ и стражемъ законности въ странѣ.

Въ 1720 году, 28-го февраля, былъ изданъ „генеральный регламентъ или уставъ" коллегіямъ, въ которомъ рѣшительно устанавливалось, что всѣ государственныя коллегіи „токмо подъ его царскимъ величествомъ особливымъ, такожъ и правительствующаго сената указами обрѣтаются" и, какъ сказано въ другомъ указѣ, „никого до вышняго управителя, кромѣ его величества и правительствующаго сената не признаваютъ".

Храненіе законности сенатомъ выражалось въ томъ, что сенату указомъ 17-го апрѣля 1722 г. предоставлялось въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ или регламентахъ „покажется что темно, или такое дѣло, что на оное рѣшенія не положено", созвать всѣ коллегіи, обдумать вмѣстѣ съ ними данный вопросъ и представить по дѣлу общее мнѣніе государю, которое и получитъ силу закона по утвержденіи государемъ; при этомъ указъ еще добавляетъ: „буде когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ, чинить (рѣшеніе), но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ". Сенату, такимъ образомъ, при отсутствіи государя предоставлялось право чинить рѣшенія по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства и

о которыхъ нельзя было рѣшить на основаніи существовавшихъ узаконеній, но эти рѣшенія имѣли характеръ частныхъ постановленій по каждому отдѣльному дѣлу, а не получали значенія общаго закона, пока не были утверждены государемъ.

Такимъ образомъ, сенатъ, когда окончательно опредѣлились формы и размѣры его компетенціи и значенія, власти законодательной не получилъ, а имѣлъ только власть исполнительную и распорядительную, „причемъ размѣры этой власти были шире въ отсутствіе государя, чѣмъ во время пребыванія государя въ столицахъ".

„Зала совѣта" въ Екатерингофскомъ дворцѣ.

Но высокое, первенствующее въ правительствѣ и направляющее всю правительственную дѣятельность значеніе сената, конечно, дѣлало его замѣтнымъ и необходимымъ во многихъ случаяхъ участникомъ, какъ въ созданіи отдѣльныхъ законопроектовъ, такъ и въ обсужденіи законовъ до ихъ обнародованія. Въ этомъ только смыслѣ и можно говорить объ участіи сената петровскихъ временъ въ законодательной работѣ, но не о законодательной власти сената.

Такой власти у него не было и быть не могло по чисто-бюрократической организаціи самого учрежденія и по тѣмъ „управительнымъ" задачамъ, которыя были возложены на сенатъ, какъ главное его дѣло. Сенаторы назначались государемъ, дѣйствовали во всемъ по его предуказаніямъ и подъ его личнымъ наблюденіемъ „яко самодержавнаго монарха, который никому во всемъ свѣтѣ отвѣту дать не долженъ". Даже въ чисто-правительственной своей дѣятельности сенатъ былъ самостоятеленъ лишь постольку, поскольку то допускала власть государя. Сенатъ былъ довѣреннымъ помощникомъ государя, вѣрнымъ исполнителемъ его предначертаній, удобнымъ для государя орудіемъ и средствомъ въ дѣлѣ управленія, суда и законодательства.

При основаніи своемъ сенатъ состоялъ изъ девяти членовъ-сенаторовъ, назначенныхъ государемъ. Первыми сенаторами по указу 28 февраля 1711 г. были графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, Т. Н. Стрѣшневъ, кн. П. А. Голицынъ, кн. М. В. Долгорукій, который не умѣлъ писать и за него подписывался обыкновенно сенаторъ Г. Племянниковъ, кн. Г. И. Волконскій, М. М. Самаринъ, В. А. Апухтинъ и Мельницкій. Съ 1712 г. сенаторомъ былъ кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій. Когда Петръ замѣнилъ прежніе приказы коллегіями, вѣдавшими различныя отрасли государственныхъ дѣлъ, то всѣ президенты этихъ коллегій должны были тоже присутствовать въ сенатѣ, но потомъ, въ 1722 году, это было отмѣнено — „сіе сначала несмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ", объявилъ объ этой отмѣнѣ Петръ въ особомъ указѣ.

Неосмотрительность заключалась въ томъ, что, во-первыхъ, президентамъ коллегій, при многочисленности скоплявшихся въ ихъ рукахъ дѣлъ, не оставалось времени для засѣданій въ сенатѣ, а во-вторыхъ, члены сената, трудясь о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ, должны были смотрѣть надъ коллегіями, „яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?" „Такъ какъ президенты-сенаторы—вельможи,—разсказываетъ современникъ,—то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда и рождается много интригъ и несправедливостей; то всѣ они соглашаются между собой, и ужъ, конечно, одна ворона не выклюетъ глазъ другой, потому многіе порядочные люди не мало страдаютъ". Послѣ 1722 г. въ сенатѣ остались президенты только трехъ главныхъ коллегій—военной, иностранныхъ дѣлъ и морской—кн. А. Д. Меншиковъ, гр. Г. И. Головкинъ, гр. Ѳ. М. Апраксинъ; засѣдалъ въ сенатѣ и президентъ бергъ-коллегіи Я. В. Брюсъ—его некѣмъ было замѣнить въ коллегіи, и потому Петръ положилъ такую резолюцію: „Надлежало бы и въ бергъ-коллегію выбрать другого президента, но заобычнаго не знаю, того ради, пока такой сыщется, быть по-старому". Остальные сенаторы назначались государемъ по именному указу; каждый вновь назначенный сенаторъ приносилъ присягу, сочиненную самимъ царемъ.

При сенатѣ была особая канцелярія, во главѣ которой находился оберъ-секретарь. Канцелярія дѣлилась на нѣсколько столовъ и состояла изъ подьячихъ, которые съ 1718 г. стали называться канцелярскими служителями. Кромѣ канцеляріи, сенатъ имѣлъ еще особую контору въ Москвѣ.

При сенатѣ было учреждено нѣсколько должностей, посредствомъ которыхъ сенатъ наблюдалъ за ходомъ управленія и суда въ государствѣ. Это были генералъ-фискалъ и генералъ-прокуроръ, каждый со своими подчиненными. Генералъ-фискалъ назначался государемъ, а его помощникъ—оберъ-фискалъ—сенатомъ. Имъ были подчинены фискалы при коллегіяхъ, провинціалъ-фискалы въ губерніяхъ и городовые фискалы въ городахъ. Фискалы должны были „тайно провѣдывать, доносить и обличать“ всѣ злоупотребленія, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновниковъ, преслѣдовать казнокрадство, взяточничество и хищенія чиновниковъ, вообще безгласныя преступленія явно-противогосударственнаго и противообщественнаго характера; фискалы должны были также надзирать за исполненіемъ законовъ. Фискалы принимали доносы отъ частныхъ лицъ, имѣли право являться во всѣ присутственныя мѣста и требовать на просмотръ всѣ дѣла и документы; при отобраніи въ казну частныхъ имуществъ они присутствовали непремѣнно. Все, что они провѣдывали и разузнавали, фискалы доносили въ сенатъ. Въ случаѣ правильности доноса половина штрафа шла въ пользу фискала, въ случаѣ же неправильности указъ предписывалъ „въ вину ему того не ставить“.

Можно вообразить, какое широкое поле для злоупотребленій создавало это учрежденіе фискальства. Въ обществѣ на этой почвѣ скоро создалось большое недовольство противъ фискаловъ; даже мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, осудилъ это учрежденіе въ горячей проповѣди.

„Законъ Господень непороченъ,—говорилъ, между прочимъ, Стефанъ,—а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ, напримѣръ, поставить надзирателя надъ судомъ и дать ему волю, кого хочетъ обличить, да обличитъ: поклепъ (ложное обвиненіе) сложитъ на ближняго—вольно то ему. Не такъ подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ (т.-е. не доказалъ), пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ оную; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ оный, сынъ погибельный“...

Въ отвѣтъ на всеобщее недовольство царь Петръ издалъ въ 1714 г. указъ объ отвѣтственности фискаловъ за ложные доносы. „Буде фискалъ,—гласилъ указъ,—ради страсти или злобы затѣетъ (т.-е. злоумыслитъ), и предъ судомъ отъ того, на кого то возвелъ, обличенъ будетъ, то оному (т.-е. фискалу), яко преступнику, то же учинить, что довелось было учинить тому, если бъ по его доносу подлинно виноватъ былъ“. Хотя и тутъ въ указѣ

оговаривалось, что если неправильность доноса зависѣла отъ ошибки, то фискалъ освобождается отъ отвѣтственности, „ибо невозможно во всемъ фискалу вѣдать аккуратно“. И только при частомъ повтореніи ложныхъ и невѣрныхъ доносовъ, „не для корысти или злобы“, фискалъ подвергался „легкому штрафу“, „дабы впредь лучше осмотрясь доносилъ“.

Такимъ образомъ сколько-нибудь замѣтной и крѣпкой границы злоупотребленіямъ со стороны фискаловъ законъ не положилъ, и люди порочные и грубые, попадая на фискальскія мѣста, натворили много зла.

Петръ жестоко каралъ фискаловъ за злоупотребленія, но это мало помогало. Въ 1724 г. былъ казненъ жестокой казнью—колесованъ—оберъ-фискалъ А. Нестеровъ за то, что: 1) „будучи оберъ-фискаломъ, преступая его императорскаго величества указы,—гласитъ объявленіе народу о казни,—не токмо за другими противныхъ дѣлъ по должности своей не смотрѣлъ, но и самъ изъ взятковъ и для дружбы многое въ дѣлахъ упущеніе чинилъ; 2) въ провинціальные и городовые фискалы многихъ опредѣлялъ недостойныхъ и за то деньгами, лошадьми, запасами и другими разными вещами взятки съ нихъ бралъ; 3) отъ разныхъ чиновъ людей за просьбу и предстательство къ судьямъ и за произведеніе къ дѣламъ бралъ многіе посулы деньгами и другими вещами“ и т. д. Михайло Желябужской, занимая должность оберъ-фискала, сочинялъ подложныя духовныя завѣщанія и за то былъ битъ кнутомъ и сосланъ на каторгу.

Князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, князь-кесарь († 1717 г.).

Подобнаго рода злоупотребленія и привели къ тому, что слово „фискалъ“ стало браннымъ, какъ слово „шпіонъ“, и стало вмѣстѣ съ нимъ означать нѣчто низкое, подлое, корыстное, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ фискалы приносили и пользу. Такъ, напримѣръ, только благодаря фискаламъ вскрылись невѣроятныя притѣсненія, которыя причиняли жителямъ Устюжскаго уѣзда посланные по деревнямъ отъ управлявшаго уѣздомъ комиссара подьячіе. Эти подьячіе „великими и непомѣрными муками мучили и священниковъ, и взрослыхъ мужчинъ, и женщинъ, и стариковъ, и дѣтей; изъ озорства выхватывали у матерей грудныхъ младенцевъ и бросали ихъ въ снѣгъ“; мучили людей десят-

ками, даже въ церквахъ, грабили имущество, „вымучивали себѣ деньги“; „отъ всего этого и неправаго комиссарскаго суда,—доносили фискалы,—запустѣло въ Вахомской волости, въ Вознесенскомъ стану 150 дворовъ“. Въ этомъ дѣлѣ обращеніе къ фискаламъ было для измученныхъ людей послѣднимъ средствомъ найти судъ и расправу на мучителей. Жаловаться мѣстному начальнику—комиссару—не имѣло смысла, потому что подьячіе комиссаромъ же и были посланы; итти выше, къ губернатору?—но комиссаръ подчиненъ губернатору и извѣстенъ ему, какъ чиновникъ, исправно доставляющій всѣ казенные сборы, что для губернатора главное, а какъ достается населенію эта „исправность“ сборовъ, то было для губернатора второстепенное дѣло.

Тогда-то обыватели и послали отъ себя выборныхъ къ устюжскимъ фискаламъ; фискалы приняли жалобу и отправили одного изъ своей среды на самое мѣсто происшествія, чтобы собрать точныя данныя и провѣрить жалобу. Сдѣлавъ это, они донесли губернатору, но доношеніе было оставлено губернаторомъ безъ вниманія; тогда устюжскіе фискалы отправили дѣло къ оберъ-фискалу въ Петербургъ, и онъ представилъ его въ сенатъ.

Фискальскія донесенія не щадили самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, не исключая знаменитаго князя Якова Долгорукаго, за которымъ тоже водились грѣшки, что было извѣстно государю, и онъ говорилъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ, что даже и князь Яковъ „не безъ причины“.

Князь Яковъ Θедоровичъ Долгоруковъ.

(1639—1720).

При этомъ всеобщемъ грабежѣ и взяточничествѣ, неповиннымъ въ которомъ, по авторитетному свидѣтельству, приписываемому молвой оберъ-прокурору Ягужинскому, никто не былъ даже и въ высшемъ правительствѣ, учрежденіе фискаловъ приносило свою пользу, но сами фискалы тоже бывали и даже очень „не безъ причины“, а съ другой стороны, самый характеръ учрежденія, члены котораго должны были дѣйствовать путемъ сыска, шпіонства, доносовъ, извѣстнаго лукавства, не могъ вызывать чувства

уваженія у обывателей къ фискаламъ и ихъ дѣлу, и потому всѣ рѣшительно ихъ ненавидѣли. Въ такомъ отношеніи къ фискаламъ соединялись и посадскій человѣкъ города Устюга Мокей Обуховъ, дразнившій мѣстныхъ фискаловъ „свисталами“, и сенаторы Григорій Племянниковъ и князь Яковъ Долгорукій, которые „съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ“ бранили оберъ-фискала Желябужскаго и его помощниковъ „непотребными укоризны и понощеніемъ позорнымъ“; Племянниковъ называлъ ихъ „уличными судьями“, а князь Яковъ покруче—„антихристами и плутами“.

Но правительство держалось въ своихъ взглядахъ на возможность злоупотребленій фискаловъ того мнѣнія, что имъ „лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“, хотя при тогдашнихъ способахъ суда и слѣдствія неправильное и правильное доношеніе одинаково грозило смертью или увѣчьемъ всякому, на кого ложно или правдиво, по долгу или по злобѣ донесетъ фискалъ. Фискалъ даже при ложности доноса могъ разсчитывать съ большой увѣренностью на успѣхъ; тогдашнее слѣдствіе старалось всегда добиваться собственнаго признанія обвиняемаго, вынуждая его къ тому пыткой или допросомъ съ пристрастіемъ, т.-е. только съ угрозой пытки, „вложа руки его (обвиняемаго) въ застѣнкѣ въ хомутъ при огнѣ для страха“. Обвиняемый часто не выдерживалъ пытки, или трусилъ на допросѣ съ пристрастіемъ, и самъ возводилъ на себя вину въ небываломъ преступленіи, признавая доносъ; доносъ тогда считался доказаннымъ, никакому дальнѣйшему отпирательству уже не вѣрили, а если одумавшійся обвиняемый настаивалъ на невѣрности своего перваго, согласнаго съ доносомъ показанія, то его опять пытали.

Дошло до того, что люди въ оффиціальныхъ бумагахъ правительству писали о необходимости „перевѣшать всѣхъ фискаловъ на одной рейкѣ“. Большія несовершенства самаго учрежденія, конечно, не миновали зоркаго глаза Петра, и онъ создалъ еще одну должность для надзора и за самимъ сенатомъ, и за фискалами, и за всѣмъ вообще управленіемъ и судомъ. Указомъ 12 января 1722 г., которымъ измѣнялся прежній составъ сената и вводились новыя должности при немъ, учреждались, между прочими, двѣ очень важныя: генералъ-прокурора и оберъ-прокурора. Генералъ-прокуроромъ былъ назначенъ П. И. Ягужинскій, а оберъ-прокуроромъ Г. Скорняковъ-Писаревъ. При всѣхъ коллегіяхъ тоже были учреждены прокуроры. Если должность фискаловъ заключалась по существу въ томъ, чтобы раскрывать совершенныя преступленія, вселять спасительный страхъ нарушителямъ закона и интересовъ казны, то должность прокуроровъ представлялась Петру, какъ предупреждающая самое возникновеніе преступленій въ средѣ слугъ правительства, его чиновниковъ; фискалы дѣйствовали тайно, тайно досматривали, тайно провѣдывали про преступныя дѣла, тайно доносили; ихъ обязанностью было всюду толкаться, ловить разные слухи про какое-либо незаконное дѣяніе, собирать тайкомъ справки и доказательства и тогда только обличать виновнаго; въ присут-

ственныхъ мѣстахъ фискалъ былъ гостемъ, котораго не всегда охотно принимали, въ дѣла учрежденій онъ не смѣлъ вмѣшиваться, не могъ ничего ни торопить ни задерживать; фискалъ только молча наблюдалъ и лишь по нарушеніи закона доносилъ на виновнаго и обличалъ его. Прокуроры, по мысли Петра, заимствованной у французской юстиціи, должны были войти въ составъ всѣхъ учрежденій, дѣйствовать гласно и заботиться о самой невозможности нарушенія закона со стороны кого бы то ни было.

Еще въ 1715 г. Петръ назначилъ въ сенатъ генералъ-ревизоромъ или надзирателемъ указовъ Василія Зотова. Зотовъ сидѣлъ въ сенатѣ за особымъ столомъ и наблюдалъ, чтобы всѣ указы исполнялись скорѣе; въ 1718 г. эта должность была уничтожена, и наблюдать за скорѣйшимъ исполненіемъ указовъ былъ приставленъ оберъ-секретарь, а къ 28 января 1721 г. и это найдено неудобнымъ, и наблюдать за законностью и быстротой теченія дѣлъ въ сенатѣ были посажены штабъ-офицеры гвардіи съ правомъ сажать подъ арестъ въ чемъ-либо провинившихся сенаторовъ! Но это продолжалось недолго, такъ какъ зависимость сенаторовъ отъ офицеровъ, приставленныхъ къ сенаторамъ, роняла уваженіе къ сенату, какъ къ высшему правительственному учрежденію въ странѣ.

Графъ П. И. Ягужинскій (1683—1736).

Генералъ-прокурору были подчинены всѣ прокуроры въ коллегіяхъ и судахъ, избиравшіеся на эту должность генералъ-прокуроромъ и утверждавшіеся сенатомъ. Генералъ-прокуроръ, по словамъ указа Петра, былъ „яко око наше". Обязанностью этого государева ока было смотрѣть, чтобы сенатъ „во всемъ должность свою сохранилъ, и всѣ дѣла, которыя сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ рѣшалъ". Генералъ-прокуроръ присутствовалъ въ сенатѣ, не принимая прямого участія въ рѣшеніи дѣлъ, но никакое рѣшеніе сената не имѣло силы безъ согласія и подписи генералъ-прокурора. Въ случаѣ разногласія его съ сенаторами генералъ-прокурору давалось 8 дней сроку для обсужденія спорнаго вопроса; если и по истеченіи 8 дней онъ оставался при своемъ мнѣніи, то дѣло докладывалось государю. Наблюдая за порядкомъ и правильностью дѣйствій сената, генералъ-

прокуроръ управлялъ и сенатской канцеляріей. Фискалы такъ же, какъ и прокуроры всѣхъ правительственныхъ учрежденій, были подчинены генералъ-прокурору; такимъ образомъ въ его рукахъ сосредоточился и явный и тайный контроль. Послѣ учрежденія прокуратуры дѣятельность фискаловъ сосредоточилась больше около казны, финансовъ, тогда какъ судъ и управленіе перешли почти всецѣло подъ наблюденіе прокуроровъ; глава всего этого контрольнаго вѣдомства въ силу своей освѣдомленности во всемъ и власти получилъ огромное значеніе, которое усиливалось еще и потому, что онъ имѣлъ право предлагать въ сенатъ для обсужденія новые законы. Иностранцы скоро оцѣнили новое учрежденіе и отмѣтили, что генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій собственно второе послѣ государя лицо въ государствѣ по своей силѣ и значенію въ правительствѣ. Всѣ дѣла, поступавшія въ сенатъ, проходили черезъ руки генералъ-прокурора, и онъ вносилъ ихъ на разсмотрѣніе сената, онъ созывалъ самыя засѣданія и былъ ихъ предсѣдателемъ, т.-е. руководилъ преніями и ставилъ вопросы на баллотировку. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ подлежали суду только государя, и за преступленія имъ грозила строжайшая казнь, какъ „явнымъ разорителямъ отечества, кои вящше измѣнниковъ“.

Третьимъ должностнымъ лицомъ, состоявшимъ при сенатѣ, былъ рекетмейстеръ. Онъ принималъ жалобы на коллегіи и дѣлалъ по нимъ докладъ сенату, разсматривалъ челобитныя, подаваемыя на имя государя, слѣдилъ за справедливостью, законностью и быстротою рѣшенія дѣлъ въ судахъ. Четвертымъ должностнымъ лицомъ былъ при сенатѣ герольдмейстеръ, вѣдавшій шляхетство и его службу; у него хранились списки дворянъ, онъ предлагалъ кандидатовъ на разныя новыя должности и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы изъ каждой дворянской семьи опредѣлялось на гражданскую службу не болѣе $^{1}/_{3}$ наличнаго состава каждой.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, при сенатѣ состояли еще комиссары отъ губерній, двое отъ каждой, должность которыхъ была доставлять сенату всѣ необходимыя ему свѣдѣнія по дѣламъ губерній, принимать указы сената и разсылать ихъ губернаторамъ своихъ губерній, подавать сенату рапорты и вѣдомости губернаторовъ.

Порядокъ рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ былъ довольно затяжной, благодаря большимъ формальностямъ и письменности; рѣдко бывало, чтобы дѣло рѣшалось черезъ шесть недѣль по поступленіи; обыкновенно дѣлопроизводство длилось дольше. Всякое новое дѣло поступало къ оберъ-секретарю, который и подготовлялъ его съ подвѣдомственными ему сенатскими канцеляристами для доклада сенату; затѣмъ слѣдовалъ самый докладъ, послѣ котораго происходили „диспуты“, т.-е. пренія сенаторовъ о докладѣ. Генералъ-прокуроръ по стоявшимъ передъ нимъ песочнымъ часамъ слѣдилъ, чтобы пренія не затягивались. На его обязанности было смотрѣть, чтобы въ засѣданіи „лишнихъ словъ и болтовни не было,—какъ гласитъ одинъ указъ Петра,—и то время (т.-е. во время засѣданія)

ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ". За диспутами слѣдовала баллотировка. До 1714 г. дѣла должны были рѣшаться единогласно, а затѣмъ установлено было рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ: „А съ той диспуты,—гласилъ указъ,—куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить, и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и спорить будетъ, понеже болѣе его голосовъ туда стало". Все, что происходило на засѣданіи, вносилось въ протоколъ, подписывавшійся сенаторами. Это правило не всегда соблюдалось, и оберъ-прокурору Скорнякову-Писареву пришлось разъ жаловаться на сенатора П. П. Шафирова, который, по словамъ жалобы, „никогда голоса своего записывать не велитъ, чтобы неизвѣстны были приговоры его, которые онъ чинитъ по страстямъ, и кричитъ на оберъ-секретаря, такъ и на секретарей неучтивостью и бранью". Сенатскій приговоръ въ канцеляріи записывали, какъ указъ, и разсылали въ соотвѣтствующія учрежденія, обязанныя немедленно исполнить сенатскій указъ и рапортовать объ этомъ сенату.

Канцлеръ графъ Г. И. Головкинъ (1660—1734).

Въ 1722 г. Петръ издалъ особый указъ, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ наклеить его на особую доску съ подножіемъ и всегда держать на столѣ засѣданій какъ сената, такъ и всѣхъ другихъ государственныхъ установленій, „яко зеркало передъ очьми сидящихъ",—это и было такъ называемое зерцало, до сихъ поръ являющееся необходимой принадлежностью стола засѣданій нашихъ государственныхъ учрежденій. Въ этомъ указѣ яркимъ образнымъ языкомъ выражены основы, какія Петръ думалъ внести въ суть управленія и суда въ государствѣ. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, читаемъ:

„Ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ; понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды: того ради симъ указомъ, яко печатью, всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не

дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ, и не точію рѣшить, ниже въ докладъ выписывать то, что уже напечатано... (не) требовать на то указа, и тѣмъ сочинять указъ на указъ, дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить... не отговариваяся въ томъ ничѣмъ, ниже толкуя инако. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ Коллегіи и объ одномъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожъ не опредѣлять, но положа, напримѣръ, свое мнѣніе, объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то, учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ, чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ. Буде же кто сей Нашъ указъ преступитъ подъ какою отговоркою ни есть... тотъ, яко нарушитель правъ государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертію безъ всякія пощады, и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги, ежели въ сію вину впадетъ. И для того сей указъ, напечатавъ, внесть въ регламентъ и публиковать; также по данному образцу въ Сенатъ сдѣлать доски съ подножіемъ, на которую оной напечатанной указъ наклеить, и всегда во всѣхъ мѣстахъ, начавъ съ Сената, даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ, имѣть на столѣ, яко зеркало предъ очьми судящихъ. А гдѣ такого указа на столѣ не будетъ, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу въ гошпиталь“.

П. П. Шафировъ
(1670—1739).

Опубликованъ этотъ указъ былъ, впрочемъ, только въ 1724 г., ровно за годъ до смерти Петра, вмѣстѣ съ двумя указами, подтверждавшими приведенный и развивавшими больше его положенія. Въ этихъ дополнительныхъ указахъ читаемъ:

„Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, въ Синодѣ, Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего государства судьямъ и пришеднимъ предъ судъ чинно поступать, понеже судъ Божій есть: проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А ежели кто противно сему поступитъ и учинитъ какое безчинство, тотъ наказанъ будетъ по указу, данному въ 24 день октября 1723 года...

„Напротивъ того, всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками и доносительми учтиво поступать, какъ о томъ въ 26 и 54 главахъ Генеральнаго Регламента о Коллегіяхъ ясно изображено, о поступкѣ съ членами и служительми президентовъ

коллегіи. Буде же кто станетъ бранить, то денежнымъ штрафомъ на три мѣсяца обидимаго жалованья наказанъ будетъ, и предъ нимъ прощенія просить; а буде дерзнетъ рукою, то дать судъ по воинскимъ правамъ, какъ о томъ написано въ Морскомъ Уставѣ въ 5 книгѣ о штрафахъ въ 1-й главѣ въ 15 артикулѣ...

„Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, Синодѣ, Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства вѣдать всѣ уставы Государственные и важность ихъ, яко первое и главное дѣло, понеже въ томъ зависитъ правое и незазорное управленіе всѣхъ дѣлъ, и каждому для содержанія чести своей и убѣжденія отъ впаденія невѣдѣніемъ въ погрѣшеніе и въ наказаніе должно. И дабы впредь никто невѣдѣніемъ о Государственныхъ уставахъ не отговаривался... и для того отнынѣ, ежели о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возьметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться, такихъ наказывать: впервые—отнятіемъ чина на время и штрафу, годъ жалованья, въ другой разъ—третьею долею всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ—лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе".

Засѣдалъ сенатъ сначала ежедневно, а потомъ были назначены особые дни; начинались засѣданія зимой съ 6 часовъ утра, а лѣтомъ съ 8-ми; каждое засѣданіе должно было продолжаться не менѣе пяти часовъ. На засѣданія сенаторы не должны были допускать никого посторонняго безъ нужды подъ страхомъ штрафа въ 50 рублей. Такой же штрафъ грозилъ и сенатору, не явившемуся на засѣданіе безъ уважительныхъ причинъ. Изъ постороннихъ сенату лицъ приходили на его засѣданія посланные съ докладомъ изъ коллегій; сенатъ могъ призвать на засѣданіе лицъ, которыхъ дѣло касалось; сидѣть въ сенатѣ этимъ постороннимъ вообще не разрѣшалось, и только лицамъ, имѣвшимъ чинъ не ниже бригадирскаго, позволялось дать стулъ.

Петръ требовалъ отъ сената быстроты и точности въ исполненіи дѣлъ, „понеже теперь (т.-е. послѣ учрежденія коллегій) все у него (т.-е. у сената) въ рукахъ" и сенаторы „иного дѣла не имѣютъ, точію одно правленіе". „Послѣдованія раку",—по выраженію Петра,—т.-е. отписокъ и волокиты по старому образцу, онъ терпѣть не могъ: „Зѣло дивлюсь,—писалъ царь сенаторамъ,—что пишете какъ старые судьи: „послано", а то позабыли, что дошло ли? Или у васъ уже та клятва вышла изъ души, которую недавно учинили?" А понукать, дѣйствительно, было необходимо. Въ 1718 году генеральный ревизоръ Зотовъ жаловался, что въ бытность его при сенатѣ „по многимъ указамъ не исполнено, и хотя сенаторамъ я неоднократно доносилъ, но тѣ мои доношенія уничтожены". Сенаторы, по свидѣтельству Зотова, пропускали засѣданія, не любили подписывать протоколы засѣданій, охотно превышали свою власть и полномочія. Сенаторъ князь Долгорукій, вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ сотоварищей, поѣхалъ разъ въ застѣнокъ и приказалъ пытать тамъ человѣка, а потомъ распо-

рядился составить заднимъ числомъ приговоръ сената объ этомъ. Петръ боролся, сколько могъ, съ различными злоупотребленіями ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, но это ему мало удавалось, несмотря на строгія, подчасъ жестокія мѣры, которыми онъ думалъ обуздать „прежнюю глупость“. Сенаторъ вице-канцлеръ П. П. Шафировъ былъ отданъ подъ судъ за приписку брату лишняго жалованья, за брань въ сенатѣ, ложное толкованіе указа о выходѣ изъ засѣданія сенаторовъ во время слушанія дѣлъ объ ихъ родственникахъ и за непокорство оберъ-прокурору, требовавшему отъ Шафирова на основаніи этого указа, чтобы онъ покинулъ залу засѣданій. Судъ, въ которомъ судили сенаторы и назначенные царемъ генералы и офицеры гвардіи, приговорилъ Шафирова къ лишенію имущества, чиновъ и къ смертной казни. Государь утвердилъ приговоръ въ первыхъ двухъ частяхъ, но смертную казнь замѣнилъ сначала ссылкой въ Сибирь, на Лену, а потомъ отправилъ строптиваго сенатора подъ строгій караулъ въ Новгородъ.

Непривычные къ „регулярному“ веденію дѣлъ, сенаторы плохо усваивали самое понятіе законности веденія дѣлъ и больше предпочитали вершить дѣла по-старому, „какъ ихъ Богъ вразумитъ“, вмѣсто того, чтобы руководствоваться строго и точно буквой закона. Любили господа сенаторы по-старому отговариваться невѣдѣніемъ указовъ, когда эти указы имъ почему-либо не нравились. Самъ Петръ неукоснительно подчеркивалъ во всѣхъ своихъ поступкахъ законность и соблюденіе регламентовъ и уставовъ.

Неустанно „паки и паки“ подтверждалъ онъ сенату свои требованія и то лаской и угрозами, то указаніемъ на крайнюю государственную нужду, взывая къ совѣсти сенаторовъ, понуждалъ каждаго дѣйствовать, „яко доброму и честному человѣку надлежитъ“, заботясь объ истинной „государству пользѣ“. Довольный однимъ распоряженіемъ сената, царь пишетъ: „за исправленіе дѣлъ благодарствую, въ чемъ и впредь надлежитъ вамъ трудиться и все заранѣе со временемъ изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно“. А когда сенаторы въ чемъ-либо поступали „не такъ“, то имъ приходилось выслушивать рѣзкое замѣчаніе въ родѣ присланнаго имъ выговора по поводу неудачной мѣры относительно китайскаго торга: „или смѣху для, или дачи (т.-е. взятки) отъ оныхъ (купцовъ, торгующихъ съ Китаемъ) учинили по старымъ глупостямъ“; по возвращеніи своемъ Петръ обѣщаетъ спросить съ господъ сенаторовъ за ихъ „оплошку“ „весьма инако“. Посылая въ сенатъ распоряженіе о томъ, чтобы корпусъ Шереметева былъ достаточно снабженъ провіантомъ, царь заключаетъ свое распоряженіе такъ: „а ежели они (т.-е. солдаты корпуса Шереметева) не будутъ довольны, а нужда ихъ требовать будетъ, тогда не минете не только жестокой отвѣтъ дать, но и истязаны будете“. Повелѣвая въ началѣ 1715 г. сенату приготовить все для снабженія флота, отправляемаго къ финскому побережью, Петръ особенно подчерки-

ваетъ важность своевременнаго и достаточнаго снабженія кораблей и обращаетъ вниманіе сенаторовъ на то, что „инако винны будете потерянію всей кампаніи“. Кампанія 1715 г. удалась не вполнѣ, и, готовя новую, Петръ снова приказываетъ сенату позаботиться о провіантѣ и запасахъ для кораблей; ставя въ вину сенаторамъ неудачу предшествовавшаго года, онъ иронически добавляетъ въ концѣ письма: „только не усипте такъ, какъ въ нынѣшней кампаніи, что адмиралъ принужденъ былъ поворотиться“. Въ сенатѣ Петръ присутствовалъ самъ довольно часто, когда находился въ Петербургѣ, отправляясь на засѣданія, обыкновенно, съ верфи. На засѣданіи Петръ участвовалъ въ преніяхъ и, чтобы не терять времени, часто тутъ же утверждалъ и подписывалъ постановленія сената. Слѣпымъ формалистомъ, обоготворяющимъ букву закона, Петръ не былъ и умѣлъ итти навстрѣчу даже непріятному для законодателя сознанію излишности и необдуманности того или иного закона, и ради пользы и блага отечества былъ готовъ на исправленіе, даже отмѣну неудачнаго закона. Не разъ онъ гласно, въ указѣ, отмѣнявшемъ изданное постановленіе, сознавался въ необдуманности и поспѣшности. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ горячій характеромъ князь Яковъ Долгорукій, не присутствовавшій въ сенатѣ, когда тамъ было принято и утверждено государемъ одно постановленіе, ознакомившись съ нимъ на другой день, въ пылу спора съ сенаторами разорвалъ царскій указъ. Петръ, вошедшій вслѣдъ за этимъ въ залу засѣданій сената, вспылилъ и съ угрозами обратился къ Долгорукому; но, когда князь Яковъ, повинившись въ запальчивости, объяснилъ, почему онъ противъ принятаго постановленія, Петръ сказалъ: „Теперь это дѣло пусть такъ останется; я еще подумаю и тогда дамъ сенату рѣшительное мое повелѣніе“. Указъ былъ отмѣненъ и составленъ новый, согласный съ мнѣніемъ Долгорукаго.

Въ перепискѣ царя съ сенатомъ часто звучитъ недовольство государя господами сенаторами, не рѣдки выговоры за ихъ оплошки и даже угрозы, но все это только частные случаи, а вообще сенатъ пользуется полнымъ довѣріемъ Петра, и царь всегда подчеркиваетъ авторитетъ и правительственное значеніе сената, и, когда лица высшей администраціи спрашивали его о руководящихъ указаніяхъ, царь неизмѣнно предписывалъ не поступать „ни по какимъ указамъ кромѣ моего, а въ дальнемъ моемъ отъѣздѣ по указу изъ сената“.

Вся дѣятельность сената шла подъ строгимъ и неустаннымъ наблюденіемъ царя; но сенаторы Петра были его дѣйствительно довѣренными слугами и совѣтниками, а не только слѣпыми исполнителями монаршей воли. Сенатъ имѣлъ право принимать рѣшенія, не сносясь предварительно съ царемъ, когда онъ былъ въ отсутствіи, могъ даже пріостанавливать, когда находилъ это нужнымъ, указы царя, но всегда и обо всѣхъ своихъ поступкахъ и распоряженіяхъ долженъ былъ увѣдомлять государя.

Царь всегда сообщалъ сенату о всѣхъ важныхъ событіяхъ, не скрывалъ отъ „господъ сената“ своихъ неудачъ, дѣлился радостями. Извѣщая сенатъ о прутской неудачѣ, когда пришлось согласиться на требованіе турокъ отдать имъ обратно всѣ взятые раньше города и азовское побережье, а новопостроенные тамъ города разорить, царь пишетъ: „и тако тотъ смертный пиръ симъ окончился... Сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что (пришлось) лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ, чаю, симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе (т.-е. борьбѣ на балтійскомъ побережьѣ), которая несравнительною прибылью намъ есть“. О побѣдахъ, объ удачныхъ дипломатическихъ событіяхъ, о радостныхъ событіяхъ въ семьѣ своей царь Петръ немедленно сообщалъ сенату. „Сею новиною вамъ поздравляемъ“, или „сими добрыми вѣдомостьми вамъ поздравляемъ“, заканчиваетъ онъ обычно свои радостныя посланія сенату. И сенатъ, принося въ отвѣтъ на эти письма „рабское благодареніе“ государю, желаетъ „впредь его величеству къ вящшей славѣ и сугубѣйшее получить приращеніе“.

Взявъ въ 1722 г. Дербентъ, царь по обыкновенію извѣстилъ сенатъ объ этой удачѣ, приславъ полную реляцію и „журналъ о походѣ“. „Вашего Величества всемилостивѣйшее писаніе, — писали царю въ отвѣтъ сенаторы,—отпущенное изъ Дербеня прошедшаго августа 30 д., купно съ приложеннымъ при ономъ журналѣ о походѣ Вашего Величества съ арміею изъ Астрахани въ азіатскія страны (получили) и хотя о многотрудномъ, токмо о благополучномъ, въ Персію вступленіи и полученіи тамъ основанія черезъ подданство Вашего Величества высокодержавнѣйшей власти двухъ главныхъ городовъ, особливо жъ о вступленіи и торжественномъ входѣ (какъ гисторія повѣствуетъ) въ созданный отъ Александра Великаго градъ Дербень и о пораженіи противныхъ владѣльцевъ войскъ и о разореніи ихъ земель здѣсь мы черезъ курьера получили 28 сентября съ превеликою радостью, за что воздавъ Всевышнему Побѣдодавцу, при молебномъ пѣніи, должное благодареніе, отправили пиршество, при которомъ, какъ Вашего Величества вѣрные подданные, духовнаго и мірскаго чина знатныя персоны, такожъ изъ чужестранныхъ его высочество герцогъ голштинской со свитою своей и чужестранные министры присутствовали и за здравіе Его Величества Петра Великаго, вступившаго на стези Александра Великаго, всерадостно пили и симъ всепокорнѣйше, за всемилостивѣйшее увѣдомленіе, паипаче же за такія, не токмо къ высочайшей и безсмертной славѣ великаго имени Вашего, но и для прославленія подданнаго Вашего всероссійскаго народа и распространенія государствъ и ради полученія при помощи Вышняго изъ того впредь неизреченной всенародной пользы, за великіе подъятые труды неустанно В. И. В. благодарствуемъ и желаемъ, да благоволитъ Всевышній непобѣдимое В. И. В. оружіе и впредь вящшими счастливыми побѣдами благословить и увѣнчать“...

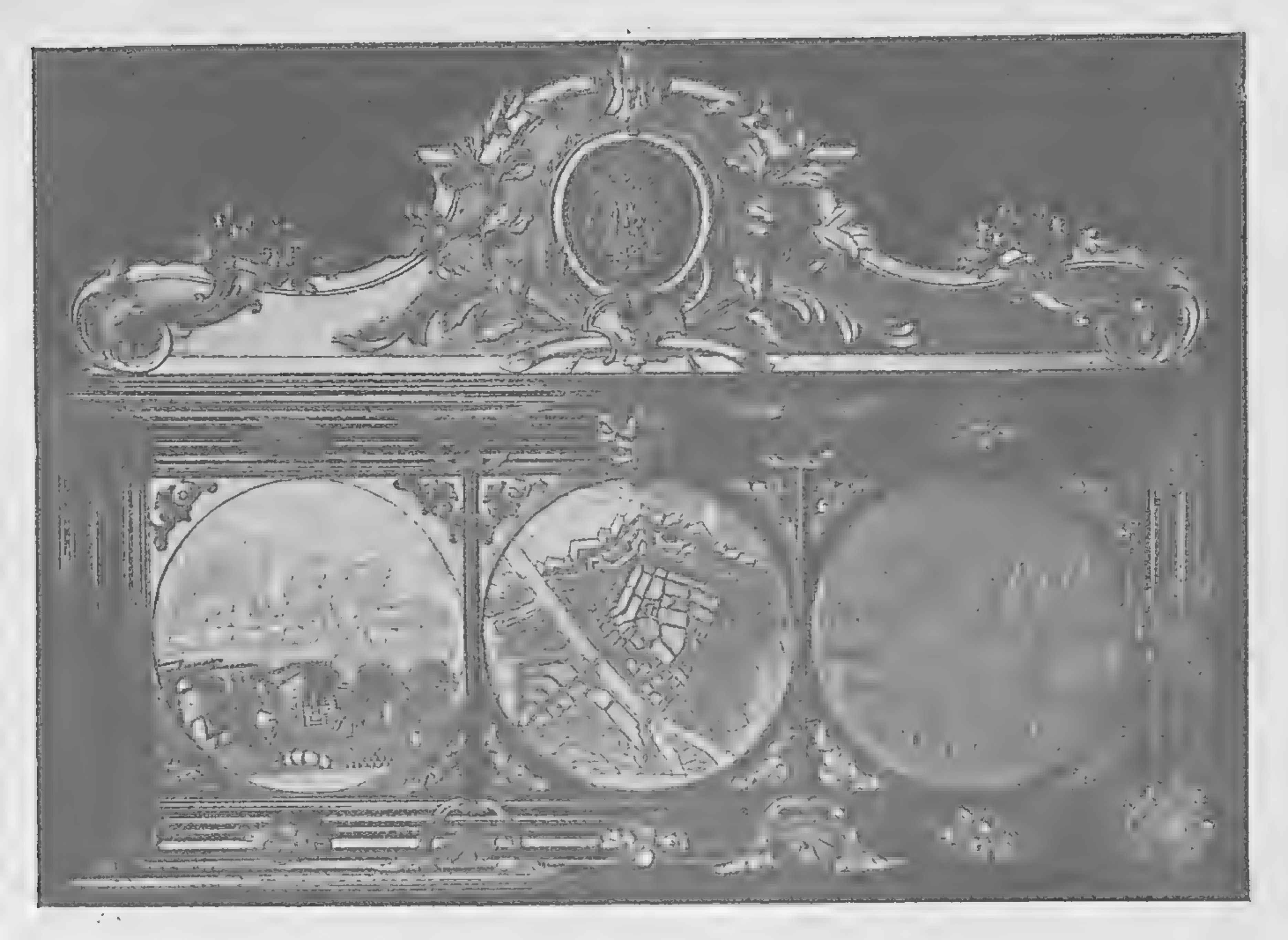
Но поздравленіе — поздравленіемъ, а дѣло — дѣломъ, и свое нѣсколько высокопарное, но проникнутое сознаніемъ пользы общей посланіе сенаторы заключаютъ прозаическимъ извѣщеніемъ, что у нихъ въ сенатѣ по указамъ „о дѣлахъ отправленіе чинится; о томъ нынѣ, въ настоящихъ Е. В. военныхъ трудахъ, утруждать не дерзаемъ, а по окончаніи оныхъ Вашему Величеству доносить будемъ“.

Черезъ сенатъ шла, слѣдовательно, вся тяжелая, разнообразная и многосторонняя дѣятельность Петра, и сенатъ является дѣятельнымъ и отвѣтственнымъ сотрудникомъ царя, умѣющимъ болѣть его горемъ, торжествовать его радости, „яко сущія на пользу и къ прибытку общему“. Не всегда и не во всемъ эта работа царя съ сенатомъ и черезъ сенатъ шла гладко, было много нетерпѣливой требовательности отъ царя по отношенію къ сенату и много проволочки въ рѣшеніи дѣлъ сенатомъ. Царь сердился въ такихъ случаяхъ на своихъ „сенаторей“ и слалъ имъ строгія внушенія, сенаторы представляли свои оправданія, и до новой заминки добрыя отношенія обыкновенно устанавливались довольно скоро. „Надо, впрочемъ,—говоритъ историкъ сената, проф. А. Н. Филипповъ,—если не въ оправданіе, то въ объясненіе, сказать, что положеніе сената при выполненіи повелѣній Петра временами было весьма не легко. Не говоря уже о томъ, что сенатъ часто самъ не могъ добиться отъ подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ выполненія его указовъ, на него, благодаря порывистой натурѣ царя, требовавшаго быстраго приведенія въ исполненіе всего предписаннаго, нерѣдко безъ соображенія, возможно ли это, а равно и благодаря измѣнчивости его плановъ и рѣшеній, возлагалась масса тяжкихъ и разнообразныхъ порученій, предъявлялся рядъ труднѣйшихъ задачъ для разрѣшенія. При этомъ, едва успѣвалъ сенатъ вникнуть въ одно порученіе или приступить къ выполненію другого, какъ отъ государя шло уже новое повелѣніе. Все это вмѣстѣ держало сенатъ въ постоянномъ напряженіи, создавало внутреннюю близость учрежденія къ монарху, даже если ихъ раздѣляло очень большое разстояніе“, даже если возникало у царя недовольство на сенатъ, а у сената боязнь отвѣтственности за вольную или невольную неисправность и промедленіе.

Эта близость отношеній царя и сената, пониманіе сенатомъ высокихъ идей, одушевлявшихъ дѣятельность царя Петра, сказались особенно отчетливо въ ту минуту, когда совершилось счастливое окончаніе Ништадскимъ миромъ двадцатилѣтней военной тяготы, въ несносныхъ условіяхъ которой шло такъ долго все управленіе государствомъ, вся жизнь русскаго общества и народа. Получивъ извѣстіе о заключеніи мира, „сенатори“ приговорили поднести государю на радостяхъ титулы отца отечества, императора всероссійскаго и Великаго. Этотъ сенатскій приговоръ интересенъ отзвуками искренняго чувства, которые слышатся въ отдѣльныхъ выраженіяхъ мотивировки сенатскаго предложенія, и чувствомъ сознанія высоты своего собственнаго значенія въ государ-

ствѣ, какъ высшаго „управительнаго“ мѣста. Сенатъ пишетъ государю въ своемъ приговорѣ о поднесеніи новыхъ титуловъ, что онъ рѣшилъ сдѣлать это подношеніе „съ прикладу древнихъ, особливо жъ римскаго и греческаго народовъ“, „какъ обыкновенно отъ римскаго сената, за знатныя дѣла императоровъ ихъ, такіе титулы публично имъ въ даръ приношены и на статуахъ для памяти въ вѣчные роды подписываны“... Предложеніе сената было представлено государю кн. А. Д. Меншиковымъ; прежде чѣмъ дать свое согласіе, государь пожелалъ „съ нѣкоторыми членами сената напредь о томъ говорить“ и согласился принять титулы послѣ того, какъ „долго отрекался“ „по своей обыкновенной и достохвальной модестіи или умѣренности“, внявъ „предложеннымъ важнымъ представленіямъ“ господъ сенаторовъ. Роль, которую игралъ сенатъ въ этомъ „признаніи благодѣяній, показанныхъ отечеству“ царемъ, — замѣчаетъ историкъ сената, — заслуживаетъ вниманія, такъ какъ ею наглядно живописуется положеніе сената въ государствѣ къ концу царствованія Петра, а равно и близость его къ государю, какъ дѣйствительно высшаго „управительнаго“ или „правительствующаго“ учрежденія имперіи.

Пособіемъ при составленіи статьи служили книги: *Полное собраніе законовъ*, т. V—VII; *Доклады и приговоры сената въ царствованіе Петра Великаго*, т. I—V; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI—XVII; *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, т. XI; *С. Петровскій*, О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго; „Исторія правительствующаго сената за 200 лѣтъ“, т. I, статьи *С. Ѳ. Платонова*, „Введеніе“, и *А. Н. Филиппова*, Правительствующій сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, и др. книги и статьи.

Рѣзная рама съ мѣдными барельефами времени Петра I.

Коллегіи Петра Великаго.

Во главѣ управленія отдѣльными вѣдомствами и мѣстностями Московскаго государства стояли приказы, зависѣвшіе отъ боярской думы. Приказы, завѣдуя отдѣльными статьями государственнаго управленія и хозяйства, были устроены такъ, что вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ не были строго разграничены. Одинъ и тотъ же разрядъ дѣлъ, напримѣръ, судъ, вѣдался во многихъ приказахъ; нерѣдко одинъ приказъ завѣдывалъ какимъ-либо городомъ въ одномъ отношеніи, а другіе приказы вѣдали этотъ городъ въ другомъ; одинъ приказъ велъ какой-либо одинъ порядокъ дѣлъ во всей странѣ, а другой приказъ всѣ дѣла только въ какой-либо одной мѣстности. Посольскій приказъ, напримѣръ, ведя дипломатическія сношенія и разрѣшая сложные международные вопросы, завѣдывалъ въ то же время отдачей на откупъ кружечныхъ дворовъ въ Смоленскѣ; а приказъ тайныхъ дѣлъ, по-нашему сказать—собственная его величества канцелярія—завѣдывалъ и придворной охотой. Къ каждому приказу было приписано нѣкоторое количество городовъ, съ которыхъ данный приказъ собиралъ доходы въ видѣ особыхъ сборовъ и судебныхъ пошлинъ; доходы эти шли на веденіе хозяйства самихъ приказовъ. Въ приказъ же обыкновенно поступали и всѣ вообще государственные сборы съ

приписанныхъ къ нему городовъ, и приказъ самъ направлялъ эти сборы въ надлежащія учрежденія. А такъ какъ число всѣхъ приказовъ въ XVII вѣкѣ заходило за сорокъ, то можно себѣ представить, какая путаница и волокита происходила въ дѣлѣ управленія страной. Да и въ каждомъ отдѣльномъ приказѣ было трудно разобраться просителю или тяжущемуся. Судебная часть не была отдѣлена отъ управленія; каждый приказъ вѣдь былъ судьей и управителемъ надъ подчиненными ему людьми и надъ людьми, жившими въ городахъ, которыми данный приказъ завѣдывалъ. Судьи приказовъ рѣшали дѣла такъ, какъ имъ Богъ на душу положитъ, толкуя законъ по своей волѣ. Взяточничество и лицепріятіе господствовали въ приказахъ, и московскіе люди XVI и XVII вв. считали для себя божескимъ наказаніемъ, когда нужда гнала ихъ за чѣмъ-либо въ приказъ,—это всегда стоило много денегъ, много времени, а въ случаяхъ трудныхъ грозило запутать до скончанія живота.

Правительство московскихъ временъ все это хорошо знало и не разъ пробовало ввести больше порядка въ приказный строй, и кое-что въ этомъ направленіи дѣлало, особенно для уменьшенія волокиты и взяточничества; но самая основа приказнаго строя оставалась неизмѣнной—то одна и та же сторона государственнаго хозяйства оказывалась разбитой по вѣдомствамъ отдѣльныхъ приказовъ, то все хозяйство и управленіе какой-либо одной областью сосредоточивалось въ одномъ приказѣ—„приказывалось“ въ вѣдѣніе того или иного судьи. Интересно, что казенныя бумаги тѣхъ временъ никогда не адресовались „въ такой-то приказъ“, а всегда на имя судьи приказа: „такому-то съ товарищи“. Произволъ и властность приказныхъ на этой почвѣ только крѣпли и росли все больше.

Московское правительство середины XVII в. въ борьбѣ съ неудобствами этой раздробленности системы управленія стало стягивать однородные приказы въ болѣе крупныя дѣленія; для этого или подчиняли одному приказу нѣсколько другихъ, или ставили одного начальника во главѣ нѣсколькихъ однородныхъ приказовъ. Посольскій приказъ, напримѣръ, завѣдывалъ во второй половинѣ XVII в. девятью другими приказами. Приказъ счетныхъ дѣлъ, учрежденный при царѣ Алексѣѣ, велъ счетъ доходамъ и расходамъ всего государства и стягивалъ къ себѣ всѣ денежныя суммы, какія оставались отъ текущихъ расходовъ во всѣхъ учрежденіяхъ всего государства; приказъ этотъ какъ бы надзиралъ за финансовой дѣятельностью отдѣльныхъ приказовъ и контролировалъ ее.

При Петрѣ еще ярче сказалась необходимость собрать все управленіе страной и ея хозяйствомъ въ опредѣленныя большія группы, строго отграниченныя одна отъ другой характеромъ дѣлъ. Но Петру, какъ и московскому правительству, трудно было сдѣлать это скоро и споро. Мѣшала война съ ея неожиданными поворотами счастья на несчастье, удачи на неудачу, когда за быстрой и неожиданной смѣной событій не было ни времени ни возможности сосредоточиться, обдумать планъ реформы и тихо и мирно провести

ее неуклонно и послѣдовательно. Война не ждала и властно требовала людей и денегъ.

Вся сознательная дѣятельность Петра съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, имѣла своей исходной точкой интересы военнаго дѣла. Сначала это была игра въ солдатики, потомъ болѣе серьезныя занятія новымъ солдатскимъ строемъ и новой военной наукой. Отъ Кожуховскихъ маневровъ Петру пришлось итти „играть подъ Азовъ", а тамъ не замедлила и Великая Сѣверная война, задавшая Петру работы чуть не на всю жизнь.

Петру съ его новымъ войскомъ и незнакомымъ московскому времени флотомъ, при новыхъ способахъ и пріемахъ войны, приходилось, особенно первое время, добывать средства на все это путемъ старымъ, который теперь не всегда и годился. Пока шла война, нечего было и думать о планомѣрной ломкѣ стараго и систематическомъ устройствѣ новаго управленія, и Петръ, подъ давленіемъ военныхъ нуждъ, насколько можно было, пользовался старыми учрежденіями для добычи средствъ на войну, а когда старыя учрежденія не отвѣчали своей новой задачѣ, они подвергались у него ломкѣ, передѣлкѣ, уничтоженію: то возрождались подъ новыми названіями, то исчезали совсѣмъ и безповоротно.

Въ устройствѣ управленія до 1715 года господствовала удивительная пестрота. Въ первые годы Сѣверной войны бояре, окольничіе, думные дворяне управляли приказами, собирались въ ближней канцеляріи или въ столовой палатѣ и судили попрежнему о дѣлахъ, получали царскіе указы, клали приговоры. Но, присмотрѣвшись ближе, можно увидѣть, что возлѣ царя, кромѣ старыхъ родовитыхъ людей большихъ чиновъ, занимаютъ первыя мѣста люди или безъ всякихъ старинныхъ чиновъ, въ родѣ А. Д. Меншикова, или такіе несановные, молодые люди, какъ стольникъ Ромодановскій. Старые чины не въ уваженіи, и самъ царь проходитъ службу съ бомбардирскаго чина.

Эти новые люди, новыхъ чиновъ, по-новому распоряжались и дѣйствовали въ старыхъ учрежденіяхъ и сообщали ихъ дѣйствіямъ новый характеръ. *Стольникъ* князь Ромодановскій сталъ во главѣ думы, и къ нему ѣздили по царскому указу бояре. Гвардіи капитанъ Меншиковъ распоряжался чуть ли не всѣмъ военнымъ управленіемъ страны, а стольникъ Апраксинъ былъ назначенъ начальникомъ морского вѣдомства. Для новыхъ нуждъ не только выдвигались во главѣ старыхъ учрежденій новые люди, но и сами старыя учрежденія мѣнялись на новый ладъ. Въ 1701 году приказы иноземскій и рейтарскій были соединены въ одинъ приказъ военныхъ дѣлъ; стрѣлецкій приказъ, за уничтоженіемъ стрѣльцовъ, переименованъ въ приказъ земскихъ дѣлъ, и ему поручено вѣдать полицію страны, что было только одной изъ обязанностей стрѣлецкаго приказа. Для новыхъ дѣлъ возникли новые приказы—морской, артиллерійскій, рудокопныхъ дѣлъ, провіантскій; рядомъ съ приказами, возникли присутственныя мѣста

меньшаго объема и значенія — разныя канцеляріи: мундирная, банная, ижорская, которая по своему устройству и подвѣдомственному ей кругу дѣлъ живо напоминала приказы типа казанскаго дворца, т.-е. вѣдала, управляла и судила всѣми дѣлами одной мѣстности—завоеванной у шведовъ Ингерманландіи.

Въ созданіи новыхъ учрежденій Петръ дѣйствовалъ очень и очень по старому; занятый войной, онъ старался всякую нужду, выдвинутую событіями и требованіями войны, удовлетворять сейчасъ же, образуя для этого новое вѣдомство, если новая нужда не входила въ кругъ нуждъ, вѣдавшихся старыми учрежденіями, и не очень заботился, если новое учрежденіе вносило нѣкоторый безпорядокъ въ работу старыхъ. Въ этой подчасъ торопливой, подчасъ мало продуманной смѣнѣ и замѣнѣ однихъ учрежденій другими старые приказы теряли свой прежній характеръ и пріобрѣтали новыя черты, мѣнялся кругъ вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ, измѣнялись и самые пріемы приказнаго хозяйства въ сторону большей подчиненности судей центральному учрежденію, ихъ большей подотчетности и большей регламентаціи самой дѣятельности приказа: изъ порученія, даннаго государемъ, вѣдать такое-то дѣло такому-то лицу, приказы становятся все больше правительственными мѣстами, каждое съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, которыя поручаются не лицу, а учрежденію во главѣ съ отвѣтственнымъ передъ закономъ исполнителемъ воли монаршей, обязаннымъ дѣйствовать не „какъ ему Богъ вразумитъ“, а по правиламъ и регламентамъ, монаршей властью утвержденнымъ. Но все это пока только намѣчалось и было желательнымъ, сознаннымъ, но еще не осуществленнымъ требованіемъ жизни. На дѣлѣ господствовала, можетъ-быть, еще бо̀льшая путаница вѣдомствъ, чѣмъ въ московское время. Но вся эта перетасовка приказовъ и ихъ вѣдомствъ указывала властно одно — необходимость преобразованія государственнаго строя на основѣ замѣны личныхъ приказныхъ порученій постоянно дѣйствующими учрежденіями, которыя вѣдаютъ каждое опредѣленный ему кругъ дѣлъ, руководясь правилами и законами, утвержденными монаршею властью.

Рѣшивъ ввести въ своемъ государствѣ „порядочное“ и „регулярное“ управленіе, Петръ обратился за образцами туда же, откуда онъ взялъ образцы для своей арміи и флота, т.-е. на Западъ. Еще въ 1698 году, находясь въ Англіи, онъ много думалъ о переустройствѣ управленія въ своей странѣ по иностранному образцу и тогда же разговаривалъ объ этомъ со свѣдущими людьми. Нѣкто Френсисъ Ли по личной просьбѣ царя составилъ и подалъ ему „предложенія о правильной организаціи его правительства“, въ которыхъ намѣчалъ учредить семь „комитетовъ или коллегій“. Въ манифестѣ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію Петръ сообщаетъ о своемъ рѣшеніи учредить „порядочное тайной воинской думы коллегіумъ или собраніе“ съ коллегіальнымъ составомъ, въ которое входили бы президентъ, совѣтники, секретари и под-

чиненные имъ канцелярскіе чины; вѣдая все, что касается военной службы иностранцевъ, тайная военная коллегія должна была обезпечить иностранцамъ судъ „по законамъ божескимъ, jure civili romano и инымъ обыкностямъ populorum moraliorum“. Въ 1711 г. „рудокопный офицеръ“ Іоганнъ-Фридрихъ Блигеръ подалъ Петру меморіалъ, въ которомъ для правильнаго развитія горнаго дѣла предлагалъ „опредѣлить коллегіумъ, который состоитъ въ искусныхъ сему художеству особахъ, которому полную дирекцію сего дѣла повѣрить“. Въ началѣ 1712 г. Петръ снова занятъ предложеніемъ какого-то неизвѣстнаго учинить коммерцъ-коллегіумъ и ревизіонъ-комиссіонъ; коммерцъ-коллегіумъ предлагалось создать такъ: „взять изъ Амстердама, изъ Англіи и изъ Гамбурга по два человѣка меконтантныхъ (недовольныхъ) купцовъ, которымъ бы въ тамошнихъ мѣстахъ кривда учинена была; къ нимъ же умнаго мужа придать въ презиты и нѣсколько асессоровъ изъ своихъ природныхъ подданныхъ“; ревизіонъ-коллегія—по проекту—пересмотрительный приказъ, „который бы во всемъ государствѣ на вся годы всѣ приходы и расходы свыше всѣхъ приказовъ считать могъ подробно, ибо оттого, что въ приходахъ и расходахъ не всюду счетъ бываетъ, къ воровству много случай даетъ; и надлежитъ въ такихъ дѣлахъ президентомъ знатному и весьма вѣрному быть, и въ чемъ на кого о какихъ неисправностяхъ донесено будетъ, надлежитъ въономъ же приказѣ разыскивать“...

12 февраля 1712 г., согласно съ предложеніемъ, Петръ издалъ указъ „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ оную въ лучшее состояніе привесть“. Согласно указу, „взяты были къ Москвѣ иноземцы нарвскіе жители“ два человѣка и одинъ дерптскій купецъ, къ нимъ присоединили нѣсколько человѣкъ знатныхъ московскихъ купцовъ и шестерыхъ слободскихъ жителей, и поручили имъ выработать правила или пункты о коллегіи коммерціи. Комиссія эта работала около двухъ лѣтъ, сочинила пункты и занялась пересмотромъ таможеннаго устава. Свѣдѣніемъ объ этой ея работѣ кончаются, однако, всѣ извѣстія о ней.

Такъ понемногу обозначался характеръ и самое названіе тѣхъ учрежденій, которыя должны были замѣнить собой приказы. Первые шаги къ этому переустройству были вялы и случайны, но съ 1715 года, когда болѣе или менѣе опредѣлился благополучный исходъ войны со Швеціей, Петръ много и пристально начинаетъ интересоваться дѣлами внутренняго благоустройства. Въ своей записной книжкѣ подъ 14 января 1715 г. Петръ заноситъ замѣтку на память о трехъ коллегіяхъ. Къ 23 марта того же года относится его собственноручная записка „о коллегіяхъ, къ соображенію“, въ которой онъ перечисляетъ шесть коллегій. Эта записка Петра составлена имъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, вѣроятно, во время чтенія одного проекта объ устройствѣ коллегій, который онъ получилъ отъ неизвѣстнаго теперь лица.

Авторъ проекта предлагалъ царю ввести въ Россіи семь коллегій, въ которыхъ бы сосредоточились всѣ дѣла по управленію

государствомъ, раздѣленныя на семь большихъ отдѣловъ. Неизвѣстный авторъ указывалъ на Швецію, гдѣ проведено такое устройство, считающееся лучшимъ въ Европѣ. Проектъ намѣчалъ слѣдующія семь коллегій: юстицъ-коллегію, канцелярію иностранныхъ дѣлъ, коллегію адмиралтейскую, кригсъ-коллегію, камеръ-коллегію, штатсъ-коллегію и коммерцъ-коллегію; управленіе коллегіями предполагалось раздѣлить между отдѣльными сенаторами. Этотъ проектъ Петръ, кажется, и положилъ въ основу предпринятаго переустройства центральнаго управленія. Но на одномъ этомъ онъ не остановился.

Въ началѣ апрѣля 1715 года онъ приказалъ черезъ П. И. Ягужинскаго русскому послу при датскомъ королѣ, князю В. Л. Долгорукову, достать печатные или письменные уставы датскихъ коллегій, „дабы весь аншталтъ экономіи королевства датскаго сыскалъ печатные, а чего въ печати нѣтъ—письменные, такъ же чего и въ письмѣ нѣтъ для того, что уже обыкло, и то написать же... конечно бы трудился достать... всѣ коллегіи и чиновъ званія и должности каждой коллегіи и каждаго въ оной, такъ же земскихъ и протчихъ управителей должность и чинъ и все, что къ тому надлежитъ, ибо мы слышимъ, что и шведы отъ нихъ взяли"... Въ декабрѣ 1716 года Петръ принялъ на службу голштинца Фика, отправлявшаго въ городѣ Экенфельдѣ „юстицкія, экономическія и полицейскія дѣла" и славившагося своими познаніями какъ по гражданскому и государственному праву, такъ и въ области устройства присутственныхъ мѣстъ. Этого Фика Петръ отправилъ въ Швецію изучать на мѣстѣ тамошнее устройство управленія.

Тогда же, въ декабрѣ, царь приказалъ нашему резиденту въ Вѣнѣ Абраму Веселовскому приглашать на русскую гражданскую службу приказныхъ людей цесарской службы, знающихъ славянскій языкъ. Веселовскій долженъ былъ исполнить и еще одно порученіе царя. „Сыщите книги,—писалъ ему Петръ,—лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Симона, и другой лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, который выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ, и оной сыщите на латинскомъ или нѣмецкомъ; також сыщите книгу юриспруденціи; и какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езуитскихъ школахъ учителямъ говорить, чтобы они помянутыя книги перевели на славянскій языкъ и о томъ съ ними договоритесь, по чему они возьмутъ за работу отъ книги, и о томъ къ намъ пишите; и понеже нѣкоторыя ихъ рѣчи несходны съ нашимъ славянскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать изъ русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по-латыни, и оные лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ зѣло нужно". Приглашали знающихъ чиновниковъ и изъ германскихъ странъ; Петръ не скупился обѣщать согласившимся хорошее вознагражденіе. Отъ иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ, затребовали свѣдѣнія объ ихъ отечественныхъ учрежденіяхъ. Эти свѣ-

дѣнія, получаемыя отъ людей, знавшихъ дѣло, Петръ цѣнилъ болѣе, чѣмъ книжныя извѣстія, „понеже,—какъ онъ говорилъ,—всѣхъ циркумстанцій въ книгахъ не пишутъ“ и „съ одной бумаги такъ нельзя выразумѣть, какъ изъ разговору“.

Слѣдующіе два года, 1716 и 1717, Петръ почти сплошь провелъ за границей, и безъ него дѣло устройства коллегій какъ будто стало. Но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ шла подготовительная черновая работа. Работаютъ сотрудники Петра, и самъ онъ, какъ ни занятъ за границей текущими дѣлами, находитъ время сидѣть въ датскихъ коллегіяхъ въ Копенгагенѣ, просматриваетъ тамъ дѣла и списываетъ правила дѣлопроизводства. Въ январѣ 1717 г. къ Петру въ Амстердамъ пріѣхалъ Фикъ, покончившій свое изученіе шведскаго государственнаго устройства. Ознакомившись съ докладомъ Фика, Петръ направляетъ и докладъ и докладчика къ Брюсу и пишетъ ему, чтобы онъ съ Фикомъ прежде всего „въ генеральныхъ терминахъ положилъ, какія дѣла къ какой коллегіи принадлежатъ“. Изъ Спа тому же Брюсу Петръ далъ распоряженіе объявить черезъ сенатъ и губернское начальство тѣмъ шведскимъ плѣнникамъ, которые у себя на родинѣ были знакомы съ гражданской службой, чтобы они, буде похотятъ, шли на гражданскую службу въ коллегіи. Въ нѣкоторые города были отправлены особые гвардейскіе офицеры „уговаривать“ шведскихъ „арестантовъ“ поступать на царскую службу въ коллегіи. Такъ какъ несчастные „арестанты“ жили „въ великомъ убожествѣ“, то соглашавшимся обѣщали дать денегъ на подъемъ и первое обзаведеніе.

Въ Гамбургѣ русскій резидентъ Беттихеръ представилъ Петру нѣкоего Альбрехта Фюрена, который подалъ царю „Размышленія объ экономіи россійскаго государства“. Фюренъ выдалъ себя за автора размышленій. Петръ, очень заинтересовавшійся содержаніемъ рукописи, вступилъ съ авторомъ въ оживленную бесѣду и засыпалъ его вопросами о разныхъ подробностяхъ. Не ожидавшій такого экзамена Фюренъ смутился, не сумѣлъ отвѣчать и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ сознаться Петру, что авторъ размышленій не онъ, Фюренъ, а баронъ Ананія-Христіанъ Поттъ-фонъ-Люберасъ.

Сынъ этого Любераса былъ полковникомъ русской службы и стоялъ съ полкомъ въ Ревелѣ, когда на его имя была получена бумага: ѣхать немедленно въ Германію въ тотъ городъ, гдѣ его величество изволитъ находиться. Петръ много разспрашивалъ Любераса-сына объ отцѣ и предложилъ полковнику поѣхать къ отцу въ Силезію и убѣдить его поступить на русскую службу. Неизвѣстно, насколько краснорѣчиво убѣждалъ своего отца полковникъ Люберасъ, но убѣдилъ, видно, не сразу, потому что осторожный нѣмецъ, прежде чѣмъ дать согласіе, послалъ предварительно по почтѣ въ Амстердамъ царю проектъ условій, на которыхъ онъ могъ бы перейти на русскую службу. Петръ черезъ Ягужинскаго предложилъ старику самому пріѣхать для переговоровъ въ Гол-

ландію. Старикъ Люберасъ медлилъ. Тогда Петръ напоминаетъ сыну Люберасу, чтобы онъ торопилъ отца. Люберасъ-отецъ наконецъ поѣхалъ, подождалъ въ Аахенѣ царя, возвращавшагося изъ Парижа, и съѣхался съ нимъ на минеральныхъ водахъ въ Спа около конца іюня 1717 года.

Петръ, повидавшійся уже съ Фикомъ и рѣшившій въ основѣ планъ устройства коллегій, должно-быть, уже меньше интересовался взглядами Любераса, а можетъ-быть, и сердился на его медленные сборы, но только разговаривать съ Люберасомъ сталъ не самъ, а поручилъ Шафирову. Черезъ Шафирова же Люберасъ получилъ приказаніе составить очеркъ устройства коллегій въ регулярномъ государственномъ хозяйствѣ. Въ два дня Люберасъ исполнилъ заданную ему задачу. Петръ прочелъ переводъ проекта и назначилъ Любераса дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Для начала Петръ поручилъ Люберасу подыскивать и нанимать иностранцевъ, годныхъ для службы въ коллегіяхъ.

Въ Гамбургѣ, Любекѣ, Берлинѣ, Гессенѣ, Саксоніи, Чехіи, Силезіи Люберасъ набралъ около 150 „капабельныхъ субъектовъ". Во время своихъ разъѣздовъ онъ продолжалъ разрабатывать планы устройства коллегій, сочинилъ общій планъ дѣйствія всѣхъ коллегій и регламенты для каждой, правила открытія ихъ дѣятельности и канцелярскаго распорядка. По его словамъ, онъ написалъ „до тридцати различныхъ пьесъ, въ существенныхъ чертахъ составленныхъ по шведскому образцу, но не списанныхъ прямо съ иностранныхъ формуляровъ, а провѣренныхъ практикой, пріобрѣтенной долголѣтнимъ прилежаніемъ". Въ ноябрѣ 1718 г. Люберасъ больной пріѣхалъ въ Петербургъ и, не имѣя возможности лично представиться царю, передалъ ему свои работы черезъ Ягужинскаго. Планы Любераса были приняты во вниманіе при устройствѣ коллегій, и самъ онъ много поработалъ, особенно при устройствѣ бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, вице-президентомъ которой онъ былъ назначенъ въ 1719 году.

Фикъ, въ свою очередь, собралъ „нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей". Весь этотъ матеріалъ поступилъ сначала къ Брюсу, помощникомъ котораго былъ назначенъ Фикъ. Дѣятельное участіе въ подготовкѣ реформы принимали Шафировъ и Ягужинскій. Въ октябрѣ 1717 года вернулся изъ-за границы самъ Петръ и рѣшительно двинулъ впередъ переустройство центральнаго управленія. На основаніи всего собраннаго матеріала былъ составленъ реестръ и штатъ всѣхъ коллегій и утвержденъ Петромъ 11 декабря 1717 г. Указомъ 15 декабря были назначены президенты коллегій и нѣкоторые вице-президенты. Канцлеръ Головкинъ, фельдмаршалъ Меншиковъ и адмиралъ Апраксинъ остались начальниками своихъ канцелярій, которыя теперь были переименованы въ коллегіи: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) воинскую, 3) адмиралтейскую; изъ старыхъ судныхъ приказовъ, помѣстнаго, сыскного и земскаго образовалась 4) юстицъ-коллегія, президентомъ которой Петръ назначилъ А. А. Матвѣева. 5) Камеръ-коллегія съ

президентомъ кн. Д. М. Голицынымъ, 6) штатсъ-коллегія съ президентомъ гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ, 7) ревизіонъ-коллегія съ княземъ Я. Ѳ. Долгорукимъ, 8) коммерцъ-коллегія съ П. А. Толстымъ и 9) бергъ- и мануфактуръ-коллегія съ Я. В. Брюсомъ должны были формироваться и устраиваться вновь. Въ 1722 году была учреждена еще одна, десятая—вотчинная коллегія, которая замѣнила собой во многомъ старинный помѣстный приказъ и вѣдала всѣ дѣла по землеустройству и судъ по спорнымъ земельнымъ вопросамъ. По штату коллегій, утвержденному 11 декабря, полагались въ каждой слѣдующія должности:

Русскіе: президенты, вице-президентъ (русскій или иноземецъ), 4 коллегіи совѣтники, 4 коллегіи асессоры, 1 секретарь, 1 нотарій, 1 актуарій, 1 регистраторъ, 1 переводчикъ, подьячіе трехъ статей. *Иноземцы:* 1 совѣтникъ или асессоръ, 1 секретарь. „Начать надлежитъ,—гласитъ указъ Петра,—всѣмъ президентамъ съ новаго года сочинять свои коллегіи, и вѣдомости отовсюду брать, а въ дѣла не вступаться до 1719 г., а съ будущаго году конечно зачать свои коллегіи управлять“... „Президентамъ, которые нынѣ не въ сенатѣ, сидѣть въ сенатѣ съ будущаго 1718 году“. Тогда же данъ былъ указъ президентамъ коллегій, чтобы они совѣтниковъ и асессоровъ выбирали не изъ своихъ сродниковъ и не „собственныхъ креатуръ“. На каждое мѣсто предлагалось выбрать по два или по три кандидата и потомъ представить ихъ въ собраніе всѣхъ коллегій и выбирать „балатиромъ“, т.-е. баллотировкой шарами.

Учинивъ начало коллегіямъ, Петръ уѣхалъ въ Москву, оставивъ новымъ президентамъ распоряженіе, чтобы они „сочиняли“ свои коллегіи и всѣ свѣдѣнія для этого брали у Брюса. На это сочиненіе и собраніе нужныхъ вѣдомостей давался президентамъ годичный срокъ, въ теченіе котораго коллегіямъ велѣно было „въ дѣла не вступаться“, и управленіе должно было итти пока „старымъ манеромъ“.

Брюсъ скоро отказался отъ руководства устройствомъ коллегій, и Петръ велѣлъ тогда обращаться за указаніями прямо къ Фику. Этотъ отказъ Брюса и отсутствіе самого Петра были причиной того, что устройство коллегій очень плохо подвигалось впередъ, и когда Петръ возвратился изъ своей поѣздки, то, по его словамъ, нашелъ, что „въ нѣкоторыхъ сдѣлано немного, а въ иныхъ ничего“. Господамъ президентамъ при этомъ случаѣ накрѣпко было подтверждено, „чтобы коллегіи свои съ ревностью въ дѣло производили“, и не безъ скрытой угрозы дубинкой напоминалось, что это уже второй указъ; для „побужденія“ господъ президентовъ генералъ-майору Ягужинскому предписывалось часто напоминать въ коллегіяхъ указъ и требовать, чтобы президенты рапортовали ему каждый мѣсяцъ о себѣ—„сколько которая коллегія въ который мѣсяцъ аванжировала, дабы видѣть ревностнаго и презорца“. 28 апрѣля 1718 г. всѣмъ коллегіямъ рѣшительно было указано сочинять свои регламенты на основаніи шведскаго устава „во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ“, а которые пункты въ швед-

скомъ регламентѣ неудобны или съ ситуаціей сего государства несходны, и оные ставить по своему разсужденію и, поставя объ оныхъ, докладывать, такъ ли имъ быть". По указу 17 іюня 1718 г. выработанные въ коллегіяхъ регламенты вносились въ сенатъ, гдѣ и должно было рѣшаться, что перемѣнить противъ шведскаго оригинала и какимъ образомъ быть. Сенатъ о своемъ мнѣніи докладывалъ государю, который и ставилъ окончательное рѣшеніе.

Несмотря на напоминанія Ягужинскаго, президенты не очень торопились кончать порученное имъ дѣло, и скоро стало ясно, что въ годъ имъ не кончить. Можно себѣ представить, какъ сердился и гнѣвался Петръ; 20 октября 1718 года онъ разразился такимъ гнѣвнымъ указомъ на имя господъ президентовъ коллегій: „Понеже, какъ я слышу, что зѣло лѣниво съѣзжаются для врученнаго имъ дѣла, что, какъ я сюда пріѣхалъ, ни одного не бывало; того для симъ накрѣпко объявляется, чтобъ непремѣнно два дня въ недѣлѣ, а именно: вторникъ да четвергъ, съѣзжались для сего дѣла, не мѣшая никакихъ дѣлъ иныхъ; также, съѣхався, какъ для сего дѣла, такъ и въ сенатъ, лишнихъ словъ и чтобъ болтанья не было, но то время ни о чемъ иномъ, только о настоящемъ говорить; также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ".

Но потеряннаго времени не возвратить, и Петръ скрѣпя сердце, объявилъ, что и въ будущемъ 1719-мъ году дѣла по управленію государствомъ придется вести старымъ порядкомъ, „понеже новымъ манеромъ еще не управились". Одновременно съ подготовительными работами къ устройству коллегій Петръ позаботился оповѣстить подданныхъ о готовящейся реформѣ. Это онъ сдѣлалъ въ особомъ указѣ, отмѣнявшемъ старый обычай подачи прошеній обо всемъ на имя государя и въ собственныя его руки. „Легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна,—гласилъ указъ,—но при томъ каждому (челобитчику) разсуждать надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бы и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину, не точію человѣку, ниже ангелу, понеже и оные мѣстамъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, а индѣ его нѣтъ"... Приведя въ порядокъ воинскую часть, его величество трудится привести въ порядокъ и земское справедливое правленіе, „чего ради учинены коллегіи, то-есть собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательствы великія суть, что отымаютъ старыя поползновенія дѣлать, какъ о томъ вскорѣ регламенты (или уставы) будутъ публикованы,

Петръ I Великій.
Съ портрета, писаннаго съ натуры неизвѣстнымъ художникомъ
между 1711 и 1716 гг.

и всѣхъ коллегій должности, для вѣдѣнія сего полезнаго дѣла народу"...

Еще въ 1718 году былъ почти законченъ наборъ низшихъ служащихъ - канцеляристовъ коллегій, взятыхъ изъ прежнихъ приказовъ. Въ 1719 г. были закончены составленіемъ и утверждены Петромъ штаты и регламенты большинства коллегій, и въ 1720 году вышелъ генеральный регламентъ, содержащій общія правила коллежскаго устройства. Созданіемъ коллегій заполнился тотъ отчаянный пробѣлъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, благодаря которому верховное учрежденіе страны—сенатъ—было положительно затоплено массою мелкихъ дѣлъ, входившихъ сюда изъ всѣхъ губернскихъ центровъ и отъ частныхъ лицъ; теперь всѣ дѣла стали разбиваться по коллегіямъ, и сенатъ получилъ возможность позаботиться о томъ, чтобы ограничить свою дѣятельность лишь общимъ направленіемъ и руководствомъ правительственныхъ дѣлъ или рѣшеніемъ только важнѣйшихъ и чрезвычайныхъ вопросовъ практики управленія.

Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи, и всѣ имѣли еще въ Москвѣ общую контору. Присутствіе коллегіи составляли: президентъ, вице-президентъ, четыре или пять совѣтниковъ и столько же асессоровъ. Президентъ коллегіи назначался самимъ государемъ, а вице-президента опредѣлялъ сенатъ съ утвержденія государя. Остальные члены коллегіи назначались сенатомъ. Президентъ былъ главнымъ лицомъ въ коллегіи и наблюдалъ за быстротой дѣлопроизводства, въ особенности за исполненіемъ указовъ государя и сената. Во время засѣданій передъ президентомъ всегда лежали двѣ книги: въ одной онъ долженъ былъ записывать указы исполненные, а въ другой, всегда находившейся на столѣ присутствія, отмѣчались указы еще неисполненные.

Являясь первымъ лицомъ въ коллегіи, президентъ, по регламентамъ, не былъ, однако, „какъ прежніе судьи бывали" и ничего не могъ рѣшить самъ, не поговоря съ присутствіемъ: „для того коллегіи и устроены,—объяснялъ Петръ,—дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ дѣла своей коллегіи дѣлала". Вице-президентъ былъ помощникомъ президента, остальные члены наблюдали каждый за порученной ему частью дѣлопроизводства. Присутствіе коллегіи собиралось въ особой назначенной для того комнатѣ, убранной коврами и хорошей мебелью. Посреди комнаты подъ балдахиномъ стоялъ столъ, покрытый алымъ сукномъ и украшенный зерцаломъ. Вокругъ стола размѣщались члены коллегіи по старшинству своихъ ранговъ. Въ той же комнатѣ за особыми столами сидѣли секретарь и нотаріусъ. Никто изъ постороннихъ во время засѣданія не смѣлъ войти въ комнату присутствія безъ доклада, приглашенный же проситель долженъ былъ излагать свою просьбу стоя, и только людямъ высшихъ ранговъ подавали въ такихъ случаяхъ стулъ. Присутствіе коллегіи собиралось каждый день, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней. Засѣданія лѣтомъ начинались съ 6 часа утра, а зимой съ 8-ми, и длились обыкновенно

пять-шесть часовъ. Когда какое-либо дѣло касалось нѣсколькихъ коллегій, то назначалось соединенное присутствіе заинтересованныхъ коллегій.

Во главѣ канцеляріи каждой коллегіи стоялъ секретарь или оберъ-секретарь. Онъ вѣдалъ все письмоводство коллегіи; всѣ важныя бумаги онъ составлялъ самъ, менѣе важныя поручалъ составлять подъ своимъ надзоромъ другихъ чинамъ канцеляріи; секретарь долженъ былъ принимать и всѣ лично подаваемыя просьбы. Кромѣ секретаря, въ канцеляріи коллегіи находились еще нотаріусъ, актуаріусъ, переводчикъ, регистраторъ и еще нѣсколько болѣе мелкихъ чиновъ. На должности нотаріуса лежало вести протоколъ всѣмъ дѣламъ, рѣшавшимся въ коллегіяхъ; каждый день онъ долженъ былъ сдѣлать на особомъ листѣ списокъ всѣхъ дѣлъ, которыя докладывались въ присутствіи, и отмѣтить тѣ рѣшенія, которыя присутствіе положило. Каждый мѣсяцъ всѣ эти листы переписывались набѣло и переплетались въ особый переплетъ. Нотаріусъ велъ списокъ и всѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ, а секретарь въ этомъ спискѣ отмѣчалъ, у кого изъ членовъ присутствія какое дѣло находится на разсмотрѣніи. Этотъ-то списокъ и лежалъ всегда на столѣ присутствія передъ президентомъ, чтобы онъ могъ всегда видѣть, сколько въ его коллегіи нерѣшенныхъ дѣлъ. Актуаріусъ велъ дневной списокъ всѣмъ бумагамъ, которыя приходили въ коллегію, и завѣдывалъ заготовкой писчей бумаги, чернилъ, сургуча, дровъ, свѣчей и т. п. Переводчикъ занимался переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ бумагъ, поступавшихъ въ коллегію; регистраторъ заносилъ въ особыя книги всѣ бумаги, приходящія въ коллегію и отправлявшіяся изъ нея. Кромѣ этихъ чиновниковъ, въ коллегіи было еще много канцеляристовъ и копіистовъ, которые исполняли все то, что имъ прикажутъ высшіе чиновники.

При каждой коллегіи состояли еще „око государево“—прокуроръ—и фискалъ. Прокуроръ былъ подчиненъ генералъ-прокурору, и главной обязанностью его было наблюдать за правильнымъ и безволокитнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ коллегіяхъ; въ случаѣ замѣченныхъ имъ неисправностей онъ доносилъ объ этомъ генералъ-прокурору. Фискалъ несъ ту же должность, что и фискалы при сенатѣ, т.-е. наблюдалъ тайно тамъ, гдѣ прокуроръ дѣйствовалъ явно.

Порядокъ производства дѣлъ въ коллегіяхъ былъ такой: всѣ пакеты, адресованные на имя коллегіи, сдавались дежурному чиновнику. Онъ расписывался въ полученіи ихъ и, не распечатывая, представлялъ въ присутствіе. Всѣ указы государя и сената распечатывалъ президентъ, а другія бумаги—старшій послѣ него членъ коллегіи; секретарь въ это время отмѣчалъ на бумагѣ номеръ и время поступленія ея и сдавалъ актуаріусу для записи въ журналъ; въ то же время секретарь назначалъ и столъ, гдѣ бумагу должны были разобрать и сдѣлать все, что она требовала,—это называлось „производить бумагу“.

Послѣ того, какъ дѣло было разобрано въ канцеляріи, секре-

тарь докладывалъ его присутствію, читалъ его тамъ цѣликомъ или въ изложеніи вмѣстѣ съ канцелярскими данными и справками о немъ. По прочтеніи дѣла, члены коллегіи, начиная съ младшаго, подавали голоса за то или иное его рѣшеніе, „не впадая одинъ другому въ рѣчь", и большинствомъ голосовъ дѣло рѣшалось. Если голоса раздѣлялись поровну, то перевѣсъ брала та сторона, на которой былъ президентъ. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе нотаріусъ вкратцѣ вносилъ въ протоколъ, означая при этомъ мѣсяцъ и число дня засѣданія и проставляя имена присутствовавшихъ. Несогласный съ общимъ постановленіемъ могъ требовать, чтобы его мнѣніе занесли въ протоколъ отдѣльно. Протоколъ въ тотъ же день подписывался всѣми членами коллегіи. Въ канцеляріи послѣ рѣшенія дѣла составляли бумагу, гдѣ это рѣшеніе прописывалось, и потомъ отсылали ее по принадлежности.

Тѣ дѣла, которыя коллегія не могла рѣшить сама, должны были съ мнѣніемъ коллегіи направляться въ сенатъ. Всѣ рѣшенныя дѣла по истеченіи извѣстнаго времени сдавались въ архивы; всѣ дѣла счетныя шли въ архивъ ревизіонъ-коллегіи, а всѣ другія—въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ коллегіи считались подчиненными сенату и получали отъ него указы; во всѣ прочія мѣста коллегіи сами писали указы, а получали рапорты и доношенія. Между собой коллегіи всѣ были равны, и каждая имѣла право суда надъ своими чиновниками. Таково было въ общихъ чертахъ устройство петровскихъ коллегій.

Когда дѣло устройства коллегій подошло къ концу, Петръ былъ чрезвычайно доволенъ и старался внушить всѣмъ это свое удовольствіе. Въ письмахъ и указахъ этого времени онъ постоянно возвращается къ своимъ коллегіямъ и старается всѣмъ объяснить большія преимущества новаго строя. Талантливый сотрудникъ Петра, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ въ предисловіи къ составленному имъ духовному регламенту особенно ярко развиваетъ мысли Петра о выгодахъ коллежскаго устройства. Коллегія, по мнѣнію Ѳеофана, можетъ скорѣе и легче постигнуть истину, такъ какъ „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ"; дѣло въ томъ, что въ коллегіи „предложенную нужду разбираютъ умы многіе, и что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другой, а чего не увидитъ сей, то опый увидитъ"; въ опредѣленіи коллегіальномъ сила большая есть, чѣмъ въ единоличномъ, потому что „вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ". „Еще же и се важно есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недосугомъ и болѣзнью". „Но се наипаче полезно, что въ коллегіумъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду", потому что каждый членъ коллегіи дѣйствуетъ подъ наблюденіемъ своихъ товарищей, и, если одинъ увлечется какимъ-либо нечестнымъ побужденіемъ, другой можетъ его остановить; устройство коллегіи такого, что если даже,

и наоборотъ, большинство членовъ увлекутся предосудительнымъ дѣломъ, въ распоряженіи меньшинства есть средства вывести это на чистую воду путемъ подачи особыхъ мнѣній, заявленія сенату и монарху. „Коллегіумъ имѣетъ въ себѣ свободнѣйшій духъ къ правосудію“, ибо единоличный правитель можетъ бояться гнѣва сильныхъ; не такъ удобно сильному разыскивать воображаемаго виновника своей неудачи среди разностатейныхъ особъ, составляющихъ коллегію. Очень важно, наконецъ, то, что коллегія является прекрасной школой для подготовленія правителей, потому что каждый новый членъ, вступая въ коллегію, находитъ тамъ опытныхъ, искусившихся въ дѣлѣ товарищей, которые помогутъ ему быстро пріобрѣсти нужный навыкъ въ дѣлахъ.

Такимъ образомъ Петръ Великій въ коллегіальномъ устройствѣ управленія видѣлъ залогъ законности управленія, большей независимости установленій и большей обезпеченности интересовъ государственной власти. Петръ считалъ коллегіальную форму обязательной даже въ военномъ дѣлѣ: „понеже все лучшее устроеніе черезъ совѣты бываетъ, — гласитъ одна изъ статей воинскаго устава, — того ради повелѣваемъ, дабы, какъ въ генералитетѣ, такъ и въ полкахъ совѣты о всякихъ дѣлахъ заранѣе имѣли“. Главнокомандующему арміей, который, по выраженію устава, въ арміи „душѣ человѣческой въ тѣлѣ уподобляется“, строго запрещено, подъ страхомъ быть зѣло штрафованнымъ, „чинить главныя и великія дѣла и всякія начинанія безъ консиліи генераловъ собственнымъ своимъ изволеніемъ“. Даже въ случаѣ внезапнаго появленія непріятеля Петръ рекомендуетъ своимъ генераламъ отправлять „словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидя“. Такія же указанія содержитъ въ себѣ и морской уставъ Петра, гдѣ генералъ-адміралу предписывается и не дерзать чинить главныя дѣла и воинскія начинанія безъ консиліи письменной, развѣ только нечаянно атакованъ будетъ отъ непріятеля.

Время Петра было временемъ слѣпой вѣры въ учрежденія. Тогда и на Западѣ государствовѣды и философы, какъ Лейбницъ и Вольфъ, были убѣждены, что стоитъ въ странѣ ввести хорошія правительственныя учрежденія, и рай земной настанетъ въ царствѣ. Лейбницъ, указывая Петру въ одномъ письмѣ на пользу коллегіальнаго устройства, ожидалъ всякихъ благъ отъ осуществленія коллегій. „Опытъ достаточно показалъ, — писалъ Лейбницъ, — что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни будетъ показывать странѣ счастливые часы“.

Петръ, любитель всякой механики, былъ, вѣроятно, въ восторгѣ отъ такой картинной фразы, и когда колеса новаго государственнаго механизма Россіи послѣ долгаго и упорнаго труда

Зданіе государственныхъ коллегій въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. (Съ гравюры М. Махаева).

стали налаживаться къ дѣйствію, онъ торжествовалъ въ ожиданіи тѣхъ часовъ благоденствія своей страны, которые должны настать. „На послѣднемъ праздникѣ,—пишетъ французскій резидентъ въ Петербургѣ,—его царское величество провозгласилъ тостъ за то, чтобы 1719 годъ былъ такъ же замѣчателенъ, какъ и годъ 1709, навѣки памятный битвой подъ Полтавой. Затѣмъ, обозрѣвая съ горечью старый русскій міръ, онъ выразилъ надежду, что посредствомъ учрежденія коллегій ему удается придать новый видъ этому міру“.

Въ 1724 году для коллегій начали строить по плану, утвержденному царемъ, грандіозное зданіе, занимаемое теперь с.-петербургскимъ университетомъ. До самаго упраздненія коллегій это зданіе являлось средоточіемъ управленія государствомъ. Напротивъ коллегій помѣщался гостиный дворъ, а посреди площади возвышался особый столбъ съ нав. сомъ; на столбѣ вывѣшивались для всеобщаго свѣдѣнія указы правительства, послѣ прочтенія ихъ здѣсь съ барабаннымъ боемъ и въ присутствіи караула.

Устроивъ колеса новаго механизма государственнаго управленія, Петръ съ 1720 года пустилъ ихъ въ ходъ, и Россія „начала управляться по новому маперу“. Три коллегіи—иностранныхъ дѣлъ, воинская и адмиралтейская - должны были вѣдать внѣшнія сношенія и національную оборону на сушѣ и на морѣ; три другія — государственное хозяйство: камеръ-коллегія должна была завѣдывать „всякимъ расположеніемъ и вѣдѣніемъ доходовъ денежныхъ всего государства“, штатсъ-конторъ-коллегіи принадлежало „вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ“, въ ревизіонъ-коллегіи сосредоточивался контроль государственныхъ доходовъ и расходовъ. Двѣ коллегіи несли заботы о торговлѣ и промышленности: коммерцъ-коллегія, которая „смотритъ надъ всѣми торгами и торговыми дѣйствіи“, и мануфактуръ- и бергъ-коллегія, впослѣдствіи распавшаяся на двѣ, вѣдавшая заводы, фабрики, горное дѣло; одна—юстицъ-коллегія—стояла во главѣ судебныхъ учрежденій государства и завѣдывала поземельными дѣлами. Число коллегій впослѣдствіи то увеличивалось, то уменьшалось; во второй половинѣ XVIII в. считалось 12 коллегій.

На первыхъ же порахъ Петра ждало разочарованіе въ спасительной силѣ новаго механизма. „Колеса въ новыхъ машинахъ,— говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ,—не пошли вдругъ хорошо: вмѣсто того, чтобы приводить взаимно другъ друга въ движеніе, они иногда зацѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствію“. Палки въ колеса новаго механизма попадали и со стороны и изъ самой машины. Дѣйствіе финансовыхъ коллегій, напримѣръ, зависѣло отъ своевременной присылки изъ губерній и другихъ учрежденій вѣдомостей ожидаемыхъ и поступившихъ доходовъ и предстоящихъ и сдѣланныхъ расходовъ. Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано еще въ 1718 г. Изъ губерній не было ни гласа ни послушанія. Въ мартѣ 1719 г. послѣдовалъ второй повторительный указъ объ этомъ. Изъ губерній опять ничего. Тогда сенатъ послалъ

въ губерніи гвардейскихъ офицеровъ съ приказаніемъ „непрестанно докучать“ губернаторамъ о доставкѣ приходо-расходныхъ книгъ за 1716—1718 гг. въ камеръ- и штатсъ-коллегіи. Ослушникамъ грозило разореніе, наказаніе, ссылка и даже лишеніе живота. Губернаторамъ предлагалось виновныхъ въ медленности чиновниковъ „сковать за ноги и на шею положить цѣпь и держать въ приказѣ потамѣсть, пока не изготовятъ нужныя вѣдомости“. И все-таки прошелъ весь 1719 годъ, а вѣдомости въ финансовыя коллегіи доставлены не были, и Петръ принужденъ былъ еще на годъ отсрочить открытіе дѣйствій финансовыхъ коллегій. Разосланнымъ по губерніямъ офицерамъ даны были исключительныя полномочія, чтобы торопить медлительное губернское начальство. Но отвѣты и отъ офицеровъ получались неутѣшительные: изъ Московской, Архангелогородской, Смоленской и Сибирской губерній они доносили, что вице-губернаторы и воеводы одни еще не докончили составленіе вѣдомостей, „а другіе и ничего не учинили“. Посланный въ Азовскую губернію подпоручикъ Селивановъ попробовалъ-было посадить подъ арестъ виновныхъ въ медленности чиновниковъ, но они „изъ-за караула пошли сильно“. Камеръ-коллегія слагала съ себя отвѣтственность за то, что и въ 1721 г. не состоится открытіе ея дѣятельности за неприсылкой вѣдомостей. Сенатъ шлетъ снова грозные указы губернаторамъ, но и это не помогало: новая отчетность не устроилась и въ 1721 году.

Не получая вѣдомостей и не имѣя потому возможности составить общихъ отчетовъ, камеръ- и штатсъ-коллегіи останавливали контрольную дѣятельность ревизіонъ-коллегіи. Дѣятельность свою ревизіонъ-коллегія открыла съ 1719 г., но занималась пока исключительно повѣркой отдѣльныхъ суммъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Это была чисто-случайная и безсистемная работа. Общей же отчетности она не могла вести по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній. „Хотя ревизіонъ-коллегія по должности своей прочимъ государственнымъ коллегіямъ черезъ посланныя памяти дважды уже напоминала, чтобы оныя о приходѣ и о расходѣ денежныя казны подчиненнымъ своимъ счеты заблаговременно готовить приказали, токмо какъ изъ коллегій, такъ и изъ канцелярій по тѣмъ требованіямъ вѣдомостей ниоткуду не прислано, кромѣ иностранной и бергъ-коллегіи нѣкоторыхъ вѣдомостей, и счеты прошлаго 1720 году о приходѣ и расходѣ денегъ и всякой казны въ готовности ли, о томъ ниоткуду неотвѣтствовано“.

Открытіе дѣйствій коллегій не замедлило вызвать нужду опредѣлить ихъ отношеніе къ сенату. Пока не было коллегій, сенатъ собственно сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ тѣ дѣла, которыя теперь очутились въ главномъ завѣдываніи коллегій. Теперь же рядомъ съ правительствующимъ сенатомъ стали тоже правительствующія коллегіи. Получилась двойственность въ ходѣ дѣлъ, одни и тѣ же дѣла шли и въ сенатъ и въ коллегіи. Сенатъ долженъ былъ понукать всѣ учрежденія посылать скорѣе отчетныя вѣдомости въ коллегіи, а коллегіи, чувствуя себя въ этомъ отношеніи на

равной ногѣ съ сенатомъ, не посылали туда никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ нихъ. 7 іюля 1721 года Петръ распорядился, чтобы въ сенатъ доставлялись ежемѣсячныя и ежегодныя донесенія изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, „дабы о всемъ всегдашнее извѣстіе безъ справокъ съ коллегіями въ сенатѣ имѣлось“. Когда вся отчетность изъ коллегій стала направляться въ сенатъ, оказалось излишнимъ существованіе ревизіонъ-коллегіи, и Петръ указомъ 12 января 1722 г. распорядился „ревизіонъ-коллегіи быть въ сенатѣ, понеже едино дѣло есть, что сенатъ дѣлаетъ, и не разсмотря тогда учинено было“. Тогда же Петръ повелѣлъ, чтобы президенты коллегій не засѣдали въ сенатѣ. Всѣ эти распоряженія выдвинули сенатъ на первое мѣсто въ управленіи государствомъ, и коллегіи сдѣлались фактически подчиненными сенату.

Еще въ 1719 г. Петръ долженъ былъ дать строгій указъ въ юстицъ-коллегію, гдѣ начались между членами коллегіи „безсоюзство, разности и свары“ на почвѣ, казалось бы, давно позабытаго мѣстничества. Коллегія эта оказалась, кромѣ того, заваленной дѣлами, поступившими сюда изъ семи прежнихъ приказовъ—изъ помѣстнаго, всѣхъ судныхъ, сыскного, земскаго, да сюда же направлялись еще всѣ фискальскія дѣла. Президентъ юстицъ-коллегіи Андрей Матвѣевъ взмолился отъ такого „несноснаго бремени“. „Всякую недѣлю,—писалъ онъ царю,—по три дня всѣмъ президентамъ опредѣленъ съѣздъ въ сенатъ, а два дни на расправу коллежскую; членамъ же коллегіи однимъ во время отлучки моей въ сенатъ рѣшать дѣла нельзя, отъ чего въ такихъ многочисленныхъ дѣлахъ безпрестанная остановка и на коллегію нареканіе. Въ той же многодѣльной коллегіи нынѣ вице-президента и добрыхъ помощниковъ нѣтъ... Когда при коллегіи бываю я, то работаю сколько могу по малымъ моимъ силамъ, и дѣла рѣшаются; но хотя рѣшаются они и настоящимъ образомъ, однако не только мнѣ, но и ангелу безплотному на народъ нашъ угодить и безъ упрековъ отъ него быть никакъ нельзя, какъ Вашему Величеству самому извѣстно. Изъ юстицъ-коллегіи въ три года дѣлъ съ 15 перенесено въ сенатъ по челобитью недовольныхъ, да и тѣ еще тамъ не рѣшены и ничего на коллегію (т.-е. на ея несправедливость) не показано. Въ прошлыхъ годахъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, когда сидѣлъ въ московскомъ судномъ приказѣ, то въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ по челобитьямъ на его вершенье было перенесено въ расправную палату: и тому судьѣ угодить на нашъ народъ было невозможно. Юстицъ-коллегія, исполняя все вѣрно и не угождая произволамъ нѣкоторыхъ, нажила себѣ многихъ непріятелей, всегда вредящихъ тайно и явно; особливо же нѣкоторая знатная особа, которая важное имѣла прежде дѣло у насъ въ коллегіи и не получила желаемаго ею успѣха, несетъ на меня партикулярно свою неукротимую злобу, и гдѣ найдетъ случай, великій вредъ мнѣ причиняетъ и другихъ къ тому же подучаетъ; нравъ этой особы, думаю, и самому Вашему Величеству извѣстенъ. Такъ же и другія знатныя особы, имѣющія по фискаль-

скимъ доношеніямъ на себя дѣла, а иныя за своихъ сродниковъ и пріятелей заступаясь, увидавъ, что я имъ безъ поманки и безъ всякой корысти по дѣламъ ихъ не угождаю, всячески съ своими пріятелями и фамиліями намѣреваются и угрожаютъ у Вашего Величества и въ сенатѣ всегдашній вредъ мнѣ причинять, отчего я, въ такомъ своемъ крайнемъ сиротствѣ будучи постоянно, опасаюсь ихъ, ибо и Геркулесъ едва ли бы могъ противъ двоихъ стоять".

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ шли свои нелады. Здѣсь вице-канцлеръ П. П. Шафировъ былъ въ большихъ контрахъ съ канцлеромъ Г. И. Головкинымъ. На засѣданіи коллегіи 19 мая 1719 г. канцлеръ Головкинъ предложилъ, чтобы, согласно съ именнымъ его величества указомъ, дѣла слушать, рѣшать и подписывать всѣмъ членамъ коллегіи. Подканцлеръ баронъ Шафировъ на это возразилъ, что онъ съ находящимися теперь налицо членами дѣлъ подписывать не будетъ и въ томъ протестуетъ, причемъ одного изъ членовъ, Петра Курбатова, назвалъ канцлеровой креатурой, добавивъ еще, что ему съ членами, которые изъ подьячихъ, и сидѣть-то стыдно. Канцлеръ возразилъ, что хотя Петръ Курбатовъ и Василій Степановъ, дѣйствительно, изъ подьячихъ, но теперь они коллегіи совѣтники и полноправные ея члены, и что мнѣніе каждаго члена коллегіи положено записывать въ протоколъ и крѣпить приговоры всѣмъ. „Я съ наушниками и бездѣльниками дѣлать дѣлъ не хочу!" — сказалъ на это съ сердцемъ подканцлеръ, всталъ и пошелъ; но въ дверяхъ остановился и закричалъ канцлеру: — „Чего ты дорожишься и ставишь себя высоко? Я и самъ такой же!" — „Какъ ты моей старости не устыдишься такими словами мнѣ досаждать и кричать!" — замѣтилъ ему на это Головкинъ. Но Шафировъ хлопнулъ дверью и, вышедши въ переднюю, передъ просителями гетманскимъ посланцемъ, калмыцкими посланцами и волохами, говорилъ служителямъ канцеляріи, что канцлеръ хочетъ коллежскія дѣла дѣлать со своими креатурами и хочетъ ихъ заставлять съ собой подписывать.

Оставшіеся въ присутствіи составили обо всемъ случившемся протоколъ и подали его государю за своими подписями.

Межъ тѣмъ Шафировъ, придя домой, потребовалъ къ себѣ на домъ совѣтника Степанова. Тотъ не пошелъ. Шафировъ подалъ на него тогда жалобу, обвиняя въ неповиновеніи. Степановъ представилъ такое оправданіе: „Я не пришелъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) 19 числа въ коллегіи подканцлеръ сказалъ, что онъ съ наушниками и бездѣльниками дѣлъ дѣлать не будетъ, и называлъ меня съ прочими креатурою канцлеровой; поэтому канцлеръ мнѣ и другимъ членамъ коллегіи ходить къ нему не велѣлъ; 2) боялся я того, чтобы меня не убилъ, потому что, прибивши Губина (тоже члена коллегіи), говорилъ онъ, чтобы и мы того же опасались. Подканцлеръ потомъ подьячему Аврамову говорилъ, что онъ звалъ меня тогда не для дѣла, но хотѣлъ вывѣдать о запискѣ протокола, врученнаго Вашему Величеству; еще и то говорилъ, что хотя бы онъ и побилъ меня, то бы мнѣ можно за его ко мнѣ благодѣянія

то снесть. Я о моей персонѣ не говорю, токмо характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брань терпѣть“.

Чѣмъ кончилось это дѣло —неизвѣстно. Царскимъ расправамъ протоколовъ не велось, но то обстоятельство, что это дѣло оборвалось и осталось безъ видимаго конца, свидѣтельствуетъ о его завершеніи въ токарной, гдѣ царская дубинка, вѣроятно, сдѣлала хорошій „промепадъ“ по упитанной спинѣ сварливаго подканцлера.

Всѣ эти мелкіе и крупные случаи, тормозившіе дѣятельность коллегій, заставили Петра нѣсколько измѣнить свой прежній взглядъ на коллегіи, какъ на лучшее средство устроить благоденствіе страны. Не разувѣрившись въ учрежденіяхъ, Петръ лишній разъ убѣдился, что люди могутъ испортить и лучшія учрежденія. Къ концу жизни Петру стало ясно, что возлагаемыя имъ на коллегіальныя начала въ управленіи надежды, благодаря исполнителямъ, далеко не всегда оправдываются, и онъ снова начинаетъ больше вѣрить отдѣльнымъ лицамъ, нежели коллегіямъ, и тогда-то особое значеніе наблюдателей за законностью и правильностью дѣлъ въ коллегіяхъ пріобрѣтаютъ прокуроры, подчиненные генералъ-прокурору П. И. Ягужинскому. Горькой ироніей звучатъ отдѣльныя письма Петра къ Ягужинскому относительно необходимости надзора за дѣятельностью коллегій. Петръ рекомендуетъ Ягужинскому, чтобы онъ внушилъ своимъ подчиненнымъ „гораздо смотрѣть“, такъ ли все дѣлается въ коллегіяхъ, какъ надобно; „а ежели что не такъ,—пишетъ въ одномъ письмѣ царь,—то чтобъ тебѣ рапортовали, и виновныхъ бы, сыскавъ и освидѣтельствовавъ, наказать, понеже за глазами, чаю, много диковинокъ есть“.

Да диковинокъ и не могло не возникнуть. Преобразованіе высшихъ учрежденій проходило въ общемъ крайне безсистемно и безпорядочно. Никакого предварительнаго плана реформы составлено не было. Въ самую работу было внесено много труда и вдумчивости, но отсутствіе общаго плана часто сосредоточивало все вниманіе преобразователя и его сотрудниковъ на однѣхъ сторонахъ дѣла въ явный ущербъ другимъ. Приступая къ реформѣ, не опредѣлили заранѣе ея границъ. Заимствуя съ западныхъ образцовъ коллежское устройство, не знали, что придется перестраивать сенатъ, не сразу пришли къ сознанію того, что „всѣ коллегіи касаются до губерній, и того ради потребно, чтобъ правительство губернское въ извѣстной мѣрѣ поставить“. Одновременно съ коллегіями предприняли переустройство губернскихъ учрежденій, но мало думали о необходимости строгаго согласованія отдѣльныхъ частей мѣстнаго и центральнаго управленія. При самой реформѣ часто второстепенное и менѣе важное изготовлялось и пускалось въ ходъ раньше устройства основного распорядка. Въ результатѣ отсутствія общаго плана преобразованій, заранѣе достаточно разработаннаго и согласованнаго съ другими реформами, и явились пробѣлы, недосмотры, ошибки и противорѣчія, ко-

торыя приводили на дѣлѣ совсѣмъ не къ тому, чего хотѣлъ достичь реформаторъ. Нѣкоторымъ наблюдателямъ тогдашней русской жизни, Фоккеродту, напр., казалось, что съ реформой торопились, „что только большие путаницы можно ожидать отъ нихъ (коллегій) въ дѣлопроизводствѣ, а не порядка и точности“. Это такъ и было — и путаницы и безпорядка оказалось достаточно, но Петръ не почилъ на лаврахъ, по мѣрѣ силъ и возможности онъ старался бороться съ недостатками новаго устройства

Царь Петръ трудился, не покладая рукъ, въ сознаніи тѣхъ высокихъ цѣлей, какія онъ себѣ ставилъ и въ которыхъ видѣлъ „пользу общую“, „благо государственное“. Безъ преувеличенія можно сказать, онъ былъ самымъ работящимъ и честнымъ служакою и слугою отечества. Все, что происходило въ государствѣ, совершалось у него на глазахъ, подъ его неусыпнымъ наблюденіемъ и прямымъ руководствомъ. Что это такъ—свидѣтельствуетъ огромное по своимъ размѣрамъ письменное наслѣдіе Петра, необозримое множество написанныхъ самимъ Петромъ или подъ его диктовку, помѣченныхъ и правленныхъ его рукою писемъ, указовъ, всякаго рода документовъ. Эта личная работа Петра сосредоточивалась въ учрежденіи, которое было его личной канцеляріей и называлось кабинетомъ его царскаго величества. Кругомъ дѣлъ и характеромъ дѣятельности кабинетъ Петра Великаго нѣсколько напоминаетъ тайный приказъ царя Алексѣя. Въ кабинетѣ такъ же, какъ въ тайномъ приказѣ, сосредоточивались всѣ нити текущей направляющей и контролирующей дѣятельности самодержца по управленію государствомъ, собственнымъ его хозяйствомъ и особо близкими вкусамъ царя или интересовавшими его временно дѣлами. По доношенію начальника этого кабинета—тайнаго секретаря А. В. Макарова — предметами вѣдѣнія кабинета къ концу царствованія были: 1) корреспонденція (т.-е. сношеніе) со всѣми россійскими министрами и агентами, обрѣтающимися при чужестранныхъ дворѣхъ, и немалые счеты съ ними, 2) корреспонденція со всѣми россійскими губернаторами, вице-губернаторами и прочими управителями... 3) челобитныхъ въ кабинетъ входитъ не меньше того, какъ и къ рекетмейстеру... 4) съ сенатомъ, съ синодомъ и съ прочими коллегіями, канцеляріями и конторами по разнымъ дѣламъ предложенія, сношенія, справки, 5) особливыя строенія, которыя изъ кабинета, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Рогервикѣ, въ Дубкахъ, которымъ присылаются репорты, а наипаче счеты не малые; также петергофскимъ и стрѣльнинскимъ строеніямъ счеты... 6) расходъ придворный всякій, въ томъ числѣ: а) содержаніе придворныхъ служителей жалованьемъ, платьемъ и прочимъ, б) расходъ по токарнѣ, по партикулярнымъ судамъ (кораблямъ) немалый всякимъ покупкамъ, в) именинникамъ, поздравляльщикамъ, славельщикамъ, г) посылающимся въ разныя мѣста курьерамъ, д) переводъ черезъ векселя за море на обрѣтающихся тамо учениковъ и за покупныя за моремъ огородныя (т.-е. садовыя) деревья, сѣмена и за прочія вещи и шкиперамъ за провозъ заплата, е) за объявле-

ніе монструмовъ и на родины родильницамъ и бабкамъ и другіе тому подобные мелочные расходы, которыхъ всѣхъ подробно описать не мочно; въ кабинетѣ же вѣдаются: 7) вновь вышедшіе изъ Англіи, Голландіи и Франціи мастеровые люди дачею жалованья, снабденіемъ матеріаловъ, принадлежащихъ къ ихъ работамъ, 8) канцелярія отъ строеній со всѣмъ штатомъ и расходомъ государственныхъ строеніевъ... 9) Борисъ Нероновъ съ огородными всякими дѣлами, съ мастеровыми людьми, съ садовниками и звѣровщиками, 10) о полковыхъ дѣлахъ табели и прочія вѣдомости.

Въ кабинетѣ составлялся журналъ всѣмъ событіямъ царствованія и писалась, при дѣятельномъ сотрудничествѣ самого государя, „исторія“ его царствованія и дѣяній. Кабинетъ производилъ иногда слѣдствіе по дѣламъ о растратахъ и казнокрадствѣ высшихъ чиновъ; въ кабинетъ поступали экстракты, т.-е. изложеніе въ выдержкахъ, судебныхъ дѣлъ, почему-либо интересовавшихъ государя; въ кабинетъ поступало много доносовъ по дѣламъ объ измѣнѣ, по злоумышленіямъ противъ здравія государева и по нарушенію кѣмъ-либо казеннаго интересу. Эти дѣла отсылались обыкновенно для разбора въ Москву, въ преображенскій приказъ, а съ 1718 года направлялись въ учрежденную тогда тайную канцелярію въ С.-Петербургѣ. Въ кабинетъ поступали всѣ, такъ называемыя, подметныя письма, т.-е. анонимныя осужденія самого Петра, его дѣлъ и сотрудниковъ. Эти безыменные доносы очень раздражали царя, и онъ велѣлъ въ 1715 г. особымъ указомъ объявить, что „кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ самому государю“. Всѣ эти анонимные доносы и письма царь прочитывалъ и дѣлалъ на нихъ свои замѣтки. На ряду съ подметными письмами поступали въ кабинетъ и всѣ проекты по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, составлявшіеся различными добровольцами и радѣтелями о благѣ общемъ, разсчитывавшими въ случаѣ удачи своего предложенія на милость государя. Многіе эту милость и получали, но другимъ, неудачливымъ прожектерамъ приказывалось объявить, чтобъ впередъ не врали и дурость свою не объявляли.

Такимъ образомъ, дѣйствительно, „всѣ стихіи державной власти, соединяющіяся въ особѣ государя, находили свое средоточіе въ кабинетѣ его величества, отражались дѣятельностью этого учрежденія“.

Тайный кабинетъ-секретарь Петра Великаго, бывшій скромный подьячій, А. В. Макаровъ до конца царствованія не имѣлъ даже никакого чина и самое званіе кабинетъ-секретаря получилъ только въ 1722-мъ году, находясь во главѣ кабинета съ 1704 года. А. В. Макаровъ неотлучно сопровождалъ царя какъ въ его путешествіяхъ, такъ и въ морскихъ и сухопутныхъ походахъ. Современники отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и милостивомъ и всѣмъ доступномъ. Какъ исполнительный, трудолюбивый

чиновникъ, чуждый тѣхъ корыстолюбивыхъ поползновеній, какими были больны многіе, очень многіе изъ сотрудниковъ Петра, А. В. Макаровъ удержалъ свое вліятельное мѣсто при царѣ за все время его царствованія, пользуясь все возраставшимъ довѣріемъ и расположеніемъ Петра.

По приказанію царя, Макаровъ сносился со всѣми высшими учрежденіями государства, и эти письма „за рукою секретарскою“, т.-е. написанныя по приказанію царя, но подписанныя Макаровымъ, имѣли характеръ высочайшихъ повелѣній. Всѣ въ правительствѣ знали, что черезъ Макарова объявляется высочайшая воля, да и самъ царь за двадцать лѣтъ работы и службы Макарова привыкъ смотрѣть на него, какъ на человѣка, который все знаетъ и отъ котораго всегда можно получить справки и свѣдѣнія по любому вопросу. Въ сознаніи этого своего значенія Макаровъ пишетъ въ 1714 г. ревизору В. Зотову, извѣстивъ его о полученіи писемъ относительно того, что Котлинская гавань „къ нынѣшней зимѣ не поспѣетъ“, что государь „объ этомъ уже извѣстенъ чрезъ письма высокоправительствующаго сената“, а онъ, Макаровъ, проситъ „впредь о нужнѣйшихъ такихъ дѣлахъ, подобныхъ сему... заранѣе, хотя вкратцѣ, сюда писать для извѣстія его царскому величеству, а особливо его царское величество изволитъ спрашивать у меня извѣстія о исполненіи его именныхъ указовъ, что по которымъ учинено и зачѣмъ не учинено... Прошу, дабы и впредь меня изволили о всемъ увѣдомлять, дабы я по тѣмъ вашимъ письмамъ могъ доносить его царскому величеству, и для того въ тѣхъ письмахъ излишнихъ куплементовъ писать не извольте для того, что я тѣ письма показываю самому государю“... который, какъ извѣстно, терпѣть не могъ многословія и комплиментовъ, требуя только дѣла и яснаго, точнаго изложенія.

Тайный кабинетъ-секретарь А. В. Макаровъ (1674—1740).

Черезъ кабинетъ, т.-е. черезъ тайнаго кабинетъ-секретаря, высшія учрежденія государства и чины получали похвалы и порицанія за свою дѣятельность. Въ письмахъ Мака-

рова встрѣчаются сообщенія о томъ, что ту или иную вѣсть государь „зѣло за противно принялъ“, секретарь порой грозитъ чиновникамъ, что за неисправность имъ придется „жестоко отвѣчать“, секретарь кабинета беретъ на себя смѣлость кое о чемъ и не докладывать до времени государю; „о семъ его величеству,—пишетъ А. В. Макаровъ,—за слабымъ его здоровьемъ доносить не разсудилъ за благо“, а передавая распоряженіе государя,неизмѣнно добавляетъ: „и по оному изволите учинить рѣшеніе“. Въ докладахъ канцеляріи сената господамъ сенаторамъ довольно часто встрѣчаются отмѣтки, что письма Макарова на имя оберъ-секретаря сената Щукина или на имя кого-нибудь изъ сенаторовъ служатъ основаніемъ къ разсмотрѣнію сенатомъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ; это, конечно, потому, что за скромной подписью кабинетъ-секретаря крылось властное распоряженіе или предложеніе самого государя. Но Макаровъ и самъ высказываетъ иногда свое мнѣніе, всегда, впрочемъ, оговариваясь, что онъ пишетъ то „не въ указъ“ гг. сенаторамъ, а отъ себя лично; но такъ какъ всѣмъ было вѣдомо, какъ хорошо и близко извѣстны были кабинетъ-секретарю взгляды, планы и намѣренія государя, то скромныя мнѣнія кабинетъ-секретаря всегда имѣли большой вѣсъ и значеніе и, конечно, очень и очень принимались въ расчетъ тѣми, кому о томъ или иномъ дѣлѣ вѣдать надлежало. Все это дѣлало кабинетъ и его секретаря очень важными факторами въ ходѣ текущихъ дѣлъ по управленію государствомъ.

Кабинетъ получилъ особенно большое значеніе въ правительственной машинѣ послѣ 1715 года, когда въ казнѣ его стали сосредоточиваться для оплаты разныхъ экстренныхъ расходовъ, какъ личныхъ государевыхъ, такъ и государственныхъ, огромныя по тому времени суммы. До 1715 г. кабинетъ распоряжался суммами лично государевыми—его жалованьемъ по службѣ въ арміи, во флотѣ и по корабельному дѣлу и подносными деньгами, т.-е. тѣми суммами, которыя подносили государю въ честь и почесть, какъ „презентъ“, монастыри, города, отдѣльныя лица—должностныя и частныя; къ подноснымъ деньгамъ причислялся и переборъ, т.-е. тѣ суммы, которыя губернаторамъ удавалось собрать со своихъ губерній сверхъ оклада. Князь А. Д. Меншиковъ писалъ въ 1719 г., что онъ такого перебору за время управленія имъ Ингерманландіей доставилъ около милліона рублей. Кабинетная сумма за десятилѣтіе съ 1705-го по 1714-й года достигала 351.111 р. 39 к. и расходовалась преимущественно на нужды самого государя и двора, но и на государственныя—военныя и дипломатическія —нужды расходовалось изъ кабинета немало. Съ 1714—1715 гг., когда началась дѣятельность Петра по устройству гражданства, онъ хотѣлъ имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи бóльшія суммы, и тогда въ кабинетъ начинаютъ отчисляться изъ вѣдомствъ, собиравшихъ годарственные доходы, сотни тысячъ рублей. Главнымъ источникомъ, пополнявшимъ кабинетную казну, былъ соляной сборъ, налогъ на соль, вѣ-

давшійся въ особой соляной конторѣ. Эта соляная контора была изъята изъ вѣдѣнія сената, и суммами ея распоряжался самъ государь черезъ свой кабинетъ. Ежегодно поступало изъ соляного сбора въ распоряженіе кабинета до 600.000 руб. тогдашнихъ. Главная масса этихъ денегъ тратилась на выдачу съ возвратомъ или безъ возврату на нужды преимущественно военнаго и морского вѣдомствъ. На счетъ ея шились мундиры и епанчи солдатамъ гвардейскихъ полковъ; въ 1719 г. адмиралтейству было выдано заимообразно изъ кабинета 100.000 рублей „для отправленія нынѣшней кампаніи“, т.-е. на военно-морскія нужды по организаціи плаванія эскадръ; камеръ-коллегіи тогда же выдано 56.250 р. на покупку провіанта, тоже съ условіемъ „возвратить изъ сбору провіантскихъ денегъ, которыя пришлются изъ губерній“. За всякой денежной нуждой, случающейся отъ замедленія въ получкѣ денегъ „съ губерній“, коллегіи обращаются въ кабинетъ, и кабинетъ легко удовлетворяетъ эти требованія, доходящія до милліона на наши деньги за одинъ разъ.

Кабинетъ имѣлъ поэтому очень крупное значеніе въ правительствѣ, въ ходѣ текущихъ дѣлъ управленія и суда. Но кабинетъ, сосредоточивая у себя свѣдѣнія о текущемъ дѣлѣ управленія, не могъ имѣть значенія учрежденія, руководящаго всѣмъ правительственнымъ дѣломъ. Онъ создался и все время своего существованія былъ именно только личной канцеляріей государя, всегда готовой представить по его требованію справку, какая была нужна государю. Кабинетъ не стоялъ въ ряду государственныхъ учрежденій, былъ не выше и не ниже любого изъ нихъ, это была личная справочная и исполнительная канцелярія самодержца, черезъ которую и при помощи которой онъ изъявлялъ свою волю. До учрежденія коллегій и вообще до эпохи гражданскихъ реформъ кабинетъ имѣлъ болѣе широкую и могущественную сферу дѣятельности, но и потомъ эта сила его, сократившись въ размахѣ, не уменьшилась по существу; кабинетъ остался орудіемъ волеизъявленій самодержца.

Въ системѣ петровскихъ центральныхъ учрежденій не хватало „вышняго“ руководящаго мѣста, имѣвшаго задачи созидательнаго свойства, обладавшаго правомъ, напримѣръ, законодательной инициативы и непререкаемымъ авторитетомъ для всѣхъ „низшихъ“ мѣстъ. Сенатъ, который по идеѣ, легшей въ основу его устройства, могъ бы быть такимъ „вышнимъ“ правительствомъ, на дѣлѣ оказался обремененнымъ текущей исполнительной и наблюдающей работой, забравшей все время и всѣ силы господъ сенаторовъ.

Кромѣ сената, при Петрѣ дѣйствовала еще „министерская консилія“—довольно безформенный и неопредѣленный по своему составу съѣздъ „министровъ“, или начальниковъ важнѣйшихъ отраслей управленія; вровень съ этой неустроенной консиліей стоялъ сенатъ, по плану своего учрежденія представлявшій лицо государево на время отъѣздовъ царя и обладавшій правомъ издавать временныя частныя распоряженія законодательнаго характера; коллегіи вскорѣ послѣ своего возникновенія стали подчиненными сенату органами, но начальники трехъ важнѣйшихъ коллегій—военной, морской и ино-

странныхъ дѣлъ—были и непремѣнными членами консиліи и сенаторами, чѣмъ какъ бы указывалось, что эти коллегіи не подчинены сенату. Президенты этихъ коллегій сносились съ государемъ мимо сената, и благодаря этому на практикѣ власть ихъ становилась выше власти сената. „Такимъ образомъ,—говоритъ П. Н. Милюковъ, — между тремя инстанціями центральнаго управленія—консиліей министровъ, сенатомъ и коллегіями—не существовало правильнаго іерархическаго отношенія: власть учредительная, законодательная и исполнительная безпорядочнымъ образомъ мѣшались въ каждой изъ нихъ".

Петръ сознавалъ это и предпринялъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни нѣкоторые шаги къ устраненію этого недостатка. Среди сотрудниковъ Петра шли разговоры объ учрежденіи „главнѣйшаго правленія", „кабинетъ-коллегіума" или архиканцеляріи имперіи подъ предсѣдательствомъ самого царя, причемъ сенатъ, раздѣленный на два отдѣла: 1) финансовъ и 2) юстиціи и полиціи, превратился бы въ своего рода оберъ-коллегію, высшій надзирающій надъ коллегіями органъ. Петръ умеръ среди этихъ толковъ и проектовъ, и только при его преемницѣ сотрудники Петра учредили „Верховный тайный совѣтъ", который частью удовлетворялъ необходимости стройной организаціи верховнаго управленія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ тренія и непорядки, новыя начала рѣшительно входили въ строй государственной жизни Россіи, и коллегіи, несмотря на всѣ свои недостатки, являются, бытьможетъ, наиболѣе яркимъ выразителемъ этихъ новыхъ началъ. Ни отдѣльныя злоупотребленія, ни косность отдѣльныхъ лицъ, ни плохая сорганизованность частей не должны затемнять въ нашемъ сознаніи здравую сущность новаго устройства управленія, покончившаго съ безпорядкомъ стараго; эта здравая сущность новаго устройства заключается: 1) въ стремленіи къ правильному распредѣленію частей управленія, 2) въ замѣнѣ единоличнаго приказнаго устройства на принципѣ обычая и „какъ тебя Богъ вразумитъ" коллегіальнымъ, основаннымъ на законѣ, и 3) въ стройномъ, централизованномъ единствѣ всего распорядка управленія. Если все это не осуществилось вполнѣ, то это вина не учрежденій, — въ нихъ заключались средства къ достиженію порядка и указывались пути къ нему: изъ дебрей московскаго приказнаго строя съ его безпорядочнымъ хозяйствованіемъ произвола лицъ онѣ выводили правительственную дѣятельность на опредѣленную и отчетливую дорогу къ господству закона надъ лицами въ государственныхъ учрежденіяхъ страны.

Пособіемъ при составленіи очерка служили: Полное собраніе законовъ, т. V—VII; *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго; *М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *А. Вицынъ*, Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до общаго учрежденія министерствъ; *А. Д. Градовскій*, Начала русскаго государственнаго права; *Его же*, Высшая администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры; *В. Н. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи; *А. Н. Филиповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права; „200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества"; „Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ", и др.

Видъ С.-Петербурга. Съ гравюры изъ „Брюсова календаря“.

Областная реформа Петра Великаго.

Тотъ самый Генрихъ Фикъ, который такъ много поработалъ при устройствѣ коллегій, въ особой запискѣ отъ 9 мая 1718 г., поданной царю, заявлялъ, что, разъ „всѣ коллегіи касаются до губерній, и того ради потребно, чтобы правительство губернское на извѣстной мѣрѣ поставить“, иначе, дѣйствительно, на чемъ бы основывалась вся дѣятельность, все дѣлопроизводство коллегій, если бы мѣстное управленіе осталось не приведеннымъ въ соотвѣтствіе съ новымъ раздѣленіемъ частей государственнаго хозяйства и высшей администраціи. Одновременно съ устройствомъ коллегій Петръ предпринялъ и переустройство мѣстнаго управленія.

Предшественники Петра оставили ему провинцію въ такомъ же мало приспособленномъ для отбыванія новыхъ нуждъ видѣ, какъ и приказы. Въ XVII в. территорія Московскаго государства разбивалась на уѣзды—округа, тянувшіе къ тому городу, съ которымъ данный округъ связывали хозяйственныя нужды. Во главѣ управленія каждымъ такимъ уѣздомъ стоялъ воевода, присланный изъ Москвы. Уѣзды по своему размѣру были чрезвычайно неравномѣрны—иногда очень крупны, иногда очень мелки. Число уѣздовъ было очень велико: въ 1625 году насчитывалось 146 уѣздовъ, да было еще немало волостей, существовавшихъ въ качествѣ самоуправлявшихся единицъ, такъ что въ общемъ земля Московскаго государства была чрезвычайно раздроблена; всѣ мелкія и крупныя дѣленія сносились непосредственно съ Москвой, гдѣ были разбиты по приказамъ, или завиcѣли по разнымъ статьямъ отъ разныхъ приказовъ. Все это дѣлало крайне сложнымъ и запутаннымъ отношеніе провинціи къ центру, а самое управленіе уѣздами изъ центра—неуклюжимъ и громоздкимъ.

Со второй половины XVII вѣка московское правительство, чтобы нѣсколько облегчить дѣло управленія въ Москвѣ, стало подчинять воеводъ мелкихъ городовъ воеводамъ, управлявшимъ крупными городами, въ родѣ того, такъ въ столицѣ мелкіе приказы отдавало въ вѣдѣніе сравнительно немногихъ крупныхъ. Такое соединеніе стали особенно проводить въ мѣстахъ, пограничныхъ съ Польшей и Швеціей; тутъ приходилось всегда быть въ готовности защищаться или нападать, а потому очень важнымъ являлось, чтобы подъ рукой мѣстнаго военноначальника было больше средствъ возможно чувствительнѣе для непріятеля устроить оборону или нападеніе. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича предполагалось раздѣлить всю территорію Россіи на восемь обширныхъ военныхъ округовъ, чтобы въ каждомъ вести особое усиленное военное хозяйство, съ цѣлью имѣть возможность, въ случаѣ нужды, выставить восемь сильныхъ армій. Это дѣленіе предполагалось провести и въ видахъ податныхъ, чтобы облегчить добываніе денегъ на устройство и содержаніе арміи, которую предполагалось устроить по западному образцу.

Когда Петръ завелъ армію европейскаго образца и вступилъ въ борьбу съ первой военной державой тогдашней Европы, ему пришлось много думать и заботиться о добычѣ средствъ на войну. Одной изъ первыхъ мѣръ въ этомъ направленіи и было устройство губерній. 18 декабря 1708 года появился коротенькій указъ Петра: „Великій государь указалъ, по именному своему великаго государя указу, въ своемъ Велико-Россійскомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 губерній и къ нимъ расписать города". Эти восемь губерній были: Московская съ 39 уѣздами, Ингерманландская съ 29, Кіевская съ 56, Смоленская съ 17, Архангелогородская съ 20, Казанская съ 71, Азовская съ 77 и Сибирская съ 30 городами. Губерніи, такимъ образомъ, оказывались очень обширными. Московская заключала въ себѣ нынѣшнія: Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Костромскую и часть Ярославской губерніи; Сибирская губернія охватывала не только всю Сибирь, но и нынѣшнія Вятскую и Пермскую губернію; Ингерманландская губернія тянулась отъ границъ Лифляндіи до Ярославля, Каргополя и Твери. Впослѣдствіи Петръ увеличилъ число губерній на двѣ, образовавъ Рижскую, Астраханскую и Нижегородскую, а Смоленскую уничтоживъ, какъ самостоятельную, подѣливъ ее между Московской и Рижской.

Изъ десяти этихъ губерній пять—Ингерманландская, Рижская, Архангелогородская, Азовская и Астраханская—приморскія; всѣ онѣ на краю своихъ губерній, и къ нимъ приписанъ рядъ областей, которымъ очень и очень далеко отъ моря. Съ какой цѣлью это сдѣлано? Да чтобы сборами съ этихъ областей, приписанныхъ къ приморскимъ городамъ, содержать флотъ; съ этой же цѣлью 25 городовъ съ уѣздами были приписаны къ корабельнымъ лѣсамъ; Малороссія имѣла свое гетманское управленіе, но въ горо-

дахъ края стояли русскіе гарнизоны, и въ военномъ отношеніи область управлялась русскимъ губернаторомъ: для содержанія войска въ Малороссіи оказывались какъ бы приписанными къ ней такія чисто-великорусскія мѣстности, какъ Орловскій край, часть Тульскаго; съ этой же цѣлью и къ только-что завоеванной Ригѣ приписали такой исконно-русскій городъ, какъ Смоленскъ. Новое расквартированіе войскъ вызвало образованіе новыхъ губерній—Астраханской и Нижегородской.

Губернаторы большинства петровскихъ губерній—люди военные; какъ кажется, они командовали расположенными въ губерніи войсками и въ то же время были главными начальниками гражданскаго управленія. Эти петровскія губерніи удобнѣе всего сравнить съ нашими военными округами, когда съ должностью командующаго войсками округа соединяется должность генералъ-губернатора для тѣхъ губерній, которыя входятъ въ военный округъ и составляютъ особое генералъ-губернаторство. Губернаторы другихъ губерній не всегда были изъ военныхъ; эти губерніи, какъ Казанская и Нижегородская, напримѣръ, несли главнымъ образомъ службу по снабженію флота лѣсомъ и поставляли главный контингентъ работныхъ людей для работъ по постройкѣ гаваней и крѣпостей на Котлинѣ островѣ, въ Ревелѣ и въ С.-Петербургѣ. Никакихъ задачъ по устройству мѣстнаго благосостоянія на губернаторовъ не возлагалось. Они должны были: собирать со ввѣренныхъ имъ губерній всѣ казенные сборы, блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ повинности, падавшія на губернію, были исполнены, чтобы опредѣленное съ губерній количество рекрутъ и работныхъ людей было доставлено въ срокъ. Если губернаторъ объявлялъ „приборъ", т.-е доставлялъ денегъ, запасовъ и рекрутъ сверхъ назначеннаго числа, его ожидало царское благоволеніе „яко презорца"; если же оказывался недоборъ или замедленіе въ доставкѣ, губернатору грозило „жестокое истязаніе" и штрафъ по рублю за каждаго недосланнаго человѣка, отписка имѣній въ казну и т. п., „какъ ворамъ достоитъ", или „яко измѣнникамъ и предателямъ отечества", — гласятъ соотвѣтствующіе указы Петра. Больше всего губернаторы должны были „о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія великому государю о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ, великій государь, укажетъ". Еще въ 1702 году Петръ отмѣнилъ прежнія должности губныхъ старость и полномочія ихъ передалъ воеводамъ. Но воеводы должны были управлять вмѣстѣ съ учрежденными при нихъ дворянскими совѣтами, члены которыхъ, въ большихъ городахъ - по три или по четыре, а въ меньшихъ по два—избирались по уѣздамъ помѣщиками изъ своей среды „изъ добрыхъ и знатныхъ людей"; воеводамъ предписывалось „всякія дѣла вѣдать обще съ дворянами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и дворянамъ всякому своими руками", а одному воеводѣ „безъ нихъ, дворянъ, дѣлъ никакихъ не дѣлать и указу никакого не чинить".

Съ 1712 года при губернаторахъ организуются особые совѣты

ландратовъ. По указу 20 января 1714 г. полагалось „ландратовъ выбирать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками". Но эта мѣра осуществлена не была — „указовъ о томъ не послано, а выбраны (ландраты) по разсмотрѣнію сенатскому по присланнымъ изъ губерній росписямъ",—какъ значится въ припискѣ къ пунктамъ 20-го января, сдѣланной въ сенатѣ. Сенату было предписано въ 1716 г. назначить въ ландраты офицеровъ, уволенныхъ отъ службы за ранами или за старостью и не имѣющихъ деревень. Ландратское жалованье являлось какъ бы пенсіей такимъ отставнымъ, „ибо не безъ грѣха есть въ томъ,—писалъ царь,—что такіе, которые много служили, тѣ забыты и считаются, а которые нигдѣ не служили, тунеядцы, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное". Такимъ образомъ ландраты могли быть назначены сенатомъ даже не изъ среды мѣстнаго дворянства. По указу 24 апрѣля 1713 г. ландраты должны были „всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать", составляя при немъ совѣтъ, причемъ „губернаторъ у нихъ,—какъ сказано въ указѣ,—не яко властитель, но яко президентъ". Дѣла въ этомъ совѣтѣ ландратовъ при губернаторѣ должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ,— „куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить и подписывать всѣмъ общую сентенцію". Ландраты по закону считались не подчиненными губернатору, а товарищами. Но на самомъ дѣлѣ ландратскіе совѣты оказались въ большой зависимости отъ губернаторовъ, которые, являясь во всемъ, что касается губернскихъ дѣлъ, отвѣтственными единолично передъ высшимъ правительствомъ, смотрѣли на ландратовъ, какъ на своихъ помощниковъ, которыми и хотѣли руководить по своему усмотрѣнію.

Съ 1715 г. губернія раздѣлялась на „доли" по 5536 дворовъ въ каждой, и каждая доля находилась въ завѣдываніи особаго ландрата, который въ предѣлахъ своей доли „управлялъ всякими сборами и земскими дѣлами". Въ 1715 году было приказано, чтобы каждый ландратъ жилъ въ предѣлахъ своей доли, въ опредѣленномъ городѣ, и имѣлъ дворъ для помѣщенія „приказа, тюрьмы и хоромъ, гдѣ можно ему жить"; уѣздные воеводы были отмѣнены. При губернаторѣ постоянно находились два ландрата, а ландраты, управлявшіе долями, должны были съѣзжаться въ губернскій городъ разъ въ годъ „для счета и исправленія дѣлъ". Въ этой роли ландраты изъ совѣтниковъ очень скоро и перешли на положеніе исполнителей губернаторскихъ порученій и подъ руководствомъ губернаторовъ ведутъ самыя разнообразныя дѣла по губернскому управленію—собираютъ провіантъ на армію, налоги, рабочихъ людей для построекъ и земляныхъ работъ на Котлинѣ островѣ и въ С.-Петербургѣ, высылаютъ въ столицу ямщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ и каменщиковъ, составляютъ различныя отчетныя и другія вѣдомости, принимаютъ участіе въ распредѣленіи сборовъ въ губерніяхъ, въ перепискѣ и освидѣтельствованіи количества дворовъ, и т. д.

Еще съ 1699 г. прежніе уѣзды стали именоваться провин-

ціями. Во главѣ провинцій остались прежніе воеводы; въ 1710 г. они были переименованы въ комендантовъ. Воеводы крупныхъ городовъ стали называться оберъ-комендантами, а подчиненные оберъ-коменданту воеводы мелкихъ городовъ—просто комендантами. Съ 1715 г. оберъ-комендантовъ и комендантовъ въ городахъ, гдѣ не было гарнизоновъ, замѣнили ландрихтеры. Провинціей называли по преимуществу такіе округа, которые были очень удалены отъ губернскаго города и сами по себѣ составляли опредѣленный хозяйственный и административный округъ. Такъ, приписанные къ Петербургской губерніи верхневолжскіе города, съ Ярославлемъ во главѣ, составили особую Ярославскую провинцію, и это была единственная провинція Петербургской губерніи, другая же группа городовъ ея, приписанныхъ къ олонецкой верфи, не называлась провинціей. Такимъ образомъ, правильнаго раздѣленія петровскихъ губерній на провинціи въ описываемое время сдѣлано не было, и „провинція“ — скорѣе случайное, чѣмъ офиціальное названіе той или иной группы городовъ; административнымъ дѣленіемъ до 1715 года была доля. Въ Архангелогородской губерніи были двѣ провинціи—Галицкая и Устюжская, составившіяся изъ городовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ двухъ крупныхъ средоточій губерніи—отъ Архангельскаго и отъ Вологды. Въ Московской губерніи считалось восемь провинцій; въ Кіевской совсѣмъ не было провинцій, потому что Малороссія дѣлилась по-старинному на полки.

Это первоначальное петровское раздѣленіе территоріи государства на восемь, а потомъ на десять большихъ губерній, а каждой губерніи на доли, имѣло въ виду военно-финансовыя нужды. Когда выяснилось, что война подходитъ къ концу, Петръ серьезно задумался надъ устройствомъ страны для мирнаго времени. Съ 1718 г., когда шла уже подготовительная работа по учрежденію коллегій, Петръ рѣшилъ переустройство и мѣстнаго управленія. Коллегіи и коллежское управленіе устраивались, какъ извѣстно, по западнымъ образцамъ, преимущественно по наиболѣе совершенному изъ нихъ—шведскому. Но шведское устройство коллегій опиралось на областное, поэтому-то одинъ изъ главныхъ руководителей коллежской реформы, Фикъ, и заявилъ Петру, что надо устроить и области въ зависимости отъ новаго коллежскаго распорядка. Фикъ составилъ и описаніе шведскаго областного устройства.

Въ Швеціи областное раздѣленіе имѣло три степени, подчинявшіяся одна другой: низшимъ дѣленіемъ былъ приходъ—кирхшпиль, среднею—герадъ, округъ, обнимавшій собой до 1.000 дворовъ сельскаго населенія, высшей — ландсгевдингство. Управителями кирхшпиля, герада и ландсгевдингства были — кирхшпильфохтъ, герадсъ-фохтъ и ландсгевдингъ, затѣмъ въ герадѣ и ландсгевдингствѣ были особые судьи — герадсъ-гевдингъ, или въ прибалтійскихъ провинціяхъ ландрихтеръ, и лагманъ, который въ прибалтійскихъ провинціяхъ именовался оберъ-ландрихтеръ. Прежде чѣмъ ввести новыя учрежденія во всѣхъ губерніяхъ, Фикъ пред-

лагалъ сперва для опыта ввести ихъ только въ одной какой-либо губерніи. Петръ одобрилъ предложеніе Фика, но не преминулъ замѣтить ему, что шведское устройство „отъ мужика до правителя уѣзда, а потомъ и до ландсгевдинга" надо проводить „съ русскимъ сложа". Сенату еще раньше было сдѣлано распоряженіе объ этомъ: „Сколько ландсгевдинговъ и надъ сколькими уѣздами одинъ и подъ нимъ сколько какихъ чиновъ и какъ оные связаны послушаніемъ и должностью, то выписывать и приносить въ сенатъ, гдѣ надлежитъ спускать съ русскими обычаи: что можетъ быть по-старому и что перемѣнить, то все ставить по мѣрѣ въ сенатѣ и изготовить къ будущей осени въ докладъ". Такимъ образомъ устанавливалось начать обсужденіе новаго губернскаго устройства съ осени 1718 г. и за это время подготовить сличеніе русскихъ губернскихъ учрежденій со шведскими.

Какъ и въ военномъ дѣлѣ, шведы должны были стать нашими учителями въ устройствѣ управленія. Не надо забывать, что Швеція XVII в. была самымъ могущественнымъ государствомъ сѣвера Европы; при тогдашней склонности даже выдающихся мыслителей успѣхи государства приписывать его учрежденіямъ, Петръ, никогда не чуждавшійся поучиться дѣлу хотя бы и у непріятеля, разъ оно у него поставлено разумно, легко пришелъ къ рѣшенію заимствовать шведское устройство. Онъ вообще находилъ, что по самымъ природнымъ и бытовымъ условіямъ Швеція наиболѣе подходитъ къ Россіи. Да, наконецъ, шведскія учрежденія были въ Россіи лучше другихъ извѣстны. Успѣхи войны отдали во власть Россіи прибалтійскія владѣнія Швеціи, и здѣсь русскому начальству пришлось на практикѣ знакомиться съ шведскими учрежденіями. Все это вмѣстѣ создавало практическій интересъ для знакомства съ учрежденіями Швеціи. Множество плѣнныхъ шведовъ, которые входили въ общеніе съ русскими, естественно, знакомили ихъ со своей страной, а наши нарвскіе плѣнники знакомились невольно съ устройствомъ шведскаго государства на мѣстѣ. Благодаря этому легко было найти людей, которые могли проводить въ жизнь именно шведскія, а не какія-либо другія учрежденія. Такимъ образомъ шведское устройство управленія вовсе не было заимствовано Петромъ случайно или вслѣпую, а выбрано очень и очень сознательно.

Простымъ подражателемъ какимъ бы то ни было образцамъ, въ своей многосторонней преобразовательной дѣятельности—касалось ли дѣло кораблей или устройства губерній,—Петръ не былъ и всегда, насколько могъ и умѣлъ, изучалъ дѣло и приноравливался къ тѣмъ обстоятельствамъ и къ тому мѣсту, гдѣ заимствованное дѣло будетъ дѣлаться. Его корабли оказывались приспособленными къ плаванію въ неглубокихъ финскихъ водахъ, изрѣзанныхъ шхерами, и сидѣли въ водѣ меньше, чѣмъ образцовые корабли голландскаго и англійскаго флота; его солдатъ былъ одѣтъ въ одежду европейскаго образца, но безъ лишнихъ парадныхъ украшеній и по закрытому своему покрою разсчитанную на

климатъ „парадиза“; коллегіи были заимствованы со шведскаго образца, но не цѣликомъ: такъ, учреждена была неизвѣстная Швеціи юстицъ-коллегія, и во многомъ иначе, ближе къ условіямъ русской жизни, устроены остальныя. То же было и съ областнымъ устройствомъ: сенату, который долженъ былъ обсуждать проектъ преобразованія, настоятельно вмѣнялось не придерживаться слѣпо шведскихъ образцовъ, а складывать и сводить русское со шведскимъ и, не стѣсняясь, отсѣкать въ шведскихъ образцахъ то, что ввести въ Россіи оказывалось бы невозможнымъ.

И сенатъ очень вдумчиво отнесся къ порученному ему дѣлу. Разрабатывая представленный ему проектъ, сенатъ выкинулъ изъ проекта низшую шведскую областную единицу — кирхшпиль, или приходъ, объясняя свой поступокъ тѣмъ, что приходъ—слишкомъ непривычное административное дѣленіе, что болѣе привычное въ этомъ отношеніи — городъ, а затѣмъ сенатъ указывалъ на слишкомъ низкій уровень развитія крестьянства и высказывалъ опасеніе, что „въ уѣздахъ изъ крестьянства умныхъ людей нѣтъ“ для несенія низшихъ должностей по областному управленія. Два другихъ шведскихъ провинціальныхъ дѣленія—герадъ и ландсгевдингство—были приняты подъ названіемъ — дистриктъ и провинція, только получили гораздо болѣе обширные размѣры. Въ Швеціи герадъ охватывалъ не болѣе 1.000 крестьянскихъ дворовъ, въ Россіи дистриктъ предполагалось устроить вдвое большимъ, чтобы онъ включалъ до 2.000 дворовъ. Точно такъ же увеличена была въ своихъ размѣрахъ противъ шведскаго образца и провинція. Дѣло въ томъ, что сенатъ при обсужденіи проекта новаго губернскаго управленія долженъ былъ имѣть въ виду возможно дешевое устройство управленія и, по мѣрѣ возможности, не выходить изъ стоимости стараго управленія. Болѣе дробное дѣленіе увеличило бы количество чиновниковъ, а слѣдовательно и количество отдѣльныхъ содержаній. Надо было считаться и съ трудностью найти людей, годныхъ для отбыванія новыхъ должностей.

26 ноября 1718 г. Петръ утвердилъ опредѣленіе сената о введеніи шведскихъ губернскихъ учрежденій и назначилъ годичный срокъ для окончательнаго устройства новаго областного управленія. Съ 1720 года новыя учрежденія должны были начать дѣйствовать, „а для примѣра лучшаго“ велѣно было въ С.-Петербургской губерніи „зачать съ іюля 1719 г. по-новому“. По новому учрежденію въ С.-Петербургской губерніи были образованы 14 провинцій. Каждая провинція дѣлилась на 5 дистриктовъ, состоявшихъ каждый изъ 1.500—2.000 дворовъ. Въ отличіе отъ губернскаго и провинціальнаго, управленіе дистрикта носило названіе земскаго. Во главѣ каждаго дистрикта стоялъ для управленія „земскій комиссаръ“; при каждомъ земскомъ комиссарѣ состояли подьячій и три разсыльщика. Начальникомъ провинціи былъ воевода (ландсгевдингъ); кромѣ судебныхъ чиновъ, въ провинціальномъ управленіи значились еще: правитель канцеляріи воеводы, именовавшійся земскимъ секретаремъ; камериръ, подчиненный камеръ-коллегіи—

начальникъ финансоваго управленія провинціи; рентмейстеръ—казначей, собиравшій и хранившій деньги въ рентереѣ — казнѣ. Къ провинціальному управленію принадлежали еще земскіе фискалъ, землемѣръ, вальдмейстеръ, гевальтигеръ, или „староста тюремный“, и нѣкоторые другіе чины. Само собой разумѣется, что при всѣхъ этихъ начальникахъ должно было состоять достаточно писцовъ и подьячихъ.

29 мая 1719 г. Петръ утвердилъ распредѣленіе на провинціи и другихъ губерній. „Въ тѣхъ провинціяхъ велѣно быть: въ порубежныхъ въ знатныхъ генераламъ-губернаторамъ, а въ другихъ провинціяхъ—губернаторамъ, вице-губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ, а въ прочихъ, окромя Московской, внутреннихъ во всѣхъ провинціяхъ воеводамъ (ландегевдингамъ)“. По смыслу этого указа, казалось, провинція должна была сдѣлаться высшимъ областнымъ дѣленіемъ, но этотъ указъ не отмѣнилъ прежнихъ губерній, которыя продолжали существовать. Какъ можно думать, Петръ не отмѣнилъ губерній потому, что онѣ ему были нужны, какъ военные округа, и въ этомъ смыслѣ провинція стала подраздѣленіемъ губерніи, какъ нынѣшняя губернія всегда является частью военнаго округа. Провинціальный воевода не былъ подчиненъ губернатору и только иногда становился въ извѣстное ему подчиненіе, какъ къ военному начальству, напримѣръ, по дѣламъ о рекрутскомъ наборѣ, о высылкѣ въ губернію на смотръ недорослей и т. п. Затѣмъ, съ 1722 г. воевода былъ сдѣланъ предсѣдателемъ провинціальнаго суда, а губернаторы сдѣлались президентами высшихъ надворныхъ судовъ, да и въ этомъ судебномъ отношеніи воевода подчинялся не лично губернатору, а надворному суду—цѣлому коллегіальному учрежденію, предсѣдателемъ котораго состоялъ губернаторъ.

Указъ Петра о томъ, чтобы новое областное управленіе начало дѣйствовать съ 1 января 1720 года, такъ же мало осуществился, какъ и указъ о начатіи въ опредѣленный срокъ дѣйствія коллегій. Въ теченіе всей осени 1719 г. сенатъ занимался назначеніями и отправкой по провинціямъ воеводъ и, кажется, успѣлъ назначить ихъ во всѣ предположенныя провинціи. Назначенія на второстепенныя должности производились въ коллегіяхъ и шли довольно мѣшкотно: по крайней мѣрѣ, еще въ февралѣ 1720 года сенатъ не имѣлъ извѣстій отъ коллегій ни о назначеніяхъ, ни вообще о ходѣ новаго порядка управленія во многихъ провинціяхъ.

Понемногу стали, однако, поступать извѣстія, и тутъ выяснилось, что новый порядокъ не вездѣ установился, потому что въ однѣ провинціи еще не были назначены, кромѣ воеводъ, другіе чины, а въ другія провинціи воеводы еще не пріѣхали. Въ Тульскую провинцію воевода прибылъ только 6 апрѣля, т.-е. съ запозданіемъ на 4 мѣсяца. Воеводъ приходилось торопить ѣхать въ провинціи, и сенатъ назначилъ даже особаго секретаря „понуждать“ не спѣшившихъ воеводъ ѣхать въ ихъ провинціи. Посланные отъ губернаторовъ драгуны разыскивали назначенныхъ на воеводство

лицъ по ихъ деревнямъ, гдѣ они проживали, откладывая со дня на день отъѣздъ на службу. Еще медленнѣе, чѣмъ воеводы, собирались въ провинцію второстепенные чины. Астраханская провинція въ сентябрѣ 1720 года жаловалась, что въ ней нѣтъ ни камерира, ни рентмейстера и ни одного комиссара; въ Галицкую провинцію рентмейстеръ не явился еще и въ іюлѣ 1721 г. Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ провинціяхъ. Сенатъ долженъ былъ издать строгій указъ воеводамъ—„сыскивать“ неявившихся камерировъ и комиссаровъ, и грозилъ ослушникамъ жестокимъ штрафомъ и конфискаціей имущества.

Но, когда новые назначенные чины и во-время поспѣвали на свои мѣста, они не всегда могли сейчасъ же начать отправленіе своей должности. Многіе изъ ландратовъ были назначены на новыя должности, но не въ своей провинціи, а въ другихъ. Межъ тѣмъ имъ было запрещено ѣхать на новыя мѣста до тѣхъ поръ, пока они не сдадутъ свои должности и казенное имущество подъ расписку новымъ назначеннымъ чинамъ. Что было дѣлать такому ландрату? Къ нему пришли два указа—одинъ приказывалъ ему какъ можно скорѣе ѣхать на новую должность въ ту провинцію, куда онъ былъ назначенъ, а другой указъ предписывалъ дожидаться на прежнемъ мѣстѣ новаго воеводу, который къ тому же иногда запаздывалъ. Происходила большая путаница—одни ландраты, назначенные быть воеводами или камерирами, не ѣхали на свои мѣста, дожидаясь себѣ преемниковъ; другіе ѣхали, и тогда вновь прибывшіе чины никакъ не могли разобраться въ той кучѣ дѣлъ, которую имъ оставили въ наслѣдство повиновавшіеся указу ѣхать.

Бывали и такіе случаи, что ландраты просто не хотѣли сдавать должность вновь прибывшимъ чинамъ. Причины тутъ были разныя. Угличскій ландратъ Нарышкинъ долго не хотѣлъ сдавать свою должность новому угличскому воеводѣ Бутурлину, своевременно прибывшему въ Угличъ, а самъ не ѣхалъ въ Ярославль, куда былъ назначенъ воеводой. Причина оказалась простой: Нарышкинъ растратилъ казенныя деньги, что при сдачѣ должности неминуемо и обнаружилось. Сенатъ предписалъ вновь назначеннымъ воеводамъ арестовывать упрямыхъ ландратовъ и подъ карауломъ въ оковахъ посылать въ Петербургъ. Благодаря такимъ затрудненіямъ „все стало въ остановкѣ,—доноситъ сенату московскій губернаторъ,—нынѣ не точію по новому maнеру, но и по старому сбирать стало некому, понеже ландраты, которые въ Московской губерніи были у дѣлъ въ доляхъ, и оные указами изъ канцеляріи сената и изъ коллегій разобраны къ разнымъ дѣламъ и въ другія губерніи, а именно: въ камериры, въ рентмейстеры, въ комиссары и въ судьи, тогда какъ новыхъ воеводъ въ Московской губерніи явилось малое число, и тѣ еще въ дѣйство не вступили“.

Но понемногу въ теченіе 1720 и 1721 гг. новое мѣстное управленіе устроилось. Во главѣ провинціи сталъ воевода. Воевода долженъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію провинціей

руководствоваться особой „инструкціей“. Эта инструкція—одна для всѣхъ воеводъ — возлагаетъ на нихъ очень широкія обязанности. Воеводѣ прежде всего предписывается „во всемъ царскаго величества интересъ и государственную пользу тщательно остерегать“, заботиться о внѣшней безопасности провинціи отъ непріятельскаго вторженія, не допускать въ нее непріятельскихъ шпіоновъ, „крѣпости провинціи своей по вѣрности его царскому величеству содержать и оныхъ никому другому не сдавать“; воевода долженъ былъ имѣть надзоръ и за внутренней безопасностью провинціи, смотрѣть, „чтобы никому насилія, грабежа чинено не было, а воровство бы и всякіе разбои и преступленія весьма бы были прекращены и по достоинству наказаны“; особенно рекомендовалось воеводѣ зорко смотрѣть, чтобы не было въ провинціи всякаго рода гулящихъ людей и просителей милостыни, которыхъ такъ не терпѣлъ Петръ; этихъ „бездѣльниковъ“ предписывалось хватать и отдавать въ какую-либо работу; воевода долженъ былъ смотрѣть, чтобы соблюдались всѣ права и преимущества, дарованныя каждому сословію; крѣпостное крестьянство поручалось особой заботливости воеводы—онъ долженъ былъ брать въ опеку деревни тѣхъ помѣщиковъ, которые оказывались „непотребными и безпутными разорителями“; воевода долженъ былъ заботиться о матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ благосостояніи населенія своей провинціи, смотрѣть, чтобы „всякіе заводы, гдѣ какіе есть, въ добромъ состояніи были содержаны“, и чтобы тамъ достаточно были „удовольствованы работные и рукодѣльные люди“; за всѣмъ этимъ воевода не только долженъ слѣдить, заботясь лишь о томъ, что есть: ему вмѣняется еще въ обязанность представлять въ особыхъ запискахъ—меморіалахъ—въ сенатъ и коллегіи свои соображенія о способахъ улучшеній въ торговлѣ и мануфактурахъ; наблюденію воеводы инструкція поручаетъ сиротскіе дома, госпитали, академіи и школы; воевода же наблюдаетъ и за тѣмъ, чтобы „прямая каѳолическая вѣра твердо была содержана“, онъ же долженъ исполнять и всѣ случайныя порученія, которыми его вздумаетъ наградить центральное правительство, для котораго воевода долженъ умѣть быть и военноначальникомъ, и экономистомъ, и даже ученымъ архивистомъ и историкомъ, долженъ и хлѣбныя цѣны знать, и собирать „куріозныя историческія письма“, разыскивая ихъ по монастырямъ и соборамъ провинціи, составлять описи древнимъ грамотамъ, снимать копіи съ нихъ и отсылать въ сенатъ.

Такъ высоки и многообъемлющи были задачи, возложенныя законодателемъ на воеводу. Понуждая воеводу быть такимъ разностороннимъ дѣятелемъ, Петръ точно позабылъ столь мѣтко примѣненныя имъ къ самому себѣ слова, что даже и ангеламъ невозможно всюду и вездѣ все дѣлать, „понеже и оные мѣстамъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуютъ, а индѣ ихъ и нѣтъ“. Занятые, главнымъ образомъ, заботами о сборахъ податей и повинностей, воеводы и камерира еле успѣвали справляться съ этой частью своего дѣла и ужъ совсѣмъ не справлялись съ такими

важными отраслями его, какъ обезпеченіе безопасности и правосудія. За ежедневными заботами и хлопотами по удовлетворенію настоятельныхъ требованій камеръ- и штатсъ-коллегій, съ угрозами не только штрафомъ, но и живота лишеніемъ, высылать вѣдомости и сборы, у воеводъ не хватало ни времени ни досугу заботиться о христіанскомъ воспитаніи обывательскихъ дѣтей, о всеобщемъ обученіи и составлять меморіалы о медицинѣ, благотворительности, о развитіи промышленности и торговли.

Въ рукахъ воеводы прежде всего не было самостоятельныхъ средствъ на какое-либо предпріятіе въ духѣ инструкціи. Все, что поступало въ провинціальную кассу, все выкачивала изъ нея камеръ-коллегія, и въ провинціальной кассѣ подчасъ не оставалось ни гроша на мѣстныя нужды. Гдѣ ужъ тутъ было заботиться о подъемѣ благосостоянія края, о развитіи промышленности и торговли, когда штатсъ-конторъ-коллегія еле оставляла денегъ даже на жалованье провинціальнымъ чинамъ. Въ Елецкой провинціи, напримѣръ, въ 1726 г. собрали въ рентереѣ разныхъ косвенныхъ сборовъ 15.502 р. 90 к. Изъ этихъ денегъ израсходовано было 13.077 р. 15 к., а именно 12.149 р. 71 к. отослано въ Петербургъ, а на мѣстныя надобности израсходованы остальные 927 р. 44 к.; изъ нихъ 73 р. 66 к. пошли на нужды провинціальной и комиссарскихъ канцелярій, на бумагу, сальныя свѣчи, дрова, чернила, сургучъ, лубяные коробья для храненія дѣлъ; 145 рублей были затрачены на содержаніе кружечныхъ дворовъ — питейныхъ заведеній, и только 707 р. 85 к. ушли на жалованье провинціальнымъ чиновникамъ.

Многаго, что предписывала дѣлать воеводѣ инструкція, онъ не могъ исполнить и по рѣшительному отсутствію возможности приложить свои силы къ дѣлу, котораго не существовало. Воеводѣ предписывались, напримѣръ, заботы о народномъ здравіи, онъ долженъ былъ „имѣть попеченіе о гошпиталяхъ“, но, кромѣ столицъ и нѣкоторыхъ большихъ городовъ, о больницахъ и слыхомъ не слыхали на тогдашней Руси. Врачи были рѣдкостью, и только армія была оборудована медицинской помощью сколько-нибудь сносно; не во всякой провинціи можно было найти фельдшера; точно также не могъ воевода проявлять и предписываемую ему заботливость о сиротскихъ домахъ—не было таковыхъ ни одного по лицу всей русской земли, кромѣ столицъ. Гдѣ также, кромѣ Кіева и Москвы, существовали академіи, о благѣ которыхъ долженъ былъ пецись воевода? Не во всѣхъ провинціяхъ существовали и простыя школы, заводимыя образованными архіереями, иногда прямо геройски боровшимися со всевозможными затрудненіями въ своемъ просвѣтительномъ дѣлѣ—ничего вѣдь не было: ни средствъ, ни книгъ, ни учителей, ни учениковъ, ни охоты учиться у большинства. Школы гибли, едва начавъ свое существованіе. Вятскій воевода Чаадаевъ во что бы то ни стало захотѣлъ имѣть у себя въ провинціи цифирную школу, нашелъ учителей и одну изъ комнатъ своей канцеляріи отвелъ подъ школу. Дѣло стало за

малымъ—за учениками. Собирали ихъ по-петровски: по уѣзду были разосланы солдаты воеводской канцеляріи съ приказаніемъ хватать всѣхъ юнцовъ, годныхъ для обученія въ школѣ, и за карауломъ доставлять въ Вятку. Конечно, такіе ученики пользовались первымъ случаемъ, чтобы бѣжать изъ школы. Разумѣется, ученіе не ладилось, и Чаадаевъ кончилъ тѣмъ, что махнулъ рукой на свое просвѣтительное предпріятіе. Когда впослѣдствіи цифирныя школы въ провинціяхъ все же основались, учителя ежемѣсячно рапортовали воеводамъ объ успѣхахъ учениковъ, кто изъ нихъ какую науку выучилъ и кто какую изучаетъ.

Лишенный возможности заботиться о мѣстныхъ нуждахъ, провинціальный воевода петровскихъ временъ поневолѣ ограничиваетъ свою дѣятельность тѣмъ, что заботиться только о возможной исполнительности передъ тѣми, кто шлетъ ему строгіе и строжайшіе указы и предписанія. Вмѣсто того, чтобы быть живымъ дѣятелемъ, пробуждающимъ провинцію къ новой жизни, къ воплощенію всѣхъ тѣхъ благъ, нещись о которыхъ велитъ ему „инструкція", воевода превращается въ слѣпого исполнителя, безъ указа не рѣшающагося ни на какой поступокъ. Въ 1723 г. соликамскій воевода доносилъ сенату, что въ Соликамскѣ „тюремный острогъ и избы весьма погнили и стоятъ на подпорахъ, такъ что арестанты того и гляди разбѣгутся, а о строеніи тюремнаго острогу и избъ,—спрашиваетъ воевода,—указомъ вашего императорскаго величества, что повелѣно будетъ, а безъ указу строить не смѣю". Московскій губернаторъ тоже не осмѣливается безъ указу царскаго величества чинить деревянную мостовую въ Москвѣ, на Болотѣ, между Балчугомъ и Пятницкой, снесенную полой водой. Вся дѣятельность воеводы сводилась, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ получалъ указы и распоряженія центральнаго правительства и объявлялъ ихъ во ввѣренномъ ему воеводствѣ, разсылая копіи земскимъ комиссарамъ по дистриктамъ и бурмистрамъ по городамъ; эти копіи приказывалось „публиковать", т.-е. вывѣшивать на площадяхъ на видныхъ мѣстахъ.

Въ качествѣ простого исполнителя приказаній свыше, лишенный возможности проявлять доброе желаніе „къ насажденію благоденствія", воевода петровскихъ временъ мало чѣмъ отличается по характеру своей дѣятельности отъ воеводъ XVII в. Самое мѣстное управленіе временъ Петра единообразнѣе, стройнѣе, живѣе и лучше приспособлено къ своему дѣлу, но духъ и направленіе дѣйствія этого новаго устройства — прежніе: сдѣлавшись болѣе послушнымъ и быстрымъ, благодаря внесеннымъ въ его устройство измѣненіямъ, оно продолжаетъ быть такимъ же слѣпымъ орудіемъ центральной власти, какимъ было и прежде. И ежедневная дѣятельность воеводы петровскихъ временъ такая же скучная и сѣрая, „бумажная", какъ и у его предшественника.

На основаніи документовъ Пошехонской провинціи, историкъ М. М. Богословскій даетъ такую картину обычной ежедневной дѣятельности воеводы этой провинціи, подполковника Матвѣя Ивано-

вича Хитрово. Воспитанникъ петровскаго полка, воевода рано утромъ уже у себя въ канцеляріи за присутственнымъ столомъ. Здѣсь онъ прежде всего приказываетъ земскому секретарю доложить себѣ указы, пришедшіе изъ коллегій. Прочитывая указы, секретарь помѣчаетъ на нихъ резолюціи воеводы. Указовъ на описываемый день было прислано нѣсколько. Военная коллегія писала о высылкѣ въ нее капраловъ Азовскаго пѣхотнаго полка, проживавшихъ въ отпуску по своимъ деревнямъ. Воевода кладетъ резолюцію: „Послать о томъ указы земскимъ комиссарамъ". Комиссары каждый въ своемъ дистриктѣ разыщутъ нужныхъ военной коллегіи капраловъ и вручатъ имъ копіи указа. Далѣе секретарь прочелъ указъ сената общаго законодательнаго характера, которымъ опредѣлялись правила о взиманіи пошлинъ при отдачѣ изъ правительственныхъ мѣстъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ихъ помѣщикамъ. Воевода постановилъ записать указъ въ книгу; съ этихъ поръ, какъ случится воеводѣ выдавать помѣщику пойманнаго начальствомъ бѣглаго, воевода будетъ поступать по этому указу. Слѣдующій указъ былъ изъ штатсъ-конторы, которая требовала разъясненій, почему это при отсылкѣ въ Петербургъ собранной съ провинціи казны рентмейстеръ недослалъ 46 рублей 22 алтына и 3 денегъ? Воевода приказалъ записать запросъ въ книгу,—дѣло терпитъ: во-первыхъ, надо переговорить съ рентмейстеромъ и камериромъ, а потомъ штатсъ-контора—начальство не изъ важныхъ, подождетъ; раньше, какъ по второму или третьему указу, воевода не отвѣтитъ штатсъ-конторѣ. Камеръ-коллегія прислала правила для руководства ими при обработкѣ пеньки; правила эти тоже записали въ книгу. Послѣдній указъ былъ изъ герольдмейстерской конторы, спрашивавшей прислать ей списокъ проживающихъ въ провинціи отставныхъ дворянъ, которые еще могутъ быть годны „къ посылкамъ и дѣламъ", т.-е. на должности по гражданской службѣ. Покончивъ съ „интересными" дѣлами, какъ тогда назывались дѣла, присланныя изъ коллегій и сената, потому что они всегда касались „интересовъ" его величества, воевода подписалъ двѣ бумаги, составленныя въ канцеляріи,— это были два доношенія въ Ярославскій надворный судъ.

Пока воевода былъ занятъ въ присутствіи, въ канцеляріи его уже ждали просители, имѣвшіе надобность до воеводы по казеннымъ или по частнымъ дѣламъ. Просителями являлись по большей части люди маленькіе—крестьяне, ихъ выборные, старосты, приказчики, появится иногда и какой-нибудь мелкій помѣщикъ неважнаго чина. Да выдающагося дворянства и нѣтъ въ провинціи,— оно все на службѣ въ арміи или на гражданскихъ должностяхъ. Родовитый дворянинъ, богатый землевладѣлецъ, выслужившій полковничій, а то и бригадирскій рангъ, слишкомъ важенъ для того, чтобы самому явиться въ воеводской канцеляріи, и въ случаяхъ, когда безъ воеводы не обойтись, посылаетъ своего повѣреннаго—старосту, приказчика или мелкопомѣстнаго родственника.

Первымъ изъ просителей обратился къ воеводѣ „человѣкъ"

капитанъ-лейтенанта Преображенскаго полка Мурзина, Василій Егуновъ; онъ подалъ воеводѣ челобитіе о томъ, что въ прошлую ночь напали разбойники на мельницу, принадлежащую его господину, мельника Макара избили, мучили, жгли его огнемъ и, забравъ его пожитки и деньги, скрылись. При челобитной Василій Егуновъ приложилъ опись всего пограбленнаго на мельницѣ, привелъ и самого избитаго мельника Макара. Выслушавъ жалобу, воевода приказалъ записать ее въ книгу, а мельника „осмотрѣть и раны и жженіе описать". Затѣмъ выступилъ „человѣкъ" князя Касаткина-Ростовскаго, Өедоръ Кропачевъ, который подалъ воеводѣ копію съ производства московскаго надворнаго суда по дѣлу о бѣгломъ крестьянинѣ и ходатайствовалъ записать этого бѣглаго, согласно рѣшенію суда, за княземъ. Воевода постановилъ копію принять и „выписать". Это значитъ, что челобитчикъ долго еще будетъ „имѣть хожденіе по дѣлу" въ воеводскую канцелярію, пока тамъ не составятъ выписку изъ подлиннаго дѣла, и пока не дойдетъ до нея очередь доклада у воеводы и получится его приговоръ. Третьимъ и послѣднимъ былъ сельскій выборный, который привелъ съ собой въ канцелярію бѣглаго рекрута, котораго воевода, съ миной, не обѣщавшей несчастному ничего хорошаго, приказалъ „допросить". Допрашивать будутъ, конечно, „съ пристрастіемъ", и обывателямъ предстоитъ долго, крестясь, прислушиваться къ ругани солдатъ, исполнителей допроса, а затѣмъ и къ воплямъ допрашиваемаго, спину котораго полосуетъ кнутъ или батоги.

И такъ день за днемъ шла дѣятельность провинціальнаго воеводы, разнообразясь только тѣмъ, что иной разъ придетъ больше указовъ изъ коллегій и придется дольше просидѣть въ канцеляріи, принимая болѣе многочисленныхъ просителей. Дѣятельность воеводы нѣсколько осложнялась въ тѣ дни, когда къ нему поступала куча бумагъ изъ камерирской конторы; тогда предстояло продолжительное и утомительное совѣщаніе съ камериромъ.

Для веденія всего податного дѣла въ петровской провинціи хотя и былъ учрежденъ особый чиновникъ—камериръ, но и воеводѣ приходилось отдавать много времени и силъ этой обязанности. По инструкціи, воеводѣ принадлежалъ главный надзоръ за финансовымъ управленіемъ провинціи. Прежде всего онъ долженъ былъ наблюдать за правильностью взиманія съ населенія положенныхъ сборовъ, за исправностью храненія собранныхъ суммъ въ казначействѣ и хлѣбныхъ запасовъ въ провіантскихъ магазинахъ, для чего воевода имѣлъ право ревизовать и рентерею и магазины; воевода долженъ былъ, далѣе, наблюдать за исполненіемъ всѣхъ расходовъ, которые должна была нести провинція, наблюдать за своевременностью и вѣрностью отчетности, имѣть высшій надзоръ за государственными имуществами въ провинціи и ихъ эксплоатаціей, смотрѣть, чтобы лѣса не были „весьма искоренены", слѣдить за фабриками и заводами, получавшими казенную субсидію, и т. п.

Правой рукой воеводы и главнымъ исполнителемъ по финан-

совой части въ провинціи былъ камерiръ, который „совѣтъ и мнѣніе воеводы долженъ,—гласитъ инструкція,—въ надлежащее разсужденіе принимать“. Камерiръ—по инструкціи—является знатнѣйшимъ камернымъ служителемъ провинціи. Онъ—„ландбухгалтеръ“ провинціи и непосредственный завѣдующій казеннымъ имуществомъ. Какъ бухгалтеръ, камерiръ требуетъ отчетности отъ подчиненныхъ ему рентмейстера и провіантмейстера и земскихъ комиссаровъ и контролируетъ ихъ, свѣряя ихъ отчеты съ подлинными документами. Инструкція предписываетъ камериру вести четыре книги по подвѣдомственному ему провинціальному хозяйству: переписную, земскую, вычетную и главную. „Переписная книга“—эта та, въ которую занесены всѣ деревни, дворы, перечислено, сколько гдѣ людей живетъ, сколько земли они распахиваютъ, каковы угодья и т. п. На основаніи данныхъ этой книги происходитъ разверстка податей; въ „земскую книгу“ вносятся приходо-расходныя вѣдомости земскихъ комиссаровъ послѣ провѣрки; въ „вычетную книгу“ записываются недоимки и, наконецъ, въ „главную“ всѣ окладные и неокладные доходы провинціи. Въ опредѣленные сроки камерiръ составляетъ по этимъ книгамъ общіе отчеты по финансамъ провинціи для отсылки въ тѣ коллегіи, „въ кои надлежитъ“.

Въ качествѣ завѣдующаго казеннымъ имуществомъ камерiръ обязанъ ревизовать казначейство и провіантскіе магазины, наблюдать, чтобы не было убытковъ казнѣ при подрядахъ и поставкахъ провіанта и фуража въ армію, производить самые торги на казенные подряды и т. п.

Камерирской конторѣ по всѣмъ этимъ статьямъ масса дѣла. Здѣсь пишутся ордеры въ казначейство къ рентмейстеру на пріемъ и выдачу денегъ, къ завѣдующему провіантскими магазинами на пріемъ и выдачу хлѣба; пишутся указы къ земскимъ комиссарамъ; камерирская контора въ оживленной дѣловой перепискѣ по денежнымъ дѣламъ съ дворцовымъ и синодальнымъ управленіями въ провинціи, съ городскими управленіями—магистратами, съ коллегіями, особенно со своей—камеръ-коллегіей.

По важности своего дѣла камерiръ—второе лицо послѣ воеводы въ провинціи. Самостоятельно онъ отправляетъ только текущія дѣла, а все болѣе важное, не каждодневное рѣшаетъ не иначе, какъ по совѣту съ воеводой, и они оба—воевода и камерiръ—подписываются подъ всѣми донесеніями по финансовымъ дѣламъ въ коллегіи и подъ указами комиссарамъ. Земская канцелярія—царство воеводы, и „контора камерирскихъ дѣлъ“—мѣсто дѣйствій камерира, по закону должны были помѣщаться въ одномъ зданіи, но сноситься одна съ другой должны были только письменно. Совмѣстное постановленіе по какому-нибудь дѣлу, произведенное воеводой и камерiромъ, гласило очень пышно: „Канцелярія провинціи такой-то и контора камерирскаго правленія, слушавъ сей выписки, согласно приговорили...“ и т. д., хотя, въ сущности-то, приговаривали всего двое: воевода и камерiръ.

Третьимъ большимъ чиновникомъ былъ въ провинціи рентмейстеръ—казначей, подчиненный камериру. Рентмейстеровъ назначала штатсъ-конторъ-коллегія. Должность рентмейстера по инструкціи состояла въ томъ, чтобы принимать деньги, поступающія отъ плательщиковъ, отъ земскихъ комиссаровъ и магистратовъ, и выдавать суммы по законнымъ требованіямъ. Онъ долженъ былъ хранить деньги „въ крѣпкомъ безопасномъ мѣстѣ, въ сундукахъ съ замками и печатями, за добрымъ карауломъ". Ключи отъ рентереи и ея сундуковъ находились у воеводы, камерира и рентмейстера. Получкамъ и выдачамъ требовалось вести строжайшую отчетность, для которой устанавливалось пять книгъ. Каждый годъ въ декабрѣ должна была происходить ревизія рентереи; за похищеніе казенныхъ денегъ рентмейстеру грозило, „яко государственному татю", лишеніе имущества, чести и жизни.

Во главѣ управленія дистриктами стояли земскіе комиссары. До 1724 г. комиссары назначались камеръ-коллегіей. Съ 1724 г. рядомъ съ этими назначенными комиссарами начинаютъ дѣйствовать такъ называемые „комиссары отъ земли", избираемые уѣздными землевладѣльцами изъ своей среды на опредѣленный срокъ. Въ инструкціи назначенному комиссару на него такъ же, какъ на воеводу по отношенію къ провинціи, возлагалось широкое попеченіе о благосостояніи и просвѣщеніи, нравственномъ и матеріальномъ, населенія его дистрикта. Въ вѣдѣніи комиссара находилась выборная сельская полиція — старосты, сотскіе и десятскіе, которые избирались на годъ, на особыхъ избирательныхъ сходахъ, состоявшихъ изъ старостъ и выборныхъ. Избранные на этихъ сходахъ отправлялись въ воеводскую канцелярію, гдѣ ихъ приводили къ присягѣ и выдавали имъ инструкцію. Наблюденію сотскаго поручалось около сотни крестьянскихъ дворовъ, составлявшихъ иногда цѣлую небольшую округу. Изъ жителей деревень, входившихъ въ составъ сотни, избиралось девять десятскихъ, подчиненныхъ сотскому. Сотскій и десятскіе несли обязанности низшихъ полицейскихъ служителей при комиссарѣ—они должны были слѣдить за появленіемъ подозрительныхъ лицъ въ округѣ, арестовывать ихъ, ловить разныхъ лихихъ людей, сторожить арестантовъ, конвоировать ихъ при пересылкѣ и т. п.

Являясь начальникомъ полиціи въ дистриктѣ, земскій комиссаръ становился, естественно, прикосновеннымъ и къ судебнымъ учрежденіямъ. Губернская реформа Петра впервые въ Россіи намѣтила раздѣленіе власти по управленію отъ власти суда и проводила это раздѣленіе до низшихъ ступеней администраціи, предписывая земскому комиссару „до юстиціи дѣла не имѣть". Земскій комиссаръ только содѣйствовалъ судебной власти путемъ поимки преступниковъ и доставленія суду всякихъ требуемыхъ судебною властью справокъ; онъ былъ только вспомогательнымъ и исполнительнымъ органомъ суда, какъ по управленію являлся исполнителемъ распоряженій воеводы или камерира.

„Когда провинціальная администрація получаетъ какой-либо

указъ верховной власти, сената или коллегіи,—говорить историкъ областной реформы Петра,—она разсылаетъ его въ копіяхъ или въ печатныхъ экземплярахъ земскимъ комиссарамъ для публикаціи въ дистриктахъ. Точно такъ же земскій комиссаръ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о распоряженіяхъ самихъ провинціальныхъ властей: когда, напримѣръ, камерирская контора производитъ торги на отдачу въ откупъ какихъ-либо оброчныхъ статей, или на какіе-либо казенные подряды, онъ публикуетъ въ дистриктѣ о вызовѣ къ торгамъ желающихъ торговаться. Онъ совершаетъ, далѣе, всякаго рода исполнительныя дѣйствія: передаетъ казенныя оброчныя статьи лицамъ, за которыми онѣ остались на торгахъ, вводитъ во владѣнье имѣньями тѣхъ, за кѣмъ они утверждены; то и дѣло тревожатъ земскаго комиссара указы изъ провинціи отъ воеводы, камерира съ требованіемъ сыскать и выслать разнаго рода лицъ, находящихся въ дистриктѣ, которыя за чѣмъ-либо понадобились провинціальной администраціи, или которыхъ надо пересылать повыше — въ коллегіи или даже въ сенатъ; то ему поручается разслѣдовать справедливость заявленія о запустѣніи помѣстья и о невозможности владѣльцу, подавшему о томъ заявленіе, платить подати по окладу: земскому комиссару надо въ такихъ случаяхъ произвести „повальный обыскъ“, т.-е. сдѣлать опросъ сосѣдняго съ помѣстьемъ населенія; то отъ него требуютъ выслать въ камерирскую контору свѣдѣнія объ урожаѣ въ дистриктѣ и хлѣбныхъ цѣнахъ, о чемъ запрашиваетъ камеръ-коллегія; то возлагается на него какое-нибудь экстренное порученіе: зазимовали на рѣкѣ, въ части ея, находящейся въ дистриктѣ, барки, груженыя корабельнымъ лѣсомъ и направляющіяся въ Петербургъ, — и комиссаръ долженъ принять всѣ мѣры къ охранѣ казеннаго груза отъ расхищенія и поврежденія. Словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда высшее правительство требуетъ исполненія отъ воеводы, послѣдній передаетъ исполненіе ближе стоящимъ къ населенію земскимъ комиссарамъ“...

Комиссаръ долженъ былъ заботиться о добромъ состояніи дорогъ и мостовъ, прокладывать и строить новые, „ставить по верстамъ столбы, а на перекресткахъ руки съ подписаніемъ, куда которая лежитъ“. Когда камеръ-коллегія распорядится о постройкѣ на дорогахъ постоялыхъ дворовъ и гостиницъ, комиссаръ долженъ позаботиться, чтобы гостиницы были построены гдѣ слѣдуетъ, имѣли бы достаточное число помѣщеній для людей и лошадей и были бы снабжены „съѣстными харчами и конскими кормами“ и находились бы въ рукахъ добрыхъ хозяевъ, такъ чтобы проѣзжающимъ никакой нужды и обиды не было. Особенно много было хлопотъ земскому комиссару, когда черезъ его дистриктъ проходили полки или назначались на винтеръ-квартиры. Постой войска и прокормъ его были повинностью населенія, и комиссаръ долженъ былъ смотрѣть, чтобы повинность эта падала на всѣхъ обывателей подвѣдомственнаго ему дистрикта равномѣрно. Для этого предписывалось комиссару избрать себѣ въ помощь особыхъ помощниковъ

изъ „дворянъ добрыхъ и къ такому дѣлу заобычайныхъ“ и вмѣстѣ съ ними составить расписаніе мѣстъ остановокъ полковъ и отводить имъ квартиры, собирать провіантъ, выставлять нужныя подводы. Комиссаръ долженъ былъ лично встрѣтить войска на границѣ своего дистрикта и сопровождать ихъ по ввѣренной ему мѣстности. И всѣ эти предписанія шли спѣшно, подкрѣпляемыя угрозой: „А ежели въ маршѣ учинится остановка, то жестоко на тебѣ взыщется“. Тутъ возникала масса хлопотъ и переписки съ воеводой, съ командирами приближающихся и проходящихъ полковъ, съ земскими комиссарами другихъ дистриктовъ.

Имѣть на своей шеѣ размѣщенныя на винтеръ-квартиры войска было для мѣстнаго начальства большой обузой. Петровское войско хотя и отличалось дисциплиной, но на зимнихъ квартирахъ извѣстная разнузданность солдатъ была неизбѣжна, и земскому комиссару, правда, предписывалось „запрещать и не допускать всѣ насильства и самовольства, которыя жителямъ при такихъ случаяхъ могутъ приключаться“, но средствъ ему для этого никакихъ не давалось, съ сотскими и десятскими унять расходившуюся роту нечего было и думать, а военное начальство было, какъ всегда и всюду, не безъ склонности покрывать грѣхи своихъ, если отъ этихъ грѣховъ страдаетъ только „мужичье“. Комиссары, зная все это, стараются какъ можно меньше войска разставить на квартиры у себя въ дистриктѣ и какъ можно больше отослать къ сосѣднему комиссару. „Благородный господинъ Семенъ Степановичъ!—пишетъ при одномъ изъ такихъ случаевъ одинъ комиссаръ другому: — посланъ ко мнѣ указъ изъ Угличской провинціи, повелѣно мнѣ разставить на винтеръ-квартиры Слютенбургскій (шлиссельбургскій) батальонъ, а людей въ немъ 718 человѣкъ. А въ моей долѣ, который батальонъ Тобольской опредѣленъ въ вашу долю, и онаго батальона поставили вы въ мою долю въ село Молоково 130 человѣкъ, а вамъ сего указомъ не повелѣно, дабы ваше благородіе повелѣлъ изъ нашей доли вышеупомянутаго Тобольскаго батальону солдатъ вывесть и показать имъ въ своей долѣ квартиры. И о томъ, ваше благородіе, къ намъ отвѣтствовать изволь письменно. Слуга вашъ, государя моего, С. Извѣковъ“.

Но самымъ важнымъ и самымъ, такъ сказать, заобычнымъ дѣломъ комиссара было заботиться о своевременномъ поступленіи и сборѣ всякаго рода казенныхъ повинностей—денежныхъ и натуральныхъ. Инструкція комиссару считаетъ это „главнѣйшей должностью“ земскаго комиссара. За неисправность и недоимки въ производимыхъ имъ сборахъ земскому комиссару грозила тяжелая отвѣтственность, и всякое порученіе поторопить тѣ или иныя поступленія, собрать тѣ или иныя повинности неизмѣнно кончалась въ провинціальномъ указѣ угрозой: „А ежели твоимъ послабленіемъ и нерадѣніемъ запустится въ сборѣ какая доимка, и та доимка доправлена на тебѣ будетъ изъ собственныхъ твоихъ пожитковъ“. Все, что собиралось въ дистриктѣ, комиссаръ долженъ былъ до

послѣдней копеечки сдать въ провинціальную рентерею. Никакихъ сборовъ на нужды самого дистрикта не производилось, не было даже установлено, на какія средства должно содержаться дистриктное управленіе; земскому комиссару предписывалось при всѣхъ его разъѣздахъ на обывательскихъ лошадяхъ платить прогоны, но откуда было комиссарамъ брать деньги на это, въ законѣ не было сказано. Ѣздили поэтому, не платя прогоновъ; конечно, законъ запрещалъ всякіе поборы съ обывателей на нужды самого дистриктнаго управленія, но эти поборы установились сами собой, по гривнѣ за всякую справку, „на покупку писчей бумаги, сургучу и сальныя свѣчи и на прочія необходимыя нужды, безъ чего пробыть невозможно“.

Такимъ образомъ земскій комиссаръ попадалъ, въ силу вещей, въ такое же положеніе, какъ и его начальникъ—воевода: у него не оказывалось никакихъ средствъ и не оставалось времени для того, чтобы быть самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и онъ являлся поэтому на дѣлѣ такимъ же простымъ, неразсуждающимъ исполнителемъ приказаній воеводы и камерира, какими были эти два правителя по отношенію къ коллегіямъ и сенату.

Съ введеніемъ подушной подати и расквартированіемъ арміи, вся Россія оказалась подраздѣленной, кромѣ существовавшаго дѣленія на провинціи и дистрикты, еще на полковые дистрикты съ штабомъ полка въ центрѣ каждаго, съ разными слободами, съ деревнями, въ которыхъ по крестьянскимъ избамъ были разставлены солдаты. У этого разряда новыхъ обывателей — солдатъ и офицеровъ—было свое военное начальство, не только не подчиненное общему гражданскому начальству, но и стоявшее выше его. Новое военное начальство, обязанное само собирать съ гражданскаго населенія средства на содержаніе себя и своихъ подчиненныхъ, сразу становилось начальствомъ и для гражданскихъ обывателей и верховенствовало надъ гражданскимъ начальствомъ. Полковникъ поселеннаго въ данной мѣстности полка становится наиболѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ для обывателя начальствомъ. Вмѣстѣ съ воеводой онъ не только обязанъ созывать дистриктный съѣздъ дворянъ для избранія земскаго комиссара, но въ случаѣ мѣшкотности избирателей полковникъ долженъ „понуждать“ ихъ собираться, посылая за ними солдатъ. Самая дѣятельность земскаго комиссара ставится подъ прямое „надзираніе и смотрѣніе“ полковника, и полковникъ можетъ, по соглашенію съ воеводой, отдать комиссара подъ судъ. Полковникъ становится главой мѣстной полиціи, ему поручается уѣздныхъ людей „отъ всякихъ налогъ и обидъ охранять“; полковникъ выдаетъ паспорта крестьянамъ, желающимъ уйти на заработки въ другой дистриктъ; полковникъ, наконецъ, судья обывателей во всѣхъ случаяхъ ихъ столкновенія съ солдатами. На практикѣ полковой дворъ вслѣдствіе такихъ полномочій полкового начальства быстро становится мѣстомъ, куда обыватель идетъ за судомъ, расправой и защитой. На полковой дворъ обыватели приводятъ пойманныхъ воровъ и подозрительныхъ людей; полковникъ, снявъ съ нихъ допросъ, отсылаетъ

ихъ къ воеводѣ. Распоряженія центральнаго правительства хотя совѣтуютъ и предписываютъ полковнику дѣлать всѣ дѣла сообща съ воеводой и стараются съ воеводой и полковникомъ разговаривать, какъ съ равными и сообща дѣйствующими чинами правительственной власти, но на практикѣ распоряжающійся вооруженной силой, собирающій съ населенія подать и рекрутовъ военный начальникъ рѣшительно заслоняетъ собой гражданскаго управителя.

Когда полковому начальству было указомъ поручено „смотрѣніе за губернаторами и воеводами", чтобы они исполняли указы сената и коллегій, гражданское начальство очутилось совершенно во власти военнаго. Въ случаяхъ замѣченнаго ими нерадѣнія или неисправности въ исполненіи указовъ, полковники обязаны были доносить въ тѣ учрежденія, откуда указы были присланы. По собственному почину военное начальство не имѣло права привлекать къ отвѣтственности гражданскихъ чиновъ, но изъ Петербурга, когда устанавливался или подозрѣвался случай вины воеводы или иного гражданскаго чина, полковнику мѣстнаго полка присылали обыкновенно распоряженіе произвести дознаніе, и были случаи, когда капитанъ драгунскаго полка, завѣдывавшій полкомъ въ отсутствіе полковника, *приказывалъ* провинціальному воеводѣ или камериру явиться къ нему, капитану, на полковой дворъ и дать отчетъ въ томъ, что спрашиваетъ полученное изъ Петербурга предписаніе.

„Трудно себѣ представить,—говоритъ М. М. Богословскій,—болѣе унизительное и зависимое положеніе, чѣмъ то, въ какомъ очутилась провинціальная администрація. Сфера дѣятельности ея была сужена, свобода ея дѣйствій была стѣснена... Существенныя измѣненія потерпѣли и самыя орудія ея дѣйствія на мѣстахъ — земскіе комиссары: значительная доля ихъ обязанностей, а именно сборъ подушной, была передана другому, новому институту — выборнымъ комиссарамъ при полкахъ, не подчиненнымъ провинціальнымъ властямъ".

Земскій комиссаръ былъ чиновникомъ, назначеннымъ камеръ-коллегіей на всю жизнь или пока его не отставятъ,—новый комиссаръ избирался мѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды на одинъ годъ. Въ отличіе отъ земскаго комиссара, новый именуется обыкновенно въ актахъ комиссаромъ отъ земли. Земскій комиссаръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи дистриктъ провинціи. Въ вѣдѣніе комиссара отъ земли былъ отданъ дистриктъ расположенія полка, который часто не только занималъ нѣсколько дистриктовъ одной провинціи, но и прихватывалъ отъ другой провинціи одинъ или два дистрикта, чтобы имѣть достаточное количество душъ, съ которыхъ на содержаніе полка собиралась подать. Такъ, напримѣръ, на содержаніе Копорскаго полка требовалось 50.679 душъ: часть ихъ, а именно 42.094 души, была изъ Тверской провинціи, а остальные изъ Угличской.

Для новаго комиссара была издана въ 1724 году инструкція, которая главной обязанностью комиссаровъ отъ земли называла

сборъ подушной подати, причемъ подробно предписывала самые пріемы сбора. Комиссаръ отъ земли долженъ былъ собирать провіантъ и фуражъ для марширующихъ черезъ дистриктъ полковъ, а главное—въ его завѣдываніе поступалъ рекрутскій наборъ. Комиссаръ отъ земли—непремѣнный участникъ всей жизни на полковомъ дворѣ: онъ присутствуетъ на судѣ полковника, выдаетъ паспорта уходящимъ на промыслы обывателямъ, провѣряетъ выдачу жалованья. Отъ воеводы и отъ камерира онъ совершенно независимъ.

Въ результатѣ, къ самому концу царствованія Петра совершенно преобразился характеръ провинціальной администраціи. Назначенные около 1719 года воеводы, камериры и земскіе комиссары много потеряли въ томъ своемъ значеніи, какое давала имъ инструкція, врученная имъ при назначеніи на должность. Въ провинціи послѣ разселенія въ ней на „вѣчныя“ квартиры полковъ выросла новая власть, сосредоточившаяся на полковомъ дворѣ, облеченная даже правомъ надзора за гражданской администраціей. У воеводы постепенно осталась одна только судебная власть, да и то стѣсненная судебной властью полковника; у камерира остались незначительные и неважные для бюджета сборы; значеніе земскихъ комиссаровъ совершенно вытѣснялось значеніемъ новыхъ комиссаровъ отъ земли, завѣдывавшихъ теперь сборомъ такой важной для всего бюджета государства податью, какъ подушная, а слѣдовательно получившихъ съ ней вмѣстѣ и чрезвычайныя полицейскія полномочія. Такъ постепенно свелись на нѣтъ всѣ благія пожеланія, вложенныя Петромъ въ тѣ инструкціи, какими снабжались сначала чины его новаго областного устройства; эти пожеланія остались на бумагѣ, не успѣвъ войти въ жизнь, а вся дѣятельность новой администраціи Петра свелась, въ концѣ концовъ, къ задачамъ старой—быть простой исполнительницей указовъ свыше и сосредоточиться на одномъ: на возможно быстромъ и тщательномъ собираніи денегъ, разныхъ казенныхъ платежей и повинностей съ населенія.

При жизни Петра выяснились и тѣ основныя причины, по которымъ новыя учрежденія не могли оправдать возлагавшихся на нихъ надеждъ. Новыя учрежденія, во-первыхъ, были непосильно дороги для населенія; во-вторыхъ, требовали сравнительно многочисленнаго штата для своего правильнаго дѣйствованія; въ-третьихъ, люди, занявшіе мѣста въ управленіи, были мало къ этому подготовлены и по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своему культурному уровню; въ-четвертыхъ, наконецъ, культурный уровень общества, въ которомъ новыя учрежденія призваны были дѣйствовать, былъ настолько низокъ, что изъ среды этого общества не подымалось ни требованій ни желаній, которыя были бы направлены въ сторону тѣхъ надеждъ на устройство общаго блага, осуществленія котораго ожидалъ отъ преобразованія Петръ.

При устройствѣ новаго управленія, какъ извѣстно, „сводили шведское съ русскимъ“, оставляя изъ русскаго то, что представлялось возможнымъ оставить. Прежде всего преобразователю хо-

тѣлось оставить русскую дешевизну управленія. Дѣло въ томъ, что, когда стали сравнивать стоимость шведскаго областного устройства съ предложеннымъ къ отмѣнѣ русскимъ, выяснилось, что шведское устройство стоитъ во много разъ дороже русскаго. Фикъ вычислилъ, что шведамъ содержаніе одной Лифляндской губерніи стоило дороже, чѣмъ содержаніе всего русскаго областного начальства—губернаторовъ и ландратовъ. Лифляндія стоила шведамъ 200.000 руб., а русская администрація всей Россіи по штатамъ 1715 г. обходилась казнѣ въ 117.026 рублей! Желаніемъ сократить во что бы то ни стало расходы по содержанію новаго устройства и надо объяснить тѣ сокращенія, которыя сдѣлали Петръ и его сенатъ при введеніи шведскихъ учрежденій.

Сенатъ стремился урѣзать сколько можно жалованья чинамъ областной администраціи. Фикъ очень оспаривалъ это намѣреніе господъ сенаторовъ. Онъ доказывалъ, что жалѣть деньги на жалованье губернскимъ чинамъ и убавлять ради экономіи ихъ число не слѣдуетъ, потому что, говоритъ онъ, во-первыхъ, всѣ христіанскія государства честно и по нуждѣ пропитываютъ своихъ служащихъ, а Россія имѣетъ больше прибытковъ по природѣ, чѣмъ служителей пропитать, нежели Швеція; во-вторыхъ, лучше дать 100 рублей жалованья, нежели допустить на 200 или 300 рублей подлогу; въ-третьихъ, въ милліонѣ рублей жалованья нѣтъ государству ни рубля убыли, ежели всѣ оныя деньги въ государствѣ паки удержаны будутъ; въ-четвертыхъ, наконецъ, только надеждой на хорошее жалованье и на повышеніе чина можно привлечь способныхъ людей. Но эти доказательства Фика сенатъ не могъ принять во вниманіе,—стѣсненное положеніе казны требовало возможнаго сокращенія расходовъ, и размѣры годового жалованья были назначены довольно скромные: воеводы получали около 600 руб. годового жалованья, камериры—200, земскіе комиссары и судьи—по 120-ти тогдашнихъ. Въ годовомъ расходѣ государства содержаніе областного управленія составляло не болѣе 3%.

Но, при огромныхъ размѣрахъ ежегодной недоимки и расходовъ на армію и флотъ, правительство не всегда было въ состояніи во-время уплачивать и небольшія жалованія провинціальныхъ чиновъ. Мало того, 9 февраля 1723 года объявленъ былъ указъ такого содержанія: „Когда придетъ какая нужда въ деньгахъ на какое дѣло необходимое, искать способу отколь оную сумму взять; а когда никакого способу не найдется, тогда нужды ради разложить оную сумму на всѣхъ чиновъ всего государства, которые жалованье получаютъ“. И указомъ 13 апрѣля того же года вычли у служащихъ чиновъ изъ жалованья на 1723 годъ четвертую часть! Но и оставшіяся ¾ выплачивали очень неаккуратно. Въ августѣ 1723 г. сенатъ, извѣстившись, что „коллежскіе и канцелярскіе служители отъ неполученія жалованія конечную пріемлютъ нужду“, велѣлъ выдать имъ жалованье за январскую и майскую трети сибирскими мѣхами, потому что наличныхъ денегъ въ казнѣ не было.

Запаздывало жалованье не только разнымъ подьячимъ и кан-

целярскимъ служителямъ, — даже губернаторы по цѣлымъ годамъ не получали присвоеннаго имъ содержанія. Такая важная персона, какъ оберъ-секретарь сената Анисимъ Щукинъ, вынужденъ былъ жаловаться, что онъ, не получая содержанія и „изживъ все свое, еже аще и малое имѣніице, пришелъ въ крайнюю нищету и мизерію“... Провинціальные подьячіе находились въ отчаянномъ положеніи: брать плату отъ просителей за работу имъ было строжайше воспрещено, казенное содержаніе просто не шло, а межъ тѣмъ дѣла было столько, что подьячіе были вынуждены нанимать себѣ помощниковъ изъ церковныхъ причетниковъ. Орловскіе подьячіе жаловались, что имъ съ домашними своими кормиться нечѣмъ, такъ какъ люди они непожиточные и скудные, одолжали и пришли во всеконечную скудость, и просили опредѣлить имъ государево денежное хлѣбное жалованье „по ихъ трактаменту, дабы имъ, будучи въ государевыхъ дѣлѣхъ, голодомъ не помереть“. Архангелогородскимъ приказнымъ въ 1720 г. не было еще выдано жалованье за 1717 годъ! Воевода, поддерживая просьбу подьячихъ, писалъ, что если имъ не выдать жалованья, то подьячіе „побѣгутъ врозь“, а одинъ даже и бѣжалъ изъ канцеляріи, не имѣя, чѣмъ жить.

Къ чему привело такое состояніе вознагражденія приказныхъ за службу—ясно. Не получая средствъ для жизни съ казны, приказные стали брать эти средства съ населенія. Въ 1724 г. въ вотчинѣ гофмейстера Олсуфьева поймали подьячаго земскаго комиссара, который во время сборовъ податей съ населенія дистрикта бралъ съ крестьянъ лишнее и не платилъ за подводы. При разборѣ дѣла подьячій показалъ, что онъ „интересу (т.-е. казеннымъ деньгамъ) похищенія не чинивалъ и съ народу никакихъ излишнихъ, сверхъ указу, сборовъ не сбирывалъ, а уѣздные люди давали ему для его неимущества на пропитаніе изъ своей воли деньгами и хлѣбомъ по малому числу, а именно: деньгами по копейкѣ и по грошу, а хлѣба по четвертой долѣ четверика съ вотчины“. Другой подьячій объяснилъ, что онъ за подводы потому не платитъ, что комиссаръ ему на это денегъ не выдалъ, а не выдалъ ихъ комиссаръ потому, что не знаетъ, гдѣ взять денегъ на это. Въ вотчинѣ школьника Замятнина староста самъ, безъ всякой просьбы подьячаго, а только видя его скудость, далъ ему полъ-осьмины овса на „пропитаніе“.

Брали всѣ—и комиссары, и камериры, и воеводы, и судьи, и всѣ это признавали, когда дѣло доходило до слѣдствія. Обыкновенно каждый, обвиненный по этой части, показывалъ, что онъ взятки бралъ, а „сколько не упомнитъ“, но всегда „въ честь, что принесутъ, а не изъ-подъ неволи“, да и то „за неполученіемъ жалованья“. Брали и тѣ, кто жалованье получалъ, но они,—замѣчаетъ одно слѣдствіе, — „жалованьемъ не обнадеживаны, понеже де взяты у нихъ подписки, что ежели то жалованье спросятъ, то возвратить“. Какъ тутъ было не брать взятокъ, благодарностей, почестей, не устанавливать незаконныхъ поборовъ съ населенія и т. п.? Все это въ очень солидныхъ размѣрахъ и производилось, а на слѣдствіяхъ, которыя по этому поводу возбуждались, обви-

няемые, въ свою очередь, спрашивали слѣдователей: „А жить намъ чѣмъ?“, или „кромѣ того, т.-е. взятокъ, брать неоткуда“.

Наслѣдница Петра примирилась со зломъ, которое искоренить не позволяло состояніе казны, и указомъ въ 1726 году предписала выдавать жалованье только президентамъ, „а приказнымъ людямъ не давать, а довольствоваться имъ отъ дѣлъ по прежнему обыкновенію съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ, понеже и напередъ сего имъ жалованья не бывало, а пропитаніе и безъ жалованья имѣли“. Такимъ образомъ взятка оказалась разрѣшенной.

Приходилось не очень пристально всматриваться въ грѣхи подьячихъ и ихъ презитовъ и потому, что людей не было: легко было перехватать, отдать подъ судъ и сослать или даже „весьма живота лишить“ взяточниковъ, но кого на ихъ мѣсто посадить, дѣлать ихъ простое, ежедневное, необходимое для общаго хода государственной машины дѣло? Люди были нужны всюду — въ армію, благодаря двадцатилѣтней войнѣ нуждавшуюся въ постоянномъ обновленіи, во флотъ съ его верфями и лѣснымъ хозяйствомъ, на казенные заводы, въ коллегіи съ ихъ канцеляріями; въ областныя учрежденія попадали при этихъ обстоятельствахъ оборыши — тѣ, кто никуда больше пристроиться не могъ. Новыя учрежденія требовали, кромѣ того, еще и людей подготовленныхъ, прошедшихъ хоть нѣкоторую выучку. На выучку нужно было время, слѣдовательно еще болѣе сокращался нужный для дѣла запасъ свободныхъ и годныхъ людей. Въ 1720 г. почти половина всѣхъ судейскихъ мѣстъ была не занята, потому что некому было эти мѣста дать: юридически „студерованныхъ“ людей не было.

Московскій вице-губернаторъ ничего не могъ у себя подѣлать—сидѣлъ безъ людей: „При губернскихъ всякихъ дѣлахъ быть некому,—доносилъ онъ въ сенатъ,—ибо добрые и заобыкновенные подьячіе всѣ разобраны въ разныя коллегіи и команды“, а остались старые, плохіе, которые еле ходятъ, плохо видятъ, ничего не слышатъ, а иные отъ старости изъ ума выжили. Воевода Угличской провинціи писалъ въ сенатъ, что ему никакъ нельзя во-время сочинить затребованныя вѣдомости „за малолюдствомъ подьячихъ“, ихъ оставлено у него самое малое число, да и изъ нихъ „не токмо могутъ такія вѣдомости и репорты сочинить, но и писать иные мало умѣютъ“. Ту же жалобу слалъ въ сенатъ и астраханскій воевода, и ярославскій, и галицкій, и рязанскій, и калужскій, и орловскій, и многіе другіе; всюду дѣлопроизводство идетъ „зѣло бѣдственно и продолжительно“, потому что всюду подьячихъ „самое малое число и тѣ самые худые и ни о чемъ невѣдомые“.

Дѣло доходило до того, что провинціальное начальство чуть не силой отнимало другъ у друга подьячихъ. Орловскій камериръ „забралъ къ себѣ“ всѣхъ годныхъ къ дѣлу подьячихъ воеводской канцеляріи, а воеводѣ оставилъ однихъ только „подьяческихъ дѣтей и служивыхъ ребятъ“, т.-е. мальчиковъ-посыльныхъ, не умѣющихъ писать. Камериръ Калужской провинціи „отнялъ“ у воеводы

дѣльца-подьячаго Тимоѳея Астафьева и, несмотря ни на какія просьбы воеводы, отказывался выдать ему обратно Астафьева; воевода послалъ тогда просить камерира, чтобы онъ хоть писца-то вернулъ, взятаго вмѣстѣ съ подьячимъ, но камерирь встрѣтилъ посланнаго „съ неподобной бранью, кричалъ на него и грозилъ, что ежели кто писца возьметъ, того онъ, камериръ, шпагою насквозь просадитъ“. Воевода отрядилъ тогда военную силу выручать подьячаго и писца: послалъ къ храброму камериру капитана Тюнина и рейтарскаго сына Анненкова. Но камериръ отбилъ и это нападеніе. „Оный камериръ говорилъ мнѣ,—доносилъ воеводѣ капитанъ Тюнинъ,—чтобъ я нынѣ впредь по онаго подьячаго не ходилъ, а ежели опять придешь, то де отъ меня обезчещенъ будешь; оному Анненкову же говорилъ: ежели де ты для взятья онаго подьячаго придешь опять, то я тебя буду бить батожьемъ по спинѣ и по брюху, да еще возьму дубину и руки-ноги тебѣ переломаю“.

Случаи такого рода происходили всюду; всюду камериръ не въ ладахъ съ воеводой, и нигдѣ нѣтъ согласія у господъ президентовъ; всѣ они имѣютъ разные ранги, бреютъ бороды, одѣты въ нѣмецкое платье и пудреный парикъ, носятъ треугольную шляпу и шпагу, но при новыхъ костюмахъ полны старыми предразсудками; все это начальство, грубое, невѣжественное, смотритъ на свои должности постарому, какъ на средство и способы подкормиться; всѣ они дерзки на слова и тяжелы на руку; постоянно находимъ въ бумагахъ того времени жалобы на то, что воевода обругалъ въ присутствіи площадными словами камерира, или камериръ дерзнулъ безчестить побоями воеводу, воевода и камериръ били смертнымъ боемъ земскаго комиссара, а земскій комиссаръ „имѣлъ скорое касательство“ до уха и шеи обывателя, причемъ брань самая отчаянная и плевки сходятъ чуть не за милость въ глазахъ и самого комиссара и обывателя, который радъ, если его не окровянитъ тяжелый кулакъ комиссара. Въ сенатѣ подканцлеръ Шафировъ бранилъ воромъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева; въ соликамской канцеляріи рентмейстеръ Шетневъ бранилъ, выпивши, „невѣдомо съ какого случаю“ асессора за бѣдность, а когда асессоръ сказалъ ему съ достоинствомъ, что онъ-де богатъ Божіей да государевой милостью, „понеже рангъ свой заслужилъ отъ солдатства“, то пьяный рентмейстеръ закричалъ: „Чортъ тебя въ оный рангъ жаловалъ!“. На устюжскаго камерира, очень сварливаго и несдержаннаго во хмелю человѣка, жаловался даже мѣстный преосвященный, которому тоже невтерпежъ стало отъ „наглыхъ нападеній и тѣсноты“, чинимыхъ камериромъ. Понятно, что такого рода чиновники,—а такихъ было огромное большинство,—врядъ ли даже прочитали данную имъ инструкцію съ внушеніемъ пещись о благѣ общемъ и отечества; для нихъ, какъ для ихъ предковъ—воеводъ и подьячихъ XVII в., всѣ заботы объ общемъ благѣ сводились на заботу о своемъ собственномъ благополучіи.

Населенію отъ новаго начальства приходилось столь же туго,

„обиды и разоренія“ посадскіе люди несли тѣ же, что и ихъ отцы. Уже въ 1720 г., т.-е. въ самый годъ введенія новаго устройства, Петру пришлось отдать подъ судъ нѣсколькихъ воеводъ за лихоимство и злостное вымогательство. Это „звѣрство“ отъ высшихъ чиновъ передавалось низшимъ. Судебная хроника того времени сохранила ужасающіе примѣры „благого попеченія“, особенно мелкаго начальства, надъ ввѣреннымъ ему обывателемъ; обвиненія въ смертномъ боѣ, битьѣ до безчувствія, истязаніяхъ такъ и мелькаютъ въ этихъ дѣлахъ и несутся отовсюду, со всѣхъ краевъ многострадальной Руси. Староста села Погоста, вотчины Нарышкиныхъ, доносилъ, что комиссаръ Муромскаго дистрикта Войниковъ „для своихъ бездѣльныхъ корыстей и взятковъ“ бьетъ смертно крестьянъ, отчего нѣкоторые умерли, а иные лежатъ при смерти. Воевода послалъ подьячаго провѣрить доносъ старосты; дѣйствительно, оказалось, что у нѣсколькихъ крестьянъ ноги были избиты до синихъ и багровыхъ пятенъ и вспухли; у четверыхъ же совсѣмъ переломаны, и лежатъ тѣ крестьяне при смерти. Пострадавшіе говорили, что это ихъ такъ избили солдаты земскаго комиссара по приказу своего начальника „для его прихотей и взятковъ“, такъ какъ подати они всѣ уплатили и недоимокъ за ними не числится. Одинъ изъ избитыхъ умеръ во время разслѣдованія подьячаго, и мѣстный священникъ далъ подьячему свидѣтельство, что крестьянинъ умеръ отъ побоевъ. Комиссаръ рѣшилъ отомстить священнику: нашелъ, что онъ не платилъ нѣсколько лѣтъ баннаго сбора, и нагрянулъ къ батюшкѣ со своей командой. Священникъ не могъ заплатить всю сумму, и комиссаръ посадилъ его на съѣзжую подъ караулъ, гдѣ и держалъ цѣлую недѣлю. Батюшка пообѣщалъ тогда комиссару въ презентъ стогъ сѣна, обязуясь привезти этотъ даръ на дворъ комиссара на своихъ лошадяхъ. Комиссаръ выпустилъ своего духовнаго отца, но на слѣдующій же день потребовалъ вновь уплаты баннаго сбора; священникъ опять не могъ уплатить, его опять взяли, и на этотъ разъ комиссаръ посадилъ его у себя подъ сѣнями, въ свинарникъ, „раздѣвъ, въ одномъ полукафтаньѣ, безъ шапки, и морилъ студеною смертью трои сутки“. Священникъ внесъ наконецъ банный сборъ, но комиссаръ расписки ему не далъ и, какъ жаловался потерпѣвшій, „взялъ налогою своею съ меня, попа, арзамасскихъ старыхъ гусей, а именно: гуся да двѣ гусыни, цѣною въ два рубля слишкомъ“.

Населеніе довольно безропотно несло поборы и, по памяти отъ глубокой старины, въ простотѣ душевной, считало себя еще обязаннымъ „кормить“ начальство, и во многихъ жалобахъ отъ описываемаго времени жалобщики очень отличаютъ кормъ, который они давали начальству, отъ взятокъ, которыя начальство съ нихъ вымогало.

Иностранцы, наблюдавшіе тогдашнюю русскую жизнь, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о вымогательствахъ и злоупотребленіяхъ чиновниковъ тѣхъ временъ; имъ даже самая система устройства управленія кажется организованнымъ злоупотребле-

ніемъ. „Вообще Россія, — пишетъ французъ Кампредонъ, — гораздо менѣе разоряется отъ уплачиваемыхъ народомъ податей, чѣмъ отъ лихоимства тѣхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность собирать эти подати. Царь отъ этого ничего не теряетъ, потому что онъ отъ времени до времени конфискуетъ имѣніе уличенныхъ въ лихоимствѣ, но народу это не приноситъ никакого облегченія". Нѣмецъ Веберъ замѣчаетъ, что въ Россіи честный и неподкупный комиссаръ встрѣчается такъ же рѣдко, какъ трилистникъ о четырехъ листкахъ. Голштинецъ Бассевичъ сообщаетъ, что зло подкупности и лихоимства столь велико, что и русскій герой, т.-е. царь, не можетъ съ нимъ справиться, „напрасно издаетъ онъ указъ за указомъ, чтобы поставить преграды обману, обманъ не перестаетъ гнѣздиться попрежнему".

Петръ прекрасно зналъ, что за служебный персоналъ находится въ его распоряженіи; не питая никакихъ иллюзій на счетъ честности и служебной опытности своихъ чиновниковъ, онъ принималъ рядъ мѣръ для устройства бдительнѣйшаго наблюденія за ними. Не довольствуясь учрежденными имъ органами контроля явнаго и надзора тайнаго — прокуратурой и фискалами, дѣйствовавшими постоянно, Петръ рѣшилъ время отъ времени назначать ревизіи отдѣльныхъ мѣстностей; каждый годъ кто-нибудь изъ сенаторовъ, съ цѣлымъ штабомъ представителей отъ коллегій, долженъ объѣзжать тѣ или иныя провинціи и смотрѣть, „чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда", какъ гласилъ указъ.

Сенаторскія ревизіи не осуществились при жизни Петра, и онъ до выработки положенія о ревизорахъ-сенаторахъ посылалъ въ провинціи для досмотра злоупотребленій и скорой расправы съ виновными офицеровъ своей гвардіи. Онъ не стѣснился въ 1721 году назначить гвардейскихъ майоровъ надзирателями даже за сенатомъ, и эти надзиратели получили у него полномочіе не только доносить прямо ему о замѣченныхъ нарушеніяхъ закона, но и сажать собственной властью господъ сенаторовъ подъ арестъ въ крѣпость въ случаяхъ несомнѣнной вины. Младшіе гвардейскіе офицеры и даже нижніе чины—сержанты, капралы, унтеръ-офицеры, солдаты — посылались съ чрезвычайными порученіями въ провинцію. Въ 1724 г. число такихъ командированныхъ дозорщиковъ изъ гвардіи было 87, причемъ офицеровъ было всего 16, а остальные—нижніе чины. Посланные по провинціямъ гвардейцы снабжались обширными полномочіями. Имъ предписывалось „губернаторамъ непрестанно докучать", чтобы они неотложно исполняли правительственныя требованія, въ противномъ случаѣ офицеры должны были „какъ губернаторовъ, такъ и вице-губернаторовъ и прочихъ подчиненныхъ сковать за ноги и на шею положить цѣпь и по то время не освобождать, пока они не изготовятъ вѣдомостей". Такъ посланные и дѣлали. Въ 1723 г. тверской воевода, камериръ и ихъ подчиненные за упущенія въ сборахъ долгое время содержались подъ карауломъ въ цѣпяхъ по распоряженію гвардейскаго солдата, присланнаго изъ Петербурга произвести дознаніе.

Страхъ передъ этими гвардейцами былъ таковъ, что рѣдко кто даже изъ заслуженныхъ людей пробовалъ имъ перечить. Московскій вице-губернаторъ, заслуженный бригадиръ Воейковъ, бранилъ присланнаго преображенскаго сержанта, высылалъ его вонъ изъ канцеляріи, замахивался тростью бить и кричалъ: „Я не токмо тебя, но лучшихъ вашихъ преображенскихъ сержантовъ бивалъ батожьемъ и тебя отпорю и въ оковахъ пошлю въ Петербургъ!“. Но и Воейковъ долженъ былъ смириться, когда на мѣсто струсившаго сержанта послали изъ Петербурга энергичнаго и суроваго солдата того же Преображенскаго полка Поликарпа Пустошкина. Солдатъ Пустошкинъ остался крайне недоволенъ и состояніемъ дѣлъ у московской администраціи и, по словамъ случайнаго свидѣтеля, президента юстицъ-коллегіи графа Матвѣева, проѣзжавшаго чрезъ Москву къ себѣ въ имѣнье, „учинилъ жестокую передрягу, всѣ канцеляріи опустошилъ и всѣмъ здѣшнимъ правителямъ не только ноги, но и шеи смирилъ цѣпями“. *Бригадиръ* (чинъ старше полковничьяго) Воейковъ тоже былъ посаженъ *солдатомъ* Пустошкинымъ на цѣпь. Солдатъ совершенно не разбирался въ томъ, что вѣдомости не были изготовлены прежнимъ составомъ московской администраціи, а только рвалъ и металъ. „И тако сбылося одно слово изъ древняго письма,— писалъ Матвѣевъ,—что отцы ядоша квасное, а чадомъ зубы оторпоша, а по другому старосвѣтскому наказу осьмьдесятъ лѣтъ назадъ сказанному: и то де твоя вина, что загорѣлось возлѣ твоего двора. Я тѣхъ узниковъ, по должности христіанской посѣщая, воистину съ плачемъ видѣлъ въ губернской канцеляріи здѣшней, что множество цѣпей и желѣзъ и честныхъ особъ, сидящихъ въ нихъ, и токи слезъ, превосходящіе галерныхъ прямыхъ дворовъ“. Въ концѣ письма Матвѣевъ замѣчаетъ, что не слѣдовало бы солдату давать разрѣшеніе безъ особаго ордера отъ военной коллегіи „ковать“ бригадира.

Въ этихъ „карательныхъ“ посылкахъ гвардейскихъ солдатъ и офицеровъ, можетъ-быть, всего ярче сказалась завѣщанная московской Русью Россіи императорской основа властвованія страхомъ. Розги и побои регулировали семейныя отношенія, плеть и плаха— отношенія гражданина къ государству. Оно всегда въ московское время являлось устрашающимъ и карающимъ, и инымъ не могло сдѣлаться и за время господства Петра. Люди не такъ-то скоро мѣняются, какъ ихъ одежда и внѣшній житейскій обиходъ. На устрашеніи, въ концѣ концовъ, было построено при Петрѣ управленіе, на устрашеніи былъ устроенъ и судъ; всякая инструкція, всякое распоряженіе, исходящее отъ власти къ подчиненному, всегда заключаетъ въ себѣ при Петрѣ угрозу штрафомъ или даже жестокимъ истязаніемъ. Опасеніе является въ тѣ времена основой въ отношеніи низшаго къ высшему, и всякій свой поступокъ каждый подчиненный старается обставить такъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ передъ пославшимъ его. Дѣлать дѣло не такъ, какъ велитъ долгъ и собственное искреннее разумѣніе, а такъ, какъ при-

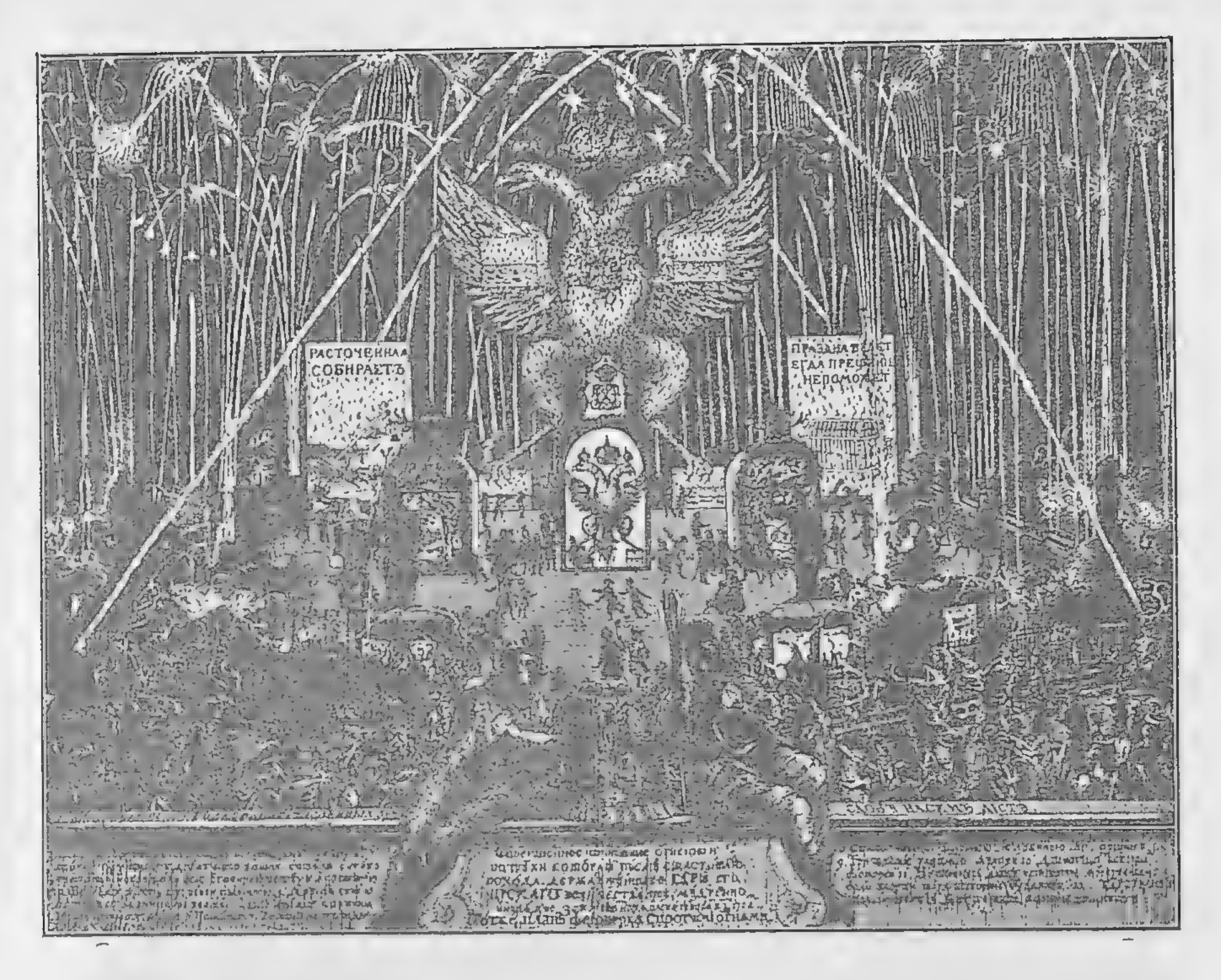
казано начальствомъ, чтобы прежде всего избѣжать его гнѣва, а не нарушенія закона,—вотъ основа всѣхъ поступковъ подчиненнаго въ московское время, такой же она осталась при Петрѣ; только теперь все это болѣе регламентировано, вогнано въ рамки инструкціи, разработанной по западному образцу; новыя идеи общаго блага и благоденствія вводятся однако по-старому: путемъ „истязанія" и „весьма живота лишенія".

Вводя новое устройство областей, Петръ разсчитывалъ, что оно будетъ способствовать развитію людскости въ его странѣ и установленію стройнаго порядка, что установленное имъ начальство и „люди" будутъ одинаково и вмѣстѣ дружно заботиться объ общемъ благѣ. Почитатель Пуффендорфа, корреспондентъ Лейбница не могъ не питать такихъ мыслей, но жестокая дѣйствительность создавала другое. Какое сердечное взаимодовѣріе могло образоваться у обывателя и нищаго земскаго комиссара, выколачивающаго гроши на свое содержаніе съ обывателя, а потомъ парадирующаго въ цѣпяхъ вслѣдъ за присланнымъ изъ Петербурга солдатомъ передъ тѣми самыми обывателями, которыхъ онъ истязалъ? Или что за авторитетъ могъ быть у воеводы, котораго требуетъ на полковой дворъ драгунскій капитанъ и разноситъ на чемъ свѣтъ стоитъ во всеуслышаніе, грозя выбить воеводѣ кишки и уморить его подъ арестомъ? Такъ изъ этого круга страха и истязаній и не вышла русская правительственная жизнь петровскихъ временъ, а при его преемникахъ она и еще больше свернула на московскіе порядки, причемъ въ цѣляхъ удешевленія администраціи было устранено задуманное Петромъ раздѣленіе властей, и всѣ отрасли мѣстнаго оправленія оказались по-старому сосредоточенными въ рукахъ воеводъ.

Въ результатѣ, отъ петровской реформы мѣстнаго управленія сохранились только ея, такъ сказать, идейныя основы, которыя лишь впослѣдствіи сказались практически въ жизни, рѣзко подчеркнувъ отличіе Руси московской отъ имперіи всероссійской въ устройствѣ ихъ управленія. Черты эти, кромѣ основной заботы объ общемъ благѣ и отечествѣ, слѣдующія: намѣченныя Петромъ въ его устройствѣ управленія раздѣленіе судебной и административной властей, раздѣленіе военной и гражданской службы, вознагражденіе службы жалованіемъ отъ государства и ея большая устойчивость и постоянность; сдѣлавшись трудомъ вознаграждаемымъ, служба не можетъ уже приниматься, какъ источникъ дохода для служащаго; цѣлью назначенія на службу перестаетъ быть прежнее желаніе правительства дать въ награду за труды тому или иному человѣку въ теченіе извѣстнаго срока возможность покормиться отъ доходовъ со службы. Воевода и судья, по узаконеніямъ Петра, чины правительственной власти, назначаемые ею безъ срока, вознаграждаемые ею изъ государственнаго казначейства и дѣйствующіе исключительно въ государственныхъ интересахъ.

Эти новыя черты въ управленіи сообщали въ идеѣ строю государственной жизни Россіи бюрократическій характеръ государства въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ заключается та суть сдѣланнаго Петромъ преобразованія, которая рѣшительно стала осуществляться въ строѣ государственной жизни Россіи XVIII и XIX вѣковъ.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: Полное собраніе законовъ, т. V—VII; *М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *П. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.; *М. Клочковъ*, Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени; *И. Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе Россіи въ XVIII в.; *В. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права временъ имперіи; *А. Н. Филипповъ*, Исторія русскаго права; *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. IV, и др

Фейерверкъ при Петрѣ Великомъ (съ гравюры того времени).

Судъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Одновременно съ преобразованіемъ центральнаго и мѣстнаго управленія Петръ проводилъ и реформу суда. Вопросъ о судѣ возникалъ самъ собой съ устройствомъ коллегій и новаго управленія. До этого судъ въ Россіи былъ связанъ съ управленіемъ: тѣ, кто управляли отдѣльными мѣстностями и приказами въ Москвѣ, являлись, по большей части, и судьями управляемыхъ. Новое управленіе, устраивавшееся по западнымъ образцамъ, не оставляло своимъ чиновникамъ ни времени ни досуга нести еще и судейскія обязанности, да по „регулярному“ государственному строительству, началами котораго руководствовался въ своихъ преобразованіяхъ Петръ, этого и не полагалось.

Свои преобразованія государственнаго устройства Петръ началъ, не имѣя заранѣе составленнаго, строго разработаннаго плана, который предстояло бы выполнять постепенно и послѣдовательно. Но въ общихъ чертахъ онъ, конечно, зналъ, что дѣлалъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи хоть сколько-нибудь организованныхъ въ стройную силу исполнителей, не имѣя и самой машины учрежденій, чрезъ которыя можно было бы проводить реформу, Петръ при-

нужденъ былъ начать преобразованіе государственнаго строя сверху, съ организаціи исполнителей и исполнительной машины.

Принявъ извѣстный планъ учрежденія коллегій по шведскому образцу, онъ поручилъ коллегіямъ, т.-е. собственно намѣченному имъ составу присутствій каждой коллегіи, разработать и провести систему подвѣдомственныхъ каждой коллегіи низшихъ учрежденій. Въ руководство коллегіямъ предоставлялся шведскій образецъ и проекты разныхъ дѣльцовъ. Члены коллежскихъ присутствій, устраивая свои коллегіи и подчиненныя имъ учрежденія, должны были дѣйствовать „по своему разсужденію“, а не слѣдовать слѣпо образцу; имъ рекомендовалось „сводить“ шведское съ русскимъ согласно „ситуаціи“ русскаго государства.

Конечно, раздѣленіе судебной власти и власти административной было предрѣшено Петромъ, и въ этомъ предрѣшеніи при устройствѣ хода самаго преобразованія сверху, когда орудія преобразованія, организуясь сами, должны были устраивать и все имъ подчиненное хозяйство, быть-можетъ, слѣдуетъ видѣть причину учрежденія особой юстицъ-коллегіи съ опредѣленной задачей устроить судъ въ странѣ на новыхъ началахъ.

Въ Швеціи судъ былъ устроенъ, по описанію Любераса, слѣдующимъ образомъ: „По деревнямъ каждый дистриктъ своего ландрихтера имѣетъ, который, присовокупя нѣсколько частныхъ, въ правахъ искусныхъ крестьянъ, судъ держитъ. Отъ сего суда апеллируютъ до оберъ-ландрихтера всея провинціи, а отъ онаго къ надворному суду всего государства“. Таковыхъ надворныхъ судовъ имѣлось въ Швеціи шесть. Никакого учрежденія въ родѣ юстицъ-коллегіи, которая вѣдала бы всю судебную часть всей страны, въ Швеціи не было. Жалобы на рѣшенія надворнаго суда приносились самому королю, который и разсматривалъ ихъ при помощи нѣсколькихъ, имъ самимъ назначенныхъ сановниковъ. Въ своей запискѣ о шведскомъ государственномъ устройствѣ Люберасъ говоритъ, что Швеція потому не нуждалась ни въ какомъ сосредоточенномъ надзорѣ за судомъ, что тамъ вездѣ царилъ строгій порядокъ подчиненія нижнихъ судовъ высшимъ, законы были ясны, а исполнители закона — судьи — отличались своимъ безпристрастіемъ, знаніемъ законовъ, твердостью въ ихъ примѣненіи и были совершенно независимы отъ мѣстнаго начальства: ландрихтеръ или герадсъ-гёвдингъ, оберъ-ландрихтеръ или лагманъ и надворный судья стоятъ совершенно независимо отъ чиновъ по управленію: ландфохта, ландсъ-гевдинга и губернатора.

Еще въ 1713 г. Петръ предписалъ на каждую провинцію, разумѣя подъ этимъ названіемъ тогдашнюю губернію, выбрать по одному ландрихтеру, подчинивъ его непосредственно ландратскому правленію. Ландрихтеръ являлся, собственно, помощникомъ губернатора по судебной части. Онъ не былъ судьей въ томъ смыслѣ, что постоянно занимался разборомъ судебныхъ дѣлъ,—это было дѣло ландратовъ каждаго въ его долѣ; но если кто изъ ландратовъ „впалъ въ какое прегрѣшеніе“, или не могъ

5.

Петръ I Великій.
Съ портрета работы К. де-Моора.

самъ разобрать какого-либо спора, то губернаторъ долженъ былъ посылать ландрихтера провѣрить судопроизводство ландрата или помочь ему кончить дѣло. Самый судъ надъ провинившимися и неисправными ландратами, какъ судьями, принадлежалъ губернаторамъ и ландратской коллегіи.

Съ 1718 г. появляются указы Петра, намѣчающіе новое устройство суда. Такъ же, какъ и для введенія новаго областного управленія, для введенія новаго суда предназначалась сначала одна Петербургская губернія. Предполагалось ввести въ ней съ 1 іюля 1719 г. одного оберъ-ландрихтера—главнаго судью губерніи, „высшаго земскаго судью“, какъ переводитъ названіе „оберъ-ландрихтеръ“ указъ Петра. При оберъ-ландрихтерѣ учреждалась должность ландъ-секретаря—земскаго дьяка, по переводу въ указѣ; въ городахъ губерніи устанавливались ландрихтеры—земскіе судьи, и при нихъ ландшрейберы—подьячіе земскіе. Судебныя должности сразу становились самостоятельными, и воеводамъ съ земскими комиссарами предписывалось: „до юстиціи не касаться и въ судѣ участія не принимать“. 8 января 1719 г. учреждались „гофгерихты“—„суды надворные“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Тобольскѣ. Гофгерихты—это судъ оберъ-ландрихтеровъ; судъ ландрихтеровъ назывался нижнимъ судомъ. Такимъ образомъ получилась система судебныхъ мѣстъ, очень близкая къ шведской. Въ каждомъ городѣ имѣлся судъ, „въ знатныхъ губерніяхъ“ состоялъ судъ болѣе высшій, гофгерихтъ или надворный, куда и можно было жаловаться недовольнымъ дѣйствіемъ городового суда. Надъ надворными судами стояла юстицъ-коллегія, а еще выше—сенатъ, приговоры котораго считались окончательными и на нихъ запрещалось жаловаться подъ угрозой смерти.

По расписанію 12 декабря 1718 г. юстицъ-коллегія должна была вѣдать „судныя и розыскныя“ дѣла, т.-е. дѣла гражданскія, рѣшавшіяся „судомъ“—состязаніемъ сторонъ, и уголовныя, рѣшавшіяся до 1723 г. „розыскомъ“, т.-е. слѣдственнымъ порядкомъ, когда судъ начиналъ дѣйствовать послѣ „розыска“, учиненнаго преступнику и полученнаго отъ него признанія въ преступленіи и полнаго его раскрытія. Юстицъ-коллегія начала свою дѣятельность съ того, что учредила суды во всей странѣ и частью назначила, частью выбрала къ назначенію весь судебный персоналъ. Это обстоятельство тогда же придало юстицъ-коллегіи характеръ такого учрежденія, которое завѣдуетъ назначеніями судей и является ихъ начальникомъ. Такъ какъ всѣ суды были поставлены въ зависимость отъ юстицъ-коллегіи, то она по отношенію къ этимъ судамъ стала высшимъ судомъ и руководителемъ ихъ въ дѣлѣ отправленія судопроизводства. За злоупотребленія судебныхъ чиновъ коллегія судила ихъ или просто налагала штрафы. По генеральному регламенту, каждое присутственное мѣсто обязано было, получивъ указъ высшаго присутствія, немедленно рапортовать туда о его полученіи, не дожидаясь исполненія, и надвор-

ные суды должны были неукоснительно, подъ страхомъ штрафа, исполнять это по отношенію къ юстицъ-коллегіи.

Сенатъ въ судебномъ отношеніи являлся наивысшей степенью, куда можно было обращаться съ жалобами на рѣшенія всѣхъ другихъ степеней или инстанцій суда, начиная съ юстицъ-коллегіи и до городового суда; сенату затѣмъ принадлежало высшее руководство судебными учрежденіями и надзоръ за ихъ дѣятельностью. Юстицъ-коллегія представляла въ сенатъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ; сенатъ утверждалъ въ ихъ должностяхъ лицъ, избранныхъ въ судьи юстицъ-коллегіей. Съ 1722 г. средствомъ для надзора за дѣятельностью судебныхъ учрежденій дѣлаются прокуроры, назначенные состоять при юстицъ-коллегіи и надворныхъ судахъ и подчиненные генералъ-прокурору, состоящему при сенатѣ. На рѣшеніе сената нельзя было жаловаться, „понеже, — какъ объяснялъ указъ Петра, запрещавшій это, — тотъ вышній сенатъ отъ его царскаго величества высоконовѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государствомъ повѣрено есть“.

И сенатъ и юстицъ-коллегія въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлись судами первой инстанціи, т.-е. такими, въ которыхъ дѣло начиналось, а не поступало къ нимъ изъ низшаго суда—изъ низшей инстанціи. Сенатъ дѣлалъ это всякій разъ по повелѣнію государя, слѣдовательно исполнялъ роль первой судебной инстанціи въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Юстицъ - коллегія становилась иногда судомъ первой инстанціи по обычаю, вытекавшему изъ стариннаго стремленія русскаго человѣка, которому всегда хочется, если ужъ пришлось судиться, итти въ самый что ни на есть вышній судъ. Въ московское время, можно считать, было правиломъ, по которому высшая инстанція была первой для той мѣстности, гдѣ находилась, и жители Москвы, напримѣръ, судились прямо въ приказахъ, которые для жителей другихъ городовъ являлись уже высшей инстанціей. Въ силу этого обычая случалось, особенно первое время, что въ юстицъ-коллегію попадали дѣла о дракѣ двухъ петербужцевъ, о кражѣ на Сытномъ рынкѣ и т. п. Съ учрежденіемъ въ Петербургѣ надворнаго суда обращенія въ юстицъ-коллегію съ такими дѣлами, казалось бы, должны были прекратиться, но обычай гналъ обывателя попрежнему въ тотъ судъ, что повыше, и Петру пришлось особымъ строгимъ указомъ запретить обращаться съ судебными жалобами въ юстицъ-коллегію, не бивъ челомъ въ надворный судъ. Но всѣхъ иностранцевъ, служившихъ въ коллегіяхъ, судила юстицъ-коллегія; черезъ посредство ея иностранцы могли возбуждать жалобы другъ на друга и на русскихъ, и русскіе, въ свою очередь, искать что-либо съ коллежскаго иноземца могли только въ юстицъ коллегіи.

Весь 1719 г. прошелъ въ устройствѣ юстицъ-коллегіей подвѣдомственныхъ ей областныхъ судовъ. Въ 1720 г. по указу Петра долженъ былъ бы всюду начаться судъ „по новому маneру“,

но вездѣ онъ не начался; помимо общей медленности хода дѣлъ, не хватало людей для замѣщенія всѣхъ судебныхъ должностей: для всего государства требовалось по проекту 371 человѣкъ судей, а налицо имѣлось 326, да и изъ нихъ назначенными, почавшими отбывать свою должность, къ іюлю 1720 г. считалось только 199 человѣкъ,—172 судейскихъ мѣста, т.-е, немного менѣе половины всѣхъ, пустовало. Члены воронежскаго надворнаго суда не явились въ Воронежъ даже и въ іюлѣ 1721 г.; московскій надворный судъ долго не могъ найти мѣста для своихъ засѣданій: ему отведено было помѣщеніе бывшаго разряднаго приказа, но военная канцелярія, засѣвшая тамъ раньше, отказывалась выѣхать и очистить зданіе для суда.

Кромѣ перечисленныхъ уже городовъ, надворный судъ былъ учрежденъ еще въ Енисейскѣ, а въ Ригѣ сохраненъ былъ гофгерихтъ для прибалтійскаго края. Такимъ образомъ вся территорія тогдашней Россіи распредѣлилась на одиннадцать судебныхъ округовъ; во главѣ каждаго округа сталъ надворный судъ, которому, какъ высшей инстанціи, подчинялись „нижніе суды“ округа.

Надворные суды были устроены по образцу юстицъ-коллегіи и состояли изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ, обыкновенно шести, членовъ въ званіи асессоровъ. Президентами надворныхъ судовъ были губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, смотря по тому, какое изъ этихъ званій носилъ управитель города, гдѣ засѣдалъ надворный судъ. Этимъ, конечно, нарушалось отдѣленіе суда отъ управленія, но за недостаткомъ людей трудно было найти отдѣльныхъ президентовъ, и Петръ помирился съ предсѣдательствомъ въ надворныхъ судахъ воеводъ и губернаторовъ „до предбудущаго вновь о всемъ томъ опредѣленія“. Такого опредѣленія, однако, не послѣдовало, и уже въ 1721 году юстицъ-коллегія находитъ выгоду въ такого рода соединеніи должностей, заявляя, что отъ этого будетъ „лучшее въ тѣхъ дѣлахъ отправленіе“.

Дѣятельность надворныхъ судовъ предполагалось опредѣлить особой инструкціей или регламентомъ, который обѣщано было вскорѣ опубликовать, но только въ 1722 г. юстицъ-коллегія составила регламенты для надворныхъ и нижнихъ судовъ и представила ихъ въ сенатъ для утвержденія. Въ сенатѣ какъ-то не дошло до обсужденія этихъ регламентовъ, а по смерти Петра произошли такія перемѣны въ судоустройствѣ, что регламенты эти оказались не нужны. По этимъ не утвержденнымъ регламентамъ можно прослѣдить до нѣкоторой степени тѣ начала, которыя преобразователь думалъ положить въ основу дѣятельности своихъ судовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльныя части этихъ неизданныхъ инструкцій все же сообщались юстицъ-коллегіей надворнымъ судамъ въ разъясненіе ихъ запросовъ; отдѣльные пункты регламентовъ постоянно ссылаются на указы Петра, состоявшіеся въ

различное время и касающіеся тѣхъ сторонъ сущности суда или практики судопроизводства, о которыхъ въ данномъ пунктѣ регламента идетъ рѣчь. Поэтому можно думать, что извѣстное вліяніе эти неизданные регламенты на дѣятельность суда оказывали.

Нѣкоторыя положенія регламентовъ вносятъ совершенно новый, болѣе гуманный взглядъ на задачи и дѣятельность суда, чѣмъ тѣ взгляды, которые лежали въ основѣ суда московскихъ временъ. Инструкція надворному суду предписываетъ ему: „въ цѣлости правду содержать, съ всесовершенной вѣрностью и со всемѣрной прилежностью безъ всякаго лицемѣрія, невзирая ни на чье лицо, кто бы какого званія и имени ни былъ“, „обидимымъ всегда оказывать правосудіе и безволокитное рѣшеніе“.

Порядокъ дѣлопроизводства рекомендуется строго коллегіальный, причемъ, въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну при рѣшеніи гражданскаго дѣла, преимущество отдавать тому рѣшенію, на сторонѣ котораго президентъ; при равенствѣ же голосовъ въ уголовномъ дѣлѣ коллегія должна принимать мнѣніе той стороны, которая стоитъ за болѣе мягкій и выгодный для подсудимаго приговоръ, „понеже,—гласитъ инструкція,—разумъ на оному основаніи править весьма повелѣваетъ, ибо въ сомнительныхъ и не въ ясныхъ дѣлахъ сей способъ праведнѣе и безопаснѣе есть— лучше повиннаго оправдать, нежели неповиннаго безразсмотрительно осуждать“.

Регламентъ требуетъ строжайшаго контроля и отчетности отъ судей, каждое дѣйствіе суда должно оставлять слѣдъ на бумагѣ; все происходящее въ судѣ и касающееся дѣла записывается особымъ чиномъ—нотаріусомъ, записи котораго предписывается „помѣсячно набѣло переписывать, просматривая, повсягодно переплетать и съ надлежащими реестры хранить“.

Для засѣданій надворнаго суда назначались особые дни, которые были бы „всѣмъ вѣдомы“, равно какъ и часъ начала засѣданій долженъ быть строго опредѣленъ. Всѣ члены суда обязаны быть къ этому часу на своихъ мѣстахъ, а тотъ, кто опаздывалъ, платилъ штрафъ: сто копеекъ за каждый часъ опозданія. Если кто изъ членовъ суда не могъ прійти въ судъ по болѣзни, то долженъ былъ прислать о томъ письменное извѣщеніе на имя президента.

Президентъ суда—большое начальство: онъ распоряжается всей канцеляріей, наблюдаетъ за дѣятельностью членовъ, и если замѣтитъ, „что нѣкоторый изъ нихъ малоразуменъ или по должности чина его отъ слабости дѣла свои отправлять не можетъ“, то долженъ донести о томъ юстицъ-коллегіи. Президентъ назначаетъ порядокъ слушанія дѣлъ, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы „послѣднимъ челобитчикомъ упрежденія передъ первыми, кромѣ крайнихъ и самыхъ необходимыхъ причинъ, не было“. При производствѣ дѣла онъ ставитъ вопросы тяжущимся; опрашиваетъ свидѣтелей или обвиняемаго тоже только президентъ; про-

чимъ же членамъ предписывается слушать молча и подымать голосъ только, „когда что припамятовать понадобится"; въ такихъ случаяхъ асессоръ долженъ „съ надлежащимъ почтеніемъ президенту объявить", что хочетъ сказать, но говорить на судѣ вообще асессорамъ „безъ крайней нужды" не рекомендуется, „дабы честный порядокъ и власть того суда въ добромъ респектѣ тѣмъ состоялась, ибо изъ того безстройство и смущеніе не малое приключается, если бъ всякъ изъ нихъ, членовъ, говорилъ и другъ другу въ слушаніи дѣлъ мѣшалъ". Президентъ по обсужденіи дѣла отбираетъ голоса членовъ, начиная съ младшаго, и самъ высказываетъ свое мнѣніе послѣднимъ.

По окончаніи разбирательства, изъ дѣла составляется выписка, излагающая суть его; тяжущіяся стороны прочитываютъ ее и въ знакъ согласія своего съ изложеннымъ подписываютъ. Судьи, когда совѣщаются, имѣютъ передъ собой эту выписку, и рѣчи ведутся на основаніи ея данныхъ; подлинное дѣло лежитъ тутъ же, на столѣ, только для справокъ. Въ случаѣ, если члены суда не могутъ пріити въ единоличному рѣшенію, мнѣніе каждаго съ разъясненіями, почему и отчего не согласенъ съ другими, записывается въ протоколъ; но инструкція очень не рекомендуетъ упрямаго упорства на своемъ мнѣніи, „ибо то упрямство,—читаемъ въ инструкціи,—есть едина изъ самыхъ большихъ человѣческой жизни злоба, которая наипаче помрачаетъ судью, которому весьма надлежитъ свое мнѣніе и склонность на одну правду имѣть". Судьи обязывались свято хранить тайну того, о чемъ говорилось на судѣ, и ни въ какомъ случаѣ не давать никому никакихъ выписокъ и справокъ о ходѣ судебнаго совѣщанія.

Члены суда—асессоры—не только присутствовали на судѣ, они имѣли еще „особливые труды". „Одинъ асессоръ фискальскія и прочія интересныя дѣла исправлялъ даже до конечнаго изслѣдованія, другой же всѣ тѣ дѣла исправлялъ, что допросами между тяжбу имѣющихъ и пріемомъ ставочныхъ челобитенъ принадлежитъ", причемъ эти послѣднія дѣла асессоры должны были вести, перемѣняясь по полугодіямъ или по третямъ года.

За правильностью дѣлопроизводства надворныхъ судовъ долженъ былъ слѣдить (съ 1722 г.) состоящій при каждомъ надворномъ судѣ прокуроръ, подчиненный непосредственно генералъ-прокурору, которому онъ и доносилъ о всѣхъ замѣченныхъ имъ неправильностяхъ судоговоренія и судебнаго дѣлопроизводства. Для того, чтобы онъ мгоъ правильно и послѣдовательно отправлять свою должность, прокуроръ и имѣлъ право и обязанность присутствовать въ судѣ. Инструкція о должности прокурора предписывала ему смотрѣть накрѣпко, „чтобы судьи безъ потерянія времени всѣ дѣла порядочно отправляли... чтобъ не на столѣ токмо дѣла вершились, но чтобъ по онымъ самыя дѣйства по указамъ, какъ скоро возможно, исполнены были"; ему вмѣнялось въ обязанность „смотрѣть, чтобы коллегія въ судахъ и расправѣ праведно и нелицемѣрно поступала". Отдѣльный указъ, наконецъ, возла-

галъ на прокуроровъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ служащіе въ судѣ—и члены суда и канцеляристы—сдѣлали себѣ выписки изъ генеральнаго регламента о своихъ обязанностяхъ и твердили ихъ по праздникамъ наизусть, чтобы крѣпче помнить законы и строго ихъ исполнять. За послабленія, если бы прокуроръ ихъ позволилъ себѣ по отношенію къ кому-нибудь изъ сослуживцевъ, ему, въ случаѣ открытія послабленія, грозила смертная казнь или ссылка въ вѣчную каторгу съ рваньемъ ноздрей и конфискаціей имущества. Фискалы не присутствовали на судѣ, и ихъ должность, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ, — со стороны улавливать преступленія противъ регламентовъ и законовъ совершенныя членами суда, и возбуждать противъ виновныхъ судебное преслѣдованіе черезъ тѣ мѣста, которымъ виновные были подчинены по своей должности.

Надворный судъ судилъ какъ дѣла „криминальныя", т.-е. уголовныя, такъ и гражданскія; особенно много поступало въ надворные суды дѣлъ и тяжбъ о крѣпостныхъ; въ надворный же судъ приводили владѣльцы поймашныхъ бѣглыхъ крѣпостныхъ за тѣмъ, чтобы „вышній судъ" утвердилъ бѣглецовъ за ними. Надворный судъ судилъ и мелкія дѣла, которыя возбуждались въ тѣхъ городахъ, гдѣ находилось его присутствіе, такъ что на разсмотрѣніе надворнаго суда попадали иногда дѣла о дракѣ въ кабакѣ, о кражѣ трехъ рублей, объ оскорбленіи на словахъ и т. п. Но были дѣла и изъятыя изъ вѣдѣнія надворныхъ судовъ, напримѣръ, политическія: „объ умышленіи на государево здоровье, о бунтѣ и измѣнѣ". Обвинителей и обвиняемыхъ по такимъ преступленіямъ, сказавшимъ за собой „слово и дѣло государево", надворный судъ долженъ былъ посылать, сковавъ и за крѣпкимъ карауломъ, въ преображенскій приказъ или, съ 1722 г. въ тайную канцелярію, гдѣ вѣдались дѣла этого рода. Изъ вѣдѣнія надворныхъ судовъ были исключены, кромѣ того, цѣлые разряды населенія: преображенскіе и семеновскіе солдаты и офицеры судились, и какъ истцы и какъ отвѣтчики, по всѣмъ дѣламъ только въ преображенскомъ приказѣ; посадское населеніе городовъ имѣло свои суды при городскихъ магистратахъ; „синодальная команда", какъ называли тогда духовенство и населеніе церковныхъ земель, судились въ общихъ судахъ только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ дѣламъ съ лицами другихъ состояній, подвѣдомственныхъ общимъ судамъ; въ дѣлахъ же гражданскихъ и по мелкимъ уголовнымъ „синодальная команда" судилась у своихъ властей, управляющихъ церковными землями.

Такимъ образомъ надворный судъ не охватывалъ своей судебной властью людей всѣхъ состояній въ государствѣ; благодаря такой разобщенности по суду, происходило въ извѣстныхъ случаяхъ много путаницы и замедленія въ ходѣ судебнаго дѣла, и тяжбы лицъ, судившихся разными судами, стоили тяжущимся множества времени и денегъ, уходившихъ на „мотаніе" межъ судами.

Надворному „вышнему“ суду были подчинены суды „нижніе“. Въ первые три года существованія введеннаго Петромъ судоустройства „нижніе“ суды были и коллегіальные и единоличные, или „провинціальные“ и „городовые“. Провинціальные суды находились въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ: въ Москвѣ, Петербургѣ, Смоленскѣ, Казани, Нижнемъ, Симбирскѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ и Воронежѣ. Представители этихъ провинціальныхъ судовъ назывались оберъ-ландрихтерами, и судили они вмѣстѣ съ двумя или четырьмя асессорами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и надворные суды, которымъ они были подчинены. Во всѣхъ остальныхъ городахъ судъ сосредоточивался въ рукахъ единоличнаго городового судьи, именовавшагося иногда и земскимъ судьей.

Земскій или городовой судья, по данной ему изъ юстицъ-коллегіи инструкціи, вѣдалъ „дѣла судныя, розыскныя, сыскныя и прочія земскія дѣла, принадлежащія до государственной коллегіи юстиціи“. Дѣла простыя, въ которыхъ было ясно, кто виноватъ и кто правъ или не правъ, судья рѣшалъ самъ, а въ спорныхъ случаяхъ долженъ былъ сноситься съ надворнымъ судомъ. Рѣшать дѣла судьѣ предписывалось „безъ всякой своей страсти, въ самую правду, безволокитно, безъ особой склонности“ къ той или другой сторонѣ. Особенное вниманіе предписывалось судьѣ удѣлять дѣламъ татинымъ и разбойнымъ. Суду городового судьи подлежали всѣ сельскіе обыватели и тѣ изъ городскихъ, которые не числились въ разрядѣ посадскихъ людей. Кромѣ чисто-судебныхъ обязанностей, городовой судья исполнялъ порученія, направлявшіяся къ нему изъ надворнаго суда,—онъ производилъ, напримѣръ, описи имѣнія и вводъ во владѣніе наслѣдниковъ, снималъ допросы по порученію надворнаго суда; онъ же былъ начальникомъ мѣстныхъ нотаріусовъ, которыхъ назначалъ къ должности; нотаріусы должны были „всякія крѣпости писать правдиво и въ книги записывать и пошлинныя деньги съ крѣпостей брать по указу и излишняго ничего не брать и тѣ пошлинныя деньги на свои домашніе расходы никуда не употреблять и въ займы не давать“. Нотаріусъ назначался всегда за поручителями, которые, въ случаѣ его неисправности, отвѣчали за него своимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ система судебныхъ учрежденій 1719—1722 годовъ слагалась изъ четырехъ инстанцій: сената, юстицъ-коллегіи, надворнаго суда и нижняго суда, который въ немногихъ большихъ городахъ былъ коллегіальный, а въ большинствѣ—единоличный. По этимъ четыремъ ступенямъ судебной лѣстницы и должны были восходить дѣла; но этотъ предустановленный порядокъ иногда нарушался, и иное дѣло шагало черезъ промежуточныя ступени, благодаря неопытности судей и непривычкѣ общества къ правильному устройству судебныхъ инстанцій. Юстицъ-коллегія постоянно дѣлала напоминанія нижнимъ судамъ, чтобы они о спорныхъ дѣлахъ, которыхъ имъ рѣшить будетъ невозможно, писали прежде всего въ надлежащій надворный судъ, а написавъ въ этотъ судъ, въ юстицъ-коллегію не обращались. Но указы эти мало по-

могали, и случаи, когда судьи обращались въ высшую инстанцію, минуя промежуточную, были довольно часты. Объяснить это можно только неопытностью судей да извѣстными старинными привычками, потому что въ петровскомъ законодательствѣ довольно ясно намѣчаются тѣ случаи, когда дѣло подлежитъ переносу изъ нижней инстанціи въ высшую.

Самой частой причиной переноса дѣлъ является недовольство тяжущихся рѣшеніемъ судьи. Этотъ переносъ всегда имѣлъ характеръ обвиненія судьи низшаго суда передъ вышнимъ; тотъ, кто переносилъ дѣло, всегда указывалъ, что рѣшеніе судьи было несправедливо, потому что онъ велъ дѣло „корыстно", „изо взятковъ", былъ пристрастенъ, „дружилъ и норовилъ противнику", а его, недовольнаго судомъ жалобщика, хотѣлъ „изволочить и изубыточить", а потому и „вершилъ то дѣло не дѣломъ". Если высшая инстанція находила рѣшеніе дѣла неправильнымъ, то ставила новое рѣшеніе и взимала двойныя пошлины, какія должны были платить тяжущіеся—и выигрывавшій дѣло и проигравшій его. Вслѣдствіе ссоры съ судьей, или родства его съ противоположной стороной, одна изъ сторонъ могла просить передать дѣло для разбора другому судьѣ, и надворный судъ долженъ былъ такое заявленіе удовлетворять.

Важнѣйшія уголовныя дѣла, которыя несли обвиняемому смертную казнь, были вовсе исключены изъ вѣдѣнія городового суда, и судья въ такихъ случаяхъ, произведя слѣдствіе и составивъ проектъ приговора, отсылалъ все производство и преступника въ надворный судъ. Городовому судьѣ въ такихъ случаяхъ надо было соблюдать большую осторожность: если надворный судъ находилъ приговоръ, представленный изъ нижняго суда, неправильнымъ, то доносилъ объ этомъ въ юстицъ-коллегію, и тогда нижнему суду, если юстицъ-коллегія соглашалась съ надворнымъ судомъ, грозилъ немалый штрафъ. Судья и самъ могъ направить дѣло отъ себя выше, когда находилъ какое-либо затрудненіе въ самомъ дѣлѣ или въ примѣненіи къ нему тѣхъ или иныхъ положеній закона; въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ дѣло переносилось въ высшую инстанцію, если возникало непримиримое несогласіе среди членовъ коллегіи, такъ что нельзя было постановить приговора.

Въ смоленскомъ надворномъ судѣ произошелъ разъ такой случай: обвинялся нѣкто Прокоповичъ въ убійствѣ нѣкоего Гурскаго. Фактъ убійства былъ несомнѣнный, и виновный не запирался, но Гурскій не являлся на царскій смотръ въ 1722 г. и потому по закону подлежалъ „шельмованію", и убійство его было не наказуемо; но по правиламъ допросъ съ убійцы снять было нужно, а полагался онъ съ пристрастіемъ, т.-е. съ пыткой. Возникалъ вопросъ: за что же пытать человѣка, если все равно придется его оправдать? Судьи были различнаго мнѣнія объ этомъ дѣлѣ. Всѣ отдѣльныя мнѣнія и выписка самаго дѣла были направлены въ юстицъ - коллегію. Юстицъ - коллегія запросила

судъ, имѣлъ ли онъ послѣ слушанія даннаго дѣла общее разсужденіе, и сообщили ли другъ другу его члены свои письменныя мнѣнія? Судъ отвѣтилъ, что общее разсужденіе у нихъ по этому дѣлу было, но что въ общую сентенцію они не могли согласиться. Юстицъ-коллегія тогда разъяснила дѣло такъ: убитый Гурскій не явился на смотръ потому, что сидѣлъ въ это время подъ арестомъ, а слѣдовательно „шельмованію" и не подлежалъ, и убійцу его, Прокоповича, полагается судить по всей строгости закона и допросъ ему чинить съ пристрастіемъ. А за то, что смоленскій надворный судъ отнесся къ дѣлу явно невнимательно, разъ упустилъ изъ виду такое важное обстоятельство, лишившее убитаго возможности быть на смотру, и обременилъ юстицъ-коллегію напраснымъ трудомъ, дѣло же благодаря этому затянулъ,—опредѣляется взять со смоленскаго надворнаго суда штрафъ въ размѣрѣ 200 рублей въ теченіе мѣсяца, подъ опасеніемъ взысканія его въ двойномъ размѣрѣ при неуплатѣ въ срокъ. А двѣсти рублей тогдашнихъ на наши деньги безъ малаго двѣ тысячи рублей!

Дѣло могло быть перенесено изъ низшей инстанціи въ высшую и по требованію самой высшей, если ей казалось, что низшій судъ не можетъ рѣшить данное дѣло по его сложности и важности. Въ 1721 г. въ Калугѣ на торгу собрались „многолюдствомъ" мужики и, „учиня великій бунтъ", напали на драгунъ Астраханскаго полка и избили ихъ „смертнымъ боемъ". Унимать свалку выѣзжалъ съ отрядомъ самъ полковникъ, причемъ онъ заарестовалъ коноводовъ драки. Арестованныхъ зачинщиковъ, какъ и избитыхъ драгунъ, полковникъ отослалъ къ воеводѣ, а воевода отправилъ всѣхъ къ судьѣ. Обвиненіе говорило, что крестьяне учинили бунтъ и избили драгунъ, противясь царскому величеству; дѣло, слѣдовательно, было политическое. Судья, разбираясь въ его подробностяхъ, пришелъ, однако, къ рѣшенію, что „та драка учинилась отъ пьянства, а не умысломъ къ бунту", къ тому же и избитые драгуны помирились съ мужиками, о чемъ и подали судьбѣ мировую челобитную. На томъ дѣло и кончилось. Но воевода долженъ былъ сообщать въ сенатъ о всякаго рода столкновеніяхъ, гдѣ можно было предполагать политику. Изъ сената отписку воеводы передали въ юстицъ-коллегію. Юстицъ-коллегія постановила передать все дѣлопроизводство въ московскій надворный судъ, чтобы разсмотрѣть, „подлинно ль оная драка къ бунту не прилична, и судья то дѣло, по надлежащимъ ли указамъ изслѣдовавъ, рѣшилъ".

Такимъ образомъ причинами движенія дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую было или недовольство сторонъ производствомъ ихъ дѣла и рѣшеніемъ суда, или неподсудность дѣла низшей инстанціи, или сомнѣніе низшей власти въ своемъ правѣ и силахъ данное дѣло разрѣшить, или сомнѣніе высшей инстанціи въ способностяхъ низшей правильно разсмотрѣть и кончить дѣло.

Такимъ образомъ петровскій судъ отличался и большимъ количествомъ инстанцій и сравнительною легкостью перехода дѣла

изъ одной въ другую. Но эта легкость не столько обезпечивала правосудіе, сколько служила проводникомъ и свидѣтелемъ неустойчивости суда и плохой гарантіи правосудія. Вѣдь причиной переноса дѣлъ изъ низшаго суда въ высшій во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ является одно только недовѣріе, чувство недовѣрія, исходящее или отъ одной изъ тяжущихся сторонъ, недовольной рѣшеніемъ судьи, которому она не довѣряетъ, или отъ высшей власти, не довѣряющей рѣшенію низшей, или низшей, не довѣряющей своему праву и способностямъ рѣшить представившееся ему дѣло. „Возможно ли правосудіе тамъ, гдѣ судъ лишенъ твердости и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ,—говоритъ историкъ М. М. Богословскій,—гдѣ каждый состоявшійся приговоръ можетъ быть тотчасъ же измѣненъ, гдѣ самъ судья произноситъ приговоръ неувѣреннымъ голосомъ? Всѣми этими чертами и отличались судебныя учрежденія Петра. Судья того времени дѣйствовалъ съ той же нетвердостью, съ какой дѣйствуетъ человѣкъ, которому никто не вѣритъ. Ему не вѣрило общество, которое онъ судилъ: оно не видѣло правды въ его приговорахъ и искало ее выше; ему не вѣрила власть, которая его поставила: она боялась, хватитъ ли у судьи силъ справиться съ порученнымъ ему дѣломъ. Кончалось тѣмъ, что менѣе всего судья сталъ вѣрить въ самого себя, и вотъ почему онъ, опасаясь всякихъ апелляцій и ревизій, предпочиталъ, принимая челобитную, не давать ей никакого дальнѣйшаго движенія. Просмотрите любую вязку дѣлъ, оставшуюся отъ судебныхъ учрежденій Петра: значительно большая часть судебныхъ дѣлъ, въ ней находящихся, не окончены, и на многихъ изъ нихъ вы встрѣтите надпись, сдѣланную уже при разборѣ ихъ въ царствованіе Екатерины II: „передать въ архивъ къ вѣчному забвенію“.

Не легко проходило въ жизнь и какъ-то не устанавливалось въ ней и то самое цѣнное, что несла съ собой судебная реформа Петра: отдѣленіе суда отъ управленія. Уже въ первые мѣсяцы дѣйствія новыхъ судовъ были сдѣланы отступленія отъ этого правила, когда предсѣдателями надворныхъ судовъ назначили въ большинствѣ случаевъ мѣстныхъ губернаторовъ, а потомъ это приняли и за правило. Затѣмъ произвели цѣлый рядъ изъятій изъ подсудности общимъ судамъ отдѣльныхъ разрядовъ, лицъ и дѣлъ. Упоминалось уже, что изъ вѣдѣнія общихъ судовъ были изъяты гвардейцы, церковные люди и посадскіе; камеръ-коллегіи были подсудны торговыя и вексельныя дѣла; каждая коллегія могла сама судить провинившихся ея подчиненныхъ, и тогда общій судъ привлекался развѣ только въ качествѣ слѣдователя по такимъ дѣламъ.

Судъ поэтому слишкомъ часто приходилъ въ такое соприкосновеніе съ чинами по управленію, при которомъ становился въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ; дѣло въ томъ, что чины управленія не только должны были оказывать всякое вспоможеніе суду, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ контролировали и провѣряли дѣятельность суда. Напримѣръ, за веденіе дѣлъ судъ взималъ съ

тяжущихся установленныя закономъ пошлины; деньги эти шли на содержаніе канцелярій надворныхъ и городовыхъ судовъ, и судьи были обязаны ежемѣсячно рапортовать камериру о приходѣ-расходѣ этихъ денегъ, а самыя деньги хранить въ рентереѣ. Воевода еще ближе подходилъ къ нарушенію самостоятельности суда: законъ предоставлялъ воеводѣ право смотрѣть за городовыми судьями— точно ли они исполняютъ инструкцію, не утѣсняютъ ли кого волокитой, посылаетъ ли судья протоколы своего судопроизводства въ надворный судъ. По отношенію къ надворному суду воевода имѣлъ право „припоминать" ему, что вотъ, по свѣдѣніямъ его, воеводы, остались нерѣшенными и давненько такія-то и такія дѣла; исполненіе приговора по криминальнымъ дѣламъ возлагалось по закону на воеводу, но при этомъ ему еще предоставлялось дѣлать суду представленіе, если онъ, воевода, не былъ согласенъ съ приговоромъ суда, и судъ могъ „воспріять за благо воеводскіе доклады и резоны".

Какъ и въ какихъ случаяхъ воевода представлялъ свои „резоны", имѣлъ ли онъ, напримѣръ, право требовать себѣ на просмотръ дѣло или производство о немъ,—въ законѣ не говорилось. На этой недоговоренности создавалась, разумѣется, почва для вѣчныхъ натянутыхъ отношеній между судомъ и администраціей. Хроника тѣхъ временъ полна извѣстіями о томъ, какъ эти натянутыя отношенія переходили въ открытую вражду и подсиживанья другъ друга. То воеводѣ приходится жаловаться на „противности", чинимыя ему судьями, то судьи жалуются на притѣсненія воеводы. „По старымъ обыкностямъ" тогдашній воевода не чуждается и самъ производить судъ и разбирать дѣла, когда къ нему за этимъ обращаются обыватели. Ему точно и въ голову не приходитъ отослать ихъ къ городовому судьѣ.

И воеводы, и судьи, и обыватели тѣхъ временъ, видимо, съ трудомъ воспринимали новое начало раздѣленія власти суда и власти управленія. Они выросли, воспитались и сами еще служили при тѣхъ взглядахъ, когда и судъ и управленіе находились въ однѣхъ рукахъ, и всѣ считали, что это такъ и надо; и такъ какъ въ новомъ раздѣленіи новостью являлась самостоятельность судьи, воевода считалъ себя какъ бы обиженнымъ и не уступалъ новому судьѣ своего стариннаго права, а самъ новый судья чувствовалъ себя еще слишкомъ неловко въ своей новой роли и рѣдко отстаивалъ свою самостоятельность, тѣмъ болѣе, что законъ, провозгласивъ раздѣленіе обѣихъ властей, на практикѣ не всегда достаточно рѣзко обозначалъ это раздѣленіе. Были случаи, когда на этой почвѣ судьи и воевода вступали въ извѣстное соглашеніе: судьи отдавали на рѣшеніе воеводы нѣкоторыя дѣла, а воевода „снабдѣвалъ" ихъ за это всякой благостыней. Тамбовскій судья „уступилъ" воеводѣ два важные процесса: одинъ уголовный, другой гражданскій; уголовный заключался въ томъ, что воеводѣ понадобилась свобода уличеннаго разбойника Чичаса, и судья отпустилъ его на свободу. Воевода предоставилъ за это къ услугамъ судьи шесть человѣкъ

слобожанъ и нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ для работъ въ домѣ и по хозяйству судьи и установилъ особый сборъ дровами и сѣномъ съ обывателей въ пользу судьи.

Сами обыватели совершенно не усвоивали сути раздѣленія властей, и случаи, когда недовольные рѣшеніемъ, судьи вмѣсто того, чтобы жаловаться въ надворный судъ, обращались къ воеводѣ, были очень часты. Въ 1721 г. стольникъ Зыбинъ велъ тяжбу съ помѣщикомъ Верховскимъ передъ галицкимъ судьей Нелидовымъ. Обѣ стороны остались недовольны рѣшеніемъ и обѣ подали прошенія галицкому воеводѣ, прося его разсмотрѣть ихъ дѣло. Воевода по ихъ челобитью приговорилъ послать судьѣ указъ, въ которомъ объявить ему, чтобы онъ, судья, сдѣлавъ для себя копію производившагося у него дѣла Зыбина съ Верховскимъ, самое дѣло прислалъ въ воеводскую канцелярію „къ разсужденію и для лучшаго въ томъ дѣлѣ усмотрѣнія“. Ни тяжущимся ни воеводѣ, очевидно, и въ голову не пришло, что они дѣйствовали совершенно незаконно.

„У судей съ воеводами,—говоритъ историкъ областной реформы Петра Великаго, М. М. Богословскій,—если только они не сумѣли устроить полюбовное размежеваніе, постоянныя недоразумѣнія, неудовольствія, ссоры, сопровождающіяся обыкновенно безчисленными доносами другъ на друга и взаимными жалобами, летѣвшими въ столицу и наполнявшими собою архивъ сената. Тульскій воевода жалуется на алексинскаго судью, который, при объѣздѣ воеводою провинціи, не пожелавъ съ нимъ встрѣтиться, уѣхалъ въ свою калужскую деревню и, несмотря на неоднократныя приглашенія воеводы, не явился къ нему. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ воевода по прибытіи къ мѣсту службы новаго судьи пригласилъ его принести положенную присягу, а судья обидѣлся на это и велѣлъ отвѣтить, что онъ къ присягѣ не пойдетъ, потому что не признаетъ за воеводой никакого права приводить къ присягѣ его, судью. Владимирскій воевода доносилъ на владимирскаго судью, что онъ въ дѣлахъ чинитъ волокиту и продолженіе, а его, воеводу, не слушаетъ и впредь слушать не хочетъ, не только не сообщаетъ воеводѣ ничего о ходѣ судебныхъ дѣлъ, но и отказывается сообщить ему инструкцію. Владимирскій судья, въ свою очередь, жаловался на вмѣшательство воеводы въ судебныя дѣла. Архангельскій судья, какъ только прибылъ на мѣсто службы, началъ перебранку съ вице-губернаторомъ и грозилъ ему, что „будетъ сидѣть на его мѣстѣ“. Великолуцкій воевода отказался отвести помѣщеніе судьѣ, отобралъ у него команду драгунъ, назначенную для ловли разбойниковъ, самъ разбиралъ судебныя дѣла, а челобитчиковъ, которые обращались не къ нему, а къ судьѣ, „устращивалъ“. Новгородскій воевода поссорился съ судьей, и воевода отказался отвести помѣщеніе для суда и тюрьмы; какъ судъ ни просилъ перемѣнить гнѣвъ на милость, воевода точно и не слышалъ просьбъ; за тѣснотой помѣщенія пришлось остановить судопроизводство, и многіе колодники, какъ доносилъ судъ, „помирали отъ духоты“. Когда

юстицъ-коллегія прислала воеводѣ указъ дать суду помѣщеніе, воевода медлилъ исполнить это, и только, спустя порядочное время, извѣстилъ судью, что онъ можетъ со своими асессорами перебраться на старый воеводскій дворъ. Судья распорядился тогда перевезти въ новое помѣщеніе дѣла, а утромъ на другой день пошелъ на службу по новому адресу, но у воротъ ему преградилъ дорогу часовой съ ружьемъ, который объявилъ судьѣ, что воевода „не велѣлъ судьѣ имѣть канцелярію на этомъ дворѣ". Воевода не только не давалъ суду помѣщенія, онъ еще строго запретилъ ратушѣ посылать въ судъ какія-либо справки и преслѣдовалъ тѣхъ изъ обывателей, которые обращались къ судьѣ: у посадскаго Щеколдина схватили жену и посадили въ тюрьму по распоряженію воеводы за то, что самъ посадскій жаловался въ судъ, а посадскаго Попова жестоко избилъ тростью по головѣ камериръ за то же „преступленіе". Угличскій воевода отвелъ судьѣ такое помѣщеніе, что тотъ только руками развелъ: „Только изба одна, и та вся гнила, и кровля развалилась, и течь отъ дождя великая, и въ окошкахъ окончинъ нѣтъ"; подьячихъ же воевода прислалъ такихъ, что судья не зналъ, какъ отъ нихъ избавиться, потому что они были всегда безпросыпно пьяны и никакихъ дѣлъ дѣлать не могли. И такъ было всюду. Всюду, по словамъ одного указа юстицъ-коллегіи, мѣстныя власти, забывъ велѣніе генеральнаго регламента быть всѣмъ властямъ между собой въ единеніи и чинить другъ другу вспоможеніе, „съ яростію и презрѣніемъ тщатся" уничтожить одна сдѣланное другою.

За два года дѣйствія судовъ создался такой сумбуръ въ отношеніи раздѣленныхъ властей, что многіе сторонники раздѣленія стали жалѣть о прошломъ, когда одно лицо было и управителемъ и судьей. Меншиковъ и Апраксинъ особенно настаивали на необходимости соединить и судъ и управленіе въ однѣхъ рукахъ, подчинивъ суды воеводамъ. Юстицъ-коллегія, ничего не имѣвшая противъ назначенія президентами надворныхъ судовъ губернаторовъ, не протестовала и противъ предложенія подчинить нижніе суды воеводамъ. Петръ согласился на это послѣ долгихъ разсужденій и въ 1722 г. рѣшилъ сдѣлать шагъ, отодвигавшій новые суды назадъ отъ европейскихъ образцовъ къ старымъ русскимъ порядкамъ. Двумя указами въ мартѣ и апрѣлѣ 1722 г. онъ постановилъ отмѣну городовыхъ судей и учредилъ въ каждой провинціи новый провинціальный судъ. Новый провинціальный судъ состоялъ изъ предсѣдателя-воеводы, которому въ большихъ городахъ придавались два асессора, а въ малыхъ—одинъ. Въ городахъ, отстоявшихъ отъ главнаго города провинціи болѣе чѣмъ на 200 верстъ, воевода имѣлъ право по своему усмотрѣнію учреждать „меньшій нижній судъ" изъ особаго асессора или „судебнаго комиссара"; понятно, что этотъ назначенный воеводой „судебный комиссаръ" долженъ былъ находиться въ „командѣ" воеводы. Надворные суды сохранялись въ качествѣ высшей инстанціи надъ провинціальными судами.

Послѣ этой реформы судебныя учрежденія Петра получили такой видъ: высшимъ судомъ и верховнымъ устроителемъ всего судебнаго вѣдомства являлся сенатъ, онъ надзиралъ и за самимъ судомъ и за судьями; юстицъ-коллегія, подчиненная сенату, сосредоточивала у себя ближайшее завѣдываніе судебными учрежденіями и ихъ составомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ являлась второй степенью суда послѣ сената. Третью степень образовали надворные суды, находившіеся въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Казани, Воронежѣ, Курскѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ и Енисейскѣ. Четвертую степень составляли провинціальные суды, учрежденные въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ не было надворныхъ, такъ что въ названныхъ городахъ, гдѣ были надворные суды, они являлись судами первой степени снизу и для жителей своей мѣстности играли роль и провинціальнаго суда. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, отдаленныхъ отъ провинціальныхъ городовъ, устанавливалась пятая степень суда—„меньшій нижній судъ“.

Итакъ, послѣ реформы 1722 года для разныхъ мѣстностей устанавливалось разное число степеней суда, или инстанцій. Для жителей тѣхъ провинцій, гдѣ были надворные суды, существовало три степени суда, такъ какъ жители этихъ городовъ прямо начинали вести дѣло въ надворномъ судѣ, надъ которымъ стояли только юстицъ-коллегія и сенатъ. Для жителей остальныхъ провинцій число судебныхъ инстанцій было уже четыре,—первой былъ провинціальный судъ, надъ которымъ стоялъ надворный. Наконецъ, для жителей отдаленныхъ угловъ создавалась пятая инстанція—судъ „судебнаго комиссара“, находящагося въ „командѣ“ у воеводы, предсѣдательствующаго въ провинціальномъ судѣ. Отъ раздѣленія властей, не вполнѣ, впрочемъ, проведеннаго, послѣ реформы 1722 г. осталось немного, развѣ только то, что воевода, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ и судъ и управленіе, тѣмъ самымъ рѣзче подчеркнулъ въ глазахъ обывателей идею раздѣленія самыхъ дѣлъ суда и управленія: судебныя дѣла воевода слушаетъ обыкновенно въ присутствіи асессоровъ, а финансовыя и важнѣйшія по управленію рѣшаетъ вмѣстѣ съ камериромъ; въ своемъ судебномъ значеніи воевода подчиненъ надворному суду и юстицъ-коллегіи, а по дѣламъ финансовымъ онъ подчиняется камеръ-коллегіи, по важнѣйшимъ же дѣламъ управленія доноситъ прямо въ сенатъ.

Въ 1724 году была окончательно установлена самая форма судопроизводства, до того очень колебавшаяся въ своихъ видахъ. И гражданскія и криминальныя дѣла велѣно было судить однимъ судомъ. Дѣло начиналось съ того, что нуждавшійся въ судѣ подавалъ прошеніе, изложенное по пунктамъ; судъ принималъ прошеніе и разсматривалъ его, и если дѣло не касалось государственныхъ преступленій, то требовалъ отвѣтчика и выдавалъ ему копію съ прошенія истца; на выданной копіи судья помѣчалъ срокъ—число дня, назначеннаго для суда. Отвѣтчикъ давалъ суду удостовѣреніе, что онъ копію получилъ и обязуется явиться на разбирательство дѣла въ назначенное время. Если судъ усматри-

валъ, что у отвѣтчика не хватитъ имущества на покрытіе иска, буде онъ проиграетъ дѣло, то требовалъ, чтобы отвѣтчикъ представилъ по себѣ поручителей. Истцу посылали особую повѣстку съ обозначеніемъ срока. Судъ назначался обыкновенно въ 8 часовъ утра. Если кто-либо изъ тяжущихся опаздывалъ и не приходилъ до 11 час. утра, то судъ откладывали до слѣдующаго дня; если тяжущійся опаздывалъ и на слѣдующій день, то его задерживали въ судѣ за карауломъ до слѣдующаго дня. Законными причинами неявки считалось: 1) „ежели отъ непріятеля какое помѣшательство имѣлъ; 2) безъ ума сталъ; 3) отъ водяного и пожарнаго случая и воровскихъ людей какое несчастье имѣлъ; 4) ежели родители или жена и дѣти умрутъ". О причинахъ неявки судящихся судъ производилъ разслѣдованіе. Для удостовѣренія въ болѣзни изъ суда отправляли къ тяжущемуся трехъ членовъ и съ ними доктора. Совсѣмъ не явившагося челобитчика „сыскивали" такъ: немедленно публиковался съ барабаннымъ боемъ указъ, чтобы онъ явился въ теченіе недѣли. Если онъ не являлся, то его обвиняли. Если имѣлись поручители, то взысканіе падало на нихъ, если же ихъ не было, конфисковали имущество челобитчика.

Все, что говорилось на судѣ, записывалось. Для этихъ записей изготовляли двѣ тетради, прошнурованныя и скрѣпленныя секретаремъ по листамъ. Въ одну изъ нихъ записывались слова истца, въ другую—отвѣтчика. Начиналось дѣло съ того, что прочитывали по пунктамъ прошеніе. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, отвѣтчику предлагали высказаться, непремѣнно устно, и только для памяти иногда позволялось держать въ рукахъ справочную записку. Отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ; точно также и истецъ не могъ въ своихъ возраженіяхъ сопоставлять различные пункты; не порѣшивъ, или, какъ тогда говорили, не очиствъ одного пункта, запрещалось переходить къ другому, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда требовалось сложная справка по тому пункту, о которомъ шла рѣчь; тогда для ускоренія дѣла разрѣшалось, пока искали справку, перейти къ обсужденію слѣдующаго пункта. Всѣ рѣчи записывались, и каждый изъ тяжущихся долженъ былъ подписать записанную рѣчь своего противника. Для представленія документовъ, если при ходѣ дѣла въ нихъ возникала надобность, назначался срокъ, на время котораго разбирательство прекращалось, но ни отвѣтчику ни истцу не полагалось давать срокъ для того, чтобы обдумывать свои возраженія. По окончаніи допроса съ обоихъ тяжущихся брали подписку, что они до судебнаго приговора никуда не уѣдутъ. Когда дѣло было изслѣдовано, изъ него составляли выписку, тоже по пунктамъ, подъ которыми тяжущіеся прикладывали руки.

Уголовный судъ велся приблизительно по такой же формѣ. „Злодѣямъ", какъ именовались по толкованію сената „смертоубійцы, разбойники и тати, которые пойманы будутъ или съ поличнымъ приведены", копій съ поданныхъ на нихъ прошеній не

выдавали, а самого такого обвиняемаго держали въ заключеніи. Судебными доказательствами считались, во-первыхъ, собственное признаніе, которое, по опредѣленію воинскаго устава Петра, „есть лучшее свидѣтельство всего свѣта"; вторымъ доказательствомъ были свидѣтели и письменныя доказательства. Свидѣтельствовать допускались всѣ люди, безъ различія званія и пола, кромѣ младенцевъ и несовершеннолѣтнихъ и лицъ „шельмованныхъ"; отъ свидѣтеля требовалось, чтобы онъ былъ дѣйствительно очевидцемъ происшествія и былъ не заинтересованъ въ дѣлѣ; свидѣтельствовать по слуху не допускалось. Отказываться отъ свидѣтельства никто не имѣлъ права; издержки для вызова свидѣтеля долженъ былъ нести тотъ, кто на даннаго свидѣтеля ссылался. Третьимъ доказательствомъ считалась присяга, которая пускалась въ дѣло тогда, когда отвѣтчикъ отводитъ свидѣтеля, а другихъ доказательствъ нѣтъ; четвертое доказательство—пытка—примѣнялось и въ гражданскихъ и въ криминальныхъ дѣлахъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ прибѣгали къ пыткѣ тогда, когда уличенный отвѣтчикъ отказывался признать свою неправоту; въ дѣлахъ уголовныхъ преступника пытали даже въ случаѣ его сознанія, чтобы добиться всѣхъ подробностей дѣла. Отъ пытки были избавлены семидесятилѣтніе старики, недоросли и беременныя женщины, но по государственнымъ дѣламъ можно было пытать и этихъ лицъ; по важнымъ дѣламъ предписывалось пытать съ большей жестокостью, по маловажнымъ — легче; законодатель предусматриваетъ, чтобы людей твердыхъ, безстыдныхъ и „худыхъ" пытали сильнѣе, а тѣхъ, которые „деликатнаго тѣла и честные люди", пытали бы легче. Пыткѣ всегда предшествовалъ „разспросъ съ пристрастіемъ", т. е. допросъ подъ угрозой пытки. Пытку позволялось повторять до трехъ разъ, и если обвиненный выдерживалъ показаніе, то его освобождали, взявъ съ него клятву, что никому не будетъ мстить за свое истязаніе. За неосновательную пытку „безъ причины и подозрѣнія" судьѣ грозила смертная казнь, если преступникъ умеръ на пыткѣ, а если оставался живъ, судья долженъ былъ заплатить ему денежное вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ высшей инстанціей.

Реформой суда Петръ думалъ усовершенствовать правосудіе, ускорить дѣйствіе суда и обезпечить его правду и справедливость. Суду ставилось задачей „призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ, которымъ самъ его царское величество всемилосердымъ защитителемъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ, не смотря ни на какое лицо". Но ни люди, которымъ былъ порученъ судъ, ни тѣ, которые въ судъ обращались, ни самое судоустройство не способствовали проведенію въ жизнь благихъ требованій законодателя и не могли преслѣдовать возвышенной цѣли, поставленной имъ суду. И одинъ изъ очень умныхъ и наблюдательныхъ людей петровскаго времени, крестьянинъ Посошковъ, оглядываясь на дѣйствія современнаго ему суда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1722 г., писалъ,

что состояніе суда въ Россіи „зазорно“; „не точію у иностранцевъ, свойственныхъ христіанству, но и басурманы судъ чинятъ праведенъ, а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда негодная; какіе его императорскаго величества указы ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ“...

И дѣйствительно, петровскій судъ не поборолъ двуглавую гидру, съ которой пробовалъ бороться еще московскій судъ XVII вѣка,—волокиту и неустойчивость судебныхъ приговоровъ. Въ 1725 году юстицъ-коллегія, которой надоѣло понукать подвѣдомственные ей суды, стала жаловаться на нихъ въ сенатъ, указывая, что „зѣло слабое отправленіе идетъ“, что она, коллегія, налагала за это на суды установленные закономъ штрафы, но дѣла отъ этого не ускоряются, а штрафовъ никто не платитъ. Коллегія просила сенатъ, нельзя ли послать по судамъ расторопныхъ гвардейцевъ, чтобы они „понуждали“ судей скорѣй дѣлать ихъ дѣло. А дѣла дѣлались, дѣйствительно, съ невѣроятной медленностью, процессы тянулись такъ долго, что не хватало человѣческой жизни. Не мало виновато было въ медлительности движенія процесса и то, что время Петра было временемъ реформъ, и судъ испыталъ при немъ не одну передѣлку, — но все же не это было главной причиной.

Въ 1703 году крестьяне кашинской вотчины московскаго Новодѣвичьяго монастыря убили крестьянина кашинскаго помѣщика Кисловскаго. Началось дѣло. Посланнаго изъ губернской канцеляріи для арестованія убійцы солдата крестьяне встрѣтили „всей волостью съ дубьемъ“, выдать убійцъ отказались, и солдату удалось схватить только нѣкоего Ивана Дворникова, котораго онъ привелъ въ губную канцелярію, гдѣ Дворникова немного подержали, но скоро, вѣроятно, за отсутствіемъ уликъ, отпустили; къ тому же и истецъ, собственникъ убитаго крестьянина, недоросль Кисловскій, былъ очень занятъ хлопотами по поступленію на службу и „не ходилъ за дѣломъ“ въ губную канцелярію. Семнадцать лѣтъ лежало это дѣло безъ движенія, пока не вспомнилъ о немъ потерпѣвшій, владѣлецъ убитаго, теперь уже поручикъ Кисловскій. По его челобитью кашинскій городовой судья постановилъ снова взять Дворникова подъ стражу. Прошло еще два года. Дворниковъ опять очутился на свободѣ, и поручикъ Кисловскій опять проситъ судъ разсмотрѣть, какъ это колодникъ Дворниковъ гуляетъ на свободѣ? „Знатно за взятокъ отпущенъ“, догадывался поручикъ. Но дѣло было сложнѣе. Дворниковъ содержался въ тюрьмѣ подъ надзоромъ двухъ присяжныхъ сторожей изъ обывателей; не зная, чѣмъ его кормить, потому что денегъ на кормъ колодника не отпускалось, сторожа стали отпускать Дворникова изъ тюрьмы по утрамъ на весь день собирать милостыню или наниматься на работу съ тѣмъ, чтобы ночевать онъ возвращался къ нимъ въ „подклѣтъ“. Дворниковъ честно исполнялъ условіе, пока до него не дошелъ слухъ, что къ судьѣ

пришла бумага, требующая его, Дворникова, въ преображенскій приказъ. Несомнѣнно, что надъ несчастнымъ „подклѣтнымъ“ узникомъ кто-то подшутилъ,—зачѣмъ страшному преображенскому приказу могъ понадобиться такой маленькій преступникъ? Но Дворниковъ такъ испугался ужасной вѣсти, что бѣжалъ въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь, и поселился въ слободѣ подъ монастыремъ. Здѣсь его застала первая ревизія, въ сказки которой онъ и попалъ. Въ концѣ 1722 г. Кисловскій разыскалъ бѣглеца, и такъ какъ по новому закону онъ, какъ монастырскій крестьянинъ, находился въ синодальной командѣ, Кисловскій билъ челомъ въ монастырскій приказъ на Новодѣвичій монастырь, какъ укрывателя бѣглаго колодника-убійцы, и требовалъ вознагражденія за убитаго крестьянина. Продержавъ Дворникова недѣль десять у себя въ подклѣти, монастырскій приказъ рѣшилъ, что дѣло ему не подсудно, и отправилъ Дворникова въ кашинскую судныхъ и розыскныхъ дѣлъ канцелярію; но, пока Дворникова вели туда, уничтожили самую канцелярію; монастырскій приказчикъ, къ которому привели Дворникова, повелъ его къ земскому коммиссару, но коммиссаръ отказался принять его, сказавъ, что въ Кашинѣ губныхъ дѣлъ ему вѣдать не велѣно. Пришлось потребовать изъ монастырскаго приказа новый указъ, какъ быть съ Дворниковымъ. Приказъ наконецъ разобралъ, что криминальныя дѣла по Кашину велѣно вѣдать въ Угличѣ новому провинціальному суду, и приказалъ отправить Дворникова туда. Здѣсь при допросѣ стали Дворникова пытать, но усталый и измученный всѣми злоключеніями человѣкъ, успѣвшій состариться, не выдержалъ пытки и умеръ въ ноябрѣ 1723 г., т.-е. послѣ 20 лѣтъ волокиты. Его смертью дѣло, однако, не кончилось. Гражданскій искъ Кисловскаго къ монастырю продолжался. Черезъ пять лѣтъ, въ 1728 г. духовный судъ распорядился отослать дѣло капитана Кисловскаго въ Кашинъ, гдѣ оно началось 25 лѣтъ тому назадъ, къ кашинскому воеводѣ, такъ какъ въ Кашинѣ, по отмѣнѣ областныхъ учрежденій Петра Великаго, было возстановлено воеводское управленіе. Только въ 1730 году, т.-е. черезъ 27 лѣтъ, воеводская канцелярія рѣшила дѣло въ пользу маіора Кисловскаго.

Кромѣ медленности, судъ временъ Петра отличался трусливымъ безсиліемъ, какой-то безпомощностью, не только передъ „сильными персонами“, но и очень простыми смертными въ родѣ какого-нибудь „школьника математической школы навигацкихъ наукъ“ В. Н. Зиновьева, котораго родной братъ, драгунъ П. Н. Зиновьевъ, обвинялъ въ разбоѣ и грабежѣ. Храбрый школьникъ отбился отъ посланнаго за нимъ изъ суда подьячаго съ солдатами, вытолкалъ его вонъ и побилъ полѣномъ; подьячему пришлось потребовать „сикурсу“, да и то онъ овладѣлъ школьникомъ не сразу. Посланныхъ изъ суда въ деревняхъ то и дѣло встрѣчаютъ „съ дубьемъ, съ цѣпы и съ кольи заостренными, съ кручьи желѣзными“, и посланные ничего не могутъ подѣлать, бѣгутъ и приговоровъ суда въ исполненіе не приводятъ. Но всего вѣрнѣе было не драться

и отмалчиваться отъ суда, а отбаливаться и прятаться. Нѣкая престарѣлая вдова Аксинья Голенищева-Кутузова выманила деньги у фендрика Преображенскаго полка Любохтина. Тотъ началъ дѣло. Судъ требуетъ вдову къ себѣ, а она или больна, или къ племяннику уѣхала, и ни надворный судъ, ни даже юстицъ-коллегія не могли сладить съ изобрѣтательной вдовицей. Дѣло ея съ фендрикомъ такъ и осталось неконченнымъ.

Грубые люди, грубые нравы превращали самый судъ въ шумный базаръ, гдѣ всѣ кричали о своемъ и никто никого не слушалъ. Напрасно законъ предписывалъ челобитчикамъ входить въ судъ „со всякою учтивостью и приступать съ надлежащимъ почтеніемъ“; московскій надворный судъ никакой учтивости къ себѣ не видалъ, наоборотъ, „отъ многолюдства отъ челобитчиковъ бываетъ многій крикъ и въ дверяхъ судейской конторы стукъ, и всегда ломятся необыкновенно съ крикомъ и съ бранью и съ дракою“. Сами судьи порой бранятся вслухъ всѣмъ, именуютъ одинъ другого слономъ, проклятымъ матерью, воромъ: „Ишь, выголилъ одинъ глазъ туда, а другой сюда, воръ, голову тебѣ отсѣчь надо, казенные сухари воровалъ“,—бранился, передразнивая гримасами голосъ и ухватки судьи Квашнина-Самарина, комиссаръ Крекшинъ. Въ самой юстицъ-коллегіи простой фискалъ Косой, котораго не всякій чинъ коллегіи къ себѣ въ домъ пускалъ, разсердившись на что-то, „съ измѣнившимся лицомъ и съ крикомъ великимъ приближась къ президентскому столу, ударяя въ столъ рукой, говорилъ: что де онъ не послушенъ будетъ никакому суду до прибытія его царскаго величества“! Въ передней же комнатѣ юстицъ-коллегіи разыгрывались иной разъ сцены „весьма ярыжныя“. 4 мая 1719 г., около одиннадцатаго часа дня, когда господа члены были заняты разборомъ какого-то запутаннаго дѣла, раздались такіе крики и вопли въ передней, что вице-президентъ послалъ узнать, что за свара приключилась. Служитель пошелъ и скоро вернулся; дѣло оказалось просто. Губернская канцелярія узнала, что въ передней юстицъ-коллегіи находится тогъ посадскій, который грозилъ жаловаться на дѣйствія канцеляріи. Секретарь губернской канцеляріи и послалъ трехъ драгунъ схватить дерзкаго жалобщика въ самой передней юстицъ-коллегіи и привести къ нему для расправы. Драгуны явились, нашли кого было приказано, схватили его и потащили съ собой, проявляя, конечно, всю драгунскую вѣжливость, подобающую въ такихъ случаяхъ. Несчастный челобитчикъ, вкусивъ отъ драгунъ малую часть того, что его ожидало въ канцеляріи, и поднялъ тѣ вопли, которые обезпокоили присутствіе юстицъ-коллегіи. Но эта „наглая продерзливость“ канцеляріи и ея драгунъ вывела юстицъ-коллегію изъ терпѣнія, и она написала жалобу въ сенатъ, прося избавить ее впредь отъ такого безчестья.

Такимъ образомъ судебное вѣдомство временъ Петра Великаго являлось всецѣло порожденіемъ грубой среды, изъ которой оно выходило и въ которой должно было дѣйствовать. Призванное

строго исполнять законъ, но запуганное штрафами и наказаніями и не чувствовавшее къ себѣ довѣрія ни сверху ни снизу, оно ни въ комъ не могло найти нравственной поддержки и тонуло въ общей тинѣ штрафованной и запуганной массы, какъ ей родственная часть. Не могло оно найти и достаточно устоевъ для своей силы и авторитета въ законѣ, потому что не было закона, какъ стройнаго, яснаго сборника постановленій, строго опредѣляющихъ составъ преступленій и назначающаго соотвѣтствующія наказанія за каждое.

Петръ, правда, очень думалъ о составленіи общаго сборника законовъ, сведенныхъ въ ясныя и краткія положенія, но ему не пришлось осуществить это намѣреніе, и судъ его времени не получилъ общаго руководства въ видѣ какой-либо сводки многочисленныхъ указовъ и распоряженій. Уложеніе царя Алексѣя явно устарѣло, а дополнявшіе и замѣнявшіе его указы, вихремъ несшіеся изъ Петербурга, путали, пугали, штрафовали, отмѣняли, вновь учреждали, но не создавали той прочной почвы закона, опираясь на которую судъ могъ бы стать независимымъ, скорымъ и правымъ. Судъ Петра Великаго, несмотря на всѣ тяготѣнія преобразователя въ эту сторону, склонялся въ другую, и какъ судъ погибалъ, превращаясь въ исполнительное чиновничье учрежденіе, дѣйствовавшее крайне мѣшкотно и волокитно со всѣми грѣхами и темными сторонами, лицепріятіемъ и взяточничествомъ, укоренившимися въ судѣ и жизни чуть ли не съ удѣльныхъ временъ.

Достойнаго исторической памяти осталась отъ петровскихъ преобразованій суда только попытка Петра провести раздѣленіе власти суда отъ власти по управленію, да тѣ высокія цѣли, какія онъ суду ставилъ, но какихъ судъ его времени ни по своему устройству, ни по состоянію нравовъ въ обществѣ, достичь не могъ.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: Полное собраніе законовъ, т. V—VII; Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго; *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. IV; *М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *Ѳ. Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій; *В. Латкинъ*, Исторія государственнаго права временъ имперіи; *К. Троцына*, Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи; *К. Кавелинъ*, Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, и др.

Петровскій рубль 1725 г., такъ называемый „крестовикъ“.

Финансовыя реформы Петра Великаго.

Доходы Московскаго государства дѣлились тогдашними финансистами на два большихъ разряда—на доходы окладные и неокладные. Подъ окладными разумѣли тѣ, которые можно было ввести въ опредѣленный окладъ, т.-е. въ обязательный для плательщиковъ размѣръ, заранѣе опредѣленный. Неокладными доходами называли тѣ, которые нельзя было втиснуть въ опредѣленный размѣръ, заранѣе извѣстный казнѣ,—это были разныя пошлины съ судебныхъ и приказныхъ дѣлъ и частью таможенные сборы; большинство таможенныхъ сборовъ отдавалось на откупъ за опредѣленную сумму, и тогда эти откупные доходы считались окладными. Окладные доходы возникали изъ тѣхъ сборовъ, которые правительство устанавливало для покрытія расходовъ на возникшія новыя государственныя нужды. Необходимость устройства отрядовъ войска, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, вызвала сборъ пищальныхъ денегъ; на покупку пороха собирали емчужныя (селитренныя) деньги, на выкупъ плѣнныхъ—полоняничныя и т. д. Сначала деньги шли дѣйствительно на тѣ нужды, на которыя указывало ихъ названіе, но потомъ сборы, сохранивъ первоначальное названіе, распредѣлялись согласно нуждамъ государства въ данный моментъ; правительство перестало заботиться, чтобы на полоняничныя деньги непремѣнно выкупать плѣнныхъ, а на емчужныя покупать порохъ, и стало разсчитывать иначе: согласно нуждѣ, часть полоняничныхъ денегъ шла на покупку оружія, часть емчужныхъ—на выкупъ плѣнныхъ, какъ когда представлялось необходимымъ. Понятно, что при такомъ способѣ назначенія особыхъ сборовъ на каждый случай государственной нужды образовалось довольно много ихъ названій.

Въ первой половинѣ XVII в. всѣ эти многочисленные окладные сборы были сведены въ три крупныхъ оклада—деньги данныя, полоняничныя и деньги оброчныя. Самыя названія окладовъ давно потеряли свой прежній смыслъ. Данныя деньги начали собирать еще во времена татарскаго ига въ дань хану, деньги полоняничныя

собирались сначала время отъ времени, а потомъ постоянно, для выкупа плѣнныхъ, уведенныхъ крымцами и казанцами; оброкомъ назывались тѣ сборы, которые при царѣ Иванѣ были установлены съ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, гдѣ было введено самоуправленіе и отмѣнены кормы намѣстниковъ и волостелей; управленіе намѣстниковъ и волостей было само по себѣ налогомъ на обывателей, способомъ содержанія служилыхъ людей, которые получали съ обывателей „кормъ" за свое управленіе; замѣна ихъ выборными земскими старостами и цѣловальниками и вызвала переложеніе прежнихъ кормовъ на деньги, которыя и стали взиматься съ обывателей въ дополненіе къ дани.

Въ 1681 г. окладные сборы были еще болѣе округлены и сведены въ два разряда по сословіямъ. Горожане и вообще все торгово-промышленное населеніе должно было платить стрѣлецкія деньги, а крестьяне—земледѣльческое населеніе—платили ямскія и полоняничныя деньги. Конечно, эти названія тоже не имѣли уже того первоначальнаго значенія сборовъ на содержаніе стрѣльцовъ или ямской гоньбы, какое имѣли при своемъ возникновеніи.

Сборы неокладные отличались въ Московскомъ государствѣ XVI в. и первой половины XVII в. необычайной пестротой и сложностью. Безъ преувеличенія можно сказать, что пошлиной былъ обложенъ каждый шагъ московскаго человѣка тѣхъ временъ. Чего, напримѣръ, стоило привезти товаръ на рынокъ и устроиться на торговлю? По дорогамъ стояли заставы у перевозовъ и мостовъ, гдѣ съ проѣзжаго взыскивали мостовое; при въѣздѣ въ городъ, гдѣ купецъ хотѣлъ торговать, надо было уплатить за мытъ, т.-е. за право торговли; за заявленіе товара въ таможнѣ взыскивалась явка, за наемъ лавки для товара—гостиное, амбарное и полавочное; за складку товара взимали свальное, при взвѣшиваніи—вѣсчее; за право купли-продажи взималась тамга, и т. д. Въ 1654 г. всѣ эти мелкіе разнообразные сборы были отмѣнены и замѣнены рублевой пошлиной, которая взималась, какъ извѣстный процентъ съ рубля: съ продавца—5%, а съ покупателя—2½%.

Правительство московскихъ временъ, назначая окладъ подати, всегда имѣло въ виду, что плательщики данной мѣстности сами между собой разверстаютъ, по скольку придется на каждаго. Эта черта древне-русской финансовой практики осталась долго незыблемой въ русскомъ податномъ быту. Мѣнялись размѣры податей, способы ихъ назначенія, но то, что правительственныя подати и общественные сборы постоянно раскладывались между собой самими плательщиками, это оставалось неизмѣннымъ. Правительство могло назначать какія угодно подати, называть ихъ какъ угодно, но разъ ихъ назначеніе падало на извѣстную группу плательщиковъ, то плательщики сами распредѣляли платежи между собой, сообразно капиталамъ и доходамъ каждаго. Совокупность податей, платимыхъ цѣлыми обществами, по общественной раскладкѣ, составляла тягло, и люди, несшіе эти платежи, именовались тяглыми. Подать шла съ земли и дворовъ.

Петровскій рубль 1718 г.

Золотой двухрублевикъ.

Гривенникъ 1718 г.

Полтинникъ 1720 г.

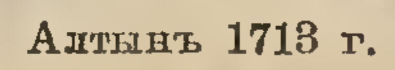

Пятачокъ 1723 г.

Полуполтинникъ 1720 г.

Алтынъ 1713 г.

Копейка 1719 г.

Долгое время окладной единицей въ Московскомъ государствѣ служила „соха“. Это очень старое обозначеніе единицы оклада. Татары брали дань съ дѣйствительной сохи, какъ земледѣльческаго орудія при двухъ-трехъ лошадяхъ. Московское княжество называетъ „сохой“ группу въ 32 конныхъ рабочихъ. Въ 1550 г. установлена была новая податная единица, сохранившая старое названіе „сохи“. Сохой стали называть опредѣленное количество распаханной земли. Соха дѣлилась на четверти. По величинѣ различались сохи: служилая—800 четвертей лучшей земли, церковная—600 четвертей лучшей земли, черная—400 четвертей лучшей земли. Земли похуже считалось въ сохѣ больше. По этому различію сохъ видно, что тяжесть обложенія падала на „черныя сохи“, т.-е. крестьянскія, которыя, при одинаковомъ качествѣ земли, были обложены вдвое тяжеле служилыхъ и въ полтора раза тяжеле церковныхъ. Четверть или четь—это пространство земли, засѣянное четвертью ржи. Сѣяли тогда такъ, что пространство земли, засѣянное двумя четвертями зерна, равнялось нашей десятинѣ; значитъ—четь, какъ мѣра обработанной земли, равнялась нашей полдесятинѣ, а всего въ трехъ поляхъ—полуторымъ десятинамъ.

Чтобы узнать, сколько „сохъ“ во всемъ государствѣ, была устроена перепись и измѣреніе податныхъ земель. Но тогда же отъ посошнаго обложенія стали дѣлать отступленія и нарушать его однообразіе. Прежде всего „обѣлили“, т.-е. освободили отъ уплаты подати тѣ четверти, которыя служилый человѣкъ пахалъ на себя. Затѣмъ, до начала XVII в. крестьянинъ, жившій и работавшій на землѣ служилаго человѣка, какъ и крестьянинъ, жившій на своей землѣ или государственной, платили одинаково съ каждой четверти распаханной или—по-тогдашнему—„живущей“ земли; но въ началѣ XVII в. подъ выраженіемъ „живущая четверть“ стали разумѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ не настоящую четверть распаханной служилой земли, а по нѣскольку цѣлыхъ крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый распахивалъ не одну четверть.

Это было сдѣлано въ интересахъ служилыхъ людей—на ихъ земляхъ установилась живущая четверть въ 10—16 дворовъ. Если теперь предположить, что каждый дворъ такой четверти распахивалъ по 4 четверти, т.-е. по двѣ десятины, то въ такой живущей четверти будетъ отъ 40 до 64 дѣйствительныхъ четвертей распаханной земли. Слѣдовательно съ 40 или 64 четвертей служилой земли брали столько же, сколько крестьянинъ, жившій на своей или государственной землѣ, платилъ съ одной.

Такимъ образомъ, главную тяжесть податей несли тѣ сохи, которыя состояли въ землѣ, принадлежавшей государству или крестьянамъ. Но государство своей землей платило за службу служилымъ людямъ и, съ цѣлью имѣть ихъ всегда подъ рукой, давно ужъ израсходовало на помѣстныя дачи почти всю землю около Москвы, къ югу и западу отъ нея,—тутъ въ XVII в. почти вся земля была уже служилая; земли государственныя и крестьянскія отодвинулись далеко на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ получи-

лось, что болѣе плодородная середина страны и югъ несли военную повинность на государство тѣмъ, что кормили служилыхъ людей и поставляли войско, почему они и платили меньше податного сбора, а мало-земледѣльческій и больше промысловый сѣверо-востокъ давалъ усиленные сборы денегъ на военныя нужды со своихъ промысловъ и торговли, которые, по естественнымъ условіямъ, процвѣтали въ этихъ краяхъ больше, чѣмъ земледѣліе.

Но такое раздѣленіе и устройство государственнаго тягла скоро оказалось неудачнымъ. Въ XVII вѣкѣ рѣшительно мѣнялся характеръ военной службы. Служилое ополченіе отживало свое время, и значительную часть московскаго войска уже составляли полки, обученные иноземному строю и набранные изъ служилыхъ людей низшаго разряда, изъ охотниковъ и изъ даточныхъ съ крестьянства и посадскихъ. Крестьянское населеніе страны такимъ образомъ все больше вовлекалось и въ военную службу. При такомъ положеніи дѣла оказывалось неудобнымъ сохранять податныя льготы служилымъ людямъ и приходилось подумать о болѣе равномѣрномъ обложеніи.

Это требованіе государственной справедливости поддерживалось невыгодой сохраненія прежняго порядка. Благодаря тягости и обилію податей и налоговъ, тяглое населеніе оказывалось не въ состояніи уплачивать ихъ и бѣжало съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ его закрѣпили писцовыя книги царя Михаила, составленныя во время переписи тяглаго населенія послѣ смуты. Благодаря этому повальному бѣгству, все больше и больше участковъ распахиваемой земли пустовало. Правительству, правда, не было дѣла до того, что записанная въ писцовыя книги „живущая“ земля не обрабатывалась, оно одинаково назначало оклады на всѣ сохи, занесенныя въ книги, пустовали онѣ или обрабатывались. Вновь распахиваемые участки правительство тоже не упускало изъ виду и обязывало мѣстныхъ воеводъ всѣ новые распаханные участки записывать и подать съ нихъ брать.

Такъ какъ остававшимся на мѣстахъ приходилось платить за тѣхъ, кто бѣжалъ, а это увеличивало и безъ того „несносныя бремена“ податей, то плательщики стали настойчиво просить правительство брать подать только съ наличныхъ, дѣйствительно обрабатывающихъ землю дворовъ. Для правительства тоже не все обстояло благополучно, когда ту подать, которая шла съ пяти записанныхъ въ книги плательщиковъ, приходилось взимать, за бѣгствомъ двоихъ, всего съ трехъ. Два плательщика „избывали“, значитъ, уплаты совсѣмъ, а трое несли больше тягости и могли обѣднѣть до того, что прекратили бы свои платежи и безъ бѣгства. Недоимка и такъ росла неудержимо. Въ силу всего этого правительство рѣшило брать подати съ каждаго жилого двора. Съ этой цѣлью въ теченіе 1678—79 гг. составили новыя описи тяглаго населенія—переписныя книги, куда и занесли всѣ жилые дворы, а оклады податей стали производить по количеству дворовъ въ данной мѣстности, т.-е. всѣ подати съ сохи и живущей четверти переложили на дворъ и произвели уже упомянутую сводку самыхъ налоговъ въ два разряда по сословіямъ. Сошное число было замѣнено новымъ основаніемъ податного обложенія—„дворовымъ числомъ“.

Устройство финансоваго управленія московскихъ временъ отличалось большой запутанностью и раздробленностью; оно было разбито, какъ судъ и управленіе, по отдѣльнымъ приказамъ, причемъ въ каждомъ приказѣ вѣдалось вмѣстѣ съ судомъ и управленіемъ. Очень отчетливую картину устройства финансоваго управленія московскихъ временъ начала XVII в. даетъ въ своихъ запискахъ французъ Маржеретъ, начальникъ иноземной гвардіи сначала царя Бориса, а потомъ названнаго Димитрія. „Источники государственныхъ доходовъ Россіи,—говоритъ онъ,—слѣдующіе: во-первыхъ, царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ, или дворцомъ, подъ главнымъ надзоромъ дворецкаго, который распоряжается дѣлами при помощи двухъ дьяковъ; во-вторыхъ, подати, взимаемыя со всего государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ четями, куда вносятся постоянные доходы. Это суть учрежденія, изъ которыхъ уплачиваются всѣ жалованья и пенсіи большинства военныхъ людей. За этими вѣдомствами наблюдаетъ большой приходъ, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые по царскому повелѣнію со всего государства".

Такимъ образомъ, въ началѣ XVII в. во главѣ финансоваго управленія Московскаго государства стояли два учрежденія—одно старинное вотчинное управленіе, возникшее еще во времена удѣльныхъ московскихъ князей,—ихъ дворецъ, который вѣдалъ всѣ доходныя статьи княжества-хозяйства удѣльныхъ временъ, какъ простое приказчичье вѣдомство князя-хозяина. Теперь этотъ приказъ называютъ большой дворецъ, и со временъ Ивана Грознаго онъ вѣдаетъ только царскими личными доходами, а для завѣдыванія доходами государственными выдѣляется приказъ большого прихода. Такъ какъ одному большому приходу досматривать все финансовое хозяйство почти всей страны было довольно затруднительно, то вѣдомство его раздѣлили на четыре „четверти", или, по-тогдашнему, чети; во главѣ каждой стали наиболѣе заслуженные дьяки. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что и вся земля раздѣлилась на четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ—Владимира, Устюга, Галича, Новгорода. Такъ образовались владимирская, устюжская, галичская и новгородская четверти. Не надо думать, что эти финансовые округа представляли собою цѣлыя области въ родѣ провинцій или губернаторствъ. Въ каждую четверть входили города изъ всѣхъ концовъ тогдашней центральной и сѣверной Россіи, и въ областномъ смыслѣ всѣ эти города были безнадежно перемѣшаны между четвертями. Каждый городъ самостоятельно сносился съ Москвой, съ той „четвертью", къ которой былъ приписанъ, и на мѣстахъ никакого общаго финансоваго управленія не существовало. Четверти сначала были въ подчиненіи большому приходу, но съ 20-хъ годовъ XVII в. этого подчиненія незамѣтно, и четверти сосредоточиваютъ каждая у себя всѣ финансовые сборы. Самыхъ „четвертей" стало больше. Дѣло въ томъ, что при раздѣленіи на четверти финансоваго управленія

остались не внесенными въ эти раздѣленія города недавно покоренныхъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Для завѣдыванія ими былъ учрежденъ приказъ казанскаго дворца, который и вѣдалъ финансовую и военную часть въ новопокоренномъ краѣ. Казанскій дворецъ завѣдывалъ и дѣлами Сибири до 1637 г., когда былъ учрежденъ особый сибирскій приказъ. Съ половины XVI и въ XVII вв. происходило усиленное заселеніе мѣстности къ югу отъ Оки. Возникавшіе тутъ города тоже не попали въ „четверти". Города эти выростали около крѣпостей, которыя строило правительство. Крѣпости находились въ вѣдѣніи „разряда"—военнаго министерства тѣхъ временъ,—естественно, что подъ военное начало попали и посады, выросшіе подъ защитой крѣпостныхъ стѣнъ.

Каждый приказъ вѣдалъ подвѣдомственные ему города вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ: собиралъ подати, судилъ, управлялъ, завѣдывалъ и военной стороной, если подвѣдомственная приказу мѣстность находилась на военномъ положеніи. Такимъ образомъ дѣла въ Московское время были распредѣлены не по характеру ихъ, какъ это дѣлается теперь, когда военное дѣло сосредоточивается въ вѣдѣніи одного учрежденія, судъ—въ вѣдѣніи другого, управленіе—третьяго, финансы—четвертаго и т. д. Въ Московскомъ государствѣ жители города вообще вѣдались по всѣмъ дѣламъ въ томъ приказѣ, къ которому городъ былъ приписанъ. Это значитъ, что распредѣленіе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ было территоріальное, а не систематическое. Что такое распредѣленіе было крайне неудобно, сознавалось уже и тогда, и московское правительство съ середины XVII в. дѣятельно занято вопросомъ упрощенія устройства управленія. Къ концу XVII в. уничтожаются четверти, и денежные сборы сливаются въ одну общую кассу—въ особый приказъ большой казны. Съ другой стороны, въ XVII в. разрослось населеніе южныхъ городовъ-крѣпостей, и военная практика указала тѣ города, которые могли бы служить сборными мѣстами для войскъ. Такихъ городовъ намѣтилось три: Новгородъ—противъ шведовъ, Сѣвскъ—противъ Литовско-Польскаго государства и Бѣлгородъ—противъ Крыма. Въ этихъ трехъ городахъ стали держать постоянные военные корпуса, или, какъ тогда называли, „полки", „разряды". Для набора служилыхъ въ эти полки и для сбора денегъ на содержаніе полковъ къ Новгороду, Сѣвску и Бѣлгороду приписывали порядочное количество сосѣднихъ каждому городовъ. Разрядъ, такимъ образомъ, распался, и подвѣдомственные ему города разбились на три группы, довольно тѣсно сплоченныя географически; получились какъ бы три цѣльныя военныя области на югѣ, юго-западѣ и сѣверо-западѣ страны; центръ же и сѣверъ остались попрежнему разбитыми въ вѣдѣніи отдѣльныхъ приказовъ, причемъ всѣ сборы съ городовъ этой части Россіи, преимущественно таможенные и кабацкіе, сосредоточились въ рукахъ одного приказа—большой казны.

Таково было, въ общихъ чертахъ, устройство финансоваго управленія Россіи къ концу XVII в. Оно, видимо, развивалось и

совершенствовало свой механизмъ, погоняемое все возрастающей нуждой въ деньгахъ. Устройство финансоваго хозяйства въ своемъ развитіи явно направлялось въ сторону централизаціи финансоваго управленія и равномѣрности распредѣленія платежей, или, потогдашнему, „чтобы никто въ избылыхъ не былъ“ и „чтобы никто ни за кого лишнихъ доходовъ не платилъ“. Но надъ всѣмъ господствовала одна цѣль: какъ добыть возможно больше и скорѣе денегъ на погашеніе все возраставшихъ неотложныхъ нуждъ.

Правительство старалось достичь этой цѣли двоякимъ путемъ: оно или мѣняло порядокъ обложенія податями плательщиковъ, или прямо увеличивало размѣры и количество самыхъ податей,— надо признать, что послѣднюю мѣру правительство московскихъ временъ примѣняло чаще и не очень стѣснялось размѣрами увеличенія. Въ 1635—1636 гг. стрѣлецкая подать была повышена съ 96 руб. съ сохи на 120 р.; въ 1636—1637 гг. этотъ окладъ увеличиваютъ вдвое—назначаютъ въ 240 руб. съ сохи. Но денегъ все равно не хватало, и тогда московское правительство, съ согласія земскаго собора, а то и безъ этого согласія, назначало чрезвычайные сборы съ населенія, съ его доходовъ и капиталовъ. За двадцать пять лѣтъ, съ 1654 по 1680 гг., московское правительство два раза собирало пятую деньгу (20% сборъ) или „пятинныя деньги“, пять разъ десятую, одинъ разъ пятнадцатую и одинъ разъ рублевый сборъ съ двора торговыхъ людей; собирали и попросту кто сколько дастъ—это были такъ называемыя „запросныя деньги“; тогда же стали собирать эти сборы и съ дворовъ духовенства и служилыхъ людей; въ 1670 и 1678 гг. съ нихъ взимались еще отдѣльно полтинныя и полуполтинныя деньги.

Кромѣ устройства чрезвычайныхъ сборовъ, правительство, при настоятельности и спѣшности денежной нужды, рѣшалось на порчу монеты, когда тогдашнему счетному серебряному рублю принудительно давали стоимость рубля, хотя по цѣнѣ металла составлявшихъ этотъ рубль серебряныхъ копеекъ онъ рубля не стоилъ. Въ 1654 г. изъ иностранныхъ „ефимковъ“, стоившихъ около 42 копеекъ каждый, начеканили „рублей“, т.-е. сдѣлали себѣ прибыль 138%.

Тогда же выпустили мѣдныя деньги—полтинники. Съ 1656 г. выпускъ мѣдныхъ денегъ усилили. Но вѣдь недостаточно написать или начеканить на монетѣ, что она стоитъ рубль или полтинникъ, чтобы всѣ и всегда давали за такую монету товара на рубль или полтинникъ. Цѣну за товары купцы стали брать соотвѣтственно выше; правительство выгадывало только на уплатахъ жалованій, которыя новыми рублями уплачивались въ старомъ размѣрѣ. Все это породило острое недовольство въ народѣ, разразившееся бунтомъ. Правительство отмѣнило мѣдныя деньги, и тутъ въ поискахъ средствъ началось киданье изъ стороны въ сторону. Прежде всего стали часть податей—стрѣлецкія деньги—брать хлѣбомъ съ тѣмъ, чтобы и служилымъ людямъ платить хлѣбомъ же по расчету довольно дешевому. Но хлѣбныя цѣны стояли выше, чѣмъ оцѣнивало хлѣбъ при требованіи подати правитель-

ство, и потому во многихъ мѣстахъ населеніе отказывалось давать въ подать хлѣбъ вмѣсто денегъ. Правительство вынуждено было взять назадъ свое распоряженіе и согласилось снова „хлѣба не имать", а взять деньгами по настоящей рыночной цѣнѣ. По такой цѣнѣ окладъ съ сохи равнялся 3.675 мѣднымъ рублямъ. Это тоже было, очень много, и „посадскіе люди, — читаемъ въ одномъ тогдашнемъ документѣ,—денегъ не платили и били челомъ государю, что имъ денегъ платить нечѣмъ: отъ хлѣбныя дорогови и отъ многихъ податей охудали"...

Въ 1663 г. оцѣнили хлѣбную подать по дѣйствительной цѣнѣ хлѣба — 2 р. 35 к. за четверть ржи и четверть овса, окладъ получился все равно очень большой—822 р. 50 к. Результаты были самые плачевные: недоимки росли съ угрожающей быстротой. По одной устюжской четверти въ 1664 г. недоимки равнялись 1.888 руб., а въ 1671 г., т.-е. черезъ семь лѣтъ, она равняется уже 29.907 рублямъ. Уменьшили окладъ стрѣлецкой подати до 2-хъ рублей. Но и это небольшое уменьшеніе мало помогло дѣлу. Попробовали вернуться къ откупамъ въ кабацкомъ дѣлѣ, уничтоженнымъ въ цѣляхъ покровительства трезвости въ 1652 г. Въ 1663 г. боярскимъ приговоромъ постановили дать кабаки на откупъ на три года. Съ 1679—1681 гг. ввели, какъ было уже сказано, новыя подати взамѣнъ всѣхъ старыхъ. Но и это, конечно, тоже не увеличило платежныхъ способностей населенія; для облегченія плательщиковъ всѣ недоимки сложили, воеводъ отъ сбора податей устранили совсѣмъ, и собирать „велѣно" было „посадскимъ и уѣзднымъ людямъ самимъ"; но финансовое положеніе и отъ этого не улучшилось, выростали новыя недоимки, плательщики попрежнему бѣжали „въ сибирскіе городы", а оставшіеся вопили въ челобитьяхъ, что платить имъ нечѣмъ, „охудали, оскудали и разорились въ конецъ".

Отъ 1680 года сохранились свѣдѣнія о количествѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Распредѣляются они такъ:

I. Окладные доходы:

1) Таможенные и кабацкіе	650.223	руб.	(53,3 %)
2) Стрѣлецкіе	101.468	„	(8,3 „)
3) Данные и оброчные	146.150	„	(12 „)
4) Ямскіе и полоняничные	53.453	„	(4,4 „)
	951.294	руб.	(78 %)

II. Чрезвычайные доходы.

Пятинная и десятая деньга и др. 235.338 „ (19,3 %).

III. Неокладные доходы:

33.735 руб. (2,7 „).

Всего 1.220.367 руб. (100 %).

Расходы же были таковы: 700.000 руб. шло на содержаніе арміи; 224.366 руб.—на дворцовое управленіе; 67.767 руб.—на казенныя предпріятія; на остальныя потребности государства оста-

валось всего 120.000 руб. Рубль второй половины XVII вѣка равнялся 17 нынѣшнимъ.

Приведенныя цифры краснорѣчиво указываютъ на очень неблестящее финансовое состояніе Московскаго государства, когда во главѣ его сталъ Петръ Великій. Ни свободныхъ денегъ, ни просто денегъ въ казнѣ не было, и средствъ не хватало на удовлетвореніе многихъ государственныхъ потребностей, которыя не уменьшались, а возрастали.

Всю свою жизнь Петръ провелъ въ постоянныхъ заботахъ о томъ, „чтобы деньги бережны вездѣ были на нужные въ военный походъ расходы", чтобы „денегъ какъ возможно собирать, понеже деньги суть артерія войны". Начало новаго войска, постройка флота въ Воронежѣ, два азовскіе похода—все это стоило страшнаго напряженія платежныхъ силъ населенія, которымъ готовилось еще и новое испытаніе, превзошедшее по своей тягости всѣ пережитыя до сихъ поръ: начиналась Великая Сѣверная война, послѣдовалъ нарвскій погромъ, лишившій Петра чуть не всей арміи и артиллеріи. Новый наборъ, литье новыхъ пушекъ, лихорадочное укрѣпленіе Новгорода и Пскова, постройка кораблей,—все это стоило денегъ и опустошило казну такъ, что когда Петръ въ силу договора съ Августомъ, королемъ польскимъ, долженъ былъ послать ему въ 1701 году 200.000 ефимковъ, или 100.000 рублей, то ему пришлось для выполненія условія не только опустошить большую казну, отобрать свободную наличность въ нѣкоторыхъ приказахъ, но и брать взаймы у Троицкаго монастыря, у гостя Филатьева и даже у поручика Меншикова, не брезгуя и такой сравнительно малой суммой, какъ 420 золотыхъ, которые далъ Меншиковъ.

При сборѣ этихъ денегъ съ приказовъ выяснилось хаотическое состояніе отчетности – ни дума ни большая казна не могли сказать, какія суммы находятся въ движеніи по приказамъ. Петръ распорядился тогда, чтобы всѣ приказы ежемѣсячно и ежегодно доставляли въ ближнюю канцелярію отчеты о тѣхъ деньгахъ, которыя находятся у нихъ на рукахъ, и какія суммы куда направлены и откуда получены, „чтобы ему, великому государю, о тѣхъ дѣлахъ извѣстно было всегда". Ближняя канцелярія—это канцелярія при боярской думѣ, или, какъ ужъ начинаютъ выражаться, при консиліи бояръ. Теперь на эту канцелярію возложили обязанности контроля финансоваго хозяйства государства. Въ 1702 году новый контроль представилъ отчетъ о состояніи приказнаго хозяйства за 1701 годъ. Еще раньше, въ январѣ 1699 г., Петръ произвелъ переустройство въ сборѣ стрѣлецкихъ денегъ, т.-е. въ сборахъ съ городского населенія.

По финансовой реформѣ 1679—1681 гг. плательщики-горожане были связаны круговой отвѣтственностью въ сборѣ налоговъ, и самый сборъ возложенъ былъ на ихъ выборныхъ. Для большей надежности сбора московское правительство всегда стремилось поручать его лицамъ состоятельнымъ, которыя могли бы отвѣтить за недоборъ собственнымъ имуществомъ; наиболѣе зажиточнымъ

являлось московское купечество—гости и люди гостиной и суконной сотенъ. Въ 1681 г. пробовали, но неудачно, привлечь весь составъ высшаго московскаго купечества къ отвѣтственности за полноту казенныхъ платежей во всемъ государствѣ.

Указомъ 1 марта 1698 года царь Петръ подтвердилъ указы отца и брата на право городовъ собирать стрѣлецкія и оброчныя деньги „самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ избахъ, мимо воеводъ и приказныхъ людей, за выборомъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей“; воеводамъ же того сбора вѣдать не велѣно „для того, что по ихъ воеводскимъ прихотямъ были многіе съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ ненадобные сборы и держаны въ расходѣ на ихъ прихоти, и тѣми своими прихотьми и сборами они, воеводы, настоящіе денежные сборы останавливали и запускали многую доимку“.

Тогда же, въ 1698 г., Петръ переименовалъ земскихъ старостъ въ земскихъ бурмистровъ, а таможенныхъ и кабацкихъ вѣрныхъ головъ—въ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ; въ Москвѣ онъ учредилъ особое центральное присутствіе—бурмистерскую палату. Съ 17 ноября 1699 г. бурмистерскую палату велѣно было „писать“ ратушею, и присутствію ея была присвоена особая печать.

Ратуша состояла изъ выборныхъ отъ московскихъ купцовъ и была подчинена большой казнѣ; ратуша вѣдала земскихъ бурмистровъ всѣхъ городовъ; эти земскіе бурмистры наблюдали за сборами и оброчными статьями въ городахъ и уѣздахъ и посылали подчиненныхъ имъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ для отчетности въ Москву. Въ вѣдомство ратуши были переведены всѣ сборы, которые собирались съ 1681 г.; ратушѣ вмѣнялось въ особую обязанность заботиться о томъ, чтобы собирать свои доходы „съ приборомъ“, и ратуша, дѣйствительно, уже за первый годъ своего дѣйствія показала приборъ въ 168.434 р. противъ оклада. Всего она собрала 1.302.016 рублей.

Учрежденіе ратуши внесло большія перемѣны въ устройство приказнаго хозяйства. Большая казна потеряла главный источникъ своего дохода — таможенные и кабацкіе сборы, и вся ея дѣятельность сосредоточивается теперь на перечеканкѣ иностранной монеты. Старинныя четверти — устюжская, костромская, владимирская и галицкая — прекратили свое существованіе, потому что подвѣдомственные имъ прежде сборы съ городовъ были переданы въ ратушу, куда, за уничтоженіемъ воеводъ и порученіемъ управленія и суда бурмистрамъ, отошли и управленіе и судъ въ городахъ. Другіе приказы, въ родѣ посольскаго и нѣкоторыхъ другихъ, остались безъ всякаго собственнаго дохода, хотя сохранили свое вѣдомство; деньги на свое содержаніе они стали получать изъ ратуши; третьи приказы — казанскій дворецъ, большой дворецъ, разрядъ—сохранили кое-какіе сборы и штаты собственныхъ канцелярій могли содержать на тѣ доходы, которые были имъ оставлены.

Всѣ эти перемѣны не создали никакого новаго источника дохода и не уничтожили ни одного стараго. Вся реформа заключалась только въ новомъ устройствѣ сборовъ и финансоваго управленія. Никакой обдуманной системы въ этихъ первоначальныхъ финансовыхъ реформахъ Петра не было; не видно въ нихъ заботъ общаго характера о поднятіи народнаго благосостоянія, — это все были распоряженія, сдѣланныя подъ вліяніемъ непосредственной нужды. Вся финансовая мысль и смѣтка тогдашнихъ дѣльцовъ и самого Петра пока была направлена на одну заботу: пристроить новый расходъ къ старымъ источникамъ дохода, новое вѣдомство къ старому учрежденію, только бы у него нашлись средства на покрытіе новаго расхода. Когда же оказывалось невозможнымъ пристроить покрытіе новаго расхода къ старому источнику, то устраивали новому учрежденію какой-нибудь источникъ дохода на покрытіе его нуждъ.

Новыя нужды государственной жизни Россіи создавались новыми орудіями и пріемами войны сначала съ турками подъ Азовомъ, а потомъ со шведами. Эти новыя орудія были новая регулярная армія и флотъ, созданіе ихъ и вызвало къ жизни рядъ новыхъ учрежденій, на которыя возлагалась обязанность заботиться о новыхъ нуждахъ и покрывать ихъ изъ тѣхъ новыхъ или старыхъ источниковъ дохода, которые давали имъ въ вѣдѣніе. Эти новыя учрежденія были: военный приказъ, соединившій въ себѣ прежніе иноземскій и рейтарскій; приказъ артиллеріи, преображенскій приказъ, вѣдавшій устройство Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, адмиралтейскій приказъ и военный морской приказъ, вѣдавшій иностранный персоналъ русскаго флота.

Затѣмъ продолжали существовать такіе приказы, какъ ямской, монастырскій, патріаршій, аптекарскій и печатный дворъ. Вся эта сложная и пестрая машина оживлялась кипучей дѣятельностью Петра и давала довольно сносные результаты для казны: къ $1^1/_2$ милліонамъ стараго государственнаго дохода прибавилось еще столько же, такъ что общій доходъ государства возросъ до трехъ милліоновъ, размѣръ же расходовъ достигалъ $2^1/_2$ милліоновъ. Военный расходъ попрежнему играетъ самую важную роль и поглощаетъ почти $^4/_5$ всѣхъ доходовъ: съ 62% всего дохода въ 1680 г., онъ возросъ къ 1701 г. до 78%; зато сильно сократились дворцовые расходы, уменьшившіеся въ $4^1/_2$ раза: на дворцовое хозяйство тратилась въ 1680 г. $^1/_5$ часть всѣхъ доходовъ,—теперь же этотъ расходъ не составлялъ и $^1/_{20}$.

Слѣдующіе годы несли съ собой, однако, все новыя и новыя затрудненія. Энергія и настойчивость, проявленныя Петромъ, уже черезъ два года послѣ нарвскаго погрома привели его къ побѣдамъ, но эти побѣды доставались дорогой цѣной, — армія должна была не только пополняться на убылыя мѣста, но и увеличиваться численно. Петръ началъ войну, имѣя въ своемъ распоряженіи 33 полка съ общей численностью въ 40.000 человѣкъ; въ 1704 году у него подъ ружьемъ считается 60 тысячъ, а въ арміи 1709 года состоитъ 100.000 человѣкъ, кромѣ гар-

низонныхъ войскъ. Эта постоянно пополняемая и, несмотря на огромную убыль, быстро увеличивавшаяся армія стоила, конечно, по мѣрѣ роста все дороже и дороже. Армія 1701 г. стоила государству 981.743 р., въ 1710 г. войско обходится уже въ 1.809.619 руб. За десять лѣтъ расходъ на войско почти удвоился. Не переставали, разумѣется, расти расходы на артиллерію, на флотъ, на представительство при иностранныхъ дворахъ. Въ концѣ концовъ средства государственной казны истощались быстро, и Петру все чаще и чаще приходится задумываться, чѣмъ оплатить тотъ или иной необходимый расходъ. Все чаще проскальзываютъ въ указахъ Петра слова и выраженія, намекающія на тяжелое положеніе финансовъ: то ему приходится распорядиться содержать нужный новый полкъ „изъ приказовъ, гдѣ казна найдется", то на какой-нибудь даже небольшой, но необходимый расходъ назначать такой налогъ, какъ отнятіе половины жалованья у служащихъ.

Дѣло въ томъ, что не только увеличивались расходы, но уменьшались и доходы государства. Ратуша, сосредоточившая въ своихъ рукахъ главные сборы—таможенный и кабацкій, оказывалась не въ состояніи уплачивать полностью тѣхъ суммъ, какія съ нея слѣдовали по окладу на содержаніе войска, потому что полностью по окладу не могла собрать податей. Въ 1703—1706 гг. по окладу въ военный и преображенскій приказы ратуша должна была внести отъ 698 до 998 тысячъ рублей, а вносила—

въ 1703 г.—677.414 р.
„ 1704 „ —569.531 „
„ 1705 „ —890.624 „
„ 1706 „ —478.608 „

Получалась недоплата за ратушей. Откуда было покрыть ее? Петръ прежде всего схватился за старое средство — перечеканку монеты. Московскіе финансисты еще во времена Котошихина любили прибѣгать къ этой мѣрѣ, какъ дающей „великую прибыль", и съ 1664 г. по 1681 передѣлывали съ лишкомъ по 58.000 въ годъ; въ 1681 г. количество передѣлываемой монеты достигло до 205.000 рублей, а въ 1694 г. передѣлали на 400.000 рублей; въ слѣдующіе же годы до 1700-го количество передѣлываемой монеты равняется уже по 500.000 руб. съ лишкомъ ежегодно. Средняя прибыль отъ передѣла съ 1684 по 1694 гг. равнялась 40.000 рублей въ годъ, а въ 1695 г. поднялась до 86.000.

Простой перечеканкой иностранной монеты, получавшейся преимущественно въ уплату за продажу въ чужія земли казенныхъ товаровъ, Петръ не удовольствовался и ввелъ новыя монеты. До сихъ поръ на Руси ходили только серебряныя копейки и деньги, равнявшіяся полукопейкѣ; по внѣшнему виду и по цѣнности эти монеты соотвѣтствовали нашимъ двугривеннымъ и гривенникамъ; сто такихъ копеекъ составляли рубль. Петръ ввелъ размѣнную мѣдную монету — денежки, полушки и полуполушки, и велѣлъ начеканить серебряные рубли, полтины, полуполтины, гривенники,

пятачки, трехкопеечники, причемъ вѣсъ этихъ денегъ уменьшилъ, и предпринялъ передѣлку всей старой монеты по новымъ образцамъ. Всѣ наличныя деньги изъ приказовъ велѣно было доставить на денежный дворъ, откуда вернули въ приказы ихъ деньги новой монетой съ наддачей 10% — „по гривнѣ на рубль“. Частныя лица тоже должны были нести на денежный дворъ свои сбереженія и оттуда тоже получали въ обмѣнъ „новыя“ деньги съ той же наддачей.

Прибыль отъ монетнаго передѣла сначала давала огромный доходъ: въ 1701 году—717.744 руб., въ 1702 году—764.939 руб., но уже въ 1703 году доходъ понизился до 470.730 р. и, постепенно понижаясь, упалъ въ 1708 г. до 41.441 рубля. Этого естественно было ожидать, потому что прибыль получалась, главнымъ образомъ, отъ перечеканки русской монеты, запасъ которой былъ не очень великъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ сокращался, сокращался и доходъ отъ перечеканки. Временное облегченіе эта денежная

Знаки въ уплатѣ пошлины съ бороды.

перечеканка все-таки дала правительству Петра, но скоро изъ этого предпріятія выросло множество затрудненій — прежде всего цѣна русской монеты упала почти на половину, и цѣны всѣхъ товаровъ поднялись, слѣдовательно, вдвое; затѣмъ всѣ окладные платежи, вносившіеся по старымъ окладамъ, оказались, въ сущности, при уплатѣ ихъ новыми деньгами, пониженными вдвое.

Расходы межъ тѣмъ продолжали возрастать. Тогда Петръ обратилъ усиленное вниманіе на обложеніе налогами всѣхъ тѣхъ статей въ хозяйственной жизни подданныхъ, какія только представлялось возможнымъ обложить. Чтобы выискать такія новыя статьи и пересмотрѣть размѣръ обложенія уже обложенныхъ, было учреждено и новое вѣдомство — ингерманландская канцелярія (1705 г.) съ „герцбрудеромъ царя“, губернаторомъ занятой русскими Ингріи, кн. А. Д. Меншиковымъ во главѣ. Новая канцелярія рьяно взялась за дѣло, и ея дѣятельность скоро стала видна всѣмъ въ рядѣ указовъ Петра, вводившихъ новыя

обложенія. Пооброчили частныя рыбныя ловли, бани, постоялые дворы, мельницы, пчельники, конскіе заводы и площадки (торгъ лошадьми); продолжали брать пошлину со старообрядцевъ за право ношенія бороды, брали съ нихъ двойной налогъ за самую приверженность къ старымъ обрядамъ, обложили особымъ сборомъ дубовыя колоды, которыя шли на подѣлку гробовъ, расширили обязательное употребленіе гербовой бумаги для всякаго рода сдѣлокъ и прошеній; казалось, словомъ, что не стало ни одной стороны, ни единой черты въ проявленіи тогдашней общественной, частной, тѣмъ болѣе хозяйственной жизни, которая не приводила бы тогдашняго обывателя къ уплатѣ различныхъ казенныхъ сборовъ. Можетъ-быть, Данилычъ сознательно подражалъ лихорадочной энергіи Петра, который, разъ брался за что-нибудь, то любилъ, чтобы дѣло у него горѣло, причемъ онъ, торопясь, иногда и зарывался; можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ некогда было раздумывать, но только Меншиковъ провелъ нѣсколько такихъ сборовъ, которые скоро пришлось отмѣнить за невозможностью ихъ собирать.

Штемпель гербовой бумаги 1724 г.

То обстоятельство, что новые сборы устраивала и собирала ингерманландская канцелярія, заставляетъ думать, что дѣйствительно подошла къ крайности нужда въ деньгахъ для войскъ, стоявшихъ и дѣйствовавшихъ въ Ингріи, гдѣ возникалъ ужъ Петербургъ, хотя шведскія батареи стояли еще на Аптекарскомъ островѣ, а шведскіе фрегаты крейсировали подъ Кроншлотомъ. Торопливость сказалась въ нѣкоторой крайности устройства обложенія. Такъ, сначала распорядились „банямъ своимъ на дворахъ ни у кого не быть“ и существующія „ломать“, а чтобы мылись всѣ въ торговыхъ баняхъ; но своя баня составляла такой необходимый предметъ домашняго обихода, что отъ уничтоженія домашнихъ бань пришлось отказаться, и тогда порѣшили „домашнія бани переписать и учинить новоокладный оброкъ“—съ думныхъ чиновъ и гостей по 3 рубля, съ дворянства и купечества по 1 рублю и съ крестьянъ по 15 коп. Постоялые дворы сначала велѣно было взять въ казну и отдать на откупъ, а потомъ перемѣнили: „постоялымъ дворамъ быть попрежнему за хозяевами и брать съ нихъ четвертую часть дохода“. Въ вѣдѣніе ингерманландской канцеляріи поступили всѣ вообще оброчныя статьи, все то, что сдавалось государствомъ въ аренду или на откупъ, всѣ промыслы и „добычи“, обложенные оброкомъ и вѣдавшіеся до

этого по разнымъ приказамъ. Эти сборы именовались канцелярскими или мелочными. Усиливая налоговую тяготу, они донимали плательщиковъ не столько своими размѣрами, сколько численностью: ихъ насчитывалось до 30-ти. Казну они пополняли мало, но очень раздражали народъ, доставляя людямъ, по выраженію Посошкова, „турбацію великую: мелочной сборъ, мелокъ онъ и есть“. Но въ тогдашней нуждѣ и мелочью брезговать не приходилось. О своихъ сборахъ ингерманландская канцелярія никакихъ отчетовъ ближней канцеляріи не давала,—ея поступленія являлись, слѣдовательно, суммами, находившимися въ безконтрольномъ распоряженіи ижорскаго губернатора. Денегъ ему, несомнѣнно, надо было много на одно укрѣпленіе края и содержаніе войска.

1705-й годъ былъ особенно труденъ для Петра въ финансовомъ положеніи: происходило переустройство арміи, формировались драгунскіе и новые пѣхотные полки, шла полнымъ ходомъ постройка балтійскаго флота. Одна порча монеты и увеличеніе оброковъ не вывозили государственную казну. Тогда Петръ рѣшилъ прибѣгнуть къ монополизаціи, т.-е. взятію въ исключительное право государства продажи нѣкоторыхъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта какъ внутри страны, такъ и за границу. Начали съ соли. Указомъ 1 января 1705 года взяли въ казну продажу соли и стали продавать ее вдвое дороже той цѣны, по которой доставляли ее въ казну подрядчики, „чтобы прибыли было столько же, сколько истины“. Цѣну соли установили въ среднемъ $10^1/_2$ копеекъ пудъ. На этой операціи казна наживала приблизительно по 150.000 рублей въ годъ, хотя ожидала наживать по 400.000; но дороговизна сократила употребленіе соли, какъ это всегда бываетъ. Вмѣстѣ съ солью цѣлый рядъ другихъ товаровъ взятъ былъ въ казенную продажу: во-первыхъ, табакъ, который приказано было продавать „подобіемъ питейныя продажи“, затѣмъ деготь, коломазь, мѣлъ, рыбій жиръ, ворванное и квашеное сало, щетина. Торговля старыми казенными товарами была расширена и поставлена иначе.

Петръ этого времени, 1705 — 1707 гг., точно глава большой оптовой фирмы, погруженъ въ торговые вопросы и расчеты. „Здѣшній дворъ, — писалъ англичанинъ Витвортъ въ 1706 году, — совсѣмъ превратился въ купеческій: не довольствуясь монополіей на лучшіе товары собственной страны, напримѣръ, смолу, поташъ, ревень, клей и т. д., которые покупаются по низкой цѣнѣ и перепродаются съ большимъ барышомъ англичанамъ и голландцамъ, такъ какъ никому торговать ими, кромѣ казны, не позволяется, онъ (дворъ) захватываетъ теперь иностранную торговлю: все, что имъ нужно, покупаютъ за границей черезъ частныхъ купцовъ, которымъ платятъ только за комиссію, а барышъ принадлежитъ казнѣ, которая принимаетъ на себя и рискъ“. Для того, чтобы не терять на курсѣ при уплатѣ за заграничные товары, Петръ распорядился часть своихъ товаровъ перевозить за границу и тамъ продавать, чтобы на вырученныя

за границей деньги покупать иностранные товары. Во главѣ всей этой казенной торговли сталъ съ 1705 года нѣкто Димитрій Соловьевъ съ званіемъ оберъ-компссара. Въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы, въ Лондонѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Венеціи и др. были учреждены должности особыхъ торговыхъ агентовъ, продававшихъ русскіе казенные товары и исполнявшихъ требованія русскаго правительства по закупкѣ иностранныхъ фабрикатовъ. Дохода все это торговое предпріятіе казны давало до 93.000 въ годъ.

Всѣ эти мѣры не поспѣвали, однако, за неудержимо растущимъ расходомъ. Только какая-нибудь изъ указанныхъ мѣръ начинала приносить доходъ,—возникали новые расходы, и въ концѣ концовъ для Петра создавалось очень незавидное положеніе широкаго предпринимателя, принужденнаго тратиться далеко не въ размѣрѣ доходовъ его предпріятій, когда ему приходится метаться изъ стороны въ сторону, чтобы только какъ-нибудь достать денегъ на ближайшія нужды, только бы какъ-нибудь оплатить расходъ текущаго дня, о завтрашнемъ днѣ предоставляя себѣ думать завтра. И посторонним наблюдателямъ положеніе представлялось критическимъ. „Мнѣ кажется,—пишетъ Витвортъ,—въ настоящее время, когда царю необходимы деньги для войска, царскіе министры готовы предпочесть дѣйствительнымъ и постояннымъ выгодамъ страны какой угодно ничтожный, но только наличный доходъ“. Нужда въ деньгахъ, въ свободныхъ средствахъ, приводила къ тому, что годами не выплачивалось жалованье чиновникамъ, задерживались платежи иностраннымъ поставщикамъ, и это создавало порой большія непріятности, ставя въ очень неловкое положеніе и русское правительство и его заграничныхъ агентовъ. Въ 1715 году англійскій купецъ Рабузинъ при невзносѣ въ срокъ платы за купленные корабли арестовалъ русскаго агента Ѳ. Салтыкова и не выдалъ корабли. На доношеніе Салтыкова объ этомъ случаѣ царь писалъ ему, что въ Архангельскѣ спѣшно грузятъ суда смолой, которая съ избыткомъ покроетъ долгъ Рабузину: „Не такъ мнѣ противно то, что корабли удержали, понеже тремя ни потеряемъ ни выиграемъ, но то, что будто мы ему не заплатили, ибо кредитъ и слово дороже всего флота“... Струсившій Салтыковъ просилъ царя лично написать Рабузину, но въ отвѣтъ получилъ замѣчаніе, что это въ данномъ случаѣ „неприлично“.

Въ концѣ 1706 года, почувствовавъ, что онъ запутался, Петръ приказалъ всѣмъ своимъ финансовымъ вѣдомствамъ представить ему отчеты, изъ которыхъ и выяснилось, что приходъ, несмотря на увеличеніе налоговъ, уменьшился. Государству грозило разореніе... Съ этого времени уже не было и рѣчи о правильномъ погашеніи всѣхъ требованій расхода, платежи жалованья задерживались, изъ нуждъ удовлетворялись тѣ, которыя въ данную минуту казались болѣе настоятельными, сосредоточиться и подумать о какой-либо финансовой реформѣ не было времени. Сѣ-

верный паладинъ угрожалъ одно время Москвѣ; счастье, что Карлъ XII былъ больше военный авантюристъ, чѣмъ настоящій воинъ-политикъ. Онъ сначала увлекся дешевыми лаврами удачъ въ Польшѣ, гдѣ и завязъ, по выраженію Петра, надолго, чѣмъ далъ ему возможность сосредоточить и силы и средства, а потомъ краткому пути на Москву черезъ Смоленскъ предпочелъ обходный, съ юга, куда его манила призрачная помощь Мазепы; Меншиковъ и Шереметевъ продѣлали тѣмъ временемъ свой маршъ параллельно движенію шведовъ на югъ, сумѣли оградить отъ Карла русскія мѣстности и немало способствовали тому, что шведы углубились въ Малороссію. Прогремѣла сначала битва при Лѣсномъ, лишившая Карла подкрѣпленій, которыя велъ Левенгауптъ, а потомъ грянулъ и Полтавскій бой, принесшій плѣнъ шведской арміи и пораженіе Карлу, еле спасшемуся отъ плѣна въ Турцію...

Полтавской битвой партія Петра была выиграна, и на театрѣ военныхъ дѣйствій наступило сравнительное затишье. Петръ использовалъ это время затишья прежде всего на то, чтобы посчитаться. Къ 1710 году была составлена смѣта доходовъ и расходовъ государства. По этой смѣтѣ ожидаемый доходъ опредѣлился въ 3.330.000 р., а расходъ — въ 3.830.000 р. Оказывалась нехватка—дефицитъ—въ пятьсотъ тысячъ рублей! Какъ быть? Покрыть нехватку всего проще было бы займомъ, но побѣдитель подъ Полтавой не имѣлъ никакого кредита. Иностранцы денегъ не давали, не увѣренные просто въ извѣстной устойчивости дѣла Петра, а частью и напуганные его безцеремонностью по отношенію къ собственности частныхъ лицъ,—вѣдь онъ не стѣснялся силой снимать матросовъ съ голландскихъ торговыхъ кораблей въ Архангельскѣ, когда ему были нужны моряки для его военнаго флота, не постѣснился, вводя табачную монополію, арестовать табачные запасы англійской компаніи, съ которой въ 1698 году было заключено условіе, предоставлявшее этой компаніи исключительное право продажи табаку въ Россіи. Народъ, по свѣдѣніямъ иностранцевъ, былъ такъ „ограбленъ", что иноземные купцы въ 1707 г. уѣзжали изъ Москвы, опасаясь не столько шведовъ, которые приближались, сколько московской черни, грозившей бунтомъ и рѣзней „нѣмцамъ", которые якобы „испортили" царя, отчего онъ сдѣлался „нѣмцемъ" и совсѣмъ пересталъ жалѣть своихъ, облагая ихъ безмѣрными податями.

Не имѣя кредита, Петръ долженъ былъ для покрытія нехватки прибѣгнуть къ новому налогу. Сумму дефицита раздѣлили на число податныхъ дворовъ и съ каждаго взяли то, что причиталось. При предшественникахъ Петра это называлось собирать „запросныя деньги", но тогда стремились такой временный „запросъ" обращать въ постоянный налогъ. Петру отъ этой старой склонности пришлось отказаться, потому что платежныя силы населенія были напряжены до крайности.

Чтобы получить матеріалъ для обсужденія финансоваго положе-

нія страны, рѣшили произвести новую перепись тяглаго населенія, которая, конечно, въ одинъ годъ закончиться не могла, а пока вмѣсто финансовой системы руководиться волей Божьей—тѣ доходы, которые получались, направлять на погашеніе настоятельнѣйшихъ нуждъ, а на остальныя нужды махнуть рукой, предоставляя ихъ собственной судьбѣ. Петръ не сомнѣвался, что перепись дастъ „лишку" плательщиковъ сравнительно съ послѣдней переписью 1678 года, на основаніи данныхъ которой велась вся раскладка окладныхъ сборовъ и при Петрѣ.

Весь укладъ жизни Россіи того времени былъ приспособленъ къ отбыванію того тяжелаго урока, который задалъ ей Карлъ. Вся территорія была раздѣлена на восемь губерній—больше военныхъ, чѣмъ административныхъ округовъ. По этимъ губерніямъ и происходила перепись 1710 года. Эта перепись прежде всего вскрыла страшную тяготу, подъ которой изнывалъ народъ: въ Ингерманландской и Архангельской губерніяхъ оказалось свыше 40% убыли населенія. Документъ переписи кратко указываетъ и на причину убыли: „Убылые дворы и въ нихъ люди,—читаемъ тамъ,—явились для того: взяты въ рекруты, въ солдаты, въ плотники (на верфи къ корабельному дѣлу), въ С.-Петербургъ въ работники, въ переведенцы (насильственные переселенцы), въ кузнецы". Въ другихъ губерніяхъ результаты переписи были отраднѣе, но все же, за исключеніемъ малонаселенныхъ и маловажныхъ въ податномъ отношеніи губерній Сибирской и Казанской, давшихъ прирость, всюду оказалась убыль податного населенія: Смоленская дала 21% убыли, Московская—24%, Кіевская—20%, Азовская—13%. Общее количество убыли податного населенія сравнительно съ данными переписи 1678 года равнялось болѣе 1/5. Такимъ образомъ, начавъ перепись для того, чтобы увеличить количество плательщиковъ, правительству Петра пришлось убѣдиться въ значительномъ уменьшеніи количества податного населенія.

При такомъ неожиданномъ результатѣ не сразу рѣшили, какъ брать подати: по старой переписи, гдѣ значилось больше плательщиковъ, или по новой. Рѣшили предоставить все на волю мѣстнымъ властямъ, а власти тамъ, гдѣ замѣчался прирость населенія, стали брать подати по расчету новой переписи, а гдѣ оказывалась убыль, тамъ по старой, заставляя остававшихся на мѣстѣ плательщиковъ платить за пустые дворы. Для жителей Архангельской губерніи, гдѣ убыло 40% плательщиковъ, такой исходъ дѣла равнялся почти удвоенію всѣхъ податей. Въ Казанской губерніи, показавшей прирость населенія, подати брали, конечно, руководствуясь новой переписью.

Такъ почти единовременно обнаружились для Петра дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ и огромная убыль платящаго подати населенія. Было надъ чѣмъ задуматься, тѣмъ болѣе, что заведенной машины государственнаго хозяйства остановить было нельзя, невозможно было и умѣрить ея размахи: война требовала все новыхъ и новыхъ жертвъ, и правительству прихо-

дилось сознательно уменьшать число плательщиковъ, забирая въ солдаты и матросы какъ разъ наиболѣе свѣжія и молодыя рабочія силы. Одна нужда обостряла другую: истощеніе платежныхъ силъ народа оставляло безъ денегъ казну, а безденежье казны заставляло выжимать изъ народа все новыя и новыя жертвы; а между тѣмъ выяснилось, что платежная способность населенія истощена, что отягощать еще больше платящее подати населеніе нельзя,—это становится невыгодно для самой казны. Опять вставалъ щемящій своею безысходностью вопросъ: что дѣлать? Государство не могло жить, перебиваясь со дня на день, довольствуясь тѣми средствами, какія получались, и тратя ихъ такъ, чтобы были сколько-нибудь удовлетворены наиболѣе грозныя нужды, конечно, военныя, а остальному предоставлять ждать благоустройства до болѣе мирныхъ временъ.

Для лучшаго удовлетворенія военныхъ нуждъ Петръ передалъ финансовое хозяйство учрежденнымъ имъ въ 1708 г. губернаторамъ. Эта передача рѣшительно подорвала значеніе ратуши, какъ центральнаго финансоваго вѣдомства. Уже сравнительно давно Петръ началъ ее „растаскивать“, отдѣляя изъ ея вѣдомства то отдѣльные города, то цѣлыя группы городовъ на нужды то одной, то другой государственной необходимости, и въ 1709 г. начальникъ ратуши Курбатовъ, сильно боровшійся противъ расчлененія своего вѣдомства и постоянно доказывавшій Петру, что и для „святой“ войны и для дѣла самаго хозяйства „ей-ей, лишь при воедино собранномъ правленіи лучше всегда бываетъ“, жалуется, что „оклады ратушскіе распущены врознь, города и доходы взяты въ разные приказы“. „Ей, государь, немногая бываетъ и будетъ польза въ разномъ правленіи“,—писалъ царю Курбатовъ, когда было объявлено учрежденіе губерній. „Господинъ Курбатовъ!—отвѣчалъ Петръ:—ты напоминаешь, что въ разныхъ рукахъ не будетъ лучше; о томъ мы ужъ довольно разсуждали и нынѣшняго порядку не нашли хуже“... Въ „Исторіи свейской войны“ новое распоряженіе о государственныхъ расходахъ, какъ на армію и администрацію, такъ и на прочія вѣдомства по губерніямъ, объясняется тѣмъ, что тогда „всякій военный начальникъ знаетъ, откуда опредѣленное число рекрутъ и денегъ ему получать“.

Въ 1710 и 1711 гг. Петръ созывалъ съѣзды губернаторовъ, воеводъ и бурмистровъ по городамъ. На этихъ съѣздахъ были выяснены и разработаны основы новаго финансоваго устройства страны по губерніямъ. Въ результатѣ новаго устройства перестали существовать ратуша и тѣ послѣдніе приказы московскихъ временъ, которые вѣдали отдѣльныя мѣстности страны. Основной чертой новой финансовой организаціи было распредѣленіе содержанія полковъ по губерніямъ. Одновременно съ новымъ расположеніемъ государственныхъ расходовъ Петръ приказалъ полкамъ, именовавшимся до того по именамъ и фамиліямъ своихъ командировъ, „званіе имѣть по городамъ“. Въ огромномъ большинствѣ

случаевъ устроилось такъ, что каждый полкъ получилъ имя того города, на содержаніе отъ котораго онъ былъ записанъ. Губернія должна была поставлять не только деньги, но и рекрутъ. При каждомъ полку находился комиссаръ отъ губерніи, содержавшей этотъ полкъ. Комиссаръ долженъ былъ имѣть у себя опись людямъ, мундирамъ, военнымъ и полковымъ припасамъ и лошадямъ; на него возлагались заботы объ исправности и полнотѣ всѣхъ запасовъ; раздачу жалованья комиссаръ долженъ былъ производить „въ окончаніи мѣсяца—за прошедшее", ибо „отъ того,—какъ гласитъ инструкція комиссару,—можетъ пожитокъ быть казнѣ царскаго величества, что на умершаго и бѣглаго солдата выдачи не будетъ". Полковые командиры обязывались по хозяйственной части быть послушными губернскимъ комиссарамъ; комиссары подчинялись оберъ-кригсъ-комиссару, состоявшему при „генеральствѣ", т.-е. при корпусѣ; оберъ-кригсъ-комиссары давали отчетъ оберштеръ-кригсъ-комиссару Лукѣ Чирикову, который съ 1712 г. обязанъ былъ подчиненіемъ и отчетомъ сенатору, генералъ-пленипотенціалъ-кригсъ-комиссару князю Якову Долгорукову, въ рукахъ котораго и сосредоточилась при сенатѣ вся отчетность по новому финансовому устройству и общее руководительство имъ.

Въ 1710 и 1711 гг. были составлены „табели", т.-е. росписи всѣхъ расходовъ съ указаніемъ, какой расходъ доходами какой губерніи долженъ покрываться, или какая часть губернскаго сбора должна итти на покрытіе какого расхода. Но изъ этого теоретическаго предположенія на практикѣ ничего не вышло. Табель, опредѣлявшая чуть не каждому губернскому сбору свое назначеніе, могла выполняться только тогда, если бы каждая отдѣльная сумма сейчасъ же послѣ сбора ея посылалась туда, куда была опредѣлена для израсходованія. Но этого, конечно, не могло быть: ни „опредѣленныя мѣста" не могли дожидаться, пока соберется именно для нихъ назначенный сборъ, ни сенатъ не могъ не дѣлать тратъ на нужды немедленныя, болѣе настоятельныя, которыя неожиданно всегда порождаетъ война. На эти траты сенатъ расходовалъ тѣ деньги, которыя по табели были назначены на опредѣленный расходъ. Опредѣленному мѣсту приходилось ждать и часто ничего не дождаться. То и дѣло сенатъ требуетъ у разныхъ губерній отчислить такую-то и такую-то сумму на покрытіе новой нужды, обѣщая это отчисленіе „зачесть". 6 іюня 1712 г. сенатъ опредѣлилъ занять изъ Петербургской губерніи 10.000 руб. на жалованье „французамъ и венграмъ". 9 іюня приказано жалованье бригадиру Чернышеву 1.440 руб. уплачивать „изъ губерніи". Четыре губерніи недослали провіанту въ Ригу, и такъ какъ „вскорѣ изъ тѣхъ губерній справиться невозможно", рѣшили взять 10.000 руб. взаймы у Петербургской губерніи. 6 іюля снова берутъ изъ Петербургской губерніи 10.000 руб. на жалованье офицерамъ и солдатамъ, обѣщая „прислать тѣ деньги съ Москвы изъ канцеляріи правительствующаго сената вскорѣ". Для скораго военнаго похода Петербургская губернія, тоже внѣ всякихъ табелей и расчетовъ, ком-

плектуетъ и довольствуетъ жалованьемъ, амуниціей и лошадьми полки корпуса Голицына; на все на это, по донесенію вице-губернатора, „взято изъ С.-Петербургской губерніи въ канцелярію правительствующаго сената денегъ немалое число, и обѣщали тѣ деньги прислать въ С.-Петербургъ немедленно, и по сіе число тѣхъ денегъ нѣтъ". Всего накопилось долга у губерніи за сенатомъ 41.440 руб. Въ январѣ 1713 г. взяли еще на обиходъ государя 25.964 руб., въ маѣ на выдачу жалованья пѣхотнымъ полкамъ взяли еще 40.000 руб.—и все съ обѣщаніемъ вернуть, даже съ попытками вернуть: дѣлались распоряженія объ этомъ, но то, что попадало въ сенатъ, то пропадало, тонуло въ томъ потокѣ новыхъ запросовъ и требованій, которые приходилось удовлетворять сенату. Удовлетворять новыя нужды онъ только и могъ постоянными заимствованіями изъ кассъ то одной, то другой губерніи и былъ всѣмъ имъ долженъ „изрядныя суммы".

Но отъ этихъ сверхсмѣтныхъ поборовъ разстраивалось хозяйство самихъ губерній, опредѣленныя табелью мѣста не получали или получали съ большимъ запозданіемъ слѣдуемыя имъ суммы, и во всемъ государственномъ хозяйствѣ воцарялся постепенно такой хаосъ, такая мѣшанина табельныхъ и сверхтабельныхъ расходовъ, что у людей порядка опускались руки, а у любителей ловить рыбу въ мутной водѣ разгорались неудержимые аппетиты. За это время наживалъ свое громадное состояніе Данилычъ, такъ часто уличаемый въ ловкости рукъ и проворствѣ къ наживѣ и такъ часто прощаемый Петромъ послѣ свиданія въ токарной за свои исключительные военные и гражданскіе таланты. Извѣстный изобрѣтатель гербовой бумаги Курбатовъ, котораго Петръ изъ дворовыхъ людей произвелъ въ вице-губернаторы и оберъ-комиссары ратуши за многочисленныя указанія доходныхъ статей и умѣлую финансовую дѣятельность, кончилъ тѣмъ, что проворовался около плохо лежавшихъ государственныхъ денегъ. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ грабилъ такъ, что не вытерпѣло даже то многотерпѣливое въ этомъ отношеніи время. Петръ назначилъ слѣдствіе, вскрылись страшныя хищенія, и Гагаринъ смертью на висѣлицѣ заплатилъ за свое лихоимство. Не безъ обвиненій въ попустительствѣ и лихоимствѣ оказался самъ князь Яковъ Долгоруковъ. Петръ рвалъ и металъ, вѣшалъ взяточниковъ и казнокрадовъ, рубилъ головы „государственнымъ татямъ", но зло не убавлялось, и его первые сотрудники были почти всѣ не безъ грѣха.

Такъ какъ денегъ въ казнѣ и при новомъ устройствѣ хозяйства не хватало, то нехватку старались покрывать старыми средствами—перечеканкой монеты прежде всего. Съ 1712 года опредѣлили мѣдныхъ денегъ дѣлать въ годъ на 200.000 руб. Серебро для монеты покупали по $13^1/_2$ и $14^1/_2$ коп. золотникъ, а серебряную монету выпускали по цѣнѣ $17^1/_2$ к. золотникъ, слѣдовательно съ прибылью въ 21%. Пудъ мѣди стоилъ правительству 8 руб., а денегъ набивали изъ него на 20 руб., т.-е. имѣли 150%

прибыли. Вообще старались отъ монетной операціи имѣть въ годъ 200.000 руб. прибыли. Съ 1711 г. прекратили совсѣмъ чеканку мелкой серебряной монеты, замѣнивъ ее мѣдью; казенные же платежи требовали серебромъ, допуская, чтобы въ уплачиваемой суммѣ мѣдью было не болѣе $^1/_3$, тогда какъ жалованье разнымъ чинамъ старались уплачивать мѣдью на $^2/_3$; такъ же устраивались и расчеты по подрядамъ. Кончилось тѣмъ, что къ послѣднимъ годамъ Петра мѣдная монета совсѣмъ вытѣснила изъ обращенія мелкое серебро, благодаря чему создавались большія неудобства при расчетахъ, и суммы въ нѣсколько тысячъ рублей приходилось возить на „добрыхъ лошадяхъ", а пересчитывать цѣлыми днями.

Доходы отъ казенной продажи соли остановились на цифрѣ 300.000 руб. валового сбора и не подымались; межъ тѣмъ самое дѣло казенной продажи стоило дорого, высокая же цѣна соли, несмотря на важность продукта, сокращала его потребленіе. Петръ рѣшилъ тогда отдать соль на откупъ, но никто не хотѣлъ взять на себя такого великаго дѣла, и казенная продажа находилась въ довольно жалкомъ положеніи. Въ результатѣ, по характеристикѣ историка государственнаго хозяйства при Петрѣ, П. Н. Милюкова, получалась мрачная картина: „Тамъ цѣлые полки годами не получаютъ жалованья и обращаются въ полунищихъ, полуразбойниковъ; тамъ эскадра не можетъ выйти изъ Невы по недостатку денегъ и припасовъ, и ея опозданіе отсрочиваетъ на годъ предположенную кампанію; тамъ умираютъ съ голода артиллерійскіе служители, или иностранные посланники сидятъ по цѣлымъ годамъ безъ денегъ для себя и для своихъ секретныхъ раздачъ, и русская дипломатія терпитъ неудачи. На практикѣ, конечно, выискивались исходы—перехватывались деньги, назначенныя на другое употребленіе, захватывались свободныя и мнимо-свободныя суммы, производились займы безъ отдачи изъ разныхъ учрежденій, табель или обходилась, или нарушалась"...

Конечно, такой порядокъ нельзя было считать нормальнымъ. Петръ бьется, какъ рыба объ ледъ. Прежде всего онъ настаиваетъ на буквальномъ исполненіи табели. Сенатъ пишетъ повторительный указъ губернаторамъ, грозитъ имъ штрафами, штрафуетъ, приказываетъ держать губернскихъ комиссаровъ на цѣпи, сажать подъ караулъ другихъ чиновъ; истощивъ эти средства, сенатъ шлетъ въ губерніи офицеровъ гвардіи; эти опять бьютъ, штрафуютъ, сажаютъ на цѣпь и, добросовѣстно исполнивъ всю эту программу, обращаются въ сенатъ съ вопросомъ, что дальше дѣлать? Сенатъ отзываетъ офицеровъ и пробуетъ сокращать расходы, но это намѣреніе приходится скоро оставить. Увеличивать доходы „безъ тягости для народа" оказывалось тоже невозможнымъ.

Какъ было выйти изъ этого труднаго положенія? Мысль Петра и его сотрудниковъ работала надъ этой задачей упорно и настоятельно и стала сосредоточиваться на ней все больше, по мѣрѣ того, какъ затихала война. Съ 1715 года Петръ рѣшительно обращается къ устройству гражданскихъ дѣлъ. Получаетъ новую,

болѣе стройную организацію сенатъ, разрабатываются проекты коллегій, областного устройства, суда; по мѣрѣ разработки новыя учрежденія вводятся въ жизнь. Большія измѣненія входятъ и въ устройство финансовой части. Нужда была такъ велика, народное „бѣдство" достигало такихъ предѣловъ, что въ тогдашнемъ обществѣ люди стали серьезно задумываться о грозящихъ и настоящихъ бѣдахъ. Плоды этихъ размышленій многіе записывали и свои проекты, „меморіалы" и „препозиціи" слали къ его величеству, который всегда охотно принималъ такіе проекты и самъ читалъ ихъ, сейчасъ же находя сообразительному прожектеру, подавшему дѣльную мысль, соотвѣтствующее ему мѣсто, а прожектеру неудачному посылалъ сказать, чтобъ онъ впредь „глупостей не вралъ". Проекты такихъ случайныхъ сотрудниковъ Петра,—нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, становились постоянными, какъ Курбатовъ и Рагузинскій, — дошли до насъ и позволяютъ утверждать, что русское общество петровскихъ временъ далеко не было безучастнымъ зрителемъ преобразованій или подневольнымъ слѣпымъ исполнителемъ воли преобразователя — эта воля во многомъ покоилась на сознательномъ сочувствіи и трудѣ подданныхъ, и мысль преобразователя почерпнула немало добрыхъ идей въ сочувствующихъ проектахъ. Проекты стали усиленно подаваться съ 1710 года, послѣ Полтавы, когда выяснилась побѣда надъ шведами, громадность тратъ на войну и прошли первые слухи о томъ, что царь думаетъ приняться за „гражданство", т.-е. за преобразованіе управленія, суда, хозяйства.

Послѣднее особенно интересовало подателей проектовъ, по тому одному, что хозяйственное неустройство живѣе и нагляднѣе отзывалось на всѣхъ спинахъ и карманахъ. Одинъ изъ первыхъ по времени извѣстныхъ проектовъ, принадлежавшій перу Саввы Рагузинскаго, будущаго близкаго сотрудника Петра, уже отмѣчаетъ, что назначать новые налоги на „крестьянство" нечего больше и думать,—иначе „земля останется безъ людей". Надо умножать государственную казну или путемъ разныхъ финансовыхъ операцій, въ родѣ займа внутри страны и за границей, или устройствомъ такихъ новыхъ налоговъ, при которыхъ „не выйдетъ ни копейки отъ убогаго народа, но все съ людей, которые имѣютъ силы и способъ платить". Надо дѣлать монету серебряную подъ великой тайной скуднѣе серебромъ на $^1/_{10}$ часть существующей. Внутренній заемъ въ милліонъ рублей предлагалось устроить такъ: раздѣлить предположенную сумму займа, одинъ милліонъ, на сто частей, по 10.000 рублей. Для заключенія займа назначить „двухъ верховныхъ судей, людей разумныхъ, породныхъ и благоревностныхъ"; они будутъ выдавать за своей подписью „заемныя письма" и заносить займы „въ книгу великую, позлащенную", „въ которой величество ваше напишетъ", что обязуется воротить заемъ въ мирное время заимодавцамъ или ихъ наслѣдникамъ „со всякимъ благодареніемъ". Судьи получаютъ за комиссію 1%; кредиторамъ %% не полагается: „судьямъ подобаетъ быть благорѣчивымъ и свѣдомымъ

силъ гражданскихъ и купеческихъ, чтобы они могли изъяснить благодѣянія, которыя могутъ получить кредиторы за такой заемъ, который есть, первѣе, въ службу Божію за вѣру и сохраненіе своего таланта, отдаваемаго въ доброе сокровище; второе, примутъ честь и славу; третье, оборонятъ себя самого и имѣнья и фамилію свою отъ непріятеля, — ибо если бы греки константинопольскіе такъ поступали и помогли бы самодержцамъ своимъ, то не потеряли бы отчизны и живота своего"... Авторъ совѣтуетъ далѣе вдвое увеличить обложеніе земли въ городахъ, но эту тяготу, которая падетъ на торгово-промышленное сословіе, можно облегчить, давъ больше свободы торговлѣ. Оставивъ соль, вино, табакъ, поташъ и соболей въ казенной продажѣ, все остальное онъ совѣтуетъ отдать на волю, чтобы „всякому человѣку промышлять и торговать всякимъ товаромъ съ платежомъ надлежащей пошлины".

Петръ воспользовался кое-какими указаніями этого проекта, между прочимъ о разрѣшеніи торговли „всѣмъ", и сталъ очень совѣтовать дворянскимъ „кадетамъ", т.-е. младшимъ въ семьяхъ, заниматься торговлей и промыслами, ставя въ примѣръ Меншикова, который съ 1704 г. состоялъ откупщикомъ рыбныхъ ловлей на Бѣломъ морѣ. Но купечество осталось не очень-то довольно тѣмъ, что дворяне пойдутъ въ торговлю. Доноситель изъ купцовъ, Иванъ Филипповъ, писалъ на это Петру: „Простодушно размышляю, великій государь, воистину добро шляхетству всѣмъ превосходити въ честь и славу разными науки и службою въ воинствѣ", но торговать имъ пусть не повелѣно будетъ, „дабы сребролакомствомъ не блазнились, а добывали бы себѣ честь наукою и службой своею". Другой „мизинный человѣкъ", Посошковъ, тоже заявлялъ: „Аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ". Московскій капиталистъ Филатьевъ и гости Матвѣй Григорьевъ и Илья Исаевъ просили воли торгу, которая многому народу ко исправленію и пополненію пожитковъ быть можетъ, отчего въ казну его величества немалое число пошлинъ поступать можетъ.

Въ другихъ проектахъ правительству рекомендовалось обратить особое вниманіе, во-первыхъ, на торговлю казенными товарами, число которыхъ предлагалось ограничить, а самое дѣло поставить лучше, а во-вторыхъ, на косвенные налоги, для успѣшности поступленія которыхъ необходимымъ условіемъ считалась свобода торговли, долженствующая поднять благосостояніе населенія. Голоса изъ общества указывали, слѣдовательно, правительству не одни только способы удовлетворенія текущихъ нуждъ, но и рекомендовали обратить вниманіе на теоретическую сторону дѣла, указывали, что правительство должно заботить не одно удовлетвореніе текущихъ нуждъ какимъ бы то ни было напряженіемъ народныхъ силъ, но что оно должно подумать и о будущемъ, жизнь котораго тоже вѣдь выдвинетъ свои нужды, а потому слѣ-

дуетъ не только щадить платежныя силы неселенія для будущихъ нуждъ, но и заботиться объ изысканіи новыхъ источниковъ для приложенія народнаго труда, а слѣдовательно и для обогащенія народа, что дастъ возможность увеличивать притокъ въ казну податныхъ и налоговыхъ средствъ.

Съ 1716 года, когда намѣтилась и частью началась „гражданская" реформа, Петръ снова серьезно занятъ вопросами финансовой политики и экономики. Извѣстный намъ Люберасъ пишетъ для Петра общія хозяйственныя разсужденія въ духѣ господствовавшихъ тогда въ Европѣ экономическихъ воззрѣній меркантилизма, когда съ легкой руки Кольбера въ основу хозяйственной жизни и дѣятельности государства клали развитіе торговли и промышленности и сущность народнаго богатства видѣли въ обиліи золота и серебра въ странѣ, запасы котораго думали получать путемъ особаго покровительства вывозу произведеній страны и уменьшенія ввоза въ нее чужеземныхъ продуктовъ. Петръ старается усвоить руководящія идеи меркантилизма, и съ 1716—1717 гг. особенно усиливаются его заботы о томъ, чтобы возникало больше фабрикъ въ Россіи, и чтобы больше разрабатывались естественныя богатства страны.

На ряду съ этими заботами снова поднимался вопросъ о болѣе тщательномъ подсчетѣ количества плательщиковъ прямыхъ налоговъ. Петра очень заботила „пустота" въ населеніи, показанная переписью 1710 года. Пустота, какъ она выяснялась по переписнымъ книгамъ 1710 года, достигала $^1/_5$, т.-е. 20% числа дворовъ старой переписи, въ ближайшіе годы она возросла до $^1/_4$ (25%), а къ 1715—16 гг. поднималась выше, приближаясь къ одной трети. Значитъ, населеніе съ ужасающей быстротой бѣднѣло, разорялось и уменьшалось. Если итоги переписи 1710 г. были вѣрны и вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности, то положеніе страны и государства становилось угрожающимъ самыми печальными послѣдствіями,—прежде всего не на что было бы вести войну и некѣмъ было бы пополнять армію.

Новѣйшій изслѣдователь переписей населенія Петра Великаго—М. В. Клочковъ, установивъ возможныя причины запустѣнія дворовъ и уменьшенія ихъ количества, провѣривъ данныя переписи 1710 года по другимъ источникамъ и сравнивъ ихъ съ результатами послѣдовавшей ландратской переписи, приходитъ къ заключенію, что показанное переписью уменьшеніе дворовъ на $^1/_5$ прежняго ихъ количества слѣдуетъ сократить до 10%, т.-е. на половину, а убыль населенія онъ признаетъ „и того меньше". „Весьма возможно даже,—говоритъ онъ,—что количество населенія къ 1710 г. сравнительно съ 1678 годомъ не уменьшилось. Пустота же въ 20% и выше была явленіемъ мѣстнымъ, а иногда и фиктивнымъ".

Главной причиной дѣйствительной „пустоты" дворовъ надо считать тяжесть государственныхъ сборовъ и повинностей, которые легли гнетущимъ бременемъ на населеніе, причемъ платель-

щики разными мѣрами пытались обойти ее и тѣмъ облегчить свое положеніе. На второмъ мѣстѣ по силѣ воздѣйствія на убыль дворовъ можно поставить народныя бѣдствія, существенно вліявшія на уменьшеніе населенія, хотя не постоянно и не повсемѣстно. Не такъ сильно, но зато постоянно отягощали крестьянское населеніе помѣщичьи сборы и повинности и тягости жизни, связанныя съ развитіемъ крѣпостного права. Причинами фиктивной пустоты были „утайка" и „прописка", „частью по винѣ переписчиковъ, главнымъ же образомъ благодаря „воровству" со стороны населенія, которое намѣренно скрывало настоящее число платежныхъ дворовъ, отчего и получилась такая значительная „пустота дворовъ" по переписи 1710 года. „Писцы иногда невнимательно относились къ своему дѣлу и заносили въ книги свѣдѣнія непровѣренныя". Нерѣдки были случаи прямыхъ злоупотребленій со стороны писцовъ, когда они за взятки заносили въ книги невѣрныя свѣдѣнія, уменьшали число дворовъ, показывали тяглые дворы нищенскими и вдовьими, живыхъ и наличныхъ писали мертвыми или бѣглыми, и т. п. Писали два, три или четыре богатыхъ двора за одинъ, а бѣдныхъ и скудныхъ, съ которыхъ взять было нечего, писали дворами. „Въ иныхъ волостяхъ и вотчинахъ,—доносилъ подьячій И. Игумновъ,—про нихъ (т.-е. для переписчиковъ) варятъ пива, покупаютъ вина, водки и харчи; гдѣ писать недѣля, тутъ пишутъ и пьютъ мѣсяцъ. Не токмо что имъ сыскивать противъ 1678 г., они и противъ 1710 г. убавляютъ"... И само населеніе, чтобы платить меньше, скучивалось въ небольшое количество дворовъ, иногда только на время переписи, что особенно ретиво практиковалось на помѣщичьихъ земляхъ. Случалось, что два или три двора „изгораживали" и „перестраивали" такъ, чтобы эта декорація казалась по виду однимъ дворомъ; нерѣдко существовавшіе дворы ломали и сводили крестьянъ изъ двухъ или нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ, а сломанныя постройки прятали; такъ какъ помѣщичьи дворы были свободны отъ государственныхъ податей и повинностей, то на время переписи крестьянскіе дворы „пригораживались" къ помѣщичьимъ, а обитатели ихъ писались дворовыми и задворными людьми помѣщика.

Всѣ эти злоупотребленія и понижали на бумагѣ какъ количество платежныхъ дворовъ, такъ и число населенія. Разница съ результатами переписи 1678 года получилась такая большая, что Петръ естественно усомнился въ достовѣрности данныхъ переписи 1710 года. Эту убыль и пустоту дворовъ онъ объяснялъ себѣ не столько гнетомъ тѣхъ тягостей—податныхъ и натуральныхъ, подъ которыми таяло населеніе, сколько бѣгствомъ его на окраины, укрывательствомъ бѣглыхъ, недобросовѣстностью самихъ переписчиковъ. „Всѣ крестьяне на Донъ и въ Сибирь ушли,—говорилъ Петръ,—мору, слава Богу, не было". Считая перепись 1710 г. не достовѣрной, Петръ рѣшилъ „освидѣтельствовать пустыя мѣста", произвести, другими словами, повѣрку старой переписи и составить новую. Осенью 1715 года началась перепись Московской гу-

берніи, а въ декабрѣ даны были указы и пункты, чтобы ландраты всѣхъ губерній переписали каждый свою долю. Ландраты должны были „переписать дворы крестьянскіе и бобыльскіе и въ нихъ людей по имяномъ“, „въ правду безо всякія утайки и понаровки“. Ландратская перепись шла очень медленно и растянулась на цѣлыя шесть лѣтъ; „благодаря своей продолжительности она пережила ту цѣль, для которой предназначалась: если бы даже ландратская перепись и показала въ своихъ итогахъ дѣйствительное количество дворовъ, то ея цифры уже не были необходимы для обложенія, такъ какъ въ 1721 году заканчивался пріемъ сказокъ о душахъ мужского пола и вскорѣ предполагалось ввести новую податную систему“.

Вотъ эта ландратская перепись и вскрыла злоупотребленія переписи 1710 г. и показала, что пустота дворовъ въ общемъ не такъ велика, а количество населенія, пожалуй, и не уменьшилось. То обстоятельство, что количество населенія, увеличиваясь, продолжаетъ жить въ прежнемъ количествѣ дворовъ и даже въ меньшемъ, и дало толчокъ правительству Петра произвести такую реформу обложенія, при которой казна стала бы ближе къ плательщику и у тяглаго человѣка не оставалось бы никакихъ способовъ укрываться отъ несенія податной повинности или облегчать ее себѣ разными способами. Ландратская перепись далеко не была еще закончена, какъ Петръ издалъ указъ о важнѣйшей реформѣ финансоваго характера: о переложеніи податей со двора на душу, на каждаго рабочаго плательщика.

Мысль эта объ обложеніи населенія умѣренной подушной податью была не новою. По одному извѣстію, еще въ дни правленія царевны Софіи замышлялось осуществить реформу податного обложенія, замѣнивъ подать подворную—подушной. Мысль о возможности перенести сборы съ дворовъ на души сказалась во время производства переписи 1710 г. въ строгомъ распоряженіи переписчикамъ переписывать вѣрно и смотрѣть накрѣпко, „чтобы не только мужеска полу и женска, но ни единъ младенецъ въ переписке пропущенъ не былъ“. Въ 1714 году Петру это же совѣтовалъ сдѣлать оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ. Въ своемъ предложеніи Нестеровъ подчеркивалъ, что при подворныхъ переписяхъ и сборахъ „видное неуравненіе и понаровка есть“, „въ иныхъ губерніяхъ нынѣ явно во дворѣхъ мужеска и женска полу есть душъ по 20 и по 30 и больше, а въ другихъ губерніяхъ во дворѣхъ только по 10 и по 6, и противъ 30 (въ тѣхъ) онымъ малымъ (дворамъ) како можно всякіяваши государевы подати управлять? Ей, государь, изрядно небоязливые (землевладѣльцы) какъ разные дворы сносятъ въ одинъ, такъ и людей многихъ сводятъ въ одинъ дворъ“ и такимъ образомъ отъ платежей отбываютъ, „а богобоязливые и страшливые указовъ вашего величества остаются съ малыми душами во дворѣхъ и тянутъ и платятъ то же, что многосемейные“. И далѣе Нестеровъ совѣтуетъ сказки о дво-

рахъ замѣнить сказками о душахъ и собирать подати, сборы и повинности не со дворовъ, а съ рабочихъ душъ.

Проектъ переложенія податей со двора на лицо, „душу“ плательщика, на каждаго, сколько бы ихъ во дворѣ ни было, очень понравился царю, и къ нему стали поступать одно за другимъ предложенія, развивавшія эту мысль, восхвалявшія выгоды подушнаго обложенія и рѣзко критиковавшія темныя стороны подворнаго, при которомъ люди, чтобы платить меньше, старались скучиваться для житья на одномъ дворѣ, благодаря чему государство теряло много плательщиковъ. Чтобы плательщики не разбѣгались, проекты предлагають усилить надзоръ, установить въ общинѣ плательщиковъ особую полицію и ввести паспорта. У девяти дворовъ пусть будетъ по десятскому, предлагаетъ купецъ Иванъ Филипповъ, а у десяти десятскихъ—сотскій, которые бы не отпускали никого никуда въ отлучку даже на недѣлю безъ своего вѣдома; въ случаѣ ночного побѣга, сотскій и десятскіе обязаны ловить бѣжавшаго; если кому надо итти на работу или промыселъ „на оплату податей“, тотъ долженъ взять отъ сотскаго, или отъ попа, или отъ приказчика отпускъ и явиться въ городѣ „къ печати“. Если это установить, то, по мнѣнію автора проекта, „противъ прошедшаго времени весьма возможенъ престать великій побѣгъ крестьянскій и солдатскій и разбой и татьбы“. „Такая вышеписанная злая и безпорядочная причина,—писалъ Филипповъ,—весьма можетъ престати потому, ежели отъ Вашего Царскаго Величества повелѣно будетъ дворами не писать, а написать крестьянство въ крестьянскіе дворы счисленіемъ мужеска и женска пола людей, по скольку семій во дворъ, кромѣ малолѣтнихъ и старыхъ, и оттого никому обиды и тягости излишней не будетъ, а будетъ всѣмъ равность“. Ѳедоръ Салтыковъ въ своихъ „пропозиціяхъ“ предлагалъ ввести подушную подать для посадскихъ людей, чтобы они „поголовную дань платили по $^1/_2$ рубля“.

Мысль о поголовномъ обложеніи поддерживалась примѣромъ Запада. Въ данномъ случаѣ извѣстное вліяніе на реформу русскаго податного обложенія оказала податная организація Франціи. Въ 1717-мъ году Петръ былъ во Франціи и изъ Калэ, быть-можетъ, ознакомившись съ французскими порядками, писалъ сенату о введеніи „поголовщины“—„какъ то во всемъ свѣтѣ ведется“.

Всѣ проекты совѣтовали произвести: 1) подсчетъ всего наличнаго населенія мужескаго пола безъ различія возраста; 2) подсчетъ требуемой суммы дохода государственнаго, помимо сборовъ кабацкихъ, таможенныхъ и нѣкоторыхъ другихъ; 3) опредѣленіе количества сборовъ съ каждаго человѣка путемъ дѣленія суммы доходовъ на число душъ. Царь внимательно прочитывалъ эти донесенія, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся на нѣкоторыхъ изъ нихъ характерные для Петра „крыжи“, отмѣтки крестомъ, которыя онъ обычно дѣлалъ при чтеніи на мѣстахъ, останавливавшихъ его вниманіе. Петръ съ тѣмъ большей энергіей взялся за установленіе новаго способа раскладки податей, когда для него выяснилось, что отъ этого не только увеличится количество

поступленій, но и является возможность наиболѣе легко устроить содержаніе арміи, полки которой начинали уже возвращаться изъ дальнихъ походовъ на родину. 17 октября 1717 г. Петръ писалъ въ сенатъ: „Понеже войска наши, которыя были въ чужихъ краяхъ, маршируютъ нынѣ къ своимъ границамъ, и для того заранѣе распишите имъ винтеръ квартиры“. По устройству 1710 г. каждая губернія должна была содержать на свои доходы опредѣленное количество полковъ, но гладкое на бумагѣ расписаніе выполнялось на дѣлѣ, какъ указано выше, плохо; расходы росли, доходы убывали, то, что собиралось, во-время не доставлялось въ армію, и полки должны были содержать себя на счетъ мѣстныхъ жителей, собирая съ нихъ фуражъ и провіантъ насильно. Армія такимъ образомъ во многомъ содержалась помимо русской казны. Теперь, съ возвращеніемъ на родину, всѣ эти „выгоды“ должны были кончиться, и возвращеніе арміи домой должно было вызвать новое увеличеніе издержекъ на ея содержаніе. 15 ноября 1717 г. Петръ указалъ сенату распорядиться, чтобы сосчитали, „со сколькихъ работныхъ персонъ можетъ содержанъ быть одинъ человѣкъ пѣшій со всѣмъ, что къ нему надлежитъ, въ годъ, такъ же конный, лошади, палатки, телѣги и прочее“. Черезъ годъ, 26 ноября, Петръ приказываетъ произвести поголовную перепись и предписываетъ при этомъ опредѣлить, „на сколько душъ придется солдатъ рядовой съ долей на него роты и полкового штата“. По этому расчету приказывалось расписать полки по крестьянамъ и учинить на каждый полкъ два комиссара: одного полкового, другого отъ земли. Комиссаръ отъ земли ежегодно выбирается дворянствомъ и долженъ въ установленные сроки собирать съ крестьянъ деньги и отдавать ихъ полковому комиссару при всѣхъ офицерахъ полка.

22 января 1719 г. сенатъ объявилъ указъ о поголовной переписи крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, всѣхъ владѣльцевъ и однодворцевъ; указъ строго настаивалъ, чтобы перепись, „яко главное дѣло“, была закончена въ теченіе года, но, несмотря на то, что указъ былъ повторенъ четыре раза, къ декабрю „ни откуда присылки не было, кромѣ что изъ немногихъ мѣстъ прислано, да и то съ многими неисправами“. Петръ разослалъ тогда по провинціямъ гвардейскихъ солдатъ, чтобы они торопили приказчиковъ, старость, выборныхъ, которые должны были составлять списки на мѣстахъ, понукали воеводъ сводить списки и отсылать ихъ къ генералу-ревизору Зотову въ С.-Петербургъ. Гвардейцы били, штрафовали, сажали въ канцеляріяхъ на цѣпь чиновниковъ, пока они не составятъ списки, но дѣло все-таки подвигалось очень медленно.

Въ январѣ 1720 г. Петръ распорядился, кромѣ крестьянъ, писать въ „сказки“ дворовыхъ людей, холоповъ и церковниковъ, для чего давалъ еще полгода сроку—до 20 іюля 1720 года. Но даже и къ концу 1720 года сказки не всѣ были поданы, а въ поданныхъ оказались многочисленныя утайки. Къ 1 сентября 1721 года особый указъ, „послѣдній“, какъ внушительно обозначалось на

немъ, рекомендовалъ всѣмъ, впадшимъ утайкой въ прегрѣшенія, исправиться, иначе грозилъ смертной казнью и конфискаціей имущества виновныхъ.

Съ января 1722 г. Петръ рѣшилъ начать распредѣленіе полковъ и при этомъ произвести „ревизію“, пересмотръ самой переписи. Это названіе — ревизія — стало съ этихъ поръ обозначать у насъ самыя переписи податного населенія. Для производства ревизіи по губерніямъ были разосланы генералы съ прикомандированными къ каждому офицерами, которые и должны были произвести пересмотръ переписи на мѣстѣ. Почти весь наличный штатъ высшихъ офицеровъ введенъ былъ въ это дѣло. Въ одной только сравнительно небольшой губерніи—Нижегородской—были заняты переписью 54 офицера и 207 рядовыхъ. Военная коллегія жаловалась на убыль офицеровъ, и многіе полки остались безъ командировъ, назначенныхъ къ переписи. Только къ 1727 г. была закончена эта работа, но уже въ 1724 г. было выяснено общее число платящаго подати населенія въ Россіи: его оказалось 5.570.458 человѣкъ, тогда какъ перепись 1710 г. насчитала всего 2.874.685 чел. Прирость плательщиковъ, благодаря ревизіи и введенію подушнаго обложенія и включенію въ число плательщиковъ холоповъ, церковныхъ людей, однодворцевъ и другихъ не платившихъ прежде подати разрядовъ населенія, оказался въ 2.695.773, т.-е. количество плательщиковъ въ Россіи увеличилось почти вдвое.

По расчету Петра выходило, что содержаніе 73 полковъ арміи стоитъ безъ малаго 3 милліона рублей, а гарнизонныхъ полковъ—одинъ милліонъ; содержаніе одного драгуна обходилось въ 40 руб. 50 коп., а пѣхотинца—28 руб. 52 коп. въ годъ. Общій расходъ на войско былъ 4 милліона, всего платящаго подати населенія считалось 5 милліоновъ; на каждаго плательщика приходилось, такимъ образомъ, 80 коп. налога, или пятьдесятъ человѣкъ могли содержать одного драгуна, а 35 душъ—одного пѣхотинца. На 1724 годъ и было назначено брать по 80 коп. съ души; на 1725 г., когда окончательно выяснилось и количество населенія и стоимость содержанія солдатъ, подушный налогъ былъ пониженъ до 74 коп., а послѣ смерти Петра и до 70 коп. Сверхъ того, государственные крестьяне, которые не платили оброка владѣльцамъ, взамѣнъ того были обложены дополнительнымъ сборомъ въ 40 копеекъ. Тяглые городскіе обыватели, которыхъ насчитывалось всего 169.000 человѣкъ, обязаны были платить 1 р. 20 коп. Такъ какъ русскій рубль временъ Петра равнялся девяти нынѣшнимъ, то налогъ въ 74 коп. будетъ равняться на наши деньги 6 руб. 66 коп. Подушная подать послѣднихъ лѣтъ своего существованія достигала 2 руб. нынѣшнихъ съ души; слѣдовательно введенный Петромъ налогъ превышалъ втрое налогъ послѣднихъ лѣтъ существованія подушной подати. Новый окладъ подушной (и оброчной) подати съ огромнымъ излишкомъ замѣнилъ всѣ старые оклады прямыхъ податей,—говоритъ П. Н. Милюковъ. Всѣ они вмѣстѣ составляли около

1,8 милліона рублей, тогда какъ подушная (и оброчная) подать давала 4,6 милліона; слѣдовательно, съ введеніемъ подушной подати, эта статья бюджета увеличивалась на 2,8 милліона.

По табели государственнаго приходо-расхода 1724 года русское государство получало доходу 8.654 727 руб. Ростъ этотъ былъ достигнутъ во многомъ благодаря введенію подушнаго обложенія. Подушная подать составляла 53% всего смѣтнаго дохода: 4.614.637 р.; остальныхъ доходовъ собрано было, слѣдовательно, 4.040.090 р., изъ нихъ кабацкіе сборы дали 1.354.717 р., соляные—606.884 р., таможенные — 1.354.717 р. Изъ этой суммы на содержаніе арміи и флота по бюджету 1725 г. уходило почти шесть милліоновъ (5 974.084 р.); на общественныя постройки—662.118 р., на дворцовые расходы —332.553 рубля; расходы иностранной коллегіи составляли 580.519 руб.; содержаніе центральныхъ учрежденій стоило 1.311.286 руб. При оцѣнкѣ этихъ цифръ необходимо имѣть въ виду постепенное паденіе рыночной стоимости рубля. Рубль конца XVII вѣка равнялся 17-ти нынѣшнимъ, а рубль первыхъ десятилѣтій XVIII в.—только 9-ти. Поэтому доходъ 1724 г., равный 8.654.727 руб., въ рубляхъ до 1700 г. будетъ равенъ всего 4.514.061 руб., а въ рубляхъ нашего времени бюджетъ 1680 г. равенъ 24.887.609 р., 1701 г.—50.247.905 р. и 1724 г.—76.739.040 р. Государственные доходы за 45 лѣтъ, съ 1680-го по 1724 г., дали увеличеніе около 208%, но и расходы росли неудержимо. Расходъ 1680 г. равнялся 1.370.000 р.; въ 1701 г. онъ почти удваивается, доходя до 2.508.000 р., а въ 1724 г. равенъ 6.243.000 р.

Все это было бы хорошо, если бы эти суммы дѣйствительно полностью собирались. Этого не было, и въ финансовомъ хозяйствѣ Петра продолжалъ царить громадный недоборъ, достигавшій въ 1724 г. четверти всего оклада. Подушной подати предполагалось собрать по смѣтѣ 4.614.638 руб., а поступило 3.215.982 руб., т.-е. на 1.398.656 руб. меньше, что составляло 33% недоимки въ окладной суммѣ; косвенныхъ налоговъ—промысловыхъ сборовъ, оброковъ, откуповъ, пошлинъ—предполагалось собрать 2.628.747 р., а собрали всего 1.925.949 руб., т.-е. опять болѣе четверти предположеннаго сбора не поступило совсѣмъ. Эти недоборы отражались крайне неблагопріятно на хозяйствѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ въ государствѣ. Военная коллегія недополучила за 1724 г. 704 тысячи слишкомъ рублей, тогда какъ весь бюджетъ ея составлялъ 1.898.965 руб.; въ прежніе годы она тоже постоянно недополучала нужныхъ ей суммъ, при чемъ эта недополучка въ 1723 г., напримѣръ, равнялась 1.309.786 руб., т.-е. превышала 69% оклада. Поэтому задерживалось и подолгу не выдавалось жалованье войску, ухудшалось снабженіе арміи, и военная коллегія доложила въ 1725 году царю, что если такъ будетъ продолжаться, то армія можетъ прійти „въ вящшую неисправность и совершенное разореніе“. Въ 1722 г. едва не вспыхнулъ въ С.-Петербургѣ бунтъ матросовъ, которымъ не было уплачено жалованіе: случай помогъ

захватить организаторовъ возмущенія, собиравшихъ недовольныхъ итти грабить частные и казенные дома.

Причиной такого положенія государственныхъ финансовъ было, конечно, глубокое истощеніе платежныхъ силъ населенія. Это истощеніе усиливалось благодаря цѣлому ряду неурожайныхъ годовъ, какими были послѣдніе годы царствованія Петра. Въ запискѣ, составленной послѣ смерти Петра для новаго правительства, генералъ-прокуроръ Ягужинскій говорилъ, что „уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой, и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость... Въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпятъ голодъ и большая часть можетъ быть такихъ, что къ пропитанію своему впредь никакой надежды не имѣютъ и великое уже число является умершихъ не отъ чего иного, токмо отъ голоду... и множество бѣгутъ за рубежъ польскій и въ башкиры, чему и заставы не помогаютъ“... Комиссары отъ земли и земскіе комиссары мѣстами ничего не могли собрать съ обнищалаго и голодавшаго крестьянства и слали въ Петербургъ отчаянныя донесенія, однообразно отовсюду гласившія, что „за всеконечною скудостью и нищетою (крестьянъ) собрать ничего въ срокъ не могли“, „подушныхъ денегъ по окладамъ собрать сполна никоторымъ образомъ невозможно за всеконечною крестьянскою скудостью“.

Причиной обѣднѣнія населенія и плохого состоянія его хозяйства является и неуклонный ростъ и увеличеніе самаго податного бремени. За время съ 1680 г. по 1725 г. сумма получаемыхъ государствомъ съ населенія сборовъ болѣе чѣмъ утроилась, и это увеличеніе было достигнуто въ значительной мѣрѣ внѣ параллели съ развитіемъ народнаго хозяйства, основывалось не столько на обогащеніи населенія, сколько на доведеніи до крайности размѣровъ самаго сбора, при очень малой оглядкѣ на платежныя способности народа, хотя надо сказать, что для подъема народнаго благосостоянія въ тяжкихъ условіяхъ военнаго времени было сдѣлано очень много; но насущныя нужды были столь велики, что для даннаго момента ростъ производительныхъ силъ страны мало облегчалъ плательщиковъ, и подушная подать, общее вздорожаніе, тягости другихъ сборовъ не давали плательщику оправиться. Онъ больше зарабатывалъ, но съ него и больше брали. Въ такихъ условіяхъ введеніе подушной подати не только не создало никакого облегченія плательщикамъ, а напротивъ, легло на нихъ большей тягостью, чѣмъ прежніе сборы. Осенью 1725 г. сенатъ находилъ, что подушная подать, отъ которой ожидалось облегченіе податного ярма, оказалась въ дѣйствительности тяжелѣе прежнихъ налоговъ, и что „крестьяне ее никоимъ образомъ понести не могутъ“. Въ 1726 г. Верховный Тайный Совѣтъ находилъ подушную подать „несравнительной“ по ея тягости съ размѣромъ хотя бы подворной подати, со всѣми къ ней привходящими сборами вмѣстѣ, и очень

опасался, какъ бы крестьянство не пришло отъ нея въ „непоправимое бѣдство". Въ народѣ слышалось рѣзкое и угрожающее осужденіе подушной подати. „Вотъ говорятъ, что царь нашъ мудръ,—говорилъ одинъ священникъ,—а что его мудрость? Затѣялъ подушную подать себѣ на безголовье, всему народу на изнуренье"...

Подушная подать способствовала увеличенію доходовъ государства втрое сравнительно съ доходомъ отъ прежняго сбора. Если даже принять въ расчетъ, что въ число плательщиковъ подушной подати попали и тѣ, которые прежнихъ сборовъ не платили, все равно, общее увеличеніе дохода говоритъ, что увеличились размѣры сбора съ каждаго отдѣльнаго плательщика. Тяжесть подушной подати увеличилась еще тѣмъ, что не были отмѣнены всѣ другія повинности, какъ обѣщалъ это сдѣлать указъ 1718 г. Главной же причиной тягости подушной подати было то, что она никогда не была податью, взимаемой, такъ сказать, съ живой души. Душа здѣсь была счетная—умершіе не выключались изъ податныхъ списковъ, новорожденные не включались. На дѣлѣ каждому взрослому работнику, попавшему въ ревизскія сказки, приходилось вслѣдствіе этого платить не 70 или 74 тогдашнихъ копейки, а раза въ полтора, иногда въ два больше. Количество плательщиковъ къ тому же въ эти годы петровскаго царствованія не увеличивалось, а уменьшалось, благодаря бѣгству тяглецовъ, мору отъ недородовъ; доли бѣглыхъ и умершихъ плательщиковъ ложились на живыхъ и тѣмъ увеличивали ихъ тяготу. Подушная подать, такимъ образомъ, не достигала тѣхъ цѣлей, которыя лежали въ ея основѣ,—она не уравнивала платежей и вела къ дальнѣйшему отягощенію народа.

Все это выяснилось уже новому правительству, и оно пошло на одну маленькую мѣру, именно на уменьшеніе размѣра подушной подати, понизивъ ее съ 74 коп. до 70 коп., и много времени за свое недолгое существованіе тратило на разсужденія объ облегченіи податного тягла для населенія, проектируя для этого и уменьшеніе арміи, и пересмотръ ревизскихъ сказокъ, и переводъ солдатъ съ постоевъ въ деревняхъ на постой въ города, и уплату части подати натурой—хлѣбомъ и скотомъ, и сокращеніе всякаго начальства въ провинціи, военнаго прежде всего. Двѣ мѣры—переводъ войскъ въ города и уменьшеніе провинціальнаго начальства—были, дѣйствительно, исполнены и нѣкоторую долю облегченія въ тяжелое положеніе плательщиковъ внесли. Но это было, конечно, незначительное облегченіе. Работать надо было бы совсѣмъ въ другомъ направленіи—въ сторону подъема народнаго благосостоянія, но этому мало благопріятствовали политически-тяжелые года, наступившіе послѣ смерти Петра.

Со времени учрежденія коллегій во главѣ финансоваго вѣдомства должны были стать камеръ-коллегія и штатсъ-конторъ-коллегія. По регламенту штатсъ-конторы на нее возлагался надзоръ за всѣми государственными расходами; въ этой коллегіи должны были составляться штаты государственныхъ расходовъ по такимъ отдѣламъ: 1) дворъ; 2) кабинетная сумма (личная госуда-

рева), расходъ которой „никому вѣдать не надлежитъ"; 3) штатъ коллегій; 4) штатъ всѣхъ высшихъ и нижнихъ судовъ; 5) гвардія и пѣхота; 6) кавалерія; 7) артиллерія; 8) фортификація (крѣпости); 9) генералитетъ; 10) адмиралтейство; 11) губернское или провинціальное управленіе; 12) церковь, просвѣщеніе, благотворительность; 13) общественныя постройки; 14) медицина; 15) дипломатія. Составивъ по этимъ отдѣламъ смѣту, штатсъ-контора вычисляетъ, сколько придется расхода по всѣмъ отдѣламъ на каждую провинцію, и сравниваетъ этотъ расходъ съ доходами провинціи, отмѣчая при этомъ, сколько останется или сколько не хватитъ. Недостатокъ сбора въ одной провинціи штатсъ-контора покрывала излишкомъ изъ другой. Всѣ излишки противъ смѣты изъ провинцій должны были присылаться въ С.-Петербургъ, въ главную казенную палату. Изъ наличности этой центральной кассы штатсъ-контора ассигнуетъ деньги на тѣ нужды двора, сената, коллегіи и другихъ главныхъ учрежденій, которыя „въ государственной окладной книгѣ обрѣтаются"; если же возникаютъ расходы непредусмотрѣнные, то деньги на нихъ казна можетъ выдать только по именному указу государя или по сенатскому указу. Краткая выписка всего дохода и расхода въ двухъ столбцахъ на одномъ листѣ представляется государю. Утвержденные по этой выпискѣ государемъ штаты въ январѣ разсылаются губернаторамъ и воеводамъ, которые и расходуютъ изъ собираемыхъ суммъ столько и въ томъ порядкѣ, какъ сказано въ росписи, и то только изъ окладныхъ доходовъ; изъ неокладныхъ доходовъ они имѣютъ право брать деньги, если того „случающая нужда требуетъ". Штатсъ-контора составляетъ росписи расходовъ на всѣ провинціи въ государствѣ; воеводы и губернаторы по указанію, данному штатсъ-конторой, расписываютъ расходы каждый своей провинціи, этимъ ихъ дѣло и кончается; самый доходъ собираютъ уже особые чиновники—камерипы, которые находятся въ вѣдѣніи камеръ-коллегіи такъ же, какъ и казначеи—рентмейстеры, которымъ камерипы сдаютъ на храненіе собранныя деньги въ подвѣдомственныя имъ рентереи—казначейства.

Обязанность камеръ-коллегіи состоитъ въ томъ, чтобы „надзирать и управлять надъ окладными и неокладными приходы". Камеръ-коллегія собираетъ свѣдѣнія относительно общаго состоянія государственнаго хозяйства, пересматриваетъ оклады податей и т. п. Камеръ-коллегія дѣлится на „три экономственныя конторы, изъ которыхъ каждая третью долю губерній и провинцій государства, съ приходящими оттуда книгами и счетами, такожъ и всѣ отправленія вѣдаетъ". Затѣмъ въ вѣдѣніи камеръ-коллегіи состоитъ „гражданская счетная контора", занимающаяся всѣми дѣлами относительно гражданскихъ штатовъ. Значеніе „пошлинной и акцизной конторы", подчиненной тоже камеръ-коллегіи, ясно изъ самаго названія ея. Камеръ-коллегіи подвѣдомственны затѣмъ инспекторъ камеръ-архивы, директоръ и инспекторъ надъ межевщиками, комиссаръ подрядныхъ дѣлъ и провіантмейстеръ. Камеръ-

коллегія находится въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи со штатсъ-конторъ-коллегіей, откуда получаетъ штаты расходовъ, извѣщенія о промедленіи въ поступленіи сборовъ, о затрудненіяхъ въ покрытіи тѣхъ или иныхъ расходовъ и т. п.

Къ числу финансовыхъ коллегій принадлежала скоро, впрочемъ, упраздненная ревизіонъ-коллегія и частью мануфактуръ- и коммерцъ-коллегіи, которыя сносились съ камеръ-коллегіей относительно обложенія пошлиною товаровъ, устройства таможенъ и т. п.

Обозначенное въ довольно-таки общихъ чертахъ устройство высшаго финансоваго управленія на практикѣ оставляло желать очень многаго, и уже тогда многіе говорили, что отягченіе населенія зависитъ не только отъ размѣровъ податей, но и отъ дурного финансоваго устройства. „Общая инструкція камеръ-коллегіи,—жалуется одинъ современникъ,—не даетъ надлежащаго представленія о камерныхъ дѣлахъ, объ ихъ различіи по качеству, природѣ, свойству; она не указываетъ никакого метода, въ какомъ порядкѣ и какимъ образомъ приниматься за нихъ, трактовать, регулировать, выполнять ихъ, за что браться прежде, за что позже, за что одновременно, за что врознь; въ ней нѣтъ никакихъ указаній о надлежащемъ канцелярскомъ порядкѣ, которому должны слѣдовать въ отправленіи своей должности камерные чиновники отъ высшаго до низшаго; однимъ словомъ, ничего, что должна заключать въ себѣ всякая инструкція, въ ней нѣтъ; нѣкоторые отдѣлы химеричны, и все такъ перепутано, что ни одинъ пунктъ не стоитъ на своемъ естественномъ мѣстѣ“... Дошло, наконецъ, до того, что дѣла, спеціально относящіяся къ камерѣ и къ ея вѣдомству, были переданы въ непосредственное завѣдываніе различныхъ другихъ коллегій, а отъ камеры отняты, такъ что теперь камеръ-коллегія стала спеціальнымъ учрежденіемъ для нѣкоторыхъ только доходовъ и податей; въ то же время подушная подать находится въ вѣдомствѣ военной коллегіи; монета и горное дѣло—въ бергъ-коллегіи; морскія пошлины и нѣкоторые важные доходы съ государственныхъ имуществъ у коммерцъ-коллегіи; гербовая бумага—у мануфактуръ-коллегіи, и многіе другіе доходы—у другихъ коллегій и инстанцій. Благодаря всему этому хаосу, коллегія не знаетъ точнаго количества и названія государственныхъ доходовъ; отчетности нѣтъ никакой; за пять лѣтъ не было закончено ни одного счета, тогда какъ это одна изъ самыхъ существенныхъ потребностей камеръ-коллегіи. Слѣдствіемъ всего является значительная утайка государственныхъ податей разными крупными и мелкими чинами. Не дѣлая своего прямого дѣла, камеръ-коллегія, тѣмъ не менѣе, занята обширнѣйшей перепиской“. „При теперешнемъ устройствѣ коллегіи,—говоритъ Фикъ,—коллегія почти ничего не можетъ дѣлать, какъ выполнять многочисленныя входящія распоряженія и класть резолюціи на множество рапортовъ, доношеній и челобитныхъ. А о томъ, какъ улучшить разоренное хозяйство и финансы страны и поднять благосостояніе подданныхъ, коллегіи совсѣмъ некогда думать“.

Такое же безотрадное зрѣлище давало и устройство низовъ финансоваго управленія. Здѣсь царилъ и властвовалъ земскій комиссаръ, подъ команду которому отданъ былъ обыватель. Земскій комиссаръ долженъ былъ подъ страхомъ жестокихъ взысканій собирать всѣ подати, не имѣя средствъ ни на разъѣзды, ни на содержаніе себѣ помощниковъ. Конечно, онъ долженъ былъ „брать" на все это средства съ населенія, и потому произвола и насилія въ финансовыхъ дѣйствіяхъ земскихъ комиссаровъ петровскихъ временъ было достаточно. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Петра, П. И. Ягужинскій, характеризуя въ одномъ своемъ докладѣ уже послѣ смерти Петра финансовое хозяйство, указывалъ на тотъ хаосъ, который царилъ здѣсь: „Большая часть доходовъ собирается неправильно и не въ надлежащее время,—писалъ онъ:— плательщики по большей части не знаютъ, что и сколько должны платить, и не получаютъ надлежащихъ квитанцій"; окладныя книги недостаточны для контроля; въ сборахъ, взимаемыхъ безъ оклада, нѣтъ вовсе никакого контроля; „такимъ образомъ бѣдные подданные предоставлены произволу сборщиковъ и вынуждены часто платить одинъ и тотъ же налогъ нѣсколько разъ, или въ большемъ количествѣ, чѣмъ положено; отсюда происходитъ великое разореніе для плательщиковъ, а казна ничего не выигрываетъ, такъ какъ эти лишки дѣлаются добычей частныхъ лицъ". Благодаря отсутствію отчетности, казна „не получаетъ того, что ей слѣдуетъ; нетрудно доказать относительно нѣкоторыхъ доходовъ, что въ кассу не попадаетъ и третьей части сбора, хотя подданные уплачиваютъ его полностью или даже съ излишкомъ".

Основной мыслью введенія подушной подати было поставить каждаго работника-плательщика лицомъ къ лицу съ казной. Для этого надо было бы каждый годъ провѣрять не только наличное число плательщиковъ, но и всѣ перемѣны въ ихъ хозяйственной жизни—пожары, падежи скота, градобитія, неурожаи; все это, понижая хозяйственную мощь населенія, должно было бы вліять на самый сборъ платежей; правительство, руководствуясь собранными имъ данными, должно было бы разсрочивать и отсрочивать платежи, помогая такимъ образомъ плательщикамъ стать на ноги и окрѣпнуть. Такъ это дѣлалось очень тщательно въ Швеціи и даже частью во Франціи тѣхъ временъ. Но русское правительство оказывалось бѣднымъ и людьми и деньгами, чтобы продѣлывать все это. Русскія переписи длились необычайно долго—работа, начатая въ 1717 году, еле закончилась въ 1728-мъ. Самое устройство основной переписи 1710 г. было таково, что ее потребовалось ревизовать, и ревизія, произведенная съ большой жестокостью, открыла около 2 милліоновъ утаенныхъ и утаившихся плательщиковъ. Пока совершалась перепись, новыя души рождались, старыя успѣвали умереть, бѣдные разбогатѣть, нищіе обогатиться,— и все это, оказывается, было внѣ предѣловъ досягаемости русскаго правительства петровскихъ временъ: оно никогда не знало точной цифры своихъ плательщиковъ; цифра эта, невѣрная ужъ въ са-

мый моментъ своего полученія, становилась все болѣе и болѣе далекой отъ истины по мѣрѣ того, какъ уходило время и все далѣе и далѣе отодвигался назадъ годъ переписи. Въ теченіе XVIII вѣка было произведено всего *пять* переписей или ревизій, т.-е. въ каждыя двадцать лѣтъ одна!

Въ результатѣ, количество податныхъ душъ стало очень разниться отъ наличнаго числа душъ платящаго подати населенія, и въ крестьянской средѣ разверстка платежей продолжалась постарому,—дѣлили количество всей земли на число податныхъ душъ, обозначенныхъ въ ревизскихъ сказкахъ, и ужъ эти податныя души разверстывали межъ живыми душами, и тутъ, если населеніе данной мѣстности удвоивалось, каждому работнику приходилось платить, такъ сказать, всего полдуши, а если населеніе уменьшалось вдвое, то работникъ платилъ за двѣ души и болѣе; отсюда при счетѣ стали появляться странныя выраженія: осьмуха души, душа съ четвертью и т. д.

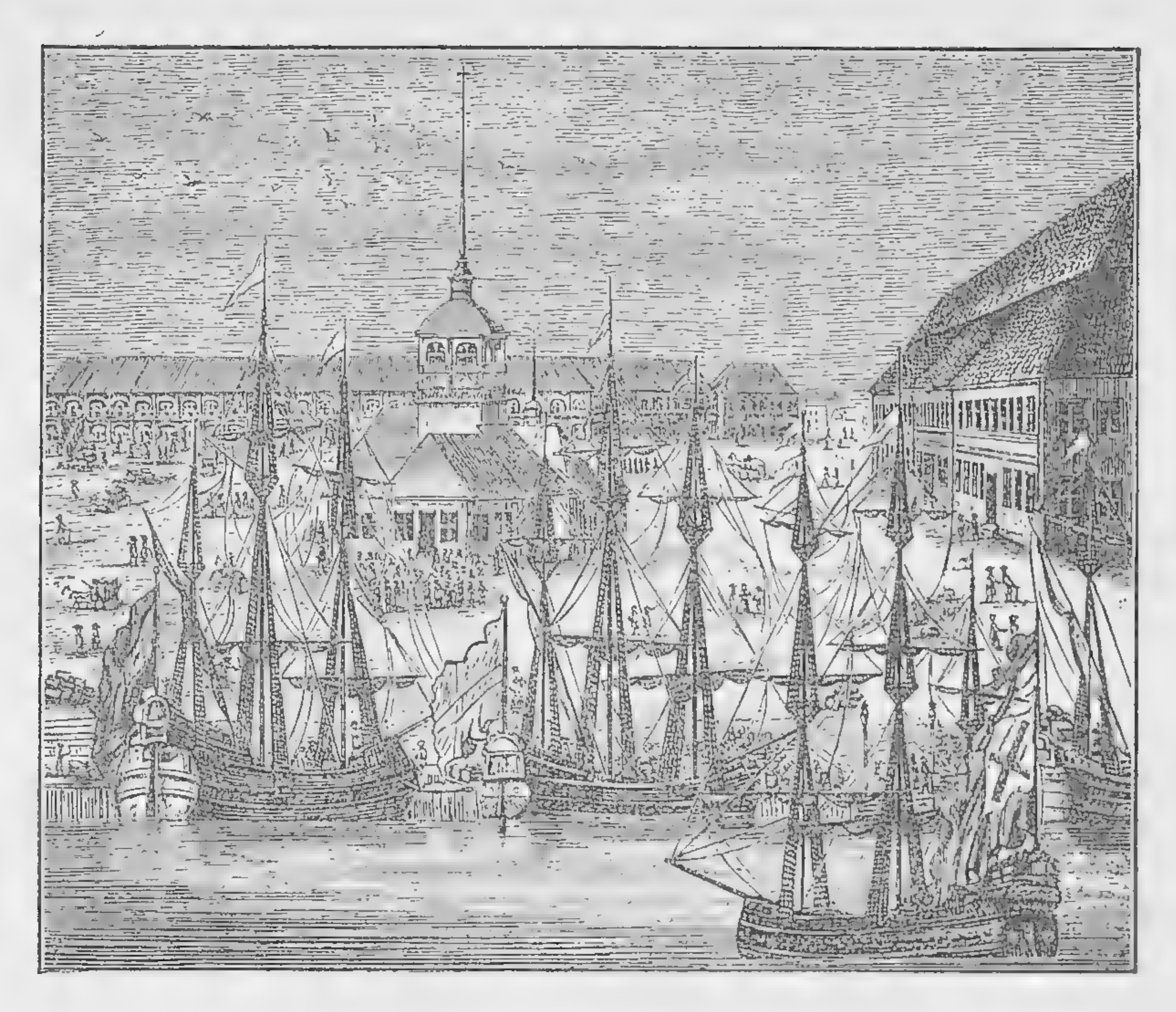
Не внеся, въ смыслѣ какихъ-либо облегченій или упрощеній, много новшествъ въ народную жизнь, подушная подать создала только больше затрудненій и тягостей для податного населенія. Петръ направилъ ее всю для удовлетворенія военныхъ нуждъ—на содержаніе арміи, причемъ каждая мѣстность должна была содержать опредѣленный полкъ, который тутъ же былъ и поселенъ. Особый, выбранный дворянствомъ провинціи комиссаръ долженъ былъ собирать эту подать отдѣльно отъ другихъ сборовъ, подвѣдомственныхъ прежнимъ комиссарамъ, подчиненнымъ воеводамъ. Постепенно земскіе комиссары отмѣнялись, но еще въ 1727 году кое-гдѣ существовали рядомъ съ выборными комиссарами отъ земли, и можно себѣ представить, какая путаница происходила у этихъ двухъ чиновъ и у обывателей, которымъ оба чина приходились очень не сладко. „Нынѣ надъ крестьянами развѣ десять или и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, называтися могутъ,—читаемъ въ одномъ документѣ 1727 года.—Всѣ тѣ разные правители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; и всѣ тѣ управители и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители жить и пропитанія своего хотятъ“.

Новый порядокъ, оказываясь созданнымъ, вмѣсто облегченія народа, только „къ великой тягости народной“, вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ и „великое отягощеніе стата“. Несомнѣнно, предстояла ломка его или новое переустройство. Это чувствовали наблюдательные иностранцы. „Умри этотъ государь,—говорилъ про Петра прусскій посланникъ Мардефельдъ,—большинство русскихъ всѣмъ пожертвуютъ, даже своей жизнью, лишь бы вернуться къ своему прежнему порядку управленія и бросить нововведенныя учрежденія царя, которыя поддерживаются только его строгостью и страхомъ его подданныхъ“. Французъ Кампредонъ увѣрялъ въ 1721 г., что

учрежденія, созданныя царемъ, не переживутъ его. Да и самъ Петръ въ горькую минуту раздумья сказалъ своему другу, генералъ-адмиралу Апраксину, что хотя онъ и хвалитъ всегда его дѣйствія, „но я все же читаю въ твоемъ сердцѣ, что умри я прежде тебя, и ты одинъ изъ первыхъ осудишь все, что я сдѣлалъ“.

Петру не пришлось приложить къ новому переустройству свою руку—онъ умеръ среди думъ объ этомъ, а его сотрудники, правившіе вмѣсто его наслѣдницы, не нашли другого исхода, какъ начать переустройство и администраціи и финансовъ въ сторону упрощенія, отодвигая „къ прежнимъ заобыкностямъ“ многое изъ того, что сдѣлалъ Петръ, т.-е. отходя назадъ къ московскимъ порядкамъ сосредоточенія многихъ дѣлъ въ немногихъ рукахъ; тогда и финансовое управленіе провинціи попало въ руки воеводъ, какъ и судъ. Въ рукахъ воеводъ все и оставалось до реформы, произведенной императрицей Екатериной II.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго; *Его же* Очерки по исторіи русской культуры, вып. I; *В. О. Ключевскій*, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи; *Его же*, Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему; *Его же*, Курсъ русской исторіи, ч. IV; *М. М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *М. В. Клочковъ*, Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени, т. I; *А. Кранихфельдъ*, Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра Великаго; *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго; *И. Т. Посошковъ*, Книга о скудости и о богатствѣ, и др. соч.

Гостиный дворъ въ С.-Петербургѣ. Съ гравюры 1716 г.

Промышленность и торговля при Петрѣ Великомъ.

Торгово-промышленная жизнь Московскаго государства не отличалась ни особой живостью, ни многообразіемъ предметовъ своего оборота и производства. Она вся еще сосредоточивалась на разработкѣ зоологическихъ богатствъ края, лѣса и, конечно, на обработкѣ земли, а по устройству и пріемамъ едва только къ срединѣ XVII в. начинаетъ выходить изъ обстановки такъ называемаго натуральнаго хозяйства, которое свои несложные продукты производитъ для самого себя и само ихъ потребляетъ.

Вся страна обходилась собственнымъ производствомъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ пользовалась издѣліями сосѣдей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовали промыслы, которыми занимались не отдѣльныя лица, а цѣлыя деревни, но каждый такой производитель самъ вѣдался съ покупщикомъ и самъ его для себя только искалъ. Занятіе промышленностью носило, такимъ образомъ, въ древней Руси вполнѣ домашній характеръ. Всякая семья—и городская и деревенская—сама для себя ткала холстъ изъ собственнаго льна, сама дѣлала свою домашнюю утварь изъ „Божьяго“ лѣса, мастерила даже разныя желѣзныя орудія въ домашней кузнѣ и покупала на рынкѣ очень немногое, и то только тогда, когда не могла обойтись своими средствами.

Въ такомъ видѣ домашняя промышленность существовала всюду: и у насъ и на Западѣ именно съ такого состоянія разработки природныхъ благъ начиналось промышленное развитіе. И у насъ, какъ гораздо раньше въ Европѣ, домашняя промышленность начинаетъ постепенно работать не только для себя, для своего дома, но и для сбыта на сторону, избирая предметомъ обработки тѣ дары природы, которыми оказывалась богата та мѣстность, гдѣ живутъ промышленники. У насъ, въ Россіи, давно обозначились такія сосредоточенія отдѣльныхъ промысловъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ. На сѣверѣ русской равнины, богатомъ отъ вѣка нетронутыми лѣсами, сосредоточились лѣсные промыслы—смолокуреніе, выгонка дегтя, выварка поташа, приготовленіе вара, рогожъ, щепного товара, всякой рѣзьбы по дереву и изъ дерева. Поюжнѣе, отъ Вологды по направленію къ Ярославлю, гдѣ хорошо растетъ ленъ и конопля, развилось маслобойное дѣло, выработка пеньки и издѣлій изъ нея и производство льняного полотна. Ближе къ Москвѣ и къ югу отъ нея занимались много скотоводствомъ и промыслами, связанными съ нимъ—здѣсь была развита выдѣлка кожъ, добыча шерсти, сала, убойнаго мяса, выдѣлка домотканнаго сукна, сермяги и т. п.

Но судьба этихъ начатковъ промышленности у насъ была иная, чѣмъ на Западѣ. Въ Европѣ быстрый ростъ промышленной жизни, быстрое развитіе техники, путей сообщенія, бо̀льшая скученность населенія скоро привели съ собой расширеніе размѣровъ производствъ, увеличеніе затратъ на матеріалъ и орудія. Большія траты могли дѣлать только тѣ, кто имѣлъ средства, капиталъ. Такіе капиталисты выросли изъ скупщиковъ продуктовъ домашняго производства: вѣдь не всякій промышленникъ могъ самъ, безъ посредства скупщика, сбыть плоды своихъ трудовъ, у маленькаго работника не было времени на это, а скупщикъ все свое время посвящалъ розыску покупателей, постоянно разъѣзжая по всей странѣ и разузнавая, гдѣ на что есть спросъ. Создавъ обширный кругъ знакомствъ и пріобрѣтя знаніе самаго рынка, скупщикъ становится крупнымъ оптовымъ заказчикомъ, заранѣе скупаетъ у мелкихъ промышленниковъ все, что они наработаютъ, и такъ какъ въ его интересахъ получить заказъ во-время и лучшаго качества, скупщикъ не стѣсняется въ средствахъ помощи мелкому промышленнику, покупаетъ ему орудія, матеріалъ, расширяетъ помѣщенія, все, разумѣется, въ долгъ, въ счетъ платы за ту работу, которую мелкій промышленникъ долженъ сдѣлать. Такимъ путемъ независимый мелкій промышленникъ понемногу становится зависимымъ отъ скупщика-капиталиста, работаетъ на него, какъ его рабочій. Капиталисту надо теперь только построить обширное помѣщеніе, снабдить его орудіями, нужными для даннаго производства, машинами, и предложить зависящимъ отъ него промышленникамъ, работающимъ на него, работать и у него. Одновременно съ этимъ владѣльцы такихъ предпріятій начинаютъ нанимать работниковъ, т.-е. приглашаютъ от-

дѣльныхъ лицъ за извѣстную плату работать опредѣленное время; такія большія предпріятія начинаютъ называть мануфактурами, фабриками, заводами. Такъ естественно создалась въ Европѣ фабрика.

У насъ путь ея развитія былъ иной, потому что иными были и естественныя и политическія условія, въ которыхъ пришлось развиваться нашей промышленности. Естественныя условія жизни на русской равнинѣ опредѣляются прежде всего ея обширностью, причемъ на огромномъ пространствѣ живетъ мало народу: въ концѣ XVII в. на квадратную версту пространства Россіи не приходилось и четырехъ человѣкъ (3,7), а всего населенія насчитывалось около 13 милліоновъ, тогда какъ на квадратной верстѣ можетъ прожить до ста и болѣе человѣкъ. Самымъ нагляднымъ признакомъ развитія хозяйственной жизни страны считается сосредоточеніе ея населенія въ городахъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности населенія, чѣмъ болѣе у него средствъ на покупку всего того, что ему нужно, тѣмъ многочисленнѣе и тѣ, кто производитъ разный нужный товаръ, и тѣ, кто распространяетъ его, т.-е. тѣмъ больше въ странѣ промышленниковъ и купцовъ, которымъ всегда выгоднѣе и нужнѣе жить въ городахъ, потому что здѣсь и рынокъ и люди, легче видѣть, что нужно на рынкѣ, да и безопаснѣе идетъ жизнь за крѣпкой городской стѣной. Во Франціи, Германіи, Англіи болѣе половины всего населенія живетъ въ городахъ, находя себѣ тамъ заработокъ и выгоду, потому эти страны работаютъ не только на свою потребу, но и снабжаютъ плодомъ своихъ трудовъ весь міръ. Въ Россіи конца XIX вѣка (1897 г.) въ городахъ жило всего 13%, а во времена Петра Великаго городское населеніе составляло лишь 3% общаго количества населенія государства.

Такой малый процентъ городского населенія показываетъ, что русскій городъ былъ очень слабымъ средоточіемъ торгово-промышленной дѣятельности страны. За очень немногими исключеніями, русскій городъ и возникалъ вовсе не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ народа, занятаго промыслами и торговлей. Промыслы и торговля московской Россіи обходились и безъ города, потому что сливались съ земледѣліемъ. Городъ у насъ возникъ совсѣмъ инымъ путемъ—онъ выросталъ, какъ крѣпость, на что показываетъ и самое слово „городъ"—отъ городить, укрѣплять. И въ обиходной рѣчи до самаго XVIII в., да и позднѣе, подъ словомъ „городъ" всегда разумѣли укрѣпленный, окруженный стѣной центръ города. Въ Москвѣ до сихъ поръ выраженіе „отправиться въ городъ" значитъ пойти за Китай-городскую стѣну, гдѣ сосредоточена теперь торговая жизнь Москвы.

Настоящее, по понятіямъ нашего времени, городское населеніе селилось тогда внѣ „города", на „посадѣ", почему и называлось „посадскими людьми". Посадъ выстраивался около города и обыкновенно возникалъ послѣ него, а еще позже появлялись вокругъ посада отдѣльныя поселенія—слободы, сливавшіяся постепенно въ третье кольцо, обнимавшее „городъ"; въ слободахъ со-

средоточивались мелкіе ремесленники и торговцы, а также селились стрѣльцы, пушкари и прочіе принадлежащіе къ крѣпости люди со своими семьями. Такимъ образомъ русскій городъ московскихъ временъ -прежде всего крѣпость и средоточіе управленія. Потому и военныхъ людей и разныхъ нужныхъ крѣпости мастеровъ въ немъ больше, чѣмъ посадскихъ, и чѣмъ ближе городъ къ границѣ, тѣмъ воинскихъ людей въ немъ больше. Такъ, въ Бѣлевѣ около середины XVII в. число посадскихъ составляетъ 65% всего населенія, въ Курскѣ—уже 43%, а въ 24 городахъ крайняго юга Московскаго государства - на бѣлгородской чертѣ—посадскіе люди имѣются только въ пяти, да и то по два или по шести на сотню всѣхъ обитателей крѣпости. Сама Москва не составляла исключенія, несмотря на ея значеніе центра страны и обширное ея пространство, которое пріѣзжимъ англичанамъ казалось не меньшимъ, нежели то, которое занималъ тогда Лондонъ. Дѣло въ томъ, что Москва все же была въ значительной мѣрѣ царской усадьбой, и множество ея обитателей были такъ или иначе приписаны къ дворцу, къ работѣ на него. Изъ 16.000 дворовъ, считавшихся въ Москвѣ къ началу XVIII вѣка, посадскіе и ремесленники занимали всего 7.000, т.-е. меньше половины, остальные принадлежали духовенству—1.500 дворовъ, и 7.500 дворовъ составляли собственность служилыхъ людей разныхъ чиновъ. Городское населеніе московскихъ временъ дѣлилось на два разряда—людей торговыхъ и людей пашенныхъ. Пашенные люди города были совершенными крестьянами, да и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Русскій городъ былъ тогда просто большая деревня, обитатели которой, кромѣ земледѣлія, занимаются еще кое-какими промыслами и торговлей.

Московское государство несло тяжелую военную нужду, защищая свои границы отъ окружавшихъ его враговъ и стремясь найти свои естественныя границы съ выходомъ къ морю, для чего надо было раздвинуть свои предѣлы и потѣснить тѣхъ, кто залегъ на пути къ морю. Постоянная война создавала для государства постоянную нужду въ деньгахъ, а нужда въ деньгахъ заставляла неустанно работать мысль государственныхъ людей тѣхъ временъ на тему, какъ достать нужныя деньги. Додумывались при этомъ не только до увеличенія существовавшихъ налоговъ и взиманія „запросныхъ денегъ“, но и до заботъ о томъ, какъ бы поощреніемъ промышленности и торговли поднять благосостояніе торгово-промышленныхъ людей. Для нуждъ военнаго дѣла московскому правительству приходилось постоянно обращаться за границу за сукномъ, порохомъ, оружіемъ; естественно возникала мысль: а нельзя ли все это изготовлять у себя дома, своими людьми, тѣмъ болѣе, что сырого матеріала можно было найти сколько угодно. Такимъ образомъ въ Россіи *правительству* принадлежала мысль и почипъ устройства промышленныхъ предпріятій фабрично-заводскаго типа. Со времени Ивана Грознаго начинаются особенно уси-

ленныя заботы правительства о томъ, чтобы имѣть у себя подъ рукой техниковъ и знатоковъ всякаго дѣла. Во время войны въ Ливоніи царь Иванъ распорядился отправить въ Москву всѣхъ плѣнныхъ мастеровъ нѣмцевъ, „знающихъ добывать руду серебряную и опытныхъ въ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ, оловянномъ и всякомъ дѣлѣ". Разореніе смутнаго времени очень задержало и промышленное развитіе Россіи. Тѣмъ большаго напряженія достигло желаніе имѣть свою промышленность, когда послѣ смуты начался тотъ подъемъ государственнаго самоустройства, которымъ такъ рѣзко отмѣчена въ нашей исторіи первая половина XVII в. Опять начались тогда прерванныя смутой заботы правительства царя Ивана, а потомъ царя Бориса, о вызовѣ иностранцевъ, преимущественно знатоковъ инженернаго и горнаго дѣла. Государству нужны деньги, нужна, слѣдовательно, добыча благородныхъ металловъ, нужно оружіе и порохъ, нужно, слѣдовательно, желѣзное и селитреное производство. Расширяются и потребности самого населенія, есть спросъ на стекло, на ткани, какъ бархатъ, парча, шелковыя матеріи, тонкое полотно, сукно,—ничего этого нѣтъ своего, а привозное очень дорого.

Тула, служившая арсеналомъ и складомъ военныхъ припасовъ для всѣхъ городковъ-крѣпостей, защищавшихъ окраину Московскаго государства, издавна славилась выдѣлкой оружія. Но тульской выдѣлки не хватало, и русскому правительству приходилось выписывать оружіе изъ Швеціи. Въ 1632 году основанъ былъ голландцемъ Виніусомъ желѣзодѣлательный заводъ близъ Тулы, причемъ Виніусъ обязался поставлять въ казну все оружіе и пушки, прочіе же товары, какіе будетъ вырабатывать заводъ, онъ могъ продавать другимъ, кому было нужно. Тогда же возникли заводы въ Костромѣ, Смоленскѣ, Владимірѣ. Для добычи матеріаловъ, руды, были выписаны изъ Саксоніи горные инженеры-мастера, рудознатцы и рудокопы. Желѣзо давно уже добывалось въ Московскомъ государствѣ изъ глыбовой руды, находившейся около Дедилова, въ 30 верстахъ отъ Тулы, и въ Устюжнѣ-Желѣзнопольской изъ болотной руды. Въ 1630 году посылали за границу пріѣзжаго мастера Фимбранда, чтобы онъ нанялъ тамъ рабочихъ, знающихъ бархатное дѣло; въ Москвѣ открылось тогда же часовое и водовзводное заведеніе, мастерская выдѣлки лосиныхъ кожъ, два стеклянныхъ завода, нѣсколько пороховыхъ и бумажныхъ мельницъ; въ Муромѣ устроилось большое поташное производство, разрастались и совершенствовались селитреныя и соляныя варницы, возникали полотняныя и суконныя фабрики; на шелковыхъ фабрикахъ Москвы выдѣлывали штофъ, кушаки, ленты, вязали шнуры и кошельки изъ персидскаго шелка, который покупали въ Астрахани у армянскихъ купцовъ. При царѣ Алексѣѣ всѣ эти заводы, поощряемые правительственными заказами и частнымъ спросомъ, видимо, разрастались. Съ заводовъ не брали никакихъ податей и приписывали къ нимъ цѣлыя деревни, чтобы обезпечить ихъ рабочими и нѣкоторымъ количествомъ

денегъ на первые обороты. Иностранцы-хозяева заводовъ обязывались нанимать всякихъ людей „по добротѣ, а не въ неволю", тѣсноты и обидъ никому не чинить и промысловъ ни у кого никакихъ не отнимать, и если царское величество велитъ учить русскихъ людей дѣлу, то имъ, хозяевамъ, учить русскихъ людей всему и ремесла никакого отъ русскихъ людей не скрывать. Всѣ эти фабрики и заводы, за исключеніемъ развѣ тульскихъ заводовъ Виніуса и Марселиса, были очень невелики и едва ли достигали размѣровъ средней руки мастерской нашего времени. Это было еще только зерно, начало промышленности, больше интересные дѣловые опыты, устраиваемые правительствомъ, чѣмъ самое дѣло.

Надо признать, что зерно это падало въ очень неблагопріятную для своего роста почву. Разгромъ смутнаго времени, тяжелыя жертвы людьми и деньгами во время войны съ Польшей, насилія и поборы своихъ воеводъ и сильныхъ людей, отсутствіе скораго и праваго суда, полное бездорожье, развитіе разбойничества по дорогамъ, общее невѣжество, „отъ котораго,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—происходила мелкость взглядовъ, мелкость и безнравственность средствъ для полученія барышей",—все это имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что русскіе торговые люди были бѣдны, не предпріимчивы, предпочитали сидѣть дома и выколачивать гроши, оставляя втунѣ Божіе благословеніе, лежавшее въ землѣ, и не приступая къ его разработкѣ, потому что некуда было выработанный товаръ везти, кромѣ того дорогой можно было погибнуть и отъ разбойниковъ, и отъ невылазной грязи, и даже отъ голода; поэтому и предпочитали жить, сидя на мѣстѣ, „отбывая своихъ промыслишковъ". При тогдашней системѣ финансоваго хозяйства частному человѣку не очень и удобно было развивать свои промыслы: во-первыхъ, сейчасъ же лишній сборъ возьмутъ, а во-вторыхъ, не очень можно было развернуться въ выборѣ самаго предмета промысла, такъ какъ вѣчно нуждавшееся въ деньгахъ московское правительство старалось, чтобы скорѣе получать свои деньги, отдавать на откупъ все, что представлялось возможнымъ отдать. Около 1637 года въ Новгородской чети отданы были на откупъ: квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмель, сѣно, мыло, овесъ, деготь, извозчики, бани.

Такимъ образомъ финансовая политика Московскаго государства вся направлялась на одно: возможно усиленное добываніе средствъ съ населенія путемъ оброковъ, податей, налоговъ, и совсѣмъ мало заботилась о поднятіи благосостоянія торгово-промышленныхъ людей путемъ покровительства промысламъ, фабрикамъ, заводамъ, мастерскимъ; правительство, если устраивало ихъ, то исключительно съ цѣлью удешевленія разныхъ продуктовъ для себя, чтобы въ государевой казнѣ больше оставалось рублей. Тѣмъ не менѣе, отдѣльными проблесками являлась у государственныхъ людей Москвы половины XVII в. мысль, что государственное хозяйство должно быть направлено не на одно только усиленное до-

бываніе средствъ съ народа, но и на развитіе производительныхъ силъ страны, на покровительство и помощь тѣмъ людямъ, которые по своей волѣ и охотѣ возьмутся „промышлять разными промыслы“.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей временъ царя Алексѣя, его министръ иностранныхъ дѣлъ, А. Л. Ординъ-Нащокинъ, едва ли не первый въ Россіи обратилъ вниманіе на торговлю и промышленность, какъ на важные предметы государственнаго хозяйства. Во Псковѣ, гдѣ онъ былъ одно время воеводой, Ординъ-Нащокинъ провелъ, по обсужденіи съ торговыми людьми псковитянами, рядъ мѣръ, облегчавшихъ торговлю. Въ 1667 году ему удалось высказать свои мысли въ изданномъ при большомъ его участіи торговомъ уставѣ. „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ, — читаемъ въ уставѣ, — свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженіемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ“. Уставъ пробуетъ устроить и частью заключить въ опредѣленныя правила начала торговаго кредита, устанавливая, что люди недостаточные получаютъ помощь изъ московской таможни и изъ городовыхъ земскихъ избъ, требуетъ, чтобы лучшіе торговые люди берегли маломочныхъ торговыхъ людей, давая имъ возможность пристраиваться со своими товарами къ складамъ и караванамъ крупныхъ оптовиковъ. Торговый уставъ отмѣнилъ множество мелкихъ пошлинъ, переведя ихъ всѣ на одну рублевую. Въ торговомъ уставѣ проскальзываетъ уже знакомство тогдашнихъ русскихъ людей съ экономической мыслью современной имъ Европы и настоятельно рекомендуется поменьше вывозить изъ страны денегъ, для чего слѣдуетъ запрещать людямъ простымъ и нечиновнымъ, „чтобы они не бѣднѣли“, покупать у иноземцевъ дорогія сукна, шелкъ и узорочья, накладывая на эти вещи большія пошлины „безъ пощады“: „берегутъ того во всѣхъ государствахъ, — замѣчаетъ уставъ, — и отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ“. Во концѣ устава предлагается учредить особый приказъ для купцовъ: „для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей“.

Ординъ-Нащокинъ любилъ западъ съ его благоустройствомъ и всегда дѣйствовалъ „съ примѣру сторонныхъ чужихъ земель“, находя, что „доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ“. Съ Западомъ любознательному русскому человѣку половины XVII в. легко было познакомиться изъ разсказовъ иностранныхъ купцовъ, во множествѣ посѣщавшихъ Рос-

сію и основавшихся здѣсь на житье, отъ разныхъ иноземныхъ техниковъ, промышленниковъ, солдатъ и офицеровъ, которыхъ выписывало правительство. Съ иноземными купцами русскіе люди торговали очень давно; Псковъ и Новгородъ Великій поддерживали постоянную и близкую связь съ Западомъ; черезъ эти города, а также Нижній и Астрахань, иноземные купцы искали проѣзда въ Персію и даже Индію; изъ Венеціи и Генуи черезъ черноморскіе порты шли торговые караваны на Донъ, Волгу, къ Астрахани, въ Персію. Эти торговые пути были довольно оживленными до открытія болѣе скораго и дешеваго морского пути изъ Европы въ Индію. Къ этому же времени ослабѣло и значеніе Ганзы, такъ что въ XIV—XV вв., когда складывалось Московское государство, оно какъ бы выключилось изъ міровой торговли и являлось довольно-таки случайнымъ ея участникомъ, главнымъ образомъ чрезъ посредство Польши и Ливоніи.

Но вѣкъ великихъ морскихъ открытій, вызвавшій у европейскихъ народовъ, особенно у голландцевъ и англичанъ, лихорадочное стремленіе къ мореплаванію и открытію невѣдомыхъ странъ, включилъ въ итогъ своихъ блестящихъ успѣховъ и Россію. Россія, какъ рынокъ сбыта и покупокъ, была „открыта" случайно англичанами и тоже морскимъ путемъ При царѣ Иванѣ англійскіе корабли, подъ командой нѣкоего Виллоуби искавшіе пути въ Индію черезъ Ледовитый океанъ, попали въ заливъ Св. Николая на Бѣломъ морѣ и „открыли" устье Сѣверной Двины; отсюда англичане снарядили въ Москву посольство. Царь Иванъ ласково принялъ чужестранцевъ, очень заинтересовался установленіемъ правильныхъ торговыхъ сношеній съ Англіей и велѣлъ построить въ устьяхъ Двины городъ Архангельской. Этотъ городъ скоро превратился въ солидный по тому времени портъ, куда стали приходить корабли англійскіе, голландскіе, шведскіе, гамбургскіе и другихъ націй для сбыта своихъ, европейскихъ, по преимуществу мануфактурныхъ произведеній и для пріобрѣтенія русскаго сырья—лѣса, сала, смолы, дегтя, мѣховъ. Въ порту образовался спросъ на холстъ, веревки, канаты, и въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Бѣлому морю, стали усиленно развиваться соотвѣтствующіе промыслы. Въ концѣ XVII в. изъ округовъ Ярославля, Вологды и Каргополя вывозили за границу 165.000 арш. холста въ годъ. Въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ, при царѣ Иванѣ и его преемникахъ, царяхъ Ѳедорѣ и Борисѣ, возникли торговыя подворья англійскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ и любекскихъ купцовъ.

Правительство сначала очень поощряло иностранцевъ, освобождало ихъ отъ пошлинъ, устраивало имъ и другія льготы, но все это било по карману своихъ, и потому въ половинѣ XVII в. запретили англичанамъ внутреннюю торговлю въ Россіи и позволили только пріѣзжать къ Архангельскому. Особенно повліяло на измѣненіе отношенія къ англичанамъ то обстоятельство, что они „короля своего Карлуса смертію убили". Послѣ того, какъ иностранцамъ было запрещено разъѣзжать для торга по Россіи, ино-

земный торгъ получилъ такой видъ: иноземные купцы пріѣзжали въ Архангельскъ; здѣсь собирались и русскіе купцы; происходилъ торговый обмѣнъ товаровъ, послѣ чего русскіе везли скупленные ими иноземные товары внутрь страны. Такимъ образомъ иностранные товары покупались русскими купцами у иноземныхъ всего нѣсколько недѣль въ теченіе года, а продавались весь годъ, причемъ эта продажа шла крайне медленно и полосами: то усиливалась, то прекращалась, и равномѣрнаго, постояннаго торговаго оборота не было. Отчаянное состояніе дорогъ и полное отсутствіе безопасности на нихъ создавали такое положеніе вещей. Плата за провозъ была очень дорога, вдвое и болѣе, чѣмъ въ наше время. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило почти въ четыре раза дороже, чѣмъ провозъ зимой, и потому на лѣто прекращалось всякое торговое движеніе по русскимъ дорогамъ. Товары шли по дорогамъ обозами; къ извѣстному времени года обозы скоплялись въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ и шла торговля; затѣмъ обозъ снимался и шелъ дальше; на оставленное мѣсто купецъ возвращался только черезъ годъ, на каждую сдѣлку онъ смотрѣлъ поэтому какъ на окончательную, на первую и послѣднюю въ своемъ родѣ; на этой почвѣ выростало стремленіе русскихъ купцовъ продать дороже, что стоило дешево, и дешевое и дурное сбыть за цѣнное и хорошее, пользуясь всѣми ухищреніями, чтобы достичь этого.

Иностранцы очень жаловались на недобросовѣстность и лживость русскихъ купцовъ, тогда еще выработавшихъ себѣ знаменитое правило: „не обманешь—не продашь“, и ревностно ему слѣдовавшихъ. Русская купеческая среда создавала косныхъ и неподвижныхъ людей, застывшихъ въ давнихъ, старозавѣтныхъ торговыхъ привычкахъ. Волна иноземнаго купечества всколыхнула, однако, и русскихъ, но, встревоженная предпріимчивой иноземной конкуренціей, мысль русскихъ торговцевъ не пошла дальше неотступныхъ просьбъ, обращенныхъ къ правительству, чтобы оно прогнало „нѣмцевъ“ изъ Россіи, запретило имъ имѣть своихъ приказчиковъ по русскимъ городамъ; русскіе купцы просили „загородить накрѣпко дыру“, прорубленную нѣмцами изъ нашей земли, т.-е. почту, чтобы „какъ наши русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знають, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не знали“; сами жъ отъ себя русскіе купцы додумывались только до стачки для повышенія цѣнъ.

Такимъ образомъ, въ наслѣдіе Петру Великому достались отъ Московскаго государства слабо развитые начатки промышленности, насажденной и поддерживаемой правительствомъ, вяло и первобытно поставленная торговля, связанная общей некультурностью страны и плохимъ устройствомъ государственнаго хозяйства, которое не считало торговлю и промышленность государственнымъ дѣломъ, достойнымъ особыхъ заботъ. Унаслѣдовавъ отъ Московскаго государства его задачи—проникнуть къ морю и ввести государство въ его естественныя границы, Петръ рѣзко повернулъ на быстрое

достиженіе этихъ цѣлей, начавъ войну со Швеціей и рѣшивъ вести ее по-новому и новыми средствами. Возникаетъ новая регулярная армія, строится флотъ. Это созданіе новыхъ орудій борьбы во время самой борьбы потребовало громадныхъ средствъ. Казна Московскаго государства не была въ блестящемъ состояніи, казна Петра временами оказывалась прямо въ критическомъ положеніи. Заботы о положеніи государственныхъ средствъ тяжелымъ бременемъ лежали на волѣ и дѣйствіяхъ Петра. Московское государство при возрастаніи государственныхъ нуждъ покрывало ихъ все новыми и новыми налогами; Петръ тоже не чуждался этого стараго пріема, но рядомъ съ нимъ поставилъ и одно новшество, котораго не знала Московская Русь: Петръ заботился не только о томъ, чтобы брать съ народа все, что можно взять, но подумалъ и о самомъ плательщикѣ - народѣ, о томъ, гдѣ ему взять средствъ на уплату тяжелыхъ податей.

Путь къ поднятію народнаго благосостоянія Петръ увидѣлъ въ развитіи торговли и промышленности. Трудно теперь сказать, какъ и когда пришелъ Петръ къ мысли о необходимости развитія въ Россіи торговли и промышленности. Вѣроятно, его первое заграничное путешествіе, наглядно вскрывшее передъ нимъ промышленные успѣхи Запада, посѣяло въ немъ твердое желаніе достичь и въ Россіи такихъ же успѣховъ. Желаніе удешевить содержаніе войска и флота естественно наводило на мысль, что всего дешевле было бы вырабатывать у себя все нужное для экипировки и вооруженія; а такъ какъ фабрикъ и заводовъ, которые могли бы исполнить эту задачу, нѣтъ, то ихъ надо построить, пригласивъ для этого знающихъ иностранцевъ и отдавъ имъ въ науку „своихъ подданныхъ", какъ тогда выражались. Теченіе мысли не новое, извѣстное еще въ Москвѣ временъ царя Михаила, но осуществлять эту мысль сталъ человѣкъ съ желѣзной волей и несокрушимой энергіей, умѣвшій въ почувствованную и сознанную государственную потребность вложить опредѣленную передовую въ хозяйственной области мысль своего времени и двинуть дѣло торгово-промышленнаго обновленія страны полнымъ ходомъ.

Поставивъ себѣ цѣлью вооружить народный трудъ лучшими техническими пріемами производства и направить его на новые, болѣе доходные промыслы въ области еще не тронутыхъ разработкой богатствъ страны, Петръ перебралъ всѣ отрасли народнаго труда: ни одна не осталась при немъ нетронутой, во всѣ онъ внесъ новые пріемы, во всѣ ввелъ новыя, усовершенствованныя орудія. Фабрики и заводы Лондона, Парижа, Амстердама были изучены имъ лично и очень тщательно: записныя книжки его хранятъ въ себѣ множество замѣтокъ изъ видѣннаго и понятаго имъ на заводахъ и въ мастерскихъ Европы. Онъ самъ, плохо ли, хорошо ли, но зналъ еще въ молодости до 14 ремеслъ, быстро и ловко схватывая всякое новое ручное дѣло, беря его природной ловкостью и сметкой. Мастерство, работа съ топоромъ на верфи, съ молотомъ въ кузницѣ всегда очень ему нравилась, была его развлеченіемъ и

потребностью, и не было для него большаго удовольствія, какъ получить плату за трудъ, простыя рабочія копейки, за выкованную полосу желѣза, починенную плотину или безукоризненно скинутый съ формы листъ бумаги. И въ этомъ требованіи вознагражденія у него не было любованья собой—оно разумѣлось имъ просто, вытекало изъ обычнаго ему представленія, что трудъ долженъ быть оплаченъ. Такъ этотъ личный трудъ царя въ народѣ и понимали. „Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону царь Петръ,—разсказываетъ олонецкое преданіе:—приде, скажутъ, въ заводъ, своима царскима рукама крицы (мѣхи) дуетъ, а бояра уголья носятъ; въ молотобойню завернетъ и молотъ въ руки—желѣзо куетъ"... Этотъ личный примѣръ долженъ былъ подрывать протестъ противъ физическаго труда тѣхъ, кто по рожденію своему считалъ себя выше этого труда, и давалъ высокое значеніе простому рабочему труду, какъ работѣ на благо общее, для пользы отечества и всего народа. Другое преданіе архангельскаго края, разсказывая о простыхъ бесѣдахъ царя съ крестьянами объ ихъ нуждахъ и промыслахъ, отмѣчаетъ, что царь Петръ „росту былъ высокаго, а ученія великаго", „не гнушался нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль".

Техникъ и механикъ по природѣ, Петръ, однако, не спеціализировался узко и, какъ государь, смотрѣлъ на дѣло насажденія торговли и промышленности въ Россіи съ широкой точки зрѣнія. За границей онъ усвоилъ основы тогдашней экономической мысли, которыя принято называть меркантилизмомъ. Свое экономическое ученіе меркантилизмъ основывалъ на двухъ положеніяхъ: первое—каждый народъ, чтобы не обѣднѣть, долженъ самъ производить все ему нужное, не обращаясь къ помощи чужого труда, труда другихъ народовъ; второе – каждый народъ, чтобы богатѣть, долженъ вывозить возможно болѣе плодовъ своего труда за границу и ввозить какъ можно меньше чужихъ товаровъ. Сознавая, что Россія не только не уступаетъ, но и превосходитъ другія страны обиліемъ природныхъ богатствъ, Петръ рѣшилъ, что государство должно взять на себя эту разработку и заставлять „подданныхъ" работать, привлекая ихъ къ тому всѣми средствами. „Наше русское государство,—говорилъ Петръ,—передъ иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами преблагословенно есть, которые до настоящаго времени безъ всякаго прилежанія исканы". Надо, чтобы „Божіе благословеніе втунѣ подъ землей не оставалось",—какъ говорилъ Петръ. Находя, что „мало охотниковъ фабрики и заводы строить", Петръ не стѣсняется прибѣгать къ приневоливанію. „Что видно изъ нынѣшнихъ дѣлъ?—писалъ онъ уже на склонѣ дней, оцѣнивая свои труды:—развѣ не все неволей сдѣлано, а за многое уже и благодарности слышатся, отъ чего уже и плоды произошли". Такимъ образомъ, положивъ въ основу своихъ взглядовъ на значеніе торговли и промышленности усвоенныя имъ на Западѣ основанія меркантилизма и сознавая, что Россія богата всѣмъ тѣмъ сырьемъ, изъ котораго можно вырабатывать

все нужное для государства и частныхъ людей, Петръ рѣшилъ устроить эту разработку естественныхъ богатствъ страны, принуждая къ этому подданныхъ, хотя бы и насильственнымъ путемъ.

По всей Россіи предприняты были Петромъ розыски рудныхъ богатствъ и тѣхъ мануфактурныхъ промысловъ, которые могли бы при поддержкѣ развиться въ крупныя предпріятія. По его приказанію, постоянно по всему государству разъѣзжали знатоки различныхъ товаровъ, свои и чужеземцы. Они находили разные руды и минералы: и горный хрусталь, и камень сердоликъ, „краску марену“, селитру, торфъ, каменный уголь, о которомъ Петръ сказалъ, что „сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ“; нѣкіе братья Рюмины основали тогда же довольно значительный заводъ въ Рязанскомъ краѣ для добычи каменнаго угля. Иностранецъ фонъ-Азмусъ разрабатывалъ торфъ, и Петръ очень поощрялъ его дѣло, разсчитывая ввести замѣну деревяннаго топлива торфянымъ, чтобы сохранить безпощадно истребляемые лѣса. Зная, что подданные часто не разумѣютъ дѣла, „частью же иждивенія и трудовъ не хотятъ къ оному приложить“, Петръ рѣшилъ усиленно привлекать къ дѣлу иностранцевъ. Въ 1698 г., когда Петръ возвращался изъ своего перваго заграничнаго путешествія, за нимъ ѣхало множество нанятыхъ имъ ремесленниковъ и мастеровъ. Въ одномъ только Амстердамѣ нанялъ онъ около 1.000 человѣкъ. Въ 1702 г. по Европѣ былъ распубликованъ указъ Петра, приглашавшій на промышленную службу въ Россіи иноземцевъ на очень выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Русскимъ резидентамъ при европейскихъ дворахъ Петръ вмѣнилъ въ первѣйшую обязанность разыскивать и нанимать на русскую службу знатоковъ разныхъ производствъ и мастеровъ всякаго дѣла. Рѣдкое письмо царя къ его послу въ Голландіи, кн. Б. И. Куракину, и къ резидентамъ въ Лондонѣ и Парижѣ не содержитъ порученій найти и нанять, не жалѣя средствъ, то архитектора, то мельничнаго мастера, то мастера, „который помпы дѣлать умѣетъ“, и т. п. Мастеровъ нанимать царь предписывалъ „съ осмотрѣніемъ“, торгуясь съ ними о вознагражденіи, но стремясь къ тому, чтобы „нанять и не пропустить“. Отъ мастеровъ, которые сами просились на русскую службу, предлагалось требовать доказательствъ знанія ими своего дѣла, аттестатовъ и образцовъ работы; несговорчивымъ разрѣшалось уступать даровой проѣздъ съ семьями, постройку жилья на казенный счетъ и т. п. Царь зорко слѣдилъ за всякой возможностью получить „добрыхъ мастеровъ“.

20 сентября 1715 года царь написалъ наблюдавшему за жившими во Франціи русскими учениками и гардемаринами капитану Конону Зотову такое собственноручное посланіе: „Понеже король французской (Людовикъ XIV) умеръ, а наслѣдникъ его молодъ, то, чаю, многіе мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, для того навѣдывайся о такихъ и пиши, дабы потребныхъ не пропустить“... Кстати царь приказывалъ Зотову узнать— „не будутъ ли чего изъ двора продавать, а именно уборовъ какихъ,

шильдерей (т.-е. картинъ) и протчаго, о чемъ дай также знать". Петръ особенно цѣнилъ французскихъ мастеровъ и не жалѣлъ средствъ на жалованье и льготы имъ. Французскій инженеръ Леблонъ—„прямая диковинка", какъ называлъ его Петръ—приглашенъ былъ на жалованье въ 45.000 р. въ годъ при даровой квартирѣ, съ правомъ выѣхать домой черезъ пять лѣтъ со всѣмъ пріобрѣтеннымъ имуществомъ, не платя никакихъ податей. Иноземныхъ мастеровъ очень берегли, но неукоснительно требовали одного, чтобы они учили своему мастерству русскихъ, не скрывая ничего, что сами знаютъ. Когда мастеръ-иностранецъ выражалъ желаніе уѣхать домой, Петръ назначалъ строжайшее слѣдствіе: не обидѣлъ ли кто его, что за причина отъѣзда, и если выяснялось, что мастеръ уѣзжалъ по неудовольствію на кого-нибудь, Петръ строго взыскивалъ съ виновнаго.

Рядомъ съ выпиской иноземныхъ мастеровъ въ Россію, все время царствованія Петра шла усиленная посылка русскихъ молодыхъ людей на выучку мастерствамъ за границу. На фабрики и заводы посылали такъ же по наряду, какъ на верфи и въ школы военнаго и морского дѣла, не справляясь ни со способностями, ни съ наклонностями людей къ тому дѣлу, изучать которое ихъ отправляли со строгимъ наказомъ жестоко взыскать, если не выучатся. Такъ же, какъ и навигаторы, эти невольные ученики страдали и отъ незнанія языковъ и отъ задержки денегъ. Впослѣдствіи Петръ сталъ, однако, обращать вниманіе на нѣкоторую предварительную подготовку учениковъ, а главное—на ихъ личныя склонности; въ указѣ 1723 г. говорится: „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ молодыхъ людей такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того ихъ обнадежить, что фамиліи (семьямъ) ихъ даны будутъ нѣкоторыя привилегіи, сами же они награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія жалованіемъ".

По мѣрѣ того, какъ возникали и развивались фабрики въ самой Россіи, онѣ становились у Петра техническими школами и практическими училищами всякаго мастерства. Пріѣзжихъ иноземныхъ мастеровъ строго экзаменовали, — знаютъ ли они свое дѣло, и при назначеніи на какую-либо фабрику или заводъ договаривались съ ними, „чтобы они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и время, во сколько выучать". Въ ученики на фабрики и заводы принимались люди всѣхъ свободныхъ сословій, а крѣпостные—съ отпускной отъ помѣщика, но съ 20-хъ годовъ стали принимать и бѣглыхъ крестьянъ, отнюдь только не солдатъ. Такъ какъ добровольно поступающихъ было мало, то Петръ время отъ времени указами производилъ наборы учениковъ для обученія мастерствамъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ 1711 году „государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человѣкъ, которые были бы лѣтъ по 15 или 20, и умѣли бы писать, чтобы итти имъ въ ученіе

къ мастерамъ разныхъ дѣлъ". Такіе наборы повторялись и въ послѣдующіе годы.

Для военныхъ нуждъ и для добычи металловъ Петру особенно нужны были горные и желѣзодѣлательные заводы. Есть извѣстіе, что въ 1718 г. существовалъ въ Петербургѣ „небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, были тамъ серебро- и мѣднообжигательныя печи, бродильный и среброочистительный горны для того, чтобы, съ одной стороны, показать русскимъ операціи, какимъ образомъ разрабатываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и розсыпи, а съ другой, чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и пріохотить особенно способныхъ русскихъ людей къ плавленію металловъ и вообще къ горнозаводскому дѣлу". Въ 1719 году къ олонецкимъ заводамъ, гдѣ плавили желѣзо, лили пушки и ядра, Петръ велѣлъ набрать 300 человѣкъ учениковъ. На уральскихъ заводахъ тоже возникли горныя школы, куда набрали въ ученики грамотныхъ солдатскихъ, подьяческихъ и поповскихъ дѣтей; въ этихъ школахъ хотѣли учить не только практическому знанію горнаго дѣла, но и теоріи, ариѳметикѣ и геометріи. Ученикамъ платили жалованье—полтора пуда муки въ мѣсяцъ и рубль въ годъ на платье, а тѣмъ, у кого отцы зажиточные или получаютъ жалованья болѣе 10 рублей въ годъ, тѣмъ ничего отъ казны не выдавали, „пока не начнутъ учить тройного правила", тогда и имъ выдавали жалованье.

Петръ придавалъ особую важность именно обученію новымъ ремесламъ и промысламъ русскихъ людей, и положительно нѣтъ области въ промышленно-торговомъ мірѣ, которая не привлекла бы къ себѣ вниманіе Петра и не зародила бы въ немъ мысли обучать своихъ подданныхъ, „яко дѣтей", тому, что онъ призналъ важнымъ и нужнымъ для жизни. Понравился Петру обычай крыть крыши гонтомъ и черепицей—немедленно выписывается мастеръ, устраивается заводъ, а на заводъ назначаются работать по очереди чуть не всѣ жители Москвы, потому что „этому искусству можно въ день или два научиться", а у всѣхъ городскихъ воротъ выставляются „для образца" „нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оные сдѣлать"; для „пилованья" дровъ Петръ вводитъ ручныя пилы, учитъ вязать пеньку, солить треску и т. п. Увидѣлъ Петръ лучшіе пріемы обработки земли за границей—и распорядился: учиться этимъ лучшимъ пріемамъ: „понеже въ здѣшнихъ краяхъ, въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссахъ,—пишетъ Петръ,—у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что передъ нашими серпами гораздо скорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ; того для, сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ (т.-е. лифляндскихъ и курляндскихъ) по нѣскольку человѣкъ для обученія, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами". Одному изъ такихъ офицеровъ Петръ писалъ: „Принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человѣкъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣше-

ніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть къ тому времени, какъ начинаютъ первой хлѣбъ снимать, и, будучи дорогою, ихъ беречь, дабы не разбѣжались".

На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ изготовлялись позументы, тесьма, шнуры, Петръ опредѣлилъ въ выучку мастерамъ-французамъ молодыхъ людей изъ новгородскихъ посадскихъ и бѣдныхъ дворянъ. Онъ часто посѣщалъ эту фабрику и интересовался успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и Петръ разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ. Для „народнаго обученія" въ 1714 г. была основана шелковая фабрика подъ руководствомъ нѣкоего Милютина, самоучкой изучившаго ткацкое шелковое дѣло; училъ на этой фабрикѣ мастеръ-армянинъ, получавшій 300 рублей жалованья, да мастеръ изъ Гамбурга, получавшій 330 р. Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, Петръ подумалъ о введеніи правильныхъ пріемовъ овцеводства и для этого приказалъ составить правила—„регулы, какъ содержать овецъ по шленскому (силезскому) обыкновенію". Тогда же (въ 1724 г.) въ Силезію были посланы майоръ Кологривовъ, двое дворянъ и нѣсколько человѣкъ русскихъ овчаровъ, „которые къ тому позаобычайнѣе", „для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержатъ и довольствуютъ и стригутъ, и шерсть въ дѣло употребляютъ". Выписывались породы овецъ и коровъ, опытные овцеводы подыскивали подходящія мѣстности для разведенія ихъ, и дѣло всегда принималось и развивалось; съ петровскихъ временъ пошли новыя породы овецъ, коровы холмогорки, ярославки и др.

Кожевенное производство издавна было развито въ Россіи, но способы обработки были довольно-таки несовершенные. Въ 1715 году Петръ издаетъ указъ по этому поводу: „Понеже юфть,—говорится тамъ,—которая употребляется на обувь, весьма невыгодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ деггемъ и когда мокроты хватитъ, то распалзывается, и вода проходитъ; того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ промышленникамъ (кожевенникамъ) во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года". Невыучившимся запрещается подъ угрозой ссылки на каторгу приготовлять юфть попрежнему. Въ Казани былъ открытъ кожевенный заводъ, и мастеръ, англичанинъ Гёмфри, прилежно и ничего не скрывая, какъ доносили Петру, обучалъ русскихъ учениковъ кожевенному дѣлу. Нѣсколько молодыхъ людей были отправлены въ Англію на кожевенные заводы. Для морского дѣла требовалось много пеньки, и Петръ очень заботится объ умноженіи пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ: „гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать,—писалъ Петръ,—такъ чтобы обучали крестьянъ".

Правительство не только входило въ промышленныя нужды населенія и заботилось объ обученіи народа промысламъ, оно вообще взяло подъ свой надзоръ производство и потребленіе. „Въ манифактурныхъ дѣлахъ, — писалъ Петръ, — не предложеніемъ однимъ дѣлать, какъ то чинится тамъ, гдѣ обыкло, но и принуждать и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами; и яко добрымъ экономамъ быть надлежитъ принужденіемъ отчасти; напримѣръ, предлагается: гдѣ валяютъ полсти тонкія, тамъ принудить шляпы дѣлать (дать мастеровъ), такъ чтобы не вольно было ему полстей продавать, ежели положенной части шляпъ при томъ не будетъ; гдѣ дѣлаютъ юфть, тамъ кожи на лосиное дѣло и прочее, что изъ кожъ, а когда уже заведется, тогда можно и безъ надсмотрителей быть“... Указомъ его величества предписывалось, не только какіе товары производить, но и въ какомъ количествѣ, какого размѣра, какого матеріала, какими орудіями и пріемами, и за неисполненіе всегда грозили жестокіе штрафы до смертной казни включительно. Правительство предписывало, напримѣръ, дѣлать широкія полотна, „противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ“, и строго запрещало ткать узкія, которыя ткались во всей Россіи; подъ страхомъ каторги и конфискаціи имущества запрещалось дѣлать скобы и гвозди для подбивки обуви.

Петръ очень цѣнилъ лѣса, нужные ему для надобностей флота, и издалъ строжайшіе лѣсоохранительные законы: лѣса, годные на корабельное дѣло, было запрещено рубить подъ страхомъ смертной казни „безъ всякія пощады, кто бы ни былъ“ виновный. Но народный взглядъ на лѣсъ, какъ на даръ Божій, такой же всеобщій, какъ вода и воздухъ, плохо подчинялся распоряженію Петра. Тогда онъ велѣлъ прибить указы о сохраненіи лѣсовъ на столбахъ по деревнямъ, ихъ читали въ церквахъ прихожанамъ, „чтобы въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался“, но все это мало помогало противъ вѣковой народной привычки. Петръ выходилъ изъ себя, казнилъ, сѣкъ плетьми, билъ палками, ссылалъ на каторгу виновныхъ; по берегамъ Невы и залива отмѣрили, по указу Петра, опредѣленныя разстоянія и провели межи въ три сажени шириной, и черезъ каждыя пять верстъ водрузили на нихъ висѣлицы для страха порубщикамъ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостинаго двора, красовалась хорошая развѣсистая березовая роща; Петръ запретилъ дѣлать въ ней какія-либо порубки, но запрещеніе исполнялось плохо, особенно въ отсутствіе Петра: безъ него лѣсъ рубили и простые обыватели и чиновные; угрозы не помогали, штрафы—тоже. Петръ пришелъ въ ярость и распорядился повѣсить десятаго изъ чиновныхъ порубщиковъ, а простыхъ бить кнутомъ на площади. Предстояла громадная казнь. Родственники и друзья виновныхъ бросились къ царицѣ съ просьбами умолить Петра простить виновныхъ, но Екатерина добилась только того, что Петръ согласился никого не наказывать смертью, но всѣ виновные получили кто кнутъ, кто плети, кто палки, кто

каторгу. Петръ берегъ лѣсъ не только для флота, но и вообще, понимая громадное значеніе лѣсного богатства для климата и природы страны. Поэтому поташи было приказано дѣлать изъ остаточнаго лѣса—изъ сучьевъ, пней, изъ старыхъ бочекъ; изъ отрубковъ цѣнныхъ деревьевъ, чтобы даромъ не пропадали, велѣно было готовить пушечныя колеса, косяки, спицы, пушечные станки. Древне-русскіе люди любили строить себѣ прочные „домовины", гдѣ бы было лежать бренному тѣлу, пока не вострубитъ труба архангела, и гробы долбили изъ цѣльнаго дуба. Петръ сначала обложилъ такіе долбленые гробы большой пошлиной, а потомъ и совсѣмъ запретилъ ихъ.

Крайнія мѣры и чрезвычайная опека, конечно, не всегда вели къ добру, и Петръ, вѣроятно, не разъ сознавался, что онъ тутъ иногда „не осмотря чинилъ". Такъ не осмотря учиненъ былъ указъ объ тканьѣ холста опредѣленной ширины. „Въ прежнее время у города (Архангельска) холстомъ большой торгъ былъ, много тысячъ крестьянъ кормилось и немалая пошлина въ казну собиралась, а когда указъ состоялся, чтобы не ткать узкихъ холстовъ, но ткать широкіе, то крестьянству прибыла немалая тягость, а въ казну убытокъ, потому что у иныхъ крестьянъ и въ избахъ столько мѣста нѣтъ, гдѣ такой широкій станъ поставить... Разорились отъ этого всѣ крестьяне сѣверные", — жаловались современники.

Не довольствуясь распространеніемъ одного практическаго обученія техникѣ, Петръ заботился и о теоретическомъ образованіи путемъ перевода и распространенія соотвѣтствующихъ книгъ. Это шло у него рядомъ съ примѣненіемъ жесточайшихъ мѣръ. Былъ переведенъ и напечатанъ Саваріевъ „Лексиконъ о коммерціи". Правда, въ 24 года продали всего 112 экземпляровъ этой книги, но это обстоятельство не пугало царя-издателя. Въ спискѣ книгъ, напечатанныхъ при Петрѣ, можно найти немало руководствъ къ обученію разнымъ техническимъ знаніямъ и мастерствамъ, и многія изъ этихъ книгъ прошли строгую редакцію самого государя. 30 августа 1723 г. Петръ былъ за обѣдней въ Троицкомъ соборѣ и далъ здѣсь приказаніе вице-президенту синода, преосвященному Ѳеодосію, чтобы „три экономическія на нѣмецкомъ діалектѣ книги перевести на словенскій языкъ и, переведши сперва оглавленія, предложить оныя къ разсмотрѣнію его императорскаго величества". Синодъ 18 сентября приговорилъ оныя три книги поручить для перевода архимандриту Ѳеофилу Кролику. Ровно черезъ годъ Петръ прислалъ въ синодъ солдата справиться, какъ идетъ дѣло съ переводомъ. 16 сентября 1724 г. переводъ оглавленія былъ уже въ рукахъ Петра. Познакомившись съ переводомъ, Петръ далъ такой указъ „труждающимся въ переводѣ экономическихъ книгъ": „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самого дѣла и краткаго передъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ, но и выше реченный

разговоръ, чтобы не праздной ради красоты, но для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ, вычерня негодное, и для примѣру посылаю, дабы по сему книги переводены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ". Петръ не пожалѣлъ редакторскаго карандаша, и отъ „краснорѣчія" въ трактатѣ почтеннаго нѣмецкаго доктора, озаглавившаго свою книгу „Георгика куріоза", немного осталось. Такъ, третья глава, довольно размазанно толкующая, со ссылками на древнюю исторію, о вольностяхъ земледѣльцевъ и крестьянъ, „которыя они у древнихъ имѣли", вся зачеркнута Петромъ, и вмѣсто нея написано его рукой: „Понеже поселяне суть артерія государства, и какъ черезъ артерію, т.-е. большую жилу, все тѣло человѣческое питается, такъ и государство поселянами. Чего ради надлежитъ оныхъ беречь и не отягощать черезъ мѣру, но паче охранять отъ всякихъ нападковъ и разореній и особливо служилымъ людямъ порядочно съ ними поступать въ квартирахъ и маршахъ и не точію своихъ для вышеписаннаго беречь надлежитъ, но и непріятельскихъ, ибо имъ же гоштся для пропитанія, развѣ указъ будутъ о разореніи имѣть". Такое исправленіе ясно указываетъ, какія требованія ставилъ Петръ учебной дѣловой книгѣ—просто и безъ прикрасъ говорить о дѣлѣ, говорить кратко, чтобы было понятно и не брало много времени у читателя. Петръ умеръ до окончанія перевода „Георгика куріоза", не завершеннаго еще и на половину. Черезъ 13 лѣтъ послѣ смерти Петра синодъ хватился о порученной ему работѣ и, узнавъ, что она не кончена, постановилъ: „приведя тетради въ порядокъ, сдать въ архивъ". И въ этомъ маленькомъ дѣлѣ, какъ и во многомъ большомъ, благое стремленіе Петра разбивалось о косность и неподвижность тѣхъ, кого судьба дала ему въ исполнители его предначертаній. Вѣдь онъ, отдавая переводить экономическую сельскохозяйственную книгу въ синодъ, навѣрное, разсчитывалъ на распространеніе ея среди земледѣльческаго населенія черезъ подвѣдомственныхъ синоду священниковъ, болѣе грамотныхъ и ближе другихъ стоявшихъ къ земледѣлію. А неоконченный переводъ попалъ вмѣсто того въ архивъ, гдѣ и пролежалъ почти двѣсти лѣтъ въ полной неприкосновенности.

Обыкновенно тѣ заводы, которые были особенно нужны, т.-е. горные и оружейные, а также суконныя, полотняныя и парусныя фабрики устраивались казной и затѣмъ передавались частнымъ предпринимателямъ. На устройство заводовъ и фабрикъ второстепенной для казны надобности Петръ охотно выдавалъ въ ссуду довольно значительные капиталы безъ процентовъ и приказывалъ снабжать инструментами и рабочими частныхъ лицъ, устраивавшихъ фабрики на свой страхъ и рискъ. Изъ-за границы выписывались мастера, сами фабриканты получали большія привилегіи: освобождались съ дѣтьми и мастерами отъ службы, были подсудны только суду мануфактуръ-коллегіи, избавлялись отъ по-

датей и внутреннихъ пошлинъ, могли безпошлинно привозить изъ-за границы нужные имъ инструменты и матеріалы, дома же ихъ освобождались отъ военнаго постоя.

Заботясь о наиболѣе прочной постановкѣ промышленныхъ предпріятій въ смыслѣ обезпеченія ихъ достаточнымъ капиталомъ основнымъ и оборотнымъ,—Петръ очень поощрялъ компанейское устройство фабрикъ по образцу устройства западно-европейскихъ компаній. Въ Голландіи компанейскія предпріятія приносили тогда огромный доходъ участникамъ, успѣхи Остъ-Индской компаніи въ Англіи и французской для торговли съ Америкой были тогда у всѣхъ на языкѣ. Въ Голландіи Петръ хорошо познакомился съ тамошними компаніями и живо усвоилъ всѣ выгоды такого рода устройства промышленности и торговли. Еще въ 1698 г. ему подавались проекты разныхъ прожектеровъ объ устройствѣ компаній въ Россіи. Въ основѣ компанейская организація не была чужда русскому быту. Еще московское правительство, отдавая на откупъ разныя свои доходныя статьи, отдавало ихъ всегда нѣсколькимъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы каждый поручался за другого. Артели русскихъ промышленниковъ сѣвера издавна являлись компаніями людей, соединявшихъ для общей цѣли средства и силы отдѣльныхъ людей и дѣлившихъ барыши по расчету долей, или паевъ, внесенныхъ каждымъ участникомъ въ артель. Въ 1699 г. Петръ издалъ указъ, чтобы торговымъ людямъ торговать такъ,какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ—компаніями.

Графъ Я. В. Брюсъ (1670—1735).

Какъ ни отвлекала Петра война, онъ время отъ времени продолжалъ настаивать на учрежденіи компаній, напоминая объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ, принуждая къ этому и силой. „Заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ,—писалъ онъ въ 1712 г.,—такъ чтобы въ пять лѣтъ не покупать мундиру заморскаго, а именно, чтобы не въ одномъ мѣстѣ завесть, и, заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ брать деньги погодно съ легкостью, дабы ласково имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было“. Съ устройствомъ коллегій, мануфактуръ- и бергъ-коллегіи особенно

предлагается заботиться объ устройствѣ компаній и всяческомъ содѣйствіи ихъ дѣятельности. Въ указѣ 1724 г. Петръ предписываетъ образецъ, какому должны слѣдовать въ своемъ устройствѣ компаніи, повелѣвая „учинить опредѣленныя доли пайщиковъ съ примѣру ость-индской компаніи“. По примѣру западноевропейскихъ правительствъ, Петръ предлагаетъ привлекать къ участію въ компанейскихъ предпріятіяхъ людей состоятельныхъ, „капитальныхъ“, невзирая на ихъ происхожденіе и положеніе. На помощь деньгами и матеріаломъ правительство шло всегда съ большой готовностью, и многія компаніи получили въ помощь довольно крупныя суммы, доходившія до полумилліона на наши деньги въ однѣ руки. Ссужая компанейцевъ большими деньгами, часто передавая въ ихъ пользованіе готовое фабричное обзаведеніе, казна становилась въ положеніе банкира крупной промышленности и тѣмъ пріобрѣтала право строго слѣдить за дѣятельностью компаній. Это вмѣшательство въ частную предпріимчивость правительство не только считало своимъ правомъ, но и обязанностью, и не только „принуждало“ своихъ подданныхъ „строить компаніи“, но и строго наблюдало за „порядочнымъ содержаніемъ“ ихъ. Ни одно переустройство, даже самое мелочное, въ хозяйствѣ компаніи не могло быть сдѣлано безъ соотвѣтствующаго „доношенія“ въ мануфактуръ- или бергъ-коллегію. Отъ фабрикантовъ требовалось ежегодно доставлять въ мануфактуръ-коллегію образцы своихъ издѣлій; правительство устанавливало видъ, форму, цѣны на тѣ товары, которые поставлялись въ казну, и запрещало продавать ихъ въ розницу. Правительство удостоивало наградъ исправныхъ фабрикантовъ и подвергало строгимъ взысканіямъ нерадивыхъ. Такъ это и писалось въ указахъ, при передачѣ какого-либо завода въ частныя руки: „буде они (компанейщики) оный заводъ раденіемъ своимъ умножать и учинять въ немъ прибыль, и за то они отъ него, великаго государя, получать милость, а буде не умножать и нераденіемъ умалять, и за то на нихъ взято будетъ штрафу по 1.000 рублей на человѣкъ“. Неудачливыхъ фабрикантовъ правительство даже просто „отрѣшало“ отъ фабрикъ.

О томъ, какъ устраивались въ своей дѣятельности компаніи, сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія. Входили въ компаніи не только люди, которые могли участвовать въ дѣлѣ личнымъ трудомъ, но и „интересанты“, т.-е. такіе, которые давали только деньги, съ тѣмъ, чтобы получать на нихъ опредѣленный доходъ. Въ проектахъ тѣхъ временъ (еще въ 1698 г.) шли уже рѣчи о такомъ устройствѣ компаній, при которомъ всякій „партикулярный“ человѣкъ, внесшій въ нее опредѣленный капиталъ, путемъ покупки извѣстнаго количества „порцей или акціевъ“, могъ быть членомъ компаніи. Но, кажется, раньше 1757—1758 гг. въ Россіи не образовалось ни одной акціонерной компаніи. Дѣла въ компаніяхъ велись „по купеческому обыкновенію, по своему благоизобрѣтенію, съ общаго совѣту, старостой присяжнымъ и нѣсколькими выборными—кого къ какому дѣлу заблагоразсудятъ выбрать“.

Нѣкоторые фабрики и заводы, возникшіе при Петрѣ, были довольно крупные. Широкой постановкой дѣла, отличной оборудованностью, большимъ составомъ рабочихъ и постановкой технической части отличались Петровскіе заводы въ Олонецкомъ краю, основанные Меншиковымъ и руководимые Геннингомъ. Посѣтивъ въ 1719 г. эти заводы, Петръ, видавшій лучшія сооруженія этого рода въ Европѣ, пришелъ въ восторгъ и писалъ Меншикову: „Правда, такихъ заводовъ нигдѣ не видалъ, могу сказать, а вамъ яко фундатору оныхъ благодарствую"... Особенно большими размѣрами и многолюдствомъ отличались также казенные горные заводы. Къ 9-ти пермскимъ заводамъ было приписано 25.000 крестьянъ. Для управленія пермскими и уральскими заводами возникъ цѣлый городъ, названный въ честь царицы Екатеринбургъ. Здѣсь, на Уралѣ, еще въ XVII вѣкѣ пытались что-то копать, что-то добывать, но дальше нахожденія разныхъ „диковинъ" не шли и мѣдь, желѣзо, серебро—все покупали, преимущественно у шведовъ. Только со времени Петра начинается здѣсь настоящая работа. Въ 1719 г. была издана „бергъ-привиллегія", по которой всякому давалось право всюду искать, плавить, варить и чистить металлы и минералы при условіи платежа „горной подати" въ $^{1}/_{10}$ стоимости добычи и 32-хъ долей въ пользу владѣльца той земли, гдѣ найдены залежи руды. За утайку руды и попытку препятствовать нашедшему устроить разработку виновнымъ грозила конфискація земли, тѣлесное наказаніе и даже смертная казнь „по винѣ смотря". Въ 1702 г. верхотурскіе заводы, построенные государевою денежною казною и городовыми уѣздными людьми, были отданы на выкупъ Никитѣ Демидову. Но Уралъ первое время еще не могъ соперничать съ олонецкими заводами, которые были ближе къ Петербургу и мѣсту военныхъ дѣйствій. Лишь послѣ того, какъ установился миръ, Петръ удѣляетъ больше вниманія Уралу и посылаетъ туда полковника Геннинга, поставившаго на ноги все производство олонецкихъ заводовъ. Этотъ Геннингъ былъ одинъ изъ поклонниковъ Петра, сердечно любившихъ его людей, и Петръ былъ, видимо, очень расположенъ къ Геннингу. Переписка ихъ носитъ чисто-дружескій, личный характеръ. Петръ торопитъ Геннинга съ окончаніемъ устройства уральскихъ заводовъ. „Хотя я въ трудахъ разорвусь,—отвѣчалъ Геннингъ,—однако заводы новые, желѣзные и мѣдные, не могу скорѣе строить и умножить; остановка истинно не отъ меня, то ты повѣрь мнѣ: остановка есть, что у меня немного искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, а вездѣ самъ для дальняго разстоянія быть и указать не могу, и плотники здѣсь не такіе, какъ олонецкіе, но пачкупы"... Но уже черезъ годъ (въ февралѣ 1724 г.) Геннингъ пишетъ Петру торжествующее письмо: „Екатеринбургскіе заводы и всѣ фабрики въ дѣйствіи... выплавлено уже 1.500 пудовъ чистой мѣди и отправлено къ пристани для отсылки къ Москвѣ; и мѣдной руды уже на цѣлый годъ добыто въ короткое время и съ малымъ убыткомъ; и долженъ я Бога благодарить о моемъ счастіи, что я такое богатое рудное

мѣсто обложилъ... и надѣюсь, что въ малыхъ лѣтахъ тотъ убытокъ, во что заводы Екатеринбургскіе стали, все заплатится, и потомъ великая прибыль пойдетъ... всюду на заводахъ руды и угля на годъ впередъ заготовлено. И гдѣ такая богатая желѣзная руда есть, что на Алапаевскихъ заводахъ! Половина желѣза изъ нея выходитъ, а на Олонцѣ пятая доля выходитъ: то великая разность! Нынѣ на Каменскихъ заводахъ льютъ пушки па артиллерію... Строгановы видятъ нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они какъ Танталусъ, весь въ золотѣ и огороженъ золотомъ, а не могли достать: жили они въ мѣди, а голодны. И нынѣ просили меня, чтобы я съ ними товарищъ былъ и указалъ имъ, какъ плавить и строить, такожъ на ихъ камнѣ заводъ отмежевать и при Яйвѣ три мѣста рудныхъ, то я съ радостью радъ и сдѣлаю, а ваши мѣста не отдамъ, понеже надобно прежде свой убытокъ, во что заводы стали, возвратить... И они могутъ, ежели охотники, такожде довольно руды добывать: кромѣ твоего богатаго мѣста, другихъ тамо мѣстъ довольно. И покамѣстъ не приведу въ дѣйство нынѣшній заводъ при Пыскарѣ, не пойду безъ твоего указа; покамѣстъ могута моя есть, я радъ трудиться... Пожалуй, послушай меня и не рѣши горныхъ здѣшнихъ дѣлъ и положи на меня, какъ я прикажу. Я желаю тебѣ добра, а не себѣ, и хочу прежде всѣ убытки тебѣ возвратить, что въ 25 лѣтъ издержано на горное дѣло. И ты нынѣ не отдавай тѣхъ шахтъ, гдѣ я на тебя добываю руду, для того, что очень богато и безъ труда добываемъ, а возлѣ тѣхъ мѣстъ есть довольно и другихъ такихъ рудныхъ мѣстъ... я бы самъ себѣ худа не желалъ и тѣ мѣста на себя бы взялъ, только не хочу, а тебѣ желаю добра"... Къ концу царствованія Петра на всѣхъ его заводахъ выплявлялось ежегодно около 7 милліоновъ пудовъ чугуна и свыше 200.000 пудовъ мѣди. Началась также разработка залежей золота и серебра, дававшихъ сравнительно порядочную добычу.

Послѣ горныхъ заводовъ обширностью отличались оружейные —Тульскій и Сестрорѣцкій. Эти оружейные заводы поставляли ружья, пушки и холодное оружіе на всю армію и освободили казну отъ необходимости покупать вооруженіе за границей. Всего при Петрѣ было отлито болѣе 20.000 пушекъ. Производились опыты изготовленія орудій, заряжавшихся съ казенной части, появились первыя скорострѣльныя орудія; петровскіе свои и выписанные изъ-за границы „инвенторы" пробовали фабриковать что-то въ родѣ современныхъ минъ и гранатъ, словомъ—дѣло металлической промышленности жило настоящей жизнью. На петровскихъ заводахъ начинали даже примѣнять, какъ движущую силу, „огненныя" машины—такъ назывались тогда прародители паровыхъ двигателей. На казенной парусной фабрикѣ въ Москвѣ работало 1.162 рабочихъ. Изъ частныхъ фабрикъ обширностью отличалась суконная фабрика Щеголина съ товарищи въ Москвѣ, имѣвшая 130 становъ и занимавшая 730 рабочихъ; на казанской суконной фабрика Микляева работало 740 человѣкъ; полотняная фабрика Тамеса въ

Москвѣ имѣла 443 стана и 841 рабочихъ; на шелковыхъ фабрикахъ Евреинова работало до 1.500 человѣкъ. Кто же были эти фабриканты? Откуда у нихъ явились средства на веденіе такихъ большихъ предпріятій? А фабрикантами петровскихъ временъ прежде всего явились тѣ первостатейные московскіе купцы — гости, гостиной и суконной сотни люди, которые держали на откупу доходныя правительственныя статьи Московскаго государства и были собственно финансовыми агентами правительства и крупными торговцами-оптовиками въ то же время. Первыми суконными фабрикантами были гости Сѣриковъ и Дубровскій, устроившіе свою фабрику еще въ 1698 году. Самая большая суконная фабрика въ Москвѣ, „большой суконный дворъ", принадлежала тоже русской купеческой компаніи Щеголина съ товарищи. Компанія изъ знатныхъ людей — Шафирова, Толстого и Апраксина, получившая исключительное право на шелковое дѣло, вела его самостоятельно не долго: уже въ 1720 г. знатные компанейщики пригласили въ дѣло 8 человѣкъ купцовъ, а въ 1721 г. шелковое дѣло перешло и цѣликомъ въ купеческія руки, причемъ основателямъ было выплачено все, что они затратили на основаніе дѣла. Тогда въ Москвѣ возникло пять шелковыхъ фабрикъ — Евреинова, Старцева, Павлова, Мыльникова и армянина Францова. Первая частная полотняная фабрика была основана компаніей русскихъ торговыхъ людей, Андреемъ Турчаниновымъ и Цимбальщиковымъ съ товарищи. Этой компаніи правительство передало въ 1711 г. всѣ казенные полотняные, скатертные и салфеточные заводы, которые были раньше въ завѣдываніи посольскаго приказа. Однимъ изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ временъ Петра былъ ярославецъ гостиной сотни Затрапезный. Ему принадлежали, кромѣ полотняной, еще писчебумажная, коломяночная и масляная фабрики. Торговый человѣкъ Аѳанасій Гончаровъ считался очень крупнымъ полотнянымъ и писчебумажнымъ фабрикантомъ. Изъ иностранныхъ предпринимателей только Тамсенъ или Тамесъ, Тиммерманъ и Вестовъ могутъ быть названы крупными фабрикантами. Но и Тамесъ стоялъ только во главѣ большой компаніи русскихъ торговцевъ, владѣя лишь десятой частью всего компанейскаго капитала. Крупныя предпріятія петровскихъ временъ ставились очень широко — основной капиталъ шелковой мануфактуры компаніи Шафирова простирался за сумму въ милліонъ рублей; на устройство полотняныхъ фабрикъ Гончарова затрачено было тоже свыше милліона, полотняная фабрика Тамеса стоила основателямъ безъ малаго милліонъ; устройство игольнаго завода обошлось фабрикантамъ Томилину и Рюмину около трехсотъ тысячъ рублей. Всего при Петрѣ было основано 233 фабрики и завода.

Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о внутренней жизни и распорядкахъ на фабрикахъ петровскаго времени. Бѣглое описаніе фабрики Тамеса, сдѣланное свитскимъ человѣкомъ герцога голштинскаго, Берхгольцемъ, очень поверхностно. „Долженъ признаться,—пишетъ Берхгольцъ,—что я никакъ не ожидалъ, чтобы

хозяинъ фабрики могъ устроить здѣсь такое заведеніе и привести его въ столь цвѣтущее состояніе. Фабрика имѣетъ 150 ткацкихъ становъ, за которыми работаютъ почти исключительно одни русскіе и производятъ все, что только можно требовать отъ полотняной фабрики, т.-е. всѣ сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго, прекрасныя матеріи для скатертей и салфетокъ, тонкій и толстый тикъ, простыни—какъ узкія, такъ и необыкновенно широкія, тонкіе канифасы для камзоловъ, цвѣтные носовые платки и множество другихъ подобныхъ вещей. Содержаніе фабрики обходится около 400 р. (нынѣшнихъ 3.600) въ мѣсяцъ. Когда мы прошли черезъ мастерскія, хозяинъ повелъ насъ наверхъ, въ комнату, гдѣ, по русскому обычаю, велѣлъ разносить водку... Потомъ, при сходѣ внизъ, онъ показалъ намъ свой магазинъ, гдѣ у него сохраняется товаръ, изготовленный на фабрикѣ и еще не проданный. Онъ имѣетъ нѣсколько лавокъ для продажи своего товара и, кромѣ того, отпускаетъ большое количество за границу, не говоря уже о значительныхъ поставкахъ въ казну".

Н. Д. Демидовъ (1656—1725).

Фабрика Тамеса не была скучена въ одномъ мѣстѣ: два отдѣленія ея находились подъ Москвой, въ предмѣстьѣ, а въ самой Москвѣ стояла только главная. Съ этой главной фабрики гости Тамеса отправились въ прядильню. Здѣсь Тамесъ повелъ гостей сначала въ женское отдѣленіе, „гдѣ работаютъ дѣвушки и женщины, отданныя на прядильню въ наказаніе лѣтъ на десять и больше, а нѣкоторыя и навсегда; между ними было нѣсколько съ вырванными ноздрями. Въ первой комнатѣ, гдѣ ихъ сидѣло до тридцати, было необыкновенно чисто. Всѣ женщины, находившіяся тамъ и ткавшія одна подлѣ другой вдоль стѣнъ, были одѣты одинаково и очень красиво, именно всѣ онѣ имѣли бѣлыя юбки и бѣлые камзолы, обшитые зелеными лентами (конечно, это были наряды, надѣтые на работницъ фабрикантомъ по случаю высокаго посѣщенія). Замужнія женщины были въ шапкахъ (кикахъ), сдѣланныхъ изъ золотой и серебряной парчи и обшитыхъ галуномъ, а дѣвушки — простоволосыя, какъ обыкновенно ходятъ здѣшнія простолюдинки, т.-е. съ заплетенными косами и съ повязкой изъ ленты или тесьмы"... Послѣ танцевъ и пѣсенъ, исполненныхъ работницами для гостей по приказанію Тамеса, гости пошли дальше, въ другія мастерскія, гдѣ не было уже той чистоты, а напротивъ, воняло почти нестерпимо. Въ заключеніе Тамесъ

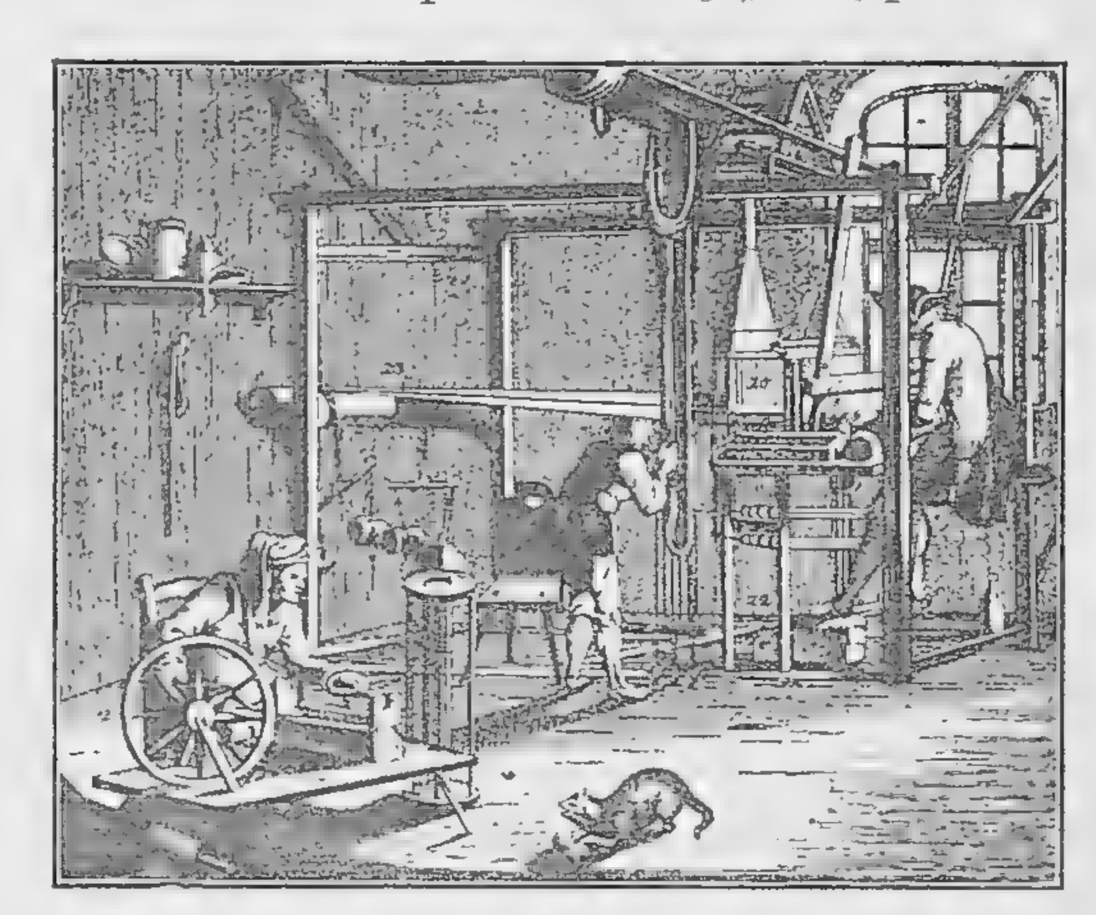
повелъ гостей въ комнату, гдѣ сидѣло человѣкъ 20 или 30 свободныхъ рабочихъ, которые ткали за деньги, но заработная плата ихъ почти не превышаетъ того, во что обходится содержаніе арестанта. Впослѣдствіи Тамесъ разсказывалъ Берхгольцу, что его фабрика давала ему около 30% чистаго дохода.

Рабочіе фабрикъ петровскаго времени происходили изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія: бѣглые крѣпостные, бродяги, нищіе, даже преступники—всѣ они по строгимъ указамъ забирались и отправлялись „въ работу" на фабрики. Петръ терпѣть не могъ „гулящихъ" людей, не пристроенныхъ ни къ какому дѣлу, приказывалъ хватать ихъ, не щадя даже иноческаго чина, и отправлялъ на фабрики. Вольнонаемныхъ рабочихъ было очень мало, потому что вообще вольныхъ людей въ тогдашней Россіи было немного; сельское населеніе было несвободно: часть была въ крѣпости у государства и не смѣла покидать тяглю, частью владѣли помѣщики, городское же населеніе было очень немногочисленно и въ значительной части тоже оказывалось прикрѣпленнымъ къ тяглу, связаннымъ въ свободѣ передвиженія, и потому поступало на фабрики только своего города. При учрежденіи фабрики, фабриканту давалась обыкновенно привилегія свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ, „платя имъ за труды достойную плату". Если фабрикантъ получалъ устроенную казной фабрику, то ему передавались вмѣстѣ съ фабричными строеніями и рабочіе. Такъ, Затрапезный получилъ для своихъ фабрикъ въ Ярославлѣ мастеровыхъ съ упраздненныхъ казенныхъ заводовъ. Учредителю коломяночной фабрики Волкову дано было пять становъ и 58 рабочихъ съ казенной фабрики.

Часты были случаи, когда для снабженія фабрикъ, а особенно горныхъ заводовъ, рабочими руками, къ фабрикамъ и заводамъ приписывали села и деревни крестьянъ, какъ это еще практиковалось въ XVII вѣкѣ. Такіе приписанные къ фабрикѣ работали на нее и въ ней по распоряженію владѣльца. Но въ большинствѣ случаевъ фабриканты должны были сами пріискивать себѣ рабочихъ путемъ найма. Это было очень трудно, и на фабрики попадали обыкновенно отбросы населенія—всѣ тѣ, кому больше некуда было дѣться. Рабочихъ рукъ не хватало. Фабриканты постоянно жаловались на недостатокъ рабочихъ и всѣ промедленія при исполненіи казенныхъ заказовъ объясняли прежде всего тѣмъ, что рабочихъ нѣтъ. Рабочіе были такъ рѣдки и потому, что выдѣлка была тогда по преимуществу ручная, и выучиться ей было не всегда легко; искусный, знающій свое дѣло рабочій очень поэтому цѣнился, фабриканты переманивали такихъ рабочихъ другъ у друга и хорошо обученныхъ рабочихъ не отпускали ни въ какомъ случаѣ. Выучившійся на фабрикѣ мастерству обязывался не покидать обучившей его фабрики десять или пятнадцать лѣтъ, смотря по уговору. Опытные рабочіе поэтому подолгу заживались на одномъ мѣстѣ и безработными становились рѣдко. За „подзываніе" работныхъ людей съ одной фабрики на другую до исте-

ченія урочнаго срока работы былъ назначенъ по закону очень большой штрафъ съ виноватаго фабриканта—около 900 рублей на наши деньги, сманенный же рабочій возвращался къ прежнему своему хозяину и подвергался тѣлесному наказанію.

Но все это не избавляло фабрики отъ безлюдья. Тогда правительство Петра рѣшило, что работы на фабрикахъ могутъ исполняться тѣмъ же путемъ, какъ и сельскія работы въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ, т.-е. при помощи крѣпостного труда. Въ 1721 г. и послѣдовалъ указъ, въ которомъ говорилось, что хотя прежде „купецкимъ людямъ" было запрещено покупать деревни, теперь же многіе изъ нихъ пожелали заводить различные фабрики и заводы какъ компаніями, такъ и поодиночкѣ. „Того ради позволяется для размноженія такихъ заводовъ, какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ, къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно съ позволенія бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, токмо подъ такой кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія бергъ-коллегіи. А ежели кто противъ сего поступитъ, то онаго всего того лишить безповоротно"... Послѣ этого указа всѣ фабрики быстро обзавелись крѣпостными рабочими, и это такъ понравилось фабрикантамъ, что они стали добиваться закрѣпленія за фабриками и свободныхъ рабочихъ, работавшихъ у нихъ по вольному найму. Въ 1736 г., т.-е. уже послѣ смерти Петра, они получили и это, и по указу всѣ тѣ мастеровые, которые во время изданія указа находились на фабрикахъ, должны были „вѣчно" съ семьями оставаться крѣпкими фабрикѣ. Фабриканты и при Петрѣ были ужъ судьями надъ своими рабочими; съ 1736 года это имъ предоставилъ законъ.

Ткачъ шелковой матеріи. Со старинной гравюры.

Крѣпостные рабочіе не всегда получали денежное жалованье, а только кормъ и одежду. Рабочіе вольнонаемные, конечно, получали жалованье деньгами, на казенныхъ фабрикахъ обыкновенно

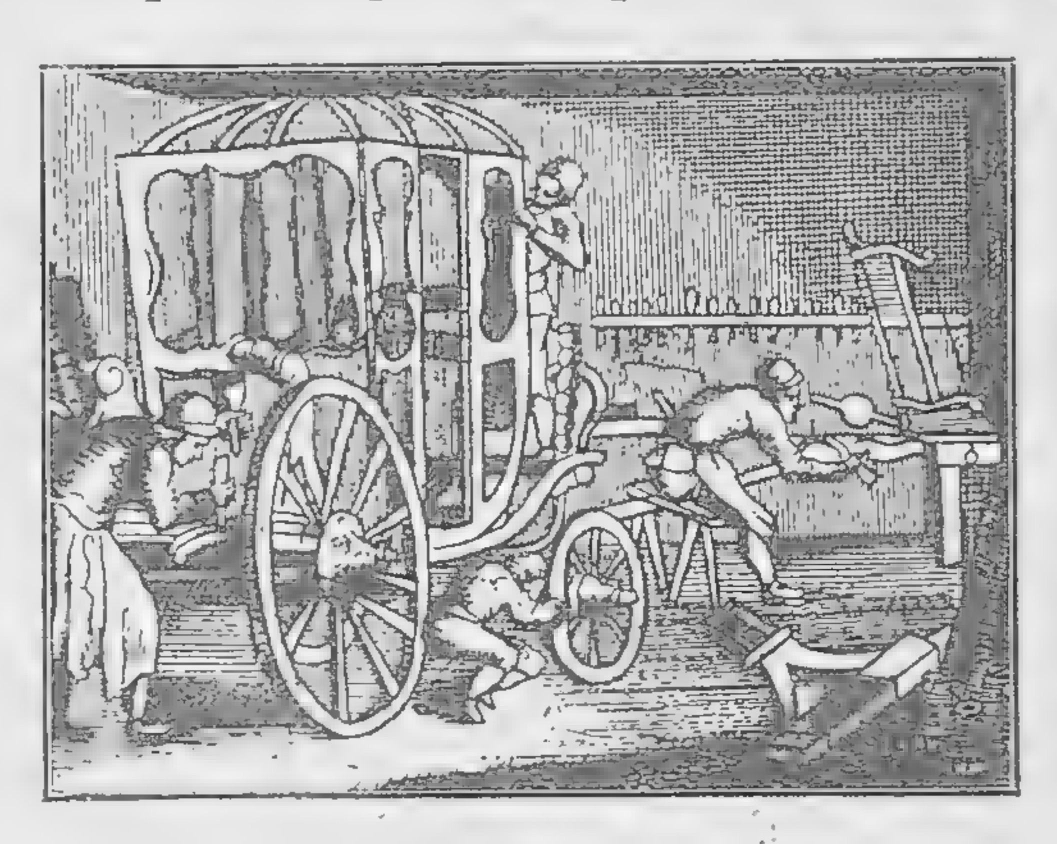
помѣсячно, а на частныхъ сдѣльно; кромѣ денегъ, вольнонаемнымъ шли еще и харчи. Размѣры денежныхъ жалованій и хлѣбныхъ дачъ были невелики. Высшая извѣстная намъ плата иноземному мастеру на шелковой фабрикѣ равнялась 5.400 руб. въ годъ по нашему счету, а низшая—около 600 руб. Годовая заработная плата ткача колебалась въ среднемъ отъ 120 до 160 руб. нашего счета. Хлѣбной дачи мастеръ получалъ—6 четвертей муки по 2 рубля за четверть, 3 четверти крупы по 4 руб. и 24 фунта соли по 40 коп. за пудъ, что въ общей сложности составляло 24 руб. 24 коп. въ годъ. Чтобы перевести на наши деньги, надо помножить эту сумму на девять. Простые рабочіе получали солдатскій паекъ, оцѣненный въ 1725 году въ 6 руб. 20 коп. въ годъ по-тогдашнему. Трудъ рабочихъ всего лучше оплачивался на шелковыхъ фабрикахъ, хуже—на бумажныхъ, еще хуже—на суконныхъ, и всего менѣе платили на полотняныхъ. На казенныхъ фабрикахъ въ общемъ плата была выше, чѣмъ на частныхъ.

Работа на нѣкоторыхъ фабрикахъ была точно и обстоятельно установлена компанейскими регламентами. Такъ, на мануфактурѣ гр. Апраксина съ товарищи по компанейскому регламенту зимой — съ 30 сентября по 30 марта—всѣ мастеровые люди должны были ходить на работу такъ: „въ полшеста часа по утру имѣеть караульный солдатъ звонить въ колоколъ, дабы всѣ мастеровые люди въ 6 часовъ утра на работу шли; и работать имъ до полудня, а въ полдень имѣетъ караульный солдатъ звонить въ колоколъ, чтобы всѣ мастеровые люди шли обѣдать. Пополудни въ два часа имѣетъ караульный солдатъ звонить въ колоколъ, чтобы мастеровые люди шли на свою работу до 7 часовъ ввечеру, въ которое время караульный паки имѣетъ звонить въ колоколъ, дабы шли ужинать и во знакъ роспуску ихъ въ тотъ день". Лѣтомъ этотъ порядокъ нѣсколько измѣнялся—работать начинали въ пять часовъ утра, а кончали, какъ и зимой, въ семь вечера. „Чтобы правила во всемъ исполнены были, того ради подлежитъ поставить одного солдата у выходу лавочнаго и повелѣть, дабы мастеровыхъ людей не выпускалъ никуды въ тѣ часы, въ которые они работать имѣютъ". Такимъ образомъ рабочій день на мануфактурѣ Апраксина не превышалъ 11—12 часовъ, съ двухчасовымъ роздыхомъ среди дня. Въ 1741 г. былъ по закону установленъ четырнадцатичасовой рабочій день.

Рабочіе во всемъ зависѣли отъ фабрикантовъ. Правда, законъ предписывалъ имъ „порядочно содержать мастеровыхъ и учениковъ и чинить имъ награжденье по достоинству", но эти правила плохо соблюдались. Фабриканты, купивъ деревню къ фабрикѣ, часто записывали въ рабочіе и гнали на фабрику всѣхъ „полныхъ работниковъ", такъ что на землѣ оставались только старики, бабы и малолѣтніе. Часто задерживалась уплата жалованья рабочимъ, такъ что они „приходили въ скудость и даже страдали болѣзнями". Рабочіе фабрики Дряблова жаловались въ 1737 г., что хозяинъ многимъ изъ нихъ „чинилъ мученія, а нѣкоторыхъ со-

слалъ въ ссылку, гдѣ ихъ и содержали въ острогѣ безвинно"; за инструменты, которые отъ дѣла изломаются, онъ вычиталъ изъ заработка и этими вычетами обижалъ и разорялъ рабочихъ. Въ 1741 г. составлялся регламентъ для фабрикъ и заводовъ, и тогда составители, собирая свѣдѣнія о русскихъ рабочихъ, нашли, что „большее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободраны и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ". По закону фабрикантъ имѣлъ право наказывать рабочихъ до битья батожьемъ включительно.

Товары, производимые русскими фабриками, не отличались высотой качества и обработки. Только грубыя солдатскія сукна были относительно хороши, да все то, что нужно было для воинскаго снабженія, до пушекъ включительно, но товары чисто-промышленные, которые искали себѣ сбыта въ народѣ, были плохи. Въ 1727 году правительство произвело опросъ купцовъ, торговавшихъ русскими фабрикатами, и купцы дали очень неблестящіе отзывы о русскихъ товарахъ. Староста суровскаго ряда въ Москвѣ Калмыковъ отъ имени торговцевъ заявилъ, что шелковые товары и бархаты „противъ заморскихъ работою не придутъ, а цѣною продаются изъ фабрикъ выше заморскихъ". Староста москотильнаго ряда говорилъ, что „русскій купоросъ, краска баканъ, вохра противъ заморскихъ ничто добротою не будетъ и весьма плоше, а заморскаго цѣною вдвое дороже". „Иглы съ россійской фабрики, — по отзывамъ купцовъ,—противъ вывозныхъ заморской работы самыя нижнія", а чулки „гарусные и валеные противъ заморскихъ весьма плохи"; коломянки, стамедь и полстамедь, штофы суконные, саржи, яренки, байки—всѣ названы плохими и непрочными; даже издѣлія полотняныхъ фабрикъ, по отзыву купцовъ, оказывались „ниже противъ заморскихъ". Лучше были отзывы купцовъ о шелковыхъ издѣліяхъ — здѣсь нѣкоторые сорта „противъ вывозныхъ заморскихъ товаровъ какъ цвѣтами, такъ и парчами приходили", бумага же писчая и всякая, а также карты выдѣлывались хорошо. Но самъ Петръ былъ доволенъ начатками русской промышленности: онъ любилъ заходить на фабрики частныхъ предпринимателей. Сынъ одного изъ фабрикантовъ петровскаго времени разсказывалъ, какъ царь посѣщалъ шелковую фабрику его отца и за стаканомъ пива, сидя съ хозяиномъ въ саду, „за многое благодарилъ, а иное приказывалъ переправить; давалъ ему своеручные

Мастерская каретника. Со старинной гравюры.

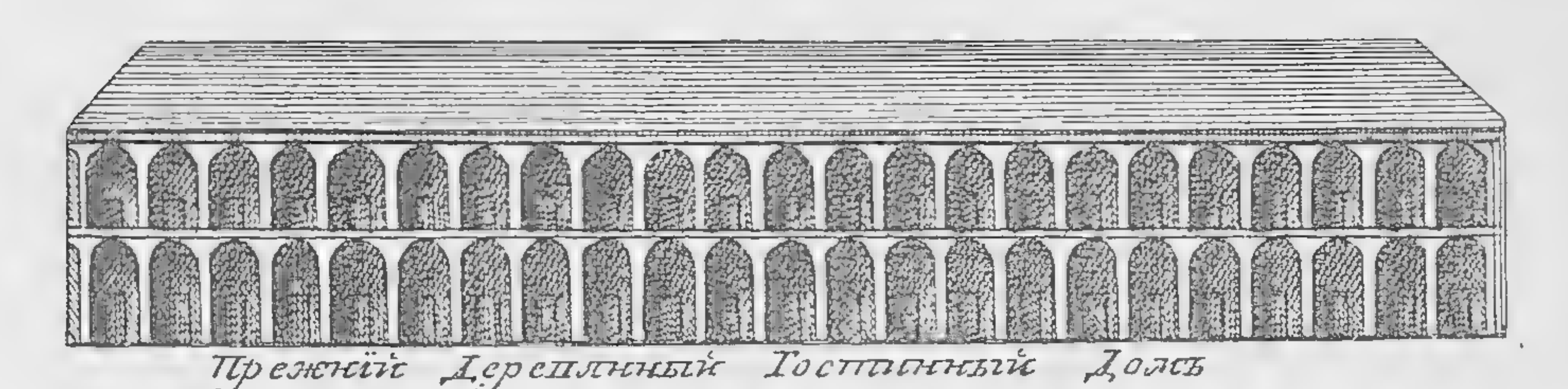
чертежи и изустныя наставленія; садился иногда самъ за станъ, принимался за челнокъ и ткалъ разныя матеріи, какъ мастеръ"... Онъ былъ очень радъ, получивъ первыя русскія сукна, сдѣланныя изъ русской шерсти: „сукна дѣлають,—писалъ онъ тогда Меншикову,—и умножается дѣло сіе изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ празднику". Сукно было не изъ тонкихъ и обработки грубой, но прочное и добротное. Приближенные царя говорили, что иностранныя сукна лучше. „Это такъ,—замѣтилъ Петръ,—но мнѣ надобно сукно, чтобы одѣвать армію. Чѣмъ оно дурно? Оно дѣлано изъ стригушки, какова она ни есть: цвѣтно, плотно и для солдата прочно и тепло".

Такимъ образомъ большинство русскихъ фабрикъ производили, по отзывамъ тогдашнихъ торговцевъ, товаръ плохого качества, который не могъ разсчитывать на скорый сбытъ, особенно при наличности иностранной конкуренціи. Тогда Петръ, чтобы поощрить своихъ фабрикантовъ и дать ихъ товарамъ хоть какой-нибудь сбытъ, сталъ налагать большія пошлины на иностранные фабрикаты. Согласно съ усвоеннымъ имъ ученіемъ меркантилизма, Петръ былъ убѣжденъ, что его фабриканты терпятъ „отъ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ; напримѣръ,—говорилъ Петръ,—одинъ мужикъ открылъ краску баканъ, я велѣлъ испробовать ее живописцамъ, и тѣ сказали, что она уступитъ одной венеціанской, а съ нѣмецкою равна, а иной и лучше: надѣлали ее много, и никто не покупаетъ за множествомъ привезенной изъ-за границы; жалуются и иные фабриканты"... До 1724 года Петръ издавалъ время отъ времени распоряженія, запрещавшія ввозъ то отдѣльныхъ иноземныхъ товаровъ, которые начинали вырабатывать въ Россіи, то цѣлыхъ группъ какъ „мануфактурныхъ", такъ и „металлическихъ продуктовъ". Время отъ времени запрещалось и внутри Россіи вырабатывать какое-нибудь полотно или шелковую ткань кому бы то ни было, кромѣ одной только-что открывшейся фабрики, конечно, съ прямой цѣлью дать ей возможность стать на ноги и пріучить къ своему производству потребителя.

Въ 1724 г. былъ изданъ общій тарифъ, строго-покровительственный своей промышленности, частью даже прямо запретительный по отношенію къ заграничнымъ товарамъ. Въ 1725 г. Петръ скончался; послѣ ~~его~~ смерти посыпались со стороны иностранныхъ купцовъ—англичанъ, голландцевъ, гамбургцевъ и любечанъ — жалобы на запретительный тарифъ Петра. Правительство Екатерины I рѣшило тогда опросить о достоинствѣ русскихъ фабрикатовъ московскихъ и петербургскихъ купцовъ—выше было сказано, какой отзывъ они дали о произведеніяхъ русскихъ фабрикъ. Купцы прямо просили сбавки ввозныхъ пошлинъ. Такъ какъ и для правительства тарифы Петра были невыгодны, потому что, при слабомъ таможенномъ надзорѣ, построенномъ еще совсѣмъ на старинный московскій ладъ, съ вѣрными головами и цѣловальниками во главѣ, страшно развилась контрабанда, и казна лишалась доходовъ, поступавшихъ частью къ купцамъ-контрабан-

листамъ, частью въ карманъ таможенныхъ чиновниковъ. Тогда-то и создалось своеобразное истолкованіе слова „таможня“ выраженіемъ: „тамъ можно“—разумѣлось—поживиться, и пословица-изреченіе: „таможня—золотое дно“. Въ 1731 г. былъ изданъ новый тарифъ, значительно понижавшій ставки петровскаго тарифа, достигавшія до 37$^1/_2$%, а на нѣкоторые товары даже до 75% ихъ цѣны; по тарифу 1731 г. стали брать съ иноземныхъ товаровъ 20% ихъ цѣны, а съ тѣхъ товаровъ, „которые хотя и дѣлаются въ Россіи, но немного, или вовсе не дѣлаются, но государству не нужны“, пошлину назначили въ 10%.

Съ промышленностью и торговлей случилось то же, что и со всѣми реформами Петра, начатыми имъ съ 1715—1719 гг.: задуманныя широко и смѣло, онѣ проводились въ жизнь исполнителями вяло и нудно; самъ Петръ, не выработавъ себѣ общаго опредѣленнаго плана, да за свою, полную тревогъ военнаго времени, жизнь и не привыкшій работать планомѣрно и послѣдовательно, много торопился и начиналъ иногда съ конца и середины

Прежній Деревянный Гостиный Домъ

дѣло, которое, можетъ-быть, слѣдовало бы вести бережно съ самой основы, и потому отдѣльныя стороны его реформъ вяли, какъ скороспѣлые цвѣты, а когда онъ умеръ и не стало человѣка геніальной всеподвижущей и всеодушевляющей энергіи, не умѣвшаго падать духомъ при неудачѣ и сознававшагося въ ней смѣло, когда она оказывалась, и всегда бодро бравшагося за дѣло съ начала,—дѣло реформы остановилось.

Для промышленности и торговли Петръ умеръ такъ же рано, какъ для всего въ тогдашней Россіи. Къ торгово-промышленной дѣятельности у него не было и подготовки, можетъ-быть, просто, относительно говоря, способности, а воспринятыя имъ начала меркантилизма сами въ себѣ таили въ конечномъ итогѣ неуспѣхъ и неудачу. Петръ и самъ чувствовалъ, что здѣсь онъ не совсѣмъ дома, и не разъ, высказывая удивительно чуткое пониманіе государственной важности торгово-промышленной дѣятельности населенія, сознавался, что „зѣло трудное дѣло“ — правильная постановка этой отрасли народнаго хозяйства въ государствѣ, особенно когда все приходилось создавать вновь и изъ ничего. Онъ жаловался, что „изъ всѣхъ дѣлъ администрація торговли представляетъ наиболѣе затрудненій“. Иностранцы признавали за нимъ большое пониманіе сути дѣла и говорили, что „относительно

пользы торговли государь имѣлъ довольно вѣрныя соображенія", да и у сотрудниковъ Петра была вѣра въ него, увѣренность, что если онъ и не отдаетъ себѣ яснаго отчета теперь, то, разъ занявшись вопросомъ, придетъ къ серьезному и вѣрному выводу. Когда замедлилось заключеніе торговаго договора съ Голландіей, то русскій уполномоченный, знаменитый впослѣдствіи А. И. Остерманъ, утѣшалъ голландскаго резидента такъ: „Между нами, я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло, но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ". Петръ сознавалъ всю рѣзкость, съ которой онъ проводилъ принципы меркантилизма, ограждая запретительными пошлинами русскую промышленность, и голландскому резиденту, жаловавшемуся на строгость его запретительныхъ мѣръ, сказалъ: „Что дѣлать, приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся".

На торговлю, на лучшую постановку и облегченіе торговаго дѣла со стороны государства Петръ обратилъ вниманіе тоже очень давно; еще въ 1690-хъ годахъ онъ былъ занятъ бесѣдами о коммерціи съ знающими иноземцами и, конечно, торговыми европейскими компаніями заинтересовался не менѣе, нежели промышленными. По возвращеніи изъ-за границы онъ сейчасъ же предписалъ: „Московскаго государства и городовымъ всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями, и чинить отпускъ товарамъ въ компаніяхъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань, также и черезъ Новгородъ, и имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть въ сборахъ великаго государя казны пополненію". Иностранцы, особенно голландцы, державшіе въ своихъ рукахъ значительную часть отпускной торговли Россіи, сначала очень испугались, ожидая самостоятельнаго развитія русской внѣшней торговли, если она устроится по испытанному западному образцу; но страхи ихъ были напрасны, и голландскій резидентъ извѣстилъ очень скоро послѣ указа своихъ соотечественниковъ, что опасаться нечего. „Что касается торговли компаніями,—писалъ онъ,—то это дѣло пало само собой: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло".

Но на незнанье у Петра было средство—пропаганда и наученье всѣми средствами до насильственныхъ включительно. Указомъ коммерцъ-коллегіи въ 1723 г. Петръ приказалъ „посылать въ чужіе края дѣтей торговыхъ людей, чтобъ никогда меньше 15 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать, понеже всѣхъ посылать невозможно; чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель послать человѣкъ 20 и раздать капиталистамъ;

сіе обое число изъ посадскихъ; къ тому же коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей“.

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани, да и всюду въ торговыхъ городахъ, гдѣ онъ бывалъ, Петръ непремѣнно посѣщалъ гостиные дворы, ходилъ по лавкамъ купцовъ, смотрѣлъ торговыя книги и записи, хвалилъ хорошую, красивую раскладку розничнаго товара, бранилъ за неряшество и грязь, разговаривалъ съ купцами и ихъ сидѣльцами о положеніи торговли, не отказывался выпить подносимой ему, по обычаю, водки, которую закусывалъ кренделемъ. При этихъ бесѣдахъ онъ узнавалъ людей, отличалъ способныхъ, бралъ нѣкоторыхъ на свою службу. Такимъ путемъ сдѣлали свою карьеру оберъ-инспекторъ таможни въ Ригѣ Илья Исаевъ, вице-канцлеръ П. П. Шафировъ, инспекторъ вышневолоцкихъ шлюзовъ Сердюковъ, московскій вице-губернаторъ Ершовъ и другіе, попавшіе на свои высокія и отвѣтственныя должности изъ купеческихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ.

Завоеваніе морского берега, основаніе Петербурга съ прямымъ назначеніемъ ему быть нашимъ вывознымъ портомъ, ученіе меркантилизма, воспринятое Петромъ, — все это и заставляло его думать о коммерціи, о ея развитіи въ Россіи. Въ первыя 10 лѣтъ XVIII в. развитію торговли съ Западомъ мѣшало то, что множество товаровъ были объявлены монополіей правительства и продавались только черезъ правительственныхъ агентовъ. Но эту мѣру, вызванную крайней нуждой въ деньгахъ, и Петръ не считалъ полезной, и потому, когда военная тревога нѣсколько успокоилась, онъ снова обратился къ мысли о компаніяхъ торговыхъ людей. Въ іюлѣ 1712 г. онъ распорядился сенату—„немедленно потщиться въ купецкомъ дѣлѣ лучшій порядокъ сдѣлать“. Сенатъ сталъ пробовать устроить компанію купцовъ для торговли съ Китаемъ, но московскіе купцы „во взятіи онаго торга въ компанію отказали“. Еще 12 февраля 1712 г. Петръ приказывалъ „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ оную въ лучшее состояніе привесть; къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ, которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали съ присягою, чтобы лучше порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше есть нашихъ“. Коллегія составилась, вырабатывала правила своего существованія и дѣйствій—„регулы, по которымъ какъ здѣшніе, такъ и иностранные купцы поступать могутъ“. Коллегіумъ работалъ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Работалъ вяло и застрялъ въ мелочахъ. Съ учрежденія коммерцъ-коллегіи всѣ дѣла этого ея прототипа были переданы новому вѣдомству торговли.

Въ 1723 г. Петръ приказалъ составить компанію купцовъ для торговли съ Испаніей. „Но, какъ всѣмъ извѣстно,—читаемъ въ указѣ объ этомъ,—что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ“, то коммерцъ-коллегія должна взять на себя веденіе дѣлъ новой компаніи, пока все не придетъ

въ совершенство. Компаніи было обѣщано вспоможеніе кораблями, матросами и даже деньгами. Предполагалось устроить также компанію для торговли съ Франціей. Посланы были для начала русскія казенныя суда съ товарами въ порты этихъ государствъ, но этимъ дѣло и кончилось. Торговыя компаніи не прививались и стали появляться въ Россіи не ранѣе половины XVIII в., да и то подъ условіемъ большихъ привилегій и покровительства со стороны казны. Русскіе купцы предпочитали торговать самолично или черезъ посредство приказчиковъ въ одиночку, не вступая въ компаніи съ другими.

Съ 1716—1717 гг. Петръ особенно занятъ „гражданственностью", погруженъ въ проекты новаго устройства управленія, суда, финансовъ, живетъ въ атмосферѣ толковъ обо всемъ этомъ, ищетъ и находитъ знающихъ людей, съ которыми можно говорить о промышленности и коммерціи. Организаторъ коллегій Люберасъ подалъ тогда Петру записку на нѣмецкомъ языкѣ о генеральной экономіи Россіи, гдѣ много мѣста отводитъ торговлѣ. „Извѣстно,— писалъ въ своей запискѣ Люберасъ,—что въ нѣкоторыхъ странахъ, несмотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это, во-первыхъ, тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обрабатываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе. Или же, во-вторыхъ, когда въ странѣ потребляютъ чужихъ товаровъ больше, чѣмъ можно оплатить вывозомъ туземныхъ товаровъ: балансъ въ такомъ случаѣ долженъ быть оплаченъ деньгами, и страна необходимо будетъ бѣднѣть, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе... Или же, въ-третьихъ, когда государь либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого по видимости и вначалѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія; общая же торговля тогда только и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями, съ помощью ихъ кредита и ихъ собственныхъ усилій... Всѣ указанныя черты встрѣчаются у націй, которыя не особенно заботятся объ улучшеніи продуктовъ собственной страны и вовсе не стараются узнать, куда и съ какой прибылью сбываютъ эти продукты иностранные коммерсанты". Такія націи,—по мнѣнію Люберaса,—глухи къ совѣтамъ вывозить свои товары за границу и къ развитію необходимаго для нихъ мореплаванія. „Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ,—говоритъ Люберасъ,— дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія существуютъ два главныхъ пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ: это мореплаваніе и промышленность".

Россія,—по мнѣнію Люберaса,—богато одарена благами при-

роды, превосходные и необходимые продукты которыхъ до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, иногда вовсе ненужные, тогда какъ, обладая естественными богатствами, Россія можетъ сама завести фабрики и заводы, которые будутъ вырабатывать изъ русскихъ матеріаловъ тѣ товары, которые теперь приходится ввозить. „Чтобы привести всеобщую экономію въ прочный и постоянный порядокъ,— говоритъ далѣе Люберасъ,—въ высшей степени необходимо дать этому огромному тѣлу настоящую жизнь или душу. Таковая заключается въ твердомъ иностранномъ кредитѣ вашего царскаго величества и въ дѣльныхъ и преданныхъ директорахъ, которые бы поддерживали этотъ кредитъ внутри и внѣ государства“. Для этой цѣли Люберасъ совѣтуетъ учредить должность генералъ-директора, которому подчинить директоровъ въ провинціяхъ и поручить имъ высшее наблюденіе за фабриками и заводами; генералъ-директоръ долженъ заботиться о качествѣ товаровъ, о ихъ доставкѣ къ гаванямъ и сбытѣ, наблюдать за ввозомъ и составлять общій балансъ всей государственной экономіи. Иностранная контора должна состоять изъ оберъ-директора въ Гамбургѣ и подчиненныхъ ему консуловъ въ Данцигѣ, Копенгагенѣ, Любекѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ, Бордо, Кадиксѣ, Бильбао, Лиссабонѣ, Ливорно и Венеціи. „Такимъ устройствомъ ваше величество обезпечите себѣ тѣмъ большее преимущество передъ коммерсантами другихъ странъ, что тѣ ведутъ свои дѣла каждый за себя или небольшими компаніями, а ваше величество, благодаря постоянной корреспонденціи агентовъ, служащихъ повсюду однимъ иннтересамъ, будете въ состояніи управлять всѣмъ ходомъ торговли; такимъ образомъ внѣшняя торговля будетъ помогать внутренней экономіи, и наоборотъ; одна другой будетъ способствовать къ постоянному и правильному развитію“.

Все, что говорилъ Люберасъ, было знакомо русскому правительству, благодаря большому казенному торгу, заведенному Петромъ, но этотъ торгъ, преслѣдуя исключительно одну цѣль: пополненія казны, растрясенной войною, мало или почти совсѣмъ не имѣлъ въ виду преслѣдовать нужды торговли, какъ государственной силы. Съ 1715 года замѣчается поворотъ на иной взглядъ. Съ этого года возникаютъ первыя русскія консульства за границей. „Понеже добрый порядокъ въ коммерціи и предостереженіе всякихъ трудностей требуютъ,—говорится въ патентѣ перваго русскаго консула въ Парижѣ,—чтобы мы для пользы подданныхъ нашихъ кого имѣли въ пристаняхъ и прочихъ мѣстахъ королевства французскаго, въ которыхъ наши подданные купцы и прочіе торгъ отправлять могутъ, такую вѣрную и искусную особу въ коммерціи, который могъ бы въ прилучающихся трудностяхъ и всякихъ иныхъ случаяхъ подданнымъ нашимъ купеческимъ людямъ способствовать, того ради назначили мы и т. д.“. Послѣ были назначены Петромъ консулы въ Амстердамъ, Антверпенъ, Бреславль, Вѣну, Люттихъ, Бордо и Кадиксъ.

Съ 1716—1717 годовъ начинаютъ особенно усиленно выдаваться разрѣшенія на устройство частныхъ фабрикъ „на пользу общаго блага и пожитка подданныхъ“. 8 апрѣля 1719 года Петръ издалъ указъ о вольности торговли и, „милосердствуя къ купечеству россійскаго государства,—читаемъ въ указѣ,—указалъ казеннымъ товарамъ быть только двумъ: поташу и смольчугу, а прочіе товары, которые продаваны были изъ казны, уволить торговлею въ народѣ, токмо съ прибавочною пошлиной“. Большой поклонникъ моря и флота, Петръ, конечно, не оставилъ безъ вниманія возможность созданія, на ряду съ военнымъ, и торговаго флота, морского и рѣчного. Что касается моря, то роль купеческихъ судовъ у него иногда исполняли военныя, отправлявшіяся съ русскими товарами въ порты Голландіи, Англіи и даже Испаніи. Для лучшаго устройства рѣчныхъ торговыхъ судовъ Петръ запретилъ строить староманерныя суда, разные дощаники и струги, низкобортные, плохо проконопаченные и просмоленные, и съ его легкой руки пошли по русскимъ рѣкамъ барки, расшивы и другія волжскія суда. Гости Баженины имѣли еще въ 1700-хъ годахъ свои морскіе корабли, ходившіе съ голландскими капитанами, но русскими въ большинствѣ матросами.

Основу торговаго значенія Россіи Петръ видѣлъ въ томъ, что природа судила ей быть торговою посредницею между Европой и Азіей. Но громадное пространство суши скорѣе раздѣляло, чѣмъ соединяло Европу и Азію. Огромныя пространства, непроходимыя дороги—все это страшно усложняло переѣздъ купцовъ и удорожало передвиженіе товаровъ. „Трудность сухопутныхъ сообщеній обращала мысль на русскую рѣку,—говоритъ В. О. Ключевскій,—и Петръ съ удивительной силой вниманія изучалъ эту единственную въ мірѣ сѣть вѣчно движущихся и не требующихъ ремонта шоссейныхъ дорогъ, какую природа дала русской торговлѣ въ бассейнахъ русскихъ рѣкъ. Въ умѣ Петра много лѣтъ складывался великолѣпный планъ канализаціи этихъ столь о строумно расчерченныхъ природою бассейновъ. Но на исполненіи этого плана тяжело отозвались колебанія внѣшней политики Петра“. Послѣ взятія Азова, когда создавался азовскій флотъ, предполагалось и все торговое движеніе Россіи направить къ Черному морю. Тогда было предпринято соединеніе водныхъ путей центральной Россіи съ Чернымъ моремъ двумя каналами. Одинъ долженъ былъ соединить притоки Дона и Волги Камышинкой и Иловлей, а другой подходилъ бы къ небольшому Иванъ-озеру въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губ., изъ котораго съ одной стороны вытекаетъ Донъ, а съ другой—рѣчка Шашъ, притокъ Упы, впадающей въ Оку. Работы были начаты. Десятки тысячъ рабочихъ копали землю, расчищали и углубляли озера и рѣки, возводили плотины, отводили малыми каналами лишнюю воду; но прутская неудача заставила бросить Азовъ и отказаться отъ всѣхъ надеждъ на овладѣніе Черноморьемъ.

Утвердившись на Балтійскомъ побережьѣ, основавъ новую столицу С.-Петербургъ, Петръ рѣшилъ соединить Балтійское море съ Каспійскимъ, пользуясь рѣками и каналами, которые предполагалъ построить. Уже въ 1706 г. онъ велѣлъ соединить рѣку Тверцу каналомъ съ Цной, которая, образуя своимъ расширеніемъ озеро Мстино, выходитъ изъ него съ названіемъ рѣки Мсты и впадаетъ въ Ильмень. Это было начало знаменитой Вышневолоцкой системы. Главнымъ препятствіемъ соединенія Невы и Волги являлось бурное Ладожское озеро, и Петръ рѣшилъ для обхода его непривѣтливыхъ водъ построить обходный каналъ. „Понеже всѣмъ извѣстно есть,—писалъ онъ въ 1718 г. въ сенатъ,—какой убытокъ общенародный есть сему новому мѣсту (Петербургу) отъ Ладожскаго озера, чего для необходимая нужда требуетъ, дабы каналъ отъ Волхова въ Неву былъ учиненъ, къ которой работѣ, ежели дастъ Богъ миръ, намѣреніе наше есть, чтобы оную всею арміей исправить, но сіе еще безызвѣстно, а нужда челобитчикъ неотступный, того ради подлежитъ резолюцію взять, хотя и не будетъ мира, дабы оную работу, яко послѣднюю главную нужду сего мѣста, немедля начать“... Начальникомъ работъ на каналѣ Петръ поставилъ знаменитаго впослѣдствіи Миниха. Самъ онъ часто бывалъ тамъ и принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи разныхъ пріемовъ работы. Послѣ удачнаго окончанія одной части работъ, Петръ обнялъ Миниха и сказалъ ему, что его работы возвращаютъ ему здоровье: „Надѣюсь со временемъ,—сказалъ Петръ,—вмѣстѣ съ тобою ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головинскомъ саду при рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ стать“. Петръ предполагалъ соединить Волгу съ Невой, прорывъ еще водораздѣлъ между рѣками Вытегрой, впадающей въ Онежское озеро, и Ковжей, впадающей въ Бѣлоозеро, и такимъ образомъ намѣтилъ сѣть осуществленной уже въ XIX вѣкѣ Маріинской системы. Далѣе намѣчались работы по соединенію каналами Бѣлаго моря съ Балтійскимъ и предполагалось построить сѣть каналовъ, соединяющихъ окскій бассейнъ съ бассейномъ Западной Двины. Но стѣсненное положеніе финансовъ и война не позволили начать эти работы, а послѣ смерти Петра обо всемъ этомъ позабыли. Изъ шести задуманныхъ и проектированныхъ при Петрѣ каналовъ былъ оконченъ только одинъ. Петръ, какъ всегда и всюду, во всякомъ дѣлѣ, которое двигала въ его руки судьба, клалъ много личнаго трудъ и въ постройку каналовъ. Народныя преданія олонецкаго края сохранили живое воспоминаніе о томъ, какъ царь съ партіей искателей „верстъ 200 безъ маленькаго днемъ и ночью двигались по зыбямъ и болотамъ, по горамъ и водамъ, по мхамъ дыбучимъ и лѣсамъ дремучимъ; лѣсъ рубили, клади клали, плоты дѣлали“... Десять дней бродилъ разъ царь по лѣсамъ и болотамъ, осматривая мѣстность, по которой долженъ былъ пройти намѣченный каналъ, ночевалъ въ шалашѣ изъ древесныхъ вѣтвей или въ хижинахъ звѣролововъ и лѣсныхъ добычниковъ. Этотъ видимый личный

трудъ царя не искупалъ, конечно, безмѣрныхъ тяготъ народа, неволею согнаннаго на „гиблую" работу, но во многомъ мирилъ невольныхъ тружениковъ съ ихъ тяжкой долей.

Одновременно съ хлопотами о соединенiи сѣтью каналовъ рѣкъ Балтики и Каспiя, Петръ принималъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы движенiе внѣшней торговли оставило прежнiй привычный путь къ Бѣлому морю и Архангельску и взяло новое направленiе на Петербургъ. Правительственныя мѣры въ этомъ направленiи начались съ 1712 года, но протесты иноземныхъ купцовъ, жаловавшихся на неудобство житья въ новомъ городѣ, какъ Петербургъ, немалая опасность плаванiя въ военное время по Балтiйскому морю, дороговизна самаго пути, потому что датчане брали пошлину за проходъ судовъ Зундомъ,—все это заставило Петра повременить съ крутымъ переводомъ торговли съ Европой изъ Архангельска въ Петербургъ; но уже въ 1718 г. онъ издалъ указъ, позволявшiй въ Архангельскѣ только торговлю пенькой, всю же хлѣбную торговлю предписывалось двинуть на Петербургъ. Благодаря этимъ и другимъ мѣрамъ такого же характера, Петербургъ становился значительнымъ мѣстомъ отпускной и привозной торговли. Въ заботахъ о поднятiи торговаго значенiя своей новой столицы Петръ ведетъ переговоры со своимъ будущимъ зятемъ, герцогомъ гольштинскимъ, относительно возможности прорыть каналъ отъ Киля въ Сѣверное море, чтобы быть независимымъ отъ датчанъ, и, пользуясь замѣшательствами въ Мекленбургѣ и военнымъ временемъ вообще, думаетъ прочнѣе основаться около возможнаго входа въ проектированный каналъ. Какъ извѣстно, кильскiй каналъ осуществленъ германскимъ правительствомъ только въ наши дни.

Торговое значенiе Петербурга росло, однако, и безъ кильскаго канала. Лѣтомъ 1722 г. къ Петербургу пришло 116 иностранныхъ кораблей, къ Ревелю—62, къ Выборгу—28; въ 1724 г. къ петербургскому порту пришло 240 кораблей. Въ 1725 г. въ приходѣ ко всѣмъ балтiйскимъ портамъ, кромѣ Кронштадта и Пернова, значилось 914 купеческихъ кораблей изъ разныхъ странъ Европы.

Относительно русскихъ кораблей въ иностранныхъ портахъ что-то мало слышно за это время, если не считать появленiя въ 1722 году въ Стокгольмѣ русскаго корабля нѣкоего Барсукова изъ Петербурга. Къ этому же времени относится и анекдотическое появленiе русскихъ купцовъ, приплывшихъ въ Стокгольмъ на какихъ-то скорлупкахъ изъ Ревеля черезъ Або. Привезли эти купцы, по донесенiю русскаго резидента въ Швецiи Бестужева, „мелочь"—немного полотна, деревянныя ложки и каленые орѣхи; купили сани и развозили въ нихъ свой товаръ по Стокгольму, криками выхваляя его достоинство, совсѣмъ какъ дома, въ любомъ русскомъ городѣ; изъ экономiи купцы остановились не въ гостиницѣ, а подъ открытымъ небомъ, у пристани, гдѣ корабли пристаютъ, и тутъ же варили себѣ кашу изъ привезенныхъ съ собой крупъ. Бестужевъ запретилъ дорогимъ соотечественникамъ выка-

зывать свою предпріимчивость по ввозу въ Швецію деревянныхъ ложекъ и каленыхъ орѣховъ, но его не слушали. „Русскіе купцы никакого послушанія не оказываютъ,—писалъ Бестужевъ,—безпрестанно пьяные, бранятся и дерутся между собою, отъ чего немалое безчестіе русскому народу; и хотя я вашего величества указъ имъ и объявлялъ, чтобы они смирно жили и чистенько себя въ платьѣ содержали, но они не только себя въ платьѣ чисто не содержатъ, но нѣкоторые изъ нихъ ходятъ въ старомъ русскомъ платьѣ безъ галстуха, также нѣкоторые и съ бородами по улицамъ бродятъ“. Маленькій случай, но много въ немъ горькаго и обиднаго таилось для Петра: съ такими купцами, широкіе замыслы его суживались, торговые трактаты, заключенные имъ чуть не со всѣми государствами при строгомъ уговорѣ о взаимныхъ и одинаковыхъ выгодахъ купцамъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, вырождались на дѣлѣ въ односторонніе договоры, потому что въ Россіи мало кому было пользоваться выгодами торговли съ Западомъ, такъ какъ никто не торговалъ самостоятельно, и вся русская привозная и отпускная торговля силою вещей оказалась въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, болѣе опытныхъ, образованныхъ, лучше умѣющихъ устраиваться. Но все же успѣхи, и сравнительно не малые, были достигнуты. При Петрѣ оборотъ одного архангельскаго порта достигалъ до 3 милліоновъ, повысившись до этой цифры съ 750.000. Но, когда Петръ перевелъ направленіе морской торговли въ Петербургъ, обороты Архангельска упали до 300.000, зато обороты петербургскаго порта къ концу царствованія Петра равнялись 4.000.000 руб. Если прибавить сюда обороты вновь пріобрѣтенныхъ балтійскихъ портовъ, Ревеля, Риги, Нарвы, Пернова и Кронштадта, то оказывается, что общій итогъ внѣшней торговли къ концу царствованія Петра превышалъ 4 милліона по вывозу и 2 по ввозу. Для отпускной торговли, кромѣ стараго архангельскаго порта, были открыты еще шесть гаваней.

Предметомъ вывоза изъ русскихъ портовъ были, конечно, преимущественно сырые продукты—все то, что еще Святославъ обозначилъ, какъ предметъ русскаго вывоза: пушной товаръ, медъ, воскъ; съ XVII в. стали особенно цѣнить на Западѣ русскій строевой лѣсъ, смолу, деготь, парусное полотно, пеньку, канаты; тогда же пошли усиленно на вывозъ продукты скотоводства—кожа, сало, щетина, шерсть; со временъ Петра за границу пошли продукты горнаго промысла, по преимуществу желѣзо и мѣдь; особеннымъ спросомъ пользовались ленъ и пенька; торговля хлѣбомъ была слабая по причинѣ бездорожья и правительственныхъ запрещеній отпускать хлѣбъ за границу.

Взамѣнъ русскаго сырья, Европа могла бы снабжать насъ продуктами своей обрабатывающей промышленности; но, покровительствуя своимъ фабрикамъ и заводамъ, Петръ почти запретительными пошлинами сильно сократилъ ввозъ въ Россію заграничныхъ фабрикатовъ, допуская только такіе, которые совсѣмъ не

вырабатывались въ Россіи, или только такіе, которые нужны были русскимъ фабрикамъ и заводамъ.

Петръ отдалъ дань и свойственному его времени увлеченію торговлей со странами далекаго юга, съ Индіей. Онъ мечталъ объ экспедиціи на Мадагаскаръ, а индійскую торговлю думалъ направить черезъ Хиву и Бухару въ Россію. Въ Персію былъ отправленъ посломъ А. П. Волынскій, и ему Петръ поручилъ узнать, нѣтъ ли какой рѣки въ Персіи, которая протекала бы изъ Индіи черезъ Персію и впадала бы въ Каспійское море. Волынскій долженъ былъ хлопотать, чтобы шахово величество направилъ всю торговлю Персіи шелкомъ-сырцомъ не черезъ города турецкаго султана—Смирну и Алеппо, а черезъ городъ царскаго величества Астрахань. Въ 1715 году съ Персіей былъ заключенъ торговый договоръ, и астраханская торговля очень оживилась. Сознавая всю важность Каспія для своихъ широкихъ плановъ, Петръ воспользовался замѣшательствомъ въ Персіи, когда тамъ мятежники перебили русскихъ купцовъ, и занялъ берегъ Каспія до Баку и Дербента включительно. Въ Среднюю Азію, на Аму-Дарью, Петръ отправилъ военную экспедицію подъ начальствомъ кн. Бековича-Черкасскаго. Чтобы тамъ утвердиться, предполагалось разыскать старое русло рѣки Аму-Дарьи и направить ея теченіе въ Каспійское море, но эта попытка не удалась: изнеможенный трудностью пути по выжженной солнцемъ пустынѣ, русскій отрядъ попалъ въ засаду, устроенную хивинцами, и былъ весь истребленъ.

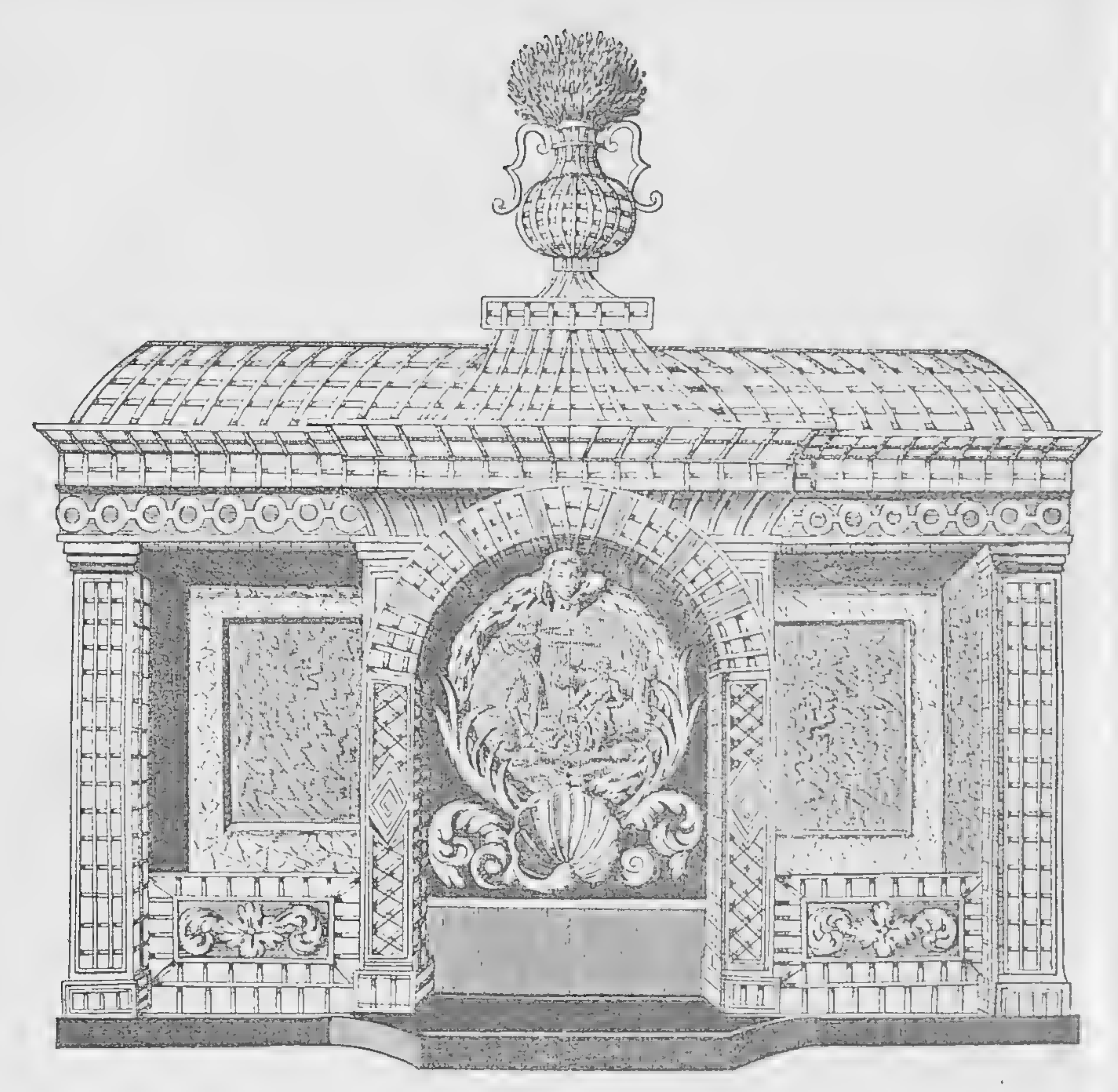
Такимъ образомъ при Петрѣ, и во многомъ благодаря его труду и почину, было положено основаніе русской промышленности. Въ оборотъ народнаго труда поступило множество новыхъ производствъ, т.-е. количественно увеличились и качественно улучшились источники народнаго благосостоянія. Это улучшеніе достигалось путемъ страшнаго напряженія народныхъ силъ, но только благодаря этому напряженію страна оказалась въ состояніи вынести тяготу безпрерывно двадцать лѣтъ длившейся войны. Въ будущемъ, начавшаяся при Петрѣ усиленная разработка національныхъ богатствъ вела къ обогащенію и экономическому развитію Россіи. Въ этомъ смыслѣ организовавшаяся при Петрѣ промышленность и торговля являются, быть-можетъ, самымъ плодотворнымъ наслѣдіемъ, какое Россіи будущаго оставила эпоха Петра Великаго.

Внутренняя торговля Россіи при Петрѣ тоже значительно оживилась, но въ общемъ продолжала имѣть все тотъ же караванно-ярмарочный характеръ. Но и эта сторона хозяйственной жизни Россіи была всколыхнута Петромъ и выведена изъ того покоя косности и непредпріимчивости, какой отличалась въ XVII в. и ранѣе. Распространеніе коммерческихъ знаній, появленіе фабрикъ и заводовъ, общеніе съ иноземцами,—все это давало новый смыслъ и направленіе русской торговлѣ, заставляя ее оживляться внутри и тѣмъ самымъ становиться все болѣе и болѣе дѣятельной участницей міровой торговли, усваивать ея принципы и правила.

Сказалось все это, конечно, впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, при Петрѣ положено было тому только здравое начало.

Въ Московскомъ государствѣ торгово-промышленная дѣятельность цѣнилась лишь постольку, поскольку она давала непосредственной прибыли государевой казнѣ. Предметомъ заботы со стороны государства, какъ дѣятельность, обогащающая народъ, доставляющая ему больше средствъ для лучшаго устройства жизни, торговля и промышленность въ московское время никогда не были. Петръ не только создалъ промышленность Россіи, но и призналъ за ней широкое государственное значеніе. Торговля и промышленность стали при немъ не только доходной статьей казны, но и важной стороной государственнаго строительства, какъ сила, поднимающая благосостояніе страны. Такъ понятая, поставленная въ ряду государственныхъ нуждъ, торгово-промышленная дѣятельность не могла захирѣть и, несмотря на то, что подъ гору милліоны тянули, по выраженію Посошкова, мощный толчокъ вверхъ, данный Петромъ, сообщилъ русской торговлѣ и промышленности движеніе въ гору, а не подъ гору.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIII—XVIII; *А. Аѳанасьевъ*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ; *Н. В. Соколовскій*, Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа; *М. И. Туганъ-Барановскій*, Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ; *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, часть IV; *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, вып. I; *Его же*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII-го вѣка; *А. Семеновъ*, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ половины XVII в.; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII в.; *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго; *П. Н. Ѳирсовъ*, Правительство Московской Руси и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу, и др. соч.

Садовая бесѣдка временъ Петра Великаго.

Дворянство временъ Петра Великаго.

Общество Московскаго государства дѣлилось на три основныхъ „чина"; каждый изъ нихъ несъ свою обязательную государственную повинность, свойства и предѣлы которой соотвѣтствовали экономическому состоянію даннаго общественнаго слоя. Это были: служилые люди, тяглые городскіе, или посадскіе, и тяглые сельскіе, или крестьяне. Каждый изъ этихъ большихъ разрядовъ дѣлился на нѣсколько мелкихъ, тоже различавшихся между собою въ несеніи службы государству.

Чины служилые раздѣлялись на двѣ большихъ группы: на чины служилые *по отечеству*, которые несли государственную службу какъ наслѣдственную повинность, и на чины служилые *по прибору*, которые создавались правительствомъ путемъ вербовки изъ охотниковъ. Чины служилые по отечеству распадались

на чины думные и на чины служилые собственно. Думныхъ чиновъ были три: бояре, окольничіе и думные дворяне. Люди думнаго чина занимали должности по высшему управленію и засѣдали въ высшемъ правительственномъ учрежденіи Московскаго государства—въ боярской думѣ. Чины служилые собственно раздѣлялись на чины московскіе и чины городовые. Чины московскіе въ нисходящемъ порядкѣ были: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. Въ военномъ отношеніи они составляли „государевъ полкъ", какъ бы корпусъ избранной государевой гвардіи. Люди московскихъ чиновъ назначались также головами и воеводами, т.-е. офицерами и полковниками, командирами частей въ арміи, соотвѣтствовавшихъ современнымъ полкамъ и батальонамъ; они служили и по гражданской службѣ, занимая второстепенныя должности по центральному управленію. Чины городовые были: дворяне выборные или выборъ, дѣти боярскіе дворовые и дѣти боярскіе городовые собственно. Основой этого дѣленія было имущественное состояніе служилыхъ людей даннаго разряда, которое опредѣляло мѣру ратной повинности каждаго изъ этихъ подраздѣленій городового, т.-е. провинціальнаго дворянства. Наиболѣе обезпеченные составляли „выборъ"; они ходили въ дальніе походы, къ границамъ, отдаленнымъ отъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они владѣли землей, т.-е. несли „службу государеву дальнюю"; менѣе обезпеченные дѣти боярскіе дворовые ходили только въ близкіе походы, для обороны границъ, вблизи которыхъ имѣли земли, несли службу государеву ближнюю; по извѣстной очереди служилые люди выборные и дѣти боярскіе дворовые наряжались для отправленія разныхъ обязанностей и исправленія низшихъ должностей при дворѣ и по управленію. Дѣти боярскіе городовые собственно, дворянская бѣднота, не имѣвшая лошадей и надлежащаго походнаго вооруженія, составляли пѣшіе гарнизоны своихъ уѣздныхъ городовъ, несли „службу государеву осадную или городовую".

Лица, принадлежавшія къ перечисленнымъ разрядамъ служилыхъ чиновъ по отечеству, были наслѣдственными военными слугами Московскаго государства, составляя главную массу вооруженной силы страны. За свою службу они получали землю, „помѣстья"; землей жаловали ихъ и въ награду за отличія по службѣ; повышеніе земельнаго оклада сопровождалось обыкновенно переходомъ въ болѣе высшій разрядъ по отбыванію службы до предѣловъ, которыхъ данному лицу можно было достичь и которые опредѣлялись для каждаго служилаго человѣка его происхожденіемъ, „породой".

Такъ какъ военная нужда была настоятельнѣйшей изъ всѣхъ государственныхъ нуждъ въ жизни Московскаго государства, то разрядъ людей, имѣвшихъ непосредственной цѣлью своего существованія удовлетвореніе этой нужды, естественно получилъ большую силу и значеніе въ правительствѣ и въ жизни страны.

Кромѣ того, что они составляли военную силу государства,

изъ среды служилыхъ людей были всѣ начальники по управленію страной, въ рукахъ служилыхъ людей сосредоточивалась наибольшая масса обрабатываемой земли, къ которой въ XVII в. уже прикрѣплены обязательные работники — крѣпостные крестьяне. На этомъ высокомъ значеніи въ странѣ основывалась „честь“ класса, какъ вообще въ Московскомъ государствѣ каждый „чинъ“ пользовался извѣстной „честью“, въ мѣру приносимой имъ государству пользы. Формой, въ которой выражалась эта оцѣнка государственной пользы и чиновной чести, является наказаніе за „безчестье“, т.-е. за оскорбленіе лица дѣйствіемъ или „непригожимъ“ словомъ. Наказанія за безчестіе различались по чинамъ какъ оскорбленной, такъ и оскорбившей стороны и были очень разнообразны: за безчестье подвергали денежнымъ штрафамъ, тюрьмѣ, наказанію на тѣлѣ и позорящему виновнаго обряду выдачи головой тому, кого онъ оскорбилъ. Сложный тарифъ штрафовъ за безчестье, изложенный въ Судебникѣ 1550 г., еще болѣе развитъ въ Уложеніи 1649 г. Штрафы за безчестье, можно сказать, пропорціональны размѣрамъ государственной пользы, приносимой тѣмъ, кто былъ оскорбленъ. Съ другой стороны, „чинъ“, пріобрѣтенный заслугой или породой, имѣлъ важное значеніе для характера и размѣровъ кары, постигавшей обидчика. За оскорбленіе патріарха думные люди выдавались ему головой, служилые по отечеству наказывались батогами, а тяглые и служилые по прибору, т.-е. стрѣльцы, пушкари, солдаты и рейтары, наказывались кнутомъ и сажались на мѣсяцъ въ тюрьму. Такимъ образомъ въ общественномъ сознаніи древней Руси существовало представленіе объ извѣстномъ достоинствѣ, чести человѣка заслуженнаго или породнаго, и законъ выражалъ это тѣмъ, что не подвергалъ за одни и тѣ же поступки людей высшихъ чиновъ одинаковымъ наказаніямъ съ людьми низшихъ чиновъ.

До XVII вѣка „честь“ болѣе связывалась съ „породой“, чѣмъ съ чиномъ. Представители древнѣйшихъ княжескихъ родовъ составляли довольно замкнутый аристократическій кругъ, въ который не было доступа людямъ худороднымъ. Лица этого круга требовали себѣ въ XVI вѣкѣ и раньше исключительнаго положенія въ государствѣ и правительствѣ. Они говорили, что люди ихъ происхожденія — природные совѣтники московскаго государя; у нихъ существовало убѣжденіе, что московскій государь, ихъ сородичъ, только первый среди равныхъ, что если предки ихъ правили русской землей по частямъ и по одиночкѣ, когда были такими же князьями, какъ и московскій, то они, ихъ потомки, собравшись въ Москвѣ, должны править всею землею всѣ вмѣстѣ, размѣстившись у этого правленія въ извѣстномъ порядкѣ старшинства. Совѣтники государя даны ему Богомъ, какъ и онъ самъ милостію Божіей воспріялъ свои государства, а потому государь не можетъ ихъ, княжатъ, сдѣлать ни выше ни ниже: они князья по отечеству; за службу государь можетъ жаловать деньги и земли кому хочетъ, но „отечества“, родовой чести, онъ никому не мо-

жетъ пожаловать. „Отечество", родовая честь, имѣло поэтому огромное значеніе въ строѣ московской государственности, и никакія заслуги „худороднаго" человѣка не могли поставить его на одну доску съ „великородными".

Цѣлая сложная и запутанная система правилъ, называемая обыкновенно мѣстничествомъ, направляла и регулировала эти отношенія по отечеству въ службѣ государству великородныхъ и худородныхъ людей разныхъ чиновъ. Личная заслуга, личная удача, измѣняя чиновное положеніе того или иного лица, продвигая его выше и выше, дѣлали это для каждаго лица только до извѣстнаго предѣла. У каждаго отечества были свои, ему доступные чины. Городовой сынъ боярскій, несшій осадную службу въ городѣ, могъ при удачѣ дослужиться до „выборнаго" дворянства и четыре—шесть мѣсяцевъ въ году проживалъ около „царскаго двора", ожидая „посылокъ", т.-е. назначенія на отбытіе какой-нибудь временной небольшой службы. При исключительной удачѣ и способностяхъ такой дворянинъ могъ добраться до чина „дворянина московскаго" и проживать все время въ Москвѣ около двора и тѣмъ самымъ имѣть большую возможность получить болѣе выгодную, почетную и длительную службу. Дослужиться до стольничества, а тѣмъ паче до думныхъ чиновъ—до думнаго дворянства, окольничьяго или боярина, уѣздному сыну боярскому нечего было и думать. Люди же знатные, родовитые, самую службу начинали со стольничьяго чина, а нѣкоторые, особенно родовитые, такъ и прямо съ окольничьяго. Такимъ образомъ въ XVI в. безусловно, въ XVII—уже не такъ рѣшительно происхожденіе человѣка, его родовитость имѣла рѣшающее значеніе въ его служебной карьерѣ.

Жестокія мѣры царя Ивана, воплотившіяся въ опричинѣ, и событія Смутнаго времени нанесли тяжкіе удары московскому аристократизму. Много знатныхъ родовъ исчезло совсѣмъ, вымерло до единаго человѣка, другіе обѣднѣли такъ, что были не въ состояніи нести большую службу, а главное, за время Смуты выдвинулось на первыя мѣста такъ много людей неродословныхъ, что аристократическая исключительность какъ-то потеряла свой смыслъ, а уменьшеніе знатныхъ родовъ заставляло правительство чаще и чаще продвигать на первыя мѣста менѣе родословныхъ. Для царей новой династіи, происходившихъ не отъ стараго княжья, такой исходъ былъ очень на-руку, и они всячески стараются продвигать на первыя мѣста тѣхъ, кто имъ любъ, и старый принципъ, что первыя мѣста принадлежатъ знати только въ силу знатности, держится въ половинѣ XVII вѣка лишь по преданію, по традиціи, постоянно нарушается, и нарушеніе его мало кого волнуетъ и удивляетъ. Высшіе чины, такимъ образомъ, потеряли свое старое назначеніе—служить выраженіемъ породы, и стали пріобрѣтать значеніе простого отличія за личную службу.

Такое положеніе дѣлъ позволило въ 1681 г. отмѣнить мѣстничество, названное въ актѣ отмѣны „богоненавистнымъ и враждо-

творнымъ". Знаменательно, что отмѣна мѣстничества, нанесшая смертельный ударъ аристократизму и аристократическимъ тенденціямъ въ русскомъ государственномъ строѣ, произошла по почину выборныхъ отъ служилыхъ людей всѣхъ чиновъ, составлявшихъ подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицына комиссію для выработки плана новаго устройства войска. Комиссія предложила назначать командировъ изъ всѣхъ служилыхъ фамилій „безъ мѣстъ и безъ подбора", т.-е. не по отечеству, не по знатности рода, какъ до сихъ поръ, а по личной годности и заслугамъ каждаго предназначеннаго на офицерское мѣсто. Такъ и стали дѣлать. Да притомъ характерѣ войска, какой оно стало принимать во второй половинѣ XVII в., иного рѣшенія и не могло состояться. Прежнее войско, ополченіе служилыхъ людей, отжило свое время, и на смѣну ему выступаютъ постоянные полки пѣхотные—солдатскаго и кавалерійскіе — рейтарскаго и драгунскаго строя, обученные и вооруженные по иностранному образцу выписанными для того офицерами, иностранцами разныхъ чиновъ, начиная отъ „фенриховъ" и капитановъ до генераловъ включительно. Новые полки, обученные иноземному строю, набирались изъ охочихъ людей, изъ боярскихъ людей, новокрещеныхъ татаръ, изъ дѣтей и племянниковъ стрѣлецкихъ, изъ всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ ни помѣстьевъ ни вотчинъ, не состоялъ ни въ тяглѣ ни въ холопствѣ. Часть этихъ полковъ находилась постоянно на службѣ, часть была поселена въ пригородныхъ слободахъ, какъ стрѣльцы, и въ мирное время сама себя прокармливала хлѣбопашествомъ и торговлей, проходя въ то же время и военную хитрость. Къ концу царствованія царя Ѳедора Алексѣевича почти половину русскаго войска составляли такіе полки иноземнаго строя, состоявшіе не изъ служилыхъ людей. Войско русскаго строя для войны и похода стали организовать тоже по-иноземному, дѣлить на полки и роты и назначать офицеровъ съ иноземными названіями, хотя и попрежнему изъ лучшихъ служилыхъ чиновъ, но безъ всякаго расчета ихъ родового старшинства. Такимъ образомъ въ послѣдней четверти XVII в. совершенно измѣнилось значеніе „чина": прежде чинъ находился въ тѣсной связи съ происхожденіемъ лица, съ его „отечествомъ", т.-е. степенью знатности, когда ни одинъ худородный не могъ быть на службѣ выше великороднаго; съ 1680-хъ годовъ, наоборотъ, пріобрѣтеніе личной службой, заслугами и способностями извѣстнаго служилаго чина рѣшало высоту служебнаго положенія даннаго лица по отношенію къ другимъ, безъ всякаго расчета ихъ взаимной знатности. Въ служилый классъ получили возможность входить черезъ полученіе чина всѣ, имѣвшіе возможность или случай занять командирское мѣсто на службѣ. Итакъ, не успѣли служилые люди организоваться, какъ замкнутое въ себя и прикрѣпленное къ службѣ сословіе, что было предначертано Уложеніемъ 1649 г., какъ измѣнившійся характеръ самой службы нарушилъ и сословную замкнутость и служебную организацію класса.

Въ цѣляхъ государственной безопасности правительство московскихъ временъ издавна стремилось построить общественный укладъ такъ, чтобы всѣ разряды московскаго общества замкнулись въ три основныя группы, отличныя по тѣмъ государственнымъ повинностямъ, которыя онѣ несли, и по правамъ, которыя обезпечивались за эту службу и повинности каждой общественной группѣ государствомъ въ размѣрѣ тѣхъ тягостей, которыя на каждую изъ этихъ трехъ группъ ложились. Эти три группы были: 1) землевладѣльцы, пріобрѣтавшіе землю собственными средствами, получившіе ее въ наслѣдство отъ отцовъ и дѣдовъ, получившіе ее отъ государства,—землевладѣльцы должны были нести службу военную и приказную; 2) торгово-промышленные капиталисты,—за ними обезпечивалось право занятія торговлей и промыслами въ городахъ и уѣздахъ, и на нихъ возлагалась обязанность платить подати и налоги съ ихъ занятій и капиталовъ и нести службу какъ выборную, такъ и по назначенію отъ правительства по сбору податей и налоговъ; 3) земледѣльцы, хлѣбопашцы, обрабатывавшіе земли частныя и казенныя и платившіе установленныя подати съ обрабатываемой ими земли.

Достигнуть такого раздѣленія общества было идеаломъ московскаго правительства, и оно очень приблизилось къ такой группировкѣ общества послѣ изданія Соборнаго Уложенія, когда болѣе или менѣе точно опредѣлились по закону права и обязанности указанныхъ общественныхъ группъ. Тѣмъ самымъ намѣтился сословный укладъ русскаго общества.

„Прежде, — говоритъ В. О. Ключевскій, — хозяйственныя состоянія пріобрѣтались усиліями отдѣльныхъ лицъ, средствами гражданскаго права; каждое занятіе было всѣмъ доступно, возникало изъ свободнаго приложенія труда, руководимаго частными интересами трудящагося лица. Теперь лицо, прежде чѣмъ войти въ извѣстное состояніе, должно было пріобрѣсти право на это, — прежде чѣмъ принималось за извѣстныя занятія, обязано было вступить въ тотъ общественный классъ, которому это занятіе было усвоено закономъ, какъ его сословное преимущество. Изъ указаннаго правила само собою вытекало и обратное требованіе: если только служилые люди имѣютъ право владѣть землей, только посадскіе люди могутъ заниматься городскимъ промысломъ и торговлей, то всѣ владѣющіе землей должны войти въ составъ служилаго класса, всѣ занимающіеся городскимъ промысломъ и торгомъ обязаны примкнуть къ классу посадскихъ людей. Такъ право землевладѣнія и право городского промысла и торга объединяли мелкіе чины, раздѣленные до тѣхъ поръ дробными различіями въ тяжести ратныхъ служилыхъ и тяглыхъ посадскихъ повинностей. Такое обоюдостороннее приложеніе правила и сомкнуло прежніе чины въ нѣсколько крупныхъ классовъ, или сословій, придавъ имъ посредствомъ принудительной сословной приписки болѣе плотный и постоянный составъ и обособивъ ихъ другъ отъ друга“.

Что касается служилаго класса, то еще при царѣ Михаилѣ,

въ 1641 году, велѣно было служилыхъ людей, которые имѣли помѣстья или вотчины и поступали въ холопы, „во дворъ“ бояръ и другихъ высшихъ чиновъ, взять обратно на государеву службу; вмѣстѣ съ тѣмъ вообще проводилось запрещеніе служилымъ людямъ отдаваться въ холопство. Холопъ—рабъ своего господина и потому не могъ нести государственную службу. Запрещеніе записываться въ холопы сохраняло многое-множество людей для государевой службы изъ тѣхъ, кто шелъ въ холопы по бѣдности или скрывался въ холопство, избѣгая службы по лѣности и изъ трусости. Уложеніе царя Алексѣя подтвердило съ нѣкоторыми оговорками этотъ законъ и подчеркнуло, что государева служба, обязанность „биться до смерти съ ногайскими или нѣмецкими людьми, какъ государь укажетъ, не щадя живота“, становится преимущественной повинностью разряда служилыхъ людей.

По Уложенію, личное землевладѣніе стало исключительнымъ правомъ служилыхъ людей. Монастырскіе служки и боярскіе холопы лишались права покупать и брать въ закладъ вотчины служилыхъ людей. Если кто изъ служилыхъ людей находилъ такую вотчину въ незаконномъ, съ 1649 г., владѣніи монастырскаго служки или боярскаго холопа, то могъ бить челомъ о ней, и тогда вотчину у неимѣвшаго права владѣть ею отбирали и отдавали въ помѣстье челобитчику.

Затѣмъ, служилые люди обыкновенно обрабатывали часть своей земли на себя, а остальную отдавали въ аренду крестьянамъ; съ обрабатываемой земли государство взимало подать, которую платили и служилые люди съ той земли, которую они обрабатывали на себя. Со временъ царя Михаила служилые люди освобождаются отъ платежа податей съ земли, которую они обрабатываютъ на себя руками своихъ дворовыхъ людей. Такимъ образомъ уплата поземельной подати становится повинностью исключительно крестьянъ, люди же служилые поземельныхъ налоговъ не платятъ.

Все это вмѣстѣ взятое и соединяло служилыхъ людей въ сословіе, т.-е. въ наслѣдственную, замкнутую сама въ себя общественную группу, доступъ и включеніе въ которую затрудненъ для лицъ изъ другихъ общественныхъ группировокъ, причемъ законъ, предуказавъ обязанности передъ государствомъ входящихъ въ эту группу лицъ, устанавливаетъ рядъ правилъ, обезпечивающихъ за этой группой извѣстныя благожелательныя ей преимущества.

Хозяйственное благополучіе служилаго сословія къ концу XVII вѣка зависитъ отъ правительства, служебные успѣхи награждаются правительствомъ, новыя формы отбыванія службы даютъ возможность верховной власти, какъ она хочетъ, распоряжаться сословіемъ и отдѣльными членами сословія; верховная власть при намѣчающихся новыхъ формахъ и условіяхъ службы можетъ воздѣйствовать на количественный ростъ сословія, включая въ него выслуживающихся изъ разночинцевъ и иноземныхъ офицеровъ регулярныхъ полковъ. Въ этомъ состояніи служилому сословію пришлось переживать событія бурной, полной всякихъ неожиданностей петровской эпохи.

Въ наслѣдіе отъ своихъ предшественниковъ Петръ получилъ служилое сословіе сильно распшатаннымъ въ указанныхъ направленіяхъ и непохожимъ на тотъ служилый классъ, который знала подъ этимъ названіемъ эпоха расцвѣта Московскаго государства. Но Петру досталась отъ его предковъ на разрѣшеніе все та же великая государственная задача, надъ которой вотъ уже два вѣка трудились люди Московскаго и всея Руси государства. Территорія государства должна была войти въ свои естественныя границы, огромное пространство, занятое самостоятельной политически народностью, должно было имѣть выходъ къ морю; этого требовали и состояніе хозяйства страны, и интересы все той же безопасности, объ этомъ вздыхали и думали трудной думой лучшіе люди Руси XVI и XVII вв. Петръ, взялся за разрѣшеніе этой задачи съ неослабной энергіей. Въ качествѣ исполнителей предшествовавшія эпохи дали ему въ руки классъ людей, исторически воспитавшихся въ трудѣ надъ задачей собранія всея Руси. Этотъ классъ попалъ въ руки Петра не только готовымъ къ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыхъ давно требовала жизнь, но уже и приспособляющимся къ тѣмъ новымъ пріемамъ борьбы, съ которыми Петръ началъ войну. Старая задача и старое знакомое дѣло разрѣшенія ея—война—не оставляли ни времени, ни возможности, ни даже надобности, поскольку послѣднюю исторически можно принимать, много заботиться о новшествахъ, новомъ устройствѣ и новомъ назначеніи служилаго класса. По существу при Петрѣ продолжали развиваться тѣ же начала въ сословіи, какія выдвинулъ XVII вѣкъ. Правда, болѣе близкое, чѣмъ въ XVII в., знакомство съ Западомъ и извѣстная подражательность внесли много новаго въ условія быта и службы дворянства, но все это были новшества порядка внѣшняго, интересныя лишь тѣми заимствованными съ Запада формами, въ которыхъ они воплощались.

Занятый почти все время своего царствованія войной, Петръ такъ же, какъ и его предки, если не больше, нуждался въ прикрѣпленіи сословій къ опредѣленному дѣлу, и при немъ прикрѣпленіе служилаго сословія къ войнѣ было такимъ же нерушимымъ принципомъ, какъ и въ XVII вѣкѣ. Скажемъ напередъ, что всѣ нововведенія и распоряженія Петра относительно служилаго сословія исходятъ и имѣютъ въ виду крѣпость сословія къ службѣ, стремятся сдѣлать эту крѣпость возможно болѣе выгодной для государства, а не болѣе сносной для дворянства. Это одна сторона дѣла. Съ другой, конечно, всѣ предпринятыя Петромъ мѣры, оформливая и узаконяя создавшіяся жизнью отношенія, тѣмъ самымъ образовали и новыя, которыя въ своемъ развитіи требовали своего оформленія, и такимъ образомъ въ результатѣ служилое сословіе послѣ трудныхъ лѣтъ петровскаго царствованія вышло на дальнѣйшую историческую дорогу въ новомъ видѣ, не похожемъ на прежній, господствовавшій въ XVII вѣкѣ.

При изученіи исторіи временъ Петра Великаго никогда не надо забывать объ одномъ обстоятельствѣ, дѣлающемъ изученіе

этой эпохи чрезвычайно труднымъ. Обстоятельство это заключается въ томъ, что у Петра и его сотрудниковъ никогда не было никакого определеннаго плана реформъ, заранѣе разработаннаго и строго, опредѣленно предназначеннаго къ выполненію въ извѣстные сроки. У Петра и его сотрудниковъ были налицо удивительная энергія, полная и свободная готовность все плохое свое замѣнять чужимъ хорошимъ и... тяжелая война на плечахъ, которая не давала возможности ни сосредоточиться, ни подумать о систематической выработкѣ плана реформъ и дѣятельности. Всѣ „реформы" Петра изъ обстоятельствъ войны исходятъ и войною опредѣляются, вызываются минутой осложненія и проводятся съ лихорадочной быстротой, часто вредящей сути дѣла, но привычной людямъ, которымъ лучшие годы жизни пришлось провести, нападая и защищаясь, постоянно готовясь дать отпоръ, предупредить неожиданное нападеніе или неожиданно для врага нападать на него. Эта неожиданность и внезапность многихъ реформъ Петра при отсутствіи систематическаго плана ихъ, когда часто второстепенное и мелкое создавалось раньше основного и главнаго, дѣлаетъ невозможнымъ изложеніе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, особенно при ограниченности мѣста и времени, какія можно удѣлить разсказу о каждой.

Мѣры Петра Великаго по отношенію къ служилому сословію во время войны носили очень случайный характеръ и лишь около 1717 г., когда царь вплотную занялся „гражданствомъ", начинають становиться болѣе общими и систематическими.

Отъ „стараго" въ устройствѣ служилаго сословія при Петрѣ осталась неизмѣнной прежняя закрѣпощенность служилаго сословія путемъ личной службы каждаго служилаго человѣка государству. Но въ этой закрѣпощенности измѣнилась нѣсколько ея форма. Въ первые годы шведской войны дворянская конница отбывала еще военную службу на прежнихъ началахъ, но имѣла значеніе не главной силы, а только вспомогательнаго корпуса. Въ 1706 г. въ арміи Шереметева служили попрежнему стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы и т. д. Въ 1712 г., въ виду опасеній войны съ турками, всѣмъ этимъ чинамъ велѣно было снарядиться на службу подъ новымъ именемъ—царедворцы. Съ 1711—1712 гг. постепенно выходятъ изъ обращенія въ документахъ и указахъ выраженія: „дѣти боярскія", „служилые люди", и замѣняются заимствованнымъ изъ Польши выраженіемъ: „шляхетство", которое, въ свою очередь, взято поляками у нѣмцевъ и передѣлано изъ слова „Geschlecht"—родъ. Въ указѣ Петра 1712 года все служилое сословіе именуется шляхетствомъ. Иностранное слово было выбрано не только по одному пристрастію Петра къ иностраннымъ словамъ, а потому, что въ московское время выраженіе „дворянинъ" обозначало сравнительно очень невысокій чинъ, и люди старшихъ служилыхъ, придворныхъ и думныхъ чиновъ не называли себя дворянами. Въ послѣдніе годы царствованія Петра и при его ближайшихъ преемникахъ выраженія „дворянство" и „шляхетство"

одинаково въ ходу, но лишь со временъ Екатерины II слово „шляхетство“ совсѣмъ исчезаетъ изъ обиходной рѣчи русскаго языка.

Итакъ, дворяне временъ Петра Великаго на всю жизнь прикрѣплены къ отбыванію государственной службы, какъ и служилые люди московскихъ временъ. Но, оставаясь всю жизнь прикрѣпленными къ службѣ, дворяне при Петрѣ несутъ эту службу въ довольно-таки измѣненномъ видѣ: теперь они обязаны служить въ регулярныхъ полкахъ и во флотѣ и отправлять гражданскую службу во всѣхъ тѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, которыя были преобразованы изъ старыхъ и возникли вновь, причемъ военная и гражданская служба размежевываются. Такъ какъ служба въ новомъ войскѣ, во флотѣ и въ новыхъ гражданскихъ учрежденіяхъ требовала нѣкотораго образованія, хотя бы кое-какихъ спеціальныхъ познаній, то для дворянъ была сдѣлана обязательной школьная подготовка къ службѣ съ дѣтства.

На дѣйствительную службу дворянинъ петровскихъ временъ зачислялся съ пятнадцатилѣтняго возраста и долженъ былъ начинать ее непремѣнно съ „фундаменту“, по выраженію Петра, т.-е. рядовымъ солдатомъ въ арміи или матросомъ во флотѣ, унтеръ-шрейберомъ или коллегіи юнкеромъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Учиться полагалось по закону только до пятнадцати лѣтъ, а далѣе надо было служить, и Петръ очень строго слѣдилъ, чтобы шляхетство было при дѣлѣ. Время отъ времени онъ устраивалъ смотры всѣхъ взрослыхъ дворянъ, состоявшихъ и несостоявшихъ на службѣ, и дворянскихъ „недорослей“, какъ именовались недостигшіе узаконеннаго для службы возраста дворянскія дѣти. На этихъ смотрахъ, производившихся въ Москвѣ и Петербургѣ, царь иногда лично распредѣлялъ дворянъ и недорослей по полкамъ и школамъ, собственноручно ставя въ спискахъ „крыжи“ противъ фамилій тѣхъ, которые годились въ службу. Въ 1704 году Петръ самъ пересмотрѣлъ въ Москвѣ болѣе 8.000 созванныхъ туда дворянъ. Разрядный дьякъ выкликалъ дворянъ по именамъ, а царь смотрѣлъ по тетради и ставилъ свои отмѣтки. В. В. Головинъ въ своей „Запискѣ о бѣдной и суетной жизни человѣческой“ разсказываетъ, какъ въ маѣ 1712 года всѣ малолѣтніе дворяне были вызваны въ Петербургъ, и здѣсь, говоритъ онъ, „былъ намъ всѣмъ смотръ, а смотрѣлъ самъ его царское величество и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первые, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты, а среднихъ—за море, въ Голландію, для морской навигаціонной науки, въ которыхъ числѣ за море и азъ грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель, въ науку“.

„Не безъ горя и не безъ слезъ, — говоритъ историкъ Устряловъ, — отправлялись дворянскіе недоросли въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго часто ни съ званіемъ ихъ ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ пони-

малъ какой-либо языкъ иностранный. Нѣкоторые изъ нихъ были уже женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить себѣ, сколько плачущихъ по нимъ оставалось въ Москвѣ и по усадьбамъ. Конечно, не было дома, гдѣ бы не тужили и не сѣтовали о долговременной разлукѣ съ родными и ближними, обреченными учиться ремеслу матросскому. Многіе, сверхъ того, роптали на посылку молодежи въ еретическія земли, опасаясь, что грѣховное общеніе съ недовѣрками погубитъ молодыя души въ сей жизни и будущей". Ѣхали неохотно, съ большими проволочками и остановками. „Изъ царствующаго града Москвы въ надлежащій нашъ путь,—говорится въ запискахъ одного невольнаго путешественника,—пошли іюня 22 числа, и первый станъ былъ въ селѣ Коломенскомъ, отъ Москвы въ семи верстахъ, и стояли въ томъ селѣ три дня для провожанія родственниковъ и благодѣтелей". Другой путешественникъ выѣхалъ изъ Москвы 26 февраля и „стоялъ въ Дорогомиловой слободѣ, февраля по 28-й день", т.-е. три дня провелъ въ Дорогомиловѣ, которое теперь находится въ предѣлахъ самой Москвы. Каково жилось московитамъ за границей, пусть разскажутъ они сами. „О житіи моемъ возвѣщаю,—пишетъ домой въ 1711 г. князь Михайло Голицынъ, — что житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное... Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота моего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо учиться языка, не знамо науки... А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка никакого не могу знать; да и лѣта мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ никоторыми мѣрами мнѣ быть невозможно, того ради, что весьма боленъ"... Царь межъ тѣмъ „подъ престрашнымъ гнѣвомъ велѣлъ зимой, четыре мѣсяца, непремѣнно обучаться чертежамъ, а восемь мѣсяцевъ быть непрестанно на кораблѣ... Не знаю, какъ и быть". Не менѣе безотрадное положеніе дворянскихъ недорослей за границей рисуется и въ запискахъ другого „навигатора", котораго сначала отправили въ Венецію изучать службу на тамошнемъ галерномъ флотѣ, а черезъ годъ—въ Испанію учиться въ морской академіи въ Кадиксѣ; здѣсь они учились „солдатскому артикулу, математикѣ, экипажеству, механикѣ, наукамъ философскимъ и дохтурскимъ, но особенно навигаціи, боцманству, инженерству, артиллеріи, черченію „мачтаповъ", на шпагахъ биться и танцовать". Незнаніе языка мѣшало страшно. „Ходили мы и математику слушать, но только безъ дѣла сидѣли,—разсказываетъ навигаторъ,— понеже учиться невозможно для того, что языку мы не знали". Видя, что дѣло плохо, неудачливые ученики пишутъ слезное прошеніе въ Россію, чтобъ ихъ изъ науки взяли и опредѣлили на службу, потому что настоящая наука не дается, а то, что можно изучить, „шпажное и танцовальное ученье", такъ оно „къ нуждѣ его величества въ насъ годно быть не можетъ".

Изъ отечества не было ни привѣта ни отвѣта; тогда ученики обратились къ испанскому королю съ просьбой отправить ихъ на

службу, надѣясь, какъ можно думать, хоть наглядно, практически изучить то, за чѣмъ были посланы; но король сухо отвѣтилъ, чтобы имъ „быть въ академіи и учиться языку и прочаго". За пять лѣтъ такого ученья чему-то все-таки выучивались и выдерживали въ Петербургѣ строгій экзаменъ въ присутствіи самого Петра. Кромѣ немилой науки на чужомъ языкѣ, жизнь за границей была горька невольнымъ ученикамъ и тѣмъ, что и матеріально была обставлена крайне недостаточно. Въ Лондонѣ и Голландіи навигаторы, благодаря неаккуратной присылкѣ денегъ на ихъ содержаніе, „такъ одолжали, что не рады жизни своей: съ первыхъ лѣтъ по пріѣздѣ своемъ они, почитай, помираютъ съ голоду, а за долги ихъ хотятъ посадить въ тюрьму". Во Франціи русскіе гардемарины, умирая съ голоду, хотѣли итти въ холопи,—какъ писалъ царю Кононъ Зотовъ, хлопотавшій въ Парижѣ о торговомъ договорѣ Россіи съ Франціей,—„да я ихъ постращалъ жестокимъ наказаніемъ". Зато навигаторы и ученики изъ богатыхъ семей, получая отъ любящихъ родителей большія деньги на карманные расходы, изрядно покучивали и „дебоширили" въ чужихъ краяхъ, причемъ, конечно, за соблазнами вольной и богатой жизни забывали о наукѣ. Чтобы прекратить это, Петръ распорядился въ 1710 г. запретить всѣмъ, имѣющимъ дѣтей въ иноземной наукѣ, посылать деньги прямо на руки дѣтямъ-навигаторамъ, а только черезъ адмиралтейство.

Обученіе русскихъ стольниковъ въ Венеціи мореходнымъ наукамъ М. Мартиновичемъ въ 1698 г

Добрымъ поведеніемъ не отличались, впрочемъ, и неимущіе. „Здѣсь, на западѣ Европы,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне иногда позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной". Упомянутому уже Конону Зотову приходилось сообщать царю и въ этомъ отношеніи самыя неутѣшительныя извѣстія. Въ 1717 г. онъ писалъ царю: „Г. маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собою и бранятся такой бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги"... Въ Тулонѣ гардемаринъ Сунбуловъ одного француза застрѣлилъ изъ пищали. „Гардемаринъ Глѣбовъ,—пишетъ Зотовъ другой разъ,—покололъ шпагой

гардемарина Барятинскаго и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ: хотя и колются, только честно, на поединкахъ, лицомъ къ лицу“...

Кромѣ отбыванія заграничнаго ученія, дворянство несло обязательную школьную повинность и дома, наполняя школы полковыя, при архіерейскихъ дворахъ, разныя математическія и навигаціонныя, артиллерійскія и инженерныя. Увильнуть отъ науки, скрыться отъ зоркаго глаза царя, всѣхъ и все направлявшаго на работу, нечего было и думать: одинъ вологодскій помѣщикъ Иванъ Марковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся здѣсь въ монахи, но монашескій клобукъ не спасъ несчастнаго навигатора: іеромонаха Іоасафа изъ-за стѣнъ обители извлекли очень скоро и отправили изучать навигацію. Другой разъ цѣлая толпа дворянъ, опредѣленная послѣ смотра въ математическую школу, записалась вмѣсто того въ духовное Заиконоспасское училище. Любителей богословія неукоснительно изъ училища взяли и отправили въ Петербургъ, въ морскую школу, а за самовольничаніе опредѣлили бить сваи на Мойкѣ. Какъ все подневольное, подневольная наука вызывала протесты и жалобы; Петръ, по своему обычаю, отвѣчалъ на это еще болѣе крутыми мѣрами: запретилъ, напримѣръ, вѣнчать неграмотныхъ и не имѣющихъ „свидѣтельственныхъ писемъ“ изъ школъ. Зато Петръ очень цѣнилъ успѣхи въ наукахъ гардемариновъ и глубоко, отъ сердца радовался, когда замѣчалъ въ комъ-либо охоту къ ученію, особенно къ изученію морского дѣла. Упомянутый выше не разъ Кононъ Зотовъ, сынъ царскаго учителя Н. М. Зотова, былъ однимъ изъ такихъ любителей морского дѣла. Онъ былъ посланъ изучать навигацію въ Англіи. Когда срокъ ученья закончился въ 1707 г., онъ письменно просилъ отца походатайствовать у государя о продленіи ему для науки пребыванія въ Англіи. Н. М. Зотовъ походатайствовалъ и извѣщалъ сына, что это ходатайство принесло ему „великую радость“. „Просилъ меня,—писалъ онъ сыну,—дабы позволено было тебѣ отъ меня въ Англіи служить на корабляхъ; которое письмо изволилъ великій государь вычесть и съ премногою милостью тебя похвалить и за перваго охотника на тѣ его государскія любимыя дѣла вмѣнить, и десницею своею то письмо благословить и про твое недостойное такія монаршескія милости здоровьишко пить кубокъ венгерскаго, а потомъ изволилъ къ тебѣ съ великою милостью писать своею государскою собственною десницей, о чемъ мы по-премногу радуемся“...

Въ собственноручномъ письмѣ на имя молодого любителя морского дѣла царь писалъ:

„Вчерашняго дня я видѣлъ письмо у отца вашего отъ васъ ко оному писанное, въ которомъ сензъ (смыслъ) тотъ есть, чтобъ вамъ обучиться службѣ на морѣ принадлежащей; которое ваше желаніе зѣло мы любезно приняли и можемъ такъ сказать, что мы ни отъ единаго человѣка изъ россіянъ такого подобнаго про-

шенія не слыхали, въ которомъ вы первый обрелись, понеже зѣло рѣдко случается, дабы кто изъ младыхъ, оставя въ компаніяхъ забавы, своею волею шуму морского слушать хотѣлъ. Въ прочемъ желаемъ, дабы Господь Богъ вамъ въ семъ (зѣло изрядномъ и едва не первомъ на свѣтѣ почитаемомъ) дѣлѣ благословилъ и счастливо во свое время ко отечеству возвратилъ. Piter".

Окончивъ обязательное обученіе, дворянинъ петровскихъ временъ отправлялся на службу. Дворянскіе недоросли „по годности" зачислялись одни—въ гвардію, другіе—въ армейскіе полки или въ „гварнизоны". Преображенскій и Семеновскій полки состояли исключительно изъ дворянъ и были своего рода практической школой офицеровъ для арміи. Указомъ 1714 года было запрещено производить въ офицеры „изъ дворянскихъ породъ" не служившихъ солдатами въ гвардіи. Служба была настоящая, доподлинная, безъ всякихъ послабленій богатству и знатности. „Какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего,—разсказываетъ князь Яковъ Шаховской,—то дядя представилъ меня въ службу, въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ... Въ ономъ полку, бывъ по нѣсколько времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ... неотлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ", т.-е., какъ впослѣдствіи Державинъ, жилъ въ казармѣ, ходилъ чистить каналы, возилъ провіантъ, наряжался въ вѣстовые къ офицерамъ, самъ чистилъ ружье и аммуницію, учился инженерству и фортификаціи. Берхгольцъ разсказываетъ, что рядовые гвардейскихъ полковъ, даже тѣ, которые были изъ княжескихъ фамилій, службу несли всѣ одинаковую: такъ, однажды въ караулъ къ герцогу голштинскому были вмѣстѣ съ другими солдатами поставлены солдаты князья Голицыны. Сынъ канцлера Головкина, получившій очень хорошее образованіе за границей, служилъ гардемариномъ во флотѣ. Въ драгунскомъ полку фельдмаршала князя А. Д. Меншикова служило рядовыми однихъ князей болѣе 300 человѣкъ. Издавна привыкшее къ отбыванію военной службы, дворянство еще кое-какъ мирилось съ ея новыми тягостями, и въ солдатскую службу шли даже охотно; зато назначеніе во флотъ разсматривалось, какъ несчастье, и тверскіе, владимірскіе, ярославскіе и прочіе сухопутные дворяне не знали, какому святому молиться объ избавленіи отъ морской службы. Это отвращеніе было такъ сильно, что при преемникахъ Петра перестали назначать дворянскихъ недорослей въ морскую службу, и флотъ сталъ пополняться людьми даточными, на офицерскія же мѣста, „въ морскую науку", шли изъ дворянъ послѣ Петра только самые бѣдные.

Кромѣ военной службы, такой же обязательной повинностью для шляхетства становится при Петрѣ служба гражданская. Это прикрѣпленіе и къ гражданской службѣ было большой новостью для шляхетства. Въ XVI и XVII вв. только одна военная служба считалась настоящей службой, и служилые люди если и занимали высшія гражданскія должности, то исполняли ихъ какъ времен-

ныя порученія—это были „дѣла“, „посылки“, а не служба. При Петрѣ „штатская служба“ становится одинаково почетной и обязательной для дворянина, какъ и военная. Зная старинную нелюбовь служилыхъ людей къ „кропивному сѣмени“, Петръ предписывалъ „не ставить въ укоризну“ прохожденіе этой службы людямъ знатныхъ шляхетныхъ фамилій. Въ видѣ уступки чванному чувству шляхетства, гнушавшагося служить рядомъ съ подьяческими дѣтьми, Петръ постановилъ въ 1724 г. „въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, дабы потомъ могли въ асессоры, совѣтники и выше происходить“, изъ подьяческаго же званія въ чинъ секретаря производили лишь въ случаѣ исключительныхъ заслугъ. Какъ и военная служба, новая гражданская—по новому мѣстному управленію и въ новыхъ судахъ, въ коллегіяхъ и при сенатѣ—требовала нѣкоторой предварительной подготовки. Для этого при столичныхъ канцеляріяхъ, коллежскихъ и сенатскихъ, стали заводить родъ школъ, куда сдавали дворянскихъ недорослей для прохожденія ими тайнъ приказнаго дѣлопроизводства, юриспруденціи, экономіи и „гражданства“, т.-е. вообще учили всѣмъ не военнымъ наукамъ, знать которыя необходимо для человѣка „штатской“ службы. Генеральнымъ регламентомъ въ 1720 г. такія школы, отданныя подъ начало секретарей, было признано необходимымъ учреждать при всѣхъ канцеляріяхъ, такъ чтобы при каждой находилось въ обученіи человѣкъ по 6 или 7 шляхетскихъ дѣтей. Но это плохо осуществлялось: отъ гражданской службы шляхетство упорно сторонилось, и въ 1724 г. даже въ петербургскихъ коллегіяхъ на обученіи изъ шляхетства въ нѣкоторыхъ находилось очень по малу, въ нѣкоторыхъ и никого. Тогда указомъ велѣно было набрать 100 человѣкъ въ коллегіи, но въ 1726 г., послѣ смерти Петра, сенату пришлось удостовѣриться, что „юнкеры коллегій не обучаются приказнымъ дѣламъ, а потому достойныхъ между ними для опредѣленія въ секретарскій чинъ нѣтъ“, и въ секретари стали производить людей приказнаго происхожденія.

Сознавая трудность добиться добровольнаго тяготѣнія шляхетства къ штатской службѣ, а съ другой стороны—имѣя въ виду, что впослѣдствіи болѣе легкая служба будетъ привлекать къ себѣ больше охотниковъ, Петръ не предоставилъ дворянству права выбирать службу по собственному усмотрѣнію. На смотрахъ дворянъ назначали на службу по ихъ „годности“, по внѣшнему виду, по способностямъ и по состоятельности каждаго, причемъ установлена была извѣстная пропорція службы въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ: изъ каждой фамиліи на гражданскихъ должностяхъ могла состоять лишь $^1/_3$ наличныхъ ея членовъ, записанныхъ на службу; сдѣлано это было для того, „чтобы,—по выраженію указа,—служилыхъ на морѣ и на сушѣ не оскудить“.

Общее руководство сложнымъ устройствомъ крѣпостной дворянской службы находилось сначала въ рукахъ разряда, потомъ разряднаго стола при сенатѣ. Въ 1722 г. при сенатѣ же была

учреждена должность герольдмейстера, которому поручалось „дворянъ вѣдать и представлять къ дѣламъ, когда спросятъ“. Герольдмейстеръ долженъ былъ „имѣть всѣмъ дворянамъ трoякie списки: 1) генеральные именные и порознь; 2) кто изъ нихъ къ дѣламъ годится и употреблены будутъ и къ какимъ и сколько затѣмъ останется, и 3) сколько у кого дѣтей и какихъ лѣтъ и впредь кто родится и умретъ мужеска пола“. На герольдмейстера возлагались заботы объ образованіи дворянъ и о правильномъ распредѣленіи ихъ по службамъ. Больше же всего герольдмейстеръ долженъ былъ смотрѣть, „чтобы дворяне подъ именемъ малыхъ дѣлъ не укрывались въ городахъ; подъ страхомъ натуральной или политической смерти, герольдмейстеръ долженъ всегда имѣть всѣхъ дворянъ въ вѣдѣніи, чтобы какія персоны понадобятся въ сенатѣ, тотъ часъ представить могъ, смотря по дѣлу и состоянію, кто къ чему достоинъ, а потомъ отсылать въ тѣ мѣста, куда въ сенатѣ кого опредѣлятъ“. Первымъ герольдмейстеромъ былъ назначенъ Степанъ Колычевъ, который передъ тѣмъ, въ 1721—1722 гг., по приказанію Петра, вѣдалъ генеральный смотръ всѣхъ дворянъ, предпринятый въ связи съ преобразованіями общаго и мѣстнаго управленія и суда.

Въ 1721 г. всѣмъ дворянамъ, какъ состоявшимъ на службѣ, такъ и уволеннымъ отъ нея, велѣно было явиться на смотръ, жившимъ въ городахъ Петербургской губерніи—въ С.-Петербургъ, остальнымъ—въ Москву. Только дворяне, жившіе и служившіе въ отдаленной Сибири и Астрахани, были избавлены отъ явки на смотръ. На смотръ должны были явиться всѣ бывшіе на прежнихъ смотрахъ и даже всѣ тѣ, кто въ провинціяхъ находился у дѣлъ; чтобы дѣла въ отсутствіе явившихся не остановились, дворяне были раздѣлены на двѣ смѣны: одна смѣна должна была прибыть въ Петербургъ или Москву въ декабрѣ 1721 года, другая—въ мартѣ 1722 г. Этотъ смотръ позволилъ герольдмейстеру пополнить и исправить всѣ прежніе списки дворянъ и составить новые. Главной заботой герольдмейстера стала борьба со старымъ московскимъ „нѣтствомъ“, т.-е. уклоненіемъ дворянъ отъ службы. Мѣры противъ этого принимались обыкновенныя, петровскія. Въ 1703 г. было объявлено, что дворяне, не явившіеся на смотръ въ Москву къ указанному сроку, а также и воеводы, „чинящіе имъ поноровку“, будутъ безъ пощады казнены смертью. Смертныхъ казней однако не послѣдовало, и правительство какъ въ этотъ разъ, такъ и позднѣе, за неявку отбирало только имѣнія. Въ 1707 г. съ неявившихся на службу брали штрафъ, назначивъ послѣдній срокъ явки, послѣ котораго велѣно было неявившихся „бить батоги, сослать въ Азовъ, и деревни ихъ отписать на государя“. Но и эти крутыя мѣры не помогли: не являвшихся на смотръ было столько, что Петру для сыска нѣтчиковъ пришлось прибѣгнуть къ такому средству, какъ поощреніе доносовъ: кто сыщетъ укрывающагося отъ службы и объявитъ о нѣтчикѣ, тому „отдать всѣ деревни того, кто ухоронился“.

Въ 1716 г. имена неявившихся на смотръ въ Петербургъ въ предшествовавшемъ году велѣно было напечатать, разослать по губерніямъ, городамъ и знатнымъ селамъ и прибить всюду на столбахъ, чтобы всѣ вѣдали, кто укрывается отъ службы, и знали, на кого доносить. Особенно усердно сыскомъ нѣтчиковъ занимались фискалы; глава ихъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ, похвалялся тѣмъ, что одинъ сыскалъ болѣе 1.000 человѣкъ „недорослей и кроющихся отъ службы". Но и это мало помогало. На упомянутый выше смотръ къ Колычеву явились немногіе дворяне, и Петру пришлось явку первой очереди отстрочить до 31 января 1722 г., объявивъ, что ежели кто на тотъ срокъ не явится, „таковые будутъ шельмованы и съ добрыми людьми ни въ какія дѣла причтены быть не могутъ, и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ, а ежели и до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣнье отписано будетъ на насъ безповоротно; и по прошествіи сроковъ всѣхъ нѣтчиковъ имена будутъ особо напечатаны и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади, дабы ихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ, равныхъ измѣнникамъ".

Но несмотря и на такія строгія мѣры, число дворянъ, умѣвшихъ путемъ раздачи взятокъ и другими уловками уклоняться отъ службы, было значительно. Дворяне отлынивали отъ службы, „прохлаждались лежебоками по своимъ деревнямъ". Современникъ, И. Т. Посошковъ, разсказываетъ о такихъ дворянахъ: „Се бо колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ, и аще коего дворянина и на имя указано высылать, то и того не скоро высылаютъ, а по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи и указовъ царскаго величества въ презрѣніи иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ и одною ногою не бывали"... „Въ Устрицкомъ стану,—продолжаетъ Посошковъ,—есть дворянинъ Ѳедоръ Мокеевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни въ какой и одной ногой не бывалъ, и какія посылки жестокія по него и ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство и въ озеро по бороду опустится. И за такимъ его пронырствомъ инии и съ дороги отпущали, а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ и, домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще никаковыя службы великому государю, кромѣ огурства (озорства), не показалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына вырощены, и меньшому его есть лѣтъ 17, а по 1719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 1719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновей записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ, а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать. И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дво-

рянъ такъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобы нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Тимирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ четверикомъ разъѣзжалъ и сосѣдей своихъ разорялъ".

Дворяне, попавшіе на службу, если не хотѣли служить и обладали хорошими средствами, всегда умѣли увертываться отъ опасной или тяжелой службы, выхлопотавъ себѣ легкую командировку, за что „полковые воеводы и полковники окупы съ нихъ брали". Майоръ Даниловъ въ своихъ запискахъ, относящихся, правда, ко времени, когда зоркое око Петра Великаго закрылось, даетъ поразительную картину злоупотребленій, выраставшихъ около дворянскаго отлыниванья отъ службы. Если при Петрѣ способы этого отлыниванья и не достигали такихъ безобразныхъ размѣровъ, то это простая случайность. Когда ослабѣлъ надзоръ за дворянами и неукоснительностью ихъ службы, случаи, подобные тѣмъ, которые разсказываетъ Даниловъ, стали обычны. „Зять мой Астафьевъ,— пишетъ майоръ Даниловъ,—получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ 12 мужеска пола съ женами и дѣтьми... Случалось мнѣ и то видѣть самому, при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя бы онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странно видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ".

Кромѣ единичныхъ случаевъ простого уклоненія отъ службы, шляхетство временъ Петра Великаго не дерзало ни на какіе помыслы о своемъ освобожденіи отъ пожизненной и наслѣдственной службы. Въ этомъ отношеніи шляхетство Петра—родныя дѣти служилыхъ людей XVII вѣка, которые, сознавая себя классомъ, создавшимся и выросшимъ на обязательной военной службѣ, не могли себѣ и представить возможности освобожденія отъ нея. До насъ не дошло ни единаго, хотя бы глухо прозвучавшаго теоретическаго обоснованія недовольства обязательной службой изъ среды дворянъ ни въ XVII в. ни при Петрѣ. Самъ Петръ твердилъ и себѣ и дворянству одно: служба государству—первѣйшая обязанность и его самого, какъ царя, и шляхетства, „которое только службой и благородно и отлично отъ подлости". При Петрѣ служба дѣлается краеугольнымъ камнемъ и источникомъ „благородства". Еще въ

1712 г. царь приказалъ „сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ, какой бы фамиліи ни былъ, почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру... а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ—треть его жалованья“. Указомъ отъ 16 января 1721 г. Петръ объявляетъ служебную заслугу, выраженную въ чинѣ, источникомъ шляхетнаго благородства. „Всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства,—гласитъ этотъ знаменательный указъ,—оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство“. Не одинъ разъ Петръ настойчиво указывалъ и на то, что одно дворянское достоинство вслѣдствіе происхожденія не даетъ еще ровно никакихъ премуществъ, и что только служба родинѣ и заслуги передъ ней дѣлаютъ человѣка выше и знатнѣе.

Эти взгляды, неуклонно проводимые въ жизнь Петромъ съ самаго начала его дѣятельности, когда бывшіе „потѣшные конюхи“ съ герцбрудеромъ царя, Меншиковымъ, во главѣ, стали въ первые ряды правительства, нанесли послѣдніе удары прежнему родовому обоснованію службы и распредѣленію служилыхъ чиновъ. Въ арміи тогда же установились чины по образцу европейскихъ. Новая организація штатской службы и приравненіе ея къ военной въ смыслѣ обязательности для шляхетства создавала потребность новаго чиновнаго устройства и въ этой сферѣ государственной жизни. Это было достигнуто установленіемъ 24 января 1722 года „Табели о рангахъ всѣхъ чиновъ“. Въ этой табели всѣ *должности* распредѣлены на три параллельные ряда: сухопутныя и морскія воинскія, штатскія и придворныя; каждый изъ этихъ рядовъ дѣлится на 14 ранговъ, или классовъ. Рядъ воинскихъ должностей начинается, идя сверху, генералъ-фельдмаршаломъ и оканчивается фендрикомъ; этимъ сухопутнымъ должностямъ соотвѣтствуютъ во флотѣ генералъ-адмиралъ во главѣ ряда и комиссаръ корабельный въ концѣ его. Во главѣ штатскихъ ранговъ стоитъ канцлеръ, за нимъ—дѣйствительные тайные совѣтники, а внизу—провинціальные секретари (13 классъ) и коллежскіе регистраторы (14 классъ). Названія чиновъ петровской табели о рангахъ сохранились до сихъ поръ въ нашей служебной іерархіи, только теперь эти четырнадцать классовъ приняли характеръ чиновъ, служебныхъ отличій, не соединяемыхъ съ опредѣленными, соотвѣтствующими смыслу названій чиновъ, должностями; при Петрѣ же къ каждому чину табели была отнесена одна должность или даже цѣлая группа однородныхъ должностей; въ четырнадцатомъ штатскомъ классѣ считались, напримѣръ: комиссары при коллегіяхъ, фискалы, регистраторы при коллегіяхъ и коллегіи юнкера, и это все были дѣйствительныя должности,—коллежскій регистраторъ дѣйствительно регистрировалъ коллежскія бумаги, а коллежскій асессоръ, чинъ 8-го класса, дѣйствительно былъ асессоромъ въ коллегіи.

Табель о рангахъ создавала переворотъ не только въ служебной іерархіи, но и въ основахъ самого шляхетства. Поставивъ въ основу дѣленія на чины должность, замѣщавшуюся путемъ заслуги по

личнымъ качествамъ и по личной годности лица, въ нее вступающаго, табель о рангахъ упраздняла совершенно старинное дѣленіе на основѣ родовитости и происхожденія и искореняла всякое значеніе аристократизма въ русскомъ государственномъ строѣ. Теперь всякій, достигнувъ личными заслугами извѣстнаго чина, становился въ соотвѣтствующую должность, и, не пройдя служебной лѣстницы съ нижнихъ чиновъ, никто не могъ достичь высшихъ. Служба, личная заслуга становятся источникомъ шляхетства. Въ пунктахъ, которыми сопровождалась табель о рангахъ, это было выражено очень опредѣленно. Тамъ сказано, что всѣ *служащіе* первыхъ восьми ранговъ (не ниже майора и коллежскаго асессора) съ потомствомъ своимъ причисляются къ лучшему старшему дворянству „во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ, хотя бы они и низкой породы были". Въ пунктѣ 8-мъ отмѣчается, что, хотя сыновьямъ россійскаго знатнѣйшаго дворянства и открывается для знатной ихъ породы свободный доступъ ко двору, и желательно, чтобы они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались, однако за это никому изъ нихъ никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству услугъ не покажутъ и за оныя характера (т.-е. государственнаго положенія, выраженнаго въ чинѣ и соотвѣтствующей должности) не получатъ". Табель о рангахъ открывала, далѣе, широкій путь къ дворянству для людей всѣхъ классовъ, разъ эти люди попадали на военную и гражданскую службу и личными заслугами выдвигались впередъ. Въ силу всего этого конечнымъ результатомъ дѣйствія табели о рангахъ и была окончательная замѣна старинной аристократической іерархіи породы новой бюрократической іерархіей заслуги и выслуги.

Въ первую голову потерпѣли отъ этого новшества люди родовитые, тѣ, кто издавна составляли избранный кругъ родословной знати при дворѣ и въ правительствѣ. Теперь они стали на одну доску съ рядовымъ шляхетствомъ. Новые люди, выходившіе изъ среды не только низшихъ и захудалыхъ служилыхъ чиновъ, но и изъ людей пониже, не исключая холоповъ, проникаютъ при Петрѣ на высшія государственныя должности. Князь Куракинъ въ своей „Исторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ" говоритъ, что „начало паденія первыхъ фамилій надо видѣть еще въ дѣтствѣ Петра, когда царствомъ управляли царица Наталія Кирилловна и ея братъ Левъ Нарышкинъ". „Въ томъ правленіи,—говоритъ князь Куракинъ,—имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были, для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрѣшневы, Головкинъ, были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему (т.-е. царю) внушали съ молодыхъ лѣтъ противъ великихъ фамилій. Къ тому жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоиръ (pouvoir—власть) весь и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ". Дѣтство и молодость Петра проходили въ близкомъ и постоянномъ общеніи съ людьми

очень демократическаго происхожденія, что, конечно, не очень-то способствовало тяготѣнію Петра къ аристократіи. При немъ съ самаго начала царствованія на первое мѣсто становится А. Д. Меншиковъ, человѣкъ очень незнатнаго происхожденія. Виднѣйшіе дѣятели второй половины царствованія—всѣ люди незнатнаго происхожденія: генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій, правая рука Петра въ это время, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ—всѣ они были иноземцы и инородцы очень низкаго происхожденія; инспекторъ ратуши, вице-губернаторъ архангелогородскій Курбатовъ былъ изъ холоповъ, управлявшій Московской губерніей Ершовъ—тоже. Изъ старинной знати высокое положеніе сохранили при Петрѣ князья Долгорукіе, князь Куракинъ, князь Ромодановскій, князья Голицыны, князь Репнинъ, Бутурлины, Головинъ и фельдмаршалъ графъ Шереметевъ—вотъ почти и всѣ.

Чтобы возвысить въ глазахъ окружающихъ значеніе своихъ неродовитыхъ сотрудниковъ, Петръ сталъ жаловать ихъ иноземными титулами. Меншиковъ былъ возведенъ въ 1707 г. въ санъ свѣтлѣйшаго князя, а передъ тѣмъ, по ходатайству царя, былъ сдѣланъ княземъ Священной Римской имперіи. Бояринъ Ѳ. А. Головинъ тоже сначала былъ возведенъ императоромъ Леопольдомъ I въ графское Римской имперіи достоинство; потомъ Петръ самъ сталъ возводить въ графское достоинство; графами стали Мусинъ-Пушкинъ, Шереметевъ, Головкинъ, Зотовъ, Апраксинъ, Толстой, Ягужинскій, Девіеръ; Шафировъ въ 1710 г., а именитый человѣкъ А. Строгановъ въ 1722 г. были пожалованы баронскими титулами. Вмѣстѣ съ титулами Петръ, по примѣру Запада, сталъ утверждать гербы дворянъ и выдавать грамоты на дворянство. Гербы, впрочемъ, еще въ XVII вѣкѣ стали большой модой среди боярства, такъ что Петръ только узаконилъ эту склонность, заведшуюся подъ вліяніемъ польскаго шляхетства. По примѣру Запада, былъ учрежденъ въ 1700 г. и первый орденъ въ Россіи—„кавалерія“ св. апостола Андрея Первозваннаго, какъ высшій знакъ отличія. Разъ пріобрѣтенное службой дворянское достоинство со временъ Петра передается по наслѣдству, какъ пожалованное за выслугу, что является тоже новостью, неизвѣстной XVII вѣку, когда, по словамъ Котошихина, дворянство, какъ сословное достоинство, „не давалось никому“. „Такъ, по табели о рангахъ,—говоритъ проф. А. Романовичъ-Славатинскій,—лѣстница въ четырнадцать ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступени, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, черезъ которыя посредствомъ чина „подлые“ члены общества могли „облагородиться“ и войти въ ряды шляхетства“.

Шляхетство временъ Петра Великаго продолжало попрежнему пользоваться правомъ землевладѣнія, но, разъ измѣнились основы этого права, измѣнился и характеръ самаго землевладѣнія: раздача

казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе прекратилась сама собой, какъ только окончательно установился новый характеръ дворянской службы, какъ только эта служба, сосредоточившись въ регулярныхъ полкахъ, потеряла свой прежній ополченскій характеръ. Помѣстная раздача замѣнилась тогда пожалованіемъ населенныхъ и ненаселенныхъ земель въ полную собственность, но не въ качествѣ жалованья за службу, а въ награду за подвиги на службѣ. Этимъ самымъ закрѣпилось сложившееся уже въ XVII в. сліяніе въ одно вотчинъ и помѣстій. Въ своемъ законѣ „о движимомъ и недвижимомъ имѣніи и о единонаслѣдіи“, изданномъ 23 марта 1714 г., Петръ не дѣлалъ никакого различія между этими двумя старинными формами служилаго землевладѣнія, говоря только о недвижимомъ имѣніи и разумѣя подъ этимъ выраженіемъ и помѣстныя и вотчинныя земли.

Содержаніе указа о единонаслѣдіи заключается вотъ въ чемъ: землевладѣлецъ, имѣющій сыновей, могъ завѣщать все свое недвижимое имущество одному изъ нихъ, которому хотѣлъ, но непремѣнно только одному. Если землевладѣлецъ умиралъ безъ завѣщанія, то все недвижимое имущество переходило по закону къ одному старшему сыну; если землевладѣлецъ не имѣлъ сыновей, то могъ завѣщать свое имѣніе кому-нибудь изъ своихъ ближнихъ или дальнихъ родственниковъ, кому хотѣлъ, но непремѣнно кому-нибудь одному; въ случаѣ, если онъ умиралъ безъ завѣщанія, имѣніе переходило къ ближайшему родственнику; когда умершій оказывался послѣднимъ въ родѣ, онъ могъ завѣщать недвижимое имущество одной изъ дочерей-дѣвицъ, замужней, вдовѣ, кому хотѣлъ, но непремѣнно одной; если онъ умиралъ безъ завѣщанія, недвижимое имущество переходило къ старшей изъ замужнихъ дочери, причемъ мужъ или женихъ обязывались принять фамилію послѣдняго владѣльца.

Законъ объ единонаслѣдіи касался, впрочемъ, не одного шляхетства, но всѣхъ „подданныхъ, какого чина и достоинства оные ни есть“. Запрещалось закладывать и продавать не одни только вотчины и помѣстья, но и дворы, лавки, вообще всякое недвижимое имущество. Разъясняя, по своему обыкновенію, въ указѣ новый законъ, Петръ указываетъ прежде всего на то, что „ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя помалу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ (т.-е. крестьянъ), а не разорять“. „Напримѣръ, — поучаетъ указъ,— ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольный, трапезу сладкую, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлиться дѣтямъ, то ужъ только по двѣсти дворовъ достанется, которые (т.-е. наслѣдники), помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сѣро жить, но каждый ясно; то ужъ съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ (итти) пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не то же нести,

какъ тысяча несла, отчего не разоренья ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ? Ибо податей такъ исправно не могутъ платить двѣсти дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ"... „Отъ того раздѣленія казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ подлымъ разореніе"... Затѣмъ, „размножаясь и дѣлясь, знатныя фамиліи поселянами будутъ, какъ уже много тѣхъ экземплей (примѣровъ) есть въ россійскомъ народѣ"... Другимъ соображеніемъ, легшимъ въ основаніе закона, была надежда на то, что меньшіе сыновья, „не имѣя отеческихъ стяжательствъ, простираться будутъ прилежнѣе къ службѣ и къ наукамъ". Новый законъ являлся, такимъ образомъ, средствомъ поддержки благосостоянія служилаго класса и крестьянъ и способомъ борьбы съ уклоненіемъ дворянъ отъ службы и отъ ученья, и съ недостаткомъ предпріимчивости у купцовъ и ремесленниковъ. По мнѣнію Петра, при старомъ порядкѣ „каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государству безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всякій уклоняться и жить въ праздности, которая, по Святому Писанію, есть матерь всѣхъ злыхъ дѣлъ". При новомъ же законѣ младшіе сыновья, не получившіе наслѣдства, „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть". Соотвѣтствующая статья закона открывала младшимъ сыновьямъ—кадетамъ, какъ они именуются въ законѣ—доступъ ко всякаго рода занятіямъ: кадетъ, достигнувъ сорокалѣтняго возраста, могъ заниматься чѣмъ угодно: торговлей, промыслами, искусствами, даже поступить въ духовенство.

Законъ объ единонаслѣдіи просуществовалъ недолго; онъ возбуждалъ слишкомъ много неудовольствія въ дворянской средѣ, и шляхетство всячески старалось обойти его: отцы продавали часть деревень, чтобы оставить деньги младшимъ сыновьямъ, обязывали единонаслѣдника клятвой уплатить младшимъ братьямъ ихъ часть наслѣдства деньгами. Въ докладѣ, поданномъ сенатомъ въ 1730 г. императрицѣ Аннѣ, указывалось, что законъ о единонаслѣдіи вызываетъ среди членовъ дворянскихъ семей „ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы съ великимъ для обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и небезызвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собою, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти". Стремясь обезпечить младшихъ, отцы распродавали движимый инвентарь въ ихъ пользу, оставляя иногда наслѣднику деревню и хозяйство безъ лошадей, скота, орудій и сѣмянъ, „отчего какъ наслѣдники, такъ и кадеты въ разореніе приходятъ". „Пункты о единонаслѣдіи,—докладывалъ сенатъ,—яко необыкновенные сему государству, приводятъ къ превеликому затрудненію въ дѣлахъ"... „Хотя и опредѣлено по тѣмъ пунктамъ, дабы тѣ, которые къ деревнямъ не наслѣдники, искали бы себѣ хлѣба службой, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того самимъ дѣйствомъ не исполняется, ибо всѣ шляхетскія дѣти, какъ наслѣд-

ники, такъ и кадеты, берутся въ одну службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что кадеты за двойное несчастье себѣ почитають, ибо и отеческаго лишились, и въ продолжительной солдатской или матросской службѣ бывають, и такъ въ отчаяніе приходять, что уже всѣ свои шляхетскіе поступки теряють". Императрица Анна отмѣнила законъ о единонаслѣдіи, но сохранила одну существенную его черту. Указомъ, отмѣнявшимъ единонаслѣдіе, повелѣвалось „впредь, какъ помѣстья, такъ и вотчины, именовать равно одно недвижимое имѣніе—вотчина; и отцамъ и матерямъ дѣтей своихъ дѣлить по Уложенію всѣмъ равно, тако жъ и за дочерьми въ приданое давать попрежнему"...

Въ XVII в. и раньше служилые люди, осѣвшіе по уѣздамъ Московскаго государства, жили довольно сплоченной общественной жизнью, создавшейся около того дѣла, которое они должны были отбывать „даже до смерти". Военная служба собирала ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ группами, когда каждой приходилось устраиваться самой въ себѣ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отбыть смотръ, выбрать губного старосту, приготовиться къ походу, выбрать депутатовъ на земскій соборъ и т. д. Наконецъ, самые полки московской арміи составлялись каждый изъ дворянъ одной мѣстности, такъ что сосѣди служили всѣ въ одномъ отрядѣ.

При Петрѣ Великомъ эти начала общественной организаціи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ перестали существовать, въ другихъ получили дальнѣйшее развитіе. Исчезла сосѣдская порука другъ по другѣ въ исправной явкѣ на службу, прекратилась самая служба сосѣдей въ одномъ полку, прекратились выборы „окладчиковъ", которые подъ надзоромъ присланнаго съ Москвы „большого человѣка" собирали свѣдѣнія о службѣ каждаго дворянина и на основаніи этихъ свѣдѣній производили разверстку помѣстныхъ дачъ и денежнаго жалованія, когда оно полагалось. Но старинной способностью служилыхъ людей дѣйствовать сообща, или, какъ принято говорить, корпоративно, Петръ воспользовался, чтобы возложить на мѣстное дворянство нѣкоторое участіе въ мѣстномъ управленіи и въ сборѣ государственныхъ повинностей. Въ 1702 г. послѣдовало упраздненіе губныхъ старостъ и постановленіе впредь „всякія дѣла съ воеводами вѣдать городовымъ дворянамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и дѣла чинить воеводамъ обще съ этими избранными отъ дворянства членами, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и ихъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить". Послѣ реформы губернской администраціи въ 1719 году мѣстное дворянство избирало, съ 1724 года, комиссаровъ отъ земли и наблюдало за ихъ дѣятельностью; комиссары должны были каждый годъ давать отчетъ въ своей дѣятельности уѣздному дворянскому обществу, которое ихъ выбрало и за замѣченныя неисправности и злоупотребленія могло предать виновныхъ суду и даже подвергнуть наказанію: штрафу или даже конфискаціи имѣнья.

Все это были жалкіе остатки прежней корпоративной объ-

единенности мѣстнаго дворянства. Оно участвуетъ теперь въ мѣстной работѣ далеко не въ полномъ составѣ, такъ какъ большая часть членовъ его служитъ, разсѣянная по всему пространству имперіи. Дома, на мѣстахъ, живутъ только старые да малые и очень рѣдкіе отпускные. Да и самая работа мельче по своему содержанію.

Такимъ образомъ новое устройство, новые способы и пріемы службы разрушили прежнія мѣстныя корпоративныя организаціи дворянства. Эта перемѣна, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, „была, можетъ-быть, самой важной для судьбы Россіи, какъ государства". Регулярные полки петровской арміи не односословны, а разносословны и не имѣютъ никакой корпоративной связи съ мѣстными мірами, такъ какъ состоятъ изъ лицъ, набранныхъ враздробь отовсюду и рѣдко возвращающихся на родину. „Рязанскій рекрутъ, надолго, обыкновенно навсегда оторванный отъ своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывалъ въ себѣ рязанца и помнилъ только, что онъ драгунъ полка полковника Фамендина: казарма гасила чувство землячества. То же случилось и съ гвардіей. Прежнее столичное дворянство, оторванное отъ провинціальныхъ дворянскихъ міровъ, само сомкнулось въ мѣстный московскій столичный дворянскій міръ. Постоянная жизнь въ Москвѣ, ежедневныя встрѣчи въ Кремлѣ, сосѣдство по подмосковнымъ вотчинамъ и помѣстьямъ сдѣлали Москву для этихъ „царедворцевъ" такимъ же уѣзднымъ гнѣздомъ, какимъ былъ г. Козельскъ для дворянъ и дѣтей боярскихъ козличей. Преобразованные въ полки Преображенскій и Семеновскій и перенесенные на невское финское болото, они стали забывать въ себѣ москвичей и чувствовали себя только гвардейцами. Съ замѣной мѣстныхъ связей полковыми казарменными, гвардія могла быть подъ сильной рукой только слѣпымъ орудіемъ власти, подъ слабой—преторіанцами или янычарами". Но, нарушивъ во многомъ прежнюю корпоративную объединенность дворянства по мѣстамъ, реформы Петра дали дворянамъ нѣчто большее: сознаніе ихъ всероссійскаго единенія. Въ спискахъ герольдмейстера значилось все дворянство Россіи, на смотры съѣзжались дворяне всей имперіи со всѣхъ концовъ ея; на такихъ съѣздахъ дѣйствительно ощущалась объединенность сословія, что сказывалось въ разговорахъ дворянъ на темы ихъ общихъ интересовъ и нуждъ, и такимъ путемъ создавалось, взамѣнъ частныхъ мѣстныхъ группировокъ, объединенное общимъ самосознаніемъ всероссійское дворянство, какъ первенствующій общественный классъ.

Мѣсто прежняго боярства занялъ „генералитетъ", состоящій изъ особъ первыхъ четырехъ классовъ; въ этомъ „генералитетѣ" личная выслуга безнадежно перемѣшала представителей прежней родовой знати, людей поднятыхъ службой и заслугой съ самыхъ низовъ провинціальнаго дворянства, выдвинувшихся изъ другихъ общественныхъ группировокъ, иноземцевъ, наѣхавшихъ въ Россію „на ловлю счастья и чиновъ". Подъ сильной рукой Петра генералитетъ былъ безотвѣтнымъ и покорнымъ исполнителемъ воли и пред-

начертаній монарха; при слабыхъ преемникахъ Петра генералитетъ—руководящая сила въ правительствѣ имперіи.

Что же получалось изъ всѣхъ этихъ важнѣйшихъ и еще многихъ второстепенныхъ дополнительныхъ мѣропріятій Петра по отношенію къ служилому сословію? Законодательныя мѣры Петра, не расширяя сколько-нибудь существенно сословныхъ правъ шляхетства, очень отчетливо и существенно измѣнили формы той обязанности, которая лежала на служилыхъ людяхъ. Военное дѣло, бывшее въ московскія времена повинностью служилыхъ людей, становится теперь повинностью всѣхъ слоевъ населенія. Низшіе слои поставляютъ солдат и матросовъ, дворяне, попрежнему продолжая служить поголовно, но имѣя возможность легче проходить въ чины благодаря получаемой дома школьной подготовкѣ, становятся во главѣ вооруженной массы и руководятъ ея дѣйствіями и военнымъ обученіемъ. Далѣе, въ московское время одни и тѣ же люди несли службу и военную и гражданскую, при Петрѣ обѣ службы строго разграничиваются, и часть шляхетства должна посвящать себя исключительно гражданской службѣ. Затѣмъ, дворянинъ петровскихъ временъ попрежнему обладаетъ исключительнымъ правомъ землевладѣнія, но вслѣдствіе указовъ о единонаслѣдіи и о ревизіи онъ дѣлается обязаннымъ управителемъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, отвѣтственнымъ передъ казной за податную исправность своихъ крестьянъ и за тишину и спокойствіе въ своихъ деревняхъ. Дворянство обязано теперь еще для подготовки къ службѣ учиться и пріобрѣтать рядъ спеціальныхъ знаній.

Съ другой стороны, давъ служилому классу общее наименованіе шляхетства, Петръ присвоилъ дворянскому званію значеніе почетнаго благороднаго достоинства, даровалъ дворянству гербы и титулы, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушилъ прежнюю замкнутость служилаго класса, дѣйствительное „благородство“ членовъ его, открывъ путемъ выслуги, черезъ табель о рангахъ, широкій доступъ въ среду шляхетства людямъ другихъ сословій, закономъ же о единонаслѣдіи открылъ выходъ изъ дворянства въ купцы и духовенство тѣмъ, которые хотѣли этого. Этотъ пунктъ табели о рангахъ привелъ къ тому, что въ XVIII вѣкѣ лучшія фамиліи старинныхъ служилыхъ людей затерялись въ массѣ дворянъ новаго, служебнаго происхожденія. Дворянство Россіи, такъ сказать, демократизировалось: изъ сословія, права и преимущества котораго опредѣлялись происхожденіемъ, оно становится сословіемъ военно-бюрократическимъ, права и преимущества котораго создаетъ и наслѣдственно опредѣляетъ государственная служба.

Такъ наверху общественнаго дѣленія гражданъ Россійскаго государства образовался привилегированный землевладѣльческій слой, поставляющій, такъ сказать, командный составъ для арміи гражданъ, созидающихъ своимъ трудомъ государственное богатство. Пока еще этотъ классъ прикрѣпленъ къ службѣ и наукѣ и тѣмъ усиленнымъ трудомъ, который онъ несетъ, оправдываетъ, можно сказать, тѣ большія преимущества, какія онъ имѣетъ. Событія

послѣ смерти Петра показываютъ, что шляхетство, пополняя гвардію и правительственныя канцеляріи, — сила, съ мнѣніемъ и настроеніемъ которой должно считаться правительство. Послѣ Петра генералитетъ и гвардія, т.-е. шляхетство, находящееся на службѣ, даже „дѣлаютъ правительство“ путемъ дворцовыхъ переворотовъ, пользуясь несовершенствомъ закона о престолонаслѣдіи.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ землю, имѣя въ своемъ распоряженіи трудъ крестьянъ, шляхетство почувствовало себя крупной общественной и политической силой, но уже не столько служилой, сколько землевладѣльческой; поэтому оно начинаетъ стремиться къ освобожденію себя отъ тягостей подневольной крѣпостной службы государству, съ сохраненіемъ, однако, всѣхъ тѣхъ правъ, какими правительство думало обезпечить трудоспособность шляхетства и вознаградить его за тѣ, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, „бремена неудобьносимыя“, которыя оно имѣло на своихъ плечахъ.

Законъ Петра III 18-го февраля 1762 года удовлетворилъ это дворянское стремленіе, давъ на волю членамъ сословія служить или не служить. Эта новость подняла еще выше привилегированное положеніе дворянства надъ остальными сословіями имперіи и рѣзче подчеркнула намѣчавшееся со временъ Петра извѣстное культурное обособленіе дворянства отъ народной массы. Знакомство съ иностранными нравами, манерами установило въ дворянской средѣ обиходъ жизни на иноземный манеръ, выработало языкъ, въ которомъ та же русская рѣчь зазвучала по-иному; бритый, въ парикѣ и треуголкѣ на головѣ, одѣтый въ кафтанъ французскаго, т.-е. собственно общеевропейскаго покроя, со шпагой на боку, въ чулкахъ и низкихъ башмакахъ на ногахъ, дворянинъ XVIII вѣка и по внѣшнему виду выдѣлялся изъ народной массы: не дѣлаясь ей чуждымъ, онъ становится господствующей надъ ней и экономически и культурно силой.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія сочиненія: *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права; *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди; *Его же*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго; *В. О. Ключевскій*, Исторія сословій въ Россіи; *Его же*, Курсъ русской исторіи, ч. IV; *А. Градовскій*, Начала русскаго государственнаго права, т. I; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIV—XVIII; *И. Посошковъ*, Книга о скудости и богатствѣ; *А. Брикнеръ*, Иванъ Посошковъ; „Полное собраніе законовъ“, т. III—VII, и др.

Крестьяне въ царствованіе Петра Великаго.

Низшій слой населенія Московскаго государства въ XVII вѣкѣ дѣлился на четыре большія группы; то были, во-первыхъ, холопы—рабы, вполнѣ принадлежавшіе своимъ господамъ и не платившіе никакихъ податей; во-вторыхъ, крестьяне владѣльческіе, крѣпкіе землѣ, принадлежавшей въ качествѣ вотчинъ и помѣстьевъ служилымъ людямъ и монастырямъ; по землѣ эти крестьяне находились въ зависимости отъ землевладѣльцевъ, но несли и государственное тягло; третій разрядъ составляли крестьяне казенные и дворцовые, управлявшіеся однимъ вѣдомствомъ—приказомъ большого дворца; они несли государственное тягло и лично были люди свободные; четвертый разрядъ составляли люди вольные или гулящіе, которые не несли никакихъ государственныхъ повинностей и были лично свободные люди, промышлявшіе, чѣмъ Богъ послалъ: случайнымъ заработкомъ въ горячее время сельскихъ работъ, странничествомъ, „шатаньемъ межъ дворъ", т.-е. нищенствомъ, скоморошествомъ, грабежомъ и разбоемъ.

Владѣльческіе крестьяне составляли довольно крупный разрядъ въ сельскомъ населеніи Московскаго государства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, стремившееся всѣ разряды населенія закрѣпить на государеву службу, прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, запретивъ переходы и свозъ крестьянъ. Это запрещеніе отдало владѣльческихъ крестьянъ въ полное распоряженіе землевладѣльцевъ. Не опредѣливъ при этомъ взаимныхъ правъ и обязанностей землевладѣльцевъ и крестьянъ, жившихъ на ихъ землѣ, Уложеніе предоставило оформить эти отношенія житейской практикѣ, въ которой всегда торжествуетъ наиболѣе сильная сторона, кото-

рой безспорно являлись теперь землевладѣльцы. По Уложенію крестьяне обязывались крѣпко сидѣть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали писцовыя книги 1626 г. и переписныя 1646 г. Но Уложеніе вовсе не хотѣло сказать, что крестьяне становятся лично зависимыми отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ обязуются сидѣть. По Уложенію помѣщикъ не имѣлъ права оторвать отъ земли свободнаго по закону крестьянина, обязаннаго жить на его землѣ, т.-е. не могъ перевести его изъ одной деревни въ другую, взять для службы къ себѣ во дворъ и т. п. Уложеніе отличало крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, отъ холоповъ, запрещая крестьянамъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ давать на себя служилыя кабалы кому бы то ни было; Уложеніе признавало за крестьянами, живущими на владѣльческихъ земляхъ, извѣстныя личныя и имущественныя права: такъ, крестьянинъ имѣлъ право искать и отвѣчать по дѣламъ гражданскимъ; въ Уложеніи установлена плата за его безчестье и увѣчье, онъ могъ вступать въ имущественныя обязательства не только съ другими крестьянами, но и съ казной и даже съ землевладѣльцемъ, землю котораго не смѣлъ покинуть, суду и полицейскому надзору котораго подлежалъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что Уложеніе, прикрѣпляя крестьянина къ землѣ, стремилось только закрѣпить за землевладѣльцемъ рабочія руки и вовсе не имѣетъ въ виду отдать крестьянина въ полное распоряженіе помѣщика. Законъ смотрѣлъ на обѣ стороны скорѣе какъ на хозяина и работника, а не какъ на господина и раба.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе проводило рядъ постановленій, которыя въ своемъ практическомъ, житейскомъ примѣненіи неуклонно вели къ личному закрѣпощенію крестьянъ землевладѣльцамъ. Уложеніе не опредѣляло характера и сущности взаимоотношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, съ земель которыхъ они не могутъ теперь уходить. Уложеніе не устанавливало наказанія землевладѣльцу за неумышленное убійство крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее ему смерть; Уложеніе подтверждало давно установившійся обычай, по которому „за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же, дворяне и дѣти боярскія, во всякихъ дѣлахъ, кромѣ татьбы и разбоя и поличнаго и смертныхъ убійствъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Уложеніе, вопреки своему основному постановленію, допускало отрывать крестьянъ отъ земли въ интересахъ землевладѣльцевъ: дворянинъ, продавшій послѣ переписи свою вотчину съ бѣглыми крестьянами, подлежавшими возврату туда, откуда они бѣжали, обязанъ былъ вмѣсто нихъ отдать покупщику изъ другой своей вотчины „такихъ же своихъ крестьянъ“; Уложеніе дозволяло свозъ крестьянъ съ одной земли на другую, когда у помѣщика отбиралась земля населенная и давалась взамѣнъ пустопорожняя; по Уложенію у помѣщика, убившаго безъ умысла чужого крестьянина, брали по суду его „лучшаго крестьянина съ семьей“ и передавали владѣльцу убитаго. Если крестьянка, бѣжавшая съ земли своего господина, вы-

Съ гравюры по портрету, писанному Леруа въ 1717 г.

ходила замужъ за вдовца-крестьянина или холопа чужого господина, то по Уложенію ее возвращали къ владѣльцу, отъ котораго она бѣжала, съ мужемъ, но дѣти его отъ первой жены оставались у прежняго его владѣльца. „Такое противо-церковное дробленіе семьи законъ допускалъ совершать безразлично надъ крестьяниномъ такъ же, какъ и надъ холопомъ“,—замѣчаетъ В. О. Ключевскій.

Уложеніе, наконецъ, оставляло безъ всякаго опредѣленія имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, молчало о томъ—насколько „животы“ крестьянина принадлежатъ ему и насколько землевладѣльцу; Уложеніе не обозначало размѣровъ земельнаго участка, который землевладѣлецъ обязанъ дать въ собственное пользованіе крестьянина, не указывало размѣровъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльца; Уложеніе только оговаривало въ этомъ смыслѣ, что владѣльцы не должны заставлять крестьянъ работать въ воскресные и праздничные дни. Въ отдѣльныхъ статьяхъ Уложеніе даже не признавало за крестьянами права собственности и постановляло, напримѣръ, править долги несостоятельныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ (т.-е. холопахъ) ихъ и на крестьянахъ“, смѣшивая въ одно и крестьянъ и холоповъ несостоятельнаго должника-землевладѣльца. Такъ же, какъ и холопамъ, Уложеніе запрещало крестьянамъ жаловаться въ судъ на помѣщиковъ и вотчинниковъ и постановляло „опричь великихъ государевыхъ дѣлъ (т.-е. государственныхъ преступленій) ни въ какихъ дѣлѣхъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“.

Такимъ образомъ крѣпостной крестьянинъ по Уложенію „былъ наслѣдственно и потомственно крѣпокъ лицу, физическому или юридическому, за которымъ его записала писцовая, а потомъ переписная книга; онъ былъ этому лицу крѣпокъ по землѣ, по участку въ томъ имѣніи, въ помѣстьѣ или вотчинѣ, гдѣ его застала перепись; наконецъ, онъ былъ крѣпокъ состоянію, крестьянскому тяглу, которое онъ несъ по своему земельному участку“. Уложеніе, не проведя послѣдовательно этихъ условій крѣпости, смѣшивая въ одно крѣпость лицу и крѣпость землѣ, ставило крестьянъ житейски въ одно положеніе съ холопами.

Главной причиной такой неопредѣленности и неустойчивости узаконеній Уложенія по крестьянскому вопросу было то, что правительству необходимо было заботиться о военной силѣ государства—помѣщикахъ. Сыты, т.-е. годны къ службѣ, они могли быть лишь тогда, когда владѣли достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ,—поэтому-то и приходилось беречь за ними крестьянскую рабочую силу, дѣлая ради этого даже отступленія отъ основного смысла закона.

Затѣмъ Уложеніе, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, кромѣ обезпеченія рабочей силой служилой земли, имѣло въ виду интересы казны, надѣясь этимъ путемъ установить болѣе порядка и удобства въ сборѣ податей и увеличить самые размѣры сбора; землевладѣлецъ становился до извѣстной степени отвѣтственнымъ

за правильность поступленія казенныхъ платежей съ живущихъ на его землѣ крестьянъ. Уложеніе узаконяло „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ“, за бѣглыхъ крестьянъ владѣлецъ долженъ былъ платить подати до новой переписи. Послѣ изданія Уложенія платежи, слѣдуемые съ крестьянъ, сидѣвшихъ на помѣщичьей землѣ, стали въ отдѣльныхъ случаяхъ брать не съ самихъ крестьянскихъ общинъ, какъ дѣлалось прежде, а съ владѣльцевъ земли, причемъ недоборъ взыскивали съ помѣщика. Дѣлая землевладѣльца отвѣтственнымъ за сборъ крестьянскихъ податей, правительство должно было дать ему и нѣкоторую судебно-полицейскую власть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій: разбоя, грабежа, воровства съ поличнымъ. Это обстоятельство еще увеличивало зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что уже вскорѣ по изданіи Уложенія землевладѣльцы распоряжаются живущими на ихъ земляхъ крестьянами такъ, какъ будто эти крестьяне и по закону ихъ полная собственность. Землевладѣльцы мѣняются ими, передаютъ въ приданое, по завѣщанію; начинается даже продажа крестьянъ, сначала прикрываемая кое-какими формальностями, а вскорѣ совершенно откровенная.

Обычай, войдя накрѣпко въ сознаніе людей, заставилъ даже правительство забыть о личной свободѣ крестьянъ, и въ указѣ 7 апрѣля 1690 г. читаемъ такое выраженіе: „Всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ во крестьянѣхъ поступаться и сдать, и промѣнять ихъ воленъ“.

Еще въ 70-хъ годахъ XVII вѣка встрѣчаемъ указаніе на продажу крестьянъ. Это указаніе связано съ именемъ одного изъ передовыхъ людей своего времени, знаменитаго боярина Артамона Матвѣева. Оказывается, что въ 1676 году, по указу царя Ѳедора Алексѣевича, „по челобитью Артамона Матвѣева по сдѣлочнымъ записямъ крестьяне за нимъ Артамономъ въ помѣстномъ приказѣ записаны и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ крестьяне записованы“. Любопытно, что вскорѣ купчія на крестьянъ стали записывать не въ помѣстномъ, а въ холопьемъ приказѣ! Законъ, слѣдовательно, какъ бы приравнялъ сдѣлки на свободныхъ лично крестьянъ, обязанныхъ только жить на помѣщичьей землѣ, къ сдѣлкамъ на холоповъ.

Какъ своими рабами и распоряжается живущими на его землѣ крестьянами помѣщикъ XVII в. Помѣщичій приказчикъ воленъ сажать крестьянъ въ тюрьму, въ колодку, въ желѣза, бить батогами, кнутомъ, можетъ даже подвергать ихъ пыткѣ. Нѣкоторые большіе помѣщики составляли для своихъ приказчиковъ цѣлыя росписи, какъ они должны обращаться съ провинившимися крестьянами.

До насъ дошли письма, записки и наказы боярина Морозова въ его вотчины; эти распоряженія относятся еще къ первой половинѣ XVII в. и ярко рисуютъ положеніе владѣльческихъ кре-

стьянъ тогда. Къ концу XVII в., при указанныхъ обстоятельствахъ, краски должны были еще болѣе сгуститься, и общая картина должна вырисовываться еще безотраднѣе. По письмамъ Морозова, крестьяне его вотчинъ находятся въ полной отъ него зависимости, бояринъ распоряжается ими какъ своими подвластными и распоряжается круто.

„Первая вина, — писалъ бояринъ Морозовъ своему приказчику,—спустить; смотря по тому, если небольшая вина, побранить словомъ и дать на поруки; а своруетъ въ другорядь и такихъ бить батоги; а своруетъ въ третіе—и такого бить кнутомъ". Въ обоихъ случаяхъ провинившагося отдавали на поруки кому-либо изъ благонадежныхъ крестьянъ. „По комъ порукъ не будетъ, а вѣдомо, что онъ воръ,—пишетъ далѣе бояринъ,—такихъ сажать въ тюрьму, покамѣсть поруки крѣпкія будутъ, и писать о томъ мнѣ въ Москву".

Если морозовскому крестьянину надо было поѣхать куда-нибудь, то онъ не смѣлъ отлучиться безъ боярскаго разрѣшенія. Крестьянинъ долженъ былъ писать на имя боярина челобитную о разрѣшеніи уѣхать, куда ему надо, и подать челобитную приказчику. Приказчикъ на оборотѣ челобитной помѣчалъ такъ: „По указу боярина Бориса Ивановича Морозова приказный такой-то отпустилъ туда-то крестьянина такого-то до такого-то срока", причемъ обозначалось также, для чего именно и съ чѣмъ, т.-е. съ товаромъ—продавать его, или покормиться ремесломъ, отъѣзжаетъ крестьянинъ.

Если крестьянинъ ѣхалъ въ Москву, то ему вмѣнялось въ обязанность явиться съ этой отпускной челобитной на боярскій дворъ въ Москвѣ къ тамошнему приказчику. Къ отпуску прикладывалась печать приказчика. По свидѣтельству самого Б. И. Морозова, дѣлалось все это для „ихъ же (т.-е. крестьянъ) береженья".

Приказчикъ могъ вмѣшиваться во всѣ мелочи домашняго обихода крестьянина. Бояринъ приказываетъ ему накрѣпко слѣдить, чтобы крестьяне „вина на продажу не курили и табаку не держали, и не курили, и не продавали, зернью и картами не играли, бабками не метали и на кабакахъ не пропивались".

Для домашняго употребленія крестьянамъ разрѣшалось „сидѣть" вино и варить пиво, но въ ограниченномъ количествѣ, сказавъ напередъ приказчику. Разрѣшеніе давалось только по случаю праздника, родинъ, крестинъ, свадьбы. Больше осьмины или четверти хлѣба употреблять на это не дозволялось.

„Буде у котораго крестьянина,—писалъ бояринъ,—Богъ хлѣба уродитъ, то они бъ пиво варили не часто и больше четверти не варили. А вино сидѣть крестьянину или пиво варить часто, оно не прибыльно, убыточно".

Денежные оброки, всякій мелкій помѣщичій доходъ, всякое вотчинное издѣлье крестьяне отбывали съ дворовъ или дымовъ, по скольку на каждый придется. Отбывали повинность и повытно, т.-е. соотвѣтственно количеству вытей пахотной земли.

Кромѣ годового денежнаго оброка, крестьяне были обложены сборомъ такъ называемыхъ „столовыхъ обиходовъ“ или „столовыхъ запасовъ“, которые собирались и съ выти, и особо съ каждаго дыму, и огуломъ со всей вотчины,—когда какъ казалось боярину удобнѣй. Въ нижегородскихъ морозовскихъ вотчинахъ шло съ выти въ 12—16 дворовъ: 15 рублей денегъ *), два пуда свиного сала, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста, или взамѣнъ холста 10 фунтовъ шерсти на войлоки. Въ разныхъ вотчинахъ, даже въ разныхъ вытяхъ одной вотчины эти сборы бывали различны и качествомъ и количествомъ. Общимъ правиломъ было брать съ выти и вотчины то, чѣмъ она славится: гусями—такъ гусей, малиной—такъ малину, холстомъ—такъ холстъ, деревянной посудой—такъ ложки, плошки и чашки.

Само собою разумѣется, что въ неурожайные годы, при падежѣ скота, или по случаю какихъ-либо другихъ несчастій, размѣры этихъ сборовъ уменьшались. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ бояринъ прощалъ крестьянамъ половину или третью долю оброка.

Для сбора всякихъ оброковъ и доходовъ всегда въ началѣ ноября бояринъ посылалъ къ главнымъ приказчикамъ особую грамоту, въ которой прописывалъ съ самыми точными подробностями, что и какъ собрать и когда доставить въ Москву. Обыкновенный и неизмѣнный срокъ доставки полагался къ Рождеству. Везти собранный запасъ крестьяне должны были сами.

Кромѣ сборовъ обычныхъ, бывали еще случайные. Понадобится боярину „дягильнаго кореню“ четверикъ, или „травы звѣробойной“, или травъ разныхъ для лѣченья лошадей,—посылаютъ собирать съ крестьянъ; понадобится боярину скворецъ, который бы умѣлъ говорить,—и за нимъ шлютъ къ крестьянамъ; понадобится хорошая деревянная посуда,—и ее собираютъ съ крестьянъ; Великимъ постомъ собираютъ соленые грузди и рыжики, на Пасху—яйца и творогъ.

На крестьянахъ лежала, кромѣ того, обязанность пахать боярскую пашню. Бояринъ строго слѣдилъ, чтобы эта самая важная статья дохода вырабатывалась крестьянами тщательно. „Какъ станутъ пашню пахать,—наказываетъ бояринъ приказчику,—такъ тебѣ смотрѣть, чтобы пахали и выпахивали на-мягко, пахали бъ въ пору, не опоздавъ, бороновали бъ мягко жъ. И буде крестьяне станутъ пахать съ цѣлизнами и на-мягко не учнутъ выпахивать, и хлѣбъ на той пашнѣ будетъ недобрый, а у нихъ, крестьянъ, на ихъ жеребьяхъ въ тѣхъ годахъ хлѣбъ родится добръ, и тотъ добрый хлѣбъ велѣть съ ихъ жеребьевъ имать на боярина, а имъ отдавать съ боярской пашни худой хлѣбъ... И сѣяли чтобъ хорошо, и высѣвали хлѣбъ весь, и хитрости бъ надъ хлѣбомъ никакой не чинили. Какъ поспѣетъ, такъ хлѣбъ пожать и попрятать, не обронявъ, какъ бы было прибыльнѣе и спорѣе; и тому хлѣбу

*) Рубль второй половины XVII вѣка равняется 17 нынѣшнимъ.

ужинныя и умолотныя книги (т.-е. запись всего сжатаго и умолоченнаго хлѣба) прислать ко мнѣ въ Москву".

Побуждаемые наказами и угрозами землевладѣльца, боясь сами поплатиться за невыполненіе этихъ наказовъ, приказчики и старосты употребляли всевозможныя средства, чтобы собрать все требуемое съ крестьянъ: неисправныхъ плательщиковъ ставили на правежъ, морили голодомъ въ „темной", нещадно били, отсылали въ колодкахъ на расправу къ самому землевладѣльцу, отбирали за оброкъ и за казенныя пошлины скотину, ульи, хлѣбъ.

У кого не было, чѣмъ заплатить, съ того, конечно, и правежъ ничего выколотить не могъ. Приказчики Солотчинскаго монастыря писали архимандриту (въ 1680-хъ годахъ), что есть такіе крестьяне, у которыхъ вмѣсто хлѣба стоитъ на дворѣ возъ лебеды; „мы на тѣхъ бѣдныхъ деньги правили, и они кричатъ: взять негдѣ". Такимъ, конечно, приходилось давать разсрочку платежа, дѣлать разныя облегченія труда, давать взаймы хлѣбъ, терпѣть недоимки. До насъ дошло немало слезныхъ прошеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, рисующихъ тяжелыми, неприглядными чертами положеніе владѣльческаго крестьянства въ концѣ второй половины XVII в. Вотъ что писали стольнику А. И. Безобразову въ 1684 году крестьяне его нижегородской вотчины, села Маликова: „Государю Андрею Ильичу бьютъ челомъ сироты твоей нижегородской вотчины, села Маликова, крестьянишки: Гаврилко Захаровъ, Ѳедька Артемьевъ, Савка Тихоновъ, Максимко Тихоновъ, Ѳедька Васильевъ, Тимошка Ѳедотовъ и всѣ сироты твои. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 192 году, Ѳедоръ Михайловъ сынъ Есиповъ мочью своей оттягалъ нашу землю въ дву поляхъ и съ сѣнными покосы и разорилъ онъ насъ, Ѳедоръ, безъ остатку и заставилъ насъ съ ребятишки въ мірѣ шататься. Да мы же сироты твои озябаемъ безъ дровъ студеною смертью, покупаемъ мы, сироты твои, дрова дорогою цѣною великихъ государей дворцовыя Терюшевскія волости, въ деревнѣ Романихѣ у мордвы, и ѣздимъ мы съ дровами мимо вотчины стольника Степана Савича Набрекова села Поляны, и полянскіе крестьяне тѣ купленныя дрова у насъ и сѣкеры отымаютъ, невѣдомо за что; да Божіимъ изволеніемъ всегда у насъ хлѣбная недорода, поля наши всегда морозомъ побиваетъ, и нынѣ у насъ ни хлѣба, ни дровъ, ни скотины нѣтъ, погибаемъ голодною и озябаемъ студеною смертью. Изволь, государь, нашихъ домишекъ и животишекъ досмотрить, кому ты, государь, вѣришь! Умилостивися, государь Андрей Ильичъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ, своею государскою милостію, воззри на нашу скудость и бѣдность, ради Всемилостиваго Спаса, вели, государь, намъ быть на оброкѣ, противъ нашей мочи; а пахать намъ стало нечего; вели, государь, отставить винное сидѣнье, московскія и симбирскія подводы отставить же, и подужныя деньги, и мяса свиныя и столовой запасъ, и вели, государь, съ насъ должной оброкъ имати, противу нашея мочи, и вели, государь, у насъ приказнаго Василья Маркова съ приказу перемѣнить, потому что ни

съ какое дѣло его не стало, ни съ городовое, ни съ домашнее. Государь, смилуйся!" „Къ сей челобитной села Маликова николаевской попъ Михаилъ, вмѣсто прихожанъ и дѣтей своихъ духовныхъ, кои въ сей челобитной имены писаны, по ихъ велѣнію руку приложилъ".

На слезное моленье своихъ „человѣчейцовъ" стольникъ Безобразовъ отвѣтилъ такимъ суровымъ приговоромъ: „Сыскать, всѣ ли крестьяне ту челобитную писали, а будетъ скажутъ, что они про эту челобитную не вѣдаютъ и не писывали, бить кнутомъ того крестьянина, который челобитную писалъ, нещадно, только лишь чуть душу оставить".

Очень рѣдко встрѣчаются въ памятникахъ того времени случаи милостиваго отношенія землевладѣльцевъ къ участи ихъ бѣдствующихъ крестьянъ; только на смертномъ одрѣ, готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго, смягчается суровое сердце помѣщика XVII вѣка, и онъ проситъ мужиковъ и женокъ своихъ деревень простить ему все, что онъ „согрубилъ" кому или кого чѣмъ обидѣлъ, и велитъ отпустить долги и простить наказанія. Изъ написанныхъ же при жизни приказовъ о смягченіяхъ и льготахъ ни одинъ не согрѣтъ живымъ участіемъ человѣка къ человѣку, и всѣ носятъ характеръ вынужденной уступки, подачки, которую расчетливый хозяинъ бросаетъ голодному работнику въ надеждѣ, что тотъ поправится и тогда отработаетъ съ прибылью эту подачку.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни положеніе владѣльческаго крестьянства является къ концу XVII в. полнымъ рѣшительныхъ противорѣчій. Такой крестьянинъ можетъ даже имѣть своихъ крѣпостныхъ людей, но помѣщикъ можетъ продать его, не спрашивая, хочетъ крестьянинъ того, или нѣтъ. Помѣщикъ— судья крестьянина, но крестьянинъ признается полноправнымъ и передъ обычнымъ судомъ. Имущество крестьянина какъ будто принадлежало и господину, но крестьянинъ могъ въ то же время покупать и продавать все, что хотѣлъ, кому угодно, не только казнѣ и другимъ лицамъ, но даже и своему помѣщику. Крестьянская община съ выборными старостами и раскладчиками податей продолжала существовать, но рядомъ съ ней, порой подавляя ее, господствовала воля помѣщика и его приказчика.

Это состояніе извѣстной неопредѣленности въ законѣ, при крайне тяжеломъ положеніи владѣльческихъ крестьянъ на дѣлѣ, создавало въ государствѣ чрезвычайно тревожное настроеніе, которое время отъ времени разрѣшалось бунтами и волненіями. XVII в. нашей исторіи, особенно вторая его половина, по праву называется иногда эпохой бунтовъ: никогда ни до, ни послѣ, если не считать самыхъ послѣднихъ годовъ, крестьянскія волненія не были такъ часты и общи на Руси, какъ именно въ половинѣ и концѣ XVII в. Причинъ ихъ возникновенія было достаточно во всемъ строѣ тогдашней русской жизни, но крестьянская тягота является едва ли не важнѣйшей. Крестьянство доставило главный матеріалъ для образованія шаекъ Ра-

зина, и только благодаря участію крестьянства, тяготившагося послѣдствіями прикрѣпленія, бунтъ Разина выросъ до размѣровъ чрезвычайныхъ. Бунты погашались рѣками крови. Бѣгство тоже мало помогало. По городамъ были организованы частныя сыскныя предпріятія для поимки бѣглыхъ; впрочемъ, бѣгство, освобождая въ рѣдкихъ случаяхъ отдѣльныхъ лицъ отъ угнетавшей ихъ горькой участи, по существу являлось актомъ слабости, признаніемъ той силы, которая угнетала, а это, конечно, не могло умалить общей крестьянской бѣды и тяготы.

Время Петра Великаго—время необычайнаго напряженія народныхъ силъ для разрѣшенія вѣковой задачи великорусской государственности. Это напряженіе, заставляя собирать въ одно всѣ разрозненныя орудія государственной дѣятельности, произвело въ составѣ русскаго крестьянства сдвиги, надолго опредѣлившіе и составъ земледѣльческаго класса и формы его существованія. Такъ же, какъ и по отношенію къ мѣрамъ Петра относительно шляхетства, можно сказать, что и крестьянство при немъ не испытало коренного переустройства своего быта, но рядъ отдѣльныхъ мѣръ, вызванныхъ военными или финансовыми нуждами, продолжалъ укрѣплять тѣ начала, которыя создались и утвердились въ жизни. Основная задача государственной жизни временъ Петра оставалась та же, слѣдовательно и съ этой стороны не могло проявиться ничего, что могло бы существенно измѣнить состояніе классовъ русскаго общества.

Положеніе, въ которомъ очутилась къ концу XVII в. масса владѣльческихъ крестьянъ, характеризуется полной зависимостью крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Надо очень и очень зорко присмотрѣться, чтобы въ тогдашнемъ законѣ найти черты, дѣйствительно отличающія владѣльческихъ крестьянъ отъ холоповъ. Особенно послѣ того, какъ владѣльческіе крестьяне, потерявъ право уходить съ земель, гдѣ ихъ застали писцовыя книги царя Михаила, попрежнему должали неоплатно землевладѣльцамъ, беря у нихъ взаймы деньги, хлѣбъ, сельскохозяйственныя орудія. Неоплатный должникъ по тогдашнему закону долженъ былъ становиться холопомъ своего кредитора. Не удивительно поэтому, что въ жизни между помѣщиками и крестьянами устанавливались отношенія, какъ между господами и холопами. Происходило житейское охолопливаніе крестьянства, если можно такъ выразиться. А такъ какъ, съ другой стороны, въ бытѣ холоповъ имѣлось много житейски-общаго съ устройствомъ крестьянской жизни, то общая зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ неминуемо должна была вести къ слія- нію этихъ двухъ группъ населенія.

Отъ прямого перехода въ холопство крестьянъ ограждало правительство, установивъ „вѣчность крестьянскую", т.-е. запретъ перехода крестьянъ въ другія сословные разряды, не исключая и холоповъ. Холопы не платили податей; оберегая крестьянъ отъ перехода въ холопство, правительство сохраняло себѣ плательщиковъ государственныхъ податей. Но въ дѣйствительности владѣль-

ческое крестьянство мало чѣмъ отличалось отъ холопства. Одинаково съ холопами крестьянъ все чаще начинают называть крѣпостными. „Крѣпостью въ древне-русскомъ правѣ,—говоритъ В. О. Ключевскій, — назывался письменный актъ, утверждавшій власть лица надъ извѣстной вещью. Власть, укрѣпленная такимъ актомъ, давала владѣльцу крѣпостное право на эту вещь. Предметомъ крѣпостного обладанія въ древней Руси были и люди. Такіе крѣпостные назывались холопами и робами". Холопъ—это крѣпостной мужчина, роба—крѣпостная женщина. Владѣльческіе крестьяне къ XVII вѣку житейски почти поголовно были на холопьемъ положеніи, потому что всѣ почти были въ долгу у землевладѣльцевъ, съ земель которыхъ къ тому же послѣ изданія Уложенія не могли сойти „никоторыми способы". Получая отъ землевладѣльца ссуду, крестьянинъ обязывался работать на заимодавца. Это обычное условіе всякой кабальной записи было непремѣннымъ условіемъ и крестьянской договорной грамоты; бывали ссудныя записи, въ которыхъ крестьянинъ, забирая у землевладѣльца ссуду, даетъ обязательство „жить за господиномъ съ женой и дѣтьми, а по мнѣ и внучатомъ моимъ до своей смерти". Земли частныхъ владѣльцевъ еще въ началѣ XVII в. были населены холопами и крестьянами, которые путемъ кабальныхъ записей стали, такъ сказать, на холопье положеніе.

Въ холопствѣ различали тогда два крупныхъ разряда: холоповъ полныхъ, т.-е. потомственныхъ, и холоповъ временныхъ, обыкновенно по смерть господина или по то время, пока не отработаютъ взятыхъ на себя обязательствъ; источникомъ этого холопства былъ заемъ, заемное письмо, которое называлось тогда кабалой; отсюда и холопы этого разряда назывались кабальными холопами. Холопомъ кабальнымъ становился всякій, кто бралъ взаймы и обязывался служить своему кредитору вмѣсто уплаты процентовъ или пока не отработаетъ взятой взаймы суммы. Чтобы сдѣлаться полнымъ холопомъ, надо было продаться; полными холопами становились плѣнные, несостоятельные должники, лица, поступившія къ кому-либо въ личное дворовое услуженіе безъ договора, обезпечивающаго свободу слуги, женившіеся на робѣ безъ такого же договора. Стать свободнымъ такой холопъ могъ только по волѣ своего господина.

Со второй половины XVII в., послѣ того, какъ крещенымъ людямъ запрещено было продаваться въ холопство, полное холопство перестало пополняться пришлыми съ воли людьми, и представителями его остались дѣти, внуки, вообще потомки прежнихъ холоповъ; въ отличіе отъ кабальныхъ холоповъ, число которыхъ продолжало увеличиваться, эти потомки полныхъ холоповъ стали именоваться старинными холопами.

Крестьяне отрабатывали ростъ за полученную ссуду издѣльемъ, барщиной, работой на господина-землевладѣльца. Эта работа крестьянина, его издѣлье было такой же личной работой на господина, какъ и служба кабальнаго за ростъ. Въ этомъ смыслѣ

кабальные и крестьяне оказывались одинаково зависимыми отъ господина-землевладѣльца. Только кабальные служили и работали во дворѣ господина и только на него, а крестьянинъ работалъ на себя, отбывалъ казенные платежи и „ходилъ во дворъ“, „дворовое дѣло дѣлалъ“. Жизнь создавала на этой почвѣ дальнѣйшее сближеніе владѣльческаго крестьянства съ холопствомъ.

Древне-русскіе землевладѣльцы, постоянно нуждавшіеся въ рабочей силѣ для обработки своихъ земель и всегда обладавшіе большимъ или меньшимъ количествомъ холоповъ и другихъ лично зависимыхъ отъ нихъ людей, издавна имѣли обычай сажать ихъ на обработку земли. Такіе подневольные пахари не-крестьяне жили на господскомъ дворѣ и обрабатывали господскую пашню; если же землевладѣлецъ давалъ имъ отдѣльные дворы, устраивалъ каждой семьѣ особое хозяйство и давалъ особый участокъ земли, съ котораго холопы должны были кормиться сами, обрабатывая въ то же время и господскую землю, то они назывались „задворными людьми“, потому что жили не на дворѣ, а за дворомъ господина. Холопы, состоявшіе во дворѣ помѣщика для его домашнихъ услугъ, назывались дѣловыми или дворовыми людьми. Въ теченіе XVII в. люди дѣловые, обрабатывавшіе землю, и задворные такъ смѣшались между собой, что становятся трудно раздѣлимы; обыкновенно къ концу XVII вѣка въ дошедшихъ до насъ актахъ и грамотахъ идетъ рѣчь о тѣхъ и другихъ, какъ о чемъ-то однородномъ, объединенномъ и одинаковымъ названіемъ—пашенныхъ холоповъ. Къ концу XVII в. пашенное холопство чрезвычайно разрослось. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, напримѣръ, населенномъ мелкими помѣщиками, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „дѣловыхъ“ людей на помѣщичьихъ дворахъ числилось всего 200 человѣкъ. Къ концу же XVII вѣка число ихъ увеличилось до 4.242 душъ, при общемъ числѣ крестьянъ въ этомъ уѣздѣ 19.734 души. Это значитъ, около пятой части всѣхъ землedѣльцевъ Бѣлевскаго уѣзда состояло изъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, вообще лично зависимыхъ отъ землевладѣльцевъ лицъ, не тянувшихъ государственнаго тягла по своей крѣпости помѣщикамъ

И во многихъ мѣстахъ государства помѣщики перешли на обработку земли холопьимъ трудомъ. Это было имъ выгодно потому, что съ служилой земли, обрабатываемой помѣщикомъ на себя, государственные сборы собирались въ чрезвычайно уменьшенныхъ размѣрахъ сравнительно съ тѣми, которые шли съ земель, обрабатываемыхъ владѣльческими крестьянами и крестьянами казенными и дворцовыми. Но такая замѣна крестьянскаго труда холопьимъ была очень невыгодна для казны, собиравшей подати съ земли, обрабатываемой считавшимися лично свободными крестьянами.

Нуждаясь, благодаря постояннымъ войнамъ, въ деньгахъ, московское правительство не замедлило обратить вниманіе на новыхъ землеdѣльцевъ и стало брать подать и съ земли, обрабатываемой холопами, тоже въ полномъ размѣрѣ, какъ съ земли, обра-

батываемой крестьянами. По переписи 1678—1679 гг. пашенныхъ холоповъ занесли въ переписныя книги на ряду съ крестьянами. Указомъ царя Петра Алексѣевича въ 1695 г. и съ обрабатываемыхъ холопами земель повелѣно было брать подати.

Возлагая на пашенныхъ холопей ту же тягость, какую несли крестьяне, правительство, можно сказать, приравняло однихъ къ другимъ. Если жизнь заставляла крѣпостныхъ крестьянъ становиться на холопье положеніе, то законъ поставилъ холоповъ въ положеніе крѣпостныхъ. Если къ данному времени положеніе холоповъ по закону оказывалось возможнымъ приравнять къ положенію крѣпостныхъ въ дѣйствительности, то понятно, что помѣщики, и безъ того путавшіе въ своемъ обращеніи крестьянъ съ холопами, теперь еще больше привыкаютъ обращаться съ крестьянами, какъ съ холопами. Злоупотребленія помѣщичьею властью усиливаются все болѣе. Особенно возрастаетъ торговля людьми. Она принимаетъ такіе размѣры, что даже Петръ чувствуетъ себя безсильнымъ искоренить куплю-продажу людей. Осуждая въ одномъ указѣ 1721 года продажу крестьянъ, „кто похочетъ купить, какъ скотовъ", Петръ сомнѣвается въ возможности прекратить ее, но, предписывая „оную продажу людямъ пресѣчь", оговаривается, что „ежели невозможно того вовсе пресѣчь, то хотя бы, по нуждѣ, продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не врозь, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается".

Указомъ 1705 г. на холоповъ распространяется рекрутская повинность. Въ жизни холопство до такой степени полно проникло въ крестьянство, и, наоборотъ, крестьянство такъ сблизилось съ холопствомъ, что разграничить ихъ становится чрезвычайно трудно. Дальнѣйшая жизнь быстро стерла и послѣднія различія, какія еще можно было улавливать въ этихъ двухъ, по существу столь различныхъ состояніяхъ. Сліяніе холопства и владѣльческаго крестьянства въ одинъ разрядъ и по закону произошло въ эпоху переписей и ревизій, сопровождавшихъ введеніе подушной подати.

По указу 22 января 1719 г. въ податные списки занесли только крестьянъ и пашенныхъ холоповъ; въ послѣдующіе годы перепись еще болѣе расширяетъ свои рамки и захватываетъ въ свои списки или сказки холоповъ всѣхъ наименованій. Въ 1723 г. въ перепись занесли и всѣхъ дворовыхъ, если даже они земли не пахали и находились только въ личномъ услуженіи у господъ. По указу 1723 г. малолѣтніе, „не помнящіе, чьи они прежде были", отдавались „въ вѣчное владѣніе" тѣмъ помѣщикамъ, на землѣ которыхъ застала ихъ перепись. Въ 1722 г., послѣ того какъ были установлены штаты духовенства при церквахъ сельскихъ и городскихъ, всѣ церковники и причетники „излишніе и безмѣстные" были записаны въ подушныя сказки за владѣльцами, на земляхъ которыхъ они жили. Въ подушные списки попали также отставные солдаты, матросы, „прежнихъ службъ служилые люди"—пушкари, затинщики, стрѣльцы. Въ качествѣ плательщи-

ковъ подушной подати они становились въ одинъ разрядъ съ крестьянами и потому въ случаяхъ пожалованія земель, на которыхъ они жили, дворянину—дѣлались крѣпостными.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ переписи, начавшейся въ 1718 году, было то, что крѣпостные крестьяне и холопы оказались смѣшанными въ одинъ разрядъ. Съ этихъ поръ исчезло на Руси холопство, слившись съ владѣльческимъ крестьянствомъ въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ людей, подневольныхъ господамъ.

Въ 1722 г. нашло свой предѣлъ и существованіе вольныхъ или гулящихъ людей. Дѣятельному, всегда поглощенному работой царю этотъ разрядъ московскихъ людей давно ужъ казалось необходимымъ пристроить къ государеву дѣлу. Еще въ началѣ своего царствованія онъ отозвался объ нихъ, какъ о „таковыхъ, кои шатаются безъ службы; государственной пользы надѣяться отъ нихъ не можно, только умножаютъ воровство". Вольные или гулящіе люди были дѣйствительно изрядный сбродъ, очень измѣнчивый по своему составу, бездѣльный и безпокойный; вольнымъ, гулящимъ человѣкомъ считалъ себя вольноотпущенный и холопъ, холопъ кабальный, вышедшій на волю по смерти господина, и всякаго другого чина человѣкъ, котораго судьба или несчастье выкидывали изъ прирожденнаго ему разряда людей. Теперь всѣмъ этимъ гулящимъ людямъ приказывалось или зачислиться на военную службу, или отыскать себѣ господъ, которые согласились бы принять ихъ къ себѣ „во дворъ". Подлежащему начальству строжайше приказывалось слѣдить, чтобы никто „безъ службъ не шатался". Тѣ вольные люди, которые оказывались негодными къ службѣ и не находили себѣ господъ, ссылались на галеры.

Первая ревизія, какъ извѣстно, принесла съ собой подушную подать, которая шла не съ земли и не со двора, а съ „души", т.-е. съ человѣка. Для казны это было выгодно. Но правительство, облагая податью „душу", независимо отъ земли, какъ бы подтверждало возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли. Съ нихъ стали брать подать, не смотря, много или мало они пашутъ. Наблюденіе за ихъ платежной исправностью осталось попрежнему за владѣльцами земли. По указу 5 февраля 1722 г. велѣно было „подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, ихъ приказчикамъ и старостамъ"; въ случаяхъ непоступленія въ срокъ подушныхъ платежей приказывалось въ такія деревни „посылать экзекуцію и велѣть немедленно править на помѣщикахъ". Съ 1724 г. владѣльческіе крестьяне могли уходить изъ своихъ деревень на заработки и по другимъ надобностямъ не иначе, какъ имѣя при себѣ письменное разрѣшеніе господина, засвидѣтельствованное земскимъ комиссаромъ и полковникомъ того полка, который стоялъ въ данной мѣстности. Такимъ образомъ помѣщичья власть надъ личностью крестьянъ получила еще больше возможности усиливаться, забирая въ свое безотчетное распоряженіе и личность и имущество крестьянина. Послѣ переписи слившіеся съ холопами крестьяне дѣлаются полной собственностью

господъ. Это новое состояніе сельскаго работника получаетъ съ этого времени названіе „крѣпостной“, или „ревизской“, души.

Крестьяне съ этого времени стали раздѣляться на крестьянъ крѣпостныхъ, монастырскихъ и государственныхъ. Всѣ три разряда были записаны въ ревизскія сказки и обложены однимъ налогомъ. Крѣпостные крестьяне платили въ казну немного менѣе 7 руб. на наши деньги; государственные же, не платившіе оброка помѣщику и не отбывавшіе барщины, платили сверхъ этихъ семи рублей еще добавочный сборъ, равнявшійся приблизительно 3 руб. 60 коп., потомъ, впрочемъ, пониженный.

Помѣщики начала XVIII в. такъ же, какъ и ихъ отцы, зорко смотрѣли за тѣмъ, чтобы крестьяне „не гуляли даромъ“, чтобы „лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло“; предписывали своимъ приказчикамъ „принуждать крестьянъ“ даже къ той работѣ, какую крестьяне дѣлали на себя, „а не давать имъ то на волю“. Барщина четырехдневная стала обычнымъ явленіемъ; есть извѣстія о существованіи тогда уже ежедневной барщины. Живой наблюдатель тогдашней дѣйствительности, И. Т. Посошковъ, такъ описывалъ положеніе крѣпостныхъ: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дни, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у господъ. Или что положено на крестьянъ оброку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ. И который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, догола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ крестьянъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ—иные въ понизовыя мѣста, иные во украинныя, а иные и въ зарубежныя. Тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ“. Помѣщику крѣпостной долженъ былъ заплатить въ годъ „рублевъ по 8 или малымъ чѣмъ меньше“, замѣчаетъ Посошковъ; по наблюденіямъ другого современника, годовой оброкъ достигалъ 10 и 12 рублей, т. е. рублей 90—110 по нашему счету. Подушная подать увеличила втрое, а мѣстами вчетверо прежніе окладные платежи. Это было очень много, и въ результатѣ создавались недоимки, которыя вели за собой выколачиваніе платежей, свирѣпство командъ и чиновниковъ, посылавшихся для сбора доимочныхъ денегъ.

Отъ такихъ тягостей крестьяне искали заступничества у государя: „Просимъ и молимъ и умильно вопіемъ,—писали крестьяне одного помѣщика въ прошеніи царю Петру,—да тя на милость преклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гоморру от-

раднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ, великому государю, станутъ возбранять, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморрѣ, мучиться; яко львы челюстями своими пожираютъ насъ и яко зміи ехидныя разсвирѣпѣя напрасно попираютъ, яко же волци свирѣпіи; біютъ насъ, яко немилостивіи Пилаты... Государь, смилуйся, пожалуй".

Законодательство Петра пробовало сдѣлать кое-какія смягченія крѣпостного состоянія, создавая даже возможность выхода изъ него; такъ, было дозволено дворовымъ людямъ поступать въ солдаты и безъ согласія господина; крестьянамъ, которые вели торговлю въ крупныхъ размѣрахъ, разрѣшено было приписываться къ городамъ даже вопреки желанію помѣщика, и помѣщикъ не могъ при этомъ брать съ нихъ оброка больше, чѣмъ съ остальныхъ; если помѣщикъ разорялъ крестьянъ, то велѣно было у такихъ владѣльцевъ, „безпутныхъ мотовъ и разорителей", какъ ихъ именуетъ указъ, имѣнія отбирать и отдавать близкимъ родственникамъ, самихъ же разорителей посылать до исправленія подъ началъ; уничтожено было право помѣщиковъ, при взысканіи съ нихъ долговъ, ставить за себя на правежъ своихъ крѣпостныхъ. Но все это были маленькія мѣры въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое онѣ должны были смягчать, да и примѣнялись онѣ очень рѣдко. Тѣ, кого описанное положеніе вещей тяготило, желали бы большаго. И. Т. Посошковъ въ своей книгѣ писалъ такъ: „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы... прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное". Посошковъ предлагалъ опредѣлить по закону, сколько и чего можетъ помѣщикъ требовать съ крестьянина, требовалъ установленія строгой кары помѣщикамъ за нарушеніе этого закона и утверждалъ, что тогда „и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ". Но всѣ эти пожеланія такъ и остались пожеланіями вдумчиваго практическаго человѣка и никакого дальнѣйшаго развитія не имѣли.

Межъ тѣмъ со временъ Петра Великаго дворянство пріобрѣло первенствующее положеніе въ государствѣ. Изъ среды дворянъ выходятъ первые сановники, изъ дворянъ состоитъ гвардія, дворяне служатъ офицерами въ арміи, въ ихъ рукахъ находится судъ и всѣ другія отрасли управленія. Все это мало могло способствовать смягченію положенія крѣпостныхъ, и по смерти Петра Великаго помѣщичьи крестьяне утрачиваютъ всякую тѣнь личныхъ правъ, становятся рабами землевладѣльцевъ въ полномъ смыслѣ слова. Это видно и изъ отношенія къ нимъ правительства.

Ближайшими преемниками Петра Великаго издается рядъ указовъ, на основаніи которыхъ создается окончательная крѣпость

крестьянъ. Въ 1727 г. крѣпостные потеряли право поступать на военную службу безъ согласія помѣщика; въ 1730 году запретили помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтать въ собственность недвижимое имущество, въ 1731 г. – брать откупы и подряды, въ 1734 г.— устраивать фабрики и заводы; въ 1741 г. они были устранены отъ принесенія присяги на вѣрноподданство; въ 1761 г. имъ запрещается обязываться векселями и брать казенные подряды. Съ другой стороны, все усиливается власть помѣщика. Въ 1747 г. помѣщикамъ разрѣшается продавать крестьянъ, кому захотятъ, для отдачи въ рекруты; въ 1760 г. помѣщикамъ дозволяется ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь; еще въ 1746 г. запретили владѣть крѣпостными всѣмъ не-дворянамъ.

Что касается крестьянъ дворцовыхъ и казенныхъ, то за время Петра въ ихъ судьбѣ произошло немного перемѣнъ. Крестьяне дворцовые получили свое названіе по дворцовымъ землямъ, на которыхъ жили. Дворцовыми же землями назывались, какъ кажется, всѣ тѣ волости и села, которыя были куплены или захвачены удѣльными великими князьями; къ этому основному ядру московскіе великіе князья присоединили всѣ вообще „черныя“, т.-е. свободныя крестьянскія волости центральной и сѣверной Руси; это называлось, что они „окняжили“ эти волости; окняживъ черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ, мѣнялъ и т. д. Съ середины XVI вѣка изъ этой массы земель выдѣляются тѣ, которыя собственно составляютъ имѣніе государя, и ихъ только начинаютъ называть дворцовыми, а остальная масса объединяется подъ названіемъ казенныхъ. Дворцовыхъ крестьянъ въ 1646 году считалось около 272.000 дворовъ. Во второй половинѣ XVII в. и при Петрѣ много изъ дворцовыхъ крестьянъ было роздано въ частныя руки, и къ 1711 г. въ завѣдываніи дворцовой канцеляріи числилось около 50.000 дворовъ. Крестьяне дворцовыхъ земель отбывали денежныя и работныя повинности въ пользу государева двора и занимались земледѣліемъ на себя. Взносы натурою во дворецъ дѣлались хлѣбомъ, рожью, овсомъ, ячменемъ, гречею, яровой пшеницею, сѣменемъ льнянымъ и конопляным ъ, солодомъ, хмелемъ, горохомъ, баранами, говяжьими лопатками или полтями мяса, боровами, лебедями, гусями, курами, печенымъ хлѣбомъ, рыбой, медомъ, лубками, вѣниками и т. д., и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне пахали на государя. Дворцовыми селами въ XVII в. управляли приказчики, которымъ вмѣнялось въ обязанность „управу межъ крестьянъ чинить и ихъ судить“; приказчики слѣдили за прибылью и убылью крестьянскихъ семей, чему вели особыя записи; раскладка податей производилась обыкновенно самими крестьянами сообща, но собирались самые сборы приказчикомъ.

Въ большихъ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ крестьянская жизнь приходила въ наибольшее соприкосновеніе съ дворцомъ. Въ селѣ Измайловѣ, старинной родовой вотчинѣ Романовыхъ, царь Алексѣй Михайловичъ любилъ жить попросту, про-

стымъ землевладѣльцемъ, и очень заботился о наилучшемъ устройствѣ своего имѣнья. Чего-чего только ни было въ селѣ Измайловѣ, красиво примыкающемъ къ вѣковому сосновому бору, до сихъ поръ производящему впечатлѣніе своей глушью и первобытной красотой. Въ селѣ Измайловѣ были разведены большіе плодовые сады и аптекарскіе огороды, устроены пчельники, сохранившіеся частью до сихъ поръ, посажены тутовыя деревья—не безъ расчета попробовать завести шелководство, и роща деревьевъ лиственныхъ породъ въ 115 десятинъ. Въ садахъ созрѣвали яблоки всѣхъ сортовъ, груши, сливы, вишни, даже грецкіе орѣхи; изъ ягодныхъ кустовъ росли: барбарисъ, сереборинникъ (шиповникъ), смородина, берсень (крыжовникъ), малина; пробовали даже выгонять виноградныя лозы; въ парникахъ дозрѣвали дыни, арбузы, было много клумбъ и грядокъ съ пахучими и красивыми цвѣтами. На перекресткахъ садовыхъ дорожекъ и по угламъ сада стояли затѣйливыя бесѣдки, пестро и нарядно расписанныя красками и золотомъ подъ наблюденіемъ лучшихъ царскихъ изографовъ. По деревьямъ висѣли нарядныя клѣтки съ канарейками, соловьями и попугаями; на птичьемъ дворѣ важно расхаживали роскошные павлины, лебеди, китайскіе гуси, аглицкія утки, рѣдчайшихъ породъ куры, и въ особыхъ загонахъ имѣлись боевые пѣтухи, которыхъ иногда для потѣхи любили стравливать въ бой, кончавшійся всегда смертью одной, а то и обѣихъ птицъ; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота лучшихъ тогдашнихъ породъ; въ старомъ звѣринцѣ водились олени, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки; въ клѣткахъ имѣлись львы, тигры, барсы, „пардусы" (леопарды), бѣлые медвѣди; въ 27 прудахъ была разведена всякая рыба; при селѣ находились винокурня, пивоварня, медоварня, солодовня и маслобойня.

Царь Алексѣй, при его любви къ церковнымъ церемоніямъ, всякое начало сельскихъ работъ обставлялъ всегда очень торжественно, водосвятіемъ, окропленіемъ полей, пѣніемъ разныхъ приличныхъ случаю молитвъ и стихиръ. Обрабатывалось все мѣстными крестьянами, на помощь которымъ въ страдное время нанимали одныхъ жнецовъ до 700 человѣкъ. Поля раскидывались на огромное пространство вокругъ Измайлова, и на нихъ, въ кругозорѣ одна другой, стояли высокія смотрильни—деревянныя башни, съ которыхъ особые приказчики наблюдали за работающими на поляхъ крестьянами. Веденіе и поддержка образцоваго хозяйства въ селѣ Измайловѣ ложилась довольно тяжелымъ бременемъ на крестьянъ этой вотчины. Отъ многихъ и тяжкихъ работъ подъ наблюденіемъ жестокихъ приставовъ, донимавшихъ крестьянъ боемъ, тюрьмой, колодками, а пуще всего разными поборами, измайловскіе крестьяне, какъ и всюду, находились „въ уныніи и бѣдствіи", отъ котораго старались спастись бѣгствомъ. Въ 1663 г. въ село Измайлово было переселено 664 семьи крестьянъ, а въ 1676 г., т.-е. черезъ 13 лѣтъ, налицо считалось только 183 семьи, остальные же разбѣжались, „а которые крестьяне въ остаткѣ,—гласитъ докладъ по этому

поводу,—и тѣ наготовѣ бѣжать мало не всѣ". Жизнь на виду у царя требовала отъ крестьянъ села Измайлова нѣкоторой нарядности во внѣшнемъ видѣ избъ, въ уборахъ и одеждахъ, все это должно было казаться красивымъ подъ страхомъ взысканія за нерадѣнье. По праздникамъ дѣвушки и парни обязаны были водить хороводы передъ государевыми хоромами и въ награду за то получали отъ царевичей и царевенъ пряники, сахары, куски маковой и орѣховой сбоины и мелкія монеты. Въ дни тезоименитства особъ царской семьи крестьянъ угощали передъ дворцомъ пивомъ и виномъ, а бѣднымъ давали щедрую милостыню. Въ неурожайные годы царь давалъ помощь своимъ крестьянамъ и даже устроилъ запасные магазины, откуда крестьяне брали въ ссуду сѣмена и хлѣбъ и потомъ натурой же возвращали взятое.

При Петрѣ изъ дворцовыхъ земель было выдѣлено нѣсколько вотчинъ, которыя составили какъ бы личное имѣніе самого государя и отдѣльныхъ членовъ его семьи, какъ при царѣ Алексѣѣ село Измайлово считалось деревней самого государя. Въ 1710 г. Петръ подарилъ своей женѣ Екатеринѣ шесть мызъ подъ Петербургомъ, между прочимъ, Саарскую, впослѣдствіи Царское Село. 9 іюля 1712 г. указомъ опредѣлены были на обиходъ царя, царицы и царевенъ дворцовыя волости Новгородскаго и Псковскаго уѣздовъ, причемъ проведено было явственное отдѣленіе частныхъ доходовъ государя отъ доходовъ государственныхъ: указъ гласилъ, чтобы всѣ сборы съ перечисленныхъ волостей, шедшіе по дворцовому вѣдомству, собирать на государя, а „другіе доходы, которые со всего государства положены", собирать въ Петербургскую губернію, какъ со всѣхъ частныхъ земель. Самъ Петръ считалъ себя владѣльцемъ земли съ 800 душъ въ Новгородской губерніи и расходы своей частной жизни любилъ сообразовать съ доходами отъ этого своего имѣнія. Отдѣльныя имѣнія были даны, кромѣ царицы Екатерины, дочерямъ и племянницамъ, вдовой женѣ брата, царя Ивана Алексѣевича, царевичу Алексѣю Петровичу. За царицей Екатериной считалось къ концу царствованія Петра около 5.000 дворовъ съ населеніемъ въ 21.400 душъ. Хозяйство въ этихъ государевыхъ деревняхъ велось точно такъ же, какъ и всюду, оброки и сборы были тѣ же и такъ же порой выходили „изъ сносности человѣческой", достигая большой обременительности, какъ, напримѣръ, у скупой и сердитой царицы Прасковьи, вдовы царя Ивана Алексѣевича. Въ распорядкѣ ихъ внутренней жизни и ея уклада государевы и дворцовые крестьяне ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ казенныхъ и владѣльческихъ.

Казенныхъ крестьянъ, по устройству ихъ быта, можно раздѣлить на три большихъ разряда: 1) крестьянъ черносошныхъ или казенныхъ собственно, 2) однодворцевъ и 3) ясачныхъ крестьянъ, какъ назывались разные инородцы сѣвера и Сибири, платившіе прямую подать натурой,—такая подать называлась „ясакъ". Каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ сосредоточивался въ разныхъ краяхъ государ-

ства: черносошные — это по преимуществу крестьяне сѣвера Россіи, однодворцы - обитатели южной границы Московскаго государства, ясачные—населеніе сѣверо-востока и Сибири. Черносошные крестьяне—это тѣ, которые живутъ на своей землѣ и изстари ее обрабатываютъ. На сѣверѣ они сосредоточились, или, вѣрнѣе сказать, уцѣлѣли вслѣдствіе того, что здѣсь, въ нынѣшнихъ Пермской, Вятской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерніяхъ, не существовало для Московскаго государства военной опасности, а потому ни держать здѣсь служилыхъ людей, ни заботиться о постройкѣ городковъ и засѣкъ тутъ было нечего. Земля здѣсь поэтому совсѣмъ не раздавалась „для службы", и служилый человѣкъ здѣсь, на сѣверѣ, всегда былъ явленіемъ случайнымъ, гостемъ, жилъ здѣсь недолго въ качествѣ воеводы, сборщика податей, вообще пришлаго чиновника.

Самоуправленіе волостей и уѣздовъ, организовавшееся въ Россіи около середины XVI в., пустило здѣсь прочные ростки. На русскомъ сѣверѣ временъ Московскаго государства не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами существовало выборное управленіе цѣлымъ „уѣздомъ": выборные изъ крестьянъ и посадскихъ засѣдали во „всеуѣздной избѣ" и вершили всѣ дѣла по управленію и суду, собирали всѣ казенные подати и платежи, разверстывали самую уплату ихъ и отъ себя доставляли всѣ казенные сборы въ Москву.

Такимъ образомъ весь сѣверъ Россіи къ началу XVIII в. распадался на множество большихъ и малыхъ самоуправляющихся общинъ. Это были общины, которыя сами устраивали внутренній распорядокъ своей жизни, раскладывали и собирали подати, судили своихъ членовъ въ ихъ преступленіяхъ, были, словомъ, общинами, но только самоуправляющимися, а не хозяйственными: участки земли, обрабатываемые членами общины, составляли собственность не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать свои участки, распоряжаться ими, какъ своею частною собственностью. И это представленіе о с в о е й землѣ на сѣверѣ было настолько сильно, что выдерживало всѣ натиски изъ Москвы, стремившейся проводить принципъ, что земля—государева, а земледѣльцы только пашутъ ее и снимаютъ съ нея урожай, какъ плодъ трудовъ своихъ на государевой землѣ. Крестьяне сѣверныхъ черносошныхъ земель отказывались платить какіе-либо налоги, которые придавали характеръ п о л ь з о в а н і я ими землей, являвшейся въ ихъ глазахъ ихъ неотъемлемой с о б с т в е н н о с т ь ю. При Петрѣ, только, когда произошло обложеніе черносошныхъ крестьянъ, кромѣ подушной, еще особою дополнительною оброчною податью, они стали формально въ такое же положеніе по отношенію къ правительству, въ какомъ находились владѣльческіе крестьяне по отношенію къ землевладѣльцу. Со времени введенія подушной подати и оброка для чер-

посошныхъ, они не признаются собственниками своихъ участковъ, а только какъ бы арендаторами казенной земли, и правительство тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право отдавать ихъ самихъ и ихъ земли въ крѣпость кому хочетъ. Съ этого-то времени черносошные крестьяне становятся дѣйствительно государственными крестьянами, а ихъ земли—черныя сохи—государственною собственностью.

Однодворцами назывались прямые потомки мелкихъ служилыхъ людей, поселенныхъ правительствомъ каждый на отдѣльномъ участкѣ по всей военной границѣ Московскаго государства. Эти служилые люди составляли ту живую и подвижную завѣсу, крайнія нити которой должны были умѣть нащупывать приближеніе врага, а все цѣлое—оживлять и вооружать засѣки и мелкія укрѣпленія по вѣсти отъ передовыхъ дозорщиковъ и грудью встрѣчать первый напоръ хищниковъ. Въ половинѣ XVII вѣка этихъ поселенцевъ смѣняютъ на продвинувшейся дальше въ степь границѣ малороссійскіе полки и съ 1713 г.—учрежденная Петромъ ландмилиція, набиравшаяся и изъ однодворцевъ. Военная служба людей, поселенныхъ въ поясѣ между Тульской и Бѣлгородской оборонительными линіями, перестала быть нужной на мѣстѣ, такъ какъ опасность отодвинулась далеко на югъ. Тогда Петръ указомъ записалъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ и превратилъ ихъ такимъ образомъ въ крестьянъ. Тогда же пришлось сдѣлать второй шагъ: если прежніе служилые люди теперь стали крестьянами, то земля ихъ, слѣдовательно, перестала быть ихъ частной собственностью и становится государственной. Правительство Петра и его ближайшихъ наслѣдниковъ и стало къ этому клонить, вводя среди однодворцевъ общинные порядки, столь удобные для сбора податей и обезпеченія землей неимущихъ. Но тутъ провести это оказывалось еще труднѣе, нежели на сѣверѣ: у многихъ здѣшнихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, зачастую буквально владѣвшихъ однимъ только дворомъ, имѣлись документы на владѣніе участками, выданные имъ самимъ правительствомъ. Однодворцы помнили, что они—служилые люди. Часть ихъ такъ и не удалось превратить въ крестьянъ и пришлось признать за ними, во второй половинѣ XVIII в., дворянскія права. Частное землевладѣніе однодворцевъ, попавшихъ въ подушный окладъ, оказывалось невозможнымъ превратить въ общинное однимъ указомъ, и только къ серединѣ XIX в. около половины всѣхъ однодворцевъ перешли къ общинному владѣнію землей.

Почему правительство такъ стремилось ввести общинные порядки пользованія землей тамъ, гдѣ ихъ не было—понятно: при господствѣ частной собственности не была обезпечена исправность платежа податей и притомъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, при господствѣ частнаго владѣнія землей хуже обезпечивалась прочность круговой поруки плательщиковъ податей, разверстывавшихъ платежи между собой: при свободѣ частнаго владѣнія землей плательщики, связанные круговой порукой, не имѣли возможности поддержать прирѣзомъ общественной земли случайно нача-

вшаго бѣднѣть общинника и вообще не могли такъ уравнивать землевладѣніе въ своей средѣ, чтобы не получались безработные и безземельные. Во-вторыхъ, при свободѣ частнаго владѣнія землей земельные участки неизбѣжно скоплялись въ рукахъ зажиточныхъ владѣльцевъ и ускользали изъ рукъ бѣднѣвшихъ; благодаря этому получались лица, сравнительно богатыя и въ своемъ кругу могущественныя, которыя стали стремиться всю тягость повинностей и платежей перелагать на зависѣвшихъ отъ нихъ по займамъ и ссудамъ бѣдныхъ; эти послѣдніе оказывались не въ силахъ платить, благодаря чему создавались и росли недоимки. Кромѣ того, лишая многихъ мелкихъ небогатыхъ землевладѣльцевъ ихъ владѣній, эти „міроѣды“, какъ тогда говорили, способствовали созданію массы безземельныхъ, которымъ, чтобы не умирать съ голода, оставалось одно: итти въ батраки къ богачамъ. Вотъ, чтобы парализовать всѣ эти непріятныя для казны и для государства послѣдствія, правительство и покровительствуетъ усиленно общинному началу въ строѣ крестьянской жизни, вводя его даже среди тѣхъ разрядовъ населенія, которые становились лишь по закону въ положеніе крестьянъ, а пріобрѣли землю и привыкли владѣть ею на правѣ частной собственности, какъ однодворцы и черносошные.

Въ центрѣ страны также издавна установилась въ крестьянствѣ общинная организація жизни отдѣльныхъ селъ и деревень, а иногда даже и цѣлыхъ группъ поселеній. Старинное устройство сбора податей, ведущее свое начало отъ организаціи сборовъ ордынской дани, невольно сплачивало здѣсь отдѣльныхъ плательщиковъ въ цѣлыя группы, съ которыхъ шелъ самый сборъ. Тяглая, т.-е. платящая община создавалась на способѣ раскладки податей, извѣстную сумму которыхъ правительство хотѣло получить съ опредѣленныхъ селъ и деревень. Тогда село или деревня естественно рѣшали распредѣлить доли подати сообразно платежнымъ силамъ каждаго плательщика, причемъ самыя силы его измѣрялись количествомъ земли, которую онъ обрабатывалъ; происходило „вервленіе“, т.-е. измѣреніе при помощи веревки съ узлами отдѣльныхъ участковъ, послѣ чего участки земли и облагались каждый соотвѣтственно своей величинѣ долей подати; такая тяглая община распоряжалась отдѣльными участками только тогда, когда хозяева бросали ихъ пустыми, а сами уходили; въ такихъ случаяхъ община поневолѣ должна была пріискать кого-нибудь хотя бы только „жильцомъ“, т.-е. временнымъ владѣльцемъ на выбылой участокъ, потому что правительству не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ, и въ сдѣланныхъ имъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ этотъ участокъ считался занятымъ.

Вотъ, чтобы не увеличивать податного бремени остающихся, на которыхъ неминуемо падала доля ушедшихъ, тяглая община центральной полосы и стремилась издавна закрѣпостить всѣхъ своихъ членовъ на мѣстѣ. На этой почвѣ и создавалась невольно организація, въ которой не только передъ казной, но и передъ

самими собой всѣ ручались за каждаго и обязывались вмѣстѣ нести тяглое бремя. Тяглая община зорко слѣдила за тѣми, кого подозрѣвала въ желаніи бросить тягло; уйти изъ общины было возможно только съ согласія міра, при условіи, чтобы уходящій поставилъ вмѣсто себя замѣстителя. Такая община можетъ существовать и существовала здѣсь, какъ и на сѣверѣ, при полной свободѣ частнаго землевладѣнія въ средѣ самихъ земледѣльцевъ.

На земляхъ владѣльческихъ, монастырскихъ и княжескихъ складывалась община другого порядка, дополненная, такъ сказать, принципомъ общиннаго пользованія землей. Частные землевладѣльцы, отдавая землю въ аренду цѣлымъ группамъ крестьянъ, предоставляли имъ разверстывать между собой нанятую ими землю, какъ знаютъ. Когда окончательно установилось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, совершенно уничтожившее свободу передвиженія ихъ изъ болѣе населенныхъ мѣстностей въ менѣе населенныя, стало положительно необходимостью время отъ времени производить передѣлы обрабатываемой крестьянами земли, чтобы правильнѣе распредѣлить ее между общинниками, обязанными платить подати въ казну. Въ такой общинѣ вся земля считается собственностью міра. Всѣ платежи, которые полагаются съ деревни, какое бы назначеніе они ни имѣли, складываются въ одну общую сумму. Затѣмъ міръ дѣлитъ крестьянскую землю на доли и раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ; на такое же количество долей дѣлится и общая сумма платежей, такъ что на каждый участокъ земли приходится одинаковая доля подати, и каждый домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получилъ участковъ земли. Подушная подать только способствовала развитію общиннаго землевладѣнія.

Въ составъ каждой общины, какъ бы она ни называлась—селомъ, деревней, починкомъ, слободой и т. д.,—входятъ самые дворы общинниковъ, пахотная земля и сѣнокосы, лѣсъ и другія угодья, въ родѣ озерныхъ и рѣчныхъ рыбныхъ ловель и т. п. Каждому общиннику - домохозяину и принадлежитъ: усадебная земля, занимаемая его дворомъ, извѣстная часть пашни и право пользованія общими лугами, лѣсомъ, пастбищами, дорогами и другими угодьями, находящимися во владѣніи міра, общины. Пользуются пашнями и угодьями по разверсткѣ на сходѣ, согласно съ рабочей и платежной силой каждаго общинника.

Слѣдствіемъ реформъ Петра, коснувшихся какъ прямо, такъ и косвенно земледѣльческаго населенія Россіи, было прежде всего объединеніе класса земледѣльцевъ. Теперь онъ распадается только на двѣ большихъ группы—крестьянъ, крѣпостныхъ своимъ владѣльцамъ, и крестьянъ, крѣпостныхъ государству. Тѣ и другіе записаны въ общія ревизскія сказки и всѣ платятъ подушную подать. До Петра, когда подать была поземельной и размѣръ ея опредѣлялся размѣромъ пашни, крестьяне старались уменьшать запашку, чтобы платить меньше; когда въ XVII вѣкѣ подать стали брать со двора, крестьяне расширили дворы, скучиваясь на одномъ,

чтобы достичь такимъ путемъ уменьшенія казенной подати; переносъ подати со двора на самого работника далъ возможность крестьянамъ пахать больше земли и освободилъ ихъ отъ необходимости сокращать собственную предпріимчивость, прячась отъ подати во дворъ. До Петра и до введенія подушной подати при немъ у крестьянъ считалось недосягаемымъ благомъ имѣть возможность разрабатывать надѣлъ въ шесть десятинъ; къ концу XVIII вѣка обычнымъ явленіемъ въ русскомъ крестьянствѣ являются надѣлы въ десять десятинъ. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть положительное значеніе земледѣльческихъ и податныхъ реформъ Петра.

Съ другой стороны, реформы Петра ухудшили положеніе владѣльческихъ крестьянъ въ смыслѣ большей зависимости ихъ отъ помѣщиковъ. Прежде всего было расширено крѣпостное право. По указу о ревизіи, въ зависимость отъ землевладѣльца, крѣпкими ему, стали всѣ жившіе и работавшіе на его землѣ, всѣ тѣ, кого онъ заносилъ въ ревизскіе списки: кто разъ попадалъ въ эти списки, тому ужъ не было выхода изъ крѣпостного состоянія, особенно, когда были запрещены впослѣдствіи самыя жалобы на такія, даже неправильныя внесенія. Со временъ Петра нѣтъ больше ни холоповъ, ни задворныхъ людей, ни гулящихъ,—всѣ они, на ряду съ владѣльческими крестьянами, крѣпостные того господина, на землѣ котораго застала ихъ ревизія, своей записью принесшая имъ состояніе крѣпостной зависимости.

При Петрѣ создалась новая разновидность зависимыхъ земледѣльцевъ—крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ; эти крестьяне въ XVIII вѣкѣ получили названіе поссессіонныхъ. Указомъ 1721 года было разрѣшено дворянамъ и купцамъ-фабрикантамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ для работы на нихъ. Купленные къ фабрикѣ крестьяне считались не собственностью владѣльцевъ фабрикъ, а какъ бы живымъ инвентаремъ, живой рабочей силой самихъ фабрикъ, прикрѣплялись къ этимъ фабрикамъ и заводамъ, такъ что владѣлецъ фабрики не могъ ни продавать ни закладывать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики.

Перепись и ревизія заняли около девяти лѣтъ, съ 1718 по 1727-й, такъ что возвѣщенныя ими начала при самомъ Петрѣ не успѣли войти въ жизнь и стали осуществляться лишь при его преемникахъ, и осуществлялись въ указанныхъ направленіяхъ: крестьянская запашка увеличивалась, крѣпостная зависимость усиливалась. Организовавъ дворянскую службу на иныхъ основахъ, Петръ призналъ вотчины и помѣстья одинаково недвижимою собственностью дворянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостные, жившіе на помѣстныхъ земляхъ, становились въ болѣе зависимое положеніе отъ дворянъ, теперь признанныхъ и по закону собственниковъ той земли, на которой крестьяне жили. Своею собственностью землевладѣлецъ начинаетъ считать и крестьянъ, живущихъ на его землѣ, съ которой они не имѣютъ права уйти, привязанные къ ней закономъ, какъ живая рабочая сила, обрабатывающая эту землю и тѣмъ кормящая пожизненнаго государева слугу—землевладѣльца. Въ силу указа 1721 г. дворяне

были освобождены отъ личныхъ податей, а затѣмъ должны были отвѣчать передъ правительствомъ въ исправности поступленія подушной подати со своихъ крестьянъ. Все это вмѣстѣ взятое создавало ту сословную рознь между крестьянами и господами, которая нашла свое выраженіе въ наименованіи даже въ оффиціальныхъ бумагахъ и актахъ крестьянъ — „людьми подлыми", а дворянъ — „благородными"; послѣ реформъ Петра дворяне даже и внѣшнимъ обликомъ стали отличаться отъ крестьянъ, а подъ вліяніемъ знакомства со сходными явленіями западно европейскаго сословнаго строя и быта въ дворянствѣ начинаютъ укрѣпляться и расти убѣжденія въ своемъ сословномъ первенствованіи и преимуществѣ, которыя такъ пышно расцвѣтаютъ во вторую половину восемнадцатаго вѣка и создаютъ глубокое неравенство во взаимоотношеніи основныхъ сословныхъ группъ русскаго общества — дворянства и крестьянства. Въ этихъ условіяхъ восемнадцатый вѣкъ является вѣкомъ господства и сильнаго развитія крѣпостного права, которое становится въ это время основой всей хозяйственной жизни Россіи.

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія книги: Полное собраніе законовъ, т. I—VII; *И. Д. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси; *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, вып. I; *В. И. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I и II; *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в.; *Г. Ф. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи; *В. О. Ключевскій*, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи; *Его же*, Курсъ русской исторіи, ч. III и IV; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ сельскаго населенія въ Россіи; *И. Е. Забѣлинъ*, Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ; *М. В. Клочковъ*, Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени; *М. М. Богословскій*, Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в., ч. I и II; *И. Посошковъ*, Книга о скудости и богатствѣ; *Е. Карновичъ*, Крестьяне и помѣщики по идеямъ Ивана Посошкова, и нѣкоторыя другія книги.

Снимокъ съ гравюры, сдѣланной по восковому бюсту Петра Великаго.

Устройство городовъ и горожане при Петрѣ Великомъ.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, окончательно закрѣпостившее на обязательную службу государству главнѣйшіе слои московскаго населенія, особенно полно и послѣдовательно провело это закрѣпощеніе по отношенію къ жителямъ городовъ и слободъ. Въ городахъ и слободахъ сосредоточилось населеніе, которое, не чуждаясь хлѣбопашества, занималось торговлей, ремеслами, промыслами. Это было добывающее населеніе страны, въ рукахъ котораго скоплялись большіе или меньшіе денежные капиталы; этотъ разрядъ населенія Московскаго государства былъ призванъ нести государево тягло, платить казенные сборы и подати. Очень нуждавшееся въ деньгахъ Московское государство всѣ свои заботы по устройству торгово-промышленнаго населенія городовъ сводило къ заботамъ о наиудобнѣйшемъ и наиболѣе повышенномъ по размѣрамъ добываніи съ этого населенія средствъ на веденіе своего хозяйства.

Чтобы обезпечить большую платежную способность городского населенія, правительство издавна стремилось утвердить за горожанами, какъ только имъ свойственное дѣло, такіе городскіе про-

мыслы, какъ торговля и ремесленныя промысловыя занятія. Какъ за служилыми людьми по Уложенію было утверждено исключительное право землевладѣнія, такъ за посадскими—торговля. По Уложенію всѣ не принадлежавшіе къ городскому обществу торговцы и промышленники обязаны были либо отказаться отъ своихъ торговъ и промысловъ, либо приписаться къ посадскому обществу. Холопы и крестьяне, владѣвшіе въ городахъ тяглыми дворами и промышленными заведеніями: лавками, погребами, амбарами и т. п., обязаны были продать эти свои имущества тяглымъ посадскимъ людямъ; впредь запрещалось всѣмъ непосадскимъ людямъ пріобрѣтать въ городахъ и посадахъ тяглые дворы подъ угрозой отобранія на государя, т.-е. конфискаціи, причемъ, если пріобрѣтатель былъ изъ холоповъ или крестьянъ, его ожидала въ добавленіе торговая казнь—публичное наказаніе кнутомъ. Крестьянамъ дозволялось привозить въ города произведенія своихъ полей и плоды зимняго досуга и продавать ихъ на площади гостинаго двора, но не иначе, какъ съ рукъ или съ возовъ, нанимать же для торговли лавки въ самомъ гостиномъ дворѣ они не имѣли права.

Всѣ пригородныя слободы, населенныя тяглыми торговцами и промышленниками, заложившимися за монастырь подъ защиту его тарханной грамоты, которая освобождала монастырь и его закладниковъ отъ платежа всѣхъ тяглыхъ сборовъ, приписывались по Уложенію къ посадскому населенію со всѣми своими землями и имуществомъ и сажались такимъ образомъ въ тягло; даже дѣти духовенства, вольные люди, отбившіеся отъ своихъ служилые, разъ оказывались прикосновенными къ торговлѣ, безпощадно записывались въ посадское тягло. Въ погонѣ за увеличеніемъ числа посадскихъ тяголъ правительство стало записывать въ посадскую общину даже „приборныхъ служилыхъ людей“, несмотря на то, что они, состоя на государственной службѣ, получали жалованье: разъ они занимались торговлей и промыслами, должны были теперь платить всѣ городскія подати въ рядъ съ посадскими людьми; если же они не хотѣли платить, то должны были продать свои лавки и промыслы тяглымъ посадскимъ людямъ. По Уложенію предписано было „сыскивать всякими сыски“ и отвозить въ посадъ „безъ лѣтъ и безповоротно“ всѣхъ тѣхъ, чьи отцы или они сами были въ посадскомъ тяглѣ, или состояли въ наймитахъ и сидѣльцахъ у тяглыхъ людей, а потомъ сошли съ посада и живутъ, „заложившись“ за кѣмъ-нибудь. Всѣмъ взятымъ въ посадское тягло указывалось впредь ни къ кому въ закладчики не записываться и съ посада не сходить. Тѣмъ, кто пробовалъ ослушаться, грозила торговая казнь, т.-е. кнутъ и ссылка въ Сибирь; а тѣмъ, кто такихъ закладчиковъ бралъ—царская опала и лишеніе земель. Тѣ, кто женился на вдовахъ тяглыхъ людей, причислялись по женѣ къ посаду; если непосадскій женился на посадской дѣвушкѣ такъ, что входилъ въ домъ ея родителей, то становился тѣмъ самымъ посадскимъ.

Всѣ эти законоположенія клонились къ одному—къ закрѣпощенію посадскихъ въ одно, особое отъ другихъ, замкнутое сосло-

віе городскихъ торгово-промышленныхъ людей, облеченныхъ извѣстными правами и преимуществами, вытекавшими изъ ихъ опредѣленнаго состоянія и ихъ опредѣленныхъ, имъ только свойственныхъ занятій. Это наличіе правъ создавало необходимо и опредѣленныя обязанности. Обязанностью торгово-промышленнаго населенія городовъ и посадовъ передъ государствомъ была сдѣлана служба по финансовому вѣдомству, если выражаться языкомъ, свойственнымъ нашему времени. Въ Уложеніи это сказано такъ: „Въ головахъ и цѣловальникахъ, въ таможняхъ и кабакахъ, и на мытахъ, и на перевозахъ, и на мостахъ, которые таможни, и кабаки, и мыты, и перевозы, и мосты въ городахъ и уѣздахъ, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ черныхъ волостяхъ, опричь посадскихъ людей и дворцовыхъ селъ крестьянъ, ни чьимъ людямъ и крестьянамъ не быть“.

Финансовое вѣдомство Московскаго государства издавна, еще отъ удѣльныхъ временъ, привыкло пользоваться, какъ своими низшими агентами на мѣстахъ, мѣстными людьми по выбору самихъ общинъ, за круговой порукой общины за избранника. На мѣста выборныхъ финансовыхъ чиновниковъ могли попадать люди всѣхъ классовъ русскаго общества, со времени же изданія Уложенія эти мѣста объявляются исключительно за людьми посадскими. Правительство по сдѣланнымъ имъ спискамъ и описямъ назначало общую сумму, какую хотѣло получить съ того или иного города, или уѣзда, или волости. Посадская община выбирала къ тому дѣлу головъ и цѣловальниковъ, которые отвѣчали за полноту сбора своимъ имуществомъ; за недоборъ сравнительно съ прежними годами косвенныхъ сборовъ, что всегда можно было свести, если не на злоупотребленія сборщиковъ, то на ихъ нерадѣніе, они платили разницу, а если не были настолько состоятельны, то за нихъ отвѣчали ихъ избиратели, которымъ при выборахъ внушалось смотрѣть, чтобъ ихъ излюбленные были „люди добрые, не воры и не бражники, душою прямы и животомъ прожиточны, такъ чтобъ имъ можно было бы вѣрить въ сборѣ государевой казны“.

Итакъ, по Уложенію завѣдываніе казенными, „государевыми“ промыслами и пошлинами было возложено на отвѣтственность городского, посадскаго слоя населенія Московскаго государства. Но, отвѣчая за сборы передъ правительствомъ, посадскіе не были вполнѣ самостоятельны въ отбываніи возложенной на нихъ службы. Воеводамъ, которые со временъ Смуты прочно основались въ городахъ, предоставлялось болѣе или менѣе значительное участіе въ жизни городовъ. Воеводамъ предписывалось смотрѣть, „чтобы пошлины собирались неоплошно съ великимъ радѣніемъ“ и чтобы сборщики „ничѣмъ не корыстовались и никому по дружбѣ и посуламъ не норовили“. Воеводы повѣряли отчетныя книги по кабацкимъ сборамъ, иногда по таможеннымъ; не было строго опредѣлено, кто долженъ преслѣдовать контрабанду и тайную продажу вина: иногда это лежало на обязанности излюбленнаго головы, иногда этимъ завѣдывалъ воевода; точно такъ же

устройство таможенъ, назначеніе цѣнъ на вино, подряды на поставку вина,—все это не было разграничено такъ, чтобы было ясно, когда, что и гдѣ долженъ дѣлать воевода и когда голова. Мало того, относительно самихъ выборныхъ сборщиковъ и цѣловальниковъ было, собственно, неизвѣстно, долженъ ли воевода лично производить слѣдствіе, въ случаѣ подозрѣваемаго лихоимства сборщиковъ, и подвергать виновныхъ наказанію, или же обязанъ доносить обо всемъ въ Москву и ждать оттуда слѣдователя и распоряженій. На практикѣ поступали и такъ и этакъ. Воеводскій произволъ и благоусмотрѣніе проникали такимъ образомъ тысячами лазеекъ въ городское отбываніе финансовой службы, и не мало угобжался при этомъ воеводскій карманъ.

Люди и нравы были грубы: нельзя было и выборныхъ оставить внѣ всякаго надзора безъ риска, чтобы они „въ конецъ не изворовались"; но и воеводы-надзиратели, пріѣхавшіе въ городъ со старинной привычкой „покормиться", не очень были чистоплотны въ разборѣ этихъ кормовъ и, пользуясь своей властью, часто заставляли посадскихъ людишекъ объяснять, жалуясь въ Москву, что недоборы казенныхъ платежей „учинились отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ". Въ самомъ устройствѣ, способахъ и пріемахъ сборовъ было слишкомъ много прорѣхъ и недосмотровъ, чтобы преступно настроенная воля могла избѣгнуть соблазна и не попользоваться частью сбора; комбинировать недочеты устройства въ цѣляхъ преступной наживы представлялось возможнымъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Человѣкъ грубый и наивный бралъ просто, требовалъ лишнее, опираясь на свой кулакъ, а человѣкъ похитрѣе, облеченный достаточной властью, возьметъ да и поставитъ впереди казенныхъ заставъ и мытовъ свои собственные подъ видомъ казенныхъ и собираетъ платежи съ проѣзжающихъ. А затѣмъ, какъ легко было воеводѣ всевозможными придирками сдѣлать невыносимой жизнь какому-нибудь цѣловальнику до такой степени, что онъ „охотно" *самъ* предлагалъ покрывать своей рукой прорѣхи, чинимыя въ казенномъ сборѣ жадной дланью воеводы. Посадское городское населеніе чувствовало себя поэтому не очень-то „свободно" и слало въ Москву одну челобитную за другой, въ надеждѣ полегчить себѣ.

Торговля, не Богъ вѣсть какая по размѣрамъ и по предметамъ, была стѣснена обиліемъ всякихъ казенныхъ сборовъ и налоговъ, какъ во время купли-продажи на рынкѣ, такъ и на пути къ рынку. Послѣ Уложенія было проведено нѣсколько мѣръ, облегчавшихъ въ этомъ отношеніи положеніе посадскихъ. Обиліе пошлинъ замѣнила одна—рублевая. Въ 1667 году былъ изданъ Новоторговый уставъ, ограждавшій посадское самоуправленіе и дѣятельность по финансовой службѣ отъ самоуправнаго вмѣшательства воеводъ, а высшее финансовое начальство, назначавшееся обыкновенно изъ московскихъ гостей и торговцевъ гостиной и суконной сотенъ, уставъ освобождалъ и отъ всякой подвѣдомственности воеводамъ. Таможенные сборщики Архангельска и еще

нѣкоторыхъ городовъ, выходившіе изъ богатѣйшаго московскаго купечества, образовали даже родъ коллегіи, которой поставлено было въ обязанность оберегать торговыхъ людей отъ всякихъ стороннихъ разорительныхъ обидъ и вѣдать судебную расправу въ торговыхъ дѣлахъ.

Новоторговый уставъ указалъ и еще на одно большое зло въ жизни города—на его подвѣдомственность сразу многимъ центральнымъ учрежденіямъ. Новоторговый уставъ говорилъ, что хорошо бы вѣдать купцовъ и торговыхъ людей въ одномъ нарочно устроенномъ для того приказѣ, но это такъ и не осуществилось, и посадскій человѣкъ до самаго конца XVII в. былъ принужденъ путаться со своими дѣлишками по многочисленнымъ приказамъ, часто не зная, въ какой слѣдуетъ итти: вѣдь каждый городъ отдѣльными сторонами своей жизни тянулъ къ различнымъ приказамъ. „Въ разныхъ, государь, приказахъ Псковъ вѣдомъ,—жаловались царю въ 1665 г. псковичи,—а намъ, сиротамъ твоимъ, отъ разныхъ приказовъ тягость не въ мѣру... Лучше бы показалося и напрасныхъ обидъ и разоренія не было, когда бъ доходы денежные и хлѣбные Псковскаго государства въ одномъ приказѣ вѣдались“... Такія же жалобы шли и изъ другихъ городовъ. Правительство отвѣтило на нихъ тѣмъ, что важнѣйшіе сборы, пошлинные и питейные, подчинило контролю одного только приказа, а вскорѣ послѣ этого устранило воеводъ и всякихъ приказныхъ людей отъ вмѣшательства въ сборы податей въ городахъ. Это устраненіе казенныхъ наблюдателей и контролеровъ на мѣстахъ должно было повести за собой усиленіе надзора за общинами изъ Москвы съ ея приказами. Намѣчалась, слѣдовательно, необходимость точно опредѣлить взаимоотношенія посадскихъ общинъ и приказовъ.

Всѣ эти мѣры московскаго правительства XVII в. преслѣдовали одну цѣль—добиться возможности имѣть наибольшую полноту сборовъ, съ тѣмъ однако, чтобы посадскія общины „не истерялись“, т.-е. не разорились. До сознанія, что платежныя способности населенія подымаются и гибнутъ не отъ лучшихъ или худшихъ пріемовъ сбора, а отъ подъема состоятельности населенія, еле додумывалось въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей московское время. Для московскаго правительства торговля и промыслы посадскихъ являлись только средствомъ увеличенія казенныхъ доходовъ. Промышленная и торговая дѣятельность была обложена тяжелыми сборами; отдача на откупъ отдѣльныхъ доходныхъ статей съ запрещеніемъ разрабатывать эти статьи кому бы то ни было, кромѣ откупщиковъ, тормозила проявленіе частной дѣятельности и убивала всякую энергію. Иностранцы, англичане и голландцы, пользуясь привилегіями, захватили въ свои руки почти всю оптовую торговлю русскимъ сырьемъ въ обмѣнъ на произведенія западной фабрики. Это обстоятельство накладывало второй, не менѣе тяжелый гнетъ на развитіе промышленности въ Москвѣ, дѣлая ненужнымъ появленіе фабрикъ въ Москвѣ при

дешевизнѣ безпошлинно ввозимыхъ иностранныхъ продуктовъ. Домашнее хозяйство древне-русскаго человѣка вообще рѣдко обращалось на рынокъ за чѣмъ-нибудь и старалось все нужное въ домѣ дѣлать у себя дома своими средствами,—на развитіе промысловъ и ремеслъ это тоже не могло дѣйствовать ободряющимъ образомъ. Поэтому жить только ремесломъ или торговлей посадскій человѣкъ XVII в. не могъ, и значительная часть посадскихъ занималась земледѣліемъ. Тогдашніе города, не исключая Москвы съ ея мельницами по Неглинной, полями и огородами среди города, по внѣшнему виду—большія деревни.

Къ началу царствованія Петра Великаго все въ посадѣ находилось въ томъ же положеніи, какъ при его братѣ и отцѣ. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развиваться посаду въ торгово-промышленную общину, крѣпкую сама въ себѣ, своей внутренней сплоченностью, опредѣленнымъ отношеніемъ одна къ другой и всѣхъ вмѣстѣ къ объединяющему ихъ центру, не было устранено. Потребности общества не увеличились: оно не стало богаче, и попрежнему земледѣліе въ городахъ соперничало съ промышленностью, какъ занятіе посадскихъ; попрежнему не существовало хоть сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія, попрежнему обыватель стремился всѣ свои несложныя нужды отбыть домашнимъ трудомъ своимъ собственнымъ и своихъ семейныхъ. Конкуренція иностранцевъ сказывалась, пожалуй, еще сильнѣе, потому что, благодаря во многомъ общенію съ иностранцами, у людей конца XVII в. образовались нѣкоторые вкусы и потребности въ такихъ предметахъ промышленности, какихъ не создавала отечественная техника, и иноземные купцы были единственнымъ источникомъ удовлетворенія новыхъ потребностей. У русскихъ купцовъ силъ не хватало бороться съ богатыми компаніями иноземцевъ. Попрежнему посадскіе люди жаловались на „всякіе большіе убытки и разоренія“ отъ сильныхъ людей, какъ приказныхъ, такъ и своей братіи излюбленныхъ. Попрежнему тяжки и несносны были казенные платежи, и попрежнему въ результатѣ посадскіе людишки брели розно, бѣжали съ посадовъ, несмотря на строжайшія запрещенія и угрозы смертной казнью пойманному бѣглецу.

Между тѣмъ нужды государства во время Петра—тѣ же, что и при его преемникахъ; при немъ эти нужды, особенно вѣковѣчная нужда въ деньгахъ, возрастаютъ до крайности. Азовскіе походы, постройка флота, устройство новой арміи, война со Швеціей—все это требуетъ громадныхъ средствъ. Но главные поставщики средствъ въ казну и ея довѣренные чиновники по сбору—посадскіе люди—страшно „исхудали“, правда, не до такой степени, чтобы ужъ ничего не платить въ казну, потому что сборы все же поступали. Но какъ выяснить, что они еще могутъ платить, при такой безтолочи, которая существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ мѣстныхъ міровъ и центральнаго правительства? Значитъ, надо внести какой-нибудь порядокъ въ эти взаимоотношенія. 1 марта 1698 г., въ отсутствіи царя, бывшаго за границей, по-

явился указъ, въ которомъ подтверждалась отмѣна вмѣшательства воеводъ въ денежные сборы съ посадскихъ людей и поручалось собирать государевы доходы „самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ избахъ мимо воеводъ и приказныхъ людей, за выборомъ всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ людей“... „И въ прошлыхъ годахъ того сбору имъ, воеводамъ, вѣдать не велѣно жъ для того, что по ихъ воеводскимъ прихотямъ были многіе съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ ненадобные сборы и держаны въ расходѣ на ихъ прихоти, и тѣми своими прихотями и сборами они, воеводы, настоящіе денежные сборы останавливали и запускали многую доимку“...

По возвращеніи изъ-за границы, Петръ, насмотрѣвшись на голландскихъ и нѣмецкихъ бюргермейстеровъ и существовавшіе тамъ городскіе распорядки, издалъ въ январѣ 1699 г. два указа, касающіеся устройства управленія городовъ въ Россіи. По этимъ указамъ земскіе старосты, таможенные и кабацкіе головы были переименованы на голландскій маперъ въ земскихъ бурмистровъ и таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, причемъ въ Москвѣ учреждалось особое присутственное мѣсто—бурмистерская палата, которой подчинялись земскія избы всѣхъ городовъ; эти земскія избы должны были замѣнить собой приказныя избы и воеводъ. Въ бурмистерскую палату предлагалось гостямъ, гостиной сотнѣ и всѣхъ сотенъ и слободъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ выбрать межъ себя погодно, т.-е. на годичный срокъ, изъ гостей, изъ гостиной сотни и изо всѣхъ сотенъ и слободъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по скольку человѣкъ похотятъ; и быть тѣмъ выборнымъ бурмистрамъ у дѣлъ и сборовъ, перемѣняясь погодно, а изъ нихъ по одному человѣку быть въ первыхъ, сидѣть по мѣсяцу президентомъ“... Подобнымъ же образомъ были устроены и земскія избы по городамъ. Съ 17 ноября 1699 года бурмистерскую палату приказано было именовать ратушей, причемъ особымъ указомъ ратушѣ жаловалась печать, на которой были изображены „вѣсы изъ облака въ держащей рукѣ, да зрительное око, а кругомъ подпись: правда нынѣ око державствующаго зритъ“.

По смыслу указа ратушѣ предстояло быть, во-первыхъ, тѣмъ „пристойнымъ приказомъ, вѣдающимъ всего Московскаго государства посадскихъ и купецкихъ людей и чернослободцевъ“, о созданіи котораго мечталъ Новоторговый уставъ 1667 г.; ратуша является, слѣдовательно, учрежденіемъ государственнымъ, центральнымъ, объединяющимъ въ себѣ все управленіе городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ Россіи. Съ другой стороны, ратуша являлась для Москвы земской избой. Ратуша замѣнила собой всѣ тѣ разные приказы, въ которыхъ до того вѣдались города; ратуша стала вѣдать все торгово-промышленное населеніе страны въ его расправныхъ, челобитныхъ и купецкихъ дѣлахъ, являясь мѣстомъ верховнаго суда и управы всѣхъ городовъ; зем-

скія избы по городамъ становились такими же мѣстами суда и расправы для обывателей своего города; на волокиту своихъ земскихъ избъ обыватели могли жаловаться въ ратушу, которой прямо подчинены были земскія избы всѣхъ городовъ; всѣ пошлины, сборы, государевы доходы собирались на мѣстахъ земскими должностными лицами, таможенными и кабацкими бурмистрами, и сдавались ими земскому бурмистру въ земской избѣ. Земскій бурмистръ, собравъ всѣ доходы и подати, отправлялъ ихъ въ Москву, въ ратушу. Сборы должны были доставляться въ Москву три раза въ годъ: въ мартѣ, маѣ и ноябрѣ. По окончаніи каждаго года таможенные и кабацкіе бурмистры сами должны были являться въ Москву со своими отчетными книгами, скрѣпленными по листамъ земскими бурмистрами; везли они съ собой и остаточныя суммы въ мѣшкахъ за печатью земской избы. Представленныя книги и отчеты повѣрялись въ ратушѣ, и если по книгамъ выходила недоимка, то ее тутъ же взыскивали съ виновнаго сборщика: ставили его на правежъ и въ теченіе мѣсяца каждое утро выколачивали изъ его икръ недоимку; если выставленные на правежъ почему-либо не могли заплатить въ теченіе мѣсяца, то ихъ высылали на мѣста ихъ жительства и предписывали земскимъ бурмистрамъ взыскать недоимку съ имущества неисправнаго сборщика; если у него имущества не оказывалось, то слѣдуемую сумму собирали по раскладкѣ со всѣхъ посадскихъ, выбравшихъ въ сборщики неисправнаго человѣка; въ случаяхъ недоставки сборовъ въ законные сроки съ бурмистровъ взыскивался штрафъ — 10% со всей суммы слѣдуемаго съ данной мѣстности дохода.

Такое устройство отчетности въ сборахъ даетъ наилучшее представленіе о цѣляхъ и характерѣ новаго учрежденія—оно по преимуществу являлось финансовымъ учрежденіемъ и менѣе всего возникло для устройства и упорядоченія мѣстнаго управленія. Закрѣпощенному еще Уложеніемъ царя Алексѣя на финансовую службу городскому населенію Московскаго государства учрежденіе ратуши и земскихъ избъ облегчало, въ смыслѣ большаго удобства, лишь отбываніе службы, но не создавало никакой другой внутренней организаціи посадскихъ общинъ, не облегчало самаго тягла.

Мало того, въ указѣ сначала предоставлялось посадамъ принять новое устройство и освободиться при отбываніи своей службы отъ начальства воеводъ, лишь „буде они похотятъ“, причемъ указывалось, что освобожденіе отъ воеводскихъ „обидъ и налоговъ, и поборовъ, и взятковъ“ можно получить лишь при условіи платить въ казну всѣ оклады въ двойномъ противъ прежняго размѣрѣ. Города очень задумались, какъ имъ отнестись къ этой „милости и призрѣнію“. Одиннадцать городовъ согласились на двойной платежъ и выбрали бурмистровъ; двадцать шесть городовъ бурмистровъ выбрали, но объ удвоеніи платежей умолчали; десять городовъ бурмистровъ выбрали, но платить сборы въ двойномъ противъ прежняго размѣрѣ отказались; три города двойныя подати отказались платить, а относительно бурмистровъ не сказали ни да ни нѣтъ;

девятнадцать городовъ изъ страха увеличенія размѣра податей отказались отъ выбора бурмистровъ и высказались за сохраненіе воеводъ. Такимъ образомъ изъ семидесяти городовъ только одиннадцать безусловно приняли правительственное предложеніе, а остальные или отказались, или приняли условно. Тогда только правительство, отказавшись отъ увеличенія платежей, сдѣлало обязательнымъ новое устройство и ввело его во всѣхъ городахъ.

Отмѣна воеводъ происходила съ большими затрудненіями. Почему-то при указѣ о введеніи новаго устройства не было сказано, кому отмѣняемые воеводы должны сдать должность. „Ружейную и пороховую казну тако жъ и приказную избу и указныя грамоты и всякія дѣла сдать кому?—спрашиваетъ сольвычегодскій воевода.—Выборные же всякихъ дѣлъ не принимаютъ, и мнѣ отъ Соли-Вычегодской о съѣздѣ не написано“. Подобные запросы писали въ Москву и воеводы другихъ городовъ. Возникали споры и недоразумѣнія среди старыхъ и новыхъ властей. Во многихъ мѣстахъ воеводы не давали бурмистрамъ ни документовъ ни людей и сами продолжали вѣдать сборы. Въ другихъ мѣстахъ нападающей стороной являлись бурмистры, спѣшившіе устранять ненавистныхъ или сильно досадившихъ населенію воеводъ. Въ Яранскѣ бурмистры воеводу, какъ онъ жаловался, „отъ судныхъ и расправныхъ и отъ розыскныхъ и отъ всякихъ дѣлъ отказали“. Въ Вяткѣ, какъ доносилъ воевода, горожане „учинились непослушны“ и, придя на воеводскій дворъ, „со многимъ невѣжествомъ“ отказали воеводѣ въ годовомъ всякомъ хлѣбѣ и конскихъ кормахъ; желая, очевидно, скорѣе выжить воеводу изъ города, вятскіе бурмистры распорядились продавать на рынкѣ воеводѣ и его слугамъ все „дорогою цѣною“, „хотя меня,—прибавляетъ воевода,—конечно разорить и съ домишкомъ и съ людишками голодомъ уморить“... Только въ январѣ 1700 г. спохватились въ Москвѣ и издали распоряженіе воеводамъ и приказнымъ людямъ, гдѣ они еще оставались, не быть.

Понемногу новое центральное учрежденіе устроилось, размежевалось съ большой казной и приказами, получило свое помѣщеніе и составъ служащихъ. Какъ финансовое учрежденіе, ратуша была подчинена большой казнѣ, сама же вѣдала земскія избы всѣхъ городовъ. Новое устройство, проникнутое однимъ желаніемъ—лучше устроить финансовую службу города, смотрѣло на городскихъ обывателей по-старому, какъ на тяглецовъ, обязанныхъ нести извѣстнаго рода повинности для удовлетворенія нуждъ казны и правительства. Съ этой точки зрѣнія всѣ выборные представители городовъ—тѣ же правительственные служилые люди, обязанностью которыхъ являлось блюсти государственные интересы, а не интересы избравшаго ихъ населенія. Государство, заинтересованное исключительно въ полнотѣ казенныхъ сборовъ, требовало, чтобы обыватели выбирали ему на службу людей добрыхъ, прожиточныхъ, имущества которыхъ хватало бы на покрытіе всегда могущихъ случиться недоборовъ. Тамъ, гдѣ на посадѣ не оказывалось людей прожиточныхъ, а жили все людишки худые и скуд-

ные, тамъ и земскихъ избъ съ выборными бурмистрами не возникало; во всей Сибири, гдѣ городское населеніе было очень незначительно и „скудно животами“, не были введены новыя учрежденія и оставлены прежніе воеводы.

И правительство Петра въ описываемое время всецѣло продолжаетъ политику XVII вѣка по отношенію къ городскимъ обывателямъ. Заинтересованное въ полнотѣ податныхъ сборовъ, оно зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы посадскіе не бросали тягла, и стремилось записать въ тягло всѣхъ, кого можно: посадскихъ запретили брать на какую-либо казенную службу; безпокоясь о промыслахъ посадскихъ, какъ источникѣ ихъ платежной силы, правительство Петра прибѣгло къ старой мѣрѣ: запрещенію торговать и промышлять на посадахъ людямъ другихъ чиновъ, хотя бы они и состояли городскими обывателями; такъ, запрещено было торговать стрѣльцамъ.

Но эти правительственныя мѣры, стремившіяся держать городскихъ обывателей вкупѣ, не могли смягчить общаго гнета, вытекавшаго изъ общаго положенія дѣла въ странѣ.

Начавъ войну со Швеціей, Петръ очутился въ очень незавидномъ денежномъ положеніи. Казна была пуста. Рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы пополнить ее, мало достигалъ цѣли: деньги таяли, какъ снѣгъ. Изъ всѣхъ мѣръ для накопленія средствъ самой надежной оставалась одна — увеличеніе размѣровъ податного сбора. Тягло посадскихъ все увеличивалось, натуральныя повинности тоже все возрастали: война брала съ посадскихъ людьми, деньгами, хлѣбомъ, скотомъ; посадскихъ гнали на постройку Петербурга, на устройство гавани въ Ревелѣ и на Котлинѣ островѣ, на постройку кораблей сначала въ Воронежъ, а потомъ на олонецкія верфи и на Неву; немало рабочихъ рукъ требовало укрѣпленіе Азова и работы на каналахъ; посадскіе, затѣмъ, должны были населять Петербургъ и Кронштадтъ, переселяться въ Ригу, у себя дома отводить постой полкамъ,—все это тяжкимъ бременемъ ложилось на городское населеніе, и посадскіе бѣжали, кто куда могъ, съ своего посадскаго тягла. Въ 1713 году оберъ-фискалъ Нестеровъ въ своемъ донесеніи царю рисуетъ безотрадную картину бѣгства посадскихъ съ тягла: „Иные купцы,—говоритъ онъ,—отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ (людямъ, свободнымъ отъ казенныхъ платежей) въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины: въ артиллерію, въ извощики и воротники, такъ же записались въ Покровское и Тайнинское (дворцовыя села), отдались въ заемщину разныхъ господъ на дворы ихъ московскіе и загородные... Кромѣ того, живутъ въ защитѣ и въ закладѣ у разныхъ людей, будто бы за долги; другіе подлогомъ, будто бы за скудостью и болѣзнями, въ богадѣльни вошли, иные разошлись на заводы и промыслы въ приказчики и сидѣльцы и работники, несмотря на то, что свое имѣніе довольное имѣютъ“. Угнетенные непомѣрными сборами открывали всякую лазейку, помощью которой можно было бы отбыть податей и службъ,

богачи записывались, напримѣръ, за взятку кому слѣдуетъ, въ придворные истопники, которые были свободны отъ податей.

Правительство отвѣчало на это бѣгство тѣми же мѣрами, что и въ XVII в., всячески задерживая у тягла еще не разбѣжавшихся и возвращая насильно тѣхъ бѣглецовъ, которыхъ ему удавалось открыть. Но эти мѣры приводили къ тѣмъ же результатамъ, что и при отцѣ Петра: отдѣльные бѣглецы водворялись на тягло, отдѣльнымъ лицамъ, благодаря тѣмъ или инымъ, близко задѣвшимъ ихъ мѣрамъ правительства, не удавалось отбыть отъ тягла, но все и всѣ въ посадѣ готово брести розно, воспользовавшись малѣйшимъ послабленіемъ или недосмотромъ правительства. Новыя городскія установленія съ ратушей во главѣ тоже не вносили ничего скрѣпляющаго въ рыхлую массу посадскаго населенія. Правда, они устранили большое зло въ посадской жизни: самоуправство воеводы и его приказной избы, но устраненное зло не было замѣнено чѣмъ-либо по существу новымъ. „Земскія избы,— говоритъ проф. И. Дитятинъ,—учрежденіе, отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу онѣ—тѣ же приказныя избы, лишь выборныя; какъ приказныя, такъ и замѣнившія ихъ по отношенію къ посадскимъ и вообще торговымъ людямъ земскія избы одинаково чужды интересамъ мѣстныхъ общинъ, одинаково тѣ и другія на службѣ у правительства, а не при защитѣ интересовъ своихъ избирателей, и тутъ и тамъ сидятъ, собственно, тѣ же люди, люди одинаковаго склада и образа мыслей, и въ результатѣ новыя учрежденія такое же тяжкое бремя для посада, какъ воевода съ приказной избой. Устройство новыхъ учрежденій ничѣмъ не ограждало обывателя отъ произвола; правительство, озабоченное лишь правильнымъ и полнымъ сборомъ податей, только на эту сторону дѣла обратило серьезное вниманіе, только эту сторону своихъ интересовъ обставило кое-какими гарантіями. Особенное вниманіе было обращено на устройство возможно полной и строгой отчетности и отвѣтственности въ сборахъ бурмистровъ земскихъ, кабацкихъ и таможенныхъ. Все это кое-какъ ограждало интересы казны, но интересы обывателя предоставлялись въ полное распоряженіе сборщиковъ, выбранныхъ, правда, обывателями, но отвѣтственныхъ передъ правительствомъ“.

Не прошло и года со дня установленія земскихъ избъ, какъ изъ посадовъ посыпались жалобы, ярко свидѣтельствовавшія о живучести стараго зла, о томъ, что попрежнему всѣ „воровство чинятъ“. Въ городѣ Веневѣ земскій староста съ товарищами „отставили“ только-что выбранныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ „за то, что избранники ничего старостѣ съ товарищи не дали“; выбранные новые бурмистры не замедлили внести строгому излюбленому начальству по 120 руб. на тогдашнія деньги, т.-е. по 1.080 руб. на наши! Съ кого сборщики должны были получить этотъ свой невольный расходъ? Конечно, съ обывателя и съ казны, когда представится случай надуть ее безнаказанно. И вотъ головы даютъ торговымъ людямъ „выписки“,

т.-е. квитанціи въ уплатѣ ими торговыхъ пошлинъ, а въ книги эти уплаты не заносятъ. Но вѣдь книги надо представлять каждый годъ въ ратушу? А ихъ просто не представляютъ: „книгъ московскія таможни,—доносилъ царю инспекторъ ратуши Курбатовъ въ 1705 г.,—по сей годъ въ ратушу не взято, и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость, бурмистры, другъ другу тяготы носятъ... Отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашея казны“... Книги по сборамъ ведутся фальшиво, „съ великимъ небреженіемъ“. „Ей-ей, государь,—пишетъ Курбатовъ,—превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство“.

Приказные ратуши и земскихъ избъ, набранные изъ тѣхъ же подьячихъ, которые въ XVII в. прославили себя „несытостью“ и „скорымъ простираніемъ рукъ ко взяткамъ“, конечно, не оставили своихъ обычаевъ въ этомъ отношеніи и на службѣ какъ въ ратушѣ, такъ и въ земскихъ избахъ. Курбатовъ называетъ ихъ превеликими ворами, берущими премногія взятки. Въ Ярославлѣ было „сыскано“, что земскіе бурмистры украли 40.000 рублей казеннаго сбора, а псковскіе излюбленные прикарманили 90.000 руб. Изъ всѣхъ городовъ шли жалобы на злоупотребленія и воровство, на притѣсненія при раскладкѣ „пожиточными“ людьми, т.-е. наиболѣе состоятельными и вліятельными, людей маломочныхъ и убогихъ; на этихъ послѣднихъ міроѣды старались взвалить наибольшую часть платежей. Петръ отвѣчалъ на эти „непотребства“ суровыми мѣрами: уличенные взяточники получали кнутъ и плети, лишались имущества, шельмовались, ссылались на работы въ Азовъ и на галеры, платились даже жизнью.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ Петръ, не имѣя къ тому же и времени для выработки новаго, лучшаго устройства посадскаго быта, начинаетъ понемногу возвращаться на прежнее, снимая постепенно съ земскихъ избъ и ратуши одну за другой ихъ обязанности по сбору податей и повинностей и отдавая ихъ учрежденіямъ стараго типа. Прежде всего съ ратуши снимаются и переводятся въ новыя канцеляріи сборы, не имѣвшіе прямого, непосредственнаго отношенія къ торговлѣ; крѣпостные сборы и печатныя пошлины, напримѣръ, отчисляются въ стрѣлецкій и печатный приказы; сборы съ рыбныхъ ловель, мельницъ и бань отошли въ ижорскую канцелярію къ Меншикову, занятому въ то время устройствомъ отнятой у шведовъ Ингерманландіи. Самое производство этихъ сборовъ оставалось попрежнему обязанностью бурмистровъ, только деньги они стали отправлять не въ ратушу, а въ указанные приказы. Въ заботахъ побороть зло, Петръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попробовалъ-было снова возложить обязанность сбора на воеводскія приказныя избы, но это все-таки оказалось худшимъ изъ двухъ золъ: приказные стали чинить такое нерадѣніе, что сборы очень скоро стали опять обязанностью бурмистровъ.

Въ 1705 году Петръ рѣшилъ создать при ратушѣ и земскихъ избахъ должность особаго наблюдателя и инспектора, который

былъ бы независимъ отъ всякаго мѣстнаго начальства и непосредственно доносилъ бы ему самому о всѣхъ замѣченныхъ имъ непорядкахъ. Инспекторомъ былъ назначенъ Алексѣй Курбатовъ, изобрѣтатель гербовой бумаги и авторъ многихъ прибыльныхъ казнѣ предложеній и проектовъ; назначеніе этого прибыльщика въ инспекторы опредѣляетъ задачу новой должности: Курбатовъ долженъ по указу „разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями“, причемъ Курбатову предоставляется право въ случаѣ, „если кто изъ бурмистровъ явится въ какомъ воровствѣ, и на тѣхъ порочныхъ мѣсто выбирать бурмистровъ немедленно иныхъ“. Тогда же публикуется указъ, обращающійся ко всѣмъ подданнымъ съ призывомъ доносить на замѣченныя кѣмъ-либо злоупотребленія, причемъ доносителямъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ обѣщается вознагражденіе—$^1/_4$ имущества проворовавшагося излюбленнаго человѣка и награда въ видѣ вотчины; холопамъ за правильный доносъ даровалась свобода; недоносителямъ, буде выяснится, что они знали о воровствѣ, но молчали, указъ грозитъ наказаніемъ, „яко утайщикамъ“. Это созданіе инспекціи надъ ратушей отдавало ее въ распоряженіе одного человѣка и подрывало въ основѣ ея значеніе, и безъ того довольно-таки призрачное, какъ органа самоуправленія.

Еще раньше нарушена была цѣльность устройства посадскаго быта: изъ вѣдѣнія ратуши изъяли цѣлый рядъ городовъ и посадовъ, приписавъ ихъ къ корабельнымъ верфямъ на Свири и на Лодейномъ-Полѣ. „Тѣхъ городовъ воеводы“, по указу, должны были во всемъ слушать начальника верфей кн. А. Д. Меншикова; всѣ сборы съ этихъ городовъ поступали непосредственно въ руки Меншикова; рядъ городовъ приписали потомъ къ липецкимъ и кузьминскимъ желѣзнымъ заводамъ; на содержаніе арміи, дѣйствовавшей подъ Петербургомъ и въ Финляндіи, организовали въ 1707 г. Ингерманландскую губернію, въ которую вошли и коренные русскіе города. Послѣ этого ратуша съ отнятыми у ней отдѣльными сборами, съ отписанными отъ ея завѣдыванія городами, перестаетъ быть объединяющимъ города центральнымъ учрежденіемъ, превращается въ простую земскую избу столичнаго города Москвы.

Учрежденіе въ 1708 году губерній нанесло послѣдній ударъ тому значенію ратуши, какъ органа финансоваго самоуправленія городовъ, которымъ она обладала при началѣ своего существованія. Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи, командиръ и организаторъ слѣдуемаго съ губерніи количества войска, естественно, былъ завѣдующимъ всѣми сборами со всего населенія губерніи; для торгово-промышленныхъ людей онъ замѣнилъ своей персоной и ратушу и приказы. Подчиненные губернатору коменданты городовъ—не что иное, какъ возстановленные воеводы, какъ они скоро и начинаютъ именоваться; введеніе суда ландратовъ ставитъ въ зависимость отъ нихъ судъ ратуши и земскихъ избъ; земскія избы, вмѣсто прежняго подчиненія непосредственно центральному

учрежденію, подчиняются губернатору и коменданту, которымъ даже поручено заботиться о томъ, чтобы „ратушскіе чины угодными и искусными персоны снабдены были“.

Такимъ образомъ объединенное было самоуправленіе посадовъ и городовъ снова нарушилось и разсыпалось по рукамъ восьми губернаторовъ и множества комендантовъ, оберъ комендантовъ и ландратовъ, и для объединенія хоть бы только денежнаго дѣла пришлось на мѣсто ратуши, превратившейся въ земскую избу Москвы, создавать въ 1711 г. особую купецкую палату; въ палату эту велѣно было выбрать торгово-промышленнымъ посадскимъ людямъ Москвы изъ своей среды кого пожиточнѣе, чтобы имѣть всегда подъ рукой готовыхъ, и опредѣлять ихъ на денежный дворъ для пріемки и счета поступающей туда и уходящей оттуда монеты, для распоряженія соляной продажей, для табачні й продажи и т. п.

Между тѣмъ на посадское населеніе возлагались все новыя и новыя тяготы; то и дѣло поступали въ сенатъ распоряженія въ родѣ того, чтобы взять изъ губерній въ С.-Петербургъ къ провіантскимъ дѣламъ, къ пріему и отдачѣ провіанту 24 человѣка въ цѣловальники, или отправить къ строенію галеръ 15 пожиточныхъ посадскихъ, изъ коихъ трое должны быть сибирскихъ городовъ. Всѣ эти и другіе приказы шли черезъ сенатъ, а не черезъ ратушу, и на имя губернаторовъ, а не земскихъ бурмистровъ. Существованіе ратуши, какъ центральнаго учрежденія, можно прослѣдить до 1710 года; до этого года она еще отбываетъ кое-какія всероссійскія отправленія. Прямого указа объ ограниченіи вѣдомства ратуши совсѣмъ не было издано, и совершилось это ограниченіе по частямъ: въ 1709 г. велѣно было всѣмъ воеводамъ, бурмистрамъ и приказамъ составить окладныя книги денежныхъ и хлѣбныхъ податей и всякихъ другихъ окладныхъ сборовъ и доставить ихъ „безъ задержанія новопоставленнымъ губернаторамъ“, „дабы они противъ посланныхъ имъ росписей городъ со всякими дѣлами и сборами, конечно, могли принять съ будущаго 1710 г.“. Съ 1710 г. подлинныя окладныя книги передаются въ канцелярію сената; ратуша обязывается доставить туда же вѣдомость о сборахъ таможенной пошлины со времени ея учрежденія до 1711 г. Въ 1714 г. велѣно всѣмъ приказамъ, канцеляріямъ, ратушѣ, губерніямъ, денежнымъ дворамъ, соляному сбору въ приходахъ и расходахъ отчитываться въ ближней канцеляріи, доставляя туда третныя и годовыя вѣдомости; въ этомъ указѣ ратуша поставлена въ одинъ рядъ съ любымъ приказомъ и даже съ солянымъ сборомъ, недавно ей подвѣдомственнымъ.

Но измѣненіе центральнаго органа, вѣдавшаго государственную службу торгово-промышленнаго населенія, мало отразилось на внутреннемъ состояніи самого посадскаго населенія. На мѣстахъ, въ посадахъ и городахъ посадскіе люди попрежнему судятся своимъ судомъ, попрежнему въ ихъ рукахъ сборъ податей, какъ и раньше, они отправляютъ возложенныя на нихъ повинности лично

и черезъ избранныхъ ими бурмистровъ и цѣловальниковъ. Между самоуправляющимися общинами и правительственной властью стали теперь только губернаторы, которымъ вручена контролирующая и надзирающая власть надъ посадскимъ самоуправленіемъ и посадской службой. Въ смыслѣ сокращенія самоуправленія это было, конечно, возвращеніе къ прежнему, вызванное, впрочемъ, новой нуждой. Пока русское войско состояло въ массѣ изъ ополченія служилыхъ людей, созывавшагося, когда въ немъ предстояла нужда, до тѣхъ поръ и средства, необходимыя какъ на содержаніе войска, такъ и на веденіе войны, собирались тоже по мѣрѣ надобности, и постояннаго сбора на содержаніе военной силы не было. Когда же создалась постоянная армія, то на вооруженіе, прокормленіе, обмундированіе и обученіе ея потребовался постоянный источникъ дохода. Какъ въ прежнее время постоянные расходы постоянно дѣйствовавшихъ приказовъ покрывались постоянными опредѣленными доходами съ городовъ, приписанныхъ по нѣскольку къ каждому приказу, такъ и теперь содержаніе полковъ было возложено на губерніи, между которыми они и были распредѣлены; понятнымъ слѣдствіемъ этого и было то, что главный организаторъ всѣхъ состоявшихъ при губерніи полковъ—губернаторъ сдѣлался и финансовымъ хозяиномъ губерніи и посредствующимъ звеномъ между посадскими общинами своей губерніи и центральной правительственной властью. Въ такомъ состояніи взаимоотношеніе города и центральной власти находилось до 1718 г., когда Петръ серьезно принялся за „гражданство" послѣ того, какъ миновали тяжелые годы войны и обрисовался счастливый исходъ ея.

Самый классъ торгово-промышленныхъ людей потерпѣлъ за это время кое-какія измѣненія. Къ посадскому тяглу приписано было еще по Уложенію все торгово-промышленное населеніе государства; занятіе торговлей и промыслами уже достаточно опредѣляло человѣка, какъ посадскаго тяглеца, и правительство неукоснительно во все описываемое время старается уловить въ посадское тягло всякаго человѣка, занимающагося торговлей, но не приписаннаго къ тяглу. Посадскими тяглецами считались не одни только посадскіе, жители городовъ, слободъ и посадовъ, но и всѣ черносslободцы, уѣздные люди поморскаго края; если даже въ дворцовыхъ селахъ встрѣчались крестьяне, промышлявшіе торговлей, то ихъ приписывали тягломъ къ городу, т.-е. обязывали платить всѣ сборы въ томъ размѣрѣ, какъ полагалось съ горожанъ; въ посады велѣно было взять даже тѣхъ владѣльческихъ крестьянъ, которые имѣли по городамъ лавки и промыслы; съ 1709 года стали брать одинаковую съ посадскими подать съ тѣхъ лицъ, которые жили и промышляли, прячась волей и неволей за монастыри, за дѣйствительныхъ и фиктивныхъ капиталистовъ.

Дойдя до мысли о возможности имѣть податные сборы со всѣхъ занимающихся торговлей и промыслами, правительство Петра, очень озабоченное промышленнымъ и торговымъ развитіемъ страны, пришло къ мысли дозволить торговать лицамъ всѣхъ состояній,

обложивъ ихъ сборомъ, соотвѣтствующимъ тому, который шелъ съ посадскихъ. Въ 1711 году сенатъ рѣшилъ спросить торговыхъ людей, не будетъ ли имъ убыточно, если правительство разрѣшитъ торговать лицамъ другихъ состояній, причемъ съ нихъ будутъ брать такія же подати, какъ и съ посадскихъ торговцевъ. Опросъ не состоялся, потому что Петръ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи сената, написалъ господамъ сенаторамъ: „Не такъ поступили вы въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ, ибо вовсе не нужно спрашивать торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку? Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка?“

Съ 1714 г. разрѣшено было торговать въ Москвѣ различнымъ торгомъ лицамъ всякаго званія, отбывая за это всѣ тягости посадскаго состоянія, кромѣ земскихъ службъ и повинностей; такіе торговцы изъ дворцовыхъ и владѣльческихъ крестьянъ не были приписаны къ посаду и остались въ своемъ званіи, такъ что платили по торговлѣ сборы, слѣдуемые съ посадскихъ торговцевъ, а по званію не были свободны отъ уплаты волостныхъ и помѣщиковыхъ доходовъ. Этотъ указъ положилъ начало распаденію замкнутости состоянія посадскихъ людей: занятіе городскими промыслами перестало быть исключительнымъ правомъ посадскихъ людей. Указъ о единонаслѣдіи вводилъ въ торгово-промышленную среду новыхъ людей, на этотъ разъ служилаго сословія. Доказывая, по своему обыкновенію, пользу новой мѣры въ самомъ указѣ объ ея введеніи, Петръ очень разсчитывалъ, что младшіе чины шляхетскихъ фамилій, не получивъ крупнаго наслѣдства, „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ“... Чтобы препятствіемъ къ занятію дворянамъ торговлей не служили извѣстные предразсудки, заставлявшіе людей именитыхъ косо смотрѣть на дворянина съ аршиномъ или образчиками товара въ рукахъ, Петръ въ томъ же указѣ предписывалъ не ставить перехода изъ дворянства въ купечество ни въ какое безчестіе ни переходящимъ ни ихъ роду, ни словесно ни письменно. Указъ о единонаслѣдіи былъ распространенъ и на посадскихъ людей. Дворъ и лавка должны были переходить къ старшему, такъ же, какъ у служилыхъ людей вотчины; Петръ думалъ этой мѣрой возвысить благосостояніе податного класса, чтобы „государевы доходы были справнѣе“, но это мало достигалось,—вѣдь движимость и деньги, т.-е. основную силу торговаго занятія, завѣщатель могъ дѣлить между всѣми сыновьями, и старшему сыну дворъ съ лавкой доставались иногда въ очень обезсиленномъ состояніи.

Размѣры податей съ городскихъ обывателей были очень велики. Какъ и въ XVII в., подати раздѣлялись на постоянныя, лежавшія на тяглыхъ людяхъ постояннымъ окладомъ, и временныя, взимавшіяся по мѣрѣ надобности, обыкновенно въ размѣрѣ десяти денегъ съ рубля. Подать съ посадскихъ взималась по „сохамъ“. „Соху“ составляло опредѣленное количество дворовъ. Различались сохи „лучшихъ, „среднихъ“, „меньшихъ“ и „охудалыхъ“ посад-

скихъ людей. Соха лучшихъ людей состояла изъ 40 дворовъ, соха среднихъ—изъ 80, соха меньшихъ—изъ 160 и соха „охудалыхъ“—изъ 320 дворовъ. Съ каждой сохи взимался одинаковый податной окладъ. Слѣдовательно одну и ту же сумму подати „лучшіе“ посадскіе платили съ вдвое меньшаго количества дворовъ, нежели „средніе“. Возможный недоборъ съ меньшихъ и охудалыхъ сохъ взыскивался съ лицъ, принадлежавшихъ къ сохамъ среднимъ и лучшимъ; вообще весь городъ, всѣ горожане обязывались круговой порукой въ полнотѣ поступленія окладного сбора. Со времени введенія подушной подати, каждый посадскій долженъ былъ платить 1 р. 20 к. въ годъ, т.-е. около 11 р. на нашъ счетъ. Среди повинностей, лежавшихъ на посадскихъ, особенной тягостью отличались двѣ—рекрутская и постойная. Посадскіе люди должны были выставлять рекрутовъ на одинаковомъ основаніи съ владѣльческими и казенными крестьянами, должны были такъ же снарядить каждаго новобранца и снабдить его хлѣбнымъ запасомъ. Собственно торговые люди, купцы лично, какъ кажется, не подлежали набору, но должны были выставлять за себя рекрута изъ своихъ задворныхъ людей, изъ тѣхъ, кто порякался жить за купеческимъ дворомъ вѣчно. На посадскихъ лежала также обязанность снабжать войска провіантомъ, выставлять лошадей и подводы, чинить дороги и мосты; какихъ-либо предѣловъ этимъ повинностямъ поставлено не было, и бурмистрамъ было предписано во всѣхъ такого рода дѣлахъ быть безусловно послушными провіантскому приказу.

Постойная повинность всею своею тягостью ложилась по преимуществу на горожанъ. Солдаты ставились на квартиры въ дома посадскихъ „по скольку человѣкъ на дворъ придется“, вытѣсняя иной разъ хозяевъ. Подъ страхомъ смертной казни солдатамъ предписывалось на постоѣ жить смирно и никакихъ обидъ и убытковъ хозяевамъ не наносить, но на дѣлѣ и обидъ, и самоуправства, и нанесенія убытковъ было сколько угодно. „При квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ и обиды страшныя чинятъ,—пишетъ И. Т. Посошковъ,—что и исчислить ихъ не можно... А гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно хозяевамъ для нихъ лѣсъ рубить; а буде кто станетъ говорить, что-де вамъ по указу великаго государя велѣно дрова свои жечь, то жесточае будутъ чинить; и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ, аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его, понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ не доступитъ къ нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ“.

Съ обывателями господа офицеры обращались грубо и жестоко. И. Т. Посошковъ, большой сравнительно капиталистъ и вообще человѣкъ не послѣдній, лично извѣстный царю и многимъ царскимъ приближеннымъ, остановился разъ въ Новгородѣ у одного знакомаго, котораго обвиняли въ кражѣ и утайкѣ. Офицеръ-слѣдователь запечаталъ домъ обвиняемаго, „а

меня, — разсказываетъ Посошковъ, совершенно непричастный къ дѣлу, — изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи-де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь вонъ и животы наши печатаешь? И ее солдаты сильно выгонили вонъ изъ горницы и стали и изъ двора вонъ выбивать, а мы поупрямились и не пошли вонъ. И тогда Невельской, — такъ звали офицера, — прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выйдете, то-де пріѣду самъ, и совсѣмъ-де вымечу на улицу, а жену-де твою за косы выволоку вонъ"... Пришлось повиноваться произволу, несмотря на то, что Посошковъ жилъ на этомъ дворѣ по приказу воеводы князя Хилкова. „Того капитана Невельского, — продолжаетъ Посошковъ, — называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ"... Тамъ же, въ Новгородѣ, Посошкову случилось зайти по дѣлу въ провинціальный судъ; здѣсь онъ чѣмъ-то не угодилъ полковнику Порѣцкому, и онъ „сталъ бранить меня, — разсказываетъ Посошковъ, — скверною бранью и называлъ воромъ и похвалялся посадить на шпагу, а за что посадить хотѣлъ — вины своея ни малыя не знаю". Посошковъ, ссылаясь на свидѣтелей причиненной ему обиды, билъ челомъ въ судъ на полковника, но полковникъ въ судъ не пошелъ, заявивъ: я-де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ, въ Новгородѣ, отвѣчать не буду. „И я аще не весьма послѣдній человѣкъ, — говоритъ про себя Посошковъ, — а суда не сыскалъ. Какъ же сыщетъ судъ, кто мизернѣе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу".

Такъ незавидной и тяжелой рисуется въ тогдашнія времена жизнь посадскаго человѣка. Онъ главный поставщикъ средствъ въ государственную казну и сознаетъ свое значеніе не послѣдней спицы въ государственной машинѣ. „Купечество воинству товарищъ, — говоритъ Посошковъ: — воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ, и того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бы души безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ". Петръ самъ зналъ это прекрасно, и многія мѣры его были направлены на улучшеніе положенія торгово-промышленныхъ людей; но, съ одной стороны, вынужденная невозможность провести эти мѣры сколько-нибудь планомѣрно, съ другой — злая воля и невѣжественность мелкихъ исполнителей приводили къ тому, что посадское торгово-промышленное населеніе находилось въ полномъ разбродѣ къ 1718 году: оно не было объединено въ смыслѣ управленія и стремилось брести розно подъ страшной тяжестью неудобоносимыхъ сборовъ и повинностей. Положеніе дѣла очень напоминало то, какое создалось передъ учрежденіемъ бурмистерской палаты въ 1699 году.

Съ 1718 г., когда начались преобразованія въ области центральнаго и мѣстнаго управленія и суда, и городамъ пришлось пережить рядъ измѣненій въ строѣ ихъ жизни. На коммерцъ-коллегію по данному ей регламенту возлагались не только заботы о разви-

тіи торговли и промышленности, но и о чисто-сословныхъ интересахъ торгово-промышленнаго населенія Россіи и о полицейскомъ благоустройствѣ городовъ. По регламенту коммерцъ-коллегія должна была смотрѣть „за всѣми торгами и торговыми дѣйствіями и имѣть попеченія о путяхъ сообщенія, корабельномъ хожденіи и о всемъ томъ, что къ способному учрежденію, споспѣшеству и порядку купечества служить можетъ". Коллегія должна была сочинять, разсматривать и измѣнять торговые уставы и привилегіи городовъ, разбирать и прекращать ссоры, которыя возникали бы между городами по поводу ихъ ярмарочныхъ и торговыхъ правъ; коллегіи предоставлялось, далѣе, учредить по городамъ купеческія гильдіи. Такимъ образомъ, коммерцъ-коллегіи предоставлялось взять въ свое вѣдѣніе по отношенію къ торгово-промышленному населенію и городамъ то, что до сихъ поръ находилось въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, все то, что попало въ ихъ руки изъ ратуши; теперь коммерцъ-коллегія призывается стать для городовъ тѣмъ, чѣмъ была ратуша, ей вручается власть надъ проектируемыми магистратами всѣхъ городовъ Россіи.

Въ 1718 г., просматривая меморіалъ, поданный ему извѣстнымъ намъ Фикомъ, Петръ особенно остановился на замѣчаніи Фика о необходимости новаго устройства городскихъ управленій, болѣе соотвѣтственнаго новому коллежскому устройству въ центрѣ. Петръ тогда же положилъ резолюцію: „Магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента по всѣмъ городамъ". У коммерцъ-коллегіи оказалось, однако, такъ много своего дѣла, что заняться созданіемъ магистратовъ по городамъ ей было рѣшительно некогда. Тогда Петръ въ февралѣ 1720 г. постановилъ создать особое центральное учрежденіе — главный магистратъ, на который и возлагалъ обязанность создать и вѣдать магистраты всѣхъ городовъ. Оберъ-президентомъ новаго учрежденія былъ назначенъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, а президентомъ — гость Илья Исаевъ. Задача оберъ-президенту была поставлена въ указѣ о его назначеніи очень опредѣленная: „Вѣдать всѣхъ купецкихъ людей судомъ и о ихъ дѣлахъ доносить въ сенатъ и разсыпанную сію храмину паки собрать". Такъ какъ трудно было найти людей, которые сумѣли бы управиться съ дѣлами въ новомъ учрежденіи, то послу при Голландскихъ штатахъ кн. Б. И. Куракину было велѣно пригласить на службу „въ магистратѣ здѣшняго города купцовъ, которые проторговались не плутовствомъ, но несчастьемъ".

Мы не знаемъ, какъ принялся князь Трубецкой за трудное дѣло паки собиранія разсыпанной храмины россійскаго купечества. Съ годъ приблизительно нѣтъ ни слуху ни духу о дѣятельности г. оберъ-президента и его товарища. Вѣроятно, шла выработка основныхъ положеній, собирался матеріалъ, и все, по обыкновенію, медленно, не торопясь, съ привычнымъ для приказныхъ взглядомъ на дѣло, какъ на нѣчто противоположное волку, стре-

мящемуся убѣжать въ лѣсъ. 16 января 1721 г. былъ изданъ регламентъ главнаго магистрата, опредѣляющій составъ и назначеніе новаго учрежденія. По этому регламенту главный магистратъ долженъ былъ состоять изъ назначенныхъ царемъ оберъ-президента и президента и выборныхъ бурмистровъ и ратмановъ, изъ коихъ половина „отъ иностранцевъ", знающихъ русскій языкъ. Въ отличіе отъ членовъ ратуши, члены главнаго магистрата и подвѣдомственныхъ ему городскихъ магистратовъ были безсмѣнны, и званіе ихъ соотвѣтствовало извѣстной чиновной степени по табели о рангахъ — президентъ главнаго магистрата считался въ VIII классѣ, а бургомистры въ IX; тому изъ магистратскихъ чиновъ, который покажетъ „тщательное радѣніе и во всемъ будетъ содержать себя честно", обѣщалось даже шляхетство. „Для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы магистратъ должность свою хранилъ", на засѣданіяхъ его присутствовалъ особый прокуроръ.

Обязанности главнаго магистрата были слѣдующія: 1) учредить во всѣхъ городахъ магистраты; 2) снабдить ихъ уставами; 3) смотрѣть за тѣмъ, чтобы правосудіе соблюдалось; 4) добрую полицію учредить; 5) купечество и мануфактуры размножить. Дѣло устройства всего этого шло довольно вяло, такъ что Петръ вынужденъ былъ пригрозить Трубецкому и Исаеву: „Если не учините всего въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты (Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы". Но, несмотря на такіе серьезные высочайшіе посулы начальству главнаго магистрата, дѣло не подвинулось впередъ и черезъ шесть мѣсяцевъ, и только въ 1724 г., т.-е. три года спустя послѣ изданія регламента главному магистрату, появилась инструкція городовымъ магистратамъ, которые предполагалось устроить по образцу петербургскаго главнаго магистрата. Въ Москву были созваны представители посадскаго населенія многихъ городовъ. Имъ прочитали инструкцію, и послѣ сдѣланныхъ представителями замѣчаній она была исправлена, утверждена государемъ и обнародована.

По своему значенію въ правительственномъ механизмѣ главный магистратъ былъ поставленъ какъ бы вровень съ коллегіями и подчиненъ сенату, куда оберъ-президентъ долженъ былъ ежегодно доносить о купеческихъ дѣлахъ и представлять обстоятельное доношеніе о состояніи городовъ, въ коллегіи же главный магистратъ представлялъ свои мнѣнія и для свѣдѣнія вѣдомости о состояніи городовъ. Четыре года, которые понадобились главному магистрату съ 1720 г. на самоустройство и устройство городовыхъ магистратовъ, ушли не столько на лѣность его членовъ, сколько на борьбу со всеобщей неподвижностью, правда, при очень небольшомъ собственномъ стремленіи быть подвижными. Для того, чтобы создать магистраты по городамъ, главному магистрату нужны были свѣдѣнія о самыхъ городахъ, начиная съ плановъ ихъ расположенія, числа жителей, до описанія торговъ и промысловъ каждаго города и свѣдѣній о состояніи его привозной и отпускной торговли: вѣдь нельзя же было ввести одинаковое устройство въ та-

комъ большомъ городѣ, какъ Нижній или Вологда, и въ какомъ-нибудь захудаломъ Зарайскѣ или Каширѣ; маленькіе города просто были бы не въ силахъ оплатить дорогое устройство новаго управленія. Еле къ концу третьяго года по изданіи регламента главному магистрату были получены свѣдѣнія отъ городовъ о ихъ состояніи.

По полученіи вѣдомостей главный магистратъ долженъ былъ раздѣлить всѣ города на пять разрядовъ: въ первый входили всѣ большіе города, какъ: Петербургъ, Москва, Новгородъ, Вологда, Нижній и другіе, въ которыхъ окажется отъ двухъ то трехъ тысячъ дворовъ; во второй разрядъ входили внутренніе города съ 1.000 до 1.500 дворовъ и нѣкоторые приморскіе, какъ Выборгъ и Нарва; въ третій—всѣ малые приморскіе города, какъ Перновъ, и тѣ изъ внутреннихъ, въ которыхъ было отъ 500 до 1.000 дворовъ; въ четвертый разрядъ входили всѣ небольшіе города, имѣвшіе 250 до 500 дворовъ, въ пятый—всѣ остальные города, пригороды, слободы. Раздѣливъ города на предположенные разряды, главный магистратъ долженъ былъ устроить въ главнѣйшихъ изъ нихъ магистраты изъ выборныхъ первостатейныхъ гражданъ, а въ меньшихъ — только бургомистерскія должности. Губернаторамъ и воеводамъ было приказано распорядиться каждому въ его городѣ о производствѣ выборовъ въ магистратскіе члены; по избраніи, троихъ, по крайней мѣрѣ, избранныхъ слѣдовало препроводить въ Петербургъ, въ главный магистратъ. Если присланные оказывались, по мнѣнію главнаго магистрата, достойны своего избранія, то облекались соотвѣтствующими званіями и отсылались на мѣсто жительства, гдѣ губернаторъ или воевода, созвавъ всѣхъ гражданъ, объявлялъ имъ „помянутыя особы магистрата, яко начальство града ихъ", и приказывалъ гражданамъ, чтобы они своему магистрату были послушны и достойно почитали бы членовъ его. Въ большихъ городахъ магистратъ составляли одинъ президентъ и четыре бургомистра, въ городахъ второго разряда—президентъ и три бургомистра; въ остальныхъ магистратовъ не полагалось, а были два или одинъ бургомистра; при каждомъ бургомистрѣ состояли еще ратманы.

Городовые магистраты были прямо подчинены главному и указы его обязаны были исполнять неотложно и правдиво, донося объ исполненіи рапортомъ; въ противномъ же случаѣ члены магистрата, смотря по винѣ, подлежали штрафу, ссылкѣ на галеры, лишенію имущества, даже смертной казни.

Главный магистратъ являлся верховнымъ судебнымъ учрежденіемъ для всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, кромѣ политическихъ. По отношенію къ городовымъ магистратамъ главный магистратъ, какъ судебное учрежденіе, былъ тѣмъ же, чѣмъ являлась юстицъ-коллегія по отношенію къ надворнымъ судамъ, низшимъ же общимъ судамъ соотвѣтствовали суды бургомистровъ тѣхъ городовъ, гдѣ не было магистратовъ. Кромѣ магистратовъ, никакое присутствен-

ное мѣсто не имѣло права судить, допрашивать и наказывать торговыхъ людей; только въ случаѣ обвиненія „въ дурныхъ словахъ или въ дѣлахъ къ возмущенію“ городской обыватель подлежалъ слѣдствію и суду преображенскаго приказа, да въ случаѣ растраты казенныхъ денегъ долженъ былъ отвѣчать коммерцъ-коллегіи.

Кромѣ суда, магистраты должны были учредить въ своихъ городахъ подъ руководствомъ главнаго магистрата „добрую полицію“. Полицейскія обязанности магистратовъ были изложены въ особой инструкціи, изданной въ 1724 г. Магистратамъ предписывалось имѣть предосторожность отъ пожаровъ, обзавестись для того нужными пожарными инструментами и установить правила, кому изъ горожанъ съ какимъ пожарнымъ инструментомъ спѣшить къ мѣсту несчастія, когда о томъ вѣсть подадутъ; магистраты должны были смотрѣть, чтобы въ домахъ, на улицахъ и въ лавочныхъ рядахъ было чисто и помету никакого не было, городскіе мосты содержались бы въ исправности. Членамъ магистрата предписывалось смотрѣть, чтобы граждане не держали въ своихъ домахъ и не нанимали для работъ пришлыхъ людей, какого бы званія они ни были, если при нихъ нѣтъ отпускныхъ писемъ; особенно тщательно рекомендовалось магистратамъ слѣдить за бѣглыми солдатами. Такъ какъ многіе граждане, не желая платить податей, не занимались никакими промыслами и жили „бѣдно, разгульно, пьяно, воруя и разбойничая“, то магистратамъ предписывалось наблюдать за такими „тунеядцами“ и понуждать ихъ заниматься ремеслами, вообще работами. Кто изъ гражданъ для какихъ-либо своихъ нуждъ хотѣлъ выѣхать изъ города, хотя бы ненадолго, долженъ былъ брать изъ магистратовъ паспорты или пропускныя письма, которыя по возвращеніи путешественника отбирались у него. Это пропускное письмо путешественникъ обязанъ былъ показывать по требованію всякой надлежащей власти.

Новыя учрежденія касались по преимуществу верховъ городского строя, реформировали, по выраженію проф. А. А. Кизеветтера, лишь „верхній этажъ“, „соприкасавшійся съ высшей центральной властью и только прикрывавшій собой рядъ другихъ общинныхъ учрежденій, въ которыхъ сплетались нити общинно-посадской жизни“. Новыя учрежденія заслонили собой, но не уничтожили старой самоуправляющейся городской посадской общины, создавшейся въ московское время, пережившей и нововведенія Уложенія, и „воеводское озлобленіе“ конца XVII в., и „непорядочное правленіе“ царицы Наталіи, и ратушу съ бурмистрами, и губернаторовъ, и комендантовъ, и новыхъ воеводъ. Этотъ старый посадскій міръ съ его сходами и старостами, десятскими, съ собственной земской избой, продолжалъ существовать и послѣ введенія магистратовъ. Городовой магистратъ явился только соединительнымъ звеномъ между центральной администраціей и мірскимъ посадскимъ сходомъ. Сходъ выбиралъ самихъ членовъ магистрата такъ же, какъ онъ въ XVII в. выбиралъ земскихъ старостъ и цѣ-

ловальниковъ. Но въ XVII в. это выборное начальство, хотя и поступало въ полное распоряженіе правительства, какъ низшіе чиновники по финансовой службѣ, въ то же время являлось и представителемъ избравшаго его населенія передъ правительствомъ; реформа Петра, установивъ для избранныхъ членовъ магистрата необходимость утвержденія ихъ центральной властью и лишивъ общины права смѣнять выбранныхъ ими бурмистровъ и ратмановъ, только больше подчеркнула чиновническій характеръ новыхъ управителей. Теперь, „выбирая магистратскихъ членовъ, посадская община лишь выдѣляла изъ своей среды опредѣленное количество лицъ въ распоряженіе центральной власти, и „излюбленные люди", бурмистры и ратманы, переступая порогъ магистратской присутственной камеры, тѣмъ самымъ отщеплялись отъ своей общины, дѣлались не слугами избравшаго ихъ общества, а агентами правящей бюрократіи".

Задачей членовъ городского магистрата по самому смыслу учрежденія являлось, во-первыхъ, исполнять приходившія въ городъ распоряженія центральнаго правительства въ тѣхъ предѣлахъ, какіе очерчивалъ дѣятельности городовыхъ магистратовъ регламентъ, во-вторыхъ, дѣлать извѣстными посадской общинѣ всѣ предписанія и распоряженія центральныхъ учрежденій, касающіяся города и обывателей, въ-третьихъ, наконецъ, слѣдить за исполненіемъ обывателями всѣхъ этихъ распоряженій, понуждать обывателей всѣ эти распоряженія строго исполнять и доносить верховнымъ учрежденіямъ какъ объ исполненіи, такъ и о задержкахъ исполненія ихъ предписаній обывателями. Всѣ эти задачи дѣлали городовые магистраты исполнителями предначертаній свыше. Магистратъ являлся, слѣдовательно, начальствомъ горожанъ, а не выразителемъ ихъ внутренней жизни передъ властью. А эта внутренняя жизнь, и очень интенсивная, существовала. Магистраты должны были раскладывать на гражданъ всѣ чрезвычайные сборы сверхъ окладныхъ подушныхъ денегъ, назначавшіеся указами сената; затѣмъ они должны были собирать средства со своихъ горожанъ на удовлетвореніе городскихъ нуждъ; города обладали кое-какими правами въ области собственнаго благоустройства, въ родѣ постройки и ремонта разныхъ общественныхъ зданій—гостинаго двора, запасныхъ магазиновъ и т. п. Все это иногда предписывалось магистратамъ дѣлать „съ совѣту со всѣми граждана". По регламенту главному магистрату и инструкціи городовымъ магистратамъ предписывалось членамъ магистратовъ призывать къ себѣ „добрыхъ и умныхъ" представителей городского міра для совѣщанія съ ними о дѣлахъ; раскладка подушной подати и уравненіе ея между плательщиками „по разсмотрѣнію каждаго гражданина въ пожиткахъ состоянія" возлагалась по регламенту на „общее старостъ и старшинъ (гильдейскихъ и мірскихъ) со всѣми граждана согласіе"; передѣлы городской земли, пользованіе выгонами, лугами, другими доходными статьями—все это могло происходить, по изстари установившемуся обычаю, только при уча

стіи горожанъ, по правиламъ и порядку, какіе установитъ мірской сходъ.

Органомъ этого участія горожанъ въ жизни города и являлись старинные мірскіе сходы. Посадскій міръ, по описанію проф. А. А. Кизеветтера, слагался изъ ряда болѣе мелкихъ самоуправляющихся союзовъ, соотвѣтственно чему и общепосадскій сходъ со своимъ руководителемъ и представителемъ – посадскимъ старостой—являлся лишь завершеніемъ ряда другихъ мѣстныхъ учрежденій. Мелкіе союзы, изъ которыхъ составлялась посадская община, назывались слободами и сотнями. Всѣ посадскіе тяглецы расписывались по слободамъ и сотнямъ. Каждый тяглецъ несъ посадскіе платежи и отправлялъ посадскія повинности со своей слободы. Для разсмотрѣнія мѣстныхъ дѣлъ созывались слободскіе и сотенные сходы. Слободы выбирали своихъ „слободскихъ старостъ", при которыхъ состояли иногда тоже избранные на слободскихъ сходахъ товарищи. Слободскіе старосты при вступленіи въ должность получали отъ мѣстнаго магистрата особыя инструкціи, по которымъ на обязанности слободскихъ старостъ лежало: 1) вести списки слобожанъ плательщиковъ налоговъ, 2) собирать самые подати и сборы, 3) слѣдить за недоимками, 4) созывать слободскіе сходы, 5) надзирать за воспитаніемъ и обученіемъ малолѣтнихъ слободскихъ сиротъ, 6) надзирать за описью слободскихъ оброчныхъ статей, 7) представлять, куда надлежитъ, о слободскихъ нуждахъ и о всемъ, „что будетъ усмотрѣно новаго къ лучшему устроенію".

Такимъ образомъ мірской посадскій сходъ и послѣ устройства магистратовъ остался истиннымъ выразителемъ жизни и дѣятельности обывателей города гораздо въ большей степени, чѣмъ становившійся послѣ избранія его членовъ „яко начальство" городовой магистратъ; вотъ почему не магистратъ, а „старостинская изба" являлась тогда средоточіемъ общественной жизни горожанъ, какъ не бургомистръ, а посадскій староста былъ настоящимъ представителемъ земскаго міра. Но посадскій староста находился въ большомъ подчиненіи магистрату, который „указами" черезъ старосту сообщалъ міру всѣ правительственныя распоряженія, а староста отвѣчалъ магистрату объ исполненіи его „указовъ" доношеніями. Посадскій староста былъ, слѣдовательно, и представителемъ интересовъ выбравшихъ его горожанъ передъ магистратомъ, и подчиненнымъ магистрату лицомъ. Выбиралъ старосту міръ, но выборы его утверждались магистратомъ. Отвѣчалъ за свои дѣйствія староста и передъ магистратомъ и передъ избравшимъ его міромъ. Такое положеніе должно было ставить старосту иногда въ очень непріятное положеніе: и магистратъ и міръ одинаково смотрѣли на него, какъ на подчиненное каждому изъ нихъ должностное лицо.

Только староста имѣлъ право собирать мірскіе сходы и выступать на нихъ какъ предсѣдатель. Собирался сходъ всегда около своей посадской избы или въ помѣщеніи, нарочно устроенномъ при избѣ для „мірскихъ совѣтовъ". Собираться на сходъ должны

были всѣ тяглецы по повѣсткамъ, которыя староста разсылалъ черезъ десятскихъ. Къ „лучшимъ и первостатейнымъ людямъ“ староста ѣздилъ съ повѣстками самъ. По дошедшимъ до нашего времени документамъ видно, что мірскіе сходы протекали довольно шумно, иногда съ дракой, шумомъ, подъ звонъ набата, такъ что требовалось посылать солдатъ, чтобы утихомирить разодравшихся обывателей. Горожане старались собираться на сходы въ возможно большомъ числѣ и иногда цѣлыми часами не начинали засѣданія, поджидая отсутствующихъ и запоздавшихъ согражданъ. Преобладающее значеніе на сходахъ имѣли первостатейные люди. Это вытекало изъ всего строя посадской жизни тѣхъ временъ: круговая порука, лежавшая въ основѣ тяглаго строя посадской общины, непремѣнно выдвигала наиболѣе богатыхъ въ качествѣ первыхъ и главныхъ отвѣтчиковъ за міръ и тѣмъ самымъ ставила ихъ въ положеніе главныхъ и дѣятельныхъ руководителей мірскими дѣлами; изъ наиболѣе богатыхъ составлялся обыкновенно и самый магистратъ, что, конечно, дѣлало его до извѣстной степени руководителемъ всей посадской жизни не только по закону, ставившему магистратъ въ положеніе начальства, но и на дѣлѣ, и посадскій сходъ, являясь выразителемъ желаній и стремленій горожанъ, на дѣлѣ выражалъ эти желанія и стремленія лишь постольку, поскольку они не противорѣчили интересамъ зажиточныхъ людей и магистрата; а такъ какъ самъ магистратъ при общемъ крѣпостномъ строѣ оказывался въ большой зависимости отъ администраціи, то особой широты значеніе мірскихъ посадскихъ сходовъ не пріобрѣтало, и вся дѣятельность ихъ, сосредоточиваясь на сравнительно мелкихъ и частныхъ городскихъ дѣлахъ, мало походила на самоуправленіе въ широкомъ смыслѣ слова; въ этихъ сходахъ только чуть теплилась идея самоуправленія, а въ окружающей обстановкѣ было тогда очень мало матеріала, который могъ бы способствовать широкому и плодотворному развитію началъ городского самоуправленія.

По новому устройству городовъ ихъ магистратамъ ставилось въ особую обязанность „купечество и мануфактуры размножить“. Для развитія торговли, для сбыта ремесленныхъ произведеній, для распространенія народнаго довольства и умноженія казенныхъ сборовъ главный магистратъ долженъ былъ стараться о размноженіи ярмарокъ и торговъ, въ большихъ внутреннихъ и приморскихъ городахъ устраивать, „по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ“, торговыя биржи и выбрать изъ купечества маклеровъ, т.-е. „во всѣхъ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусныхъ людей“. Еще въ 1718 г. отъ мастеровъ всякаго дѣла стали требовать свидѣтельства о томъ, что предъявитель „подлинно такого художества мастеровой человѣкъ, а не подложный“. Съ учрежденіемъ магистратовъ Петръ предложилъ имъ всѣхъ ремесленниковъ раздѣлить по западно-европейскому образцу на цехи, такъ чтобы каждое ремесло и художество составляло особый цехъ. Во главѣ каждаго цеха должны были стать алдерманы—старшины. Въ цехъ могъ

записаться всякій занимающійся какимъ-либо ремесломъ, будь онъ даже дворцовый или владѣльческій крестьянинъ. Всякаго желающаго записаться свидѣтельствовали представители цеха, и если свидѣтельствуемый представлялъ достаточные образцы своего искусства въ данномъ ремеслѣ, цехъ провозглашалъ его мастеромъ и выдавалъ ему свидѣтельство на это званіе. Всякому мастеру на его работѣ, исполненной по заказу или на продажу, предписывалось ставить клеймо, и безъ клейма никто не имѣлъ права продавать свой товаръ; клеймо должно было ставить лишь по одобреніи работы старшиной цеха; старшина, если находилъ работу неудовлетворительной, могъ ее просто уничтожить. Вводя цеховое устройство, Петръ думалъ такимъ образомъ вызвать движеніе въ ремесленной промышленности, поощрить ея развитіе, привлечь къ занятію ремеслами возможно большее количество рукъ и силъ; но не за горами былъ злополучный 1725 годъ, унесшій въ могилу преобразователя и поставившій сразу предѣлъ многимъ, только еще намѣченнымъ преобразованіямъ. Цехи возникли развѣ только въ Москвѣ и Петербургѣ, да и тамъ скоро замерли до временъ Екатерины II.

Страдая отъ отсутствія людей, зная по горькому опыту всей предшествующей жизни и дѣятельности ратуши, что выборные люди, хотя и ежегодно смѣняемые, общаго положенія не улучшали и „зѣло воровали", Петръ рѣшилъ сдѣлать магистратскія должности несмѣняемыми, чтобы увеличить ихъ отвѣтственность передъ центральной властью; члены магистратовъ послѣ выбора ихъ на мѣстахъ утверждались въ должности главнымъ магистратомъ, который и объявлялъ ихъ несмѣняемымъ по волѣ горожанъ городскимъ начальствомъ. Что же получалось: во главѣ городовъ были поставлены, какъ начальство, люди, взятые изъ среды горожанъ, занимающіеся однимъ съ ними дѣломъ, а потому невольно иногда видѣвшіе въ подчиненныхъ соперниковъ и конкурентовъ въ своихъ частныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Это обстоятельство не могло способствовать единенію между горожанами и ихъ начальствомъ, а слѣдовательно и проявленію въ жизни всего, что хотѣлъ провести регламентъ Петра. „Когда учинены магистраты по провинціямъ, и бургомистры съ товарищами обнадежили себя, что будутъ непремѣнны, — пишетъ одинъ современникъ, — то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостиные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ, и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безочередными службами и постоемъ; и пріѣзжему продавцу не безъ разоренія, ибо достойной цѣны взять не можетъ, и долженъ брать, что дадутъ магистратскіе. Заморскіе товары магистратскіе продаютъ гражданамъ такимъ порядкомъ: который товаръ стоитъ сто рублей, на тотъ наложатъ цѣну 150 или 130 рублей и продаютъ по этой цѣнѣ купцамъ средней статьи, которые торгуютъ въ лавкахъ; который купецъ не захочетъ взять, того отягощаютъ безсрочнымъ постоемъ, службами и другими нападками; податей сами маги-

стратскіе не платятъ, торгуютъ свободно, и вмѣсто нихъ подати платятъ гражданскою суммой“... Такимъ образомъ и въ самомъ устройствѣ магистратовъ, и въ обществѣ, изъ котораго выходили члены ихъ и въ которомъ они дѣйствовали, лежитъ основная причина неуспѣха реформы; и съ этой точки зрѣнія преждевременная кончина Петра—несчастная случайность, лишь ускорившая печальный, но неизбѣжный исходъ преобразованія.

Наиболѣе прочной стороной реформы было опредѣленіе правъ и обязанностей тяглаго торгово-промышленнаго состоянія городскихъ обывателей и новая организація городскихъ общинъ. Въ регламентѣ главному магистрату это новое устройство выражено такъ: „Понеже вездѣ въ городахъ, не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ, обрѣтаются жители разныхъ чиновъ, кромѣ посадскихъ, изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣютъ, а именно: шляхетство, которое по близости отъ городовъ деревни и усадьбы свои имѣетъ, а иные и сами въ городахъ живутъ домами своими, такожде служители, у дѣлъ приставленные, священство, церковники и иностранные, изъ которыхъ одни ради купечества, а другіе для художества или какого рукодѣлія тамо живутъ, то всѣ такіе люди между гражданами не числятся (т.-е. не подвѣдомственны магистрату); а магистрату граждане надлежатъ и въ двухъ гильдіяхъ состоятъ такіе: банкиры (которые даютъ на векселя деньги), знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными многими товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебреники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рѣзчики, токари и симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные состоятъ и отъ другого подлаго гражданства привилегіями и преимуществами суть отмѣчены, яко: банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебреники, иконники, живописцы. Во второй гильдіи, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, такъ же рукомесленые, рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные. Прочіе же всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и въ черныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются“.

Гильдейскіе старосты и старшины съ согласія гражданъ, получавшагося на сходкахъ ихъ по слободамъ и по улицамъ, уравнивали податные сборы по состоянію каждаго лица и составляли при этомъ окладныя книги особо для каждаго разряда гражданъ. Магистратъ провѣрялъ и утверждалъ эти книги; когда до свѣдѣнія магистрата доходило, что со времени составленія оклада „нѣкоторые пожитками пополнились, нѣкоторые же умалились“, то онъ сообщалъ объ этомъ гильдейскимъ старшинамъ и приказывалъ имъ составить новые уравнительные оклады по совѣту съ гражданами, входящими въ гильдіи. При расчетѣ сборовъ вычисляли попреж-

нему десятую деньгу, т.-е. размѣръ оклада каждаго вычислялся въ 10% съ утвержденнаго по послѣдней окладной книгѣ за даннымъ лицомъ капитала. Въ 1722 г. посадскіе были избавлены отъ рекрутчины, причемъ за рекрутовъ должны были платить особый сборъ, который въ 1724 г. былъ опредѣленъ для торговыхъ людей въ 100 руб. тогдашнихъ.

Постойная повинность была оставлена на посадскихъ, зато была снята другая, вѣковая повинность торговыхъ и посадскихъ людей—личная служба по финансовому вѣдомству: въ 1722 г. особымъ указомъ велѣно было къ пошлиннымъ, кабацкимъ, солянымъ и другимъ всякимъ сборамъ изъ посадскихъ людей не выбирать, а быть у такихъ сборовъ, у большихъ—изъ отставныхъ офицеровъ и изъ дворянъ, а у меньшихъ—унтеръ-офицерамъ и рядовымъ солдатамъ, для чего выбирать военной коллегіи достойныхъ людей. Въ случаяхъ же вызова посадскихъ и купецкихъ людей для какой-либо служебной повинности, какъ знающихъ дѣло лицъ, имъ предполагалось теперь платить жалованье.

Это освобожденіе отъ обязательной службы вмѣстѣ съ рѣзко подчеркнутымъ обособленіемъ регулярныхъ горожанъ отъ нерегулярныхъ обособляетъ торгово-промышленный классъ въ особое сословіе, рѣшительно отмежеванное своими особыми правами и обязанностями отъ дворянства—съ одной стороны, и отъ крестьянства—съ другой. Городской регулярный обыватель конца царствованія Петра отличался отъ горожанъ нерегулярныхъ тѣмъ, что участвовалъ въ городскомъ управленіи путемъ избранія членовъ магистрата, былъ записанъ въ гильдію и цехъ или несъ денежную повинность въ долѣ, падавшей на него по общественной раскладкѣ; средства на несеніе повинностей ему предоставлялось добывать путемъ занятій промыслами и торговлей.

Съ его вѣрой въ спасительную силу страха и указа, которую Петръ раздѣлялъ съ лучшими умами своего времени, онъ, какъ кажется, ожидалъ коренного и быстраго переворота въ строѣ жизни и бытѣ русскихъ городовъ. Нѣкоторыя статьи его регламента главному магистрату дышатъ этой мечтательной вѣрой въ быстрый переворотъ. При регламентѣ былъ приложенъ особый „формуляръ къ описанію жителей въ городѣ и оныхъ художествъ“; въ этомъ формулярѣ имѣются рубрики для записи количества въ каждомъ городѣ докторовъ, ученыхъ, часовыхъ мастеровъ, живописцевъ, банкировъ; формуляръ ждетъ получить свѣдѣнія объ академіяхъ, больницахъ, театрахъ въ русскихъ городахъ начала XVIII в., разсчитываетъ найти тамъ биржи, огромные оптовые склады, архитектурные памятники и много-много еще такого, чего не имѣютъ и многіе наши города XX вѣка. Со странностью, свойственной, впрочемъ, времени, когда начались толки и разговоры о естественномъ человѣкѣ и естественномъ состояніи людей, всегда трезвый, практическій умъ Петра становится въ этихъ мѣстахъ регламента мечтательнымъ и забываетъ горькую, жестокую дѣйствительность, отъ уродливыхъ явленій которой самъ преобразователь страдалъ больше

всѣхъ. Какія академіи и ученыя общества могли возникать въ разныхъ захолустьяхъ, именовавшихся городами только за большое скопленіе людей въ нихъ! Эти горожане, не скрѣпленные другъ съ другомъ въ одинъ союзъ, объединенный общей цѣлью жизни, создающейся не по указамъ сверху, а вырабатывающейся исторически, представляли собой гурьбу людей, мало и непрочно связанную въ общество и стремящуюся постоянно разбрестись розно, и не разбредающуюся только потому, что всѣ сразу не умѣютъ этого предпринять, а каждый порознь боится быть пойманнымъ и уличеннымъ своимъ сосѣдомъ.

Послѣднія мѣры Петра, почти уничтоживъ самоуправленіе, оставивъ лишь тѣнь его, отдали городское общество въ распоряженіе всякаго начальства, которое тоже не измѣнилось въ своемъ типѣ, какъ онъ сложился къ XVIII вѣку. Въ этотъ типъ рѣзко выраженныя сословныя реформы Петра внесли, пожалуй, еще нѣсколько непріятныхъ чертъ. Столь превознесенное имъ шляхетство начинаетъ очень свысока смотрѣть на людей подлыхъ, и такъ какъ все начальство изъ шляхетства, или становится шляхетнымъ, то обостреніе его шляхетныхъ чувствъ отзывается на взаимоотношеніи отдѣльныхъ сословій: взаимоуваженія, взаимопомощи, чувства солидарности, хотя бы на почвѣ ощущенія себя людьми одной національности, нѣтъ у представителей отдѣльныхъ сословій; въ дошедшихъ до насъ случаяхъ столкновеній видны только рознь, жестокость, грубость, какое-то странное и ненужное преслѣдованіе сильными слабыхъ. Члены костромского магистрата доносили въ главный магистратъ, что бывшій воевода „самовольно отнялъ у нихъ домъ, построенный подъ ратушу „изъ купецкихъ мірскихъ денегъ"; эту отнятую избу занялъ и новый воевода, призванный къ охранѣ законности; „за такимъ учиненіемъ,—продолжаютъ костромичи,—взятъ былъ вмѣсто податей у оскудѣвшаго посадскаго человѣка подъ ратушу дворъ"; въ 1722 г. изъ этого взятаго у оскудѣлаго гражданина двора ратушу проситъ убраться прочь полковникъ Татариновъ; едва уѣхалъ полковникъ, какъ дворъ занялъ асессоръ Радиловъ. Магистрату межъ тѣмъ „дѣваться съ дѣлами негдѣ"; но не съ асессоромъ же спорить, и вотъ „угодные и искусные магистратскіе чины" „по нуждѣ" перебираются въ Николаевскую, что на Байбакахъ, пустынь, за городъ, гдѣ и устраиваются въ покинутой кельѣ монаха, „самой малой и утѣсненной", въ которой даже „сборовъ сбирать негдѣ". Тутъ не знаешь, чему удивляться: той легкости, съ которой полковникъ выселяетъ за городъ управляющій регулярными горожанами магистратъ, являющійся для города по регламенту „яко начальство", или той безотвѣтной покорности, съ которой народомъ излюбленные и верховной властью утвержденные въ своихъ достоинствахъ члены магистрата безпомощны передъ полковникомъ и асессоромъ. Понадобилось разъ по приказу главнаго магистрата послать въ Зарайскъ одного бургомистра изъ коломенскаго магистрата, но коломенскій магистратъ не могъ этого исполнить и рапортовалъ главному магистрату,

что у нихъ, въ коломенскомъ магистратѣ, „у отправленія многихъ дѣлъ“ сейчасъ находится одинъ только бургомистръ, другого же бургомистра, Ушакова, генералъ Салтыковъ проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ „билъ смертнымъ боемъ“, и „оттого не только въ Зарайскъ, но и въ коломенскій магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ“. Съ другимъ коломенскимъ бургомистромъ случилось вотъ что: онъ навлекъ на себя гнѣвъ драгунскаго оберъ-офицера Волкова, состоявшаго при персидскомъ послѣ. Храбрый оберъ-офицеръ послалъ за виновникомъ своего дурного расположенія драгунъ; тѣ схватили представителя мѣстнаго городского управленія и со всей драгунской повадкой доставили къ своему начальнику; тотъ велѣлъ драгунамъ разложить старика-бургомистра, держать его за волосы и за ноги, и самъ собственноручно сталъ бить тростью, а потомъ приказалъ и драгунамъ бить его палками и эфесами палашей. Тотъ же Волковъ избилъ еще одного ратмана; во Псковѣ въ 1718 году пьяные солдаты застрѣлили нѣкоего Евдокима Иванова, члена ратуши, а кружечнаго сбора бургомистра били такъ, что онъ умеръ. Въ приведенныхъ примѣрахъ,—а ихъ можно привести много больше,—выступаютъ люди случайные, проѣзжій генералъ, оберъ-офицеръ, пьяные солдаты. Какъ же обращались съ членами магистратовъ начальные люди, стоявшіе надъ ними, „персоны, команду имѣющіе“, какъ тогда говорили, губернаторы, воеводы, коменданты?—спрашиваетъ проф. Дитятинъ и отвѣчаетъ очень безнадежнымъ выводомъ, что обращеніе людей, облеченныхъ властью, должно было выражаться въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ.

1725 годъ поставилъ точку и дальнѣйшему развитію городской реформы Петра. Со смертью преобразователя дѣло остановилось на полдорогѣ. Впрочемъ, не надо придавать слишкомъ много значенія личной волѣ и энергіи преобразователя: изъ ничего и онъ бы ничего не сдѣлалъ. Обязанности магистратовъ были предрѣшены имъ слишкомъ широко, были сложны, тяжелы, многочисленны; магистратъ обнималъ въ своемъ вѣдѣніи судъ и полицію, благоустройство и благотворительность, заботы о народномъ здравіи и просвѣщеніи, о благочестіи, добропорядочномъ поведеніи гражданъ и т. д. и т. д. Все это должно было осуществляться въ полудеревенскихъ поселеніяхъ, жители которыхъ кормились больше земледѣліемъ, чѣмъ промыслами, были бѣдны, невѣжественны и непредпріимчивы. А кто долженъ былъ проводить въ жизнь всѣ благія предначертанія инструкціи? Люди, воспитавшіеся подъ суровымъ гнетомъ финансовой службы государству, когда главное вниманіе правительства сосредоточивалось на одномъ стремленіи—взять какъ можно больше съ плательщиковъ, а плательщики всю свою изобрѣтательность напрягали, чтобы спрятать свои животы отъ жаднаго сборщика и сосѣдей, отвѣчающихъ за общую сумму сбора своимъ имуществомъ. На этой почвѣ создавалось въ тогдашнихъ посадахъ стремленіе жить не всѣмъ вмѣстѣ одними интересами, а подальше другъ отъ друга, такъ, чтобы сосѣди не знали, что въ домѣ дѣлается. Свое благополучіе при такомъ поло-

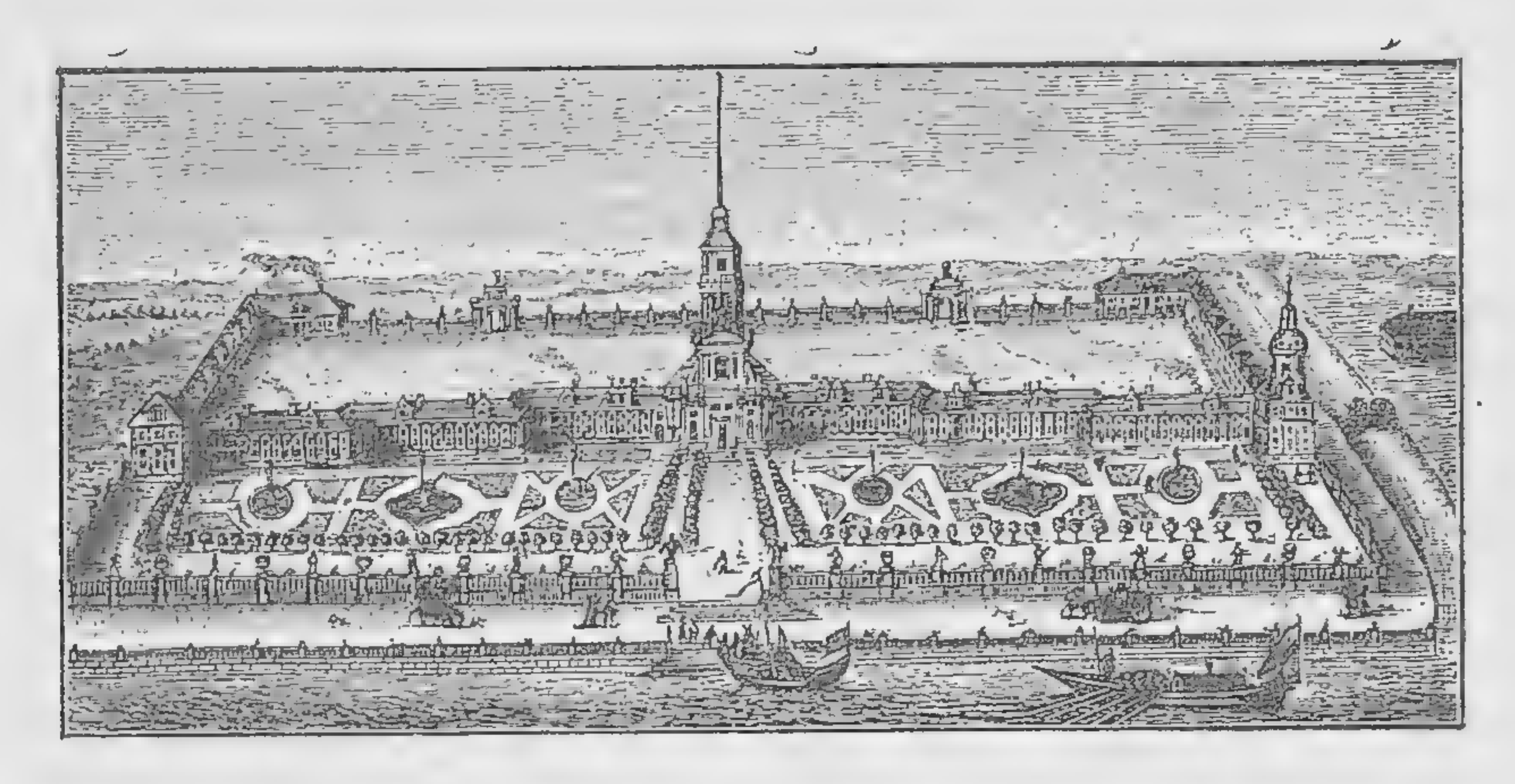
женіи дѣла приходилось строить на неблагополучіи другого. Какая же тутъ можетъ развиться общественность, стремленіе работой на общую пользу, улучшать общее благосостояніе и въ немъ, а не внѣ его, свое собственное? Лишенное всякой общественной энергіи городское населеніе что могло исполнить изъ предначертаній, данныхъ главному магистрату? Завести всѣ эти госпитали, смирительные дома, школы хватило силы и охоты только у Москвы и Петербурга, да и то подъ постояннымъ давленіемъ извнѣ; но и тутъ заведено было не много, и все заведенное оставалось безъ того ухода и участія, которые создаются только живымъ интересомъ, а потому хирѣло и вяло, какъ зерно, попавшее на каменистую почву, гдѣ его постоянно грозили поглотить птицы и потоптать прохожіе.

Скоро магистраты были объявлены подчиненными возстановленнымъ воеводамъ. При Петрѣ II указомъ 18 августа 1728 г. главный магистратъ былъ упраздненъ, потому что подвѣдомственные ему городовые магистраты, вслѣдствіе ряда отдѣльныхъ распоряженій, оказались больше въ вѣдѣніи воеводъ и коллегій, чѣмъ главнаго магистрата. Такъ снова грозила разсыпаться еле собранная и устроенная Петромъ храмина торгово-промышленнаго сословія. При императрицѣ Елизаветѣ, когда было возстановлено если не по духу, то по внѣшности много петровскихъ учрежденій, возникъ снова и главный магистратъ, продолжавшій существовать до общихъ сословныхъ преобразованій Екатерины II.

Итакъ, гражданства въ смыслѣ буржуазіи, бюргерства мѣры Петра не создали, потому что это никакими мѣрами и создать нельзя. Сдѣлаться сколько-нибудь замѣтной общественой силой городскія общества временъ Петра Великаго не могли и потому, что ихъ было слишкомъ мало. Къ 1725 году въ Россіи считалось 189 городскихъ поселеній съ 185000 занесенныхъ въ ревизію посадскихъ жителей мужского пола; по отношенію къ общему числу населенія посадскіе составляли всего 3,2%. Торгующихъ и занимающихся ремеслами было немного болѣе половины общаго числа посадскихъ, остальное приходилось на чернорабочихъ и праздношатающихся. Въ этихъ условіяхъ цѣлыя городскія общины, какъ и отдѣльные посадскіе, оказывались безпомощными и передъ насильемъ „господъ команду имѣющихъ", и въ устройствѣ собственнаго и общественнаго благополучія. Малолюдныя и малочисленныя посадскія общины были къ тому же еще и бѣдны, а тогдашняя жизнь давала слишкомъ мало возможности для свободнаго развитія личной и общественной инициативы въ дѣлѣ хозяйственнаго прогресса русской жизни, скованной условіями крѣпостного быта, отнимавшаго у города покупщика и потребителя городского производства, такъ какъ крѣпостная деревня стремилась сама удовлетворять свои нужды во всемъ. И послѣ реформъ Петра русскій городъ, какъ былъ, такъ и остался большой деревней и по своему внѣшнему виду, и по занятіямъ жителей, занятыхъ въ массѣ земледѣліемъ едва ли не столько же, сколько торговлей и

ремеслами, и по содержанію общественныхъ интересовъ, сосредоточенныхъ около вопросовъ уплаты казенныхъ сборовъ и податей да отбыванія натуральныхъ повинностей по требованію всякаго рода начальства.

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія сочиненія: „Полное собраніе законовъ" т. IV—VII; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI—XVIII; *А. Пригара*, Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей при Петрѣ Великомъ; *И. Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I; *Л. Плошинскій*, Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ; *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго; *М. М. Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго; *В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, т. IV; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ XVII в.; *А. А. Кизеветтеръ*, Посадская община въ Россіи XVIII в.; *И. Посошковъ*, Книга о скудости и богатствѣ, и нѣкоторыя другія сочиненія.

Видъ Александро-Невскаго монастыря, какъ его предполагалось построить. Съ гравюры 1716.

Русское духовенство при Петрѣ Великомъ и учрежденіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Въ незавидномъ положеніи находилась русская церковь къ концу XVII в. Расколъ на двѣ части создалъ въ сердцѣ ея горечь и ненависть; тѣ члены церкви, которые приняли реформы, связанныя съ именемъ Никона патріарха и на сторонѣ которыхъ стояло правительство, чувствовали себя выбитыми изъ колеи. Глава духовенства, патріархъ, въ лицѣ Филарета и Никона подымавшійся до высотъ власти и мечтавшій на тему, что священство выше царства, послѣ крушенія Никоновыхъ грезъ превратился просто въ старѣйшаго іерарха русской церкви, надъ которымъ властно и опредѣленно становилось царское величество. Послѣдніе два патріарха— прямые слуги свѣтской власти, готовые хвалить и порицать, что прикажутъ: они осуждаютъ бритье бородъ, пока не видятъ бритаго царя, и смиренно уходятъ прочь съ чудотворными иконами, поднятыми на умоленіе гнѣвнаго сердца царева, послѣ рѣзкаго окрика царя; такіе іерархи ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ подвластныхъ имъ, ни въ мнѣніи паствы стоять высоко не могли. И дѣйствительно, у нихъ все изъ рукъ валилось, такъ что, по словамъ современника, они „и себя единаго управити не могли".

Характеризуя патріаршее управленіе, тотъ же современникъ находитъ, что здѣсь „во всемъ видится слабо и неисправно", большіе доходы „погибаютъ по прихотямъ владѣтелей", единственная въ Москвѣ духовная школа пала такъ, что „живущіе въ ней скорбятъ и всего лишаются и учиться въ ней невозможно: потолки и печи и иное строеніе обвалилося". Патріархъ весь ушелъ въ свои личныя дѣла, строитъ свои имѣнья да отбываетъ пышныя церковныя церемоніи.

Чувствуя себя во многомъ безсильными, патріархъ и архіереи чуждались входить въ близкое соприкосновеніе съ міромъ и окружали себя большой недоступностью. Двери патріаршихъ палатъ были для рядового духовенства такъ же недосягаемы и страшны, какъ двери рая для изгнанныхъ прародителей; не то что какому-нибудь сельскому попику, а и иному настоятелю большого монастыря лишь съ трудомъ и большими усиліями удавалось дойти не до патріарха,—нѣтъ,—а всего только до патріаршаго дьяка. За своей недоступностью и недосягаемостью для рядовыхъ людей послѣдніе патріархи какъ бы прятали свое безсиліе и слабость.

Вслѣдъ за патріархомъ такъ же держали себя и многіе архіереи, „ревновавшіе о вельми жестокой славѣ", требовавшіе себѣ чести, „равной царской". Такой ревностный къ славѣ архіерей никогда не ходилъ самостоятельно и просто, а заставлялъ водить себя подъ руки и шествовалъ не иначе, какъ подъ звонъ колоколовъ. Ставленниковъ, являвшихся для поставленія въ священники, такіе архіереи не пускали въ сѣни своего дома, а держали на крыльцѣ, даже въ зимнюю стужу, по пяти и болѣе часовъ, заставляя такъ ходить и выстаивать себѣ священство цѣлыми недѣлями. По словамъ современниковъ, „самоохотная и нахальная" подручная архіерейская братія отличалась у такого архіерея „неистовымъ воровствомъ". Священниковъ, обращавшихся къ архіерею за судомъ, простые сторожа не пускали въ ворота „никоторыми мѣрами", не получивъ „гостинца". Иному беззаступному священнику добиться позволенія перейти изъ одного прихода въ другой стоило рублей 15 (т.-е. около 140 на наши деньги) на однѣ раздачи митрополичьей челяди, кромѣ пропитанія самому, да потери 20—30 недѣль. Многіе по два, по три раза пріѣдутъ въ Москву по пустячному дѣлу, пока добьются толку, межъ тѣмъ дома женѣ и дѣтямъ приходится „волочиться межъ дворъ". Патріаршему дьяку надо было дать рублей 5 или 6 деньгами, да столько же людямъ его раздать кому по полтинѣ, а кому и больше; затѣмъ въ почесть гостинцевъ надо было ему поднести: меду, рыбы, причемъ дьякъ самъ смотрѣлъ, чтобы рыба была живая; женѣ дьяка носили подношенія болѣе деликатныя—мыло грецкое и ягоды въ сахарѣ—„не по многу", на рубль тогдашній всего. Не давать нельзя: и ничего не достигнешь, да еще и поплатишься, ибо дьякъ человѣкъ сильный: такъ подведетъ, что потомъ и костей не соберешь.

Отчужденіе низшаго духовенства отъ „властей" дошло до того, что священники считали для себя недосягаемой честью, которую „страшно восхитить по собственному почину",—подойти въ церкви къ архіерейскому благословенію! Да это и дѣйствительно было страшно, ибо были архіереи, которые бранили въ церкви священниковъ самыми поносными словами во всеуслышаніе и даже позволяли себѣ своеручно зашибить до крови неугодившаго имъ священнослужителя. Плети, заключеніе въ цѣпяхъ, сажаніе на цѣпь и въ колодки—довольно обычныя слѣдствія тогдашняго архіерей-

скаго суда. И рѣдко-рѣдко на высокой чредѣ святителя встрѣчаются въ тѣ времена люди сильные духомъ, святые по жизни, какъ напр., воронежскій архіерей св. Митрофаній, св. Ѳеодосій Углицкій, св. Димитрій Ростовскій, Аѳанасій Холмогорскій, ученый мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, дѣятельный благотворитель, новгородскій митрополитъ Іовъ.

Ничего отраднаго въ смыслѣ высоты житія, какую требуетъ священный санъ, не находилось и въ средѣ низшаго духовенства. Священники въ огромномъ большинствѣ не только не могли „наизусть проповѣдывать догматы и законы св. Писанія“, но, какъ и въ XV в., многіе еле грамотѣ умѣли; и въ концѣ XVII в. тоже достаточно умѣть читать и писать, чтобы считать себя, въ смыслѣ образованности, достойнымъ іерейскаго сана. Благодаря взяточничеству архіерейской челяди, въ священники проникали люди безграмотные: дастъ такой ставленникъ, кому слѣдуетъ, то, что слѣдуетъ, выучится съ голосу двумъ-тремъ псалмамъ, и, когда архіерей заставитъ ставленника прочесть что-нибудь, услужливая рука архіерейскаго подручнаго, своевременно пріявшая мзду, подсунетъ неграмотному ставленнику псалтирь раскрытымъ на нужномъ мѣстѣ, и ставленникъ, глядя въ книгу, отхватываетъ наизусть, какъ по писанному, затверженный псаломъ, архіерей же посвятитъ его, „яко достойно и праведно разумѣющаго св. книги чести“. Отцы собора 1667 г., осуждая низкую степень образованности тогдашняго духовенства, выразились, что въ священники, въ пастыри словеснаго стада Христова, попадаютъ „сельскіе невѣжды, изъ которыхъ иные и скота пасти не умѣли“.

Невѣжественные священники грубо и невѣжественно относились къ своимъ обязанностямъ. Церковныя службы у такихъ пастырей совершались небрежно или даже совсѣмъ не совершались; такой священникъ допускалъ въ церкви читать и пѣть многогласно, чтобы скорѣе окончить службу; соглашался прочесть молитвы въ шапку, принесенную заботливымъ прихожаниномъ отъ своего домашняго, не могшаго пойти въ церковь: дома отсутствовавшій надѣнетъ на себя эту шапку въ твердой вѣрѣ, что благодать принесенной въ ней іерейской молитвы проникнетъ въ него, когда онъ плотнѣе надвинетъ свой головной уборъ на заботливо простриженное на темени гуменцо, нарочно для облегченія проникновенія благодати и устроенное. Многіе священники служили молебны „подъ дубомъ“ и потомъ срывали вѣтки и листья и раздавали ихъ народу, какъ освященные. Какія вымогательства творились при отправленіи требъ—тяжело и говорить: впослѣдствіи высшая духовная власть именовала въ своихъ указахъ это поведеніе низшаго духовенства „безстыднымъ и нахальнымъ“.

Небрежное отношеніе къ себѣ и своему сану отражалось даже на внѣшнемъ видѣ священниковъ тѣхъ временъ. По словамъ современника, „священники ходили въ гнусныхъ многошвейныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ некрашеныхъ сукнахъ, короткихъ, съ узкими рукавами и въ лаптяхъ. Иной такой пресвитеръ возложитъ на ся

одежду златотканную (церковное облаченіе), а на ногахъ лапти во всякой грязи обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ“... Не важно и поведеніе. Еще въ XVII в. жаловались на безмѣстныхъ священниковъ, кучками сидѣвшихъ у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ и на Варваркѣ, что они „безчинства чинятъ всякія, межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и въ кулачки бьются“... То же было и при Петрѣ; по крайней мѣрѣ, изданный имъ духовный регламентъ, указавъ на „нестерпимое безстудіе“ въ поведеніи духовенства, предписываетъ епископамъ смотрѣть, чтобы священнослужители хранили на себѣ благообразіе, одежду бы имѣли хоть и убогую, но чистую, и единой черной, а не иной краски, не ходили бы простоволосы, не ложились бы спать по улицамъ, не пили бы по кабакамъ, „ибо таковыя неблагообразія показуютъ ихъ быти ярыжными“...

Грубость нравовъ низшаго духовенства производитъ, по описаніямъ современниковъ, по сохранившимся дѣламъ и разслѣдованіямъ, предпринятымъ правительствомъ, удручающее впечатлѣніе. Въ духовенствѣ особенно „укоренилась сатанинская злоба безмѣрнаго хмельнаго упиванія“ съ той мелкой и хвастливой „силой и храбростію къ питію“,—по свидѣтельству тогдашняго высшаго духовнаго начальства,—которая составляетъ единственную отраду измельчавшаго, спившагося, ни на какой душевный подъемъ больше неспособнаго присяжнаго „питуха“ изъ царева кабака. Драки въ алтарѣ изъ-за молебна, т.-е. изъ-за денегъ за молебенъ, побои семейныхъ, не исключая и родного отца, подлоги и плутовство всякаго рода—вотъ въ какой рамкѣ рисуется обычный образъ пастыря и учителя петровскихъ временъ. Въ Петербургѣ въ 1713 г. одинъ священникъ пришелъ въ церковь, когда тамъ отправлялъ службу его помощникъ; увидѣвъ, что въ алтарѣ „свѣчи зажжены не по уставу“, позвалъ въ алтарь виновнаго въ этомъ упущеніи дьячка и сталъ бить его посохомъ. Въ 1720 г. священникъ избилъ дьякона, другой священникъ—прихожанку; третьяго такъ хватилъ по головѣ деревяннымъ запоромъ понамарь, что священникъ упалъ замертво. Въ 1719 г. возбудилось нѣсколько дѣлъ о священникахъ и дьяконахъ, промышлявшихъ разбоемъ. Преступленія менѣе крупныя были еще обычнѣе. Когда Петръ для установленія числа отколовшихся отъ господствующей церкви приказалъ, чтобы священники представляли списки не исповѣдывавшихся и не причащавшихся, каждый своего прихода, то было замѣчено, что священники утаивали за взятку не бывавшихъ у исповѣди и ложно показывали, что они бывали у нихъ наединѣ. Въ 1719 г. торопецкій поповскій староста, т.-е. благочинный, собиралъ деньги со своихъ подчиненныхъ поповъ будто бы на образъ, который надо поднести государю при его проѣздѣ; конечно, образъ поднесенъ не былъ, и собранныя деньги остались въ карманѣ благочиннаго. Въ 1714 г. священникъ Троицкаго собора, возвращаясь съ пріятельской вечеринки, усмотрѣлъ на мосту самостоятельно

шествовавшаго гуся; о. iерей рѣшилъ захватить птицу и погнался за ней, но, къ сожалѣнiю, это увидѣлъ хозяинъ гуся, поднялъ шумъ, и возникла очень некрасивая для настоятеля столичнаго собора исторiя о попыткѣ присвоить чужое добро. Уваженiя къ сану, который такъ недостойно носили священники, было мало; въ актахъ того времени часто встрѣчаются дѣла о священникахъ, которыхъ сильные люди и простые прихожане „безпощадно отогнали отъ церкви Божiей", били, увѣчили...

Еще непригляднѣе, грубѣе рисуется нравственный уровень чернаго духовенства петровскихъ временъ. Къ XVIII в. монастыри рѣшительно утратили то высокое культурное значенiе, съ которымъ они выступили на историческую сцену; теперь далекимъ воспоминанiемъ стала прежняя просвѣтительная дѣятельность монастырей, сохранившая на Руси грамотность, начатки просвѣщенiя, поддерживавшая лучшiе идеалы вѣры; въ область преданiй отошла и ихъ плодотворная колонизацiонная дѣятельность, превратившая въ воздѣланныя поля пустыню, населившая безлюдныя пространства, воздвигнувшая города тамъ, гдѣ прежде красовались лѣсныя дебри; давно миновало и то время, когда люди шли въ монастырь не для покоя тѣлеснаго, а на подвигъ во имя лучшихъ идеаловъ человѣчества, какъ они тогда понимались. Въ монастыри конца XVII и начала XVIII вв. идутъ не въ поискахъ душевнаго спасенiя, сюда теперь стремится всякiй сбродъ, бѣгущiй отъ труда, ищущiй дарового хлѣба, привольной жизни; за сплошной массой этихъ „тунеядцевъ", по выраженiю Петра, становятся не видны единичные подвижники—живой укоръ грустному настоящему, свѣтлое воспоминанiе далекаго прошлаго. „Богослуженiе, молитва, послушанiе, подвиги и воздержанiе,—говоритъ историкъ церковной жизни тѣхъ временъ,—уступили въ монастыряхъ первенствующее мѣсто пьянству, безначалiю, разнузданности, страсти къ наживѣ. Забывъ свои обязанности и обѣты, а можетъ-быть, по невѣжеству, и не зная ихъ, монахи въ безстрашiи пьянствовали, проводили жизнь во всякомъ безчинiи, своеволiи, безпутно волочились, ходили по кабакамъ, производили „многую вражду и мятежъ". Ростовскiй преосвященный Георгiй Дашковъ въ письмѣ царю Петру съ отчаянiемъ сообщаетъ, что въ его епархiи „чернецы спились и заворовались".

Въ погонѣ за наживой монахи не стѣснялись никакими средствами: вѣнчали браки, что нельзя имъ дѣлать по уставу, давали деньги въ ростъ подъ лихвенные проценты, заводили торговыя предпрiятiя; монастырская казна расхищалась самымъ безцеремоннымъ образомъ. Хроника тѣхъ временъ переполнена случаями ужасающими и возмущающими душу; тогдашнiе монахи вымогаютъ деньги съ насилiемъ, тогдашнiй архимандритъ бьетъ плетью заподозрѣнныхъ имъ въ кражѣ слугъ и пытаетъ ихъ, забивая имъ подъ ногти деревянныя спицы; другой архимандритъ избиваетъ чуть не до смерти посланныхъ къ нему отъ архiерея, которому онъ былъ подчиненъ; поссорившись же съ своими монахами, со-

зываетъ монастырскихъ крестьянъ и кричитъ имъ: „Бейте монаховъ, они васъ разорили!“. Въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, дьяконы во время богослуженія кидаютъ воскомъ въ служащихъ обѣдню священниковъ. „Окаянное наше время! — писалъ св. Димитрій, митрополитъ ростовскій,—окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сіяніе слова Божія! и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи небрегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо; іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многія никогда не причащаются; іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста, мы ихъ спрашиваемъ: давно причащались? — а они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, не радящіе о домѣ своемъ! Какъ могутъ радѣть о святой церкви люди, домашнихъ своихъ ко святому причащенію не приводящіе“...

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства говорятъ о сильномъ паденіи нравственности и религіозности въ Россіи петровскихъ временъ. „Пресвитеровъ хоть и много въ городѣ, — писалъ про Новгородъ тѣхъ временъ Посошковъ,—однако не пекутся, чтобы отъ погибели въ ересяхъ пасомыхъ своихъ отвратить и на правый путь направить; есть и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и потому церкви всѣ уже запустѣли. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, Устрицкомъ погостѣ, довелось мнѣ быть: у церкви три попа, а на св. Пасху только два дня литургія была; а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой недѣлѣ прежде не бывало, теперь меня поопасались и отслужили двѣ. Я такихъ стариковъ много и въ Москвѣ видѣлъ, что лѣтъ имъ 60 и болѣе, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бываютъ, и не ради раскольничества, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что, не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали“.

Куда же дѣвалась старая приверженность къ церкви, несомнѣнная въ XV, XVI и даже XVII вв.? А дѣло въ томъ, что изъ русскаго церковнаго общества петровскихъ временъ осталось при старыхъ обрядахъ, слѣдовательно внѣ вліянія господствующей церкви, очень большое сравнительно количество людей, и это были какъ разъ тѣ, которые по складу своего ума и натуры жили дѣятельной религіозной жизнью, любили мыслить и спорить на религіозныя темы, посѣщали храмы, знали кругъ церковнаго пѣнья четья и твердо держались за церковные обряды и обычаи, какъ они хранились древне-русской церковью, не допуская самой возможности какихъ-либо перемѣнъ въ нихъ. Сравнительно съ небольшой группой просвѣщеннаго духовенства, вошедшей въ московскую іерархію изъ Кіева, эти ревнители древляго благочестія были, конечно, люди отсталые, невѣжественные, грубо и первобытно мыслящіе, но въ массѣ русскихъ людей они были по-своему

передовые люди, охранители благочестія, жившіе живой религіозной мыслью. Правда, ихъ мысль сосредоточивалась на храненіи внѣшнихъ обрядовъ, но эти обряды они соблюдали и хранили даже до смерти въ силу искренняго и теплаго чувства вѣрующихъ людей. Этимъ людямъ нельзя было приказать, съ увѣренностью въ ихъ повиновеніи, вѣрить такъ, а не этакъ, молиться вотъ такъ, а не иначе, какъ это можно было дѣлать по отношенію къ безразлично-суевѣрной массѣ, утопавшей въ полномъ невѣжествѣ и совершенно не подымавшейся до вопросовъ личнаго нравственнаго совершенствованія во имя религіозныхъ побужденій.

Эта масса была достойна большинства своихъ пастырей, выходившихъ, въ концѣ концовъ, изъ ея же нѣдръ. Объ этихъ народныхъ нѣдрахъ сторонніе наблюдатели писали, какъ о чемъ-то грубомъ и невѣжественномъ, гдѣ пьянствомъ другъ передъ другомъ похваляются, а плутовство чуть ли не считаютъ доблестью. Патріархъ Адріанъ со скорбью душевной указывалъ, что у насъ, на Руси, „мужчины, женщины, юные отроки и священнаго чина люди всегда упиваются и виномъ, и табакомъ, и всякимъ питіемъ безъ сытости... Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, говоря безстыдно другъ другу: тогда-то и тогда я былъ пьянъ и церковное торжество въ праздники Господни проспалъ“... Относительно плутовства французскій посланникъ Кампредонъ писалъ уже въ концѣ царствованія Петра, послѣ того, какъ миновали годы упорной борьбы царя съ этимъ широко распространеннымъ порокомъ: „Наклоность россіянъ къ обману родится вмѣстѣ съ ними и развивается въ нихъ воспитаніемъ и примѣромъ родителей. Ихъ плодовитость въ изобрѣтеніи средствъ обманывать безконечна; не успѣютъ открыть одного, какъ они тотчасъ же выдумываютъ десять другихъ. Это главный рычагъ ихъ дѣятельности. Можно сказать, они любятъ обманъ больше жизни, ибо каждый день можно наблюдать, что пытка, претерпѣваемая одними, и конфискація воровствомъ нажитаго богатства у другихъ не въ состояніи никого удержать отъ искушенія воспользоваться самой ничтожной выгодою, которую имъ предлагаютъ въ ущербъ честности ихъ самихъ и противъ интересовъ ихъ монарха“.

Семейныя узы слабѣли: мужъ, желавшій избавиться отъ жены, призывалъ въ домъ „невѣдомаго монаха“, и тотъ за добрую мзду постригалъ неугодную жену въ монахини, не спрашивая, хочетъ ли она иноческаго чина, или нѣтъ. Вообще суть религіозныхъ поступковъ и церковныхъ дѣйствій какъ-то затуманивалась въ умахъ. Помѣщикъ, разъярившись, „билъ и увѣчилъ“ пришедшаго съ требою священника, причемъ „святыя тайны розлилъ изъ потира и топталъ ногами“. Сами архіереи въ изысканіи источниковъ на постройку новой церкви или на поновленіе старой не задумывались иногда давать свое разрѣшеніе „приискивать явленія иконъ въ пустынѣ или при источникѣ“ и объявлять такую „приисканную“ икону чудотворною, чтобы привлекать больше богомольцевъ, а съ ними пожертвованій и приношеній. Суевѣріе—

„бабье богословіе“—достигало размѣровъ невѣроятныхъ: примѣты, вѣра въ сонъ и чохъ, во всевозможныя заклинанія, наполняла жизнь, являлась замѣной религіозности въ истинномъ значеніи слова и самую религію низводила до какого-то страннаго условія чудотворенія, религіозное же чувство превращало въ напряженное ожиданіе чудесъ, выражавшееся всегда самымъ первобытнымъ образомъ. Какіе же іереи могли выходить изъ среды этого грубаго, невѣжественнаго общества? Да только такіе, какіе выходили. Духовенство петровскихъ временъ, какъ плоть отъ плоти общества и кость отъ костей его, только такимъ и могло быть, какимъ рисуютъ его дошедшіе до насъ документы.

Но отъ пастырей церкви даже самое невѣжественное общество ждетъ всегда примѣра и руководства въ жизни, и когда не находитъ, то чуждается такихъ пастырей и сторонится ихъ. Въ петровское время это отчужденіе обострялось еще рьяной проповѣдью сторонниковъ древляго благочестія, именовавшихъ іереевъ господствующей церкви антихристовыми слугами и ихъ служеніе—нечистымъ. Это отчужденіе пастырей и пасомыхъ создалось несмотря на то, что и въ описываемое время прихожане еще продолжали выбирать себѣ пастырей. Но такъ какъ теперь эти прихожане стали въ существѣ равнодушны къ дѣлу вѣры и суевѣрны, то они не искали у своего священника знанія божественныхъ писаній и дара учительства: онъ нуженъ былъ имъ только какъ исправитель привычныхъ требъ, и имъ было важнѣе всего, чтобы онъ взялся совершать требы за возможно дешевую плату. Дьячку ставили въ условіе, чтобы онъ „къ письму у всякаго государева и мірского дѣла былъ всегда готовъ“; „какъ и теперь, существеннымъ достоинствомъ дьякона былъ громкій басовой голосъ, долженствовавшій потрясать не слишкомъ нѣжное чувство русскаго человѣка и имѣвшій для него совершенно такое же значеніе, какъ большой церковный колоколъ“.

Безучастное отношеніе прихода къ духовной сторонѣ выбора, въ связи съ низкимъ уровнемъ развитія самого духовенства, въ свою очередь, превращало исполненіе требъ въ своего рода ремесло. „Что тебя привело въ чинъ священническій,—спрашиваетъ св. Димитрій Ростовскій священника своего времени:—то ли, дабы спасти себя и другихъ? Вовсе нѣтъ, а чтобы прокормить жену, дѣтей и домашнихъ... Разсмотри себя всякъ, о, священный человѣче, о чемъ думалъ ты, приходя въ чинъ духовный. Спасенія ради ты шелъ, или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Ты поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса!“

Итакъ, все въ духовномъ чинѣ было полно нестроенія и великой скудости. Церковное образованіе и просвѣщеніе народа остановилось, церковная благотворительность не существовала, духовенство въ массѣ своей не стояло выше паствы, а паства опускалась до глубинъ невѣжества, грубости, безнравственности, равнодушія къ вопросамъ вѣры, суевѣрнаго отношенія къ нимъ. Церковь, какъ носительница нравственныхъ началъ въ жизни госу-

дарства, переставала существовать, не будучи въ состояніи сама поддерживать себя и свое достоинство. „Разъединенная въ самой себѣ, лишенная реформой Никона всего того, что она привыкла считать важнѣйшимъ содержаніемъ національной вѣры, возстановившая поэтому противъ себя самыхъ горячихъ членовъ своей прежней паствы и принужденная опираться въ борьбѣ противъ нихъ не столько на сочувствіе остальныхъ и свою внутреннюю силу, сколько на содѣйствіе государственной власти, — русская церковь всецѣло предавала себя въ руки послѣдней“. И задачей государственной власти, давно уже косо смотрѣвшей на привилегіи церкви, дѣлавшія ее самостоятельной, становится—наложить свою сильную руку на эти преимущества, создававшія рѣшающее значеніе духовенства въ нѣкоторыхъ государственныхъ вопросахъ.

Въ XVII в. власть пробовала это дѣлать, но не рисковала принимать мѣры радикальныя. Привилегіи церкви, не вязавшіяся съ полнотой и всеобъемлемостью государственной власти, состояли въ правѣ землевладѣнія и суда надъ духовными лицами по всякимъ дѣламъ; поземельныя владѣнія церкви были огромны, населеніе этихъ земель, въ большинствѣ случаевъ освобожденныхъ отъ уплаты податей, было безполезно для государства; монастырскія и архіерейскія торгово-промышленныя предпріятія тоже не платили ничего въ казну, благодаря чему могли дешевле продавать свои товары, подрывая тѣмъ самымъ купечество; не прекращавшійся приростъ монастырскаго и вообще церковнаго землевладѣнія грозилъ государству огромными убытками. Еще царь Алексѣй Михайловичъ, несмотря на свою преданность церкви, пришелъ къ заключенію о необходимости поставить предѣлъ антигосударственнымъ привилегіямъ духовенства. При немъ былъ прекращенъ дальнѣйшій переходъ земель въ собственность духовенства, и признанныя тяглыми земли, очутившіяся въ рукахъ духовенства, были возвращены обратно въ тягло; судъ надъ духовенствомъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ переданъ былъ въ руки новаго учрежденія—монастырскаго приказа, нарочно для того созданнаго. Извѣстно, какіе вопли подняло противъ этихъ мѣръ тогдашнее духовенство во главѣ съ Никономъ, особенно возставшимъ противъ учрежденія монастырскаго приказа. „Что же это, Божіе достояніе и Божій судъ переписаны на царское имя?“ — спрашивалъ патріархъ Никонъ. Протестъ былъ такъ силенъ, что царь долженъ былъ уступить и согласиться съ отцами собора 1667 г., чтобы судъ надъ духовными лицами по гражданскимъ и даже уго-

Священникъ.
По гравюрѣ XVIII в.

ловнымъ дѣламъ былъ возвращенъ въ руки духовенства; послѣ собора 1675 г. упраздненъ былъ самый монастырскій приказъ.

Но вотъ на престолѣ всероссійскаго царствія водворяется крупная и энергичная личность Петра, начавшаго генеральную ломку стараго строя и обновленіе его по западнымъ образцамъ. Умъ чрезвычайно живой и практическій, мало увлекавшійся отвлеченнымъ мышленіемъ, всякую теоретизацію признававшій лишь постольку, поскольку она можетъ быть полезна практикѣ дѣла, Петръ не былъ религіознымъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ имъ его отецъ. Вопросы религіи и вѣры не были для Петра той страшной „святостью", о которой не дерзалъ свободно помыслить царь Алексѣй; въ дѣлахъ вѣры Петръ былъ рядовымъ человѣкомъ тѣхъ временъ, который хорошо зналъ кругъ церковной службы, любилъ попѣть на клиросѣ, отхватать, именно отхватать, напрягая всю силу голоса, а не прочесть, Апостола, позвонить на Пасхѣ въ колокола и тутъ же рѣзко посмѣяться надъ священнымъ чиномъ, свободно спустить съ языка обидную для духовенства поговорку, устроить шутовскую пародію на патріаршество и соборное начало въ церкви и т. п. Какъ носитель государственной идеи, Петръ не допускалъ самостоятельности духовенства въ государствѣ, а какъ реформаторъ, отдававшій жизнь дѣлу обновленія отечества, онъ не любилъ духовенство, въ массѣ котораго находилъ наибольшее число противниковъ того, что ему самому было всего святѣе и ближе. Человѣкомъ невѣрующимъ онъ не былъ, скорѣе онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого называютъ равнодушными къ дѣламъ вѣры; въ извѣстные моменты душевнаго напряженія Петръ искренно призывалъ имя Божіе; и какъ государь и какъ человѣкъ, сознавая и видя церковное нестроеніе, по его собственнымъ словамъ, онъ „на совѣсти несуетный имѣлъ страхъ, да не будетъ безотвѣтенъ и неблагодаренъ Вышнему, аще пренебрежетъ исправленіе духовнаго чина".

Архимандритъ.
По гравюрѣ XVIII в.

Еще при жизни патріарха Адріана Петръ, совсѣмъ молодой человѣкъ, ведшій, какъ извѣстно, довольно далекую отъ церковныхъ интересовъ жизнь, наполненную трудомъ и потѣхами, высказывалъ главѣ русскаго духовенства свои пожеланія относительно приведенія въ порядокъ духовнаго чина. „Священники ставятся малограмотные,—указывалъ онъ патріарху,—надобно ихъ сначала научить таинствамъ, а потомъ уже ставить въ священный чинъ. Для этого надобно человѣка и не одного, кому это дѣлать, и опредѣлить мѣсто, гдѣ быть тому. Надобно промыслить, чтобы

и православные христіане и зловѣрцы: татаре, мордва и черемисы и другіе познали Господа и законъ Его. Для того послать бы хоть нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ тамошнія школы. И здѣсь есть школа, можно бы и здѣсь объ этомъ дѣлѣ порадѣть, но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школами, какъ надобно. Нуженъ для этого человѣкъ знатный чиномъ и именемъ, богатый—и нѣтъ его. Евангельское ученіе—вотъ знаніе Божеское, больше всего нужное людямъ. Многіе желаютъ учить дѣтей своихъ свободнымъ наукамъ и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ, другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранцевъ, которые на родномъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить. Кромѣ того, иновѣрцы учатъ малыхъ дѣтей своимъ ересямъ, отчего дѣтямъ вредъ, и церкви нашей святой можетъ быть ущербъ великій, а языку нашему отъ неискусства поврежденіе. Тогда какъ въ нашей школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякому бы добру учились".

Патріархъ ничего не сдѣлалъ въ указанномъ царемъ направленіи. Онъ, какъ и его предшественникъ, чуждался новшествъ, проникавшихъ въ строй государственной и общественной жизни Россіи. Патріархъ Іоакимъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ молодому царю, „да никакоже онъ попуститъ кому изъ христіанъ съ еретиками и иновѣрцами общеніе и содружество творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалятися да повелѣваетъ". За брадобритіе онъ отлучалъ отъ церкви. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, тоже издалъ сильное посланіе противъ брадобритія. Но царь отказывался слушать патріарха, когда Адріанъ говорилъ противъ иноземныхъ обычаевъ, и велъ себя по отношенію къ главѣ духовенства такъ, что патріархъ счелъ за лучшее какъ можно рѣже видѣться съ царемъ и уѣхалъ подъ Москву, въ Николо-Перервинскій монастырь, и тамъ умолкъ. Это молчаніе дѣйствовало, можетъ-быть, сильнѣе всякихъ укоризнъ, и взаимоотношенія царя и патріарха дѣлались все хуже и хуже. Когда произошло случайно какое-то промедленіе въ постриженіи царицы Евдокіи, съ которой Петръ развелся, онъ такъ разсердился на Адріана, что тотъ, опасаясь за свою жизнь, свалилъ вину промедленія на одного архимандрита и четырехъ священниковъ, которыхъ немедленно схватили и отправили въ преображенскій приказъ. Когда происходили приготовленія къ страшнымъ казнямъ стрѣльцовъ, патріархъ не выдержалъ всеобщаго ропота, понуждавшаго его итти по старому обычаю къ царю и печаловаться за виновныхъ, поднялъ чудотворныя иконы и пришелъ крестнымъ ходомъ въ Преображенское. Петръ, завидѣвъ патріарха, страшно разгнѣвался и закричалъ: „Къ чему эти иконы? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣй отсюда вонъ и поставь иконы на ихъ мѣсто. Быть-можетъ, я больше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ".

Съ каждымъ годомъ недовольство Петра духовенствомъ все

усиливалось, такъ что онъ даже привыкъ большую часть своихъ неудачъ и затрудненій во внутреннихъ дѣлахъ приписывать тайному, но упорному противодѣйствію духовенства. Онъ съ удовольствіемъ говорилъ, что у него „большія бороды по тунеядству своему не въ авантажѣ обрѣтаются". „О, бородачи,—говорилъ онъ,—отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами; многому злу корень—старцы и попы". Когда въ представленіи Петра все противодѣйствовавшее и враждебное его реформамъ и замысламъ воплотилось въ лицѣ духовенства, онъ рѣшилъ обезвредить это противодѣйствіе, и къ этому были направлены всѣ его реформы, относящіяся къ устройству церкви. Всѣ онѣ имѣли въ виду: 1) устраненіе возможности вырасти русскому папѣ—„второму государю, самодержцу равносильному или и большему", какимъ могъ стать, а въ лицѣ патріарховъ Филарета и Никона до извѣстной степени становился, московскій патріархъ; 2) подчиненіе церкви „подъ державнаго монарха". На духовенство Петръ смотрѣлъ такъ, что оно „не есть иное государство" и должно, „наравнѣ съ другими сословіями", подчиняться общимъ государственнымъ установленіямъ. Еще при жизни патріарха Адріана Петръ самостоятельно, помимо главы духовенства, воспретилъ строить новые монастыри въ Сибири, „понеже въ Сибири монастырей мужскихъ и женскихъ, гдѣ всякаго чина православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть".

Въ половинѣ октября 1700 г. патріархъ Адріанъ, какъ сказано въ надписи на его гробницѣ, „уснулъ благонадежно на вѣчную жизнь". Петръ находился въ это время съ войсками подъ Нарвой. Здѣсь, въ лагерѣ, онъ получилъ два письма, касавшіяся положенія, созданнаго кончиной патріарха. Бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ, остававшійся на время отсутствія государя, по старому обычаю, вѣдать Москву, давалъ отчетъ о кончинѣ и погребеніи патріарха, о мѣрахъ, принятыхъ къ охранѣ имущества патріаршаго дома, и спрашивалъ: „Соборную церковь изъ архіереевъ кому изволишь вѣдать? А на Москвѣ архіереи—смоленскій, крутицкій, вятскій. А прежъ сего изволеніе твое было вѣдать холмогорскому владыкѣ, только по него не послано: изволишь ли послать? Домовыхъ святѣйшаго кому изволишь вѣдать?" Прибыльщикъ Курбатовъ, обязанный по должности своей представлять государю обо всемъ, что клонится къ прибыли и пользѣ государства, писалъ государю, что ему, царю, Господь судилъ „достояніе свое и люди свои въ житейскихъ потребахъ управляти въ правдѣ, яко отцу чады"... „Видишь,—писалъ Курбатовъ,—нынѣ и въ духовныхъ хощетъ Богъ, да ты попечешися и усмотриши"... Далѣе онъ указывалъ, что, благодаря болѣзненности патріарха, подчиненные его забрали всѣ дѣла въ свои руки и въ свою пользу вертятъ всѣмъ патріаршимъ достояніемъ, отчего во всемъ, особливо же въ управленіи патріаршими доходами, видится слабо и неисправно. И что если и теперь тѣ же лица будутъ въ управленіи, то никакого добра не будетъ. Да и вообще это не по-

рядокъ, что такое важное и большое дѣло, какъ управленіе церковью, находится въ рукахъ одного человѣка. Курбатовъ предлагалъ избрать, какъ бывало и ранѣе, для временнаго управленія патріаршимъ престоломъ архіерея, „могущаго тое управляти“, да къ нему четырехъ человѣкъ изъ монаховъ, вѣдущихъ св. Писаніе, которые завѣдывали бы избраніемъ на священныя должности. „О избраніи же, государь, патріарха, мню, достоитъ до времени обождати, да во всемъ всего самъ твое самодержавіе изволишь усмотрѣти“. Всѣ монастырскія и архіерейскія вотчины Курбатовъ совѣтуетъ переписать и отдать ихъ въ охраненіе кому-либо изъ „усердныхъ“, учредивъ для того и „особливый расправный приказъ“.

Черезъ недѣлю по возвращеніи изъ-подъ Нарвы Петръ сдѣлалъ такъ, какъ предлагалъ Курбатовъ. Блюстителемъ и управителемъ патріаршаго престола былъ назначенъ митрополитъ рязанскій и муромскій Стефанъ Яворскій, выдвинувшійся своимъ сочувствіемъ реформаторской дѣятельности Петра той поры ея развитія, о которой идетъ рѣчь. Мѣстоблюстителю св. престола были поручены въ завѣдываніе только дѣла вѣры: „о расколѣ, о противностяхъ церкви, о ересяхъ“, всѣ же прочія дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи патріарха, были распредѣлены по приказамъ, къ которымъ относились; вѣдавшій же этими дѣлами особый приказъ—патріаршій разрядъ—былъ уничтоженъ. 24 января 1701 г. возстановленъ былъ монастырскій приказъ, въ вѣдѣніе котораго отошли патріаршій дворъ, архіерейскіе дома и монастырскія земли и хозяйства; во главѣ приказа былъ поставленъ „усердный и зѣло къ государю добрый человѣкъ“, бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, да при немъ дьякъ Ефимъ Зотовъ.

Вскорѣ послѣдовалъ рядъ указовъ, рѣшительно сокращавшихъ самостоятельность духовенства въ государствѣ и независимость духовнаго чина отъ свѣтской власти. Особой чисткѣ подвергались монастыри. Монахамъ велѣно было оставаться неисходно въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ ихъ застанутъ особые переписчики, посланные монастырскимъ приказомъ; изъ монастырей выселили всѣхъ непостриженныхъ; женскимъ монастырямъ позволили постригать въ монахини только женщинъ послѣ сорокалѣтняго возраста; все хозяйство монастырей было отдано подъ надзоръ и контроль монастырскаго приказа; въ богадѣльняхъ приказано было оставить только дѣйствительно больныхъ и немощныхъ; наконецъ, указомъ 30 декабря 1701 г. опредѣлялось давать монашествующимъ денежное и хлѣбное жалованіе изъ доходовъ монастыря „въ общежитіе ихъ“, а вотчинами и угодьями монахамъ впредь не владѣть; „не ради разоренія монастырей приказывается это,—объяснялъ указъ,—но ради лучшаго исполненія монашескаго обѣта“. „Древніе монахи,—говорилось далѣе въ указѣ,—сами трудолюбивыми своими руками пищу себѣ промышляли и общежительно жили и многихъ нищихъ отъ рукъ своихъ питали, а нынѣшніе монахи не только не питаютъ нищихъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ; начальники ихъ впали въ роскошь, а подначальныхъ

держать въ нуждѣ; изъ-за вотчинъ происходятъ ссоры, убійства и обиды многія".

Рядъ дальнѣйшихъ мѣръ облегчалъ жестокость гоненій на ревнителей древляго благочестія и разрѣшалъ свободное исповѣданіе и оказательство своей вѣры иностранцамъ, какъ католикамъ, такъ и протестантамъ всѣхъ толковъ; въ основу этихъ мѣръ легъ принципъ, высказанный Петромъ, по обыкновенію отчетливо и ярко: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ". Согласно съ этимъ Петръ предписывалъ архіереямъ относиться къ противникамъ церкви съ „кротостью и разумомъ", примѣнять къ дѣлу возвращенія въ лоно церкви отколовшихся не воинскія команды, а „состязаніе" и „вразумленіе".

Для поднятія въ средѣ православной паствы общаго уровня нравственности были изданы указы, „чтобы въ городахъ и уѣздахъ всякаго чина мужеска и женска пола люди у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсягодно", причемъ за уклоненіе отъ исповѣди взимался штрафъ; мѣра эта, кромѣ цѣлей нравственнаго порядка, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, установить принадлежность данныхъ лицъ къ древлему благочестію, за что они и облагались двойнымъ налогомъ. Особыми указами, изданными въ 1718 г., предписывалось православнымъ обывателямъ непремѣнно посѣщать церкви и въ храмахъ стоять съ благоговѣніемъ и въ безмолвіи, слушая святую службу, иначе грозилъ штрафъ, взимаемый тутъ же въ церкви особымъ приставленнымъ для того „добрымъ человѣкомъ". Самъ Петръ очень любилъ ознаменовывать всѣ торжественные дни своей жизни торжественными церковными служеніями; чтеніе по городамъ извѣстія о полтавской побѣдѣ, напримѣръ, сопровождалось молебномъ и пятидневнымъ церковнымъ звономъ. „Лучшаго ради благолѣнія и чести иконъ" велѣно было художнику-архитектору при Оружейной палатѣ, Зарудному, въ званіи суперъ-интендентора, слѣдить, чтобы иконы писались благолѣпно, и чтобы художники были не пьяницы. Зарудный былъ сдѣланъ начальникомъ палаты „изуграфствъ исправленія" и подчиненъ прямо мѣстоблюстителю св. престола. Изографы (т.-е. художники-иконописцы) должны были пересмотрѣть всѣ иконы, свѣрить ихъ съ подлинниками, одобренными церковью, и наложить свидѣтельствованныя клейма со взысканіемъ пошлинъ; только иконы съ клеймами и подписью изографа допускались въ обращеніи.

Для поднятія нравственнаго уровня самого духовенства изданъ былъ наказъ архіереямъ, рекомендовавшій имъ кротость въ обращеніи съ подчиненными, учительность, осторожность въ принятіи „невѣдомыхъ гробовъ" за св. мощи и въ явленіи чудотворныхъ иконъ; запрещалось вымышлять ложныя чудеса; предписывалось не допускать юродивыхъ, „бѣснующихъ притворныхъ въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ"; указывалось далѣе архіереямъ, чтобы они въ мірскія дѣла не входили, развѣ явная

неправда будетъ,—тогда позволялось писать царю. По росписи 1710 года архіереямъ было назначено жалованье отъ одной до двухъ съ половиной тысячъ въ годъ. Еще въ 1705 году произведена была генеральная чистка духовенства, изъ состава котораго были выключены и отмѣчены въ солдаты и въ окладъ: дьячки, монастырскіе слуги, поповичи, понамари, ихъ дѣти и свойственники. Тогда же Петръ принялся за необходимый институтъ древле-русскаго благочестія—нищенство. Всѣхъ просящихъ милостыню велѣно было перехватать и для разбора и наказанія отвести въ монастырскій приказъ, причемъ всякаго чина людямъ запрещалось подавать милостыню бродячимъ нищимъ. Кого обуревала жажда подаянія милостыни, тому предлагалось подавать въ богадѣльни. Кто не слушался указа и подавалъ милостыню бродячимъ нищимъ, тѣхъ хватали и брали съ нихъ штрафъ. По улицамъ Москвы и другихъ городовъ ходили подьячіе съ солдатами и забирали и нищихъ и благотворителей.

Но подаяніе милостыни былъ такой необходимый для древне-русскаго человѣка духовный подвигъ, что грозные указы, которыхъ послѣдовало нѣсколько, не помогали. У солдатъ, хватавшихъ нищихъ, ихъ отбивали милостивцы, и солдаты доносили, что они на улицы за нищими ходить боятся, что у нихъ схваченныхъ по всѣмъ улицамъ отбиваютъ и ихъ самихъ бьютъ сильно; въ Москвѣ за Срѣтенскія ворота и въ Пушкари нечего и ходить: тамъ только подойдешь къ лежащему на землѣ нищему, чтобы взять его по царскому указу, какъ невѣсть откуда собираются съ дубьемъ пушкари и посадскіе и „съ большимъ невѣжествомъ“ кричатъ подьячимъ, чтобы они прочь шли и „божьихъ людей“ не трогали. Мало того, разъ въ богадѣльню при церкви св. архидьякона Евпла ворвались три человѣка пушкарей и увели оттуда сидѣвшихъ тамъ семь человѣкъ нищихъ, схваченныхъ незадолго до того въ Пушкаряхъ. Въ 1718 г. Петру пришлось сознаться, что, несмотря на всѣ его мѣры, число нищихъ умножилось; онъ отвѣтилъ на это драконовскими указами: нищихъ, схваченныхъ на улицахъ, приказывалось бить нещадно батожьемъ, и если они окажутся крестьяне владѣльческіе, то отсылать къ владѣльцамъ съ наказомъ этимъ послѣднимъ, чтобы они присланнаго нищаго посадили на работу, дабы онъ даромъ хлѣба не ѣлъ, а за то, что помѣщикъ допустилъ своего человѣка до нищенства, онъ долженъ былъ уплатить пять тогдашнихъ рублей штрафа. Попавшихся въ нищенствѣ второй и третій разъ было приказано бить на площади кнутомъ и отсылать мужчинъ на каторгу, женщинъ—въ шпингаузъ (прядильню), дѣтей—бить батогами и отсылать на суконный дворъ „и къ прочимъ манифактурамъ“. Нѣсколько раньше, въ 1715 г., велѣно было хватать нищихъ и отводить въ приказы для розыска. Къ 1718 г. въ Москвѣ было устроено болѣе 90 богадѣленъ, и въ нихъ жило до 4.500 нищихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, получавшихъ кормъ отъ казны. Организація благотворительной помощи дѣйствительно страждущимъ была хорошо довольно проведена въ Новгородѣ, благо-

даря самоотверженной дѣятельности митрополита Іова, одного изъ наиболѣе свѣтлыхъ представителей русской церковной іерархіи тѣхъ временъ, глубоко уважаемаго и цѣнимаго царемъ. Іовъ, по собственному почину, въ самомъ началѣ шведской войны устроилъ „многіе шпитали“, больницы, странноприіимницы, нищепитательницы, воспитательные дома. Царскій указъ тогда же одобрилъ всѣ начинанія новгородскаго владыки и рекомендовалъ сдѣлать то же во всѣхъ городахъ съ „примѣру преосвященнаго новгородскаго“.

Всѣ эти указы издавались за подписью царя и публиковались отъ его имени. Что же дѣлалъ экзархъ, блюститель и администраторъ святѣйшаго патріаршаго престола русской церкви? Надо признать, что русская исторія можетъ назвать немного еще лицъ, которыя бы жили и дѣйствовали въ болѣе трагической обстановкѣ, чѣмъ та, въ которой около 20 лѣтъ пришлось чувствовать себя митрополиту Стефану. Этому человѣку, талантливому проповѣднику, слово котораго было „твердо и солію премудрости растворено“, обладавшему богатырскимъ голосомъ, высокому и видному, сильному писателю и самостоятельному оратору, не дано было выступать въ жизни такъ же смѣло и рѣшительно, какъ на церковной каѳедрѣ. Теоретикъ и ученый, митрополитъ Стефанъ чуждался всякаго рѣзкаго и непосредственнаго столкновенія съ жизнью, и если былъ способенъ задѣть кого-либо словомъ, то всегда воздерживался превратить слово въ дѣло и до конца стоять за разъ сказанное, противное мнѣнію сильныхъ. Сказавъ что-нибудь обличительно-грозное, митрополитъ Стефанъ останавливался и, въ сознаніи собственной безпомощности, начиналъ буквально ныть и плакать передъ носителями свѣтской власти, жаловаться имъ на обидчиковъ, на нищету, на тайныхъ враговъ.

Митрополитъ Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола. 1658—1722.

Съ самаго начала своей карьеры онъ является колеблющимся человѣкомъ. 15 марта 1700 года игумену Стефану было сказано отъ патріарха, чтобы онъ, игуменъ, готовился назавтра къ нареченію въ санъ архіерейскій. Поутру 16 марта собрались архіереи въ крестовую палату патріаршаго дома для торжества нареченія, а Стефанъ не пришелъ. Послали за нимъ на малороссійское подворье; тамъ сказали, что игуменъ Стефанъ еще ранымъ-рано уѣхалъ въ Донской монастырь. Когда посланные прибыли туда, Стефанъ рѣшительно отказался ѣхать; два раза ѣздили за нимъ отъ патріарха гонцы и возвращались ни съ чѣмъ. Межъ тѣмъ ужъ часа

три продолжался благовѣстъ къ нареченію. Патріархъ разсердился, велѣлъ не выпускать Стефана изъ Донского монастыря и написалъ обо всемъ царю. Петръ отвѣтилъ патріарху, чтобы Стефанъ непремѣнно былъ рязанскимъ митрополитомъ, и... 7 апрѣля Стефанъ смиренно принялъ посвященіе. Въ 1712 году онъ разразился громовой проповѣдью противъ фискаловъ, а на другой день пишетъ царю смиренное письмо, гдѣ хотя и повторяетъ, что необычно и непристойно быть фискаламъ, но... при духовномъ судѣ только, и, кстати, проситъ разрѣшить ему удалиться на покой и принять схиму. И такъ всегда у Стефана: рѣзкій талантливый выпадъ словомъ, направленный всегда по дѣйствительной несправедливости,—и сейчасъ же реакція, отступленіе на дѣлѣ, съ замалчиваніемъ, перетолковываніемъ сказаннаго ранѣе въ болѣе мягкомъ и узкомъ смыслѣ.

Понятно, какое впечатлѣніе могъ производить на такую колеблющуюся постоянно натуру мѣстоблюстителя рѣзкій, импонирующій своей опредѣленностью, полной согласованностью слова и дѣла, энергичный и дѣятельный характеръ Петра. Сердечной близости между двумя такими личностями создаться не могло. Она и не создалась. Но Петръ все же не разставался со Стефаномъ: митрополитъ именно съ такимъ характеромъ нуженъ былъ Петру на мѣстѣ блюстителя патріаршаго престола. Надо было дать всѣмъ время привыкнуть къ отсутствію патріарха во главѣ церковнаго управленія, сохраняя пока самый престолъ, и въ лицѣ блюстителя престола имѣть человѣка, способнаго на яркое проявленіе себя словомъ, во утѣшеніе сторонникамъ патріаршества, но неспособнаго по своему характеру даже на отдаленное повтореніе исторіи Никона. Трагизмъ положенія митрополита Стефана въ томъ и заключался, что онъ въ глазахъ толпы, народа, общества, олицетворялъ великую и сильную своимъ прошлымъ, своимъ духовнымъ значеніемъ идею, а на дѣлѣ былъ всецѣло во власти державнаго и авторитета не имѣлъ никакого.

Мѣстоблюститель патріаршаго престола и въ той небольшой области духовнаго круга, которая была оставлена въ его непосредственномъ завѣдываніи, былъ довольно-таки стѣсненъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ совѣтоваться съ другими епископами, которыхъ ему предлагалось попеременно вызывать въ Москву на „чреду священнослуженія, съ ризницей, съ церковники, съ пѣвчими и съ домовыми людьми и съ запасы, безъ чего, будучи въ Москвѣ, прожить невозможно“. Результаты всѣхъ совѣщаній митрополитъ Стефанъ долженъ былъ представлять на утвержденіе государя. Это собраніе очередныхъ епископовъ изъ епархій называлось, какъ и прежде, при патріархахъ и митрополитахъ, „освященнымъ соборомъ“. Этотъ освященный соборъ въ духовныхъ дѣлахъ, а бояринъ Мусинъ-Пушкинъ съ монастырскимъ приказомъ — въ другихъ, связывали блюстителя патріаршаго престола въ его управленіи церковью по рукамъ и ногамъ. Мусинъ-Пушкинъ, въ качествѣ начальника монастырскаго приказа, всюду продвигается

Петромъ, какъ какой-то помощникъ, товарищъ, иногда чуть не начальникъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Если въ обязательномъ освященномъ соборѣ изъ ежегодно созываемыхъ поочереди архіереевъ при мѣстоблюстителѣ можно видѣть прообразъ святѣйшаго синода, то начальникъ монастырскаго приказа выступаетъ, какъ предокъ синодскаго оберъ-прокурора.

Свѣтскія власти постоянно вмѣшиваются въ духовныя дѣла и часто дѣлаютъ то, что долженъ былъ бы дѣлать Стефанъ, не извѣщая его. Не митрополитъ-мѣстоблюститель рѣшаетъ вопросы, кому быть архимандритомъ того или иного монастыря, а государь; и не митрополитъ спрашиваетъ объ этомъ царя, а фельдмаршалъ: въ 1702 году Шереметевъ между прочими „докладными пунктами“ спрашиваетъ государя,—„кому быть архимандритомъ въ псковскомъ Печерскомъ монастырѣ?“, и Петръ поставилъ резолюцію: „выбрать“, т.-е. предоставилъ это дѣло фельдмаршалу, какъ будто мѣстоблюстителя и не существовало. Мусинъ-Пушкинъ порою участвуетъ тоже въ выборѣ архіереевъ на вакантныя каѳедры. Такъ, въ 1707 г. надо было выбрать архіерея въ Холмогоры. Стефанъ представилъ царю двухъ кандидатовъ, но царь отвергъ обоихъ и велѣлъ написать Стефану, что на эту епархію надо человѣка искуснаго, ученаго, политичнаго, „понеже та холмогорская епархія у знатнаго морского порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ областей иноземцевъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично, къ чести и славѣ россійскаго государства, яко же прежде бывшій Аѳанасій архіепископъ со изряднымъ порядкомъ тамо поступалъ“. Считая представленныхъ Стефаномъ кандидатовъ не политичными, Петръ отвергъ обоихъ и велѣлъ Мусину-Пушкину „вспомоществовать“ митрополиту Стефану при выборѣ въ архіереи политичнаго лица. Мусинъ-Пушкинъ объявлялъ митрополиту всѣ повелѣнія государя, въ его вѣдѣніе отошла патріаршая типографія, сочиненіе, переводъ, изданіе книгъ; даже исправленіе Библіи, порученное главному наблюденію Стефана, шло мимо мѣстоблюстителя. Понятно, что Стефанъ тяготился своимъ положеніемъ и рвался изъ Москвы на родину, въ Малороссію, хотя бы просто монахомъ въ Печерскій монастырь, но его не пускали.

Положеніе главы русскаго духовенства стало еще тяжелѣе, когда съ 1711 года мѣсто старой боярской думы заступилъ правительствующій сенатъ. По указу объ учрежденіи сената всѣ управленія, какъ духовныя, такъ и мірскія, должны были повиноваться указамъ сената, какъ царскимъ указамъ. Сенатъ сразу овладѣлъ и верховенствомъ въ духовномъ управленіи. Съ 1711 г. блюститель патріаршаго престола не можетъ безъ сената поставить архіерея; сенатъ самостоятельно строитъ церкви въ завоеванномъ краю и самъ приказываетъ псковскому владыкѣ поставить туда священниковъ; сенатъ опредѣляетъ игуменовъ и игуменій въ монастыри, въ сенатъ направляютъ свои просьбы о позволеніи поселиться въ монастырѣ инвалиды-солдаты. Въ 1714 г. возникло

въ Москвѣ дѣло о лѣкарѣ Тверитиновѣ, обвинявшемся въ приверженности къ лютеранству. Дѣло пошло въ сенатъ, и сенатъ оправдалъ лѣкаря. Митрополитъ Стефанъ разсмотрѣлъ тогда сочиненія Тверитинова и нашелъ его мнѣнія безусловно еретическими. Снова поднялось дѣло и снова дошло до сената. На разборѣ дѣла въ сенатѣ присутствовалъ сначала и мѣстоблюститель; сенатъ высказался снова о невинности Тверитинова въ еретичествѣ; пренія господъ сенаторовъ съ митрополитомъ были очень яры и упорны. Въ маѣ 1715 г. Стефанъ подалъ царю такое донесеніе: „По твоему, великаго государя, указу велѣно мнѣ въ св. четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое началось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрестанно во всю седмицу крестопоклонную, и никто же меня тогда не изгонялъ, а нынѣ, мая въ 14 день, по прежнему указу пришелъ я въ судебную избу, и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я, плачущъ исходя изъ палаты судебной, говорилъ: бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите“...

Стефанъ не мирился съ такимъ умаленіемъ высоты духовнаго чина и въ своихъ проповѣдяхъ, витійствуя превыспренне о подвигахъ царя, время отъ времени то прямо, то косвенно старался показать и доказать всю незаконность вторженія свѣтской власти въ дѣла церкви. Но Петръ держался иныхъ взглядовъ. Еще во время своего перваго путешествія по Европѣ онъ съ большимъ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго относительно устройства русской церкви на манеръ англиканской, гдѣ государь является главой церкви. Въ 1712 г., находясь въ Виттенбергѣ, Петръ остановился передъ статуей Лютера и, какъ передаютъ, сказалъ: „Сей мужъ подлинно заслужилъ памятникъ, онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступилъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ“. Конечно, человѣкъ съ такими воззрѣніями не могъ терпѣть обличеній отъ духовной власти, считавшей себя, по крайней мѣрѣ, въ духовныхъ дѣлахъ, не ниже его. А митрополитъ Стефанъ казнилъ порой поступки царя довольно-таки жестоко. Въ знаменитой проповѣди по случаю фискаловъ Стефанъ говорилъ о произволѣ и злоупотребленіяхъ царской власти, обвинялъ несправедливыхъ носителей верховной власти въ разореніи закона Божія, въ увлеченіяхъ лютеранствомъ; въ грѣховной жизни правителей онъ видѣлъ источникъ бѣдствій государства и открыто объявлялъ такого правителя еретикомъ, отлученнымъ отъ церкви. Въ противоположность жестокому и развращенному правителю-отцу, Стефанъ—обиняхомъ, конечно—указывалъ на гонимаго и нелюбимаго имъ сына, какъ единственную надежду и защиту древнихъ святоотеческихъ и божественныхъ преданій. Стефанъ порицалъ, тоже въ иносказательной формѣ, но гласно, въ церкви, бракъ царя съ лифляндской плѣнницей. Петръ все это отлично понималъ, но, имѣя послѣ каждой смѣлой выходки

мѣстоблюстителя письмо, гдѣ Стефанъ смиренно просился на покой, подписываясь „вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій“, оставлялъ митрополита на его мѣстѣ, но не упускалъ ни одного случая выразить ему свое нерасположеніе и послѣдніе годы, начиная съ 1711 г., осыпалъ Стефана указами и указаніями на полное разстройство церкви, довольно недвусмысленно приписывая всю неурядицу Стефанову неумѣнью и нерадѣнью.

Съ 1715 г., какъ извѣстно, Петръ усиленно занятъ „гражданствомъ“. Все центральное управленіе сосредоточивается въ Петербургѣ и раздѣляется на устроенныя коллегіально вѣдомства. Конечно, Петру приходитъ мысль включить на тѣхъ же основаніяхъ въ механизмъ государственнаго управленія и управленіе церковью. И вотъ въ 1718 году мѣстоблюститель патріаршаго престола, временно пребывавшій въ Петербургѣ, получаетъ указъ его величества—„жить ему въ Петербургѣ постоянно и архіереямъ пріѣзжать поочередно въ Петербургъ же, противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали“. Стефанъ въ отвѣтъ на распоряженіе царя подалъ пункты, гдѣ выражалъ большое неудовольствіе этимъ распоряженіемъ и, по обыкновенію своему, выставлялъ дѣло такъ, что оно для него совершенно неисполнимо. „Выѣхалъ я изъ Москвы,—писалъ Стефанъ,—на почтовыхъ подводахъ, не взявъ съ собой ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди, и для скораго выѣзда порядка никакого не учинилъ, ни въ соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ, чая скораго возвращенія; нынѣ, скитаясь въ Петербургѣ, живу на наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды, и въ такомъ дворѣ, въ которомъ мнѣ немощному отнюдь жить невозможно, и ожидаю милостиваго отпуска, чтобы зимою совсѣмъ собраться и здѣсь жить вовсе, и о томъ, что великій государь укажетъ? О дворѣ было милостивое слово, написанное ко мнѣ рукою монаршескою: а дворъ для тебя будетъ готовъ! — сего милостиваго обѣщанія будетъ ли исполненіе или нѣтъ?“

Петръ отвѣтилъ мѣстоблюстителю очень рѣзко и сурово и тоже по пунктамъ. На первые два онъ писалъ: „О житьѣ здѣшнемъ уже за три года сказано, и самъ ваша милость въ просухѣ хотѣлъ быть, како я съ вами прощался на Москвѣ, а зачѣмъ въ три года не собрался и не распорядился—не знаю, ибо и болѣе того дѣлано: ѣздилъ на Украйну для освященія церкви“. Относительно двора: „мѣсто готово, а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается, а вамъ все, какъ было прежде, да еще и тамбовское епископство поддано“. Въ заключеніе, относительно вакантныхъ архіерейскихъ каѳедръ, Петръ писалъ: „выбрать на примѣръ и подать роспись; такъ же и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ монастырь (Александро-Невскій) привесть, дабы здѣсь жили, чтобы такихъ не поставить, какъ тамбовскій и ростовскій были;

а для лучшаго впредь управленія, мнится, быть удобно духовной коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно". Такъ впервые была высказана мысль о новомъ учрежденіи, которое, ставъ во главѣ управленія русской церковью, вывело ее изъ двадцатилѣтнихъ грезъ о патріаршествѣ и повело по новому пути подчиненія государству; за двадцать лѣтъ мѣстоблюстительства Стефана къ утвержденію этого подчиненія въ жизни было подготовлено все вопреки Стефану и при извѣстномъ даже противодѣйствіи съ его стороны.

Правой рукой Петра въ организаціи духовной коллегіи былъ другой малороссъ—нѣкто Өеофанъ Прокоповичъ, котораго Петръ узналъ въ 1706 году, когда онъ при закладкѣ Печерской крѣпости въ Кіевѣ говорилъ встрѣчную государю рѣчь. Къ этому времени Өеофанъ былъ уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ, прошедшимъ хорошую научную школу. Изъ Кіева, гдѣ онъ кончилъ академію, Өеофанъ, въ мірѣ Елеазаръ, попалъ въ Польшу, здѣсь сталъ уніатомъ, призналъ папу главой церкви и сталъ звать себя Елисеемъ. Изъ Польши, въ качествѣ уніата, Өеофанъ-Елисей очутился въ Римѣ, въ коллегіи св. Аөанасія, учрежденной папою Григоріемъ VII для грековъ и славянъ, удерживавшихъ восточный обрядъ. Здѣсь онъ изучалъ, „работая день и ночь", классическую литературу, археологію, философію и богословіе. Начальникъ коллегіи, іезуитъ, оцѣнилъ и полюбилъ Елисея и звалъ его въ свой орденъ. Но Елисей, пробывъ три года въ Римѣ, вернулся въ 1702 г. на родину. Здѣсь онъ отказался отъ уніатства, призналъ снова православіе и принялъ имя Өеофана. Въ 1707 г. онъ уже профессоръ философіи и префектъ кіевской академіи. Три года спустя послѣ первой встрѣчи съ государемъ, Өеофанъ привѣтствуетъ его рѣчью, какъ побѣдителя при Полтавѣ. Въ декабрѣ 1709 г. онъ говоритъ привѣтственное слово Меншикову; свѣтлѣйшій рекомендуетъ его новгородскому митрополиту Іову въ настоятели Юрьевскаго монастыря. Въ 1711 г. Өеофанъ при Петрѣ въ Прутскомъ походѣ. Въ 1715 г. Петръ зоветъ его въ Петербургъ. Въ 1716 г. Өеофанъ въ Петербургѣ. Государя здѣсь нѣтъ, онъ за границей, но всемогущій Меншиковъ выдвигаетъ на видное мѣсто кіевскаго пришельца, вѣдомаго государю съ лучшей стороны. Өеофанъ проповѣдуетъ въ Петербургѣ славу государя. Проповѣди его въ спискахъ посылаются царю, и когда Петръ въ октябрѣ 1717 г. возвращается въ свой парадизъ, Өеофанъ привѣтствуетъ его славословящей рѣчью въ Троицкомъ соборѣ. Эту рѣчь Петръ принимаетъ благосклонно, и оба, царь и архимандритъ, цѣлуютъ другъ другу руки.

Въ своихъ проповѣдяхъ Өеофанъ говорилъ: „Многіе полагаютъ, что не всѣ люди обязаны повиноваться государственной власти и нѣкоторые исключаются, а именно священство и монашество. Но это мнѣніе—тернъ, или, лучше сказать, жало, змѣиное жало, папскій духъ, невѣдомо какъ достигающій къ намъ и касающійся насъ. Священство есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое

государство". Ѳеофанъ оправдывалъ войны Петра, возбуждавшія такое недовольство въ народѣ, хвалилъ его личное мужество и самопожертвованіе въ бояхъ, защищалъ труды царя по устройству флота, указывая, „къ чему столь пространныя поля, водныя моря и безмѣрный океанъ, создалъ Богъ, какъ не къ тому, чтобы люди имѣли взаимную коммуникацію отъ конецъ до конецъ міра сего". Ѳеофанъ удивлялся величеству и великолѣпію новоцарствующаго града Петрова, прославлялъ новое устройство управленія, данное Россіи Петромъ, одобрялъ установленіе чина прокуроровъ, называя ихъ „всевидящими очами", а „фискальный чинъ" превозносилъ, какъ опредѣленный мудрымъ государемъ для того, чтобы всякое злодѣйство „аки въ земли ехидна укрытися не могло"; фабрики, заводы, монетный дворъ, аптеки, холстяныя, шелковыя и суконныя мануфактуры, бумагопрядильни, верфи, законы о ношеніи иноземной одежды, даже маскарады и ассамблеи,—все это составляло предметъ славословящаго витійства Ѳеофана. Конечно, такой человѣкъ былъ кладомъ для Петра въ духовной средѣ, и онъ увидѣлъ въ немъ того „нѣмца", который можетъ составить регламентъ и штаты духовной коллегіи. 1 іюня 1718 г., въ Троицынъ день, состоялось нареченіе Ѳеофана во епископа псковскаго, а на слѣдующій день онъ былъ посвященъ въ архіерейскій санъ въ присутствіи государя. Черезъ недѣлю Петръ обѣдалъ у Ѳеофана „со многими министрами и сенаторами" и оставался до вечера у преосвященнаго. Въ знакъ своего особаго расположенія царь подарилъ Ѳеофану парусный буеръ и весельный катеръ прекрасной работы, съ усовершенствованіями, какихъ еще ни у кого не было, и псковскій владыка, проживая въ Петербургѣ, никогда не упускалъ случая появляться на одномъ изъ жалованныхъ судовъ при торжественно-увеселительныхъ экскурсіяхъ невскаго флота такъ, чтобы царь видѣлъ морскую ревность владыки.

Поручивъ Ѳеофану составить регламентъ новаго управленія церковью, Петръ очень торопилъ псковскаго архіерея и все спрашивалъ: „Скоро ли поспѣетъ вашъ патріархъ?"—„Да уже рясу ему дошиваю!"—отвѣчалъ въ тонъ царю Ѳеофанъ. —„Добро! а у меня шапка для него готова!"—замѣчалъ царь.

10 мая 1720 года Ѳеофанъ писалъ одному своему кіевскому пріятелю: „Изготовилъ я для главной церковной коллегіи, или консисторіи, постановленіе, или регламентъ, гдѣ содержатся слѣдующія восемь главъ: 1) причины, по которымъ постоянное синодальное правленіе предпочитается управленію церкви однимъ лицомъ, т.-е. патріархомъ; 2) правила общія для христіанъ всякаго чина; 3) правила для епископовъ; 4) правила для академіи, семинаріи, также для учителей и проповѣдниковъ; 5) правила для пресвитеровъ, дьяконовъ и пр.; 6) правила для монаховъ; 7) правила для мірянъ, насколько они подлежатъ церковному управленію; 8) наконецъ, правила для самихъ президентовъ и асессоровъ коллегіи. Всѣхъ правилъ около трехсотъ. Его величество приказалъ прочесть это сочиненіе въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что, немногое

же прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы и шесть епископовъ: рязанскій, смоленскій, тверской, нижегородскій, корельскій и я, псковскій; сверхъ того, отецъ архимандритъ Александро-Невскій Θеодосій и два другихъ архимандрита. Читано было дважды въ продолженіе двухъ дней, и еще прибавлено было нѣсколько новыхъ замѣчаній. Потомъ приложили руки—съ одной стороны архіереи и архимандриты, съ другой—сенаторы. Въ заключеніе подписался самъ государь. Изготовлено было два экземпляра этого акта; одинъ отданъ для храненія въ царскій архивъ, а другой отправленъ въ Москву и другія мѣста для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ... Когда регламентъ, такимъ образомъ закрѣпленный общимъ подписаніемъ, возвратится, онъ будетъ отданъ для напечатанія, и откроется коллегія, или постоянный правительствующій синодъ, чего дай Богъ".

25 января 1721 года Петръ подписалъ манифестъ объ установленіи святѣйшаго синода. Заблаговременно созванные члены синода принесли 27-го января присягу, и 14 февраля произошло торжественное открытіе новаго управленія церковью. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано: „Сего февраля въ 14 день въ церкви Живоначальныя Троицы на литургіи было народное собраніе великое какъ духовнаго, такъ и мірского чина, при которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ, и предика была о объявленіи начинающіяся духовныя коллегіи, которую чинилъ архіепископъ псковскій. А по окончаніи оной служили молебенъ опредѣленныя быть въ той коллегіи особы".

Въ тогда же опубликованномъ при особомъ указѣ регламентѣ духовной коллегіи объяснялись, по обыкновенію Петра, причины, которыя заставили его предпочесть соборное или коллегіальное и синодальное управленіе церковью единоличному патріаршему. „Отъ соборнаго правленія можно не опасаться отечеству мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, удивляемый великою честью и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И если народъ уже самъ собою привыкъ такъ думать, то что же будетъ, когда разговоры властолюбивыхъ духовныхъ подложатъ какъ бы хвороста въ огонь? Простыя сердца такъ развращаются этимъ мнѣніемъ, что не столько смотрятъ на самодержца, сколько на верховнаго пастыря. И когда случится между ними распря, всѣ сочувствуютъ больше духовному правителю, чѣмъ мірскому, за него дерзаютъ бороться и бунтовать, и льстятъ себя тѣмъ, что борются за самого Бога и рукъ не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы шли и на пролитіе крови. Подобными мнѣніями народа пользуются люди, враждующіе противъ государя, и побуждаютъ народъ къ безза-

конію подъ видомъ церковной ревности. А что если и самъ пастырь, возгордившись такимъ о себѣ мнѣніемъ, не будетъ дремать?“ Далѣе регламентъ указываетъ историческіе примѣры того, къ чему приводило властолюбіе духовенства въ Византіи и въ другихъ государствахъ. „Когда же народъ увидитъ,—заканчиваетъ регламентъ,—что соборное правительство установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ“. Такъ вотъ, значитъ, къ чему клонилъ Петръ, учреждая для управленія россійскою церковью святѣйшій синодъ: учрежденный монаршимъ указомъ, одобренный сенатомъ, пополняемый архіереями и другими лицами высшаго духовенства каждый разъ по особому повелѣнію государя и почти всегда на срокъ, синодъ, конечно, послушное орудіе въ рукахъ верховной власти, направляемое всегда и во всемъ по ея волѣ.

Составъ святѣйшаго синода опредѣлялся по регламенту въ 12 „правительствующихъ особъ“, изъ которыхъ три непремѣнно должны были носить санъ архіерея. Какъ и въ гражданскихъ коллегіяхъ, въ синодѣ считался одинъ президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и пять асессоровъ. Въ 1726 г. эти иностранныя названія, такъ не вязавшіяся съ духовными санами засѣдавшихъ въ синодѣ лицъ, были замѣнены словами: первоприсутствующій членъ, члены синода и присутствующіе въ синодѣ. Президенту, впослѣдствіи первоприсутствующему, принадлежитъ, по регламенту, голосъ, равный съ прочими членами коллегіи, и онъ „подлежати имать суду своея братіи, то-есть, томужде коллегіумъ, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ“, ибо нѣтъ на президентѣ „великой и народъ удивляющей славы, нѣсть лишней свѣтлости и позора (т.-е. блеска), нѣсть высокаго о немъ мнѣнія“. Президентъ—это простое, скромное званіе по мѣсту, и носителю его нечего „помышлять о себѣ высоко“.

Передъ вступленіемъ въ опредѣленную ему должность, каждый членъ синода, или, по регламенту, „всякъ коллегіатъ, какъ президентъ, такъ и прочіе“, должны были „учинить присягу или обѣщаніе передъ св. Евангеліемъ“, гдѣ „подъ имѣннымъ штрафомъ анаѳемы и тѣлеснаго наказанія“ обѣщались „искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды“ и поступать во всемъ „по написаннымъ въ духовномъ регламентѣ уставамъ и впредь могущимъ послѣдовать дополнительнымъ къ нимъ опредѣленіямъ“. Вмѣстѣ съ клятвой въ вѣрности служенія своему дѣлу, члены синода клялись въ вѣрности служенія царствующему государю и его преемникамъ до „пожертвованія своею собственною жизнью“, обязывались доносить заблаговременно объ ущербѣ его величества интереса, вредѣ, убыткѣ, и въ заключеніе клятвенно должны были „исповѣдывать крайняго судію духовныя сея коллегіи, быти самого всероссійскаго монарха“. Чрезвычайно знаменателенъ конецъ этого клятвеннаго обѣщанія, составленный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и правленный Петромъ: „кленуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія мною нынѣ обѣщаваемая не инако толкую во умѣ

моемъ, яко провѣщеваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ". Надо было питать не очень много довѣрія къ клянущимся, чтобы заставлять ихъ еще какъ бы клясться въ исполненіи клятвы.

Президентомъ синода былъ назначенъ митрополитъ Стефанъ. Въ синодѣ онъ какъ-то сразу оказался чужимъ человѣкомъ, несмотря на свое президентство. На второе засѣданіе онъ уже не прибылъ, сказываясь больнымъ. По болѣзни же отказался подписать протоколъ перваго засѣданія, хотя и президентствовалъ на немъ. За весь 1721 г. Стефанъ только 20 разъ былъ въ синодѣ. Никакого вліянія на дѣла онъ не имѣлъ, да и имѣть, кажется, не хотѣлъ, глубоко не сочувствуя новому учрежденію; Стефанъ былъ не одинъ, и его-то съ единомышленниками, вѣроятно, и имѣлъ въ виду конецъ клятвеннаго обѣщанія. Были люди въ духовенствѣ, которые возлагали надежды на то, что Стефанъ подымется самъ и подыметъ ихъ противъ „антихриста", какимъ казался имъ Петръ. По одному такому дѣлу Стефана допрашивали, какъ причастнаго къ государственному преступленію; ему грозило лишеніе сана и даже смертная казнь, хотя онъ и продолжалъ оставаться президентомъ святѣйшаго синода. Неестественно-странное положеніе свое онъ такъ скорбно выразилъ въ заключеніи своего „дополненія" синоду съ просьбой о выдачѣ жалованья: „прошу всесмиренно съ нижайшимъ челопреклоненіемъ святѣйшаго синода братій моихъ и благодѣтелей премилостивыхъ. Смиренный Стефанъ, старецъ немощный".

Вице-президентомъ синода былъ назначенъ человѣкъ безусловно преданный Петру, угодливый и льстивый Ѳеодосій, только-что посвященный въ архіереи изъ настоятелей Александро-Невскаго монастыря. Выдвинулъ впередъ этого Ѳеодосія митрополитъ новгородскій Іовъ, и Ѳеодосій отплатилъ ему черной неблагодарностью. Іовъ не разъ писалъ Ѳеодосію укорительныя и увѣщательныя посланія, въ которыхъ не жалѣлъ красокъ для характеристики Ѳеодосія. „Спроси меня о себѣ, кто ты,—писалъ Іовъ Ѳеодосію,—я тебѣ скажу: ты грубъ, невоспитанъ, грубіянъ, ты дикій кабанъ, похожъ на свирѣпаго звѣря, подражаешь верблюду гнѣвливому. Этими словами не тебя называю, ты вѣдь человѣкъ, но твое непокорство и злонравіе"... Это былъ, дѣйствительно, кичливый и жадный до власти человѣкъ, признававшій только власть болѣе высокую и не упускавшій случая показать свою, какъ бы мала или велика она ни была, Ѳеодосій умѣлъ найти тѣхъ, кому его власть и значеніе могли причинить боль. Ѳеодосій былъ постоянно при государѣ, умѣлъ благословлять и одобрять все, что приказывали, ѣздилъ съ государемъ за границу, и въ Петербургѣ, несмотря на свой только архимандритскій санъ, былъ главой и судьей всего столичнаго духовенства. Самъ сенатъ обращался къ нему съ указомъ распредѣлить по церквамъ Петербурга священниковъ, вызванныхъ изъ Москвы. Недруги церковныхъ преобра-

зованій именно Θеодосія считали „совратителемъ“ царя. Самъ Θеодосій давалъ поводъ къ большимъ и соблазнительнымъ толкамъ о себѣ своей „свѣтской“ жизнью, совершенно не приличной для монаха. Θеодосія называли лютераниномъ. Люди стараго закала пѣвали въ лицо архимандриту Θеодосію стихъ изъ службы по поводу Полтавской побѣды, начинавшійся словами „врагъ креста Христова“, и говорили, что этотъ стихъ всего приличнѣе будетъ пѣть при посвященіи его въ архіереи. Учитель царевича Алексѣя, Вяземскій, написалъ этотъ стихъ „съ нотою“ и говаривалъ, что далъ бы съ радостью пять рублей пѣвчимъ, если бы они спѣли этотъ стихъ.

Митрополитъ казанскій Сильвестръ писалъ про Θеодосія, что онъ только себя любилъ, а братію весьма ненавидѣлъ; „еще же по острожелчію своему денонощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворить, всегда искій, кого бы поглотити“. Говорили про него, что онъ бралъ съ архіереевъ и архимандритовъ подарки за ходатайства при назначеніяхъ и за заступничество при непріятныхъ дѣлахъ. Это былъ типичный карьеристъ, придворный, приближенный ко двору іерархъ, который дѣлалъ карьеру, имѣя въ виду свои только выгоды и прохладное житіе, не считаясь ни съ высотой сана своего, ни съ тѣмъ значеніемъ, какое могъ бы и долженъ былъ бы имѣть, занимая высокое при государѣ мѣсто совѣтника по духовнымъ дѣламъ.

Θеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ псковскій. 1681—1736.

Составитель духовнаго регламента, Θеофанъ Прокоповичъ занялъ въ синодѣ только третье мѣсто. Какъ и Θеодосій, Θеофанъ принадлежалъ къ числу свѣтски живущихъ іерарховъ, имѣлъ лучшаго повара въ столицѣ и умѣлъ такъ принять и угостить петровскую знать, какъ развѣ только генералъ-прокуроръ Ягужинскій. Если въ лицѣ Θеодосія Петръ имѣлъ всепокорнаго исполнителя всего, что только ни прикажетъ по духовному вѣдомству, то Θеофанъ являлся въ болѣе почетной роли. Общепризнанный ум-

никъ, ученый, вкусившій плодовъ іезуитской школы, человѣкъ отъ природы очень гибкаго и сильнаго ума, Ѳеофанъ былъ призванъ Петромъ служить толкователемъ и панегиристомъ всѣхъ реформъ и дѣяній царя. Надо признать, псковскій владыка съ большимъ умомъ несъ эту трудную и отвѣтственную должность: панегирики его никогда не впадали въ полную лесть и всю свою силу сосредоточивали на дѣйствительной пользѣ той или иной реформы; только эту пользу Ѳеофанъ часто видѣлъ тамъ, гдѣ ее хотѣлъ видѣть или даже прямо указывалъ ему царь.

По устройству канцеляріи и дѣлопроизводства синодъ живо напоминалъ сенатъ и коллегіи, со всѣми заведенными въ этихъ учрежденіяхъ чинами и обычаями. Такъ же, какъ и тамъ, Петръ позаботился объ устройствѣ надзора за дѣятельностью синода. 11 мая 1722 года повелѣно было присутствовать въ синодѣ особому оберъ-прокурору. „Въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ и дать ему инструкцію, примѣняясь къ инструкціи генералъ-прокурора“. Первымъ оберъ-прокуроромъ синода былъ назначенъ полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ. Главной обязанностью оберъ-прокурора было вести всѣ сношенія синода съ гражданской властью и подавать отрицательный голосъ, когда рѣшенія синода, въ какомъ бы то ни было отношеніи, могли казаться несогласными съ общими узаконеніями. Сенатъ далъ оберъ-прокурору особую инструкцію, являющуюся почти полной копіей съ инструкціи генералъ-прокурору сената, съ замѣной лишь вездѣ выраженій: „генералъ - прокуроръ“ и „сенатъ“, выраженіями: „оберъ-прокуроръ“ и „синодъ“.

Такъ же какъ и генералъ-прокуроръ, оберъ-прокуроръ синода называется въ инструкціи „окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“, такъ же долженъ накрѣпко смотрѣть, чтобы въ синодѣ „не на столѣ только дѣла вершились, но и самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“. Заканчивалась инструкція оберъ-прокурору наставленіемъ: „лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ, однако, ежели будетъ ошибаться, то не безъ вины будетъ“. Подлежалъ въ случаѣ провинности оберъ-прокуроръ только царскому суду. Сначала власть оберъ-прокурора была исключительно наблюдательная, но такъ какъ въ существѣ власти оберъ-прокурора лежала сила, уже безповоротно поглотившая самостоятельность духовенства, то мало-по-малу оберъ-прокуроръ становится вершителемъ судебъ синода и его руководителемъ на дѣлѣ. „Въ наше время оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода пользуется столь неограниченной властью,—говорилъ въ 1857 году извѣстный писатель по церковнымъ вопросамъ А. Н. Муравьевъ,—какой не пользовался ни одинъ патріархъ: простой подписью „читалъ“ и „исполнить“ онъ рѣшаетъ самыя важныя церковныя дѣла“.

Какъ въ сенатѣ подлѣ должности прокурора стояли фискалы, такъ и въ синодѣ были поставлены фискалы духовные, называ-

вшіеся инквизиторами, съ протоинквизиторомъ во главѣ. Инквизиторы должны были тайно наблюдать за правильнымъ и законнымъ теченіемъ дѣлъ церковной жизни. Какъ и свѣтскимъ фискаламъ, инквизиторамъ въ особой инструкціи было сказано, чтобы они „ни въ какія гласъ имѣющія дѣла ни явно ни тайно не вступались и ничѣмъ до таковыхъ не касались и вообще поступали умѣренно и никакихъ продерзостей не употребляли". Канцелярія синода была устроена по образцу сенатской и такъ же подчинена оберъ-прокурору. Чтобы создать живую связь синода съ сенатомъ, при синодѣ была установлена должность агента, обязанностью котораго, по данной ему инструкціи, было „рекомендовать какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ и въ канцеляріи настоятельно, дабы по онымъ синодскимъ вѣдѣніямъ и указамъ надлежащая отправка чинена была безъ продолженія времени"; затѣмъ агентъ смотрѣлъ, чтобы синодскія вѣдѣнія, посылаемыя въ сенатъ и коллегіи, слушались прежде другихъ дѣлъ, иначе онъ долженъ былъ „президующимъ тамо персонамъ протестовать" и доносить генералъ-прокурору. Важныя бумаги, поступавшія изъ синода въ сенатъ, агентъ долженъ былъ носить самъ. Инструкція агенту кончалась наставленіемъ—„поступать ему въ званіи своемъ умѣренно и благопочтенно, дабы на св. синодъ не понесъ какого нареканія и самого себя не показалъ бы штрафованію повинна, чесо ради ему и опасаться долженствуетъ". Кромѣ агента, при синодѣ находился еще комиссаръ отъ монастырскаго приказа, вѣдавшій частыя и обширныя по своему объему и значенію сношенія этого приказа съ синодомъ; должность его во многомъ напоминала должность комиссаровъ отъ губерній при сенатѣ. Для удобства самаго завѣдыванія подлежащими вѣдѣнію синода дѣлами они были раздѣлены на четыре части. „Въ коллегіи,—гласитъ гл. VIII генеральнаго регламента,—не имѣютъ президенты особливаго труда или надзиранія, но генеральную и верховную дирекціе (или управленіе), а дѣла между совѣтниками и асессорами тако раздѣляются, что каждому, какъ изъ приходящихъ въ коллегіи дѣлъ опредѣленная часть, такъ и надъ канцеляріей и конторами и надъ дѣлами и трудами оныхъ особливое надзираніе дается, яко о томъ въ партикулярныхъ инструкціяхъ коллегіевъ пространно усмотрѣть можно". Въ синодѣ было четыре такихъ отдѣла, или конторы: контора школъ и типографій, контора судныхъ дѣлъ, контора раскольническихъ дѣлъ и контора инквизиторскихъ дѣлъ.

Новое учрежденіе, по мысли Петра, должно было немедленно взяться за исправленіе тѣхъ золъ церковной жизни, которыя такъ ярко выступили во всѣхъ сферахъ ея и съ которыми такъ безуспѣшно боролась церковь подъ руководствомъ стѣсненнаго въ своей самостоятельности, почти лишеннаго довѣрія со стороны верховной власти мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Въ духовномъ регламентѣ были указаны задачи новаго учрежденія и ярко отмѣчены тѣ недостатки церковнаго устройства и быта, съ которыми надлежало начать рѣшительную борьбу.

Всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію св. синода, регламентъ раздѣляетъ на „общія“, касающіяся всѣхъ членовъ церкви, т.-е. и свѣтскихъ и духовныхъ, и на дѣла „собственныя“, относящіяся только къ духовенству, бѣлому и черному, къ духовной школѣ и просвѣщенію; міряпъ эти дѣла касаются лишь постольку, поскольку міряне „участны суть наставленія духовнаго“. Опредѣляя общія дѣла синода, регламентъ возлагаетъ на синодъ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы среди православныхъ все „дѣлалось правильно по закону христіанскому“, чтобы ничего не было противнаго этому „закону“, и чтобы не было „скудности въ наставленіи, подобающемъ всякому христіанину“. Регламентъ перечисляетъ, „что есть важнаго“ въ дѣлахъ вѣры: сюда относится обязанность слѣдить за правильностью текста священныхъ книгъ, „вновь сложенныхъ акаѳистовъ и иныхъ службъ и молебновъ“, чтобы разныя вновь слагаемыя молитвы „со временемъ не вошли въ законъ и совѣсти бы человѣческой не отягощали“; синодъ долженъ „смотрѣть исторіи святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся, разыскивать, много бо о семъ напутано“... Затѣмъ синодъ долженъ былъ искоренять суевѣрія, начиная отъ предпочтенія однихъ богослуженій передъ другими, въ родѣ благовѣщенской обѣдни и пасхальной заутрени другимъ обѣднямъ и утренямъ, и до распространеннаго убѣжденія, что погребаемый въ Кіево-Печерской лаврѣ получитъ спасеніе, хотя бы и умеръ не покаявшись. „Духовному правительству,—читаемъ въ регламентѣ,—не подобаетъ вымысловъ такихъ терпѣть и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людямъ представлять“. Синодъ удостовѣряетъ далѣе подлинность чудесъ нововявленныхъ иконъ и мощей, наблюдаетъ за порядкомъ церковныхъ службъ и ихъ правильностью, оберегаетъ вѣру отъ пагубнаго вліянія лжеученій, для чего облекается правомъ суда надъ раскольниками и еретиками и имѣетъ цензуру надъ всѣми „исторіями святыхъ“ и всякаго рода богословскими сочиненіями, наблюдая, чтобы не прошло чего-либо противнаго православному вѣроученію; синоду же принадлежитъ категорическое разрѣшеніе „недоумѣнныхъ“ случаевъ пастырской практики въ дѣлахъ вѣры и добродѣтели христіанской.

По части просвѣщенія и образованія духовный регламентъ предписывалъ синоду слѣдить, чтобы „у насъ было довольное къ исправленію христіанскому ученіе“, для чего надлежитъ составить краткія и удобопонятныя для простыхъ людей книжки для наученія народа главнѣйшимъ догматамъ вѣры и правиламъ жизни христіанской. Проповѣдникамъ предписывалось, какъ держать себя, сказывая „предику“, т.-е. рѣчь, проповѣдь: „не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, не надобно руками сплескивать, въ боки упираться, подскакивать, смѣятися, да не надобно и рыдать: вся бо сія лишняя и неблаго-

образна суть и слышателей возмущаютъ". Запрещалось проповѣдникамъ сводить личные счеты: „Обычай нѣкимъ проповѣдникамъ есть,—читаемъ въ регламентѣ,—аще кто его прогнѣвитъ, на проповѣди своей мстить оному, хотя не именно (т.-е. не называя) терзая славу его, но такъ говоря, что можно слушателямъ знать, о комъ рѣчь есть; и таковые проповѣдники самые бездѣльники суть и оныхъ жестокому наказанію подвергать"...

Въ дѣлѣ управленія церковнымъ строемъ синодъ долженъ былъ изслѣдовать достоинство лицъ, поставляемыхъ въ архіереи; защищать церковный клиръ отъ обидъ со стороны „свѣтскихъ господъ команду имѣющихъ"; наблюдать, чтобы всякій христіанинъ пребывалъ въ своемъ званіи; синоду вмѣняется въ обязанность наставлять и наказывать погрѣшающихъ; епископы должны смотрѣть, „не безчинствуютъ ли священницы и діаконы, не шумятъ ли по улицамъ пьяны, или, что горше, въ церквахъ не ссорятся ли по мужичью"... Относительно самихъ епископовъ предписывалось: „укротить оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ-руки, пока здравы, не вожено и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись"...

Суду синода подлежали всѣ дѣла, которыя прежде подлежали суду патріаршему; по части же церковнаго имущества синодъ долженъ смотрѣть за правильнымъ употребленіемъ и распредѣленіемъ церковнаго достоянія. Таковы были дѣла „общія". Относительно дѣлъ „собственныхъ" регламентъ замѣчаетъ, что синодъ для правильнаго выполненія своей задачи долженъ знать, въ чемъ состоятъ обязанности каждаго члена церкви, т.-е. епископовъ, пресвитеровъ, дьяконовъ и прочихъ церковнослужителей, монаховъ, учителей, проповѣдниковъ, и затѣмъ посвящаетъ много мѣста дѣламъ епископовъ, дѣламъ образовательнымъ и просвѣтительнымъ и обязанностямъ міряпъ по отношенію къ церкви. Дѣла же прочаго клира церковнаго и касающіяся монаховъ и монастырей подробно изложены были нѣсколько позднѣе въ особомъ „прибавленіи къ духовному регламенту".

Это прибавленіе было составлено самимъ синодомъ и припечатано къ духовному регламенту безъ вѣдома царя. Хотя синодъ при самомъ возникновеніи своемъ и получилъ указъ государя „новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой", однако появленіе этого дополненія, составленнаго, впрочемъ, совершенно въ духѣ регламента, кажется, довольно непріятно поразило Петра, такъ какъ создавало примѣръ для будущаго; по мысли Петра, объявившаго себя судіей и дѣлъ духовныхъ, такая самостоятельность была недопустима, какъ отзывавшаяся прежде бывшей свободой поступковъ патріарха. Петръ узналъ объ этомъ прибавленіи случайно. Священникъ Казанской церкви Тимоѳей Семеновъ просилъ царя въ воспріемники своего новорожденнаго сына. Петръ охотно согласился и пріѣхалъ въ домъ священника къ таинству, послѣ котораго остался посидѣть и закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Во время трапезы шла бесѣда о дѣлахъ и вопросахъ церковныхъ,

какъ въ домѣ священника и подобаетъ. Священникъ, хозяинъ дома, говорилъ „о изрядствѣ“ изданнаго духовнаго регламента и о нѣкоторыхъ пунктахъ его, помѣщенныхъ въ прибавленіи, такъ, какъ будто эти пункты царю были совершенно извѣстны, но Петръ остановилъ хозяина и спросилъ, о чемъ собственно онъ говоритъ?— кажется, этого въ духовномъ регламентѣ нѣтъ? Священникъ сказалъ, что есть, досталъ съ полки печатное изданіе и показалъ Петру дополненіе. Тогда царь, нахмурившись, замѣтилъ: „Сего я еще не видѣлъ, и мнѣ въ докладъ на аппробацію предложено все сіе не было“. Члены синода получили выговоръ, самое прибавленіе было отмѣнено и уничтожено, и только послѣ того, какъ синодъ представилъ его царю „яко не бывшее“, его величество оное аппробовалъ, собственноручно исправивъ и дополнивъ, и повелѣлъ вновь печатать съ духовнымъ регламентомъ.

Такимъ образомъ первая попытка синода поступить самостоятельно была сразу пресѣчена. Синодъ понялъ, что онъ только орудіе свѣтской власти, приставленное къ управленію церковными дѣлами. Ликвидируя патріаршее наслѣдіе въ области пышнаго и торжественнаго штата патріаршаго двора, члены синода не рѣшаются сами распорядиться пѣвчими патріаршими; кажется, имъ хотѣлось сохранить капеллу, и они предложили государю именовать этихъ пѣвчихъ впредь государевыми. Зная, что духовный чинъ у царя не въ авантажѣ обрѣтается, члены синода предлагали, чтобы, кромѣ пѣнія въ церкви, эти пѣвчіе имѣли „дѣло“, а именно состояли „при синодѣ вмѣсто подьячихъ для письма“. На это предложеніе царь поставилъ равнодушную резолюцію: „Именоватца кажетца пристойно пѣвчіе соборной церкви. А употребить куда хотятъ, понеже, кромѣ великихъ праздниковъ, мнѣ нужды въ нихъ нѣтъ“.

Правила регламентскаго прибавленія имѣли въ виду привести въ порядокъ прежде всего бѣлое духовенство. „Достаточно наставленій, — читаемъ здѣсь, — преподалъ Господь Богъ церковному клиру чрезъ апостола Павла, но съ теченіемъ времени клиръ настолько развратился, что св. отцы нашли нужнымъ на разныхъ соборахъ издать правила, клонящіяся къ исправленію его. Въ нашей россійской церкви многія немощи существуютъ. Долгъ возлагаетъ на насъ обязанность изложить, кромѣ преподанныхъ св. отцами, особыя правила, которыя бы для епископовъ служили основаніемъ, чего требовать отъ подвластнаго имъ клира, и клиру, дабы онъ зналъ прямой путь званія своего“. Вотъ эти новыя правила, больше всего касавшіяся бѣлаго духовенства, и внесли большія перемѣны въ его общественное состояніе и положили рѣшительное начало выдѣленію духовнаго сословія изъ ряда другихъ.

При Петрѣ духовенство стало превращаться въ такое же сословіе, имѣющее свои государственныя задачи, свои права и обязанности, какъ шляхетство и горожане. „Требуя отъ всѣхъ сословій дѣйствительной службы государству, — говоритъ Н. Кедровъ, — неусыпно заботясь о томъ, чтобы ни одинъ членъ государ-

ства „въ избылыхъ отъ государственной службы не былъ“, Петръ требовалъ такого же служенія государству и отъ духовнаго чина. Онъ понималъ этотъ чинъ, какъ особый классъ въ государствѣ, на который возложены свои особенныя, специальныя и ему одному свойственныя задачи“. Петръ хотѣлъ, чтобы духовный чинъ сдѣлался органомъ религіозно-нравственнаго вліянія на народъ, находящимся въ полномъ распоряженіи государства. Путемъ созданія высшаго церковнаго управленія—синода—Петръ получилъ возможность верховнаго распоряженія церковными дѣлами. Теперь надо было и разсыпанную храмину духовенства сплотить во внѣшне-опредѣленную сословно-устроенную массу и напомнить духовенству, въ чемъ должно состоять высокое назначеніе его въ государствѣ. Образованіе другихъ сословій—шляхетства, горожанъ и крестьянъ—уже отграничило довольно опредѣленно тѣхъ, кто принадлежалъ къ духовенству. Рядъ мѣръ относительно бѣлаго духовенства имѣлъ въ виду еще больше выяснить это отграниченіе новаго сословія.

Въ древней Руси доступъ въ духовенство былъ широко открытъ для каждаго желающаго, и никакими стѣснительными постановленіями духовенство тогда связано не было: каждое духовное лицо могло оставаться или не оставаться въ духовномъ званіи, свободно переходить изъ города въ городъ, отъ служенія въ одномъ храмѣ въ другой; дѣти духовныхъ лицъ тоже ни въ чемъ не были связаны своимъ происхожденіемъ и могли избирать, какое хотѣли, поприще дѣятельности. Въ духовное званіе въ XVII в. могли вступать даже люди несвободные, и тогдашніе землевладѣльцы часто имѣли священниковъ изъ крѣпкихъ имъ людей. Въ духовенство шли охотно, потому что здѣсь больше было возможности найти заработокъ и легче избѣгалось тягло. Низшее приходское духовенство было тогда избирательнымъ. Прихожане выбирали, обыкновенно, изъ своей среды, какъ имъ казалось, подходящаго для священническаго сана человѣка, давали ему грамоту о выборѣ и посылали „ставиться“ къ мѣстному архіерею.

Московское правительство, оберегая платежныя силы государства отъ убыли, давно стало предписывать городамъ и селамъ, чтобы они на убылыя священническія и дьяконскія мѣста выбирали дѣтей или вообще родственниковъ умершихъ священнослужителей, разсчитывая, что такія лица болѣе подготовлены къ священству, чѣмъ „сельскіе невѣжды“. Общины, въ интересахъ которыхъ тоже было не терять лишнихъ соплательщиковъ, и сами старались выбирать себѣ пастырей изъ извѣстныхъ имъ духовныхъ семей. Къ XVII вѣку это уже обычай, и дѣти священнослужителей, хотя и могутъ войти путемъ службы въ любой чинъ, предпочитаютъ ждать очереди занять духовное мѣсто. Церковный клиръ оказывается поэтому чрезвычайно переполненнымъ дѣтьми духовенства, старыми и молодыми, ожидающими „мѣста“, а пока пребывающими при отцахъ и дѣдахъ священникахъ въ качествѣ понамарей, звонарей, дьячковъ и т. п. Въ 1722 г. синоду доносили,

что при нѣкоторыхъ ярославскихъ церквахъ числилось столько поповскихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внуковъ на причетническихъ мѣстахъ, что ихъ приходилось на пятерыхъ священниковъ едва ли не по пятнадцати человѣкъ.

Какъ въ XVII в., такъ и при Петрѣ очень рѣдки были приходы, гдѣ значился одинъ только священникъ, — въ большинствѣ значилось по двое и по трое; были такіе приходы, гдѣ при наличности пятнадцати дворовъ прихожанъ имѣлось по два іерея при темной, деревянной, полуразвалившейся церковкѣ. При богатыхъ церквахъ число священниковъ доходило до шести и болѣе.

Сравнительная легкость полученія сана создала въ древней Россіи бродячее поповство, такъ называемое „крестцовое". Крестцами назывались въ старой Москвѣ и другихъ городахъ мѣста пересѣченія большихъ улицъ, гдѣ всегда толпилось много народа. Въ Москвѣ особенно славились Варварскій Спасскій и крестцы. Здѣсь по преимуществу собиралось духовенство, ушедшее со своихъ приходовъ для вольнаго промысла саномъ священника и дьякона. Какой-нибудь горюнъ, настоятель церкви съ приходомъ въ два-три двора, конечно, могъ больше заработать, предлагая свои услуги тѣмъ, кто хотѣлъ отслужить молебенъ на дому, справить въ домѣ сорокоустъ, благословить поминальную трапезу и т. п.; всѣ такіе нуждающіеся въ священникѣ шли на крестецъ и здѣсь выбирали кого хотѣли. Отпускную грамоту отъ архіерея получить было легко, если даже владыка былъ и противъ: такихъ прибыльныхъ дѣлъ до него и не доводили охочіе до взятокъ и посуловъ архіерейскіе прислужники, о которыхъ регламентъ Петра безъ стѣсненія говоритъ, что они „обычнѣ бываютъ лакомыя скотины и съ великою гордостію и безстыдіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются". Въ Москвѣ петровскихъ временъ даже послѣ первой ревизіи, послѣ многихъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію крестцоваго духовенства, насчитали болѣе 150 человѣкъ зарегистрированныхъ поповъ, записавшихся въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и уплатившихъ епитрахильныя деньги, а сколько ихъ было незаписавшихся, бродившихъ по селамъ и деревнямъ, скрывавшихся по городамъ!

Конечно, существованіе такого бродячаго духовенства, при стремленіи правительства все и всѣхъ въ государствѣ записать на „службу", не могло быть терпимо, и Петръ еще въ началѣ 1700-хъ годовъ дѣлаетъ рядъ распоряженій, ограничивающихъ свободу вступленія въ духовный чинъ. Въ 1711 г. эти мѣры нѣсколько систематизируются и подтверждаются, причемъ слѣдуетъ объясненіе мѣръ къ сокращенію духовнаго чина: отъ его распространенія „государевой службѣ въ ея нуждахъ оскудѣніе умаленіе". Въ 1716 г. Петръ издалъ распоряженіе къ архіереямъ, чтобы они „не умножали священниковъ и дьяконовъ сквернаго ради прибытка, ниже для наслѣдія". Духовный регламентъ, указавъ, „что мнози въ священническій чинъ вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитанія... или бѣжа отъ службы", повторяетъ епи-

скопамъ, чтобы они „ни подъ какими видами не ставили излишнихъ священнослужителей“. Всѣ эти мѣры „изрядно притворили широко открытую прежде дверь въ духовный чинъ“. Выходъ изъ духовнаго званія былъ очень облегченъ, и Петръ благосклонно смотрѣлъ на покидавшихъ духовный санъ, давая имъ мѣста не только въ канцеляріяхъ коллегій и сената, но и самого синода. Одновременно съ заботами о количественномъ сокращеніи духовнаго чина, правительство Петра озабочено прикрѣпленіемъ его къ мѣстамъ служенія. Выдача перехожихъ грамотъ сначала очень затрудняется, а потомъ и совсѣмъ прекращается, причемъ мірскимъ лицамъ строжайше, подъ штрафомъ и наказаніемъ, запрещается принимать для исполненія требъ „волочащихся сѣмо и овамо“ поповъ и дьяконовъ. Одной изъ мѣръ къ сокращенію количества духовенства было и запрещеніе строить новыя церкви. Архіереи, принимая каѳедру, должны были давать клятвенное обѣщаніе, что „ни сами не будутъ, ни другимъ не допустятъ строить церквей свыше потребы прихожанъ“. Можно себѣ представить, какъ поражалось самочувствіе по-старому вѣровавшаго человѣка, когда онъ читалъ распоряженія о запрещеніи постройки церквей, преслѣдованіи крестцоваго духовенства, отдачѣ въ солдаты и матросы поповскихъ дѣтей,—все это шло въ разрѣзъ со старинными убѣжденіями и такъ согласовалось съ пророчествами о послѣднихъ временахъ, объ антихристовомъ царствѣ!

Самой важной мѣрой въ этомъ отношеніи, въ частности и для жизни бѣлаго духовенства, является попытка Петра „опредѣлить указнѣ число священно-церковно-служителей и такъ церкви распорядить, чтобы довольное ко всякой число прихожанъ было приписано“. Синодскимъ указомъ 1722 г. и были установлены штаты духовенства, по которымъ опредѣлялось, „дабы больше триста дворовъ и въ великихъ приходахъ не было, но числилося бы въ такомъ приходѣ, гдѣ одинъ священникъ, 100 дворовъ или 150, а гдѣ два, тамо 200 или 250. А при трехъ числилося бы до 800 дворовъ, и при толикихъ попахъ больше двухъ дьяконовъ не было бъ, а причетникамъ быть по препорціи поповъ, т.-е. при каждомъ попѣ одинъ дьячокъ и одинъ понамарь“. Этотъ штатъ предполагалось осуществить не сразу, а по мѣрѣ того, какъ будутъ вымирать лишніе церковнослужители; архіереямъ же велѣно было не ставить новыхъ священниковъ, пока имѣются въ живыхъ старые.

Установивъ штаты, Петръ подумалъ и о пропитаніи духовенства, зависѣвшаго во всемъ отъ прихожанъ. Бѣлое духовенство жило тѣмъ, что приносило ему исправленіе требъ, а при всеобщей бѣдности, да еще при несомнѣнномъ въ тѣ времена пониженіи приверженности къ церкви, эти доходы были очень невелики, и бѣлое духовенство петровскихъ временъ очень бѣдствовало. „Жалованья государева имъ, т.-е. духовнымъ, нѣтъ, — пишетъ И. Т. Посошковъ,—отъ міра имъ никакого подаянія нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться — Богъ вѣсть. Ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу

и попъ за косу... понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было итти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужикомъ пойдетъ овины сушить; гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетникомъ хлѣбъ молотить". По словамъ духовнаго регламента, Петръ хотѣлъ, чтобы, при распорядкѣ приходскихъ дворовъ по церквамъ, опредѣлить, сколько „всякій приходскій человѣкъ долженъ (вносить) причту своея церкви, такъ чтобы отъ подаянія тѣхъ весь причтъ могъ имѣть довольный трактаментъ". Но этому предположенію не суждено было исполниться ни при Петрѣ ни послѣ него, и бѣлое духовенство въ массѣ до сихъ поръ плохо обезпечено и живетъ очень нуждаясь.

Сокративъ количественно бѣлое духовенство, запретивъ и затруднивъ доступъ въ него новыхъ силъ со стороны, Петръ какъ бы замкнулъ духовное сословіе въ немъ самомъ. Тогда-то и пріобрѣли въ жизни духовенства особое значеніе кастовыя черты, характеризуемыя обязательнымъ наслѣдованіемъ сыномъ мѣста отца. „По смерти отца, служившаго священникомъ, поступалъ на его мѣсто старшій сынъ, бывшій при отцѣ дьякономъ, а на его мѣсто опредѣлялся въ дьяконы слѣдующій братъ, служившій дьячкомъ; дьячковское мѣсто занималъ третій братъ, бывшій прежде пономаремъ; если недоставало на всѣ мѣста братьевъ, вакантное мѣсто замѣщалось сыномъ старшаго брата или только зачислялось за нимъ, если онъ не подросъ, и т. п.". Это новое сословіе было приставлено Петромъ къ пастырской духовной просвѣтительной дѣятельности по закону христіанскому, однакожъ не на всей волѣ пониманія закона пастырями такъ, какъ они хотятъ, а только какъ предписываетъ понимать его государственная власть.

И на духовенство въ этомъ смыслѣ были возложены Петромъ тяжкія обязанности. При немъ священникъ не только долженъ былъ обязательно славословить и превозносить всѣ реформы, но и помогать правительству въ сыскѣ и уловленіи тѣхъ, кто поносилъ дѣятельность царя и враждебно къ ней относился. Если на исповѣди вскрывалось, что исповѣдующійся совершилъ государственное преступленіе, причастенъ къ бунту и злоумышленіямъ на жизнь государя и его семьи, то священникъ долженъ былъ подъ страхомъ казни донести о такомъ исповѣдникѣ и его исповѣди свѣтскому начальству. На духовенство далѣе была возложена обязанность разыскивать и при помощи свѣтскаго начальства преслѣдовать и ловить раскольщиковъ, уклонявшихся отъ уплаты двойныхъ податей. Во всѣхъ такихъ случаяхъ священникъ сталъ выступать, какъ подвѣдомственный свѣтской власти чиновникъ; онъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, какъ одинъ изъ полицейскихъ органовъ государства, вмѣстѣ съ фискалами, сыщиками и дозорщиками преображенскаго приказа и тайной канцеляріи; доносъ священника влечетъ за собой судъ и иногда жестокую расправу; въ этой новой приказной обязанности священника мало-по-малу затемнялся духовный характеръ его пастырской дѣятельности, и между нимъ и прихожанами создавалась болѣе или менѣе холодная и

крѣпкая стѣнка взаимнаго отчужденія, нарастало недовѣріе пасомыхъ къ пастырю. „Въ результатѣ духовенство,—говоритъ Н. П. Кедровъ,—замкнутое въ своей исключительной средѣ, при наслѣдственности своего званія, не освѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ отвнѣ, постепенно должно было ронять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и само стало оскудѣвать умственными и нравственными силами, охладѣвать, такъ сказать, къ движенію общественной жизни и ея интересамъ". Не поддерживаемое обществомъ, которое не питаетъ къ нему симпатіи, духовенство въ теченіе XVIII в. вырабатывается въ послушное и безпрекословное орудіе свѣтской власти, и уже ни о какихъ стремленіяхъ къ пастырской самостоятельности въ немъ становится не слышно до самаго послѣдняго времени.

Еще тяжелѣе пришлось отъ желѣзной руки Петра черному, монашествующему духовенству. Петръ не любилъ монаховъ; это была черта его характера, сложившаяся, можетъ-быть, подъ сильнымъ вліяніемъ раннихъ впечатлѣній дѣтства. „Страшныя сцены,—говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—встрѣтили Петра у колыбели и тревожили всю его жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши стрѣльцовъ, называвшихъ себя защитниками православія, и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черныя рясы, доходили до него страшныя, зажигательныя проповѣди, и онъ исполнился неpріязненнаго чувства къ монашеству". Множество подметныхъ писемъ, разсылавшихся изъ монастырей, „обличительныя тетрадки" и „писаньица", именовавшія Петра антихристомъ, раздавались народу на площадяхъ, тайкомъ и въявь, монахами; дѣло царицы Евдокіи, дѣло царевича Алексѣя подлили только масла на огонь ненавистнаго отношенія Петра къ монахамъ, показавъ ему, какая враждебная его государственному порядку сила скрывается за стѣнами монастырей. „Не было такого заговора противъ намѣреній Петра,—говоритъ Самаринъ,—котораго тайныя сокровенныя нити не скрывались бы въ какомъ-нибудь монастырѣ".

Подъ впечатлѣніемъ всего этого Петръ, вообще по всему своему душевному складу далекій отъ запросовъ идеалистической созерцательности и ставившій въ назначеніе жизни человѣку непрерывную практическую дѣятельность, сталъ видѣть въ монахахъ только людей праздныхъ, отъ которыхъ, по его словамъ, идутъ только разныя „забобоны (болтовня), ереси и суевѣрія". Монастырь, въ глазахъ Петра, совершенно лишнее, ненужное учрежденіе, а разъ оно еще является очагомъ смутъ и бунтовъ, то оно, по его мнѣнію, и вредное учрежденіе, которое не лучше ли будетъ совсѣмъ уничтожить?.. Но на такую мѣру не хватило и Петра. Очень рано началъ онъ, однако, заботиться о томъ, чтобы путемъ самыхъ строгихъ ограничительныхъ мѣръ стѣснить монастыри, сократить ихъ число, воспрепятствовать появленію новыхъ. Всякій указъ его, относящійся къ монастырямъ, дышитъ желаніемъ уколоть монаховъ, показать и имъ самимъ и всѣмъ всю безполезность, всю не-

нужность монашескаго житія. Еще въ 90-хъ годахъ XVII в. Петръ категорически запретилъ строить новые монастыри, а въ 1701 г. велѣлъ переписать всѣ существующіе, чтобы установить штаты монастырей. И все дальнѣйшее законодательство Петра относительно монастырей неуклонно направляется къ тремъ цѣлямъ: къ уменьшенію числа монастырей, къ установленію тяжелыхъ условій для принятія въ монашество и къ тому, чтобы дать монастырямъ практическое назначеніе, извлечь изъ ихъ существованія какую-нибудь практическую пользу. Ради послѣдняго Петръ клонилъ къ тому, чтобы обратить монастыри въ фабрики, училища, лазареты, инвалидные дома и т. п. „полезныя" государственныя учрежденія.

Духовный регламентъ подтвердилъ всѣ эти распоряженія и особенно обрушился на основаніе скитковъ и пустынножительство, которое предпринимается-де не въ цѣляхъ душевнаго спасенія, а „свободнаго ради житія, чтобы быть удалену отъ всякой власти и надсмотрѣнія и дабы на новоустрояемый скитъ собирать деньги и ими корыствоваться". Правда, въ пустынѣ спасались святые Павелъ Ѳивейскій, Антоній Великій, Макарій Египетскій, такъ вѣдь то были мужи „добрѣ въ богословіи христіанстѣй обученніе и великаго разсужденія и искусства", а у насъ кто идетъ въ пустыню?— люди „невѣжливые", а затѣмъ гдѣ же въ Россіи пустыни? „Пустынямъ прямымъ быть въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно,—говоритъ регламентъ,—ибо въ Палестинѣ, въ пустыняхъ и въ прочіихъ теплыхъ странахъ есть довольно плодовъ, чѣмъ питаться, и тако можетъ (тамъ пустынникъ) отъ міру весьма отлучитца: здѣ же безъ пашни, рыбы, огородовъ пробыть невозможно, что тайно и уединенно быть не можетъ". Такъ сводилась на нѣтъ въ регламентѣ вся исторія возникновенія сѣверно-русскихъ монастырей XIV—XV вв.

Регламентъ предписываетъ: „Весьма монахамъ празднымъ быти да не попускаютъ настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое. А добрѣ бы въ монастыряхъ завести художества, напримѣръ, дѣло столярное"... Зная, откуда шли многочисленные „тетради" и „листы", порицавшіе реформу и самого царя, Петръ рѣшилъ принять энергичныя мѣры противъ этой „мнишеской" литературы, и въ регламентѣ было помѣщено правило: „монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ никому не писать, и по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ чернилъ и бумаги не держать, понеже ничто такъ монашескаго безмолвія не разоряетъ, какъ суетныя ихъ и тщетныя письма"...

Дальнѣйшими мѣрами монахамъ предписывается жить въ монастыряхъ неисходно, всякія долговременныя отлучки иноковъ запрещаются, монахъ и монахиня могутъ выйти за стѣны монастыря только часа на два, на три, да и то съ письменнымъ разрѣшеніемъ отъ настоятеля, гдѣ за его подписью и печатью прописанъ срокъ отпуска монашествующаго. Въ концѣ января 1724 года Петръ опубликовалъ знаменитый указъ о званіи монашескомъ, объ опредѣленіи въ монастыри отставныхъ солдатъ и объ учрежденіи семинарій и

госпиталей. Этотъ указъ окончательно рѣшилъ, чѣмъ быть монастырямъ, и по обыкновенію разсказывалъ, зачѣмъ и почему предпринимается переворотъ. Монашество сохраняется только ради удовольствованія имъ тѣхъ, кои прямою совѣстью онаго желаютъ, и для архіерейства, потому что, по обычаю, архіереи могутъ быть только изъ монаховъ. „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ... понеже большая часть (монаховъ) тунеядцы суть... у насъ почитай всѣ монахи изъ поселянъ, и то, что оные оставили, явно есть: не точію не отреклись, но и приреклись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, т.-е. дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое, а гдѣ сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилежать же ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ: „молятся“, то и всѣ молятся, и сію оговорку отвергаетъ Василій святой. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину только старая пословица: ни Богу ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“. Въ заключеніе слѣдовалъ рядъ правилъ объ устройствѣ въ монастыряхъ госпиталей, школъ, о назначеніи монахамъ ходить за болящими, учить желающихъ, опекать и пригрѣвать старыхъ и немощныхъ.

Черезъ годъ Петра не стало, и этотъ указъ его не успѣлъ войти въ жизнь со всей полнотой, какъ хотѣлъ преобразователь. При обычной волокитѣ указъ какъ бы захирѣлъ и ростковъ не далъ, но онъ тяжело легъ на монастыри: изъ опекаемаго дѣтища богомольныхъ царей, лишь изрѣдка и какъ бы нехотя указывавшихъ монастырямъ на темныя стороны ихъ жизни съ цѣлью исправленія ихъ, монастыри со временъ Петра входятъ въ кругъ государственныхъ учрежденій, подлежащихъ разсмотрѣнію свѣтской власти съ точки зрѣнія ихъ надобности и полезности. Первенствующая роль ихъ въ обществѣ, какъ учителей и наставниковъ жизни, кончена.

Архіереи, пастыри словеснаго стада Христова, становятся „бѣдными“, „послушливыми пастушками“ сильныхъ міра сего. „Всемилостивѣйшій мой патроне, издревле мною дознанный добродѣю,—писалъ бѣлгородскій епископъ Епифаній кіевскому губернатору князю Д. М. Голицыну, напуганный ложнымъ доносомъ,—умилосердись надо мной сиротою, не имѣю бо жаднаго (польск. ни одного) здѣсь до себя пріятеля, кромѣ вашего, по Бозѣ, сіятельства. Не дай мнѣ напрасно отъ таковыхъ бездѣльниковъ пропасти, которые подлогомъ своимъ ищутъ главы моей, будто я укрывалъ... Слезно молю ваше сіятельство, милосердаго моего патрона, не даждь меня, бѣднаго и безпомощнаго сироту, въ таковое поруганіе, не отрини меня съ протекціи своей благодѣтельской; буди мнѣ протекторъ и защититель въ семъ нечаянномъ отъ злобнаго человѣка поношеніи и ругательствѣ, а я твой и всего высокороднаго дома твоего искренній рабъ и нощедневный богомолецъ“. Святое дерзновеніе митрополита Филиппа на поученіе въ духѣ кротости и смиренія грознаго поси-

теля свѣтской власти, гордое ученіе о превышнемъ естествѣ духовной власти надъ свѣтской патріарха Никона—канули въ невозвратное прошлое. Духовная коллегія должна болѣе повиноваться, чѣмъ учительствовать отъ себя.

Въ результатѣ духовныхъ реформъ Петра, святѣйшему синоду, если бы онъ даже и захотѣлъ проявлять свое верховенство, вопреки указаніямъ свѣтской власти, теперь стало не на кого опереться—и бѣлое и черное духовенство разгромлены и поставлены въ положеніе слугъ правительства, связанныхъ исходящими отъ него распоряженіями.

Да и самъ святѣйшій синодъ, устроенный по образцу свѣтскихъ коллегій, неминуемо долженъ былъ принять ихъ форму, сдѣлаться такимъ же „вѣдомствомъ" въ правительствѣ, какимъ были всѣ коллегіи по самому своему назначенію. Но святѣйшій синодъ не былъ простой коллегіей. Устроенный какъ коллегія, онъ стоялъ во главѣ церковныхъ дѣлъ, управлялъ церковью, божественнымъ установленіемъ, въ сути своей независимымъ отъ человѣческаго установленія—государства. Поставить синодъ на путь превращенія его въ государственное учрежденіе было въ мысляхъ Петра, но онъ думалъ сохранить при этомъ и то особое верховное въ церкви значеніе, какое имѣетъ патріархъ или церковный соборъ и котораго никакая свѣтская власть никому сообщить не можетъ. Духовный регламентъ Петра и оговаривается, что введеніе въ строй церковнаго управленія свѣтскихъ формъ не можетъ низвести святѣйшій синодъ до степени простого государственнаго учрежденія. Онъ долженъ оставаться церковнымъ установленіемъ, и духовный регламентъ утверждаетъ, что духовная коллегія, святѣйшій синодъ, есть не что иное, какъ „постоянный церковный соборъ".

Вся разница между духовной коллегіей и соборомъ, по объясненію регламента, только въ томъ и должна заключаться, что соборъ созывается на время, а духовная коллегія учреждается навсегда и дѣйствуетъ постоянно; а что соборъ называется коллегіей, такъ это только слово новое, „таковое было,—говоритъ регламентъ,—церковное синедріонъ въ ветхозавѣтной церкви въ Іерусалимѣ". Въ другихъ мѣстахъ регламента и въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи она называется „духовнымъ соборнымъ правительствомъ"; въ грамотѣ Петра къ патріарху константинопольскому говорится: „заблагоразсудили установить со властію равнопатріаршескою духовный синодъ". Самъ синодъ готовъ былъ считать, что онъ „имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую или едва ли не большую—понеже соборъ"... Восточные патріархи такъ и поняли совершившійся фактъ установленія святѣйшаго синода, признавъ, что онъ „есть и называется нашимъ во Христѣ братомъ и имѣетъ право совершать и установлять то же, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола".

Названіе „духовная коллегія" вообще скоро исчезаетъ изъ обихода, и остается титло „святѣйшій правительствующій синодъ". Слово „святѣйшій" унаслѣдовано отъ патріарха, честь, сила и

власть котораго переходили къ синоду, а „правительствующимъ" синодъ стали называть въ соотвѣтствіе съ сенатомъ, чтобы выдѣлить это духовное учрежденіе изъ ряда свѣтскихъ коллегій и тѣмъ подчеркнуть высоту значенія синода, какъ правящаго церковью постояннаго собора іерарховъ.

Но, по мысли Петра, синодъ, какъ дѣйствующій въ системѣ государственныхъ учрежденій церковный соборъ, долженъ былъ стоять и на одинаковой степени съ сенатомъ. Какъ сенатъ былъ высшимъ правительствующимъ и судебнымъ мѣстомъ въ государствѣ, такъ синодъ долженъ быть такимъ же въ области церкви. Такимъ образомъ получалось, что высшее церковное установленіе въ странѣ, которому придается характеръ постоянно дѣйствующаго собора, въ то же время и государственное учрежденіе, равное въ своей области съ сенатомъ и одинаково съ нимъ подчиненное монаршей власти. Эта двойственность, заключавшаяся въ признаніи высоты духовнаго значенія синода при явномъ стремленіи сдѣлать его орудіемъ свѣтской власти, могла мирно существовать только на бумагѣ, на дѣлѣ же высшее церковное установленіе съ его освященнымъ преданіемъ авторитетомъ, назначаемое верховной свѣтской властью, усвоившее свѣтскія формы для своего проявленія, признавшее высшимъ судіей церковныхъ дѣлъ монарха, неминуемо должно было сдѣлаться больше министерствомъ духовныхъ дѣлъ, хотя и освященнымъ, нежели соборомъ духовенства, какъ признаютъ соборъ церковные каноны. При Петрѣ все это еще не такъ ясно опредѣлилось, но впослѣдствіи стало такъ,—и вотъ тогда-то пріобрѣлъ въ синодѣ руководящее и направляющее значеніе представитель свѣтской власти—оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣд. сочиненія: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI—XVII; *Н. И. Кедровъ*, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго; *Н. Востоковъ*, Святѣйшій Синодъ и отношеніе его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при Петрѣ I; *И. Покровскій*, Русскія епархіи въ XVI—XIX в., т. I; *Б. Знаменскій*, Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра; *М. Горчаковъ*, Монастырскій приказъ; *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ; *С. Г. Рункевичъ*, Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1725 гг.); *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, часть II; Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. I—V; Полное Собраніе Законовъ, т. IV—VII, и нѣкоторыя другія книги и сочиненія.

Въ Россіи XVI—XVII вв., какъ и раньше, не существовало школы, какъ государственнаго или общественнаго учрежденія. Тогдашній русскій человѣкъ какъ-то самъ собой навыкалъ святыя книги чести, пройдя азбуку и усвоивъ механизмъ чтенія у какого-нибудь мастера, посвятившаго себя дѣлу наученія отроковъ грамотѣ. Усвоивъ механизмъ чтенія, древне русскій человѣкъ погружался въ море сначала только рукописной, а потомъ, съ появленіемъ книгопечатанія, и печатной литературы, и читалъ, читалъ, собирая въ сокровищницу своего знанія все, что имѣлось въ тогдашнемъ книжномъ мірѣ. Книги Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, отрывки изъ греческой миѳологіи, изъ Иліады и Одиссеи, эпизоды изъ исторіи Византіи особенно и изъ средне вѣковой, легенды и апокрифы, хронографы и лѣтописи — все это поглощалось любознательнымъ читателемъ по мѣрѣ того, какъ попадалось ему въ руки. При сравнительной рѣдкости книгъ, каждая попавшаяся въ руки читалась и перечитывалась, и содержаніе ея цѣлыми главами и отдѣлами укладывалось въ памяти читателя на вѣчныя времена.

Начетчикъ тѣхъ временъ—всегда человѣкъ, прочно помнящій все, что онъ прочиталъ. Такъ какъ прочитанное имъ было почерпнуто изъ книгъ „божественныхъ", то оно имѣло въ его глазахъ непререкаемый авторитетъ, замѣняющій ему собственное мнѣніе о прочитанномъ. Умъ начетчика и не былъ приспособленъ къ тому, чтобы имѣть собственное мнѣніе: по тогдашнему присло-

вію, „мнѣніе—матерь паденія“, и начетчикъ былъ великій мастеръ на то, чтобы сразу наизусть выложить любознательному слушателю все, что говорятъ по данному вопросу разныя божественныя книги, но не умѣлъ и не хотѣлъ свести многія мнѣнія въ одно. Защищая какую-либо мысль, онъ подбиралъ всѣ согласные съ нимъ авторитеты, а о несогласныхъ умалчивалъ.

Безпорядочно, безсистемно накопившіяся знанія, да и то только изъ области Священнаго Писанія, не дѣлали человѣка развитымъ, готовымъ на вопросы, скорымъ на отвѣты, мятущимся той святой жаждой спора, въ которой зарождаются и выростаютъ самостоятельныя мысли, говорятся „свои слова“. Древне-русскому человѣку, начитанному въ книгахъ божественнаго писанія, своихъ словъ и имѣть не полагалось. Привычка пользоваться готовыми святоотеческими бесѣдами, боязнь дѣлать новые самостоятельные шаги въ области вѣры и религіознаго сознанія доходили до того, что тогда запрещалось входить въ какія бы то ни было разсужденія о дѣлахъ вѣры. „До насъ поставлено,—говорили тогда въ такихъ случаяхъ,—такъ оно пусть и будетъ до скончанія вѣковъ“.

При наплывѣ иностранцевъ въ Россію XVII вѣка часто стали происходить вольныя и невольныя собесѣдованія у православныхъ съ наѣзжими католиками и протестантами о дѣлахъ вѣры. Иностранцы записали довольно много случаевъ такихъ большихъ и малыхъ споровъ по вопросамъ вѣры и единогласно утверждаютъ, что преданіе древности является у русскихъ той твердой почвой, съ которой ничто не можетъ ихъ свести. „Какъ вѣрили наши предки, такъ и мы вѣруемъ“—вотъ основа всѣхъ доказательствъ, приводимыхъ русскими. „Здѣсь такъ написано“,—скажетъ обыкновенно русскій на какое-нибудь замысловатое сопоставленіе иностранца, и на этомъ упорствѣ вѣры въ написанное замиралъ всякій споръ. Твердая искренняя вѣра въ букву не повиновалась ни малѣйшему прикосновенію къ ней знанія и разсужденія. По-своему это была горячая вѣра, но косная и неподвижная, исключавшая всякое разсужденіе по существу; такіе люди очень легко терялись и ктановились втупикъ, когда судьба наталкивала ихъ на противниковъ, вооруженныхъ, кромѣ знанія, еще умѣньемъ имъ управлять, изучившихъ искусство спорить и отличавшихся большимъ умственнымъ кругозоромъ. Конечно, исключительныя личности, въ родѣ царя Ивана, не безъ нѣкотораго успѣха вступали въ споры о вѣрѣ съ иностранцами и причиняли своей начитанностью и изворотливостью порядочные уколы и іезуиту Поссевину и протестанту Рокитѣ, но большинство до этого не подымалось, и духовникъ царя Михаила, напримѣръ, призванный, какъ ученый человѣкъ, спорить о вѣрѣ съ „попами“ принца Вальдемара датскаго, сватавшагося къ дочери царя Михаила, Иринѣ, покончилъ всѣ хитроумные вопросы „люторскихъ поповъ“ тѣмъ, что сослался на вѣру въ преданіе и слова святыхъ отцовъ, замѣтивъ, что своему разумѣнію нѣтъ здѣсь ни мѣста ни возможности проявляться.

Рядовые люди недоумѣвали и не знали, какъ быть даже при

самомъ простомъ, но только остроумно и замысловато поставленномъ богословскомъ вопросѣ. Таннеръ, чешскій дворянинъ, бывшій въ 1678 году съ польскимъ посольствомъ въ Москвѣ, разсказываетъ, какъ онъ остановилъ разъ проходившаго мимо посольскаго дома русскаго священника и спросилъ его: „Почему русскіе крестятся не такъ, какъ католики?"—и перекрестился тутъ же по католическому обряду. Русскій священникъ покачалъ неодобрительно головой, но ничего не отвѣтилъ. Тогда Таннеръ подалъ ему карандашъ и и клочокъ бумаги и попросилъ начертать крестъ. Священникъ сдѣлалъ это и при начертаніи поперечную линію повелъ слѣва направо, какъ крестятся католики. Таннеръ сейчасъ же спросилъ его: „Почему же русскіе не крестятся такъ же, какъ пишутъ кресты, т.-е. слѣва направо?" Священникъ изумился неожиданному вопросу и, пожавъ плечами, хотѣлъ уйти. Но Таннеръ удержалъ его за рукавъ, взялъ карандашъ и бумагу и начертилъ два креста, а въ срединѣ этихъ двухъ противоположныхъ крестовъ начертилъ третій, побольше:

и сказалъ священнику: „Вотъ на этомъ среднемъ крестѣ былъ распятъ Христосъ. Почему же былъ привлеченъ ко Христу разбойникъ, висѣвшій справа, а не слѣва? А потому, что крестъ съ правой стороны сообразенъ кресту Христову, такъ какъ поперечная линія этого креста, проведенная отъ лѣвой руки къ правой, ведетъ ко Христу; поэтому дьяволъ и не могъ подступить къ висѣвшему на немъ разбойнику. Но онъ легко могъ подойти къ другому кресту, который, будучи проведенъ сообразно кресту Христову, т.-е. слѣва направо, удаляется отъ Христа, а если провести его справа налѣво, то онъ не будетъ сообразенъ кресту Христову, который изображается слѣва направо, а не наоборотъ. Такимъ образомъ,—продолжалъ Таннеръ,—когда вы употребляете такой же крестъ, то вы никакъ не можете силою его отогнать дьявола, напротивъ, сами простираете къ нему руки". Изумленный священникъ пристально посмотрѣлъ на Таннера и, не умѣя опровергнуть его замысловатаго объясненія, сказалъ только одно: „Бредни твои рѣчи!"—и ушелъ. Дорогой онъ все время недоумѣнно качалъ головой, разсуждая самъ съ собой, и потомъ много разъ обращался за разъясненіями къ другимъ, теряясь въ несложныхъ выдумкахъ Таннера.

Научный багажъ, выносимый древне-русскимъ человѣкомъ не столько изъ школы, сколько изъ самостоятельнаго чтенія, былъ довольно скудноватъ. Во всѣхъ областяхъ знанія, доступныхъ

тогдашнему любителю чтенія, поражаетъ ихъ бѣднота и убожество, отсутствіе малѣйшихъ творческихъ началъ. Математическія знанія, самыя трудныя по степени усвояемости, стояли на очень и очень несовершенной степени въ древней Руси, даже у тѣхъ, кого нужда или служба заставляла этими знаніями интересоваться. Прежде всего самая система изображенія цифръ буквами алфавита, заимствованная изъ Византіи, мѣшала примѣненію всѣхъ удобствъ десятичной системы. Количества буквъ въ славянскомъ алфавитѣ хватало на изображеніе единицъ, десятковъ и сотенъ, а дальше приходилось прибѣгать къ условнымъ знакамъ: для обозначенія тысячъ приставляли къ нужной буквѣ знакъ ≠; для десятковъ тысячъ ставили тѣ же буквы въ кругѣ, для сотенъ тысячъ—въ кругѣ изъ точекъ, для милліоновъ—въ кругѣ изъ черточекъ, расходившихся лучами по окружности. Изъ четырехъ правилъ ариѳметики знали хорошо только сложеніе и вычитаніе, а умноженія и дѣленія избѣгали; дроби почти совсѣмъ не давались древне-русскому математику и были сведены на нѣсколько типичныхъ, къ которымъ и подгоняли приблизительно всякую возможную, получавшуюся на практикѣ; эти типическія дроби были: половина, треть, четверть, полчетверти ($^1/_8$), полтрети ($^1/_6$), полполчетверти ($^1/_{16}$) и полполтрети ($^1/_{12}$), полполполчетверти ($^1/_{32}$) и полполполтрети ($^1/_{24}$); сложеніе и вычитаніе дробей представлялось почти неисполнимой трудностью; не зная приведенія къ одному знаменателю, старинный нашъ математикъ придумалъ такую хитрость: приравнивалъ наименьшую дробь единицѣ, остальныя выражалъ кратными числами и такимъ образомъ дѣйствіе надъ дробями замѣнялъ дѣйствіями надъ цѣлыми числами! Съ XVI вѣка появляются своеобразные учебники ариѳметики, составленные по польскимъ образцамъ; въ этихъ учебникахъ излагаются всѣ четыре дѣйствія какъ надъ цѣлыми числами, такъ и надъ дробями, и даже даются восторженныя свѣдѣнія о „золотой строкѣ“ — это не что иное, какъ простое тройное правило; сообщается оно въ руководствѣ, какъ нѣкій магическій, чудодѣйственный секретъ, во внутреннія же основанія его авторъ войти не умѣетъ, онъ только разсказываетъ, какъ надо написать „золотую строку“, куда поставить разныя условія задачи и какія дѣйствія произвести.

Послѣ ариѳметики большимъ почетомъ въ ряду математическихъ знаній пользовалась геометрія. Подъ этимъ словомъ разумѣли тогда не совсѣмъ то, что разумѣемъ мы, и въ понятіи русскихъ людей XVI и XVII вв. „гіомитрія“ на дѣлѣ ближе къ основному смыслу своего названія, чѣмъ у насъ; тогда „гіомитріей“ называли то, что мы бы назвали скорѣе землемѣріемъ: это и было въ сущности искусство мѣрить землю, основанное на правилахъ, выработанныхъ древней практикой, часто не только безъ всякаго участія положеній Эвклида, а вопреки имъ. Это было то же самое землемѣрное искусство, съ тѣми же ошибками и недоразумѣніями, какое въ свое время господствовало и въ древнемъ

Египтѣ, и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ средневѣковой Европѣ. Невѣрныя представленія вытекали изъ самыхъ способовъ и орудій измѣренія площадей: единственнымъ орудіемъ издавна была „вервь"—веревка. При измѣреніяхъ земельныхъ участковъ площадь всякаго треугольника приравнивали къ площади прямоугольнаго и сообразно съ этимъ опредѣляли, т.-е. получали ее, какъ произведеніе одной стороны на половину другой. Площадь четыреугольника и круга приравнивали къ площади прямоугольника съ равнымъ периметромъ, для чего въ неправильномъ четыреугольникѣ брали среднюю ариѳметическую длину двухъ противоположныхъ сторонъ и множили ее на такую же полусумму двухъ другихъ сторонъ. Какъ можно думать, еще въ XVI в. были составлены особыя руководства для землемѣровъ, извѣстныя подъ названіемъ „книги сошнаго письма". Это были сборники различныхъ разработанныхъ примѣровъ и случаевъ, которые могутъ встрѣтиться на практикѣ; въ книгѣ приведены всѣ ариѳметическія выкладки, которыя могли бы понадобиться мѣрщикамъ, сдѣланы таблицы выкладокъ, приведены чертежи. Заглавіе одной такой книги гласитъ: „Книга сошному письму десятинной и четвертной пашни и землемѣріе государевыхъ дворцовыхъ селъ, и черныхъ волостей, и помѣстныхъ, и вотчинныхъ, и монастырскихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ земель, болшаго числа и до мелкихъ дробей. И сводъ сошному и вытному пису, и полевой четверти, и хлѣбной клади окладъ, росписано противъ денежнаго числа въ мелкіе дроби. И верстѣ мѣрной тысячи саженъ смѣта длинникомъ и поперешникомъ росписано въ десятинную и четвертную пашню порознь по статьямъ".

Разбирать опредѣленія и выкладки этихъ руководствъ чрезвычайно трудно, благодаря своеобразнымъ, часто совершенно неожиданнымъ пріемамъ вычисленій; изслѣдованіе этихъ книгъ, по словамъ изучавшихъ ихъ, производитъ впечатлѣніе, точно онѣ были переписаны людьми, которые совсѣмъ не понимали, что переписывали, и безнадежно перепутали и переврали чертежи и выкладки. Какъ разбирался во всемъ этомъ старинный русскій землемѣръ— его тайна.

Астрономическія познанія древней Руси, поскольку ихъ можно называть астрономическими, носили тоже прикладной характеръ, вытекали, такъ сказать, изъ календарныхъ нуждъ. Для опредѣленія времени переходящихъ праздниковъ надо было знать „кругъ луны" и „кругъ солнца". До конца XV в. оріентироваться было легко, благодаря „пасхаліи", составленной еще въ первыя времена христіанства. Въ XV в. ожидалась кончина міра, потому что эта древняя пасхалія кончалась 1480 годомъ. Руководствуясь старой пасхаліей, ея пріемами и расчетами, митрополитъ Зосима составилъ новую. Тогда же возникли особые сборники правилъ, какъ пользоваться таблицами пасхалій.

Относительно другихъ отдѣловъ астрономіи и космографіи господствовали мнѣнія египетскаго монаха Козьмы Индикоплова,

т.-е. пловца въ Индію, жившаго въ VI вѣкѣ. Этотъ Козьма рѣшительно опровергалъ тѣхъ, кто „осмѣливаются схоластическими умозаключеніями объяснить фигуру и положеніе міра, доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба и хотятъ геометрическими вычисленіями, на основаніи затменій солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли“. „Конечно, они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, но отъ этого міру мало пользы; отъ подобныхъ знаній рождается гордость“; „надо не самому собой и не своими мнѣніями поучатися, а Божественными писаніи“. По ученію Козьмы, земля имѣетъ форму четыреугольной плоскости, длина которой вдвое больше ширины, потому что такова была форма престола въ святая святыхъ, устроеннаго Моисеемъ Боговидцемъ наподобіе земли; земля стоитъ на своемъ основаніи, ибо сказано: „Ты утвердилъ землю на ея основаніи“. Земную плоскость окружаетъ океанъ, за которымъ есть еще земля, потому что въ Писаніи сказано: „Кто перейдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога?“. Тамъ былъ и рай. На краю этой заокеанской земли подымается высочайшая стѣна, которая наверху закругляется и образуетъ небесный сводъ; у самаго начала закругленія свода растянута, какъ скатерть, небесная твердь, отдѣляющая отъ земли небо съ пребывающимъ тамъ Вседержителемъ, ангелами Его и святыми. Небесныя явленія, по ученію другого астрономическаго и космографическаго авторитета древней Руси — кипрскаго монаха Епифанія (IV в.), производятъ ангелы: они управляютъ движеніями свѣтилъ, они собираютъ трубами морскую воду, чтобы пустить ее въ видѣ дождя на землю.

Съ конца XV вѣка въ кругъ космографическихъ представленій древней Руси входитъ средневѣковое ученіе о девяти небесахъ, окружающихъ землю, о сферахъ, по которымъ движутся планеты, о вліяніи планетъ на людей, знаніе чего даетъ возможность предсказывать событія въ жизни людей и народовъ по положенію планетъ относительно созвѣздій. Противъ этихъ астрономическихъ мнѣній горячо ратовали тогдашніе первые авторитеты научной мысли съ Максимомъ Грекомъ во главѣ; основываясь на ученіи Козьмы, они говорили: „Если небо движется и влечетъ своимъ движеніемъ солнце, луну и звѣзды на западъ, то, стало-быть, боговдохновенное Писаніе ложно глаголетъ: „поставилъ небо, какъ шатеръ“ или камору, т.-е. твердо, неподвижно“. Въ XVII вѣкѣ астрологическія теоріи все-таки получили нѣкоторое распространеніе въ Москвѣ, благодаря кіевскимъ ученымъ, которые познакомили тогдашнюю русскую публику и съ новыми астрологическими объясненіями кометъ, затменій, небесныхъ круговъ, грома, молніи, познакомили со знаками зодіака и т. д. Всѣ эти новшества, однако, не очень-то легко принимались, и руководящими мнѣніями въ области астрономіи и космографіи считались попрежнему мнѣнія Козьмы и Епифанія.

Естественно-научныя познанія древней Руси были взяты изъ Византіи, а тамъ они не подымались выше того уровня, ко-

торый получился въ первые вѣка христіанства. Естественно-научныя свѣдѣнія почерпались изъ сборника повѣствованій этого рода „Физіолога“, начавшаго создаваться очень давно, еще въ III вѣкѣ по Р. Х. Въ сборникѣ этомъ были сосредоточены наблюденія надъ физической жизнью человѣка и животныхъ, сдѣланныя еще древними авторами, но выборка ихъ наблюденій въ „Физіологѣ“ была произведена христіанскими писателями и съ спеціальной цѣлью — сопоставить ихъ съ текстами Св. Писанія и убѣдить читающихъ, что все въ мірѣ создано такъ, какъ гласитъ Св. Писаніе, и все славитъ Бога своимъ существованіемъ, и во всемъ свидѣтельствуется явно или иносказательно Его святая воля и предуказаніе. Съ другой стороны, естественно-научные интересы сосредоточивались на чудесномъ и сказочномъ изъ животнаго міра, и потому не столько удовлетворяли запросы знанія, сколько возбуждали и поддерживали чисто фантастическія представленія о мірѣ странныхъ животныхъ и незнаемыхъ людей.

Особый интересъ вызывала къ себѣ у московскихъ людей одна небольшая область въ естествознаніи, имѣвшая большое прикладное значеніе, именно лѣчебно-лѣкарственная. Тутъ было сравнительно много наблюденія и опытовъ, а также приложенія этихъ опытовъ къ человѣческому организму въ тѣхъ выводахъ и формахъ, которые соотвѣтствовали тогдашнему общему представленію о человѣческомъ организмѣ. Въ основѣ теоріи древне-русской медицины лежало очень старинное ученіе о четырехъ основныхъ жидкостяхъ человѣческой природы, соотвѣтствующихъ четыремъ стихіямъ міра. Эти стихіи, созданныя Богомъ, — земля, огонь, вода и воздухъ. Богъ создалъ землю, Онъ же сказалъ: „Да будетъ совѣтъ“, т.-е. огонь; бездна, надъ которой до дня творенія носилась тьма, — это вода; а Духъ Божій, носившійся надъ водою, — это воздухъ. Человѣкъ — малый міръ — устроенъ по образцу большого міра; и какъ большой міръ состоитъ изъ четырехъ вещей - огня, воды, воздуха и земли, такъ и малый міръ — человѣкъ — состоитъ изъ четырехъ же стихій: крови, мокроты или флегмы, красной желчи и черной желчи. Кровь подобна воздуху — мокра и тепла; флегма подобна водѣ — мокра и студена; красная желчь подобна огню — суха и тепла; черная желчь, какъ земля — суха и студена. Если всѣ стихіи находятся въ равновѣсіи, человѣкъ бываетъ здоровъ; если равновѣсіе ихъ нарушается, наступаетъ болѣзнь. „Каждому возрасту и каждому времени года соотвѣтствуютъ свои болѣзни, которыя могутъ быть предупреждены соотвѣтственной діэтой. У отроковъ пятнадцати лѣтъ „умножается кровь“, то же состояніе вызываетъ весна, потому что она тепла и мокра; въ человѣкѣ тридцати лѣтъ умножается красная желчь, какъ и лѣтомъ, потому что оно тепло и сухо; въ совершенномъ мужѣ, около 45 лѣтъ, умножается черная желчь, какъ и осенью, потому что осень суха и студена; въ старцѣ умножается флегма, сирѣчь мокрота, какъ и зимой, ибо зима мокра и студена“. Каждому изъ этихъ состояній соотвѣтствуетъ особое настроеніе: подвижное и легко мѣняющееся въ отрокѣ — отъ из-

бытка крови, бодрое и рѣшительное въ молодомъ человѣкѣ—отъ избытка красной желчи, „благостоятельное“ въ зрѣломъ мужѣ—отъ черной желчи, тоскливое и печальное въ старцѣ—отъ флегмы.

Сопоставленіе малаго міра—человѣка—и большого міра—мірозданія—приводило къ установленію зависимости человѣческаго состоянія отъ свѣтилъ мірозданія, планетъ. „Какая планета ближе къ душѣ рождающагося человѣка, отъ той онъ и пріемлетъ рожденіе. Однѣ планеты студенаго свойства, другія влажнаго, третьи сухого, четвертыя горячаго. Тѣ же естества получаетъ человѣкъ, рождающійся при соотвѣтственномъ положеніи планетъ въ моментъ его рожденія. Человѣкъ естества теплаго и влажнаго бываетъ разговорчивъ и высказывается скоро; человѣкъ естества сухого и горячаго—дерзокъ, храбръ и непостояненъ въ своихъ привязанностяхъ; человѣкъ студенаго и сухого естества—молчаливъ и важенъ; человѣкъ естества студенаго и влажнаго неподвиженъ и печаленъ“. На этихъ сопоставленіяхъ и заключеніяхъ покоился цѣлый рядъ всевозможныхъ житейскихъ и врачебныхъ предписаній, которыми опредѣлялось не только, когда что лучше слѣдуетъ ѣсть, но и когда кому какія дѣла предпринимать. Въ связи съ этимъ распредѣленіемъ стояла цѣлая система ученія о лѣкарственныхъ травахъ и веществахъ, умѣнье собирать и приготовлять которыя было цѣлымъ искусствомъ, по-своему очень разработаннымъ. Начала медицинской науки въ полномъ смыслѣ, какъ ее уже понималъ Западъ XVII в., начинаютъ проникать къ намъ лишь со второй половины XVII в.; проводниками ея являются тѣ врачи-иностранцы, которыхъ выписывалъ для своихъ надобностей и для нуждъ войска дворъ, но ихъ наука не имѣла вѣры у большей части общества, которое всецѣло раздѣляло еще описанныя воззрѣнія.

Запросы въ области гуманитарныхъ наукъ—грамматики, риторики и діалектики—удовлетворялись очень отрывочно и случайно, и говорить о нихъ до появленія въ Москвѣ учениковъ кіевской академіи не приходится. Больше удовлетворялись запросы въ области исторіи, предметъ которой послѣ религіозныхъ сюжетовъ былъ любимѣйшимъ предметомъ изученія у читавшихъ людей древнерусскаго общества. Множество своихъ лѣтописей, переводныя съ греческаго всемірныя хроники, такъ называемые хронографы, давали обильный матеріалъ любознательному читателю. Къ XVII вѣку мы уже имѣемъ образцы хронографовъ, довольно далекихъ въ своемъ изложеніи отъ безсистемныхъ погодныхъ лѣтописныхъ записей фактическихъ данныхъ; въ нихъ появляется уже извѣстная прагматичность изложенія, видна система въ выборѣ фактовъ и чувствуются опредѣленныя цѣли изложенія: религіозное возвеличеніе исторіи и извѣстная политическая тенденція, объясняющая весь ходъ исторіи, какъ слѣдствіе распоряженій и законодательства государей, сердца коихъ въ руцѣ Божіей; черезъ государей самъ Богъ правитъ судьбами людей. На этой основной мысли построенъ и древнѣйшій учебникъ русской исторіи, появившійся около 1674 г.,

такъ называемый „Синопсисъ". „Весь ходъ русской исторіи объясненъ въ этомъ руководствѣ систематически, какъ слѣдствіе распоряженій ея государей, касавшихся формы правленія; по этой теоріи первоначальная Русь была единой монархіей и процвѣтала только какъ таковая. На ряду съ религіознымъ героемъ русской исторіи Владиміромъ Святымъ, здѣсь выдвигается другой герой, политическій, Владиміръ Мономахъ, въ качествѣ наслѣдника византійскихъ императоровъ и единовластителя, боровшійся противъ ошибочнаго распоряженія Ярослава о раздѣлѣ страны, разбившаго ее на удѣлы, слѣдствіемъ чего было раздѣленіе юго-западной Руси и Новгорода съ сѣверомъ и порабощеніе татарами центра. Новый мудрый актъ воли Ивана III уничтожаетъ удѣлы и все съ ними связанное, ведущее къ раздору и слабости, слѣдствіемъ чего является сила государства, владѣя которой Иванъ III освобождаетъ Русь отъ татаръ и окончательно утверждаетъ благодѣтельное единовластіе". Тогдашніе мемуаристы, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, напримѣръ, и авторы различныхъ сказаній, какъ Авраамій Палицынъ, подымались и нѣсколько выше стариннаго религіознаго представленія о ходѣ исторіи и уже задавали себѣ смѣлые вопросы: „За что мечъ гнѣва Божія такъ долго поражалъ Россію въ періодъ смуты, и чьи грѣхи навлекли на насъ этотъ гнѣвъ Божій?" Находили и отвѣтъ: „За грѣхи царей, которые грѣшили, и за грѣхи народа, который молчалъ, повиновался и не обличалъ грѣшныхъ царей въ ихъ жестокихъ поступкахъ; небесная кара постигла русскую землю „за всего міра безумное молчаніе, еже о истинѣ къ царю не смѣюще глаголати о неповинныхъ погибели"...

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, тотъ образовательный багажъ, тѣ знанія, то вытекающее изъ нихъ просвѣщеніе, какихъ могъ достичь тогдашній русскій человѣкъ въ лучшемъ случаѣ, при наличіи исключительнаго стремленія къ наукѣ и просвѣщенію. Что этого было мало, чувствовали уже и тогда. Столкновеніе съ иностранцами въ области религіозныхъ споровъ, техническихъ знаній, умѣнья жить показывало это каждый день воочію съ тѣхъ поръ, какъ умудренное горькимъ опытомъ войны московское правительство открыло широко двери въ свое государство для иноземцевъ, которыхъ сотнями призывали для устройства арміи, заводовъ, лѣчебницъ, аптекъ и т. д., потому что Москва не создала ничего въ отмѣченныхъ областяхъ, что могло бы стать вровень съ западными образцами, кромѣ удивительно дисциплинированныхъ и покорныхъ царской волѣ людей, изъ которыхъ призванный нѣмецъ не безъ успѣха выдѣлывалъ сносныхъ рейтаровъ, солдатъ, заводскихъ рабочихъ, аптекарей, переводчиковъ техническихъ книгъ, актеровъ и т. д. Всѣ эти работники различныхъ спеціальностей создавались путемъ выучки ихъ учителями съ показу, на практикѣ, и никакого общеобразовательнаго основанія въ эту выучку ихъ учителя не клали. Потребность въ систематической школьной подготовкѣ сказывалась тогда больше въ другихъ сферахъ.

Случившіяся замѣшательства въ церкви, вызванныя стремле-

ніями правительства исправить старинные недостатки по указаніямъ ученыхъ кіевлянъ, особенно наполнившихъ Москву около времени присоединенія Малороссіи, вызвали желанія имѣть свои источники новой науки, посвятивъ въ нее здѣсь же, у себя въ Москвѣ, своихъ людей. Такъ возникъ вопросъ объ устройствѣ школы на новыхъ началахъ, какъ въ Кіевѣ, слѣдовательно какъ въ Европѣ, отъ школы которой богословская школа Кіева отставала мало. Еще въ 1640 году самъ Петръ Могила, преобразователь кіевской академіи, предложилъ московскому правительству основать въ Москвѣ монастырь изъ монаховъ кіевскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы эти монахи учили москвичей „грамотѣ греческой и славянской". Въ Москвѣ на это предложеніе промолчали, и правительство долго еще продолжало усиленно выписывать знающихъ богословіе и языки кіевлянъ и грековъ для предпринимавшагося печатанія и исправленія богослужебныхъ книгъ. Мысль Петра Могилы была осуществлена въ 1648 — 1649 гг. частнымъ человѣкомъ — окольничимъ Ѳ. М. Ртищевымъ, большимъ любителемъ науки и чтенія. Близъ Воробьевыхъ горъ онъ построилъ монастырь и пригласилъ въ него на жительство кіевскихъ монаховъ. Теперь „хотящіе внимати" новому ученію могли подъ руководствомъ монаховъ Ртищевскаго монастыря учиться грамматикѣ словенской и греческой, риторикѣ и философіи. Ртищевъ самъ былъ первымъ слушателемъ и ученикомъ кіевскихъ ученыхъ, за нимъ пошли другіе, и маленькое просвѣтительное дѣло жило полной жизнью. Двое изъ обучавшихся достигли такихъ успѣховъ и такъ увлеклись ученіемъ, что выхлопотали черезъ Ртищева позволеніе доучиваться по-латыни въ Кіевѣ.

Просвѣтительное дѣло братьевъ Ртищевскаго монастыря началось и продолжалось при большомъ идейномъ возбужденіи въ тогдашней русской интеллигенціи, имѣвшемъ два направленія. Первое, конечно, возникло и сосредоточилось около вопроса о новомъ просвѣщеніи вообще. Сторонники старой „простоты" отрицали новую школу совершенно, какъ ненужное мудрованіе. „Полезнѣе ли намъ учиться грамматикѣ, риторикѣ, философіи и богословію и оттуда познавать божественныя писанія, или же, не учась этимъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождать и изъ чтенія познавать разумъ святыхъ писаній?" Вотъ какъ ставили вопросъ люди, отрицательно относившіеся къ наукѣ въ вопросахъ вѣры. „Не высокоумствуйте, братіе,—гласитъ одно поученіе, исходившее изъ этихъ круговъ,—но во смиреніи пребывайте... Если кто тебѣ скажетъ, знаешь ли философію, ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ; учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить"... Высотѣ науки и знанія эти люди противопоставляли, такимъ образомъ, христіанское смиреніе, а изученію богословія—дѣятельную заботу объ очищеніи души отъ грѣховъ. Люди этого закала сторонились отъ кіевскихъ „нехаевъ", видѣли въ нихъ еретиковъ, высокоумныхъ

латынниковъ, и, въ предостереженіе себѣ и другимъ, сложили про любителей кіевскаго просвѣщенія поговорку: „Кто латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился".

Сторонники другого направленія, т.-е. школы, просвѣщенія, науки, далеко не представляли собою единаго сплоченнаго ядра. Ихъ было и немного вообще, и это немногое, раздѣлившись, очень косо посматривало другъ на друга. Основой розни было исконное предубѣжденіе русскаго общества противъ „латынства", обостренное въ данное время воспоминаніями объ еще такъ недавно минувшей Смутѣ и питавшееся тѣми чувствами вражды, которыя возбуждались при постоянныхъ войнахъ съ латынщиками-поляками. Это предубѣжденіе было настолько сильно, что Петръ Могила въ своемъ упомянутомъ выше предложеніи московскому правительству, прекрасно зная, что высшая школа строится вся на основѣ латинскаго знанія, не упомянулъ о необходимости учиться и латыни, а говорилъ только о грамматикѣ словенской и греческой, чтобы не смущать чуравшееся латинства московское православіе. Противники латыни и сторонники вообще знанія думали пріобрѣтать научныя знанія изъ эллинскихъ источниковъ, чуждаясь латинскихъ. Но кіевскіе монахи убѣдительно доказывали, что безъ знанія латыни нельзя учиться, нельзя вооружиться оружіемъ, которое было бы равносильно тому, съ какимъ выступали проповѣдники папежскихъ, люторскихъ и кальвинскихъ заблужденій. На необходимость латыни указывалъ московскому правительству и образованный грекъ, митрополитъ города Газы, Паисій Лигаридъ, призывавшій царя Алексѣя создать школу греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ. Во главѣ латинскаго направленія сталъ южно-русскій пришелецъ Симеонъ Полоцкій, которому въ науку даны были правительствомъ четверо молодыхъ подьячихъ, чтобы учиться „по-латынямъ" и грамматикѣ. Для науки былъ построенъ даже особый домъ. Человѣкъ очень ученый и просвѣщенный, Симеонъ Полоцкій прошелъ къ 1668 году со своими учениками весь курсъ тогдашняго богословскаго факультета, или академіи, и такъ увлекъ своихъ слушателей, что они изъ невольныхъ студентовъ стали охотными, и одинъ изъ нихъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій подьячій приказа Тайныхъ дѣлъ, бросилъ службу, отказался отъ карьеры, сулившей ему успѣхъ и большія выгоды, постригся въ монахи и сдѣлался ярымъ поборникомъ латинской школы въ Москвѣ.

Во главѣ сторонниковъ греческаго просвѣщенія стоялъ тоже воспитанникъ кіевской академіи, но окончившій ее до того, какъ она стала работать по реформированной Петромъ Могилой на латинскій ладъ программѣ. Это былъ монахъ Епифаній Славинецкій, вызванный въ Москву для перевода съ греческаго богослужебныхъ книгъ. Около Епифанія создалась тоже небольшая школа, и изъ нея тоже вышелъ не очень ученый, но очень ревностный сторонникъ эллинскаго начала въ школѣ, нѣкто Евѳимій, чудовскій монахъ. И эллинисты и латинисты одинаково признавали, что въ Москвѣ

должна быть высшая богословская школа,—того требуетъ и величіе государства, и его роль единственнаго на свѣтѣ свободнаго православнаго царства, и самое время, смутное и тяжкое для церкви, расколовшейся надвое; нужна высшая богословская школа и для общества, въ которомъ наступило „въ вѣрѣ колебаніе и ересей прозябаніе отъ неискусныхъ нашея вѣры, римскія, люторскія и кальвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ“.

Вопросъ сводился къ языку, на которомъ должно было вестись преподаваніе, а слѣдовательно насаждаться опредѣленный типъ науки. Сторонники эллинскаго начала утверждали, что для русскихъ можетъ быть полезна и нужна только греческая школа, и вотъ почему: изъ Греціи пришло на Русь христіанство, по-гречески написанъ Новый Завѣтъ и большинство произведеній отцовъ церкви; на греческомъ языкѣ написаны и труды великихъ философовъ; греческій языкъ „ближе“ къ славянскому и „свойственнѣе“ ему, а потому и легче усваивается русскими, чѣмъ латинскій, который привелъ западныхъ братій нашихъ въ унію и вообще грозитъ искаженіями православному ученію, какъ языкъ папежскій. Сторонники латинскаго языка отвѣчали на это, что греческій языкъ, дѣйствительно, былъ когда-то языкомъ ученыхъ и философовъ, но что теперь и сами греки не могутъ обойтись безъ латинской науки; нѣтъ больше греческой науки, и на всемъ свѣтѣ у всѣхъ народовъ одна только латинская наука и одинъ языкъ этой науки—латинскій; кто не будетъ его изучать, тотъ науки не постигнетъ, выучится только греческія книги читать.

Сильвестръ Медвѣдевъ „молилъ“ царя Ѳеодора Алексѣевича построить въ Москвѣ академію, а пока выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе продолжать дѣло Симеона Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и здѣсь съ 1682 г. преподавалъ желающимъ „грамоту словенскаго ученія и латыни“. Въ 1686 г. у Сильвестра было 23 ученика. Эллинисты, съ своей стороны, открыли школу при типографіи и учили греческому языку; у нихъ было въ 1686 г. 67 человѣкъ учащихся, т.-е. въ три раза больше, чѣмъ у латиниста Сильвестра. И латинисты и эллинисты порознь стремились къ тому, чтобы именно ихъ школа была сдѣлана академіей. Чтобы добиться этого, пускалось въ дѣло все: и интриги, и подкупъ, и сплетня. Правительство то уступало одной сторонѣ, то слушало другую, и наконецъ рѣшило такъ: ни латинисты ни эллинисты во главѣ новой созидаемой школы не станутъ, а назначитъ въ нее преподавателей константинопольскій патріархъ. Въ 1685 г. и пріѣхали въ Москву рекомендованные патріархомъ ученые братья Іоанникій и Софроній Лихуды, прирожденные греки, но высшее образованіе получившіе въ Венеціи и Падуѣ. Они начали обучать „греко-латинскому книжному писанію“ наиболѣе подготовленныхъ учениковъ школы при типографіи. Въ 1687 г. школа Лихудовъ была переведена во вновь отстроенныя палаты при Заиконоспасскомъ монастырѣ, и въ нее включены были и ученики Медвѣдева.

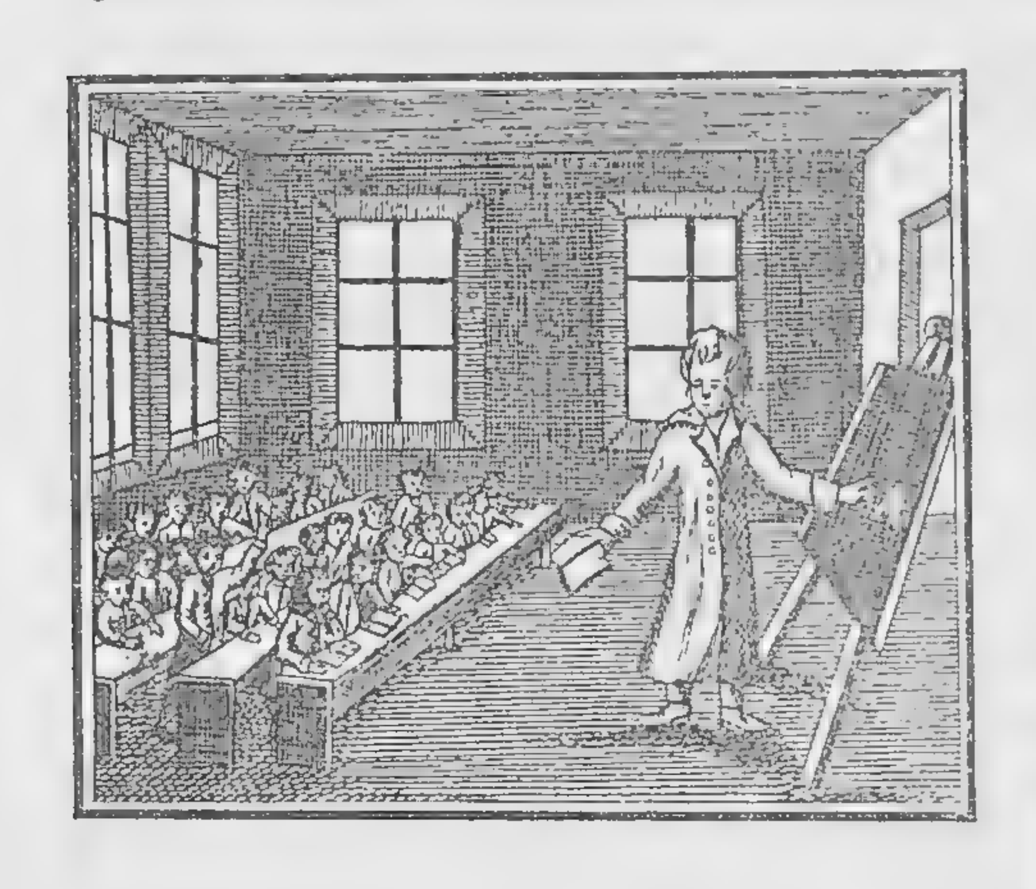
Новая высшая школа получила торжественное наименованіе:

„Славяно-греко-латинская академія“. При своемъ учрежденіи, т.-е. въ концѣ 1687 года, академія имѣла 99 учениковъ, изъ которыхъ 23 находились въ подготовительномъ отдѣлѣ—въ школѣ славянскаго книжнаго писанія; самая академія дѣлилась на три курса, каждый изъ двухъ отдѣленій; это были: нижняя школа—греческаго и латинскаго книжнаго писанія; средняя школа—„грамматичники“ двухъ статей; въ верхней школѣ преподавались риторика и богословіе; среди учениковъ были представители всѣхъ сословій: священники, дьяконы, монахи, князья, спальники, стольники, подьячіе, даже челядинцы и сынъ конюха. Такъ въ Москвѣ возникла школа, руководимая греками по латинскимъ образцамъ. Въ этой школѣ наученіе словенской книжной мудрости, чѣмъ заканчивала обыкновенно старинная русская школа, было только подготовительной степенью къ изученію „грамматичности“. Но и грамматика классическихъ языковъ служила только „основаніемъ и подошвой всѣмъ свободнымъ хитростямъ“, какъ гласитъ одна рукопись. Свободными хитростями или свободными знаніями называли тогда кругъ знаній, установившійся еще въ средніе вѣка подъ вліяніемъ классическаго преданія. За грамматикой, по распорядку этого круга, должны были слѣдовать діалектика и риторика; вмѣстѣ съ грамматикой эти три предмета составляли одну группу, такъ называемый trivium; послѣ прохожденія этихъ „тривіальныхъ“ знаній въ богословской школѣ проходили философію и богословіе. Такъ была намѣчена и программа кіевской академіи и славяно-греко-латинской. Надо замѣтить, что свѣтская школа Запада, проведя своихъ учениковъ черезъ тривіальныя знанія, вводила ихъ въ кругъ знаній математическихъ, которыхъ было четыре—quadrivium—ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка.

Основанная съ спеціальной цѣлью приготовить „своихъ“ борцовъ противъ насадителей разныхъ ересей и толковъ въ Россіи, зарождавшихся и на почвѣ происшедшаго раскола церкви, и подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Россію иновѣрцевъ, первая русская высшая школа была облечена самыми широкими правами духовной цензуры. Въ этихъ видахъ за ней было утверждено исключительное право обученія иностраннымъ языкамъ и „свободнымъ хитростямъ“. Было запрещено всѣмъ, подъ страхомъ лишенія имущества, нанимать и держать у себя домашнихъ учителей греческаго, латинскаго и польскаго языковъ безъ разрѣшенія академіи. Только окончившимъ академію позволялось держать у себя греческія, латинскія и польскія книги, лютеранскія и кальвинистскія сочиненія, разсуждать о вѣрѣ и вступать въ пренія на религіозныя темы; тотъ, кто не кончилъ академіи, не смѣлъ даже дома, въ частномъ своемъ кругу, разсуждать о вѣрѣ. Академія должна была имѣть строгое наблюденіе за „иностранными учеными свободныхъ наукъ“; только съ ея одобренія такіе ученые могли проживать въ Россіи и лишь по одобреніи академіей они принимались на царскую службу. Подъ надзоръ академіи отдавались всѣ иновѣрцы, принявшіе православіе, и всякое ихъ колебаніе въ вѣрѣ,

установленное академіей, наказывалось ссылкой, за упорство же въ прежнихъ вѣрованіяхъ полагалось сожженіе въ срубѣ. Смерть огнемъ грозила и всѣмъ державшимъ у себя „волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя книги", порицавшимъ на миру или гдѣ бы то ни было православную вѣру, относившимся критически къ почитанію св. иконъ, мощей, святыхъ, за переходъ изъ православія въ другую вѣру.

Разъ академія устанавливала тѣмъ или инымъ образомъ одно изъ этихъ преступленій, „градской законъ" долженъ былъ вступать въ силу. По словамъ С. М. Соловьева, тогдашняя московская академія—цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюстители академіи съ учителями слова: виновенъ въ неправославіи,—и костеръ запылаетъ для преступника. Около 1689 г. нѣкто Квиринъ Кульманъ, иноземецъ, сталъ пророчествовать о своемъ призваніи водворить съ помощью Москвы на землѣ единую церковь, въ которой не будетъ ни властей ни имущества. Академія нашла эти „мудрованія" еретическими, и Кульманъ былъ сожженъ. Такая же участь постигла и многихъ учителей древляго благочестія.

Училище. Со старинной гравюры.

Такимъ образомъ высшая школа, которую создала себѣ Москва, должна была вырабатывать истинныхъ богослововъ православія; ученики ея должны были становиться учителями и проповѣдниками истиннаго православія, борцами противъ люторскихъ, кальвинскихъ, папежскихъ и раскольщицкихъ заблужденій. Но, выйдя изъ школы подготовленными къ этимъ благочестивымъ занятіямъ, они встрѣтили въ лицѣ воцарившагося Петра совсѣмъ иныя требованія:—новыя времена поклонялись уже другой наукѣ, государство хотѣло имѣть знающихъ корабельныхъ мастеровъ, хорошихъ офицеровъ и моряковъ, инженеровъ, и въ лучшемъ случаѣ равнодушно смотрѣло на людей, изучившихъ хитрость топкословія греческаго и постигшихъ глубины философіи и богословія. Самодовольное богословское начетничество Петръ отвергалъ, какъ непрямую, т.-е. ненастоящую науку. „Такого, тако сказать, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіе человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ, — сказано въ духовномъ регламентѣ,— ибо, весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ и, помы-

шляя, что все, что знать можно, познали, не хотятъ и не думаютъ честь книги и больше учитися. Просвѣщенный же человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ учитися, хотя бы онъ Маѳусаиловъ вѣкъ прожилъ". Относительно академіи царь писалъ, что желательно было бы, дабы изъ нея выходили люди „во всякія потребы: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство". Вмѣсто строго-спеціальной высшей богословской школы царь предпочиталъ видѣть высшую школу свѣтскую, родъ университета или политехникума.

Петръ не только безъ риторики и діалектики, но даже и безъ грамматики, одолѣлъ аддицію, субстракцію, мултипликацію, дивизію, научился пользоваться астролябіей, понялъ фортификацію и артиллерію, изучилъ въ Голландіи практически, а въ Англіи теоретически кораблестроеніе, въ Пруссіи же наново прошелъ курсъ артиллеріи, и сталъ требовать такихъ же знаній отъ всѣхъ подданныхъ. Десятками стали отправляться молодые и на возрастѣ люди въ чужія страны учиться „навигаціи"; въ Москву, вмѣсто многоученыхъ падуанскихъ богослововъ, выписали англичанина Генриха Фарварсона, профессора эбердинскаго университета, знатока математическихъ наукъ и теоріи морского дѣла; вмѣстѣ съ Фарварсономъ пріѣхали еще два англичанина, Степанъ Гвынъ и Ричардъ Грызъ. И въ Москвѣ въ 1701 г., въ палатахъ Сухаревой башни, учреждается „школа математическихъ и навигацкихъ наукъ", гдѣ пріѣзжіе англичане стали обучать „добровольно хотящихъ, паче же съ принужденіемъ набираемыхъ" молодыхъ людей „математическимъ и навигацкимъ, т.-е. мореходнымъ, хитростнымъ искусствамъ". Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометрію плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію, и преподавали краткія свѣдѣнія изъ области географіи, по преимуществу математической. Для подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ были устроены два начальныхъ класса, изъ которыхъ тотъ, гдѣ учили читать и писать по-русски, назывался русской школой, а тотъ, гдѣ проходили начальный счетъ, пользуясь уже арабскими цифрами, именовался „цыфирной школой". Кромѣ перечисленныхъ дисциплинъ, въ школѣ преподавалась еще для желающихъ „рапирная наука", т.-е. фехтовальное искусство.

Ученики навигацкой школы проходили всѣ назначенныя имъ науки послѣдовательно. Опредѣленнаго времени для экзаменовъ, переводовъ, выпусковъ не было, и учениковъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое, или, по-тогдашнему, „изъ одной науки въ другую", по мѣрѣ выучки; выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію различныхъ вѣдомствъ. На освободившіяся мѣста немедленно принимали или набирали новыхъ учениковъ. Ученье приравнивалось къ службѣ, и ученики получали кормовыя деньги, размѣръ которыхъ былъ, впрочемъ, очень невеликъ—отъ трехъ алтынъ въ день до пяти, въ зависимости

отъ степени изучаемыхъ наукъ:—чѣмъ дальше подвигался въ наукахъ ученикъ, тѣмъ больше онъ получалъ. Ученикъ обнадеживался, что по окончаніи курса онъ „не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріять и честь противъ мѣры дѣла своего". Но одно дѣло—обѣщанія, другое—ихъ выполненіе: при большой затрудненности денежнаго хозяйства Петра, ученики навигацкой школы частенько не дополучали своего жалованья, а временами и совсѣмъ не получали. Въ 1711 г., когда отпускъ денегъ замедлился, многіе ученики разбѣжались; зимой 1714 г. ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ, по словамъ донесенія, „не только проѣли кафтаны, но истинно босыми ногами ходя, просятъ милостыни у оконъ". Завѣдывавшій школой комиссаръ московской адмиралтейской конторы написалъ тогда рѣшительное письмо генералъ-адмиралу Апраксину, подъ высшимъ начальствомъ котораго находилась школа, извѣщая, что такъ дѣла вести нельзя, что „ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости". Эти „плутости" доходили до того, что школяры, среди которыхъ были люди довольно взрослые, за двадцать лѣтъ съ лишкомъ и болѣе, организовали цѣлыя шайки для „разбойныхъ" нападеній на обывательскіе погреба и кладовыя, обыватели же, въ свою очередь, гонялись за навигаторами съ дубинами и травили ихъ цѣпными собаками.

При поступленіи въ школу ученикамъ давались подъ расписку книги и учебныя пособія, которыя они по окончаніи курса обязывались вернуть въ цѣлости. Изъ математическихъ книгъ выдавали ариѳметику Магницкаго, логариѳмы и „книги морскихъ хартинъ", т.-е. морскіе атласы, а изъ учебныхъ пособій—аспидныя доски, „каменныя перья", т.-е. грифеля, карандаши, но бумагу ученики должны были покупать свою; изъ математическихъ инструментовъ навигаторы получали различныя линейки—шкалы, радіусы, инструменты для опредѣленія времени по звѣздамъ, для опредѣленія широты и долготы, различные циркули и т. п. Часть инструментовъ выписывалась изъ-за границы, а часть изготовлялась дома, при школѣ, въ особой мастерской старшими навигаторами. Съ 1713 года „на покупку инструментовъ и на школьныя всякія починки" начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ, что, конечно, далеко не способствовало улучшенію ихъ быта и искорененію „плутостей".

Ученики жили частью въ самой школѣ, частью на наемныхъ квартирахъ неподалеку отъ школы. Надзирателемъ надъ учащимися былъ первый русскій математикъ, авторъ перваго руководства ариѳметики, Леонтій Магницкій, на которомъ собственно лежало почти все преподаваніе. По своимъ знаніямъ онъ уступалъ только Фарварсону и очень превосходилъ Гвына и Грыза, которые, по словамъ современника, „хотя и навигаторы написаны, только до Леонтія наукой не дошли". Преподаватели-англичане держали

себя довольно независимо, „временемъ загуляются, или по своему обыкновенію почасту и подолгу проспятъ",—тогда ихъ дѣло справлялъ Леонтій, какъ кажется, очень любившій и школу и преподаваніе. Въ 1711 г., когда число учениковъ выросло до четырехсотъ съ лишкомъ, въ помощь Магницкому для наблюденія за школярами было велѣно выбрать изъ учениковъ же „десятскихъ добрыхъ людей, и всякому изъ нихъ смотрѣть въ своемъ десяткѣ или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили".

Петровская система угрозъ и страха, тяжкихъ наказаній и штрафовъ за провинности нашла себѣ примѣненіе и въ школѣ его времени. За большіе проступки учениковъ били на школьномъ дворѣ плетьми солдаты, состоявшіе при школьной канцеляріи; за прогульные дни, или, какъ тогда говорили, „нѣты", по указу 1707 года съ состоятельныхъ учениковъ изъ дворянъ взимались отчаянно-большіе штрафы: за первый прогульный день—5 руб., за второй — 10 руб., за третій и всѣ слѣдующіе—по 15 рублей. На наши деньги все это будетъ разъ въ 10 больше. Ученики, впрочемъ, штрафами не очень стѣснялись, и за первые пять мѣсяцевъ 1707 г. набралось за ними штрафныхъ денегъ 8.545 рублей! Деньги взыскивались строго: несмотря ни на какія отговорки, у виновныхъ брали ихъ холопей и били по ногамъ на правежѣ до тѣхъ поръ, пока господинъ не найдетъ денегъ, чтобы уплатить за свой прогулъ и выручить своихъ рабовъ. Если у загулявшаго школьника рабовъ не оказывалось, то его ставили на правежъ самолично, тутъ же, на школьномъ дворѣ, и били, пока родные не принесутъ денегъ, или товарищи, которые побогаче, не сложатся и не внесутъ штрафа. За побѣгъ изъ школы навигатору грозила смертная казнь, а роднымъ за одно только ходатайство у государя объ „отбывательствѣ" ихъ дѣтищъ отъ школы — каторжная работа.

Сухарева башня.

Ученики навигаціонной школы служили не только во флотѣ; въ указѣ 1710 г. было особенно подчеркнуто, что „школа оная не только потребна къ единому мореплаванію и инженерству, но и артиллеріи и гражданству“. Кончившіе школу отправлялись для продолженія науки „за море“, или назначались сразу на службу во флотъ, „къ бомбардирскому дѣлу“, къ „инженерству“, куда въ 1711 г. было опредѣлено 170 человѣкъ, къ архитектурнымъ дѣламъ, къ геодезическимъ, „въ артиллерію“ и т. п. Когда стали учреждаться школы въ городахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, учителями туда стали назначать тѣхъ же навигаторовъ. Кромѣ преподаванія науки, учителя школы бывали требуемы къ дѣлу каждый по своей спеціальности: имъ поручалось разсматривать со стороны пригодности для перевода книги математическія и навигацкія; въ 1709 году они должны были изготовить и прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затменія солнца, вычислить самое время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо; всей школѣ, учителямъ и ученикамъ, было поручено проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ. По типу навигацкой школы въ Москвѣ были основаны въ 1712 г. еще двѣ: инженерная и артиллерійская.

Кромѣ этихъ школъ, возникшихъ въ Москвѣ, большое значеніе пріобрѣла медицинская, основанная въ 1706 году при госпиталѣ. Главнымъ докторомъ и преподавателемъ былъ здѣсь нѣкто Николай Бидлоо, очень опытный и знающій хирургъ, собравшій около себя для начала 50 человѣкъ учениковъ изъ русскихъ. Курсъ ученія въ медицинской школѣ длился около пяти лѣтъ, и Бидлоо въ одномъ своемъ донесеніи очень хвалилъ успѣхи своихъ учениковъ въ медицинскихъ наукахъ. Въ 1719 году велѣно было набрать изъ школъ человѣкъ тридцать ребятъ и отдать ихъ въ науку лѣкарскаго искусства царскому лейбъ-медику Блюментросту въ С.-Петербургъ. Первымъ докторомъ изъ русскихъ былъ П. В. Постниковъ, отправленный еще въ 1692 г. въ Италію, въ падуанскую академію, для изученія медицины. П. В. Постниковъ кончилъ академію и потомъ продолжалъ свои занятія еще въ Голландіи, въ лейденскомъ университетѣ.

Кромѣ казенныхъ школъ высшаго типа, задававшихся цѣлями приготовленія изъ своихъ учениковъ знающихъ техниковъ-спеціалистовъ, зарождается въ Москвѣ 1700-хъ годовъ школа частная, общеобразовательная. Въ іюлѣ 1701 года „ректоръ“ школы при нѣмецкой церкви въ Ново-Нѣмецкой слободѣ Николай Швимеръ назначенъ былъ въ посольскій приказъ переводчикомъ свейскаго, латинскаго, нѣмецкаго и „галанскаго“ языковъ, причемъ ему велѣно было учить тѣмъ же языкамъ и „русскихъ всякихъ чиновъ людей и дѣтей, кто къ тому ученію ему будутъ даны, и учить съ непрестаннымъ прилежаніемъ“. Въ ноябрѣ ректору Швимеру дали русскихъ учениковъ, и онъ началъ учить ихъ латинскому и нѣмецкому языкамъ. Черезъ годъ Швимеръ далъ хорошій отзывъ объ успѣхахъ своихъ учениковъ, которыхъ у него было шесть че-

Петръ I Великій.

Съ портрета работы Аартъ-ванъ-Гельдера.

ловѣкъ. Все это были, по его отзыву „ребята добрые, изрядные, радѣтельные и учителю послушные“. Первымъ ректоръ аттестовалъ нѣкоего Василія Кудрявскаго. „Училъ я его,—пишетъ ректоръ,—по-нѣмецки сначала читать и писать, такъ что обоя уже изрядно умѣетъ, много научился говорить по-нѣмецки и по-латинѣ отъ меня, и тѣмъ способно возможетъ разговаривать по-нѣмецки; латинскому языку такъ безпрестаннымъ навыканіемъ научилъ, что уже и съ ученымъ можетъ по-латинѣ разговориться. Сверхъ того, училъ его книгѣ, имянуемой „Входъ латинскому языку“; изъ сей книги много реченій латинскихъ и нѣмецкихъ себѣ получилъ. Сей трудъ ученикамъ моимъ прибыленъ и надобенъ былъ, и я много времени и радѣнія къ тому приложилъ“. Успѣхъ ректора частью объясняется тѣмъ, что ему были даны ученики немного подготовленные, „навыкшіе“, вѣроятно, у знавшихъ языки приказныхъ посольскаго приказа. За свои успѣхи Василій Кудрявскій сдѣланъ былъ старшимъ надъ остальными учениками, съ порученіемъ смотрѣть за ними прилежно; а затѣмъ и ему и всѣмъ его товарищамъ прибавлены были кормовыя деньги. Швимеръ зналъ плохо русскій языкъ, и Василій Кудрявскій сталъ, какъ онъ послѣ писалъ, „учителю Швымѣру въ словенороссійскомъ языкѣ всякіе способы чинить“, т.-е. помогать.

Въ 1703 году школа Швимера была закрыта, и ученики его были отданы новому учителю, „апту Эрнсту Глику“. Это былъ знаменитый маріенбургскій пасторъ Эрнстъ Глюкъ, взятый въ плѣнъ войсками Б. П. Шереметева и присланный имъ въ Москву. Это былъ человѣкъ рѣдкой дѣятельности, очень образованный, прирожденный проповѣдникъ и борецъ за просвѣщеніе. Въ Лифляндіи онъ жилъ съ 1680 года и усердно заботился объ умноженіи школъ въ краѣ, какъ среди мѣстнаго населенія, такъ и среди пришлаго, особенно среди поселившихся здѣсь русскихъ ревнителей древляго благочестія, бѣжавшихъ сюда, „подъ шведскую корону“, отъ огненной смерти въ срубѣ, отъ пытокъ и насилій на родинѣ. Въ 1684 году Глюкъ представилъ королю свои соображенія о переводѣ на русскій языкъ учебниковъ, что король и одобрилъ, но за смертью его дѣло остановилось—нужныхъ средствъ не давали. „Я, однако,—писалъ Глюкъ въ 1699 г.,—не оставался празднымъ и съ упованіемъ на милость Божію изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ иждивеніемъ, русскаго пожилого священника, который служитъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской библіи на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь благословитъ, къ славѣ Его и спасенію людей, и сіи труды по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, а къ сему поощряютъ меня письмами и изъ Германіи и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ“...

И Петръ слышалъ о трудахъ и знаніяхъ Глюка еще до войны; поэтому, когда Глюкъ вышелъ изъ осажденнаго Маріенбурга съ славянской библіей въ рукахъ, его не тронули. Въ Москвѣ Глюка

подержали недолгое время за карауломъ, а потомъ освободили и велѣли ему учить нѣмецкому, латинскому и другимъ языкамъ нѣсколькихъ русскихъ юношей. Это было въ началѣ 1703 г. Въ 1704 г. къ ученикамъ Глюка присоединили учениковъ Швимера, и начало педагогической дѣятельности маріенбургскаго пробста, или „начальнѣйшаго пастора", стало на твердыя основанія. Для школы Глюка были отведены въ Москвѣ, на Покровкѣ, на углу нынѣшней Маросейки и Златоустинскаго переулка, палаты умершаго боярина Василія Ѳедоровича Нарышкина. Сдѣлано это было очень просто. По распоряженію боярина Ѳ. А. Головина послали изъ посольскаго приказа стараго подьячаго сказать вдовѣ Нарышкина, что великій государь по именному своему великаго государя указу велѣлъ огородить ей себѣ дворъ рядомъ изъ огромнаго нарышкинскаго участка, и строить ей себѣ на томъ дворѣ хоромы и, построя, переходить въ оныя изъ палатъ „безъ мотчанія", палаты же отходятъ подъ школу. Боярыня подчинилась, но медлила. Школа переселилась, а боярыня все продолжала ютиться въ двухъ комнатахъ старыхъ палатъ, пока бояринъ Головинъ не погрозилъ, что скажетъ царскому величеству о замедленіи. Тогда боярыня уѣхала.

25 февраля 1705 года въ Ижорской канцеляріи объявленъ былъ царскій указъ: „Для общія всенародныя пользы учинить на Москвѣ школу на дворѣ В. Ѳ. Нарышкина, на Покровкѣ, а въ той школѣ бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякаго служилаго и купецкаго чина дѣтей ихъ, которые своею охотою приходить и въ тое школу записываться станутъ, учить греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго и иныхъ разныхъ языковъ и философской мудрости; а за то ученье съ тѣхъ учениковъ денежнаго и никакого въ его государеву службу неволею взятья не будетъ, и о томъ по градскимъ воротамъ прибить указы". Школа „во всякомъ управленіи" должна была состоять въ Ижорской канцеляріи, т.-е. подъ рукой Меншикова, и на содержаніе ея предполагалось выдавать 300 рублей тогдашнихъ въ годъ. Въ особомъ указѣ объяснялось, что желающіе учиться должны явиться къ „препозиту", который, записавъ, будетъ учить безъ всякой платы „кто какихъ наукъ похочетъ".

Отъ себя Глюкъ написалъ особое „приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и къ всяческому изображенію угодной глинѣ". Въ этомъ приглашеніи Глюкъ сначала привѣтствуетъ юношество: „Здравствуйте, плодовитые, да токмо тычинъ и подпоръ требующіе младые ростки. По указу державнѣйшаго монарха вашего полюбится мнѣ... о изъясненіи разума вашего обучати... Врата умудренія нынѣ отпираются, сирѣчь врата къ торговлѣ добрыхъ наукъ... Вы сами въ своей пазухѣ обрящете причины, для которыхъ вамъ достоитъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое преклонити, что полезно вліется принимати... Того ради внидите въ тайное пріятелище премудрости и къ благоухищреннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите наипаче по монархскому государя

вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ вотруждается тьму неискусства отъ очей своихъ подданныхъ вытирати, и того ради полаты Нарышкина къ сему употребленію благодатно установилъ“... Далѣе Глюкъ указываетъ, что десница учителей готова немощныхъ водить, плавающимъ помогать и заблудившимся свѣтило преподносить; въ школѣ учащійся цѣль будетъ отъ заблужденія „ниже со Иксіономъ, яко въ притчахъ поетискихъ читаемъ, облако вмѣсто богини Юно будете обнимати, но прямую и истинную премудрость добудете“. Далѣе слѣдовалъ „каталогъ учителей и наукъ“, причемъ послѣднія рекомендовались, какъ полезныя—„на пользу и красоту; науки эти не пыльные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже кропивы, которыми гряды разума засоряются“. Подписано воззваніе такъ: „Ернстъ Гликъ, лифляндскій препозитъ, нынѣ полонянникъ“. Каталогъ учителей и наукъ гласилъ: 1) Іоаннъ Рейхмутъ учитъ географію и изъ философіи дѣлательную итику и политику, такожде и вышнимъ ученикомъ латинскій языкъ реторскимъ изъясненіемъ располагаетъ; отъ историческихъ авторовъ Курція и Іустина, отъ поетискихъ же Вергилія и Горація истолкуетъ и своихъораціотвореніи производить; 2) Христіанъ Бернардъ Глюкъ учитъ философію картезіанскую, когда угодные ученики будутъ, такожде языкъ греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій въ пользу всѣмъ охотникомъ ѳеологскихъ сладостей; 3) Іоаннъ Мерла, французскаго языка учитель, всѣмъ охотникомъ онаго языка доброхотнѣ помогаетъ; 4) Іоаннъ Густавъ Вурмъ вестибулъ (преддверіе) латино-нѣмецкій ясно научаетъ и грамматическія основанія непрестаннымъ прилежаніемъ полагаетъ; 5) Отто Бирκганъ учитъ первыхъ зачальниковъ по-нѣмецки и по-латински читати и ариѳметискую науку изъявитъ; 6) Стефанъ Рамбуръ, танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ; 7) Іоаннъ Штурмевель, конскій учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ кавалерскимъ чиномъ ѣхати, и лошадей во всякихъ школахъ и маніерахъ умудрити“.

Старику Глюку не пришлось долго преподавать - въ маѣ 1705 г. его уже не стало, но школа не погибла, и во главѣ ея сталъ сначала нѣкто Іоганнъ Вернеръ Паусъ, но „за его многое неистовство и развращеніе“ ему отъ школы черезъ годъ отказали, и тогда завѣдывать ею сталъ Іоганнъ Биштнеръ. Кромѣ перечисленныхъ учителей, были еще и другіе: шведъ Нордгренъ—для шведскаго языка и „гисторіи“, итальянецъ Гагинъ—для итальянскаго языка, и еще трое, преподававшихъ латынь разныхъ степеней.

Ученики собирались въ школу часовъ около 6-ти утра, а могли приходить въ классы и ранѣе, но ученье, собственно, начиналось не позднѣе 8 ч. утра. Начинали съ того, что читали отрывки изъ Новаго Завѣта. Съ 9 до 10 час. въ разныхъ классахъ изучали „Orbis pictus“ Коменскаго; съ 10—11 ч. грамматика, Корнелій Непотъ, изученіе постройки фразъ и вокабулы; съ 11—12 ч. языки нѣмецкій, французскій; въ 12 ученики освобождались до часу для завтрака. Отъ

1 до 2 ч. время посвящалось правописанію и приготовленію уроковъ. Съ 2 до 3—упражненія письменныя въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и каллиграфія; съ 3 до 4 ч. читался Вергилій и Корнелій Непотъ, преподавалась ариѳметика, переводились пословицы, а старшіе упражнялись въ риторикѣ и фразеологіи. Съ 4 до 5 ч. младшимъ преподавали французскій языкъ; съ 5 до 6 ч. былъ урокъ исторіи и приготовленіе домашнихъ работъ, причемъ часть учениковъ отпускали домой, а старшіе слушали до семи часовъ риторику, ариѳметику, философію, или готовили уроки; такимъ образомъ учебный день длился съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера и почти весь былъ посвященъ изученію языковъ. Неизвѣстно, какъ обстояло дѣло съ танцами и верховой ѣздой, но, кажется, учили, потому что для надобностей школы было пріобрѣтено 4 лошади. Ученики, число которыхъ и въ лучшее время школы не достигало 50 человѣкъ, жили частью при школѣ, частью по домамъ; кажется, имъ дана была особая форма: шляпа пуховая съ пуговицей жемчужной, оленьи перчатки и галстухъ флеровый. Въ большой части это были довольно великовозрастные юноши, которые умѣли постоять за себя, если случалась драка съ торговцами всякаго съѣстного припаса на Красной площади, у которыхъ они всегда завтракали, но, кажется, не всегда платили за завтракъ, отчего и происходили драки. Любопытно, что обыватели всегда были противъ школяровъ и не отказывали себѣ въ удовольствіи поколотить франта въ пуховой шляпѣ и оленьихъ перчаткахъ, изучавшаго Orbis pictus и разныя „поетискія верки“, если онъ, съѣвъ у блинщика пару-другую блиновъ, думалъ улизнуть, не расплатясь. Частныя школы общеобразовательнаго характера возникли и въ другихъ городахъ. Такъ, въ Казани въ 1709 году держалъ школу ариѳметическій учитель Лука Юргенсъ, а иностранка Гаоме имѣла школу для дѣвочекъ.

Такимъ образомъ въ 1700-хъ годахъ возникли въ Москвѣ школы трехъ типовъ: высшая богословская—славяно-греко-латинская академія, высшая техническая—навигацкая, и общеобразовательная, гуманитарная—гимназія Глюка.

Въ 1715 году, съ тѣхъ поръ, какъ царь сталъ думать о „гражданствѣ“, въ судьбѣ всѣхъ трехъ школъ происходитъ переломъ, въ силу котораго все дѣло школьнаго просвѣщенія принимаетъ болѣе широкіе размѣры и приводится въ извѣстную систему. Въ 1715—1716 гг. ученики нѣмецкой школы или гимназіи были частью переведены въ Петербургъ, частью посланы за границу, двое отосланы въ академію, а четверо—въ „наборное ученіе“ въ типографію, въ наборщики гражданскихъ книгъ; одинъ изъ этихъ наборщиковъ ушелъ потомъ охотою въ солдаты. Навигацкая школа была переведена поближе къ морю, въ С.-Петербургъ, но не вся, а только высшіе ея классы: изъ нихъ 1 октября 1715 г. и была образована въ Петербургѣ морская академія, по отношенію къ которой навигацкая школа въ Москвѣ становилась въ положеніе подготовительнаго учебнаго заведенія. Въ морской академіи

предполагалось держать 300 учащихся, а въ навигацкой школѣ—500 чел. Но скоро и при морской академіи были открыты подготовительные классы—„русская школа“ и „цифирная“. Изъ учителей въ Петербургъ были переведены Фарварсонъ и Гвынъ, Грызъ же былъ убитъ при какомъ-то уличномъ столкновеніи; во главѣ учителей московской школы остался Магницкій съ нѣсколькими помощниками изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ; учить ему было велѣно только ариѳметикѣ и геометріи.

Морскую академію помѣстили въ домѣ, бывшемъ Кикина, тамъ, гдѣ теперь стоитъ Зимній дворецъ, наскоро пристроивъ къ довольно небольшому дому нѣсколько мазанокъ. Директоромъ академіи былъ назначенъ французъ Сентъ-Илеръ, рекомендованный царю изъ Парижа, какъ большой знатокъ теоріи морского дѣла. Этотъ Сентъ-Илеръ оказался, однако, большимъ прожектеромъ, какихъ много создавала тогдашняя европейская жизнь, но совсѣмъ не былъ дѣловымъ человѣкомъ. Онъ, вмѣсто того, чтобы устраивать академію, сталъ заниматься разработкой морского регламента, о чемъ его не просили, составилъ проектъ какой-то обширной торговой компаніи, въ чемъ опять-таки надобности не представлялось, и за эти и другіе проекты просилъ только денегъ и денегъ. На одномъ изъ такихъ проектовъ раздосадованный Петръ написалъ: „Спросить француза, чтобы подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ хитростныхъ вышеписанныхъ запросовъ? И буде будетъ, чтобъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и убирался изъ сей земли“. Съ Фарварсономъ этотъ Сентъ-Илеръ завелъ какіе-то безконечные дрязги и споры, другихъ учителей и служащихъ всячески задѣвалъ, такъ что одинъ изъ нихъ свое впечатлѣніе о директорѣ выразилъ такъ: „Воистину такого злонравнаго и пакостнаго человѣка отъ жизни моей нигдѣ не видѣлъ и никому съ нимъ ужиться невозможно отнюдь“. Въ 1716 году Сентъ-Илера за его „прихоти“ уволили, и директоромъ сдѣлали сначала графа Андрея Артамоновича Матвѣева, а потомъ капитана Александра Львовича Нарышкина, который за границей хорошо изучилъ морское дѣло и былъ одобренъ въ своихъ знаніяхъ царемъ. Петръ очень любилъ 27-лѣтняго директора, цѣнилъ его дѣловитость и энергію и звалъ его попросту, какъ родственника, Львовичемъ.

Кромѣ изученія наукъ, Нарышкинъ водилъ своихъ питомцевъ въ походы на эскадрѣ, заставляя ихъ практически изучать морское дѣло; по его почину ученики построили модель корабля; онъ же ввелъ обученіе стрѣльбѣ, завелъ госпиталь при академіи. Науки проходились въ академіи по преимуществу математическія: ариѳметика, начала алгебры, геометрія и тригонометрія, и морскія: морская астрономія, навигація и морская съемка. Ариѳметику проходили по книгѣ Магницкаго, что было очень не легко, благодаря невозможному языку, способамъ и пріемамъ выраженія. А тогда учили наизусть. Сколько труда, напримѣръ, для малоподготовленнаго ученика стоило зазубрить такое опредѣленіе: „Радиксъ есть число яковыя либо четверобочныя и равномѣрныя фигуры или

вещи, единъ бокъ содержащее. И того ради радиксъ или корень именуется, зане отъ него вся препорціи всея алгебры начинаются или рождаются". Различныя степени называются такъ: вторая - квадратъ или зенсусъ, третья—кубусъ или кубикъ, четвертая—биквадратъ или зензизенсусъ, восьмая—триквадратъ или зензизензенсусъ" и т. д. Не менѣе трудно было усваивать и другія математическія дисциплины. Тогдашніе учебники были изложены катехизически—въ вопросахъ и отвѣтахъ, и отъ учениковъ требовалось, чтобы они заучивали наизусть и вопросы и отвѣты. Всѣ теоремы, относящіяся къ морскимъ и математическимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся, заучивъ эти теоремы, должны были просто навыкнуть прилагать ихъ выводы къ различнымъ частнымъ случаямъ и задачамъ.

Какъ и ученикамъ навигацкой школы, ученикамъ морской академіи, или, какъ ихъ стали называть, „морской гвардіи", полагалось жалованье, но небольшое,—до трехъ рублей въ мѣсяцъ, съ вычетомъ на мундиръ „съ рубля по полуполтинѣ". Такъ же, какъ и ученикамъ навигацкой школы, жалованье морской гвардіи выдавалось съ большими задержками, а самое зданіе академіи временами вопіяло объ ремонтѣ, но починки произвести было не на что. Осенью 1717 г. комнаты верхняго этажа стояли безъ половъ и безъ печей, и „42 гвардейца не ходили въ ученье затѣмъ, что стали наги и босы". Дровъ купить тоже было не на что, и зубрить ариѳметическія и астрономическія премудрости плохо одѣтымъ морскимъ гвардейцамъ приходилось, еле попадая зубомъ на зубъ отъ холода „Воистину не могу описать, какія несносныя докуки отъ бѣдныхъ нужныхъ (нуждающихся) людей,—писалъ про своихъ „гвардейцевъ" директоръ академіи,—безотступно просятъ у меня денегъ и уже весьма наги и босы". Въ 1724 г. царь, присутствуя на урокахъ въ академіи, замѣтилъ нѣсколько учениковъ, одѣтыхъ въ рубище, и на вопросъ, почему они такъ скаредно выглядятъ, получилъ отвѣтъ, что жалованье выдается съ недоимками, да и то часто не деньгами, а товаромъ. Было произведено слѣдствіе, которое подтвердило бѣдственное состояніе учащихся: 85 учениковъ „за босотою и неимѣніемъ дневного пропитанія" не ходили въ школу вотъ уже четыре и даже пять мѣсяцевъ; 55 человѣкъ изъ нихъ „кормились вольною работой", а остальные побирались, „волочась межъ дворъ".

Воспитанники академіи раздѣлялись на шесть „бригадъ", по 50 человѣкъ въ каждой, и должны были учиться ружью и строю, держать караулъ у воротъ, въ залахъ, при денежной казнѣ, у часового колокола. Осенью и зимой въ 7 часу утра, а лѣтомъ—въ 6 ч., били „тапту"—зорю, и всѣ ученики послѣ завтрака собирались въ общую залу на молитву, а затѣмъ шли въ классы и должны были, согласно инструкціи, садиться по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостью, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу". Въ классахъ строго запрещалось чинить какой-либо крикъ и шумъ. По приказанію самого царя, въ

каждый классъ былъ посаженъ особый дядька изъ старыхъ солдатъ съ приказомъ „имѣть хлыстъ въ рукѣ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы фамиліи ученикъ ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“. Великовозрастные ученики придерживались чарочки, всегда не прочь были подраться съ матросами и солдатами, поколотить обывателя, забраться къ нему въ кладовую за съѣстнымъ, разобрать заборъ, забить входную дверь такъ, чтобы обыватель не могъ выйти изъ своего дома, и т. п. Пойманные съ поличнымъ или на мѣстѣ ученики платились, впрочемъ, за свои безчинства жестоко: виновныхъ били по два дня нещадно батогами или, по молодости лѣтъ, вмѣсто батоговъ и кнута, драли нещадно же кошками, какъ называлась короткая плетка, связанная изъ морскихъ снастей; за значительные проступки гоняли сквозь строй, послѣ чего оставляли „попрежнему въ ученьи“.

Обѣ академіи, „морская“ въ С.-Петербургѣ и „славяно-греко-латинская“ въ Москвѣ, послужили двумя исходными пунктами для цѣлой сѣти низшихъ школъ по городамъ Россійскаго государства. Въ томъ же году, когда изъ старшихъ классовъ навигацкой школы была сформирована морская академія въ Петербургѣ, велѣно было разослать въ губерніи по два ученика школы, выучившихъ геометрію и географію, „для науки молодыхъ робятокъ изъ всякихъ чиновъ людей“. Въ 1716 г. открыты были школы въ 12 городахъ, а къ 1722 году школы существовали уже въ 42 городахъ; такъ какъ въ этихъ школахъ обучали по преимуществу ариѳметикѣ и геометріи, то ихъ стали называть „цифирными школами“. Цифирныя школы предназначались для обученія „робятокъ“ изъ всякихъ чиновъ людей, туда и стали приказывать итти учиться всѣмъ; но сейчасъ же поднялись протесты: завопили духовные люди—имъ не къ чему учить своихъ дѣтей цифири, надо-де имъ знать четьепѣнье церковное; завопили посадскіе торговые люди—ихъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ, навыкая отцовскому дѣлу, и въ цифирную школу имъ ходить некогда. Въ 1720 году посадскіе были освобождены отъ обязательнаго обученія, а такъ какъ дворянскихъ дѣтей брать въ цифирныя школы было запрещено еще въ 1716 г., то въ этихъ школахъ стали учиться дѣти солдатскія и дѣти приказныхъ. Научившись читать, писать и считать, они оканчивали на этомъ свое ученье и шли потомъ на должности писарей, канцеляристовъ, въ помощники корабельнымъ мастерамъ и архитекторамъ, въ аптекарскіе „гезели“—помощники. Высшая наука все больше опредѣлялась, какъ достояніе шляхетства: разъ отъ него требовалась большая служба, естественно, что для этого была нужна и большая подготовка, и потому „шляхетный“ мальчикъ, окончивъ низшую школу, понуждался итти въ высшую. Если первое время, когда еще „немногіе дворяне поступали охотно“ въ школу и на службу, правительство съ охотой принимало въ науку людей всѣхъ сословій, то потомъ, къ 1715 г., когда установился весь распорядокъ „шляхетной“ жизни, и шляхетный человѣкъ, обязанный всю жизнь

служить, долженъ былъ начинать свою службу со школьной выучки, высшая петровская школа стала сословной, по преимуществу дворянской школой.

Кромѣ цифирныхъ школь, въ нѣкоторыхъ городахъ возникли школы, извѣстныя подъ названіемъ „адмиралтейскихъ русскихъ“. Такія школы были въ Петербургѣ при адмиралтействѣ казенномъ и партикулярномъ, въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Тавровѣ, Казани, Астрахани, Сестрорѣцкѣ и на адмиралтейскихъ заводахъ. Онѣ были основаны, чтобы „плотничьихъ и прочихъ мастеровыхъ людей дѣтей обучать грамотѣ и цифири и плансъ-геометріи, дабы потомъ могли добрыми мастеровыми быть“... Ученикамъ петербургской и кронштадтской школъ опредѣлена была особая форма: кафтанъ сермяжный съ красными обшлагами, штаны козлиные или канифасные, башмаки, сѣрые чулки, галстукъ и колпакъ изъ краснаго сукна. Учили въ этихъ школахъ сначала азбукѣ и молитвамъ по букварю, потомъ читать часословъ и псалтирь, затѣмъ слѣдовало обученіе письму, а въ нѣкоторыхъ проходили еще ариѳметику и геометрію, такъ что программы этихъ школъ сливались съ программой цифирныхъ школъ.

Въ 1721 году, когда былъ изданъ духовный регламентъ, архіереи прочли въ немъ обязательное для нихъ правило, приказывавшее имъ открыть школы при своихъ домахъ „для дѣтей священническихъ или прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ“. Учить приказывалось „не только чисто, ясно и точно по книгамъ чести (что хотя нужное, но еще не довольное дѣло), но учили бы честь и разумѣть“. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великіи оныхъ кошть на учителя и на покупаніе книгъ, тако жъ на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ,—говоритъ регламентъ,—чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ“. Предвидя, что епископы начнутъ жаловаться на убыточность для нихъ содержанія безплатныхъ школъ, регламентъ совѣтуетъ архіереямъ, во избѣжаніе убытковъ, лишнихъ служителей при себѣ не держать, ненужныхъ строеній не дѣлать, а только строенія прибыльныя—мельницы, напримѣръ; не слѣдуетъ себѣ дѣлать и многаго роскошнаго платья и ризъ, а главное, надо правильно вести свое хозяйство, не бросать денегъ зря и представлять во всемъ отчетъ въ духовную коллегію.

Все устройство преподаванія, какъ и выборъ самыхъ предметовъ, направлены были къ тому, чтобы воспитывать будущихъ духовныхъ, такъ что школы при архіерейскохъ домахъ тоже сразу пріобрѣтаютъ сословный характеръ. Въ первыя пять лѣтъ по изданіи духовнаго регламента открыто было около 50 школъ, такъ что къ послѣднему году царствованія Петра почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ образовалось по двѣ школы—одна духовная при епископскомъ домѣ, другая свѣтская—цифирная. Впрочемъ, рядомъ обѣ школы долго не уживались: духовная школа взяла изъ навигацкой всѣхъ дѣтей духовенства, оста-

вивъ ей только дѣтей свѣтскихъ лицъ; такъ какъ посадскіе были уволены отъ обязанности учить своихъ дѣтей, а духовные ушли, дворяне же совсѣмъ не поступали, то въ цифирныхъ школахъ остались только дѣти приказныхъ и солдатъ, а гдѣ таковыхъ было мало или не оказывалось совсѣмъ, тамъ цифирныя школы закрылись: четырнадцать цифирныхъ школъ закрылись вскорѣ по основаніи рядомъ съ ними школъ архіерейскихъ. Петръ хотѣлъ было и остальныя соединить съ архіерейскими, но противъ этого возстало духовенство, указывавшее на неумѣстность учить въ архіерейской школѣ „свѣтской навигатерской наукѣ“, какъ не духовному дѣлу.

Школы при архіерейскихъ домахъ были отданы въ полное завѣдываніе мѣстныхъ архіереевъ, и не только содержаніе, самое существованіе ихъ зависѣло порой отъ доброй воли преосвященнаго. Судьба отдѣльныхъ школъ мѣнялась вмѣстѣ съ перемѣной архіереевъ. Такіе дѣятельные и просвѣщенные пастыри, какъ Іовъ новгородскій, Питиримъ нижегородскій, Димитрій ростовскій, Гавріилъ рязанскій, тщательно пеклись о содержаніи и развитіи школъ и доводили число учащихся въ нихъ до двух- и трехсотъ человѣкъ. Программа преподаванія въ такихъ школахъ расширялась и приближалась къ программѣ московской академіи, въ большинствѣ же школъ дѣло ограничивалось только грамматикой и риторикой. Былъ, однако, въ тогдашней Россіи одинъ городъ, гдѣ училище при архіерейскомъ домѣ возникло задолго до распоряженія царя, по почину самого архіерея. То былъ Новгородъ, пастыремъ котораго являлся не разъ уже упомянутый митрополитъ Іовъ. Онъ пріютилъ у себя не ужившихся въ Москвѣ Лихудовъ и съ ихъ помощью основалъ школу, которая по количеству предметовъ преподаванія и по его постановкѣ почти ни въ чемъ не уступала московской академіи. Въ школѣ Іова были налицо всѣ три класса—низшіе, средніе и высшіе, такъ что, кромѣ грамоты, у него проходили грамматику, риторику, философію и богословіе. Прохожденіе всѣхъ этихъ наукъ распредѣлялось по классамъ, число которыхъ было девять: подготовительный классъ, четыре низшихъ—аналогія, пиѳима, грамматика, синтаксима, два среднихъ—піитика и риторика, и два высшихъ—философія и богословіе. Когда въ 1722 г. повсюду стали открывать при архіерейскихъ домахъ училища, новгородская школа вмѣстѣ съ московской академіей дали для нихъ готовый составъ учителей изъ своихъ питомцевъ. Въ Новгородѣ не пришлось заводить и низшихъ училищъ—митрополитъ Іовъ сдѣлалъ это еще до 1705 г., и въ его 15 школахъ, разсѣянныхъ по городамъ и монастырямъ обширной новгородской епархіи, обучилась ко времени основанія школъ при архіерейскихъ домахъ не одна сотня людей. Въ другихъ епархіяхъ не было ничего подобнаго и долго еще даже и не намѣчалось: не хватало ни учителей, ни учениковъ, шедшихъ охотой, мало было охоты поддерживать училища и у архіереевъ.

Странно какъ-то читать, межъ тѣмъ, широкіе планы духов-

наго регламента относительно устройства академій, семинаріумовъ при нихъ, гдѣ бы ученики могли жить, отрѣшенные отъ міра и родительскаго дома, подъ надзоромъ „префекта“ или инспектора, которому предполагалось быть хотя и не ученому, только бы не весьма свирѣпому и не „меланхоликусу“, лѣтами отъ 30 до 50. Мѣсто для постройки академій проектировалось выбирать „веселое“, въ сторонѣ отъ города и подальше отъ народнаго шума, ибо все это „обычно мѣшаетъ ученію и находитъ на очи (развлекаетъ), похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіямъ не попускаетъ“. Каждымъ 8—9 ученикамъ, живущимъ въ семинаріумѣ, предполагалось, по регламенту, дать отдѣльную комнату, а въ комнатѣ каждому особое мѣсто, „при стѣнѣ мѣсто собственной конторы, гдѣ его стоитъ кроватка складная, чтобъ въ день (т.-е. днемъ) логовища знать не было,—строго замѣчаетъ регламентъ,—тако жъ шкафа на книжки и иныя вещицы и стулъкъ для сѣданія“. Для разогнанія скуки, неизбѣжной при строго-отрѣшенномъ отъ міра житіи, „истинно плѣнническомъ“, какъ сознается регламентъ, ученикамъ разрѣшаются „регулярныя“ прогулки и игры: „Таковыя, напримѣръ, есть водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей“ и проч. Отъ скуки можно одинъ или два раза въ мѣсяцъ лѣтомъ съѣздить на острова, въ поля, на загородныя государевы дачи. Надо читать больше „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ“, ибо „слышаніе ихъ и сладко есть и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ тако же“, затѣмъ отъ скуки помогаютъ: „гласъ мусикійскихъ инструментовъ, нѣкіи акціи, диспуты, комедіи и риторическія экзерциціи“. Составитель этихъ правилъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ въ Петербургѣ школу на рѣчкѣ Карповкѣ и тамъ по мѣрѣ возможности, какъ кажется, старался поставить все по сочиненнымъ имъ правиламъ, но всѣхъ остальныхъ архіерейскихъ школъ эти правила не коснулись, и жизнь ихъ складывалась въ тѣхъ грубыхъ и удушающихъ формахъ, какія впослѣдствіи получила достопамятная бурса, какъ извѣстно, очень далекая по всей своей постановкѣ отъ семинаріума по образцу іезуитскихъ коллегій, какой рисовался Ѳеофану, какъ идеалъ школы, и правилами котораго онъ сильно пользовался, составляя свои правила о школахъ, помѣщенныя въ духовномъ регламентѣ.

Такъ возникла въ Россіи школа, какъ учрежденіе, нужное государству, имъ покровительствуемое и идущее къ цѣли, поставленной государствомъ же. Время и обстановка, въ которой возникала и завоевывала свое право на жизнь первая русская школа въ томъ смыслѣ, какъ школу понимаетъ наше время, наложило на нее свой отпечатокъ, придало ей опредѣленный характеръ. Школа петровскихъ временъ, въ цѣломъ и въ общемъ взятая, не ставитъ себѣ задачей цѣли воспитанія и общаго образованія. Она возникла и создалась прежде всего какъ школа техническая, преслѣдующая одну опредѣленную выучку въ области тѣхъ знаній, какія тогдаш-

нему государству были нужны. Государству прежде всего были нужны мастера и техники всякаго дѣла—корабельные инженеры, артиллеристы, просто инженеры, мореходы, опытные офицеры; школа къ этой службѣ и подготовляла юношество. А такъ какъ на службы разныхъ качествъ брались и должны были служить люди опредѣленныхъ общественныхъ слоевъ, то петровская школа явно становилась сословной, самая же выучка, забиравшая подъ свою эгиду вѣчно обязанныхъ, вѣчно прикрѣпленныхъ къ опредѣленной службѣ людей опредѣленнаго происхожденія, тѣмъ самымъ сама становилась службой; вотъ почему тогдашній ученикъ получаетъ за свое ученье жалованье, а за неисполненіе своихъ обязанностей подвергается серьезнымъ служебнымъ взысканіямъ, какъ за преступленіе противъ долга службы.

Общеобразовательное значеніе петровская школа давала лишь постольку, поскольку тогдашняя техническая выучка основывалась на общихъ принципахъ науки и знанія. Въ школахъ епархіальныхъ общеобразовательное основаніе было шире, въ школахъ цифирныхъ—уже; практически Петръ требовалъ отъ школы знающихъ извѣстныя отрасли дѣлъ профессіоналовъ, но теоретически онъ былъ далекъ отъ мысли ставить точку дѣлу школьнаго просвѣщенія на удовлетвореніи лишь только этой нужды, и передъ нимъ носились широкіе планы о насажденіи въ Россіи наукъ. Еще въ 1714 г. въ Германіи говорили, что русскій царь намѣренъ учредить въ Петербургѣ академію. Въ 1718 г. на представленномъ уже намъ извѣстнымъ Фикомъ докладѣ „О нетрудномъ изученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ дѣтей“ Петръ поставилъ такую резолюцію: „Сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ; также начать переводить книги юриспруденціи и прочія“...

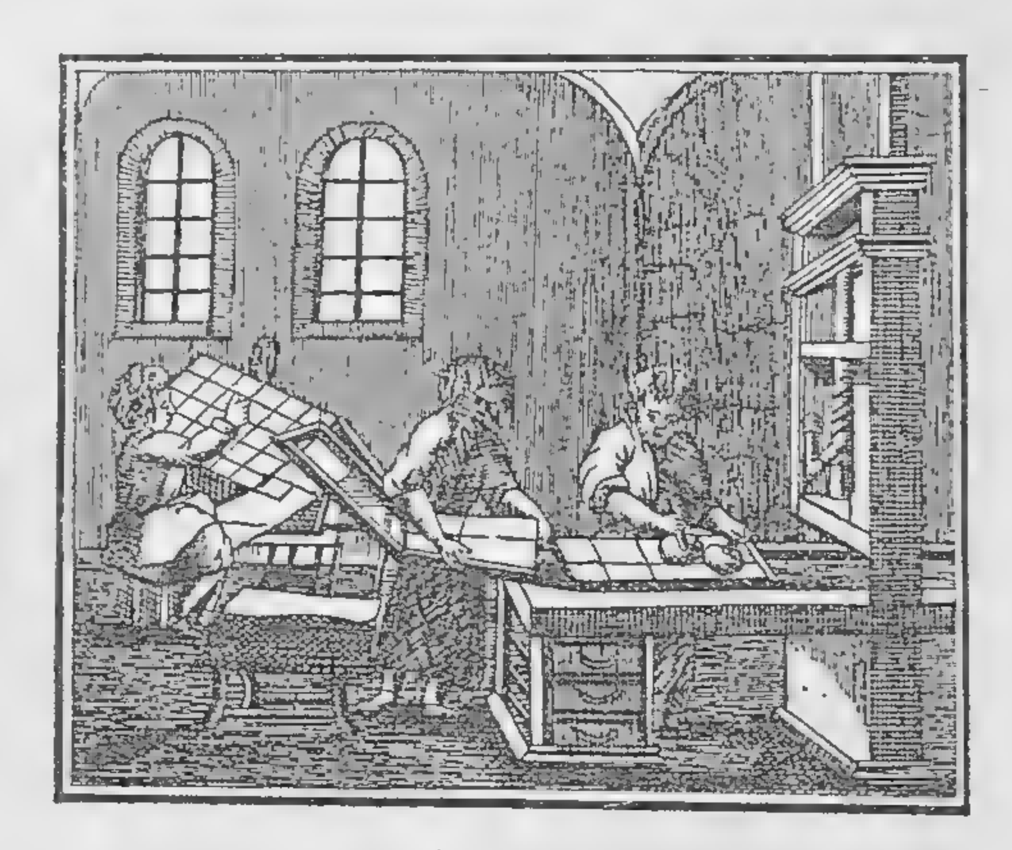
Въ 1718 году Петръ кладетъ основаніе библіотекѣ, которая къ 1719 году уже такъ велика, что не можетъ помѣщаться въ Лѣтнемъ дворцѣ, и для книгохранилища отводится особое обширное помѣщеніе. Надзирателемъ за книгами былъ назначенъ нѣкто Шумахеръ, котораго Петръ въ 1721 г. отправилъ за границу съ порученіями спеціально по ученой и книжной части. Шумахеръ долженъ былъ представить французской академіи составленную по распоряженію царя карту Каспійскаго моря и различныя естественно-научныя описанія Сибири, сдѣланныя докторомъ Мессершмидтомъ, первымъ путешественникомъ по Сибири съ научной цѣлью. Шумахеру поручалось еще пригласить въ Россію разныхъ ученыхъ, особенно знаменитаго Вольфа, и поговорить съ нимъ объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи наукъ, по примѣру существовавшихъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ.

Еще въ первое свое путешествіе по Европѣ Петръ накупилъ массу всякихъ „раритетовъ и куріозныхъ диковинъ“, начиная отъ заспиртованныхъ уродцевъ, морскихъ раковинъ и кончая очень дѣльными коллекціями по естествознанію; въ 1716 году, во второе путешествіе, Петръ покупаетъ исключительно коллекціи и собра-

нія, имѣющія естественно-научное значеніе. Въ Данцигѣ онъ купилъ коллекцію минераловъ и раковинъ, въ Амстердамѣ—собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спирту, у стараго Рюйта онъ пріобрѣлъ его знаменитый анатомическій кабинетъ. Въ 1718 году Петръ издалъ указъ о доставленіи въ Петербургъ, въ кунсткамеру, какъ было названо собраніе рѣдкостей, всего, что можетъ быть найдено или появиться въ Россіи изъ области „раритетовъ, монстровъ и куріозите“. „Понеже извѣстно есть,—гласилъ указъ,—что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстры, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца—каждый о двухъ головахъ, два—которые срослись тѣлами. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ повреждения внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы, конечно, такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за человѣческую—по 10 руб., за скотскую и звѣриную—по 5, а за птичью—по 3 руб.—за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую—по 100 р., за скотскую и звѣриную—по 15 руб., за птичью—по 7 руб. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы предъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду, и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно—такожъ бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видавъ, положить нельзя цѣны. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а

по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо".

Петръ часто навѣщалъ свою кунсткамеру и даже давалъ въ ней аудіенціи иностраннымъ посламъ. Онъ очень хотѣлъ, чтобы музей посѣщался возможно большимъ количествомъ людей, и отклонялъ предложенія сдѣлать входъ въ кунсткамеру платнымъ. Токарь Петра, Нартовъ, разсказываетъ, какъ однажды генералъ-прокуроръ замѣтилъ при обозрѣніи кунсткамеры, что хорошо бы брать съ „смотрителей", т.-е. зрителей, публики, плату за посѣщеніе. Петръ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ на это: „Павелъ Ивановичъ! Гдѣ твой умъ? Ты неправо судишь; по-твоему—намѣреніе мое было бы безполезно. Я хочу, чтобы люди смотрѣли и учились. Надлежитъ охотниковъ пріучать, потчевать и угощать, а не деньги съ нихъ брать!"—и тутъ же распорядился, чтобы посѣтителямъ кунсткамеры предлагали прохладительные напитки, чай и кофе, на что опредѣлилъ и особую сумму денегъ.

Типографія.
Со старинной гравюры.

Полный всегда неутолимой жажды знанія, всегда рвавшійся къ тому, чтобы учиться, и изучавшій все, что затрагивало его пытливый умъ, Петръ всю жизнь былъ піонеромъ и насадителемъ знанія, особенно практическаго, среди „подданныхъ"; какъ и во многомъ, онъ дѣйствовалъ тутъ нестройно, далеко не систематично, но всегда обстоятельно, отчетливо, стремясь къ цѣли. Обладатель имперіи, у границъ и среди населенія которой было много монголовъ, Петръ ставилъ въ задачу своимъ подданнымъ господствовавшаго племени изучать языки инородцевъ своихъ и сосѣдей—китайскій, монгольскій, персидскій, турецкій и татарскій. Занятіе русскими „землепроходцами" Камчатки поставило Россію въ близкое сосѣдство съ Японіей, и Петръ, имѣя въ виду возможность торговыхъ и вообще сосѣдскихъ сношеній съ диковинной, недоступной тогда европейцамъ страной, думаетъ о необходимости знать языкъ новыхъ сосѣдей. И вотъ, когда буря выбросила на берегъ Камчатки японца, по имени Денбея, Петръ, получивъ извѣстіе объ этомъ изъ Анадырскаго острога, распорядился немедленно прислать Денбея изъ сибирскаго въ артиллерійскій приказъ и втолковать „ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамотѣ ребятъ человѣкъ четырехъ или пяти". Года черезъ три Петръ справился о Денбеѣ, научился ли онъ русскому языку, а

у него кто-либо японскому? Повидимому, фактъ обученія былъ налицо; въ помощь Денбею пріискивали другого японца, и въ Петербургѣ открылась даже „школа для изученія японскаго языка“, въ которую учениковъ набрали изъ солдатскихъ дѣтей.

Желаніемъ царя, чтобы люди „смотрѣли и учились“, вызвано было къ жизни и такое могучее средство и орудіе просвѣщенія, какимъ является теперь пресса—газеты и журналы. Еще при царѣ Михаилѣ въ посольскомъ приказѣ стали составлять для государя и его приближенныхъ выписки изъ иностранныхъ газетъ. Это были рукописные „куранты“ для немногихъ. Петръ приказалъ печатать куранты для распространенія въ народѣ по образцу западно-европейскихъ газетъ. Въ декабрѣ 1702 года былъ объявленъ царскій указъ о томъ, чтобы „по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ, безъ мотчанія, а изъ монастырскаго приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ. И о томъ во всѣ приказы изъ монастырскаго приказа послать памяти“.

Вѣдомости, или, какъ ихъ продолжали называть, „куранты“ стали выходить съ января 1703 года. Первый номеръ первой русской газеты былъ выпущенъ въ количествѣ всего 1.000 экземпляровъ, состоялъ изъ четырехъ страничекъ по 27 строкъ въ каждой и былъ отпечатанъ славянскими литерами. На четырехъ небольшихъ страничкахъ его были помѣщены: мѣстныя московскія извѣстія о состояніи школъ „штюрманской“ и другихъ, о количествѣ родившихся въ Москвѣ мужеска и женска пола человѣкъ, о положеніи дѣла возобновленія погибшей подъ Нарвой артиллеріи; затѣмъ шли краткія извѣстія изъ Казани, Сибири, Олонца, Нарвы. Изъ Олонца сообщалось о подвигѣ попа Ивана Окулова, который, собравъ тысячу человѣкъ охотниковъ, ходилъ „за рубежъ въ свѣйскую границу“ и разорилъ шведскія заставы, побивъ тамъ много шведовъ и забравъ много оружія и запасовъ. Затѣмъ слѣдовали перепечатки изъ „Гамбургской газеты“, сообщавшія по шведскимъ источникамъ о положеніи дѣлъ въ Нарвѣ и Ніеншанцѣ, куда подвигались уже русскія войска, отчего жители „обрѣтались въ бѣдномъ постановленіи“; извѣстія изъ Львова сообщали о польско-казацкихъ дѣлахъ, а изъ Амстердама—тамошнія свѣдѣнія о русскихъ войскахъ и корабляхъ въ Архангельскѣ. Вѣдомости помѣчены 2-мъ числомъ января 1703 г., а извѣстія, сообщаемыя ими изъ Львова, относились къ 11 декабря, изъ Ніеншанца—къ 16 октября, изъ Нарвы—къ 13-му, а изъ Амстердама—къ 10 ноября 1702 г.!

Петръ самъ выбралъ извѣстія для опубликованія и самъ держалъ корректуру перваго номера первой русской газеты. Онъ и впослѣдствіи заботливо слѣдилъ за первыми шагами своего дѣтища: самъ отмѣчалъ въ иностранныхъ газетахъ извѣстія, годныя

для перевода, самъ просматривалъ приготовленный для печати матеріалъ, дѣлалъ выборки изъ него и правилъ корректуру набора. Такіе листы первой газеты съ собственноручными исправленіями царя можно и теперь еще видѣть въ палатахъ стариннаго печатнаго двора въ Москвѣ на Никольской, гдѣ началась печатаніемъ первая русская газета.

Ближайшимъ къ первой русской газетѣ человѣкомъ, ея редакторомъ и частью составителемъ былъ начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ, Θедоръ Поликарповъ. „Лицо довольно извѣстное въ письменности той эпохи, — замѣчаетъ академикъ Пекарскій, — прилежный ученикъ грековъ Лихудовъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ, писалъ извѣстія о московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московской типографіей. Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія; такъ, изъ его трудовъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина, географія, словарь треязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго... Онъ былъ большой любитель слагать силлабическія вирши; во многихъ изданіяхъ московской типографіи встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ“... По своей редакторской дѣятельности Поликарповъ былъ подчиненъ начальнику монастырскаго приказа, гр. И. А. Мусину-Пушкину.

Видъ древнихъ воротъ Московскаго печатнаго двора до 1773 г.

На свое газетное предпріятіе Петръ сознательно возложилъ большую культурную работу. „Вѣдомости“, по мысли царя, должны были не только проводить и распространять новыя знанія въ

народѣ, но и, постоянно знакомя русскихъ людей съ иностранной жизнью, тѣмъ самымъ способствовать ихъ сближенію съ образованнымъ Западомъ, убѣдить русскихъ людей не чуждаться „нѣмца". Обнародывая въ „Вѣдомостяхъ" свои указы, Петръ думалъ тѣмъ

Вѣдомости.

На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ
гоубицъ и мартировъ вылито 400.
тѣ пушки, ядромъ по 24. по 18. и по 12
фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовые и полу-
пудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и дву
пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ,
великихъ, и среднихъ к литью пушекъ гоубицъ.
и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ,
которая приготовлена къ новому литью, больше
40000 пудъ лежитъ.
Повелѣніемъ его величества московскіе школы
оумножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію,
и уже діалектику окончили.
В математической штюрманской школѣ больше 300
человѣкъ оучатся, и добре науку пріемлютъ.
На москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря
родилося мужеска и женска полу 386 человѣкъ.
Изъ персиды пишутъ: Индейскій царь послалъ
в даряхъ великому Государю нашему слона, и иныхъ
вещей не мало. Изъ града шемахи отпущенъ
онъ въ астрахань сухимъ путемъ.
Изъ казани пишутъ, На рекѣ соку нашли много
нефти, и мѣдной руды, из той руды медь
выплавили изрядно, отъ чего чаютъ не малую
быть прибыль московскому государству.
Изъ сибири пишутъ. Въ китайскомъ

Снимокъ съ 1-й страницы „Вѣдомостей."

ближе и лучше знакомить подданныхъ со своими планами и намѣреніями.

И, надо признать, „Вѣдомости" Петра Великаго были живымъ отраженіемъ своего времени, надеждъ и стремленій преобразователя. На первомъ планѣ въ первыхъ русскихъ „Вѣдомостяхъ"

стояли, конечно, военныя извѣстія и извѣстія внѣшнія. Это и понятно: вѣдь издаваться „Вѣдомости“ начали въ самые тяжелые годы Сѣверной войны. Ко дню выхода перваго номера первой русской газеты прошло всего два года со дня того „урока“, какой задалъ русскимъ подъ Нарвой „шведскій паладинъ“. Но тревоги созданныя этимъ событіемъ, къ 1703 году улеглись, Россія уже оправилась, могучая дѣятельность Петра, напрягши всѣ народныя силы, успѣла уже создать и новую армію и новые запасы. Первый номеръ „Вѣдомостей“ и начинаетъ съ того, что не безъ нѣкоторой гордости достигнутымъ успѣхомъ перечисляетъ своимъ читателямъ, какіе военные запасы собраны въ Москвѣ для встрѣчи шведскихъ гостей:

„На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ, гоубицъ и мартиръ вылито 400. Тѣ пушки ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ. Гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. Мартиры бомбомъ девяти, трехъ и двухпудовые и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ и среднихъ къ литью пушекъ, гоубицъ и мартировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болѣе 40.000 пудовъ лежитъ“.

Указывая въ первомъ номерѣ газеты, сколько вылито пушекъ, царь, конечно, хотѣлъ успокоить взволнованное чувство православныхъ людей. Вѣдь на эти пушки пошла и мѣдь снятыхъ съ церквей колоколовъ. Больше колоколовъ брать не будутъ: болѣе 40.000 пудовъ мѣди на пушечномъ дворѣ лежитъ, а снятые пошли на дѣло необходимое, на пользу общую.

Въ извѣстіяхъ о дѣлахъ внутреннихъ сообщалось про находки различныхъ рудъ, нефти, объ основаніи заводовъ, о заведеніи пріѣзжими иностранцами различныхъ мастерствъ, причемъ „Вѣдомости“ не упускаютъ подчеркнуть, что къ этимъ работамъ „съ 200 человѣкъ охотныхъ ребятъ записалось, и простой народъ къ симъ работамъ особливую охоту показуетъ“. Особенно обильны свѣдѣнія о постройкѣ кораблей—любимаго дѣла Петра Великаго.

Въ „Вѣдомостяхъ“ печатались списки книгъ, вышедшихъ за границей и въ Россіи, даже рецензіи ихъ, и извѣстія о любопытныхъ явленіяхъ природы, сопровождающіяся иногда, въ назиданіе читателю, такими замѣчаніями, какъ, напримѣръ, въ статьѣ о затменіи солнца въ 1706 году. „Сіе затменіе,—читаемъ въ „Вѣдомостяхъ“,—когда солнце на большую часть помрачится, у насъ (если небо свѣтло) съ великимъ удивленіемъ и страхомъ больше двухъ часовъ видимо будетъ“. Входя въ интересы читателя, мало знакомаго съ иностранными словами, „Вѣдомости“ толковали эти слова, напримѣръ, такъ: „Ярмуйдъ — пристанище англинское“, „кавалькада — конный ходъ“, „сала (т.-е. зала)—палата“, и т. п.

Любопытны очень въ „Вѣдомостяхъ“ извѣстія объ общественной жизни того времени. Напримѣръ, описаніе торжествъ въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1703 года, по случаю взятія Шлотбурга, Ямбурга и Копорья, или описаніе увеселеній въ Петербургѣ 1719 года, когда была „гульба въ вертоградѣ царскомъ, гдѣ же вся чувства насла-

дилися: зрѣніе—видящи неизреченную красоту различныхъ древесъ, въ линію и переспективу расположенныхъ и фонтанами украшенныхъ; тутъ же рѣчныя устремленія, веселящія и градъ и огородъ царскій; уханіе—отъ благовонныхъ цвѣтовъ, имущее свою сладость; слышаніе—отъ мусикійскихъ и трубныхъ и пушечныхъ гласовъ; вкушеніе—отъ различнаго и нещаднаго питія; осязаніе—пріемлюще цвѣты къ благоуханію". Въ другомъ номерѣ сообщалось суше, дѣловитѣе, что „ассамблеи обыкновенныя продолжаются и, какъ чаемъ, продолжаться оныя еще будутъ до Страстной недѣли".

Итакъ, первая русская газета точно соотвѣтствовала своему заглавію, дѣйствительно была „Вѣдомостями о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ памяти и знанія, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ окрестныхъ странахъ"; но, хотя главное ея содержаніе и составляли извѣстія внѣшнія и внутреннія, простымъ сборникомъ такихъ извѣстій первая русская газета не была и справляла работу болѣе почетную, чѣмъ удовлетвореніе простого любопытства. „Газета была для Петра способомъ разговора съ народомъ". Державный создатель первой русской газеты хотѣлъ имѣть въ ней помощника своему дѣлу и получилъ его. „Вѣдомости" сообщали русскимъ людямъ множество интересныхъ для нихъ свѣдѣній, давали новыя понятія, представленія, знанія, знакомили съ ходомъ текущихъ дѣлъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Вѣдомости, ѡ военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанїа и памати, случившихся в московскомъ гдртвѣ, и во иныхъ окрестны странах. Начаты въ лѣто ѿ Хрта ҂аѱг е, ѿ генварѧ, а ѡкончены декабремъ тогожъ года.

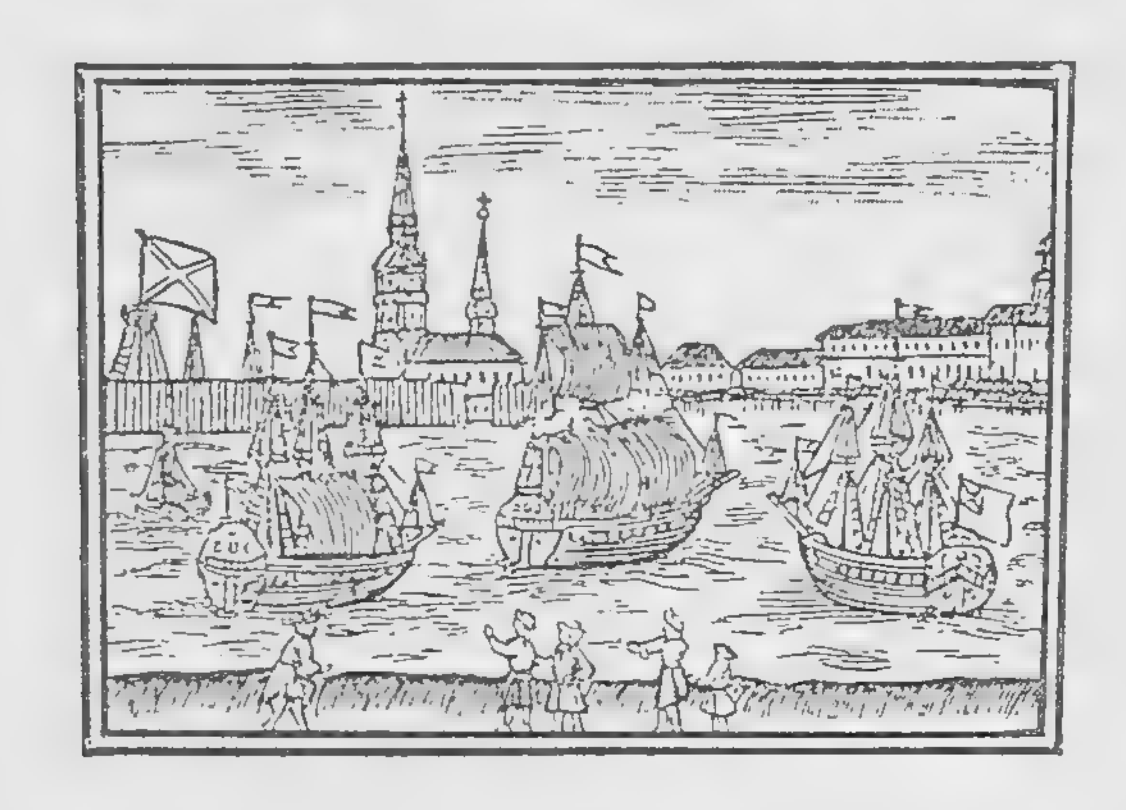
Заглавный листъ „Вѣдомостей" 1703 г.

Изъ „Вѣдомостей" тогдашній читатель знакомился съ ходомъ преобразованій, пріучался обращать вниманіе на новыя явленія русской жизни; знакомясь съ извѣстіями иностранными, привыкалъ чувствовать себя европейцемъ и ловче ощущать себя въ новомъ „нѣмецкомъ" платьѣ.

Въ 1711 г. „Вѣдомости" стали печатать въ Петербургѣ, куда была переведена часть московской типографіи. По преданію, Петръ лично принималъ участіе въ постройкѣ мазанковаго дома для типографіи. Этотъ домъ стоялъ на Петербургской сторонѣ, противъ крѣпости. Въ этой типографіи было напечатано въ количествѣ 20.000 экземпляровъ знаменитое „Разсужденіе, какія законныя причины его величество Петръ Великій, императоръ и самодержецъ

Всероссійскій, къ начатію войны противъ короля Карола 12 шведскаго въ 1700 г. имѣлъ“. Петръ хотѣлъ широкаго распространенія этой книги, въ составленіи которой принялъ личное участіе, но книга распространялась лишь постольку, поскольку ее разсылали и раздавали даромъ, а продавалась она туго; такъ, съ 1722-го по 1725 годъ продали всего 50 экземпляровъ. Около 1714 года была

санктъпiтербурхъ

сентября 20 дня получены изъ лагаря отъ тарковъ.
вѣдомости.

I

Ихъ Велiчествы со всѣмъ Флотомъ прiбыли Моремъ, до Агроханского залiву, Iюля протiвъ 28 чiсла, благополучно. И здѣлавъ лагаръ,
2 былъ

Первая страница „Вѣдомостей“ 1722 года.

основана и первая книжная лавка въ Петербургѣ, находившаяся въ новомъ Гостиномъ дворѣ на Петербургской сторонѣ.

Во время второго путешествія за границу Петръ видѣлся съ Лейбницемъ и разговаривалъ съ нимъ о насажденіи наукъ въ Россіи. Лейбницъ подалъ ему записку о коллегіальномъ устрой-

ствѣ управленія всѣмъ государствомъ и среди другихъ коллегій проектировалъ учрежденіе особой ученой коллегіи, которая должна была по его плану состоять изъ лицъ, „знающихъ свой предметъ основательно, а не поверхностно". „Полуневѣжды, — писалъ Лейбницъ, — не могутъ принести пользы странѣ. Каждый изъ членовъ — архитекторъ, медикъ, химикъ, механикъ, историкъ и пр. — всѣ они должны знать свое дѣло въ такомъ совершенствѣ, какое только возможно въ ихъ время. Обязанности ихъ должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) изложить свою науку по лучшей методѣ и постоянно развивать ее, чтобъ извлекать изъ нея новыя свѣдѣнія; 2) подвергать экзамену тѣхъ, которые годны для путешествія за границу, и указывать вашему величеству, къ чему каждый болѣе способенъ. Польза, которую принесетъ такая коллегія, будетъ слѣдующая: 1) невѣжество мало-по-малу исчезнетъ въ странѣ; 2) въ извѣстныхъ случаяхъ можно будетъ испрашивать совѣта ученой коллегіи; 3) собраніе такихъ замѣчательныхъ людей будетъ привлекать иностранцевъ; 4) посланные за границу юноши возвратятся съ большою пользою, что послужитъ къ уменьшенію расходовъ вашего величества; 5) ваше величество будете имѣть со временемъ изъ вашего собственнаго народа и по всѣмъ предметамъ такихъ же отличныхъ ученыхъ, и даже лучшихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ".

Обрисовавъ устройство ученой коллегіи, которую онъ представлялъ себѣ, какъ академію, облеченную административной властью и главнымъ надзоромъ за народнымъ просвѣщеніемъ, Лейбницъ переходитъ затѣмъ къ устройству университета. Для хорошаго обученія и воспитанія юношества необходимо учредить университетъ. Для этого нужно: 1) большое зданіе, въ которомъ профессора или преподаватели могли бы удобно помѣщаться; 2) хорошая библіотека и 3) типографія. Затѣмъ Лейбницъ дѣлаетъ обзоръ предметовъ, входящихъ въ университетское преподаваніе.

Ко времени посылки за границу Шумахера вопросъ объ академіи, кажется, былъ уже рѣшенъ Петромъ. Шумахеру предписывалось, какъ было отмѣчено выше, стараться о вербовкѣ ученыхъ людей, особенно знаменитаго Вольфа. Вольфъ сначала намеками, а потомъ и яснѣе старался доказывать, что ему въ Россію ѣхать не зачѣмъ, и что врядъ ли это полезное вообще дѣло, учрежденіе академіи, такъ нужно сейчасъ въ Петербургѣ. Не полезнѣе ли будетъ для Россіи распространять науки, а не двигать ихъ дальше, не лучше ли будетъ вмѣсто „общества ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ", просто пригласить профессоровъ для чтенія лекцій, для чего нѣтъ нужды звать именитыхъ ученыхъ, которые къ тому же не поѣдутъ, а достаточно пригласить людей, начинающихъ научную дѣятельность. Петръ, не отказавшись отъ мысли учредить у себя академію, воспользовался мыслью Вольфа объ университетскихъ курсахъ при академіи, а русская жизнь съ ея отсутствіемъ подготовленныхъ для университета людей подсказала

ему необходимость учрежденія при академіи и университетѣ еще гимназіи. Въ январѣ 1724 г. Петръ утвердилъ уставъ академіи наукъ въ Петербургѣ, а въ іюлѣ распорядился достроить „въ самой скорости“ на Васильевскомъ островѣ помѣщеніе для кунсткамеры и библіотеки, „для помѣщенія же академическимъ учителямъ, такожде для обученія студентовъ“ отданъ былъ конфискованный въ казну домъ Шафирова на Петербургской сторонѣ.

Указъ объ учрежденіи академіи наукъ, подписанный Петромъ 28 января 1724 года, т.-е. ровно за годъ до смерти, отчетливо объясняетъ, для чего создается академія, почему она устроена съ университетскими курсами и гимназіей, и какова ея задача въ государственной жизни. Указъ гласилъ: „Учинить академію, въ которой учились бы языкамъ, такъ же прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводили бы книги. На содержаніе оныхъ опредѣлить доходы, которые собираются съ городовъ: Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга (въ суммѣ 24.912 руб.). Къ расположенію художествъ и наукъ употребляются обычайно два образа зданія: первый образъ называется университетъ; второй—академія или соціететъ художествъ и наукъ. Понеже нынѣ въ Россіи зданіе къ возращенію художествъ и наукъ учинено быть имѣетъ, того ради невозможно, чтобъ здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образцу, но надлежитъ, смотря по состоянію здѣшняго государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, черезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и размноженіе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ обои намѣренія не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожъ оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета меньше того, ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными учинить себя могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. И тако потребнѣе всего, чтобы здѣсь такое собраніе заведено было, ежелибъ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны (способны) суть: 1) науки производить и совершить, однакожъ тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первый фундаментъ всѣхъ наукъ паки обучать могли. И такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тое же бы съ великой пользой чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія (академія, университетъ, гимназія) чинятъ“.

Во главѣ академіи былъ поставленъ лейбъ-медикъ царя Блументростъ, академики были выписаны изъ Германіи, и среди нихъ находилось нѣсколько настоящихъ и будущихъ знаменитостей,

какъ, напримѣръ, Бернулли, Бильфингеръ, Германъ, Эйлеръ. Но, прибывъ въ Петербургъ, они оказались въ довольно странномъ положеніи. Петръ скончался, его преемница, мягко сказать, мало интересовалась академіей. Межъ тѣмъ приглашенные профессора по контракту должны были читать лекціи, но кому читать? Слушателей не было. Тогда и слушателей выписали изъ Германіи. Пріѣхало восемь человѣкъ студентовъ, профессоровъ же было семнадцать! Дѣлать нечего, профессора стали ходить на лекціи другъ друга. Удачнѣе началась дѣятельность гимназіи. Въ первый же годъ въ нее поступило 120 человѣкъ. Слѣдующіе годы поступало меньше, и тогда правительство, чтобы избѣжать гибели гимназіи, открыло въ нее доступъ дѣтямъ солдатъ, мастеровъ корабельныхъ, даже крѣпостныхъ. Окончившіе гимназію могли поступать на университетскіе курсы при академіи. Но кончало гимназистовъ самое малое число, большинство же ихъ, подучившись немного, спѣшило на службу, такъ что университетскіе курсы пустовали, и тогда стали въ дополненіе къ кончавшимъ гимназію набирать лучшихъ учениковъ изъ Заиконоспасской московской академіи, изъ духовныхъ школъ новгородской и при Александро-Невскомъ монастырѣ.

Такими робкими шагами водворялась въ Россіи общеобразовательная школа, несшая съ собой европейское просвѣщеніе. Люди, прошедшіе школу Петра, конечно, выносили изъ нея большій запасъ дѣйствительныхъ знаній, болѣе систематизированный и неизмѣримо болѣе стоявшій на уровнѣ тогдашней европейской науки, чѣмъ тотъ, который они могли получать въ условіяхъ жизни Московскаго государства.

Въ пособіе школѣ и независимо отъ нея, просто „на благое просвѣщеніе", книжный рынокъ при Петрѣ неузнаваемо обновился и расширился. Кажется, не осталось ни одной отрасли наукъ безъ одной, двухъ и болѣе переведенныхъ книжекъ, почти всегда удачно и хорошо выбранныхъ. Переводились книги не только нужныя для разныхъ прикладныхъ знаній, но и касавшіяся очень общихъ темъ. Зайдетъ ли рѣчь объ языческой религіи—царь прикажетъ найти подходящее сочиненіе и напечатать его; упомянутъ объ Овидіи — переводятся его сочиненія, „Метаморфосеосъ, т.-е. премѣненіе", переводятъ „Исторію о настоящемъ управленіи Турецкой имперіи" и много-много другихъ. Академикъ П. Пекарскій цѣлый толстый томъ наполнилъ перечисленіемъ и описаніемъ изданныхъ при Петрѣ книгъ, и все-таки нельзя сказать, чтобы онъ исчерпалъ весь запасъ ихъ до конца. У Пекарскаго описана 591 книга, не считая „Вѣдомостей" и книгъ, которыхъ ему не пришлось видѣть самолично.

Петръ никогда не ограничивался тѣмъ, что только выбиралъ съ чужого голоса книгу и приказывалъ ее переводить и печатать, онъ находилъ время слѣдить за самой работой перевода и изданія полюбившейся ему книги. Въ 1709 г. Иванъ Зотовъ, переводившій книгу „О фортификаціи манеры Блонделевой", получилъ отъ царя такое наставленіе: „Въ книжкѣ, которую переводите, остерегайтесь

въ томъ, дабы внятнѣе перевесть особливо тѣ мѣста, которыя учатъ какъ дѣлать; и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, по точію, сенсъ выразумѣвъ. на своемъ языкѣ такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“... Книга Пуффендорфа „Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ“ была, кажется, одной изъ любимыхъ книгъ Петра послѣ басенъ Эзопа, которыя онъ охотно цитировалъ во всѣхъ подходящихъ случаяхъ. Трудъ Пуффендорфа онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть переведеннымъ на русскій языкъ и велѣлъ переводить его около 1716 г., когда начинались его гражданскія реформы. Разсказываютъ, что, когда переводчикъ принесъ Петру свою работу, онъ жадно схватилъ рукопись и сталъ перелистывать ее, разыскивая какое-то мѣсто. Искалъ онъ ту страницу, гдѣ „Пуффендорфъ довольно рѣзко выражается о московскихъ людяхъ и порядкахъ. Переводчикъ частью выпустилъ, частью смягчилъ рѣзкія выраженія автора. Петръ, не найдя того, что ему было нужно, отбросилъ рукопись и, нахмурившись, сказалъ переводчику: „Дуракъ! Что я тебѣ велѣлъ сдѣлать? Перевести книгу! А ты развѣ перевелъ? Поди и сдѣлай, что тебѣ было приказано!“

Потомъ, при императрицѣ Аннѣ, этотъ точный петровскій переводъ отбирали, и книга Пуффендорфа стала запрещенной при преемникахъ Петра, чувствовавшихъ горькую правду въ рѣзкихъ словахъ ученаго и не умѣвшихъ побѣдить указанное имъ зло.

Съ 1708 года книги стали печататься новымъ шрифтомъ, смѣнившимъ прежній церковно-славянскій. Эта перемѣна возникла сама собой, выросла изъ практики печатнаго дѣла. Кромѣ Россіи, Петръ печаталъ русскія книги за границей, въ Амстердамѣ, и тамъ натолкнулся на трудность, которую составлялъ наборъ церковнославянскими литерами для наборщиковъ-иностранцевъ; трудно давалось за границей и изготовленіе славянскихъ литеръ; кромѣ того, многія литеры казались лишними для языка, уже далеко отошедшаго въ произношеніи и грамматикѣ отъ славянскаго. Вся тяжеловѣсность и неуклюжесть славянскаго шрифта, занимавшаго такъ много мѣста по сравненію съ латинскимъ, особенно рѣзко бросалась въ глаза въ амстердамскихъ изданіяхъ—грамматикахъ и лексиконахъ, гдѣ оба алфавита фигурировали рядомъ. Нашъ церковно-славянскій шрифтъ былъ настолько неудобопріемлемъ для голландцевъ, что они невольно начали его латинизировать. Нѣкоторыя славянскія буквы въ своихъ общихъ очертаніяхъ были приближены голландскими словолитнями къ латинскимъ, рѣзкіе углы нѣсколько были сглажены, утолщенія исчезли, и литеры пріобрѣли округлость и легкость, совершенно несвойственную московской церковной печати. Насколько въ общемъ эти измѣненія были значительны, можно судить по одной изъ первыхъ выпущенныхъ въ Голландіи русскихъ книгъ „Поверстаніе круговъ небесныхъ съ толкованіемъ“, гдѣ пущенъ въ дѣло шрифтъ въ родѣ нашего курсивнаго, и этотъ шрифтъ въ своихъ общихъ очертаніяхъ очень напоминаетъ нашъ современный гражданскій шрифтъ.

Въ время своихъ заграничныхъ поѣздокъ Петръ часто дер-

Снимокъ съ собственноручнаго распоряженія Петра Великаго о печатаніи книгъ новыми литерами.

жалъ въ рукахъ книги иностранной печати и, какъ прирожденный техникъ и человѣкъ дѣла, не могъ не оцѣнить достоинствъ и техническихъ удобствъ латинскаго шрифта въ сравненіи съ труднымъ и тяжеловѣснымъ славянскимъ. Приблизить своеобразный прямоугольный шрифтъ русскихъ книгъ къ общепринятому круглому подвижному шрифту латинскаго Запада стало естественнымъ желаніемъ Петра. И вотъ онъ среди самаго разгара борьбы съ Карломъ, „среди ада“, какъ онъ самъ говорилъ, началъ составлять образцы новаго шрифта и „своимъ неусыпнымъ тщаніемъ изволилъ изобрѣсть новый абецадлъ или азбуку“, говоритъ Ѳедоръ Поликарповъ.

Къ 1708 г. были уже готовы сдѣланные въ Голландіи и у себя дома новые шрифты.

1 января 1708 г. Петръ Великій издалъ указъ о приступѣ къ печатанію новымъ амстердамскимъ шрифтомъ. По этому случаю въ одномъ документѣ, относящемся къ московской типографіи, записано: „По оному указу въ той типографіи печатаніемъ начались января съ 14 числа того 1708 года на русскомъ языкѣ предписанными новоизобрѣтенными амстердамскими литеры разнаго званія гражданскія книги, а въ томъ числѣ геометрія да азбука“.

Первой книгой, отпечатанной гражданскимъ шрифтомъ, была геометрія, присланная для печати Петромъ Великимъ „изъ военнаго похода“ въ 1707 году. Полное ея заглавіе, съ возможнымъ

[і]

Изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ.

А	А	а	А	А	А	а	а	Азъ
Б	Б	Б	Б	в	б	б	б	Буки
В	В	В	В	В	в	в	в	Веди
Г	Г	Г	Г	Г	г	г	г	Глаголь
Д	Д	д	д	Д	д	д	д	Добро
Є	Е	Є	є	є	е	е	е	Єсть
Ж	Ж	Ж	Ж	ж	Ж	ж	ж	Живете
Ѕ	S	S	Ѕ	s	s	s	s	Ѕело

Дано лѣта господня 1710.
Генваря въ 29 день

Снимокъ съ образца гражданской азбуки, правленной рукою Петра Великаго.

сохраненіемъ правописанія и шрифта, таково: „Геометріа славенскі ѕемлемѣріе іѕдадеся новотипографскімъ тісненіемъ. Повелѣніемъ благочестівѣйшаго великаго государя нашего царя і великаго князя Петра Алексіевича всея великія, и малыя, і бѣлыя Россіи самодержца. При благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ Алексіи Петровичѣ. Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. Въ лѣто міроѕданіа 7216, отъ Рождества же плоті Бога Слова 1708, індикта перваго мѣсяца марта“. На слѣдующемъ листѣ книги такое заглавіе: „Пріемы циркуля і линейкѣ іли іѕбраннѣйшое начало въ математическіхъ іскуствахъ, імже воѕможно легкімъ і новымъ способомъ вскорѣ доступіті ѕемлемѣріа і іныхъ іѕ онаго проісходящіхъ іскуствъ“. Печаталась эта первая книга въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, вышла въ свѣтъ въ мартѣ и представляетъ собою большой томъ въ 283 страницы въ 4°, съ гравюрами и 135 чертежами на отдѣльныхъ листахъ.

Новоизобрѣтенный шрифтъ новой гражданской печати, окончательно утвержденный государемъ послѣ многихъ его собственноручныхъ исправленій въ 1710 г., отличался отъ славянскаго тѣмъ, что въ немъ были вовсе уничтожены славянскія буквы: и, ѕ, ѡ, ѿ, ꙁ, ѱ, ꙋ, ѵ и откинуты силы (ударенія) и титлы. Остальныя буквы получили почти такое же начертаніе, какое онѣ имѣютъ и въ настоящее время, съ слѣдующими исключеніями. Буква д сначала походила на латинскую g, прописная же сохранила прежнюю форму Д; вмѣсто з и ѕ введено было латинское s; вмѣсто и, ї, й принята была одна только буква і безъ всякаго надстрочнаго знака; начертанія т и п были сдѣланы сходными съ латинскими m и n; буквы ц, ф, ъ и ь также имѣли нѣкоторыя отличія въ очертаніи отъ нынѣшнихъ.

Такимъ первоначальнымъ амстердамскимъ шрифтомъ съ его латинизированными особенностями славянскаго алфавита были напечатаны въ 1708 году три книги: 1) „Геометріа, славенски землемѣріе“; 2) „Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительные и сожалѣтельные и иные, такожде между сродниковъ и пріятелевъ“; 3) „Книга о способахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободное“, или кратко: „Книга слюзная“.

Новый шрифтъ установился постепенно, и Петръ не разъ впослѣдствіи производилъ измѣненія и перемѣны въ составѣ и количествѣ буквъ русскаго алфавита. Только къ 1710 году установилось нѣкоторое единообразіе шрифта, послѣ того, какъ царь еще разъ тщательно просмотрѣлъ оттиски буквъ, окончательно исправилъ, что было неудачно, и рѣшительно откинулъ то, что казалось ненужнымъ. На собственноручно исправленномъ оттискѣ алфавита Петръ написалъ: „Сими литеры печатать історическіе и манифактурныя книги, а которые подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять“. Въ этомъ образцовомъ оттискѣ

Петръ перечеркнулъ всѣ заглавныя и прописныя славянскія буквы и совершенно исключилъ буквы: „отъ“, „омегу“ и „пси“.

Новыя книги, напечатанныя новымъ шрифтомъ, несли въ обиходъ русскаго человѣка петровскихъ временъ новую науку, новыя знанія, рѣшительно покрывавшія собой и отодвигавшія въ глубь далекаго прошлаго все, что считала знаніемъ и образованностью московская Русь. Конечно, не сразу, но ясно и опредѣленно новая школа и новая книга мѣняли умственный, а частью и нравственный обликъ русскаго человѣка, прошедшаго черезъ петровскую школу и научившагося читать и цѣнить новыя европейскія книги. Неузнаваемы становились тѣ, кому удалось долго и сознательно прожить за границей и впитать въ себя европейскую культурность. Правда, такіе люди были единичны, но они клали доброе начало пріобщенію Россіи къ числу европейскихъ народовъ.

Заглавный листъ „Ариѳметики“ Л. Магницкаго 1703 г.

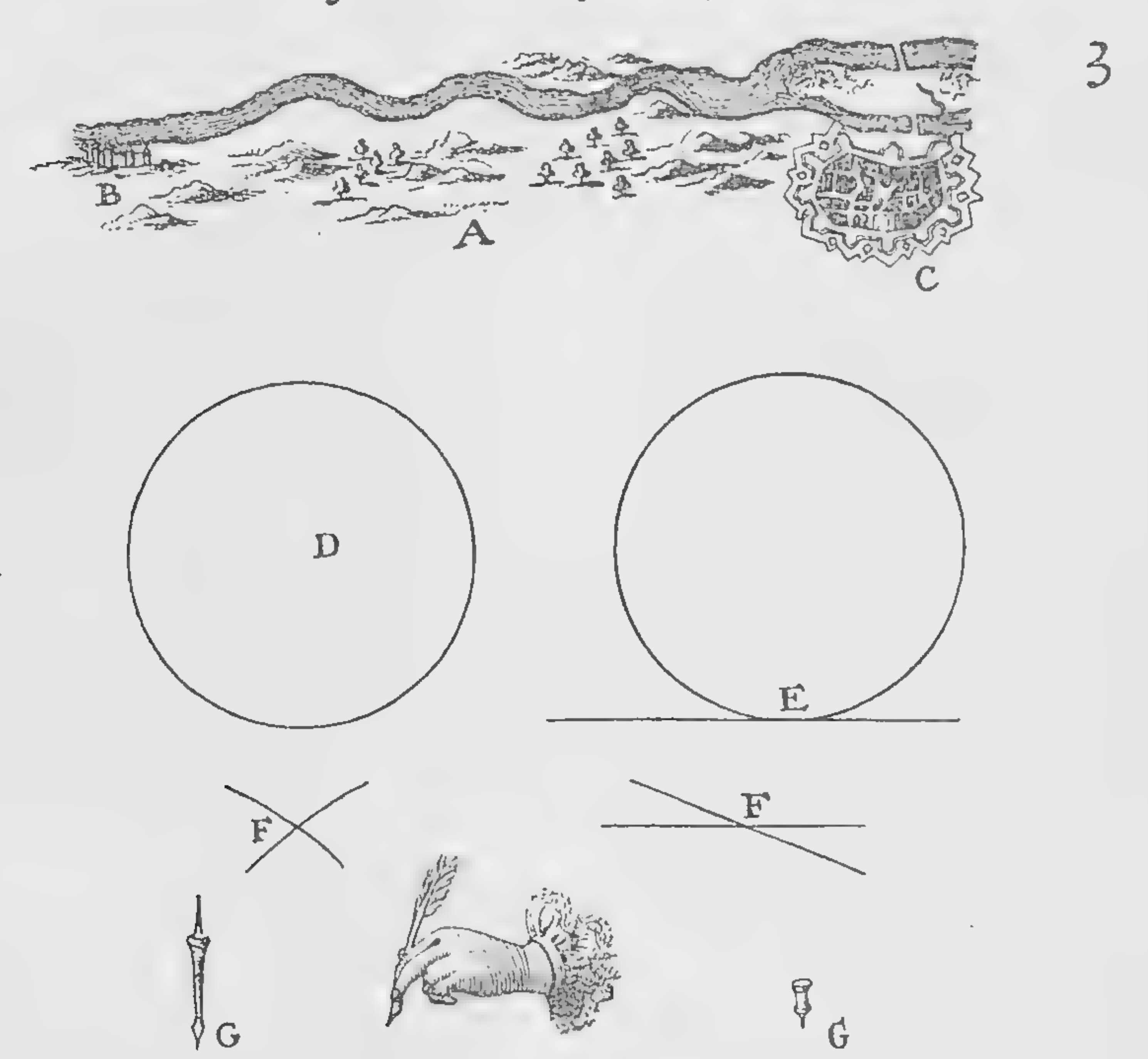
Надо признать, что за полстолѣтіе съ 1675 по 1725 годъ русскій просвѣщенный человѣкъ продѣлалъ хорошую умственную гимнастику: отъ начетчика и знатока книгъ, дрожавшаго за единый азъ священныхъ книгъ и бѣгавшаго отъ „еллинскихъ борзостей и латинскихъ прелестей“, онъ попалъ въ славяно-греко-латинскую академію, гдѣ постигъ сладости и эллинскаго и латинскаго глагола, сталъ бойко разбираться въ тонкостяхъ схоластической философіи и богословія и научился строить „ораціи“ по самымъ послѣднимъ рецептамъ схоластической выучки и сочинять тяжеловѣсныя и неуклюжія силлабическія вирши не только назидательнаго характера, но и игриваго, на увеселеніе слушающимъ. Такой человѣкъ зналъ, что такое грамматика, и, вооруженный ею, свободно относился къ буквѣ, „изыскуя не того, какъ написано, а выразумѣвая силу писаннаго“.

Изъ латинской и греческой школы государство послало русскаго человѣка учиться новымъ языкамъ, за тѣмъ, чтобы ѣхать му въ чужіе края или у себя дома у пріѣзжихъ иноземцевъ

[3]

ІСТОЛКОВАНІЕ

нѣкоторыхъ словѣ, яже обычаіно прі математіческіхъ іскуствіяхъ употребляются.

пунктъ, есть мнѣшая точка, о неі же мыслiті возможно, і не можетъ вяще мнѣші разделена быті, іли въ неі же намъ здѣ не надлежітъ какова дѣленія прімѣчаті. А ради недоволноі остроты очесъ, дѣлается оная іногда доволно веліка. A

Такімъ обычаемъ могутъ въ маппахъ разлічные мѣста, яко бы, вѣна і лінцъ, еже лі іхъ растояніе мілямі пожелается, пункты быть. B C

Еже лі стоітъ пунктъ по среді круга, то называется ЦЕНТРУМЪ. D

пунктъ касателныи, есть тоі, когда прямая лінея мімо ідучі, во одномъ мѣстѣ до круга доткнется, а непрорѣжетъ, сіе мѣсто называется пунктъ касателныи. E

пунктъ прорѣзателныи сочіняется.

Когда двѣ дугі, іли лінеі на крестъ прорѣжутся. F

пункты дѣлаются періемъ, Карандашамі, цірколнымі концамі, іглою, іли інымі остроконечнымі вещмі, Какъ возможно малы. G

Л 2 О лі-

Снимокъ съ Геометріи, первой гражданской книги, напечатанной въ 1708 г.

Тріумфальныя ворота, воздвигнутыя въ Москвѣ, по случаю Полтавской побѣды, трудами школьныхъ учителей.

учиться навигаціи, инженерству, военному дѣлу, навыкая всему не только въ теоріи, но и на практикѣ. Изъ кабинета ученаго схоласта, философа и богослова русскій образованный человѣкъ оказался командированнымъ къ грубому практическому дѣлу, которое предстояло ему вершить, какъ службу отечеству, руководясь воспринятыми въ школѣ теоретическими знаніями. Приведенный къ дѣлу, на которомъ постоянно приходилось сталкиваться въ качествѣ начальника и подчиненнаго съ иноземцами, русскій человѣкъ, уже одѣвшій европейскую одежду, долженъ былъ волей-неволей перенять европейскіе обычаи и правила общежитія. Такимъ путемъ вырабатывались люди, далекіе по своему міросозерцанію и міропониманію отъ своихъ отцовъ, выросшихъ въ завѣтахъ московской Руси XVII в., и болѣе похожіе на голландцевъ и нѣмцевъ, чѣмъ на русскихъ людей XVII-го вѣка.

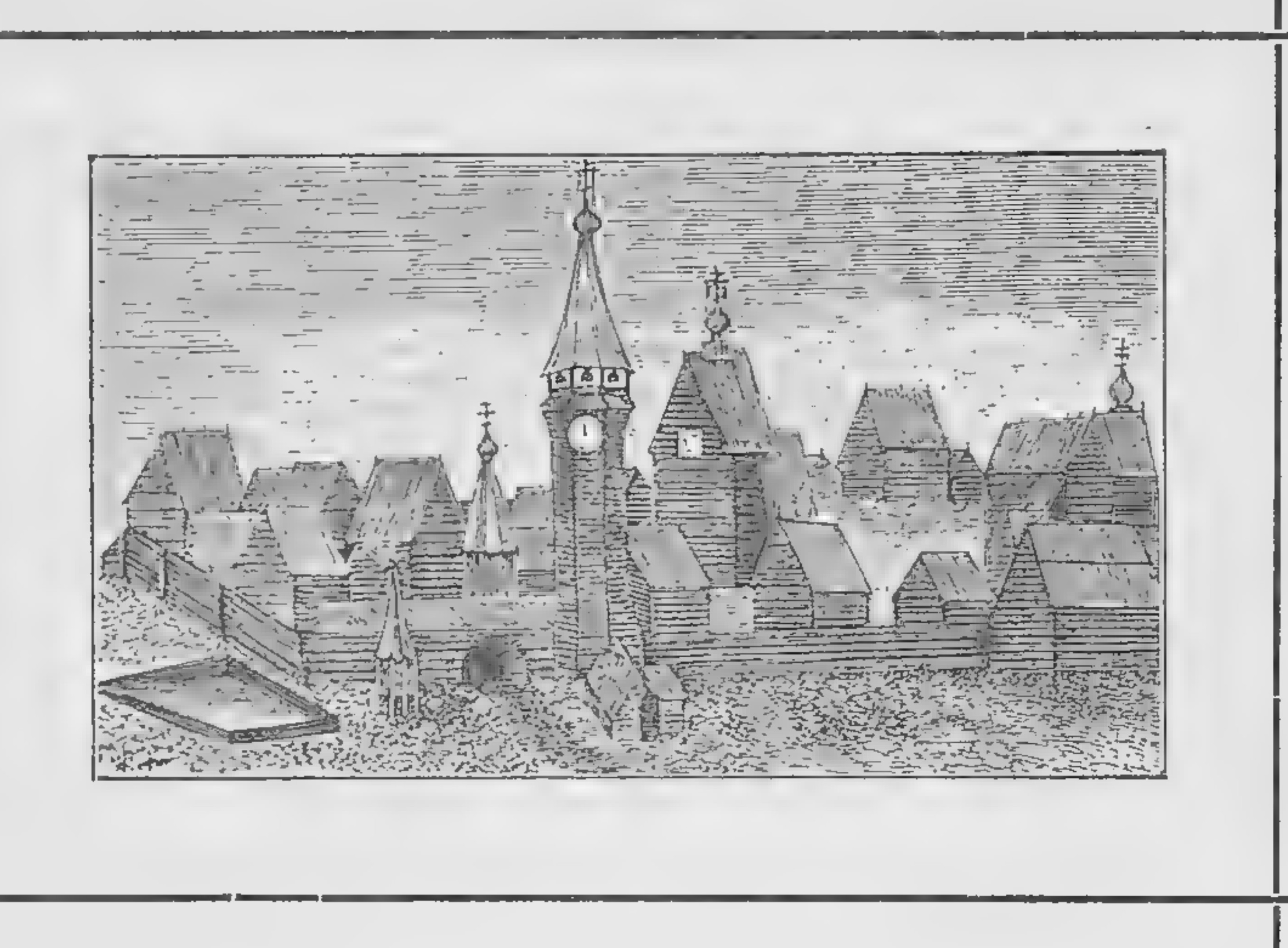
Конечно, это были единицы, все больше люди, постоянно и близко стоявшіе около Петра и руководимаго имъ дѣла; чѣмъ дальше отъ дѣла и Петра стоялъ русскій человѣкъ, тѣмъ ближе онъ былъ и по облику и по развитію къ своимъ ближнимъ предкамъ—среднимъ московскимъ людямъ XVII вѣка. Но дальнѣйшей жизни русскаго общества дѣломъ Петра былъ данъ, во всякомъ случаѣ, толчокъ къ тому, чтобы увеличивалось число людей за-

паднаго образца, и западное вліяніе больше просачивалось въ массы населенія, пріобщая ихъ общеевропейской культурности и образованности. Этого требовала сама жизнь государства, устроившагося на западный образецъ и принявшаго большое участіе въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Чтобы стоять на высотѣ европейскихъ дѣлъ, надо было оставаться европейцами; повернуть назадъ, въ Москву, пошедшій по новымъ волнамъ государственный корабль не удалось поборникамъ старины даже тогда, когда рулевое колесо выпало изъ рукъ умершаго шкипера: ходъ впередъ къ Западу, взятый еще до Петра и имъ рѣшительно проложенный и закрѣпленный, на поворотъ не сдавался, несмотря на то, что за ходъ впередъ, какъ и при самомъ Петрѣ, долго еще стояло меньшинство.

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIII—XVIII; *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, вып. III; *П. Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; *Его же*, Петербургская старина; *П. В. Соколовскій*, Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа; *С. А. Бѣлокуровъ*, О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в.; *Е. Ф. Шмурло*, П. В. Постниковъ; *Г. В. Балицкій*, Зарожденіе періодической печати въ Россіи; *А. Н. Шлоссбергъ*, Начало періодической печати въ Россіи; *С. Щегловъ*, Двѣ С.-Петербургскія школы въ первой половинѣ XVIII в.; *Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи; *Кедровъ*, Духовный регламентъ; и нѣк. др. книги и статьи:

Памятникъ Петру I въ С.-Петербургѣ передъ Инженернымъ замкомъ, отлитый К. Растрелли.

Старообрядческая Выгорѣцкая пустынь въ XVIII столѣтіи.

Старообрядчество во времена Петра Великаго.

Царствованіе Петра началось въ моментъ сильнаго церковно-религіознаго движенія въ русскомъ народѣ, вызваннаго преобразованіями церковнаго строя при царѣ Алексѣѣ и патріархѣ Никонѣ, а питавшагося смутно и неявно выраженнымъ, но ясно сознаннымъ недовольствомъ народныхъ массъ реформами западнически настроеннаго правительства. Эти реформы, прежде всего военная, стоили очень дорого и увеличивали и безъ того тяжелый податной гнетъ и личныя повинности жителей Московскаго государства до тягостей неудобьносимыхъ. Церковная реформа, проведенная къ тому же крайне рѣзко и безтактно, переполнила чашу долготерпѣнія и создала возможность протестовать противъ всѣхъ вообще реформъ, какъ дѣла безбожнаго, не-церковнаго. Протестанты противъ церковныхъ новшествъ естественно стали протестантами и вообще противъ нововведеній, мѣнявшихъ старинный складъ жизни. За старые обряды, вообще за старину ревнители древляго благочестія мѣстами подняли оружіе. Въ 1686 г. на Дону сформировались значительныя скопища вооруженныхъ людей, хотѣвшихъ итти на Москву противъ патріарха, бояръ и архіереевъ, „которые всю вѣру порушили“. Крѣпости и городки въ тамбовскомъ краю были заняты возставшими, ожесточенно отбивавшими всѣ приступы посланныхъ противъ нихъ правительствомъ военныхъ отрядовъ; на сѣверѣ старообрядцы тоже овладѣли нѣкоторыми укрѣпленными пунктами. Въ 1693 г. старообрядцы взволновали весь астраханскій край и осадили городъ Черный-Яръ. Правительство, видя въ этихъ протестантахъ-старообрядцахъ и политическихъ враговъ, бунтовщи-

ковъ, начало преслѣдованіе ихъ и прежде всего, конечно, на церковной почвѣ, стараясь казнями, ссылкой, пыткой заставить тѣхъ, кто стоялъ за старые обряды, принять новые.

Массовыя правительственныя преслѣдованія старообрядцевъ начались съ распоряженія правительницы царевны Софіи, изданнаго въ 1685 г., по которому предписывалось „раскольщиковъ“ послѣ троекратнаго допроса у казни, если останутся упорны, жечь въ срубахъ; учителей раскола повелѣвалось казнить смертью, даже если кто покается передъ казнью; несогласіе съ новыми обрядами офиціально стали называть расколомъ. Церковь и дѣйствительно раскололась, такъ какъ отъ новыхъ обрядовъ отшатнулось очень значительное число русскихъ людей. Торжествующая сторона въ лицѣ духовныхъ властей назвала сторонниковъ старыхъ обрядовъ раскольниками, на нихъ однихъ возложивъ вину раскола церкви. Это была несправедливость сильнаго, по крайней мѣрѣ столь же виновнаго въ расколѣ, сколько и тѣ, которымъ пришлось нести на себѣ обидное названіе раскольниковъ. Отъ преслѣдованія и казней ревнители старыхъ обрядовъ бѣжали на окраины Россіи и за границу. Тогда началось заселеніе старообрядцами дремучихъ керженскихъ лѣсовъ въ нижегородскомъ краѣ, стародубскихъ въ черниговскомъ, Дона, сѣвернаго поморья, Сибири, Предкавказья; колоніи старообрядцевъ появились въ шведскихъ владѣніяхъ, въ Польшѣ, въ цесарской землѣ, т.-е. въ Австріи, и даже въ Турціи.

Старообрядчество ко времени воцаренія Петра жило въ смутѣ и тревогѣ. Проклятіе, произнесенное надъ ревнителями старыхъ обрядовъ соборами 1666—1667 гг., вырыло рѣзкую грань между ними и господствующей церковью, принявшей новые обряды. Въ глазахъ старообрядцевъ это проклятіе не было голосомъ церкви, хотя соборный приговоръ и скрѣпили своимъ присутствіемъ и подписями восточные патріархи. По мнѣнію старообрядцевъ, патріархи, ничего не понявъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ, дѣйствовали по указаніямъ никоніанъ. Такой приговоръ старообрядцы не могли признать правильнымъ и отвѣтили на него тоже чрезвычайно рѣзко.

Грань, легшая послѣ всего этого въ церковномъ отношеніи между русскими людьми, обособила внѣ церкви цѣлую группу искренно и горячо вѣрующихъ людей, полно и живо интересовавшихся церковной жизнью. Какъ же имъ было смотрѣть на себя послѣ всего случившагося? Если никоніанская церковь заблуждалась и приняла греческія новшества, отъ которыхъ такъ береглась до того русская церковь, то теперь задачей жизни ихъ, старообрядцевъ, становится беречь чистоту православія, отъ которой ушли всѣ тѣ, кто приняли новые обряды. По мнѣнію ревнителей старыхъ обрядовъ, не они, старообрядцы, слѣдовательно, ушли изъ церкви, а принявшіе новые обряды. Что восторжествовали носители новыхъ обрядовъ, старообрядцы объясняли себѣ наступленіемъ послѣднихъ временъ, когда по всѣмъ сказаніямъ и пророчествамъ ожидалось паденіе истинной вѣры и торжество ея искаженія. Это преданіе и припомнили старообрядцы, и на выводахъ

изъ него построилось все ихъ тогдашнее „смущенное и смятенное“ душевное состоянiе.

Итакъ, наступили послѣднiя времена. Цѣлый трактатъ, такъ называемая „Книга о вѣрѣ“, указывалъ даже годъ, а именно 1666, какъ годъ великой грозы и несчастья для церкви. Припоминали пророчества Апокалипсиса и разсчитывали, основываясь на этой книгѣ, что если въ 1666 году надо ждать антихриста, то разъ въ Апокалипсисѣ стоитъ, что царство этого врага Божiя продлится два съ половиной года, то конецъ мiру наступитъ, значитъ, въ 1669 году. Впечатлѣнiе отъ этихъ выкладокъ было такое сильное, что во многихъ мѣстностяхъ тогдашней Россiи съ осени 1668 г. люди перестали заниматься обыденными дѣлами своими, забросили поля, не пахали, не сѣяли; съ 1669 г. бросили и избы, собирались подъ открытымъ небомъ, молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, прiобщались св. дарами, освященными еще до реформы обрядовъ, и ждали съ замиранiемъ сердечнымъ каждой полуночи, такъ какъ въ полночь, по преданiю, раздастся страшный звукъ трубы архангельской, возвѣщающей пришествiе Сына Божiя для послѣдняго суда надъ мiромъ. Но 1669 годъ прошелъ, не принеся никакихъ ужасовъ: все въ мiрѣ стояло неколебимо и нерушимо. Одни стали тогда говорить, что нечего ждать чувственнаго антихриста, видимаго и осязаемаго, нельзя и буквально понимать все сказанное о немъ: антихристъ придетъ и воцарится духовно, да онъ и пришелъ уже духовно и царствуетъ. Другiе побѣдоносно возражали противъ этого мнѣнiя, доказывая, что Св. Писанiе ясно говоритъ не о духовномъ, а именно о чувственномъ антихристѣ, и что по волѣ Божiей не исполнился еще фiалъ Его гнѣва, что возможно еще торжество правой вѣры: она не можетъ не торжествовать, если переживаемое время далеко отъ конца вселенной.

Начетчики еще разъ пересмотрѣли всѣ сказанiя и пророчества и нашли большую ошибку въ прежнихъ выкладкахъ. Дѣло въ томъ, что считали годы отъ Рождества Христова, а сатана былъ связанъ на тысячу лѣтъ при воскресенiи Христовомъ. Пришествiе антихриста надо отодвинуть на срокъ всей земной жизни Господа, т.-е. на 33 года, и ждать антихриста надо, слѣдовательно, въ 1699 г., конца же вселенной — въ 1702 г. „О послѣднемъ днѣ и объ антихристѣ не блазнитеся, — писалъ послѣ этихъ новыхъ разъясненiй Аввакумъ, — еще онъ, послѣднiй чортъ, не бывалъ. Нынѣшнiе бояре комнатные, ближнiе друзья его, еще возятся яко бѣсы, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илiя и Енохъ, обличители, прежде придутъ, а потомъ антихристъ, въ свое время“.

Гоненiя на старообрядцевъ, наступившiя при Софiи, конечно, старообрядства не уничтожили, а напряженности ожиданiя скораго второго пришествiя Спасителя не уменьшили. Отсроченное вычисленiями начетчиковъ, ожиданiе даже возрастало въ силѣ и въ концѣ концовъ разразилось страшной эпидемiей самосожженiй. Люди стали стремиться сгорѣть, утопиться, уморить себя голодомъ—

только бы уйти изъ этого міра, обреченнаго въ достояніе антихристу. Такая смерть, хотя и самовольная, но имѣвшая цѣлью спасти душу отъ когтей антихристовыхъ, приравнивалась проповѣдниками самосожженія къ мученичеству. Ждать свѣтопреставленія въ міру безъ того, чтобы какъ-нибудь нечаянно „не причаститься антихристовымъ князем", невозможно, такъ какъ невозможно уберечься отъ ядения и питія съ еретиками, „а какъ сгорѣлъ, отъ всего уже ушелъ". Всѣ грѣхи очищаетъ огонь, и при концѣ вселенныя рѣка огненная потечетъ черезъ всю землю и поглотитъ все, святые и апостолы должны будутъ пройти этотъ очистительный потокъ, а кто вкуситъ огненную смерть здѣсь, тотъ будетъ избавленъ отъ страшнаго огня. Въ писаніяхъ протопопа Аввакума вычитали призывъ къ самоубійственной огненной смерти, хотя онъ имѣлъ въ виду, ободряя единомышленниковъ на смерть въ огнѣ, не самоубійство, а тѣ срубы и костры, которые щедро стало уготовлять для послѣдователей старообрядства правительство. „О, братіе и сестры,—возглашали проповѣдники самоубійственныхъ смертей,—полно вамъ плутати и попамъ окупъ давати: елицы есте добріи свое спасеніе возлюбите и скорымъ путемъ съ женами и дѣтьми въ царствіе Божіе тецыте. Радѣйте и не слабѣйте; великій страдалецъ Аввакумъ благословляетъ и вѣчную вамъ память воспѣваетъ: тецыте, тецыте, да вси огнемъ сгорите. Приближися сѣмо, старче, съ сѣдыми своими власы; приникни, о, невѣсто, съ дѣвическою красотою; воззрите въ сію книгу, священную тетрадь: что—мутимъ мы васъ или обманываемъ? Зрите слогъ словесъ и чья рука, знайте: самъ сіе начерталъ великій Аввакумъ, славный страдалецъ, второй во всемъ Павелъ; се сіе слово чту, еже святая его рука писала". И проповѣдникъ разсказывалъ дальше, „распаляяся", словеса на словеса нанизывая, о близкой кончинѣ міра, о святыхъ мученикахъ, которые при Деціи и Діоклетіанѣ, безбожныхъ римскихъ царехъ, сами шли на самовольную смерть, предпочитая ее грѣшной жизни.

Душевное напряженіе самосожигателей достигало той крайности, когда люди жаждали увлечь съ собой всѣхъ, всѣхъ спасти и очистить огнемъ; на своей увѣренности въ спасительной силѣ огня основывали они свое право вести въ пещь хотящихъ и не хотящихъ. „Хотѣлъ бы я,—говорилъ, какъ передаетъ намъ современникъ, одинъ учитель самосожженія,—дабы весь Романовъ (родной его городъ) притекъ на берегъ Волги съ женами бы да съ дѣтьми, побросалися бы въ воду и погрязли бы на дно, чтобы не увлекаться соблазнами міра; а то и еще лучше: взялъ бы я самъ огонь и запалилъ бы городъ; какъ бы весело было, кабы сгорѣлъ онъ изъ конца въ конецъ со старцами и съ младенцами, чтобъ никто не принялъ изъ нихъ антихристовой печати". За Романовымъ сгорѣлъ бы, быть-можетъ, другой городъ, тамъ третій, вся бы Русь святая приняла огненное очищеніе, а за ней очистилась бы огнемъ и вся земля отъ конецъ и до конецъ вселенныя.

Это былъ ревнительный мистическій огненный бредъ, отъ котораго кружилась голова, терялось всякое ощущеніе дѣйстви-

тельности, и людей охватывала одна сильная и стремительная мысль—итти въ огонь. О смерти въ огнѣ говорили даже малыя дѣти. Тѣ, кто не рѣшались сами пойти въ огонь, заставляли себя сдѣлать это подъ страхомъ казни, вызывая на себя посылку солдатъ послѣ сознательнаго совершенія какого-нибудь грубаго кощунства или святотатства въ православномъ храмѣ. Тогда по Уложенію и по закону царевны Софіи все равно грозила смерть, и напряженному уму старообрядца казалось лучше самому пойти ей навстрѣчу, а не ждать „сквернаго“ прикосновенія къ себѣ слугъ антихристовыхъ. Съ 1666-го по 1690-й годъ сгорѣло такимъ образомъ не менѣе 20.000 человѣкъ, причемъ количество жертвъ на отдѣльныхъ гаряхъ доходило до 3.000. Эта эпидемія огненной смерти испугала самихъ старообрядцевъ: въ средѣ ихъ учителей поднялись голоса, рѣзко осуждавшіе обычай „противозаконныхъ самоубійственныхъ смертей“. Наиболѣе уважаемые въ старообрядчествѣ иноки и учители, собравшись числомъ до 200, единогласно осудили этотъ ужасъ. Добровольныя смерти были признаны противными Христову ученію, ученію апостоловъ и всѣхъ святыхъ. Старецъ Евфросинъ составилъ въ 1691 г. сильное „отразительное писаніе“ противъ самосожженцевъ, безпощадно осуждавшее ревность проповѣдниковъ огненной смерти, какъ неразумное и бѣсовское навожденіе.

Но если замеръ пароксизмъ самоубійственныхъ смертей, то не замерло ожиданіе скораго второго пришествія, не замерло, а скорѣе возросло въ своей силѣ убѣжденіе въ наступленіи царства антихристова. Приближался роковой 1699 годъ. Давно ужъ въ смятенномъ народѣ шли толки, что не все-то ладно обстоитъ въ православномъ царствѣ. Молодой царь явно сдружился съ нѣмцами, днюетъ и ночуетъ въ проклятомъ Кокуѣ, съ нѣмцами табакъ носомъ пьетъ, съ нѣмками танцуетъ, стрѣльцовъ, что за истинную вѣру стояли, не любитъ, завелъ себѣ солдатъ нѣмецкихъ, и вотъ еще къ нѣмцамъ уѣхалъ, и что онъ тамъ дѣлаетъ, никому не вѣдомо. Но вотъ 25 августа 1698 г., ровно за пять дней до новаго 1699 г., когда ожидалось появленіе антихриста, возвратился изъ-за границы въ Москву царь Петръ. Не заѣзжая въ Кремль, не поклонившись мощамъ чудотворцевъ, не побывавъ ни у Иверской, ни у гробовъ родителей въ Архангельскомъ соборѣ, проѣхалъ онъ прямо въ Нѣмецкую слободу, часть ночи пропировалъ у Лефорта, а остальную въ солдатской избѣ у своихъ преображенцевъ. На утро, принимая поздравленія съ пріѣздомъ, царь собственноручно обрѣзалъ нѣсколько пышныхъ боярскихъ бородъ, а патріархъ Адріанъ почти-что наканунѣ осудилъ брадобритіе какъ смертный грѣхъ, грозя брадобрійцамъ лишеніемъ св. таинъ и христіанскаго погребенія! 1-го сентября, въ Новый годъ, царь не присутствовалъ на торжественной церемоніи въ Кремлѣ, не принималъ на новолѣтіе патріаршаго благословенія и не „здравствовалъ народъ“; весь день и добрую часть ночи провелъ онъ на пиру у Шеина, и стояло тамъ море разливанное;

среди гостей шныряли съ ужимками и гримасами царскіе шуты и рѣзали ножницами послѣднія бороды, владѣльцы которыхъ, не понявъ царскаго намека, не обрились и явились на царскій пиръ во всей старорусской красѣ. Затѣмъ началась суровая расправа со стрѣльцами, „а стрѣльцы вѣдь за вѣру стояли“, приговаривали пораженные всѣмъ видѣннымъ московскіе люди. Разсказывали, что царь самъ отрубилъ нѣсколько головъ и съ казни отправился на пиръ. Патріарха, который со святыней пришелъ печаловаться за стрѣльцовъ, онъ прогналъ грубыми словами. Да что же это такое?

И вотъ появляется объясненіе: за границу уѣхалъ дѣйствительно царь, да царь ли оттуда вернулся? Стали разсказывать такую сказку: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (т.-е. въ Стокгольмѣ), а въ нѣмецкой землѣ стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ со сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князья ея и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя“, и она имъ сказала: „Подите, посмотрите,—буде онъ живъ валяется, для вашего прошенья выпущу“. И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: „Томенъ, государыня!“—и она имъ сказала: „Коли томенъ, и вы его выньте!“—и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постели, говорилъ: „Царь государь, изволь встать и выйти, ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобой чинится!“ и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море“. А царь скрылся, и на его мѣсто пришелъ нѣмчинъ и царствуетъ. И тотъ, кто царствуетъ, „не нашъ государь, но нѣмецъ; а нашъ государь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ и въ море пущенъ“, а этого нѣмцы прислали, чтобы онъ насъ обасурманилъ.

Другіе стали разсказывать, что Петръ родился отъ нѣмки да Лаферта и подмѣненъ царицѣ Натальѣ. Велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что отъ нѣмки родился. Въ 1700 г. въ Преображенскій приказъ явился пѣвчій Ѳедоръ Казанцевъ съ доношеніемъ: приходили-де къ нему зять его подьячій Алексѣевъ съ женой и сказали: „Живутъ они у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про государя всякія непристойныя слова; да онъ же, Гришка, рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради и, напечатавъ, бросать въ народъ“. Талицкаго схватили, пытали, и онъ съ пытки сознался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, и антихристъ тотъ—государь. Этотъ Талицкій разсчиталъ и высчиталъ, что по

Писанію восьмой царь будетъ антихристъ, а Петръ какъ разъ и былъ восьмымъ въ счетѣ московскихъ царей. Царя-антихриста слушаться не надо, податей платить ему не надо: то все грѣхъ. Надо взыскать новаго царя именемъ Михаила и итти съ нимъ противъ Петра царя-антихриста.

Тетрадки Талицкаго читались нарасхватъ и не только въ простомъ народѣ, но и среди высшаго духовенства. Многіе знали и автора, но не выдавали, пока не пришло въ голову сдѣлать это пѣвчему Казанцеву. Тамбовскій архіерей Игнатій, будучи въ Москвѣ, позвалъ къ себѣ Талицкаго, плакалъ, слушая чтеніе его тетрадокъ, и лобызалъ, благословляя, автора: „Павловы-де твои уста!", и далъ ему пять рублей. Дѣло кончилось тѣмъ, что Талицкаго сожгли, а мѣстоблюститель патріаршаго престола, рязанскій митрополитъ Стефанъ составилъ книгу о знаменіяхъ пришествія антихристова, гдѣ доказывалъ заблужденіе тѣхъ, кто считалъ это пришествіе состоявшимся. Какъ водится, казенное произведеніе митрополита Стефана не читали, а про Талицкаго говорили, что онъ „мученикъ святъ".

Что Петръ—антихристъ, это было убѣжденіемъ не одного только Талицкаго. Объ этомъ твердили и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ, и на Олонцѣ, и въ Архангельскомъ, и потомъ въ самомъ Петербургѣ, твердили это и въ 1700 году, не перестали во всѣ слѣдующіе годы и не только вплоть до кончины Петра, но и долго послѣ; до сихъ поръ есть толки старообрядцевъ, убѣжденные, что Петръ былъ чувственный антихристъ, и всѣ наслѣдники его—только перевоплощенія антихристовы. Доказательства этого видѣли даже въ томъ, что „онъ, государь, непріятельскіе города беретъ боемъ, а иные лестью—и то-де по Писанію". Петръ придумалъ по образцу Запада каленымъ желѣзомъ клеймить рекрутовъ въ руку, чтобы вѣрнѣе ловить, если сбѣгутъ,—и, конечно, въ народѣ нашли и увидѣли здѣсь доказательство, что онъ антихристъ и клеймитъ печатью своей христіанъ. Петръ носилъ парикъ—знать, что антихристъ: „надѣлъ собачьи кудри".

Не было недостатка въ обличителяхъ, которые сами въ лицо Петру хотѣли сказать это. Въ 1704 г. простой рабочій человѣкъ, нѣкто Андрей Ивановъ, нижегородецъ, пришелъ, чтобы сказать государю, какъ повѣдалъ на слѣдствіи, „что-де онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть. О брадобритіи писано съ прещеніемъ въ изложеніи соборномъ. А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то написано, того не знаю, потому что грамотѣ не умѣю. А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали. А на Москвѣ у него, Андрея, знакомцевъ никого нѣтъ, и съ сказанными словами къ государю его никто не подсылалъ—пришелъ онъ о томъ извѣщать собою... для обличенія онъ, Андрей, пришелъ, потому что у нихъ въ Нижнемъ посадскіе люди многіе бороды бреютъ и нѣмецкое платье носятъ и табакъ тянутъ, такъ надо,

чтобъ государь велѣлъ все то отмѣнить". Даже сквозь сухой подьяческій протоколъ слѣдствія явственно чувствуется наивный образъ обличителя, думавшаго, что онъ идетъ на подвигъ. Такихъ людей было много, и они были той живой почвой, которая жадно впитывала въ себя слухъ, что Петръ—антихристъ. Андрея Иванова, конечно, пытали—„жгли огнемъ", отчего онъ и умеръ. Въ дѣлѣ есть помѣта: „а умре онъ, Андрей, по-христіански"—это значитъ, что Андрей Ивановъ не былъ даже и старообрядцемъ и обличать царя шелъ съ вѣрой въ успѣхъ своего дѣла.

Въ рукописныхъ сочиненіяхъ, выходившихъ изъ-подъ пера старообрядческихъ начетчиковъ, вопросъ о Петрѣ-антихристѣ разбирался и трактовался на всѣ лады, какъ вопросъ рѣшенный—писатели подбирали только все больше доказательствъ, что это такъ. Въ лицевыхъ, т.-е. иллюстрированныхъ, толковыхъ апокалипсисахъ того времени фигура антихриста имѣетъ иногда явное стремленіе быть похожей на Петра. Въ одномъ такомъ сочиненіи антихристъ нѣсколько разъ изображенъ сидящимъ на престолѣ, и всѣ изображенія одно больше другого сходны съ изображеніями Петра. И это не карикатуры,—говоритъ изслѣдователь рукописи,—а рисунки, проникнутые глубокимъ чувствомъ: „это вполнѣ серьезныя произведенія гонимаго религіознаго фанатизма, отожествляющія традиціонныя описанія конца міра съ русской дѣйствительностью начала XVIII в.". Слуги антихристовы неизмѣнно изображаются въ зеленыхъ мундирахъ петровскихъ солдатъ. На картинѣ съ надписью: „егда услышите брани и нестроеніе", изображены петровскіе солдаты, сражающіеся съ „народомъ", повидимому; надъ картиной, изображающей, какъ солдаты разстрѣливаютъ связанныхъ старцевъ, одѣтыхъ въ власяницы, надпись гласитъ: „оружіемъ отъ діавола падутъ"; на одной картинѣ представлено, какъ „всѣ грады чрезъ посланія" попадутъ въ подвластіе антихристу: изображены ворота города, у которыхъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ читаетъ развернутый свитокъ, рядомъ съ нимъ барабанщикъ бьетъ въ барабанъ—картина, навѣянная созерцаніемъ сценъ прочтенія на рынкахъ петровскихъ указовъ. Въ другой статьѣ есть картина съ такой надписью: „Тогда пошлетъ въ горы и въ вертепы и въ пропасти земныя бѣсовскія полки, во еже взыскати и изобрѣсти скрывшаяся отъ очію его и тѣхъ привести на поклоненіе ему". На картинѣ изображено: внизу въ лѣвой части подъ краснымъ балдахиномъ сидитъ антихристъ на престолѣ и указываетъ рукою впередъ; справа выступаетъ отрядъ солдатъ, предводительствуемый синимъ дьяволомъ, ведущимъ команду къ скиту, стоящему среди лѣса; вверху изображены высокія горы съ пещерами, въ которыхъ спасаются люди Божіи; два отряда солдатъ въ петровскихъ мундирахъ, предводительствуемые дьяволами, подымаются вверхъ къ пещерамъ.

Итакъ, въ мірѣ воцарился антихристъ. Но вотъ что странно: два съ половиной года назначеннаго ему по Писанію господства прошли, а онъ продолжалъ царствовать; мало того, преслѣдованія

за вѣру, такія жестокія и настойчивыя при царевнѣ Софіи, теперь, при царѣ Петрѣ, нѣсколько затихли. Если теперь признать, что царствуетъ не антихристъ, то, значитъ, близко торжество правой вѣры и ея старыхъ обрядовъ, потому что, по преданію, правая вѣра будетъ временно подавлена врагомъ Божіимъ лишь передъ самой кончиной міра. Но ни кончина міра не наступала, ни о торжествѣ старыхъ обрядовъ ничего не было слышно, а напротивъ, видимо росло и укрѣплялось никоніанство. Жизнь вела ревнителей древляго благочестія, очевидно, къ тому, чтобы жить не въ чаяніи скораго наступленія конца міра, а въ мірѣ существующемъ, конецъ котораго извѣстенъ только Богу.

Но тутъ возникалъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ смущающихъ противорѣчій. Если признать, что, несмотря на неосуществленіе второго пришествія, антихристъ, дѣйствительно, царствуетъ въ мірѣ, то вѣдь это значитъ, что православіе погибло, значитъ, нѣтъ въ мірѣ истинной церкви, нѣтъ таинствъ, и люди, которые не хотятъ поклониться антихристу и слугамъ его, стоятъ передъ престоломъ Божіимъ каждый прямо и непосредственно, ибо нѣтъ больше церкви и ея таинствъ, служившихъ посредствующимъ звеномъ въ общеніи людей съ Богомъ. Теперь имъ осталась одна молитва, только одно общеніе черезъ ея посредство. Жить надо, слѣдовательно, не имѣя церкви, священниковъ, не признавая таинствъ причащенія и покаянія, брака. Эти выводы ужаснули многихъ, и въ поискахъ выхода изъ этого тяжкаго логическаго тупика многіе старообрядцы просто перестали усиленно размышлять на темы о господствѣ антихриста. Нашли въ Писаніи данныя, говорившія, что церковь Христова не можетъ совершенно исчезнуть; припомнили, какъ самъ Аввакумъ возглашалъ, что церковь не упразднится и при антихристѣ, „понеже и самъ діаволъ не можетъ упразднити священнотаинства, ниже антихристъ съ чады“.

Но во времена Аввакума сохраненіе истинной церкви разумѣлось само собой. Налицо былъ весь чинъ церковный; множество священниковъ, дьяконовъ, монаховъ раздѣляли убѣжденія старообрядцевъ; за старообрядство были и нѣкоторые архіереи. Въ ожиданіи скораго своего торжества или неминуемой кончины міра старообрядцы не позаботились обезпечить у себя всю полноту церковнаго чина; тогда это казалось лишнимъ, да и просто не приходило въ голову; межъ тѣмъ архіереи, сочувствовавшіе старообрядству, или измѣнили ему въ рѣшительную минуту, или умерли раньше того, какъ старообрядство сознало себя отдѣльной церковной общиной.

Пока было много въ живыхъ священниковъ дониконовскаго ставленія, нужда въ полнотѣ церковнаго чина не ощущалась остро; тогда нѣкоторые учители старообрядства отказывались даже считать священниками лицъ, посвященныхъ никоніанскими архіереями. Но уже Аввакумъ увидѣлъ, что придется такихъ священниковъ признавать: „Какъ міру быть безъ поповъ?—спрашивалъ онъ.— По нуждѣ всяко бываетъ... а сіе время изъ правилъ вышло“. Пока

стояла за древлее благочестіе Соловецкая обитель, она снабжала старообрядцевъ запасными дарами; 22 января 1676 года обитель была взята царскими войсками, разбѣжавшіеся оттуда священно-иноки правили церковныя таинства по всему сѣверу. Уже при Софіи, однако, въ самый разгаръ гоненій почувствовалась въ старообрядствѣ недостача поповъ, и послѣдніе оставшіеся въ живыхъ стали торопиться заготовить какъ можно больше запасныхъ даровъ. Въ 1686 г. игуменъ Досиѳей построилъ на Чиру храмъ, освятивъ его на дониконовскомъ антиминсѣ; въ этомъ храмѣ онъ успѣлъ освятить очень большое количество запасныхъ даровъ. Въ 1688 г. храмъ, созданный Досиѳеемъ, былъ разрушенъ. Но въ 1695 г. одинъ изъ послѣднихъ уже поповъ дониконовскаго крещенія и ставленія, нѣкто Ѳеодосій, построилъ и освятилъ на старомъ антиминсѣ церковь въ польскихъ предѣлахъ на Вѣткѣ, откуда запасные дары стали распространяться по всему старообрядческому міру. Ѳеодосію пришлось первому сдѣлать важную уступку времени и обстоятельствамъ: онъ первый сталъ принимать священниковъ никоновскаго поставленія, требуя только, чтобы принимаемый въ старообрядство священникъ былъ крещенъ до никоновыхъ новинъ. Такое рѣшеніе дѣла оттянуло на нѣкоторое время роковой вопросъ о священствѣ въ старообрядствѣ.

Но вотъ миновало безъ остатку и поколѣніе людей, крещеныхъ до Никона, и старообрядство, не отрицавшее нужды въ священствѣ, оказалось въ страшномъ для вѣрующихъ по-церковному людей положеніи: въ его средѣ совсѣмъ не оказывалось церкви, они, значитъ, не церковь, ибо церковь требуетъ опредѣленныхъ трехъ чиновъ священства — епископства, іерейства и дьяконства, а у старообрядцевъ нѣтъ ни одной. Тогда-то и начались въ старообрядствѣ, пріемлющемъ священство, страстные, полные глубокаго трагизма поиски истинныхъ архіереевъ. Религіозная мысль не могла примириться съ фактомъ, что въ старообрядствѣ потухли послѣдніе проблески апостольскаго преемства, и начинаетъ порывисто доказывать и себѣ и другимъ, что истинная Христова церковь древляго благочестія не исчезла; что цѣпь апостольскаго преемства не можетъ порваться раньше кончины міра; что если прекратилось истинное преемство на Руси, то существуетъ же оно въ другихъ православныхъ странахъ. И вотъ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка посланецъ отъ старообрядцевъ пробирается въ Царьградъ—посмотрѣть, какова вѣра у грековъ. Оказалось, что въ очень неудовлетворительномъ, со старообрядческой точки зрѣнія, состояніи. Но религіозная мысль не хотѣла кончить этимъ неудачнымъ опытомъ и стала искать себѣ поддержки въ напряженной религіозной фантазіи: есть истинная церковь далеко на востокѣ, тамъ, гдѣ солнце восходитъ, въ Бѣловодьѣ, въ Опоньскомъ царствѣ, на океанѣ-морѣ, на семидесяти островахъ; былъ тамъ Марко, инокъ Топозерскаго монастыря, и нашелъ 179 церквей „асирскаго языка“ и 40 русскихъ, построенныхъ бѣжавшими изъ Соловецкаго монастыря иноками. На поискахъ Бѣло-

водья погибъ въ сибирскихъ пустыняхъ не одинъ десятокъ горячихъ головъ, распаленныхъ благочестивой фантазіей увидѣть всю древлюю красоту церковную.

Но, пока искали Бѣловодья или архіереевъ древляго благочестія, общинѣ старообрядцевъ, признававшихъ священство, нельзя же было оставаться безъ священниковъ,—и вотъ старообрядческія общины начинаютъ принимать къ себѣ и переманивать бѣжавшихъ отъ строгостей тогдашняго епархіальнаго начальства священниковъ, поставленныхъ въ господствующей церкви, воспользовавшись для этого однимъ церковнымъ правиломъ, которое разрѣшало принимать отъ нѣкоторыхъ еретическихъ церквей священниковъ, не лишая ихъ сана. Но тутъ получалось вотъ какое затрудненіе: никоніанскую церковь первые учители старообрядства съ самаго начала подвели подъ такую степень еретичества, переходящихъ изъ которой по церковнымъ правиламъ надо было перекрещивать! Отъ такихъ еретиковъ принимать священниковъ въ ихъ санѣ правилами не разрѣшалось. А затѣмъ, смущалъ вопросъ—при перекрещиваніи, послѣ вторичнаго крещенія, сохраняетъ ли свою силу благодать священства? Перекрещенный и ставшій старообрядцемъ священникъ остается ли священникомъ? Отвѣтъ былъ ясенъ: нѣтъ, благодать не можетъ сохраниться, потому что у еретиковъ этого чина, которыхъ принимаютъ перекрещивая, и благодати-то нѣтъ, а затѣмъ, конечно, новое истинное крещеніе смываетъ всѣ грѣхи съ раскаявшагося, а слѣдовательно и неправильное посвященіе.

Изъ этого положенія предлагалось два выхода: крестить переходящаго въ старообрядство никоніанскаго священника въ полномъ облаченіи, или крестить, не погружая его въ воду — предполагалось, что въ обоихъ этихъ случаяхъ благодать священства не будетъ смыта водою крещенія. Но, конечно, тогда же многіе въ старообрядчествѣ почувствовали всю натяжку такого рода измышленій и начали настаивать на необходимости считать никоніанство ересью того чина, переходъ изъ которой сопровождается только мiропомазаніемъ. Но тутъ опять возникли споры и недоумѣнія. Во-первыхъ, самый вопросъ о св. мирѣ: дониконовское исчезло скоро, Θеодосій сварилъ на Вѣткѣ новое, но такъ какъ онъ не былъ архіереемъ, а по правиламъ св. миро варитъ архіерей въ сослуженіи съ другими архіереями, то многіе отказались признавать сваренное Θеодосіемъ миро за истинное. Нѣкоторые, съ дьякономъ Александромъ во главѣ, предложили считать никоніанцевъ еретиками третьяго чина, переходъ изъ котораго сопровождается только проклятіемъ своихъ прежнихъ заблужденій; но это мнѣніе осталось въ меньшинствѣ, и послѣдователи его въ то время не играли сколько-нибудь значительной роли въ старообрядствѣ.

Жизнь круто и опредѣленно ставила старообрядцамъ задачу— создать у себя всю полноту церковнаго чина. Весь XVIII вѣкъ и уходитъ у старообрядцевъ-поповцевъ на поиски своего архіерея, а

пока его нѣтъ, они довольствовались перебѣгающими къ нимъ изъ православія священниками, перекрещивая или перемазывая ихъ, смотря по тому, какое изъ этихъ дѣйствій принимающее бѣгствующаго іерея согласіе считало болѣе каноничнымъ.

Старообрядчество, рѣшившее для себя, что оно не можетъ обходиться безъ священства, сосредоточилось на югѣ, юго-западѣ и юго-востокѣ, а также въ центрѣ страны, гдѣ населеніе издавна жило церковной жизнью и больше, ближе ощущало въ своей жизни церковь. На сѣверѣ сосредоточилась та часть старообрядства, которая круче порвала съ церковью и стала на ту точку зрѣнія, что теперь нѣтъ ни церкви, ни таинствъ, кромѣ доступнаго для совершенія мірянамъ крещенія, ни церковной іерархіи. На русскомъ сѣверѣ, въ прежнихъ владѣніяхъ Новгорода Великаго, на Поморьѣ, въ Сибири населеніе издавна очень нуждалось въ правильномъ церковномъ строѣ и правильномъ выполненіи требъ и, собственно, никогда не имѣло ни того ни другого. Въ безлюдныхъ пустыняхъ русскаго сѣвера, гдѣ отъ поселка до поселка приходится считать, иногда далеко заходя за сотню, десятки верстъ дороги, еле пробирающейся сквозь густыя лѣсныя дерби и топкія болота, церковь и священникъ при ней всегда были рѣдкими явленіями.

При рѣдкости священнаго чина, мѣстное населеніе старалось, по возможности, само, безъ посредства священниковъ удовлетворять свои духовныя нужды. Вмѣсто церквей здѣсь чаще строили часовни, въ которыхъ мѣстные начетчики правили для желающихъ вечерню, утреню, часы—всѣ тѣ богослуженія, которыя можно совершать безъ священника. На сѣверѣ привыкли молиться безъ пастыря духовнаго и потому легко сравнительно примирились съ мыслью остаться безъ священнаго чина навсегда. Крещеніе можно совершать мірянамъ, исповѣдываться можно другъ другу, пріобщаться можно запасными дониконовскими дарами, а когда всѣ эти запасы вышли, нѣкоторые толки безпоповщины стали символизировать св. причастіе, вкушая съ особыми обрядами „въ воспоминаніе" хлѣбъ и вино или же просто изюмъ. Обходиться безъ таинства брака здѣсь, на сѣверѣ, привыкли по нуждѣ давно и мало смущались отсутствіемъ вѣнчанія, замѣнивъ его объявленіемъ въ общинѣ и молитвой, читаемой наставникомъ.

Первыми насельниками этой части Россіи, образовавшими здѣсь сосредоточіе старообрядства, были соловецкіе „выгонцы", бѣжавшіе изъ монастыря послѣ взятія его царскими войсками. Они повторили своей жизнью исторію монастырской колонизаціи XIV—XV вв. Бѣгая отъ слугъ антихристовыхъ, они забирались всегда въ самую непроходимую глушь, куда лѣтомъ дороги не было, а зимой можно было пробраться только на лыжахъ. Гдѣнибудь на берегу пустынной рѣчки или лѣсного озера отшельникъ рылъ себѣ землянку и начиналъ „спасаться". Этому пустыннику, пришедшему въ пустыню изъ самаго пыла борьбы съ антихристомъ и воинствомъ его, не сидѣлось на мѣстѣ: вкусивъ прелестей словесной схватки съ поборниками новыхъ обрядовъ, пустынникъ не

можетъ утерпѣть, чтобы время отъ времени не показаться среди окрестнаго населенія и не „поучить“ его отъ Писанія, наставляя крѣпко держаться древляго благочестія. Эти подвиги проповѣди создавали славу пустыннику, пріобрѣтали ему поклонниковъ-христолюбцевъ, которые помогали ему деньгами, съѣстнымъ, прятали отъ погони и даже защищали его оружіемъ противъ посланныхъ воеводой на взятіе пустынника солдатъ и пушкарей. Около кельи пустынника незамѣтно выростало нѣсколько другихъ, гдѣ селились желавшіе поревновать ему о Господѣ. Возникало цѣлое общежитіе, которому трудно было существовать на доброхотныя даянія, и тогда члены его, „нужныхъ ради потребъ“, начинаютъ жечь лѣсные участки и на „гаряхъ“ сѣять рожь. „Жестокое и нужное житіе“ становится „пристойнымъ и пространнымъ“.

Пустынникъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и уходитъ дальше въ глубь лѣса,—совсѣмъ какъ первые основатели монастырей въ московской Руси. Слава пустынножительства привлекаетъ къ нему и туда соратниковъ по духовному подвигу, возникаетъ новый скитъ. Только теперь не XIV вѣкъ, и эти монастырьки, вмѣсто того, чтобы развиваться дальше, исчезаютъ такъ же быстро, какъ появляются. Не успѣетъ такое старообрядческое общежитіе обосноваться, какъ досужій доносчикъ сообщитъ ужъ куда слѣдуетъ, что вотъ-де на озерѣ поселились невѣдомые люди, не молятся за царя, говорятъ, что платить податей не надо, хулятъ св. церковь, а начальство мірское именуютъ воинствомъ антихристовымъ. Мѣстный архіерей, сообща съ гражданскимъ начальствомъ, организуетъ походъ противъ раскольниковъ. При слухѣ, что идутъ солдаты, скитники или разбѣгаются, или, плотно затворившись, ждутъ непріятеля и встрѣчаютъ его тѣмъ, что сожигаются сами въ виду воинскаго отряда. Бывали случаи и вооруженнаго сопротивленія, но рѣдко. Солдаты раскатывали по бревнамъ всѣ постройки, а часовни сожигали. Скитъ на такомъ мѣстѣ умиралъ, зато бѣглецы изъ него наполняли другіе скиты и основывали нѣсколько новыхъ. Когда послѣ гоненій царевны Софіи наступили нѣсколько болѣе спокойныя времена, скиты стали жить болѣе прочно.

Особое значеніе съ этого времени пріобрѣтаетъ среди нихъ скитъ на Выгѣ-рѣкѣ, основанный знаменитыми въ лѣтописяхъ старообрядства Даніиломъ Викулинымъ и Андреемъ Денисовымъ. Потомокъ стариннаго рода князей Мышецкихъ, Андрей Денисовъ и его братъ Семенъ сплотили около себя разрозненно жившихъ по лѣсистому Олонецкому краю старообрядцевъ, отвергавшихъ нужду въ священномъ чинѣ, и явились дѣйствительными организаторами и вдохновителями всего безпоповщинскаго старообрядства. Необычайно одаренные отъ природы, они развили свое дарованіе чтеніемъ и изученіемъ св. Писанія. Не довольствуясь тѣмъ, что ему давало простое начетничество, Андрей подъ видомъ купца отправился въ Кіевъ и тамъ прожилъ два года, посѣщая лекціи въ кіевской академіи. Онъ изучалъ тамъ богословіе у самого Ѳео-

фана Прокоповича, прошелъ риторику, логику и изучилъ ораторское искусство. Вооруженный знаніемъ, начитанный въ св. Писаніи и въ старинной русской литературѣ, Андрей скоро сталъ душой всего старообрядства Россіи, создалъ его богословіе и достаточно обосновалъ исторически и логически всѣ требованія и притязанія старообрядства безпоповскаго согласія. Ученый богословъ и знатокъ св. Писанія, Андрей Денисовъ былъ и выдающійся хозяинъ и управитель собравшейся около него общины. Устройству общины онъ придавалъ большое воспитательное значеніе, „обдержаніемъ общежительства въ пустыни сей,—говорилъ онъ,—благочинное житіе утверждается, всякое же безчиніе изничтожается".

Въ общинѣ на Выгѣ-рѣкѣ былъ установленъ полный чинъ монастырскаго житія. Іеромонахъ Пафнутій изъ Соловецкаго монастыря устроилъ общежитіе и правилъ церковную службу по соловецкому уставу; поставили экклесіарха, пѣвцовъ, псаломщиковъ, конархистовъ. Сначала это было скудное, пустынное житіе: службу въ часовнѣ правили съ лучиной вмѣсто свѣчей, иконъ и книгъ было мало, колокола не было и звонили въ доску; а кругомъ лѣса и болота—пройти можно только зимой, да и то на лыжахъ. Но скоро населеніе скита увеличилось, завелось хозяйство и порядокъ, стали пашню пахать, проложили дороги, держали скотъ, поставили конскій дворъ и коровій. Посрединѣ монастыря поставили стѣну и обнесли весь монастырь оградой. Мужчины жили по одну сторону внутренней дѣлящей стѣны, а женщины по другую. Въ стѣнѣ, раздѣлявшей ихъ, была устроена маленькая келейца съ окномъ для приходу братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія, двѣ старицы сидѣли въ келейцѣ и наблюдали, о чемъ будутъ приходящіе изъ братіи говорить со своими сродницами въ окно.

Общину свою Андрей не только обставилъ строго опредѣленными правилами житія, но сдѣлалъ участіе въ ней выгоднымъ всѣмъ общинникамъ. Онъ завязалъ дѣловыя сношенія со всѣми концами Россіи, гдѣ только жили старообрядцы, и его киновія, какъ онъ любилъ называть свой скитъ, вела обширную торговлю хлѣбомъ, промышляла въ очень большихъ размѣрахъ звѣроловствомъ и рыболовствомъ; выгорѣцкіе промышленники доходили даже до Новой-Земли и Шпицбергена; въ сосѣднемъ Каргопольскомъ уѣздѣ были куплены скитомъ и заарендованы обширныя пространства пахотной земли; сама обитель обстроилась большими прочными зданіями, обзавелась замѣчательной библіотекой, школами грамоты, школами для писцовъ, пѣвчихъ, иконописцевъ, всякаго рода ремесленными заведеніями. Кругомъ обители возникло подъ ея покровительствомъ много скитовъ, которые соединялись съ обителью Андрея нарочно проложенными дорогами, съ мостами черезъ рѣчки и гатями черезъ болота; мимо самой киновіи шли двѣ большихъ дороги, и въ стѣнахъ обители была построена обширная гостиная изба для проѣзжающихъ.

Самъ Андрей Денисовъ часто уѣзжалъ въ разные концы Россіи, всюду вербуя единомышленниковъ, сражаясь словопре-

ніемъ съ супротивниками и инакомудрствующими, скупая книги, старинныя иконы и предметы церковнаго обихода. При такомъ положеніи дѣла Андрей и его скитъ, войдя въ близкое дѣловое отношеніе съ „внѣшними“, сильно смягчили прежнюю нетерпимость и брезгливость старообрядства ко всему, не раздѣлявшему ихъ убѣжденія. Біографъ Андрея не безъ удивленія разсказываетъ, какъ однажды въ пути Андрей далъ напиться изъ своей чашки томимому жаждой прохожему и послѣ этого не только не „ввергнулъ чашу въ презрѣніе“, т.-е. попросту не только не выбросилъ ее, а, вымывъ водой и перекрестивъ, „повелѣлъ изъ нея ясти и пити“. Съѣстные припасы, купленные на рынкѣ, не считались на Выгѣ болѣе нечистыми. Проповѣдывать вражду къ властямъ и никоніанамъ было легко, скитаясь въ лѣсахъ, живя поодиночкѣ на Выгѣ; но когда тамъ возникли цѣлыя обширныя слободы, къ господствующей власти относиться попрежнему стало нельзя, и Андрей со своими старцами, сохраняя полное убѣжденіе, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, дѣлаетъ гражданской власти всѣ уступки, только бы обезпечить себѣ и своимъ сколько-нибудь свободное исповѣдываніе своихъ убѣжденій.

АНДРЕЙ ДЕНИСОВЪ.

[illegible]

Се мудрый философъ и
Правой вѣры членъ:
Андрей Денисовъ сей
свѣтами почтенъ.
Родися в ахоз го.
Прест. в аѱл го.

1677—1730.

Когда въ олонецкихъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ съ Выговской киновіей стали строить желѣзные заводы, то къ Андрею пришелъ указъ: „Вѣдомо его царскому величеству учинилось, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ люди въ Выговской пустыни и службу свою къ Богу отправляютъ по старопечатнымъ книгамъ;

а нынѣ его царскому величеству для войны шведской и для умноженія ружья и всякихъ воинскихъ матеріаловъ ставятся два желѣзныхъ завода и одинъ близъ Выговской пустыни; такъ чтобъ они въ работы къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей, а за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять". „И отъ того времени,—говоритъ историкъ пустыни,—начала Выговская пустынь быть подъ игомъ работы его императорскаго величества". Выгорѣцкимъ жителямъ позволено было выбрать къ мірскимъ дѣламъ своего старосту и при немъ выборнаго, которые должны были оберегать поселенцевъ и доносить по начальству, какія земли и угодья нужны выгорѣцкой киновіи при ея ростѣ.

Андрей Денисовъ очень поладилъ съ всесильнымъ Данилычемъ, въ вѣдомствѣ котораго былъ весь Олонецъ, и Меншиковъ издалъ въ 1711 г. распоряженіе, строго запрещавшее чинить обиды и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства Андрею Денисову съ общежителями и товарищи. Выгорѣцкіе наставники сумѣли прямымъ и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу завоевать большія симпатіи у такихъ дѣльцовъ Петра, какъ управляющій олонецкими заводами Геннингъ. Когда новгородскій архіерей по своей обязанности бороться съ раскольщиками схватилъ и посадилъ въ тюрьму Семена Денисова, Геннингъ написалъ царю по этому случаю такое посланіе: „Прошу ваше величество, пожалуй, для лучшей пользы и отправленія на морской флотъ твоихъ дѣлъ, помилосердуй, учини указъ, чтобы мнѣ смѣлѣе поступать, понеже я опасаюсь отъ архіерея новгородскаго погубленія, понеже онъ вѣритъ другимъ, своимъ бездѣльникамъ, а не своимъ разсмотрѣніемъ управляетъ и отъ нихъ нынѣ въ заключеньи сидитъ у архіерея Семенъ Денисовъ, который въ здѣшнемъ подъемѣ и въ сыску рудъ былъ годенъ и передъ другими радѣтеленъ въ заводской работѣ; для ихнихъ нуждъ и за челобитьемъ отъ нихъ посланъ онъ былъ и захваченъ въ Новѣгородѣ въ архіерейскій приказъ. Прикажи архіерею его освободить и отъ твоихъ заводскихъ дѣлъ его не трогать и не ловить".

И Петръ самъ относился къ старообрядству довольно терпимо, если не наталкивался въ немъ на политическое противодѣйствіе своей дѣятельности. Въ 1702 году, когда разнеслась вѣсть, что царь идетъ отъ Архангельска на Ладогу и черезъ олонецкія дебри стали прокладывать дорогу, близко подошедшую къ Выгу, то отшельники стали готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ и думали зажечься, когда придетъ „онъ". Но когда Петру доложили, что недалеко отъ его пути живутъ „раскольщики", то онъ сказалъ: „Пускай себѣ живутъ!"—и прослѣдовалъ дальше. Разсказываютъ, что разъ онъ спросилъ: „Каковы купцы изъ раскольщиковъ? честны ли и прилежны ли?"—когда ему сказали, что честны и прилежны, государь замѣтилъ: „Если они подлинно та-

ковы, то по-мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда ужъ нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ".

Ставъ на эту точку зрѣнія, Петръ потребовалъ отъ старообрядцевъ одного: чтобы они безпрекословно исполняли гражданскія обязанности, и если это исполненіе совершалось не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Петръ предоставлялъ любящимъ старые обряды и книги молиться, какъ хотятъ; запрещалась только проповѣдь старообрядства, и когда новгородскій митрополитъ указалъ царю на Семена Денисова, какъ на вреднаго церкви учителя старообрядства, искуснаго на словахъ, ученаго и дѣятельнаго проповѣдника, Петръ, по сказанію историка Выговской пустыни, „взявъ онаго Симеона передъ себя и испытавъ изъ тиха на словахъ и поговоря мало, ни его отпустити, ни испытати жестоко не повелѣ: тако же и митрополиту не повелѣ, оставилъ его тако", т.-е. въ заключеніи; но когда Семену удалось бѣжать, то хотя всѣ знали, что онъ ушелъ на Выгу, его тамъ не тронули. „Съ противниками церкви, - говорилъ другой разъ Петръ, — надлежитъ съ кротостью и разумомъ поступать по апостолу: быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ да беззаконныхъ пріобрящу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ". И тѣ старообрядцы, которые съ точки зрѣнія Петра вели себя „законно", т.-е. платили исправно двойныя подати и работали усердно на заводахъ, пользовались его расположеніемъ. Андрей Денисовъ, по свидѣтельству его историка,—„по совѣту съ братіями и съ земскимъ старостой и съ выборными" отправлялъ время отъ времени Петру гостинцы съ письмами, посылалъ царю живыхъ и стрѣляныхъ оленей: „ово коней сѣрыхъ пару, ово быковъ большихъ подгнаша ему и являхуся и письма подавіаху. Царское величество милостиво и весело все у нихъ принимаше и письма ихъ вслухъ читаше; хотя отъ кого со стороны и клеветы были, онъ же тому не внимаше".

Но съ точки зрѣнія Петра „раскольщики" были все же „замерзѣлые" и „закоснѣлые" невѣжды, „упрямцы". „Дубовыя сердца" онъ считалъ возможнымъ исправлять „дубиной", а когда они мало поддавались такому убѣжденію, то онъ рѣшилъ извлечь изъ старообрядчества матеріальную пользу, переписалъ „раскольщиковъ" и обложилъ ихъ двойной податью. Для него лично вопросы вѣры и религіозной жизни никогда не стояли на первомъ мѣстѣ и мало интересовали по существу. Онъ признавалъ въ идеѣ свободу совѣсти: „Господь далъ царямъ власть надъ народами,—говорилъ Петръ,—но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ", но въ то же время настоятельно приказывалъ смотрѣть, чтобы раскольщики платили двойной оброкъ и „никакого иного платья не носили, какъ старое, а именно: зипунъ со стоячимъ клееннымъ козыремъ (воротникомъ), ферези и однорядки съ лежачимъ ожерельемъ", а за право ношенья бороды платили бы особый сборъ, доходившій съ купеческихъ бородъ до 800 р. нашего счета. Въ удостовѣреніе уплаты этой

пошлины выдавалась уплатившему мѣдная бляшка, на которой значилось, что сборъ за право ношенія бороды уплаченъ, и красовалась назидательная надпись: „борода лишняя тягота“. Эту бляшку полагалось носить на виду. Въ 1715 г. установленъ былъ сборъ съ бородъ, опредѣленный одинаково и для старообрядцевъ, и для православныхъ цѣнителей въ себѣ „образа и подобія Божія“, въ 450 р. нашего счета. Конечно, это было издѣвательство, въ родѣ устройства всешутѣйшаго собора, и удовлетворяло стремленіе ото всего получить прибытокъ. Но то, что было для Петра прибыткомъ и достойнымъ смѣха упрямствомъ закоснѣлыхъ, для другихъ являлось поруганіемъ вѣры и было для нихъ страданіемъ за лучшія движенія человѣческаго сердца. Но объ этой сторонѣ дѣла Петръ не подумалъ.

Такъ какъ въ существѣ старообрядства все же крылось рѣзкое осужденіе и противодѣйствіе многому такому, что Петръ въ своей преобразовательной дѣятельности считалъ важнымъ для государства, то старообрядство у него не могло быть совсѣмъ предоставленнымъ самому себѣ. Борьба съ раскольщиками должна была вестись и тогда, когда оно политически подчинялось государственной власти, только эта борьба должна быть увѣщавательной, а вообще въ случаяхъ „жестоковыйнаго упрямства“ „съ раскольщиками,—какъ говорилъ царь,—которые въ своей противности зѣло замерзѣли, надобно поступать вельми осторожно, гражданскимъ судомъ“. Была организована борьба словомъ со старообрядствомъ. Въ нижегородскомъ краѣ увѣщавательную борьбу съ послѣдователями древляго благочестія Петръ поручилъ съ 1706 г. переяславскому игумену Питириму, впослѣдствіи нижегородскому архіерею. До 1716 г. старообрядство вообще мало интересовало Петра; въ февралѣ 1716 г. онъ распорядился переписать всѣхъ старообрядцевъ, чтобы знать точное число ихъ для обложенія налогомъ. Перепись поручено было исполнить мѣстнымъ священникамъ. Съ тогдашней старообрядческой точки зрѣнія перепись казалась, однако, дѣломъ грѣховнымъ: что это, говорили они, считать людей Божіихъ головами, точно скотину; того при прежнихъ благочестивыхъ царяхъ не дѣлывалось, это Божье дѣло, сколько народу живетъ; сколько Богъ захочетъ, столько и будетъ, нечего тутъ считать. Припомнились старообрядцамъ преданія и объ антихристовомъ счисленіи людей, сыграло свое значеніе и то, что старообрядцы знали цѣль переписи — обложеніе ихъ двойнымъ налогомъ. Начались противодѣйствія переписи, старообрядцы стали скрываться, подкупать поповъ-переписчиковъ, чтобы они записывали старообрядцевъ православными. Изъ переписи ничего не вышло. Случилось все это въ то время, когда начало разыгрываться дѣло царевича Алексѣя, бѣжавшаго за границу. Слѣдствіе установило, что царевичу было много сочувствующихъ, и что онъ самъ и тѣ, кто сочувствовалъ ему, осуждали всѣ нововведенія Петра и жаждали возврата старины. За старину, какъ зналъ Петръ, были и старообрядцы. Все это вмѣстѣ взятое нѣ-

сколько измѣнило прежній взглядъ Петра на старообрядцевъ въ сторону большей суровости къ старообрядству.

Проповѣдь игумена Питирима и его старанія обращать керженскихъ старообрядцевъ увѣщаніями двигались впередъ безъ особаго успѣха. Проповѣдникъ досадовалъ и писалъ царю, что расколъ увеличивается, что въ нижегородскомъ краю больше 200.000 старообрядцевъ, да въ городахъ нижегородскихъ болѣе 20.000, и что „всѣ они благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на церковь и на гражданство; хотя они между собой и много несогласны, но на церковь всѣ злобою согласны; надлежитъ размноженіе ихъ остановить, чтобъ нигдѣ они не учили, а гдѣ станутъ раскольщики учить—хватать и наказывать; а не худо учителей неявнымъ промысломъ смирить. Монахинь въ лѣсу тысячи четыре будетъ; надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ хлѣбъ и вода, а которыя обратятся—тѣмъ подобающая пища; немногія изъ нихъ останутся безъ обращенія. Старцамъ, старицамъ и бѣльцамъ въ лѣсахъ, поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ никому жить не велѣть подъ смертною казнью; а кому жить въ лѣсу кельею внѣ монастыря—отъ архіерея писаніе возьми; и если такъ будетъ сдѣлано, то раскольщикамъ изъ городовъ и уѣздовъ свозиться будетъ некуда и постригать перестанутъ, только не подобно ослабѣвать; а вину положить для отводу, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты и разныхъ чиновъ всякіе люди, не хотя службы служить и податей платить. Безпоповщина твое царское имя въ молитвахъ не поминаютъ, а поповщина поминаютъ только благороднымъ, а благочестивымъ и благовѣрнымъ не называютъ. Церковь, догматы и таинства разными хулами хулятъ. Я все это знаю и не извѣщалъ не потому, что укрывалъ, а потому, что если они узнаютъ, что я извѣщаю, то они со мной говорить и сходиться не станутъ и обращенію будетъ препятствіе. Указъ о томъ, чтобъ не исповѣдывавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать вдвойнѣ—очень помогалъ обращенію, но сдѣлалось препятствіе большое: попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ: то писали исповѣдующимися, то никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи ландратамъ и поданы росписи, то ни штрафовъ ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ этого только благочестивые и обратившіеся въ поношеніи и ругательствѣ. Требуемъ, чтобы для лучшаго обращенія штрафы на неисповѣдывавшихся и окладъ на раскольщикахъ ежегодно былъ правленъ неотложно, а мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ Писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединять будемъ. По городамъ и по уѣздамъ въ старосты и бурмистры раскольщиковъ не выбирать для того, что они православнымъ и обратившимся творятъ великое утѣсненіе и обращенію сущую остановку“.

Послѣ этого доклада въ помощь Питириму для явныхъ слѣдствій и наказаній былъ командированъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій, облеченный правомъ ссылать на каторгу тѣхъ расколь-

щиковъ, которые будутъ укрываться отъ платежа двойныхъ налоговъ, монаховъ и монахинь забирать въ монастыри, но дѣйствовать круто не силошь, хватать не за исповѣданіе раскола, а за вредъ гражданству. „Буде возможно,—писалъ Петръ Ржевскому,—явную вину сыскать, кромѣ раскола, такихъ съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри ссылать на галеры, а буде нѣтъ причины явной, поступать съ ними по словесному указу". Ржевскій во всемъ долженъ былъ совѣтоваться съ Питиримомъ, но тайно, чтобы старообрядцы не подумали, что Ржевскій -подручный Питирима, исполняющій казни и отправляющій въ ссылку старообрядцевъ по его указанію. Ржевскій и Питиримъ обратили свое вниманіе больше всего на поселенія старообрядцевъ по рѣкѣ Керженцу, и въ ноябрѣ 1718 г. Ржевскій доносилъ царю: „Нынѣ до вашего величества послалъ раскольщиковъ необратныхъ и замерзѣлыхъ; они же и указу твоему учинились противны, положеннаго окладу платить не хотятъ и за то биты кнутомъ и вынуты ноздри и посланы въ каторжную работу числомъ 23 человѣка, а въ томъ числѣ посланъ раскольщикъ необратной Василій Пчелка, который подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ; да женска пола 46 человѣкъ замерзѣлыхъ послалъ въ дѣвичьи монастыри—положеннаго окладу платить отреклись, и за то учительницы ихъ биты кнутомъ 13 человѣкъ".

Помощь капитана Ржевскаго проповѣднику Питириму пришлась очень по вкусу, и онъ сталъ ею пользоваться довольно широко въ своей дѣятельности. Въ 1720 году оберъ-ландрихтеръ Нестеровъ сталъ вмѣшиваться въ своеобразную проповѣдническую дѣятельность Питирима и Ржевскаго, требуя доставки обвиненныхъ къ нему въ судъ. Тогда Питиримъ послалъ царю убѣдительную просьбу—запретить Нестерову вмѣшиваться не въ его дѣло, обвиняя при этомъ ландрихтера даже въ принадлежности къ расколу. Нестеровъ долженъ былъ сократить свою „рихтерскую" ревность и предоставить старообрядцевъ архіерею Питириму и капитану Ржевскому.

Для характеристики проповѣдническихъ пріемовъ Питирима чрезвычайно любопытно предпринятое имъ распространеніе одной книги, составленной въ Кіевѣ и имѣвшей задачей уличить старообрядцевъ въ еретичествѣ. Книга эта называлась „Соборное дѣяніе на еретика Мартина" и повѣствовала о томъ, какъ въ 1147 г. приходилъ въ Кіевъ монахъ Мартинъ, родомъ армянинъ; въ Кіевѣ онъ сталъ проповѣдывать двуперстіе, сугубую аллилуію и прочія „заблужденія", которыя раздѣляли старообрядцы XVII вѣка; въ 1157 году соборъ русскихъ епископовъ осудилъ мнѣнія Мартина, какъ еретическія, причемъ двуперстное крестное знаменіе было названо „армянскимъ кукишемъ". Присланная изъ Кіева, какъ подлинная, книжица соборнаго дѣянія носила всѣ внѣшніе признаки древняго происхожденія: была написана на пергаментѣ, выцвѣтшими чернилами, и вообще казалась очень пострадавшей отъ времени. Для всѣхъ знатоковъ русской старины это было со-

вершенно новое открытіе: ни о Мартинѣ ни о соборѣ на него никто до сихъ поръ не слыхалъ. Старообрядческій дьяконъ Александръ очень заинтересовался новымъ документомъ и, разобравъ его съ большимъ вниманіемъ, установилъ, что это соборное дѣяніе—явная подделка: доказательства дьякона Александра, очень тонко и съ большимъ знаніемъ дѣла построенныя, устанавливали подделку и исторически, и хронологически, и археологически. Но это не помѣшало Питириму распространять „Соборное дѣяніе на Мартина еретика", какъ „зѣло полезную" книгу, дьяконъ же Александръ былъ схваченъ и по приказу Питирима заключенъ.

Въ это же время разыгралась еще одна исторія, не очень лестная для проповѣдническихъ пріемовъ Питирима. Еще въ 1716 году Питиримъ составилъ 130 вопросовъ старообрядцамъ съ той цѣлью, чтобы они отвѣтами своими показали свою неправду. Эти вопросы онъ послалъ на Керженецъ тамошнимъ учителямъ и начетчикамъ, которые, въ св ю очередь, прислали Питириму 240 вопросовъ съ той же цѣлью. Питиримъ написалъ отвѣты на эти вопросы и потребовалъ, чтобы керженцы приняли его отвѣты при всемъ народѣ и дали свои на его вопросы. 1-го октября 1719 г., какъ доносилъ царю Питиримъ, при многочисленномъ собраніи народа въ селѣ Пафнутьевѣ, Балахапскаго уѣзда, онъ размѣнялся съ раскольничьими старцами вопросами и отвѣтами, причемъ онъ, Питиримъ, опровергъ неправые отвѣты старообрядцевъ и требовалъ возраженій на свои, но „раскольщики", дьяконъ Александръ и выборный старецъ Варсонофій съ товарищами, подали доношеніе, что отвѣты ихъ неправые и отвѣчать право имъ нечего, и просятъ они у него, Питирима, при всемъ народѣ прощенія въ своей неправотѣ.

Въ отвѣтъ на это доношеніе Питиримъ получилъ такое собственноручное письмо царя: „Преосвященный епископъ! письмо ваше мы получили съ великою радостью, что Господь Богъ чрезъ вашъ трудъ истину святыя Своея церкви прославити и противниковъ оной безотвѣтныхъ сочинити изволилъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ одинъ раскольщикъ письмо въ соборной церкви на патріаршее мѣсто положилъ, и ему сіи отреченія керженскихъ жителей объявлены, но онъ тому вѣры ять не хочетъ и требуетъ видѣться съ тамошними ихъ учителями и о томъ просилъ, дабы ему позволено къ нимъ писать, что ему и позволено, которое его письмо при семъ прилагаю, и извольте призвать ихъ къ себѣ и имъ оное объявить, и чтобъ они сюда ѣхали безъ опасенія для объявленія ему, что они учинили; также и ты изволь съ ними пріѣзжать сюды и подлинные пункты отъ нихъ вамъ данные и отъ васъ имъ отвѣтствованные, также и письмо ихъ отрицательное о своихъ пунктахъ и прочія тому подлежащія письма привезть съ собой. Петръ".

Въ январѣ 1720 года Питиримъ и старецъ Варсонофій пріѣхали въ Петербургъ и явились къ царю, причемъ Варсонофій подтвердилъ показаніе епископа. Но въ то же время явился въ

Петербургъ и дьяконъ Александръ и подалъ царю прошеніе, въ которомъ разсказывалъ, что они пришли къ Питириму въ монастырь и просили, чтобъ онъ не требовалъ отъ нихъ отвѣтовъ на свои вопросы; Питиримъ велѣлъ ихъ взять и держать за карауломъ съ годъ, и они, по принужденію, сидя въ узахъ, писали къ своимъ, чтобы составили отвѣты; отвѣты были написаны и поданы епископу въ маѣ мѣсяцѣ 1719 года; послѣ этого Питиримъ велѣлъ заклепать ихъ въ кандалы и держалъ за крѣпкимъ карауломъ до конца сентября, когда, отправившись въ село Пафнутьево, велѣлъ и ихъ везти туда же. Здѣсь старецъ Варсонофій принесъ имъ черновое доношеніе, велѣлъ переписать его набѣло и, приложа руки, подать предъ народомъ и ни въ чемъ не спорить, „хотя и станетъ епископъ требовать, чтобы вы на вопросы отвѣчали, вы только кланяйтесь и говорите, что отвѣчать не можете". Они, истомленные заключеніемъ, боясь отъ епископа большихъ мукъ, ссылки, рванія ноздрей, не осмѣлились спорить и къ невольному доношенію приложили руки неправильно, а почему они провинились въ своихъ отвѣтахъ, не знаютъ: епископъ имъ объ этомъ ничего не объявилъ. „Теперь,—писалъ Александръ въ заключеніе, — испугавшись суда Божія и вѣчныхъ мукъ за приложеніе руки моей къ неправому доношенію, приношу предъ Господомъ Богомъ слезное покаяніе, и отъ вашего царскаго величества прошу правдиваго разсмотрѣнія чрезъ вопросы и отвѣты".

Просьба дьякона Александра передана была Варсонофію, какъ выборному старцу скита; тотъ, прочитавши ее, объявилъ, что она написана безъ согласія со скитомъ, неизвѣстно по какому умыслу, они всѣмъ скитомъ съ нею несогласны и стоятъ на первомъ доношеніи, которымъ объявили свои отвѣты неправыми. Петръ далъ собственноручно такое рѣшеніе: „Дьякона пытать, къ кому онъ сюда пріѣхалъ и у кого приставалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ; а послѣ пытки послать въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ". За то, „что мимо выборнаго старца воровски учинилъ", дьяконъ Александръ и былъ казненъ.

Въ результатѣ дѣятельности Питирима, въ 20-хъ годахъ принявшагося за совершенно открытое преслѣдованіе старообрядчества, нѣсколько тысячъ слабыхъ объявили себя присоединившимися къ господствующей церкви, а большинство осталось, какъ было, и примиренія съ церковью, какъ надѣялся Петръ, не произошло. Такъ же обстояло дѣло и въ другихъ краяхъ государства, куда были посланы проповѣдники-миссіонеры для борьбы съ учителями старообрядства. Всюду проповѣдничество предпочитало вмѣсто дѣйствія словомъ вступать въ союзъ съ гвардіи капитанами, всюду увѣщавали людей, заковавъ ихъ предварительно въ кандалы, и всюду результатъ былъ одинаковъ: кто былъ послабѣе, тѣ объявляли, что раскаиваются, а болѣе сильные почувствовали еще глубже ровъ, возникшій между ними и господствующей церковью, и рѣшительно отвернулись отъ всякой словесной борьбы, избѣгая

всяческих собесѣдованій съ проповѣдниками, за которыми стояли отъ гвардіи капитаны.

Къ тому же и сами проповѣдники въ своемъ чисто-проповѣдническомъ дѣлѣ не всегда стояли на высотѣ и въ словопреніяхъ должны были иногда уступать старообрядческимъ начетчикамъ. Когда въ 1722 г. синодъ установилъ во всѣхъ краяхъ Россіи особыя миссіи для борьбы съ раскольциками, то въ мѣстность выговскихъ скитовъ былъ присланъ съ порученіемъ вести бесѣды со старообрядцами іеромонахъ Неофитъ. Андрей Денисовъ съ товарищами обратились тогда къ Неофиту съ просьбой, чтобы онъ письменно изложилъ тѣмы будущихъ словопреній. Неофитъ написалъ 106 положеній въ формѣ краткихъ вопросовъ. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ, выговскіе наставники доставили іеромонаху свои отвѣты. Это были знаменитые Поморскіе отвѣты, являющіеся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній старообрядческой литературы. Въ этихъ отвѣтахъ выговцы подробно отвѣтили на всѣ вопросы Неофита и, воспользовавшись очень умѣло промахомъ Неофита, поставившаго вопросы болѣе историческаго, чѣмъ догматически богословскаго характера, засыпали его справками изъ древнихъ книгъ, лѣтописей, грамотъ, указаніями на старинныя изображенія, иконы, доказывавшими древность и двуперстія, и сугубой аллилуіи, и хожденія посолонь, — словомъ, всѣхъ основъ своихъ разногласій съ господствующей церковью; достаточно были обоснованы и чисто-богословскія стороны старообрядства. Въ этомъ смыслѣ Поморскіе отвѣты являются первой работой сознавшаго себя старообрядства, выступившаго здѣсь впервые не только съ отрицаніемъ никоновыхъ новинъ, но съ твердымъ и достаточнымъ историческимъ и богословскимъ обоснованіемъ своихъ убѣжденій. Съ такими противниками еще менѣе можно было надѣяться на побѣду при борьбѣ ссылкой и рваньемъ ноздрей, но эти мѣры долго еще, къ сожалѣнію, не исчезали изъ обихода православнаго миссіонера и достигли только того, что все глубже и глубже дѣлали расколъ русской церкви. Старообрядчество скоро перестало совсѣмъ входить въ мирныя собесѣдованія, кончавшіяся столь не мирно, и больше ушло въ устройство своего внутренняго быта.

Въ то время, какъ въ поповщинѣ шли безконечные и крайне запутанные споры о томъ, какимъ чиномъ принимать бѣгствующихъ никоніанскихъ священниковъ, и назрѣвали первыя хлопоты о поискахъ „своего" древле-православнаго архіерея, безпоповцы тратили много времени и силъ на выясненіе своихъ отношеній къ тому міру, въ которомъ несомнѣнно для нихъ воцарился антихристъ. Андрей Денисовъ шелъ на всевозможныя уступки и стоялъ за самую широкую возможность общенія съ еретиками-никоніанами, до моленія за царя включительно, причемъ ссылался въ оправданіе на то, что древніе христіане молились и за языческихъ царей по указанію апостола Павла; но другіе безпоповцы были крайне недовольны подобнаго рода уступками антихристову міру.

Въ одно время съ Денисовыми, учившими на Выгѣ и рас-

пространившими свое вліяніе на все Поморье, въ юго-западныхъ областяхъ Новгородскаго края и за польской границей большое значеніе среди тамошнихъ безпоповцевъ пріобрѣлъ нѣкто Өеодосій. Онъ самостоятельно старался обосновать положенія безпоповства и въ своихъ толкованіяхъ разошелся нѣсколько съ Денисовымъ по вопросамъ обрядовымъ; для выясненія разногласій онъ пріѣзжалъ въ скитъ на Выгу и тутъ всегда послѣ собесѣдованій и во время ихъ подымалъ вопросъ о томъ послабленіи міру, какое замѣчалось у выговскихъ отцовъ. На этой почвѣ споры не только не приводили къ соглашенію, но сѣяли все большее и большее взаимное ожесточеніе въ безпоповствѣ. Кончилось тѣмъ, что послѣ одного диспута, когда спорщики стучали другъ на друга кулаками по столу и упрекали въ еретичествѣ, Өеодосій, „показавъ характеръ не мирнаго духа", какъ говоритъ историкъ Выговской обители, вышелъ изъ воротъ скита, выбросилъ данные ему на дорогу припасы, заявивъ, что отъ несогласныхъ не хочетъ принимать пищи, снялъ обувь и, ставъ лицомъ къ Выговской обители, отрясъ прахъ ногъ своихъ. „Прахъ, прилипшій у васъ къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ,—кричалъ онъ,—не буди намъ съ вами имѣти общенія ни въ семъ вѣкѣ ни въ будущемъ". Денисова не было тогда въ обители; узнавъ о происшедшемъ, онъ всячески старался помириться съ Өеодосіемъ и его послѣдователями, и временнаго соглашенія ему удалось-было достигнуть; но, когда окончательно выяснилось, что Андрей и его братъ Семенъ съ единомышленниками своими стоятъ на томъ, чтобы молиться за царя, послѣдователи Өеодосія рѣзко порвали съ выгорѣцкими скитниками и образовали свое особое согласіе, получившее названіе по имени основателя—Өедосеевское.

Разрывъ между Өеодосіемъ и выговцами коснулся, между прочимъ, вопроса о томъ, какъ должно писать „титло" на крестѣ Спасителя. Въ общинѣ Өеодосія употребляли буквальное титло: І. Н. Ц. І.; на Выгѣ, напротивъ, писали: І. Хр. Царь Славы. Какъ скоро разность эта стала извѣстна, ревнители „древляго благочестія" наговорили другъ другу колкостей: „Намъ вашъ Назарянинъ не надобенъ,—говорили поморцы,—это насмѣшка Пилата, это выдумки папистовъ и тонкій духъ аріанства, именующій Христа простымъ человѣкомъ". Съ своей стороны и өедосеевцы обзывали поморцевъ крестоборцами и іудеями. Въ концѣ XVIII столѣтія (1791 г.) это разногласіе было улажено; выговцы остались побѣдителями, и өедосеевцы приняли надписаніе І. Хр. Ц. Сл. Только новгородскіе өедосеевцы остались вѣрны завѣщанію своего первоучителя и выдѣлились въ особую секту, извѣстную подъ именемъ титловщины.

Другой чертой разногласія среди безпоповцевъ выдвинулся скоро вопросъ о бракѣ. Признавая только два таинства—крещеніе и покаяніе, безпоповцы отрицали таинство брака и требовали отъ своихъ единомышленниковъ безбрачія. Пока живы были ожиданія скораго второго пришествія Христова, правило безбрачія довольно

строго соблюдалось въ безпоповствѣ; но, когда ожиданія страшнаго суда потеряли свою остроту, естественное человѣческое стремленіе къ устройству семьи одержало верхъ, и учители безпоповщины должны были допустить браки въ средѣ своихъ единомышленниковъ. Самъ Ѳеодосій сталъ признавать законными браки, заключенные въ никоніанской церкви, явно противорѣча этимъ и самому себѣ и своему основному отношенію къ никоніанству. Андрей Денисовъ былъ послѣдовательнѣе и требовалъ отъ своихъ безусловнаго безбрачія; но такъ какъ основной духъ ученія ѳедосеевцевъ отличался большей непримиримостью, а поморское согласіе шло на большія уступки жизни, то, несмотря на то, что учители обоихъ толковъ держались мнѣній, не соотвѣтствовавшихъ ихъ же основнымъ толкованіямъ, жизнь привела къ тому, что поморское согласіе допустило бракъ въ средѣ своихъ членовъ, а ѳедосеевское стало его отрицать, какъ грѣховное и ненужное учрежденіе. Въ спорахъ на эти темы и нѣкоторыя другія второстепеннаго характера шла вся внутренняя жизнь старообрядства XVIII в.; нельзя сказать, чтобы эти споры и разногласія потеряли свою остроту и теперь.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XIV—XVIII; *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, вып. II; *А. Н. Пыпинъ*, Исторія русской литературы, т. III; *П. Барсовъ*, Братья Андрей и Семенъ Денисовы; *А. Синайскій*, Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы синодальнаго управленія при Петрѣ Великомъ; *П. С. Смирновъ*, Исторія русскаго раскола старообрядства; *Его же*, Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII-го вѣка; *Н. И. Ивановскій*. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола: *И. Посошковъ*, Зерцало безыменнаго творца, на раскольниковъ обличеніе; *И. Филипповъ*, Исторія Выговской пустыни; „Виноградъ Россійскій"; „Отвѣты Александра діакона"; „Поморскіе отвѣты"; и нѣкоторыя другія сочиненія.

———

Царевны Анна Петровна и Елизавета Петровна. Съ портрета Л. Каравака.

Дѣло царевича Алексѣя Петровича.

Кипучая преобразовательная дѣятельность Петра Великаго, затронувшая такъ много интересовъ, выбившая столь многихъ изъ рамокъ привычнаго житія, заставившая однихъ усиленно служить, „не щадя живота", даже до смерти, другихъ нещадно платить до полнаго оскудѣнія, нарушившая исконный домашній быть, вѣрованія и религіозные обычаи, подрывавшая всѣ старинные московскіе завѣты, вызывала рѣзкое осуждающее отношеніе къ себѣ у людей всѣхъ классовъ общества, такъ или иначе больно задѣтыхъ Петромъ и его реформами. Недовольныхъ было много. То и дѣло срывались у тогдашнихъ людей слова горькаго осужденія и гнѣва съ угрозами противъ царя самыми недвусмысленными. За эти слова приходилось неосторожнымъ жестоко платиться, какъ за преступленіе политическое, противъ персоны его царскаго величества и противъ блага и спокойствія общаго.

Историкъ С. М. Соловьевъ, разбирая дошедшіе до насъ тогдашніе политическіе процессы, рисуетъ словами и данными самыхъ слѣдственныхъ и разспросныхъ актовъ встревоженное и противоправительственно настроенное состояніе русскаго общества во дни Петра. Всѣмъ круто пришлись Петръ и его реформы.

Крестьяне роптали, говоритъ С. М. Соловьевъ: „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ мы и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братіи, крестьянству, нѣтъ!“ Сынъ боярскій говорилъ: „Какой-де онъ государь? Нашу братію всѣхъ выволокъ на службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу, и нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба минулась, и черни было бы легче“. Крестьянки, солдатскія жены, кричали: „Какой онъ царь? Онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“. Холопъ говорилъ: „Если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; удивляюсь я тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ... Какой онъ царь? Врагъ, оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“. Монахъ говорилъ: „Навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а ужъ нынѣ станетъ ихъ солить!“ Другой монахъ сказалъ на это: „Эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ“. Нищій говорилъ: „Нѣмцы его обошли; часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной найдетъ—такъ рветъ и мечетъ; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: съ церквей колокола снимаетъ“. Слышались слова: „Міроѣдъ, весь міръ переѣлъ; а на него, кутилку, переводу нѣтъ, только онъ переводитъ добрыя головы“.

Подметныя письма, подкидные листы, обличительныя посланія собирались чуть не со всѣхъ площадей тогдашнихъ городовъ. Стрѣльцы и ихъ дѣло пользовались большимъ сочувствіемъ, а съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось мнѣніе, что Петръ—антихристъ, что онъ—подмѣненный царь, что всѣ тяготы и казни—отъ его безбожія и нехристіанства, случаи угрозъ, направленныхъ противъ царя, стали срываться съ русскихъ языковъ по всякому, даже мелочному поводу. Надѣваетъ дмитровскій посадскій человѣкъ Большаковъ новую шубу, сшитую по приказанному образцу, и, не попадая долго въ рукава, вдругъ выпаливаетъ съ сильной бранью: „Кто это платье завелъ, того бы повѣсить!“ А жена его сейчасъ же и точку поставила: „Прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ“. „Такъ бы, кажется, своими руками его и удавилъ!—со скрежетомъ зубовнымъ говорилъ другой посадскій въ Нижнемъ.—Столько онъ народу перевелъ! Воистину антихристъ, а не царь“. Въ народѣ жадно прислушивались къ этимъ толкамъ. Въ мартѣ 1722 г. „нѣкоторой человѣкъ, пришедъ въ городъ Пензу, и кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести Е. И. В. и весьма вредительныя государству; на которой его крикъ, — свидѣтельствуетъ офиціальный документъ,— сошлось людей не малое число, однако же они того не учинили, чтобъ какъ наискорѣе онаго злодѣя поймать и привести куда надлежитъ“... Нашелся одинъ пензенецъ, посадскій Ѳедоръ Каменщикъ, который донесъ начальству

о „вредительныхъ рѣчахъ“, за что и получилъ 300 р. въ награжденіе и право безпошлинной торговли; кромѣ того, было сдѣлано особое распоряженіе „въ городахъ командирамъ“ „онаго Каменщика отъ всякихъ обидъ охранять“.

Отъ словъ переходили къ дѣлу. Замыслы на жизнь Петра несомнѣнно были чаще, чѣмъ это можно установить по сохранившимся свѣдѣніямъ. Такіе бунты, какъ астраханскій или булавинскій, были только наиболѣе крупными проявленіями народнаго недовольства; мелкія же возстанія, вырождавшіяся въ обыкновенное разбойничество, вспыхивали постоянно, и разбойничество при Петрѣ непрестанно пополняло свои ряды изъ обиженныхъ и недовольныхъ реформами.

Вокругъ Петра и его дѣла создалась душная атмосфера слѣпого противодѣйствія, что, въ свою очередь, держало въ постоянномъ боевомъ напряженіи самого Петра. Это напряженіе, при его характерѣ, разражалось подчасъ дикими вспышками, жестокими и безпощадными кровавыми казнями, которыя ко всеобщему успокоенію тоже, конечно, не вели. Всѣ чувства озлобленныхъ и недовольныхъ Петромъ невольно обращались къ его наслѣднику: тяжело намъ теперь, можетъ-быть, будетъ легче потомъ. Слухи, что наслѣдникъ Петра, его сынъ, царевичъ Алексѣй, тоже недоволенъ царемъ-отцомъ, имѣли очень широкое распространеніе. Тайкомъ на площадяхъ, явно въ домахъ шептали и толковали, что царевичъ окружилъ себя благочестивыми людьми и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго подмѣненнаго царя, чуть не самаго антихриста. „Царевичъ гуляетъ на Москвѣ съ донскими казаками, — разсказывалъ одинъ узникъ преображенскаго приказа, попавшій туда за то, что не въ мѣру распустилъ языкъ на базарѣ, толкуя о царѣ и его дѣлахъ,—и когда увидитъ котораго боярина и мигнетъ казакамъ, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ; это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что-де онъ мнѣ не батюшка и не царь“.

Царевичъ Алексѣй родился въ 1690 году и до восьми лѣтъ находился на попеченіи матери, царицы Евдокіи Ѳедоровны. Эта жена, выисканная Петру его заботливой матерью, съ цѣлью путемъ женитьбы „остепенить“ сына, отвлечь его отъ Нѣмецкой слободы, отъ корабликовъ на Плещеевомъ озерѣ, отъ всего нецарскаго его поведенія, никогда не была для Петра близкимъ человѣкомъ, женой-другомъ. Царица Евдокія была человѣкомъ стараго закала и на все смотрѣла глазами матушки-государыни, царицы Натальи Кирилловны. Въ своей семьѣ Петръ сталъ чужимъ, не любилъ поэтому бывать подолгу дома, а когда являлся домой, то былъ всегда сердитъ и невеселъ. Отъ матери царевичъ Алексѣй слышалъ только жалобы на отца, проклятья испортившимъ его нѣмцамъ, укоры всему отцовскому дѣлу. На такой почвѣ большого расположенія къ отцу у ребенка сложиться не могло, и запуганный съ дѣтства появленіями отца, этими запугиваніями отчужден-

ный отъ него, царевичъ Алексѣй всю жизнь „боялся“ отца и на этой боязни вольно и невольно строилъ всѣ свои отношенія къ царю-отцу.

Уже во время перваго своего путешествія за границу Петръ задумалъ отдѣлаться отъ нелюбимой жены. Изъ Лондона онъ писалъ Нарышкину, Стрешневу и духовнику царицы, чтобы они уговорили ее добровольно постричься. Порученіе было исполнено, но неудачно: Стрешневъ отвѣчалъ царю, что царица упрямится итти въ монастырь, а духовникъ—человѣкъ малословный и безъ новаго напоминанія не рѣшается вторично предлагать царицѣ итти въ монастырь. Тогда Петръ оставилъ этотъ замыселъ до своего возвращенія. Раздѣлавшись осенью 1699 года со стрѣльцами, онъ раньше еще, чѣмъ приняться за сестру Софью, отправилъ въ суздальскій Покровскій женскій монастырь жену, гдѣ ее и постригли насильно въ монахини, давъ имя Елены. Малолѣтняго царевича Алексѣя отъ матери отобрали и отвезли къ теткѣ, родной сестрѣ Петра, царевнѣ Наталіи.

Около 1705 г. Петръ сблизился съ нѣкоей Екатериной Скавронской, въ лицѣ которой нашелъ преданнаго и любящаго друга, готоваго дѣлить всѣ тягости трудовой и подвижной жизни Петра, умѣвшаго словомъ утѣшить, дѣломъ помочь въ несчастьѣ, бодро и беззавѣтно встрѣтить вмѣстѣ пиромъ, многодневнымъ и „всенощнымъ“ празднованіемъ всякую удачу и радость. Въ мартѣ 1711 г. Екатерина Скавронская стала женой Петра. Происходила она изъ Лифляндіи и на глаза Петру попалась среди плѣнниковъ. По преданію, она была своимъ человѣкомъ въ домѣ маріенбургскаго пастора Глюка. Какъ плѣнница она очутилась въ дворнѣ кн. А. Д. Меншикова, гдѣ ее и увидѣлъ впервые царь. Принявъ православіе, она получила отчество Алексѣевна, по имени крестнаго отца, царевича Алексѣя. Петръ искренно любилъ свою вторую супругу. Въ своихъ частыхъ отлучкахъ онъ скучалъ безъ нея и писалъ ей добрыя ласковыя письма, называлъ ее „Катеринушка, другъ мой“ и „Катеринушка, другъ сердешненькой“, посылалъ презенты и тосковалъ, когда, случалось, долго не получалъ отъ нея отвѣтныхъ посланій. Искренно привязался онъ и къ дѣтямъ отъ второго брака—царевнамъ Аннѣ и Елизаветѣ. Новая семья и новыя семейныя радости вольно и невольно отвлекали Петра отъ заботливыхъ думъ о воспитаніи старшаго сына, царевича Алексѣя, по крайней мѣрѣ эти заботы перестали быть главнымъ дѣломъ въ семейной жизни государя.

Еще мать начала учить царевича грамотѣ, поручивъ эту науку нѣкоему Никифору Вяземскому, славившемуся какъ отличный грамотей и словесной мудрости риторъ, умѣвшій писать и говорить необыкновенно пышно и широковѣщательно, что тогда нравилось и считалось краснорѣчивымъ. Вяземскій, оправдывая свою славу, извѣстилъ царя необычайно цвѣтистымъ письмомъ о началѣ ученія царевича. „Приступилъ къ свѣтлой твоей денницѣ,— писалъ Вяземскій,—отъ тебя умна солнца изливающей свѣтъ бла-

годати, благословенному царскихъ чреслъ твоихъ плоду, свѣтлопорфирному государю царевичу, сотворихъ о безначальномъ альфы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо"... Монахъ Каріонъ Истоминъ составилъ для царевича особый букварь со славянскими, греческими и латинскими буквами, причемъ на каждую букву даны были рисунки, сдѣланные и награвированные мастеромъ Леонтіемъ Бунинымъ. Эта азбука долго потомъ была въ большомъ ходу у русскихъ школьниковъ первой половины XVIII в. Вяземскій оставался при царевичѣ и послѣ заточенія царицы Евдокіи въ монастырь.

1683—1727.

Когда Алексѣю пошелъ десятый годъ, Петръ задумалъ-было отправить сына учиться за границу, въ Дрезденъ, къ своему союзнику и пріятелю, курфюрсту и королю Августу, но событія Сѣверной войны помѣшали этому намѣренію, и къ царевичу приставили пока въ должности воспитателя нѣмца Мартина Нейгебауера. Этотъ Нейгебауеръ, впрочемъ, недолго былъ при царевичѣ для наставленія его „въ наукахъ и нравоученіи", какъ гласило письменное условіе его. Человѣкъ мелочной, хотя и образованный, Нейгебауеръ поднялъ безконечные споры и ссоры съ русскими придворными царевича, прежде всего съ Вяземскимъ. Нейгебауеръ хотѣлъ, чтобы его признавали гофмейстеромъ царевича и отдали ему подъ начало русскихъ „кавалеровъ"; но назначеніе нѣмца гофмейстеромъ не состоялось, а русскіе „кавалеры" использовали это обстоятельство на то, чтобы насмѣхаться надъ Нейгебауеромъ: „Гы-гы, смотрите, гофмистръ!"—дразнили они нѣмца, а онъ швырялъ въ нихъ, чѣмъ ни попадя, и кричалъ: „Собаки, собаки, ферфлюхтъ, варвары, гундсфотъ!"

23 мая 1702 года за обѣдомъ произошла невозможная

сцена. „Во время того стола,—разсказывалъ на слѣдствіи очевидецъ докторъ Клемъ,—какъ принесли на столъ жаркія куры, которыя тотъ иноземецъ (т.-е. Нейгебауеръ), разрушивъ, положилъ на блюдѣ, и государь царевичъ изволилъ взять отъ той ѣствы сперва одну куречью ножку и, покушавъ нѣсколько, положилъ на тарелку и хотѣлъ взять еще иную часть. И Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ говоритъ, чтобы онъ, царевичъ, тѣ части, которыя кушалъ, для очистки тарелки положилъ на то жъ блюдо. О семъ услыша, Мартынъ говорилъ, что царевичъ лучше, нежели онъ, Нарышкинъ, въ томъ знаетъ, понеже необычно объѣденныя кости на блюдо класть, а мечутъ ихъ собакамъ. Потомъ царевичъ изволилъ нѣчто молвить Алексѣю Ивановичу тайно на ухо, а Алексѣй Ивановичъ, измѣшкавъ немного, также молвилъ тайно на ухо учителю Никифору, а Мартынъ говорилъ: „Непристойно за столомъ другъ другу на ухо говорить при иныхъ людяхъ!“ На это Никифоръ сказалъ: „Что тайно, то тайно, а что явно, то явно!“ И онъ, Мартынъ, говорилъ: „Вы-де всѣ ничего не знаете и быть вамъ здѣсь недостоитъ, я васъ вытолкаю толчкомъ!“ Вяземскій возразилъ, уколовъ Нейгебауера въ больное мѣсто, что даже если бы Мартынъ Мартынычъ былъ и гофмейстеръ, то все равно онъ никого бы изъ присутствующихъ вытолкать не могъ, потому что и самъ-то онъ подчиненъ Александру Даниловичу, и всѣ здѣсь только Александра Даниловича знаютъ. Нейгебауеръ вспылилъ, закричалъ: „Варвары, собаки!“, и „предъ царевича бросалъ ножикъ и вилку“ и даже схватился за шпагу. На это Вяземскій опять сказалъ: „Хоть бы ты и гофмистромъ былъ, а такъ бы за столомъ не бросалъ и не бранился!“ Услышавъ опять слово „гофмистръ“, Нейгебауеръ выскочилъ изъ-за стола и съ крикомъ: „Собаки, собаки! Я вамъ покажу! Какъ Богъ мой живъ, я вамъ отомщу!“—убѣжалъ вонъ.

Когда царю донесли обо всемъ случившемся, онъ велѣлъ выслать Нейгебауера за границу, что и было исполнено. Но Мартынъ Мартынычъ не захотѣлъ остаться въ долгу и отомстилъ, издавъ въ 1704 г. брошюру, въ которой, какъ только умѣлъ, горячо и страстно обвинялъ царя и его москвитянъ въ дурномъ обращеніи съ иностранцами, повѣствовалъ, что знатнѣйшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ-иностранцевъ съ вѣдома царя бьютъ, какъ щенковъ, палками, даютъ пощечины, бранятъ непристойно и т. д. Впослѣдствіи Нейгебауеръ обѣщалъ еще издать большую книгу „о варварскомъ, идолопоклонническомъ, нагломъ, рабскомъ, жестокомъ, неблагодарномъ и ненавистномъ къ иностранцамъ русскомъ народѣ“. Наполненная злобными и клеветническими выходками брошюра Нейгебауера имѣла цѣлью отвратить отъ поступленія въ русскую службу иноземцевъ, въ которыхъ Петръ тогда нуждался, что Нейгебауеру было хорошо извѣстно.

Воспитателемъ царевича былъ тогда назначенъ докторъ правъ баронъ Генрихъ Гюйсенъ, поступившій на русскую службу съ тѣмъ, чтобы завѣдывать за границей наймомъ иностранцевъ въ

Россію. Этотъ Гюйсенъ составилъ планъ воспитанія царевича. Прежде всего по этому плану предполагалось, чтобы царевичъ овладѣлъ необходимымъ средствомъ образованія, изучилъ французскій языкъ, какъ самый легкій и наиболѣе употребительный, на что предполагалось посвятить шесть мѣсяцевъ, а въ руководство взять грамматику, изданную для французскаго дофина; окружавшія царевича лица должны были въ это время говорить съ нимъ только по-французски; въ часы отдыха надлежало объяснять царевичу карты и рисунки изъ Яшлотова атласа, пріучать его понемногу къ употребленію циркуля, приступить къ началамъ ариѳметики и геометріи, упражнять въ штурмованіи (фехтованіи), танцованіи и конской ѣздѣ; для забавы же занимать умѣренной игрой въ труктафель и балгаузъ. Когда царевичъ освоится съ французскимъ языкомъ такъ, что будетъ въ состояніи понимать книги, предстояло начать изученіе исторіи и географіи, какъ истинныхъ основаній политики, по руководствамъ Бунона и Пуффендорфа съ присовокупленіемъ французскихъ курантовъ; продолжать математику, учить слогу и чистописанію, читать Пуффендорфово сочиненіе о должности человѣка и гражданина, Фенелонова „Телемака“ и обучать военнымъ экзерциціямъ. Все это могло бы быть пройдено въ два года; послѣ того предполагалось изложить царевичу о всѣхъ политическихъ дѣлахъ на свѣтѣ, объ истинной пользѣ государствъ, объ интересахъ государей Европы; познакомить съ военнымъ искусствомъ, фортификаціей, артиллеріей, навигаціей и т. п. Составить постепенно комнатную библіотеку. Каждое утро въ началѣ ученія царевичъ долженъ былъ явственно и съ прилежаніемъ прочитывать двѣ главы изъ Библіи, такъ чтобы Ветхій Завѣтъ былъ пройденъ имъ одинъ разъ, а Новый—два раза.

Петръ одобрилъ планъ, и ученье началось. Царевичъ былъ мальчикъ умный. Онъ охотно учился, много читалъ, дѣлалъ выписки изъ прочитаннаго, совѣтовалъ учиться своимъ сверстникамъ. Гюйсенъ былъ доволенъ своимъ ученикомъ и давалъ царю самые лестные отзывы объ успѣхахъ его сына: царевичъ, по свидѣтельству Гюйсена, прочелъ шесть разъ Библію—пять разъ по-славянски и одинъ разъ по-нѣмецки; прочелъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и всѣ духовныя и свѣтскія книги, которыя были тогда переведены на славянскій языкъ; по-нѣмецки и по-французски говорилъ и писалъ хорошо. Вообще Гюйсенъ отзывался о немъ, какъ о ребенкѣ, который разуменъ выше своего возраста, тихъ, кротокъ, благочестивъ. Зато математика и военныя науки плохо давались царевичу, а военныхъ экзерцицій и фехтованія онъ просто не любилъ. Въ немъ, какъ кажется, вырабатывался человѣкъ гуманитарнаго склада и образа мыслей, склонный къ тихой кабинетной работѣ и по своимъ способностямъ далекій отъ всякой техники и навигаціи, т.-е. полная противоположность отцу.

„Мы имѣемъ полное право сказать,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ,—что царевичъ, не будучи похожъ на отца, былъ очень похожъ на своего дѣда—царя Алексѣя Михайловича, и по всему

своему складу, характеру, наклонностямъ принадлежалъ къ числу тѣхъ новыхъ людей, какихъ дала Россіи послѣдняя четверть XVII в. Эти люди тоже обратились за наукой на Западъ, учились сами и учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывали учителей, были охотники послушать вирши, пробовали сами писать; любили потолковать съ знающимъ человѣкомъ, съ духовнымъ лицомъ изъ ученыхъ малороссіянъ о хлѣбопоклонной ереси, напримѣръ: побесѣдовавъ съ ученымъ человѣкомъ, они любили выпить и напоить собесѣдника; книжка ученая или забавная хотя бы даже на польскомъ или латинскомъ языкѣ—желанный гость на ихъ письменномъ столѣ; въ комнатѣ у нихъ книжныя полки, и на нихъ стоятъ читаемыя книги; эти люди были не прочь поѣхать и за границу полѣчиться на водахъ, посмотрѣть заморскія диковины, накупить разныхъ хорошихъ вещей для украшенія своихъ домовъ... Однимъ словомъ, —продолжаетъ свою характеристику С. М. Соловьевъ,— они были никакъ не прочь отъ сближенія съ Западомъ, отъ пользованія плодами его цивилизаціи; но надобно было сохранять при этомъ приличное сану достоинство и спокойствіе; зачѣмъ эта суетня и бѣготня, незнаніе покоя, покинутіе старой столицы, старыхъ удобныхъ домовъ, поселеніе на краю свѣта, въ самомъ непригожемъ мѣстѣ? зачѣмъ эти наборы честныхъ людей, отецкихъ дѣтей въ неприличныя ихъ роду службы и работы? зачѣмъ эта долголѣтняя война, отъ которой всѣ пришли къ конечное разореніе? И царь Алексѣй Михайловичъ велъ долгую и тяжелую войну; но зато православныхъ черкасъ защитилъ отъ уніи и Кіевъ добылъ: а теперь столько крови проливается и казны тратится, и все изъза этого погибельнаго болота! Царевичъ Алексѣй Петровичъ по природѣ своей былъ именно такимъ русскимъ западникомъ-бариномъ; онъ былъ уменъ и любознателенъ, какъ дѣдъ царь Алексѣй или дядя царь Ѳедоръ, но, какъ и они, онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной практической дѣятельности, къ движенію безъ устали, къ умѣнью и охотѣ дѣлать все своими руками; неподвижный физически, онъ былъ домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги или изъ разговора съ бывалымъ умнымъ человѣкомъ. Онъ и отецъ были два человѣка, созданные не понимать другъ друга, такъ разны они были во всемъ".

Петръ поставилъ себѣ великія практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ дѣлало Россію одной изъ главныхъ державъ Европы; чтобы побѣдить шведа, добиться моря, создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю,—для этого нужны были люди петровскаго, а не алексѣевскаго склада, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого требовалась большая и напряженная практическая дѣятельность, незнаніе покоя, то, что заставило Петра самолично пойти въ плотники, шкипера и солдаты, и призывать всѣхъ русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную землю на новую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ. Противъ Петра были

не одни слѣпые невѣжды и не одни приверженцы старины—старообрядцы, противъ него были и вотъ эти образованные люди, понимавшіе необходимость реформъ и шедшіе имъ навстрѣчу, но только инымъ путемъ. Среди нихъ-то находился и сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Онъ былъ человѣкъ тихій и спокойный, человѣкъ домашнихъ удобствъ и привычекъ, а отецъ, которому болѣе всего были противны домосѣдство и лежебокость, требовалъ отъ сына практической дѣятельности, движенія, службы въ рядахъ своихъ гвардейцевъ, тщательнаго умѣнья распорядиться заготовкой солдатскихъ сапогъ и мундировъ, принять во-время нужное число рекрутъ и во-время доставить ихъ, куда прикажетъ командующій генералъ. „Вслѣдствіе этихъ требованій съ одной стороны, и естественнаго, неодолимаго отвращенія къ выполненію ихъ съ другой, и возникли изначала печальныя отношенія между отцомъ и сыномъ, отношенія между мучителемъ и жертвою, ибо нѣтъ болѣе сильнаго мучительства, какъ требованіе перемѣнить свою природу, а этого именно и требовалъ Петръ отъ сына“,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ.

Отъ мальчика, обладавшаго къ тому же не очень крѣпкимъ здоровьемъ, требовалась, дѣйствительно, непосильная дѣятельность: ему надо было одновременно и учиться съ Гюйсеномъ, и практически проходить суровую школу солдата въ виду непріятеля Тринадцати лѣтъ отъ роду царевичъ Алексѣй въ званіи солдата бомбардирской роты присутствуетъ при всѣхъ операціяхъ по взятію Ніеншанца. Въ мартѣ 1704 г., т.-е. 14-ти лѣтъ, онъ находится въ лагерѣ войскъ, осаждающихъ Нарву, и ведетъ себя, вѣроятно, не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось бы отцу, потому что Петръ, какъ разсказываетъ Гюйсенъ, послѣ взятія Нарвы приступомъ, находясь въ палаткѣ фельдмаршала Огильви со всѣми генералами, вызвалъ впередъ царевича и сказалъ ему: „Сынъ мой! Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды—отъ Него; но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить все, что служитъ къ благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага. Помни, что если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобъ Онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни“.

Гюйсенъ записалъ и отвѣтъ царевича. Мальчикъ со слезами на глазахъ схватилъ руку отца, цѣловалъ ее и говорилъ: „Всемилостивѣйшій государь-батюшка! Я еще слишкомъ молодъ и дѣлаю, что могу. Но увѣряю ваше величество, что я, какъ покорный сынъ, буду всѣми силами стараться подражать вашимъ дѣяніямъ и примѣру. Боже! сохрани васъ на многіе годы въ постоянномъ здравіи, чтобы я еще долго могъ радоваться столь знаменитымъ

родителемъ". Изъ Нарвы царевичъ отправился въ Москву и тамъ при торжественномъ входѣ войска поздравлялъ отца у Воскресенскихъ воротъ заученной рѣчью. Сказавъ рѣчь, царевичъ сталъ въ ряды Преображенскаго полка.

Въ началѣ 1705 года Гюйсенъ отправленъ былъ за границу съ разными дипломатическими порученіями, а царевичъ поселился въ Преображенскомъ, гдѣ жилъ безъ всякаго занятія, получая 12.000 рублей въ годъ на прожитье. Эти годы до 1707-го имѣли важное значеніе въ жизни царевича въ томъ смыслѣ, что еще больше увеличили взаимное непониманіе отца и сына. Царевичъ становился уже взрослымъ человѣкомъ. Въ 1707 году ему исполнилось семнадцать лѣтъ. Предоставленный самому себѣ, онъ жилъ по своему вкусу. На него, какъ на наслѣдника Петра, давно ужъ обратились съ извѣстными упованіями и надеждами взоры всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ Петромъ. Еще стрѣльцы говорили съ радостью, что царевичъ нѣмцевъ не любитъ, а мѣстоблюститель патріаршаго престола, не безъ надежды увидѣть когда-нибудь лучшее будущее, любилъ въ своихъ проповѣдяхъ обращаться съ молитвеннымъ воззваніемъ къ св. Алексѣю, призывая св. угодника сохранить тезоименника своего, „особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и преисправнаго ихъ послѣдователя, нашу едину надежду"... Самъ недовольный, царевичъ искалъ общества недовольныхъ и, конечно, находилъ: они сами шли къ нему.

При царевичѣ продолжали пребывать тѣ самые „кавалеры" съ учителемъ Вяземскимъ во главѣ, съ которыми такъ неудачно для себя сражался Нейгебауеръ. Это были все люди очень и очень средніе, приверженные къ старинѣ, любившіе, впрочемъ, больше хорошо пообѣдать и выпить, чѣмъ поговорить и подумать о мучившихъ царевича вопросахъ. Какъ кажется, онъ этимъ обществомъ и пользовался только какъ хорошими компаньонами по обѣденной части. Отъ скуки онъ привыкъ съ ними пить. Отводилъ душу царевичъ Алексѣй со своимъ духовникомъ да разными черницами и попами, которые самыми невѣдомыми путями пробирались къ свѣтъ-царевичу, чтобы своими глазами убѣдиться, какъ мало онъ похожъ на своего батюшку, такъ солоно пришедшагося всей иночествующей Россіи. Эту вѣсть, что сынъ не въ отца, любитъ св. Писаніе, знаетъ кругъ церковный, истово посѣщаетъ храмъ Божій, чтитъ „церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское разное облаченіе и украшеніе и всякое церковное благолѣпіе", посѣщавшіе царевича разносили по своимъ монастырямъ, распространяли въ народѣ, и всѣ, кому тяжело было смотрѣть на „всешутѣйшій, шумнѣйшій соборъ" его родителя, съ трепетомъ сердечнымъ начинали ждать минуты, которая принесла бы перемѣну во всемъ этомъ кощунственномъ антихристовомъ навожденіи, созданномъ державнымъ дьякономъ всешутѣйшаго собора Пахомомъ Михайловымъ.

Самымъ первымъ и близкимъ царевичу Алексѣю лицомъ ста-

новится въ это время его духовникъ, протопопъ Яковъ Игнатьевъ. Для царевича Алексѣя онъ сумѣлъ стать тѣмъ „собинным" другомъ, какимъ былъ одно время новгородскій митрополитъ Никонъ для его дѣда. Яковъ Игнатьевъ, человѣкъ энергичный, умный, богословски начитанный, за свое дѣло руководительства царевичемъ въ извѣстныхъ ему цѣляхъ взялся по-никоновски. Овладѣвъ душой и сердечной дружбой царевича, протопопъ заставилъ его поклясться крестомъ и евангеліемъ, что онъ будетъ слушать его, протопопа, во всемъ, какъ ангела Божія и Христова апостола, будетъ считать его судьею всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ, правда, разъ послѣ всѣхъ этихъ клятвъ надралъ честную браду своего судіи, но горько въ этой своей хмельной несдержанности каялся и, дѣйствительно, высоко чтилъ своего духовника. „Въ семъ житіи,—писалъ онъ своему духовнику изъ-за границы, —иного такого друга не имѣю подобнаго вашей святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ... Аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то мнѣ ужъ весьма въ Россійское государство нежелательно возвращеніе"...

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.
Съ портрета Таннауера.

Яковъ Игнатьевъ ненавидѣлъ Петра отъ души. Царевичу Алексѣю онъ постоянно твердилъ о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго самоуправства и беззаконія, устроилъ царевичу переписку съ матерью и даже одно свиданіе, твердилъ царевичу постоянно, какъ любятъ его въ народѣ, какъ пьютъ за его здоровье,

величая надеждою Россійскою. Протопопъ сознательно воспитывалъ въ царевичѣ мысль, что безъ батюшки лучше. А короткіе наѣзды Петра въ Москву, когда онъ требовалъ сына къ себѣ и, нарушая его безпечальное житіе, начиналъ экзамиповать по фортификаціи и навигаціи, только больше укрѣпляли въ душѣ царевича убѣжденіе, что безъ батюшки лучше. Слушая постоянно осужденія всей дѣятельности отца отъ людей, которыхъ отецъ не любилъ, устроивъ свою жизнь и обстановку такъ, что и безъ того нелюбимая навигація съ фортификаціей на умъ не шли, Алексѣй пріучился скрывать это все отъ отца, обманывалъ его на случайныхъ экзаменахъ, говорилъ ему не то, что думалось. Когда обманъ вскрывался, Петръ, не терпѣвшій лжи, хваталъ дубинку; жестокіе побои, конечно, были плохое средство создать путь сердечной довѣрчивости между отцомъ и сыномъ, и съ каждымъ наѣздомъ царя его сынъ все болѣе и болѣе убѣждался, что безъ батюшки лучше. Въ концѣ концовъ, въ голову сына приходитъ грѣшная мысль о смерти отца, какъ очень желательномъ исходѣ. Царевичъ ужаснулся, исповѣдался духовнику, со слезами каялся въ грѣшной мысли, и услышалъ такой отвѣтъ: „Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много!“

Петръ долго не подозрѣвалъ, что его сынъ такъ всецѣло въ рукахъ его враговъ. Онъ только опасался, какъ бы этого не случилось, и ждалъ возможныхъ шаговъ въ этомъ направленіи изъ Суздаля отъ инокини Елены, и потому пресѣкъ наглухо, какъ ему думалось, всякіе пути для общенія сына съ матерью. Можно себѣ представить его негодованіе, когда въ 1708 году царевна Наталія Алексѣевна сказала ему, что его сынъ не только переписывался съ матерью, но даже съѣздилъ повидать ее. Петръ немедленно потребовалъ сына къ себѣ въ мѣстечко Жолкву, гдѣ стоялъ съ арміей, ожидая еще не опредѣлившихся движеній Карла, грозившаго итти на Москву, но уже столковавшагося съ гетманомъ Мазепой о возможности движенія своей арміи на югъ, чтобы подкрѣпленнымъ казаками пойти на Москву съ юга. Петръ еще не зналъ этого и ждалъ въ Жолквѣ прямого движенія Карла на Москву.

Что произошло въ Жолквѣ между отцомъ и сыномъ, мы не знаемъ. Договорились, какъ можно думать, до того, что сынъ обѣщалъ отцу дѣятельное участіе въ его трудахъ, а отецъ понялъ, что сынъ—человѣкъ иного, чѣмъ онъ, склада, и что съ него нельзя требовать того труда до самоотверженія на пользу общую, на который онъ самъ былъ способенъ. Во всякомъ случаѣ Петръ рѣшилъ, что взрослаго сына оставлять безъ отвѣтственнаго дѣла нельзя, думалъ, вѣроятно, и то, что дѣятельность заставитъ царевича забыть о матери, выведетъ его изъ общества ханжей и изувѣровъ и заставитъ быть болѣе сыномъ своего отца, чѣмъ до сихъ поръ. Царевичъ возвратился въ Москву съ назначеніемъ на административную должность: слѣдить на мѣстѣ за подготовкой людей и запасовъ, нужныхъ для войска, формировать и направлять въ дѣй-

ствующую армію полки. Но и наука при всемъ томъ не должна была забываться; и вотъ царевичъ изъ казармъ и провіантскихъ складовъ долженъ былъ спѣшить каждый день въ Кремль, слѣдить за его укрѣпленіемъ на случай нашествія шведовъ, а потомъ домой—учить нѣмецкую и французскую грамматику и усиленно заниматься фортификаціей и математикой. Три раза въ недѣлю онъ присутствовалъ въ ближней канцеляріи. Отецъ издали наблюдалъ за сыномъ и то окрикнетъ его, замѣтивъ какое-либо упущеніе: „оставивъ дѣло — ходишь за бездѣльемъ!", то ласково напишетъ: „чини по данному тебѣ письму не съ печалью, но съ радостью, ибо все тебѣ же пригодится, и у меня будешь въ ласкѣ; а когда станешь лѣчиться нынѣ на веснѣ, и тогда ученья мало употребляй, понеже лѣкарство любитъ веселье; а что (ты) приказывалъ, чтобъ для опыту твоего ученья дать (тебѣ) какую книжку перевесть, и я по времени пришлю, только не чаю—можешь ли такую перевесть, которая о фортификаціи или артиллеріи, буде же такихъ не можешь, то я пришлю исторію какую; и о томъ отпиши ко мнѣ"... Въ январѣ 1709 года царевичъ повелъ самъ къ арміи пять новыхъ сформированныхъ имъ полковъ; въ этомъ походѣ онъ схватилъ жестокую лихорадку. Въ Сумахъ онъ отлежался и вернулся къ маю мѣсяцу въ Москву подлѣчиваться и подучиваться: „Учиться фортификаціи зачалъ,—писалъ онъ отцу,—также и лѣчиться". Полтавская баталія разыгралась въ отсутствіе царевича, и онъ торжественнымъ письмомъ поздравилъ отца съ небывалымъ успѣхомъ.

Въ концѣ лѣта 1709 года пришло къ нему слѣдующее распоряженіе отца: „Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова, ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ и кому съ вами ѣхать прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, также геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію окончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ".

За границу девятнадцатилѣтній царевичъ отправился очень неохотно: онъ зналъ, что отецъ отправляетъ его туда не только затѣмъ, чтобы онъ кончилъ тамъ ученье, но и съ мыслью женить его тамъ на какой-нибудь иноземной принцессѣ. Но если у Петра были расчеты отвлечь сына путемъ усиленной практической дѣятельности отъ общества ханжей и бо̀льшихъ бородъ, какъ онъ выражался, то эти расчеты совершенно не оправдались: за границу царевичъ Алексѣй уѣзжалъ еще бо̀льшимъ другомъ и воспитанникомъ протопопа Якова, чѣмъ былъ раньше. Его письма къ протопопу съ пути и изъ-за границы полны чувствъ необычайной близости и довѣрія къ этому человѣку.

Въ Дрезденѣ царевичъ продолжалъ учиться и въ 1710 г. „выучилъ профондиметрію и стереометрію", покончивъ совсѣмъ съ геометріей. Пока царевичъ учился и совершенствовался въ языкахъ, шли переговоры о его женитьбѣ на принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ

Бланкенбургской, внучкѣ герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, сестра которой была замужемъ за эрцгерцогомъ Карломъ, впослѣдствіи императоромъ Карломъ VI.

По возвращеніи изъ Прутскаго похода, Петръ поѣхалъ на воды въ Карлсбадъ, и тогда же, 14 октября 1711 г., царевичъ Алексѣй, долго отпиравшійся отъ брака на иноземкѣ, не переходившей въ православіе, былъ обвѣнчанъ съ ней въ саксонскомъ городкѣ Торгау.

На четвертый же день послѣ свадьбы царевичъ получилъ отцовскій приказъ отправиться въ Торнъ и тамъ позаботиться объ устройствѣ снабженія провіантомъ русскаго корпуса, дѣйствовавшаго въ Помераніи. Царевичъ уѣхалъ въ Торнъ только черезъ три недѣли послѣ приказа. Въ апрѣлѣ 1712 г. прибылъ въ Торнъ князь Меншиковъ и привезъ царевичу указъ ѣхать къ войскамъ въ Померанію. Меншиковъ нашелъ молодыхъ супруговъ въ довольно затруднительномъ денежномъ положеніи, о чемъ и доносилъ царю: „Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ, что какъ онъ, такъ и кронпринцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду: понеже здѣсь живутъ все на своемъ囲 коштѣ, а порціи и раціи имъ не опредѣлено; а что съ мѣста здѣшняго и было получено, и то самое нужное только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него ни у кронпринцессы къ походу ни лошадей и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло проситъ, понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству Ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5.000 рублей. А ежели бъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться бъ ей нечѣмъ“.

Кронпринцесса Шарлотта. 1694—1715.

Изъ Помераніи царевичу пришлось спѣшно ѣхать въ Петербургъ и принять участіе въ финляндскомъ походѣ, во время котораго прибыла на житье въ Петербургъ и принцесса Шарлотта, кронпринцесса, какъ ее называли теперь въ Россіи и за границей. Кронпринцъ по окончаніи финляндскаго похода пробылъ въ Петербургѣ самое малое время, какъ ему ужъ опять пришлось

отправиться въ Старую-Руссу и Ладогу для смотрѣнія надъ постройкой судовъ.

Царевичъ Алексѣй безпрекословно исполнялъ всѣ приказанія отца, разъѣзжалъ всюду, смотрѣлъ, бранился, даже дрался тамъ, гдѣ замѣчалъ недосмотры по дѣламъ, но все это за страхъ, а не за совѣсть, самъ опасаясь батюшкиныхъ побоевъ и пользуясь всякой возможностью отбыть отъ дѣла и отъ личнаго свиданія съ отцомъ. „Не токмо дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая особа его зѣло ему омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи“. Когда его звали обѣдать къ отцу или Меншикову, на спускъ корабля или въ Лѣтній садъ, царевичъ скрежеталъ зубами и говорилъ: „Лучше бъ мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ туда итти“. Даваемыя ему отцомъ порученія царевичъ сталъ исполнять такъ, что Петръ, сначала сердившійся, бранившійся, даже бившій царевича за неисправность, махнулъ рукой и пересталъ вводить сына въ свои дѣла.

У царевича по отношенію къ отцу развивается непреоборимый страхъ. Еще въ 1713 г., когда Алексѣй только-что возвратился изъ-за границы, чувствовалось это господство страха въ отношеніи къ батюшкѣ. Отецъ принялъ царевича очень ласково, но, конечно, заговорилъ и о дѣлѣ: сталъ спрашивать, не забылъ ли сынъ того, чему учился за границей, и велѣлъ ему принести чертежи; и вотъ тутъ-то напалъ на царевича тупой животный страхъ: вдругъ отецъ заставитъ при себѣ чертить? и царевичъ въ отчаяніи схватилъ карманный пистолетъ, выстрѣлилъ себѣ по правой ладони такъ, что порохъ сильно опалилъ руку: чертить съ такой рукой было невозможно, а отцу солгалъ, что нечаянно задѣлъ пистолетъ, доставая чертежныя принадлежности. Такой слѣпой страхъ всегда живетъ рядомъ и объ руку съ такой же слѣпой ненавистью къ тому, кто этотъ страхъ заставляетъ испытывать. И вотъ у царевича въ минуты, когда онъ выпьетъ, начинаютъ срываться съ языка угрозы по отношенію къ тѣмъ, кто окружаетъ отца. „Царевичъ былъ въ гостяхъ,—разсказывалъ потомъ на слѣдствіи камердинеръ его Иванъ Большой Аѳанасьевъ,—пріѣхалъ домой хмеленъ... взялъ меня въ спальню и сталъ съ сердцемъ говорить: „Вотъ-де Гаврила Иванычъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ-де къ ней приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ-де со мною говорить; развѣ-де умру, то я ему не заплачу... А сыну его, Александру, головѣ его быть на колѣ, и Трубецкого: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться“... Я ему молвилъ: „Царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать. Кто услышитъ и пронесутъ имъ?..“ Онъ мнѣ молвилъ: „Я плюю на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи—приходскимъ священникамъ, а священники—прихожанамъ“... Я стою и молчу. Онъ мнѣ говоритъ: „Что ты молчишь и задумался?“ Я молвилъ: „Что мнѣ, государь, говорить?“ Посмотрѣлъ онъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестовую. Я пошелъ

къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивать: „Не досадилъ ли я вчерась кому?“ Я сказалъ: „Нѣтъ“—„Не говорилъ ли чего пьяный?“ Я ему сказалъ, говорилъ и что. И онъ мнѣ молвилъ: „Кто пьянъ не живетъ? У пьянаго всегда много слишкомъ словъ. Я поистинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ говорю много, а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ ты не пересказывалъ. А буде ты скажешь, вѣдь-де тебѣ не повѣрять. Я запрусь, а тебя станутъ пытать“. Самъ говорить и смѣется. Я сказалъ: „Что мнѣ до этого за дѣло и кому сказывать?“... Царевичъ великое имѣетъ горячество къ попамъ, и попы къ нему, и почитаетъ ихъ, какъ Бога, а они его всѣ святымъ называютъ, въ народѣ жъ ими всегда блажимъ былъ“.

За царевича было, впрочемъ, не одно духовенство. Забѣгали передъ нимъ, соболѣзнуя и сочувствуя ему, потомки старыхъ княжескихъ родовъ, дѣйствительнымъ и упорнымъ трудомъ заработавшіе себѣ новыя званія генералъ-майоровъ и бригадировъ, пройдя докучное навигаторство, но никогда не забывавшіе, что они, природные князья, состоятъ въ командѣ такого невѣдомаго человѣка, какъ новый свѣтлѣйшій князь Александръ Меншиковъ. Князья Долгорукіе, Голицыны, Куракины и Шереметевъ—всѣ они не безъ надеждъ смотрѣли на царевича, а тѣмъ самымъ и въ немъ поддерживали извѣстныя надежды. Князь Яковъ Долгорукій, объявивъ себя очень расположеннымъ къ царевичу, предлагалъ ему не ѣздить въ гости къ нему, къ князю Якову, „такъ-де я тебѣ больше полезенъ буду“. Князь В. В. Долгорукій, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ Петра, говорилъ царевичу: „Ты умнѣе отца; отецъ твой хотя и уменъ, да людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше“. Кіевскій губернаторъ, впослѣдствіи камеръ-коллегіи президентъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ въ перепискѣ съ царевичемъ, а въ бытность свою въ Москвѣ или Петербургѣ всегда заходилъ къ нему съ гостинцами. „Князь Дмитрій,—говорилъ царевичъ,—мнѣ былъ другъ вѣрный и говаривалъ, что я тебѣ всегда вѣрный слуга. Онъ много книгъ мнѣ изъ Кіева привазкивалъ по прошенію моему, и такъ, отъ себя; и я ему говаривалъ: гдѣ ты берешь?—У чернецовъ-де кіевскихъ: они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ“. Рижскій губернаторъ князь Петръ Голицынъ—тоже другъ царевича. „Въ главной арміи Борисъ Петровичъ Шереметевъ,—разсказывалъ потомъ на слѣдствіи царевичъ Алексѣй, — и прочіе многіе изъ офицеровъ мнѣ друзья. Борисъ Петровичъ говорилъ мнѣ, будучи въ Польшѣ, въ Острогѣ, при людяхъ немногихъ моихъ и своихъ: „Напрасно ты малаго не держишь такого, чтобъ знался съ тѣми, которые при дворѣ отцовѣ: такъ бы ты все вѣдалъ“. Князь Борисъ Куракинъ заявилъ также свою приверженность къ царевичу; однажды въ Помераніи онъ спросилъ у него: „Добра къ тебѣ мачеха?“—„Добра“, отвѣчалъ Алексѣй. Куракинъ замѣтилъ на это: „Покамѣсть у ней сына нѣтъ, токъ тебѣ добра; а какъ у ней

сынъ будетъ, не такова будетъ". Однимъ словомъ, царевичъ могъ считать своими друзьями почти всѣхъ родовитыхъ людей,—всѣмъ имъ поперекъ горла стали Меншиковы, Девіеры, Шафировы, Ягужинскіе, Рагузинскіе. По ненависти къ Меншикову и по злобѣ на Петра самое первое мѣсто послѣ протопопа Якова занималъ возлѣ царевича провіантмейстеръ флота Александръ Кикинъ. Среди этихъ людей шли постоянныя бесѣды на темы, какъ теперь нехорошо и какъ будетъ ладно, когда всероссійскій престолъ займетъ царевичъ Алексѣй. Въ 1714 году царевичъ долженъ былъ отправиться на воды въ Карлсбадъ, оставивъ въ Петербургѣ беременную жену.

Въ Карлсбадѣ царевичъ читалъ церковныя лѣтописи Баронія и дѣлалъ изъ нихъ выписки; нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ очень любопытны и вскрываютъ, какъ напряженно былъ занятъ царевичъ своею скрытою борьбою съ отцовскою дѣятельностью. Царевичъ писалъ: „Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать; не іерейское дѣло, что разумѣютъ, не глаголати. Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хотя малымъ знакомъ отъ православія отлучаются. Валентіанъ цесарь убитъ за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣяніе. Максимъ цесарь убитъ оттого, что повѣрилъ себя женѣ. Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ, и похвала долгому, а короткому сопротивное. Хилперикъ, французскій король, убитъ для отъему отъ церквей имѣнія. Іустиніанъ будто писалъ къ папѣ, что онъ глава всѣмъ (не весьма правда); а хотя бы и писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе". Другія выписки показываютъ, что царевича очень занималъ вопросъ о папской власти. Какъ всѣ эти интересы были далеки отъ фортификаціи, кораблей, солдатскаго строя, заготовокъ муки, сукна и лѣса! Царевичъ Алексѣй жилъ своимъ умомъ и шелъ своей жизненной дорогой, совсѣмъ не похожей на тѣ пути, которыми двигалась гигантская дѣятельность его отца.

Еще до поѣздки въ Карлсбадъ близкіе царевичу люди, предвидя неизбѣжное столкновеніе его съ отцомъ, совѣтовали ему воспользоваться случаемъ и подольше остаться за границей, чтобы быть подальше отъ отца. „Когда вылѣчишься, — говорилъ царевичу Кикинъ,—напиши отцу, что еще и весну надобно тебѣ лѣчиться, а между тѣмъ поѣзжай въ Голландію, а потомъ послѣ вешняго кура можешь въ Италіи побывать, и тѣмъ отлученіе свое года на два или на три продолжить". Царевичъ молчалъ. Когда курсъ лѣченья въ Карлсбадѣ кончился, онъ вспомнилъ совѣтъ Кикина и сталъ думать, какъ быть? Ѣхать въ Россію не хотѣлось, но и безъ спроса у батюшки оставаться за границей боязно, а спрашивать непріятно; и вотъ царевичъ пишетъ Кикину, какъ быть: дѣлать ли, какъ говорено было межъ ними, или оставить это предпріятіе? Кикинъ отвѣчалъ: „Тебѣ сіе дѣлать, не доложа отцу, небезопасно отъ гнѣва его; пиши къ нему и проси позволенія; а ты своего дѣла не забывай". Царевичъ рѣшился ѣхать въ Россію, но возвращался онъ въ мрачномъ настроеніи; однажды, подпивъ, говорилъ онъ окружающимъ: „Быть мнѣ пострижену, и

буде я волею не постригусь, то неволею постригуть же; и не то, чтобы нынѣ отъ отца, и послѣ его мнѣ на себя того жъ ждать, что Василья Шуйскаго: постригши, отдадуть куда въ полонъ. Мое житье худое!“ По возвращеніи въ Петербургъ, когда царевичъ увидѣлся съ Кикинымъ, тотъ спросилъ его: „Былъ ли кто у тебя отъ двора французскаго?“ — „Никто не былъ“, отвѣчалъ царевичъ. „Напрасно,—продолжалъ Кикинъ,—ты ни съ кѣмъ не видался отъ французскаго двора и туды не уѣхалъ: король человѣкъ великодушный; онъ и королей подъ своею протекціею держитъ, а тебя ему не великое дѣло продержать“. Царевичъ спросилъ его, что значать въ письмѣ его слова: „А ты своего дѣла не забывай“. — „Я писалъ,—отвѣчалъ Кикинъ,—чтобъ ты уѣхалъ во Францію; а явно мнѣ писать нельзя; тебѣ бъ можно догадаться самому“...

По возвращеніи въ Россію началась та же томная, тяжелая жизнь, что и прежде. Въ 1714 г. кронпринцесса родила царевичу дочь—Наталію, а въ слѣдующемъ году сына—Петра, но сама не побереглась, заболѣла и умерла. Кажется, рожденіе дѣтей нѣсколько сблизило супруговъ. Тѣмъ горче и тяжелѣе было царевичу перенести кончину жены. Цесарскій резидентъ Плейеръ доносилъ своему правительству, что царевичъ былъ при умиравшей супругѣ до послѣдней минуты; плакалъ, рыдалъ, падалъ въ обморокъ отъ отчаянія. Потомъ взялъ на руки обоихъ дѣтей и унесъ ихъ къ себѣ въ комнату.

Принцесса Шарлотта, пока была жива, очень радовалась, что дала Россіи наслѣдника престола, а царю внука. Но не видать, чтобы самъ Петръ и царица Екатерина были очень обрадованы. Воцареніе въ будущемъ Алексѣя было вовсе не по душѣ царицѣ Екатеринѣ, которая сама надѣялась дать сына Петру; еще болѣе отрицательно къ возможному воцаренію Алексѣя относились всѣ тѣ новые люди, съ Меншиковымъ во главѣ, которыхъ вознесла на первое мѣсто въ государствѣ властная рука царя Петра. Они знали, конечно, о приверженности царевича къ житью-бытью по-старому, знали о его враждебномъ отношеніи къ дѣлу отца, знали, какія надежды возлагали на царевича противники реформъ Петра. И вотъ, въ опасеніяхъ не столько за дѣло реформы, сколько за свое собственное благополучіе, эти люди, какъ и кто именно—неизвѣстно, подняли вопросъ объ устраненіи царевича Алексѣя отъ престола, и стали въ этомъ направленіи работать. Отношеніе самого царя къ сыну открывало полную возможность успѣха задуманнаго. Смерть кронпринцессы, съ которой надо было считаться, какъ съ родственницей цесаря, развязывала руки и съ этой стороны противникамъ воцаренія Алексѣя. Въ день похоронъ кронпринцессы, 8-го октября, послѣ окончанія печальной церемоніи, царь торжественно, при всѣхъ присутствовавшихъ, вручилъ сыну письмо, озаглавленное такъ: „Объявленіе сыну моему“. Письмо это было помѣчено 11-мъ октября, т.-е. канунъмъ дня рожденія внука царя; Петръ видимо хотѣлъ подчеркнуть, что оно написано до событія, укрѣплявшаго династически положеніе царевича Алексѣя, какъ

престолонаслѣдника. На другой день послѣ погребенія кронпринцессы было объявлено о рожденіи царицей Екатериной сына, котораго тоже назвали Петромъ. Помѣчая свое письмо 11-мъ октября, царь создавалъ себѣ возможность обращаться къ Алексѣю, какъ къ своему единственному сыну.

Въ своемъ „Объявленіи" Петръ указывалъ сначала на необходимость войны со шведами, которые такъ долго „утѣсняли" Россію и не только „ограбили насъ толь нужными отечеству пристаньми, но и разумнымъ очамъ... (нашимъ) задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникаціи пресѣкли". Война идетъ успѣшно „помогающу Всевышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностными трудами"... „Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышати хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона".

Все это должно быть главной заботой правителя, ибо, глядя на него, подначальные будутъ о томъ же заботиться. А ты, не имѣя охоты къ военному дѣлу,—писалъ царь,—„ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще ли же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостью ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая слабость отлучить не можетъ"... „Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій, который немного на войнѣ самъ бывалъ, но такую охоту великую имѣлъ къ тому и такія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну ѳеатромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и манифактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ.

„Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще же и сіе воспомяну, какого злого нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію

бранилъ, но и бивалъ; къ тому жъ, сколько лѣтъ, почитай, не говорю съ тобой; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться...

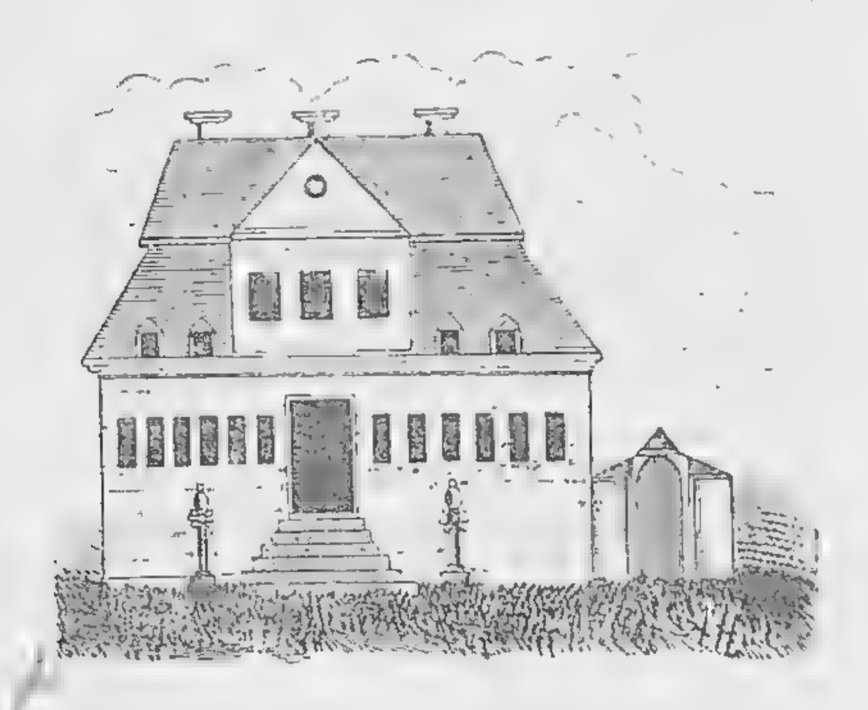
„Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный".

Царевичъ не ждалъ такого грознаго посланія и, не зная, на что рѣшиться, поѣхалъ совѣтоваться со своими доброхотами: графомъ Ѳ. М. Апраксинымъ да княземъ В. В. Долгорукимъ. Обоимъ царевичъ сказалъ, что ожидаетъ отъ отца всего наихудшаго; чтобы спасти жизнь, рѣшается отказаться отъ престола и проситъ обоихъ своихъ пріятелей, чтобы они въ разговорѣ съ отцомъ уговаривали батюшку отпустить его въ деревню на житье по конецъ живота безвыѣздно. Апраксинъ обѣщалъ: „Если отецъ станетъ со мной говорить, я приговаривать готовъ!" Князь Долгорукій тоже обѣщалъ, но при этомъ подмигнулъ такъ: „Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то что будетъ! Старая пословица: Улита ѣдетъ, коли-то будетъ; это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали". Дома Вяземскій и Кикинъ всячески поддерживали рѣшеніе царевича отказаться: „Тебя въ покоѣ оставятъ, какъ ты отъ всего откажешься,—говорилъ Кикинъ,—только бы сдѣлали такъ, отпустили бы въ деревню; а то какъ бы хуже чего не вышло, говорилъ я тебѣ, надо было остаться за границей, и напрасно ты не отъѣхалъ; ну, да ужъ того взять теперь негдѣ".

Царевичъ отвѣтилъ царю черезъ три дня и тоже письменно. „Милостивый государь-батюшка!—писалъ онъ,—сего октября въ 27 день 1715 года, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государя, вычелъ, на что иного донести не имѣю, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуется человѣка не такого гнилого, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай, Боже, здоровье) не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу, себѣ

же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую, всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй".

Петръ, кажется, не ожидалъ такого отвѣта; быть-можетъ, своимъ письмомъ онъ думалъ вызвать раскаяніе въ сынѣ, подвинуть его на работу рядомъ съ собой, а сынъ, вмѣсто просьбы простить старыя вины и обѣщаній искупить ихъ нелицемѣрнымъ трудомъ, просится на покой и отказывается отъ работы впредь. Отецъ ничего не отвѣтилъ сыну. Случилось такъ, что Петръ заболѣлъ, и очень серьезно; 2 декабря пріобщался онъ св. таинъ; министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ, ожидая всего худшаго. Но крѣпкая натура Петра взяла верхъ надъ болѣзнью, и онъ сталъ поправляться. Враги Петра и эту его болѣзнь сумѣли представить царевичу, какъ простой маневръ съ цѣлью вывѣдать, какъ онъ будетъ себя держать при извѣстіи о смертельной болѣзни отца. „Отецъ твой не боленъ тяжко,—говорилъ царевичу Кикинъ, - и онъ исповѣдывается и причащается нарочно, являя людямъ, что онъ гораздо будто боленъ, а все притворъ; а что причащается, такъ вѣдь у него законъ на свою стать".

Дворецъ царевича Алексѣя Петровича въ Петербургѣ.

Къ Рождеству Петръ настолько оправился, что сталъ выходить. 19 января 1716 г. Алексѣй получилъ новое посланіе отъ отца: „Послѣднее напоминаніе еще". Въ этомъ напоминаніи царь прежде всего отмѣчаетъ, что сынъ оставилъ безъ отвѣта самое главное въ „объявленіи": „что я... сколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ (т.-е. въ отвѣтномъ письмѣ царевича) пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано" (было). Царь указывалъ, что Алексѣй ссылается только на свою тѣлесную слабость, а о своей неохотѣ молчитъ, значитъ „не зѣло смотришь на отцово прещеніе"... „Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ тому жъ и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожъ хотя бы и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло". Царь указывалъ далѣе, что Алексѣй ненавидитъ дѣла его, „которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ, ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ, или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію.

А буде того не учинишь, то я съ тобой, какъ съ злодѣемъ, поступлю. Петръ".

У царевича опять начались разговоры и пересуды съ Кикинымъ и Вяземскимъ. Кикинъ совѣтовалъ царевичу стоять на своемъ отреченіи и проситься въ монастырь, въ монахи. Постричься такъ же легко, какъ и разстричься, а пока монастырь самое безопасное убѣжище, „клобукъ же не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно будетъ, когда понадобится, его и снять!"—говорилъ Кикинъ. Вяземскій, предвидя, что такой моментъ настанетъ, совѣтовалъ заранѣе тайной записью извѣстить высшее духовенство, что онъ, царевичъ, идетъ въ монастырь неволею. Царевичъ махнулъ рукой, согласился со своими совѣтниками и на другой день по полученіи отцовскаго письма отвѣчалъ такъ: „Милостивый государь-батюшка! Письмо ваше, писанное въ 19 день сего мѣсяца, я получилъ того жъ дня поутру, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй".

Петръ медлилъ отвѣчать. Покончить дѣло такъ ему, видимо, не хотѣлось, и онъ рѣшилъ отложить все до своего возвращенія изъ-за границы, куда собирался.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ больному сыну и, прощаясь съ нимъ, спросилъ, какъ же онъ рѣшилъ окончательно? Царевичъ отвѣтилъ то же, что и писалъ: не могу быть наслѣдникомъ по слабости и желаю въ монастырь. Петръ на это сказалъ: „Это молодому человѣку не легко; одумайся, не спѣша; потомъ пиши ко мнѣ, что хочешь дѣлать: лучше бы тебѣ взяться за прямую дорогу, нежели въ чернецы. Подожду еще полгода". Постриженіе въ монахи, на которое соглашался царевичъ, видимо не удовлетворяло въ смыслѣ конечнаго исхода и самого Петра и тѣхъ, кто были противъ возможности воцаренія Алексѣя. Они тоже думали, что клобукъ не гвоздемъ ко лбу прибитъ.

Черезъ *семь* мѣсяцевъ послѣ отъѣзда, 26 августа 1716 г., Петръ послалъ сыну изъ Копенгагена письмо, въ которомъ писалъ:

„Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ 7 мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу)... Паки подтверждаемъ, чтобы конечно учинено было; ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи".

Многознаменательно, что въ этой перепискѣ и разговорѣ отца съ сыномъ не упоминалось совсѣмъ о новорожденномъ сынѣ царевича Алексѣя, какъ возможномъ наслѣдникѣ престола въ случаѣ отреченія Алексѣя. Конечно, это было сдѣлано въ мысляхъ передачи наслѣдія престола другому сыну царя, новорожденному царевичу Петру Петровичу. Вѣдь еще 28-го марта 1714 года изданъ былъ знаменитый указъ о единонаслѣдіи, по которому всякому отцу предоставлялось право назначать себѣ наслѣдникомъ любого изъ сыновей, не взирая на старшинство. Указъ этотъ касался наслѣдованія имущества и не имѣлъ отношенія къ наслѣдованію престола. Къ тому же и Петръ самъ умѣлъ отличать дѣло частное отъ государственнаго, но живы были еще и прежнія традиціи, когда частныя государевы дѣла и дѣла государственныя одинаково признавались „его великаго государя дѣломъ". Формально царь могъ и въ устройствѣ наслѣдованія престола имѣть въ виду указъ о единонаслѣдіи. По крайней мѣрѣ въ дальнѣйшемъ теченіи дѣла онъ не одинъ разъ ссылается на этотъ указъ.

Письмо отца царевичъ получилъ въ то время, когда у него созрѣло рѣшеніе, какъ высвободиться отъ той тяготы, которую возлагали на него требованія отца: онъ рѣшилъ скрыться. Въ Россіи, конечно, не нашлось бы уголка, гдѣ ему удалось бы схорониться; итти въ монастырь и постричься искренно онъ, конечно, не хотѣлъ. Оставалось одно—бѣжать за границу, что ему совѣтовали и его доброхоты съ Кикинымъ во главѣ. Кикинъ уѣхалъ за границу вскорѣ послѣ отъѣзда царя и съ его разрѣшенія—лѣчиться въ Карлсбадъ. Прощаясь съ царевичемъ, Кикинъ пообѣщалъ ему найти въ чужихъ краяхъ мѣсто, гдѣ бы царевичъ могъ скрыться отъ гнѣвнаго отца, отъ грозившаго ему клобука, а можетъ-быть, и еще чего похуже. Кикинъ и прежде никогда не упускалъ случая попенять царевичу, зачѣмъ не остался въ чужихъ краяхъ, когда тамъ лѣчился, и вотъ теперь самъ отецъ зоветъ, можно безпрепятственно выѣхать, но поѣхать не къ нему, а туда, гдѣ Кикинъ устроитъ укромное пребываніе. Запасшись хорошими средствами, всего ровно 10.000 червонцевъ, взятыхъ въ сенатѣ, у Меншикова и оберъ-комиссара Исаева, царевичъ въ началѣ октября 1716 г. подъѣзжалъ къ Либавѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ царевну Марью Алексѣевну, возвращавшуюся изъ Карлсбада. Царевичъ сказалъ теткѣ, что думаетъ скрыться отъ отца, и заплакалъ при этомъ. „Куды тебѣ отъ отца уйтить? Вездѣ тебя найдутъ!"—скорбно замѣтила царевна. Въ Либавѣ царевичъ встрѣтился съ Кикинымъ. „Нашелъ ли ты мнѣ мѣсто какое?"—спросилъ онъ своего пріятеля. „Нашелъ,—отвѣчалъ Кикинъ,—поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю, тамъ тебя не выдадутъ". Въ концѣ разговора Кикинъ попугалъ царевича: „Если отецъ къ тебѣ пришлетъ кого-нибудь уговаривать тебя, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично. Не надѣйся и на то, что пострижетъ: въ иночествѣ ты будешь жить спокойно и долго проживешь, а онъ тебя начнетъ теперь всегда держать при себѣ неотступно и всюду будетъ съ собою во-

зить, чтобъ ты отъ волокиты умеръ, ты труда не понесешь. Кромѣ побѣгу, спастись теперь тебѣ ничѣмъ инымъ нельзя".

И царевичъ бѣжалъ. До декабря 1716 г. какъ-то не очень безпокоились его отсутствіемъ. Съ одной стороны, болѣзненность и природная медлительность самого царевича, съ другой—состояніе тогдашнихъ путей и средствъ сообщенія давали полную возможность предполагать, что онъ задержался гдѣ-нибудь въ пути. Но уже въ половинѣ декабря Петръ убѣдился, что сынъ скрылся отъ него. Немедленно даны были распоряженія искать его, и первое, что сдѣлалъ Петръ, это было его собственноручное письмо къ императору Карлу VI съ просьбой, что если царевичъ находится въ его владѣніяхъ, то приказать отправить его „къ намъ, дабы мы его отечески исправить для его благосостоянія могли". Царевичъ, дѣйствительно, находился подъ покровительствомъ своего шурина императора.

10 ноября 1716 года поздно вечеромъ онъ прибылъ въ Вѣну и потребовалъ свиданія съ вице-канцлеромъ, графомъ Шёнборномъ. По разсказу Шёнборна, царевичъ. какъ увидѣлъ его, поспѣшно бросился къ нему и сталъ говорить, сильно жестикулируя, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ: „Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ наслѣдство; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла; если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ Владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрятать, чтобъ лишить жизни и наслѣдія; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь". Царевичъ въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ: „Ведите меня къ цесарю!" Потомъ спросилъ пить; ему подали мозельскаго вина. Шёнборнъ старался успокоить царевича, увѣрялъ, что онъ въ совершенной безопасности, и что немедленно представить его цесарю нельзя, поздно, да и цесарь прежде долженъ обстоятельно узнать, что понудило царевича рѣшиться на такой поступокъ.

Царевичъ опять началъ въ сильномъ волненіи свои жалобы. Въ Вѣнѣ не очень-то довольны были возникшимъ дѣломъ, но въ убѣжищѣ царевичу не отказали и предложили ему, пока выяснится положеніе, поселиться въ дальнемъ тирольскомъ замкѣ Эренбергѣ, стоящемъ далеко отъ всѣхъ дорогъ. Царевичъ согласился. Но уже въ мартѣ 1717 г. мѣсто его пребыванія стало извѣстно царю. Гвардіи капитанъ Александръ Румянцевъ, посланный царемъ искать царевича, разузналъ, при содѣйствіи русскаго резидента при вѣнскомъ дворѣ, что царевичъ въ Эренбергѣ; Румянцевъ даже съѣз-

дилъ туда, чтобы убѣдиться лично. Петръ потребовалъ выдачи сына, указывая, что онъ скрывается въ Эренбергѣ. Вѣнскій дворъ медлилъ, отвѣчалъ незнаніемъ, и тихо спровадилъ царевича въ Неаполь, въ замокъ Санъ-Эльмо. Румянцевъ, находившійся въ это время въ Тиролѣ, прослѣдилъ весь путь, какимъ везли царевича, и вслѣдъ за нимъ очутился въ Неаполѣ. А оттуда проѣхалъ къ Петру на воды въ Спа и извѣстилъ его подробно, что зналъ о царевичѣ. Тогда Петръ уполномочилъ тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого и того же Румянцева добиться у императора выдачи сына. Толстой и Румянцевъ, доказавъ вѣнскому правительству, что имъ извѣстно, кто такой узникъ въ С.-Эльмо, добились разрѣшенія поѣхать въ Неаполь и видѣться тамъ съ царевичемъ. Свиданіе состоялось 26 сентября 1717 г. въ домѣ вице-короля графа Дауна. Толстой передалъ царевичу письмо отца, въ которомъ Петръ писалъ: „Обнадеживаю тебя и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, если ты воли моей послушаешься и возвратишься“...

„Мы нашли его (т.-е. царевича) въ великомъ страхѣ, — доносилъ царю Толстой,—и былъ онъ того мнѣнія, будто мы присланы его убить; а больше опасался капитана Румянцева, о чемъ намъ сказывалъ вицерой (вице-король); того ради въ тотъ часъ не учинилъ намъ никакого отвѣта, кромѣ того, что уѣхалъ онъ безъ воли вашего величества подъ протекцію цесарскую, опасаясь вашего гнѣву, будто ваше величество, изволяя отлучить его отъ наслѣдства короны россійской, изволилъ принуждать къ постриженію; а о возвращеніи своемъ говорилъ: „Сего часа не могу о томъ ничего сказать, понеже надобно мыслить о томъ гораздо“.

28-го числа было второе свиданіе: царевичъ объявилъ, что боится ѣхать къ отцу и явиться предъ его разгнѣваннымъ лицомъ вскорѣ, а почему возвратиться не смѣетъ, о томъ объявитъ протектору своему, цесарскому величеству. Толстой и Румянцевъ начали угрожать ему жестоко, объявили, что царь будетъ доставать его и вооруженною рукою. Царевичъ смутился, вызвалъ вице-короля въ другую комнату и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени; потомъ вышелъ и сказалъ, чтобъ ему дали время на размышленіе: „Можетъ-быть,—сказалъ онъ,—напишу что-нибудь въ отвѣтъ батюшкѣ на его письмо, и тогда уже дамъ окончательный отвѣтъ“.—„Сколько можемъ видѣть,—доносилъ Толстой,—многими разговорами съ нами только время продолжаетъ, а ѣхать къ вашему величеству не хочетъ, и не чаемъ, чтобъ безъ крайняго принужденія поѣхалъ. Также доносимъ вашему величеству, что вицерой великое прилежаніе чинитъ, чтобъ царевичъ къ вашему величеству поѣхалъ, и сказалъ намъ въ конфиденціи, что онъ получилъ отъ цесаря саморучное письмо, дабы всѣми мѣрами склонять царевича, чтобъ поѣхалъ къ вашему величеству, а по послѣдней мѣрѣ куды ни есть, только бъ изъ его области немедленно выѣхалъ, понеже цесарь весьма не хочетъ непріятства съ вашимъ величествомъ“...

Съ гравюры по портрету, писанному Карломъ Мооромъ въ 1717 г.

Вице-король, по совѣту съ Толстымъ, сталъ говорить царевичу, что цесарь его оружіемъ защищать не будетъ, а отъ себя постращалъ, что отниметъ у него подругу и спутницу Евфросинію, бывшую дворовую дѣвку Вяземскаго, которую царевичъ приблизилъ къ себѣ еще при жизни кронпринцессы, очень полюбилъ и хотѣлъ на ней жениться. Это послѣднее средство неожиданно подѣйствовало: царевичъ не захотѣлъ разлуки съ Евфросиніей и просилъ дать ему время подумать. Толстой и Румянцевъ видѣлись и съ Евфросиніей. Ласкою и угрозами добились они отъ нея согласія помогать имъ уговорить царевича вернуться. Поговоря со своей подругой, услышавъ отъ нея совѣтъ повиноваться волѣ отца, царевичъ придумалъ два условія, на которыхъ могъ бы вернуться въ Россію. „А кондиціи тѣ,—доносилъ Толстой,—первая, чтобы ему отецъ позволилъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отымать... и чтобъ ему позволилъ отецъ на оной дѣвкѣ жениться, не доѣзжая до С.-Петербурга“. Толстой именемъ царя обѣщалъ Алексѣю исполненіе всѣхъ этихъ условій, только бы онъ ѣхалъ съ ними. 4 октября царевичъ написалъ отцу такое письмо: „Всемилостивѣйшій государь-батюшка! Письмо твое, государь милостивѣйшій, чрезъ господъ Толстого и Румянцева получилъ, изъ котораго, также изустнаго мнѣ отъ нихъ милостивое отъ тебя, государя, мнѣ, всякія милости недостойному, въ семъ моемъ своевольномъ отъѣздѣ, буде я возвращуся, прощеніе, о чемъ со слезами благодаря и припадая къ ногамъ милосердія вашего, слезно прошу о оставленіи мнѣ преступленій моихъ, мнѣ, всякимъ казнямъ достойному. И надѣяся на милостивое обѣщаніе ваше, полагаю себя въ волю вашу, и съ присланными отъ тебя, государя, поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ С.-Питербурхъ. Всенижайшій непотребный рабъ и недостойный назватися сыномъ Алексѣй“.

Царевичъ не прямо поѣхалъ въ Петербургъ, онъ захотѣлъ прежде посѣтить городокъ Бари, гдѣ почиваютъ мощи святителя Николая. Оттуда онъ снова вернулся въ Неаполь, чтобы черезъ Римъ, Венецію, Вѣну слѣдовать въ Петербургъ. Въ дорогѣ царевичъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ царь писалъ: „Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенія, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господъ Толстого и Румянцева письменно и словесно обѣщано, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ. Петръ“.

Толстому и Румянцеву Петръ писалъ: „Мои господа! Письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у пле-

мянницы въ домѣ; а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволять, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такую великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напредъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его".

31-го января 1718 г. царевичъ прибылъ въ Москву. Евфросинія отстала отъ него еще за границей по причинѣ беременности. На пути по Россіи царевича встрѣчали съ большой честью, и толпы народа кричали: „Благослови, Господи, будущаго государя нашего!" 3-го февраля состоялось въ Москвѣ первое свиданіе Алексѣя съ родителемъ. Царь приказалъ собраться въ отвѣтной палатѣ кремлевскаго дворца духовнымъ сановникамъ, сенаторамъ, всякихъ чиновъ людямъ, „кромѣ подлаго народа", и самъ стоялъ въ этомъ собраніи. Кремль охраняли нѣсколько батальоновъ гвардіи съ заряженными ружьями. Вошелъ царевичъ вмѣстѣ въ Толстымъ безъ шпаги, какъ арестованный; увидѣвъ государя, онъ повалился къ нему въ ноги, съ плачемъ прося прощенія въ своей винѣ. „Встань, — сказалъ царь, — объявляю тебѣ свою родительскую милость". Петръ началъ припоминать царевичу, какъ онъ обучалъ его, готовя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, но сынъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обучаться тому, что было нужно для будущаго наслѣдника; потомъ выговаривалъ его послѣднее преступленіе — бѣгство изъ отечества и обращеніе къ иноземному государю. Царевичъ не могъ привести никакого оправданія, просилъ только простить его и даровать жизнь, а отъ наслѣдства отказывался. „Я покажу тебѣ милость, -сказалъ Петръ,—но только съ тѣмъ, чтобы ты показалъ самую истину и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтовали бѣжать къ цесарю".

Царь вышелъ съ сыномъ въ другую комнату, и тамъ царевичъ назвалъ ему своихъ сообщниковъ. Послѣ этого царь велѣлъ прочесть приготовленный и уже отпечатанный манифестъ. Въ манифестѣ, который въ тотъ же день былъ и опубликованъ, говорилось о давней и постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ, излагалась исторія его побѣга и объявлялось, что царь, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, „хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось", а вмѣсто лишеннаго наслѣдства назначаетъ своимъ наслѣдникомъ другого своего сына, Петра, котораго всѣ подданные и должны отнынѣ наслѣдникомъ престола признавать и крестъ на этомъ честной цѣловать; всѣ же, кто станетъ признавать попрежнему Алексѣя наслѣдникомъ, объявляются измѣнниками. По прочтеніи этого манифеста, царь сказалъ: „Прощаю, а наслѣдія лишаю!" Затѣмъ всѣ пошли въ Успенскій соборъ, и здѣсь царевичъ Алексѣй поклялся предъ крестомъ и евангеліемъ, что „понеже я, за преступленіе мое предъ родителемъ моимъ и государемъ, его вели-

чествомъ, изображенное въ его грамотѣ и въ повинной моей, лишенъ наслѣдства Россійскаго престола, того ради признаваю то, за вину мою и недостоинство, за праведно, и обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ въ Троицѣ славимымъ Богомъ и судомъ Его той волѣ родительской во всемъ повиноваться и того наслѣдства никогда ни въ какое время не искать, и не желать, и не принимать его ни подъ какимъ предлогомъ. И признаваю за истиннаго наслѣдника брата моего царевича Петра Петровича. И на томъ цѣлую св. крестъ и подписуюсь собственною моею рукою".

Изъ собора царь вмѣстѣ съ царевичемъ поѣхалъ въ Преображенскій дворецъ, гдѣ состоялся пиръ.

На другой день, 4-го февраля, царевичу было предложено по пунктамъ написать то, о чемъ онъ уже устно извѣстилъ царя, т.-е. о сообщникахъ. Письменное приглашеніе подать пункты звучало довольно грозно: „Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу и прочаго тому подобнаго; а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешь живота; на что о нѣкоторыхъ причинахъ сказалъ ты словесно, но лучше очистить письменно по пунктамъ. Все, что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; а ежели что укроешь и потомъ явно будетъ, на меня не пеняй: понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ".

Царевичъ выдалъ Кикина, Вяземскаго, царевну Марію Алексѣевну, князя Василія Долгорукаго, Аѳанасьева и др. Себя въ своихъ показаніяхъ царевичъ выгораживалъ и многое утаилъ. Названныхъ имъ лицъ схватили, началось слѣдствіе, пытки, допросы, опять пытки и, наконецъ, жестокія казни. Число оговоренныхъ все росло и росло, и постепенно выяснилось на слѣдствіи, что царевичъ сказалъ многое, но не все. Но пока его не трогали, и онъ началъ даже успокаиваться за свою участь. „Батюшка,—писалъ онъ своей Евфросиніи, — поступаетъ со мной милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ"...

18-го марта Петръ уѣхалъ въ Петербургъ, захвативъ съ собой и царевича. На Пасху, 12-го апрѣля, царевичъ, явившись съ поздравленіями къ мачехѣ, земно кланяясь, умолялъ ее уговорить отца, чтобы онъ позволилъ ему жениться на Евфросиніи. Но Евфросинію, когда она пріѣхала въ Петербургъ, засадили въ крѣпость и стали допрашивать. Евфросинія выдала все то, что утаилъ въ своемъ признаніи царевичъ, а это были все тѣ же мечты о воцареніи, когда умретъ отецъ, угрозы по адресу мачехи, Меншикова, надежды на насильственную смерть царя, на бунтъ войскъ. „Надѣется отецъ мой,—говорилъ, какъ доносила Евфросинія, царевичъ,—что жена его, а моя мачеха умна, а когда учиня сіе умретъ, то будетъ бабье царство, и добра не будетъ, а будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, иные за меня". Когда царевичу показали допросъ Евфросиніи, онъ призналъ, что все то правда, и что раньше онъ этого

не сказалъ умышленно. Это обстоятельство сильно мѣняло дѣло. До сихъ поръ Петръ былъ склоненъ считать слабаго, безхарактернаго и неподвижнаго сына лишь игрушкой ловкихъ пройдохъ, подкапывавшихся подъ него самого и его дѣло. Въ Москвѣ онъ говорилъ Толстому: „Когда бъ не монахиня (царица Евдокія), не монахъ (Яковъ Игнатьевъ) и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло“... Но послѣ показаній Евфросиніи, подтвержденныхъ самимъ Алексѣемъ, стало видно, что Алексѣй и самъ виноватъ во всемъ происшедшемъ не меньше Кикина и монаха. Возможно, что сдѣлалось извѣстно, —о вѣроятности чего, правда, до насъ дошли только темные слухи,—что въ Неаполѣ царевичъ рѣшилъ обратиться за помощью въ Швецію, и шведскій министръ Герцъ уговаривалъ Карла XII пригласить царевича въ Стокгольмъ и держать его тамъ, какъ выгодный залогъ, съ которымъ въ рукахъ можно было бы выторговать кое-что существенное при заключеніи мира.

Царь рѣшилъ созвать особый верховный судъ надъ сыномъ, умышлявшимъ на жизнь отца, грозившимъ создать неисчислимыя затрудненія государству. 12-го іюня 1718 г. были обнародованы объявленія духовенству, генералитету, сенаторамъ и министрамъ. Объявленіе духовенству гласило: „Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и хотя и довольно власти надъ онымъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещутъ), учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ; однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить, ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи: хотя бъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежели бъ одинъ самъ оную лѣчилъ, иногда бы, не познавъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Но хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ, и особливо замыслу своего бунтовнаго противъ насъ, яко родителя и государя своего; но однакожъ, дабы не погрѣшить въ томъ, и хотя его дѣло не духовнаго, но гражданскаго суда есть, которому мы оное на осужденіе безпохлебное, чрезъ особливое объявленіе, нынѣ же предали; однакожъ мы, желая всякаго о семъ извѣстія и воспоминая слово Божіе, гдѣ увѣщаваетъ въ такихъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго о законѣ Божіи, какъ написано во главѣ 17 Второзаконія, желаемъ и отъ васъ, архіереевъ, и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, не издадите каковый о семъ декретъ, но да взыщете и покажете о семъ отъ св. Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе,

какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ св. Писанія прикладамъ и по законамъ достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите".

Объявленіе свѣтскимъ особамъ разнилось отъ приведеннаго только окончаніемъ: „Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не ѳлатируя (или не похлебуя) мнѣ и не опасаяся того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, такожъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына; но не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно!"

Царевичъ былъ взятъ подъ стражу. Начался допросъ. Еще до созванія суда пыткой вынудили у него болѣе подробное подтвержденіе показанія Евфросиніи. 19-го іюня царевича пытали по постановленію суда, давъ ему 25 ударовъ кнутомъ. Наканунѣ духовенство представило свое разсужденіе о страшномъ дѣлѣ между отцомъ и сыномъ. Выписавъ разныя мѣста изъ св. Писанія, подходящія къ случаю и гласившія объ обязанностяхъ дѣтей повиноваться родителямъ, духовныя особы предоставляли на волю государеву поступать по Новому или Ветхому Завѣту. По Ветхому Завѣту царь можетъ казнить сына, а если хочетъ слѣдовать св. Евангелію, словамъ Спасителя о блудномъ сынѣ, то пусть проститъ сына. „Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ". Духовные судьи не напомнили, однако, царю его обѣщаніи помиловать сына и простить ему все; не припомнили этого и свѣтскіе судьи, настоявшіе на пыткѣ несчастнаго: за царевича не поднялся ни одинъ голосъ среди тѣхъ, на кого онъ разсчитывалъ. Страшный гнѣвъ Петра подавилъ всякіе проблески проявленія малѣйшаго сочувствія царевичу и заранѣе диктовалъ судьямъ приговоръ.

22-го іюня опять пытали царевича, 24-го—еще разъ, вынуждая все новыя и новыя показанія, все глубже и непоправимѣе запутывавшія несчастнаго. 24-го же состоялся и приговоръ суда, гласившій, что „царевичъ Алексѣй за всѣ вины свои и преступленія противъ государя и отца своего, яко сынъ и подданный его величества, достоинъ смерти"... Дальше говорилось, что хотя царь и обѣщалъ царевичу прощенье въ побѣгѣ, ежели добровольно возвратится, но царевичъ 1) и возвратился не совсѣмъ добровольно,

и 2) клятвеннаго обѣщанія своего открыть всю правду о своемъ дѣлѣ и сообщникахъ не исполнилъ, „отвѣтствовалъ весьма неправдиво, и не токмо многія особы, но и главнѣйшія дѣла и преступленія, а особливо умыслъ свой бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный изъ давныхъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому и при животѣ его, чрезъ разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь, и чиня отцу все въ противность, намѣренъ былъ противъ воли его величества по надеждѣ своей, не токмо чрезъ бунтовщиковъ, но и чрезъ чужестранную цесарскую помощь и войска, которыя онъ уповалъ себѣ получить, и съ разореніемъ всего государства и отлученіемъ отъ онаго того, чего бъ отъ него за то ни пожелали, и при животѣ государя отца своего“... „И тѣмъ всѣмъ царевичъ себя весьма недостойнымъ того милосердія и обѣщаннаго прощенія учинилъ“... И далѣе судьи, резюмировавъ преступленія царевича, единогласно постановляли, что законы военные и гражданскіе въ такихъ случаяхъ „казнь смертную безъ всякой пощады опредѣляютъ“ и царевичъ эту казнь вполнѣ заслужилъ. „Сей приговоръ мы, яко рабы и подданніи, съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изрекаемъ... Сознаемъ, что не можемъ быть судьями въ такомъ важномъ дѣлѣ сына самодержавнаго монарха, но дѣлаемъ это по волѣ самого монарха, по совѣсти, и повергаемъ сей приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго монарха“.

Подписали: князь Меншиковъ, графъ Ѳедоръ Апраксинъ, графъ Головкинъ, князь Яковъ Долгорукій, графъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрешневъ, графъ Петръ Апраксинъ, Петръ Шафировъ, Петръ Толстой, князь Дмитрій Голицынъ, генералъ Адамъ Вейде, генералъ Иванъ Бутурлинъ, графъ Андрей Матвѣевъ, князь П. А. Голицынъ, Михайло Самаринъ, генералъ Григорій Чернышевъ, генералъ Иванъ Головинъ, генералъ князь П. М. Голицынъ, ближній стольникъ князь Иванъ Ромодановскій, бояринъ Алексѣй Салтыковъ, князь Матвѣй Гагаринъ, бояринъ Петръ Бутурлинъ, Кирилла Нарышкинъ и еще сто три человѣка менѣе высокихъ чиновъ. Участвовать въ судѣ и подписать приговоръ отказались: фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ, его братъ В. П. Шереметевъ и генералъ князь М. М. Голицынъ.

Въ „записной книгѣ С.-Петербургской гварнизонной канцеляріи“,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—читается: „26 іюня по полуночи въ 8 часу начали сбираться въ гварнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь, т.-е. Меншиковъ, князь Яковъ Ѳедоровичъ (Долгорукій), Гаврило Ивановичъ (Головкинъ), Ѳедоръ Матвѣевичъ (Апраксинъ), Иванъ Алексѣевичъ (Мусинъ-Пушкинъ), Тихонъ Никитичъ (Стрешневъ), Петръ Андреевичъ (Толстой), Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Того жъ числа по полудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ

преставился. 30 іюня царевичъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ одномъ мѣстѣ съ женою, въ присутствіи царя и царицы".

Такъ ужасно кончилась эта трагическая исторія борьбы слабаго сына съ сильнымъ отцомъ. Наружно царь сохранялъ полное спокойствіе, держалъ себя такъ, точно ничего особеннаго не произошло. 27-го іюня онъ съ обычными торжествами отпраздновалъ день полтавской побѣды. 28-го внесли тѣло царевича изъ крѣпости въ Троицкій соборъ. 29-го царь праздновалъ свои именины и спускъ новаго корабля; обычная въ такихъ случаяхъ шумная пирушка длилась до поздней ночи. Какъ отнесся царь ко всѣмъ этимъ событіямъ послѣ того, какъ миновали приступы злобы и гнѣвнаго раздраженія на непотребнаго сына,—неизвѣстно. Молва и преданіе разсказываютъ, что на смертномъ одрѣ его мучило горькое раскаяніе въ жестокомъ поступкѣ съ сыномъ. Въ одномъ письмѣ отъ 17 марта 1720 г. къ П. А. Толстому, главному виновнику поимки царевича Алексѣя и слѣдователю по всему дѣлу, царь, сдѣлавъ распоряженія о продажѣ поташу, въ P. S. своего дѣлового письма писалъ: „сей день предъ двумя лѣты великой тріумфъ былъ". 17 марта 1718 г. закончились московскія казни по дѣлу царевича Алексѣя; 18-го царь выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ продолжался розыскъ. Разумѣлъ ли царь подъ выраженіемъ „тріумфъ" сокрушеніе заговоровъ и злоумышленій, готовившихся сплестись около царевича, или онъ разумѣлъ отреченіе Алексѣя отъ престола и передачу наслѣдія царевичу Петру—гадать трудно. Но что это холодное и жесткое выраженіе относится къ дѣлу, связанному съ именемъ царевича—это, кажется, внѣ сомнѣній. Когда дѣло царевича Алексѣя было кончено, Петръ велѣлъ выбить особую медаль, на одной сторонѣ которой было его изображеніе въ профиль съ надписью: „Императоръ Петръ I", а на другой—корона, лежащая на высокой горѣ, которая вершиной выходитъ изъ облаковъ, ее освѣщаетъ солнце, а кругомъ надпись: „Величество твое вездѣ ясно. 1718 г. 20 декабря". Медаль знаменовала торжество царя надъ темными силами, грозившими сокрушить дѣло его жизни. Что творилось въ душѣ отца, казнившаго сына—этого не узналъ никто.

Царевичъ Алексѣй долго еще жилъ, какъ знамя и символъ противодѣйствія, въ памяти народа, въ душахъ и сердцахъ тѣхъ, кто былъ противъ Петра и его дѣла. Появились одинъ за другимъ нѣсколько самозванцевъ-царевичей. Пошли легенды, что вотъ скоро царевичъ Алексѣй соберетъ вѣрныхъ христіанъ и пойдетъ противъ войска отца изъ Кіева. Самозванцевъ и разсказчиковъ слуховъ хватали, пытали, казнили. Ничего непосредственно крупнаго въ смыслѣ движенія противъ Петра около имени царевича Алексѣя не создалось. Но очень важны и значительны для всей дальнѣйшей жизни русскаго государства были самыя послѣдствія дѣла царевича Алексѣя.

Объявленный при отреченіи Алексѣя наслѣдникомъ престола

царевичъ Петръ Петровичъ скончался въ младенчествѣ. Прямымъ наслѣдникомъ становился сынъ царевича Алексѣя и принцессы Шарлотты, Петръ Алексѣевичъ. Но Петръ не захотѣлъ сразу назвать своимъ наслѣдникомъ пятилѣтняго мальчика, сына ставшаго ему ненавистнымъ Алексѣя. И вотъ 5 февраля 1722 года, во время московскихъ торжествъ Ништадтскаго мира, Петръ издалъ такой указъ относительно престолонаслѣдія: „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, какою авессаломскою злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, и что не раскаяніемъ его оное намѣреніе, но милостію Божіею всему нашему отечеству пресѣклось, а сіе не для чего иного у него возросло, токмо отъ обычая стараго, что большему сыну наслѣдство давали, къ тому же одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай не знаю чего для такъ былъ затверженъ, ибо не точію въ людяхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали отмѣны, но и въ св. Писаніи видимъ, еще же и въ нашихъ предкахъ оное видимъ (примѣръ Ивана III). Въ такомъ же разсужденіи въ прошломъ 1714 году, милосердуя мы о нашихъ подданныхъ, чтобъ партикулярные ихъ домы не приходили отъ недостойныхъ наслѣдниковъ въ разореніе, хотя и учинили мы уставъ, чтобъ недвижимое имѣніе отдавать одному сыну, однакожъ отдали то на волю родительскую, которому сыну похотятъ отдать, усмотря достойнаго, хотя и меньшому мимо большихъ, признавая удобнаго, который бы не расточилъ наслѣдства. Кольми же паче должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства, которое съ помощью Божіею нынѣ паче распространено, какъ всѣмъ видимо есть; чего для благоразсудили сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ. Того ради повелѣваемъ, дабы всѣ наши вѣрные подданные, духовные и мірскіе безъ изъятія, сей нашъ уставъ предъ Богомъ и Его Евангеліемъ утвердили на такомъ основаніи, что всякъ, кто сему будетъ противенъ, или инако како толковать станетъ, то, за измѣнника почтенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будетъ. Петръ“.

При указѣ слѣдовалъ текстъ присяги, которую во всѣхъ церквахъ и приносили подданные.

Но, охраняя государство и потомство отъ „авессаломской злости“, Петръ нечаянно для самого себя создалъ февральскимъ указомъ 1722 г. злость худшую и для дѣтей и для государства. Петръ умеръ почти скоропостижно. Онъ ужъ давно прихварывалъ; лѣтомъ 1724 года его болѣзнь усилилась, въ сентябрѣ онъ опять почувствовалъ себя легче, но не поберегся, и припадки усилились снова; отъ этого онъ, говорятъ, пришелъ въ такое раздраженіе, что поколотилъ своихъ докторовъ и бранилъ ихъ ослами. Къ концу мѣсяца ему стало опять лучше, и въ октябрѣ Петръ отпра-

вился осматривать Ладожскій каналъ, вопреки совѣтамъ своего лейбъ-медика Блюментроста; во время этого путешествія онъ выковалъ на Олонецкихъ заводахъ полосу желѣза. Съ Олонца Петръ проѣхалъ въ Старую-Руссу и въ ноябрѣ водой поѣхалъ въ Петербургъ; у Лахты ему пришлось, стоя по поясъ въ водѣ, спасать сѣвшій на мель ботъ съ солдатами; припадки болѣзни, разумѣется, усилились, но Петръ, не обращая на нихъ вниманія, продолжалъ всюду являться и занимался дѣлами. Но уже 17 января 1725 г. ему стало такъ худо, что онъ распорядился поставить въ сосѣдней со своей спальней комнатѣ походную церковь, и 22-го числа исповѣдался и причащался. Боли были таковы, что этотъ гигантъ по его физической силѣ и выносливости кричалъ и стоналъ, не будучи въ состояніи выносить ужасныхъ страданій. Съ 23-го боли стали утихать, но и силы тоже угасали; 26-го царю стало очень плохо; въ церквахъ молились о здравіи; ради здравія царскаго величества освобождены были осужденные на каторгу, кромѣ убійцъ и разбойниковъ; 27-го прощены всѣ осужденные на смерть и прощены тѣ дворяне, которые не явились на послѣдній смотръ. Въ этотъ же день въ исходѣ второго часа Петръ потребовалъ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ его рукъ, и изъ написаннаго имъ смогли разобрать только два слова: „Отдайте все...“; царь велѣлъ позвать тогда дочь Анну Петровну, чтобы она писала подъ его диктовку, но, когда она пришла, Петръ не могъ сказать ни одного слова и впалъ въ забытье. На другой день, 28 января, въ началѣ шестого часа утра Петръ Великій скончался.

Петръ Великій на смертномъ одрѣ.
Съ картины Таннауера.

Престолъ императора всероссійскаго осиротѣлъ. Кого почившій хотѣлъ назначить своимъ наслѣдникомъ, осталось неизвѣстнымъ. Сенатъ, синодъ и генералитетъ—все учрежденія, не имѣвшія никакого права распоряжаться судьбой престола, еще до смерти Петра, когда онъ находился въ агоніи, порѣшили, что престолъ должна занять жена почившаго, императрица Екатерина, коронованная покойнымъ императорской короной въ предшествовавшемъ 1724 году. Такъ и сдѣлалось. Екатерина оставила завѣ-

щаніе, въ которомъ пыталась установить порядокъ престолонаслѣдія среди ближайшихъ отраслей царскаго корня, но не отмѣнила законъ о престолонаслѣдіи Петра Великаго. Отсутствіе мужского потомства послѣ смерти Петра II, наличіе среди женскаго потомства двухъ линій наслѣдницъ—дочерей царя Іоанна и царя Петра, сдѣлало, при отсутствіи узаконеннаго и всѣмъ объявленнаго порядка престолонаслѣдія, то, что русскій престолъ въ теченіе всего XVIII в. былъ игралищемъ судьбы, причемъ рѣшающую роль въ правѣ претендентовъ на престолъ играла гвардія, руководившаяся своими симпатіями и антипатіями къ отдѣльнымъ лицамъ. Ни одно восшествіе на престолъ въ теченіе XVIII в. не происходило мирнымъ порядкомъ и каждое, почти безъ исключенія, сопровождалось дворцовымъ переворотомъ. Только императоръ Павелъ I новымъ закономъ о престолонаслѣдіи 1797 г. покончилъ съ тяжелымъ наслѣдіемъ Петра Великаго и поставилъ этотъ важный вопросъ государственной жизни въ твердыя, законныя, всѣмъ вѣдомыя рамки.

Гипсовый слѣпокъ съ головы Петра Великаго.

Дѣло царевича Алексѣя оставило Россіи и еще одну тяжкую память. По той тщательности, съ которой велся розыскъ самаго дѣла, по количеству лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, захватившему въ свои сѣти людей самаго разнообразнаго происхожденія—отъ царевенъ, придворныхъ дамъ и генераловъ до людей самыхъ простыхъ, по жестокости, съ которой каралась малѣйшая, иногда только кажущаяся прикосновенность этихъ лицъ къ дѣлу царевича, можно думать, что царь воспользовался дѣломъ сына, чтобы искоренить всѣхъ противниковъ его реформъ, всѣхъ настроенныхъ по отношенію къ нему сколько-нибудь оппозиціонно. Еще въ 1702 году съѣзжей избѣ въ Преображенскомъ, переименованной потомъ въ преображенскій приказъ, поручено было вѣдать всѣ политическія дѣла, всѣхъ, за кѣмъ есть „слово и дѣло государево“. Такихъ людей велѣно было присылать со всего государства въ Москву въ преображенскій приказъ къ стольнику князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому.

Одной изъ задачъ преображенскаго приказа, вѣдавшаго еще полки гвардіи съ ихъ хозяйственной и интендантской стороны и полицейскую безопасность Москвы, становится съ 1702 года разслѣдованіе государственныхъ преступленій. Это разслѣдованіе, сыскъ по „слову и дѣлу государеву“ происходилъ съ необычайною жестокостью, сопровождался пытками и истязаніями. Малѣйшаго подозрѣнія, доноса самаго неправдоподобнаго было достаточно, чтобы человѣка, часто спьяну сболтнувшаго слово, въ которомъ насторожившееся ухо сыщика или добровольнаго доносчика улавливало злой умыселъ, хватали и приводили въ страшный преображенскій застѣнокъ, откуда рѣдко удавалось выйти оправданнымъ и всегда приходилось унести на спинѣ кровавую памятку о пыточныхъ распросахъ. Во второй половинѣ своего царствованія Петръ учредилъ рядъ особыхъ канцелярій временнаго характера, поставивъ во главѣ ихъ майоровъ гвардіи. Этимъ майорскимъ канцеляріямъ поручались розыскныя дѣла особенно важныя и касавшіяся „интересу“, т.-е. дѣла о хищеніяхъ казны, дѣла о бунтахъ, возмущеніяхъ и зломъ умыслѣ противъ персоны его царскаго величества.

Когда въ февралѣ 1718 года начался въ Москвѣ розыскъ по дѣлу царевича Алексѣя, то все слѣдствіе было сосредоточено въ одной изъ такихъ майорскихъ канцелярій—въ канцеляріи вѣдѣнія П. А. Толстого. П. А. Толстой былъ главнымъ слѣдователемъ всего дѣла царевича. Ближайшими помощниками его были: гвардіи майоръ А. И. Ушаковъ, который съ 1715 года вѣдалъ разныя дѣла, преимущественно рекрутскія, въ особой канцеляріи въ Москвѣ на Потѣшномъ дворѣ; другимъ помощникомъ Толстого былъ капитанъ-поручикъ Г. Г. Скорняковъ-Писаревъ. „Розыскивая“ рядъ прикосновенныхъ къ процессу царевича Алексѣя дѣлъ, канцелярія П. А. Толстого начинаетъ именоваться „канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“, или, въ просторѣчіи, тайной канцеляріей.

Въ мартѣ 1718 года тайная канцелярія была переведена въ Петербургъ, гдѣ продолжался розыскъ по дѣлу царевича Алексѣя. Тогда же къ прежнимъ ея заправиламъ, или „министрамъ“, какъ они именовались, былъ присоединенъ еще генералъ И. И. Бутурлинъ. Въ руки этихъ лицъ и было отдано все слѣдствіе и розыскъ по дѣламъ, возникавшимъ около процесса царевича Алексѣя.

Самъ царь, придававшій огромную важность этимъ дѣламъ, очень интересовался ими и свой интересъ доводилъ до личнаго участія въ занятіяхъ тайной канцеляріи. Разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, Петръ лично присутствовалъ въ тайной канцеляріи, вмѣстѣ съ „министрами“ слушалъ доклады, ставилъ резолюціи на приговоры канцеляріи, иногда даже собственноручно, давалъ указанія по вопросамъ, возникавшимъ у министровъ относительно направленія и рѣшенія отдѣльныхъ дѣлъ. Случалось, что царь самъ иногда просматривалъ слѣдственный матеріалъ и лично допрашивалъ преступниковъ и обвиняемыхъ. Когда царь уѣзжалъ изъ С.-Петербурга, министры тайной канцеляріи посылали ему подробные доклады съ выдержками изъ дѣлъ, которые царь читалъ

и возвращалъ со своими резолюціями въ тайную канцелярію. „Такимъ образомъ тайная канцелярія,—говоритъ историкъ ея, В. И. Веретенниковъ,—работала не только подъ непосредственнымъ контролемъ царя, но и при непосредственномъ его участіи, конечно, другой вопросъ, насколько все это гарантировало правильность и законность дѣйствій канцеляріи, насколько даже и при такомъ способѣ Петръ могъ ручаться за отсутствіе злоупотребленій здѣсь же, на глазахъ его“. Злоупотребленій не могло не возникать хотя бы въ силу того одного, что дѣятельности министровъ тайной канцеляріи не было положено никакихъ закономъ опредѣленныхъ преградъ, а кругъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію тайной канцеляріи, отличался необъятной широтой.

Свой розыскъ тайная канцелярія должна была вести, основываясь на второй главѣ Уложенія царя Алексѣя, на воинскихъ артикулахъ и на отдѣльныхъ указахъ государя. Петръ хотѣлъ входить во всѣ частности и мелочи дѣятельности тайной канцеляріи, но эта дѣятельность такъ разрасталась, что у царя не хватало времени, и тогда „министры“ сами рѣшали дѣла, о которыхъ по маловажности ихъ или по инымъ поводамъ не хотѣли „трудить“ государя, и вершили ихъ „по своему благоразумному разсужденію“. Чѣмъ руководились они, направляя дѣла такъ, а не иначе, трудно сказать; случалось, что безъ доклада государю они рѣшали дѣла, стоившія преступникамъ или обвиненнымъ жизни, и считали нужнымъ спрашивать у государя, не лучше ли гонять колодниковъ днемъ на работу, а на ночь сажать въ разныя „казармы“.

Въ 1722 г. Петръ особымъ указомъ „объ оскорбителяхъ чести государя императора и нарушителяхъ общаго спокойствія“ опредѣлилъ, „буде впредь гдѣ въ городахъ и селахъ и деревняхъ такіе злодѣи явятся и ихъ, въ самой скорости имая, приводить въ города къ правителямъ, а въ тѣхъ городахъ правителямъ, принявъ ихъ и заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, не разспрашивая, присылать въ тайную канцелярію или въ преображенскій приказъ за крѣпкимъ карауломъ“... Доносчикамъ указъ обѣщалъ милостивое награжденіе, „а буде кто, видя означенныхъ злодѣевъ, явно что злое въ народъ разсѣвающихъ, или вѣдая, что таковое зло тайно они производятъ, а ихъ не поимаетъ, или о томъ не извѣститъ... за то учинена будетъ таковымъ смертная казнь безъ всякаго пощаденія, а движимое и недвижимое ихъ имѣнье все взято будетъ на его императорское величество“.

Этотъ указъ отдавалъ въ нарочитое вѣдѣніе тайной канцеляріи розыскъ и слѣдствіе по дѣламъ о доносахъ, все, что подразумѣвалось подъ дѣлами о „словѣ и дѣлѣ государевомъ“, и лишній разъ ставилъ въ обязанность подданнымъ доносъ. Доносы поощрялись щедрыми наградами—отъ 10 до 30 и болѣе рублей тогдашнихъ, и хотя доносчику шелъ, по обычаю, „первый кнутъ“, т.-е. отъ него „съ пристрастіемъ“ требовали доказательствъ правильности доноса,—находились добровольцы на это въ чаяніи вели-

кихъ и богатыхъ милостей за свое стараніе. Эти награды за доносы и добровольное соглядатайство не могли не дѣйствовать развращающе на тогдашнее общество и народъ. Создавалась атмосфера страха, взаимнаго недовѣрія, отчужденности, когда люди привыкали говорить: „не вѣрь отцу родному“, доносили братъ на брата, мужъ на жену, доносили и взрослые и дѣти, одни корысти ради, другіе боясь отвѣтственности за недонесеніе; „страшно было доносить, страшно было и не доносить, потому что и за то и за другое можно было подвергнуться тяжкому наказанію“; за утайку преступленія и за недоказанность обвиненія равно грозилъ кнутъ, штрафъ, лишеніе имущества, каторга. Донести казалось легче, чѣмъ не донести, и тайная канцелярія не могла пожаловаться на недостатокъ добровольныхъ доносчиковъ. Надо удивляться, что ихъ было сравнительно мало при томъ страхѣ, какой сѣяла своей дѣятельностью тайная канцелярія. Зато она могла приходить въ отчаяніе отъ накопленія пустяковыхъ дѣлъ, въ которыхъ слѣпые доносчики усматривали страшное „слово и дѣло государево“. Въ 1720 году крестьянинъ Барышниковъ, житель Пошехонскаго уѣзда, разговорился съ проѣзжимъ солдатомъ о войнѣ, о мирѣ со шведами, о чемъ тогда всѣ говорили. Солдатъ, разыгрывая большую персону, повѣдалъ своему собесѣднику, что пришли-де къ Кроншлоту цесарскихъ и шведскихъ девяносто кораблей и просятъ у его царскаго величества бою, а буде-де бою не будетъ, такъ чтобъ отдали великаго князя. А буде его не отдадутъ, то чтобъ отдали измѣнниковъ. Какихъ измѣнниковъ—солдатъ не успѣлъ сказать. Дня черезъ два послѣ этого Барышниковъ познакомился въ кабакѣ съ крестьяниномъ Дмитріемъ Салтановымъ, предложилъ ему вѣжливо „выкушать пивца“ и подѣлился съ нимъ новостью о с т а цесарскихъ и шведскихъ корабляхъ у Кроншлота, о требованіи цесаря выдать великаго князя и измѣнниковъ, и добавилъ еще отъ себя: „потому, сказываютъ, и миръ состоится“. „Слово и дѣло!“—закричалъ въ отвѣтъ Салтановъ. Барышникова схватили и отправили, скрутя ему руки, въ Пошехонье, къ воеводѣ. Воевода допросилъ Барышникова, который признался, что онъ все это сказалъ, только говорилъ о 90 корабляхъ, какъ ему и проѣзжій солдатъ сказывалъ, и словъ „поэтому миръ и состоится“—не говорилъ. Воевода заковалъ Барышникова въ кандалы и отправилъ его подъ сильнымъ карауломъ, какъ злѣйшаго преступника, въ тайную канцелярію; отправилъ туда же и доносителя. Тайная канцелярія обоихъ передопросила, конечно, съ пристрастіемъ, и постановила: „крестьянину Ивану Барышникову за продерзостныя непристойныя слова учинить жестокое наказаніе: вмѣсто кнута бить плетьми и освободить съ проѣзднымъ листомъ до Пошехонья“. Салтанову понравилось кричать „слово и дѣло“, онъ сдѣлалъ себѣ изъ этого профессію, но въ 1723 г. за ложный извѣтъ сослали его на каторгу. И здѣсь онъ крикнулъ „слово и дѣло“ на матроса Мѣшкова; извѣтъ опять оказался ложнымъ, и канцелярія присудила бить каторжника Салтанова кнутомъ, вырѣзать ему

ноздри и сослать въ Сибирь, въ дальнiе городы, въ государеву работу вѣчно. Подобныхъ пустяковыхъ дѣлъ вчинялось немало въ тайной канцелярiи. Разсказовъ о такихъ и болѣе серьезныхъ дѣлахъ приведено много въ книгахъ М. И. Семевскаго „Слово и дѣло“ и Г. Есипова „Раскольничьи дѣла XVIII-го вѣка“. Ужасомъ вѣетъ отъ этихъ кровавыхъ повѣствованiй: „аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженiе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь“... такъ выражаетъ свое впечатлѣнiе отъ пересказанныхъ имъ дѣлъ тайной канцелярiи М. И. Семевскiй въ названной своей книгѣ.

Обычнымъ завершенiемъ розысковъ въ тайной канцелярiи была публичная казнь на площади: битье кнутомъ, плетьми, урѣзыванье языка, наложенiе клеймъ и смертная казнь, виды которой были очень различны и отличались часто изысканной жестокостью. Воспоминанiе объ этихъ казняхъ черной тѣнью ложится на славные дни Петра. Не въ оправданiе, а для соблюденiя исторической перспективы надо замѣтить, что время царствованiя Петра было суровымъ и жестокимъ временемъ и во всей Европѣ. Тамъ тогда еще не вездѣ угасли костры инквизицiи, а топоръ и веревка палача дѣйствовали на виду у всѣхъ и продолжали быть неоспоримымъ средствомъ возмездiя и воздаянiя преступнику. Въ 1700 г. въ Испанiи отпраздновали вступленiе на престолъ короля Филиппа V торжественнымъ ауто-да-фе 138 человѣкъ; въ Англiи въ 1682 г. сожгли вѣдьму, а въ 1712 г. сожженiе вѣдьмы не состоялось только благодаря упорству одного судьи. Смертная казнь колесованiемъ, ужаснѣйшая по своей кровожадной мучительности, была обычна во Францiи первой половины XVIII-го вѣка. Въ 1757 г. въ Парижѣ публично казнили нѣкоего Дамiена, покушавшагося на жизнь короля Людовика XV-го; и изысканной мучительности этой казни могли бы позавидовать не только такiе сравнительно малоизобрѣтательные въ этой сферѣ люди, какъ „министры“ тайной канцелярiи, а даже сотрудники Малюты Скуратова.

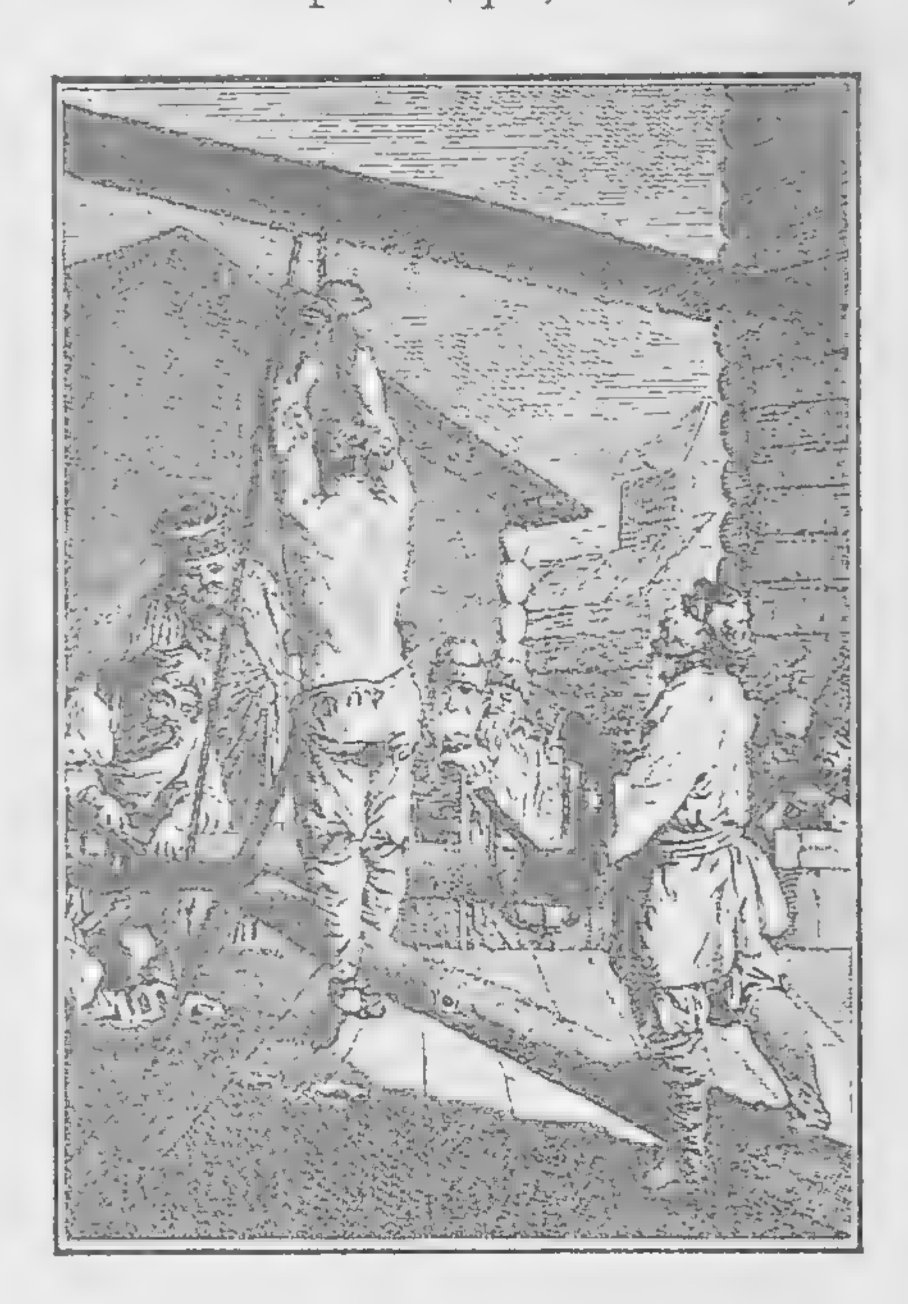

Казнь колесованiемъ.
Со старинной гравюры.

Петръ, съ его способностью все доводить до конца, вспыльчивый, раздраженный глухимъ и явнымъ сопротивленiемъ „упрямцевъ“ дѣлу, которому отдалъ жизнь, довелъ до крайности примѣненiе пытокъ и казней, а также ихъ суровость и жестокость.

казни стрѣльцовъ во времена его молодости, когда всѣ стѣны московскаго кремля и Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ сидѣла въ заключеніи царевна Софія, были увѣшаны тѣлами казненныхъ стрѣльцовъ, создали въ народѣ присловье: „что ни зубецъ, то и стрѣлецъ“, но „стрѣлецкаго духа“ не вывели. Потомъ массовыхъ казней въ такомъ размѣрѣ не повторялось, но публичныя казни одного и нѣсколькихъ человѣкъ были довольно обычнымъ явленіемъ въ тогдашней русской жизни.

Страшное время стрѣлецкихъ розысковъ напомнили во второй половинѣ царствованія дни, когда разыгралось дѣло царевича Алексѣя. Въ это дѣло были замѣшаны сестры царя, вельможи, духовенство, знатныя дамы. Наступили кровавые дни. Петръ былъ безпощаденъ... Въ мартѣ 1718 г. Болотная площадь въ Москвѣ, въ декабрѣ того же года Троицкая площадь въ С.-Петербургѣ были залиты кровью: рубили головы, колесовали, сажали на колъ, вѣшали, били кнутомъ... Толпы зѣвакъ смотрѣли на кровавое зрѣлище; Петръ присутствовалъ и тутъ со всѣмъ своимъ дворомъ...

Виска или дыба въ XVIII вѣкѣ.
Со старинной гравюры.

Что касается пытки, то нельзя не признать, что Западъ зналъ пытки изысканныя. Какихъ только машинъ и орудій пыточнаго мастерства ни хранитъ въ своихъ мрачныхъ башняхъ нюренбергскій замокъ, нѣмецкій музей въ Мюнхенѣ и другіе музеи и собранія, гдѣ любопытство потомковъ собрало въ назиданіе себѣ и для памяти о свирѣпыхъ временахъ это мрачное наслѣдіе. О иныхъ орудіяхъ и машинахъ зрителю трудно бываетъ сообразить, какое могло быть назначеніе ихъ, какъ терзали они человѣка? Жестокія времена, когда, по древней пословицѣ, человѣкъ человѣку былъ волкъ, породили эти страшныя орудія. Тогдашнее судопроизводство ставило себѣ задачей добиваться признанія обвиненнаго по всѣмъ пунктамъ обвиненія, и пытка казалась единственнымъ надежнымъ къ тому средствомъ.

Въ тайной канцеляріи обычной и почти исключительно употребляемой пыткой было битье кнутомъ на дыбѣ. Число ударовъ колебалось отъ 10 до 30, достигая изрѣдка 70-ти; послѣ битья кнутомъ иногда пускали въ дѣло огонь, т.-е. жгли или каленымъ желѣзомъ — „клещами“ — или горящимъ вѣникомъ. Пытанныхъ

подлѣчивали, что было обязанностью особыхъ докторовъ, состоявшихъ при тайной канцеляріи. Если колодникъ умиралъ отъ пытокъ, то начальникъ караула доносилъ министрамъ канцеляріи, что-де такой-то колодникъ „въ ночи умре безъ исповѣди", „и тѣло его зарыто въ землю за Малою рѣкою Невою на Выборгской сторонѣ". Если къ умирающему колоднику и допускали для смертнаго напутствія священника, тоже состоявшаго при канцеляріи, то при исповѣди, въ нарушеніе всѣхъ церковныхъ каноновъ, присутствовалъ секретарь канцеляріи, а священнику предписывалось добиться на предсмертной исповѣди сознанія исповѣдника или точныхъ, правильныхъ показаній.

Кровавая дѣятельность тайной канцеляріи въ Петербургѣ, преображенской канцеляріи въ Москвѣ тяжело давалась самимъ дѣятелямъ этихъ учрежденій. Начальникъ страшнаго преображенскаго приказа, князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, человѣкъ жестокій и суровый, „звѣрь", какъ его называлъ самъ царь, тономъ отчаянія писалъ разъ ему, что онъ, Ромодановскій, разбирая и пытая приведенныхъ къ нему въ застѣнокъ по обвиненію въ словѣ и дѣлѣ государевѣ, „воистину въ крови купается". Преемникъ его по дѣятельности въ петербургской тайной канцеляріи П. А. Толстой, тоже человѣкъ совсѣмъ не мягкосердечный, послѣ четырехъ лѣтъ своего главенства въ канцеляріи просилъ избавить его отъ тяжкой должности, что удалось ему однако только въ 1726 г. Зато другой министръ, А. И. Ушаковъ, такъ сжился со своей кровавой дѣятельностью, что оставался во главѣ политическаго розыска всю жизнь, до 1747 года, держа его въ своихъ рукахъ во всѣхъ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ, которыя въ послѣдующія царствованія замѣнили петровскую тайную канцелярію.

Въ той обстановкѣ, въ которой она возникла, по характеру тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ она дѣйствовала, по тому исключительному вниманію, какое посвящалъ ея дѣятельности царь, тайная канцелярія заняла очень высокое положеніе въ ряду тогдашнихъ государственныхъ учрежденій. Пожалуй, только сенатъ, синодъ да кабинетъ стояли выше ея по своему авторитету и вліятельности; всѣ остальныя учрежденія были или равны тайной канцеляріи, какъ, напримѣръ, коллегіи, или находились подъ ней, „но при этомъ едва ли не слѣдуетъ замѣтить, что ни одно изъ этихъ высокихъ учрежденій, кромѣ кабинета, не было все-таки столь приближено къ непосредственному и постоянному воздѣйствію на него верховной власти, какъ именно канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ",—замѣчаетъ историкъ ея. И такъ было во все время существованія тайной канцеляріи.

Сначала и самъ императоръ и П. А. Толстой видѣли въ тайной канцеляріи учрежденіе, врученное нѣсколькимъ особо довѣреннымъ лицамъ только для рѣшенія особыхъ дѣлъ, возникшихъ въ связи съ дѣломъ царевича Алексѣя. Но такъ какъ съ этимъ дѣломъ невольно связывались всѣ политическія дѣла, причемъ самое дѣло царевича было понято, какъ главное и наиболѣе ярко обоб-

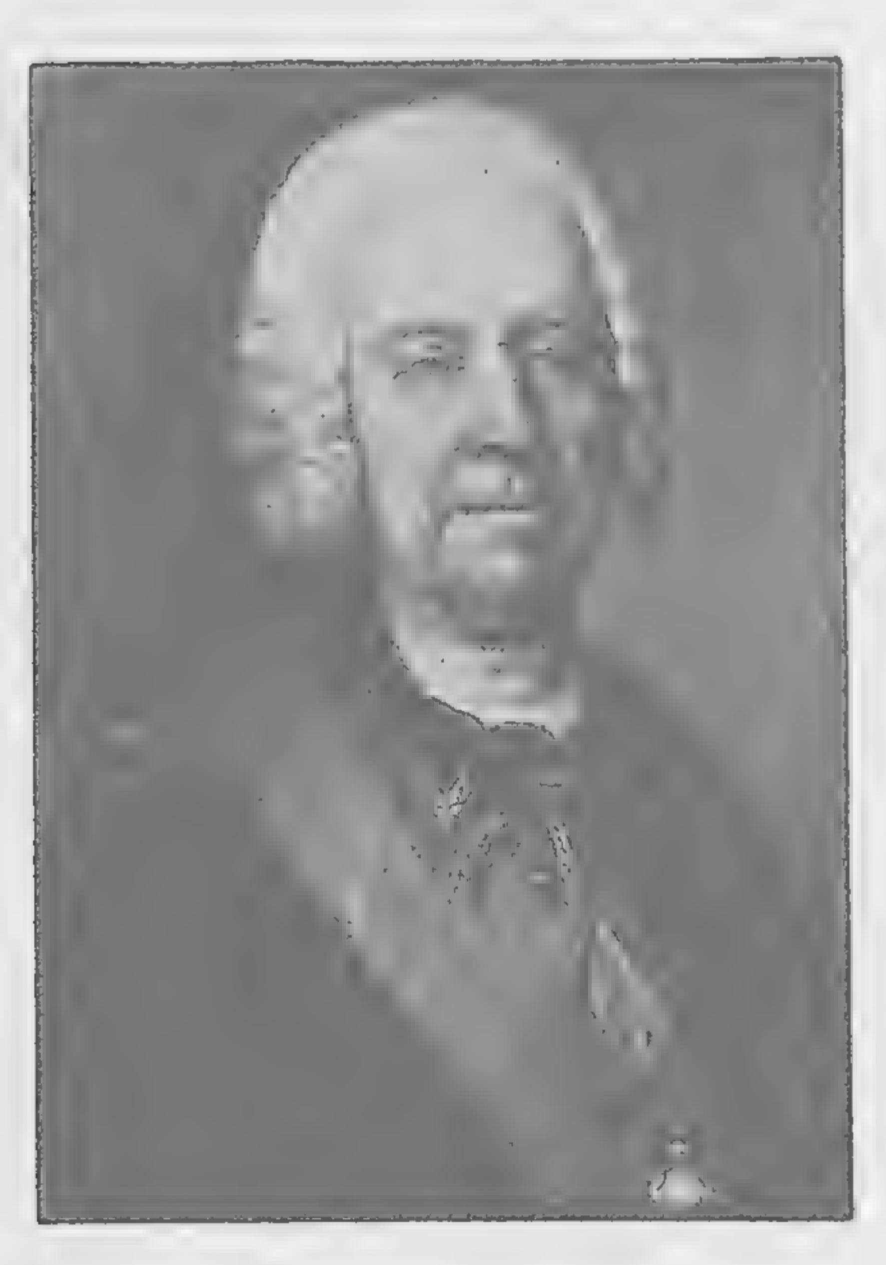
щающее весь общественный и народный протестъ противъ дѣятельности петровскаго правительства, то дѣятельность тайной канцеляріи затянулась сравнительно надолго. Характерно, что „министры" тайной канцеляріи при своихъ слѣдствіяхъ, какъ это видно по многимъ дѣламъ, всегда стремились установить прикосновенность разбираемыхъ случаевъ или къ дѣлу царевича, или къ „раскольничеству", т.-е. хотѣли въ этомъ послѣднемъ случаѣ всякое дѣло поставить въ связь съ тѣмъ политическимъ движеніемъ въ народѣ, которое отражалось въ старообрядчествѣ временъ Петра, находя себѣ оправданіе и цѣль своего протеста въ формахъ приверженности къ старинѣ.

Когда съ теченіемъ времени все труднѣе стало связывать всякое дѣло съ дѣломъ царевича, тайная канцелярія принуждена была вѣдать дѣла тѣ же, какія вѣдались въ преображенской канцеляріи. Толстой, уставшій отъ „кровей", тяготившійся своей должностью, и провелъ при Екатеринѣ I передачу всѣхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ преображенскій приказъ. Въ 1726 году состоялось распоряженіе правительства императрицы Екатерины I о передачѣ дѣлъ тайной канцеляріи въ вѣдѣніе князя И. Ѳ. Ромодановскаго, начальника преображенской, канцеляріи, „понеже, какъ гласилъ указъ, тайная канцелярія... въ прошломъ 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайныхъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и хотя тому подобныя дѣла и нынѣ случаются, однако не такъ важныя и больше бываютъ такія дѣла у тайнаго дѣйствительнаго совѣтника господина князя Ромодановскаго"... Преображенская канцелярія не получила, однако, той самостоятельности и силы, какими обладала тайная канцелярія. Вѣдомство кн. Ромодановскаго дѣйствовало въ сильной зависимости отъ верховнаго тайнаго совѣта. Въ 1729 г. Ромодановскій былъ уволенъ по болѣзни въ отставку, и тогда же императоръ Петръ II повелѣлъ преображенской канцеляріи не быть. Политическія дѣла „о зломъ умыслѣ противъ персоны его величества или измѣны, о возмущеніи или бунтѣ" переданы были въ вѣдѣніе сената, причемъ штатъ бывшей тайной канцеляріи былъ включенъ въ канцелярію сената. Указомъ 24 марта 1731 г. императрица Анна повелѣла всѣ „важныя дѣла", стекавшіяся въ сенатъ, „вѣдать г. генералу нашему Ушакову", „понеже отъ правленія оныхъ дѣлъ въ сенатѣ и прочихъ государственныхъ дѣлахъ имѣется немалое помѣшательство"... Такъ возникла снова послѣ пятилѣтняго перерыва тайная канцелярія, и во главѣ ея сталъ тотъ же А. И. Ушаковъ, который былъ дѣятельнѣйшимъ „министромъ" петровской тайной канцеляріи.

„Эта вторая канцелярія уже опредѣленно явилась какъ прочно и высоко стоящее учрежденіе, постоянно дѣйствующее для удовлетворенія ясно сознанной потребности государственнаго строя того времени", одной изъ характерныхъ чертъ котораго было шаткое и непрочное положеніе на престолѣ русскихъ монарховъ первой половины XVIII-го вѣка. Дворцовые перевороты, заговоры, насильственныя сверженія съ престола, возникавшіе на почвѣ неопре-

дѣленности престолонаслѣдія, создавали очень тревожную обстановку въ правительствѣ и заставляли его организовать и поддерживать особо довѣренное учрежденіе, задачей котораго было слѣдить, пресѣкать, страшными наказаніями преслѣдовать всякое движеніе, личное или общественное, направлявшееся противъ государя и олицетворяемаго имъ порядка. На этой почвѣ создавался и тотъ усиленный интересъ, который представители верховной власти первой половины XVIII-го вѣка проявляли къ дѣламъ тайной канцеляріи, и высокое положеніе самой канцеляріи въ кругу правительственныхъ учрежденій.

Тайная канцелярія была уничтожена манифестомъ императора Петра III отъ 21 февраля 1762 г. Манифестъ гласилъ, что „тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда“ и „ненавистное израженіе, а именно слово и дѣло, не долженствуетъ отнынѣ значить ничего“. Существованіе ея вызвали, какъ объясняетъ манифестъ, „тогдашнихъ временъ (т.-е. временъ Петра I) обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы“, теперь все это измѣнилось—и обстоятельства иныя и нравы смягчились, а межъ тѣмъ тайная канцелярія породила въ народѣ зло горшее: существованіемъ ея „злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать въ даль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей“, а потому уничтоженіе тайной канцеляріи имѣетъ цѣлью „не токмо неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь путь къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы“. Но такъ какъ уничтоженіе канцеляріи, вѣдавшей политическія дѣла, разумѣется, не могло уничтожить возможности возникновенія самыхъ дѣлъ, то такія дѣла передавались въ вѣдѣніе сената, которому предписывалось „кротостью изслѣдованія, а не кровопролитіемъ, толико ненавистнымъ нашему человѣколюбію, прямую истину раздѣлять отъ клеветы и коварства“. Подданнымъ попрежнему вмѣнялось, однако, въ обязанность доносить, буде узнаютъ что объ измѣнныхъ дѣлахъ, бунтахъ и злоумышленіяхъ противъ персоны Е. И. В.; „за спра-

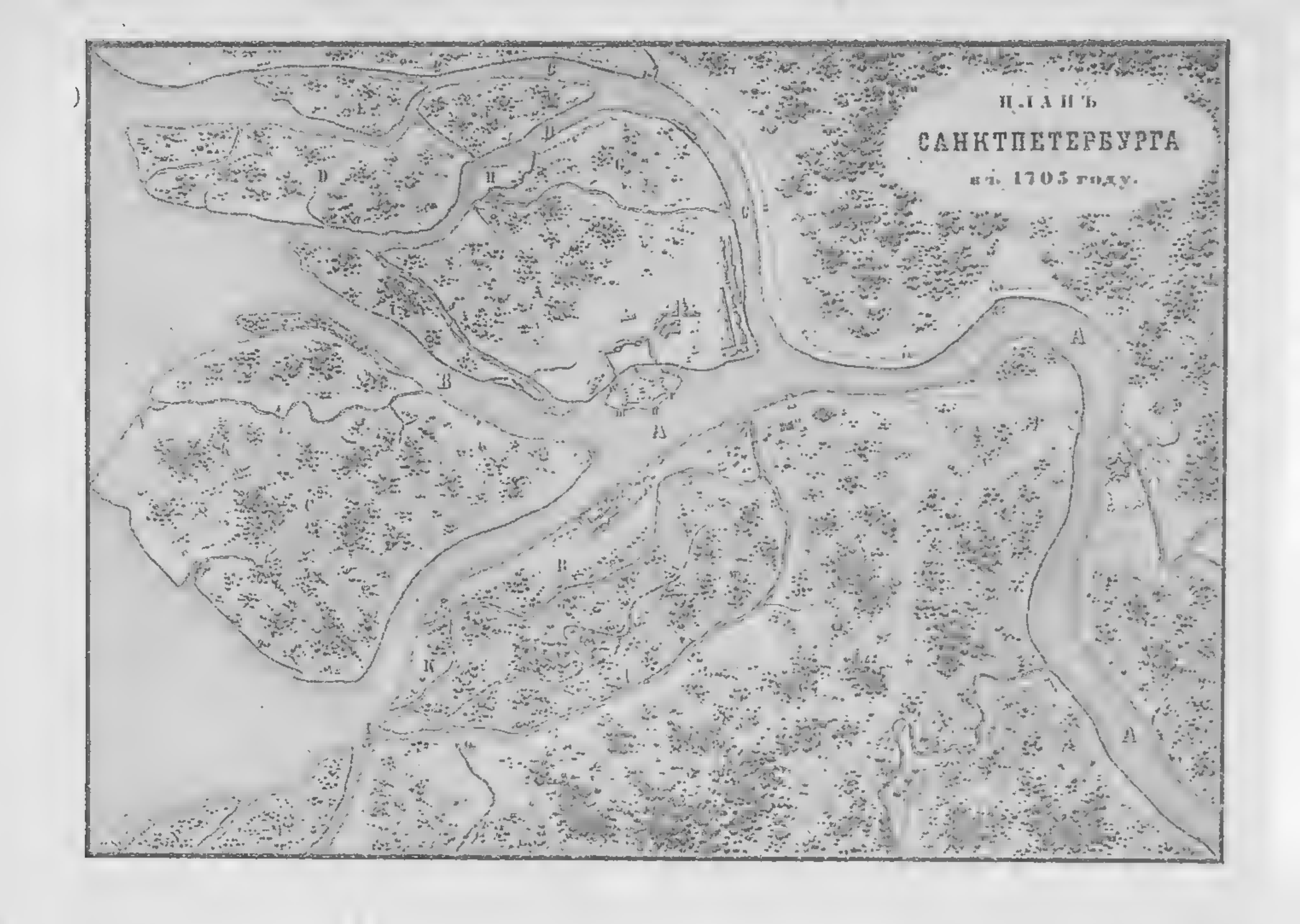
А. И. Ушаковъ. 1670—1747.

ведливый доносъ,—обѣщалъ манифестъ,—всегда будетъ учинено, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе“.

Такимъ образомъ при сенатѣ возникла особая тайная экспедиція для разслѣдованія политическихъ дѣлъ. Въ составъ ея вошли всѣ чины бывшей тайной канцеляріи, съ тогдашнимъ начальникомъ ея С. Шешковскимъ во главѣ. Дѣятелямъ этой экспедиціи дана была новая инструкція, опредѣлявшая новыя формы и пріемы сыска; эти новыя формы ограничивали пытку и „кровопролитіе“, но и только. Страшный таинственный характеръ дѣятельности, шпіонство, доносы — все это экспедиція полностью унаслѣдовала отъ тайной канцеляріи вмѣстѣ со всѣмъ ея штатомъ, и С. Шешковскій, начальникъ тайной экспедиціи, оставилъ своей дѣятельностью во второй половинѣ XVIII-го вѣка по себѣ столь же мрачную память, какъ и знаменитый глава тайной канцеляріи А. И. Ушаковъ въ эпоху ближайшихъ наслѣдниковъ Петра Великаго. „Кнутобойничать“, по мѣткому выраженію Потемкина, Шешковскому приходилось не менѣе Ушакова, и онъ исполнялъ это столь же рачительно. Тайная канцелярія, такимъ образомъ, вовсе не была уничтожена указомъ 1762 года, а только получила новое названіе, была поставлена подъ вѣдѣніе сената и кое-что утратила, сравнительно съ тайной канцеляріей, въ степени своего положенія въ кругу другихъ государственныхъ учрежденій. Различіе отъ тайной канцеляріи заключалось въ томъ, что экспедиція не вѣдала уничтоженнаго „слова и дѣла“, т.-е. потеряла возможность явно насаждать клевету, шпіонство и доносы въ обществѣ; эта развращавшая народъ сторона дѣятельности тайной канцеляріи не имѣла столь широкаго примѣненія въ дѣятельности обновленнаго учрежденія по политическому сыску. „Сферой дѣятельности канцеляріи было—доносъ и безпощадное напряженное „слѣдованіе“ по всякимъ пустякамъ, въ которыхъ мерещилась „важность“; сфера дѣятельности экспедиціи—только дѣйствительно совершенныя государственныя преступленія, достаточно опредѣленныя“.

Тайная экспедиція просуществовала до временъ императора Александра I-го. Замѣнившія ее въ XIX в. новыя учрежденія, вѣдавшія политическія преступленія, имѣли иной характеръ и формы проявленія своей дѣятельности, соотвѣтственно измѣнившейся культурной обстановкѣ и инымъ задачамъ государственной и правительственной дѣятельности.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVII и XVIII; *И. Т. Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго; *Н. Устряловъ*, Исторія Петра Великаго, т. VI; *Н. И. Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. II; *М. П. Погодинъ*, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ; *Его же*, Царевичъ Алексѣй Петровичъ, съ приложеніемъ документовъ, найденныхъ *Г. Есиповымъ; М. И. Семевскій*, Слово и дѣло; *Г. Есиповъ*, Раскольничьи дѣла XVIII-го вѣка; *В. И. Веретенниковъ*, Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени; *Его же*, Изъ исторіи тайной канцеляріи 1731—1762 г.; и др. статьи и изслѣдованія.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.

Устья Невы, гдѣ возникъ Петербургъ, съ незапамятныхъ временъ принадлежали Новгороду Великому, составляя Спасскій погостъ Водьской пятины. На островѣ Котлинѣ новгородцы держали „стражу морскую“, встрѣчая здѣсь нѣмецкіе корабли; по Невѣ, мимо Васильевскаго острова, носившаго это названіе еще въ XV в., и Ѳомина острова—нынѣшняя Петербургская сторона, новгородскіе лоцманы водили „нѣмецкихъ гостей“ черезъ невскіе пороги до Орѣшка, а тамъ по Ладогѣ до устьевъ Волхова. Въ XIII и въ XIV вв. эта область становится театромъ постоянныхъ столкновеній Новгорода и Швеціи, которая, утвердившись въ Финляндіи, рѣшила овладѣть теченіемъ Невы. Одна изъ первыхъ попытокъ шведовъ проникнуть Невой въ новгородскія владѣнія была отбита 15-го іюля 1240 г. новгородцами подъ предводительствомъ князя Александра Ярославича, нанесшаго шведамъ сильное пораженіе на берегахъ Невы, при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры; за эту побѣду князь Александръ получилъ прозваніе Невскаго. Въ 1300 году, разсказываетъ новгородскій лѣтописецъ, „придоша изъ-за моря свѣи (шведы), приведоша мастеры... поставиша городъ надъ Невою на устьѣ Охты-рѣки и утвердиша твердостію несказанною... нарекоша его „Вѣнецъ земли“ (Landskrona). Въ слѣдующемъ году новгородцы взяли Ландскрону приступомъ. Въ XV вѣкѣ край этотъ, по присоединеніи къ Москвѣ новгородскихъ вла-

деній, считался за Москвой; изъ-за обладанія имъ Москвѣ приходилось вести войны со Швеціей. Столкновенія конца XVI-го вѣка и событія Смутнаго времени дали верхъ Швеціи.

По Столбовскому миру (1616 г.) устье Невы и все ея теченіе отошли къ Швеціи, и эта часть Водьской пятины Новгородской земли превратилась въ шведскую провинцію Ингерманландію. Потеря этого края больно почувствовалась въ Москвѣ, гдѣ со временъ Ивана Грознаго лелѣяли мечту утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, въ цѣляхъ имѣть лучшій, удобный и выгоднѣйшій путь въ Европу.

Населеніе Ингерманландіи было смѣшанное—русско-финское. Извѣстныя еще въ XV в. русскія села по Невѣ продолжали существовать и подъ шведскимъ владычествомъ; это были село Спасское, около нынѣшняго Смольнаго монастыря, деревни Сябрина, Первушина или Кононова мыза у нынѣшняго Лѣтняго сада; на островахъ Васильевскомъ и Ѳоминѣ было тоже нѣсколько русскихъ и финскихъ поселковъ; первый островъ по-фински назывался Хирви-саари, второй — Койву-саари, т.-е. Березовый островъ, Крестовскій—Ристи-саари; на мѣстѣ нынѣшней Александро-Невской лавры находилась деревня въ 4 двора Вахрово-Федорково. Окрестности Петербурга отъ Парголова къ сѣверо - востоку и отъ Пулкова, по рѣкамъ Ижорѣ и Славянкѣ, были заселены довольно густо еще въ новгородское время. По писцовымъ книгамъ 1500 года видно, что на землѣ, занимаемой теперь Петербургомъ, стояло 21 селеніе покрупнѣе и 37 мелкихъ—въ одинъ-два двора. Утвердившись въ этомъ краѣ, шведы поставили при устьѣ рѣки Охты городъ и крѣпость—Ніеншанцъ. Къ концу XVII вѣка Ніеншанцъ былъ уже цвѣтущій торговый городокъ: къ нему приходило въ годъ до 108 судовъ изъ-за границы. Мызъ и деревень вокругъ насчитывали болѣе сорока.

„Не одинъ Любекъ,—говоритъ исторіографъ Миллеръ,—но и Амстердамъ началъ съ Шанцъ-теръ-Ніенъ торги имѣть. Водный путь оттуда до Новагорода весьма тому способствовалъ. Словомъ: по малу и россійское купечество въ Ніеншанцъ вошло, и привело сіе мѣсто въ такую славу, что въ послѣдніе годы одинъ тамошній купецъ, прозваніемъ Фриціусъ, шведскому королю Карлу XII, въ началѣ войны съ государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, могъ взаймы давать немалыя суммы денегъ, за что послѣ пожалованъ былъ дворянствомъ“.

Еще въ 1713 году подъ Петербургомъ и въ самомъ Петербургѣ были замѣтны борозды покинутыхъ полей. Такимъ образомъ, несмотря на измѣнчивый климатъ и почву, холодную и болотистую, здѣсь люди жили и занимались хлѣбопашествомъ.

Не только мѣстность самого города, но и окрестности его были низки и болотисты; пролегала сюда одна только дорога, которая неподалеку отъ Петербурга развѣтвлялась на двѣ. На старинныхъ планахъ дорога эта обозначена въ направленіи Лиговскаго, теперь засыпаннаго, канала. Весною и осенью по сторонамъ этой дороги,

какъ разсказываютъ, лежали трупы лошадей, павшихъ въ упряжи между трясинами.

Страшныя наводненія повторялись постоянно, и потому жители здѣшнихъ мызъ и деревень никогда не строили прочныхъ жилищъ, а легкія хижины. Какъ только, по примѣтамъ, ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски связывали въ плоты и привязывали ихъ къ деревьямъ, сами же уходили на Дудорову гору.

Шведы держали въ своихъ рукахъ область теченія Невы, владѣя двумя крѣпостями: Нотебургомъ—при началѣ теченія Невы изъ Ладожскаго озера, и Ніеншанцемъ—въ устьѣ Охты.

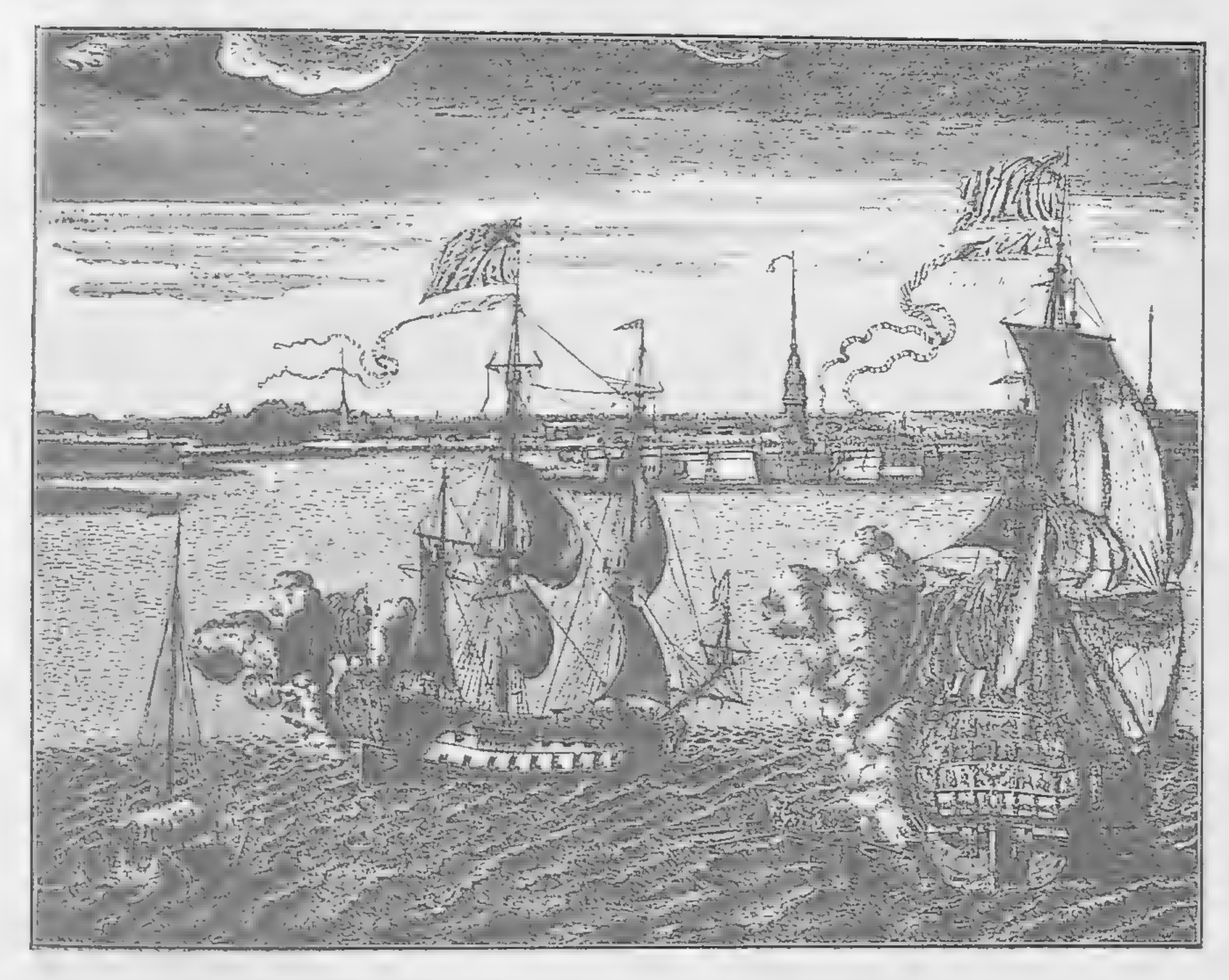
Въ 1701 г., собирая у приладожскихъ жителей свѣдѣнія о теченіи Невы и о шведахъ, Петръ получилъ такое описаніе мѣст-

Prospect von Petersburg und Retusari
A. Petersburg. B. Nyen wo es gestande C. Retusar die Insul D. Die Schwedische Flotte . E. Cronschantz

ности, данное семью купцами-ладожанами, которыхъ онъ разспрашивалъ, провѣряя показанія карты. Смотря на показанный чертежъ, семь человѣкъ ладожанъ говорили: „Отъ устья Волхова до города Орѣшка слишкомъ 120 верстъ; путь въ добрую погоду свободенъ, а въ вѣтры чрезвычайно труденъ: суда разбиваются о берега и камни, потому что мели отъ береговъ версты по двѣ и по три, а въ иныя погоды уносятъ въ озеро, къ Олонцу“. Изъ дальнѣйшихъ показаній выяснилось, что путь и по озеру и берегомъ чрезвычайно труденъ: на озерѣ мели и камни, а берегъ—дремучій лѣсъ и болото; выходъ изъ озера запиралъ Нотебургъ, или по-русски Орѣшекъ: „И невскимъ устьемъ съ правой стороны мимо Орѣшка подлѣ самой стѣны и башни суда ходятъ въ 10 саженяхъ; къ берегу податься нельзя отъ мелей“. Дальше по Невѣ надо плыть со „знатцами“, т.-е. лоцманами, такъ какъ по пути пороговъ 4 версты, да и такъ камни попадаются.

Отъ Канецъ, т.-е. отъ Ніеншанца, „до невскаго нижняго

устья, до моря, 7 верстъ, и ходъ судамъ свободный. По невскимъ берегамъ отъ Орѣшка до Канецъ лѣса большіе и малые. Подъ Канцами, между Невою и Охтою, гдѣ стать, земля сухая, песочная: шанцы копать и валъ валить можно. Канцы стоятъ на устьѣ Охты; городъ земляной, валъ старый, башенъ нѣтъ; за валомъ деревянныя рогатки и ровъ; изо рва къ валу палисады сосновые, городъ (крѣпость) небольшой, земли въ немъ всего съ десятину: величиной, по примѣру, съ каменную Ладогу. Охта течетъ изъ болотъ; впадаетъ въ Неву ниже города, близко стѣны; рѣка глубокая, ходятъ по ней шкуны большія и корабли съ половиною груза. По-

Видъ отъ Петропавловской крѣпости на Адмиралтейскую сторону.

садъ Канецкій стоитъ противъ города за Охтою; черезъ Охту сдѣланъ мостъ подъемный. Въ посадѣ всѣхъ дворовъ 400. Вверхъ по Охтѣ, съ полверсты, амбары большіе торговыхъ людей и королевскіе, около 100, съ хлѣбомъ и другими припасами. Пушекъ въ Канцахъ много. Въ городѣ (въ самой крѣпости) только одинъ воеводскій домъ, да солдатскихъ дворовъ съ десятокъ. На посадѣ (внѣ крѣпости) каменныхъ палатъ нѣтъ, всѣ деревянныя. Отъ Невы до Канецъ, саженъ за 300, зачатъ валъ земляной къ Охтѣ, но не додѣланъ“.

Овладѣвъ въ 1702 году Орѣшкомъ, или по-шведски Нотебургомъ, и переименовавъ его въ Шлиссельбургъ, т.-е. Ключъ-городъ,

Петръ въ апрѣлѣ 1703 г. осадилъ Ніеншанцъ. 1 мая 1703 г. Ніеншанцъ сдался фельдмаршалу Шереметеву. Шведамъ между тѣмъ шли на помощь ихъ корабли. 2-го мая два корабля вошли въ Неву и дали знать о своемъ приходѣ двумя выстрѣлами. Съ крѣпости русскіе командиры велѣли отвѣтить тоже двумя выстрѣлами. Шведы, не подозрѣвавшіе, что крѣпость уже взята, послали къ берегу ботъ за лоцманами. Часть посланныхъ была схвачена русскими, а другая успѣла спастись. 6-го мая царь съ солдатами Преображенскаго и Семеновскаго полковъ на тридцати лодкахъ окружилъ противъ деревни Калинкиной шведскіе корабли и послѣ короткаго, но жестокаго боя овладѣлъ ими и торжественно привелъ плѣнниковъ къ крѣпости. Затѣмъ „господинъ капитанъ бомбардирской, т.-е. самъ царь, — какъ гласитъ современная запись,—изволилъ осматривать близъ къ морю удобное мѣсто для зданія новой фортеціи и потомъ въ скоромъ времени изволилъ обыскать единый островъ, зѣло удобный положеніемъ мѣста, на которомъ вскорѣ, а именно мая въ 16 день, въ недѣлю пятьдесятницы фортецію заложили и нарекли имя оной Санктъ-Петербурхъ“... Крѣпость начали строить на островѣ Янни-саари, по-русски Заячій, который Петръ назвалъ Люстъ-Эйландъ, т.-е. Веселый островъ. Опасаясь нападенія шведовъ, Петръ очень заботился о сооруженіи крѣпости, шесть болверковъ или бастіоновъ которой, пока еще изъ дерева и земли, были возведены менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ. Постепенно земляныя укрѣпленія были замѣнены постоянными, гранитными.

Для постройки крѣпости приказано было собрать каменщиковъ и плотниковъ со всей Новгородской области; строили ее и солдаты, и осужденные преступники. Одновременно съ укрѣпленіями въ крѣпости начали воздвигать церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Церковь построили довольно скоро—черезъ десять мѣсяцевъ послѣ начала постройки; была она деревянная, выкрашенная желтой краской, небольшая, но довольно красивая, судя по отзывамъ иностранцевъ. На высокой колокольнѣ съ острымъ шпилемъ висѣли нѣсколько колоколовъ, и нарочно приставленный мастеръ каждый часъ вызванивалъ музыкальную прелюдію, а потомъ ударялъ въ колоколъ столько разъ, сколько по часу слѣдовало. Подлѣ этой православной церкви въ 1704 г. поставили лютеранскую св. Анны. Пересѣкая крѣпость отъ востока къ западу, черезъ весь островъ былъ прорытъ каналъ, теперь засыпанный, для снабженія гарнизона водой. По берегамъ его находились дома коменданта, офицеровъ, цейхгаузъ или арсеналъ, провіантскіе магазины, казармы. На Государевомъ бастіонѣ, выходящемъ на Неву, на высокомъ флагштокѣ развѣвался въ будни крѣпостной флагъ, а по праздникамъ морской штандартъ—желтый флагъ съ двуглавымъ орломъ, держащимъ въ лапахъ и клювахъ карты четырехъ подвластныхъ Россіи морей: Балтійскаго, Бѣлаго, Каспійскаго и Азовскаго.

Первую мысль о постройкѣ крѣпости въ завоеванномъ краѣ

послѣ взятія Ніеншанца подалъ, какъ говорятъ, генералъ-адмиралъ Ѳ. А. Головинъ; по его мысли, новая крѣпость и укрѣпленный лагерь при ней съ корабельною гаванью, держа въ рукахъ все теченіе Невы, должны были прервать сообщеніе между Финляндіей и Лифляндіей; по мнѣнію Головина, устроивъ здѣсь склады воинскихъ припасовъ и содержа большія военныя силы, можно было бы направлять ихъ отсюда въ обѣ стороны противъ шведовъ.

Петръ понялъ практичность соображеній Головина и началъ строить Петербургъ, какъ крѣпость; постройка шла въ непріятельской странѣ, въ которой хотя и стали твердой ногой послѣ взятія Нотебурга и Ніеншанца, но увѣренности въ окончательномъ покореніи ея тогда еще, конечно, не могло быть. На рѣкѣ Сестрѣ, около нынѣшняго Сестрорѣцка, стоялъ значительный отрядъ шведскаго войска подъ начальствомъ Кронгіорта, а въ заливѣ крейсировала сильная шведская эскадра адмирала Нуммерса. Если русское войско и могло еще грозить Кронгіорту, то передъ шведскимъ флотомъ Петръ былъ пока еще безсиленъ по недостатку судовъ. Для защиты отъ шведовъ онъ поставилъ сильную батарею на Васильевскомъ островѣ, гдѣ теперь биржа, а самъ пошелъ на Кронгіорта и принудилъ его отойти въ Выборгу. Постройка Кроншлота на островѣ Котлинѣ, произведенная зимой, оградила Петербургъ отъ неожиданнаго нападенія съ моря. Тогда только появилась нѣкоторая увѣренность въ возможности удержать за собой Неву, и постройка города пошла нѣсколько живѣе. Но все-таки городъ былъ сначала очень легкой постройки; всѣ дома и склады были

Домикъ Петра Великаго въ С.-Петербургѣ.

сколочены наспѣхъ—изъ теса и тонкихъ бревенъ; улицъ не мостили, несмотря на топкую, болотистую почву; вообще первое время все въ новомъ городѣ и крѣпости основывалось и строилось очень несолидно, точно съ расчетомъ оставить это мѣсто, въ случаѣ нужды, безъ особыхъ убытковъ. Такимъ наскоро и временно воздвигнутымъ городомъ Петербургъ и былъ до 1709 г. Да въ это время было, дѣйствительно, не до построекъ. Шведы не такъ-то легко уступали. Оттѣсненный въ 1703 г. къ Выборгу, Кронгіортъ передалъ командованіе болѣе энергичному Майделю, который въ 1704 г. снова подступилъ къ Ніеншанцу, хотя къ зимѣ отступилъ.

Зимой 1705 г. Майдель думалъ по льду овладѣть Кроншлотомъ, но потерпѣлъ неудачу. Весной 1705 года шведская эскадра снова

Видъ Подзорнаго дворца и бывшаго Прядильнаго двора въ устьѣ р. Фонтанки.

атаковала Кроншлотъ, а сухопутное войско съ тѣмъ же Майделемъ во главѣ появилось на Аптекарскомъ островѣ, но было отбито нашими батареями съ Каменнаго острова. „Оберъ-комендантъ петербургскій, Романъ Брюсъ,—записано въ журналѣ Петра Великаго,—собрався съ полками, имѣлъ не малый бой и онаго непріятеля съ того острова сбилъ“, шведы отступили „съ поспѣшеніемъ“ на Выборгскую сторону и думали отсюда сдѣлать поискъ на Шлиссельбургъ; подъ Шлиссельбургомъ шведы три раза штурмовали одно укрѣпленіе, но должны были отступить и ушли подъ Выборгъ. Послѣ этого до 1708 года они не безпокоили Петербурга, хотя флотъ ихъ постоянно крейсировалъ въ заливѣ, не подходя, однако, къ Кроншлоту. Въ августѣ 1708 года шведскій генералъ Любекеръ переправился черезъ Неву около Тосны, т.-е. совсѣмъ

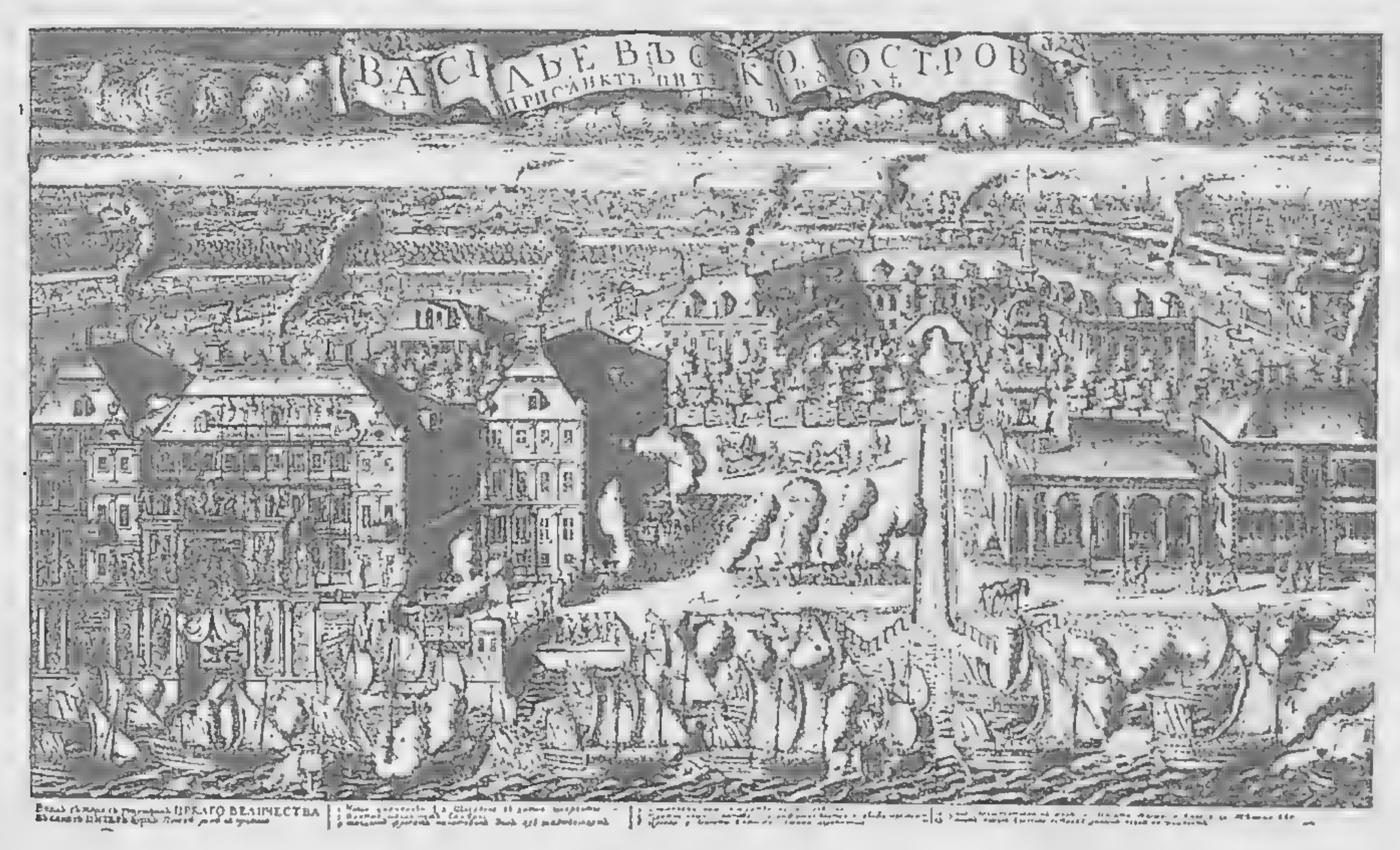
вблизи отъ Петербурга, обманувъ бдительность генералъ-адмирала Ѳ. М. Апраксина, ждавшаго переправы шведовъ въ устьѣ Мойки, противъ мѣстности Островки, т.-е. ближе къ Шлиссельбургу. Но Любекеръ, ставъ между арміей Апраксина и Петербургомъ, не осмѣлился итти прямо на Петербургъ, углубился въ разоренный край, терпѣлъ тамъ большую нужду и скоро отступилъ къ Копорью, гдѣ его изголодавшійся отрядъ принялъ на свои корабли шведскій адмиралъ. Разсказываютъ, что если бы Любекеръ „сознавалъ лучше свой долгъ и пользовался временемъ, то могъ бы не только цѣлый городъ превратить въ пепелъ, но и разгромить, если не уничтожить окончательно, всю крѣпость“, далеко еще не законченную въ ея укрѣпленіяхъ.

Но вотъ грянулъ Полтавскій бой. Шведская армія была уничтожена. Теперь ясно стало, кто сильнѣе, и можно было не безпокоиться за вновь завоеванныя области: теперь-то онѣ уже останутся въ обладаніи Россіи. „Нынѣ, съ помощью Божіею, уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ“, — писалъ Петръ адмиралу Ѳ. М. Апраксину, извѣщая его о Полтавской викторіи.

Съ 1710 г. камень сталъ подводиться и подъ всѣ постройки въ новомъ городѣ, временныя земляныя укрѣпленія стали замѣняться каменными, стали разводить сады и приказывать строить дома крѣпче и красивѣе. Работа по постройкѣ города была двинута полнымъ ходомъ; царь былъ очень доволенъ и изъ Петербурга въ началѣ 1710 г. звалъ Меншикова скорѣе навѣстить „парадизъ“: „сіе мѣсто,—писалъ царь,—истинно какъ изрядной младенецъ что день преимуществуетъ“... Петръ рѣшилъ, что новый городъ будетъ его столицей. Въ 1710 г. въ Петербургъ пріѣхала гостить семья царя; съ 1712 г. она живетъ тамъ постоянно. Въ 1714 г. царь перевелъ сюда изъ Москвы сенатъ и приказалъ построить рядъ домовъ для приказовъ, впослѣдствіи коллегій. Въ память Полтавской баталіи Петръ велѣлъ воздвигнуть церковь во имя св. Самсонія и отдалъ приказъ всѣмъ министрамъ, генераламъ и знатному духовенству строить домы каменные на „святой землѣ“, какъ именовалъ Петербургъ въ своихъ письмахъ къ Петру Меншиковъ.

Врядъ ли многіе были тогда съ нимъ согласны называть такъ невское болото, но повиновались всѣ. Это былъ не легкій подвигъ—переселиться съ насиженныхъ мѣстъ, гдѣ все было свое, родное, прирожденное, въ неизвѣстный болотистый край, о капризномъ климатѣ котораго, наводненіяхъ, туманахъ уже тогда ходили самые неутѣшительные слухи. Одна дорога чего стоила: впослѣдствіи даже иностранные посланники, случалось, тратили болѣе пяти недѣль на путь изъ Москвы въ Петербургъ, по случаю невылазной грязи по дорогамъ, поломки экипажей, отсутствія малѣйшихъ удобствъ, гостиницъ; сутокъ по восьми приходилось иной разъ ждать только лошадей на станціяхъ; въ 1710 году путешествіе было еще затруднительнѣе, но, несмотря на это, всѣ, кому приказано, должны были ѣхать.

За подневольными переселенцами потянулись вольные—купцы и ремесленники, которыхъ привлекала возможность нажить деньгу, найти хорошій заработокъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ теперь такъ много строили и такъ во многомъ нуждались новые обитатели этого города. Подъ Петербургомъ и въ самомъ городѣ возникали заводы и фабрики, нужные при той лихорадочной стройкѣ, какую двигалъ Петръ. Въ кузницахъ готовили якоря, цѣпи, болты и всякія другія желѣзныя вещи, необходимыя для кораблей и домовъ; водяныя лѣсопилки поставляли брусья и тесъ; на кирпичныхъ заводахъ выдѣлывали кровельную черепицу и обожженный кирпичъ; за полмили отъ города была устроена льняно-ткацкая фабрика, въ двухъ миляхъ отъ нея, за Дудергофомъ, работала писчебумажная фабрика, а рядомъ съ нею—образцово устроенная соломорѣзка.

Тріумфальный приводъ взятыхъ 30 мая 1719 г. Сенявинымъ шведскихъ галеръ.

Но добровольныхъ рабочихъ не хватало, не хватало и средствъ на постройки; тогда Петръ указомъ распорядился высылать съ каждой губерніи ежегодно опредѣленное количество людей и собирать опредѣленную сумму денегъ на жалованье рабочимъ и на содержаніе ихъ.

Брауншвейгскій резидентъ Веберъ рисуетъ тяжелую картину жизни рабочихъ и переселенцевъ, строившихъ крѣпость и городъ. Со всѣхъ концовъ Россіи стекались подневольные работники, не привычные къ утомительной земляной работѣ. Притомъ у нихъ не было сначала ни лопатъ, ни заступовъ, ни досокъ, ни тачекъ. При возведеніи первоначальныхъ земляныхъ укрѣпленій нужна была земля, а ея поблизости не находилось. Кругомъ болото, низина, топь, подернутая тиной, моховина зыбкая. Тогда, по сви-

дѣтельству очевидцевъ, стали таскать къ бастіонамъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ или даже просто въ полахъ платья. Потомъ недостатка въ рабочихъ инструментахъ не было, но первое время приходилось трудно.

Не лучше обстояло съ провіантомъ для рабочихъ. Покупать хлѣбъ на мѣстѣ, въ разоренныхъ войною деревняхъ и мызахъ нечего было и думать: какой былъ, весь скупили и съѣли очень скоро, и арміи пришлыхъ рабочихъ пришлось голодать, довольствоваться капустой и рѣпой, почти вовсе не видя хлѣба. Первымъ строителямъ и поселенцамъ Петербурга жилось поэтому и холодно и голодно. При малѣйшемъ замедленіи въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, имъ грозила голодная смерть.

Послѣ прибытія въ Петербургъ на работы, переселенцы оставались иногда первое время безъ пристанища, укрываясь въ шалашахъ и землянкахъ среди болотъ, на сыромъ и зловонномъ воздухѣ. Лихорадки, горячки, цынга свирѣпствовали и косили рабочихъ. Иностранцевъ поражало въ русскомъ простонародьѣ полнѣйшее равнодушіе къ жизни. Когда кто-нибудь изъ рабочихъ дѣлался боленъ, то просто ложился на голую землю, мало заботясь, выздоровѣетъ ли онъ или умретъ, и не принимая никакихъ медицинскихъ пособій. Веберъ разсказываетъ (1718 г.), что если умиралъ крестьянинъ, то его клали гдѣ-нибудь на видное мѣсто и зажигали восковую свѣчу, чтобы вызвать подаяніе сострадательныхъ рабочихъ на погребеніе. Когда набиралось достаточно денегъ, тѣло завертывали въ рогожу, завязывали, какъ мѣшокъ, со всѣхъ сторонъ веревкой, клали на носилки, и двое мужиковъ несли на кладбище. Иногда по дорогѣ нѣсколько разъ опускали тѣло на землю, затепливали восковую свѣчку и снова собирали скудное даяніе...

На работы въ Петербургъ призывались и свободные и подневольные люди. Въ 1705 г. велѣно было отправлять въ Петербургъ для строительныхъ работъ ссыльныхъ и пойманныхъ дезертировъ; въ 1709 г. приказано было выслать въ Петербургъ 40.000 рабочихъ со всей Россіи. Эти рабочіе должны были прибыть на рабочій сезонъ, на шесть мѣсяцевъ, въ двѣ смѣны по 20.000 чел., каждая на три мѣсяца. На каждаго человѣка предлагалось собрать по рублю на мѣсяцъ, т.-е. всего 60.000 р. на три мѣсяца. Самую большую партію—6.075 чел.—должна была выставить Московская губернія, самую меньшую—683 чел.—Кіевская; денегъ для этихъ рабочихъ въ Московской губерніи надо было собрать 18.225 руб. на каждые три мѣсяца, а въ Кіевской—2.049 р. Рабочіе должны были захватить необходимыя орудія и хлѣба на дорогу; десятая часть обязана была привести своихъ лошадей. Шли рабочіе подъ конвоемъ и круговой порукой ручались, что бѣглыхъ въ ихъ партіи не будетъ.

Указомъ 18 августа 1710 г. велѣно было взять на вѣчное житье въ С.-Петербургъ со всѣхъ восьми губерній 4720 чел. ма-

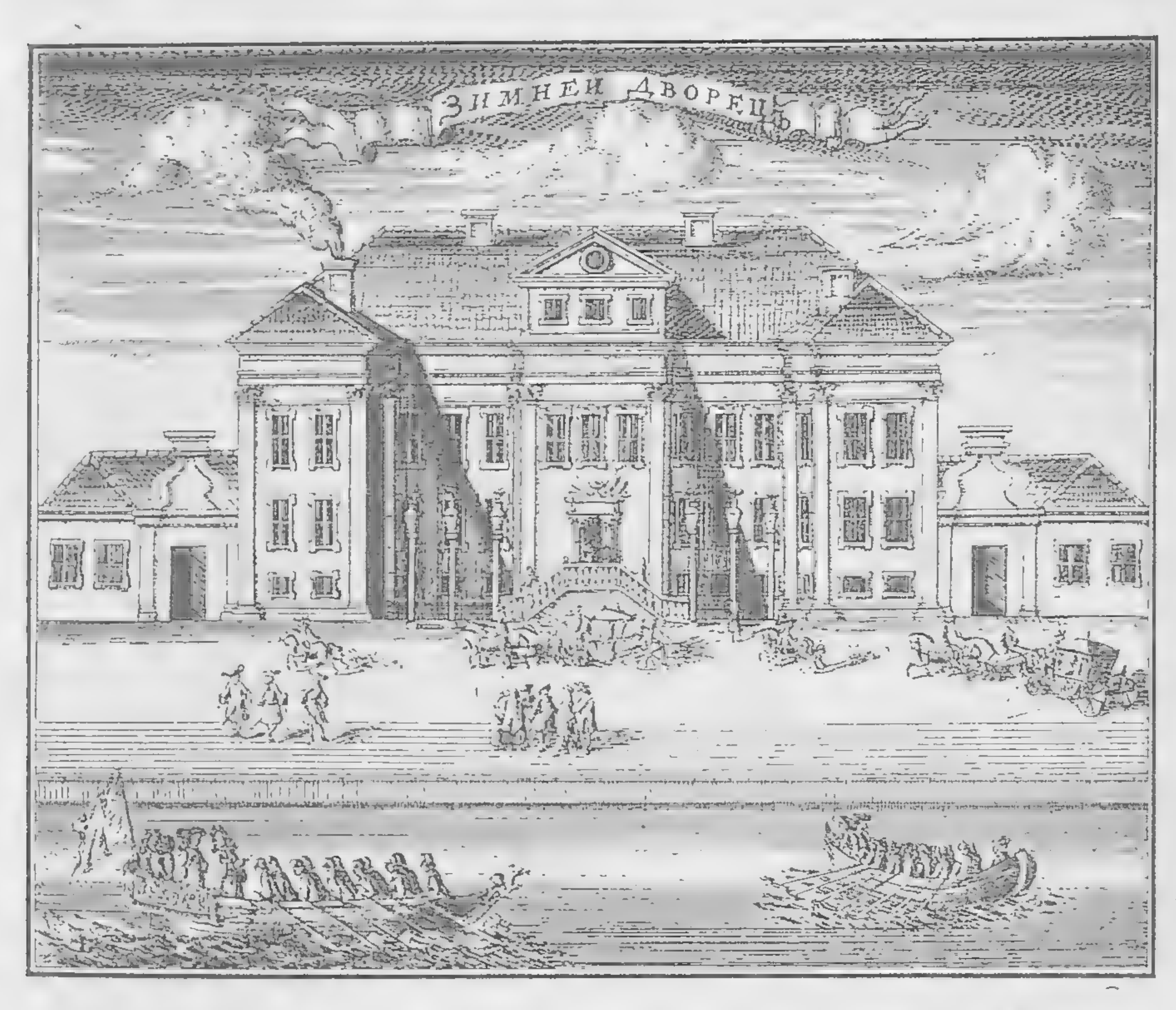
стеровыхъ людей ремесленниковъ съ женами и дѣтьми, „а дворы, гдѣ имъ жить, будутъ готовы“,—обѣщалъ указъ. Жалованья мастеровымъ полагалось дать на первый годъ въ губерніяхъ по 12 р. на годъ да на хлѣбъ по 10 р., „а впредь откуда имъ жалованье давать опредѣлено будетъ“. При отправленіи велѣно было „препоручить ихъ другъ по другѣ круговою порукою, дабы они дорогою идучи не разбѣжались“... Мастеровыхъ назначалось взять самыхъ разнообразныхъ ремеслъ, даже живописцевъ было назначено по одному съ губерніи, но особенно нужны были каменщики, которыхъ тогда было немного въ Россіи; въ 1714 г. Петръ указомъ запретилъ во всемъ государствѣ „всякое каменное строеніе, какого бы имени ни было“, угрожая въ противномъ случаѣ виновнымъ „разореніемъ всего имѣнія и ссылкою“; только въ 1721 г. сенатъ вновь разрѣшилъ достроить начатыя и брошенныя стройкой каменныя церкви.

Строеніе Петербурга было сдѣлано государственной повинностью. На подневольную работу народъ шелъ неохотно, многіе бѣжали и скрывались съ дороги,—тогда велѣно было взыскивать за бѣглецовъ съ тѣхъ, которые шли съ ними.

Обязательная высылка въ Петербургъ подневольныхъ рабочихъ продолжалась до 1718 г., когда комиссаръ кн. А. Черкасскій, завѣдывавшій работами, представилъ царю соображенія о замѣнѣ подневольнаго труда вольнонаемнымъ, черезъ особыхъ подрядчиковъ. Князь Черкасскій писалъ, что подрядчиками работы „исправляются удобнѣе и скорѣе, нежели государственными работниками“... „подрядомъ и наймомъ работы будутъ управляться удобнѣе и скорѣе, нежели нынѣ“... И для государства наемный трудъ выгоднѣе: пойдутъ на работу люди по своей охотѣ, а крестьяне, которыхъ теперь силой гонятъ на работу, „при своихъ домахъ останутся отъ работы крестьянской неотлучны“. Свои соображенія кн. Черкасскій подкрѣплялъ очень любопытными цифрами: „напримѣръ,—писалъ онъ,—къ городовому строенію велѣно было выслать работниковъ въ 1714 году съ 14 дворовъ работникъ, итого 32000 человѣкъ; по указу имъ на дачу жалованья велѣно собрать по 3 рубля на человѣка, итого 96000 рублей. А по сказкамъ 1716 года на работныхъ людей на каждаго человѣка, сверхъ указныхъ денегъ, сбирано со крестьянъ по 8, 7 и 5 рублей; и буде положить въ счетъ самую малую дачу подмоги, то сверхъ указныхъ денегъ со всего государства сойдетъ 160000 р., а съ указными 256000 р. (т.-е. 96000 да 32000×5). Изъ вышеописаннаго числа людей надлежитъ быть кашеваровъ 3200 человѣкъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, бѣглыхъ и умершихъ въ годъ 1000 человѣкъ, иногда и больше; больныхъ въ годъ по 1000 человѣкъ, иногда и больше, и иные, кромѣ бѣглыхъ и умершихъ, денежное и хлѣбное жалованье емлютъ, а подмогу всѣ берутъ, а работы не работаютъ: итого не у работъ 5200 человѣкъ“... На основаніи этихъ соображеній кн. Черкасскаго царь постановилъ въ 1718 г., чтобы въ Петербургъ на работы выслать только тѣхъ рабочихъ, кото-

рые назначены туда на мартовскую четверть, „а впредь ихъ не высылать“...

Кромѣ Петербурга, надо было заселить и обстроить пустынный Котлинъ, гдѣ уже воздвигалась крѣпость Кронштадтъ. Но заставлять мирныхъ людей селиться подъ пушками шведскихъ кораблей было, конечно, нельзя; поэтому Петръ отложилъ это до заключенія мира, а пока предупредилъ указомъ сенату, чтобы было объявлено „шляхетскимъ тысячѣ домамъ, купецкимъ лучшимъ пятистамъ, и среднимъ же пятистамъ, рукомесленнымъ всякихъ

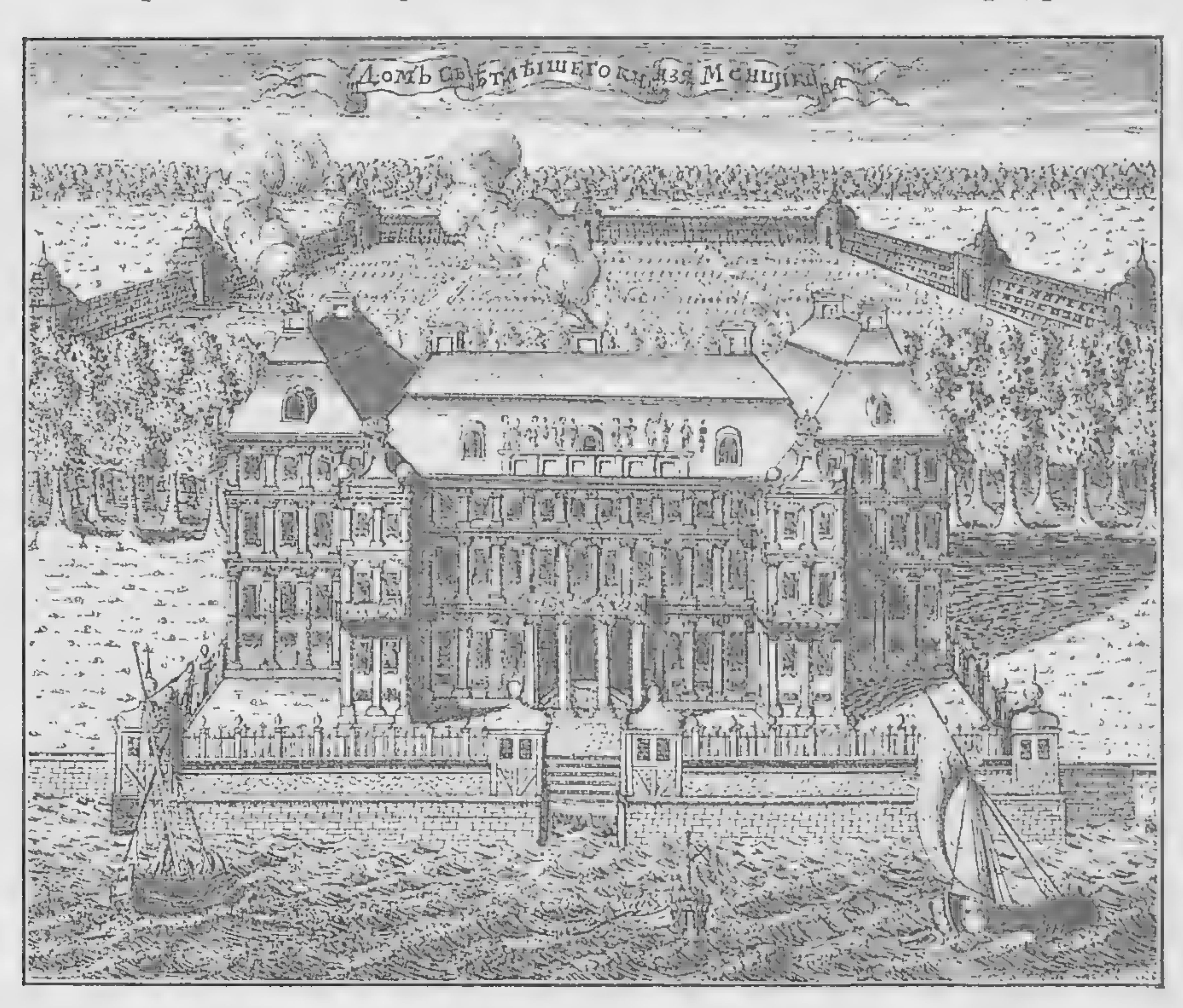
Зимній дворецъ. Съ гравюры петровскихъ временъ.

дѣлъ тысячѣ же домамъ, что имъ жить на Котлинѣ островѣ по окончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы готовые за ихъ деньги, а шляхетству дворы и земли подъ деревни, и кой часъ будетъ, дастъ Богъ, миръ, тотчасъ будутъ переведены; и для того сказываютъ заранѣе, чтобы никто невѣдѣніемъ не отговаривался“.

Такъ же энергично распорядился Петръ и о переселеніи торговыхъ людей въ Петербургъ. Въ 1714 г. онъ приказалъ переселить въ Петербургъ 300 человѣкъ торговыхъ людей изъ московскихъ гостиныхъ сотенъ, и изъ черныхъ слободъ 300 же мастеровыхъ „всѣхъ художествъ“. Затѣмъ было приказано, „вы-

бравъ изъ купеческаго и ремесленнаго сословій первостатейныхъ и среднихъ людей, добрыхъ и прожиточныхъ, выслать ихъ съ женами и дѣтьми въ Петербургъ безсрочно". Однако эти невольные переселенцы мало способствовали торговлѣ на новомъ, незнакомомъ имъ мѣстѣ, при незнакомыхъ условіяхъ, и потому Петръ уже въ 1719 г. распорядился купцовъ, которые еще не высланы, не отправлять, а присланныхъ, которые еще не обзавелись домами и торговлей, отправить изъ Петербурга обратно.

Торговлѣ тоже приказано было начаться въ Петербургѣ.

Дворецъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ.
Съ гравюры петровскихъ временъ.

Въ январѣ 1718 г. былъ объявленъ въ Архангельскѣ указъ, позволявшій торговать тамъ только пенькой, но запрещавшій вывозъ хлѣба, ввозъ шелковыхъ матерій и парчи и повелѣвавшій двѣ трети привезенныхъ товаровъ переправить въ Петербургъ, и лишь треть позволялось распродать на мѣстѣ. Голландскіе купцы пришли въ отчаяніе отъ этого неожиданнаго распоряженія, но надо было повиноваться. Торговый резидентъ ихъ немедленно сообщилъ въ Голландію о состоявшемся распоряженіи и писалъ, что такъ велѣно и по другимъ городамъ, и что „на будущее лѣто будетъ въ Петербургѣ огромное количество русскихъ товаровъ:

уже навезено много пеньки, и города Тверь, Торжокъ и Вышній Волочокъ завалены товарами, которые будутъ привезены въ Петербургъ Ладожскимъ озеромъ, потому что извозчики отказались перевозить ихъ сухимъ путемъ по дороговизнѣ конскихъ кормовъ и дурному состоянію дорогъ".

Торговля въ Петербургѣ зарождалась межъ тѣмъ и сама собой: уже въ ноябрѣ 1703 года, т.-е. въ первый годъ существованія новаго города, въ устье Невы пришелъ первый купеческій корабль изъ Голландіи съ грузомъ вина и соли; это появленіе перваго „купца" Петръ отпраздновалъ, какъ большое торжество; шкипера и матросовъ угощали и чествовали обѣдомъ въ домѣ самого губернатора, князя Меншикова, грузъ корабля былъ купленъ по высокой цѣнѣ правительствомъ; кромѣ того, шкиперу дали въ награду 500 золотыхъ, а каждому матросу по 30 талеровъ. Корабль былъ названъ „С.-Петербургъ" и съ тѣхъ поръ пользовался въ своихъ приходахъ къ петербургскому порту значительными преимуществами передъ другими кораблями. Разсказываютъ, что этотъ корабль еще лѣтъ пятьдесятъ дѣлалъ ежегодные рейсы въ Петербургъ. Корабль этотъ принадлежалъ заандамскимъ купцамъ, братьямъ Кальфамъ, съ которыми царь подружился въ бытность свою въ Заандамѣ. Кальфы, узнавъ, что царь началъ строить приморскую крѣпость, захотѣли доставить ему удовольствіе и снарядили корабль. Второе торговое судно, пришедшее въ Петербургъ, былъ англійскій корабль, шкиперъ котораго получилъ 300 червонцевъ, третій „купецъ" былъ опять голландскій, получившій въ награду 150 червонцевъ. До конца жизни Петръ любилъ привѣтствовать торговыя суда, особенно своихъ пріятелей-голландцевъ, посѣщавшія невскіе берега все чаще и чаще. Сохранились любопытные разсказы о радушномъ, заботливомъ отношеніи Петра къ далекимъ гостямъ.

„Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго ко флоту и къ мореплаванію,—разсказываетъ Нартовъ, любимый токарь Петра,—заставляла его часто въ лѣтнее время, когда проживалъ въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ, и дѣлалъ онъ это почти ежедневно; когда же за какими-либо дѣлами не могъ побывать тамъ, то любовался съ берега на вооруженные корабли.

„Въ одинъ день государь, вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе голландскіе корабли, государынѣ съ восторгомъ говорилъ:

„— Ахъ, Катенька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерство ученика ихъ. Думаю, не похулятъ. Я зѣло имъ благодаренъ.

„Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобы прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привезть къ себѣ, и ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостью. Часу въ десятомъ къ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились прямо къ государю и по-пріятельски ему говорили:

„— Здравствуй, императоръ Питеръ!

„— Добро пожаловать, шкипера!

„— Здорово ли ты живешь?

„— Да, благодарю Бога!

„— Это намъ пріятно. Слушай, императоръ Питеръ: вотъ привезли мы сыру для тебя, это полотно жены наши прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а вотъ эти пряники отдай молодому сыну.

„— Благодарю васъ, шкипера, сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники.

„— Пускай тогда кушаетъ твоя супруга.

„Его величество приказалъ межъ тѣмъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчевалъ. Они пили за здоровье ихъ величествъ.

„— Да здравствуетъ много лѣтъ императоръ Питеръ и императрица супруга его. Слава Богу, мы теперь какъ дома! Есть что попить и поѣсть. Пріѣзжай къ намъ, императоръ Питеръ, мы хорошо тебя угостимъ. Друзья твои хотятъ тебя видѣть; они помнятъ тебя!

„— Вѣрю. Поклонитесь имъ. Я, можетъ-быть, еще ихъ увижу, если здоровье мнѣ позволитъ.

„Далѣе спрашивалъ его величество: сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штормовъ, какіе товары привезли и что намѣрены въ Петербургѣ покупать? И такъ, пробывъ съ ними часа два съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ, снова ихъ въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи:

„— Завтра я вашъ гость!

„Такимъ-то образомъ императоръ обходился съ голландцами и такъ пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, все съ тѣмъ, чтобы установить въ Россіи коммерцію моремъ“.

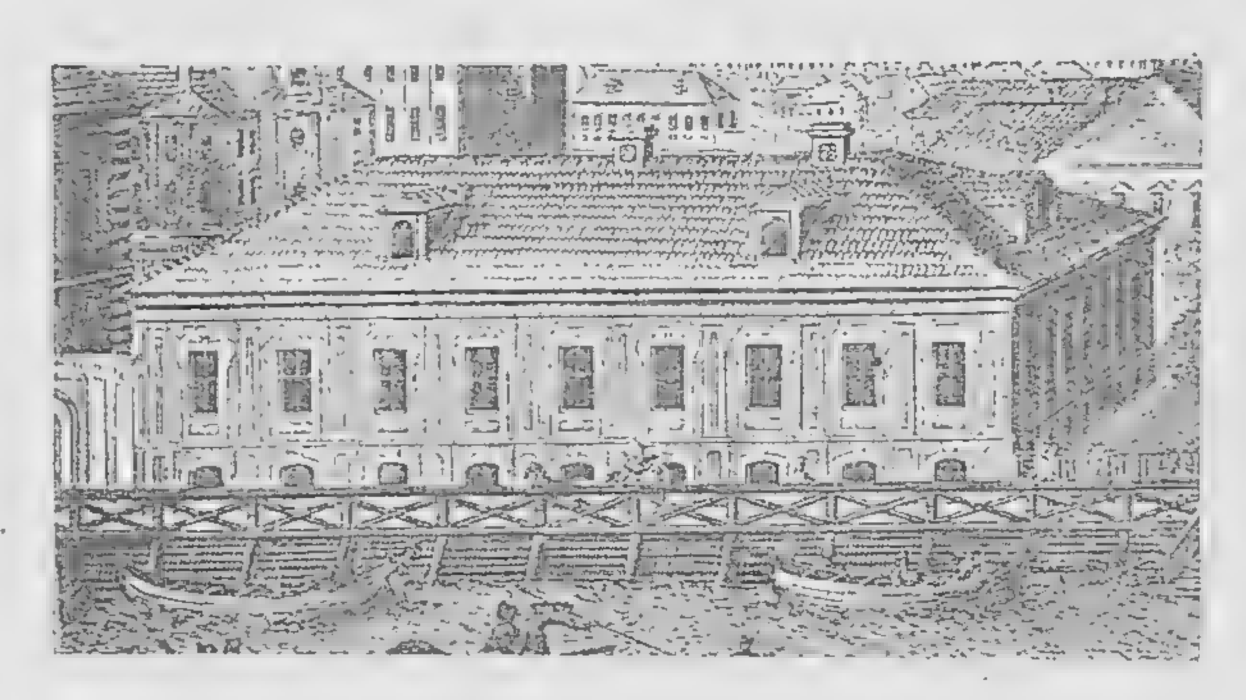
Это „желаніе безмѣрное“ установить коммерцію въ Россіи было у Петра широко и имѣло цѣлью обогатить и возвеличить Россію; ради этой цѣли онъ велъ трудную двадцатилѣтнюю войну, ради этого завелъ флотъ, ради этого самъ ѣздилъ за границу, учился и работалъ, не покладая рукъ, всю жизнь. Онъ хотѣлъ сѣтью очень остроумно расположенныхъ каналовъ связать Балтійское море съ Каспійскимъ и сдѣлать свой Петербургъ посредникомъ въ торговлѣ Западной Европы съ азіатскимъ Востокомъ. „Будучи на строеніи Ладожскаго канала и радуясь успѣшной работѣ, царь, — какъ разсказываетъ тотъ же Нартовъ,—сказалъ строителямъ:

„— Невою видѣли вы изъ Европы ходящія суда, а Волгою нашей (при помощи этого канала) увидятъ въ Петербургѣ торгующихъ азіатцевъ...

„Неутомимый духъ Петра,—говоритъ Нартовъ,—трудился о пользѣ и славѣ отечества и въ самомъ концѣ его жизни, когда уже его величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки. Онъ сочинилъ и написалъ тогда собственною рукою

наказъ Камчатской экспедиціи, которая должна была провѣдывать и отыскивать мореходствомъ, не соединяется ли Азія къ сѣверо-востоку съ Америкою. Я самъ, будучи тогда непрестанно при государѣ, видѣлъ своими глазами, какъ его величество спѣшилъ сочинить наставленіе столь важнаго предпріятія и, какъ будто предчувствуя кончину свою, былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Онъ призвалъ къ себѣ генералъ-адмирала и сказалъ ему:

„— Худое здоровье заставило меня сидѣть дома; я вспомнилъ на этихъ дняхъ то, о чемъ мыслилъ давно и что другія дѣла предпріять мѣшали, т.-е. о дорогѣ чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На этой вотъ морской картѣ проложенный туда путь назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи своемъ при разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что найти этотъ путь возможно. Оградивъ отечество безопасностью отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государства чрезъ искусства и науки“.

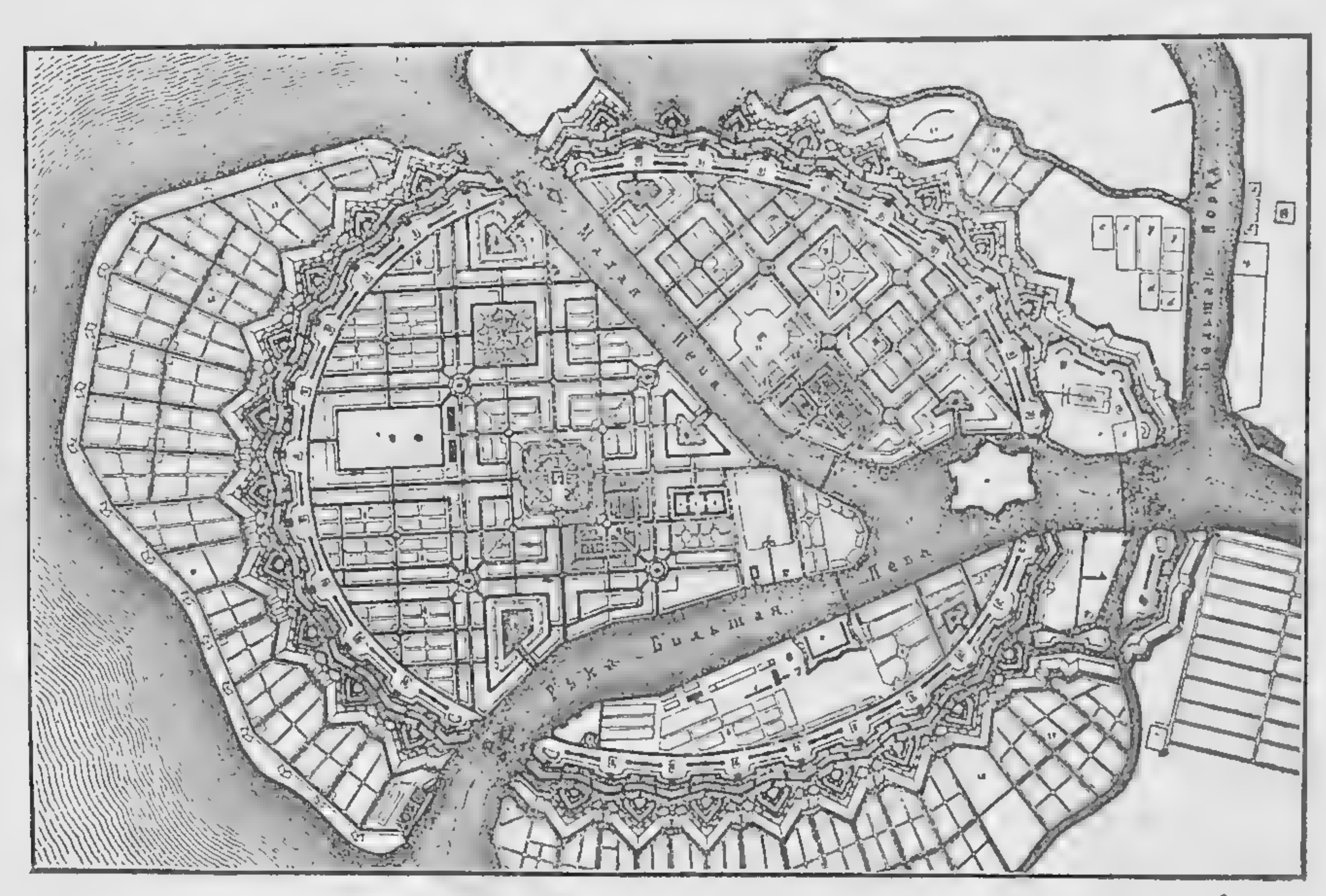

Домъ архитектора Леблона, стоявшій на Невскомъ проспектѣ.

Петербургъ прочно застраивался большими и малыми, каменными и деревянными домами. „Счастливъ былъ тотъ, кому отвели сухое мѣсто; но кому попалось болото и топь, тотъ порядкомъ помучился, пока установилъ фундаментъ и выкорчевалъ лѣсъ, такъ какъ чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ почва низменнѣе и болѣе болотиста; еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около нихъ проѣзжаетъ экипажъ“, — разсказываетъ иностранецъ, посѣтившій Петербургъ въ 1720 году.

Постройки сначала воздвигались безъ общаго плана, такъ что улицы получались кривыя и узкія въ мѣстахъ первыхъ поселеній, какъ, напримѣръ, на Петербургской сторонѣ. Царь долго колебался, гдѣ собственно быть новому городу. Глубина рѣки тамъ, гдѣ построили адмиралтейство, побуждала его сосредоточить все, что касалось флота, на лѣвой сторонѣ рѣки, но низменное положеніе берега здѣсь грозило постоянными наводненіями, и поэтому Петръ распорядился, чтобы шляхетство и гражданство селилось на островѣ, который называется Петербургскимъ и только узкимъ рвомъ отдѣляется отъ крѣпости; здѣсь были выстроены церкви, магазины, зданія для коллегій, биржа; затѣмъ царь рѣшилъ перенести городъ еще выше по рѣкѣ, думалъ одно время все перенести въ Кронштадтъ; останавливался на мысли

сдѣлать центромъ города Васильевскій островъ и вмѣсто улицъ прорыть на немъ каналы, чтобы городъ походилъ на милую его сердцу Голландію; гигантскія плотины должны были защищать этотъ городъ отъ наводненій, а сильныя укрѣпленія—отъ непріятеля; шляхетство и гражданство должны были строиться теперь на Васильевскомъ островѣ, но потомъ мысль о каналахъ была оставлена, и городу, росшему не по днямъ, а по часамъ, предоставлено было располагаться такъ, какъ того требовали естественныя условія жизни. И уже въ Петрово время такимъ центромъ опредѣлился лѣвый берегъ Невы по направленію прямой, широкой „першпективы", проложенной царемъ отъ основанной имъ Александро-Невской лавры до адмиралтейства. Эта першпектива производила величественное впечатлѣніе даже на иностранцевъ,

Генеральный чертежъ С.-Петербурга, сочиненный Леблономъ 8 янв. 1717 г.

видавшихъ виды. Камеръ-юнкеръ голштинскаго посольства Берхгольцъ такъ разсказываетъ о своемъ въѣздѣ на першпективу:

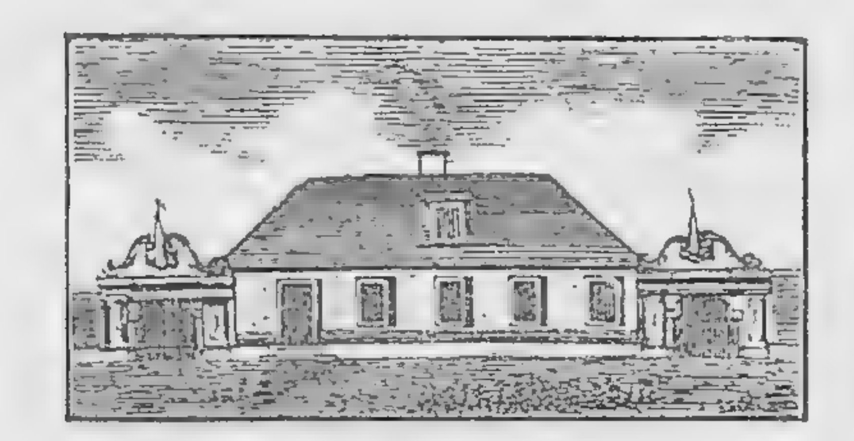
„Около вечера прибыли мы благополучно въ Петербургъ, который со времени моего отъѣзда (около 1710 г.) оттуда такъ измѣнился, что я вовсе не узнавалъ его. Съ самаго начала мы въѣхали въ длинную и широкую аллею, вымощенную камнемъ и, по справедливости, названную проспектомъ, потому что конца ея почти не видно. Она проложена всего нѣсколько лѣтъ назадъ и исключительно руками плѣнныхъ шведовъ. Несмотря на то, что деревья, посаженныя по обѣимъ ея сторонамъ въ три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяженію и чистотѣ, въ которой ее содержатъ (плѣн-

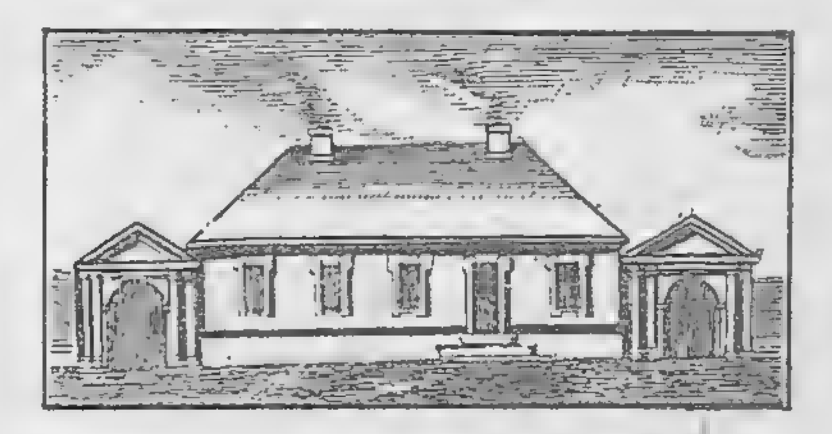
ные шведы должны каждую субботу чистить ее), и дѣлаетъ чудесный видъ, какого я нигдѣ не встрѣчалъ. На Адмиралтействѣ, красивомъ и огромномъ зданіи, устроенъ прекрасный и довольно красивый шпицъ, который выходитъ прямо противъ проспекта.

„Миновавъ эту аллею, я проѣхалъ черезъ подъемный мостъ, по лѣвую сторону котораго стоитъ новая биржа: четыреугольный и также очень красивый домъ. Отсюда я велѣлъ везти себя къ дому, отведенному для его королевскаго высочества. Домъ этотъ находился недалеко отъ царскаго Лѣтняго дворца и возлѣ самаго почтамта *). По пріѣздѣ туда, я тотчасъ отправился въ комнату камеръ-юнкера Геклау, чтобъ узнать, гдѣ конюшня. Оказалось, что она очень плоха, не вычищена, даже еще не совсѣмъ отдѣлана.

„Я немало удивился, когда увидѣлъ на дворѣ савояра съ разными животными; мнѣ и въ голову не приходило, что эти господа могутъ быть и въ Петербургѣ, такъ далеко на сѣверѣ! Спутникъ мой, замѣтивъ мое удивленіе, сказалъ:

„— А вы думали, что савояры водятся только въ Парижѣ?

Типы петербургскихъ домовъ времени Петра Великаго.

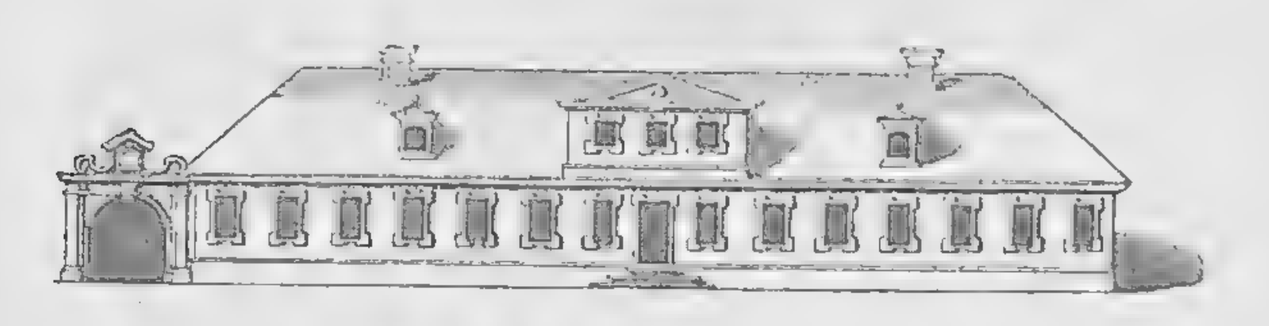
„Чтобы показать мнѣ, что здѣшніе не хуже другихъ, приказалъ онъ выпустить и заставить танцовать сурка, который отлично исполнилъ свое дѣло и заработалъ бѣдняку денегъ на цѣлую недѣлю.

„Спросивъ о своей квартирѣ, я получилъ въ отвѣтъ, что для меня еще не приготовлено никакой, и что я долженъ покамѣстъ прожить гдѣ-нибудь. Это меня очень раздосадовало, тѣмъ болѣе, что извѣстно было давно объ отправленіи меня впередъ, и всѣ квартиры для нашей свиты могли бы быть готовы. Я возвратился къ посланнику, приглашавшему меня къ ужину, и разсказалъ ему о своемъ горѣ.

„Рано утромъ для меня нашли, наконецъ, двѣ маленькія плохія комнатки, въ которыхъ жилъ недавно переселившійся въ Пе-

*) Петербургскій почтамтъ, или *почтовый дворъ* (деревянный), былъ выстроенъ въ 1714 году и находился на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца (начатато въ 1768 г.). Царскій Лѣтній дворецъ, о которомъ говоритъ здѣсь Берхгольцъ, былъ каменный и стоялъ на берегу Невы и Фонтанки, у Лѣтняго сада. Невскій проспектъ доходилъ тогда только до Аничкина моста. Далѣе за Фонтанкой была слобода.

тербургъ нѣмецъ, пряничникъ, съ женою француженкою. Хотя мнѣ было крайне непріятно вытѣснять этихъ бѣдныхъ людей изъ только-что нанятыхъ ими комнатъ, тѣмъ болѣе, что они заплатили за нихъ впередъ и слѣдовательно имѣли полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны въ одной, однакоже я принужденъ былъ къ нимъ переѣхать. Имъ объявили, чтобы къ вечеру двѣ комнаты были очищены, что они и исполнили".

Чертежъ дома для Петербурга петровскихъ временъ

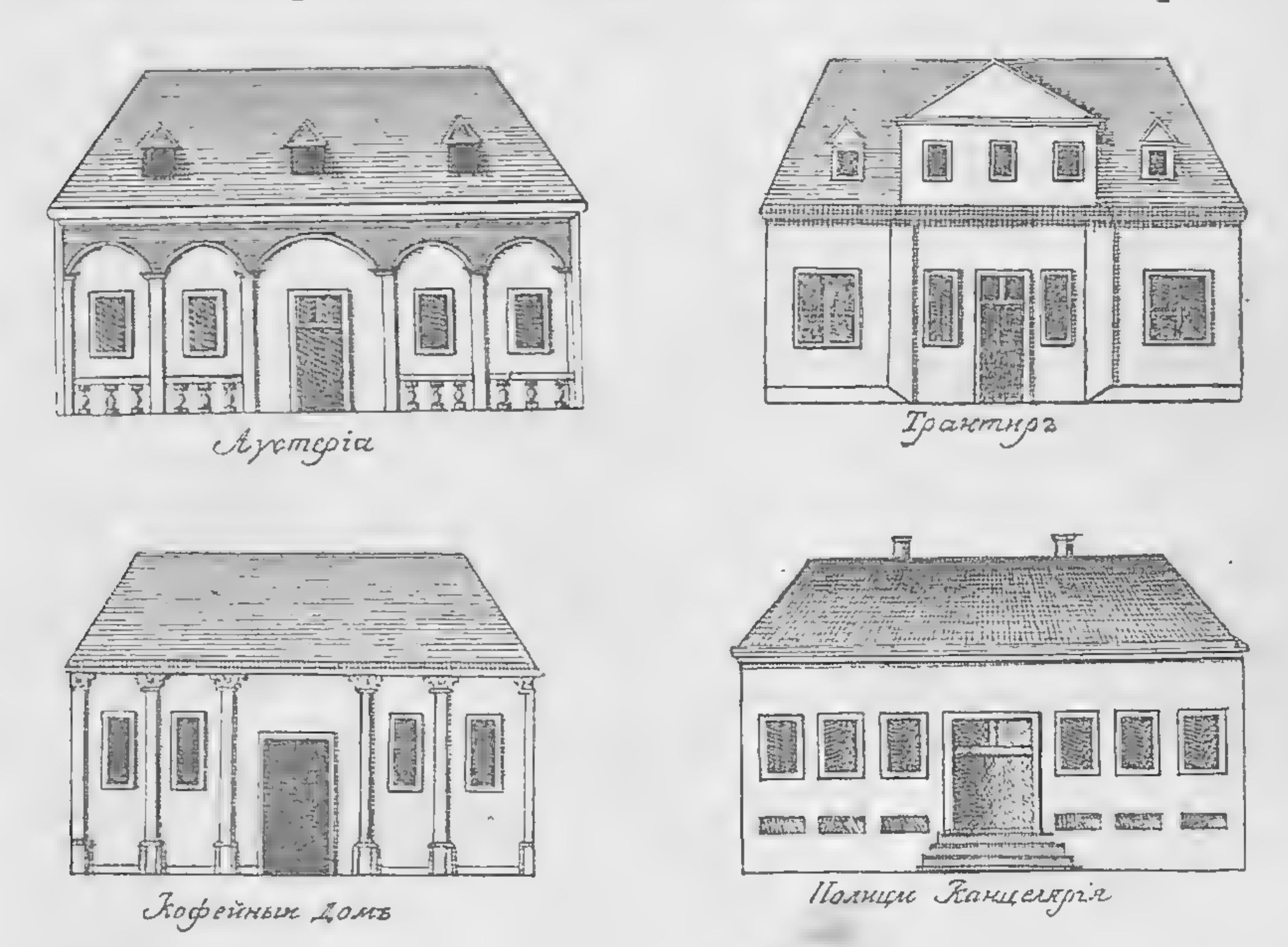
Къ концу царствованія Петра число жителей Петербурга достигало до 70.000, а съ пришлыми рабочими доходило, вѣроятно, и до ста тысячъ. Домовъ къ 1714 году считалось 34.550 большихъ и малыхъ. Конечно, среди этихъ зданій много было такихъ, которыя было не трудно разобрать и перенести на другое мѣсто въ два часа. Такимъ образомъ уже черезъ двадцать лѣтъ со времени своего основанія столица Петра ровнялась по населенности съ крупнѣйшими городами тогдашней Европы, но, конечно, сильно отставала въ благоустройствѣ.

Графъ А. Э. Девіеръ. 1673—1745.

Вплотную взялся Петръ за внутреннее благоустройство своей столицы только въ 1718 г., назначивъ для „лучшихъ порядковъ", какъ гласилъ указъ, генералъ-полицеймейстеромъ своего генералъ-адъютанта А. Э. Девіера. „Девіеръ славился своей строгостью и быстротой въ исполненіи царскихъ повелѣній; городскимъ обывателямъ всѣхъ сословій онъ внушалъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени". Въ инструкціи, данной Девіеру, Петръ изложилъ, въ чемъ должна заключаться суть новой должности. Девіеръ и подчиненные ему чины должны были слѣдить за правильностью построекъ въ городѣ, укрѣпленіемъ береговъ Невы и ея притоковъ, чистотою улицъ и переулковъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и рынкахъ, опрятностью помѣщеній торговцевъ, свѣжестью продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ, точностью мѣръ и вѣсовъ и т. п. Полиція должна была не допускать злоумышленнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты;

осматривать каждые три мѣсяца печи во всѣхъ жилыхъ зданіяхъ; искоренять азартныя игры въ зернь и карты; забирать „гуляющихъ и слоняющихся“ людей и отдавать ихъ, по допросѣ, въ работы; отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о живущихъ у нихъ лицахъ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; учреждать ночные караулы, причемъ требовалось, чтобы „караульщики ходили по ночамъ съ трещетками, какъ обычай въ другихъ краяхъ“; содержать въ сборныхъ пунктахъ, на случай пожара, водоливныя трубы, ведра, топоры, войлочные щиты, крючья, лѣстницы; наконецъ, отводить квартиры солдатамъ въ домахъ обывателей, безъ различія званія, и т. д. „Для лучшаго смотрѣнія всякаго противъ сихъ пунктовъ неисправленія,—гласитъ указъ,—надлежитъ опредѣлить

Аустерія

Трактиръ

Кофейный домъ

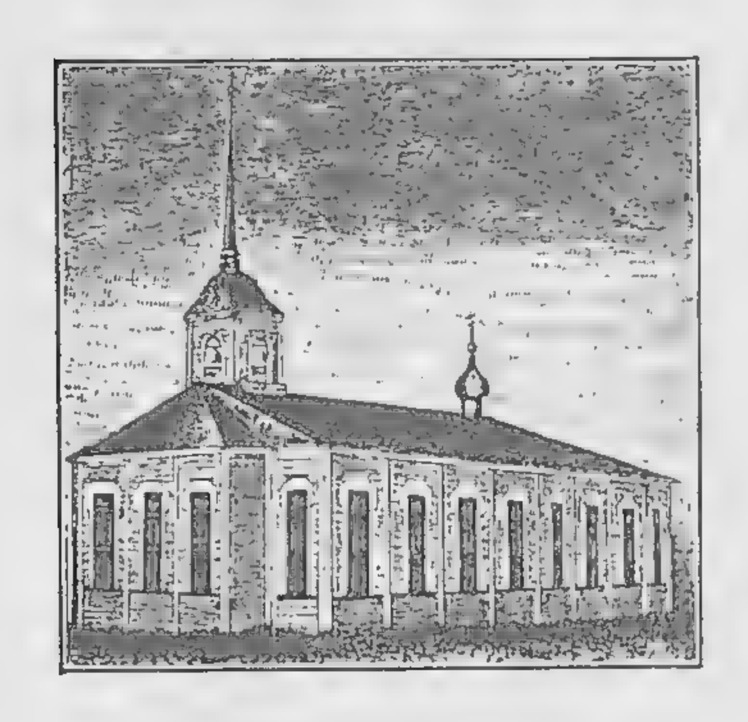
Полиц. Канцелярія

въ каждой слободѣ, или улицѣ, старосту и къ каждымъ десяти дворамъ десятскаго изъ тѣхъ же жителей, и дабы каждый десятскій за своимъ десяткомъ накрѣпко смотрѣлъ, чтобы чего не учинилось противнаго запрещенію; и ежели за кѣмъ что усмотритъ, о томъ тотчасъ объявить старостѣ, а ему, полицеймейстеру, также учинить распорядокъ между жителями, кому съ какимъ пожарнымъ орудіемъ ходить на пожары“.

Почва новаго города была топь, поросшая хилымъ и рѣдкимъ лѣсомъ; по болоту пролегали мѣстами непроходимыя отъ грязи и ночью совершенно темныя улицы, съ разбросанными на обширномъ пространствѣ лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-гдѣ, преимущественно на Адмиралтейской сторонѣ и около Петропавловской крѣпости, встрѣчались барскіе дома, построенные на голландскій манеръ.

Чтобы разыскать въ Петербургѣ того времени чью-либо квартиру, надо было долго и подробно описывать туземцамъ мѣстность, отвѣчать на множество разспросовъ, пока не находился кто-либо знающій разыскиваемаго и гдѣ онъ живетъ. Избѣгая длинныхъ переходовъ по болотистымъ и топкимъ просѣкамъ, первые петербуржцы предпочитали передвигаться не по сухому пути и разъѣзжали на шлюпкахъ и верейкахъ по Невѣ, Фонтанкѣ, Мойкѣ и прорытымъ мѣстами каналамъ.

Составъ населенія былъ самый разнообразный: рабочіе и мастеровые, насильно согнанные со всѣхъ концовъ Россіи, мелкіе торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники, разношерстный сбродъ, искавшій заработка и наживы, и т. п. Пьянство, воровство, насиліе, грабежи были обычнымъ явленіемъ; но не одни только люди наводили страхъ на новыхъ жителей Петербурга: окрестные лѣса изобиловали волками, дерзость которыхъ доходила до того, что, напримѣръ, въ 1714 году они заѣли двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ у Литейнаго двора, а немного спустя, на Васильевскомъ островѣ, у самыхъ воротъ дома князя Меншикова, загрызли одну изъ его прислугъ; волки разрывали кладбища и поѣдали трупы покойниковъ, такъ что для обузданія „дикаго звѣрья“ иногда отряжались команды солдатъ.

Исаакіевскій соборъ въ первоначальномъ видѣ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Девіера было изданіе правилъ мощенія улицъ.

„Каждому жителю противъ своего двора посыпать пескомъ и камнемъ мостить гладко, какъ будетъ показано отъ мастеровъ, и чтобы были твердо утверждены, дабы весною и въ дожди не заносило“. Относительно обдѣлки береговъ Невы, Мойки и Фонтанки предписывалось „по рѣкѣ и по протокамъ, чтобъ каждый противъ своего двора сваи билъ и къ сваямъ фашины и землею засыпалъ крѣпко-накрѣпко“.

Для мощенія улицъ велѣно было въ 1714 г. собирать дикій камень. Всѣ суда, приходившія въ Петербургъ черезъ Ладожское озеро, всѣ подводы, шедшія въ городъ съ товарами и хлѣбомъ, обязаны были привозить камень и сдавать его оберъ-комиссару Ульяну Синявину. Суда должны были привозить, смотря по величинѣ, 30, 20 и 10 камней; крестьянскія подводы — по 3 камня, вѣсомъ по 5 фунтовъ. Съ тѣхъ, кто не исполнялъ этого, доправлялось за каждый камень по гривнѣ. Домовладѣльцамъ было въ 1716 году вмѣнено въ обязанность мостить мостовую передъ домами на сажень шириною; въ 1718 г. ширина мостовыхъ была увеличена на два аршина. Но домовладѣльцы плохо исполняли

возложенную на нихъ обязанность, и улицы были вымощены очень неравномѣрно и плохо. Улицы были обсажены березками, кленовыми и липовыми деревьями; жители должны были по царскому указу огораживать и всячески беречь эти насажденія каждый противъ своего дома.

Въ цѣляхъ содержанія города въ чистотѣ были установлены особые фурманщики, разъѣзжавшіе на дрогахъ по городу и увозившіе съ улицъ соръ и отбросы за городъ, въ особо опредѣленныя для этого мѣста.

Согласно представленію Девіера, сенатомъ были установлены наказанія за нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ инструкціи генералъ-полицеймейстера. Домовладѣльцы за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а также за принятіе

Плотникъ. Сбитенщикъ. Калачникъ.

въ работы людей безъ свидѣтельства и добрыхъ порукъ, подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторгу, а имущество ихъ отбиралось въ казну. За несоблюденіе въ исправности печей, каминовъ и трубъ полагался значительный для того времени штрафъ: въ первый разъ—10 рублей, во второй—20 рублей, въ третій—30 рублей. Штатъ первой петербургской полиціи составляли въ 1720 году 10 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 160 солдатъ, да въ полицеймейстерской канцеляріи значились одинъ дьякъ и десять подьячихъ.

По улицамъ Петербурга предписывалось соблюдать величайшую чистоту, „чтобы никакого скаредства и мертвечины не валялось“. Каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ противъ своего двора рано утромъ или поздно вечеромъ, когда по улицамъ не было ѣзды и ходьбы, сметать всякій соръ, а камни, которые выламы-

вались въ продолженіе дня, поправлять. За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ, по двѣ деньги съ сажени.

Особенно строго наказывались тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки грязь и соръ—„для того, что такими пометами тѣ рѣки засариваются, отчего по тѣмъ рѣкамъ судамъ проходъ чинится не свободный“. Въ такихъ случаяхъ у знатныхъ ихъ служители, а незнатные домовладѣльцы самолично, были биты кнутомъ и ссылались въ вѣчную каторжную работу.

Постановлено было, чтобы всѣ торгующіе въ Петербургѣ съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ „ходили въ бѣломъ мундирѣ, по указу“.

„Для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей“ учреждены были шлагбаумы, при которыхъ по

Торговецъ дичью.

Квасникъ.

ночамъ находились караулы съ дворовъ по очереди. Шлагбаумы находились по концамъ каждой улицы; они опускались ежедневно вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу, а поднимались послѣ пробитія утренней зори въ крѣпости. Ночью черезъ шлагбаумъ пропускались воинскія команды, знатные господа, лѣкаря, священники, повивальныя бабки и лица, посланныя по дѣламъ службы; но всѣ они должны были имѣть при себѣ фонари. При крикѣ „караулъ“, рогаточному караулу, подъ страхомъ смертной казни, приказано оказывать вспоможеніе кричавшему.

Просившихъ милостыню было велѣно ловить, арестовать и отбирать отъ нихъ показанія, откуда они и какъ давно бродятъ. Послѣ опроса, просившій милостыню наказывался батогами и отсылался на мѣсто жительства; при вторичномъ же захватѣ нищенствовавшаго мужчину били кнутомъ на площади и отсылали на каторгу, женщинъ посылали на суконную фабрику въ работу, а несовершеннолѣтнихъ ребятъ, послѣ наказанія батогами, отдавали

или въ мастерство, или тоже на суконную фабрику. Если нищенствующіе, по разслѣдованіи, оказывались помѣщичьими крестьянами, то съ помѣщика за каждаго человѣка взыскивался штрафъ по пяти рублей. Пѣвшіе на улицѣ пѣсни также забирались въ полицію и наказывались батогами.

Извозчиковъ, ѣздившихъ на невзнузданныхъ лошадяхъ или сбивавшихъ пѣшеходовъ, за первую подобную вину драли кошками, за вторую—кнутомъ, за третью—ссылали въ каторгу.

Съ 1721 года Петербургъ начали освѣщать фонарями. Освѣщеніе производилось конопляным маслом и продолжалось только пять часовъ въ сутки.

Иностранцы съ большой похвалой отзывались объ устройствѣ пожарной части въ Петербургѣ. Несмотря на то, что не проходило недѣли безъ пожара, и что въ городѣ большая часть зданій были деревянныя, крытыя досками или драныо, пожары никогда не были велики. На всѣхъ колокольняхъ городскихъ церквей помѣщались постоянно караульщики, сторожившіе городъ денно и нощно: едва они замѣчали пламя въ какомъ-нибудь зданіи, то ударяли въ набатъ, повторявшійся затѣмъ на всѣхъ колокольняхъ, а войска били тревогу въ барабаны. Заслыша это, на пожаръ бѣжали тысячи плотниковъ, которыми былъ полонъ городъ; они были обязаны, подъ страхомъ жестокаго наказанія за неисполненіе, сбѣгаться съ топорами на мѣсто происшествія. Когда государь былъ въ городѣ, то всегда являлся на пожаръ изъ первыхъ. Онъ собственнымъ примѣромъ поощрялъ работниковъ, а въ случаѣ большой опасности вооружался самъ топоромъ, взбирался на полусгорѣвшіе дома и дѣйствовалъ такъ, что у зрителей пробѣгала дрожь по жиламъ.

Кружало.

Петръ зорко, какъ всегда, смотрѣлъ за благоустройствомъ „парадиза", какъ онъ любилъ называть свой Петербургъ, и не спускалъ малѣйшей провинности даже самому расторопному полицеймейстеру, котораго очень цѣнилъ. Разсказываютъ, что разъ Петръ вмѣстѣ съ Девіеромъ подъѣхалъ на одноколкѣ къ мосту черезъ каналъ у Новой-Голландіи; переѣзжать черезъ мостъ было нельзя, потому что кто-то укралъ изъ настилки нѣсколько досокъ.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.—Набережная. Съ гравюры петровскихъ временъ.

Государь приказалъ своему денщику сдвинуть остальныя доски, чтобы можно было переѣхать, а самъ между тѣмъ принялся „гладить“ дубинкой генералъ-полицеймейстера, приговаривая:

— Это лучше прибавитъ тебѣ памяти о попеченіи и содержаніи мостовъ въ порядкѣ: будешь самъ все осматривать!

Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Девіеру: —„Садись, братецъ!“—и поѣхалъ дальше, продолжая прерванный разговоръ.

Высокую фигуру государя часто видали на улицахъ Петербурга. Когда ему надо было что-нибудь поблизости отъ дворца, Петръ всегда выходилъ пѣшкомъ, лѣтомъ часто съ непокрытой головой; „ходитъ пѣшкомъ, — разсказываетъ о царѣ современникъ,—лѣтомъ въ кафтанѣ, на головѣ картусъ черной бархатной, а въ осень въ сертукѣ суконномъ сѣронѣмецкомъ, въ шапкѣ бѣлой овчинной калмыцкой навыворотъ“; когда надо было торопиться, царь ѣхалъ въ одноколкѣ съ денщикомъ на запяткахъ или верхомъ. Знаменитая одноколка царя была такая заслуженная, что, по словамъ современника, не всякій купецъ рѣшился бы на ней выѣхать.

Шагая своими громадными шагами такъ, что спутники еле поспѣвали за нимъ, Петръ терпѣть не могъ, если его останавливали на улицѣ старинныиъ поклономъ до земли.

— Эхъ, братецъ,—говорилъ онъ такому почитателю, взявъ его за кафтанъ:—у тебя свое дѣло, у меня свое, а кланяться до земли подобаетъ только Богу. Иди, куда идешь!—и „рукою по головѣ ударитъ“.

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.—Набережная. Съ гравюры петровскихъ временъ.

Но подъ горячую руку, не отдавшій во-время почести государю снятіемъ шляпы, платился жестоко; дубинка или трость, на которую всегда опирался Петръ при ходьбѣ, въ его сильныхъ рукахъ превращалась въ страшное орудіе и валила съ ногъ зазѣвавшагося прохожаго.

Недалеко отъ крѣпости, на правомъ берегу Невы, Петръ вскорѣ по основаніи фортеціи построилъ себѣ, возлѣ имъ же воздвигнутой церкви св. Троицы, небольшой деревянный домикъ, покрытый дощечками, какъ черепицей; домикъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ „Домика Петра Великаго“, сохранился до сихъ поръ. Петръ очень любилъ этотъ свой первый дворецъ въ „Питербурхѣ“ съ его двумя низенькими комнатками, съ дощатымъ потолкомъ, съ небольшими оконницами изъ свинцовыхъ желобковъ и дощатыми ставнями. Домикъ уже при Петрѣ сталъ ветшать, и впослѣдствіи надъ нимъ былъ воздвигнутъ каменный шатеръ.

Не отличались роскошью и два новыхъ дворца—Зимній и Лѣтній, построенные позднѣе. „Зимній дворецъ,—по описанію современника,—имѣлъ въ ширину 250 футовъ и стоялъ стѣна о стѣну съ какимъ-то частнымъ домомъ; онъ во всемъ походилъ на прочіе дома поблизости, кромѣ воротъ изъ каменныхъ столбовъ съ вѣнцомъ наверху и украшеніемъ въ видѣ корабельнаго носа. Лѣтній же дворецъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, въ разное время застроенныхъ частей, не образующихъ даже прямого угла; притомъ лучшую часть зданія затѣнялъ высокій дубовый лѣсъ“... Петръ не терпѣлъ пышныхъ высокихъ комнатъ и предпочиталъ низенькіе покои и рядъ многихъ, но тѣсно расположен-

ныхъ комнатъ. Когда во время путешествія за границей ему отводили высокія комнаты, онъ приказывалъ натянуть низкій потолокъ изъ полотна; при постройкѣ Зимняго дворца ему пришлось допустить въ парадныхъ комнатахъ высокіе потолки; его жилыя комнаты, въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ постройки, тоже никакъ не выходили достаточно для него низки, и онъ приказалъ тогда подбить подъ потолокъ другой подзоръ, чтобы комнаты были ниже. Комнаты въ Зимнемъ дворцѣ были убраны просто, но удобно и комфортабельно. Мебель была выписана изъ Англіи и Голландіи. Стѣны украшены шпалерами, ткаными во Франціи и на петербургской шпалерной фабрикѣ; на шпалерахъ были вытканы картины, изображавшія побѣды русскихъ надъ шведами, различныя аллегоріи на батальные сюжеты, картины миѳологическаго и географическаго содержанія. Было также много картинъ, преимущественно морскихъ видовъ. Картины царь покупалъ въ Голландіи по собственному выбору. Въ 1716 г. Осипъ Веселовскій купилъ сразу 80 картинъ. Царь, находившійся тогда въ Шверинѣ, писалъ ему, чтобы онъ и впредь старался покупать картины, „ибо ихъ намъ надобно довольное число, однакожъ смотрите, чтобъ были хорошей работы; а изъ купленныхъ восьмидесяти картинъ, которыя ты станешь посылать въ Питербурхъ, пришлите къ намъ въ Шверинъ картинъ пять или шесть разныхъ мастеровъ, которыхъ мы смотря, будемъ къ тебѣ писать, какія впредь надобны покупать; такожъ провѣдай, живъ ли въ Ротерламѣ славный живописецъ Ѳанденверфъ (Адріанъ Ванъ-деръ-Верфъ, 1659—1722), и о томъ къ намъ отпиши; такожъ старайся достать его работы картины двѣ или три“...

Саженяхъ въ 25 отъ домика былъ построенъ обширный домъ для кн. А. Д. Меншикова, „герцбрудера“ царя, его неизмѣннаго „Даниլыча“, назначеннаго первымъ с.-петербургскимъ губернаторомъ. Домъ этотъ назывался также посольскимъ, потому что Петръ принималъ здѣсь иностранныхъ пословъ, представлявшихся ему. За домомъ Меншикова стояли дома Головкина, Брюса, Шафирова, а за ними безпорядочными кучами лѣпились избы и шалаши рабочихъ. Въ 1710 г. Меншиковъ началъ строить себѣ роскошный дворецъ на Васильевскомъ островѣ. На широкой площади была поставлена церковь во имя св. Троицы. На этой площади, передъ храмомъ, происходили всѣ торжества и церемоніи. На этой же площади возлѣ крѣпостного моста возникла „австерія“, т.-е. трактиръ, или ресторанъ, названная потомъ „Торжественной австеріей четырехъ фрегатовъ“, когда здѣсь была поставлена колонна въ честь взятія въ плѣнъ кн. М. М. Голицынымъ въ 1720 г. четырехъ шведскихъ фрегатовъ. Въ австеріи продавалось вино, пиво, водка, табакъ, карты, сюда собирались по вечерамъ иностранцы— офицеры и инженеры, строители новаго города; вслѣдъ за ними появились и русскіе, самъ царь любилъ зайти сюда въ адмиральскій часъ, выпить чарку водки и закусить вмѣстѣ съ корабельными мастерами и шкиперами; за австеріей возникли тор-

говые ряды, перенесенные отсюда впослѣдствіи на Васильевскій островъ.

Образъ жизни Петра во время его пребыванія въ Петербургѣ отличался большой простотой и непринужденностью. „Обыкновенно вставалъ его величество,—разсказываетъ токарь Петра,—утромъ часу въ пятомъ и съ полчаса прохаживался по комнатѣ. Потомъ Макаровъ, его секретарь, читалъ ему дѣла. Послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ государь въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ, или на строенія, оттуда отправлялся въ сенатъ или въ адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ онъ въ часъ пополудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ обѣда, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ снова разныя дѣла; по окончаніи оныхъ почивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая-то жизнь была у сего государя.

„Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ онъ у князя Меншикова, куда и бывали званы чужестранные министры. У себя же дома за обыкновеннымъ столомъ у него не приказано было служить лакеямъ. Кушанье его были: кислыя щи, студень, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отмѣнно жаловалъ лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ поваръ его Фельтенъ. Довольно скромный и не привередливый въ пищѣ Петръ цѣнилъ различныя гастрономическія тонкости Запада, особенно въ области винъ. Для своего стола царь выписывалъ изъ Фленсбурга устрицы, или, по-тогдашнему, „устерсы“. Рагузинскій получилъ приказаніе найти въ Италіи и доставить въ Петербургъ почтой боченокъ „анчовисовъ самыхъ меньшихъ, такихъ, какъ ихъ станешь раздирать, то внутри у нихъ красно, а какъ положить на языкъ, то на языкѣ таютъ и есть въ нихъ острота; также оливокъ маленькихъ, самыхъ лучшихъ“... Александръ Апраксинъ долженъ былъ привезти изъ Англіи—„смаль-элю дюжинъ 5 или 6, которой варятъ близъ Диптѳорда (Дептфорда); также дюжину секу канарскаго, которой гораздо пѣнитца и цвѣтомъ бѣловатъ“... Ягужинскому царь писалъ въ Вѣну: „добейся дюжины двѣ или три прямого токайскаго вина и пиши, почемъ купишь“... Князю Б. И. Куракину каждый годъ поручалось покупать вино: „постарайся изъ Льежа бутыль тысячу эрмитажу или сотъ семь добраго такого, каковъ присланъ третьяго году въ бочкахъ. И ежели бъ оной въ сулейкахъ былъ, зѣло бъ изрядно было; такъ же сотъ пять бутыль де-Нюи“.

„Водку употреблялъ государь анисовую,—продолжаетъ Нартовъ,—обыкновеннымъ же питьемъ его былъ квасъ; во время обѣда пилъ вино эрмитажъ, а иногда венгерское; рыбы никогда не кушалъ. За стуломъ у него стоялъ всегда одинъ изъ дневальныхъ денщиковъ, о лакеяхъ же государь говаривалъ:

„— Не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, какъ хозяинъ

ѣсть и веселится съ друзьями. Они—переносчики вѣстей, болтаютъ то, чего не бывало.

„Голландскія газеты читывалъ государь послѣ обѣда и дѣлалъ на нихъ свои примѣчанія, означая въ нихъ карандашомъ, а иное отмѣчалъ у себя въ записной книжкѣ, которую, равно какъ готовальню съ инструментами математическими и хирургическими, всегда при себѣ имѣлъ.

„Допускъ по дѣламъ передъ государя былъ въ особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности; въ нихъ оказываемо было монаршее милосердіе и тайное наказаніе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенію предаваемо было“. Токарное рукодѣлье было любимымъ занятіемъ царя для отдыха и въ часы досуга. За станкомъ онъ отдыхалъ душой и нервами отъ тревогъ и тягостей повседневной жизни. Однообразное жужжанье колеса и обтачиваемаго дерева или кости успокаивающе дѣйствовало на него, и онъ, зная это, разсерженный и встревоженный чѣмъ-нибудь, шелъ въ токарную, чтобы успокоиться и собраться съ мыслями за любимой работой. Послѣ Петра осталось множество выточенныхъ имъ вещей: табакерокъ, коробочекъ, стакановъ, цѣлыхъ паникадилъ и др. вещей. Считалъ себя

Монплезиръ въ Петергофѣ.

царь и большимъ спеціалистомъ зубоврачебнаго дѣла, сводя его, впрочемъ, къ простой задачѣ дерганья зубовъ; онъ любилъ указывать на цѣлый мѣшокъ надерганныхъ имъ зубовъ, похваляясь своимъ искусствомъ; зато близкіе и придворные прятались, если у кого заболятъ зубы, чтобы не попасться на излѣченіе къ державному дантисту, при первомъ извѣстіи о паціентѣ спѣшившему къ больному съ щипцами и мѣшкомъ зубоврачебныхъ трофеевъ, предложить свои услуги, отъ которыхъ было рискованно отказываться. Не прочь онъ былъ всегда сдѣлать больному кровопусканіе.

Въ токарной происходили обыкновенно и знаменитые расчеты царя черезъ посредство дубинки съ провинившимися приближенными. Наказаніе „дубинкой“ было очень серьезно: при его громадной физической силѣ, Петръ билъ больно, а войдя въ азартъ, какъ онъ это умѣлъ дѣлать по своему характеру, билъ жестоко. Но, пуская въ ходъ дубинку, Петръ никогда не забывалъ одного: билъ виновнаго всегда наединѣ и, отпотчевавъ, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь упрекалъ этими побоями прощеннаго сотрудника, и потому ласково провожалъ побитаго до дверей своей токарной. На-

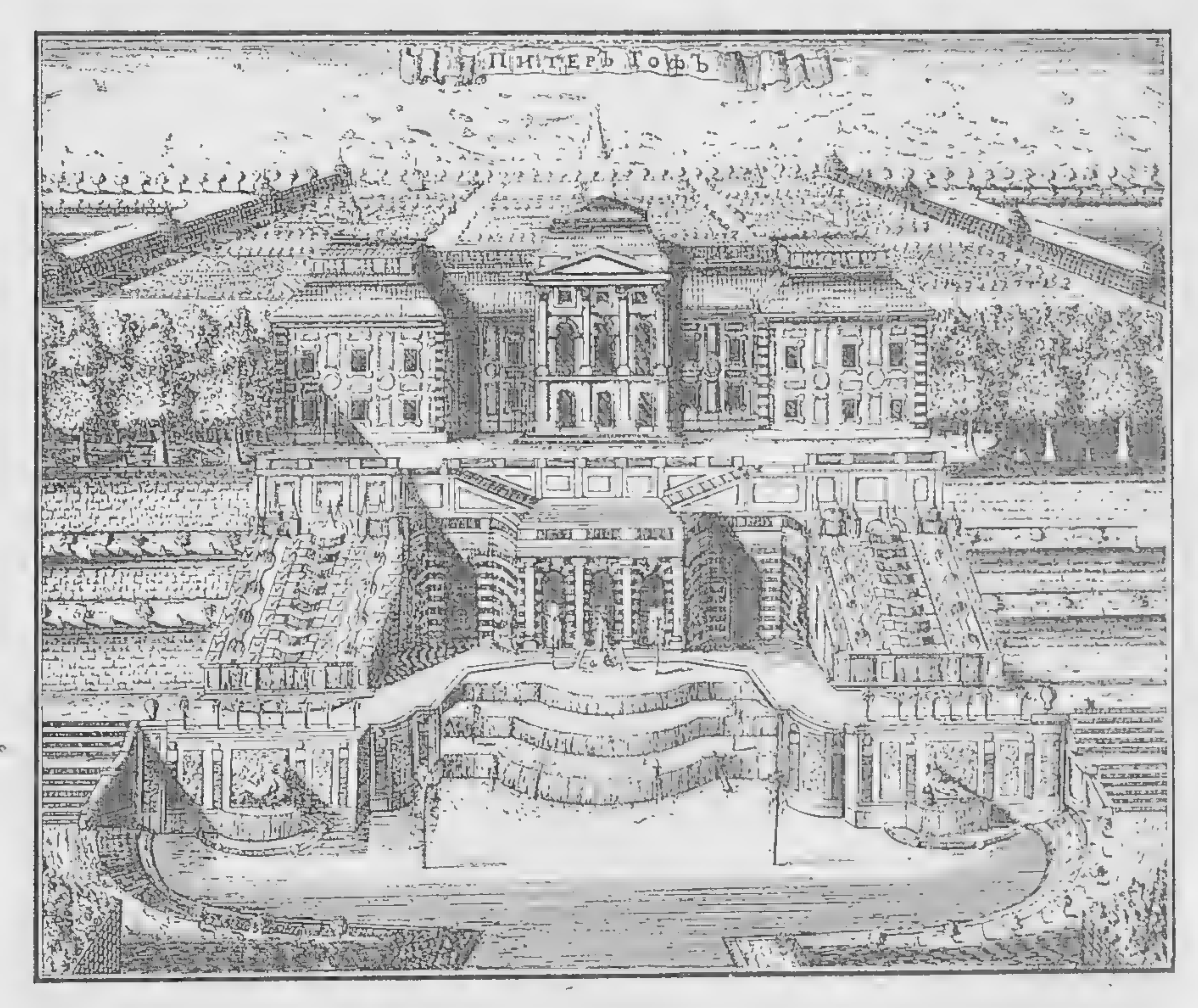
казанный долженъ былъ оставаться для всѣхъ такимъ же довѣреннымъ государя, такимъ же его близкимъ сотрудникомъ, какимъ былъ до наказанія; никто о побояхъ не долженъ былъ и знать; побитый приглашался къ обѣду, и никакихъ дальнѣйшихъ взысканій за проступокъ съ него уже не полагалось: „дубинка“ покрывала все. Часто гуляла дубинка по спинѣ и бокамъ царскаго друга и перваго помощника во всемъ—смѣлаго, ловкаго, необыкновенно талантливаго князя А. Д. Меншикова, который, какъ кажется, большимъ грамотеемъ не былъ—рукописей его до насъ дошло очень мало, а понималъ и постройку кораблей, и командованіе войсками, и инженерное искусство; по своей талантливости и разносторонности Меншиковъ точно младшій братъ Петра, и Петръ цѣнилъ его, какъ лучшаго друга; онъ называлъ его „Мейнъ герцбрудеръ“ или просто „mein Herz“. Но этотъ братъ и другъ не доросъ до своего высокаго покровителя въ одномъ отношеніи: былъ нечистъ на руку; грабежи его достигали милліонныхъ суммъ, но, когда вскрывались, Петръ угощалъ любимца только дубинкой. Царь слишкомъ дорожилъ талантливымъ сотрудникомъ и не могъ забыть его заслугъ.

Павильонъ Марли въ Петергофѣ.

На докладъ объ одномъ корыстномъ поступкѣ Меншикова Петръ сказалъ:—„Вина не малая, да прежнія заслуги больше ея!“ — подвергъ своего Данилыча денежному штрафу и поколотилъ наединѣ дубинкой, послѣ чего выпроводилъ его изъ токарной со словами:—„Смотри, Александра, въ послѣдній разъ говорю: берегись!“. Но и Меншикова Петръ терпѣлъ лишь до поры до времени: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила его мать и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; если не исправится, быть ему безъ головы“,—такъ говорилъ Петръ, оцѣнивая моральныя качества своего герцбрудера.

Меншиковъ въ этомъ смыслѣ былъ далеко не исключеніе. Старый русскій приказный бытъ съ его „поминками и посулами“ и превеликой волокитой положилъ на сотрудниковъ Петра свою печать; такъ же, какъ и ихъ ближайшіе предшественники—судьи приказовъ, дьяки и подьячіе, сотрудники Петра „ко взятію руки скоро допускали“; у европейской культуры они заимствовали только внѣшній лоскъ и блескъ, получили больше аппетита къ благамъ жизни, которыя стоили дороже, чѣмъ требованія отъ жизни въ московское время, и потому многіе сотрудники Петра отъ своихъ

Видъ дворца и каскадовъ въ Петергофѣ.

предшественниковъ по службѣ отличались въ этомъ отношеніи только тѣмъ, что крали и брали больше.

Князь Б. Куракинъ, писавшій въ 1727 г., утверждаетъ, что „мздоимство великое и кража государственная продолжались съ умноженіемъ, и вывести сію язву было трудно".

Петръ безпощадно боролся съ казнокрадствомъ. Натура до щепетильности честная, добросовѣстная и правдивая, онъ не выносилъ лжи, кражи, утайки; самъ всегда и во всемъ дѣйствуя на чистоту, Петръ и отъ другихъ требовалъ того же, особенно въ дѣлахъ, касавшихся пользы отечества.

За взяточничество и казнокрадство, которыя Петръ считалъ великими преступленіями противъ отечества, перебывали подъ судомъ и поплатились денежными взысканіями многіе изъ видныхъ сотрудниковъ Петра, а нѣкоторые потеряли голову на плахѣ. Кругомъ Петра всѣ, по его выраженію, „играли въ законъ, какъ въ карты, подбирая масть къ масти, и неустанно подводили мины подъ фортецію правды". Это не могло не ожесточать Петра, по натурѣ человѣка снисходительнаго, доброжелательнаго и довѣрчиваго, и онъ потерялъ вѣру въ людскую честность: „Всякъ человѣкъ есть

ложь",—любилъ онъ повторять слова псалма Давидова:—„Правды въ людяхъ мало, а коварства много", и Петру стало казаться, что эту „ложь человѣчу" можно обуздать только „жесточью". Отсюда и необыкновенная строгость его законодательства, обиліе въ немъ угрозъ страшными казнями; отсюда и та быстрота царя на всякую расправу, на „поступанье руками" и битье дубинкой.

Скромный и бережливый въ частной жизни, Петръ очень хотѣлъ, чтобы его „парадизъ" какъ можно скорѣе обстроился и получилъ блестящій и нарядный видъ. Кромѣ построекъ въ самомъ Петербургѣ, онъ обстраивалъ дворцами и окрестности города. Тамъ онъ воздвигалъ дачи для себя и ближнихъ. Женѣ своей онъ подарилъ Саари-Мойсъ, т.-е. Саарскую или Верхнюю мызу, впослѣдствіи получившую названіе Царское-Село; для дочери Елизаветы Петръ построилъ дворецъ въ Стрѣльнѣ, а для себя началъ устраивать знаменитый Петергофъ, гдѣ любилъ жить въ небольшомъ дворцѣ, названномъ Монплезиръ; Меншиковъ соорудилъ себѣ палаты въ Ораніенбаумѣ; почти весь берегъ отъ Ораніенбаума до Петергофа тогда же застроился мызами и дачами знатныхъ особъ, шляхетства и офицерства. Все это достигалось, нельзя сказать, чтобы легкими средствами; начиналось всегда указомъ съ угрозами, которыя, въ случаяхъ „послѣдованія раку" со стороны тѣхъ, кого указъ касался, и приводились въ исполненіе.

Тяжкія условія жизни въ новой столицѣ не вызывали къ ней расположенія у невольныхъ переселенцевъ.

„Петербургъ не устоитъ за нами, быть ему пусту", предсказывала сестра государя, царевна Марья, и этими словами она выражала мнѣніе обширнаго круга лицъ, недовольныхъ Петромъ и его „парадизомъ".

Петръ зналъ его мнѣніе. „Знаю,—говорилъ онъ тѣмъ, которые недолюбливали его нововведеній,—знаю, что вы чувствуете отвращеніе къ Петербургу, что готовы поджечь и его и флотъ, какъ только я помру, и возвратиться въ вашу возлюбленную Москву, но пока живу, не отпущу васъ отсюда и не дамъ забыть, что я царь Петръ Алексѣевичъ".

Благодаря этой неуклонной увѣренности Петра въ себѣ и своемъ дѣлѣ, въ необходимости этого дѣла для благоденствія Россіи, только и держался первое время Петербургъ. Но держался крѣпко и пустилъ хорошіе, выносливые корни. Море дало ему жизнь, создавъ большое портовое и торговое движеніе на невскихъ берегахъ, и когда послѣ смерти Петра невольные переселенцы толпами стали выѣзжать изъ Петербурга, городъ не погибъ: на мѣсто уѣзжавшихъ невольниковъ уже двигались непрерывной волной новые переселенцы, привлекаемые не указомъ и страхомъ петровской расправы, а выгодой и удобствомъ жизни у окна въ Европу. Само правительство одно время колебалось—не переселиться ли снова въ Москву? Но для этого переселенія, чтобы двинуть обратно въ Москву весь устроенный Петромъ въ новой

столицѣ механизмъ управленія государствомъ, нужны были петровская сила и энергія. Этого не имѣлось у преемниковъ Петра, и они остались въ Петербургѣ, прикованные къ основанному Петромъ городу могучей волей его создателя.

Такъ возникла и устроилась невская столица Петра. Даже черезъ добрую сотню лѣтъ появленіе Петербурга казалось невѣроятнымъ, чудеснымъ. Одинъ изъ государственныхъ людей Швеціи, посѣтившій Петербургъ въ самомъ началѣ XIX вѣка, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Видъ этого города пробуждаетъ странное чувство удивленія и досады въ сердцѣ шведа, знающаго исторію своего отечества. Едва столѣтіе прошло съ того времени, какъ владѣнія Швеціи простирались на востокъ до береговъ Невы. Васильевскій островъ былъ тогда кормовымъ помѣстьемъ барабанщика корельскихъ драгунъ, какъ значится въ спискахъ, хранящихся въ архивѣ шведской военной коллегіи. Вся сторона, посреди которой величаво высится Петербургъ, была пустынею, и нѣсколько бѣдныхъ лачужекъ стояло на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ и преемники его находятъ пріютъ послѣдняго успокоенія! На лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ все было также пусто, подъемлются теперь великолѣпные дворцы и зданія—и на все это нужно было не болѣе одного вѣка!“

Народная легенда исконныхъ обитателей петербургскаго края—финновъ, поэтическимъ сказаніемъ закрѣпила созданіе и вѣчное существованіе Петербурга. „Много людей, – разсказываетъ легенда,—въ старые годы принимались строить городъ на невскомъ болотѣ, но это никому не удавалось, потому что топкое болото поглощало всякій разъ постройку. Но вотъ пришелъ сюда русскій богатырь-волшебникъ и рѣшилъ строить городъ; построилъ онъ одинъ домъ—поглотила трясина, построилъ другой, третій—все такъ же исчезаютъ они въ болотѣ. Разсердился тогда богатырь и придумалъ хитрое, небывалое дѣло: взялъ онъ и сковалъ на рукахъ вдругъ цѣлый городъ и поставилъ его на болото; не смогло оно тогда поглотить богатырскій городъ и держитъ его до сихъ поръ“.

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія сочиненія: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI—XVII; *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. II; *С. Н. Шубинскій*, Первый петербургскій полицмейстеръ; *М. Пыляевъ*, Старый Петербургъ; Дневникъ *Берхгольца;* Записки *Вебера*; Разсказы *Нартова;* Подлинные анекдоты Штелина; *И. И. Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго; *П. Пекарскій*, Петербургская старина („Современникъ“ 1860 г.); *П. Н. Петровъ*, Исторія С.-Петербурга; и др. книги и статьи.

Видъ на крѣпость отъ лѣтняго сада. Съ гравюры А. Зубова, 1727 г.

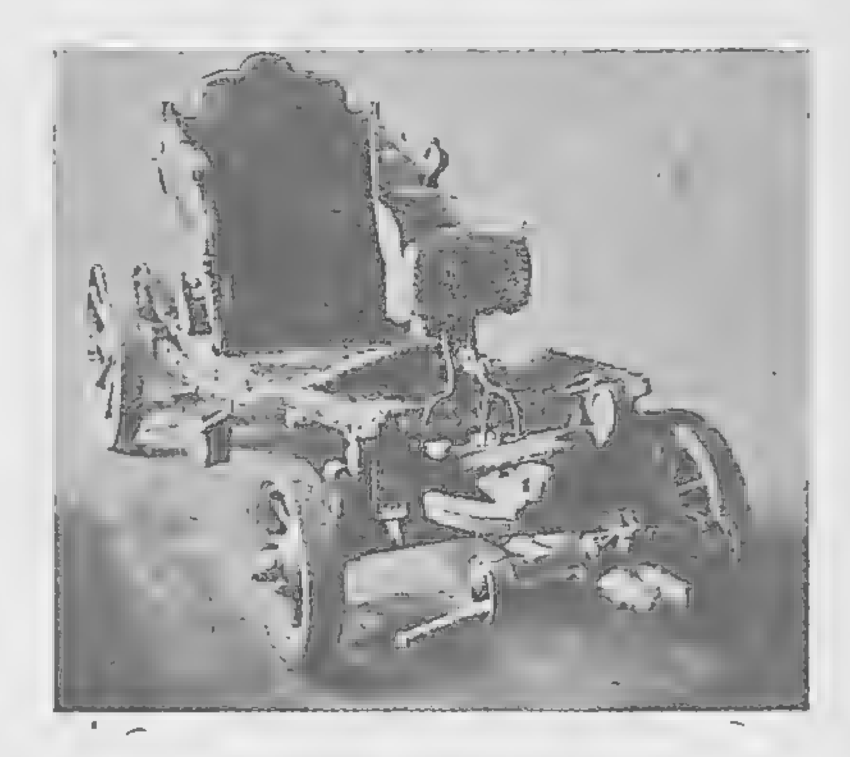
Общественная жизнь въ Петербургѣ временъ Петра Великаго.

Городское общество С.-Петербурга временъ Петра Великаго было довольно пестрымъ по своему составу. Въ новой столицѣ люди жили, прикованные къ ней волей самодержца, занятые дѣломъ, которое должны были дѣлать здѣсь по его приказу. Мало кто чувствовалъ себя тогда въ Петербургѣ, какъ дома, всѣ смотрѣли вонъ, мечтая о возможности уѣхать изъ этого „гиблаго болота“ въ свои родныя мѣста. „О, сколь ненавидимъ сперва былъ градъ сей, — пишетъ Богдановъ, первый историкъ невской столицы,—всѣмъ не укусенъ былъ, всякъ свои вины предлагалъ: кто лишенъ жены, дѣтей и всего дому, иной ремесла и промыслу, другой помѣстій и вотчинъ своихъ отдалился и прочая таковая роптанія были на градъ сей“... Сестры царя, мѣстоблюститель патріаршаго престола, фельдмаршалъ Шереметевъ часто обращались къ царю съ просьбами устными и письменными разрѣшить имъ съѣздить въ Москву, въ свои деревни; подолгу не исполняли они настойчивыхъ приказаній царя строить дома на отведенныхъ имъ мѣстахъ и всегда просрочивали короткіе отпуски, которые имъ удавалось вымолить. Запоздавшихъ „отпущенниковъ“ подъ конвоемъ драгунъ высылали изъ Москвы въ Петербургъ. Люди попроще — дворяне, купцы, ремесленники тоже стремились бѣжать изъ петровскаго парадиза, а простой народъ, переселенный въ качествѣ плотниковъ, каменщиковъ, мастеровъ всякаго дѣла

изо всѣхъ концовъ государства, уходилъ изъ новой столицы партіями. Хорошо себя чувствовали въ Петербургѣ того времени лишь тѣ, кто свою житейскую фортуну связалъ волею или неволею съ Петромъ и его дѣломъ — незнатные сотрудники Петра, какъ Меншиковъ, Шафировъ, Ягужинскій; введенные Петромъ въ русскую знать иностранцы, какъ Девіеръ, Минихъ, Остерманъ; нанятые на русскую военную и морскую службу иностранные офицеры, получавшіе большое по тогдашнему содержаніе иностранные архитекторы, инженеры, художники, мастера всякаго дѣла, управлявшіе заведенными царемъ фабриками и заводами или работавшіе на этихъ фабрикахъ въ качествѣ руководителей. Прошло немало времени, пока почувствовали себя въ Петербургѣ, какъ дома, невольные русскіе переселенцы, которыхъ выгоды торговаго дѣла и промысловъ привязали къ новой столицѣ, тогда новый городъ „любимъ сталъ быть“, а прежде „никто не хотѣлъ въ немъ жить“... „плакали, егда призывали, нынѣ же плачутъ, егда извергаютъ“.

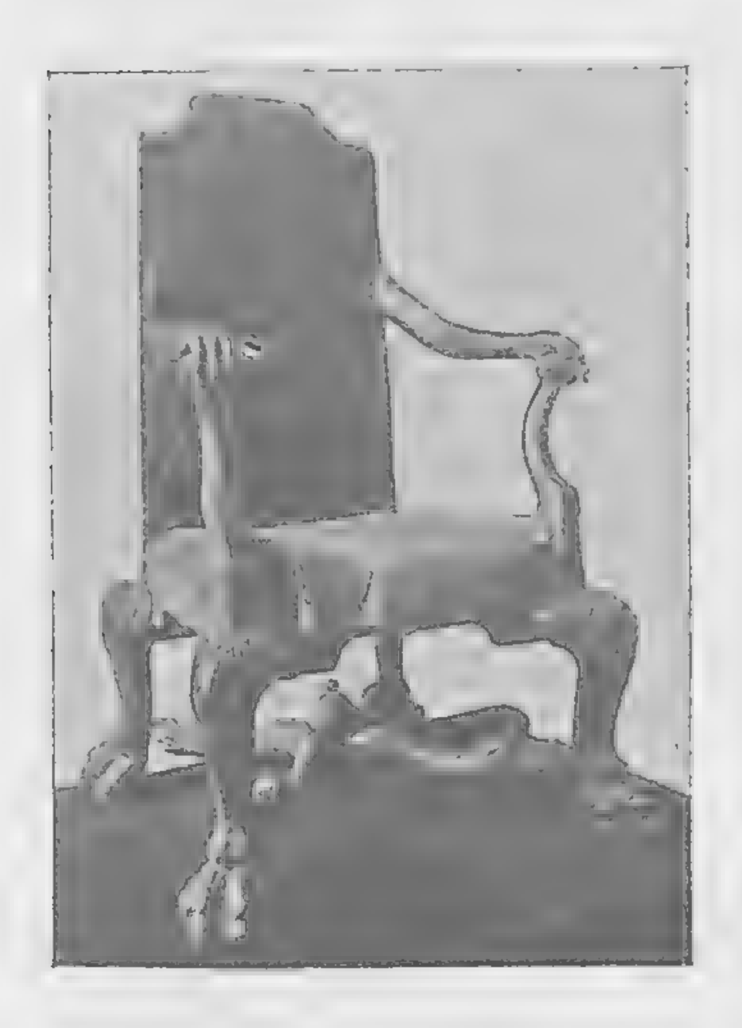
Вся общественная жизнь, поскольку она выражалась тогда въ собраніяхъ людей для дѣла и забавы, сосредоточивалась около самого царя и его двора и объединяла только опредѣленные общественные круги, т.-е. по преимуществу военно-морскіе, чиновничьи, частью торгово-промышленные и служилыхъ иностранцевъ самыхъ различныхъ степеней. Всѣ они были люди очень разнообразной степени культурнаго развитія, просвѣщенности и образованія, но одна общая черта давала этому обществу опредѣленный характеръ. Это было общество людей рабочихъ, занятыхъ службой государству, той петровской службой, которая забирала у человѣка весь его досугъ, всѣ силы и требовала не показного усердія, а настоящихъ трудовыхъ мозолей на рукахъ и проникновеннаго уваженія за страхъ и за совѣсть къ тому дѣлу, какое человѣку выпало на долю исполнять. Было, конечно, довольно и „тунеядцевъ“, по петровскому выраженію, великихъ мастеровъ показывать только видимость дѣла, или „плутовъ“, по его же характеристикѣ, умѣвшихъ изъ труда на пользу общую создавать только свое личное благополучіе. Очень пестрое по своему составу и культурности, это общество отличалось въ массѣ примитивной грубостью и невзыскательностью своихъ запросовъ, какъ въ сферѣ умственныхъ и нравственныхъ требованій, такъ и въ области развлеченій. Послѣ тяжелаго труда петровскіе дѣльцы искали отдыха и веселья въ шумной пирушкѣ, которая могла перебить трудовую усталость, заставить забыться. По наслѣдованной отъ предковъ привычкѣ немалое значеніе въ этомъ отдыхѣ имѣло „питіе непомѣрное“, а по усвоенному съ иноземныхъ образцовъ обряду, развлеченіе обставлялось новыми западными формами. Во всемъ этомъ старое дѣдовское причудливо мѣшалось съ новымъ и создавало необыкновенно странную, на нашъ взглядъ, обстановку общественной жизни петровскихъ временъ, въ которой московское „варварство“ уживалось рядомъ съ европейскимъ „политесомъ“. Европейское начало сказывалось, разумѣется, больше внѣшнимъ

образомъ, а московская старина частенько выбивалась изъ внѣшняго лоска и давала себя знать дѣйствіями и выходками грубыми, несдержанными. Такъ было и въ костюмахъ, и въ нравахъ, и въ поступкахъ.

Одноколка Петра I.

„Петръ Великій,—разсказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“,—подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и людскость, сообщеніе и великолѣпіе... Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ вмѣсто тѣлогрѣй—бостроги, юбки, шлафроки и самары, вмѣсто подколковъ—фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до того отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ“... Мужчины тоже перестали довольствоваться однимъ или двумя платьями, „но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали“.

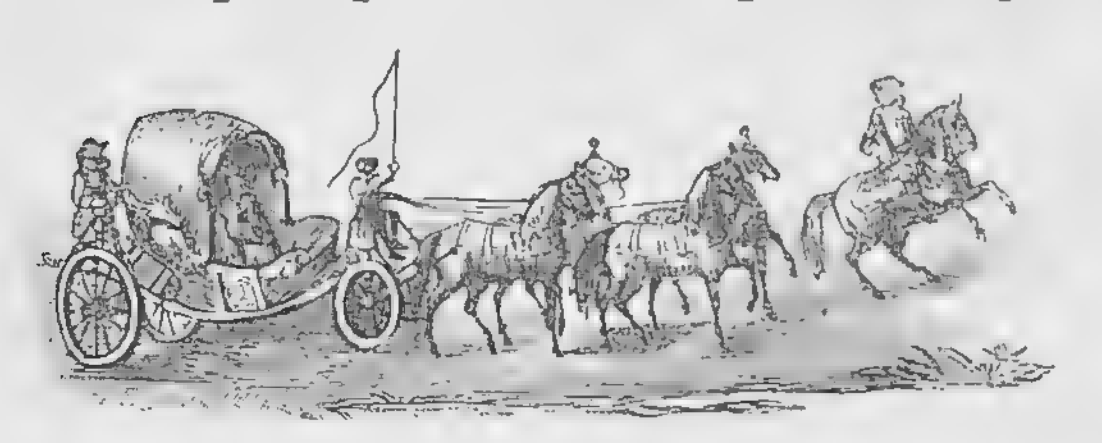
Кресло Петра I въ Морскомъ музеѣ.

Самъ Петръ одѣвался, какъ извѣстно, очень просто и за всю свою жизнь сдѣлалъ себѣ только два парадныхъ шитыхъ кафтана—одинъ голубой, гродетуровый съ серебрянымъ шитьемъ, а другой — дикій съ золотымъ шитьемъ. Обыкновенной его одеждой былъ мундиръ полковника Преображенскаго полка, или простой кафтанъ темнаго цвѣта. Чулки и башмаки или ботфорты его часто носили на себѣ слѣды починки, галстукъ у него былъ всегда простой, военнаго образца, а обычныхъ для того времени кружевныхъ манжетъ онъ не любилъ, какъ мѣшавшихъ работѣ,

и никогда не носилъ, но бѣлье предпочиталъ тонкаго полотна, ежедневно мѣняя его. Всякую мелочь въ своемъ нарядѣ Петръ, въ случаѣ надобности, умѣлъ исправить самъ, и въ карманахъ его кафтана вмѣстѣ съ записной книжкой, готовальней чертежныхъ инструментовъ и простѣйшимъ наборомъ инструментовъ хирургическихъ, всегда имѣлась коробочка съ иглой, обмотанной нитками. Петръ любилъ указывать на свою бережливость въ одеждѣ, на то, что самъ онъ умѣетъ шить себѣ сапоги, и что жена его, царица Екатерина, сама штопаетъ при случаѣ его чулки.

Оставляя для себя право щеголять въ усердно ношеной простой одеждѣ, Петръ требовалъ отъ своихъ сотрудниковъ и подданныхъ одеждъ и житейскаго обихода болѣе пышныхъ. Генералы и сановники Петра должны были при торжественныхъ случаяхъ являться ко двору или на церемоніи въ богатыхъ расшитыхъ кафтанахъ; вмѣсто прежнихъ саней и колымагъ, петровская знать любила разъѣзжать въ каретахъ и колясках цугомъ; служителей своихъ знатные господа стали одѣвать на нѣмецкій манеръ въ гербовыя ливреи.

Петръ терпѣть не могъ разныхъ придворныхъ торжествъ, церемоніальныхъ выходовъ и пріемовъ. Въ Петербургѣ долгое время ему и негдѣ было все это дѣлать, и тогда отбывалъ онъ эти непріятныя ему повинности своего сана во дворцѣ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меншикова, а пріѣзжалъ на нихъ въ пышномъ экипажѣ, взятомъ на прокатъ у щеголя генералъ-прокурора П. И. Ягужинскаго. Приближенные Петра должны были вести широкую жизнь съ пріемами, пирами и весельемъ. Разсказываютъ, что Петръ, видя изъ своего домика торжество и пиршество въ домѣ Меншикова, всегда съ удовольствіемъ говорилъ:

Тарантасъ Петра Великаго. Съ рисунка того времени.

— Вотъ какъ Данилычъ веселится!

Веселую, широкую жизнь вели по собственной склонности и должны были вести по приказу и другіе сановники. Графъ Ѳ. М. Апраксинъ такъ втянулся въ это занятіе, что у него каждый день былъ открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Хозяинъ самъ встрѣчалъ гостей и каждаго радушно просилъ пить и ѣсть, особенно пить. Безъ большого стакана любимой царской „приказной“ или „гданской“ водки къ столу никого не подпускали, и старикъ генералъ-адмиралъ приставалъ къ упрямому гостю до тѣхъ поръ, пока тотъ не осушалъ стакана; этотъ подвигъ генералъ-адмиралъ привѣтствовалъ всегда радостнымъ громкимъ возгласомъ и цѣловался съ гостемъ. Хорошо умѣлъ принять и угостить гостей веселый, остроумный вице-канцлеръ Шафировъ, толстенькій, круглый человѣкъ,

необыкновенно быстро передвигавшійся на своихъ короткихъ ножкахъ въ толпѣ гостей, всѣхъ смѣшившій и веселившій. Генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій старался ввести у себя въ домѣ вельможный тонъ и манеры французскаго дворянства и умѣлъ задавать балы, гдѣ всѣмъ было весело и пріятно. Зато не терпѣлъ дѣлать у себя пріемы и обѣды скряга канцлеръ Г. И. Головкинъ. Въ обширной пріемной его дома, какъ украшеніе, красовался на подставкѣ пышный парикъ хозяина. Этотъ парикъ, какъ утверждали злые языки, хозяинъ дома, по скупости, никогда не одѣвалъ, боясь износить дорогую вещь. Князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій хранилъ завѣты стараго хлѣбосольства, порой тяжелаго и непріятнаго: гостей встрѣчалъ у него ручной медвѣдь, умѣвшій ходить на заднихъ лапахъ, а въ переднихъ державшій подносъ съ большимъ стаканомъ данцигской водки; мало у кого хватало храбрости отказаться взять угощеніе у этого рѣдкостнаго слуги, сердито рычавшаго на всякаго медлившаго осушить стаканъ за здоровье гостепріимнаго хозяина.

Самъ Петръ былъ очень неразборчивъ на веселье и развлеченье. Грубая попойка со шкиперами и матросами или церемонный балъ у Ягужинскаго сходили у него на одно: онъ одинаково просто и непринужденно держалъ себя тутъ и тамъ. Когда становилось жарко, Петръ, не очень стѣсняясь дамъ, снималъ кафтанъ. Петръ рано началъ лысѣть; тогда принято было носить парики огромные, съ завитыми локонами, осыпанные пудрой, т. наз. аллонжевые парики. Царь не любилъ эти парики и носилъ короткіе, сдѣланные изъ его собственныхъ волосъ, которые бережно собирались „перукмахеромъ“ послѣ каждаго „полегчанья главы“, т.-е. стрижки. Голова у царя иногда зябла; ощутивъ холодъ, онъ безъ церемоніи снималъ роскошный парикъ съ Меншикова или Толстого, надѣвалъ себѣ на голову и не возвращалъ хозяину до тѣхъ поръ, пока голова не согрѣется; въ Данцигѣ онъ такимъ образомъ воспользовался парикомъ бургомистра, когда озябъ во время проповѣди пастора въ соборѣ. Когда Петръ уставалъ, то уходилъ полежать, строго запретивъ, однако, гостямъ расходиться; случалось Петру и балъ смѣшать съ матросской попойкой и пройтись русскую по накрытому столу, но это бывало очень рѣдко, и къ концу жизни Петръ пріучилъ себя не смѣшивать въ одно придворный балъ и матросскую пирушку.

По отзывамъ иностранцевъ, петербургскій дворъ послѣднихъ годовъ жизни Петра по внѣшности ни въ чемъ не уступалъ любому германскому. Петербургскія придворныя дамы, по словамъ людей, знавшихъ дворъ Парижа и Берлина, не уступали француженкамъ и нѣмкамъ ни въ чемъ: ни въ свѣтскихъ манерахъ, ни въ умѣніи одѣваться, краситься и причесываться; французскій языкъ былъ уже въ такомъ ходу, что свѣтская дама петровскаго двора привѣтствуетъ рѣчью французскаго посла на его родномъ языкѣ и ведетъ съ нимъ остроумную бесѣду. Молодые люди, побывавшіе за границей и вкусившіе всей прелести тогдашней люд-

скости, уже не видятъ цѣли всякаго собранія только въ томъ, чтобы всласть поужинать и здорово выпить; отъ стола всѣ спѣшатъ къ танцамъ и стараются быть галантными съ дамами.

Въ назиданіе и поученіе необыкшимъ къ людскости юношамъ и дѣвицамъ Петръ велѣлъ перевести и напечатать особую книгу—руководство къ приличному поведенію—„Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ“. Здѣсь былъ прописанъ цѣлый сводъ законовъ приличнаго поведенія какъ дома, такъ и въ обществѣ. Молодому человѣку петровскихъ временъ внушалось въ этой книгѣ:

„Въ-первыхъ, наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не взглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ, не съ ними врядъ, но немного уступая позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матери отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать.

„У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять, на столъ, на скамью, или на что ино не опираться, и не быть подобнымъ мужику, которой на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

„Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ, и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды.

„Не прилично имъ руками и ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смирно, а не избоченясь сидѣть...“ и такъ далѣе.

Чтобы быть придворнымъ человѣкомъ, задавать балы и держать открытый столъ, надо было имѣть соотвѣтственный погребъ, кухню и обстановку, выписывать голландскую анисовую водку, любимую царемъ, „гданскую“, вина „эрмитажъ“, венгерское, бургонское и шампанское, или „секъ“.

Иностранное вино подавалось на первыхъ порахъ, конечно, только для гостей: хозяинъ приказывалъ во время обѣда, какъ разсказываетъ одинъ повѣствователь, писавшій со словъ людей петровскаго времени, принести сулею запечатанную, т.-е. четверть, открывалъ бутылку, наливалъ гостямъ по рюмкѣ, снова запечатывалъ бутыль своей именной печатью, и слуги уносили ее обратно въ погребъ. Конечно, такая бережливость наблюдалась только въ домахъ средней руки, а у вельможъ стояло разливанное море иноземныхъ винъ, и тутъ ужъ не считали, что и сколько чего выпьютъ гости. Въ 1729 г., по словамъ одного иностранца, понима-

вшаго толкъ въ роскошной жизни, высшіе круги русскаго общества превосходили „своей роскошью и великолѣпіемъ даже самые богатѣйшіе дворы“.

Какъ и все у Петра, эта „людскость“ началась съ личнаго примѣра и потомъ была регламентирована указомъ. Въ 1718 г. появился указъ объ ассамблеяхъ, въ которомъ русскіе люди прочли, что „ассамблея—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно; обстоятельно сказать—вольное въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ; дѣлается и не только для забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, притомъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣстъ въ обычай не войдетъ.

„Въ которомъ домѣ ассамблея имѣетъ быть, то надлежитъ письмомъ или инымъ знакомъ объявить людямъ, куда вольно всякому пріитти, какъ мужскому, такъ и женскому.

„Ранѣе пяти или четырехъ не начинается, а долѣе десяти пополудни не продолжается.

„Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчевать и не точію вышеописанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится ничего; но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье употребляемое въ жажду кто проситъ, игры на столахъ употребляемыя (приготовить).

„Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто хочетъ и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ.

„Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодить или унимать, также церемонія дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ, отнюдь да не дерзаетъ подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтить поклономъ должно.

„Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ, разумѣется, и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

„Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ“.

Эти ассамблейныя правила и параграфы книги „Юности честное зерцало“ могутъ теперь казаться на первый взглядъ придирчиво мелочными и потому смѣшными, но тогда они были только цѣлесообразны. Все, что они такъ заботливо предписываютъ, конечно, азбука общежитія, но она была тогда нужна.

Брауншвейгскій резидентъ Веберъ разсказываетъ, какъ онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вздумалъ сдѣлать визиты знатнымъ людямъ столицы и что ему пришлось вытерпѣть при соблюденіи

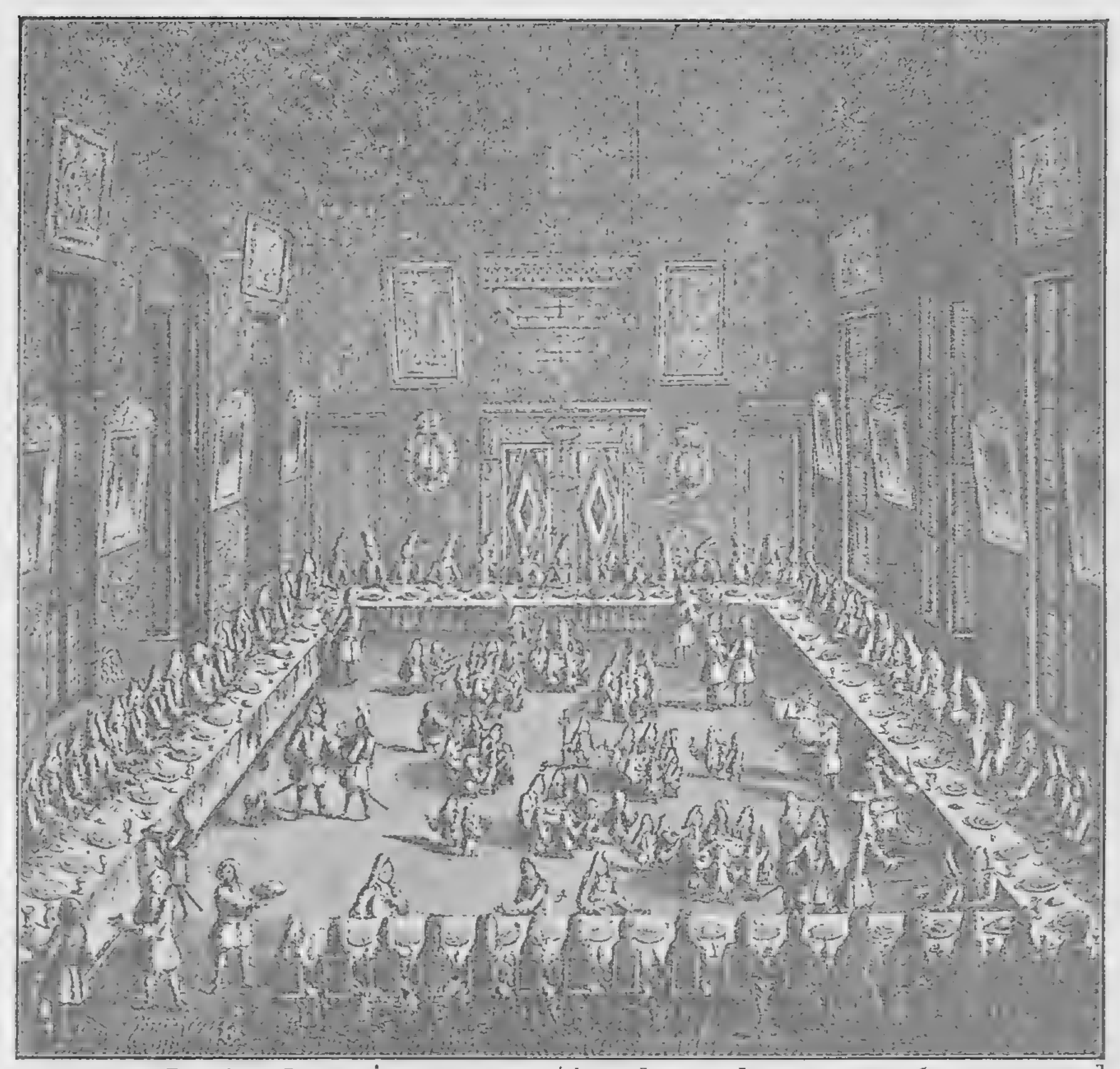
этой европейской вѣжливости: служители русскихъ бояръ не понимали, когда онъ приказывалъ доложить о себѣ, какъ это дѣлается, а хозяева выходили къ пріѣхавшему на дворъ и, выслушавъ обычныя привѣтствія визитера, спрашивали: не надо ли ему еще что-нибудь сказать, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, говорили: „Мнѣ до тебя нѣтъ никакого дѣла"; или, услыхавъ, что гость изъ Брауншвейга, говорили, что не слыхали о такой странѣ, и предлагали ему ѣхать „къ тѣмъ, до кого тебѣ дѣло". Знатныя дамы были убѣждены, что зубы чистить не слѣдуетъ, ибо бѣлые зубы бываютъ только у араповъ и обезьянъ.

Когда Веберъ пріѣхалъ на званый обѣдъ къ гр. Апраксину въ парадномъ, конечно, но простомъ кафтанѣ и въ простой каретѣ, караульный офицеръ отказался пропустить его и, въ отвѣтъ на увѣренія посланника, что онъ приглашенъ, столкнулъ его съ лѣстницы. Въ Петербургѣ человѣку высшаго общества надо было носить одежду всю по швамъ вышитую и расшитую золотомъ и серебромъ, ѣздить въ золоченой каретѣ съ гайдуками, которые шли бы впереди и кричали всѣмъ: „Долой съ дороги",—тогда еще можно было разсчитывать избѣгнуть разныхъ непріятностей и оскорбленій. Людей такихъ привычекъ, конечно, надо было учить „людскости", какъ говорится, начиная съ азовъ.

Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами безъ соблюденія какой-либо очереди. Обыкновенно самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должна была быть первая ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло: въ Петербургѣ—отъ оберъ-полицеймейстера, въ Москвѣ—отъ коменданта. Прежде, чѣмъ гости расходились съ одной ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы, которые открывали хозяинъ, или хозяйка, или кто-

Ассамблейная зала въ Монплезирѣ.

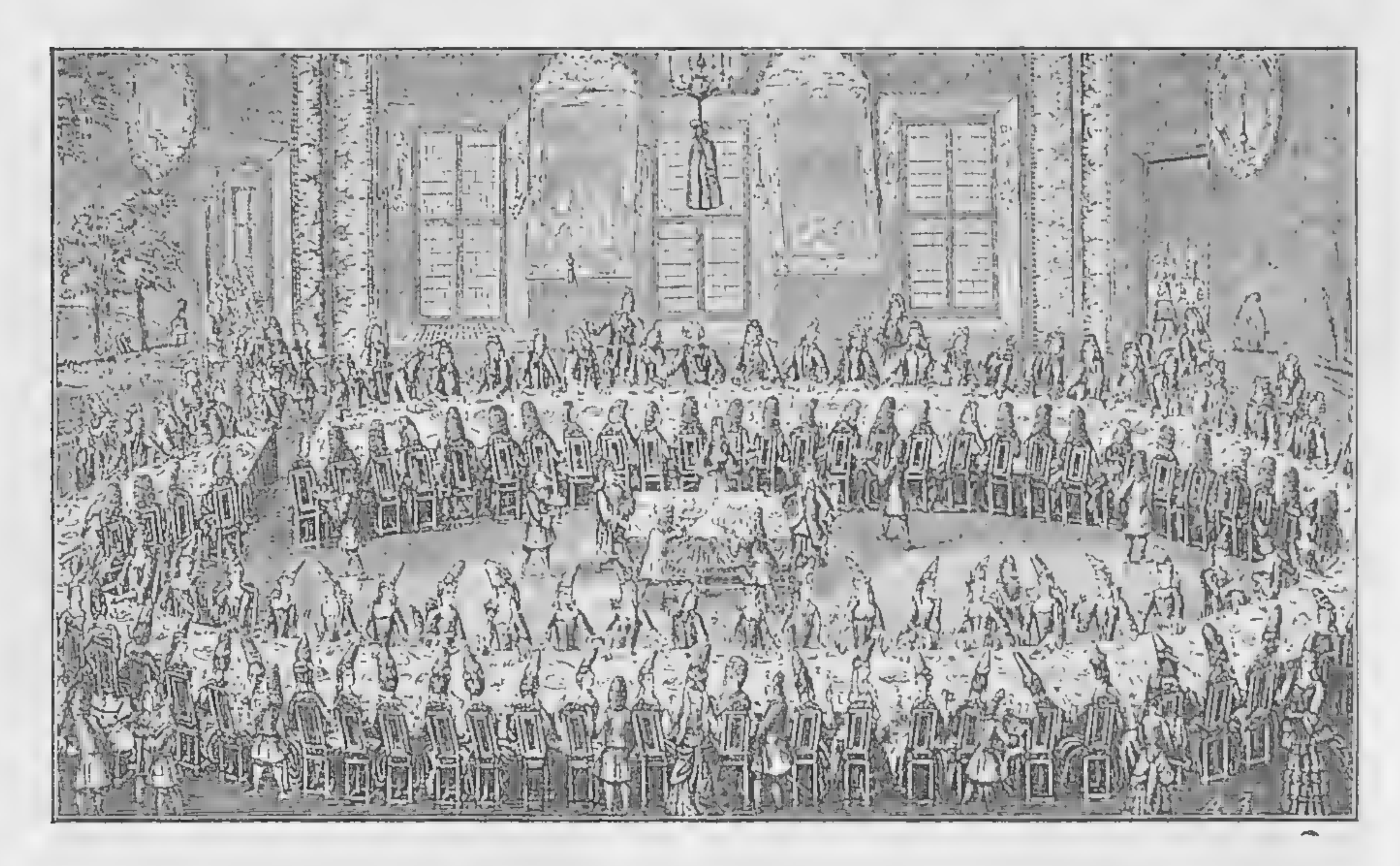

БРАКЪ и ВЕСЕЛІЕ ЕГО ЦРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАРЛЫ бывшее въ санктъпитербурхе некоторое собрано было множество карлъ въ домѣ его Свѣтлости князь АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА МЕНШИКОВА НОября въ 14 день 1710.

А какимъ порядкомъ оное определено было што указуетъ всемъ грыдорованномъ на чертаніи по нумерамъ
1. Столь гдѣ изволилъ сидѣть его Црское Величество и Свѣтлѣйшии князь и ближніе люди.
2. Высочайшие его ЦРСКАГО величества дамы
3. ближніе его Црскаго величества люди и нѣкоторые дамы
4. офицеры
5. женіхъ при немъ чиновные люди карлы
6. Невѣста зъ ближними девицы
7. Маршалъ и шаферы
8. Чиновные девицы
9. Музыка и трубы и литавры

нибудь изъ домашнихъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвицу, но и государыню и ея дочерей. Въ Петербургѣ ассамблеи, согласно указу, оканчивались къ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, развеселившійся государь приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полицеймейстера оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушать этого приказанія и волей-неволей всѣ должны были танцовать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ такихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поужинавъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами; у него и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ дѣлалъ все, за что бы ни принимался.

Взявшись распоряжаться танцами, Петръ иногда пускался въ тяжелыя неуклюжія шутки: становилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ, давъ имъ въ партнерши самыхъ молодыхъ дамъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ этого дѣла. Берхгольцъ разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такія „капріоли", которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старые танцоры насилу двигали ноги. „Царь съ свойственною ему настойчивостью

Современное изображеніе свадьбы Петра Великаго. Съ гравюры 1712 г.

принялся обучать танцоровъ и объявилъ имъ, что выучитъ ихъ скоро. Какъ ни бился, однако, государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его чуть держались на ногахъ, а царь прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, кряхтѣли, у нѣкоторыхъ кружились головы, другими овладѣвали припадки одышки; нѣкоторые не выдержали и повалились на полъ, другіе присѣли на корточки; Петръ разсердился, приказалъ прекратить музыку и заставилъ каждаго изъ неудачныхъ танцоровъ выпить по большому штрафному бокалу крѣпкаго венгерскаго. Отпустивъ послѣ этого стариковъ, онъ началъ танцовать съ молодыми новый, имъ самимъ придуманный, трудный и замысловатый „цѣпной" танецъ—Kettentanz".

Впрочемъ, царь не всегда былъ такъ любезенъ и веселъ. Берхгольцъ разсказываетъ, что однажды Петръ пріѣхалъ на ассам-

блею къ князю Меншикову въ самомъ тяжеломъ расположенiи духа. Вмѣсто того, чтобы танцовать, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, и такъ сильно трясъ головой и подергивалъ плечами, что присутствовавшими овладѣлъ страхъ и трепетъ; поэтому всѣ были очень довольны, когда онъ въ десять часовъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Екатерина, какъ и Петръ, танцовала очень ловко и проворно. Въ парѣ съ супругомъ она успѣвала сдѣлать три круга, тогда какъ остальные не успѣвали окончить еще первый. Но Екатерина танцовала старательно только съ государемъ, который, подобно ей, выдѣлывалъ тогда каждое па. Съ другими же кавалерами она танцовала небрежно, не подпрыгивала, не вертѣлась, а ходила обыкновеннымъ шагомъ. Дочери Петра—Елизавета и Анна—танцовали также много и весело, но племянница, Прасковья Ивановна, терпѣть не могла этого развлеченiя, и заставить ее танцовать могли только сердито нахмуренныя брови „батюшки-дядюшки“. На ассамблеяхъ, по словамъ французскаго резидента Лови, „одни играютъ въ шахматы или въ карты, другiе курятъ, пьютъ, разговариваютъ о новостяхъ дня, даже о торговлѣ, такъ какъ и именитые купцы допускаются на эти собранiя. Если кто, когда царь проходитъ мимо, почтительности ради, встанетъ, того подвергаютъ штрафу, т.-е. заставляютъ выпить огромный кубокъ вина. Дамы сидятъ въ отдѣльномъ апартаментѣ, куда къ нимъ иногда призываютъ для танцевъ министровъ и другихъ сановниковъ“.

Спальня въ ревельскомъ домикѣ Петра I.

Первое время участники ассамблей плохо и неуклюже держались въ непривычныхъ костюмахъ. Дамы, затянутыя въ крѣпкiе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ (въ полтора вершка) каблукахъ, съ пышно расчесанною и большею частью напудренной прической, съ длинными „шлепами“ или шлейфами, не умѣли не только легко и грацiозно вертѣться въ танцахъ, но даже не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеровъ тоже сначала крайне стѣсняли ихъ шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, фалдами, узкiя панталоны, туго натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшiя у бока шпаги, перчатки и такъ называвшiеся „аллонжевые“ парики съ длинными, завитыми въ букли волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ, и петровскiя ассамблеи ...

вольно скоро потеряли первоначальный натянутый и принужденный видъ.

Танцы на ассамблеяхъ дѣлились на церемоніальные и англійскіе. Церемоніальными считались „польскій“ и „менуэтъ“, англійскими—„англезъ“, „аллемандъ“, „контрадансъ“ и др. Менуэтъ былъ мѣрнымъ, церемоннымъ танцемъ; танцующіе двигались мелкими размѣренными па. стараясь придать своимъ фигурамъ изящныя позы, причемъ дамы, граціозно опустивъ руки, слегка приподымали платье. Англезъ отличался, наоборотъ, живостью и картинностью движеній. Танцовали его тоже парами, причемъ дама какъ бы убѣгала и уклонялась отъ кавалера, а онъ слѣдовалъ за ней. Фигуры этого танца были очень красивы.

Кухня Лѣтняго дворца Петра I.

Душою ассамблей петровскаго времени былъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій, увлекавшій все общество своей неистощимой веселостью. Однажды, какъ разсказываетъ Берхгольцъ, онъ выдумалъ на ассамблеѣ у барона Шафирова особенный танецъ, продолжавшійся болѣе часу. Ягужинскій началъ съ англеза, потомъ перешелъ въ польскій съ необыкновенными пируэтами; по окончаніи его составился новый танецъ, причемъ опять прыгали и дѣлали разныя забавныя фигуры. Однако Ягужинскій этимъ не удовольствовался: не находя новыхъ фигуръ, онъ поставилъ всѣхъ въ общій кругъ и предоставилъ своей дамѣ, госпожѣ Лопухиной, начать танецъ, который всѣ по порядку должны были повторять за ней, съ тѣмъ, чтобы кавалеръ слѣдующей пары выдумалъ что-нибудь новое, ближайшій къ нему - также, и такъ далѣе до послѣдней пары. Въ числѣ многихъ выдумокъ были слѣдующія: Лопухина, потанцовавъ нѣсколько въ кругу, обратилась къ Ягужинскому, поцѣловала его и потомъ стащила ему на носъ парикъ, что должны были повторить всѣ кавалеры и дамы. Затѣмъ одни изъ кавалеровъ, сдѣлавъ передъ дамой глубокій реверансъ, цѣловали ее; другіе, протанцовавъ нѣсколько разъ въ кругу, начинали пить за здоровье общества; третьи дѣлали щелчки на воздухъ; четвертые вынимали среди круга табакерку

и нюхали табакъ и т. п., кому что подсказали его находчивость и остроуміе.

По окончаніи ассамблей у богатыхъ людей подавался ужинъ, причемъ дамы обязательно сидѣли вперемежку съ кавалерами.

Музыка на ассамблеяхъ была сперва духовая: трубы, фаготы, гобои и литавры; въ 1721 году герцогъ Голштинскій привезъ съ собою небольшой струнный оркестръ, понравившійся до такой степени, что его наперебой каждый вечеръ приглашали куда-нибудь.

Конечно, ассамблеи временъ Петра не отличались утонченностью обстановки. Первое время все дѣлалось просто: въ той же залѣ, гдѣ они обѣдали или ужинали, разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы послѣ того какъ слуги уберутъ столы и подметутъ вѣниками полъ, распахнувъ даже зимою окна, чтобы провѣтрить помѣщеніе, пропитанное запахомъ кушанья и прокопченное табакомъ. Тѣснота тогдашнихъ петербургскихъ домовъ, не позволяла иногда во время собраній устроить общій для всѣхъ ужинъ; гости тогда дѣлились на двѣ группы: пока одна ужинала, другая танцовала.

Уголокъ залы въ ревельскомъ домикѣ Петра I.

Самыя грубыя шутки были въ ходу и никого не стѣсняли. Датскій посланникъ Юстъ Юль разсказываетъ, въ 1709 г., что шуты сидѣли и ѣли за однимъ столомъ съ царемъ. „Послѣ обѣда, — говоритъ Юстъ Юль, — случилось слѣдующее происшествіе. Со стола еще не все было убрано. Царь, стоя, весело говорилъ съ кѣмъ-то. Вдругъ къ нему подошелъ одинъ изъ шутовъ и намѣренно высморкался мимо самаго лица царя въ лицо другому шуту. Впрочемъ, царь не обратилъ на это вниманія. А другой шутъ вытеръ себѣ лицо и, не долго думая, захватилъ съ блюда на столѣ цѣлую горсть миногъ и бросилъ ими въ обидчика, однако не попалъ—тотъ извернулся“. Къ 20-мъ годамъ такія явленія въ присутствіи царя были уже рѣдки. Прежніе дураки и шуты, оглушавшіе гостей своимъ крикомъ, свистомъ, визгомъ и пѣніемъ и сводившіе все свое остроуміе къ тому, что тузили другъ друга по лицу и плевались, вывелись, и ихъ замѣнили шутники и остроумцы по призванію: на петровскихъ ассамблеяхъ всѣхъ потѣшалъ какой-то поручикъ гвардіи, обладавшій способностью смѣяться необыкновенно громко

Зала въ домикѣ Петра I въ Ревелѣ.

и долго, такъ что, глядя на него, принимались хохотать всѣ; за ужиномъ необыкновенное веселье возбуждалъ другой придворный, большой любитель желе. „Кто не видалъ,—разсказываетъ очевидецъ,—тотъ не можетъ себѣ представить, какое огромное количество желе съѣдаетъ этотъ старикъ съ величайшей поспѣшностью. Онъ взялъ себѣ (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Царь, знавшій его слабость, тотчасъ замѣтилъ это и велѣлъ ему открыть ротъ, а самъ всталъ съ своего мѣста, взялъ стаканъ желе и, отдѣливъ его ножомъ, влилъ однимъ разомъ тому въ горло, что повторялъ нѣсколько разъ и даже своими руками открывалъ ему ротъ, когда тотъ разѣвалъ его не довольно широко". Слабостью другого участника ассамблей, молодого князя Трубецкого, была его паническая боязнь щекотки; и вотъ, по знаку императрицы, подкрадется къ нему шаловливая княгиня Черкасская, его сестра, и начнетъ щекотать ему подъ шеей, и бѣдный князь „всякій разъ принимался ревѣть, какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что гостей очень потѣшало".

Во время ассамблеи Петръ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, присаживался къ какой-нибудь компаніи и вступалъ въ общій разговоръ. Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, то не было человѣка веселѣе, добродушнѣе и разговорчивѣе, онъ тогда шутилъ, смѣялся и велъ себя, какъ ребенокъ: увидитъ человѣка, который при танцахъ вертитъ особенно усердно, но безъ толку, руками и ногами, и самъ примется, сидя, карикатурно повторять эти движенія; общій смѣхъ подзадоритъ его, онъ встанетъ тогда и уже на глазахъ у всѣхъ передразнитъ неловкаго

Столовая въ домикѣ Петра I въ Ревелѣ.

танцора. Но вызвать со стороны Петра неловкостью одну насмѣшку не всегда удавалось, и когда это случалось такъ, то надо было говорить: „слава Богу“. Одинъ иноземный полковникъ въ разговорѣ на ассамблеѣ расхвастался о своихъ подвигахъ и при этомъ что-то слишкомъ перевиралъ по артиллерійскому дѣлу. Царь слушалъ, слушалъ его, и вдругъ плюнулъ въ лицо вралю, потомъ молча всталъ и отошелъ въ сторону къ другимъ гостямъ.

Петръ въ обществѣ обыкновенно бывалъ веселъ, обходителенъ, разговорчивъ и бесѣду любилъ веселую, непринужденную, умную. Датскій посолъ Юстъ Юль былъ представленъ Петру на вечеринкѣ. „Царь спросилъ меня, — говоритъ Юстъ Юль,— чрезъ посредство толмача о здоровьѣ моего всемилостивѣйшаго короля, я отвѣчалъ ему надлежащимъ выраженіемъ благодарности. Далѣе онъ освѣдомился, не служилъ ли я во флотѣ, на что я отвѣчалъ утвердительно. Вслѣдъ за этимъ онъ сѣлъ за столъ, пригласилъ меня сѣсть возлѣ себя и тотчасъ же началъ разговаривать со мной безъ толмача, такъ какъ говорилъ по-голландски настолько отчетливо, что я безъ труда могъ его понимать, а онъ понималъ, что я отвѣчаю. Царь, не медля, вступилъ со мной въ такой дружескій разговоръ, что, казалось, онъ былъ моимъ ровнею и зналъ меня много лѣтъ. Сейчасъ же было выпито здоровье моего всемилостивѣйшаго государя и короля. Царь собственноручно передалъ мнѣ стаканъ, чтобы пить этотъ тостъ“. Ссоръ и брани онъ не терпѣлъ и виновнаго въ нарушеніи пріятельской бесѣды, того, кто „лишнее вралъ и другихъ задиралъ“, заста-

вялъ всегда пить штрафъ — кубка три-четыре вина, или одного „орла“—большой ковшъ такой же вмѣстимости. Разсказываютъ, что Петръ, хмелѣвшій очень медленно, любилъ подпоить своихъ сотрапезниковъ и прислушиваться къ тому вздору, перемѣшанному съ правдой, который часто несутъ подвыпившіе люди, обнажая нечаянно свои сокровенныя мысли и мечты о себѣ и другихъ.

Однажды на пирушкѣ у корабельныхъ мастеровъ, подгулявъ и разблагодушествовавшись, гости принялись запросто выкладывать царю, что у каждаго лежало на днѣ души. Присутствовалъ здѣсь и П. А. Толстой, который нѣкогда, въ 1682 г., былъ сильно замѣшанъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ и едва удержалъ голову на плечахъ, но во-время покаялся, получилъ прощеніе, умомъ и заслугами вошелъ въ милость и сталъ виднымъ дѣльцомъ и нужнымъ Петру человѣкомъ. Незамѣтно уклонившись отъ стакановъ, сѣлъ онъ у камелька, задремалъ, точно во хмелю, опустилъ голову и даже снялъ парикъ, а между тѣмъ, покачиваясь, внимательно прислушивался къ откровенной болтовнѣ собесѣдниковъ царя. Царь, какъ всегда ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣтилъ уловку хитреца и, указывая на него присутствующимъ, сказалъ:

— Смотрите, повисла голова, какъ бы съ плечъ не свалилась.

— Не бойтесь, ваше величество, — отвѣчалъ вдругъ очнувшійся Толстой:—она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда.

— А, такъ онъ только притворялся! — продолжалъ царь. — Поднесите-ка ему стакана три добраго флина (грѣтаго пива съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поровняется съ нами и также будетъ трещать по-сорочьи!—и, ударяя Толстого ладонью по головѣ, продолжалъ:—Голова, голова! кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ.

Участники товарищескихъ бесѣдъ царя съ его сотрудниками увѣряютъ почти единогласно, что съ нимъ въ роли гостепріимнаго хозяина чувствовалось легко и непринужденно. Корабельные мастера и морскіе офицеры должны были обращаться къ царю, какъ къ своему сослуживцу, и именовать его въ обращеніи не „ваше величество“, а Myn Her Schaut-by-Nacht, или впослѣдствіи Myn Her Vice-admiral, а чины военные сухопутные должны были называть его по сухопутному чину; это обстоятельство при томъ условіи, когда всѣ знали, что свои чины Петръ получилъ за дѣйствительную, а не показную службу, очень облегчало общеніе съ царемъ его подданныхъ и подчиненныхъ; простые офицеры и корабельные мастера, подогрѣтые парами Бахуса, чокались съ царемъ-адмираломъ или генераломъ, запросто съ нимъ обнимались, клялись ему въ своей любви и усердіи, а онъ имъ платилъ такими же выраженіями признательности. Но, чуткій къ правдѣ и не терпѣвшій лжи, Петръ не любилъ, когда эти признанія начинали походить на лесть. Одинъ офицеръ, подвыпивъ, сталъ приставать къ царю, чтобы онъ повелѣлъ ему умереть, свидѣтельствуя „паролемъ офицера“, что для него счастье умереть на глазахъ монарха, пусть только скажетъ. Петръ долго слушалъ, потомъ взялъ

руку собесѣдника, поднесъ къ пылавшимъ канделябрамъ и сталъ жечь палецъ офицера. Тотъ, мгновенно отрезвившись, завопилъ отъ боли и сталъ выдергивать руку, крѣпко сжатую царемъ. „Вотъ видишь,—сказалъ ему тогда царь,—единаго пальца погубить безъ толку жаль, а ты говорилъ, что жизнь готовъ положить ни за что, только по приказу. Не надо врать лишняго". Въ молодости Петра бывали случаи, когда онъ, при вспыльчивости своего характера, развертывался во всю необузданную ширь своей натуры и, обнаживъ шпагу, кидался на собесѣдника, котораго считалъ виноватымъ въ чемъ-либо, но къ зрѣлому возрасту такія вспышки бывали рѣдки, и, разсердившись и зная свою тяжелую руку, Петръ убѣгалъ изъ залы, поставивъ солдата съ ружьемъ къ дверямъ, чтобы испуганные его гнѣвомъ гости не вздумали разойтись. Царица шла тогда успокаивать разгнѣваннаго супруга; почти всегда онъ возвращался къ гостямъ, и пиръ продолжался, какъ будто ничего не случилось.

Предметы бесѣдъ Петра съ его гостями были довольно разнообразны: говорили о Библіи, о мощахъ, о безбожникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, о Карлѣ XII, о заграничныхъ порядкахъ. Иногда среди собесѣдниковъ заходила рѣчь и о предметахъ болѣе имъ близкихъ, практическихъ, о началѣ и значеніи того дѣла, которое они дѣлали, о планахъ будущаго, о томъ, что имъ предстоитъ еще сдѣлать. Въ этихъ бесѣдахъ, отрывочно и неполно сохранившихся въ воспоминаніяхъ современниковъ, причемъ они еще передаютъ только рѣчи Петра, происходила оцѣнка дѣятельности самого царя и его предшественниковъ, вскрывались тѣ побужденія и идеи, которыя легли въ основу его дѣятельности.

Такъ, однажды въ присутствіи фельдмаршала Шереметева и генералъ-адмирала Апраксина Петръ разсказывалъ, что въ ранней молодости онъ читалъ лѣтопись Нестора и оттуда узналъ, какъ Олегъ посылалъ на судахъ войско подъ Царьградъ. Съ этихъ поръ запало въ немъ желаніе сдѣлать то же противъ враговъ христіанства, вѣроломныхъ турокъ, и отмстить имъ за обиды, какія они вмѣстѣ съ татарами наносили Россіи. Эта мысль окрѣпла въ немъ, когда во время поѣздки въ Воронежъ, въ 1694 году, за годъ до перваго азовскаго похода, обозрѣвая теченіе Дона, онъ увидѣлъ что этой рѣкой, взявъ Азовъ, можно выйти въ Черное море, и тогда-то рѣшилъ онъ завести въ пригодномъ мѣстѣ кораблестроеніе. Точно также первое посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести и тамъ строеніе судовъ для торговли и морскихъ промысловъ. „И вотъ теперь,—продолжалъ онъ,—когда при помощи Божіей у насъ есть Кронштадтъ и Петербургъ, а вашей храбростью завоеваны Рига, Ревель и другіе приморскіе города, строящимися у насъ кораблями мы можемъ защищаться отъ шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ почему, друзья мои, полезно государю путешествовать по своей землѣ и замѣчать, что можетъ служить къ пользѣ и славѣ государства".

Въ 1717г. Петръ на пиру разговорился о своемъ отцѣ, о

Комната въ павильонѣ Марли.

его войнѣ съ Польшей, о спорѣ его съ патріархомъ Никономъ. Графъ П. А. Мусинъ-Пушкинъ принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексѣй самъ мало что дѣлалъ, а больше Морозовъ съ другими великими министрами; все дѣло въ министрахъ: каковы министры у государя, таковы и его дѣла. Государя раздосадовали эти рѣчи; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Мусину-Пушкину:

— Въ твоемъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ больше брани на меня, чѣмъ я могу стерпѣть.

Потомъ, подошедши къ князю Я. Ѳ. Долгорукому и ставъ за его стуломъ, говорилъ ему·

— Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ. А теперь я спрошу тебя, какъ ты думаешь о дѣлахъ отца моего и моихъ? Я увѣренъ, что ты нелицемѣрно скажешь мнѣ правду.

Долгорукій отвѣчалъ:

— Изволь, государь, присѣсть, а я подумаю.

Петръ сѣлъ подлѣ него. Всѣ смотрѣли на князя и ждали, что

онъ скажетъ. Помолчавъ немного, Долгорукій, „по повадкѣ великіе свои усы разглаживая и думая“, началъ такъ:

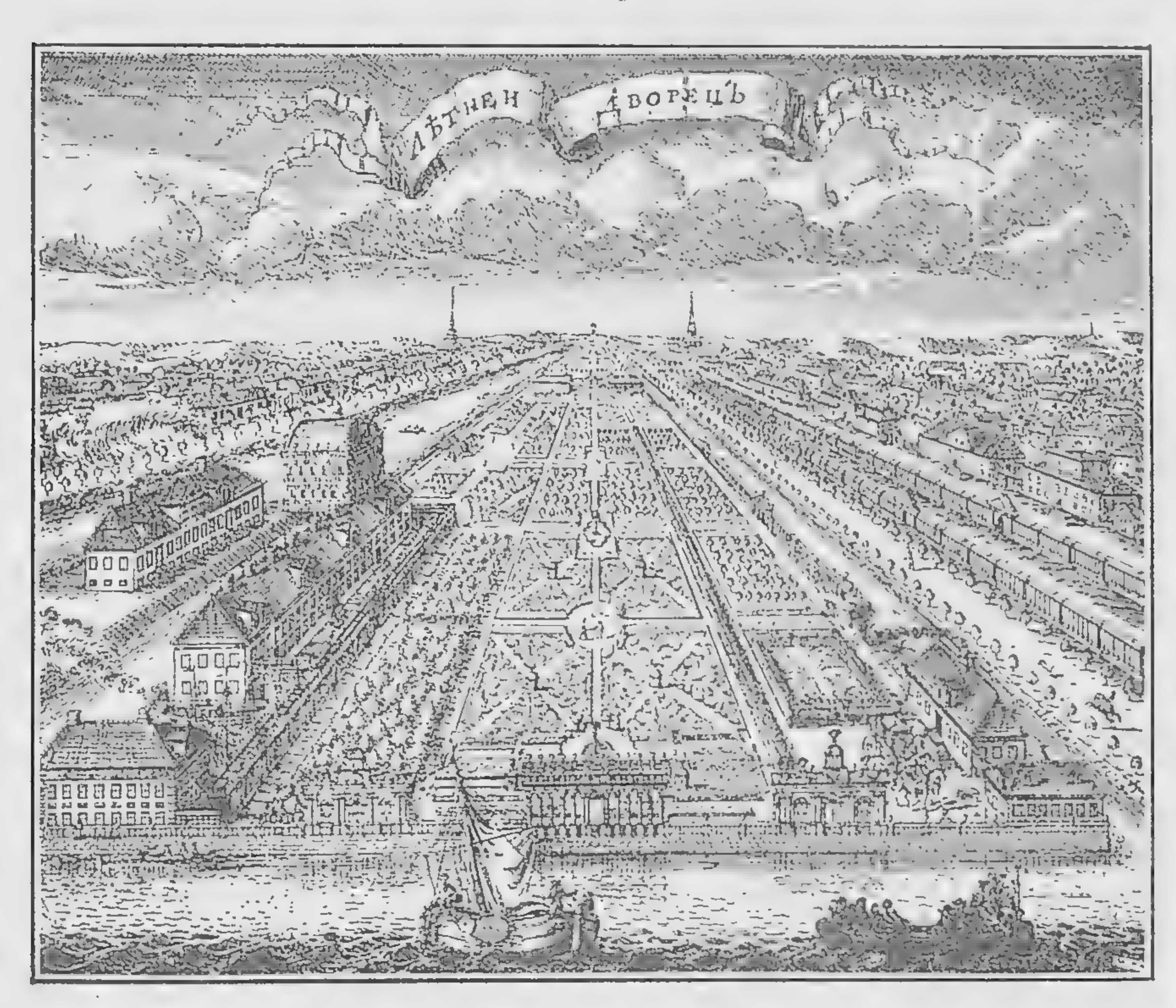
— На вопросъ твой нельзя отвѣтить коротко, потому что у тебя съ отцомъ дѣла разныя: въ одномъ ты больше заслуживаешь похвалы и благодарности, въ другомъ—твой отецъ. Три главныя дѣла у царей: первое —внутренняя расправа и правосудіе; это ваше главное дѣло. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о томъ не было, и потому въ этомъ отецъ твой больше тебя сдѣлалъ. Но когда ты займешься этимъ, можетъ-быть, и больше отцова сдѣлаешь. Да и пора ужъ тебѣ о томъ подумать. Другое дѣло—военное. Этимъ дѣломъ отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ; но послѣ него неразумные люди всѣ его начинанія разстроили, такъ что ты почти все вновь начиналъ и въ лучшее состояніе привелъ. Однако, хоть и много я о томъ думалъ, но еще не знаю, кому изъ васъ въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе отдать; конецъ твоей войны прямо намъ это покажетъ. Третье дѣло—устройство флота, внѣшніе опыты, отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ ты гораздо больше пользы государству принесъ и себѣ чести заслужилъ, нежели твой отецъ, съ чѣмъ, надѣюсь, и самъ согласишься. А что говорятъ, якобы каковы министры у государей, таковы и дѣла ихъ, такъ я думаю о томъ совсѣмъ напротивъ, что мудрые государи умѣютъ и умныхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать. Потому у мудраго государя не можетъ быть глупыхъ министровъ, ибо онъ можетъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отличить.

Петръ выслушалъ все это и, поцѣловавшись съ Долгорукимъ, сказалъ:

— Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю!

Ассамблеи были зимнимъ удовольствіемъ; лѣтомъ Петръ старался перенести всѣ свои торжества и празднества на воздухъ—въ сады и на широкій водный просторъ Невы. Торжества эти происходили обыкновенно въ Лѣтнемъ саду, обширномъ паркѣ, разбитомъ на берегу Невы. Нынѣшній Лѣтній садъ—небольшой остатокъ того, что было. Лѣтній садъ петровскихъ временъ занималъ все пространство между Мойкой и Фонтанкой отъ Невы до Невскаго проспекта. Петръ самъ трудился надъ разбивкой и устройствомъ этого сада. На особыхъ телѣжкахъ привозили для сада вырытыя съ корнемъ липовыя и илимовыя деревья изъ Кіева и Воронежа; изъ-подъ Москвы везли яблони, изъ Соликамска—кедры и пихтовыя деревья. Въ саду устраивалась „менажерія“, т.-е. зоологическій садъ, для котораго велѣно было собирать звѣрей и птицъ „куріозныхъ“ во всемъ государствѣ. Въ 1720 г. новый астраханскій губернаторъ А. П. Волынскій тоже получилъ подобное повелѣніе: „Посылать въ горы и въ другія мѣста для бобровъ и барсовъ, чтобы ихъ покупать молодыхъ и выдирать у нихъ ногти, также и зубы вытравливать спиртомъ витріольнымъ или

крѣпкою водкою, только беречь, чтобы не мазать десны, и которые вылѣчатся присылать въ Санктъ-Питербурхъ; такъ же присылать и прочихъ звѣрей, какъ оленей, такъ и другихъ, которые куріозны"... Волынскій долженъ былъ также „присылать по вся годы въ Санктъ-Питербурхъ чинаровыя и орѣховыя деревья"... Резидентъ въ Гамбургѣ Брандтъ ежегодно получалъ приказанія покупать садовыя деревья, каштановыя, липовыя; въ 1720 году онъ долженъ былъ купить „пирамидъ буксбомовыхъ и таксисовъ четвероугольно стриженыхъ по 30 деревъ каждаго, камприфоліи 300 штукъ и оное все искупя отправить въ Ригу". Тогда же Го-

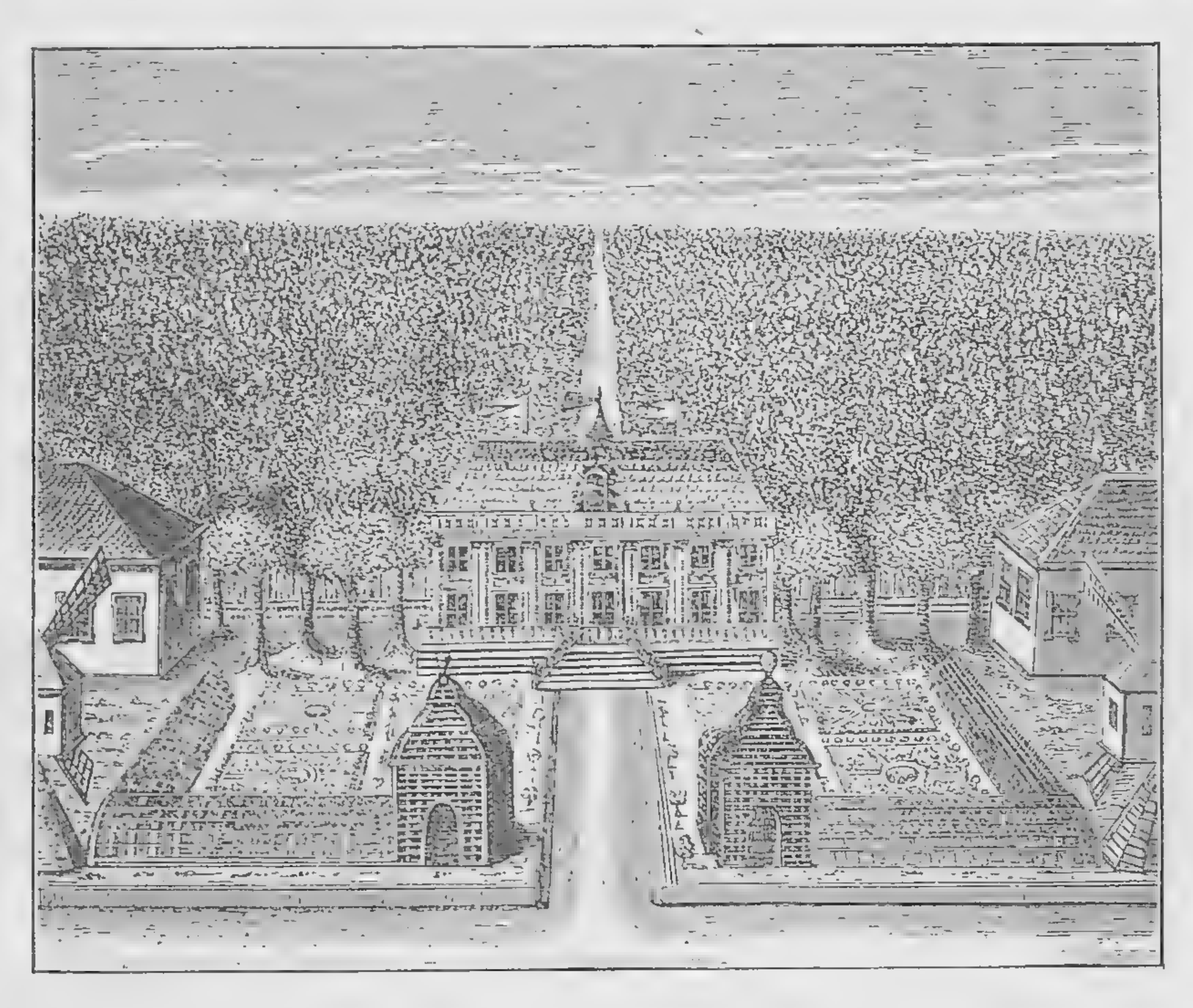
Видъ Лѣтняго сада въ 1717 г.

версъ Петерсенъ купилъ въ Любекѣ „серенги тысячу кустовъ" „деревья бялу, которой по-нѣмецки серенга (сирень) бѣлаго и синяго"... Въ Голландіи и Франціи покупали цвѣточныя сѣмена и луковицы, цвѣточныя вазы художественной работы, статуи для фонтановъ и для украшенія садовъ, остъиндскія раковины для украшенія гротовъ, фонтановъ, дорожекъ и клумбъ, нанимали ученыхъ садовниковъ, выписывали книги по искусству разбивки садовъ и по садоводству. Находясь за границей, царь освѣдомлялся, какъ идетъ посадка деревьевъ, и слалъ въ Петербургъ распоря-

женія, какъ садить деревья, разбивать куртины и дорожки, ставить фонтаны и гроты, въ Лѣтнемъ саду, въ Петергофѣ, Стрѣльнѣ, Дубкахъ.

По описанію современника-иностранца, „садъ этотъ имѣетъ продолговатую форму; съ восточной стороны къ нему примыкаетъ лѣтній дворецъ царя, съ южной—оранжерея, съ западной—большой красивый лугъ, на которомъ при всѣхъ празднествахъ стоитъ въ строю гвардія, а съ сѣверной онъ омывается Невою, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою.

„Разскажу по порядку все, что тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны, у воды стоятъ три длинныя открытыя гал-

Екатерингофъ. Съ гравюры 1716 г.

лереи, изъ которыхъ длиннѣйшая средняя, гдѣ всегда при большихъ торжествахъ, пока еще не начинались танцы, ставится столъ со сластями. Въ обѣихъ другихъ помѣщаются только столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галлереѣ находится мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожитъ, что приказываетъ ставить къ ней для охраненія часового. Она, въ самомъ дѣлѣ превосходна, хотя и попорчена немного отъ долгаго лежанія въ землѣ. Противъ этой галлереи аллея—самая широкая во всемъ саду; въ ней устроены красивые фонтаны, бьющіе довольно высоко. Вода

для нихъ проводится въ бассейны изъ канала, съ помощью большой колесной машины. У перваго фонтана—мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ со своими дамами, а далѣе, у другого, стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ,—это мѣсто царя.

„Вправо отъ этой круглой и раздѣленной четырьмя аллеями площадки съ одной стороны стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицомъ, у подножія которой течетъ или, лучше сказать, бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой—находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы частью свободно расхаживаютъ, частью заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тамъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ же содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ, напримѣръ, очень большой ежъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11 дюймовъ длиною. Кромѣ того, тамъ есть еще синяя лисица, нѣсколько соболей и проч. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей.

Дворецъ Петра I въ Лѣтнемъ саду.

„На другой сторонѣ фонтана, противъ упомянутой статуи, устроена въ кущѣ деревьевъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно проводитъ время царь, когда желаетъ быть одинъ. На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ утокъ и гусей, которые до того ручны, что позволяютъ кормить себя изъ рукъ. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, куда ихъ, вѣроятно, запираютъ на ночь. Здѣсь же красуется вполнѣ снаряженный корабликъ, на которомъ иногда потѣшается карла царя.

„Противъ большого птичника устроенъ еще въ видѣ водопада красиво вызолоченный мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосудами. Это мѣсто, гдѣ находится также и оранжерея, безспорно, одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается.

„Далѣе отсюда, вправо, стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летаютъ и садятся на посаженныя внутри ея деревца. Еще далѣе, налѣво, строится новый гротъ, который снаружи почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано еще и половины того, что предположено сдѣлать. Онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ, потому что для покрытія его стѣнъ и потолка назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, пріобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ.

„Кромѣ того, въ этомъ саду находится пріятная рощица, и устроено еще нѣсколько фонтановъ; однимъ словомъ, тамъ есть все, чего только можно желать для увеселительнаго сада. Особенно украшаютъ его драгоцѣнные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2.000 лѣтъ и которая, какъ говорятъ, куплена у папы за 3.000 скуди". Петръ очень цѣнилъ эту статую, хранящуюся теперь въ Эрмитажѣ и являющуюся однимъ изъ лучшихъ образцовъ эллинской скульптуры. Современники, какъ писалъ царю Рагузинскій, считали эту статую лучшей во всей Италіи. Заботясь о безопаснѣйшей перевозкѣ этого сокровища искусства въ Петербургъ, царь приказалъ доставить „статую Венусъ" сухимъ путемъ и въ собственноручномъ письмѣ Рагузинскому отъ 15 августа 1720 г. намѣтилъ маршрутъ слѣдованія статуи и способъ перевозки: по Италіи, изъ Ливорно, статую предлагалось везти „на мулахъ, какъ называютъ по-итальянски летикою (или качалкою), до Инсбрука, а оттоль Дунаемъ водою до Вѣны, а въ Вѣнѣ адресовать ее господину генералъ-майору и капитану отъ гвардіи Ягужинскому, которому мы писали, чтобъ онъ сдѣлалъ для оной карету покойную на пружинахъ и отправилъ до Кракова, а отъ Кракова мочно оную отправить паки водою, и для того пошлите съ нею добраго провожатаго, а именно хотя бы Іосифа Франка, для того, что онъ умѣетъ по-нѣмецки и по-славянски говорить"...

Въ Лѣтнемъ саду торжественно праздновался день именинъ царя и предшествовавшій ему день „преславной викторіи". Праздникъ начинался около пяти часовъ вечера, послѣ обѣда; къ этому времени на обширной лужайкѣ сада, на Царицыномъ лугу, выстраивались Преображенскій и Семеновскій полки; царь угощалъ солдатъ, поднося имъ собственноручно въ деревянныхъ чашкахъ вино и пиво.

Въ саду у одного изъ фонтановъ помѣщалась царица со всей царской фамиліей и дамами двора. Въ галлереяхъ сада ставили столы съ фруктами и сладостями. Царь и гости подходили

время отъ времени къ угощеніямъ и брали, что кому нравилось. Къ вечеру, когда дѣло подходило къ ужину, столы уставлялись холодными кушаньями, и появлялось въ изобиліи вино. Ворота сада запирались, часовымъ отдавалось приказаніе никого не выпускать, и на главную аллею вступала процессія: рослые гренадеры гвардіи несли ушаты простой хлѣбной водки; за солдатами шли майоры гвардіи и предлагали всѣмъ выпить по большой чаркѣ за здоровье ихъ полковника; отъ этой обязательной чарки не избавляли никого, даже дамы должны были выпить, а тѣхъ, кто упирался, поили насильно и подъ веселую руку лили иному упрямцу вино на голову, пока онъ не согласится выпить; въ открытой галлереѣ на берегу Невы начинались танцы; на лугу тысячами разноцвѣтныхъ огней, съ трескомъ и шумомъ ракетъ и римскихъ свѣчей разгорался блестящій фейерверкъ, искусно составленный иной разъ самимъ царемъ, очень любившимъ эту огненную потѣху. Веселье, заканчивавшееся „питіемъ довольнымъ", очень тягостно было для людей непьющихъ и давало поводъ къ большимъ нареканіямъ со стороны иностранцевъ на этотъ тяжкій обычай русскихъ.

27-го іюня, въ день празднованія „преславной викторіи", утромъ совершалось богослуженіе на площади передъ Троицкой церковью. Здѣсь ставили большую палатку съ походнымъ алтаремъ; поодаль отъ алтаря стоялъ Петръ, одѣтый такъ, какъ былъ во время самой баталіи: въ полковничьемъ кафтанѣ съ небольшими красными отворотами, съ кожаной черной портупеей черезъ плечо, въ зеленыхъ чулкахъ, въ старыхъ башмакахъ, съ „партазаномъ" въ рукахъ и старой, прострѣленной въ бою шляпой подъ мышкой. Вечеромъ всегда бывала „гульба въ вертоградѣ царскомъ и радость всенародная съ громкою пушечною стрѣльбой, пированіе и трапеза царская, всякое изобиліе въ брашнахъ и питіяхъ имущая, съ сладкогласнымъ пѣніемъ, трубами и мусикіею".

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра въ его „парадизѣ" было катанье по Невѣ, которое тоже было организовано по указу 12 апрѣля 1718 г. и должно было происходить по особому регламенту. Жителямъ Петербурга, „для увеселенія народа, наипаче же для лучшаго обученія и искусства по водамъ и смѣлости въ плаваніи", розданы были безденежно изъ казны парусныя и гребныя суда. Суда даны были „вѣчно, то-есть, ежели какая трата на какое судно придетъ, повиненъ онъ (владѣлецъ) такое жъ вновь сдѣлать, а не меньше, а больше воля, и не точію онъ, но и его потомки и наслѣдники его". Для постройки и починки такихъ судовъ была основана особая партикулярная верфь. Въ указѣ точно обозначались правила, какъ слѣдуетъ держать эти суда въ чистотѣ и порядкѣ, и строго отмѣчалось, что „сіи суда даны, дабы ихъ употребляли такъ, какъ на сухомъ пути кареты и коляски, а не какъ навозныя телѣги". Въ опредѣленные дни въ разныхъ мѣстахъ города вывѣшивались особые сигнальные флаги, а на флагштокѣ крѣпости взвивался морской штандартъ; для жителей тогдашняго

Петербурга это значило, что ихъ приглашаютъ выѣзжать на своихъ судахъ на Неву къ крѣпости, и кто не являлся, тотъ платилъ штрафъ. Собраніе этихъ судовъ называлось невскимъ флотомъ, а командующій надъ нимъ—невскимъ адмираломъ. Царь бывалъ на мѣстѣ на своемъ буэрѣ или шнявѣ, т.-е. яхтѣ, одинъ изъ первыхъ.

„Подъѣхавъ къ рѣкѣ,—разсказываетъ Берхгольцъ, участникъ одного такого катанья,—мы увидѣли, что всѣ ушли уже довольно далеко, почему велѣли грести сильнѣе, и скоро догнали флотилію. Впереди ея плылъ адмиралъ *маленькаго флота*, который составляютъ всѣ упомянутыя небольшія суда, имѣвшій на своемъ суднѣ для отличія большой флагъ. Прочія суда должны слѣдовать за нимъ и не имѣютъ права обгонять его.

„Царь ѣхалъ недалеко позади, на баркѣ царицы; онъ стоялъ у руля, а царица съ обѣими принцессами, своими дамами и камеръ-юнкерами сидѣла въ каютѣ. Проплывъ довольно далеко, адмиралъ поворотилъ назадъ, а всѣ, слѣдовавшіе за нимъ, остановились и выждали, пока онъ не прошелъ мимо.

„Чудный видъ представляла наша флотилія, состоявшая изъ 50 или 60 барокъ и верееекъ, на которыхъ всѣ гребцы были въ бѣлыхъ рубашкахъ (на баркахъ ихъ было по 12 человѣкъ, а въ самыхъ маленькихъ верейкахъ не менѣе 4). Удовольствіе отъ этой прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку: звуки множества волторнъ и трубъ безпрестанно оглашали воздухъ.

„Мы спустились до самаго Екатерингофа, куда пріѣхали очень скоро, потому что плыли по теченію рѣки, да и, кромѣ того, водою туда отъ города не болѣе четырехъ верстъ.

„По пріѣздѣ въ Екатерингофъ мы вошли въ небольшую гавань, въ которую едва ли могутъ свободно пройти два судна рядомъ. Все общество по выходѣ на берегъ отправилось въ находящуюся передъ домомъ рощицу, гдѣ былъ накрытъ большой длинный столъ, уставленный холодными кушаньями, за который однакожъ порядочно долго не садились; царь и нѣкоторые другіе ходили взадъ и впередъ и по временамъ брали что-нибудь изъ поставленныхъ на немъ плодовъ. Царица была такъ милостива, что собственноручно подала каждому изъ нашей свиты по стакану превосходнаго венгерскаго вина.

„Такъ какъ царь разговаривалъ со своими приближенными, а другія царственныя особы сидѣли довольно смирно, то Ягужинскій, замѣтивъ, что они со вниманіемъ слушаютъ трубачей, игравшихъ въ рощѣ, подошелъ и сказалъ царицѣ, что у герцога Голштинскаго есть два волторниста, которымъ едва ли найдутся подобные. Ея величество пожелала ихъ слышать; они явились и превосходно сыграли нѣсколько пьесъ. Царица и принцессы слушали съ большимъ вниманіемъ и восхищались ихъ игрою.

„Между тѣмъ стало уже становиться довольно поздно. Ея величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ѣхать назадъ,

и въ это время незамѣтно вручила камеръ-юнкеру Монсу двѣнадцать червонцевъ для передачи волторнистамъ.

„Назадъ мы поѣхали совсѣмъ иначе,—черезъ каналъ, и вошли въ рѣку только позади Лѣтняго дворца царицы. Было уже темно, и вода стояла совершенно спокойно. Передъ окнами принцессъ мы велѣли гребцамъ остановиться, и волторнисты сыграли прекрасный ноктюрнъ. Послѣ того мы отправились домой“.

Въ хорошую погоду такія катанья по Невѣ съ волторнистами и музыкантами были очень пріятны. Но иногда царь приказывалъ плыть въ Кронштадтъ, и въ сильный вѣтеръ увеселительная прогулка грозила превратиться въ катастрофу. Въ 1714 г. едва не утонулъ въ заливѣ застигнутый бурей во время увеселительной прогулки узбекскій посланникъ. Самого царя и его семью не разъ застигала во время такихъ прогулокъ буря, сносившая паруса, заливавшая каюту и кренившая яхту такъ, что грозила серьезная опасность опрокинуться. Царь въ такихъ случаяхъ самъ брался за штурвалъ и, какъ опытный морякъ, выводилъ судно изъ опасности, а потомъ очень посмѣивался надъ перетрусившими спутниками, хотя и признавалъ, что такая шутка иной разъ заходила слишкомъ далеко.

У Петра была страсть къ торжественнымъ шествіямъ, аллегорическимъ процессіямъ и маскарадамъ, и онъ устраивалъ все это при всякомъ удобномъ случаѣ, мало справляясь, охотно или неохотно примутъ участіе въ его „весельѣ“, другіе. Въ 1714 году шутовской кокуйскій патріархъ Никита Моисеевъ Зотовъ, спившійся съ кругу старикъ-учитель царя, вздумалъ жениться.

Петръ сначала былъ противъ этого брака, но потомъ уступилъ капризу старика и рѣшилъ отпраздновать свадьбу всешутѣйшаго съ особымъ блескомъ. Торжество происходило въ началѣ 1715 года. Всѣ приглашенные должны были явиться въ маскарадныхъ костюмахъ, составленъ былъ шутовской списокъ, кого приглашать на свадьбу; тамъ было приказано „назвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь, того, кто фамиліей своей гораздо старѣе чорта“, или „того не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются“, и т. д. Четверо величайшихъ заикъ ходили по домамъ и говорили эти приглашенія; не принять ихъ было нельзя—грозилъ гнѣвъ царя.

Эта потѣшная свадьба такъ понравилась Петру, что онъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ—повѣнчалъ карлика на карлицѣ, причемъ всѣ гости были карлики, а когда всешутѣйшій умеръ, выдалъ его вдову замужъ за шута же—князь-папу Бутурлина. На этотъ разъ упирался отъ свадьбы князь-папа и настаивалъ царь. Цѣлый годъ съ большими потѣхами и курьезными выходками шла эта борьба, и князь-папа долженъ былъ уступить.

Въ день свадьбы, по выстрѣлу съ крѣпости изъ сигнальной пушки, всѣ приглашенные должны были собраться у церкви Св. Троицы въ маскахъ и нарядахъ, но пока скрытыхъ подъ плащами.

Сигналъ послѣдовалъ въ 8 часовъ утра, „и мы,—разсказываетъ Берхгольцъ, — отправились на баркѣ къ сборному мѣсту. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили въ знакъ торжества изъ пушекъ. Между тѣмъ всѣ маски въ плащахъ съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершалось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было

Маскарадъ въ Москвѣ въ 1722 г. по случаю празднованія Ништадскаго мира.

условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика и ужъ, конечно, не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить на большой площади процессіей по порядку номеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ, былъ въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ пере-

вязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арапами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, одѣтые, какъ его величество.

„За ними слѣдовалъ князь-кесарь въ костюмѣ древнихъ царей, т.-е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта голландской или фризской крестьянкой—въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенной красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку.

„Маски, слѣдовавшія далѣе, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Однѣ были одѣты, какъ гамбургскіе бургомистры, въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ), другіе, именно: гвардейскіе офицеры—какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи—какъ турки, индѣйцы, испанцы, персіяне, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, наконецъ, многіе были наряжены корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками.

„Самыми странными были князь-папа и коллегія кардиналовъ въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ со многими церемоніями избирается другой отчаянный гуляка. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми менѣе ихъ знатными и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ никого и у себя. По его приказанію, ежегодно, въ извѣстный день, князь-папа со своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я было-забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ

10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить, какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ при томъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ.

„Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные старикамп съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т.-е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охобнями и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ.

„Погулявъ при стеченіи тысячъ народа часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски въ томъ же порядкѣ отправились въ зданіе коллегіи, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, старуха лѣтъ 60, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами, онъ—съ царемъ и господами кардиналами, а она—съ дамами. Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминованы, и царь приказалъ, чтобъ это продолжалось во все время маскарада.

„11-го, послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрачныхъ черезъ рѣку въ Почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ собственный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и по-своему привѣтствовалъ каждаго гостя, потомъ сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ Почтовый домъ, назначенный для угощенія. Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго, страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены посрединѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними плылъ большой пивной котелъ съ широкимъ дощатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище,

и на немъ сидѣлъ верхомъ Нептунъ со своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, немало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, причемъ кардиналы производили шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно сердился на его величество, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ Почтовый домъ, гдѣ и пировали до позднято вечера".

Маскарадъ длился такимъ образомъ восемь дней, и хотя были два роздыха, но никто, подъ страхомъ штрафа въ 50 руб., не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ.

Участвовать въ маскарадѣ должны были, по составленному въ канцеляріи списку, люди семейные, если даже у нихъ въ домѣ были больные, назначались чиновники, которымъ не хватало времени отбывать службу и безъ праздниковъ, назначались лица, жившія въ другихъ городахъ; можно себѣ представить, съ какой охотой ѣхали толпиться въ ненавистномъ маскарадѣ эти весельчаки по указу,—но ѣхали, надѣвали маски и костюмы и продѣлывали все, что заставлялъ ихъ дѣлать царь, одѣтый голландцемъ и изъ всѣхъ силъ барабанившій въ старый барабанъ.

Для простого народа въ дни торжествъ выставляли на Троицкой площади ушаты вина и водки, цѣлыя жареныя туши свинины, барановъ и быковъ съ позолоченными рогами, насыпали горы пироговъ и печенаго хлѣба. По данному знаку, толпившійся на площади народъ бросался на царское угощеніе, и всякій бралъ, что хотѣлъ, добывая силой и увerткой даровое угощеніе, которое многимъ обходилось очень дорого: въ давкѣ многіе лишались одежды, а иные платились тяжкими увѣчьями, даже жизнью. На площади передъ адмиралтействомъ мастеровые, рабочіе, крестьяне, подгулявъ въ кружалахъ, разбивались на двѣ стѣнки и по старинѣ вступали въ кулачный бой. Бои эти происходили съ ужасными и дикими воплями, слышными за четверть мили. Такъ какъ полиція не препятствовала устраивать эти побоища, то иностранцы думали, что кулачный бой допускался для пріученія народа къ безстрашію на войнѣ, для выработки хорошихъ, храбрыхъ солдатъ!

На ряду съ названными общественными развлеченіями и удовольствіями въ Петербургѣ устраивались и театральныя представленія. Еще въ 1702 г. въ Москвѣ на Красной площади царь приказалъ построить театръ для представленій нанятой за 6000 талеровъ годового жалованія нѣмецкой труппы нѣкоего предпринимателя Кунста, получившаго пышное званіе: „Царскаго величества комедіантской правитель". Въ науку ему даны были рус-

скіе ученики, которые однако комедійному дѣлу учились мало, а больше гуляли и бражничали: „непрестанно по гостямъ въ нощныя времена ходя, пьютъ и въ рядѣхъ у торговыхъ людей товары емлютъ въ долги и денегъ не платятъ, и всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестью, чтобы съ нихъ что взять нахально... а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье, жаловался своему начальнику Ѳ. А. Головину посольскій приказъ, въ вѣдомствѣ котораго были комедіанты.— А комедіи, которыя по приказу боярина Ѳеодора Алексѣевича (Головина) велѣно имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшаго обученія надлежитъ имъ списывать"... Особенно приказъ жаловался на актера Шмагу. Ѳ. А. Головинъ распорядился: „комедіанта пьянаго Шмагу, взявъ въ приказъ, высѣките батоги; да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіантовъ, явится въ какомъ плутовствѣ, потому же, взявъ въ приказъ, чините имъ наказаніе, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отписывая ко мнѣ"... У царицы Прасковьи былъ въ Москвѣ свой домашній театръ. Актеры этого театра должны были разносить афиши къ знатнымъ персонамъ, и когда одинъ придумалъ выпрашивать себѣ подачки за свой трудъ у тѣхъ, къ кому являлся съ афишами, то его наказали за это батогами. Театръ царицы Прасковьи былъ устроенъ, по отзыву Берхгольца, „очень изящно, только костюмы актеровъ не совсѣмъ хороши". Освѣщеніе зрительной залы было устроено плохо: когда занавѣсъ опускался, то зрители „оставались въ совершенныхъ потемкахъ"... „Въ прошлый театръ,—жаловался Берхгольцъ,—у меня стянули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у Альфельда и капитана ф.-Ильгена вытащили шелковые носовые платки". Подьячіе посольскаго приказа немало имѣли заботъ и хлопотъ съ публикой, съ „смотрѣльщиками", посѣщавшими театръ на Красной площади. Во время представленія „то тутъ, то тамъ въ толпѣ вспыхиваютъ ссоры. Въ одномъ углу кто-то громко жалуется, что у него во время давки обчистили всѣ карманы; въ другомъ углу челядникъ-шведъ, невзирая на строгое запрещеніе курить въ комедійной храминѣ, разсѣлся съ трубкой и пепелъ съ огнемъ сыплетъ на полъ съ великимъ небреженіемъ. Его обступаютъ ближайшіе сосѣди; подьячій вырываетъ у него трубку, а шведъ вынулъ саблю, бранится невѣжливо и неистово рвется изъ рукъ, крича, что ему табакъ курить никто не закажетъ".

Царевна Наталья Алексѣевна тоже очень цѣнила театральное искусство. Въ селѣ Преображенскомъ она устроила небольшой театръ и пробовала сама писать пьесы для своего театра. Въ Петербургъ она привезла свою труппу, которую составляли 10 актеровъ и актрисъ изъ природныхъ русскихъ. Для представленій этой труппы устроили просторную залу съ партерными мѣстами и ложами. Представленія давались въ этомъ театрѣ на темы библейскаго и миѳологическаго содержанія. Театръ этотъ существовалъ до смерти

царевны въ 1716 г. Въ 1720 г. царь рѣшилъ устроить публичный театръ въ своей новой столицѣ, велѣлъ разыскать учениковъ Кунста и опредѣлить ихъ къ комедіантской службѣ. Тогда же П. И. Ягужинскому, находившемуся въ Вѣнѣ, было поручено нанять въ Прагѣ „компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по словенски или по чешски". Найти актеровъ-чеховъ Ягужинскому не удалось. Труппа нѣмецкихъ актеровъ соглашалась ѣхать въ Россію на жалованье въ 300 гульденовъ или 150 рублей на недѣлю. Эта плата показалась царю слишкомъ высокой, и онъ приказалъ Ягужинскому поторговаться съ нѣмцами; но нѣмцы не уступили, и дѣло не состоялось. Первый постоянный театръ для публики основался въ Петербургѣ только въ 1756 году, а до того столица въ смыслѣ театральныхъ зрѣлищъ пробавлялась представленіями случайно заѣзжавшихъ въ Петербургъ бродячихъ труппъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ комедіантовъ, акробатовъ, фокусниковъ. При дворѣ наслѣдницъ Петра, впрочемъ, работали болѣе или менѣе постоянныя труппы преимущественно итальянскихъ пѣвцовъ, но ихъ представленія были замкнутыя зрѣлища для очень тѣснаго круга зрителей изъ придворной знати.

Стремясь изъ всего извлечь пользу, Петръ ставилъ театру задачу осмѣянія упрямства сторонниковъ стараго быта, пытался даже ввести въ драму политическіе мотивы. Современникъ разсказываетъ, что въ театрѣ царевны Натальи была представлена пьеса, направленная противъ государственныхъ возмущеній, намекавшая на бунты 1707 года; въ нѣкоторыхъ „издѣвныхъ" пьесахъ осмѣивалось взяточничество приказныхъ и другія язвы тогдашней общественности. Но сколько-нибудь планомѣрно эти воспитательныя задачи не проводились, возникали и осуществлялись случайно.

Самъ царь, кажется, былъ не очень большой охотникъ до театральныхъ развлеченій и хотя считалъ, что такія зрѣлища нужны, потому что приняты и на Западѣ, но настоятельной необходимости въ ихъ устройствѣ не видѣлъ; для него театръ былъ однимъ изъ „курьозите", и актеровъ изъ Праги онъ хотѣлъ выписать въ цѣляхъ того же любопытства, для потѣхи на часъ, какъ тому же Ягужинскому и тоже въ 1720 году приказывалъ разыскать „дѣвку, у которой рыло свиное", печатное изображеніе которой привезъ П. А. Толстой, когда возвратился съ царевичемъ Алексѣемъ изъ-за границы; „провѣдай о ней, гдѣ она и мочно ль ее видѣть намъ", — запрашивалъ царь Ягужинскаго.

На устройство празднествъ уходило у бережливаго царя немало денегъ. „Эти траты не должны однако удивлять читателя,— говоритъ историкъ кабинета Петра Великаго:—Петръ, знавшій цѣну каждой копейки и далеко не принадлежавшій къ числу сторонниковъ внѣшняго блеска жизни, былъ все же современникомъ Людовика XIV и регента Франціи герцога Орлеанскаго, окружавшихъ себя, какъ извѣстно, необыкновенною пышностью; какъ современникъ этихъ лицъ, задававшихъ тонъ европейскимъ дворамъ, онъ не могъ не чувствовать желанія показать многочи-

сленнымъ иностранцамъ, бывавшимъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ и разносившимъ молву о Россіи по свѣту, что и русскій дворъ въ подобающихъ случаяхъ не отстаетъ отъ другихъ дворовъ, обладая средствами и умѣньемъ веселиться такъ, какъ веселились въ Европѣ. Наконецъ, праздники, устраивавшіеся Петромъ, имѣли и еще одну сторону: при неимовѣрныхъ трудахъ и тягостяхъ, возлагавшихся на народъ во имя высшихъ государственныхъ интересовъ, требовались дни отдыха и развлеченій; нуженъ былъ отдыхъ и самому государю, который, по прекрасному выраженію поэта, „на тронѣ вѣчный былъ работникъ".

Въ заведенныхъ Петромъ ассамблейныхъ собраніяхъ, пирушкахъ его съ сотрудниками въ Лѣтнемъ саду, въ „викторіальныхъ" церемоніяхъ и торжествахъ, въ шутовскихъ „неусыпныхъ бдѣніяхъ" всешумнѣйшаго собора, обязательныхъ катаньяхъ по Невѣ выражалась внѣшне вся общественная жизнь Петербурга петровскихъ временъ. Это была грубая по своему внѣшнему складу и пріемамъ жизнь, напоминавшая обстановку казармы, гарнизоннаго двора, заводской мастерской, корабельной верфи, гдѣ все время отдавалось дѣлу, а на потѣху оставались рѣдкіе часы. Зато эти часы и проводили „шумно", т.-е. достаточно разгульно. Въ этомъ обществѣ при обращеніяхъ другъ къ другу не скупились на крѣпкое слово изъ обиходнаго солдатскаго и матросскаго лексикона, здѣсь никого не смущалъ звукъ „случайной" оплеухи; придя въ „шумство", компанія распѣвала матросскія пѣсни, дамъ угощали здѣсь „съ принужденіемъ" водкой и отвѣшивали имъ комплименты, своеобразное содержаніе которыхъ было подстать находчивости подвыпившаго боцмана или подгулявшаго корабельнаго плотника.

И самъ Петръ и большинство его сотрудниковъ не смогли отдѣлаться за всю свою трудовую жизнь отъ очень грубыхъ вкусовъ и достаточно дикихъ манеръ. Винить ихъ за это не приходится. Прошлое и пережитое поколѣніями предковъ не такъ-то легко и просто устраняется изъ обихода потомковъ, когда случай или личныя усилія ставятъ ихъ въ иную умственную, нравственную, вообще въ иную идейную и иную матеріальную обстановку, нежели та, въ которой они росли и воспитывались. Да и условія переживаемой Петромъ и его сотрудниками дѣйствительности не очень могли способствовать прогрессу духовной культурности. Трудовая напряженность жизни царя Петра и его сотрудниковъ, направляемая требованіями ихъ современности къ достиженію благъ матеріальныхъ по преимуществу, не оставляла имъ досуга на размышленія о нравственныхъ началахъ жизни, не давала имъ времени даже на то, чтобы идейно осмыслить и освѣтить ихъ собственную дѣятельность. Если они и пробовали это сдѣлать, то всегда случайно и отрывочно, говорили на эти темы всегда наивно-напряженно, т.-е. непривычно. Идейнаго содержанія въ создававшейся ими и въ ихъ средѣ общественности какъ будто и искать нечего,—но это не совсѣмъ вѣрно. Присматриваясь ближе и внимательнѣе къ высшему слою русскаго общества петровскихъ временъ, можно подмѣтить на фонѣ упоенія

людей этого общества достигнутымъ успѣхомъ въ борьбѣ со Швеціей, въ обстановкѣ достигнутаго ими общаго прогресса матеріальныхъ силъ и извѣстный прогрессъ духовный, идейный, даже политическаго содержанія, налагающій на людей петровской эпохи своеобразный отпечатокъ. Если нравственныя понятія и частныя людскія отношенія въ обществѣ и не стали при Петрѣ мягче, то все же въ ихъ житейское воплощеніе вошло много новаго. „Людскость“ и „политесъ“, которыя насаждалъ въ русскомъ обществѣ царь Петръ личнымъ примѣромъ и „дубинкой“, сообщили тогдашнимъ людямъ не только иной внѣшній обликъ, но и создавали извѣстную утонченность въ области ихъ духовныхъ переживаній. Все же тогда появляется вкусъ къ музыкѣ, любовь къ книгѣ, сочинялись „пѣсенки“, т.-е. стихотворенія, дѣлались опыты и въ области изящной прозы. Люди начинали стремиться къ тому, чтобы осмыслить весь тотъ міръ новыхъ явленій въ русской жизни, которыя создались ихъ собственной дѣятельностью и которыя хлынули въ русскій бытъ сквозь прорубленное Петромъ „окно въ Европу“ съ Запада.

Вмѣстѣ съ корабельными матеріалами, новоманерными мортирами и пушками, первыми паровыми машинами, со всѣми этими „хитростями“ Запада, которыя привозили въ Петербургъ голландскіе и англійскіе корабли, въ Россію шли новые костюмы, новая обстановка, которые выписывалъ царь и привозили свои заграничные ученики и гардемарины вмѣстѣ съ привычкой къ этимъ костюмамъ и предметамъ домашняго обихода: въ багажѣ возвращавшихся изъ-за границы не рѣдкостью были новыя книги и не одного только техническаго содержанія, а по юриспруденціи, искусству, по изящной литературѣ. Все это не могло не заставлять людей, хотя бы пока только единицъ, думать, чувствовать и поступать по-новому, въ размѣрѣ той степени культурности и цивилизованности, которыя они усваивали на Западѣ, имѣвшемъ все это въ своемъ обычномъ обиходѣ не какъ роскошь, а какъ необходимость. Пусть все это новое внѣшней обстановки и новое въ нравахъ и обычаяхъ воспринималось большинствомъ или изъ-подъ неволи, или изъ любопытства,—исторически цѣнно то, что оно все же воспринималось и входило въ повседневный обиходъ жизни; пусть большинство усваивало европейскую культурность лишь какъ простое украшеніе быта или какъ внѣшнее удобство, а не по сознанной и почувствованной потребности,—дѣломъ будущаго становилось эту потребность создать.

Въ условіяхъ новой внѣшности, когда къ ней привыкали, скорѣе и легче прививались и давали ростокъ тѣ сѣмена европейской просвѣщенности и культурности, которыя такъ заботливо стремился насаждать Петръ. Въ этомъ смыслѣ укладъ жизни петровскаго общества, несмотря на всю грубость формъ своего внѣшняго проявленія, совершалъ серьезное воспитательное дѣло, пріучая русскихъ людей къ „людскости“ и „политесу“: это его большая историческая заслуга. Люди, которые выростали потомъ,

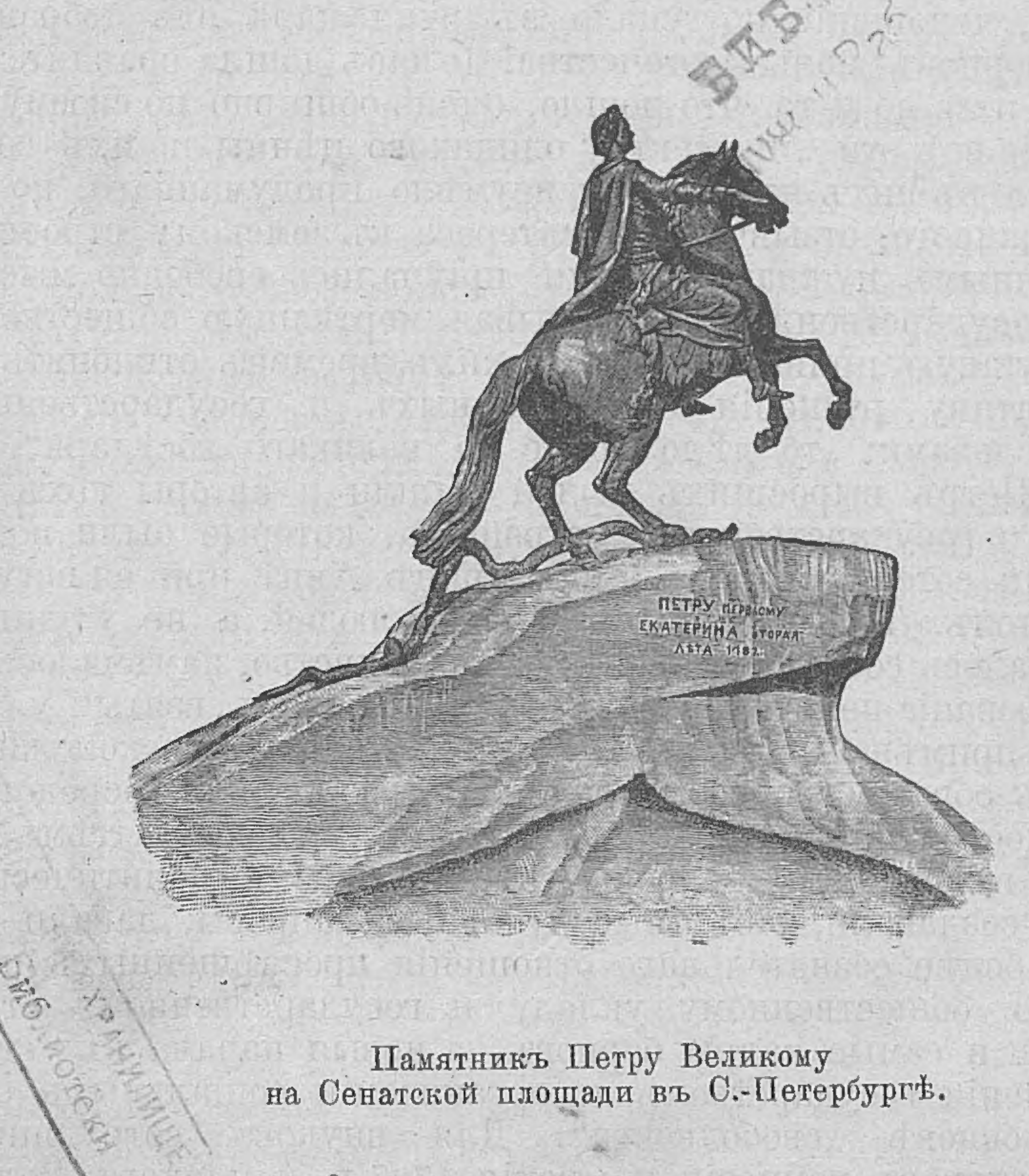
послѣ того какъ трудами царя Петра и его сотрудниковъ были достигнуты первые успѣхи, какъ В. Н. Татищевъ, впослѣдствіи первый исторіографъ Россіи, Кононъ Зотовъ, Артемій Волынскій и его „конфиденты", Иванъ Неплюевъ и многіе другіе изъ младшихъ выучениковъ Петра, становившихся его сотрудниками,—всѣ они, по ихъ запросамъ отъ жизни, по умственному багажу и воспитанности, значительно опередили своихъ отцовъ, старшихъ сотрудниковъ и сверстниковъ царя Петра. Они отдаютъ себѣ отчетъ въ крайностяхъ закрѣпощенія отдѣльныхъ слоевъ общества на службу государству; среди нихъ пробуждаются и общественныя и индивидуальныя стремленія къ „свободности", является активное желаніе: „полегчить себѣ". Стремленія эти были очень разрозненныя, очень смутныя, но все же это было нѣчто живое, по существу своему подлежавшее въ дальнѣйшемъ росту и развитію. „Мысль объ отношеніи подданныхъ къ государю и государя къ подданнымъ, мысль о задачахъ политическаго общежитія стала яснѣе и шире послѣ Петра".

Общество сотрудниковъ Петра, близкихъ ему и стоявшихъ совсѣмъ далеко отъ него, живо отзывалось на всѣ реформаторскія предположенія и планы царя. Сколько проектовъ, генеральныхъ соображеній, доношеній поступало въ руки царя отъ добровольцевъ и „презорцевъ" пользы отечества! До насъ дошла сравнительно малая часть ихъ, но и то, что дошло, очень обширно по своему количеству. Не всѣ эти „прожекты" одинаково цѣнны по ихъ содержанію; много въ нихъ наивнаго и неумѣло продуманнаго, но всѣ они полны живого, отзывчиваго интереса къ земскому строенію и государственнымъ нуждамъ. Люди пріучались свободно мыслить о дѣлахъ государственныхъ, сбрасывая мертвящую общественное начало боязливую привычку московскихъ временъ отклонять отъ себя инициативу рѣшенія общественныхъ и государственныхъ вопросовъ словами: „то дѣло Божіе да великаго государя". Изъ среды при Петрѣ выросшихъ людей вышли и авторы тѣхъ проектовъ новаго государственнаго устройства, которые были поданы за подписями сотенъ дворянъ императрицѣ Аннѣ при ея вступленіи на престолъ. Тутъ у цѣлыхъ группъ людей, а не у единицъ только, сказалось сознанное политическое чувство, намѣчалось извѣстное требованіе политической свободы на манеръ, взятый у сосѣдей, но въ примѣненіи къ обстановкѣ и укладу русской жизни.

Такимъ образомъ преобразованія Петра, хотя и сосредоточивались на достиженіи матеріальныхъ благъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали возбужденію въ обществѣ серьезныхъ политическихъ настроеній, создавали извѣстные духовные запросы, давали толчокъ росту болѣе сознательнаго отношенія просвѣщенныхъ людей въ Россіи къ общественному укладу и государственному строю, подготовляли и самые кадры борцовъ за новыя начала въ устройствѣ управленія государствомъ и организаціи соціальныхъ отношеній на основѣ „свободности". Для внуковъ сотрудниковъ Петра, участниковъ комиссіи уложенія 1767 г. и членовъ Вольно-

Экономическаго общества, все это—предметъ обсужденія и дебатовъ, а возможность разсуждать и дѣйствовать создалась для нихъ на почвѣ, подготовленной неусыпнымъ трудомъ дѣдовъ, ихъ неустанной работой и тяжелодумнымъ размышленіемъ въ рѣдкія минуты отдыха. Пусть этотъ отдыхъ выражался въ формахъ очень грубыхъ: онъ пріучалъ людей *быть* вмѣстѣ и тѣмъ самымъ служилъ первой ступенью къ выработкѣ труднаго умѣнья *жить* вмѣстѣ, сообща размышлять о лучшемъ будущемъ, т.-е. итти ему навстрѣчу сознательно.

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія книги: *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVII и XVIII; *Берхгольцъ*, Дневникъ; *Юстъ Юль*, Записки; *Weber*, Das veränderte Russland; *Нартовъ*, Разсказы о Петрѣ Великомъ; *Штелинъ*, Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ; *С. Н. Шубинскій*, Историческіе очерки и разсказы; *М. Пыляевъ*, Старый Петербургъ; *И. И. Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго; *П. Н. Петровъ*, Исторія С.-Петербурга; *П. Пекарскій*, Петербургская старина („Современникъ", 1860 г.); *Г. Богдановъ* и *В. Рубанъ*, Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга; *В. О. Ключевскій*, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ; *его же*, Курсъ русской исторіи, т. IV; „200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества"; *В. В. Майковъ*, Поступки и забавы императора Петра Великаго (запись современника); *М. И. Семевскій*, Петръ I, какъ юмористъ; *А. А. Кизеветтеръ*, Первый общедоступный театръ въ Россіи; и другія книги и статьи.

**Памятникъ Петру Великому
на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ.**

8 картин